

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

Музыкально-поэтический фольклор
нижней Вычегды
(Материалы к Своду русского фольклора)

Составители:

*А. Н. Власов, Е. А. Дорохова,
Т. С. Канева, З. Н. Мехреньгина*

Ответственный редактор

А. Н. Власов

Санкт-Петербург
Издательство «Пушкинский Дом»
2014

УДК 398.8(470.1/2)
ББК Ш3(2=1Р)-631
М89

Ответственный редактор
А. Н. Власов

Рецензенты:
доктор искусствоведения В. А. Лапин,
доктор культурологии А. Н. Розов

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ, проект № 13-04-16040Д).

федеральное государственное бюджетное учреждение

**Российский гуманитарный
научный фонд**

М89 Музыкально-поэтический фольклор нижней Вычегды (Материалы к Своду русского фольклора) / Сост., подготовка текстов, статьи и комментарии А. Н. Власова, Е. А. Дороховой, Т. С. Каневой, З. Н. Мехреньгиной. — СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2014. — 932 с.: ил., нот., 16 с. вклейка.

ISBN 978-5-91476-058-5

Настоящее песенное собрание — наиболее полный свод текстов музыкально-поэтического фольклора нижней Вычегды — одной из немногих региональных фольклорных традиций Русского Севера, по сей день почти не представленной в публикациях. В состав сборника входит более 200 музыкально-поэтических текстов, представляющих три основные жанровые группы местной песенной традиции: необрядовую лирику, песни и причитания свадебного ритуала, хороводно-игровые песни и припевки. Им предшествует большое исследование, включающее историко-культурную характеристику Вычегодского края, обзор истории изучения местной фольклорной традиции, структурно-типологическое описание напевов, лингвистический очерк. Издание снабжено объемным научным аппаратом, содержащим текстологические и этнографические комментарии, а также справочные материалы: указатели сюжетов, исполнителей и мест записи. Приложение содержит работы краеведов и описание свадебного обряда.

УДК 398.8(470.1/2)
ББК Ш3(2=1Р)-631

© Издательство «Пушкинский Дом», 2014
© А. Н. Власов, Е. А. Дорохова, Т. С. Канева,
З. Н. Мехреньгина, сост., подгот. текстов,
статьи, коммент., 2014
© С. В. Булкин, Г. Н. Щупак, нотная графика, 2014

ISBN 978-5-91476-058-5

От составителей

Публикуемые тексты музыкально-поэтического фольклора представляют собой материалы к серии «Свод русского фольклора», изданием которой занимается Отдел русского фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Выделение нижевычегодской песенной культуры на фольклористической карте Европейского Северо-Востока России (Русского Севера) обусловлено целым рядом причин. Географически территория фольклорной традиции нижней Вычегды ограничивается бассейном нижнего и среднего течения реки Вычегды и ее притока реки Виледи. По старому территориально-административному делению эта территория входила в состав Вологодской, с 1922 г. — Северо-Двинской губернии. Современное административно-территориальное деление включает земли Котласского, Ленского и Вилегодского районов до реки Северной Двины в состав Архангельской области¹. Именно эту территорию мы условно обозначаем как территорию «нижевычегодской традиции»². Ее единство определяется общими природно-климатическими и хозяйственно-бытовыми условиями проживания, схожими историческими процессами миграции восточнославянского (русского) населения на земли финно-угорских племен, постоянной внутренней миграцией населения и др.

В состав настоящего издания входят музыкально-поэтические тексты необрядовых лирических песен, свадебного песенного фольклора, игровых и хороводных песен, историко-культурный очерк, текстологические и этнографические комментарии, указатели сюжетов лирических песен,

¹ Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII—XX вв.: Справочник. Архангельск, 1997. С. 29—33, 66—70, 105—111, 119, 137—140, 151—155, 158—160, 185—188.

² Местный краевед-историк рассматривает Ленский район как территорию средней Вычегды. — См.: *Угрюмов Б. А.* Крестьянство средней Вычегды в XVII — начале XX в. Архангельск, 2002. Однако такая характеристика необоснованна с точки зрения локализации местной традиционной культуры. Во-первых, речь идет о землях, заселенных русскими, в отличие от земель, расположенных выше по течению реки, где в основном проживают коми-зыряне. Это земли на притоках Вычегды — Выми, Сыsole и выше, — земли, которые значительно превосходят русскую часть бассейна этой реки. Во-вторых, в традиционной культуре Ленского, Котласского и Вилегодского районов оказывается больше общего, чем различного.

исполнителей и мест записи. Приложение содержит описание свадебного обряда, этнографический очерк секретаря земской управы Н. Н. Аруева и статьи местных краеведов, опубликованные в альманахе «Еренский городок», выходящем тиражом всего пять экземпляров.

В настоящее издание включены песни музыкально-поэтических жанров, составлявших основу песенной культуры нижней Вычегды во второй половине XX века. Корпус состоит из трех разделов, внутреннее членение которых определяется принципами и задачами этномузыкологической классификации. Напевы расположены по ритмическим типам, а внутри ритмических групп — по общности мелодической организации.

Первая часть собрания отведена лирическим песням — жанру, наиболее актуальному в период активного бытования местной традиции и в наибольшей степени характеризующему ее музыкально-стилевые особенности в целом. Раздел открывают лирические песни в жанрово характерных протяжных формах с вторичными³ ритмическими композициями, преобразованными мелодикой. Следом за ними помещены образцы с сегментированными ритмическими формами, затем — с цезурированными и, наконец, с музыкально-ритмическими периодами, основанными на принципе стопной сегментации. Корпус лирических песен завершается ненотируемыми текстами преимущественно поздней городской стилистики.

Второй раздел содержит свадебные песни, порядок расположения которых наглядно демонстрирует внутреннее членение региональной песенной системы. Территориальное распределение напевов различных мелодических, а также части ритмических форм четко обрисовывает границы локальных песенных очагов. Каждый политекстовый⁴ напев представлен в большом количестве локальных версий, в том числе строфических. Следом за ними публикуются поэтические тексты, бытующие в нижневыхегодской традиции с данным напевом. Порядок расположения музыкально-поэтических текстов в целом отвечает структуре свадебного ритуала: от довенечных «прощальных» песен, групповых и сольных причетов к величальным и застольным песням, воплощающим ритуальную линию, связанную с контактами родов жениха и невесты.

В третью часть сборника вошли хороводные и игровые песни и припевки, в минимальной степени обнаруживающие местную специфику и включающие нижневыхегодскую традицию в контекст традиционной музыкальной культуры Русского Севера. Они располагаются внутри раздела в соответствии с принадлежностью напевов к определенному классу ритмических форм: сегментированных, цезурированных или стопной сегментации. Составителями также учитывалась степень реализации принципа равномерной сегментации напевов, доминирующего в хороводной традиции нижней Вычегды.

³ Термин, предложенный этномузыковедами структурно-типологической школы. — См. *Ефименкова Б. Б.* Ритм в произведениях русского вокального фольклора. М., 2001. С. 200.

⁴ Термин Е. В. Гиппиуса.

Этнографические пояснения к напевам (указания на их прикрепленность к тем или иным ритуальным действиям, а также на форму хореографического движения) приводятся в комментариях. Более полно местный свадебный ритуал представлен в специальном приложении.

Часть напевов публикуется в партитурных нотациях, дающих представление об особенностях многоголосной фактуры местных песен.

Нумерация образцов внутри разделов продиктована особенностями соотношения в местной традиции музыкального и поэтического компонентов. Особенно наглядно эти особенности проявляются в корпусе свадебных напевов. Помимо обычного для восточнославянской песенности группового прикрепления поэтических текстов к одному политекстовому напеву в местных свадебных песнях отмечены многочисленные примеры бытования одного текста с разными напевами даже в соседних деревнях.

Общими номерами (с буквенными индексами *a*, *b*, *v* и т. д.) объединены версии одного поэтического текста, исполняемые на один напев. Во всех остальных случаях (в частности, когда один и тот же текст бытует с разными напевами) образцам присвоены самостоятельные номера.

Все напевы публикуются в аналитической нотации, которая позволяет отразить в нотной графике архитектонику форм музыкально-фольклорных текстов. Этот результат достигается благодаря соблюдению принципа масштабного-временного соответствия разделов формы при расположении нотного текста.

Тактовые черты в этом случае выступают не в привычном значении, диктуемом западноевропейской метроритмической системой, а в качестве условных разделительных знаков, отмечающих границы структурных единиц музыкально-ритмической формы. Принципы расстановки тактовых черт разработаны в нотных публикациях этномузыковедов структурно-типологического направления.

Отдельного разъяснения требуют принятые составителями принципы нотной графики и тактировки в транскрипциях Е. В. Гиппиуса. Все они были выполнены в середине 1970-х годов, и особенности изложения нотного материала в них соответствуют научным позициям, которых ученый придерживался в то время. Однако с тех пор правила нотного транскрибирования, разработанные в трудах исследователей структурно-типологического направления, претерпели некоторые изменения. В первую очередь это касается графического изложения свадебных напевов равномерно сегментированных форм, которые в издании представлены в соответствии с современными нормами.

Следует также заметить, что в нотациях протяжных песен Е. В. Гиппиус в большинстве случаев отмечал тактовой чертой первый (а иногда и заключительный) икт музыкально-ритмического периода, даже в цезурированных напевах. Тем самым ученый стремился показать примарность принципа сегментации напевов по ударным слогам поющего стиха в севернорусской песенности. Составители сочли возможным сохранить эти черты исследовательского видения материала.

Тексты в нотных транскрипциях даются нотировщиком в большем объеме, чем на фонограммах. По свидетельству собирателей, текст дополнялся на основе записей в экспедиционных тетрадах. В настоящее время они находятся в ГЦМОМК им. Глинки (Ф. 450).

Большинство напевов публикуется в объеме трех строф. Увеличение объема нотации связано:

- с ненормативностью одной из начальных строф напева;
- с повышенным уровнем междустрофного варьирования;
- со специфической формой напевов; так, напевы-тирады небольшого объема публикуются полностью;
- с нестрофическим строением напева; в этих случаях, как правило, приводятся 6—8 музыкально-ритмических периодов, каждый из которых отвечает одному стиху.

Иногда объем напева сокращен до двух строф, что чаще всего связано с дефектом записи или техническим браком фонограмм.

Тексты приводятся в транскрипции составителя по фонограмме. Часть текста, которой нет на фонограмме, — в транскрипции нотировщика и заключена в квадратные скобки. Малопонятные и плохо прослушивающиеся места фонограмм отмечены вопросительным знаком в круглых скобках.

Поэтические тексты приводятся с сохранением наиболее ярких особенностей местного диалекта и певческих огласовок звуков. С целью сокращения объема издания полностью выписываются только две первые строфы поэтического текста, а последующие, после звездочки (*), приводятся без повторов, рефренов и концевых вставок *ой, да* и др.

Настоящее собрание отнюдь не исчерпывает всего объема нижевычегодской музыкально-фольклорной традиции. За его пределами остались, например, колыбельные песни (*байки*), а также множество музыкальных и поэтических текстов, связанных со сферой вокально-инструментального исполнительства: частушек и наигрышей. Их публикация — дело будущего.

Исследование

Традиционная культура нижней Вычегды в XX в.

Фольклорная севернорусская традиция является одной из ярких системных составляющих общерусской национальной культуры. Ее самобытность и отличие от южнорусской, центральной, поволжской, уральской, сибирской и других заключается в известной автономности и целостности ее элементов. Тем не менее считать фольклорную традицию Русского Севера монолитной, обусловленной одними внутренними и внешними законами саморазвития было бы неправильно. Она состояла из разных исторически сформировавшихся пластов, что позволяет разделить ее на несколько региональных разновидностей. Одной из таких региональных севернорусских традиций является нижевычегодская. Формально севернорусские традиции являются переселенческими, но в определенном смысле их можно считать первичными, поскольку на новых территориях русским колонистам пришлось полностью перестроить систему хозяйства и весь жизненный уклад.

Специфика народной культуры Русского Севера определяется взаимодействием группы факторов исторического, природно-климатического, географического и хозяйственно-экономического характера. Особенно важными среди них являются, во-первых, постоянное межэтническое взаимодействие с финно-угорскими народами; во-вторых, особые климатические условия формирования этих традиций, кардинально отличающиеся от условий коренных восточнославянских земель. Вследствие этого, в-третьих, происходило заимствование русскими видов хозяйственной деятельности и связанного с ними культурного контекста у автохтонного населения.

Рассмотрим эти группы факторов, выстроив их от самых общих к более частным, способствующим нарастанию индивидуальных характеристик фольклорных традиций.

История заселения и формирования нижневыхгодской историко-культурной зоны

Единство народной культуры Русского Севера изначально обусловлено автономностью этого региона, лежащего в стороне от магистральных путей миграции населения в эпоху Нового времени, которая была вызвана необходимостью укрепления южных границ государства, а также расширением его территории в восточном направлении. В отличие от них разнонаправленные линии славянской колонизации севернорусских территорий, относившейся к более ранней исторической эпохе, способствовали установлению контактов между отдельными группами славянского населения и организации общего культурного пространства. В то же время уже начальные этапы славянской колонизации северных земель обусловили существование здесь двух центров интеграции локальных этнокультурных систем.

Точно определить, когда начали формироваться севернорусские фольклорные традиции, достаточно сложно. Мы можем использовать археологические данные, факты этнографии, наконец, наиболее достоверные письменные источники, указывающие на период заселения и освоения местности, но и они малоинформативны в плане ментальной истории региона.

На основании исторических данных начало освоения русскими северо-восточных окраин датируют XII в. Определенные «импульсы» этого процесса создавались миграционными потоками: в XIV в. — в связи с гибелью киевской государственности и обретением самостоятельности северо-восточными княжествами после Куликовской битвы; в XVI в. — в связи с возникновением Московского царства; в XVII в. — с периодом формирования великорусского государства. Очевидно, что здесь выделены только наиболее значимые исторические этапы в освоении Европейского Севера славяно-русским населением, чтобы показать продолжительность процесса формирования севернорусской традиции¹. В своем становлении она испытала сильное влияние сначала новгородской, затем ростово-суздальской и, наконец, московской, «низовской»²,

¹ Литература об этнической истории Русского Севера обширна; см. например: *Витов М. В.* Этнические компоненты русского населения Севера (в связи с историей колонизации XII—XVII вв.). М., 1964; *Власова И. В.* Сельское население Устюжского края XVIII — первой половины XX в. М., 1976; *Жеребцов Л. Н.* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982; *Дмитриева С. И.* Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М., 1988; *Любавский М. К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996; и др.

² Колонизацию, шедшую из Волго-Окского бассейна, характеризуют термином «низовская», исходя из положения Новгорода по отношению к территориям Ро-

колонизаций. «Когда точно и при каких обстоятельствах Устюг попал под власть Москвы, неизвестно. Эта область также была отдана Юрию Дмитриевичу впридачу к его уделу, полученному от отца, — Галичу — и оставалась по смерти его во владении его сыновей. После победы великого князя Василия Васильевича над Шемякой Устюг перешел во владение великого князя, который завещал его вместе с Галичем своему сыну Ивану. Устюжская земля занимала все течение р. Сухоны от устья Шуи и Двиницы и ее притоков, нижнее течение Вычегды и верхнее Северной Двины и верхних притоков Ваги. В состав ее входило 16 волостей, между прочим Соль Вычегодская на нижней Вычегде. Устюжский край в момент присоединения его к Москве был еще не вполне русским. Здесь держалось еще финское население (пермь) под управлением своих князей, о которых упоминают летописи. Устюжане, вычегжане и южане перечисляются среди находящихся около Перми (малой) земель и стран иноязычных в рассказе (под 1346 годом) летописца о просветительской деятельности епископа Пермского Стефана»³. Кроме того, этот процесс сопровождался внутренними миграциями населения с запада на восток, завершившийся примерно к XVIII столетию.

В целом можно заключить, что массовые крестьянские переселения происходили до XVIII столетия, сменившись внутренними перемещениями в последующее время, что мало влияло на численность населения, но способствовало дальнейшему освоению территории. По сравнению с другими территориями России миграции вычегодских крестьян были невелики по масштабам и зависели от невысоких темпов нового экономического развития в регионе⁴.

К этому же времени сложился основной (или базовый) фольклорный фонд севернорусской региональной традиции, которая обладает относительной целостностью и автономностью. Севернорусский тип культуры узнаваем как на уровне обобщения известных фактов фольклорной традиции, так и в особенностях хозяйственно-бытовой жизни севернорусских насельников и в особом складе их характера.

Важнейшим этапом этнической истории Русского Севера явились контакты с автохтонным финно-угорским населением. Однако

ство-Суздальской, а впоследствии Московской Руси, связь с которыми новгородцы поддерживали, спускаясь вниз по течению рек, вытекающих из оз. Ильмень. — *Щипин В. И.* История Черевковской волости. Красноборск, 2008. С. 13.

³ *Любавский М. К.* Обзор истории русской колонизации... С. 238.

⁴ Аналогичные процессы происходили в соседнем Великоустюжском регионе, в раннюю эпоху входившем в единую историко-культурную зону с Вычегодским краем. — *Власова И. В.* Сельское население Устюжского края XVIII — первой половины XX в. С. 41.

межэтнические отношения на отдельных территориях складывались неоднозначно, благодаря чему формы культурного взаимодействия оказались весьма разнообразными. В северо-западном регионе сложилась ситуация, определяемая исследователями как «фольклорное двуязычие»⁵. По иному «сценарию» выстраивались межэтнические отношения на Вычегде.

Местная культура изначально находилась в положении пограничной (порубежной), соседствуя с востока с иноязычными коми-зырянскими традициями.

По данным топонимики и письменных источников, до прихода славяно-русского населения бассейн нижней Вычегды был заселен финно-угорскими племенами (легендарной «чудью», летописными «пермянами», «вычегодской пермцой», «вилегодской пермцой»), которые были частично ассимилированы и «сдвинуты»⁶ дальше на восток, вверх по течению Вычегды. Граница между народами до настоящего времени реальна и закреплена административно территорией Республики Коми, начиная от населенного пункта Межог. Ассимиляционные процессы и соседство с финно-уграми, тем не менее, не оставили каких-либо явных следов в фольклорных текстах региона, — напротив, русское влияние в фольклоре коми очевидно⁷.

Территория нижневыхегодской культурной зоны расположена в бассейне нижнего течения реки Вычегды, самого крупного притока реки Северной Двины. На севере она граничит с бассейном рек Малой Пинежки и Выи, притоков Пинеги, и бассейном Вашки, притока Мезени; на юге — с бассейном Лузы и ее притока Летки; на юго-западе — с бассейнами рек Юга и Сухоны, при слиянии образующих Малую Двину; на западе ограничивается правобережьем Северной Двины до Красноборска; на востоке граничит с бассейном притока Вычегды — Выми. Соответственно, нижневыхегодская традиция с севера непосредственно соприкасалась с другой яркой севернорусской традицией — пинежской. Таким образом, вся тер-

⁵ Эта культурная ситуация была рассмотрена этномузыкологами В. А. Лапным и Т. В. Краснопольской на примере традиций Межозерья и Заонежья. См.: *Лапин В. А. Русский музыкальный фольклор и история: (К феноменологии локальных традиций): Очерки и этюды.* М., 1985. С. 62—100.

⁶ В литературе существует версия этимологического значения этнонима «зыряне» — «сдвинутые». — *Ломоносов М. В. Древняя Российская история // Ломоносов М. В. Избранная проза.* М., 1986. С. 212, 225.

⁷ *Власов А. Н., Филиппова В. В. Фольклорное двуязычие в традиционной культуре коми // Традиционная культура: Научный альманах.* 2000. № 2. С. 87—89. См. также: *Пашина О. А. О культурном взаимодействии удорских коми и русских в бассейне Мезени // Финно-угорские музыкальные традиции в контексте межэтнических отношений: Сб. науч. тр. / Редкол.: Н. И. Бояркин (отв. ред.), Л. Б. Бояркина (сост.), М. В. Логинова, Е. В. Сычева.* Саранск, 2008. С. 218—229.

ритория с северо-востока и юго-востока граничит с землями, занятыми финно-угорским (иноязычным) населением, а с запада, юга и отчасти севера — с территорией русскоязычных переселенцев.

В XVI в. в бассейнах Сухоны, Юга и верховьев Северной Двины образуется Великоустюжский уезд, из которого позднее выделяется Сольвычегодский уезд, занимавший территории в нижнем течении реки Вычегды и северные земли в верховьях реки Северной Двины⁸.

В начале XVII в. в бассейне реки Вычегды образовался Яренский уезд. К XVIII в. окончательно сложился административный и духовно-религиозный облик территории нижней Вычегды, были определены границы уездов и завершено церковно-административное деление территории на приходы. С 1796 г. Сольвычегодский и Яренский уезды входят в состав Вологодской губернии. В конце XIX в., констатирует Иваницкий, «отделив весь Усть-Сысольский уезд и половину Яренского, как заселенных зырянами, получим область в 3706 кв. миль, занятую великорусским племенем в числе около 1 млн человек, живущих в 14 000 селениях и 11 городах (за исключением Усть-Сысольска и с причислением к уездным городам двух заштатных — Красноборска в Сольвычегодском и Лальска в Устюжском уездах)»⁹. Тогда, по его наблюдению, «Яренский и значительная часть Сольвычегодского представляли сплошное лесное море, где хлеб родится плохо, где в деревнях обитают полудикие люди, промышляющие охотой и рыбной ловлей»¹⁰.

Далее расширение Сольвычегодского уезда происходит в 1922 г., когда был упразднен Яренский уезд Коми автономной области и пять ее волостей вошли в состав Сольвычегодского уезда Северо-Двинской губернии¹¹. Очередное административно-территориальное деление произошло в 1937 г., когда земли с центрами в Сольвычегодске и Яренске вошли в Котласский и Ленский районы, а земли в бассейне реки Виледи с центром Ильинское-Подомское стали Вилегодским районом Архангельской области¹².

⁸ Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII—XX вв.: Справочник. С. 10—11.

⁹ *Иваницкий Н. А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии. М., 1890. С. 3. (Известия ИОЛЕАиЭ; Т. 69, вып. 1: Тр. этногр. отдела, кн. 11: Сб. сведений для изучения быта крестьянского населения России, вып. 2).

¹⁰ Там же. С. 3.

¹¹ Официально Северо-Двинская губерния (с 1929 по 1932 гг. округ в составе Северного края) просуществовала до 1932 г., затем, до 1936 г., это была Северная область, и в 1937 г. территория была разделена на Вологодскую и Архангельскую области.

¹² Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII—XX вв.: Справочник. С. 29—33, 66—70, 105—111, 119, 137—140, 151—155, 158—160, 185—188.

Глубина исторической памяти вычегодской традиции не доходит до времени Стефана Пермского (XIV—XV вв.), хотя, казалось бы, судя по письменным источникам, этот период знаменовался бурными процессами по освоению русскими территории нижней (средней) Вычегды, христианизацией местного населения и открытием Великопермской епархии¹³. Мы полагаем, что нижней границей исторической памяти и временем, когда начал формироваться нижневыхегодский фольклорный центр, является период XVI—XVII вв. — время возникновения и расцвета на этой территории города-посада Сольвычегодска, а затем Яренска. Несомненно, с самого начала Вычегодский край тяготел к крупнейшему культурному центру на северо-востоке Руси — Великому Устюгу, известному еще с летописных времен. Великий Устюг в административном, торгово-экономическом, церковном и культурном отношении прочно занял позицию центра «восточной страны» в ряду других местных севернорусских центров, таких как Вологда, Архангельск, Каргополь, Шенкурск, Вельск и др.¹⁴

Все последующие административно-территориальные переделы все-таки не нарушали сложившуюся к XVIII в. коммуникативную систему региона: город-посад в центре сельской округи. Несомненно, утверждение схемы «центр / периферия» привело к семантической стабильности рассматриваемой традиции¹⁵. Внутреннее административное деление уездов на волости продолжительное время оставалось своеобразным гарантом целостности региона.

Необходимо остановиться на некоторых особенностях социальной организации вычегодского крестьянства, местного самоуправления и территориальной власти.

Пермь (низовья Вычегды и бассейн Пинеги) считалась волостью Великого Новгорода, но с конца XIV в. фактически перестала быть ею и находилась в зависимости от Москвы. При первоначальном заселении край делился на погосты, села, деревни, пустоши. Селения вели свое начало от родовых поселков, об этом свидетельствуют

¹³ Правда, среди топонимических преданий, записанных в Ленском районе, сохранилось смутное воспоминание о том, что название Святого озера связано с именем Стефана Пермского, который уронил в него крест. Однако нет никакой уверенности в том, что позднее не произошла замена имени местнотимого святого Симона (середина XVI в.) на имя широко известного местному населению в XX в. Стефана.

¹⁴ В целом это подтверждает теорию Н. Лумана о значении оппозиции центр / провинция в развитии государственности. — См.: *Луман Н. Дифференциация*. М., 2006. С. 83—91.

¹⁵ «Схема *центр / периферия* обнаруживает самые разные формы своего применения. Можно отправляться от городов как от центров. Затем почти неизбежно речь заходит о признании множества таких центров с соответствующими (сельскими) перифериями». — *Луман Н. Дифференциация*. С. 87, 90.

патронимические окончания на *-ичи, -вичи, -ицы*)¹⁶. Архаический характер этих наименований заставляет относить их возникновение к древнейшей эпохе славянской колонизации. Эти поселения не закреплялись на долгое время и не достигали больших размеров, от них отделялись новые поселки, починки и деревни. Причиной тому была местная система землепользования (соединение трехполя с перелогом), при которой занятые земли скоро истощались. Как следствие, отдельные лица или семьи уходили на новые места и основывали новые починки и деревни. «Преобладание христианской ономастики в названиях деревень и починков заставляет думать, что расплытие новгородской оседлости происходило главным образом уже в христианскую эпоху и после покорения и замирения финнов, старожилов края. В момент падения Новгородского государства преобладающим типом поселков в Новгородской земле были мелкие поселки в один, два, три двора»¹⁷.

На севере сформировалось сословие государственных крестьян, называвшихся до XIX в. черносошными. В начале XIX в. в Сольвычегодском уезде появились удельные крестьяне, принадлежавшие царской семье. Черносошные крестьяне издревле были юридически свободными, в своей хозяйственной деятельности самостоятельными и независимыми¹⁸. Базой независимого крестьянского хозяйства и основой свободы черносошного крестьянства было свободное пользование средствами производства — землей и промышленными угодьями¹⁹. Еще в XVI в. в Сольвычегодском уезде почти все черные волости были захвачены вотчинниками: Николо-Коряжемским, Введенским Сольвычегодским, Михайло-Архангельским Устюжским монастырями, вологодским архиепископом и Строгановыми. Однако такое положение дел в целом никак не отразилось на основных принципах хозяйственной деятельности крестьянства.

Неблагоприятные природные условия, трудности в освоении лесных площадей под пашню и сенокосы, невозможность силами одной семьи расчистить участок способствовали образованию особой формы землевладения — долевой, при которой каждый участ-

¹⁶ На современной карте Вычегды до сих пор можно встретить такие наименования населенных пунктов, например, в Вилегодском районе: Саввичи, Павловский с/с; Игольница(ы), Никольский с/с; в Котласском районе: Княжица(ы), Заболотский с/с; Тесовицы, Новиковский с/с; Круглица, Медведиц(ы)а, Пачеозерский с/с.

¹⁷ Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации... С. 200.

¹⁸ Основные положения вотчинного землевладения и землепользования были отражены в Судебнике 1589 г. — См.: Судебники XV—XVI вв. М.; Л., 1952. С. 413, 55—557.

¹⁹ Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 230.

ник земледельческого хозяйства, в зависимости от трудового участия, являлся собственником определенной доли земли. Коллективные начала освоения лесных площадей под пашню и сенокосы, строительство всем миром общего амбара или запруды на речке способствовали развитию общинной формы землевладения. Община делила пашню по душам, по числу работоспособных мужчин. Ограниченный земельный фонд не позволял учитывать интересы каждого, но поскольку наделение земель велось по числу окладных душ, то изменения в семейно-тягловом составе крестьянского двора приводили к переделам земли. С течением времени сама собой выработывалась система, основанная на крайне сложном и детальном учете рабочей силы в каждой семье. Пространство общины ограничивалось вотчиной, и вотчинник выделял участок на всех крестьян, а не на каждого в отдельности²⁰.

Круговая порука служила средством обеспечения податной исправности сельского общества. Община не давала разориться крестьянину, но и не давала выбраться наверх. Коллективизм в трудовой деятельности, защита совместного дела или общего владения, дух единодушия в отстаивании интересов общины — все это имело большое значение и получило название «одиначества». Одиначество подкреплялось особыми записями в тех случаях, когда усиливалось опасение потерять свои владения и требовались особые условия для их защиты.

Высшим органом управления волости был волостной сход, выполнявший в основном две функции: выбор должностных лиц волостного самоуправления и «разруб» — раскладку налогов и других сборов между членами волостной общины, а также защиту территории волости от посягательств на нее. На сходе выбирался волостной судья и причт приходской церкви: священник, дьякон, пономарь, трапезник, просвирница и церковный староста, в обязанность которого входило ведать церковным имуществом (иногда исполнял обязанности и волостного старосты).

Должностными лицами в общине были земские старосты, выборные, сотские, пятидесятские, в допетровские времена важной фигурой являлся «разрубной целовальник», который занимался раскладкой налогов по дворам. Земские старосты выбирались ми-

²⁰ Особенностью землевладения северных общин являлось то, что собственник предоставлял своим членам «полную свободу в распоряжении доходом от земли», «право делить ее на части, передавать наследникам, меняться своей землей, закладывать, отдавать в наем и даже отчуждать посредством дарения и продажи, с тем лишь подразумеваемым условием, чтобы участок оставался во владении общины». — *Соколовский П. А.* Очерк истории сельской общины на севере России. СПб., 1877. С. 62—63.

ром из простых крестьян, которые заботились об общественных интересах и на которых община надеялась. Между тем вотчинники имели право ставить своих старост или выдвигать свои кандидатуры на эту должность. Права и обязанности в том и другом случае были одинаковы. Избранные старосты должны были собирать разные подати, оброки, следить за их своевременным внесением, а также давать наряды на полевые работы, сенокос и т. д. Староста был исполнителем решений общины в вопросах судебных и сыскных дел, он отвечал за порядок в лесных угодьях, следил, чтобы не было посторонних лиц и подозрительных людей. Староста должен был являться на осмотр мертвых тел, созывать сход, давать «выводные грамоты девкам и женкам» своей общины.

Выборные избирались миром, как и старосты. В большинстве случаев они подчинялись старостам, были их помощниками. На должность сотских выбирали крестьян по мирским приговорам. Количественный состав не регламентировался и зависел от количества членов общества, разбросанности деревень. Избранные лица должны были соответствовать известным требованиям: поведения хорошего, под судом и следствием не были, физических недостатков не имеют, службу нести могут. Вотчинные власти в выборе их не участвовали. Крестьяне, выбранные в сотские, утверждались канцелярией, поэтому сотские назывались «определенными» от этой канцелярии. Губернская канцелярия давала инструкции каждому сотскому, в которой устанавливались его обязанности. Пятидесятские и десятские также избирались на мирском сходе и утверждались на должность губернской канцелярией, имели инструкции, определяющие их обязанности, которые в какой-то мере были сходны с обязанностями сотских.

На сельских сходах избранные сотские давали клятвенное обещание и клялись «Всемогущим Богом, перед святым Его Евангелием». Крестьяне, избранные на должности сотских и десятских, ставили свои подписи, а за неграмотных расписывались другие лица. Должности сотских и десятских были чисто полицейские²¹.

Права волости в целом на землю признавало и правительство. Правительственное описание земель всегда проводилось в присутствии выборных представителей волости. От волости представлялись разного рода документы при судебных делах и тяжбах, она

²¹ В XVII в. на земские власти возлагается губное дело. — *Полушин Л. А.* Виледь. Ильинско-Подомское: Страницы истории // Вилегодский край: Сб. ст. и мат-лов / Сост. Н. И. Редькин. Архангельск, 1999. С. 24; *Уткин А. Н.* Крестьянская община Русского Севера (на примере Сольвычегодского уезда) // Двинская земля: Мат-лы межрегиональных обществ.-науч. ист.-краевед. Стефановских чтений, посв. 90-летию г. Котласа. 17—18 марта 2007 г. Котлас, 2007. Вып. 5. С. 153—157.

могла предъявлять претензии и жалобы. При этом следует отметить, что границы волостей были подвижны. Важную роль в самоуправлении на Севере играли волостные суды. В XVI—XVII вв. они могли состоять только из выборных судей, позже — также из присяжных. На суде присутствовали от трех до шести судных людей, иногда призывали к делу мирских людей. Суды рассматривали исковые дела, земельные и семейные разделы, долговые обязательства, иски о повреждении чужой собственности, о грабеже и бое и пр. Волостной суд был самостоятельным. Судьи часто выступали посредниками, вели дела о примирении сторон²².

Волости или земли, в свою очередь, делились на более мелкие округа, называвшиеся погостами или, реже, волостками («волостка Тохта и Черва тож», «волостка Тундейка»), волостями (волость Вадя). Погосты — места поселения, как правило, располагались на высоких берегах рек, чаще всего на мысах при впадении в большие реки малых речек и ручьев и часто были названы по имени этих речек. Например, погост Чакульский. Погостом также называлась группа (гнездо) поселений, округ. В таких погостах насчитывалось несколько десятков селений. Это были настоящие центры округи. Такие погосты были в большинстве своем расположены по течению Вычегды от границы Сольвычегодского уезда до реки Выми (погосты Пустынский, Чакульский, Шоном)²³. Для этой местности характерным является второй тип погоста — погост-округ. Это погосты-гнезда, насчитывающие порой десятки селений, расположенных на расстоянии 0,5—1 км друг от друга²⁴.

²² *Полушин Л. А.* Виледь. Ильинско-Подомское. С. 24.

²³ *Угрюмов Б. А., Огарков А. М.* ...Течет речка Сойга (К истории Сойгинского сельсовета). Архангельск, 2003. С. 11.

²⁴ Что касается ранней истории «оседлости» славян на Вычегде, то она была схожа с явлениями, описанными М. К. Любавским: «Селения в Новгородской земле, как и в других частях Великороссии, разбросаны группами, островами среди лесов, озер, моховых болот. Центрами этих групп были погосты, расположенные большей частью на реках и озерах. Судя по названию, погосты первоначально были торговыми пунктами, куда съезжались гости, купцы, для скупки местной добычи и продукции и продажи иноземных товаров. Они рано стали административно-финансовыми центрами, где велся сбор денег с населения и откуда выходили распоряжения по исполнению повинностей, например мостовой. После принятия христианства погосты стали приходскими центрами, где стояла приходская церковь и жил церковный причт. Ко времени падения новгородской самостоятельности не все погосты сохранили все эти значения; некоторые были только приходскими центрами и не имели никакого другого населения, кроме причта, жившего около приходской церкви; в других сверх того жили земледельцы-крестьяне и разные торгово-промышленные люди; а в некоторых также государственная или владельческая администрация — волостели, тиуны, посельские, ключники, старосты. Во всяком случае погосты основывались центрами известных исторически сложившихся округов, к которым приурочивались селения, когда это требовалось в правительственной и житейской практике. Округа также назывались погоста-

Приходская церковь была составляющим и неотъемлемым элементом общественной жизни волости. Как правило, приходской храм располагался в центре волостной округи, и каждый крестьянин знал, что он построен «миром» и вся церковная утварь, книги, иконы в нем — «все мирское», земля, на которой стоит храм, и церковные угодья тоже «мирские». Там зачастую происходили важные общеволостные акты (собрания, суды, дознания), в трапезной хранился волостной архив. Все хозяйственной деятельностью церкви ведал выборный церковный староста. Главная обязанность церкви заключалась в «церковном окормлении» и просвещении населения волости²⁵. Таким образом, волость и приход составляли единый и очень прочный механизм власти сельской округи вплоть до «великих» преобразований в годы советской власти.

Историю заселения территории Вычегодского края и формирования нижневычегодского культурного центра следует отсчитывать, очевидно, со времен Стефана Пермского (вторая половина XIV в.) и локализовать в устье Вычегды — точке пересечения торговых путей и наиболее удобного места для продвижения церковно-монастырской и крестьянской колонизации русских на восток. Правда, источники, повествующие об этих событиях, относятся к более позднему времени и носят характер некоего исторического «следа» или «народной памяти» о прошлом места²⁶. Так, в поздней Вычегодско-

ми. Погосты, в свою очередь, группировались в более крупные административные и судебные областные единицы. Основы этой группировки первоначально были частью племенные, частью географические». — *Любавский М. К.* Обзор истории русской колонизации... С. 208.

²⁵ *Щитин В. И.* История Черевковской волости. Красноборск, 2008. С. 15.

²⁶ Житие Стефана Пермского, наиболее ранний источник о событиях христианизации Вычегды, не обладает чертами исторического памятника. В нем документально зафиксированы только современные тому времени соседние с пермяками народы и земли, на которых они проживали, но отправной точкой перемещения Стефана во времени и пространстве служил все-таки г. Устюг, за которым лежит земля перми: «Должно же есть зыскивати, и распьтовати, и известно уведати о Пермской земле, где есть, и в киих местех отстоит, и промежи киими пределы поведается, и котории реки обиходят ю и проходят сквозе ню, и котории языци обьседят ю, съживущи в суседех около ея. А се имена местом, и странам, и землям, и иноязычником, живущим въкругъ около Перми: двиняне, устюжане, вилежане, вычегжане, пинежане, южане, сырьяне, гаиане, вятчане, лопь, корела, югра, печера, вогуличи, самоедь, пертасы, Пермь великая, глаголемая чюсовая. Река же едина, ей же имя Вымь; си обходящиа всю землю Пермьскую и вниде в Вычегду. Река же другая, именем Вычегда; си исходящиа из земля Пермьскыя и шествующи к северной стране, и своим устьем вниде въ Двину ниже града Устюга за четьрдесятъ поприщъ. (...) Всякому же, хотящему шествовати в Пермьскую землю, удобезнен путь есть от града Устюга рекою Вычегдою вверх, дондеже внидет в самую Пермь». — *Святитель Стефан Пермский.* СПб., 1995. С. 64—66. (Древнерусские сказания о достопамятных людях, местах и событиях).

Вымской летописи XVII—XVIII вв.²⁷ читаем: «Лета 6887 (1379 г.) иеромонах Стефан по прозванию Храп благословением епискупа Герасима иде в землю Пермскую на Вычегду на проповедь слова Божия среди нечестивые племени пермян. Того лета начал Стефан у пермян на Пыросе и на Виляде и крести их святей вере...»²⁸. Упоминание о времени и месте начала миссии Стефана носит характер поздней исторической рефлексии и указывает на тот факт, что в XIV в. и в более позднее время, вплоть до XVIII в., в сознании местного населения это событие не было актуально или само местное население было другим («пермяне»). Напротив, указание на сохранившийся до настоящего времени гидроним Виледь²⁹ и топоним Пырос³⁰ позволяют локализовать событие в границах территории нижневыхегодской традиции.

Сольвычегодским книжником в середине XVI в. было оставлено примечательное свидетельство, на основании которого можно считать, что в сознании жителей местного края происходили в это время процессы исторической самоидентификации населения. Уроженец Великого Устюга, сын игумена древнейшего Сольвычегодского Борисоглебского монастыря Дионисия, простолудин Павел составляет агиографическое сказание о чудесах, которые происходили и происходят в этой обители. При этом об истории самого монастыря он замечает следующее: «Отсюда же начало положим повести о святом этом ближнем монастыре. (...) Во-первых, откуда берет начало вышесказанный предел Соли Вычегодской? Первоначально это святая и прекрасная обитель святых страстотерпцев боголюбивых князей русских, двух братьев по плоти, Бориса и Глеба, которая называется также монастырь святой мученицы Екатерины и зовется от города ближнего чудотворца, праведного и юродивого Христа ради святого Прокофия, нового русского чудотворца. Рассказыва-

²⁷ См. подробнее о значении Вычегодско-Вымской летописи: *Власов А. Н.* Миссия Русской Православной Церкви в Пермском крае // *Власов А. Н.* История Пермской епархии в памятниках письменности и устной прозы: Исслед. и мат-лы. Сыктывкар, 1996. С. 34–46.

²⁸ *Доронин П.* Документы по истории коми // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 257–271.

²⁹ Название реки Виледь происходит от финно-угорского слова и обозначает пойменную реку с ровными гладкими берегами.

³⁰ Впервые топоним Пырос (Пырас) появился в Вычегодско-Вымской летописи. Историко-культурной значимости и этимологии этого названия посвящено специальное исследование котласского краеведа А. Хрусталева, в котором он достаточно убедительно доказывает, что летописный топоним Пырас обозначает речной остров (отмель) вообще. Раньше словом *пырас*, возможно, называлось исторически позднее поселение Котлас / Кодлас, которое было расположено в устье Вычегды, на левом берегу, при ее впадении в Двину, и являлось выгодной транспортной развязкой. Приносим благодарность А. Хрусталеву за предоставленные материалы.

ют же некоторые из христолюбивых тех жителей, бывших здесь, из православных боголюбивых христиан, еще больше повествуют некоторые из блаженных тех черноризцев, что уже вначале святой этот монастырь имел степень сановную, то есть имел архимандритство и (...) состоял под началом пречестнейших христолюбивых отцов наших и святых начальников архимандритов и после них честнейших игуменов, но имен их не ведают по прошествии многих лет, зато знают их строительства и великие трудовые положения, которые видим мы собственными глазами. А какого города или деревни, или кто родители их, или сколько им было лет, или каково их чудесное хождение и воспитание, или как они постриглись в иноческий чин, или как подвизался каждый из них в свое время ради Христа, или каково было строительство ими святой этой обители, или каким образом общее ли житие вели, или каждый из них жил по отдельности? Прошедшие годы приносят забвение, но только слухи еще живут. И снова Божьими судьбами, или от голода, или от пожара, или от частых поветрий, многочисленных бед и неисчислимых напастей, от различных прегрешений за много лет пострадал (монастырь) от грехов наших. От этих же Божьих наказаний оскудел (монастырь), богатые люди того прихода обнищали, и обеднела святая эта обитель, смирилась донельзя»³¹.

Заслуживает внимания, что в своем рассказе сольвычегодский книжник, не упоминая ни о каких письменных свидетельствах, опирается на устные предания и по ним реконструирует прошлое монастыря. Более того, он постоянно подчеркивает, что именно монастырь положил начало затем целому пределу Соли Вычегодской: «Повесть же о чуде свидетельствует перед всеми людьми. Когда таким образом прошло много лет и снова минуло много времени, захотел Бог снова возродить святое место, чтобы труды угодников своих, блаженных отцов наших, и пречестнейших и боголюбивых архимандритов, и честнейших игуменов, прежде угодивших Богу в святой этой обители, не пришли в забвение. Пусть поймут, что промыслом и волею самого Господа Бога и Его Пречистой Богоматери Царицы и Госпожи Богородицы и Приснодевы Марии Одигитрии, той Пренепорочной Владычицы, и святыми молитвами, и желанием, и предстательством святых великих новоявленных князей русских, двух братьев по плоти, Бориса и Глеба, и святых великих страстотерпцев Христовых, возлюбленных, и чудотворцев, Екатерины и Прасковьи, этой нареченной постницы, и Варвары, славнейших в чудесах, великих новоявленных Божьим соизволением

³¹ Власов А. Н. Житийные повести и сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских. СПб., 2010. С. 198—199. (Перевод мой. — А. В.).

русских чудотворцев, честный образ Господь Бог проявил в иконах своих угодников различными чудесами и знаменьями. Всю милость Божию человек высказать не может, которая проявилась в великих чудотворцах, новых чудотворцах блаженном Прокопии и преподобном Варлааме. Еще раз вспомним начальников, трудившихся Бога ради в святой этой обители ⟨...⟩ скончавшихся в вечный покой и в бесконечную радость ⟨...⟩ Их святыми молитвами возвысится, и возвеличится, и распространится святая, первоначальная и прекрасная, эта Богом возвеличенная, Богом просвещенная святая наша обитель. Наполнится, скажу, словно некая деревня заселится, словно некое место станет городом, словно некий городок возникнет, словно некий виноград зацветет, как рай Божий.

Было здание святой той обители местом святым. Оно было круглым и очень красивым, словно неприступный город, всюду же, будто стеною, окружено водами. Центр самой святой обители сияет подобно честному золоту и дорогим камням. Такое сияние происходит от чистоты святых Божьих церквей и из-за честного жития святых отцов, прежде угодивших Богу в святой этой обители. Ими же были основаны названные в честь Христа боголепные церкви, украшенные, как небо звездами, светящиеся золотыми украшениями. Воистину блажен и трижды блажен святой этот Богом созданный монастырь. В нем же есть боголепные Христовы церкви. В них же находятся многие святые, и честные, и досточудные иконы, которые за много лет очень состарились»³².

Единственное свидетельство в пользу древности обители — «досточудные иконы, которые за много лет очень состарились», но его все же недостаточно, чтобы дать представление о времени их создания и действительного появления в монастыре. Таким образом, перед нами попытка исторической самоидентификации населения и «изобретения» традиции. Однако подчеркнем, что начало этой традиции можно отнести с момента записей простолюдина Павла в лучшем случае за два-три поколения (не более 50—70 лет) назад, что примерно соответствует концу XV — началу XVI в.

Напряженная церковная жизнь в XVI—XVIII вв. заметно повлияла и на фольклорную культуру региона. Борьба с языческими предрассудками (культивируемая до сих пор «новыми историками») осталась в прошлом, так как основание еще в XIV в. Великопермской епархии и массовая миграция православного русского населения из центральных и южных областей Руси на Север не давали большого повода для открытой борьбы между христианством и язычеством местного населения. Предрассудки и суеверия пришли

³² Там же. С. 199.

на Север вместе с теми, кто его заселил, поскольку плотность исконного населения была столь незначительна, что о нем и о влиянии его на порядок и установленную жизнь вряд ли даже помышляли новые насельники. Они пришли со своим видением мира и традиционной установкой привнесения порядка в «хаос» дикой природы. Опорные пункты, города, погосты, монастыри создавали условия для освоения необжитых земель (особенно там, где не было заметного противодействия коренного населения). Поэтому возникновение на пути освоения Урала и Сибири крупной метрополии с центром в Устюге было вполне закономерным. Соль Вычегодская, ближайший спутник этого крупного культурного центра, становится наиболее ярким воплощением политики продвижения на восток. Отсюда, по полуполюгендарному утверждению, снаряжается в сибирский поход Ермак³³.

Летописный и агиографический устюжские «своды», в свою очередь, отражали общие объединительные тенденции, характерные для эпохи Московского царства. Они были ориентированы на укрепление механизмов культурной памяти³⁴ в новых условиях развития края в период бурного освоения сибирских земель и притока населения из глубинных районов России. Подчеркнем, что устюжские тексты были направлены внутрь провинциального социума, обращены к местному жителю. Это способствовало закреплению традиционных ценностных ориентиров христианской культуры и одновременно стимулировало развитие региональных тенденций в сознании насельников края, отличного от соседних северных центров, но связанного духовно и исторически с русской землей.

Показательно, что зарождение регионального сознания находит подтверждение и в местном изобразительном ряде в связи с появлением в местной иконографии чудотворной иконы Варлаама Хутынского и Прокопия Устюжского, предстоящих Спасу, написанной устюжским пресвитером Терентием в 1544 г. В Сольвычегодском летописце XVII в. сообщается: «И того же 7052 году на Устюге Великом пресвитером Терентием в Борисоглебской монастырь написана икона святого праведнаго Прокопия Устюжского чудотворца и преподобнаго игумена Варлаама Хутынского, стоящих молящихся ко Спасу, и поставлена та икона в церкви Бориса и Глеба, и среб-

³³ Там же. С. 516—525.

³⁴ Нет принципиального различия между мнемоническими процессами в целом и «дискурсивными контекстами» (discursive contexts), т. е. локальными вариантами культуры, в которых они имеют место. В этом смысле более интересно исследовать локальные культуры памяти и их практики запоминания, чем концентрироваться на общих, межкультурных, закономерностях, пренебрегая этническими и другими локальными факторами. — Culture and Psychology. 2002. March. Vol. 8. S. 17.

ром обложили и кивотом устроили»³⁵. Чудеса от этой иконы были записаны в виде отдельного сказания в Борисоглебском монастыре в 1548—1552 гг. со слов священника Емельяна и включены простолюдином Павлом в агиографический «свод».

Участие устюжских книжников и иконописцев в приобщении сольвычегодцев и других жителей окрестных мест к культу Прокопия Устюжского является, несомненно, чертой сложившегося провинциального сознания, способного к порождению новых текстов³⁶.

Однако подчеркнем, что рождение провинциального текста происходит в обстоятельствах опасности потерять свою культурную самобытность, поэтому этот текст обращен прежде всего к потенциальным носителям местной культурной традиции. Манифестация этого провинциального текста в виде традиционных словесных жанров и иконописных образов оказывается кратковременным актом, а не длительным процессом, и охватывает период жизни одного-двух поколений (священника Устюжского Успенского собора, а затем игумена Сольвычегодского Борисоглебского монастыря Дионисия и его сына, «простолюдина» Павла). Собственно, благодаря их текстам и иконографическим образам и произошло «изобретение» культурной традиции Соли Вычегодской³⁷.

Основание монастырей и пустыней в XVI—XVII вв., строительство приходских церквей и развитие самоуправления церковных приходов, миссионерские задачи в борьбе с расколом и т. п. оказались в центре общественной и духовной жизни населения края. Несомненно, такая сильная позиция церкви должна была отразиться

³⁵ Власов А. Н. Книжная и литературная традиция Сольвычегодска XVI—XVII вв. // Проблемы изучения традиционной культуры Севера: Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар, 1992. С. 22.

³⁶ «Вкратце наблюдения над иконографией Прокопия, сложившейся к рубежу XVI—XVII веков, сводятся к следующему. Первыми были надгробные образы. Сохранившегося материала недостаточно для их реконструкции. Можно лишь полагать, что в трактовке лика и одеяний святого иконники Великого Устюга и близлежащего Сольвычегодска, составлявших тогда неразрывное культурно-историческое целое, сохраняли верность этим образам, которые, скорее всего, несколько отличались друг от друга. В рамках рассмотренного периода произошел переход от строго иерархических изображений святого к более конкретной передаче его молитвенного состояния, акцентированного жестом, позой, поворотом фигуры. Это соответствовало общим тенденциям развития стиля и представлений об образе. Иконография Прокопия, выработанная во второй половине XVI в., долго без особых изменений продолжала существовать в искусстве Великого Устюга и других очагов художественной культуры Севера. Это объяснимо авторитетом произведений, находившихся в средоточии культа юродивого — Прокопьевском храме Устюга». — Сорокатый В. М. Образ Прокопия Устюжского в иконе // Житие св. прав. Прокопия, Христа ради юродивого, Устюжского чудотворца. М., 2003. С. 123—192.

³⁷ Термин «изобретение традиций» введен антропологом Б. Андерсоном.

в локальных текстах, которые формировали бы основные ценностные ориентиры культуры «места» и сохраняли бы память о них³⁸.

Наиболее представительный слой таких устюжских текстов сложился в XVII—XVIII вв., в период, когда в культуре появлялись и развивались тенденции перехода от эпохи Средневековья к Новому времени. Можно предположить, что в некоторой степени церковь стала выполнять и регулирующую функцию в формировании системы фольклорных жанров. Существенное влияние церкви, по-видимому, сказалось и на корпусе текстов, способствующих поддержанию жизнеспособности социального организма. Ср.: «Культура, если понимать под ней общепринятые стандартизированные ценности сообщества, опосредует опыт отдельных людей. Она предоставляет некоторые базовые категории, четкую модель, в которой идеи и ценности строго упорядочены. И сверх всего, она имеет вес, поскольку каждый вынужден принимать ее так, как ее принимают другие. Но общественный характер культуры делает ее категории более строгими. Частное лицо может пересматривать или не пересматривать свою модель представлений. Это его частное дело. Но категории культуры — это дело общественное. Их нельзя так запросто подвергнуть пересмотру. Но, тем не менее, они не могут игнорировать вызов, идущий от отклоняющихся форм. Каждая конкретная система классификации неизбежно сталкивается с случаями, заставляющими усомниться в ее представлениях. Она не может игнорировать отклонения, порождаемые ее классификационной схемой, рискуя в противном случае потерять доверие к себе»³⁹.

Доминирующим семантическим признаком этой системы в традиции стало противопоставление официально признанных ценностей предрассудкам, борьба «нового порядка» со старыми устоями жизни. Подобная цензура в фольклорной культуре постоянно «вымывала» память традиции и культивировала те жанровые формы и тексты, которые отвечали «моменту» времени и напрямую

³⁸ А. Ф. Белоусов и М. В. Строганов предлагают для обозначения любых текстовых манифестаций в культурной традиции провинции термин «локальные тексты»: «Образы Поволжья, Урала, Сибири и любой другой местности закреплены во множестве самых разнообразных текстов. Это могут быть фольклорные, литературные, публицистические и даже бытовые тексты. Анализ этих текстов позволит определить основные черты образа места и выяснить его мифологическую основу: понять, наконец, что представляют собой волжский, уральский, сибирский и прочие провинциальные мифы. В настоящее время мы предпочитаем пользоваться термином „локальные тексты“. Этот подход отличает наш коллектив от других исследователей русской провинции». См.: Белоусов А. Ф., Строганов М. В. Путешествие в провинциальную Россию: Вместо предисловия // Провинция как реальность и объект осмысления: Мат-лы науч. конф. Тверь, 2001. С. 3.

³⁹ Дуглас М. Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу. М., 2000. С. 71.

соответствовали прагматической цели. Сохранялось только то, что можно назвать культурной памятью⁴⁰. Эту «избранность» культурной памяти в местной традиции можно продемонстрировать даже в позднее время на примере церковно-исторических и статистических описаний Сольвычегодского уезда, сделанных церковнослужителем Шалауровым в 1854 г. Отсутствие достоверных (письменных) свидетельств об истории храма, прихода неизбежно приводило «историка поневоле» в стихию устного слова и образа. Однако и здесь важно было «не ошибиться», выбирая из многослойной ткани преданий, легенд, быличек «правильные» и «достоверные» свидетельства прошлого. Среди причин, явно мешавших обстоятельному изложению местных «достопамятностей», нельзя не отметить и очевидную боязнь «начальства», нежелание в письменном виде фиксировать отдельные особенности быта, поведения, религиозных проявлений своих прихожан, зачастую не укладывавшиеся в строгие рамки служебных инструкций. Многие старинные обычаи, бывшие до начала XVIII столетия в числе обычных норм приходской жизни, к середине XIX в. оказались основательно забыты и воспринимались духовными лицами в лучшем случае в качестве безвредных «суеверий», служа лишним подтверждением «простоты и грубости нравов здешних обывателей»⁴¹.

В связи с этим дополнительное объяснение получает тот факт, что календарные формы и тексты севернорусского фольклора оказываются весьма слабо выраженными (по сравнению с южнорусскими традициями) и прочно закрепленными за церковным календарем. Основу их на Севере составляют престольные праздники — кульминация обрядовых и ритуальных манифестаций коллектива, включая дохристианские предрассудки и суеверия, на которые болезненно реагировала церковь, например общественные трапезы и пиры в церкви с винокурением и пивоварением в подклетах⁴².

⁴⁰ Практики культурной памяти окружены, как утверждает Й. Брокмейер, огромным разнообразием символических и материальных форм запоминания, припоминания и исторической саморефлексии.

⁴¹ *Биланчук Р. П. Древности северного прихода: взгляд «изнутри»* (по материалам церковно-исторических и статистических описаний Сольвычегодского уезда середины XIX в.) // *Двинская земля. Котлас, 2003. Вып. 2: Мат-лы Вторых межрегион. обществ.-науч. истор.-краевед. Стефановских чтений. С. 132—140.*

⁴² Достаточно указать на официальные запреты церковных властей. — См.: *Доездная память Телегова монастыря игумена Варлаама о церковном устройении и, в частности, о том, чтобы в церковной трапезе мирские люди не сходились для земских дел и для питья «молебных пив»* // *Акты Холмогорской и Устюжской епархий. СПб., 1890. Кн. 1. С. 567—568. Обычай варить пиво для общественной трапезы на престольные праздники сохранился едва ли не до настоящего времени.*

Указывая на общие черты исторического и культурного формирования нижевычегодской традиции, необходимо специально остановиться на поздних социально-исторических изменениях местного края.

Мы уже отмечали раньше, что на этапе формирования местной историко-культурной зоны структурообразующую функцию взял на себя посад Соль Вычегодская, а позднее, частично, — «Еренский городок» (Яренск), как административные центры восточной части территории нижевычегодской историко-культурной зоны.

Так была заложена внутри нижевычегодской традиции тенденция деления ее на субрегиональные очаги.

На основании позднего фольклорно-этнографического материала (полевых записей второй половины XX в.) можно выделить четыре таких очага: устье Вычегды, охватывающее территорию Сольвычегодска и Котласа (ныне Котласского района) до Рябовского сельсовета; устье Виледи (ранее — Чакульская волость, в советское время — Рябовский сельский совет); Яренский (Ленский) район, расположенный выше по Вычегде, и Виледь (Вилегодский район).

Другие субрегиональные очаги, административно входившие ранее в состав Сольвычегодского уезда, — на западе Красноборский, на севере Усть-Выйский и Малопинежский, на юге Лальский (Лузский) — попадают в так называемую зону межрегиональных контактов с северодвинской и пинежской, лузской региональными традициями.

Рассмотрим более детально те исторические процессы, которые происходили на территории Вычегодского края в XVI—XX вв.

В XVII столетии в состав Яренского уезда входили Плесовская волость, вычегодские земли, вымские земли, входившие в вотчину архиепископа Вологодского, Удорская волость, Глотова слобода, верхневычегодские волости, сысольские волости, Ужгинская волость. Но нас интересует прежде всего Плесовская волость, которая занимала район Вычегды от «рубежа Вычегодской Соли до рубежа Еренского городка», то есть до погоста Шоном. На ее территории протекали реки Верхняя Лупья, Чакула, Прелица, Кривая, Белая, Шудьюга и находились озера Светик, Двойное, Щучье, Плоское, Совье, Лебяжье и другие⁴³. Вычегодские земли были расположены по реке Вычегде от рубежа Плесовской волости до «вершины реки Вычегды», т. е. до впадения в нее реки Сысолы, и включали в себя

⁴³ Три погоста — Чакульский, Пустынский, Урдомский — и Спасский Сойгинский монастырь составляли Плесовскую волость (от деревни Пряновской до границ погоста Шоном); эта волость примыкала на западе к Сольвычегодскому уезду. — Угрюмов Б. А., Огарков А. М. ...Течет речка Сойга. С. 11.

реки Яренгу, Кижму, Лену (Ленку) и озера Святое, Тыдор, Кырса, Олга, Елта, Ирта, Пастма, Ленское, Туглимское, Шежемское, Княжинское и другие.

Территория, которую занимает Ленский район в его современных границах, охватывает старые Плесовскую волость и часть вычегодских земель. В XVII в. Плесовская волость состояла из погостов Урдомского, Пустынского (ныне Слободчиковский с/с), Чакульского (ныне Рябовский с/с) и Спасского Сойгинского монастыря⁴⁴. Там были расположены городище Еренское (посад Яренск — от названия реки Яренги), волости Окологородная (ныне Сафроновский с/с) и Вадыя, погосты Ирта (Иртовский с/с), Цылибинская Гора, Лена (Ленский с/с), Туглим (ныне не существует), Ошлапье (Суходольский с/с), Шеном (Ленский с/с), Пустыня (Иртовский с/с), Урдома (Козминский с/с), Чакула (Рябовский с/с), Вожем (Ленский с/с) и Спасский Сойгинский монастырь (Сойгинский с/с)⁴⁵.

На долю вычегодских земель и Плесовской волости приходилось 9,1 % территории бывшего Яренского уезда, но плотность населения почти в пять раз превышала среднюю плотность по уезду. В вычегодских землях и Плесовской волости проживало 45 % населения уезда, находилось свыше половины селений и почти половина жилых дворов.

XVII в. в истории Яренского уезда — время миграции, передвижения населения, исчезновения одних и появления других селений, формирования поземельного устройства, на которое оказывает существенное влияние ряд взаимосвязанных факторов, и прежде всего естественноисторические условия и уровень населенности⁴⁶.

Названия деревень не оставались неизменными. Проходило много лет, менялся характер местности, появлялись новые поселенцы. К первому названию деревни часто добавлялось второе, например: д. Решетниковская — Микшина Гора, д. Подкиевщина — Тырпасовская и т. д. Однако до настоящего времени сохранились и старые названия, зафиксированные еще в начале XVII в.: Микшина Гора, Лантыш, Выемково, Базлук, Сафроновская и др.

Новые деревни и починки обычно заселяли жители окружающих деревень. Очень редко отмечались «приходцы» из других уездов⁴⁷.

Колонизация уезда проходила неравномерно. В первой половине XVII в. новые поселения возникали в основном в районах ста-

⁴⁴ Название Сойга произошло от финно-угорских слов *суо* — болото и *йога* — река. — Угрюмов Б. А., Огарков А. М. ...Течет речка Сойга. С. 11.

⁴⁵ Угрюмов Б. А. Крестьянство средней Вычегды в XVII — начале XX в. Архангельск, 2002. С. 3.

⁴⁶ Там же. С. 4.

⁴⁷ Там же. С. 10.

рой колонизации — по среднему течению Вычегды, на Сыsole и на Выми⁴⁸.

Одновременно с образованием новых деревень происходил и обратный процесс — запустение поселений, когда жители ряда деревень умирали или уходили в другие места, а заброшенные деревни очень долго описывались в старых границах⁴⁹.

XX в. внес значительные перемены в развитие бывшего Яренского уезда. Вместо старых деревень и сел возникают рабочие поселки Литвино, Сойга, Лупья.

Еще более глубокие изменения произошли в деревнях Сойгинского сельсовета. Из 16 деревень (по переписи 1933 г.) к началу 1990-х гг. осталась половина (исчезли деревни Березник, Литвино, Мосеева Гора, Новый Прилук, Родионовская, Ржаницынская, Секур, Старый Прилук), к началу XXI в. опустели еще четыре деревни: Заимка, Кулига, Кресовская, Седуновская.

Однако следует отметить, что границы, например, Сойгинского сельсовета на протяжении столетий практически не изменялись — менялся сам характер территориального образования и его статус. До середины XVIII в. деревни и починки по реке Сойге были в ведении Спасского Сойгинского монастыря, затем они входили в Сойгинскую волость, а впоследствии — в Сойгинский сельсовет⁵⁰.

В целом П. А. Колесников в начальный период освоения края выделяет три этапа в освоении и заселении Европейского Севера.

⁴⁸ Там же. С. 10.

⁴⁹ Там же. С. 12.

⁵⁰ После первой секуляризации и обращения крестьян из монастырских в государственные, когда управление церковными вотчинами было передано в ведение Коллегии экономии при Сенате, была образована Сойгинская экономическая волость: деревни и починки по р. Сойге вошли в состав Великоустюжской области, которая, в свою очередь, была частью Вологодского наместничества, образованного Указом Екатерины II от 25 января 1780 г. Указом Павла I от 12 декабря 1796 г. наместничество было переименовано в Вологодскую губернию, деревни и починки по р. Сойге перешли в состав Сольвычегодского уезда, который был образован по Указу Петра I от 18 декабря 1708 г. в связи с созданием Архангелогородской губернии, к которой приписывался город Соль Вычегодская (см. Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII—XX вв.: Справочник). Сойгинская экономическая волость просуществовала, очевидно, недолго. К началу XX в. на территории бывшей волости располагалась Рябовская волость. В 1900 г. из состава Рябовской волости выделяются Слободчиковская волость, в состав которой входили и поселения по р. Сойге. Однако даже в таком составе из-за удаленности от волостного центра решать административные и хозяйственные вопросы было трудно. В 1912 г. сойгинские поселения (Литвино, Березник, Белопашино, Мосеева Гора, Седуновская, Заимка) вместе с деревней Слободчиково составляли Шудринское общество Слободчиковской волости, в нем было 480 душ мужского пола. В 1918 г. была создана Сойгинская волость — границы от Слободчиковской по р. Черной, от Рябовской — по р. Секуру. — *Угрюмов Б. А., Огарков А. М. ...Течет речка Сойга. С. 16.*

На первом (с конца XV до 70-х гг. XVI в.) пустота в северных уездах была незначительной, они являлись перевалочными районами для мигрировавшего сюда населения из центра России и Новгородской земли. На втором этапе (продолжался до последней трети XVII в.) создались условия, которые ускоряли образование пустоты в северных посадах и уездах: открытие во второй половине XVI столетия водного пути по Сухоне и Северной Двине к Белому морю.

Присоединение Западной Сибири привело к расширению промыслов и торговли, развитию товарно-денежных отношений, усилению имущественного неравенства на посадах и в деревнях⁵¹. В конце XVI — начале XVII в. одновременно происходили два, казалось бы, противоположных процесса. С одной стороны, бурно нарастал процесс заселения и освоения восточного Поморья. Массы крестьян, хлынувшие из западного и центрального Поморья в эти перевалочные уезды на пути в Зауралье и Сибирь, содействовали возникновению новых поселений. С другой стороны, этот же поток, продолжая двигаться дальше, подхватывал не только пришлый люд, но и старожилов. Существовавшая в ранний период освоения Севера устойчивая оседлость нарушалась. Новые поселения возникали стремительно, но с такой же скоростью и исчезали⁵². Количество забрасываемых земельных угодий и дворов особенно велико было в восточных уездах Поморья, в частности в Яренском и Сольвычегодском уездах⁵³.

В XVIII в. изменилось направление потока отходников: уменьшился отход в сибирские города. Большая часть крестьян подалась в столичные и крупные города Европейского Севера. Общим местом в наказах вычегодских крестьян были жалобы на тяжесть налогового бремени, на невозможность уплатить подушную подать⁵⁴. Тяжким бременем ложились на плечи крестьян постоянные рекрутские наборы и мобилизация строительных рабочих⁵⁵.

Кроме того, в более позднее время добровольное отходничество из Сольвычегодского уезда в судорабочие наблюдается при сплавке судов из Вологды в Архангельск и из Вологды в Санкт-Петербург.

⁵¹ Колесников П. А. Миграция северного крестьянства в XVI — начале XVIII в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вологда, 1973. Вып. 1. С. 354—364.

⁵² Урюмов Б. А. Крестьянство средней Вычегды в XVII — начале XX в. С. 24.

⁵³ «В 1586 г. в Яренском уезде пустые дворы составляли около 14 % всех дворов, в первой четверти XVII в. — 15,6 % (почти каждый шестой двор был нежилым), тогда как в устьянских волостях — 2,8 %, в Великоустюжском уезде — 3,4 %, в Сольвычегодском — 9 %». — Там же. С. 24.

⁵⁴ Там же. С. 41.

⁵⁵ Там же. С. 44.

Н. А. Иваницкий считал, что отходничество для северного крестьянина дело вынужденное: «На чужбину крестьянина гонит многосемейность, малоземельность, неурожай, безработица, домашние несогласия. Над этими людьми народ никогда не смеется — это люди несчастные. Но есть жители подгородних деревень, которые бросают свою землю, хозяйство и родных ради удовольствий городской жизни, — их народ постоянно клеймит насмешкой»⁵⁶.

Особенно негативно все вышеозначенные факторы сказались на сохранении традиционной культуры в той части бывшего Сольвычегодского уезда, которая ныне является частью Котласского района, лежащей на правом берегу Северной Двины. Более того, за последние 100 лет там произошли громадные структурные перемены в административной и хозяйственной жизни населения, и не только. Городское пришлое население во второй половине XX в. значительно превысило по количеству оседлое сельское население, изменило уклад и ценностные ориентиры местного сообщества.

По наблюдениям Н. А. Иваницкого, еще в конце XIX в. эти процессы были неизбежны: «Развивающееся с каждым годом судоходство на Двине и Вычегде, проведение Вологодско-Архангельской железной дороги, а в особенности Пермь-Котласской, стали уже заметно влиять на нравы и образ жизни крестьян, населяющих берега Двины и ее притоков. Поэтому мне кажется, записи, подобные той, какую я теперь представляю вниманию читателя, интересующегося народной жизнью, не только нужны, но и очень важны, потому что недалеко то время, когда многое, что мною теперь записано, явится не таким, каким оно есть, а иное и совсем исчезнет под наплывом новых условий жизни»⁵⁷. Действительно, за исключением ранних этнографических заметок Иваницкого и Аруева, в более позднее время записи фольклорно-этнографического материала в Котласском районе по сравнению с Ленским и Вилегодским значительно уступают в количественном и качественном отношении.

Административный центр округа сместился из бывшего уездного города Сольвычегодска в Котлас, ставший в силу своего выгодного положения важным для севера России транспортным узлом водных, железнодорожных и автодорожных путей и, как следствие, зоной промышленного развития региона⁵⁸. В течение трех-четырех десятилетий первой половины XX в. Сольвычегодск окончательно

⁵⁶ Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии. С. 42.

⁵⁷ Иваницкий Н. А. Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность // ЖС. 1898. Вып. 1. С. 3.

⁵⁸ Грынцев Д. Л. Провинция, глубинка, глубина // Котлас: Очерки истории. Котлас, 2001. С. 5–13.

потерял свое былое значение административного центра и в настоящее время превратился в центр сельской округи, сохранив при этом статус исторического города.

Тем не менее фольклорно-этнографические материалы, записанные в населенных пунктах, расположенных ниже устья Виледи (Рябовского сельсовета) и в устье Вычегды, позволяют относить их к отдельной субрегиональной зоне нижневыхегодской традиции.

В 60-х гг. XX в. на месте бывшего Николо-Коряжемского монастыря был построен Коряжемский целлюлозно-бумажный комбинат, объявленный ударной комсомольской стройкой. Впоследствии здесь возникает город Коряжма с соответствующими инфраструктурами, которые, несомненно, оказали влияние на близлежащие поселения, в том числе на Устье (Рябовский сельсовет). К сожалению, появление здесь фольклористов только в 1960—1980-х гг., на этапе затухания традиции, уже не позволило зафиксировать репрезентативный материал, чтобы в полной мере описать и оценить степень важности этого субрегионального очага в целом для нижневыхегодской традиции. Устье долгое время служило своеобразной внутриконтактной зоной, в которой соприкасались вилегодский, ленский и собственно сольвычегодский субрегиональные очаги.

Часть населенных пунктов, входящих ныне в Котласский район (ранее — в Сольвычегодский уезд), расположена на левом берегу Двины вплоть до Красноборска и Черевкова⁵⁹. Они, в свою очередь, представляют собой «контактную зону» между вычегодской и северодвинской фольклорными региональными традициями.

Такое же промежуточное положение на севере занимали ранее входившие в Сольвычегодский уезд населенные пункты по Усть-Вые и Малой Пинежке на границе с пинежскими и верхнетоемскими сельскими округами⁶⁰. Разница между основными районами территории нижневыхегодской традиции заметна во всем. Там хозяйственная жизнь населения носила явно промысловый характер. Приведем некоторые общие характеристики из воспоминаний краеведа П. А. Худякова: «Малопинежье и Выя в прошлом — это крупные охотничьи районы Пинеги. Охотой занималось поголовно

⁵⁹ Основное население составляли черносошные, т. е. государственные крестьяне, которые занимались земледелием и скотоводством, охотой, рыболовством, торговлей и ее обслуживанием. — См. подробнее: *Шитин В. И.* История Черевковской волости. С. 15.

⁶⁰ В верховье р. Пинеги расположены три волости Сольвычегодского уезда: Горковская, Гавриловская и Выйско-Ильинская с общим количеством населения, по данным демографической переписи 1920 г., 6459 душ. — *Томский И. И.* Малая Пинежка и Выя (топографо-исторический очерк). Сольвычегодск, 1922; *Томский И. И.* Эскизы из природы и жизни Малопинежья. Сольвычегодск, 1921.

все население. Главные объекты охоты — рябчик и белка»⁶¹. Или: «Люди в Малопинежье, вследствие удаленности и отсутствия связей с внешним миром, жили изолированно, варясь в собственном соку, с культурой и бытом на уровне XVII века»⁶². Между тем здесь очевидно отличие местной культуры не только от нижневыхегодской; такое замечание не дает повода считать Малопинежье и Выю также принадлежностью пинежского и верхнетоемского культурных очагов⁶³. Есть основание относить ее к мелким «диффузным» культурно-историческим образованиям на фольклористической и лингвистической картах севернорусской традиции⁶⁴.

Вилегодский район располагается в бассейне Виледи, одного из крупных притоков Вычегды, и граничит в юго-восточной части с территориями Республики Коми (Прилузский район) и Кировской области (Лузский район). Территория Виледи изначально, до прихода сюда выходцев из новгородских и ростово-суздальских земель, а в более позднее время — из нижегородских, была заселена финно-угорскими племенами («вилегодской пермцой»). Но уже в XVII в. здесь преобладали русские. Пермское население обитало преимущественно в верхнем течении Виледи (Селянах). Об этом свидетельствуют не только археологические раскопки⁶⁵, но также и то, что еще до недавнего времени местные жители помнили о проживании в Селянах потомков зырян⁶⁶. Название села Подомо (Ильинско-Подомское) происходит от коми «подом ты» и обозна-

⁶¹ Худяков П. А. *Говор и быт Малопинежья*. Киров, 1978 (АОКМ. Ф. 3. Оп. 3. № 173. Машинопись). С. 5.

⁶² Там же. С. 7.

⁶³ Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд, ездившие в 1927-м и 1930-х гг. на Пинегу, в том числе на Малую Пинежку и Выю, не обнаружили специального интереса к этому вопросу, и необходимо серьезное ознакомление с их полевыми материалами.

⁶⁴ Как справедливо указал краевед, эти различия были уже отмечены в лингвистических исследованиях: *Симина Г. Я.* Пинежский говор: Мат-лы по рус. диалектологии. Л., 1976; *Кузнецов П. С.* О говоре Верхней Пинеги и Верхней Тоймы // *Материалы и исследования по русской диалектологии*. М.; Л., 1949. Т. 1.

⁶⁵ На Виледи известно несколько городищ: Ильинское, Чабровское, Рязанское, Пятовское, Путятинское. Названия многих деревень имеют пермское происхождение: Тырпасовская в переводе — Губчиха, Губиха (от *тырп* — губы); Пысья — видоизмененное *пышья* — убежище, укрытие; Керос (урочище близ д. Дьяконово) — гора. Слово *лузан* в южных говорах коми произносится «лозан», в северных — «лоз». Распространенные здесь названия *Едома* — высокое сухое место, *Курья* — речка, старица. — *Полушин Л. А.* Виледь. Ильинско-Подомское. С. 11, 16.

⁶⁶ Косвенно об этом свидетельствуют, по мнению автора очерка «История Селян», местные фамилии: «Кондаковы на диалекте коми — сосновые, они жили на сосновых борах. Полуяковы на диалекте коми — многодетные. Байбородины — богатые. Елцовы — дубровая поросль. Воронцовы — землепашцы» (ФА СыктГУ. РФ. № 5. Л. 20). Конечно, подобная народная этимология не выдерживает серьезной научной критики, но дело в другом — в осознании их иноэтнического происхождения.

чает «заморное озеро» (в нем зимой дохла рыба)⁶⁷. Известно, что нижнее и среднее течение Виледи с погостами Усть-Виледским, Покровским, Никольским, Ильинским было пожаловано Стефану Пермскому Дмитрием Донским⁶⁸. В XVI—XVII вв. земли Виледи составляли одну Вилегодскую волость и были частью Усольского уезда.

Следует отметить, что с введением в уездах наместников (воевод) судебные функции общеуездного характера решались в воеводской избе. Однако волостные суды приходов Вилегодской волости были независимы от воевод. Спорные вопросы разрешались в Московском приказе, в его Устюжской четверти⁶⁹.

Земли восточной части района вплоть до 1764 г. оставались вотчиной вологодско-пермских епископов и считались черной землей с черносошным населением⁷⁰. Основанные в XVI в. на Вычегде Николо-Коряжемский и Сойгинский монастыри распространили свое влияние и на Виледь. Коряжемский монастырь стал здесь крупным земельным собственником. Порядные (договоры) с крестьянами свидетельствуют, что он имел свои участки на Виледи от Едомы и Покрова до Павловска⁷¹. Из Коряжемского монастыря на Виледь (на Едому) пришел старец Христофор и основал пустынь в 1555 г., ей принадлежали деревни Шалимовская Слобода, Березник, Шестаковская Гора, Ключихинская и др.

Кроме монастырей землями на Виледи владели Строгановы. С их именами тесно связана история Ильинского прихода и его деревень⁷². Здесь в д. Дьяконово строились суда для перевозки соли

⁶⁷ *Полушин Л. А.* Виледь. Ильинско-Подомское. С. 33.

⁶⁸ Там же. С. 14.

⁶⁹ В 1630 г. сольвычегодский воевода жаловался царю, что крестьяне Никольского, Ильинского, Спасского и Богоявленского приходов «у себя в волости выбирают по вся годы земских судеек, и те, государь, судейки (...) по челобитным и по кабальным крестьян во всяких во многих исках судят, а твоих государственных пошлин с судебных дел и кабал, и с наказных памятей и мировых в твою государеву казну у Соли нам, холопам твоим, не дают, а сказали у собя твои государевы жалованные грамоты, что-де с них твоих государевых пошлин им не веле-но». Воевода потребовал от вилегодцев эти жалованные грамоты. Оказалось, что они освобождали крестьян Виледи от судебных пошлин в государственную казну с дел, которые вершились в волости. Грамота, дававшая Вилегодской волости автономию, была жалована еще Василием Шуйским и подтверждена царем Михаилом в 1614 г. (См.: *Богословский М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1, приложение). — *Полушин Л. А.* Виледь. Ильинско-Подомское. С. 24—25.

⁷⁰ Согласно сотной и писцовой книгам 1586 года, в вотчине пермских епископов на Виледи числилось одно село и семь деревень. — Там же. С. 14—15.

⁷¹ *Островская М.* Земский быт сельского населения Русского Севера в XVI—XVIII вв. СПб., 1913. Приложение. С. 5—8.

⁷² Приобретение земель на Виледи связано с деятельностью Аники Строганова (1497—1570) и его сыновей. Хозяйства на собственных землях Строгановых были

и других товаров. Урочище в д. Дьяконово до сих пор называют Плотбищем (строительная площадка), а само название речки Дьяконицы и деревни происходит от слова *дьяк*.

В XVIII в. на Виледи уже образуются две волости — Никольская и Ильинская, которые вошли в Сольвычегодский уезд Вологодской губернии. В 1914 г. Виледь состояла уже из четырех волостей: Ильинской, Никольской, Покровской и Беляевской. В 1918 г. волости соответствуют бывшим обществам. В бывшей Ильинской волости кроме Насадкинской (Богоявление), Ильинско-Подомской, Павловской, Астафьевской (Верхолалье) образовалось еще две волости: Селянская (выделилась из Насадкинского общества) и Николаевская (слобода, выделилась из Павловского общества). В 1924 г. было проведено районирование Северо-Двинской губернии, в результате на территории шести волостей: Беляевской, Ильинско-Подомской, Никольской, Вилегодской, Павловской и Пречистенской — был образован Вилегодский район с центром в селе Ильинском. В 1937 г. была учреждена Архангельская область, и Вилегодский район был включен в ее состав.

Границы района неоднократно менялись. Большая часть Верхолалья отошла к Кировской области. Территория, расположенная по линии железной дороги Котлас—Воркута (Покровский сельсовет), вошла в состав Котласского, село Витюнино — в состав Ленского района⁷³. Исторически сложилось кустовое размещение населенных пунктов по берегам рек и основных автодорог. Сформировалась районная система расселения и кустовые подсистемы (сельсоветы) с центрами в с. Шалимове, с. Никольск, д. Быково, с. Павловск, с. Николаевск, с. Вилегодск, пос. Фоминском, пос. Сорове, пос. Широком Прилуке⁷⁴.

Большое влияние на культурно-хозяйственную жизнь Виледи оказал город Сольвычегодск. Вилежане были постоянными участниками сольвычегодских ярмарок (Прокопьевской — с 7 по 10 июля, Алексеевской — с 7 по 14 марта и Введенской). По свидетельству историографа конца XVIII в. А. И. Соскина, «во время Прокопьевской ярмонги бывают преплавляемы на продажу сосновый лес, скалье, дуб, то есть березовыя и таловая сушения, кора на строения ж домов и прочаго»⁷⁵. С Виледи доставляли лен-долгунец, пригоняли на

в основном животноводческими. Здесь выращивались «скотины» и табуны лошадей для соляного промысла. Управление в селах велось через приказчиков. В центре таких сел строились «казенные дворы». — *Полушин Л. А.* Виледь. Ильинско-Подомское. С. 17.

⁷³ Там же. С. 5.

⁷⁴ Там же. С. 9.

⁷⁵ *Соскин А. И.* История города Соли Вычегодской / Подгот. А. Н. Власов. Сыктывкар, 1997. С. 70.

продажу лодки, плоты, варничные дрова, молотый хлеб, холстины. На ярмарках для уборочных работ строгановского хозяйства нанимались «казачихи» (работницы), «ярыжки» (бурлаки), подыскивались невесты для дворовых из «девок-поплавух»⁷⁶. В мемуарных записках В. А. Сухих также подчеркивается тесная связь Виледи и Сольвычегодска: «Надо полагать, что мои близкие предки уже позднее переехали на Виледь из города Чернигова, расположенного всего лишь в нескольких километрах от г. Сольвычегодска, на берегах речки Черной. Город Чернигов в 1546 г. весь выгорел. Большинство жителей переселились в г. Сольвычегодск. Часть из них, ища лучших мест, выехала. Очевидно, в числе их были и мои родные. Подтверждением этому служит то, что многие наши деревни владели сенокосными угодьями (заливными лугами) по близости города Сольвычегодска, в 5—8 км от него»⁷⁷.

На юге Вилегодский район граничит с Лузским районом Кировской области, бывшим Лальским уездом, который некоторое время административно входил в Сольвычегодский уезд, однако культурное влияние Великого Устюга на Лальск было все же гораздо значительнее. Известные нам письменные и устные источники свидетельствуют о том, что история Лузского района и города Лальска была насыщена событиями, имевшими значение для всего Задвинья и Вятки. Несмотря на то что Лузский край на протяжении своей пятивековой истории переходил из одного административного подчинения в другое, он сохранил свою целостность и самобытность⁷⁸. Несомненно, существовавшая там яркая локальная традиция оказала известное влияние и на вилегодскую субрегиональную традицию, находясь с ней в непосредственном контакте (административном, хозяйственном, бытовом, культурном).

Большое влияние на Виледь оказал пролежавший через нее Великий санный путь. Он связывал между собой Москву, Ярославль, Вологду, Тотьму, Великий Устюг, Сольвычегодск, д. Бурца, Большой Двор на Виледи, Коракино, с. Кибра на Сысоле, Палауз, с. Ужга, Гидаево, Кай-городок на Каме, Лухну Косу, Уролку, Соликамск и шел далее в Сибирь. С 1597 г. из европейской части России в Сибирь вел более короткий путь, который проходил через Тотьму, Великий Устюг, Лальский посад, Кай-городок. Этим путем пользовались еще в XVIII и XIX вв.

⁷⁶ Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI—XVII вв. М., 1962.

⁷⁷ Сухих В. А. Воспоминания: Из недалекого прошлого вилегодского народа. Котлас, 2010. С. 17.

⁷⁸ Шевченко Е. А. Свадебный обряд Лузского района Кировской области (функциональные аспекты поэтических жанров). Сыктывкар, 2010. С. 11.

Великий санный путь способствовал движению вычегжан и вилежан в восточные вотчины Строгановых. Однако переселение шло и в северном направлении. Косвенным подтверждением этих миграционных потоков является наличие в великопермских вотчинах Строгановых однофамильцев старожилов Виледи и Вычегды: Субботины, Ушаковы, Вешняковы, Новиковы, Головины, Дементьевы, Шаньгины, Бушуевы, Евдокимовы, Шестаковы, Ширяевы, Пономарёвы, Кучины, Веснины, Кобылины, Быковы и др.⁷⁹

Таким образом, географическое расположение традиции на перекрестке путей, по которым неоднократно проходили сменявшие друг друга миграционные потоки, обусловило, во-первых, укрепление культурных связей с регионами, связанными трактами; во-вторых, ярко выраженное влияние городской культуры на местные традиции; в-третьих, ускорение темпов саморазвития этих традиций под влиянием указанных факторов.

Занятия, быт и праздники вычегодского крестьянства

Занятия и быт крестьян Вычегды в целом не отличались от занятий и быта большинства населения Вологодской губернии и соседних с ней губерний. Еще в 1783 г. в своих полевых записках землемер П. В. Тарханов отмечал: «...для своего обихода крестьяне Пицкого сельского общества Сольвычегодского уезда сеют рожь, ячмень, овес, коноплю, лен. Имеют сенные покосы. Лес дровяной и строевой: еловый, сосновый, пихтовый. Звери: медведи, волки, лисицы, белый горноста́й. Птицы: утки, кулики, цапли, чижы, ястребы. Рыбы: семга, лещ, окунь, карась. Из дерева делают сани, кадки, ложки; занимаются рукоделием, прядут шерсть. Общинами силами роют каналы, пруды, строят плотины. Отец и женатые сыновья с детьми живут совместно на одном дворе и ведут общее хозяйство, или отдельно в двух избах. Малоимущие крестьяне по решению общества селяются в один двор с указанием срока проживания 10 лет, а по окончании одного разделить нажитое имущество поровну»⁸⁰.

Традиционно основными занятиями вычегодского крестьянина вплоть до XX столетия считались земледелие и скотоводство. Именно земледелие и отчасти скотоводство регулировали жизненный уклад человека в годовом цикле. Однако в силу природно-клима-

⁷⁹ Полушин Л. А. Виледь. Ильинско-Подомское. С. 18—19.

⁸⁰ РГАДА. Ф. 1303. Оп. 1. д. 10680. Цит. по: Уткин А. Н. Крестьянская община Русского Севера (на примере Сольвычегодского уезда). Котлас, 2001. С. 155.

тических условий выращивание культур здесь имело свои особенности, а значит, корректировало привычный для других природных зон земледельческий календарь. Сеяли вычегодские крестьяне рожь, ячмень, овес, горох, коноплю и лен⁸¹. Землепашество на севере — трудоемкий процесс, трудность его заключалась в недостатке посевных земель, скудости почвы и природно-климатических условиях. Хлеб родился плохо, и его едва хватало, а часто недоставало для обеспечения семьи на год⁸². Лишь выращивание льна в какой-то степени могло принести дополнительные доходы. Особенно льноводство культивировалось на Виледи. Процесс выращивания льна и его обработки достаточно хорошо описан в краеведческой литературе⁸³. Чрезвычайно важно отметить, что особенности зем-

⁸¹ См., например: «Основными занятиями населения Селян было земледелие, охота, рыболовство. (...) Землю пахали деревянной сохой с железным наконечником. Боронили почву бороной, сделанной только из дерева. Сеяли рожь озимую, ячмень, овес, горох и лен. На огородах выращивали овощи и картофель. (...) Многие семьи не могли обеспечить себя хлебом, посеянным на полях, поэтому им приходилось „пахать новины“. Несколько семей составляли братвину или общину и уезжали далеко в леса. Там они вырубали лес, на следующий год сжигали его, „прятали“, т. е. убирали остатки не сгоревшего леса, бороновали специальной „пальничной“ бороной и сеяли рожь. Жили крестьяне братвины в лесных избушках с ранней весны до поздней осени. Обмолоченное цепами зерно везли домой уже санным путем. Солому в большинстве своем сжигали на месте. Новиной занимались вплоть до образования колхозов. Зерновые культуры жали серпами, горох и лен рвали руками. Обмолачивали зерновые цепами на токах, веяли зерно на ветру при помощи лопаты. Лен-долгунец вырывался и обрабатывался также полностью вручную. Вырванный лен околачивали палками, расстилали, чтобы он улежал, сушили в печах или овинах, мяли деревянными мялками, затем трепали и, наконец, „чесали“, т. е. отделяли куделю от волокна. Волокно частью сбывалось скупщикам, однако большая часть волокна и кудели шла на изготовление одежды. Из волокна на ручном ткацком станке ткали полотно, а из кудели — гребенину. Из полотна и гребенины шили верхнюю и нижнюю одежду и все остальное...». — ФА СыктГУ. РФ 5. История Селян. Л. 15.

⁸² *Иваницкий Н. А.* Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность. С. 24.

⁸³ «Система земледелия: паровая и подсеčno-огневая. При подсеčno-огневой следует различать новины от кулиг. Новины — более древняя система. На суходольных участках с суглинистой или супесчаной почвой вырубался лес. Мелкие деревья и кустарники вырубались под корень, что облегчало обработку почвы, сбор урожая. Крупные деревья оставляли на корню, во время пала они обгорали, впоследствии гнили. Обгоревшие деревья почти не давали тени и практически не мешали развитию возделываемой культуры. Остальной лес рубился по возможности низко. Крупные старые пни оставались нетронутыми. Нижняя часть стволов крупных деревьев очищалась от сучьев, отрубалась от остальной части ствола, „лысилась“ (частично окаривалась) и одним концом укладывалась на пни для просушки. После просыхания, если была в том необходимость, эта часть ствола увозилась на топливо, если необходимости не было, окоренные стволы во время пала сжигались на месте. Обугленные сучья складывались вокруг пней или на „прогалины“ — места, не застланные лесом и ветвями. Пал производился летом следующего года (конец июля — начало августа), так как на новины на Виледи высевалась озимая рожь. Семена заделывались пальничной бороной, сделанной

леделия на севере были одной из главных причин появления новых населенных пунктов (Починки, Новинки, Выемки и др.). Из овощных культур выращивались капуста, редька, свекла, репа, лук, чеснок, укроп и некоторые другие, позднее почти повсеместно — картофель⁸⁴. Овощи и хмель, в отличие от зерновых, занимали гораздо меньше земли, и, как правило, огороды (местное — «огородцы») предназначались только «для себя»⁸⁵. Уход за огородами являлся повседневной заботой женщин и детей. Важное место в хозяйственной жизни крестьянина занимала заготовка кормов на зиму для скота⁸⁶.

из еловых сучьев. Кулиги. На Виледи на кулигах выращивался лен. Лен вырубался тоже в начале лета (после посевной, когда деревья покрываются листвой). В отличие от новин на кулигах не оставлялось ни одного дерева, рубка была сплошной. Стволы более или менее крупных деревьев очищались на сушь. Длина кражей делалась относительно одинаковой. Облысенные (окоренные частично) кражи укладывались в костры (особым образом сложенные кучи) возле подсеки. Если лес на подсеке был мелким, то часть сушь заготавливалась в других делянках и завозилась на подсеку по санному пути. Выжог производился весной следующего года и иначе, чем новины. С ветреной стороны на край кулиги укладывалось в кучи сушь, поджигалось. После сгорания травы на место подожженного вала два человека шестью одновременно перекачивали кучи горящего сушь одну за другой вперед. Эти кучи в валу назывались ставами. Головни с обожженного места забрасывались в огонь, угли подметались к огню метлой. После того как остынет земля, высевались семена льна и заделывались конной пальничной бороной. Последующий уход за культурой как на кулиге, так и на новине сводился лишь к прополке. Паровая система землевладения. Вся земля системы (общины) делилась на три поля. Одно поле засевалось озимой рожью, второе — ячменем, овсом, пшеницей, третье поле оставлялось под пар. При паровой системе в поле высевались только зерновые культуры. Трав, льна, пропашных (картофеля) на поле не было. В паровое поле, позднее и в яровое, вносились органические удобрения (навоз). На полях после уборки урожая производился выпас скота, что в какой-то степени способствовало удобрению полей. Минеральные удобрения не вносились. Вся зола шла на бучение (отбелку пряжи и полотен). Недостаток органических удобрений, полное отсутствие минеральных, незначительные посевы бобовых культур — все это приводило к постепенному снижению плодородия почв. Крестьянин вынужден был бросать участки. Через несколько лет после естественного восстановления плодородия почвы участок вновь вспахивался тем же или другим хозяином. Это перелог». — *Полушин Л. А.* Виледь. Ильинско-Подомское. С. 29—31. См. также: *Сухих В. А.* Воспоминания. С. 76—84.

⁸⁴ «В конце прошлого века сбор картофеля в хозяйстве крестьянина исчислялся несколькими пудами. Это была грядковая культура: картофель выращивался не в поле, а на огороде. Только после Первой мировой войны в ряде хозяйств появились относительно крупные делянки картофеля в поле. Морковь и огурцы были явлением редким». — *Полушин Л. А.* Указ. соч. С. 30.

⁸⁵ «Огороды занимали незначительное место в жизни вилежан. Как правило, они находились не около крестьянского двора, а в поле, порой на значительном расстоянии от деревни. Поскольку на полях производился выпас скота, то огороды огораживались особой изгородью. Главным образом это были капустники». — Там же. С. 31.

⁸⁶ *Иваницкий Н. А.* Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность. С. 26—28.

Таким образом, на Вычегде вплоть до коллективизации имела место смешанная система землевладения. В основе лежала трехполка, наряду с ней существовали подсечная и переложная системы.

Скотоводство на Вычегде имело такое же значение для обеспечения жизни крестьянской семьи, как и земледелие. В XIX—XX вв. каждая средняя крестьянская семья имела в хозяйстве несколько голов крупного рогатого скота, лошадей, овец, кур. Свиноводство — явление довольно позднее⁸⁷.

Среди других занятий и промыслов местного населения непременно следует назвать охоту⁸⁸, рыболовство — преимущественно мужское, бортничество, сбор грибов, ягод и др. лесных плодов — преимущественно женский и детский труд. К сугубо женским занятиям относились ткачество во всей полноте этого круглогодичного процесса, приготовление пищи, уход за домашним скотом, воспитание детей⁸⁹.

Отдельно следует отметить, что крестьянские постройки на Вычегде были типичны для севера России, но отличались от северодвинских, поморских, тотемских крестьянских домов. «Домом вообще зовется постройка, в которой находятся: жилое помещение, поветь и стая; изба же — одна только жилая комната. Материалом для постройки дома служат исключительно сосновые бревна; лиственничные исполняют роль фундамента, еловые же никогда не употребляются. Лес *ронится*, т. е. рубится, в *великоговенье* — Великим постом — и тотчас же вывозится в деревню. Если лес пролежит на улице все лето до осени, он зовется *виснодильным*; такой лес можно рубить, т. е. делать из него дом, когда угодно, потому что он сухой; сырой, стало быть мерзлый, рубить трудно, так как он „отшибает руки“. Сруб (по-местному *стопа*) рубится или на месте, т. е. там, где дом будет стоять, или же где-нибудь вдали и после разбирается и перевозится на место. В таком случае мох не кладется и пазы мшатся тогда уже, когда стопа сложена. Если же рубится на месте, то прямо „на мох“, т. е. слой моху кладется на окладник (см. ниже),

⁸⁷ Так, П. А. Худяков отмечает: «Свиной не держали. О существовании такой всеядной животины до революции, внесшей коренные изменения в сельское хозяйство, представления не имели». — Худяков П. А. Говор и быт Малопинежья. С. 5.

⁸⁸ Хотя в таких волостях, как Малая Пинежка и Выя, охота значилась самым важным занятием населения, однако в вычегодских землях этот промысел уже имел факультативное значение в хозяйственной деятельности крестьянина, так как не мог приносить постоянного дохода в семью по причине обеднения лесов в зверье и дичи, а также переориентации хозяйственной деятельности в результате колонизации русскими этих земель на аграрный тип культуры.

⁸⁹ Подробно и ярко описывает крестьянский труд в своих «Воспоминаниях» В. А. Сухих.

на него следующий венец, т. е. четырехугольник из бревен, опять мох, и т. д. Выбрав место для дома, крестьянин прежде всего кладет на землю окладники, т. е. четыре листовых бревна, соединенных между собою в венец, причем в местах соединения в рубыши кладется мох и таковой же расстилается по всей поверхности четырех нижних бревен, затем на окладники кладется следующий венец, уже из сосновых бревен. Когда это сделано, служат молебен, называемый „на подъеме“. Два первых венца определяют место для *подстолбков*. Подстолбки — это сосновые или листовые чурки, вкапываемые в землю под углы окладников; на них будет держаться весь дом. На верхних срезах подстолбков вырубает предварительно топором фигуру креста. Камней же под углы зданий никогда не кладут. Под домом выкапывается яма, зовущаяся *голбцем*; в нее опускается сруб — ряда два бревен, песок же, вырытый из ямы, приваливается к внутренней поверхности стен дома и зовется завалиной. Впоследствии из избы делается в голбец особый ход. На окладники кладутся следующие ряды бревен с мохом между ними. Мох берется или из речек, т. н. *золезняк*, или на бору, на сырых местах (*Sphagnum*), и его сушат дома. Всех рядов, т. е. венцов, в срубе бывает обыкновенно семнадцать, иногда пятнадцать. На пятом ряду кладется пол. Концы половых тесин входят в *черепя* — вырубки в стенах избы; под пол посередине укладывается *матица*, круглое бревно, служащее для того, чтобы пол не прогибался. Для матицы в стенах вырубается гнезда, в которые она и входит своими концами. Так как половицы не всегда одной толщины, то пол может выйти неровен. Чтобы выровнять его, на нижней поверхности половиц вырубается лапы, в которые и входит матица. Для того же, чтобы пол не коробился, в половицах выдалбливаются долотом гнезда и в них загоняются шипы. Пол выравнивается стругом. Если в половице попадется сучок, который выскочит, то в дырку заколачивается сосновая палочка — *шкóнтик*. На концы половиц у стен, чтобы не попадала вода, когда станут мыть пол, приколачиваются *налишники* — бруски, имеющие вид трехгранных призм. Ямки и неровности в полу ничем не замазываются, и пол не красится. На седьмом ряду начинают вырубать окна, причем в седьмом бревне делается вырубка, называемая *подоконником*, такая же вырубка в верхнем бревне (по высоте окна) зовется *пролёт*ом. У двери вырубка внизу зовется *порогом*, а верхняя — тоже *пролёт*. В углах бревна крепятся обычным способом, т. е. в каждом дереве вырубается по два рубыша, вершков по семь или восемь, кроме того, вынимается паз для моху; концы бревен, торчащие на улицу, зовутся *заугóлками*, они потом выравниваются пилою. Сруб, доведенный до крыши, как уже было сказано, зовется *столбóю*. В прорубы, сделанные для окон,

прежде всего вставляются *колодины* — косяки, две вертикальных и две горизонтальных. В вертикальных колодинах со стороны стены делаются выемки — *выдры*; в эти выдры и входят бревна стены. Такие же колодины вставляются и в двери. В дверных колодинах вырубается кругом *притвор*, т. е. прямоугольная выемка, в которую должно входить полотно двери. Полотно двери составляется из четырех досок, в которых, когда они сложены, делается две косяковых выемки; в эти выемки вколачиваются *на́рвы* (без клея и гвоздей); для укрепления их в концах вгоняются клинья. В колодину вколачиваются два железных крюка, а на них надевается загнутый в кольцо конец железной полосы, затем полоса приколачивается тремя гвоздями к полотну двери. У свободного, вертикального края двери приколачиваются с одной и с другой стороны по железной скобе. К верхнему пролету приколачивается на четыре гвоздя *налишник*, прикрывающий мох, который кладется на верхнюю колодину»⁹⁰.

Эти занятия и промыслы составляли основу хозяйственной жизни вычегодского крестьянства и всецело были направлены на обеспечение семьи пищей и одеждой, продолжение рода, т. е. то, что составляло основные ценности традиционного сообщества. Эти занятия и промыслы были привычны для каждого члена коллектива и, как правило, не требовали специальных профессиональных навыков. Они были основаны на опыте поколений. Незначительная дифференциация в этой трудовой деятельности могла происходить в силу природных возможностей человека (физической силы, ловкости, умственной сметки и т. п. или, наоборот, физической немощи, неуклюжести, умственной отсталости и т. д.). Таковы были естественные нормы крестьянской трудовой деятельности.

Ведение крестьянского хозяйства имело явное гендерное разделение. При этом женский труд был более тесно связан с домом и носил характер повседневного. Работа по дому обозначалась специальным понятием «обряд», «обряжаться». Часто для исполнения этого труда или его части нанимались незамужние девушки («работницы») из других, как правило более бедных, семей. В работницы нанимались не только в родную или соседние деревни, но и в дальние города.

Мужчины, несмотря на то что мужские руки требовались в домашнем хозяйстве постоянно, были менее привязаны к дому. Посевная, сенокос, чистка леса для посевных площадей, уборка урожая, строительство дома — все эти важные хозяйственные заботы

⁹⁰ *Иваницкий Н. А.* Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность. С. 11—13.

позволяли считать мужчину хозяином дома и главой семьи. Вместе с тем забота о семейном благополучии заставляла мужчин довольно часто бывать вне дома помимо таких традиционных промыслов, как рыболовство и охота.

Традиционным мужским промыслом, не связанным с домашним хозяйством, считался сплав леса⁹¹. Уход «на сплав» на продолжительное время (два, три и более месяцев в году) отлучал мужчин от родного дома, за это время они успевали побывать не только в уездных и губернских городах, но и в столице.

Кроме того, из промыслов, известных в прошлом в Сольвычегодском уезде, на Вычегде были распространены тканье кушаков и поясов на продажу⁹² и плетение корзин из корней⁹³. Из перечня сельских ремесел и промыслов, которые требовали специальных навыков и умения, можно назвать следующие: плетение кружев; вышивка воротов, кисетов, сарафанов, обшлагов и верха рубашек; домашнее тканье полотенец, скатертей, пестряди; изготовление смолы; изготовление дуг, полозьев для саней, оглобель и т. п.; из кустарных производств бытовали такие: «катали валенки», «шили сапоги», делали и чинили гармошки, делали лопатки для точки кос, берестяные туеса, деревянные бочки, лагуны, кадушки, ведра, шайки, вытачивали веретена и многое другое⁹⁴. Однако следует заметить, что на Вычегде не зафиксировано так называемых художественных промыслов, подобных северодвинской росписи на прялках (ракульские прялки⁹⁵), каргопольской глиняной игрушке и т. п., хотя в той или иной форме на Вычегде и Виледи такие промыслы присутствовали.

Краткий обзор хозяйственной деятельности вычегодского крестьянина позволяет отметить некоторые отличия этого региона от других и рассматривать их в качестве экстрафольклорных факторов, формирующих местную традицию.

⁹¹ Иваницкий в своем очерке подробно описывает это занятие. См. *Иваницкий Н. А.* Указ. соч. С. 39–43.

⁹² Промысел этот в XX в. сам собой исчез за ненадобностью, но отчасти был заменен почти повсеместно тканьем половиков.

⁹³ Распространение этого промысла, по сведениям Иваницкого, ограничивалось одной деревней Окуловской Метлинской волости Сольвычегодского уезда. — См. *Иваницкий Н. А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии. С. 49.

⁹⁴ «Зимой вилежане занимаются ремеслом — бондарничают, столярничают, вьют веревки, сети вяжут. Делают сундуки, деревянные ведра, ложки, тазы, табуретки, молотила, косы, грабли, ушаты, кадушки, плетут зобни, корзины, мастерят пестери, туески из бересты или липовой коры...» — *Сухих В. А.* Воспоминания. С. 111–118.

⁹⁵ См.: Ракульские прялки в собрании Красноборского историко-мемориального и художественного музея им. С. И. Тупицына: Каталог. Красноборск, 2008.

Женщина репродуктивного возраста в своих повседневных бытовых заботах была почти лишена досуга⁹⁶, за исключением немногих праздничных дней в году. Свободное от работы время у незамужних девушек было также ограничено. Мужчина был менее привязан к домашнему хозяйству благодаря своим частым отлучкам из дому и праздникам, во время которых он был едва ли не главным участником застолий и народных гуляний.

Важную роль при реконструкции фольклорной культуры играет воссоздание ее антропологического контекста в диахроническом плане. В качестве материала могут быть использованы бытовые и этнографические очерки, рассказы путешественников, краеведов. Заслуживают внимания наблюдения о семейных отношениях Н. А. Иваницкого, сделанные им со слов крестьян Вологодской губернии в конце XIX в. Представляется, что эти замечания вполне справедливы и для Вычегодского региона.

Считалось нормой, что «каждая семья живет на попечении и под наблюдением главы семейства — домохозяина, который в большинстве случаев пользуется неограниченной властью». Как сказывалась эта власть на благополучии семейства, во многом зависело от личного характера отца. «Если отец человек непреклонный, упрямый, вся семья ходит по струнке; устареет владыка, и все-таки до самой его смерти сыновья его, хотя бы и женатые, относятся к нему с почтением по старой привычке, мирясь с тем фактом, что он, может быть, и им, и их сестрам испортил всю жизнь своим самодурством». В таких семьях растет внутренняя потребность со стороны домочадцев делиться и расходиться или бежать в дальние города на заработки. «Если же у отца характер мягкий, слабый, миролюбивый или отец настолько умен, что признает необходимость уступок ради общего благоденствия (такие личности в крестьянской среде не редкость), сознает, что, приходя в дряхлость, глупеет, а не умнеет, в такой семье жизнь идет несравненно лучше». В этих случаях «и отношения детей к отцу отличаются такой глубокой привязанностью, такой неподдельной нежностью и заботливой предупредительностью, что невольно дивишься». Правда, в таких семьях мать тоже играет видную роль, но «никогда не первенствующую, так как взрослые сыновья до этого не допустят». Даже если отец уступает долю своей власти, все же эта власть не переходит в руки жены. «Ее сфера — все, что касается домашнего обихода». Важнейшие вопросы жизни и хозяйства решаются мужчинами. Но за женой, необходимо подчеркнуть, остается право «отдавать дочерей», т. е. играть

⁹⁶ В долгие зимние вечера женщины брали с собой работу на сурядки.

непосредственную роль в выдаче дочерей замуж и устройстве всей церемониальной части обрядовых действий.

«Подчиненное положение мужа жене в крестьянской среде явление исключительное. Такой муж клеймится общим презрением и терпит двойное горе: от дурного обращения с ним жены и от постоянных насмешек соседей»⁹⁷.

«Будь женщина того умнее, энергичнее, трудолюбивее, а муж того глупее, ленивее, порочнее, она все-таки — существо, стоящее несравненно его ниже, просто потому, что она женщина. „Худой муж в могилку — добра жена поподоконью“, т. е. если мужик и считался, и был дурным человеком, да умер, то жена его, хоть и хорошая, пойдет по миру, потому что одной бабе, хотя и хорошей, ни за что не прокормить семью».

По рассказам крестьян, женщина не пользуется уважением в народе как существо глупое от природы. В спорах мужики укоряют баб: «Из-за нас живете и красуетесь». Само слово «женщина» в народе не употребляется. Маленькая девочка зовется девочкой, взрослая — девкой, замужняя — бабой, старуха — бабкой. Души у женщины не признается: «Какая у бабы душа? У ней не душа, а пар»; «На семь баб одна душа». Но это, конечно, не следует принимать в прямом смысле. Бытописатель делает весьма резкие заключения, они отчасти справедливы в силу традиционно устоявшихся норм поведения и семейной иерархии, но вряд ли такая установка специально ущемлять женщину как личность была закреплена законодательством и церковными правилами, — достаточно привести при этом обязанности мужчин в отношении жен и дочерей.

«Не признавая женщину за человека и отвергая в ней душу, крестьянин обращается с женщиной вообще хуже, чем со своей лошастью или коровой. Бить жену, или, как говорится, „учить“ ее, не только не считается предосудительным, — чуть не похвальным. <...> Иронические и презрительные отзывы о женщине услышишь и в разговорах, и в песнях, и пословицах, и в сказках».

Старые девы в крестьянском обществе внушают иногда суеверный страх, поэтому народ особенно не благоволит к старым девам. «Старая дева — личность самая жалкая в крестьянской семье. Будь она и скромная, и трудолюбивая, все-таки считается, что все ее труды и достоинства никогда не вознаградят того, что на нее потрачено вообще и что тратится. „Старая девка — семейная язва“. „Старые девки“ считаются воплощением злобы»⁹⁸. Выражая расхожее мнение крестьянского общества, Н. А. Иваницкий объективно не разде-

⁹⁷ *Иваницкий Н. А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии. С. 52.

⁹⁸ Там же. С. 54–55.

ляет его, считая этих женщин во многом несправедливо обиженными социальной средой. Надо полагать, повсеместно в крестьянской культуре бытует все же не реальное отношение к «старым девам», а его образное фольклорное воплощение.

С прагматической точки зрения в разряд отверженных и бесполезных членов в крестьянском сообществе попадали старики и старухи. «К ним относятся вообще без всякого уважения и в лучших случаях — с холодным равнодушием. Если еще они сохранили умственные способности и могут служить как советники в важных семейных делах или если „дедка“ сохранил обаяние своего прежнего непреклонного характера, то его как бы побаиваются, по старой привычке, но если старик и старуха слабы и умственно и физически, то к ним относятся с нескрываемым пренебрежением и обыкновенно с иронией. На старух смотреть — так не жить, говорит молодежь»⁹⁹.

Однако уважительное отношение к родителям является своеобразной моральной аксиомой в образном мире фольклорной культуры, воплощением сути бытия. Достойным и уважительным со стороны общепринятых правил поведения считалось «додержать» родителей до их естественной смерти. И наоборот, плохое содержание старых родителей порицалось в обществе¹⁰⁰.

Реальное отношение к престарелым родителям могло отклоняться от идеала, так как существовали некоторые особенности, продиктованные традицией, бытовой обстановкой, семейной и жизненной ситуацией, личным характером и темпераментом детей и родителей и т. п.

⁹⁹ Там же. С. 55.

¹⁰⁰ Подобные «моралите» можно встретить в разных типах и формах высказывания в мемуарной литературе местных бытописателей. Например: «Тяжко тому, кто, проявляя грубость и неуважение, вызовет гнев родителей. Тот не только лишится родительского благословения, но, что самое страшное, — может получить проклятие родителей. Не будет такому человеку ни счастья, ни благополучия в жизни, злой рок будет преследовать его на всем протяжении жизненного пути. Оттого ли у нас на Севере в прежних семьях родители пользовались таким глубоким уважением и любовью детей? Сыны и дочери, строго выполняя свои священные обязанности, родителей уважали, поили, кормили и создавали уют на протяжении всей их жизни. Лишь только теперь, наблюдая новые семейные взаимоотношения молодого поколения со старым, когда старики бросаются детьми на произвол судьбы, когда забота о престарелых родителях перелagается на общество, на институты зарождающихся домов для престарелых, теперь, поняв весь ужас и бесчеловечность этих отношений, убеждаешься, какая великая народная мудрость и гуманизм были заложены в этих необычных, странных по теперешним взглядам, ритуалах родительского благословения. Даруемое детям родительское благословение имело и другой аспект — чисто психологический. Люди на протяжении всей своей жизни верили в чудодейственную силу родительского благословения, которая в трудных обстоятельствах жизни давала им смелость, отвагу и мужество». — Худяков П. А. *Говор и быт Малопинежья*. С. 81–82.

«Родительское благословение / проклятие» в традиционной системе ценностей имело определяющее влияние на судьбу детей. Об этом, как правило, вспоминают тогда, когда по большей части жизненный путь человека входит в свою завершающую стадию. Поэтому в повествовательной структуре мемората о прежней жизни «родительское благословение / проклятие» присутствует как обязательный сюжетный элемент¹⁰¹.

Память об умерших родителях, как правило, была регламентирована церковью: посещение кладбища с целью поминовения умерших родителей совершалась в родительские субботы. Посещение кладбища в неурочные дни было не принято. Запрет на умерщвление престарелых членов рода, очевидно имевшее место в старые времена¹⁰², отчасти отразился в неясных поверьях и суевериях, но сохранился в фольклоре в виде архетипической сюжетной модели — конфликта между родителями и детьми.

Отношение к детям в крестьянских семьях также далеко от идеальных представлений. Н. А. Иваницкий приводит следующие наблюдения: «Женившись и начав семейную жизнь, молодой крестьянин говорит: „Будет с нас, не робята у нас, а робята будут — на себя добудут“, — или: „Будет роток — будет и кусок“, — но все-таки, вследствие непрочности своего экономического положения, он ужасно боится, чтобы у него не народилось лишних детей. Под лишними разумеются обыкновенно девочки, появление которых на свет встречается иногда как истинное несчастье. Но если девочек и нет или их не излишек, одного сына считается недостаточно, хотя он, как одиночка, и освобождается от воинской повинности. О маленьких детях говорится: „Детки маленькие съест не дадут, вырастут побольше — износить не дадут“, т. е. при большой семье родители часто себе самим должны отказывать в куске хлеба, чтобы дети были сыты, а когда эти дети подрастут — своего платья не успеешь износить, потому что надо его перешивать для детей»¹⁰³.

Надо полагать, что бытописатель приводит отнюдь не исключительное отношение крестьян к своим детям; очевидно, такое представление было допустимым в крестьянской семье, но наряду с ним присутствовали истинные чувства: забота и уход за детьми (особенно за больными), участие в судьбе сирот и т. п.

¹⁰¹ Достаточно указать на широко распространенный сюжет несказочной прозы (быличек) о том, как нечистая сила забирала детей в результате материнского проклятия.

¹⁰² Страх родителей остаться без помощи и поддержки на старости лет настолько устойчив и велик, что сохранился в сознании людей почтенного возраста до настоящего времени. Этот страх является постоянным источником устных фольклорных рассказов, «слухов и толков».

¹⁰³ *Иваницкий Н. А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии. С. 55.

Тем не менее Н. А. Иваницкий приводит еще несколько замечаний относительно семейных взаимоотношений: «Отец обыкновенно не обращает на маленьких детей никакого внимания, отчасти за недосугом, отчасти и более потому, что не в обычае нянчиться мужику с ребятишками — беседовать с ними, ласкать их, — это бабье дело». Отцовская забота («отцовство») не было выражено особыми эмоциональными или вербальными манифестациями и, вероятнее всего, понималось и воспринималось со стороны детей на уровне доброго отношения и отеческого поощрения по итогам выполненной работы.

Материнство в системе крестьянских моральных устоев имеет высокий статус. «Мать — вечная и неустанная попечительница и защитница своих детей... Шалют маленькие дети — она сама их наказывает, но никогда при чужих людях, а если нашьалют большие, старается скрыть их шалости всеми зависящими от нее средствами.

Детей крестьяне наказывают вообще редко. Мать обыкновенно только крикнет на ребенка, если он распалился, в худшем случае дернет его за ухо или за волосы, и то больше, если он попался под руку. Секут детей в редких случаях, больше ограничиваясь угрозами. А если уж и приходится сечь, то это обязательно исполняет отец; мать для этого слишком „жалостлива“.

Лет семи девочка зимою начинает прясть, кропать (штопать) что-нибудь из платья, так что незаметно приучается к делу. Это продолжается до замужества. Летом девочки нянчатся с маленькими детьми у себя дома, а не то поступают в пестуни к чужим людям на время полевых работ, с 12 лет начинают работать серьезно, первоначально грести сено, потом косить, жать и проч.»¹⁰⁴.

Мальчик становится работником с такого возраста, как только позволят его силы¹⁰⁵. Физически крестьянские дети развиваются несравненно ранее городских. Но попадают крестьянские парни, достигшие 17-летнего возраста, имеющие вид людей пожилых: низкий приостановившийся рост, желтоватый цвет кожи, тусклые глаза, морщины на лбу, бледность слизистых оболочек и проч. Обычно

¹⁰⁴ «Мальчиков в деревне ценили больше. Рождение девочки не было желательным, так как девочек не наделяли землей. Когда же девочка подрастала, то ее ценили только как работницу, заставляя нянчить детей, мыть полы, стирать белье, чинить одежду и выполнять многое другое. Когда же она становится девушкой, то взгляд на нее остается один и тот же. Более того, на нее смотрят как на чужую, и поэтому девушка живет только будущим, ожидая суженого. Она должна запастись себе приданое, копить свое собственное имущество». — *Сухих В. А. Воспоминания.* С. 41.

¹⁰⁵ Общим местом в воспоминаниях является следующее: «Лет с шести-семи детей берут с собой на полевые работы. Дети целыми днями помогают взрослым: гребут сено, возят на лошадях копны, жнут, таскают снопы». — Там же.

такая «собачья старость» обуславливается не одним непосильным трудом, а также и дурным питанием с младенческого возраста и перенесением острых болезней: тифа, оспы.

Привязанность детей к матери сильна¹⁰⁶. Но если мать умерла и отец женился на другой, то этой женщине, хотя бы она и отличалась положительными качествами, трудно заслужить любовь пасынков и падчериц. В лучшем случае к ней холодно-равнодушны. Если же она женщина со слабостями, жизнь ее самая печальная. Пока дети малы, она еще живет сносно. Злые языки говорят: «Сдобрилась мачеха до пасынка: велела в заговенье щи дохлебать». Но как только дети встали на ноги, они непременно составят ничем не расторгимую коалицию против женщины, которую никогда и ни в каком случае не признают за родную¹⁰⁷. Одним словом, семейные отношения были лишены тех идеальных патриархальных установок, с которыми можно встретиться зачастую в художественной литературе или фольклорно-этнографических очерках. Однако реалии повседневной семейной жизни, отраженные в быту и отчасти в фольклоре, не позволяют представить допустимые нормы поведения в крестьянской семье только с отрицательной или положительной коннотацией.

Скрытыми или потайными остаются многие стороны жизни северного крестьянина. В частности, половые и интимные отношения остаются вне широкого круга обсуждения даже односельчанами и членами одной семьи. Правда, в период молодежных гуляний в поле зрения попадают молодые пары, парни и девушки, испытывающие к противоположному полу определенный интерес. Они становятся предметом пересудов, сплетен, дразнилок, издевок, насмешек, лирическими героями частушек, припевок на молодежных вечеринках и т. п.

Может быть, с обыденной точки зрения все это называется культурой повседневности. За этой повседневностью скрывалась другая сторона сельской жизни, которую принято связывать с народными праздниками. Праздники на Вычегде носили преимущественно об-

¹⁰⁶ Действительно, в своих воспоминаниях авторы указывают на исключительно уважительное отношение к матерям: «Мама к нам, детям, относилась по-матерински, любовно. Бывало, качая своего малыша в зыбке, говорит ему, когда он проснется: „Потягушки“ или „Ручки, дай ручки“, — и малыш тянет ей ручки. После этого она берет его к себе на руки и тут же начинает играть с ним в „Ладушки“ или „Сорока кашу варила“. Как мы все радовались вместе с мамой, когда она ставила малыша на ноги и говорила: „Дыбки да дыбки!“ Или подбрасывала его вверх, при этом ничего не смыслящий ребенок почему-то начинал смеяться. А если ребенок был уже крепким и мог при этом приплясывать, то это вызывало у всех присутствующих восхищение, радость и самые лучшие пожелания в адрес малыша». — Там же. С. 40—41.

¹⁰⁷ *Иваницкий Н. А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии. С. 56.

щинный характер. Даже свадьба, крещение и похороны, казалось бы прочно связанные с частной жизнью крестьянской семьи, были, естественно, ритуализированы и регламентированы сельским обществом. Народные праздники зависели прежде всего от церковного календаря, поэтому наиболее заметны в системе праздничной жизни вычегжан и вилежан были престольные праздники. Впрочем, подобное положение характерно практически для всей территории проживания русских¹⁰⁸. В церковной традиции «храмовые или престольные праздники — праздники местные, и празднуются они в дни освящения храмов или в дни воспоминаний событий и святых, в честь которых устроены храмы»¹⁰⁹. Однако в народной православной культуре понимание и содержание праздника оказывается гораздо шире. «Престольный праздник — это один из праздников годового календарного цикла, отмечаемый как главный местный праздник в одном или группе населенных пунктов, установленный в честь храма или часовни либо определенный сельским обществом, связанный с обычаями приема гостей и осознаваемый как праздник данного сообщества местными жителями и их соседями»¹¹⁰. Как правило, на Вычегде престольный праздник был закреплен за отдельным церковным приходом, в который входила группа населенных пунктов. Так, на Виледи в XIX — начале XX в. насчитывалось 11 приходов: Богоявленский (с. Вилегодск), Ильинский (с. Ильинско-Подомское), Никольский (с. Никольск), Николаевский (с. Николаевск), Покровский (с. Березник), Поршенский (с. Козаково), Шалимовский (с. Беляево), Пречистенский (с. Пречиста), Селянский (с. Селяна), Спасский (с. Павловск), Христофорово-Пустынский Богородицкий (с. Пустынь). На Виледи было 14 церквей и 6 часовен. В каждом из приходов отмечались по два и более храмовых праздника, их еще называли «пивными» или «съезжими». К тому же к престольным праздникам были приурочены ярмарки. Только в Ильинском и Павловском приходах было до шести ярмарок в год¹¹¹. Обычно праздничный распорядок заключался в приеме «дальних гостей» (как правило, родственников,

¹⁰⁸ Русские. М., 1999; Тульцева Л. А. Престольный праздник в картине мира (мироколице) православного крестьянина // Православная жизнь русских крестьян XIX—XX вв.: Итоги этнографических исследований. М., 2001. С. 124—167.

¹⁰⁹ Настольная книга священнослужителя. Электронный ресурс. Режим доступа: http://azbuka.ru/tserkov/bogosluzheniya/liturgika/nastolnaya_knigasvyaschennosluzhitelya_14-all.shtml.

¹¹⁰ Черных А. В. Состав и особенности распределения престольных праздников у русских Прикамья // Традиционная культура: Науч. альм. 2012. Вып. 1. С. 28—29.

¹¹¹ Незговорова Е. Народные праздники // Вилегодский край: Сб. ст. и мат-лов. С. 104.

живущих в других приходах), праздничной трапезы, посещения ярмарки, гуляний молодежи. Среди календарных праздников на Виледи особенно широко отмечалось яичное заговенье («(я)ишно заговенье») — первое воскресенье после Троицы. Праздник этот относился к известным и распространенным на севере пивным, или луговым, праздникам, «гуляющему заговенью», обычай отмечать которые зафиксирован еще в церковных документах XVI—XVII вв. как вредная и порочная привычка простонародья. Повсеместное празднование яичного заговенья, очевидно, восходит ко времени, когда вся Виледь составляла единую Вилегодскую волость. В воспоминаниях местных жителей до настоящего времени он оставил глубокий след.

«Кто из нас не помнит, как утром мать варила в луковичной шелухе яйца, вынимала их из чугунка и раздавала нам, а мы бежали в деревню „биться“ со сверстниками — у кого яйцо крепче. Или шли мы к специальной яме с лотком. В какой деревне ее не было, этой знаменитой ямы? Мужики деревенские старательно вырубали ее в земле диаметром метра два, глубиной сантиметров десять. Кромки ее делали с некоторым уклоном: если бы края ее были отвесными, то яйца игроков, пущенные с лотка, ударялись бы о них, кувыркались, перевертывались. А если яйцо до края уклонистого добежало, то и обратно скатывалось. Простое ли дело катать яйца? Тут нужна сноровка, легкая рука и даже подготовка. Самые заядлые игроки готовились к этому катанию загодя, зимой! Да. На трубку русской печи под самый потолок ставили сырые яйца острым концом вверх. Яйца наполовину высыхали. При катании такое яйцо — с сухой вершиной — можно было поставить на лоток так особенно, что оно или на середину ямы выбежало, или под желобок закручивалось, туда, где больше стоит яиц других игроков-неудачников. Яйцо-юла! Так его называли. А про самых умелых катальщиков говорили: „Без шуму, без гаму очистил всю яму“. И в каждой деревне был такой человек. Знали, что он, и никто другой, унесет домой все яйца! А народу вокруг ямы собиралось множество. И старики седые приходили с корзинками. Серьезное это было дело — яйца катать. Ребят малых не допускали»¹¹². Были и другие способы разыгрывать яйца: в карты, под шапкой, «в меленку». Следует отметить, что игры на Вычегде (в частности, на Виледи) представляли богатый и разнообразный мир досуговой жизни местных крестьян¹¹³.

¹¹² Редькин Н. И. Праздник нашей памяти // Вилегодский край: Сб. ст. и матлов. С. 105—106. См. также описание этого праздника: Сухих В. А. Воспоминания. С. 143—148.

¹¹³ Сухих В. А. Указ. соч. С. 176—226.

В связи с праздниками необходимо сделать несколько замечаний о праздничной пище. Атрибутом крестьянского праздника на Вычегде непременно являлся хмельной напиток — пиво, изготовление которого едва ли не представляло собой ритуальное действие в каждой семье, а в более ранние времена имело общинное значение, изготовление пива допускалось даже в церкви, «на подклети»¹¹⁴. На праздничном столе обязательно появлялись блины, рыбники, кисель, заспанные шаньги, колобушки, яйца и др.

Особенности фольклорной культуры

Фольклор нижней Вычегды в течение долгого времени не привлекал в комплексе специального внимания ни собирателей, ни исследователей. До сих пор нет публикаций текстов и музыкально-этнографических материалов, сколько-нибудь полно представляющих жанровый репертуар традиции, равно как и аналитического описания традиционной культуры этого самобытного региона Русского Севера. Вместе с тем вопрос о таком издании стоит сейчас особенно остро не только потому, что без него наши знания о традиционной культуре Русского Севера, и особенно восточной части региона, могут оцениваться как неполные и фрагментарные. Аналитическое описание нижневыхегодской традиции — это ключ к пониманию устной традиционной культуры Северной Двины, являющейся историко-культурной «осью» всего Русского Севера.

В чем же заключается причина такого невнимания к нижневыхегодской традиции со стороны исследователей? Для того чтобы прояснить сложившуюся ситуацию, парадоксальную на фоне большого количества публикаций, посвященных фольклору Русского Севера, обратимся к истории изучения культуры региона.

Собирание фольклора на территории нижней Вычегды началось в последней четверти XIX в. В «Живой старине» и «Этнографическом обозрении» выходят статьи Н. Г. Ордина¹¹⁵, Н. А. Иваницкого

¹¹⁴ Рецепт изготовления (варки) пива у местных крестьян в принципе один, но каждый хозяин имеет свои маленькие секреты. См., например: *Сухих В. А.* Указ. соч. С. 132—135. Местные жители рассказывают: «Пиво пили. Раньше водки мало вот в деревнях было. Наварят большие чаны пива. И пиво, стаканов не было, называлась ендова, или как братынь. И вот эта братынь ходила по кругу, и каждый пил. Я попила, и ты попила, и еще кто попил, все по кругу пустят эту... Ее наливают полную, и так по кругу, сколько людей есть за столом, так и пьют» (Ленский район, д. Поладино, зап. А. Александрова 12.07.2003 от Пивоваровой Н. И., 1930 г. р., урож. д. Ржаницинская Сойгинского с/с). — ФА РГПУ. 2ФА 03-29. № 17.

¹¹⁵ *Савваитов П. И.* Об этнографических материалах, собранных Н. Г. Ординым в Сольвычегодском уезде Вологодской губернии // ИРГО. 1879. Т. 15, вып. 1. Отд. 2. С. 18—19.

о нижневыхегодской свадьбе¹¹⁶, а также публикации в числе прочих и вычегодских песенных текстов в книге «Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии»¹¹⁷. В 1902 г. известный музыковед-фольклорист Е. Э. Линева делает первые фонографические записи песенного фольклора в деревне Фоминской Сольвычегодского уезда¹¹⁸. В «Записках Северо-Двинского общества изучения местного края» (1928. Вып. 5) публикуется статья Н. Н. Аруева «Крестьянские свадьбы в дореволюционное время около города Сольвычегодска». В 1935 г. Е. В. Гишпиус издает сборник «Яренские песни, напетые А. А. Эповой», в который вошли выполненные им нотные транскрипции части фонографических записей, осуществленных в 1926 г. в Ленинграде¹¹⁹.

По заданию Фольклорной комиссии Союза композиторов России для сбора фольклорного материала на Вычегду и Виледь направляются А. С. Кабанов, В. М. Щуров, Е. С. Кустовский, В. Б. Сорокин и А. В. Медведев¹²⁰. В архиве Фольклорной комиссии содержатся также материалы экспедиции А. С. Абрамского, побывавшего в нескольких селах Ленского района в 1964 г. По материалам, собранным в 1950—1970-х гг., Фольклорной комиссией планировалось издание объемного труда «Песни Вычегды-реки» под научной редакцией Е. В. Гишпиуса, так и оставшегося неопубликованным¹²¹.

С 1970-х гг. начинается планомерное исследование региона филологами. В 1973—1974 гг. в Ленском и Вилегодском районах побывали студенческие экспедиции МГУ. Материалы этих экспедиций частично были использованы при публикации двухтомника «Русская свадьба» (М., 2000).

¹¹⁶ Иваницкий Н. А. Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность. С. 26—28.

¹¹⁷ Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии / Подг. текстов, вступ. ст. и примеч. Н. В. Новикова. Вологда, 1960. №№ 31, 32, 33, 39, 60, 64, 72, 73, 75, 97, 109, 110, 122, 124, 127, 130, 156, 159, 165, 174, 195, 196, 199, 210, 216, 222, 226, 230, 231, 264, 267, 268, 281, 286, 300, 364, 368, 377, 391, 405, 491, 492, 494, 495, 496, 497, 516, 525, 528, 532, 533, 586.

¹¹⁸ 20 русских народных песен в звукозаписях Е. Линевой, М. Пятницкого, З. Эвальд, Е. Гишпиуса 1897—1935 гг. / Сост., нотирование и общая редакция Е. В. Гишпиуса. М., 1979.

¹¹⁹ ФА ИРЛИ. ФВ 0258.01—0271.01.

¹²⁰ Экспедиции состоялись в 1959, 1971—1973 гг. Как результат этих поездок в Москву приглашается ансамбль из с. Кулиги Ленского района. Партитурные нотации четырех песен в исполнении этого ансамбля опубликованы в сборнике: 12 РНП.

¹²¹ Е. В. Гишпиусом было нотировано более 400 фонограмм вычегодских и вилегодских песен. К сожалению, значительная часть нотных транскрипций утрачена. Пока опубликованы лишь четыре образца лирических и свадебных песен (см.: Материалы и статьи: К 100-летию со дня рождения Е. В. Гишпиуса. М., 2003. С. 172—181).

С середины 1980-х гг. на нижней Вычегде и Виледи проводили записи сотрудники и студенты Сыктывкарского университета. В результате этих исследований был издан сборник «Традиционный фольклор Вилегодского района Архангельской области (в записях 1986—1991 гг.): Исследования и материалы» (Сыктывкар, 1995). В сборник вошли материалы и исследования основных жанровых групп: тексты свадебных, игровых, необрядовых лирических песен, приговор дружки, лечебные заговоры, загадки, обзор сказочной и несказочной прозы. По материалам нижневыхгодского фольклора были защищены две кандидатские диссертации: О. Н. Вотинцевой «Свадебный фольклор средней и нижней Вычегды (функциональное определение музыкально-поэтических жанров)» (2002 г.)¹²² и Ю. А. Крашенинниковой «Свадебные приговоры дружки (структурно-семантический, функциональный аспекты жанра)» (2003 г.)¹²³.

Таким образом, к концу XX столетия был собран репрезентативный материал, который может стать базой для исследования музыкально-поэтического фольклора нижней Вычегды.

Почему же такое исследование до настоящего времени не было осуществлено? Вероятно, одна из причин заключается в том образе местной культуры, который сложился в профессиональной фольклористической среде. В отличие от других региональных традиций Русского Севера (например, старообрядческой Печоры, Пинежья, Мезени и т. п.) на Вычегде не обнаружено волнующей каждого собирателя «экзотики». Локальная специфика вычегодской песенной культуры не очевидна; ее отличия от других севернорусских традиций заключены в сочетании множества явлений, лежащих на пересечении словесной и музыкальной сфер, индивидуально-го и коллективного начал, быта и ритуала. Чрезвычайно значимыми оказываются также историко-социальные, хозяйственные и конфессиональные факторы. Все это указывает на необходимость углубленного комплексного изучения традиционной культуры нижней Вычегды.

На основании полевых материалов можно констатировать довольно незначительный запас традиционной памяти местного населения, что привело к своеобразному «минимализму» местных культурных традиций. Сумма традиционных знаний укладывается

¹²² Вотинцева О. Н. Свадебный фольклор средней и нижней Вычегды (функциональное определение музыкально-поэтических жанров): Автореф. дисс. (...) канд. филол. наук. Ижевск, 2002.

¹²³ См.: Крашенинникова Ю. А. Свадебные приговоры Вилегодского района Архангельской области в рукописной и устной традиции XX в.: (Исследование и тексты). Сыктывкар, 2009.

в общепринятый, стандартный и весьма ограниченный набор обрядово-ритуальных практик и фольклорных текстов, репрезентирующих культуру большинства и представляющих культурный «ресурс» традиции, способный только завести механизмы самоидентификации и самосохранения социума. Чрезвычайно важно отметить, что «ресурс» локальной памяти имеет мало общего с тем, что мы понимаем под архаической моделью мировоззрения носителя этнической культуры (хотя внутренне, естественно, сохраняет ее, как и некоторые формы современной городской культуры, к примеру). В традиции активно функционируют только те жанровые формы и тексты фольклора, которые способны отвечать запросам времени, массовым вкусам и моде. Поэтому системная и стилевая доминанта такой традиции зависит во многом от внефольклорных факторов и исторически актуальных дискурсивных практик.

Важнейшее и до сих пор не изученное свойство северорусской культуры связано с интенсивным взаимодействием в ней устных и письменных традиций, в частности с влиянием старообрядческой книжности на возникновение фольклорных текстов. В разработке этой проблематики очевиден приоритет филологических подходов и методов изучения традиционных текстов.

В этномузыкознании уже в течение десятилетий дискуссионным остается вопрос о взаимовлиянии древнерусской (старообрядческой) певческой культуры и местного песенного фольклора. Вполне естественно, что эта проблема всегда связывалась с изучением традиционной музыки Русского Севера, где влияние старообрядчества проявилось наиболее заметно. После долгого и безуспешного поиска прямых заимствований музыкальных текстов или их фрагментов исследователи пришли к выводу о том, что такое взаимодействие двух различных музыкальных систем возможно лишь на уровне наиболее общих принципов звуковысотной организации музыкально-фольклорных текстов. В частности, оно может проявляться в подобии приемов мелодического развертывания¹²⁴.

¹²⁴ Ср.: «В напевах (...) лирических песен получил развитие мелодический развод, то есть те ариозные элементы, которые известны по практике фит знаменного роспева. Традиция фит очень близка культуре разводов протяжных песен. (...) Само слово „развод“ встречается и в практике знаменного пения, как раз в контексте со словом „фита“. (...) Одоевский, один из крупнейших исследователей русской народной песни середины прошлого (XIX) столетия, специально интересовавшийся вопросом стилистических аналогий между культурой протяжной песни и знаменным роспевом, называл эти разводы прямо фитами, переноса это название на песни». — Стенограмма лекции Е. В. Гиппиуса в Московской консерватории 7 марта 1945 г. Цит. по: Материалы и статьи: К 100-летию со дня рождения Е. В. Гиппиуса. С. 50–51.

Проблема соотношения и взаимовлияния народной и церковной певческих традиций представляется актуальной и в связи с исследованием музыкально-поэтического фольклора нижней Вычегды. Традиции высокоразвитого профессионального церковного пения («усольская школа мастеропения») были заложены здесь еще во второй половине XVI в. Можно с большой степенью уверенности предположить, что они определенным образом повлияли на музыкально-певческую культуру всего Вычегодского региона. В частности, появление и певческая практика виртуозных певческих ансамблей в среде народных исполнителей могут быть связаны с устойчивой традицией обучения церковных певчих у лучших мастеров в г. Сольвычегодске¹²⁵.

Взаимовлияние народного и церковного певческого искусства — лишь одна из сторон более крупной проблемы, все еще остающейся недостаточно изученной, хотя к ней в последние годы обращено внимание многих исследователей. Это проблема взаимоотношений традиционной народной культуры и православия, проецирующаяся и на область взаимодействия устных фольклорных и книжных христианских традиций. Она представляется весьма актуальной для исследования фольклора нижней Вычегды в связи с существованием здесь нескольких крупных духовных центров, явившихся важным стимулом для формирования местного самосознания и закрепления исторической памяти. Помимо Сольвычегодска — первой «столицы» Строгановых — это основанные в XVI в. Николо-Коряжемский монастырь, Христофорова и Сойгинская пустыни. Возникают местные культы святых и святынь, которые способствуют закреплению в сознании жителей за этими землями понятия «своей отчины» (родины).

В свете этого показательным представляется и малое количество в репертуаре рождественских обходов местных версий фольклорных колядных текстов, полностью вытесненных общераспространенной молитвой «Христос рождается, славите»¹²⁶. По мнению Ю. И. Смирнова, на Вычегде, возможно, бытовало «винограде», но и оно существовало в той форме, которая была ближе к городским

¹²⁵ Подробно см.: *Парфентьев Н. П., Парфентьева Н. В.* Усольская (Строгановская) школа в русской музыке XVI—XVII вв. Челябинск, 1993.

¹²⁶ Единичные записи текста «коледы» нами были зафиксированы только на Виледи. — См.: Традиционный фольклор Вилегодского р-на Архангельской обл. (в записях 1986—1991 гг.): Исслед. и мат-лы. Сыктывкар, 1995. С. 155—156. Но и они представляют собой следы детских развлечений, привитых учителями церковно-приходских школ, с прямой отсылкой к текстам колядок из кн.: Русская хрестоматия с примечаниями для высших классов средних учебных заведений / Сост. А. Филонов. 6-е изд., испр. и доп. СПб., 1897. Ч. 2. С. 8—9.

полупрофессиональным коллективным типам песенного творчества¹²⁷.

Напротив, весьма распространенным и разнообразным в сельской среде оказался набор песенных текстов хороводно-игрового характера, функционально связанный с системой местных престольных праздников. Игровые и хороводные песни, по-видимому, стали в традиционной культуре нижней Вычегды знаковым выражением состояния праздничной атмосферы и снимали конфликтную ситуацию между «старыми» и «новыми» порядками, между новыми пришельцами и относительно старыми жителями региона. Они вносили столь необходимый для праздничной атмосферы момент гармонии и единения коллектива. Обращает на себя внимание то, что местные хороводные тексты фактически не закреплены за конкретными датами или периодами народного календаря. Наиболее часто встречающаяся ремарка исполнителей по поводу их приуроченности — «караводная на игришке» — не информативна, поскольку «игришке» в местной традиции устраивалось не только на Святках, но и в любые другие праздничные дни.

Неприуроченность вычегодских хороводов вряд ли может квалифицироваться как следствие угасания традиционной культуры. Хороводно-игровые тексты, зафиксированные в регионе, многочисленны. Кроме того, здесь существуют циклы, объединяющие собственно хороводные песни и припевки. Тексты последних чаще всего обращены к паре и содержат призывы к поцелую¹²⁸ или же представляют собой шуточные диалоги-перекоры (в тех случаях, когда хоровод связан с движением «стенка на стенку»).

Частые переселенческие волны, отходничество местного населения в города (в более позднее время), рекрутчина, суровые климатические условия не способствовали закреплению в традиции архаических элементов и развитию местных самобытных вариантов обрядовых и праздничных форм аграрного календаря на Севере. Скорее они создавали условия для проникновения в сельскую культуру городских массовых форм праздничных гуляний и соответствующих текстов. Это приводило к унификации эстетических вкусов сельского населения и стандартизации некоторых текстовых вариантов. Этому содействовала получившая широкое распростра-

¹²⁷ Смирнов Ю. И. Колымское виноградьё // Фольклор Сибири: Элементы архитектоники: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1990. С. 18; см. также: Истомин, Ляпунов. С. 46—47 (некоторые обстоятельства относительно записи см.: Истомин Ф. М., Ляпунов С. М. Отчет об экспедиции для собирания русских народных песен с напевами в 1893 г. // ИРГО. 1894. Т. 30. С. 341—342).

¹²⁸ Ср. народное обозначение: «с целовкóм».

нение книжная культура, включая церковную книжность и более поздние массовые (народные) издания литературы.

С этой точки зрения вполне объяснимым представляется преобладание в корпусе лирических песен текстов городского, часто авторского происхождения («За Дунаем гуляет казак молодой», «Маленький мальчишечка в горенке сидел», «Цыганочка молодая» и др.), а также очень малое количество собственно протяжных песен в распетых, жанрово характерных формах. Пласт стадиально более ранних песен, обозначаемых исполнителями как «долгие» («За Невагою», «Из-за лесу, лесу темного», «Кусточки лавровые» и др.), уже в 1960-х гг. количественно уступал «общим» песням с широкообъемными напевами, не имеющим выраженной местной специфики.

Лирические неприуроченные песни на Вычегде составляют оппозицию свадебным и хороводным по многим параметрам: по принадлежности к разным историко-стадиальным пластам, а отсюда — по музыкальной стилистике; наконец, по составу певческих ансамблей, в репертуар которых они входили¹²⁹.

Очевидно, что облик нижевычегодской фольклорной традиции, каким он предстает в экспедиционных материалах второй половины XX в., отражает ее состояние в определенный — завершающий — период существования региональной песенной культуры. Для того чтобы воссоздать хотя бы гипотетически путь ее развития, необходимо провести отдельное исследование, основанное на методах сравнительно-исторической реконструкции. Основой такого исследования могут послужить не только осуществленные в регионе фонографические звукозаписи, но и более ранние источники. В частности, ценный материал может предоставить фиксация эпических песен «Богатыри на Соколе-корабле» и «Отравление Скопина» в функции рождественско-святочных виноградий в устной традиции в с. Дымкове около Великого Устюга в 1893 г.¹³⁰ и на Вычегде, в районе Сольвычегодска¹³¹, в конце XIX в., а еще раньше — в местных письменных сборниках¹³².

Источники позволяют сделать важный вывод о том, что наряду с образованием унифицированного и стандартизированного культурного слоя, востребованного большинством и выполняющего

¹²⁹ Экспедициям 1970-х гг. еще удалось записать лирические песни в исполнении мужских и смешанных ансамблей, но это, к сожалению, только единичные записи.

¹³⁰ Истомина, Ляпунов. С. 47—49.

¹³¹ Савваитов П. И. Об этнографических материалах, собранных Н. Г. Ординым в Сольвычегодском уезде Вологодской губернии. С. 18—19.

¹³² Былины в записях и пересказах XVII—XVIII вв. / Изд. подгот. А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.; Л., 1960. С. 299—300.

функцию памяти традиции, возникал и даже до некоторой степени противостоял благодаря своему творческому потенциалу иной стилиевой пласт, представляющий собой вершинные образцы народного искусства. Особенно ярко такая дифференциация в традиционной культуре нижней Вычегды воплощается в существовании наряду с «обиходными» и виртуозных «замкнутых» певческих коллективов, которые были зафиксированы здесь в начале XX в.¹³³

Чрезвычайно важными аспектами исследования вычегодского материала представляются те его формы, в которых тесно соприкасается природа фольклорного и профессионального письменного поэтического творчества. На Вологодчине существовала еще одна традиция — бытование былин в рукописном виде. Так, рукопись РНБ 1803 г. и старинные тетрадки, с которых был переписан Н. Ординым «Илья Муромец на Соколе-корабле», составлялись образованными любителями певческого искусства, включавшими в свой репертуар тропари, песнопения духовного содержания, песни поэтов XVIII в. и фольклорную обрядовую лирику и эпикку¹³⁴.

К подобного рода фактам следует отнести «записи» былинных сюжетов, обнаруженные в местной рукописной традиции XVII—XVIII столетий¹³⁵. Среди известных 45 списков с «записями» былин к местной традиции можно отнести 10 текстов с сюжетами: «Илья Муромец», «О поединке Ильи Муромца и Соловья-разбойника» (1, 2, 3, 5, 6, 12, 13, 21), «О семи русских богатырях» (31), «Ставер Гаденович» (44)¹³⁶.

Известное положение Б. Н. Путилова о том, что «местная специфика проявляет себя через сопоставление с „общерусским“, общенародным»¹³⁷, может быть существенно скорректировано при ха-

¹³³ Речь идет в первую очередь об ансамбле братьев, записанном Е. Э. Линевой в д. Фоминская Сольвычегодского у., правда, уже на левобережье Северной Двины, на границе с Устюжским районом. Именно их мастерство привело Е. В. Гишпиуса к выводам о севернорусских исполнительских традициях: «Наиболее искусные певцы индивидуализировали и оттачивали местные общинные стили распевов и делали это столь же профессионально, как творила поэтические тексты плачей (...) Арина Федосова». — Двадцать русских народных песен в звукозаписях Е. Линевой, М. Пятницкого, З. Эвальд, Е. Гишпиуса, 1897 — 1935 / Сост., нотирование и общ. ред. Е. В. Гишпиуса. М., 1979. С. 6.

¹³⁴ *Иванова Т. Г.* «Малые» очаги севернорусской былинной традиции: Исслед. и тексты. СПб., 2001. С. 148.

¹³⁵ Былины в записях и пересказах XVII—XVIII вв. К устюжским по бытованию относится рукопись РНБ. Q. XVII. № 194.

¹³⁶ В скобках — порядковый номер по изданию.

¹³⁷ И далее: «При этом важно иметь в виду, что понятие общенародного обретает реальность на уровне отношений между региональными / локальными традициями. Общенародные признаки вычлняются из этих традиций в виде различных обобщений, универсалий, интегрирующих качеств (...) При таком понимании региональные / локальные явления фольклора справедливо рассматривать как

рактике нижневыхегодской традиции. Соответствуя в целом параметрам традиционной культуры Русского Севера, она лишена специфических узколокальных признаков, которые выделяли бы ее на фоне других этнокультурных систем региона. В этом смысле ее можно обозначить как одну из эталонных этнокультурных систем, воплощающих региональную модель музыкально-словесной культуры Русского Севера. В данном случае эталон понимается как своеобразная точка отсчета, исследовательский инструмент, необходимый для определения локальных особенностей конкретных традиций¹³⁸. Поэтому сопоставление местной песенной культуры с «некой абстракцией» методологически бесперспективно.

Музыкально-фольклорная традиция

Полевые обследования 1959—1974 гг. застали нижневыхегодскую традицию уже не в продуктивном состоянии, однако большинство местных музыкально-фольклорных текстов все же устойчиво сохранялись в памяти народных певцов 1900—1910-х гг. рождения. В каждой из пройденных деревень собирателям удалось собрать и записать аутентичные вокальные ансамбли, насчитывавшие от пяти до двенадцати певиц, хорошо владевших местным песенным репертуаром. К сожалению, методика собирательской работы в то время была далеко не идеальной, так же как и технические возможности экспедиционных групп. Музыковеды не ставили перед собой задачи исчерпывающей фиксации местного музыкального фольклора, нередко руководствуясь собственным эстетическим вкусом. Из-за недостаточного количества магнитной пленки песни записывались не полностью, а, как правило, в объеме нескольких строк; этнографические сведения лишь изредка фиксировались в виде магнитофонной записи.

Простое статистическое описание результатов этих экспедиций демонстрирует недостаточность полученных сведений для составления полной и объективной картины состояния местной песенной культуры. Наиболее подробно обследованным оказался Лен-

конкретные воплощения и вариации общенародного, но с обязательной оговоркой: целое, общенародное существует не как источник, но лишь как обобщение вариаций, следовательно — как некая абстракция; в реальности же региональные традиции варьируют по отношению друг к другу». — *Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура. СПб., 2003. С. 147.

¹³⁸ Подробнее об этом см.: *Власов А. Н.* Традиционная культура нижней Вычегды: проблема «эталонной» составляющей в севернорусском фольклоре // Рябининские чтения-2007: Мат-лы V науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 286—289.

ский район. Экспедиция 1959 г. работала в двух населенных пунктах Сафроновского сельсовета, где было сделано 29 музыкальных записей, значительную часть которых составляли частушки и инструментальные наигрыши. В 1964 г. было осуществлено 72 звукозаписи музыкального фольклора в трех селах; в 1971 г. — 100 звукозаписей в шести селах; в 1972 г. — 88 записей в девяти селах. Наиболее результативной оказалась экспедиция 1970 г.: 240 музыкальных записей в девяти населенных пунктах. Всего в 1959—1974 гг. было обследовано 17 сел и деревень во всех девяти сельсоветах Ленского района.

Гораздо хуже складывалась ситуация в Вилегодском районе, где побывали только экспедиции 1959 и 1972 гг. Всего было сделано 104 фонограммы в семи населенных пунктах, при этом большинство музыкальных записей принадлежит к позднему стилевому пласту местной традиции.

Наконец, наименее представительной (79 образцов из шести населенных пунктов) является котласская коллекция, несмотря на то что в этом районе работали четыре экспедиционные группы, а поездка 1974 г. была посвящена исключительно сбору котласских материалов.

Главной причиной такого малого количества записей в Вилегодском и Котласском районах следует, безусловно, считать состояние местной песенной культуры. Ориентированные прежде всего на фиксацию традиционного материала в качественном ансамблевом исполнении, собиратели лишь в исключительных случаях записывали одиночных исполнителей; но собрать певческий коллектив на Виледи и вблизи устья Вычегды было сложно уже в те годы.

Единственная вычегодская экспедиция, организованная РАМ имени Гнесиных, состоялась 11 лет спустя, в 1985 г. Тем не менее она оказалась весьма результативной. Музыковед Т. С. Соловьева работала в семи населенных пунктах Ленского района, причем в четырех из них звукозаписи осуществлялись впервые. Собранная ею коллекция насчитывает 154 образца; в отличие от других исследователей, Соловьева сосредоточила внимание на песнях наиболее раннего слоя, составляющих основу местной традиции.

Общий итог собирательской деятельности московских музыковедов — 856 музыкальных записей; около 300 из них — частушки, инструментальные наигрыши, поздние городские баллады и современные авторские песни из репертуара местных клубных коллективов. Существенным недостатком работы следует считать чрезвычайно малое количество этнографических репортажей (всего девять, причем они касаются только описаний свадебного ритуала).

Одним из наиболее весомых результатов полевой работы 1959—1985 гг. стало выявление песенных очагов, записи в которых производились многократно и более подробно, нежели в остальных пройденных деревнях.

Чрезвычайно важно и то, что большинство песен записано в ансамблевом исполнении слаженных, «спетых» певческих артелей. Это дает возможность судить об особенностях многоголосной культуры на Вычегде, о сложившихся на этой территории формах совместного пения, характеристиках вокального тембра и строя и многом другом, относящемся к сфере традиционного исполнительства.

Вместе с тем обращает на себя внимание, что ни одной экспедиции не удалось обнаружить «виртуозных», «замкнутых»¹³⁹ певческих групп, оттачивающих и культивирующих локальные традиции многоголосного пения. Все записанные ансамбли следует отнести к категории «обиходных», состав исполнителей в которых допускает изменения. Это касается и наиболее известного в фольклористических кругах этнографического коллектива из села Кулиги Сойгинского сельсовета Ленского района, где побывали экспедиции 1970, 1971, 1972 и 1985 гг., и каждый раз состав певческого коллектива варьировался, что весьма незначительно сказывалось на особенностях исполнения песен. Анализ многоканальных звукозаписей демонстрирует отсутствие индивидуализации вокальных линий в многоголосной фактуре, что является одним из признаков «обиходного» ансамбля.

В 1973 г. певицы из Кулиги были приглашены в Москву для участия в музыкально-этнографическом концерте. Во время пребывания народных исполнительниц в Москве состоялась многоканальная звукозапись 19 песен в помещении Фольклорной комиссии. В эти же дни на Всесоюзной студии грамзаписи было сделано несколько фонограмм, впоследствии опубликованных на виниловом диске¹⁴⁰.

Следует отметить, что два коллектива из числа тех, с которыми работали экспедиции Фольклорной комиссии, в течение многих лет функционировали в системе клубной художественной самодеятельности: это известные в Архангельской области народные хоры сел Яренск Ленского района и Ильинско-Подомское Вилегодского района. От каждого из них было сделано большое количество музыкальных записей, достаточно полно репрезентирующих репертуар их сел, а также ленскую и вилегодскую субрегиональные традиции

¹³⁹ Термины Е. В. Гишпиуса. См. Двадцать русских народных песен... С. 6.

¹⁴⁰ См. Народные исполнители Кулиги.

в целом. Вместе с тем исполнение этих коллективов несло в себе черты, типичные для групп, в течение долгого времени выступавших на клубной сцене: снижение межстрофового варьирования, унификацию голосовых линий многоголосной фактуры, исчезновение нетемперированного вокального строя, стирание тембровой специфики и др.

Собирательская деятельность студентов Московского государственного университета на Вычегде и Виледи в 1970-х гг., основным итогом которой явились публикация нескольких свадебных песен и описания свадебного обряда, сделанные в селе Слободчикове Ленского района¹⁴¹, наглядно демонстрирует принципиальные различия в методике полевой работы филологов и музыковедов. Если для осуществления музыкальных записей, безусловно, предпочтительнее ансамблевое исполнение песен, то для филологической работы оно не только не обязательно, но часто даже и нежелательно, поскольку песенный текст отчетливее слышен в сольном звучании. Кроме того, филологи редко обращают внимание на качество ансамблевого пения, чистоту интонирования и другие признаки следования звукоидеалу локальной традиции. Звукозаписи, сделанные от случайных, слабо владеющих голосом исполнительниц, представляют напевы в искаженном, а часто даже и неузнаваемом виде, что особенно подчеркивается подробными нотировками А. Н. Иванова, тщательно зафиксировавшего мельчайшие особенности опубликованных мелодий.

Экспедиции Сыктывкарского университета 1986—1991 гг. застали фольклорную традицию нижней Вычегды на самом последнем этапе ее существования. К концу 1980-х гг. ушли в прошлое песни зимних поздравительных обходов, которые удалось зафиксировать лишь в пересказе или в небольших фрагментах, нередко с разрушенной слоговой ритмикой. То же относится и к большинству свадебных напевов. Записи песен в ансамблевом исполнении в сыктывкарской коллекции немногочисленны; большей частью это хороводно-игровые песни и наиболее поздний слой местной лирики. Вместе с тем в материалах этих экспедиций содержится очень большое количество репортажей, касающихся этнографического контекста традиций. Важно и то, что работа сыктывкарских фольклористов проходила по методике сплошного и многократного обследования территории. Особенно значимым это оказалось для вилегодского субрегиона, который был явно обделен вниманием предыдущих исследователей, особенно музыковедов. В 1990-х гг.

¹⁴¹ Опубликовано 10 напевов и 20 поэтических текстов свадебных песен. — См. РС.

выпускники Сыктывкарского университета Зинаида Мехреньгина и Алексей Бильчук продолжили экспедиционную работу, уже будучи сотрудниками Сольвычегодского историко-художественного музея, где и хранятся собранные ими фонограммы и видеозаписи.

Главной задачей составителей настоящего собрания стало сопоставление материалов, собранных в разные годы, и реконструкция на их основе системы песенных жанров, корпуса местных напевов в максимально возможном объеме, их приуроченности к обрядовым, праздничным или бытовым ситуациям.

Хорошо известно, что в масштабах всего севернорусского региона доминирует речной принцип расположения населенных пунктов¹⁴². Река в течение долгого времени оставалась, а кое-где и до настоящего времени остается главной магистралью, связывающей, объединяющей отдельные поселения, что непосредственно проецируется и на культурный ландшафт региона.

Однако для нижевычегодской традиции не менее важным оказывается принцип расположения населенных пунктов по трактам, древним дорогам, ведущим из Великого Устюга в Усть-Сысольск, Лальск, на Лузу и к другим центрам Европейского Северо-Востока. Интенсивное перемещение населения по трактам предполагает, во-первых, укрепление культурных связей с регионами, соединенными трактом; во-вторых, влияние города на местные фольклорные традиции; в-третьих, ускорение темпов саморазвития этих традиций под влиянием первых двух факторов. Названные обстоятельства во многом определили облик народно-песенной культуры нижней Вычегды.

Ее календарно-обрядовая сфера, как и в большинстве регионов Русского Севера, мало развита и ограничивается системой местных престольных праздников и святочными обходами дворов, сопровождаемыми преимущественно песнопениями церковной традиции. По-видимому, уже с давних времен календарные практики местного населения испытали сильное влияние существовавших в регионе духовных центров. Обрядовые песенные жанры, связанные с этапами народного календаря, практически отсутствуют. Их место занимают приуроченные песни, лирические и хороводно-игровые. Лишь святочный период народного календаря представлен обрядовыми напевами: *колядами* и *виноградьями*. Сведения об этих песнях скупы и фрагментарны. Трудно даже представить себе географию их бытования. На основе имеющихся записей можно пред-

¹⁴² Это отразилось и в названиях песенных сборников, посвященных музыкальной культуре Русского Севера: Песни Пинежья; Песни Печоры; Песни Мезени; Устьянские песни и др.

положить, что *виноградья* бытовали преимущественно в Ленском районе, а *коляды* — в Вилегодском¹⁴³.

Коляды исполнялись во время обходов дворов *снаряженными*, т. е. ряжеными, в Рождественский сочельник. Колядовщики приходили в старинной одежде, в вывернутых шубах, с лицами, закрытыми марлей: «*Сарафаны наденут, рожа закрыта*» (д. Икса Котласского р-на. ФА СИХМ. Ф. 0124-29). Напевы *коляд* строятся на сцеплении сегментированных восьмивременных периодов. Если по содержанию поэтического текста их группировка образует ряды из двух-трех построений, то по мелодике они объединяются попарно, благодаря чередованию заключительных опорных тонов 2 — 1:

♩ = 172

На-ка - ну - не Ро - жде - ства при - шла Ко - ля - да!

Ко - ля - да, Ко - ля - да!

Мы хо - ди - ли, мы и - ска - ли мы свя - ту - ю Ко - ля - ду.

На - шли Ко - ля - ду: сре - ди ты - на

сто - ят три те - ре - ма.

Во - дном те - ре - му я - сно со - лны - шко,

А в дру - гом те - ре - му ча - сты звё - зды...

(ФА СыктГУ. 0479-12. З/з А. Н. Власова, 1988 г., д. Мышково Вилегодского с/с Вилегодского р-на. Исп. Костина М. Н. Нот. Е. А. Дороховой.)

¹⁴³ Тексты вилегодских *коляд* из собрания Сыктывкарского университета опубликованы: Фольклор Виледи. С. 155—156.

К сожалению, не сохранилось никаких сведений об этнографии исполнения *виноградий*. Как и большинство других севернорусских образцов этого жанра, они имеют строфическое строение (aR), при этом каждый музыкально-поэтический текст начинается с рефрена и им же заканчивается, что придает песне черты формы с обрамлением. Насколько можно судить по имеющимся звукозаписям, все они являются версиями одного напева, который состоит из двух контрастных музыкально-ритмических периодов: равномерно сегментированного, отвечающего стиху основного текста, и цезурированного, соответствующего рефрену. Различны они и по звуковысотной структуре. Каждый период включает два одинаковых мелодических звена (aabb), границы которых соотносены с синтаксическими гранями формы. Однако первое и второе (рефренное) построения разворачиваются в различных звуковых шкалах¹⁴⁴:

(II) — 1 — 2 — 3 — (4) — 5

IV — III — II — 1

Музыкальный фрагмент с нотной записью и русскими текстами:

Ви - но - гра - дьё кра - сно-зе - лё - но - ё!

Уж мы хо - дим, мы хо - дим по Кре - млю - го - ро - ду.

Ви - но - гра - дьё кра - сно-зе - лё - но - ё да,

Уж мы и - шем, мы и - шем го - спо - ди - нов двор,

Ви - но - гра - дьё кра - сно-зе - лё - но - ё да,

¹⁴⁴ Ступени лада обозначаются в соответствии с системой Коллера — Гиппиуса, согласно которой ступени выше главного опорного тона (1-й ступени) нумеруются арабскими цифрами, а ниже — римскими. При этом цифровой индекс показывает расстояние от 1-й ступени.

Го - спо - ди - но - в двор на се - ми ве - рстах,
Ви - но - гра - дьё кра - сно - зе - лё - но - ё!

Виноградё красно-зелёноё!
 Уж мы ходим, мы ходим по Кремлю-городу,
 Виноградё красно-зелёноё!
 Уж мы ищем, мы ищем господинов дом,
 Виноградё красно-зелёноё!
 Господинов двор на семи верстах,
 Виноградё красно-зелёноё!
 Как на каждом-то столбике по крестикку,
 Виноградё красно-зелёноё!
 Как на каждом-то крестике по свечечке,
 Виноградё красно-зелёноё!
 А хозяин во дому — как Адам во раю,
 Виноградё красно-зелёноё!

(ФК. ф. 1334-23. З/з А. В. Медведева и В. Б. Сорокина, 1971 г., с. Микшина Гора Сафроновского с/с Ленского р-на. Исп.: Жданова А. А., Кривошеина Е. А., Мингалёва М. А. Нот. Е. А. Дороховой.)

Обращают на себя внимание ярко выраженные христианские мотивы в поэтическом тексте, что приводит к мысли о его книжном происхождении или о связи с православными центрами устюжско-сольвычегодских земель.

Обрядовая деятельность крестьянского социума на Вычегде была сосредоточена главным образом вокруг ритуалов и магических практик жизненного цикла, центральное место среди которых занимала свадьба.

Свадебный обряд нижней Вычегды представляет собой одну из локальных версий севернорусского типа ритуала, который характеризуется доминированием эпизодов, связанных с инициационным переходом невесты в новую социовозрастную группу.

Особенности музыкального кода ритуала и соотношение его музыкальных жанров (песен и причетов) позволили исследователям выделить два вида северной свадьбы: причетный и причетно-песенный¹⁴⁵. С точки зрения музыкальной драматургии нижевыче-

¹⁴⁵ См.: Ефименкова Б. Б. Восточнославянская свадьба и ее музыкальное наполнение: Введение в проблематику. М., 2008. С. 40–41.

годская свадьба относится ко второму типу, черты которой были выявлены и описаны Б. Б. Ефименковой в начале 1980-х гг.¹⁴⁶

Музыкальный код этого типа ритуала характеризуется доминированием песенных форм, отсутствием или единичностью групповых причетов и оппозицией сольных плачей прощальным песням. Важным типологическим признаком причетно-песенной свадьбы служит также преобладание в довенечной части обрядового действия напевов определенных музыкально-ритмических форм, сочетающих в себе черты как групповых причетов, так и прощальных песен.

Основанием для выделения этой группы напевов на территории вологодско-вятского пограничья явилось их терминологическое обозначение народными исполнителями как *причѣтов* или *причотных песен*, отмеченное, однако, не повсеместно, а лишь в ряде микролокальных традиций¹⁴⁷.

Признаки, сформулированные Б. Б. Ефименковой, оказываются в полной мере справедливыми и для музыкальной характеристики нижевычегодской свадьбы. Обширный корпус местных напевов прощальной функции (песен и групповых причетов) монолитен с точки зрения их ритмической структуры. Все они могут быть рассмотрены как версии одного ритмического типа (РТ), в числе характеристик которого неравномерно сегментированная форма ритмического периода¹⁴⁸ и опора на восьми-девятислоговой тонический стих. Слоговая музыкально-ритмическая форма напевов (СМРФ) также демонстрирует черты их сходства.

Гомогенность пласта прощальных песен подчеркивается и наличием общих поэтических текстов, координирующихся с несколькими напевами данной группы (*На улице дожджи дожджат, на мосту-то роса падѣт, Уж вы кумушки-подруженьки, вы придите посидеть ко мне, Ты река ли, речка быстрая, Похожу ли я по терему* и др.).

Центральное место в группе занимают напевы ритмической версии I-a (№№ 1–25¹⁴⁹). По систематике Б. Б. Ефименковой, они относятся ко 2-му типу класса неравномерно сегментированных форм

¹⁴⁶ См.: Ефименкова Б. Б. Свадебная песня в среднем течении реки Юг // Музыкальная культура Русского Севера в научном наследии Б. Б. Ефименковой: К 80-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. И. А. Никитина. М., 2012. С. 162–194; Ефименкова Б. Б. Свадебные песни Лузы // Там же. С. 195–216; Ефименкова Б. Б. Свадебные песни верховьев северодвинского бассейна: величальные и корильные песни // Там же. С. 217–236; Ефименкова Б. Б. Причетная песня в бассейне реки Юг // Там же. С. 237–255.

¹⁴⁷ См.: Ефименкова Б. Б. Причетная песня в бассейне реки Юг. С. 239–241.

¹⁴⁸ Лишь один образец, зафиксированный в сольном исполнении, относится к классу равномерно сегментированных форм (см. наст. изд., подраздел II, № 31).

¹⁴⁹ Здесь и далее в этой главе номера песен приводятся по подразделу II («Свадебные песни»).

(названному ею «Соколы»). Лежащая в их основе модель «формируется только на композиционном уровне структуры» (а не на уровне ритмического периода). «Она представляет собой комбинацию двух версий типового периода — с модифицированной и нормативной срединной формулой»¹⁵⁰. Типовой формулой слогового ритма для таких напевов Ефименкова считает второй период (с тремя равными слоговыми временами в срединном сегменте). По ее мнению, такая ритмическая структура является одной из базовых для севернорусских свадебных напевов прощальной функции, а также для похоронных причитаний¹⁵¹.

Остальные версии РТ I отличаются друг от друга рисунком слогового ритма в одном из трех сегментов ритмического периода. Количество возможных способов ритмизации невелико; внутри группы они сочетаются по принципу комбинаторики.

В течение всего периода изучения нижневыхегодской свадьбы исследователями обсуждался вопрос о наличии в регионе плачевой традиции и о формах ее воплощения. К началу 1970-х гг. она уже угасла, и собирателям удалось записать лишь небольшое количество более или менее протяженных фрагментов сольных причетов. Высказывания народных исполнителей дают возможность утверждать, что ранее на Вычегде существовали профессиональные вопленицы-бабушки, которые причитали от лица невесты, а нередко и ее родственниц. Ср.: «*Причитает бабушка, когда невесту сажают под грядки, после покрыванья*» (Ленский р-н, д. Лопатино Иртовского с/с. — ФК. ф. 1333-2); «*Причитает бабушка утром второго дня свадьбы*» (Ленский р-н, д. Ленский Наволок. — ФК. ф. 1067-22); «*Бабушка причитает перед отъездом невесты к венцу*» (Ленский р-н, д. Бор Суходольского с/с. — ФК. ф. 1067-62).

Имеющиеся в архивах записи сольных причетов не дают возможности сделать однозначные заключения об их мелодико-ритмической организации. Среди них есть напевы с мобильными параметрами структуры¹⁵², обнаруживающие черты как сегментированных, так и цезурированных форм. В них заметна тенденция к стабилизации заключительного построения напева, соответствующего клаузуле стиха (№ 49), что расценивается как один из признаков сегментированной формы. Вместе с тем границы мелодических звеньев в таких напевах ориентированы, хотя и не вполне четко, на слоговые группы стиха, а это указывает на принадлежность этих сольных

¹⁵⁰ Ефименкова Б. Б. Ритм в произведениях русского вокального фольклора. М., 2000. С. 166.

¹⁵¹ Там же. С. 162.

¹⁵² Впервые особенности музыкально-поэтических текстов такой структуры были описаны Б. Б. Ефименковой. — См.: Там же. С. 230—245.

причетов к классу цезурированных форм. Об этом же может свидетельствовать и долготное выделение *finalis*'а напева (№№ 48, 49). Причеты мобильной структуры зафиксированы преимущественно на Виледи и недалеко от устья Вычегды, в Котласском районе.

В Ленском районе, по-видимому, преобладали сегментированные сольные причеты стабильной формы, имеющие в основе восьми-девятислогового стих (№ 50), которые благодаря своей структуре органично входят в группу музыкально-поэтических текстов прощальной функции. Их отличительной чертой можно считать достаточно широкий амбитус напевов, достигающий до сексты и септимы, вследствие чего в мелодической линии появляются кварттовые ходы, не характерные для севернорусских причитаний.

♩ = 132

По по - ви - тям - то хо - ди - ла,
Ко - ро - вам - то я да - ва - ла...

(ФК. ф. 1067-22. 3/3 А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Ивановка (Ленский Наволок) Ленского с/с Ленского р-на. Исп. Койнова А. А. Нот. Е. А. Дороховой.)

Единственная звукозапись цезурированного причета, сделанная в Суходольском сельсовете, вызывает некоторые сомнения (в первую очередь — из-за своей единичности), несмотря на содержащиеся на фонограмме комментарии местных жительниц: «*Мотив есть, это точно!*».

♩ = 124

О - й ты, ми - ла - я мо - я ди - те - тко,
Да ку - да же нас о - ста - вля - ешь ты,
О - й ты, ди - те - тко да мо - ё ми - ло - е,
Да спо - ки - нешь нас, ты о - ста - вишь нас.

Ох ты, ди - те - тко, ты ведь мо - ло - до,
Со - би - ра - е - сся на чу - жу
сто - ро - ну - шку.
Ох ты, ди - те - тко, по - жи - ви у нас...

(ФК. ф. 1067-62. 3/3 А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Бор Суходольского с/с Ленского р-на. Исп. Туркина А. П. Нот. Е. А. Дороховой.)

К сожалению, не представляется возможным сравнить сольные свадебные причеты с похоронными. В звуковых коллекциях они практически отсутствуют. Две-три существующие записи крайне непродолжительны и напоминают физиологический плач.

Дискуссионным остается вопрос о существовании в исследуемом регионе групповых свадебных причетов. Народные исполнители (а вслед за ними и собиратели) не выделяют эти музыкально-поэтические тексты из круга других, по отношению к ним не существует особых терминов. Вместе тем составители настоящего собрания сочли возможным выделить их в особую группу, помещенную перед сольными причетами (№№ 43—47б). Основаниями для такого решения послужили особенности их поэтики и мелодико-ритмической структуры напевов. Поэтические тексты излагаются от лица невесты и содержат характерные плачевые формулы; напевы имеют не строфическое, а стиховое строение. Кроме того, в Ленском и Котласском районах они выделены в кругу других хореической слоговой ритмикой (№№ 43—46). Можно говорить о существовании в нижневыхегодском регионе двух политекстовых напевов групповых причетов. Первый зафиксирован в Рябовском сельсовете и ниже по Вычегде — в Котласском районе. Второй, по-видимому, охватывал всю территорию Вилегодского района, а после впадения Виледи в Вычегду распространялся далее по территории Котласского района, в котором, таким образом, оба напева сосуществовали в ритуале с разными текстами.

Особую роль в группе музыкально-поэтических текстов прощальной функции играют песенные напевы стихового строения, по рисунку слогового ритма приближающиеся к групповым причетам (№№ 27—30, 36). Занимая промежуточное положение между песнями и причетами, они объединяют весь корпус прощальных напевов в единое целое.

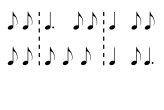
Если в довенечной части свадебного ритуала абсолютно преобладают неравномерно сегментированные напевы, то во второй его половине (начиная с приезда жениха со своими родственниками и *боярами*) доминируют напевы равномерно сегментированных форм (№№ 51—65, 67—79). Центральный этап свадьбы — *сватанье* — отмечен наибольшей музыкальной наполненностью и сочетанием песен разной ритмической организации.

Неравномерно сегментированные напевы, по отношению к которым на Вычегде существует термин *опевать* (невесту, сватью, тысяцкого, пивовара и др.), в небольшом количестве продолжают звучать и на застольях в доме жениха в качестве величаний основным участникам ритуала.

Приведенные таблицы наглядно демонстрируют не только наличие напевов конкретных РТ, но и их территориальное распределение в регионе.

Таблица 1

Ритмические типы свадебных песен прощальной функции

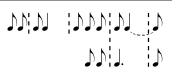
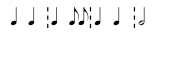

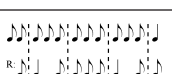
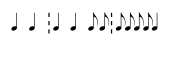
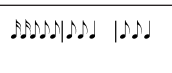
Тип ритмического периода	Стих	Ритм. тип	Слоговая муз.-ритм. форма	Композ. единица поэт. текста	География	№№ в сборнике (раздел II)
Неравномерно сегментированный	2.2.2	I-а		AB (BC) A AB (BC)	Ленский р-н: от Тохтинского до Слободчиковского с/с	1—25
Неравномерно сегментированный	2.2.2	I-б		A AB (BC)	Ленский р-н: Сойгинский с/с	26
Неравномерно сегментированный	2.2.2	I-в		A	Ленский р-н: Рябовский с/с	27—30
Равномерно сегментированный	2.2.2	I-г		AB (BC)	Котласский р-н: Коряжемский с/с	31
Неравномерно сегментированный	2.3(2).2	I-д		A AB (BC)	Ленский р-н: от Тохтинского до Козьминского с/с	32—35

Неравномерно сегментированный	2.3(2).2	I-e		A	Ленский р-н: Суходольский с/с	36
Неравномерно сегментированный	2.3.2	I-ж		A	Вилегодский р-н; Котласский р-н: Коряжемский с/с	47, 47б
Неравномерно сегментированный	2.3.2	I-з		AB (BC)	Ленский р-н: Сойгинский с/с	37—41
Неравномерно сегментированный	2.3.2	I-и		A	Ленский р-н: Рябовский с/с; Котласский р-н: Харитоновский с/с	43—46
Неравномерно сегментированный	2.2(3).2	I-к		A	Вилегодский р-н	42

Таблица 2

Ритмические типы свадебных песен коммуникативно-обменной функции

Тип ритмического периода	Стих	Ритм. тип	Слоговая муз.-ритм. форма	Композ. единица поэт. текста	География	№№ в сборнике (раздел II)
Равномерно сегментированный	5(6)+4(5-6)	II-a		a/ab/b	Ленский р-н: от Тохтинского до Рябовского с/с; Котласский р-н	51—60
Равномерно сегментированный	5(4)+4(5-6)	II-б		a/ab/b	Ленский р-н: Сойгинский и Рябовский с/с; Вилегодский р-н	69—74
Равномерно сегментированный	8+4(3)	III-a		ab/b'	Ленский р-н: Рябовский с/с; Вилегодский р-н	61—65

Равномерно сегментированный с расширением во 2-м сегменте	6-8+4(3)	III-б		ab/bbb	Ленский р-н: Рябовский с/с	66
Равномерно сегментированный	6(7)+4(3)	III-в		ab/b'	Ленский р-н: Сойгинский, Слободчиковский, Рябовский с/с	75
Равномерно сегментированный	2.2.1-2	IV-а		A	Вилегодский р-н	67
Равномерно сегментированный	2.2.2.2	IV-б		AR	Ленский р-н: Рябовский с/с	68
Равномерно сегментированный	2.2.2.2	IV-в		AR	Ленский р-н: Сойгинский с/с	79
Неравномерно сегментированный	2.3.2-4	V		A	Вилегодский р-н	80
Цезурированный	4(5)+3	VI		abb	Ленский р-н: Сафроновский, Иртовский, Ленский с/с	81

Обращает на себя внимание тот факт, что многие прощальные напевы относятся к узколокальным версиям первого РТ и бытуют лишь в пределах одного-двух сельсоветов. Равномерно сегментированные напевы коммуникативно-обменной функции имеют более обширные ареалы, но эта группа не столь однородна по ритмической организации. На нижней Вычегде насчитывается по меньшей мере пять РТ напевов, обслуживающих данную линию ритуала. Каждый из них существует в двух версиях: с четырехвременными и с трехвременными сегментами.

Неравномерно сегментированные напевы этой обрядовой функции зафиксированы только на Виледи в качестве парных величаний жениха и невесты на застольях (№ 80). Это сближает вилегодские величальные песни с обширной группой приуроченных к местной свадьбе хороводно-игровых напевов, имеющих ту же ритмическую структуру и выступающих в аналогичной функции. Взаимодействие свадебных и хороводных напевов, в целом характерное для многих свадебных традиций Русского Севера, на Виледи оказалось настоль-

ко тесным, что заставило некоторых исследователей рассматривать все эти песни как свадебные¹⁵³.

Единственный цезурированный напев нижневьчегодской свадьбы, известный с текстом «Как во горнице на столе» (№ 81), записан только в Сафроновском, Иртовском и Ленском сельсоветах.

Более мелкое территориальное членение корпуса свадебных напевов возникает при рассмотрении песенной строфики и звуковысотной организации музыкально-поэтических текстов. Так, к одной версии РТ могут относиться напевы различной ладо-мелодической структуры. Наиболее ярким примером служат образцы РТ I-а, локализованные в пределах Сойгинского и Слободчиковского сельсоветов (№№ 21—25). Их отличительным признаком является завершение первого периода мелострофы на три ступени (а не на квинтовом тоне, как на соседних территориях). Постепенно именно этот звук начинает осознаваться певицами как главный опорный тон всего напева, о чем свидетельствует заключительная мелострофа (№ 21).

В целом, насколько можно судить по существующим публикациям, свадебные песни нижней Вычегды объединяют этот регион, с одной стороны, с песенными системами вологодско-вятского пограничья (особенно с лужскими), а с другой — с традициями верховьев Северной Двины. Об этом свидетельствуют и набор ритмических типов, и их функции в ритуале, и отчасти корпус поэтических текстов свадебных песен. Эти выводы соотносятся с историческими данными о контактах населения в период формирования местных фольклорных традиций.

По рассказам сельских жителей, играть свадьбы по-старинному прекратили в послевоенные годы. Дольше сохранялся в активном бытовании цикл хороводно-игровых песен, звучавших во время годовых праздников и собраний сельской молодежи. Это подтверждается и их количественным преобладанием в звуковых коллекциях.

В этнографических репортажах нет конкретных указаний на календарную приуроченность вычегодских хороводных песен; по-видимому, и на летних, и на зимних гуляньях их репертуар был одинаковым. На Виледи же вплоть до 1990-х гг. сохранилась память о том, что хороводно-игровые песни исполнялись во время зимних Святков, и при этом они не были исключительной принадлежностью женской исполнительской традиции. *«Плясали о Рожесве шибко. Ой, мужики как затопают, это круг-то. По писням пля-*

¹⁵³ См., например: Шевченко Е. А. Песенные жанры свадьбы // Фольклор Виледи. С. 6—32.

сали (то есть без инструментального сопровождения, под песни). Раньше мало гармоний было. А вот все схватаются руками, и вот эдакой круг во всю избу. (….) Все пели — и девушки, и парни. Мужики-те грубо. Мужики-те ведь такие же пели все песни. И девки — бабы-те не ходили на игрища-те» (Вилегодский р-н, д. Роженец Ильинского с/с. — ФА СИХМ. Ф. 0301-2, 0301-4).

Иногда содержание песни разыгрывалось в кругу, но чаще все действия сводились к выбору пары и совместному танцу в кругу. «Там выводят — с кем надо плясать, приведут:

*Если любишь, докажи,
А не любишь — откажи.*

Как-то тоже плясали ведь это. Водили круг-то стула. Дак ведь до того дотопат новóй (другой) парень, всех девок переводят, пока к ему не приведут, какú ему надо. Когда приведут, тогда плясать пойдут опять на páру. Топнет — значит, не надо; а не топнет — плясать пойдёт» (Вилегодский р-н, д. Дресвянка Никольского с/с. — ФА СИХМ. Ф. 0302-6).

Бóльшая часть местных хороводных напевов относится к классу равномерно сегментированных ритмических форм. Их структура определяется не столько ритмом произнесения слов в пении, сколько собственно музыкальным ритмом многократно повторяющихся кратких музыкально-ритмических сегментов. Такой принцип ритмической организации связан в первую очередь со стихией пляски, с «главенством музыкально-кинестетического начала в этих текстах»¹⁵⁴.

Хороводные напевы нижней Вычегды демонстрируют последовательность этапов формирования равномерно сегментированных форм, начиная с формы «Камаринской», обнаруживающей двойственность своего ритмического статуса¹⁵⁵. Как известно, музыкальный период такой структуры может рассматриваться и как неравномерно сегментированный, и в то же время обнаруживать признаки равномерной сегментации (№№ 3—8¹⁵⁶). В напевах, опирающихся на тот же стих, но с отсечением первой четырехслоговой группы (тип «Вдоль по морю»), равномерная сегментация заметна за счет перекрытия временных границ периода (№№ 18, 19). Ее определяющая роль в конструкции напева становится очевидной, когда в конце напева возникает дополнительный сегмент. Стих 2.3.2-4 к этому

¹⁵⁴ См.: Ефименкова Б. Б. Ритм в произведениях русского вокального фольклора. С. 144.

¹⁵⁵ Там же. С. 148.

¹⁵⁶ Здесь и далее номера песен приводятся по подразделу III («Хороводно-игровые песни»).

моменту уже полностью себя исчерпывает, и потому увеличение слогового объема идет за счет асемантических вставок «ой-и-ё», «дак(ы) ох» и др. (№№ 9—16). Наконец, на заключительном этапе принцип равномерной сегментации полностью подчиняет себе структуру поэтических текстов, приспособлявая их к непрерывной музыкально-ритмической пульсации (№№ 19, 20, 22, 24).

Мощный вихрь плясового ритма стремится разрушить границы композиционных единиц текста, порождая тенденцию к образованию гипертекстовых конструкций, когда ладовая структура напева полностью реализуется лишь в конце всей песни. Такие формы образуют подобия гигантских тирад (№№ 9а, 11а, 12, 14), сближаясь с группой игровых припевов тирадного строения, которые существуют в традиции либо как самостоятельные тексты, либо в качестве завершающих разделов песен (№№ 23, 25, 26, 37).

Другую часть корпуса хороводно-игровых песен составляют музыкально-поэтические тексты с цезурированными напевами. К ним относятся диалогические композиции со стихом типа «Просо» (*А мы пшону сиели*), воплощенного в ряде строфических версий (№№ 35—35д), а также ряд общерусских песен со стихом 4+3, 6+6, 7+7, в минимальной степени обнаруживающих черты местной специфики. Среди них: *Посеяли девки лён, Пошла в тонец тонцевать, В караводе были мы, Хожу я, гуляю вдоль по караводу* и другие. К этой группе примыкают и напевы со сменой моры во втором периоде (№№ 45, 46, 48). Небольшая часть хороводных песен имеет в основе стих 8+6, с повтором каждой слоговой группы: aabb (№№ 52, 53).

Влияние принципа равномерной сегментации распространяется и на группу цезурированных напевов. Часто их форма к концу песни модифицируется в сегментированный восьмивременник (№№ 37, 39, 40, 41—44, 46, 49)¹⁵⁷, а строфическое строение напева переходит в тирадное.

Принадлежность к классу равномерно сегментированных форм объединяет свадебные величальные и хороводно-игровые напевы, совокупность которых образует один из системных «узлов» местной песенной традиции. Оппозицию им составляют напевы лирических неприуроченных песен, которые на Выгегде называют *долгими*. В отличие от других территорий Русского Севера, здесь было записано лишь небольшое количество собственно протяжных песен в сложных, жанрово характерных формах со вторичными мелоди-

¹⁵⁷ На возможность комбинирования в хороводных напевах периодов различной ритмической организации — цезурированных и сегментированных — впервые указала Б. Б. Ефименкова. См.: *Ефименкова Б. Б. Ритм в произведениях русского вокального фольклора*. С. 158.

ко-ритмическими композициями. Возможно, это объясняется тем, что к середине XX в., когда началось систематическое обследование нижневыхегодского региона музыковедами, в нем преобладали так называемые обиходные исполнительские группы¹⁵⁸.

Репертуар таких ансамблей обычно состоял из песен позднего стилового пласта, в то время как традиционные протяжные песни раннего слоя в сложных местных распевах всегда культивировались в певческой практике «замкнутых» ансамблей мастеров, в состав которых входили преимущественно мужчины.

Возможно и другое объяснение. Процесс формирования протяжных песен на Вычегде мог по каким-то причинам прерваться, едва начавшись. Единый музыкально-стилевой облик напевов этого жанра не успел сложиться; именно поэтому один и тот же лирический текст в соседних населенных пунктах нередко предстает в разной мелодико-ритмической форме (№№ 7, 7а и 7б¹⁵⁹).

Корпус музыкально-поэтических текстов нижневыхегодской лирики органично вводит ее в песенный массив других традиций Русского Севера. Большинство песен относительно раннего пласта хорошо известно по песенным собраниям: *За Невагою, Как по первому по Невскому проспекту, Между речками, между быстрыми, Из-за лесу, лесу тёмного*. Однако количественно они уступают образцам с текстами поздней городской стилистики, нередко имеющими явные черты авторского книжного происхождения (№№ 22—25, 32—37, 39—41).

Вместе с тем многие из поздних текстов подверглись значительной переработке и адаптировались к музыкально-стилевым нормам местной песенной культуры. На это указывают и единство мелодического стиля, и наличие напевов со вторичными композициями, сложившимися на основе текстов с силлабо-тоническим стихом 8+7 и 8+8 (№№ 2, 7—10).

В орбиту нижневыхегодской песенной лирики попадают и тексты неопределенного, явно не местного происхождения, историю которых можно представить себе лишь гипотетически. Возможно, они были принесены на Русский Север солдатами, вернувшимися домой после участия в войнах. Таков, например, известный у казаков Дона и Кубани романс на слова А. С. Пушкина *В реке бежит гремящий вал*, в котором наглядно проявляются черты гомофонно-гармонического склада.

¹⁵⁸ Определения видов певческих «артелей» были предложены Е. В. Гиппиусом. См.: Двадцать русских народных песен... С. 6.

¹⁵⁹ Здесь и далее номера песен приводятся по подразделу I («Лирические необрядовые песни»).

$\text{♩} = 60$

В ре - ке бе - жит гре - му - чий вал,
 в го - рах бе - змо - лви - е но - чно - е.

Ка - зак у - ста - лый за - дре - мал,
 скло - нясь на ко - пи - е ста - льно - е.

Не спи, ка - зак, во тьме но - чной
 че - че - нец хо - дит за ре - кой, за ре - кой, за ре - кой,

(ФК. Ф. 1066-24. 3/з А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., с. Яренск Сафроновского с/с Ленского р-на. Исп.: Антоновская Е. П., Гулина О. Н., Митрошина М. В., Широких Г. В. Нот. Е. А. Дороховой.)

Другие песни, внешне имея черты традиционной стилистики, тем не менее и по характеру напевов, и по складу поэтических текстов явно выпадают из общего круга местных лирических песен. Можно предположить, что они либо случайно были занесены на Вычегду, либо создавались по традиционным образцам неизвестными авторами (возможно, участниками клубных самодеятельных ансамблей, в репертуаре которых и были обнаружены собирателями).

$\text{♩} = 128$

Не по - ста - ро - му, не по - пре - жне - му
 кра - сно - я со - лны - шко зе... ой, зе - млю гре - ет, да
 Не (э) по - ста - ро - му, не по - пре - жне - му
 о - тец с ма - ту - шкой сы... ой, сы - на лю - бят, да
 О - (о) - тла - ют е - во, до - бро - во мо - ло - дца,
 во... ой, во со - лда - ты, да...

(ФК. Ф. 1067-54. 3/3 А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Бор Суходольского с/с Ленского р-на. Исп.: Осколкова О. В., Парыгина А. П. Нот. Е. А. Дороховой.)

Отдельную область нижевычегодской традиции составляют музыкально-поэтические тексты, связанные с трудовой деятельностью местного мужского населения, — трудовые артельные припевки. Обычно они звучали во время сплава леса или на молотье и были призваны координировать усилия работающих. Для напевов этого жанра характерны четкая маршевая ритмика; по мелодико-многоголосному строению они также напоминают солдатские строевые песни.

$\text{♩} = 182$

Вы, ре-бя-та, не ро-бе-йте да, сва-и си-лы не жа-ле-йте да,
 Ай, ду-би-нушка, у-хнем да, ай, зе-лё-на-я са-ма по-йдёт, по-
 дё-рнем, по-дё-рнем да у-хнем! А..х,
 вы, хо-зя-ин да хо-зя-йка да, по-ста-ка-ну нам по-дай-ка да,
 Эй, ду-би-нушка, у-хнем да, эй, зе-лё-на-я са-ма по-йдёт, по-
 дё-рнем, по-дё-рнем да у-хнем!

(ФК. Ф. 1066-26. 3/3 А. С. Кабанова, А. В. Медведева, 1970 г., с. Яренск Сафроновского с/с Ленского р-на. Исп.: Антоновская Е. П., Гулина О. Н., Митрошина М. В., Широких Г. В., Шубенина Г. В. Нот. Е. А. Дороховой.)

Особую задачу для исследователей музыкального фольклора представляет определение тех признаков, которые объединяют локальную народно-песенную культуру в целом и отличают ее от

соседних традиций. Очевидно, что такую совокупность стилевых и структурных компонентов следует искать, вероятнее всего, в звуковысотной сфере, в ладомелодических, многоголосных, тембровых характеристиках напевов, поскольку именно они легче всего воспринимаются на слух как знак местной традиции. Ритмические же формы, как правило, интегрируют ее в более крупный массив региональной культуры.

Основу, стилевое ядро системы музыкально-фольклорных жанров на Вычегде в том виде, в каком она была зафиксирована экспедициями конца 1950-х — середины 1980-х гг., составляла совокупность напевов трех жанров: свадебных, хороводно-игровых и лирических. Первая черта их общности состоит в том, что все они являются диатоническими, строятся на оппозиции двух терцовых рядов секундового соотношения, чередование которых в определенном ритме, связанном с ритмом произнесения слов в пении, создает конкретные ладомелодические формы. Такие напевы широко распространены именно на Русском Севере, и все же песенных традиций, где они абсолютно доминировали бы, не так уж много. На Вычегде нет экзотического вокального строя пинежских или усть-янских напевов, ярких тембровых красок, свойственных мезенской и печорской традициям. Предельная простота, четкость, лаконичность, почти схематизм нижневычегодской диатоники, «узнаваемость» многих напевов долго воспринимались исследователями как нечто скудное и малоинтересное.

Отметим, что звуковысотная сфера традиции, а точнее интервал, лежащий в основе ладомелодической конструкции напевов, служит одним из критериев дифференциации двух субрегиональных зон — собственно нижневычегодской и вилегодской. Еще Е. В. Гиппиус в одной из устных бесед заметил, что на Вычегде преобладают квинтовые, а на Виледи — квартовые напевы.

Общим свойством большинства местных напевов, как обрядовых, так и неприуроченных, является и то, что они развертываются в пределах одного вокального регистра. В них нет внутренних тембровых контрастов. Таким образом, каждый напев, вне зависимости от того, сколькими певцами он озвучен, представляет собой одну голосовую партию. Основным типологическим признаком многоголосного склада таких напевов Гиппиус считал «одновременное варьирование напева функционально однородными хоровыми голосами в пределах одного и того же амбитуса»¹⁶⁰.

Позже Гиппиус в неопубликованных трудах и беседах с учениками определял этот склад многоголосной фактуры как *функцио-*

¹⁶⁰ См.: 12 РНП. С. 3.

нальное *одноголосие*, подразделяя его на два вида: *моноподийную гетерофонию* (со слабо выраженным вертикальным компонентом ладообразования) и *вариантную гетерофонию* (при более отчетливой опосредованности мелодики созвучиями).

Как справедливо указывали М. А. Енговатова и Б. Б. Ефименкова, смысловое поле термина «вариантная гетерофония» весьма расплывчато, «он покрывает множество разных видов гетерофонии, не говоря уже о промежуточных и переходных»¹⁶¹.

Действительно, среди нижевычегодских напевов, которые можно отнести к этому виду многоголосной фактуры, есть немало таких, в которых индивидуализация голосовых линий минимальна. В других, напротив, она такова, что дает возможность говорить о начальном этапе формирования двух голосовых партий. В третьих фактура близка к так называемому *ленточному многоголосию*. Некоторые хороводно-игровые напевы несут на себе отчетливо ощущаемое влияние гомофонного склада, выражающееся в эпизодическом возникновении «терцовой вторы» или многозвучных аккордово-гармонических последовательностей, вполне укладывающихся в схемы классической тональной системы.

Иногда в локальные традиции проникают и даже укореняются в них напевы чужеродного многоголосного склада, например с октавным удвоением основной голосовой линии (с *тонким* голосом). Именно так произошло в селе Ильинско-Подомское, когда к местным певицам присоединилась уроженка села Емецк, расположенного в низовьях Северной Двины. Несмотря на то что она пела в не характерном для местной традиции головном регистре¹⁶², ей удалось стать полноправной участницей местного вокального ансамбля. Этот факт указывает на открытость местной песенной культуры для внешних контактов и достаточно высокую степень ее адаптационных возможностей.

Одна из главных задач исследования музыкально-фольклорной традиции нижней Вычегды заключалась в определении внутреннего членения традиции, выявлении отдельных песенных очагов и их локальной специфики. С этой целью осуществлялось картографирование отдельных компонентов песенной системы: репертуара, бытования некоторых жанров, ритмических и мелодических типов напевов, деталей их строфического строения и др.

Проведенное исследование показало, что большинство компонентов местной песенной системы выходит далеко за ее пределы,

¹⁶¹ Енговатова М. А., Ефименкова Б. Б. К вопросу о типологии русского песенного многоголосия // Мир традиционной музыкальной культуры: Сб. тр. М., 2008. Вып. 174. С.51.

¹⁶² См. напевы № 71 в подразделе II, № 16 в подразделе I.

причем это не только отдельные ритмические типы напевов, но и принципы формообразования, и отдельные мелодические структуры. В первую очередь это относится к напевам хороводно-игрового цикла, местная специфика которых практически не выражена. Ареалы ритмических типов свадебных напевов также оказались чрезвычайно обширными; их совокупность в корреляции с функциями в ритуале вызывает прямые аналогии с традициями вологодско-вятского пограничья.

Территориальное распределение мелодических типов свадебных напевов, напротив, обозначило самый нижний уровень внутреннего членения территории, соответствующий конкретным песенным очагам (один-два сельсовета).

Основная зона традиции, соответствующая понятию ее «ядра», не однородна. В самом ее центре существует узколокальная песенная система (д. Устье Рябовского сельсовета Ленского района), выделяющаяся по целому ряду параметров. К сожалению, сейчас уже вряд ли возможно определить причины данного явления. Например, оно может быть объяснено происхождением деревни, ее центральным положением в регионе или лучшей, по сравнению с другими населенными пунктами, сохранностью местной культуры.

Характеристикой субрегиональных зон — ленской, котлаской, вилегодской — является в первую очередь песенный репертуар (набор поэтических текстов), наличие отдельных жанров (например свадебных групповых причетов), преобладание определенных компонентов ритмической и звуковысотной организации музыкально-фольклорных текстов.

Можно с определенной осторожностью говорить и о различиях жанрово-стилевой доминанты субрегиональных зон, отдавая себе отчет в том, что эти различия могут быть следствием влияния многих внесистемных факторов, в частности степени интенсивности внешнего воздействия городской культуры.

В качестве примера рассмотрим вилегодскую субрегиональную традицию. На том этапе бытования, которого она достигла к 60—70-м гг. XX столетия, доминирующую роль в песенной системе играла частушка — наиболее поздний жанр русского музыкального фольклора, функционально заменивший и вытеснивший многие более ранние формы. Вилегодские частушки представляют спектр практически всех известных жанровых форм, как в структурном, так и в исполнительском аспекте. Здесь зафиксированы одностиховые страдания и двухстиховые припевки; исполняемые в сопровождении инструмента и а сарелла; как женской, так и мужской исполнительской традиции; ансамблевые, диалогические и сольные. По многообразию форм и способу их функционирования вилегод-

ские частушки корреспондируют с соседними традициями Вологодской области.

Прочному укоренению частушек в местной песенной культуре способствовали, по-видимому, многочисленные музыкально-стилевые параллели с бытующими на Виледи игрищными припевками, с одной стороны, и с поздней крестьянской лирической песней — с другой. Весьма показательно, что среди вилегодских лирических песен большинство составляют тексты с силлабо-тоническим стихом 8+7 и 8+8, характерным для частушек. Именно совокупность трех названных музыкально-фольклорных жанров — поздних лирических песен, хороводно-игровых припевок и частушек — составила жанрово-стилевую доминанту вилегодской субрегиональной традиции. При этом не вызывает сомнения факт постепенного вытеснения двух первых жанров третьим, который и составлял «лицо» местной песенной культуры на последнем этапе ее существования.

В целом можно сказать, что применение методики картографирования хотя и определило некоторые черты региональной фольклорной традиции нижней Вычегды, но мало способствовало выявлению ее внешних границ.

Необрядовая лирика

Основной пласт вычегодской необрядовой лирики составляют песни, образно отражающие судьбу и мир переживаний русской женщины и традиционно относимые к жанру семейно-бытовой и любовной лирической поэзии. Несколько сюжетов относятся в соответствии с тематикой к жанру солдатских песен и к жанру удалых (разбойничьих) песен. Среди них некоторые имеют непосредственное отношение к жанру баллады, которая на позднем этапе существования в жанровом отношении сближается с необрядовой лирикой. Кроме того, поздний пласт сюжетов относится к городскому романсу и песенной лирике книжного происхождения.

Репертуар лирических песен на Вычегде представлен разновременными по своему происхождению и по большей части общераспространенными текстами XVIII—XX вв.¹⁶³

Сюжет *За Невагою речка с перебрагою* в нашем сборнике представлен десятью музыкально-текстовыми вариантами. Записи текста ограничиваются только территорией Ленского района,

¹⁶³ См. известные местные версии сюжетов и текстологические разночтения в разделе «Комментарии» и Указателе сюжетов лирических песен. В данной главе номера песен приводятся по подразделу I («Лирические необрядовые песни»).

в Котласском и Вилегодском районах он не зафиксирован, однако песня встречается на Пинеге, Печоре, Мезени, Устье (см. Указатель сюжетов лирических песен, № 13). Относительная текстовая стабильность вариантов позволяет локализовать этот сюжет в границах только северных территорий. Сюжет принадлежит к жанру солдатских песен. От имени лирического героя в песне выражена жалоба на солдатскую службу. Сюжет включает несколько тем.

В четырех первых строфах (зачине) воплощен известный поэтический образ: за рекой есть речка и поле, в котором не полынь-трава шатается, а шатается (заблудилась) душа молодца¹⁶⁴.

За Невагою речка с перебра... ой...
 Речка с перебрагою.
 С перебрагою...ой...
 Не полынь-травонька во поле да шата... ой...
Во поле шаталася.
 Шаталася... да-й...
 Зашаталася в поле-то... в поле да душа... ой...
 В поле да **душа моя.**
 Ой, моя... да...
 Всё-то да душечка, удал доброй мо... ох...
 Удал доброй молодець (№ 1).

Далее развитие сюжета сводится собственно к жалобе лирического героя на то, что солдат оказался в «чужой стороне» не по своей воле, а по указу императора (Петра или Николая Павловича). В некоторых вариантах возможно развитие темы жалобы в другом ключе — «солдат на карауле»:

Эта служба
 Принаскучила,
 Принаскучила
 Служба день до вечера,
 Что до вечера,
 Часу до девятого.
 С девяти часов
 Часу до полуночи.
 Со полуночи
 Звезды с неба сыпались,
 Что-де сыпались —
 Мелко рассыпались.
 Все солдатушки
 Да в избы собиралися.
 Велика гвардия
 Здесь да разгулялася.
 Разгулялася,

¹⁶⁴ Ср.: Колпакова карт. № 2.722. Не травушка, не ковылушка в поле шаталася; № 2.641. Не ковыль в поле травушка шатается (Киреевский 1917, 1929. № 1693).

Все оружия сбрасывали,
Что-де сбрасывали (№ 1ж).

Сквозной темой солдатских песен является тема «чужой стороны», в нашем сюжете она связана с военной службой — актуальной для северного крестьянства.

Сюжетообразующей основой песни является его зачин, который, очевидно, восходит к древним корням народной лирической песни. Ключевой образ «реки Неваги», малопонятное и редко встречающееся понятие / название на Севере, далее разъясняется, определяя именно то место («поле»), где «не полынь-трава <...> шатается», а «шатается» (блуждает) душа «доброго молодца». Напоминание о смерти («горе») является главной идеей настоящей песни. Переход за «Забыть-реку» (в нашем случае за Невагу-реку) — символическое изменение статуса человека, выраженное в форме лирической необрядовой песни; в отличие от известных форм похоронного и свадебного обрядов в песенном тексте необрядовой лирики запечатлена только рефлексия на тему перехода человеческой души в «иной» мир¹⁶⁵. Интонационно в четырех первых строфах зачина акцентируется именно фраза: «За Невагой <...> во поле <...> шатается <...> душа моя».

Рефлексирующее сознание («душа моя») лирического героя предполагает развитие темы «молодец поневоле оказывается на чужбине», что логически завершает тему смерти (горя).

Молодец... дак(ы)...
Ён-то не сам-то зашёл, не своей охо... ой...
Не своей охотою.
Охотою... дак...
Завела-то, ох, моего-то дружка да нево... ой...
Всё дружка неволюшка.
Неволюшка... да...
Всё-то неволюшка, ох, да чужая сторо... ох...
Чужая сторонушка (№ 1).

По сути, сюжет лирической песни оказывается вполне завершённым и исчерпанным — смерть молодца на чужбине. Причем завершение по определению мужской лирической песни допускает женское ее исполнение. Отметим, что известные нам записи были сделаны от женских коллективов. Косвенным доказательством того, что представленная часть песенного текста «За Невагой» являлась изначально самостоятельным сюжетом, подтверждают записи текста (№ 1г) и фрагментарные варианты, в которых зафик-

¹⁶⁵ Подробнее о символике водной переправы как перехода в новую форму существования см.: *Ермина В. И.* Ритуал и фольклор. Л., 1991. С. 149—165.

сированы именно указанные смысловые моменты якобы исторического сюжета:

Ох, за Невагою речка с перебра...
 Речка с перебродками,
 Перебродками.
 Да не полынь-травка
 Во поле шата...
 Во поле шатаеца.
 И вот шатаеца,
 И што она шатаеца, травка, за душо...
 Травка за душой моей
 За душой-то моей да чтой за душенькой,
 За душенькой.
 Да доброй молодец там... (см. коммент. к № 1).

Или:

За Невагою речка... (с перебродками)
 В поле шатёр,
 Ой, что ли шатается.
 Он не сам зашёл, да не своею охотою,
 Навела дружка-молодца неволюшка, неволюшка
 Да дальняя сторонушка.
 На сторонушке... (см. коммент. к № 1).

Похожую ситуацию встречаем и на Печоре (ТКУЦ (ЛП). № 2).

Продолжение сюжета лирической песни представляет собой своеобразную вставку исторических реалий на тему о тяготах армейской службы, привязывающих импульс (общее место лирического чувства) к определенному историческому времени и событию: и к указу Петра Первого, и к событиям рекрутского набора во времена императора Николая Павловича. Таким образом, лирическое переживание обретало реальную почву и событийную мотивировку, а следовательно, логическую законченность сюжетного хода.

Стиховая структура песенного текста в записях на Вычегде относительно стабильна, в ее основе лежит устный силлабический расширенный стих 5+7 (5+5) (№№ 1, 1а), позже, под влиянием книжных песенных образцов, ставший силлабо-тоническим.

Сравним:

За Невагою речка с перебра... ой...
 Речка с перебрагою (№ 1)¹⁶⁶;

¹⁶⁶ Похожую структуру 5+7 встречаем в записях на Печоре:

За Невагою...
 Ой, да ле за... второй реченькой, ой, да за речкой было Перебрагою.
 Ой, речкой Перебрагою... (ТКУЦ (ЛП). № 2).

За Невагою... ой, да
 За Невагою речка с перебро... ой,
 Речка с перебродками (№ 16).

Наиболее наглядно этот переход можно продемонстрировать на примерах «самозаписи» текста в сборнике Л. И. Васильевой:

За Невагою / Речка с перебродками.
 Не полынь-трава / Во поле шатается (№ 1ж).

Стихотворный размер представляет собой неустойчивый трех-четырёхстопный дактиль с цезурой после первой или второй стопы в строке. Менее четко данный размер книжного стиха зафиксирован в записи «с голоса» или «под диктовку» от А. М. Качевой из с. Выемкова Ленского района:

За Невагою да речка с перебродками.
 Не полынь-травка во поле шатается... (№ 1е).

Таким образом, распространенный на севере России сюжет исторической (солдатской) песни представляет собой двухчастную структуру, претерпевшую некоторые существенные изменения. Можно предполагать, что его первая часть некогда была самостоятельным текстом или частью другого текста, в котором лирическое начало преобладало над фактической исторической частью.

К жанру солдатских песен относятся еще несколько сюжетов: *Первое горе — муж Григорий* (№ 2); *Ты не стой-ка, ребина, на крутой горе* (№ 59) и ее версия *Как по синему морю плывут корабли; Уж ты сад ли, ты мой сад, сад зелененькой* (№№ 14в—14д) в контаминации с сюжетом *Ой, летела пава через три поля* (№№ 14а, 14б); *Ехали солдаты со службы домой* (№ 45); *Чует Коленька сам себе невзгону* (№№ 24, 24а); *Горе-горькая кукушка по утру рано летала* и ее контаминация *Чуть зорюшка занялась, Во поход пошли солдаты и Горе-горькая кукушка поутру рано летала* (№ 8); *С(о) вечера рябинушку дождиком мочило* (№№ 49, 49а), *По нашему по Невскому проспекту* (№ 13); *Питер-Москву проезжает да ко вдовушке заезжает* (№ 38) с вариантом зачина *Как шли-прошли удалые молодцы* (№ 38а), *Ещё шли-прошли да бурлаки молодые* (№ 13б); *Недозрелая калинушка, её нельзя заломать* (№ 31); *Кусточки лавровые на болоте шумят* (№ 18); *Как пошёл наш Олександрюшко ко царю службу служить* (№ 46), а также контаминированные с любовной лирикой сюжеты типа: *На горе стоит дуб, под горой береза* (№ 61); *Что вы, девушки, что вы, красные* (№№ 17—17г) и версии этого сюжета (*Да что, девушки, все-то задумались* (№ 17в), *Млад солвьюшко, ты наш батюшка* (№ 17д), *Красива я девушкой была* (№№ 6, 6а).

Сюжет *По нашему по Невскому проспекту* (№№ 13, 13а) распространён в Ленском и Вилегодском районах. В Вилегодском районе он зафиксирован с другим зачином — *Ещё шли-прошли да бурлаки молодые* (№ 13б) или его ранним вариантом, зафиксированным у Иваницкого, — *Уж как шли-прошли казаки молодые* (№ 13в). Все местные варианты соотносимы с общераспространёнными версиями из других ареалов, в том числе и печорской версией сюжета, *Вдоль по Питерской по славной по дорожке* (см. Песни Печоры. № 4). Как правило, местные сюжеты рекрутских (солдатских) песен состоят из комбинации следующих мотивов: жалоба солдата на тяготы армейской жизни, солдат в карауле, прощание с матерью, любимой, женой и детьми, тоска по родным, солдат в походе, смерть на чужбине и другие.

Особняком стоит песня на сюжет *Питер-Москву проезжает да ко вдовушке заезжает* (№ 38) на тему «солдаты на постое у вдовы» (муж-солдат в гостях у жены), построенная, по выражению Н. П. Колпаковой, «по образцу сюжетной песенной новеллы» (Песни Печоры. С. 388).

Особенностью местных исполнительских версий является тот факт, что мужская лирика повсеместно была записана от женских или смешанных коллективов. Это, естественно, не только повлияло на смысловое содержание текста, но и трансформировало музыкальный стиль конкретной песни. Например, в местных версиях сюжета *Недозрелая калинушка* начало явно указывает на то, что лирический герой является молодым рекрутом, который уходит на службу и переживает разлуку с любимой девушкой, от его же лица и ведётся повествование:

Недозрелая да калинушка,
Её нельзя заломать.
Заломать... да
Недоросла красна девушка,
Её нельзя замуж взять.
Взять... да
У моей-то у хорошей да
Есть два горяшка да с собой (№ 31а).

В конце повествование уже построено в форме диалога между рекрутом и его девушкой, которую везут к венцу с другим:

— Ой ты, милая моя да хорошая, да
Хоть ты ручкой помаша.
Маши... да...
— Уж я рада бы да радёшенька —
Во руках свечи да горят (№ 31а).

Кроме того, в этнографическом комментарии к одному из вариантов сказано, что исполняли песню на свадьбе, т. е. допускалось изменение жанровой приуроченности (коммент. к № 31в).

С этим сюжетом объединены мотивами «солдатство молодца — замужество девушки» лирический сюжет *Малолетняя девчонка за гульбой рано пошла* (№№ 33, 33а) и варианты с зачином *Я не верила девкам-подружкам* (№№ 10а—10в).

Песенная тема *Малолетняя девчонка за гульбой рано пошла* достаточно известна на Русском Севере. Сравним, например, песенный сюжет *Малолетняя-та Дуняша уродилась хороша*, в котором содержатся практически все ключевые мотивы, связанные с этой темой: описание красоты девушки (*Растолстело лицё бело, развесёлые глаза, прилежала молодца*); «унимала молодца ночевать»; отказ молодца остаться на ночь; уговоры девушки; обещание девушки рано разбудить и проводить молодца; прощание девушки с молодцем; слезы девушки, из которых протекает река, которая не имеет перевоза; на противоположном берегу лодка; в лодке молодец, который не желает, однако, ее перевезти на другой берег; девушка остается, напрасно ожидая перевозчика. Необходимо отметить, что песня была приурочена ко времени, когда женщины возвращались «со жнивья», т. е. пели «на ходу» (Песни средней Сухоны. № 21)¹⁶⁷. В вычегодской традиции сюжет зафиксирован с двумя напевами: в Ленском районе с зачином *Я не верила девкам-подружкам* (№№ 10а—10в), вар.: *Я вечор дружка дак милого*. — № 10¹⁶⁸, в Вилегодском районе — *Малолетняя девчонка / За гульбой рано пошла* (№№ 33, 33а). Вилегодская версия сюжета близка сухонской, однако в вилегодских вариантах нет даже и намек на солдатскую службу, более того, молодец боится остаться у девушки: *Боюсь, дома забранят* (№ 33а). Как анахронизм воспринимается название речки — Казанка. Тем не менее в памяти исполнителей устойчив мотив водной преграды, который восходит, очевидно, к ранним версиям когда-то рекрутской (исторической) песни. Таким образом, на Виледи текст со временем приобрел новую жанровую модификацию — женской лирики.

Ленские варианты сюжета, несмотря на фрагментарность некоторых записей, позволяют восстановить полную версию сюжета (см. коммент. к №№ 10б, 10в). Он состоит из четырех-пяти сюжетных тем: 1) девушка жалуется подругам, что скучает по милому,

¹⁶⁷ Другая версия песенного сюжета встречается в Тотемском районе Вологодской области: *Ох, я бы-то ли своево я милова* — Песни средней Сухоны. № 2 (к сожалению, текст опубликован не полностью).

¹⁶⁸ С близкими зачинами этот сюжет зафиксирован в печорской традиции: *Я вечор парня просила; Унимала ночевать* (ТКУЦ (ЛП). №№ 45, 46).

ищет его и находит в веселой беседе¹⁶⁹; 2) уговаривает («унимает») его переночевать, тот отказывается сначала, но остается; 3) утром девушка провожает парня и остается в слезах; 4) из слез протекает речка Казанка, через которую нет перевоза; 5) на той стороне перевозчик — парень молодой, между ними происходит диалог, из которого можно заключить, что парень отказывается от девушки.

Итак, ленская и вилегодская версии не совпадают в зачине и концовке. При этом концовка ленской версии дает больше оснований предполагать, что сюжет любовной лирической песни («женской») восходил к рекрутской (солдатской) песне, для которой топос проводов любимого является знаковым.

Утром раненько разбужу,
О-ой, я-то далёко-далёко провожу-то,
Я далёко-далёко провожу.
Я до тех пор провожала,
Где скончалася любовь (№ 10а).

Или:

Утром рано-рано, до зорюшки,
Миленькой, далёко провожу.

Я до тех пор было провожала,
Где кончалась с миленьким любовь,
Где кончалась, с милым... расставалась,
Слезно плакала с-по нем (№ 10б);

Или:

Утром рано-рано до зарюшки,
Миленький, далеко провожу!
До тех пор его провожала,
Где скончалася с миленьким любовь.
Где скончалась — с милым расставалась,
Слезно плакала по нем (№ 10в).

Сравним с вилегодской версией, где этот песенный топос также присутствует, но по форме это женская реакция на разлуку с любимым:

Я до тех мист спровожала... ой,
Где скончалася любовь.
Любовь... (да)...
Где ж кончалась — расставалась... ой,
Слёзно плакала об (н)ём (№ 33).

То же:

Да я-то до тех мест дружка провожала... ой,
Где скончалася у них любовь,

¹⁶⁹ Тема «веселой беседы» приобретает в поэтическом строе народной лирики статус своеобразного топоса, где происходят важные события, влияющие на судьбу девушки или парня в дальнейшем.

Где-то скончалась, с милым раставалась...
Слезно-то плакала да рыдала... ой... (№ 33а).

Это, конечно, женский вариант проводов, но он все-таки ключевой и в рекрутских (солдатских) песнях.

Важно отметить, что модификация жанра рекрутских песен, которую мы наблюдаем на примере этого песенного сюжета, позволяла исполнителям завершать сюжетный ход разными дополнениями из излюбленных сюжетов новых баллад и городских романсов. Ярким примером такой концовки является вариант, записанный от А. М. Качевой, уроженки с. Выемкова Сафроновского сельсовета:

По-край речушки девка стояла,
Руки к сердцу прижала.
Прижала ручки к сердечку,
Пала белой грудью на воду.
На воде речь говорила:
— От тебя-то, злодей, тону
От тебя ли, от себя, от [злодея] своя.
— Не спотонешь, красна девка,
Лебедь белая моя!
Уж ежели потонешь, я другую полюблю.
— Другую молодую, не чем лучше меня.
— Только тем она получше —
Телом белым понежня (№ 10в).

Мелодраматическая концовка смещает смысловый акцент песни — в конце концов повествование сводится к разрешению сложных взаимоотношений между молодыми людьми. Таким образом, размываются жанровые границы солдатской песни за счет включения или дополнения текста сюжетными темами, принадлежащими общему фонду текстов «лирического универсума». Более того, происходят очевидные расхождения в напевах вилегодской, ленской, сухонской, усть-цилемской и других версий одного и того же песенного сюжета. Запись текста песни под диктовку в случае с вариантом Качевой также позволяет убедиться в том, что концовка песни в разрушенном виде не совпадает с основным ритмическим строем текста.

Еще большие текстовые изменения претерпел известный сюжет *Млад солвьюшко, ты наш батюшка*. Солдатская песня о тяготах армейской службы (солдат на карауле) в результате включения мотивов из любовной лирики и другому зачину (*Что вы, девушки, призадумались*) потеряла первоначальную жанровую принадлежность к «мужской лирике» и стала собственно «жалобой на судьбу девушки»:

(Да) што(й) жо вы, девушки, да што(й) жо вы, красные,
 Ой, да все задумались?
 Ой, все задумались... да...
 Раскрасавицы да... (й) запечалились.
 Запечаловались... да...
 Жит(и)-то не весело, ой, да любить некого.
 Любить некого... да...
 Из молоденьких ребят, ой, да выбрать некого.
 Ой, выбрать некого... да...
 Выбирай-ко, девка, по себе, ой, да одинокого.
 Одинокого... да...
 Одинокие, ой, да не (з)однакие.
 Не (з)однакие... да...
 Гор(и)кие пьяницы, ой, да злы пропоицы.
 Злы пропоицы... да...
 Злая-то пропоица, ой, да беспокоица (№ 17).

Иногда этот трансформационный механизм ограничивал сюжет только одним эпизодом¹⁷⁰:

Что вы, девушки, да чтой-то вы, красенькие,
 О-ой, да все задумались
 Да запечаловались...
 О-а, да жить-то не весело.
 Да невесёлое на[ше] житьё —
 О-ой, да любить некого.
 Да выбирай-ко верно по себе,
 О-ой, да одинакого... (№ 17е; см. также № 17в).

Одним из путей поздней жанровой трансформации по определению изначально мужской лирики было включение ее в поэтический контекст игровых песен, как это можно наблюдать на примере вилегодского сюжета *Чует, чует Коленька сам себе невзгону* (№ 24а), один из вариантов которого имеет характерный рефрен «Ляли, ляли, лёшеньки».

Таким образом, изменение половозрастной стратификации (исполнение женскими коллективами «мужских» песен) послужило причиной внутренних трансформаций традиционных лирических необрядовых песен местного репертуара, создания новых сюжетных версий и дало начало процессу саморефлексии традиционных исполнителей. Как следствие, все это вело к разрушению традиционных певческих стилей и исчезновению местных «школ».

Наряду с солдатскими песнями в местном репертуаре можно обнаружить песни исторической тематики. Прежде всего к ним относится вилегодский сюжет *Шли солдатики*, который записан в трех

¹⁷⁰ Возможно, это издержки записи (пленку сэкономили) или памяти конкретных исполнителей («забыли дальше»).

вариантах. Сходный вариант сюжета опубликован в сборнике: Песни средней Сухоны. № 9. Развернутая тема Казани («Во Казанюшке житьё хорошо, дородно» и т. д.) ставит вилегодский сюжет в один ряд с такими песнями, как *Соловей кукушку подговаривал* (Киреевский 1917, 1929. № 2366) и *У колодечка да ле у глубокого* (Песни Печоры. № 133), примыкающими по своему содержанию к историческим песням «казанского цикла».

В одном фрагментарном варианте в Ленском районе была записана распространенная историческая песня *Поле чистое турецкое*, где концовка сюжета явно имеет контаминированный характер с другим известным сюжетом типа «Горы»¹⁷¹: «(Ой) ты, полюшко моё, поле чистое. Ничего же ты, полё, не спородило. Спородило ты част ракитов куст. Под этим кустом убит солдат лежит. Не убит солдат, — тяжело раненный. Во ногах его стоит...» В таком полном виде сюжет не зафиксирован в местной песенной традиции, хотя фрагменты этого топоса в усеченном виде могут встречаться в других песнях. Вариант *Ты полюшко моё, поле чистое* сохранился в местных версиях без развернутой концовки и других мелких деталей и сюжетных подробностей. Однако сохранился в достаточно хорошем состоянии стиховой напев, представляющий собой уникальный образец для нижней Вычегды, по своему художественному уровню в корпусе напевов он соотносим с напевом *Из-за лесу, лесу тёмного*. Его мелодический склад тот самый, который Гиппиус определял как «мелодику широкого шага» и считал свойством мужского исполнительства.

Среди немногих редких сюжетов на фоне общеизвестных обратим внимание на песню *Между ричками, между быстрымя* (№ 15), в которой отразился отклик на историческое событие — пожар г. Ярославля. Очевидно, речь идет об одном из нескольких крупных пожаров города в 1630-х, 1658, 1670, 1718 гг. В книжной традиции сложилось «Сказание вкратце о бывшем пожаре града

¹⁷¹ «„Горы“ — песня одна из распространеннейших, любимых в народе, несмотря на древность ее происхождения, и представляет чисто лирическое произведение, не заключающее в себе никакой внешне-исторической подкладки. Она, закаменев на эпических местах древнейшего поэтического изображения, повествует о гибели молодца, об отношениях к нему членов семьи и о положении этой семьи. Если первоначально песня и была сложена про какое-либо известное лицо или на известное событие, то давным-давно они забылись, да и многие тысячи случаев подобной гибели бывали в степях, на дальних окраинах государства в поисках за дальним счастьем, когда еще Русь слагалась и бродяжничало ее население. Смысл этой песни был близок душе и сердцу каждого, а взаимные отношения членов семьи имеют живой интерес и в настоящее время. Потому она до сих пор поется по всей России, не изменяясь в своем тексте, коим дает нам один из лучших образцов старинного лирического народного творчества». — Лопатин, Прокунин. С. 91.

Ярославля»¹⁷², не имеющее прямых аналогий с песенным сюжетом. В нем рассказывалось о пожаре, который произошел в Ярославле 10 июля 1658 г., в результате чего сгорел почти весь город. Огнем было уничтожено 29 церквей в большом и малом городах, вне города и на другом берегу реки Которосли. Особое внимание «Сказание» уделяло спасению от огня мощей князей Федора и «чад его», Давида и Константина Смоленских, и ярославских чудотворцев — князей Василия и Константина. Основными источниками «Сказания» явились сочинение Максима Грека «Сложение вкратце о бывшем пожаре Тверском. В нем же и похвала о обновлении церковного украшения, бывшего боголюбивым епископом Тверским Акаиём», Хронограф 1512 г. (плач о Царьграде), «Казанский летописец» и отчасти «Сказание» Авраамия Палицына.

Параллелью, отдаленно напоминающей о близости текстов песни и «Сказания», может послужить похвала г. Ярославлю: «Бяше бо видети дотолє Ярославль велик, и чуден, и многонароден, и цветяшєся всеми потребными и изобилуя довольством»¹⁷³. В песне эта похвала выражена в формульном сравнении его с «каменной Москвой» и с другими городами («краше Киева», «лучше Питера»): «Между ричками, между быстрымя, / На крутой горе, на всей красоте / Там хорош город роспростроился. / Лучше Питера, краше Киева, / Лучше матушки каменной Москвы». В некоторых вариантах песни встречается также упоминание о городских стенах, очевидно как об особом признаке величественности города: «Да что в три ряда стены камены; / Ты в три рядика, ты в три каменных, / А четвертый ряд стекольчатый» (Киреевский 1917, 1929. №№ 265, 315); «Луччє каменного да строеньица» (Песни Пинежья. № 64); «Лучше-то каменного строеньица»; «Стены камены, эх, рассыпаются» (Песни Печоры. №№ 20, 162, 172).

Можно (с достаточной степенью условности) указать на близость песни и «Сказания» по эмоциональному тону («И возгорєся огонь велик, и дух бурен, и вихр воста от восточных стран. И град весь и самыя стены вся окрест града пожже, и освященныя Божия церкви <...> И дворы все, яже бяху во обоих градах, вся вкупе полиза огонь всеядец в мале времени. Видение страшно и многим слезам достойно! Огню, зелным ветром и вихром гониму, вся вскоре изъядшу, и людем горевшим, невозмогшим убежати гонения пламеннаго...»¹⁷⁴;

¹⁷² Текст «Сказания» был опубликован М. А. Салминой в 1965 г. в «Трудах Отдела древнерусской литературы» (М.; Л., 1965. Т. 21. С. 319—326) по рукописи ГИМ, Собр. Уварова, № 612 (1839), третьей четверти XVII в.

¹⁷³ Салмина М. А. «Сказание вкратце о бывшем пожаре града Ярославля». С. 324.

¹⁷⁴ Там же. С. 323. Отметим, что этот отрывок текста, в свою очередь, имеет другой книжный источник — сочинение Максима Грека.

Ср.: «То не пыль в поле запыляется, / Не туман с моря подымается / Еруслав-город загорается» и т. д.).

Разумеется, ни о каких прямых текстовых совпадениях в нашем случае не может быть и речи. Два эти текста были предназначены для разных социальных слоев общества, содержат разные интенции. В песне в качестве главного героя фигурирует молодой купец, попавший в беду. «Сказание» же явно рассчитано на церковную, клерикальную среду города, с совершенно другими целевыми установками. Одним словом, текстовое воплощение отклика на события в песенном сюжете и «Сказании» принадлежат к разновекторным явлениям культуры. Одно связано со средневековой книжной традицией, другое — с новыми тенденциями светской демократической струи в русской культуре. Вопрос заключается в следующем: к какому слою культуры принадлежит песенный сюжет — письменному (стихотворному) или устному?

Известно несколько песенных вариантов сюжета о пожаре в Ярославле, зафиксированных в 30—40-х гг. XIX в. В изданных Киреевским (Киреевский 1917, 1929) полных вариантах, записанных Языковым в Оренбургской губернии (*Горе мое, гореваньце...* — № 314), Тульском уезде Тульской губернии (*Ах ты батюшка, Ярослав город!* — №№ 315, 316), двух фрагментах текста, зафиксированных П. Якушкиным в Малоархангельском уезде Орловской губернии и также опубликованных в сборнике Киреевского (*Уж ты батюшка мой, Ярославль-город!* — № 152; *Ты почем, Ярослав-город, построился?* — № 265)¹⁷⁵, текст обозначается издателями как «песня-баллада с устойчивым и характерным для поволжской традиции зачином». При этом у трех из пяти известных текстов песни один и тот же зачин (*Ах ты батюшка, Ярослав город!*), а у четвертого испорченный вариант того же зачина (*Ты почем, Ярослав-город, построился?*).

В 90-х гг. XIX в. Н. А. Иваницкий также делает записи двух вариантов этого песенного сюжета в Сольвычегодском уезде — с другим зачином: *Между речками между быстрыми* и *Что не пыль-то во поле запыляется* (Иваницкий. № 578).

Отметим, что им была записана также баллада о девушке в лодке разбойников:

Уж ты батюшка, Ярослав-город!
Ты хорош, пригож, на горе стоишь,
На горе стоишь, на всей красоте,

¹⁷⁵ В этих фрагментах нет прямого упоминания о пожаре; кроме того, и зачины разные.

Между двум рекам, между быстрыми.
Между Волгой да между Которостью (Иваницкий. № 577).

Примечательно, что в этом зачине сохранились исторические реалии, которые упущены в известных вариантах песни о пожаре в Ярославле, где указывается, что Ярославль стоит между реками Волгой и «Которостью» (т. е. Которослью).

Именно этот вологодский текст, записанный Иваницким от исполнительницы из с. Несвойского Вологодского уезда, является версией другого сюжета — *Девушка в лодке разбойников*. Другой вариант песни с тем же сюжетом, с зачином *Ах ты наш батюшка, Ярославль город*, издан в песеннике Чулкова в разделе песен о Разине¹⁷⁶, а позднее был записан в устной традиции Пошехонья¹⁷⁷. Этот же сюжет зафиксирован Нестеровым в 1951 г. в Горьковской области в качестве первой части песни с зачином *Как пониже села Лыскова*¹⁷⁸.

Таким образом, эпический сюжет о пожаре Ярославля еще в ранних записях был зафиксирован в контаминированных формах и обладал диффузной жанровой природой. Помимо собственно повествования о пожаре Ярославля, отразившегося в зачине, тексты наполнялись другими мотивами, характерными для любовной лирики. Более того, сюжет о пожаре стал зачином в балладном сюжете *Девушка и разбойники в лодке*. Что касается песни *Горе мое*,

¹⁷⁶ Чулков М. Д. Новое и полное собрание российских песен. М., 1780. Ч. 1. С. 182. В рукописных песенных сборниках, входящих в собрание Титова (РНБ), среди солдатских песен встречается сюжет с зачином *Не ясен-то соколик / Сы теплова гнездушка сылетает* и последующим текстом, где солдат просит в качестве вознаграждения за службу императору Павлу I пожаловать его городом Ярославлем:

Ты пожалуй меня, православный государь, одним городочком,
И нехитрым, немудреным славным Ерославом.
Как и чем-то табе Ерослав-то город показался?
Показался-та мне Ерослав город своим построеньем,
Построеньем показался мне по белым полатам.
Как полаты-то показались мне по красным окошкам,
Под окошечком вить там сидит красная девченка (РНБ. Тит. 2454. Л. 126). —

См.: Васильева Е. Е. «Рукописные песенники» из собрания А. А. Титова в РНБ // История и культура Ростовской земли, 2004. Ростов, 2005. С. 133—148.

¹⁷⁷ Пошехонский вариант сюжета стал сегодня, судя по официальным ярославским сайтам, в некоторой степени культовой народной песней о Ярославле.

¹⁷⁸ «Спела Мария Нестеровна Лисина (1879 г. р.), с. Бортсурманы Пильнинского р-на, 1951 г. Эпический склад мелодики, большая выразительность, оригинальность общей структуры, содержательность текста — все эти качества выдвигают песню в число редких по своей художественной силе образов. Не случайно она пользуется при исполнении неизменным успехом». — Нестеров А. Народные песни Горьковской области. М., 1972. № 1. Первая часть песни представляет собой вариант известного сюжета разбойничьей песни *Ты взойди-ка, красно солнышко*. — См., например: Лопатин, Прокунин. № 51 и др.

гореваньце, то вся первая часть песни до строки «Ярославль городок на горе стоит» является частью другого песенного сюжета, входящего в известный мотивный комплекс «Горе».

Основное количество записей, вопреки мнению Е. В. Гишпиуса и З. В. Эвальд¹⁷⁹, начиная с записей Иваницкого, все-таки было обнаружено на Русском Севере: на Пинеге, Печоре, Мезени, Вычегде (одна запись из Каргополья). При этом явно преобладают мезенские записи¹⁸⁰ и близкие к ним нижнепечорские¹⁸¹ и пинежские варианты¹⁸².

Подавляющее число вариантов севернорусских записей известно с зачином *Между речками, между быстрыми*. Разночтения в плане сюжетного повествования встречаются только в конце (третья ленточка предназначена либо жене, либо любовнице). Отметим, что в позднем вычегодском варианте ленточка предназначается жене. При сравнении поздних вариантов (а именно вычегодского варианта, запись А. С. Абрамского 1964 г.) с записями Иваницкого укажем, что совпадает, во-первых, зачин с первой строки *Между речками, между быстрыми* до строки *Ярослав-город загорается* с последующей *Одна лавочка оставаается*; он является стабильным для всех севернорусских вариантов и отличается от записей из центральной России и Поволжья с зачином *Уж ты батюшка мой, Ярославь-город!* или в составе контаминированного сюжета разбойничьей песни *Ты взойди-ка, красно солнышко*¹⁸³. Во-вторых, в обращении купца к товарищам с просьбой спасти его лавочку отличается строка:

«В этой лавочке молодой купец, / Молодой купец — добрый молодец. / Он вскричал своим друзьям-приятелям...» (Иваницкий. № 578); или «Есть в лавочке мо... ох, да молодой купец, / Да молодой купец, до... ох, да доброй молодец. / Молодой купец, до... ох, да доброй молодец, / Да он кричал, да ревел, ох, своим товарищам».

В-третьих, упоминание о трех ленточках, составляющих главную ценность его лавки, представлено в разных версиях: у Иваницкого — как часть товара:

¹⁷⁹ «В XIX в. песня, по-видимому, была широко распространена в центральных районах русского населения (записи Киреевского, Прокунина). В северном крае нами не зарегистрирована. Характерные для нее образы (ярославские купцы, лавка и т. д.) в пинежских лирических песнях почти не встречаются; по всей вероятности, она занесена из центральных районов». — Песни Пинежья. С. 64.

¹⁸⁰ Песни Мезени. №№ 40, 41; Абрамский. № 39.

¹⁸¹ Песни Печоры. №№ 20, 162, 172. Отметим, что на средней Печоре был записан только один вариант этой песни 1956 г. — № 162, представляющий собой «усредненный» по сравнению с нижнепечорскими записями текст.

¹⁸² Песни Пинежья. № 64.

¹⁸³ Лопатин, Прокунин. № 51 и др.

Приотстойте-ка мою лавочку,
 Всё со мелкима со товарьма:
 Дорогой товар: мелкой злат жемчуг.
 Мелкой злат жемчуг, алы ленточки.
 Первая-то ленточка — сто рублей,
 Другая-то ленточка — пятьсот рублей,
 Третью-то ленточку платил тысячу,
 Мелкотной товар — за злат жемчуг,
 Злат жемчуг — деньгам счёту нет.

В поздней записи это стоит расценивать как основной товар в его лавке и как сюжетный ход повествования: «Не оставьте молодца при бедности, отнимите мою лавочку с дорогими товарами, с кумаками шито-браными, с дорогими алыми лентами. Перва ленточка стоит сто рублей. Да втора ленточка стоит тысячу. Да третьей ленточке цены нет. Перва ленточка родной мамушки, втора ленточка родной сестрицы, третья ленточка молодой жонки-барыни».

Именно эта версия с начальной строкой *Между речками, между быстрыми* и зачином, в котором сообщается о пожаре Ярославля, составляет севернорусскую (мезенскую) версию исторического сюжета песни, сводя его последующее повествование к любовной коллизии.

Собственно песенный сюжет о пожаре в Ярославле является типичным для книжной поэзии конца XVII—XVIII в.¹⁸⁴ Он включает несколько распространенных поэтических топосов, указывающих на книжное происхождение текста. К ним относятся: похвала Ярославлю: «Между речками, между быстрыми на крутой горе хорош город (Ярославль-город) построился. Краше Питера, лучше Киева, каменной Москвы» («краше Вологды» — в севернорусских вариантах)¹⁸⁵. Формульная тема «угрозы»: «Что не пыль в поле запыляется, не туман с моря подымается»¹⁸⁶, Ярослав-город «в других вариантах «расхорош город» загорается, одна лавочка остается» (могут быть иные варианты). Тема «страха»: «В одной лавочке молодой купец, он кричал своим товарищам: отнимите мою лавочку от огня, не оставьте меня при бедности». Дальнейшее развитие темы песни ограничивается перечислением товара в лавке и представляет собой стилизацию свадебной величальной песни *Перва ленточка сто рублей...* и т. д.¹⁸⁷

¹⁸⁴ Это так называемые стихи по случаю, как, например, стихи о наводнении в Великом Устюге и др.

¹⁸⁵ Сравним: «Великой Устюг лъзя назвати славным».

¹⁸⁶ Отметим, что в Брянской области был зафиксирован зачин *Что не пыль в поле запылелася*, но в сюжете *Смерть молодца на чужбине*.

¹⁸⁷ См., например, свадебную песню уральских казаков *Пора молодцу женитца*, возможно послужившую одним из источников лирической песни.

Музыкально-поэтический строй текста с цезурированным силлабическим стихом 5+5 следует рассматривать как исходную композицию. Этот стих представлен в записи Иваницкого как книжный силлабический 10-сложный стих: *Между речками, между быстрыми* или *Уж ты батюшка, Ярослав-город*. Именно на силлабический книжный стих были ориентированы и все другие записи в сборнике Киреевского (*Ах ты батюшка, Ярослав-город!* — Киреевский 1917, 1929. №№ 315, 316, 152). Более того, такая запись выдерживается и в поздних публикациях текста на Печоре (*Между реченькой, между быстрой* — Песни Печоры. № 20). Книжность стиха маркируется и парной отглагольной дактилической рифмой (не всегда выдержанной): *запыляется — подымается, загорается — остается* или мужской рифмой *купец — молодец*. Однако под воздействием песенной музыкальной стихии книжный стих приобретает форму расширенного силлабического стиха 5+3+5, образцом которого служат мезенские записи: «Между речками, / между бы... / ой, да быстрыма» (Песни Мезени. № 40) или поздний вычегодский вариант: «Между ричками (ох, да), / между быстрымя / (Ай), на крутой горе... / на... (ой, да) на всей кра... / ай, да красоте» (№ 15). Структурная позиция асемантических вставок определяется напевом. Вне напева невозможно определить, какие из них имеют самостоятельную позицию в структуре песни, а какие не имеют. Поэтому в нашем случае происходит разрушение книжного стиха и появление песенных строф, что также подкрепляется и приемом цепного повтора:

Между ричками (ох, да), / между быстрымя (ай),
 На крутой горе... / на... (ой, да) на всей кра... / ай, да красоте.
 На крутой горе, на... (ох, да) на всей кра... ай, да красоте (эх),
 Там хорош город ро... (ох, да) распростроился.

Записи же Языкова, Якушкина, изданные Киреевским, и Иваницкого, изданные уже Гурой в 1961 г. без музыкальной составляющей, ориентированные прежде всего на книжный стихотворный текст (не делимый на строфы), по сути, не отражают истинную природу народного песенного текста. В нашем случае они как бы возвращают его к первоначальной письменной форме, правда уже с разрушенными семантическими связями между отдельными ее частями когда-то единого в структурно-смысловом отношении стихотворения. Более того, строфическая песенно-музыкальная структура позволяет осуществлять свободную интеграцию в различные песенные жанровые образования. Отсюда и главная теоретическая проблема реконструкции формы народных лирических песен, ко-

торая, как правило, не отражена в ранних публикациях песенных текстов¹⁸⁸.

Географию распространения сюжета можно обозначить понятием «точечная», судя по сохранившимся записям: Малоархангельский уезд Орловской губернии (фрагменты, зафиксированные Якушкиным), Оренбургская губерния (записи Языкова), Тульская губерния, Поволжье (контаминация с разбойничьим сюжетом *Девушка в лодке с разбойниками*), с. Несвойское Вологодского уезда (запись Иваницкого, тоже контаминация), и Мезень с близкими к ней и редкими записями из соседних районов Архангельской области. Фольклорные записи, сделанные на разных территориях (кроме вологодских), не имеют прямых аналогий между собой, но восходят, очевидно, к одному письменному пратексту, сочиненному в Ярославле по случаю одного из больших пожаров города в купеческо-мещанской среде. Именно выходцы из этой среды, расселившись по другим местам, сохранили память о стихийном бедствии в форме фольклорного песенного сюжета как историческую память о своей родине.

Сам текст книжного поэтического текста претерпел известную трансформацию под воздействием законов устной поэтической системы.

Жанр удалых (разбойничьих) песен в вилегодской традиции представлен тремя фрагментами сюжета *Вниз по матушке по Волге* (№ 64). Исполнительницей воспроизведена лишь начальная часть сюжета (которая имеет только незначительные расхождения с аналогичным фрагментом текста из сборника: Львов, Прач, № 21, — помещаемого в раздел бурлацких песен), где говорится о ненастной погоде и чернеющей в волнах лодке с белым парусом. Дальнейшего содержания А. Д. Федяева не помнит, однако при повторной записи (ФА СыктГУ, № 0480-15) она уточнила: «Тут про атамана каково-то ещё говоритца, кто в лодочке-то сидел». Упоминание атамана, традиционного персонажа разбойничьего фольклора, позволяет нам предположить иное, нежели в тексте из сборника

¹⁸⁸ В отечественной фольклористике к настоящему времени накоплен достаточно большой опыт составления региональных песенных сборников. К числу наиболее авторитетных относятся такие академические издания, как «Песни Пинежья» (1937, подготовлено Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд), «Русское народное творчество Поволжья» (1959, подготовлено Н. П. Колпаковой и Ф. В. Соколовым), «Песни Печоры» (1963, подготовлено Н. П. Колпаковой и Б. М. Добровольским), «Песенный фольклор Мезени» (1967, подготовлено Н. П. Колпаковой и Б. М. Добровольским) и некоторые другие. Нисколько не преуменьшая значимость других изданий, все же отметим одну характерную их особенность: песенные сборники, за немногим исключением, были рассчитаны только на специалистов-музыковедов или только на филологов и составлялись соответственно либо музыковедами-фольклористами, либо филологами-фольклористами.

Львова, Прача (здесь «хозяин» просит гребцов «грязнуть» «ко Аленину подворью»), развитие сюжетной линии, связанной непосредственно с «разбойничьей» тематикой, восстановить которую сейчас не представляется возможным, и отнести вилегодские фрагменты сюжета к удалым песням¹⁸⁹.

Баллады как самостоятельный жанр не имеют на Вычегде широкого распространения. Из обширного перечня сюжетов классической русской баллады на Виледи зафиксированы только три, имеющие разную степень сохранности, — семейно-бытовые *Муж-солдат в гостях у жены* и *Оклеветанная жена* и социально-бытовая *Муж-разбойник*. Баллада *Муж-солдат в гостях у жены* в вилегодской традиции представлена вариантом песни с зачином *Питер-Москву проезжает* (№ 38).

От классических образцов местные варианты баллады отличаются некоторой схематичностью передачи драматической ситуации. Сохранена лишь основа сюжета, при этом нет обстоятельности в изложении его элементов, опущены детали, не имеющие непосредственного отношения к центральному событию, а отсутствие мотива солдатства вносит некоторую неясность в смысл произведения.

Из нескольких зафиксированных вариантов баллады *Оклеветанная жена* с зачинами *Ой, летела пава через три поля* (№ 14а), *Летела пава да через улицу* (№ 14б), *Уж ты сад ли, ты мой сад, сад зелененькой* (№№ 14в—14д), *Молодой молодец на службе служил* (№ 14е), *Мне не жаль павы, жаль пёрышка* (№ 14), а также с другим напевом — *Ехали солдаты со службы домой* (№ 45) — встречаются в других севернорусских традициях, например на Печоре с зачином *Сизенькой голубчик сидел на дубочку* (ТКУЦ (ЛП). № 108). Характерно примечание Е. В. Гиппиуса о том, что ритмическая форма основного напева этой баллады характерна для средне- и южнорусских баллад (см. коммент. к № 14). Однако отметим, что с зачином *Летела пава через три моря* в южнорусской традиции распространен другой песенный сюжет, близкий к рекрутским песням, как об этом свидетельствует воспоминание В. В. Богданова: «Мне запомнилась великолепная по мелодии песня, которую я слышал в разных местах, даже за пределами Смоленщины. Она состоит из двух четверостиший, которые при пении повторяются два, три и больше раз. Очевидно, не ради содержания, а для красивой мелодии. Текст ее таков: „Как летела пава / Через сине моря (вместо море), / Уронила пава / С крыла пёрышко. / Мне не жалко крыла, / Жалко пёрышка, — / Мне не жаль мать-отца, / Жалко молодца“.

¹⁸⁹ Мезенцева Е. И. Необрядовая лирика. Баллада // Фольклор Виледи. С. 51—52.

Сами певицы разъясняли мне, что песню поют о солдате, которого „забрали по набору“. Молодой парень, женившийся 18 лет, через три года призывается на военную службу, и его увозят невесть в какой город. Русский набор в солдаты всегда сопровождался разгулом „забранных“ деревенских парней и всех жен и матерей. Возможно, что эта песня, художественная по содержанию, выражает правильно тоску и сожаление молодой женщины, от которой, как перышко от крыла, оторвался, „уруился“, ее супруг. Но несомненно и другое. Именно — что русская народная лирическая песня, без отношения к ее словесному содержанию, долго живет в народе благодаря своей музыкальной красоте, благодаря большому разнообразию увлекательных мелодий»¹⁹⁰. Можно предположить, что отличительной чертой вычегодских вариантов баллады является наличие развернутых лирических зачинов, органически вливающих в сюжет и создающих соответствующий эмоциональный тон внесением личностного начала. Типичным примером таких местных контаминаций являются варианты баллады: *Ой, летела пава через три поля, Уж ты сад ли, ты мой сад, сад зелененькой, Молодой молодец на службе служил* — Вилегодского и Ленского районов.

Сюжет *Как со вечера да седока езда* (№ 43), записанный в шести вариантах в Вилегодском районе, сохранил отдельные мотивы баллады *Муж-разбойник*¹⁹¹, которые в совокупности не представляют собой развернутого повествования. За его пределами остаются конфликтные взаимоотношения супругов (несчастный брак с разбойником), в тексте нет прямого указания на род занятий мужа (цель его отъезда не обозначена), отсутствует кульминационный момент узнавания окровавленной рубашки брата. Такие пропуски смыслообразующих элементов сюжета делают вопрос: «Ты зачем (не ты ли) убил да брата роднова?» — немотивированным.

Выпадение ряда сюжетобразующих мотивов нарушает целостность сюжета, которая является необходимым условием сохранения баллады как жанра¹⁹². Эти обстоятельства затрудняют определение жанровой принадлежности вычегодских песенных вариантов балладных сюжетов.

Помимо сюжетов, в той или иной мере сохранивших черты классических баллад, в вычегодской традиции зафиксирован сюжет, от-

¹⁹⁰ Богданов В. В. Этнография в истории моей жизни. М., 1989. С. 133.

¹⁹¹ В. И. Еремина отмечает, что настоящий балладный сюжет был широко известен в традициях западных, южных и восточных славян, однако «у восточных и западных славян она бытует в усеченном виде (только первая ее часть), вторая — дочка-пташка — встречается здесь тоже как самостоятельный сюжет». — Еремина В. И. Ритуал и фольклор. С. 108—110.

¹⁹² Кулагина А. В. Традиционная образность баллад // Традиции русского фольклора. М., 1986. С. 75.

носимый исследователями к новой балладе: *Как во нашей во деревне, во весёлой слободе* (№№ 35—35в). В ней запрет родителей жениться на любимой девушке приводит к личной трагедии лирического героя и имеет две версии концовки: в первой версии отказ приводит к самоубийству лирического героя:

Пошёл лесом, пошёл тёмным,
Сел на камешек отдохнуть... (да)
Вынел ножик, вынел саблю,
Снял головушку свою.
— Покатись, моя головушка,
Прямо к Маше на крыльце! (№ 35).

Во второй версии — более «мягкой» — запрет приводит к потере любовных отношений пары. Она представляет собой собственно песенную аллюзию на известный сюжет литературного происхождения *Кольцо души-девицы я в море уронил* (№ 76).

Пошел садиком зеленым
Прямо к Саше на крыльцо.
Стукнул, брякнул во колечко.
Вышла Саша на крыльцо.
— Дай-ко, Саша, ручку праву,
Со правой ручки кольцо.
— Потеряла я колечко,
Потеряла я любовь.
Из-за этого колечка
Я буду плакать день и ночь (№ 35в).

Сравним:

Кольцо души девицы я в море уронил.
И с ним, конечно, счастье земное погубил.
Мне дав его, сказала: «Носи, да не теряй.
Пока носишь колечко, меня своей считай» (№ 76).

Замена «жестокой» концовки баллады является одним из путей влияния лирической песни на балладу. Более того, такое влияние становится характерной чертой существования этих жанров на позднем этапе. Признаками взаимопроникновения жанров является введение лирических зачинов в балладу и наделение персонажей некоторыми чертами героев лирических песен, а лирические песни, в свою очередь, вбирают балладные сюжеты и отдельные их мотивы.

Исследователи уже отмечали в некоторых случаях такую зыбкость грани между лирическими песнями и балладами, например: «...трудно определить, что это: лирическая песня с балладным сюжетом или же баллада, вобравшая в себя элементы песенной ли-

рики»¹⁹³. Произведениям подобного типа есть даже определение: лирическая баллада.

В вытегодской традиции к жанру лирической баллады можно отнести с известной долей условности следующие сюжеты лирических необрядовых песен: *Красивая девушка во садике гуляла* (№№ 21—21в), *Распечальное моё дивье сердце* (№ 26а), *Как пошёл наш Олександрюшко ко царю службу служить* (№ 46), *Чует, чует Коленька сам себе невзгону* (№№ 24, 24а), *Жила-была девица, да жила раскрасавица* (№ 58). В них явно проявляется тенденция к наррации песенного текста. Причем на Виледи она составляет одну из особенных местных черт субрегиональной традиции. Элемент беллетризации лирического сюжета следует рассматривать как особую исполнительскую манеру местных певцов. Механизм беллетризации лирического сюжета *Красивая девушка во садике гуляла* (№№ 21а, 21б) строится на конфликте между девушкой и женатым мужчиной. По сути, это печальная повесть о несчастной любви. Ситуация явно надуманна и не имеет прямого отношения к традиционной морали, напротив, является иллюстрацией несоместимых с жизненными обстоятельствами коллизий романтических отношений.

Кроме того, с тем же напевом существует еще один песенный сюжет *Красива я была* (№ 21в), который содержит жалобу девушки по поводу собственной красоты, ухода парня в армию, жалобу на женскую долю и мужа-пьяницу. Соотношение этих тем в одном сюжете слабо мотивировано и представляет собой контаминацию рекрутской песни и женской лирики с жалобой на судьбу, при этом она близка к зачину другой рекрутской песни *Перво горе — муж Григорий* (№ 2).

Лирическая баллада *Распечальное моё дивье сердце* (№ 26а) представляет собой повествование о том, как девушка рассталась с возлюбленным, а затем получила известие о его смерти на чужбине. Именно концовка позволяет придать балладную коллизию известному песенному сюжету:

Поутру ранёшенько вставала, ко ей вестка пала.

Пала вестка, письмо получила,

Получила девушка письмецо под черной печатью,
со большой печалью:

Умер сокол её ясный во чужом краю.

Оставалась молодлица с малыми детьми, бедными сиротами,

Оставался конь вороной во хорошей сбреу (№ 26а).

¹⁹³ *Брянцева Л. И.* Русская балладная традиция в Башкирии // *Фольклор народов РСФСР.* Уфа, 1986. С. 110.

Сравним с концовкой лирической песни:

Оставляёт-то девушку во горе... ой, да
 Как кораблик в море.
 В море...
 Вкруг-то кораблика валики-то вьются... ой, да
 Из глаз слезы льются.
 Льются...
 Льются-то, льются-то слёзоньки, катятся... ой, да
 На час не уймутся.
 Не уймутся...
 Напишу-то письмо слезами... ой, да
 Отошлю с друзьями.
 С друзьями...
 Со первым-то да со дружочком... ой, да
 С сизым голубочком.
 Голубочком...
 Со вторым-то да со дружочком... ой, да
 С ясным соколочком (№ 26).

Лирическая баллада *Как пошёл наш Олександрюшко ко царю службу служить* (№ 46) зафиксирована только на Виледи, но встречается с близким названием *Отправлялся Александрик да свою армию смотреть* в Никольском районе Вологодской области, на реке Юге (Никольские песни. № 12). В основе баллады лежит известный мотив женской лирики «жена ожидает мужа-солдата со службы домой». Балладная коллизия появляется только в концовке, когда приносят весть о смерти Александра на пути к дому.

Сюжет *Чует, чует Коленька сам себе невзгону* (№№ 24, 24а) содержит неожиданную для обычного развития мотива «солдат на посту» развязку: солдат сбегает со службы, а дома его не принимают ни отец, ни мать.

Еще один песенный сюжет с балладной концовкой — *Жила-была девушка, да жила красавица* (№ 58) — также распространен только в вилегодской субрегиональной традиции. Интересен этот сюжет тем, что в его основе лежат известные мотивы игровой песни, однако здесь игровая тональность в конце переходит в трагический диалог лирической героини с речкой:

Ты скажи-ко, реченька,
 Ты скажи-ко, быстрая:
 Где мой милый потонул?
 Отвечает реченька,
 Отвечает быстрая:
 — Там, где шапочка всплыла.
 — Заростай ты, реченька,
 Да заростай ты, быстрая,
 Шёлковой густой травой.

Век бы тебе, реченька,
 Да век бы тебе, быстрая,
 Да век бы тебе, рички, не текать.
 А мне уж, бедной девице,
 Да дружка мила не видать.

Баллады на Вычегде, в основе которых лежит лирический сюжет, следует считать проявлением оригинальных исполнительских версий местных певиц. Большинство таких текстов локализовано только в Вилегодском районе.

Жанром близким к лирическим балладам следует считать книжный жанр городских песен, распространенных повсеместно в вычегодской традиции. К ним относятся прежде всего такие сюжеты, как *В поле широком железом копыт* (№ 71), *Разлука* (№ 63), *Вспомни-ка, вздумай, друг да любезной* (№ 77), *По Дону гуляет казак молодой* (в местных версиях *За Дунаем гуляет казак молодой* — №№ 40—40б), *За рекой на горе лес зеленый шумит* (№ 69), *Когда б имел золотые горы* (№ 66), баллада *Когда-то и где-то жил царь молодой* (№ 70), *Кольцо души-девицы я в море уронил* (№ 76), *Летавши с-по воле, орёл молодой* (№ 39), *Над серебряной рекой, на желтом песочке* (№№ 41, 41а), *Не влюбляйся в черный глаз* (№ 72), *Ревела буря, дождь шумел* (№ 74), *Отец с матерью жили весело* (№ 67), *Последней час разлуки с тобой, мой дорогой* (№ 65), *Со вчерашнего похмелья болела буйная голова* (№ 36а; с другим зачином — *Со веселые долинки* — № 36), песни, ориентированные на книжную лирику: *Уколола ноженьку во долинушке* (№ 29), *Уж запад погас, и лучи догорели* (№ 73), *Чудный месяц плывет над рекою* (№ 68), *Не осенний мелкий дождичек* (№ 75), *Цыганочка молодая* (№ 34). Именно эти песенные образцы непосредственно повлияли на формирование местной лирической баллады.

К элементам беллетризации местной необрядовой лирики следует отнести введение в сюжет лирической песни женского (вар. мужского) персонажа с именем собственным Саша, ставшим нарицательным в песенной стихии и обозначающим возлюбленную лирического героя. Подобный прием был усвоен еще в народных игровых песнях. Наряду с песенным образом Саши встречаются в той же функции широко известные имена Дуня, Дуняша, Авдотья, Маша (см. №№ 49, 83, 62). Большая часть этих сюжетов была записана в Ленском районе и составляет отличительную черту субрегиональной традиции: *В чистом поле при долине* (№ 81 — Иваницкий. № 31), *Маленькой мальчишецько в горенке сидел* (№ 22), *Отлетает мой соколик* (№№ 7—7е), *По нашему по Невскому проспекту* (№ 13), *Полюбил молодец молодку* (№ 23), *Соловеюшко,*

парень молодой, ты не пой ранёшенько весной (№№ 30, 30а), *Как во нашей во деревне, во весёлой слободе* (№№ 35—35в).

Необрядовые лирические песни, относящиеся к жанру семейно-бытовой и любовной крестьянской поэзии, широко представлены в вычегодской традиции. Они могут быть сгруппированы в несколько сюжетно-тематических циклов.

Тематический цикл «тоска замужней женщины по родному дому» объединяет пять сюжетов: *Чёрная черёмушка да не во времё росцвела* (№ 56), *Мамушка родимая, зачем на горе родила* (№ 53), *Мамка, светик дорогой* (№ 55), *Отдала меня мамушка взамуж далеко* (№ 54), *Лучше бы я девушкой у батюшки жила* (№ 52). Все эти песенные сюжеты можно обозначить жанровым понятием «женская лирика», их образная структура как будто обнаруживает связь с жанром «хоровой причети», с одной стороны. С другой — три сюжета (№№ 56, 53, 54) указывают на близость с известным сюжетом баллады «дочка-пташка»¹⁹⁴. Обратимся непосредственно к текстам этого песенного цикла, который зафиксирован преимущественно на Виледи. Сюжетное выражение основной темы реализуется в жалобе родным, матери и отцу о плохом обращении с молодой женщиной в чужой семье.

Лучше бы я девушкой у батюшки жила,
Ой, с утра день до вечера улушку мела да роспахивала.
Ой, роспахала улушку, ко батюшке пошла да разжалобилася,
Родимой матушке расплакалася... (№ 52).

В другом песенном сюжете эта тема дополнена ожиданием молодой женщины родной матери в гости:

Мамка, светик дорогой,
Да долго ходила со мной,
Меня несчастну родила
Да рано замуж отдала.
Отдала замуж да далёко,
Да на чужую сторону.
Да как сулилась ко мне мамка
Да часто в гости ходить
Да всё подолгу гостить.
Да первое лето на проходе,
Да нет родимой мамушки.

¹⁹⁴ В. И. Еремина указывает на древние корни этого сюжета, который был распространён в традициях западных и восточных славян: «...повторенный в громадном количестве вариантов сюжет баллады о дочке-пташке имеет четкую, устойчивую структуру, практически без каких-либо случайных привнесений. Исторически измененные мотивировки связаны с забвением смысла архаической основы сюжета». — *Еремина В. И.* Ритуал и фольклор. С. 102—107.

Да как второе тёпло лето,
Да нет родимые моё.
Да как на третье тёпло лето
Я вижу — мамушка идет.
Да я свою-ту мамушку
Да середь поля встретила (№ 55).

В третьем сюжете эта тема выражена вариантами, в которых женщина, обернувшись птицей (кукушкой), сама готова прилететь к матушке:

Да отдала меня мамушка взамуж далеко,
В чужую землю да в большую семью.
Да хотела ко мне мамушка часто в гости ходить
И помногу гостинцев носить.
Я годок прожила, да ко мне мамушка родимая не бывала,
Да второй скоротала, родимая ко мне не бывала.
А на третьёй годочик я вышла на высоко крыльчко
Да навалилась на дубово перильце.
И ясной ты сокол, дай мне правильца,
Сера кокушечка — крылья.
А поличу я к мамушке в гости сама (№ 54).

В некоторых вариантах тема реализуется включением образа кукушки (символом горя, беды, женской доли).

[Мамушка родимая, зачем на горе родила?]
Тонким голосом скокую, подсушу весь тёмной лес,
Вся слезами обольюся, потоплю зелёной сад,
Свернусь серой кокушкой, поличу к маме назад,
Поличу я к маме, сяду на высокоё крыльчо,
На высокоё крутоё, стукну-брекну во кольцо (№ 53).

Расширение темы иногда происходит за счет включения мотива «брака не по любви» и тоской по прежнему дружку.

Чёрная черёмушка
Да не во время росцвела,
Да на ту пору, на то времичко,
Ой, мати сына родила.
Да родимая моя мамушка,
Ох, ты на горё родила.
Да не собравши с полной возрасти,
Ох, дочь замуж отдала.
Да отдала дочь не к местичку,
Ох, не за милову дружку.
Да не за милову дружочика,
Ох, на чужую сторону.
Да чужа дальная сторонущка,
Ох, без ветра сушит-крушит.
Да не отец, родима мамушка,

Ой, без вины журят-бранят.
 Да обвернусь я птичкой-пташечкой,
 Ой, я везде могу летать,
 Да обвернусь горькой кокушечкой,
 Ой, буду плакать-горевать.
 Да поличу на родну сторону,
 Ой, прямо к батюшку в садок,
 Да уж я сяду я на сосенку,
 Ой, из кудряв кудрявую.
 Да я своим-то зысным голосом,
 Ох, весь я садик споглушу,
 Да своима слезьми горечима,
 Ой, весь зелёной спотоплю (№ 56).

Развитие сюжетной темы происходит за счет почти случайных комбинаций словесных формул, которые представляют собой своеобразные микротемы. Микротема «прежней (привольной) жизни в родном доме», например: «Лучше бы я девушкой у батюшки жила, / Ой, с утра день до вечера улушку мела да роспахивала» (№ 52); или намек на это: «Мамка, светик дорогой, / Да долго ходила со мной» (№ 55). Обязательной является формула «обращения» к родителям с жалобой: «Ой, роспахала улушку, ко батюшке пошла да разжалобилася, / Родимой матушке расплакалася» (№ 52); «Мамка, светик дорогой, / Да долго ходила со мной, / Меня несчастну родила / Да рано замуж отдала» (№ 55); «Мамушка родимая, зачем на горе родила» (№ 53); «Чёрная черёмушка / Да не во времё росцвела, / Да на ту пору на то времичко, / Ой, мати сына родила. / Да родимая моя мамушка, / Ох, ты на горё родила. / Да не собравши с полной возрасти, / Ох, дочерь замуж отдала» (№ 56). Последний пример, очевидно, содержит две неполные микротемы: начало связано с несвоевременным рождением сына, а далее идет речь о дочери, которую мать отдает рано замуж, — нарушается смысловая связь между двумя частями. Говорить об исполнительской ошибке мало оснований, так как песенный сюжет был зафиксирован все-таки в нескольких вариантах (см. коммент. к № 56). Очевидно, подобные «алогизмы» повествования в песенном сюжете не нарушают все же логику песенной структуры, так как принадлежат к разным семантико-формульным гнездам, по какой-либо причине оказываясь по соседству в конкретном песенном тексте¹⁹⁵.

Текстовые параллели балладного сюжета «дочка-пташка» мы также находим в соседней лузской локальной традиции, однако в другой жанровой модификации. Сюжет с начальной формулой *Отдает меня батюшко за три города камяны* на Лузе входит

¹⁹⁵ Подобное явление уже отмечалось исследователями: Мальцев Г. И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. Л., 1989. С. 165.

в круг коллективных причитаний («плаканий»), исполняемых в до-вечной части обряда (момент встречи невесты после бани)¹⁹⁶. Однако на Виледи есть и текстовые разночтения: в общеизвестных балладных сюжетах на Лузе речь идет о «черной галице», в вилегодских — о «горькой кукушечке». Сравнивая текстовые реализации в разных жанровых воплощениях, мы все же не можем утверждать, что появление вилегодского цикла «женской лирики» тесно связано с жанром коллективных причитаний, — возможен и обратный механизм.

Важно отметить, что этот вилегодский женский лирический цикл близок общему содержанию «Мыслей» «в женском разно-речи»¹⁹⁷.

Очевидно, фактом такой вариативности сюжетных тем и мотивов следует считать обнаруженный на Виледи оригинальный цикл женских лирических песен.

Совершенно другой сюжетный извод, связанный с образом кукушки, входит в ленский репертуар женских лирических песен *Горе-горькае кукушка по заре рано летала* (№№ 8—8д). Он встречается в сборниках с зачином *А горькая кукушечка* (Колпакова карт.). В наших текстах зачинная формула имеет несколько вариантов: «Горе-горькае да кукушка, вот кукушка да / По заре, ой, по заре рано да летала» (№ 8); «Горе-горькая кукушка поутру (по заре) рано летала» (№№ 8б, 8в); «Во сыром да бору кокушечка кокует, / О-ой, да кокует, вот да кокует, / Вот горюет» (№ 8а); «Крысна девка да красная девка Катерина» (№ 8д). Основной комплекс мотивов отражает «тоску девушки по милому дружку, который отправляется в чужую сторону», она, обернувшись кукушкой, летит за ним. Отъезд молодца позволяет расширить песенный сюжет за счет контаминации рекрутских песен «солдаты уходят в поход». Примерами

¹⁹⁶ Швеценко Е. А. Свадебный обряд Лузского района Кировской области (функциональные аспекты поэтических жанров). Сыктывкар, 2010. С. 52—54.

¹⁹⁷ «Основное лирическое чувство „Мыслей“ — тоска. Здесь не разлука, не измена любезной, которые мы уже видели в песнях и которые обыкновенно выражаются в напевах бодрых. Здесь другой лирический мотив: нудящая тоска сердца и печаль мыслей, которые не дают вырваться наружу ни бодрости, ни разгулу. Такие песни близки к определению их Пушкиным: „грустный вой — песнь русская“, потому и замечательного определения, что, несмотря на все другие характерные черты наших песен, эта нотка грусти всегда присуща протяжным, одиночным русским песням минорного строя, и только в хоре разнообразием голосов, самостоятельным участием каждого, она поглощается общей энергией и силой. Варианты текста „Мыслей“ есть в сборниках Шейна, также вместе с напевом у Абрамычева и у Пальчикова. У последнего она в женском разноречии, которое, пожалуй, более идет к этой песне. Но в конце вариант Пальчикова заимствует слова из другой женской песни, имеющей определенное значение тоски молодой женщины по родительском доме. По общему содержанию к „Мыслям“ близко подходит песня „Эко сердце“». — Лопатин, Прокунин. С. 142.

такого контаминированного сюжета являются варианты (№№ 86, 8д), последний даже с другим зачином: *Чуть зорюшка занялась*. Сравним некоторые текстовые фрагменты, которые имеют близкие аналогии:

И утром-то рано-рано на рассвете
 Дак и во поход пошли солдаты.
 Во поход пошли солдаты.
 О-ой, они шли-пошли, остановились
 Да тежелёничько вздохнули.
 Тежелёничько вздохнули...
 Э-ой, тяжело они вздохнули
 Дак домички вспомянули.
 И домички вспомянули...
 О-ой, остаются най... наши дома
 Да и молодые наши жёны.
 Молодые наши жёны
 Да и маленькие наши дети.
 Маленькие наши дети...
 О-ой, тут пришлось, пришлось солдатику
 Да и с горюшка, о-ой, да померети.
 С горюшка да померети...
 О-ой, уж мы сложим, сложим по часочику
 Да и выроём ему могилу.
 Выроём ему могилу...
 О-ой, ищо выроём ему могилу,
 Да ле, и сделаём ему гробницу.
 Сделаем ему гробницу...
 О-ой, коня-то везут, те... тело везут,
 Да и молодая жона плачет.
 Молодая жона плачет...
 О-ой, горько плачет...
 Конь копытом землю роет,
 Головку к земле клонит.
 Молодая жона плачет:
 «Ты останься, конь вороный,
 Для моёго-то для дому,
 Для моёго-то для дому,
 Для моих для малых деток.
 Для моих для малых деток,
 Для горюченьких горьких сироток» (№ 86).

Сравним:

Чуть зорюшка занялась,
 Во поход пошли солдаты.
 Чуть фуражки видно.
 Они шли, остановились,
 Тяжело вздохнули,
 Дома вспомянули.
 Остаются наши вдовы,
 Жёны молодые,

Малые ребята,
 Горькие сироты.
 Остается конь вороной
 В золотой запряжке.
 Конь к земле голову клонит,
 Копытом землю роет.
 Помер, помер наш солдатик
 Поутру раненько (№ 8г).

Эти два варианта дают иную версию развития сюжета в финале: солдат умирает и оставляет сиротами своих детей, здесь же появляется эпизод с вороным конем, который клонит голову к земле и роет землю копытом (№№ 8б, 8г). Эта довольно часто встречающаяся словесная песенная формула сюжетного мотива «гибель молодца на чужбине» связана с сюжетным комплексом «Горы», «Поле»¹⁹⁸.

Таким образом, текстовые реализации любовной лирики в большей степени вариативны и связаны с индивидуальной памятью исполнителей — с их ассоциативным образным рядом. Подобное явление встречается и в других региональных традициях Русского Севера¹⁹⁹.

Тематический цикл, который условно можно определить как «отъезд молодца — переживания девушки», можно продолжить, включив в него сюжеты *Экой Ваня, разудала голова* (№№ 12—12в), *Кого нету, того жаль* (№№ 32, 32а, 32в, 32г, 32е, 32ж), *Отлета-*

¹⁹⁸ «Из „Гор“ на данной им картине, на эпических местах их, с тем же основным содержанием, повествующем о гибели молодца, возникает новая песня — „Поле“. (...) в „Поле“ является довольно большое различие и в напевах, чего не было в „Горах“. Произошло это, вероятно, потому, что песня, получив применение к военно-походной жизни, пелась войсками, что сообщило ее напеву иной характер, несколько маршевый, и дало ей возможность стать под воздействие песен донских, а это позднее случилось с большинством солдатских песен, если только здесь не было совсем противоположного явления, т. е. если „Поле“ не образовалось именно в казацком быту, а затем, перейдя в Великороссию, не замесало в свой текст эпических мест уже известной древней песни „Горы“ и не образовало из песни военной — песню семейную. Решить происхождение „Поля“ тем или другим путем в настоящее время, при бедности собранных вариантов вообще, представляется невозможным, но одно остается вне всякого сомнения, что „Поле“ песня не древнего происхождения и не представляет собой самостоятельного образца великороссийского народного творчества». — Лопатин, Прокунин. С. 96, 101—102.

¹⁹⁹ См., например, в печорской фольклорной традиции: «Как ни странно, именно тема *любовной тоски* занимает ведущее место в песенных сюжетах усть-цилемской *женской* лирики. Среди песен этой тематики привлекают внимание сюжеты, представляющие собой своеобразные свободные песенные композиции (или контаминации). Их можно расценивать как проявление творчества местных исполнителей, так как они дают негражданское решение темы или объединяют в одном песенном тексте несколько сюжетных тем и образов в нехарактерной для них комбинации» — Власов А. Н., Канева Т. С. Традиционные лирические песни Усть-Цильмы: Историко-художественные и стилиевые особенности. // ТКУЦ (ЛП). С. 33.

ет мой соколик из очей моих, из глаз (№ 7). Эти песенные сюжеты принадлежат к числу наиболее популярных не только на Вычегде, так как встречаются практически повсеместно. За немногим исключением текстовые варианты песни *Кого нету, того жаль* включают один и тот же набор формульных тем. Зачинная формульная тема «девушка сожалеет по поводу отъезда молодца»: *Ох, кого-то нету, того стало жаль (да). / Уезжает милой вдаль* — является своеобразным «нервом» для дальнейшего развития сюжета, формирует эмоциональное состояние лирической героини и интонационный строй текста. Следует отметить, что эта зачинная формула близка по смыслу другому известному песенному зачину *Отлетает мой соколик из очей моих, из глаз* (№ 7)²⁰⁰.

Однако дальнейшее развитие песенной темы несколько различно. В первом тексте оно выражено в песенной формуле, основанной на повторе действия молодца, но уже с оттенком горечи по поводу отъезда: «Ох, уезжает сердешной, оставляет / Одни ласковы милой слова» (№ 32). Далее сообщается, что молодец на прощание оставляет перстень золотой, который девушка днем носит на руке, а на ночь кладет себе под подушку («в головы»), чтобы милый пришел к ней во сне, поутру девушка просыпается в слезах (вар.: «умывалась поутру слезами»)²⁰¹. Достаточно стандартная ситуация для развития любовного сюжета носит явно литературный характер.

Столь же стандартен мотив «желание девушки на крыльях лететь навстречу любимому». В разработке этого сюжетного мотива можно встретить определенные текстовые параллели с песенным сюжетом *Горе-горькая кукушка поутру рано летала* (вар.: *Крысна девка да красная девка Катерина* — № 8д), которые указывают на смысловую и эмоциональную их взаимосвязь. Например, подобные текстовые ассоциации и возможность контаминировать их в единый текст *Кого нету, того больно жаль* возникают после строфы «Свивши, свивши себе крылышко, / Полетела, верно, к дружку вдаль». «Полететь (отлетететь) вдаль» служит речевым сигналом для ассоциации с другим песенным текстом, и, как следствие, появляется новая песенная строфа:

Ох, полетела, сердешна, поглядела, да...
Выше Питера, выше Москвы (№ 32в; ср. также № 32б).

²⁰⁰ Среди других вариантов встречаются: *Куды ж ты, милой, отъезжаешь*. — Соб. Т. 5. № 515.

²⁰¹ Важно отметить, что даже в этих поздних текстах присутствуют, очевидно, более ранние традиционные формульные темы, выражающие мотив «горя девушки при расставании», типа: *тесовая кроватушка пуста простояла; соболиное одеяльце в ногах пролежало; пуховые подушки в слезах утонули*.

Сравним:

Э-эй-ой, да кабы мне-ка, молоденькой, прежняя воля,
 Кабы мне-ка, молоденькой, прежняя воля.
 Э-эй-ой, да прежняя воля, прежняя воля,
 Прежняя воля, прежняя воля —
 Сизые крылья, сизые крылья.
 О-ой-ох, сизы крылья, сизые крылья,
 Сизы крылья, сизые крылья —
 Златые перья, златые перья,
 Э-эй-ой, да поднялась бы я молоденька, полетела.
 Поднялась бы я молоденька, полетела.
 Э-эй-ой, да полетела, полетела,
 Полетела, полетела,
 Высоко взлетела.
 Высоко взлетела.
 О-ой-ой, да высоко уж я улетела.
 Выше Питера, выше Москвы.
 Несчастливой пался вылет мой.
 Да шёл навстречу милой мой.
 Шёл навстречу издалёка,
 Поздоровался со мной (№ 8д).

Отметим, что исполнители и место записи этих текстов не совпадают (см. коммент.), поэтому можно сделать вывод, что они входили в активную память носителей традиции.

Мотив желанной встречи девушки с молодым человеком имеет разные версии в сюжете песни, и особенно в ее финальной части: «Эх, попал настрету, сердешной, издале-то, / Поздоровался, верно, со мной» (№ 32в) (ср. выше № 8д); «Шёл навстречу милой из-за лесу, разговаривал со мной: / „Уж ты, милая моя, хороша, похудела без меня“» (№ 32д); «Шёл навстречу милой мой да / Разговаривал со мной: / — (и) Здра[в]ствуй, милая моя, да / Похудела без меня. / (и) Похудела, побледнела, / Нету краски во лице. / — Ну кака жо, милой, краска, да / Я лежала в немочи» (№ 32б); «Ох, да несчастливая путь-то моя дороженька, / Не-й... несчастливый. Выхожу, мой... / Навстречу милый мой, не разговариват со мной» (№ 32ж); «Разговариват со мной, со мной: / „Уж ты милая моя красоточка, / Похудела без меня, без меня, / Похудела девка, побледнела / Да потеряла румяну, румяну. / Ты потеряла, ты, девушка, румяна / <...> сердцу тоску“. / Ох, есть на свете темна тоска, / Да я лишилася дружка» (№ 32з); «Чует милой-от мило недалеко, / Разговаривает со мной; / — Здравствуй, милая моя красоточка, / Похудела без меня, / Похудела ты, девка, побледнела, / Потеряла в лице румяна. / — Оттого я, бедняжка, похудела — / Есть на сердчике печаль, / Есть печаль-то тоска моя кручина, / Да есть-то несчастная беда». (№ 32и).

В приведенных версиях финала, в отличие от зачина, вариативность значительно выше. Более того, в одном из вариантов основной сюжет представляет собой краткую версию известного сюжета новых баллад:

О-ой, уезжает, да он мне оставляет
 Да вот-то малютку, верно, на руках.
 О-ой, мил уехал, мил меня оставил
 Да вот... вот с малюткой, верно, на руках.
 О-ой, как взгляну я на малютку,
 Да так... так слезами я зальюсь.
 Из-за тебя, моя малютка,
 Я не... ой, не глядела бы на свет.
 Из-за тебя, мой злой-то мучитель,
 Я пойду в море... ой, в море утоплюсь.
 О-ой, куда девалась та тропинка
 Да что дорожку нам вела?
 Куда ж девался мой мучитель,
 Кто словами увещал?.. (№ 32е)

Создается впечатление, что исполнители произвольно соединяют песенные сюжеты на свой вкус, чтобы завершить историю о несчастной любви, импульсом возникновения которой послужил зачинный формульный мотив «разлука влюбленных». Стремление завершить лирический сюжет путем беллетризации его концовки за счет контаминации сюжетов других песен следует рассматривать как позднее явление в народной культуре. Кроме того, необходимо отметить, что на ранней стадии своего существования лирическая необрядовая песня *Кого нету, того больно жаль* ограничивалась только начальной частью сюжетной темы, собственно зачином. Об этом косвенно свидетельствуют некоторые зафиксированные варианты, текст которых состоял только из небольшого количества общеизвестных формульных тем, сюжетно завершающихся пробуждением девушки: *Ой, поутру-ту ранешенько вставала (да ой)... / Залива... заливалась слезьми...* (см. № 32г, а также №№ 32, 32а).

Следует отметить, что публикуемые варианты этой лирической песни не принадлежат к ранним текстам, так как составлены из типовых формульных тем, характерных для сюжетики поздней женской лирики с силлабо-тонической структурой песенного стиха, широко распространенной в книжных песенниках конца XVIII—XIX в.

Лирическая песня *Отлетает мой соколик из очей моих, из глаз* (№ 7), содержание которой заключается в переживании девушки по поводу разлуки с молодым человеком и его отъезда в дальние города, относится к известному циклу «Заря» и «в ее женских разноречиях» весьма близка по своему тону к песням, воспевающим разлуку

местную контаминацию из так называемых новых баллад со слов: *Я-то тебя-то, милой, не забуду...*

Сюжет *Экой Ваня, разудала голова* относится к общераспространенным песенным сюжетам. По мнению Е. В. Гиппиуса, он появился около 60-х гг. XIX в. Текст встречается в песенниках и связан с книжными источниками (см. Указатель сюжетов, № 99; Колпакова карт., 4.175). Основные варианты текста были зафиксированы в Ленском районе, как и предыдущий сюжет²⁰⁴. Текст песни в известных вариантах стабилен и включает два основных сюжетных мотива: «тоска девушки по случаю отъезда молодца (Вани, разудалой головы) в чужи-дальни города» и «жалоба ее, что оставляет ни женой, ни вдовой, а горькой сиротой». Повествование построено в форме лирического монолога героини с использованием приема риторических вопросов («Сколь далече уезжаешь, Ваня, от меня? На кого ты спокидаешь, Ванюшка, меня?» и т. д.) и воображаемого ответа Вани («Ты гуляй, гуляй, моя милая, да одна»). Ситуация типичная, которая встречается и в других песенных сюжетах поздней женской лирики, с той лишь разницей, что в нашем тексте она является текстообразующей.

Три рассмотренных песенных сюжета наряду с некоторыми другими свидетельствуют об изменениях, происшедших в традиционной культуре в результате влияния книжной городской культуры. Появление в песенной традиции так называемой женской лирики было связано с процессами, сопровождающими распад привычного уклада крестьянской жизни: отходничеством, разрушением патриархальных устоев в семье и т. п. Но это внешние стимулы появления женской лирической необрядовой песни. По мнению Лопатина и Прокунина, «часто лирическая народная песня сохраняет в себе древнейшие воспоминания, но в то же время она служит и живым источником выражения чувств поющих, которые песню непосредственно применяют к себе и к своей обстановке. Если песня заносится в округу, для которой она чужда по своей обстановке, если она не приносит с собой живых воспоминаний об определенных событиях, а вместе с тем своим смыслом дает широкое раздолье выражению лирического чувства, — она, применяясь певцами к различным условиям их личной жизни, начинает терять свое первоначальное значение, изменяться в тексте, а вследствие того и в напеве»²⁰⁵.

²⁰⁴ Единственная запись на Виледи, на границе с Ленским районом, была сделана от одной исполнительницы и имеет фрагментарный характер (№ 12в).

²⁰⁵ Лопатин, Прокунин. С. 132—133.

Единственная запись известной протяжной песни *Эко сердце, бедной моё* (№ 5) была сделана в субрегиональной зоне с. Козьмино²⁰⁶. Очень близки в текстовом отношении к козьминскому варианту записи этого сюжета в соседнем с Котласским Устьянском районе (Устьянские песни. Вып. 1, №№ 16—20). Отметим, что в ленской и вилегодской субрегиональных традициях нет даже следов этой замечательной песни.

В лирический универсум женских протяжных песен непременно входит сюжетный мотив «брак со стариком». Среди текстов лирических семейно-бытовых песен вычегодской традиции он в той или иной степени отразился в лирической балладе *Полубил жо да молодец, эх, да молодку* (№№ 23—23в). В этих текстах поэтическим топосом является характеристика старого мужа в словесных формулах типа: «Мой постылый, старый муж на правой ручке тяжелёшенёк лежит, как гнилая колода». Эта поэтическая фигура реализуется в следующих вариантах:

Мой постылый старый муж
Да на правой да на ручке
Тяжелёшенек да лежит,
Да как гнила да колода (№ 23).

Или в более распространенных видах:

Мой-то постылой старой муж да на правой да на ручке.
Он тежалёшенек да лежит, да как гнилая колода, ой,
Обнимать ево, целовать да мне-то неохота (№ 23а).

Или:

Мой постылый да старый муж
Лежит на правой ру... правой ручке.
На правой ручке... (ох)
Тяжелёшенек лежит (да),
Как гнилая коло... вот колода.
Гнилая колода... (ох)

²⁰⁶ «Варианты этой песни находятся в сборниках Балакирева и Пальчикова, у которых она скорее в женских разноречиях, тогда как оба наши варианта представляют разноречия мужские. (...) В наших двух вариантах „Эко сердце“ представляет скорее песню хорового склада, с широким размашистым напевом, тогда как вариант Балакирева — весьма типичный одиночный заунывный напев, столь свойственный по своему характеру женским песням; у Пальчикова напев довольно близок к нашему мологскому варианту, но уже его и также более заунывен. Несмотря на некоторую разницу в напевах, все варианты имеют настолько много общего, что стих песни в них вовсе не изменился. Очевидно, что певцы изменяли главный напев только незначительными вариациями его, и в одной местности они удержали более твердо одни вариации, в другой — другие; через это они придали некоторое различие характеру напева, произвели таким образом и отдельные варианты его, но различающиеся лишь в приеме исполнения песни: или хором, или в одиночку, и притом в мужском пении или в женском». — Лопатин, Прокунин. С. 143—144.

Мне обнять его да полюбить (да)
 Шибко неохо... неохота.
 Шибко неохота... (ох)
 Целовать-то да миловать (да)
 Вовсе не годи... не годится (№ 23б).

Или:

К постылой старой верной ле-де
 На правой на ручке
 К тяжёшенек было лежит,
 Как гнила колода.
 Томно стонет, стонет да кричит,
 Как гнила корова (№ 23г).

Или:

Да мой-от постылой-то муж
 На правой на ручке.
 Ох, он тяжёл-то, у него
 Каменна голова.
 Ох, он и дышит-то, и пышит,
 Как стара корова (№ 23в).

Или:

Что лежит постылый муж
 У меня на ручке.
 Он тяжёл ли, не тяжёл —
 Как гнила колода;
 Колодушка гнилая,
 Ровно дубовая,
 Из-под моху, из болота,
 Я его хозяйка.
 Я хозяйюшка его,
 Жёнка молодая (№ 23д).

Уточним, что этот поэтический топос встречается только в ленской субрегиональной традиции и на Устье (Козьмино). Стилистически в этой поэтической фигуре узнаваемо эпическое сравнение. Возможно, оно привнесено и усвоено местной традицией гораздо позже по инерции исполнительской памяти. Но оно стало живым элементом текста и вошло во все известные варианты как органичный элемент поэтической структуры этого текста, который, кстати, мы не встречаем на Виледи.

В качестве факультативного мотива «брак со стариком» встречается в песенной композиции *Солнышко низко, вечер близко* (№ 37а), которая была зафиксирована в нескольких вариантах на Виледи (учтено 13 полевых записей). Наиболее полная и художест-

венно целостная версия песенного текста была записана от руководителя фольклорного ансамбля с. Ильинско-Подомское Иды Анастольевны Ердыковой, которая в свое время усвоила практически весь репертуар для своего коллектива от талантливой вилегодской песельницы Варвары Федоровны Сабашниковой²⁰⁷. В тексте мотив «брак со стариком» встречается только в концовке сюжета:

Распроклятое моё замужье, не за ровню замуж отдают,
Не за ровню, не за ровню, за старово старика,
Мне спросится неохота, не спрося уйти нельзя (№ 37а).

Но он не содержит того замечательного эпического сравнения, которое встречается в ленских текстах. Значит, формирование двух традиций внутри нижневыхегодской шло под воздействием различных векторов. Вообще социальная проблема неравного брака и, следовательно, ее художественное воплощение представляют собой разные аспекты понимания этого конфликта в крестьянском обществе.

Сюжет *Солнышко низко, вечер близко* интересен тем, что в нем нашло отражение поистине женское любовное чувство: тоска девушки по милому и запрет на любовь со стороны чужих людей. В тематическом и сюжетном плане он близок к песенному сюжету *Отлетает мой соколик* (№ 7), широко распространенному в Ленском районе, но не зафиксированному в вилегодской субрегиональной традиции²⁰⁸. Отличие этих двух песенных сюжетов заключается в том, что стилистически они представляют собой два разных явления в народной культуре. Один — яркий пример комбинации стереотипных сюжетных ситуаций и языковых шаблонов, характеризующих массовый стиль и коллективную память; другой в извустной мере содержит черты индивидуального начала.

Песенный текст *Солнышко низко, вечер близко* не принадлежит в целом к области книжной культуры, так как бытует по законам традиционной поэтики. К ее проявлениям можно отнести подчиненность текста напеву (в связи с этим происходит дополнение и пропуск в тексте частиц и слов, даже целых фраз), инверсии, синонимические замены лексики и повторы, нарушения в логике повествования. В тексте встречаются местные формы словоупо-

²⁰⁷ От В. Ф. Сабашниковой (1903 г. р.) в 1987 г. было сделано несколько вариантов записи этого текста (ФА СыктГУ. 0419—0421, 0431, 0432, 0455), почти половина известных. Поэтому есть основание локализовать этот сюжет ареалом Ильинского и соседних с ним Павловского и Быковского сельсоветов, активное влияние на которые оказывал ильинский клубный хоровой коллектив под руководством И. А. Ердыковой.

²⁰⁸ Близкий сюжет, но с другим зачином, встречается на Устье: *Полно-ко, миленькой, крушитце* — Устьянские песни. Вып. 2. № 4.

требления, фонетические особенности вилегодского говора (ярко выраженное «чоканье», замена звука «л» в глаголах прошедшего времени на «у» и т. п.), обилие постпозитивных указательных частиц — то, та, те, тот, что в принципе характерно для устной речи. Например: *Полно, милая, крушиться жалким сердцем обо мне; время на проходе* — время проходит мимо, быстро, незаметно; *зрелы-то листья* — желтые листья; *до неволи своеё*.

Солнышко низко, вечер уж близко,
Мы-то домой скоро пойдем.
Ой, вот пойдем... (да)...
Новую песню запоём.
Ой, запоём... (да)...
Новую песню заунывным голосом
Ой, голосом... (да)...
Важное время на проходе,
Все-то прошли весёлы дни... (№ 37);

Сравним:

Солнышко низко, вечер близко,
Ой, да мы домой да скоро пойдём.
Вот пойдём да новую песню запоём.
Да запоём мы новую песню да заунывным голоском.
— *Полно, милая, крушиться жалким сердцем обо мне,*
Важно время на подходе, все прошли весёлы дни (№ 37а).

Поэтическому стилю песенного текста также присущи некоторые особенности, отличающие его от типичных образцов собственно народной лирики. Так, зачинная формула *Солнышко низко, вечер близко* как будто напоминает первую часть метафоры (психологического параллелизма) типа: *Недозрелая калинушка, её нельзя заломать*. Однако сравнение как таковое отсутствует: *Мы домой пойдем да новую песню запоем заунывным голоском*. Зачин «вписывает» песенный текст в хронотоп конситуации исполнения, а именно обозначает время и обстоятельства исполнения песни, в нашем случае это ситуация, когда женщины собираются вечером домой с сенокоса²⁰⁹. В сюжетном плане зачин служит своеобразной внесюжетной экспозицией к дальнейшему повествованию об истории несчастной любви лирической героини. *Новая песня* — понятие «чуждое» в традиции (возможно, *новый* означает «другой») и подчеркивает личное отношение совместно с рефлексующим определением голоса — *заунывный*.

²⁰⁹ Подобную ситуацию описывает Т. Б. Дианова на материале донского фольклора. — Дианова Т. Б. Контекстуальные единицы в составе песенно-лирических текстов (типология и функции) // Фольклор: текст и контекст. Сб. ст. М., 2010. С. 25–26.

Топос изменчивости человеческой судьбы как будто выражен в привычной сравнительной конструкции — описанием природы, но и эту поэтическую фигуру нельзя отнести в полной мере к традиционным тропам народной поэзии:

Все наши денёчки на проходе, ручеёчки протекли.
Протекали ручеёчки во темные во леса,
Во лесах красы не вижу, зрел листочек опадёт,
Приоавши зрел листочек, с милым нега отойдёт (№ 37а).

Более того, употребление лексики, характерных словоформ и целых выражений из книжной поэзии (*нега, ручеёчки, листочки, денёчки, дружок, заунывный голосок, жалкое сердце*) дает некоторое основание предполагать, что на текст частично оказала влияние стилистика куртуазных песенок XVIII в. Однако употребление устных языковых стереотипов (*отошло с милым гулянье; замечают-разлучают; любить дружка не велят; любить стану до неволи своеё* и др.) позволяют воспринимать данный текст в стихии народной поэтической речи.

Версификация текста достигается благодаря распространённому в народной поэзии приему организации речевого высказывания — повтору («подхват») второй части стихотворной строки, в основе которой лежит силлабический цезурированный стих 8+8 с ударным слогом на ключевом слове или фразе в конце строки и повтор этого слова в начале следующей строки. В зачине такими ключевыми словами являются глаголы, маркирующие ситуацию исполнения (контекст): *пойдём (домой); запоём (песню)*. Надо отметить, что в соответствии с таким принципом построения текста повторение слова «пойдем» происходит с изменением начального смыслового наполнения как побудительного к действию («скоро пойдем домой») на констатацию самого действия («вот пойдем и...») и смещением ключевого значения в однотипной синтаксической конструкции на другое слово — «запоём» и т. д. Переход к основному содержанию песни осуществляется введением песенной книжной аллюзии: «Полно, милая, крушиться жалким сердцем обо мне», — стилистически выпадающей из общей структуры текста²¹⁰. Далее идет игра с близкими по значению словами «на проходе» и «прошли» с устойчивым сравнением «веселые дни проходят, как протекают ручейки», которая дает новый импульс для расширения текстового пространства в пределах близких семантически и одинаковых по ритмико-синтаксическому строению конструкций,

²¹⁰ В другом публикуемом тексте (№ 37) она отсутствует, так как, очевидно, не попадает в музыкально-поэтический размер текста.

с повтором в первом полустиишии ключевых слов и выражений в измененных грамматических формах и семантической переакцентуацией:

Протекали ручейчки во темные во леса,
Во лесах красы не вижу, зрел листочек опадёт,
Приопавши зрел листочек, с милым нега отойдёт (№ 37а).

Иногда расширение текста строится на замене книжного стиля на простонародный: «с милым нега отойдет» — «Отошло с милым гулянье».

Такая стилистическая неопределенность вербальной структуры нашего текста позволяет прийти к выводу о том, что, с одной стороны, можно характеризовать его как слабую попытку стилизации книжных песен (собственно, рефлексию на них, так как сложно выявить конкретный книжный текст заимствований), с другой — как редкий образец местного песнетворчества («импровизации») ²¹¹.

Наряду с песенными новообразованиями в вычегодской традиции сохранился, пусть и не в исконной жанровой форме, песенный мотив, сохраняющий черты древнего славянского своего происхождения. Это мотив «косьба травы» ²¹², содержащийся в песенных сюжетах *Загулял детинушка, заломал калинушку* (№ 57) и встречающийся факультативно в текстах *Эко сердце* (№ 5) (*Не с лучей подымается туман. Из туманчика частой-мелкой дождь идёт. Дождик бил шелковую траву. Не берёт вострая коса. Траву косила красна девушка-душа*). Однако относить этот мотив к древним элементам местной традиции и объяснять его сохранение «генетическим контекстом», на наш взгляд, представляется весьма сомнительным ²¹³. Скорее всего, появление и сохранение этого мотива связано непосредственно с бытовой и традиционной трудовой деятельностью крестьянина. Характерно, что в общем-то известный сюжет

²¹¹ Брянцева Л. И. Роль импровизации в локальной песенной традиции // Типология фольклорной традиции: актуальные проблемы полевой фольклористики: (Мат-лы междунар. науч. конф.). М., 2004. С. 100.

²¹² Н. И. Кравцов, исследуя традиции песни «Подле речку, подле мостик», в которой одной из центральных является формула *я, млада, траву косила*, предположил, что в основе происхождения ряда мотивов песни лежит отдаленный обрядово-бытовой контекст, именно он формирует глубинную символику песни. Исследователь делает вывод о генезисе песни: мотив косьбы травы восходит к покосным песням девушек (у западных славян, в частности словаков, они назывались травницами), у восточных славян эта традиция была рано утрачена, так что основные мотивы были заимствованы из них, а затем переходили в другие жанры. — См.: Кравцов Н. И. Проблема традиции и вариантов в лирических бытовых песнях // Традиции русского фольклора. М., 1986. С. 203.

²¹³ Дианова Т. Б. Контекстуальные единицы в составе песенно-лирических текстов. С. 25—26.

Загулял детинушка, заломал калинушку оказался зафиксированным только на Виледи, хотя, конечно, это совсем не значит, что его никогда не было на территории Ленского, Котласского районов и Устья (Козьминский сельсовет), так как он весьма активно бытует в соседних с вычегодской традициях. Содержание включает три основных сюжетных мотива: символическое заламывание калины, мотив несостоявшегося замужества девушки из-за отказа парня и собственно мотив «косьбы травы».

На амбивалентный характер образа калины в народной поэзии уже указывали исследователи. В частности, на то, что «значение образа калины в лирических песнях не имеет уже никакой связи с содержанием символа свадебной песни и вызывает иные и, как правило, прямо противоположные ассоциации»²¹⁴. Если первоначальное значение символа калины в свадебных песнях основывается на цветовых признаках растения (цветок — белый; ягода — красная), представляющих собой основные цвета свадьбы²¹⁵, то позднее его значение в лирических песнях основывается на вкусовых ее качествах (терпкий горьковато-кислый вкус ассоциируется с горькой судьбой человека)²¹⁶.

Однако в нашем тексте *Загулял детинушка, заломал калинушку* цветовые и вкусовые признаки символа, вероятно, являют-

²¹⁴ Еремина В. И. Поэтический строй русской народной лирики. Л., 1978. С. 117. См. также: Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914. С. 37.

²¹⁵ Кроме того, следует напомнить о самом участии калины в свадебном обряде: ягодами ее украшают блюдо для новобрачных в южнославянской свадьбе.

²¹⁶ Причина этого расхождения заключается, прежде всего, в том, что данный образ получил свое символическое значение в свадебных и лирических песнях далеко не одновременно. В свадебных песнях оно возникло, по всей вероятности, значительно раньше, чем в лирике, так как лирическая песня уже не воспроизводит его древнее эротическое значение, а строит образ, основываясь только на констатации определенного признака растения. Но и в свадебных песнях символ калины не оставался неизменным, он переосмыслился, и начальная связь представлений «калина — огонь — красный» уступила место более поздним представлениям: «калина — красный — светлый». Лирическая песня, однако, совсем не учитывает и эту позднюю связь представлений. Образ калины толкуется в ней двояко, что связано с внешним несоответствием признаков реалии с их контрастностью. Лирическая песня строит поэтический образ калины, акцентируя не близость ее цветов и яркость окраски ягод, а их терпкий и горьковато-кислый вкус. Отсюда и «горькие» мысли вызывает калина в народной лирике. Калина горька, как горька и безрадостна жизнь человека:

Какова горькая калина —
Таково житье за старцем...

Калина, с одной стороны, горькая, но в то же время она же и красная, червонная. Постоянный эпитет к слову *калина*, казалось бы, должен был направить народную мысль в иную сторону — в сторону света и радости. Однако этого не происходит. — Еремина В. И. Поэтический строй русской народной лирики. С. 117—118.

ся не столь явственными, так как образ калины, точнее, действие, связанное с ней, является частью метафорического выражения, которое также встречается в близких по значению поэтических формулах, например: *Недозрелая калинушка, ее нельзя заломать. / Недоросла красна девушка, её нельзя замуж взять*²¹⁷. В этих текстах на первый план выходит глагольное сравнение *заломать* — *замуж взять*, которое и является смысловым центром метафоры. Причем *заломать* означает буквально: перегнуть, переломить ветку, оторвать гроздь ягод от ветки, в переносном смысле — склонить девушку к соитию; метафора имеет общеславянские корни. Семантика поэтической формулы близка семантике образа калины в свадебном обряде, но она архетипична и ситуативна одновременно, так как имеет выраженный эротический характер — образное представление о лишении девушки невинности. С точки зрения массового сознания этот факт в жизни девушки и парня всегда является актуальным и знаковым, поэтому может стать причиной и мотивом для лирического переживания. В нашем тексте эта ситуация реализуется в контексте очевидного легкомыслия молодца после того, как девушка ему отдалась: *Загулял детинушка, заломал калинушку, / Бросил во долинушку, сам пошёл в биседушку* (№ 57). Фразу *бросил во долинушку* можно понимать двояко: прямо по тексту — заломленную ветвь (гроздь) бросил долу (вниз на землю); иносказательно — бросил в горе (доле), оставил ни с чем. И далее: сам пошел веселиться (в беседушку).

Развитие сюжетной темы происходит также за счет известной ситуации — отказ парня от девушки, которая потеряла невинность и тщетно попыталась склонить парня к законному браку:

Девка слово мольла, Ванюшу пожонила.
Наш Ваня не жонится, сердце не веротится.

В песне дается явно недвусмысленное указание на исполнение припевок, где обыгрывается ситуация соединения пар, т. е. воссоздается атмосфера молодежной вечерки (беседы) — распространенного времяпрепровождения на Севере.

Развитие основной песенной темы — «косьба травы» — начинается с обозначения хронотопа места действия:

²¹⁷ В народной поэзии образу калины синонимичен образ рябины, например:
Ты развей-ко, раздуй-ко, рябинушка раскудрявая,
Не вызревши рябины, нельзя заломать,
Не визнавши красную девушку, нельзя замуж брать,
Я визнаю ума, разума, возьму за себя.
Часы мои развеселые сердцу моему! (Шейн 1898. Вып. 1. № 314)

Не весной, не осенью, середь лета тёплого,
Время сенокосно, девка траву косила,
Ходила покосыма долгима, широкима...

Оно может быть в равной степени и типичным ситуативно-бытовым моментом, и генетической памятью древней обрядовой ситуации. Сравним с аналогичным мотивом песни *Солнышко низко, вечер близко* (см. выше) и с известным типичным продолжением:

Косу призатупила, стала полопатила,
Рученьку порезала, платиком завязала...

Нарочитость бытовой обстановки и типичность ситуации предполагают явно другой подтекст, который отчасти маркируется заключительной фразой «Маменьке не сказыла». На наш взгляд, этот подтекст имеет эротический смысл, связанный с потерей целомудрия девушки. Здесь кровь от пореза, о котором девушка не решается сказать матери, очевидно, сопряжена со страхом стать публично опозоренной, так как кровь в данном случае появляется в результате дефлорации. Табу на потерю девственности до свадьбы было одним из сильнейших эмоциональных переживаний традиционного сообщества и становилось источником разного рода ритуальных действий в свадебном обряде²¹⁸, а также «слухов и толков», устных рассказов, связанных с репутацией девушки и ее семьи в целом.

Таким образом, песенный сюжет *Загулял детинушка, заломал калинушку* — один из немногих в репертуаре местных исполнительниц, имевших откровенно эротический характер. Однако корректна ли постановка вопроса о древности этого песенного сюжета в нашем случае, ведь речь идет об этических представлениях внутри крестьянской общины, актуальность которых может сохраняться вплоть до настоящего времени? Сама постановка проблемы добрачных сексуальных отношений, которая отразилась в песенном сюжете, является фактом значительным в народной необрядовой лирике, так как нарушала патриархальность устоев крестьянской семьи. И этот процесс в какой-то мере получил отражение в текстах лирических песен наряду с их общим куртуазным характером. Сомнению подвергаются, казалось бы, незыблемые нравственные законы и табу. Ритуальное исполнение правил поведения уступает место эмоциональному отклику на них (переживанию) в схожих ситуациях. Отсюда и связь между внеобрядовыми, обрядовыми и

²¹⁸ Общим местом в свадебном обряде являются вопросы к новобрачному после первой ночи о «честности» невесты и другие действия, направленные на выяснение этого важного вопроса в традиционном сообществе.

хороводно-игровыми песенными текстами в сюжетном плане по характеру отношения их к решению конфликта. В песенном тексте *Загулял детинушка, заломал калинушку* решение конфликта добрачных половых отношений приобретает банальную — с точки зрения массового сознания — трактовку и представлено в весьма схематичном виде: с одной стороны, это урок для наивной девушки за доверчивость, с другой стороны, проявление безотчетного интереса лирической героини к плотской любви.

Ритмическая структура публикуемого текста представляет собой силлабический стих 8+8 и позволяет относить появление этого песенного сюжета к ранней стадии влияния книжной культуры.

Подведем некоторые итоги.

Следует констатировать, что нижевычегодская традиция в области лирической песни на момент ее фиксации потеряла концептуальность памяти и сохранилась в очень ограниченном и разрушенном состоянии. По сути, огромное разрушительное действие на нее оказал город и городские массовые песенные образцы, что привело к диффузии традиционных жанровых типов лирической протяжной песни. Репертуар ее состоит практически из общераспространенных на Русском Севере песенных сюжетов за небольшим исключением, представленным редкими образцами местного «песнетворчества» (местные контаминации из известных формульных тем). Для ее реконструкции недостаточно записанного материала. Поэтому представить полную картину становления и исторического развития традиции лирической песни на Вычегде в более или менее репрезентативном виде очень сложно. Тем не менее в памяти традиции сохранилось достаточно музыкально-песенных примеров, позволяющих характеризовать ее как весьма яркую и самобытную на фоне других севернорусских региональных традиций.

Песенные образцы вычегодской традиции дают богатый материал для анализа и характеристики общих процессов зарождения массовых эстетических вкусов, их связей с традиционной культурой, истоков и трансформаций современных коллективных форм выражения, механизмов рефлексии и демонстрации форм идентификации местного населения в русской культуре.

Свадебный обряд

Современное административное деление поселений бассейна нижней Вычегды на Ленский, Вилегодский и Котласский районы в основном соответствует исторически сложившимся локальным фольклорным традициям. Подтверждением тому служит свадеб-

ный обряд — один из наиболее сложных комплексов традиционной культуры.

Основным источником этнографических сведений о нем является Фольклорный архив Сыктывкарского университета, в котором содержится наибольшее количество репортажей, касающихся свадебного ритуала нижней Вычегды и ее левого притока, Виледи. Ценную информацию предоставили и этнографические описания свадьбы, содержащиеся в краеведческих изданиях прошлых лет. Так, самое полное и обстоятельное описание свадебного обряда Котласского района содержится в работе сольвычегодского краеведа Н. Н. Аруева «Крестьянские свадьбы в дореволюционное время около гор. Сольвычегодска»²¹⁹, где детально описывается довенечный период свадебного обряда. Свадьба в доме жениха не интересует Аруева, поскольку она, по его мнению, «не имела той поэтической прелести и обрядности, что сватанье». Воспроизвести послевенечную часть обряда позволяют современные экспедиционные записи.

Существует ряд признаков, объединяющих субрегиональные версии свадебного обряда. Во-первых, все они относятся к так называемым ночным свадьбам²²⁰, привлекая в последние годы пристальное внимание исследователей традиционной культуры²²¹. Для этого вида ритуала характерна тенденция к символической непрерывности обрядовых действий. Важнейшие из них совершаются в темное время суток, в результате чего стирается грань между ночью и днем, создается особый ритуальный хронотоп, временные параметры которого отличаются от обыденных. Чрезвычайно важным оказывается отсутствие сна как такового, непрерывное бдение всех участников свадьбы, подобное ночным бдениям над покойником.

Во-вторых, совпадает общий ход ритуала и содержание его этапов. Субрегиональная специфика проявляется в местной терминологии, в детализации обрядовых действий, в наличии дополнительных этапов ритуала.

1. Сватовство

- Приход сватов: *жених ходит с приказом* [Лен.²²²];
- Родня невесты едет к жениху смотреть его хозяйство, *смотреть житьё* [Лен.];

²¹⁹ См. наст. изд., Приложение. С. 870—881.

²²⁰ В наименьшей степени черты этого вида свадьбы выражены в котласских материалах, что можно объяснить угасанием традиций и влиянием промышленных центров.

²²¹ См.: Дорыхова Е. А. Ночные свадьбы: когда день и ночь меняются местами // Ночь: закономерности, ритуалы, искусство. / Ред.-сост. Е. В. Дуков. М.; СПб., 2012. Вып. 3. С. 183—195.

²²² Названия районов даются сокращенно: Лен. — Ленский, Котл. — Котласский, Вилег. — Вилегодский.

- Окончательный договор: *уговоры с рукобитьем* [Лен.]; совместное богомоление, во время которого родственники жениха берут с родителей невесты задаток, чтобы не было отказа [Котл.].

2. Девичник

- В период от сватовства до свадьбы подруги собираются у невесты *дары шить*.
- В Котласском и Вилегодском районах в этот период жених ходил к невесте с гостинцами: *ходил с вистью* [Вилег.].

3. Свадьба в доме невесты: сватанье [Лен., Котл.], сватанье [Вилег.].

- Баня [Вилег., Котл.];
- Хождение родных к невесте за занавесу [Вилег.];
- Встреча жениха и его родных;
- Выход невесты за стол;
- Свадебное застолье;
- Одаривание невестой родных жениха;
- *Прощальный стол* перед отъездом к венцу [Лен.];
- Прощание невесты с ее родом, пропивание невесты: *ходят к вину* [Лен.];
- Покрывание невесты платком;
- Благословление;
- Отъезд к венцу.

4. Свадьба в доме жениха

- Встреча молодых от венца: *приезд* [Лен.];
- Хождение молодых на подклет;
- Красный стол [Лен., Вилег.].

В Котласском районе этот этап длится два дня. На второй день (после подклета) невеста чешет головы всем гостям, молодые умываются, их связывают полотенцем.

5. Послесвадебные обрядовые действия

Молодую посылают за водой на следующий день [Вилег.];

- Молодые едут к родителям невесты: *к тёще на блины* [Котл.]; *первые гости* [Лен.];
- *Тёща с блинами*: родители невесты едут к молодым [Лен.];
- *Хлибина(-ы)*: родные жениха едут к родителям невесты вечером на третий день [Вилег.].

Существенным отличием котласской свадьбы является появление в структуре обряда *смотров* — небольшого застолья в доме невесты, которое устраивалось для ее близких родственников перед *сватаньем*. *Смотры* зафиксированы уже в деревнях Рябовского сельсовета, граничащего с Котласским районом.

Песенный репертуар нижевычегодской свадьбы наиболее полно записан в населенных пунктах Ленского р-на. В собраниях ФА СыктГУ, ФК и РАМ выявлено 48 сюжетов местных свадебных песен.

О степени их распространенности свидетельствуют данные таблицы, в которых приведены сюжеты с указанием количества вариантов по трем указанным собраниям в порядке убывания.

Таблица 3

Распространенность сюжетов свадебных песен Ленского р-на

Название песни	Кол-во вариантов
На улице дожди дождат	28
Ох, все-те хороши	28
Не было ветру (Сваты у ворот в избу просятся)	26
Кумушки-подруженьки (Соседушки-голубушки; Девушки-голубушки)	22
Девушки вы, девушки, голубиные сѣмена	18
Ты река ли, река быстрая	17
Во лужях была смородина	17
Из-за лесу, лесу тѣмного (Отставала лебедь белая)	15
Ох вы соколы, соколы	14
Я хожу по Сиянской горе	14
Спасибо тебе, пивовар	13
Солнце катилось по залесью	13
Ты родимая матушка, не ходи к дубову столу	13
Во сыром бору рожь-ячмень молочу	11
Не было ветру (Подломили сени новые)	11
На плоту было, плотике	11
Во Китае было в городе	11
Как во горнице на столе	10
Мы тебя, Олександр, величаём	10
Шёлкова нитка ко стенке льнёт	10
На бережке-то чесовня стояла	7
Как жила-была я у маменьки	7
Не вчера было, третьѣва дни	6
Ты родимая матушка, уж ты ходишь на радостях	6
Завивайтесь, верейки (Всѣ на улице сватова пришли)	6
Сватова-те домой поезжают	6
Из-за лесу, чистá поля	4
Росхожая, розъезжая	4
Сватьяюшка, сватьяюшка, сватья князѣва	4
Мы тебе, Мария, наказывали	4
Перекатной солнышко всѣ зашло, закатилосѣ	3
Сени, сени новые	3

Название песни	Кол-во вариантов
Ты сокол да сокол	3
Да летал сизой голубок	3
Не летай, сокол, вдоль по горенке	3
Да на дворе комоня запрягают	2
На горе, на горе	2
Уж вы бóяра, бояра	2
Леонидушко, проиграл свой тальянский плат	2
Корминец мой батюшко, да на чтой-но ты кадцу катишь	2
Ехала сватья с Нова-города	1
На улочке снег напал	1
Сказали: Григорий богатой	1
Уж как на море, на море	1
Уж как на горе, на горе	1
Уж ты ходишь, кормилец батюшко	1
По мостам, мостам калиновым	1
Из трубки в трубку вилося	1

Репертуар свадебных песен в отдельных поселениях на обширной территории Ленского района имеет свои особенности. Так, широко распространенная в деревнях Тохтинского, Сафроновского, Иртовского, Ленского, Суходольского и Козьминского сельсоветов песня *Девушки вы, девушки, голубиные сѣмена* (№ 5)²²³, исполнявшаяся на девичнике, не встречается в поселениях низовьев Вычегды. Здесь самой распространенной песней девичника была *Кумушки-подруженьки* (№№ 8, 37), которая в деревнях выше по течению Вычегды записана всего в двух вариантах.

Только в деревнях Рябовского сельсовета записаны песни *Да на дворе комоня запрягают* (№ 77), *Как из-за леса, чистá поля* (№ 29), *Из трубки в трубку вилося* (№ 66), а также групповые причеты *По мостам, мостам калиновым* (№ 43), *Уж ты ходишь, кормилец батюшко* (№ 44). Рябовский сельсовет граничит с Котласским районом, и именно здесь появляются новые элементы в структуре свадебного обряда (*смотри*) и новые сюжеты свадебных песен, характерные для самых низовьев Вычегды.

В деревнях Сойгинского сельсовета записана насыщенная церковными образами песня *На березке-то часовня стояла* (№ 76). Появление подобного сюжета именно в этих местах может объясняться влиянием существовавшего здесь Спасского Сойгинского монастыря, основанного в XVI в. преподобным Симоном.

Ряд песенных текстов встретился собирателям только в Вилегодском районе: величания *Ишо кто у нас во лавице сидит* (№ 80),

²²³ В данной главе номера даются по подразделу II («Свадебные песни»).

Вы садитесь-ко, бояра, во скамью (№ 61) и прощальная довенечная песня *Растоплялася банюшка* (№ 42).

В вычегодских собраниях есть и музыкально-поэтические тексты, объединяющие три субрегиональные традиции: ленскую, котласкую и вилегодскую. Это песни коммуникативно-обменной функции *Не было ветру* (№№ 54, 69—71), *Во сыром бору рожь-ячень молочу* (№ 53), прощальная *На улице дождь идет (На улице дожжи дожжат)* (№№ 1, 26, 27, 31)²²⁴, групповые причеты *Похожу ли я по терему* (№ 46, 47), *Всё ходила я, малёсенька* (№ 45).

Можно выделить несколько групп музыкально-поэтических текстов по их функциональному назначению в обряде.

Первая группа включает песни, которые имели строгую обрядовую приуроченность, сопровождали определенные моменты свадебного действия:

— *Сени, сени новые* (№ 35), *Не было ветру* (№№ 54, 66—71), *Сваты у ворот да в избу просятя* (№ 57), *Завивайтесь, веревушки* (№ 15) — встреча жениха на сватанье;

— *Солнце катилось по-за лесу* (№ 55), *Да мы тебе, Мария, наказывали* (№ 56) — невесту выводят к жениху на сватанье;

— *На улице дожжи дожжат* (№№ 1, 26, 27, 31) — исполнялась на сватанье за свадебным столом, когда невеста одаривала родню жениха;

— *Ты родимая матушка, не ходи к дубову столу* (№ 14) — во время обряда «пропивания невесты» (жених угощает вином невестину родню);

— *Леонидушко, проиграл свой тальянский плат* (№ 19) — покрывание невесты перед отъездом к венцу;

— *Из-за лесу, лесу тёмного* (№ 33), *Отставала лебедь белая* (№ 40), *Да на дворе комоня запрягают* (№ 77) — отъезд жениха и невесты к венцу;

— *Ох вы соколы, соколы* (№ 9) — встреча молодых от венца.

К довенечной части обряда относится группа текстов, направленных на то, чтобы *невесту слезить*: *Кумушки-подруженьки* (№№ 8, 37), *Как жила-была я у маменьки* (№ 4), *Во лузях была смородина* (№ 6), *Хожу по Сиянской горе* (№№ 11, 21), *Девушки вы, девушки, голубиные сёмена* (№ 5), *Ты родимая матушка, уж ты ходишь на радостях* (№ 10), *Ты река ли, река быстрая* (№№ 34, 36, 38), *По мостам, мостам калиновым* (№ 43), *Уж ты ходишь, кормилец батюшко* (№ 44), *На плоту было, плотике* (№ 7), *Перекатноё солнышко всё зашло, закатилося* (№ 23), *Уж как на море, на море* (№ 16). Эти песни могли исполняться в период от

²²⁴ См также: Фольклор Виледи, № 18.

сватовства до свадьбы, когда девушки собирались к невесте «дары шить»; когда невесту наряжали к приезду жениха; за свадебным столом «на сватанье».

Следующая группа — песни «на приезде» молодых от венца, в доме жениха: *Да летал сизой голубок* (№ 28), *Ой ты сокól да сокól* (№ 17), *Во Китае было городе* (№ 32). Они также не имели строгой приуроченности, звучали как на улице при встрече молодых, так и за столом в доме жениха.

Несколько песен, по сведениям исполнителей, могли исполняться и в доме жениха, и в доме невесты: *Ох, во сыром бору рожь-яцмень молоцю* (№ 53), *На бережке-то часовня стояла* (№ 76).

Два текста относятся к концу свадьбы, их исполняли после красного стола: *Сватова домой поезжают* (№ 78) и *Росхожая, розъезжая* (№№ 68, 79). Песня *Да как из трубки в трубку вилося* (№ 66) исполнялась, когда молодые приезжали в гости к родителям невесты.

Выделяется также группа свадебных величаний, которыми *опевали* всех участников свадебного пира за свадебным столом и в доме невесты, и в доме жениха. В этой группе — величания женой паре *Шёлкова нитка ко стенке льнёт* (№ 51), *Как во горнице на столе* (№ 81); отдельным персонажам свадебного действия, гостям — *Из-за лесу, чистá поля* (№ 29), *Ох, все-те хороши* (№ 58), *Мы тебя, Олександр, величаём* (№ 62), *Спасибо тебе, пивовар* (№№ 12, 22), *Сватьюшка, сватьюшка, сватья князёва* (№ 25), *Ехала сватья с Новá-города* (№ 60), *Сказали: Григорий богатой* (№ 75). Фольклорными экспедициями МГУ в селе Слободчикове был зафиксирован текст величания стряпухам, не имеющий аналогов в других собраниях²²⁵.

Единственная корильная песня, записанная в Ленском районе, — *Уж вы бóеры, бóеры* (№ 24).

В ходе экспедиций Фольклорной комиссии 1959—1970-х гг. и Сыктывкарского университета конца 1980 — начала 1990-х гг. зафиксировано несколько фрагментов сольных свадебных причитаний. Многие из опрошенных исполнителей (1890—1920 г. р.) упоминают о том, что невеста на свадьбе причитала, подчеркивая, что было это «до нас». Можно сделать вывод, что традиция сольной причеты ушла из бытования еще в первой половине XX столетия.

В одном из репортажей о свадьбе (ФА СыктГУ. 0838-9, с. Кулига Сойгинского с/с, Шишкина О. Я.) записаны также фрагменты приговоров дружки, однако единичная запись не позволяет сделать вывод о распространенности этого жанра в свадьбе Ленского

²²⁵ См. РС. Т. 1. С. 61.

района. Вместе с тем для вилегодской свадьбы он является знаковым²²⁶.

Следует отметить талантливых народных исполнителей, последних носителей песенной традиции Ленского района, от которых было записано много свадебных песен и рассказов о деталях обряда. Их голоса доносят до нас звукозаписи 1970-х гг. Прежде всего это замечательные песельницы из с. Кулига Сойгинского сельсовета: Мария Федоровна Чернышова, Аграфена Александровна Коршунова, Екатерина Федоровна Коршунова, Василиса Семеновна Коршунова, Мария Захаровна Саранцина.

Богатым репертуаром, высоким уровнем исполнительского мастерства отличаются этнографические коллективы из д. Устье Рябовского сельсовета (Надежда Николаевна Третьякова, Клавдия Егоровна Полуянова, Клавдия Германовна Шемшина, Татьяна Семеновна Задорина, Евдокия Германовна Копнина, Мария Семеновна Тарасова) и д. Бор Суходольского сельсовета (Ольга Васильевна Осколкова, Анна Павловна Туркина, Анна Прокопьевна Парыгина). В 1990-х гг. хранителями и знатоками свадебных традиций Ленского района были Мария Васильевна Гобанова из д. Ирты и Наталья Тимофеевна Бережных из д. Вандыш. От первой из них было записано 14, а от второй — 13 свадебных песен.

Свадебный репертуар деревень Котласского района уже в описании Аруева (начало XX в.) ограничивается десятью сюжетами свадебных песен, приуроченных к следующим моментам обряда:

1. *Похожу ли я по терему* — исполняется на сватанье во время прощания невесты с родными.
2. *Не от ветра, не от вихоря* — когда жених входит в дом на сватанье.
3. *Когда я была маленькая* — первая песня на сватанье за столом.
4. *На улице дожди идут* — во время одаривания невестой родни жениха за столом на сватанье.
5. *Вдоль по лавице, Ученое дитяtko* — величания за столом на сватанье всем, кто получил дары.
6. *Пропил, пропил родный батюшко* — во время угощения родных невесты жениховым вином на сватанье.
7. *Солнышко по-за лесу шло, Из трубки в трубку вилася, Как сначала думала матушка* — выход молодых из-за стола, сборы и проводы перед отъездом к венцу.

²²⁶ См.: Крашенинникова Ю. А. Свадебный приговор дружки // Фольклор Виледи. С. 32—50.

Примерно такое же количество свадебных сюжетов содержится в записях 1959—1999 гг., осуществленных фольклорными экспедициями ФК, ФА СыктГУ, СИХМ. Кроме текстов, приведенных Аруевым, в д. Новиково экспедицией ФК в 1974 г. и экспедициями СИХМ в 1990-х гг. записана свадебная песня *Уж ты брат, ты брат ясён сокол* с сюжетом «невеста-сирота просит благословения на могиле матери». Следует отметить, что большая часть записей свадебных песен, сделанных в 1990-х гг., фрагментарна, и, как правило, тексты записаны без напева, поскольку исполнители уже не могут его воспроизвести. Не отличаются последовательностью и полнотой и репортажи о традиционной свадьбе. Это свидетельствует о том, что свадебная традиция ушла из бытования на этой территории уже в первые послереволюционные годы. Возможно, одной из причин является близость поселений к уездному городу Сольвычегодску и начавшему активно развиваться в начале XX в. как транспортный узел и промышленный центр Котласу.

Выявленная структура свадебного обряда имеет достаточно широкое распространение: кроме деревень, расположенных на правом и левом берегу в низовьях Вычегды, она зафиксирована в деревнях верховьев Северной Двины. Так, в репертуаре талантливой рассказчицы из д. Гусево Забелинского сельсовета (район Вонгоды — притока Северной Двины) Е. Ф. Выдряковой представлены три свадебных сюжета из записей Аруева: *Когда я была малёшенька; Не от ветру, не от вихорю; Пропил, пропил меня батюшко*; несколько сюжетов, распространенных в Ленском районе: *Не было ветру* (вариант сюжета *Подломили сени новые, росслезили невесту*); *Вы подружки, подруженьки* (вариант *Кумушек-голубушек*); *Во поле смородина*, — а также единственный фрагмент приговора дружки, записанный в Котласском районе.

Таблица 4

Субрегиональные версии свадебного ритуала

Ленский р-н	Котласский р-н	Вилегодский р-н
<p>Сватовство: жених идет с приказом;</p> <p>невестина родня ездит в дом жениха <i>смотреть житье</i>; <i>уговоры с рукобיתьем</i>.</p>	<p>Сватовство: приход сватов, чаепитие, запрос приданого;</p> <p>невестины родители едут <i>смотреть хозяйство</i> жениха;</p> <p>обе стороны Богу молятся в знак окончательной договоренности;</p>	<p>Чай пили, когда договаривались.</p> <p>Невеста «за занавесой, не казали до сватанья».</p> <p>Богу помолются — «Покажи невесту!»</p>

Ленский р-н	Котласский р-н	Вилегодский р-н
	женихова родня берет с невестиной задаток, чтобы не было отказа.	
Девичник: девушки собираются к невесте <i>дары шить</i> .	Девушки приходят помогать готовить <i>приданое</i> . Жених навещает невесту с гостинцами	Девичник за неделю — за две до <i>сватанья</i> . Шили невесте приданое, ребят не пускали (раньше, потом стали собираться с ребятами). Ребята приходили — тут играют; девки пляшут. Жених ходил с <i>вис(т)ью</i> , с гостинцами — невеста дарила его, чай пили
	Смотры — небольшое застолье в доме невесты для близких родственников.	
Свадьба в доме невесты — сватанье: встреча жениха, выход невесты за стол, свадебный пир, одаривание невестой родни жениха; «прощальный» стол утром перед венцом — прощание невесты с родными и близкими — <i>к венцу ходят</i> ; покрывание невесты платком, благословение родителей; отъезд к венцу.	Свадьба в доме невесты — сватанье: <i>баня</i> с утра, приезд жениха — вечером; девушки одевают невесту, невеста прощается с родными; свадебный пир, во время которого невеста одаривала родню жениха; родня невесты угощается <i>жениховым вином</i> — <i>пропивание</i> невесты; молодежь гуляет в другой избе.	Свадьба в доме невесты — сватанье: <i>баня</i> с утра; до приезда жениха — свои собирались, опевали невесту, ходили к ней за занавесу <i>процаться</i> , невеста плакала; ночью за невестой приезжали: «ночная свадьба у невесты (...) у жениха дневная свадьба»; наряжение, вывод невесты к жениху; сестра и/или брат продавали невесту, <i>место продавали</i> — жених выкупал; дары; пировали с вечера всю ночь; девушкам — отдельный стол (в другой избе); невесту платом покрывали (когда благословляли): «Невеста плачет, когда благословляют; воет невеста, когда из дому уходить»; к венцу ехали утром, часов в девять.
Свадьба в доме жениха: встреча молодых от венца — <i>приезд</i> ;	Свадьба в доме жениха — два дня: в первый день — встреча молодых от венца;	Свадьба в доме жениха — два дня, «по целой неделе пили»: встреча молодых с ковригой / с иконой, хлебом, солью, пивом, вином; калачами; об-

Ленский р-н	Котласский р-н	Вилегодский р-н
застолье после подклета — <i>красный стол</i> .	свадебный пир, молодых провожают на подклет.	водили вокруг головы / хлебом и иконой; застолье после подклета — <i>красный стол</i> .
	Второй день: невеста <i>чешет головы</i> всем гостям, молодые <i>умываются</i> и их связывают полотенцем — <i>опоясальником</i> ; свадебный пир.	[Невесте] «за водой ходить надо, воды принести ишо», <i>умывали</i> всех, баб из ковша <i>Полотенцем связывали</i> молодых (при их умывании)
Молодые едут к родителям невесты — <i>первые гости</i> . Родители невесты едут в дом жениха — <i>теща с блинами</i> .	Через некоторое время молодые ездили к <i>теще на блины</i> .	Хлибина(-ы): в третий день «вечером едут на <i>хлибина</i> » (женихова родня едет), частушки поют, бабы пляшут. <i>Теща зятя блинами угощает</i> .

Песенно-игровой фольклор

Бытование игровых и плясовых песен на нижней Вычегде было связано с традиционными для севернорусского культурного уклада формами: это молодежные сезонные собрания и общинные гулянья, приуроченные к крупным годовым и местным съезжим праздникам. Последние на Виледи получили название «пивных», для них были характерны отдельные сборы женатых («взрослых») и холостых («У нас вот пивные праздники раньше были, *Николин день осённый, 19-го декабря. Вот тут целу неделю кадками пиво варили, на пять ушатов складывались, и всю неделю гуляли. Пили да плясали. Бабы, не девки, бабы да мужики, — не молодежь. Молодежь в те праздники — нет, нё пили, не пировали*». — ФА СыктГУ. 0466-31).

Повсеместно на Вычегде собрания с играми, хороводами и пляской назывались *игрищами*, своей песенно-игровой программой они отличались от *посидянок* или *посиделок*, *вечерок* — совместного времяпровождения с рукоделием, обычно не предполагающего веселья («*Поседянка — значит, с работой мы собираемся. Все идем — кто прядем, кто вяжем, кто чего делаем*». — ФА СыктГУ. 0806-39; «*Поседянка — значит, все мы с пресницами*». — ФА СыктГУ. 0815-18; «*Тут на игрищах никакой работы нет*». — ФА СыктГУ. 0803-17; «*Собираешься на игрище поплясать*». — ФА СыктГУ. 0470-49).

Главным календарным циклом, связанным с проведением игрищ, является святочный период. В первые три дня и в главные

святочные праздники молодежь обязательно собиралась поочередно друг у друга или в специально откупленной избе («Игрища делали в праздники рождественские». — ФА СыктГУ. 0467-39; «Рождество придет — три дня гуляют (...) Все девки пляшут, молодые робята. С обеда начнут, иногда и раньше, и до утра, часов до трех, до двух ночи. Попеременно сходят поедят, чтобы игрище не разошлось, и до ночи. Потом после Рождества Новый год 13-го — тоже пляшут. И до Крещенья кажно воскресеньё плясали. А Крещеньё кончится, вот говорят: „<Крещеньё — > всему делу решенье“». — ФА СыктГУ. 0466-20; «Если игрище, то ребята нанимают <избу> за деньги. Тут уж изба свободная — пляши, сколько надо». — ФА СыктГУ. 0828-20). Завершалось бурное и продолжительное святочное веселье холщовым игрищем — собранием представителей взрослой части общины («...назавтре Крещенья, Крещеньё 19-го января, а 20-го — игрище. У нас его называли холщовым игрищем. Бабы да мужики были, а не молодежь, дак холщовым игрищем называлось у нас оно. Все деревни собирались к нам. И эти, с нашей стороны, и из-за реки». — ФА СыктГУ. 0466-18).

Среди весенне-летних праздников, связанных с бытованием игровых и плясовых песен, на нижней Вычегде особенно выделяется петровское заговенье. На Виледи оно известно как яичное или шахардино, на Лене (Ленке) — как луговое («В яично заговеньё шибко собирались. Вон эта гора-то, угор-от у нас, дак на том. Тоже все деревни собирались, плясали. Постарше которы старики сидели в карты играли, молодежь плясала». — ФА СыктГУ. 0466-24; «Называется так заговенье шахардино. Яйца катали, плясали на три круга да на четыре. Девки всё под гармошку <плясали>. Вот у нас на угоре тут соберутся, така высота...». — ФА СыктГУ. 0467-4; «У нас тама дак яично заговенье все звали. Здесь вот, на Едоме я пришла, дак шахардино, а у нас всё яично заговенье (...) Яйца варили. Это яйца катали мужики, в карты играли. (...) А собирались в удобное такое место, вот и шахардили (...) Девки, ребята, гулянье, гармонисты, плясали по-прежнему». — ФА СыктГУ. 0469-18; «В одно место ходят, там луг есть этакой. Ой, говорит, луговое заговенье, надо идти луговать». — ФА СыктГУ. 0806-34; «Девки, пляшут тут, гуляют. Вот луговое заговенье как справляли». — ФА СыктГУ. 0801-47).

Игрища устраивались также и в другие календарные праздники, нередко и по воскресным дням, а также в связи с семейными праздниками и иными событиями («В мёжговеньё тоже собирались, пока до Маслены, иногда в воскресеньё собирались. (...) Летом собирались, тоже всё плясали, тут без праздников. Приедут кто

в отпуск: „Давайте игрищо соберем“. Плясали тоже, на улице только». — ФА СыктГУ. 0466-22; «У кого гости придут, дак сделают игрищо». — ФА СыктГУ. 0821-24); «Или день рождения, или воскресенье. Возьмут наймут (избу) и скажут молодежи, что сегодня игрища». — ФА СыктГУ. 0803-59).

О специфике репертуара разных сезонных игровых собраний, как и собраний разной обрядовой направленности (молодежные игрища, свадьба или общие праздничные гулянья) на основе имеющегося в нашем распоряжении материала говорить крайне сложно. Для периода активного сбора на Вычегде песенно-музыкального фольклора (вторая половина XX в.) и особенно сведений о традиционных сферах его бытования (1980-е гг.) характерна размытость функционально-бытовых оценок, что, очевидно, отражает степень сохранности традиции²²⁷. Сравним замечания лишь к нескольким песням: «Хоть где, хоть на какой пирушке <...> И на вечерках. <...> И весной можно <...> и на свадьбах можно» (о песне «Я хожу-хожу кругом города. — ФА СыктГУ. 0809-36); «Плясали весной и вот на каких-то там на праздниках ее пили, хоть и не на луговом заговенье» («Вдоль по бережку ходила, гуляла». — ФА СыктГУ. 0809-33); «Ее пляшут тоже на вечерках да вот на каких <...> на пирушках» («Прилетал орел». — ФА СыктГУ. 0809-41); «И на вечерках, и на колхозных праздниках, и на улице» («Солнышко на закате, времечко на утрате». — ФА СыктГУ. 0806-2); «Это уж будут гулять, это, знашь, это на свадьбах ли, где-ка на праздниках ли <...> пляшут» («Стало не с кем спопить, спогулять». — ФА СыктГУ. 0839-3). Своего рода отголоском исконной привязанности отдельных песен к рождественскому игровому циклу является термин *рождественская песня*, о котором во второй половине 1980-х гг. еще вспоминали вилегодские певицы, однако при этом связывали такие песни с репертуаром любого времени года²²⁸. Сохранности этого термина вне соотнесенности с его номинативной привязкой, вероятно, во многом способствовала устойчивость традиции рождественских

²²⁷ Справедливости ради заметим, что уже в XIX в. во многих местностях репертуар летних и зимних гуляний не разделялся: уличные хороводы и игры в осенне-зимний период переносились в избу, иногда с некоторыми изменениями в хореографии, количестве играющих и др. Так, при характеристике народных песен Вологодской и Олонецкой губ. Ф. Студитский отмечал, что «зимой хороводные песни поют на посиделках» (*Студитский Ф. Д.* Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний. СПб., 1841. с. II), а В. Александров обращал, например, внимание на то, что в Вологодском уезде песня летнего хоровода «Вдоль было с-по травоньке» исполнялась и «на зимних вечерах в избе», но играющие становились не в круг, как летом, а «парами в ряд, друг против друга» (*Александров В. А.* Деревенское веселье в Вологодском уезде: Этнографические материалы // Современник. 1864. Т. 103, № 7. С. 196).

²²⁸ См.: *Савельева Г. С.* Песенно-игровой фольклор // Фольклор Виледи. С. 74.

игрищ — наиболее регулярных, продолжительных и массовых собраний, на которых активно бытовали песни игровые и плясовые, так что скорее не рождественские песни «рассыпались» в репертуаре других гуляний, а святочные игрища притянули к себе песни из других циклов.

О былой связи хороводных песен с ритуализованными формами собраний также свидетельствуют, к примеру, воспоминания об исполнении песни «Мы просо (пшён) сеяли» (отмеченной собирателями в репертуаре святочных игрищ) во время ледохода: *«Вот река когда пойдёт, провожали реку ходили, „Просу сеели“, на реке „Просу сеели“ — песня такая поётся. На той стороне реки у нас деревня была (...) этой... Яреньги — у нас Яреньга называлась река-та, а наша деревня на другой стороне, и вот мы пойдём. Они там выйдут на бережок, и мы на бережок, поём песню. (...) Сперва мы (споём) на этой стороне, они нам отвечают»* (ФА СыктГУ. 0804-13).

Несмотря на нечеткость и разнородность оценок исполнителей, недостаточность сведений, в том числе и в силу издержек собирательской работы, все же можно вполне определенно охарактеризовать жанровую систему нижевычегодского песенно-игрового фольклора. Она представлена достаточно разнообразно: в ней выделяются песни наборных хороводов, игровые, игровые хороводные, плясовые и припевки.

Группа собственно игровых песен в репертуаре нижней Вычегды немногочисленна (менее десяти сюжетов). Разыгрывание большинства из них происходило на молодежных игрищах и было построено на проявлении симпатии или антипатии девушек и молодых людей (*Вдоль по улице в конце («Дунай»*), *Девки семя толкли*, *Я со вьюнчиком хожу* (№ 12)²²⁹; *Заскочил козел в огородец* (№ 28); исполнение песен предполагало «поцелуйный финал». К поцелуйному же типу игр относится и песня *Как под кустичком олень (Сидит олень сутул-горбат*, № 34), построенная на «одевании» главного героя («оленя») и выкупе одежды. Оживленная игра «выдергивание хрена» некогда организовывалась песней «Хрен, мой хрен», однако во второй половине 1980-х гг. практически уже не удалось записать полноценных воспоминаний о ее разыгрывании; очевидно, можно говорить о давнем исчезновении этой игры из традиции²³⁰; существуют лишь единичные записи песни как в Ленском, так и в Вилегодском районах.

²²⁹ В данной главе номера даются по подразделу III («Хороводно-игровые песни»).

²³⁰ Савельева Г. С. Песенно-игровой фольклор. С. 77.

На примере песни *Пал, пал перстень* (№ 35) можно говорить о межжанровых миграциях и трансформациях игрового песенного текста. Так, из нескольких версий сюжета, зафиксированных собирателями на Виледи (Фольклор Виледи. С. 98—103, №№ 36—41), лишь одна сохраняет исконную форму игровой песни, сопровождавшей игру «в колечко» (Фольклор Виледи. С. 101, № 39); остальные больше всего соответствуют характеру плясовых песен, построенных на соединении разных мотивов²³¹. Присоединение к изначально игровому тексту нескольких мотивов на основе ассоциативных связей, поддерживаемых плясовым ритмом, обеспечило более долгую жизнь песни в традиции, хотя в основном уже и в ином качестве — как песни, сопровождавшей пляску (в вилегодских материалах СыктГУ 1986—1990 гг. имеется более 30 вариантов записи). Вариативность исполнения характерна и для песни *Я со вьюнчиком хожу* (№ 12), под которую не только играли в выбор пары, но и ходили парами и плясали кругом.

Игровые песни исполнялись на нижней Вычегде также и в хоровах, отмечено две их разновидности: круговые и линейные.

В кругу разыгрывались сюжеты поиска и выбора невесты, это известные во многих русских традициях сюжеты типа *Царев сын* (№ 42), *Я хожу-хожу кругом города* (№ 5). Хорошо сохранившиеся в большинстве записей тексты служили основой игрового сценария выбора и этикетного приветствия девушки и молодца. В Вилегодском районе зафиксирован также вариант этой песни, исполнявшейся в круговой пляске (Фольклор Виледи. С. 81, № 6). Очень близка этим песням по основной сюжетной теме и формульным ее реализациям единичная запись из д. Устье Ленского района *За водю было водонькой, за зелёною за сосенкой*, также предусматривающая опевание конкретной пары с называнием имен и этикетное сближение, ср.:

Я возьму ее за правую руку,
Поведу ее кругом города,
Я поставлю на местеч(и)ко,
Средь круга на серёdoch(и)ку,
На одну половицишку.
Розойдёмся, розодвинемся,
Мы сойдёмся близёшенько,
Мы поклонимся низёшенько,
Приобоймёмся легошенько,
Поцелуемся милёшенько
Со удалым добрым молодцем...

(№ 5а)

Уточка наша Настасьюшка,
Сизая наша Васильевна,
Селезенюшко Иванушко,
Сизенькой да наш Васильевич. (...)
Ты возьми меня за правую руку,
Да поведи да кругом города,
Поведи да в землянишной сад,
Ты поставь-ко на серёdochку,
На единую полосточку.
Розойдемся — разодвинемся,
Мы сойдёмся близёшенько,
Приобоймёмся легошенько

(ФА СыктГУ. 0843-14).

²³¹ Там же. С. 76.

В качестве хороводной игровой может быть названа и ленская песня *Заинько с-по синечкам гуляй, дак(ы) гуляй* (№ 23), хотя в архивных материалах встречаем разные оценки ее исполнения. Например, самые общие: «*Это игровая пискня*» (ФА СыктГУ. 0834-11); «*Играли, тоже по кругу ходили*» (ФА СыктГУ. 0818-35). В других вариантах записи песня оценивается как игра, при которой один из играющих стремился вырваться из хоровода («*Тожe пляшут <...> Тут не пускают*» <«зайку» из круга>. — ФА СыктГУ. 0803-20), чему соответствуют слова песни («*Некуда заиньке выскочить, / Некуда серому выпрыгнуть*»), или, напротив, извне совершал «похищение» одной из трех девушек («*Парень девку тащит из круга*». — ФА СыктГУ. 0831-17). Заключительная песенная формула располагает также к разыгрыванию текста как выбор пары («*Я которого люблю, того и выберу*». — ФА СыктГУ. 0834-11). Эта же песня могла исполняться при проходке пары в кругу («*Игрищная, ходят парами внутри круга*». — ФК. 1419-119; «*Тожe парами, много народу, дак кругом это ходят все*». — ФА СыктГУ. 0812-26). Близкая рассматриваемой песне по одному из сюжетных мотивов запись вилегодской песни *Не ясён-то сокол зычёт* (№ 43), сопровождающаяся лишь пометой собирателей «рождественская игрищная», тоже может быть условно отнесена к хороводным играм в кругу, причем — судя по финальной формуле — завершающимся поцелуем («*Пора ушкá прижимать да уста целовать!*»).

Не располагая необходимыми комментариями исполнителей, но опираясь на данные из других традиций, к группе песен круговых хороводов можно отнести и сюжет *Вдоль по речке по Казанке*, записывавшийся в Вилегодском (Фольклор Виледи. С. 86, № 19) и Котласском (ФА СыктГУ. 0602-14, 0604-13) районах. Сюжет песни построен на выборе молодецм пары по умению героинь «чесать кудри»; на нижней Вычегде сохранился двухчастный вариант — выбор между «молодой вдовой» и «красной девицей».

Еще одна игровая круговая песня из нижневыхегодского репертуара — *Хожу я, гуляю вдоль по хороводу* (№ 41) — также широко известна во многих русских традициях (ее сюжет — выбор молодецм новой родни). То же относится и к песне, разыгрывавшейся в хороводе линейного, или шеренгового, типа (ряд на ряд), — *Мы просо (пишён) сеяли* (№ 36). Нижневыхегодские записи, сохраняя в текстах сюжетную канву песни, варьируют ключевые слова рефрена: «ди-ди ладушка», «диво-лада», «один лада», «де лада», «да лада».

Песни наборных хороводов на нижней Вычегде зафиксированы только в Вилегодском районе: *Посмотрите, каки девицы пришли* и *Вдоль было по лавице* (Фольклор Виледи. С. 103, №№ 42, 43).

Самую большую группу песен в нижевычегодском репертуаре составляют песни, исполнявшиеся в пляске. Универсальным способом организации участников пляски выступал круг («Круг плясали, круг сделают». — ФА СыктГУ. 0448-28; «По кругу плясали». — ФА СыктГУ. 0826-11; «Кругом ходят и поют да пляшут». — ФА СыктГУ. 0829-5; «Девки кругом ходят пляшут». — ФА СыктГУ. 0468-40 и т. п.); при этом пляшущие держали друг друга за руки («Плясали, как не плясали, кругом, поймаются руками». — ФА СыктГУ. 0805-7; «Пляшут, просто за руки поймаются в кругу». — ФА СыктГУ. 0806-2). Соответственно песни, исполнявшиеся в такой хороводной пляске, обозначались певицами как *круговые* («Дак всяки разны песни пели, круговые-то...». — ФА СыктГУ. 0825-24). Иная форма организации пляски — фигурная (*вить хмель*) — характерна для песни *Как на нашей на стороне (Как за речкой хмель родился, № 52)*; «хождение зигзагами» отмечено и в одном варианте записи песни *Из ворот было, воротничек* (№ 1).

Местные жители 1900—1920-х гг. рождения довольно четко различали прежние и более современные пляски по отсутствию / наличию гармонии («Собирались у нас всё старики на это игрище. Пели песни, плясали. Тут гармошка не надо была, а всё плясали под песни». — ФА СыктГУ. 0466-6; «Ране по писням плясали. Женщины сидят, девки поют по пляске, девки кругом ходят пляшут. (...) А мы-то уж эти годы не бывали. Пошли гармошки — на гармошках стали игрища делать». — ФА СыктГУ. 0468-40; «А игрища — тут гармошка, пляска». — ФА СыктГУ. 0828-20).

Примечательно, что, говоря об игрищах, рассказчики, прежде всего, имели в виду собрания именно для пляски («На **игрище** плясали, это я слыхала». — ФА СыктГУ. 0468-1; см. ранее: «Собираешься на **игрище** поплясать...»; «...**игрище** соберем. **Плясали** тоже...»; «Если **игрище** (...) тут уж изба свободная — **пляши**, сколько надо»), само праздничное гулянье ассоциировалось с пляской («В яично заговеньё **шибко собирались**. (...) все деревни собирались, **плясали**». — ФА СыктГУ. 0466-24; «(В Рождество) по три дня **плясали**». — ФА СыктГУ. 0402-3; «Рождественски праздники когды (...) это во все праздники **пляски** собирали и пели». — ФА СыктГУ. 0467-39). Не удивительно, что доминирующая в празднично-игровой традиции пляска (по песням и под гармонь) втягивала в свою «орбиту» и песни иных жанров.

В числе песен, исполнявшихся в пляске, довольно отчетливо выделяются сюжеты, непосредственно связанные с молодежными собраниями. Как и уже рассмотренные игровые и хороводные игровые песни, часть плясовых ориентирована на игровое образование

пары и ее публичную демонстрацию, т. е. на тему свадьбы-женитьбы, пронизывающую молодежный фольклор и реализующуюся как на вербальном, так и на акционально-игровом уровнях.

Так, при пляске под целый ряд песен (*Девушка садочком шла, Я со вьюнчиком хожу, Со вечера цепочка горит* и др.) было принято выделять одну или несколько пар, которые ходили в кругу («*Все идут крúгом, а они <пара> в середине*». — ФА СыктГУ. 0822-14). Неслучайность именно такой формы исполнения поддерживалась в некоторых текстах введением имен конкретных участников гулянья (припеванием). В числе рассматриваемых есть песни и небольшого объема (например, *Девушка садочком шла*, № 8)²³², и такие, которые могут строиться на характерном для плясовых текстов свободном сочетании ряда мотивов, однако нередко к финалу сюжет «возвращается» к паре. Например, песня *Как с-по бережку ходила, гуляла* соединяет мотивы «мать наказывает девушку за вольное поведение», «молодец пробирается в гости к девушке на вечернее свидание»; оканчивается песня величанием девушки с включением в текст имени конкретного адресата песни: «*Была уточка не вскормлённая, / Она не вскормлена, не вспоенная, / Душа красна девушка / Катерина свет Гавриловна. Ой, девушка!*» (№ 11). Показательно замечание одной из исполнительниц при «вспоминании» песни: «*Надо кого величить: „А наша уточку да... Надежду Александровну...“*» (ФА СыктГУ. 0832-4). Подобное величание, уже не только девушки, но и ее друга, т. е. пары, которая находится в кругу, организует короткую песню *Полна кринка с маслом* (№ 25) и др.

При исполнении песен пара могла ходить не только в кругу, но и между свободно расположившимися или выстроившимися в шеренги участниками гулянья («*Это раньше так пары — встанут девки, вот так встанут ребята <...> Может, человек пять-шесть <парни и девки встают друг напротив друга (<парами>)> <...> парень с девкой, парень девку <под руку>, вот и ходят и поют*». — ФА СыктГУ. 0839-28). Вообще хождение пар девушек и молодых людей под песни, в которых звучат их имена (и в кругу, и вне его на уличной хороводной площадке или в избе), было характерно для репертуара молодежных собраний. В разных традициях такие песни назывались по-разному: *припевки, припевательные, проходочные, ходячие, походенечные, парные, парочками, утушка (уточка)* и т. п.²³³ Отличительными особенностями их текстов вы-

²³² «*Эти-те коротеньки ведь эки-ти писни-то*» (о песне *По полу кувшин, дак и кувшин*. — ФА СыктГУ. 0831-11).

²³³ Мы опускаем большой перечень публикаций XIX — начала XX в., содержащих подобные материалы (как, к примеру, указанная работа: *Александров В. А. Дере-*

ступают имена и/или поцелуйные формулы, «встроенные» в сюжетные ситуации встречи, подарков, совместных действий девушки и молодца и т. п. Мотивы *проходки*, ходьбы-движения не случайно насыщают эти песни: «Девушка садочком *шла*»; «Не велят Маше по горенке *ходить*»; «Вдоль по бережку *ходила, гуляла*»; «Тут никто не *хаживал*, / Никого не *важивал*, / Один Ваня *перешёл*, / Свою Машу *перевёл*»; «Иван-от *ходит* по кругу»; «*Пойду выйду* я на улочку *гулять*» и т. п. Содержание отдельных песен во многом соответствовало самой ситуации молодежного хоровода-гулянья, в котором особое место отводится именно парам, как, например, в общеизвестной на нижней Вычегде песне *В караводе были мы* (№ 39).

Хождение *парáми* (по местному выражению) при исполнении подобных песен, очевидно, занимало значительное место в программе молодежного собрания, предусматривающей игровое «переживание» всех участников. Так, о песне *Девушка садочком шла* исполнительница сообщила: «*Все идут крúгом, а они (пара) в середине, кого опевают (...)* Потом другие опять становятся, опять так же *пойдут*» (ФА СыктГУ. 0822-14); после песни *По полу кувшин дак и кувшин* певица упомянула о повторном ее исполнении: «*Потом опять „По полу кувшин“? — Да, всех перепоют, (...) ходят пар двадцать*» (ФА СыктГУ. 0821-71). Примечательно, что в некоторых местах Ленского района игровое собрание завершилось исполнением песни *Шёл из Питера штафет* (№ 48), при котором все участники гулянья разбивались на пары, как бы «подытоживая» многократно проигранное выделение пар: «*„В Питер сходят“ и домой все разойдутся*» (ФА СыктГУ. 0831-9); молодежь выстраивалась колоннами — женской и мужской, каждый участник из крайней пары обходил свою колонну с внешней стороны, встречался с «напарником» в начале колонны, становясь первой парой.

Отметим еще одну важную особенность плясовых песен, ответствовавших молодежным формам игрового общения, — наличие разнообразных «поцелуйных» формул, обеспечивающих поцелуйный финал песенной игры («*А тут ведь тоже плясали в кругу-то, целовались. Как опоят в кругу, так и целовать надо*». — ФА СыктГУ. 0466-13). Приглашения к поцелую встречаются в контексте ситуаций обмена дарами или угощениями: «Сладких

венское веселье в Вологодском уезде. С. 170). Из современных исследований и публикаций см., например: Новоселова Н. А. Жанровое своеобразие сибирской проходочной припевки // Сибирский фольклор. Новосибирск, 1980. С. 69–83; Посиделки в Новгородской области: Песни и игры / Сост., нотации напевов, предисл. М. А. Лобанова. В. Новгород, 1988. С. 6.

пряничков на грош, / Целоваться сколько хошь» (*Из-под ёлки-то было, из-под жёрдки*, № 27); «Я куплю тот ковёр да не сторгую, / Двою-трою за ковёр да поцелую» (*Уж ты млад соловей да соловейко*, № 30) или как непосредственное проявление симпатии: «С кем ходил да с кем гулял, / Да тово три раз целовал, / С кем ходил я, с кем гулял, — / Того десять целовал» (*Первой раз стороной*, ФК. Н-9554). В последнем примере текст диктует поцелуйное завершение плясовой проходки пары. Подобного рода императивные формулы встречаем в целом ряде песен: «Кого любишь, поцелуй» (*В караводе были мы*, № 39); «Расцелуй, милой, дружинushку» (*Среди поля дуб стоит* — Фольклор Виледи. С. 83, № 12); «Встань на перстички да росцелуйся в крестички» (*Пешию к обеденке не ходят.* — Фольклор Виледи. С. 85, № 17); «Прикажи поцеловаться» (*Пора Ванюшке жениться*, № 32) и т. п. Указание на поцелуй может органично соединяться с величанием девушки и именованьем адресатов припевания:

Ой, да красна девушка написанная,
 Ой, да написана да нарисованная,
 Ой, да жемчужком она усаженная,
 Ой, да человаться приказанная.
 Ой, да всё душа ли красна девушка
 Да Олександра Ивановна
 Да со удалым добрым молодцом
 Да Иваном-то Ивановичём да молодцом.
 (*Не велят Маше по горенке ходить.* — ФА СыктГУ. 0809-42)

В связи с включением имен в песни обратим внимание на наличие в отдельных ленских вариантах безлично-именной формулы *Незнам Незнамович* — своеобразной замены конкретного имени-отчества припеваемого молодого человека:

...Человаться приказанная	У нас девушка умна дак и умна,
С удалым с добрым молодцом,	Красавица умненькая,
С удалым с добрым молодцом,	Сама собой разуменькая.
Всё Незнамом Незнамовичём молодцом.	Из кувшинушки пила дак и пила,
(<i>Не велят Маше по горенке ходить.</i> —	Из стаканчика выкушала,
ФА СыктГУ. 0831-12);	Пропила же своёво женишка,
	Незнама Незнамовича да молодца.
	(<i>Всё по полу кувшин дак и кувшин.</i> —
	ФА СыктГУ. 0831-11).

Таким образом, выделение пары (и на вербальном, и на игровом уровнях), называние девушки и молодого человека (или одного из них) по именам, приглашение к поцелую (наличие поцелуйных формул) отличает эти песни от остальных плясовых. По сути, их можно назвать плясовыми припевками. Не случайно в отдель-

ных исполнительских оценках таких песен звучат глаголы *опевать*, *припевать*, *величать*: «Кавалер с барышней, так пары, может, пар пять навстают или шесть, и под песни плясали, под эти под круговые песни плясали, не под гармонию. (...) А идут так и обратно вертаются, вот так и ходят, пока песня, друг друга **опевают**. Песни вот, **опевали**». — ФА СыктГУ. 0825-24 (о песне *Со вечера цепочка горит*); «Кого **припить**-то? Не уговорились... „Наливал-то их Иванушко, да Иван-то Николаевич, Подносил... Да Марие-то Матвеевне да девушке“». — ФА СыктГУ. 0822-5 (*Чашечки виты*); «Надо кого **величать**...». — ФА СыктГУ. 0832-4.

Тема образования брачной пары, сближения молодых людей, являясь ведущей в песенно-игровом фольклоре, обуславливает теснейшую связь молодежной игровой культуры со свадебным обрядом не только на генетическом и идейном, но и на функциональном уровнях. В этом отношении очень показательна вилегодская традиция, в которой выделяется довольно большая группа песенных сюжетов, бытовавших как на свадьбе (девичник, пир у жениха), так и на календарных игрищах²³⁴. Это песни *Как по морю, морю синему* (Фольклор Виледи. С. 89—90, №№ 22, 23; С. 106), *Стало не с кем попить, погулять* (Фольклор Виледи. С. 91, № 25; С. 107), *С-по загуменью тропиночка лежит* (№ 6), *Я бегу, бегу по поженке* (ср.: Фольклор Виледи. С. 28, № 21; С. 84, № 16), *Пешию к обеденке не ходят* (ср.: Фольклор Виледи. С. 28, № 22; С. 85, № 17), *Со вечера цепочка горит* (ср.: Фольклор Виледи. С. 27, № 20; С. 95, № 31), *Вдоль да вдоль (было) по лавице* (ср.: Фольклор Виледи. С. 25, № 13; С. 103, № 43) и др. Сами певички различают некоторые «свадебные» и «рождественские» песни по темпу их исполнения: «А вот **о свадьбе** поют, пили (т. е. пели) тоже **о Рождестве**. Маленько **почаще** поют (в Рождество), а тут (на свадьбе) **растягают**. А о Рождестве по пляске так». — ФА СыктГУ. 0462-17). Вероятно, здесь можно вести речь не только о смешении жанров и сфер бытования, вызванном процессами разрушения традиции, или об известном «колебании» припевок между свадебной и игровой сферами²³⁵. Вилегодский репертуар дает ряд примеров существования в традиции своего рода «дублетов» — игровой и свадебной версий сюжета. Сравним одну из таких «пар» — свадебную величальную и игровую припевки, каждая из которых отвечает признакам своего жанра. Первая строится на монологе (другие традиции дают при-

²³⁴ См. об этом: Шевченко Е. А. Песенные жанры свадьбы // Фольклор Виледи. С. 12, 14—15.

²³⁵ Колтакова Н. П. Русская народная бытовая песня. М.; Л., 1962. С. 89—90.

меры диалога на тему «молодая жена просится у мужа в гости к родителям»), вторая включает величально-поцелуйную формулу.

Не конь с-по бережку бежит,
 Да не вороненькой с-по крутенькому,
 Да Николаюшко невесту везет,
 Да Олексеёвич хорошенькую,
 Да душу красную девицу,
 Да свет Марию Николаёвну.
 Она белица, румяница
 Да во цветной платёе редица,
 У Николая в гости просица:
 — Николаюшко-батушко,
 Да отпусти в гости ко матушки
 Да ко родимому ко батюшко.

(Фольклор Виледи. С. 27, № 19)

Не конь по бережку бежит,
 Да не вороненькой с-по крутенькому,
 Иванушка невесту везет,
 Да свет Марию Николаевну.
 Она набелена, намазанная
 Да целовать ему приказанная,
 Да удалому добру молодцу,
 Да Ивану Николаевичу.

(ФА СыктГУ. 0466-34).

Еще один пример существования парных вариантов относится к песне *Вытекала, выбегала подкоренная вода*, зафиксированной на Виледи как с характерным для хороводных и плясовых песен рефреном «Калина да малина», так и без него; в первом случае песня определена исполнителями как плясовая в кругу на игрище (ФА СыктГУ. 0421-2а), во втором — как свадебная (Фольклор Виледи. С. 29, № 24).

Эти примеры позволяют заключить, что в вилегодской традиции наблюдается не только «миграция сюжетов из свадебных в вечерочные и наоборот»²³⁶, использование одного и того же сюжетного фонда в разных сферах, но и своего рода творческая «обработка» текстов, в частности разведение сходных в образно-тематическом и функционально-бытовом отношении сюжетов через введение в текст или исключение из него жанровых «маркеров».

Наряду с плясовыми песнями молодежной (брачной) направленности, отмеченными соответствующими текстовыми и/или акционально-игровыми особенностями, другую большую группу плясовых сюжетов образуют песни, которые исполнялись просто в круговой пляске (*Два лужка не кашеваны, Все наши ребятушки с ученица идут, Во лужях, Ала, бела голубонька, Во кузнице молодые кузнецы, Посеяли девки лен, Пошла в тонец тонцевать, Из ворот было, воротичек* и др.). От рассмотренных плясовых песен (как правило, небольших по объему, построенных на одной-двух сюжетных ситуациях) они отличаются объемными текстами, соединяющими несколько мотивов. Обращает на себя внимание преобладание в этих песнях тем и мотивов семейных отношений, которые в большей степени соответствуют «взрослому» составу участников

²³⁶ Шевченко Е. А. Песенные жанры свадьбы. С. 15.

собрания: «несвободное положение в замужестве» («молодая жена опасается побоев мужа (или брани свекра)»; «отец учит сына бить жену»), «муж-каналья» («муж в кабаке»), «старый муж» («пренебрежение к старому мужу», «нежелание выходить замуж за старого», «расправа над старым мужем»), «грозная свекровь» («запрет ходить в гости / принимать гостей»), сравнение своей и чужой жены и т. п.

В целом на нижней Вычегде — в Ленском, Вилегодском и Котласском районах — в период планомерного сбора фольклорного материала во второй половине XX в. было зафиксировано свыше ста сюжетов песенно-игрового фольклора. Богаче всего в записях представлен репертуар Ленского района — свыше 70 сюжетов, вилегодский репертуар несколько уступает ему — насчитывает более 50 сюжетов, котласский выглядит скромнее — включает 35 сюжетов. При этом часть песен составляет общий фонд (см. таблицу, в которой приведены инципиты совпадающих песен): для всех трех районов общеизвестной является приблизительно десятая часть сюжетов (11 песен), еще столько же зафиксировано одновременно в Ленском и Вилегодском районах (таким образом, репертуар этих двух традиций совпадает более чем в 20 сюжетах), четыре песенных сюжета записаны в Вилегодском и Котласском районах, но не встретились в Ленском (в результате общий вилегодско-котласский репертуар включает 15 сюжетов), две песни из нижневыхегодского репертуара не выявлены в Вилегодском районе (т. е. общими для традиций Ленского и Котласского районов являются 13 песен).

Таблица 5

Совпадения в песенно-игровом репертуаре нижней Вычегды

Ленский район	Вилегодский район	Котласский район
В хороводе были мы	В хороводе были мы	В хороводе были мы
Во лужях	Во лужях	Во лужях
Как по морю, морю синему	Как по морю, морю синему	Как по морю, морю синему
Как у наших у ворот	Как у наших у ворот	Как у наших у ворот
Мы просо сеяли	Мы пшену засиём	Мы просо сеяли
Посеяли девки лен	Посеяли девки лен	Посеяли девки лен
Пошла в тонец	Пошла в тонец	Пошла в тонец
Стало не с кем попить, погулять	Стало не с кем попить	Стало не с кем попить
Хожу я гуляю вдоль по хороводу	Хожу я гуляю вдоль по хороводу	Хожу я гуляю вдоль по хороводу
Я со вьюнчиком хожу	Со вьюном я хожу	Со вьюном я хожу
Я хожу кругом города	Я хожу кругом города	Я еще пойду вокруг города

Ленский район	Вилегодский район	Котласский район
Вдоль по улице в конец	Вдоль по улице в конец	
Во кузнице молодые кузницы	Дуня Фомина Еремина была	
Два лужка не кашеваны	Два лужка не кашеваны	
За двором дворянским	За двором да за дворечиком	
Как за речкой хмель родился	Как за речкой хмель родился	
Как на талую землю	Как со вечера-то дождь	
По-за гуменью тропинушка лежит	По-за гуменью тропиночка лежит	
Со вечера цепочка горит Толкли девки семя	Со вечера цепочка горит Девки сима толкли	
Хрен, ты мой хрен	Хрен, ты мой хрен	
Чашечки виты	Чашечки виты	
	Ах вы, сени, мои сени	Ах вы, сени, мои сени
	Вдоль по речке по Казанке	Вдоль по речке по Казанке
	За рекой лужок	За рекой лужок
	Как под кустичком олень	Сидит олень сутул, горбат
Вечор девки вечеринку сидели		Вечор девки вечеринку сидели
Я по жердочке шла		Я по жердочке шла

Эти — в известной степени условные — количественные наблюдения не свидетельствуют о каком-то особом родстве или, напротив, закрытости песенно-игровых традиций нижней Вычегды. Скорее, они отражают вполне типичную ситуацию соотношения местных песенных репертуаров, принадлежащих традициям одной историко-культурной зоны. Так, при сопоставлении нижневыхегодских игровых и плясовых песен с другими традициями Русского Севера было выявлено не менее десяти сходных сюжетов в репертуаре Лузского района Кировской области — соседнего для Вилегодского и Котласского районов, не менее чем по 15 сюжетов — в репертуаре с. Серёгова, расположенного на р. Выми, притоке Вычегды, и в значительно удаленных на север традициях средней и нижней Печоры; еще больше общих сюжетов — порядка двадцати — выявлено в публикациях песенно-игрового фольклора Мезени (этот ряд можно продолжить). Довольно показателен в этом плане также и сам состав «первой десятки» совпадающих произведений (см. таблицу) — преимущественно широко распространенные во многих русских традициях сюжеты.

Более интересными, очевидно, могут быть данные по не совпадающим в репертуаре соседних (в нашем случае — нижневыхегодских) традиций. Из перечня ленских игровых и плясовых песен примерно полсотни не имеет вариантов в Котласском и Вилегодском районах, приблизительно 20 вилегодских песен не встрети-

лись собирателям в Ленском и Котласском районах, не менее 10 песен отмечено на нижней Вычегде только в Котласском районе. Если привлечь данные по другим жанрам²³⁷, то в целом можно получить пеструю картину, которая свидетельствует о том, что песенная культура рассматриваемого региона складывалась и функционировала как система компактных местных традиций. По крайней мере, судя по текстам, наиболее четко очерченные репертуары Лены (Ленки) и Виледи являют собой два варианта песенно-игровой традиции нижней Вычегды.

Некоторые языковые особенности вычегодских лирических и хороводно-игровых песен

Одной из задач описания локальной фольклорной традиции является характеристика лексических средств выражения, формирующих, с одной стороны, семантико-семиотическое поле текстов одной жанровой прагматики, а с другой стороны, стилистические черты, присущие данным текстам. На сегодня накоплен большой опыт по описанию русской народно-поэтической фразеологии (см. работы А. А. Потебни, А. П. Евгеньевой, А. Т. Хроленко и др.), выявлены основные механизмы и корпус лексических и фразеологических средств создания фольклорного текста, выражения их символического смысла. Тем не менее остаются недостаточно описанными и изученными локальные варианты поэтических текстов. В русле современного взгляда на народную культуру как на совокупность вариантов, выражающих определенные смысловые инварианты, задача детального описания лексико-семантических особенностей текстов локальной традиции видится одной из актуальных.

Здесь представлено описание языковых особенностей (характер народно-поэтической фразеологии и использование отдельных лексических групп) вычегодских лирических и хороводно-игровых песен. Исследование позволило выявить наиболее характерные для них средства: тавтологические сочетания, репрезентативные и синонимические конструкции, устойчивые эпитеты, а также группы стилистически окрашенной лексики, топонимов, собственно диа-

²³⁷ Особенно показательна неоднородность жанров святочной поэзии: в Ленском районе экспедициями СыктГУ зафиксировано два типа винограда — «семейное» (*Терем*) и «холостое» (*Три рыбы*), колядки типа *Терем* выявлены в Вилегодском и Котласском районах, оригинальная колядка типа *Катилась колесница по полице* — в Вилегодском районе (см.: Святочная поздравительная поэзия в Фольклорном архиве СыктГУ: Систематический указатель / Сост. И. И. Демченко, Т. С. Канева. В печати; см. также главу «Музыкально-фольклорная традиция нижней Вычегды» наст. статьи, с. 64–65).

лектной, социально маркированной (так называемой городской) и заимствованной лексики, употребленных в стилистической функции. Большинство единиц народно-поэтической фразеологии, встретившихся в вычегодских лирических и хороводно-игровых песнях, имеет, безусловно, общерусский характер, однако своеобразие текстов выражается не в употреблении отдельной единицы, а во всем корпусе средств, используемых для выражения концептуальных элементов смысла и формирующих стилистическую окрашенность текстов в данной локальной традиции. Вся совокупность языковых фольклорных средств, использованных в текстах одной или близкой жанровой природы, создает семантико-стилистическое пространство народной культуры определенных местности и времени.

Рассмотрим подробнее выявленные в текстах вычегодских лирических и хороводно-игровых песен наиболее характерные для фольклорной речи, и в частности фольклорной речи данной традиции, конструкции и группы лексики.

Репрезентативные конструкции. Репрезентативные конструкции представляют собой сочетания слов, используемые для названия явления, предмета, признака, действия и др. Являясь совокупностью слов, не связанных синонимическими отношениями, репрезентативные конструкции, тем не менее, выражают целостное отношение к своему обобщенному значению. В большинстве случаев в вычегодских текстах репрезентативные конструкции соотносятся со словом с таким родовым значением, например: *отец-мать*²³⁸ — родители, *ружья-сабли* — оружие, *выкормить-выгладить* — выходить, вырастить, *бел-кудрявой* — красивый, пригожий и др. Однако такого лексически выраженного родового обозначения может и не быть, например: *ала, бела голубонька, спозябнуть-закуржаветь, плис-бархат-атлас* и др. В этом случае репрезентативное сочетание дает «составную» семантическую характеристику денотата через перечисление качественных признаков, типа действия или элементов сложного составного явления.

Репрезентативные конструкции в вычегодских лирических и хороводно-игровых песнях представлены следующими разновидностями: выраженные разными частями речи (глагольные и именные), двух- и трехкомпонентные, с контактным и дистантным расположением компонентов.

Что касается глагольных и именных репрезентативных сочетаний, то нужно отметить, что их количество в анализируемых тек-

²³⁸ Положения данной работы опираются на тексты, опубликованные в настоящем издании, и потому не сопровождаются указанием на конкретный текст.

стах примерно одинаково. Именные сочетания — *юбка-шубка, ни скота ни живота, мед-сахарок, чеснок-лук, скороход-иноход, оружия-мечи, печаль-тоска моя кручина* и т. п. Глагольные конструкции — *попеть-поплясать, стукать-будить, убелиться-снарядиться, розувать-розболокать, пройти-прокатиться, печь-болеть-шуметь* и т. п. В меньшей степени в вычегодских песнях представлены адъективные сочетания: *шивной-шалевой, сизой-вороной, баской-вежливой* и т. п.

Структурная характеристика репрезентативных конструкций в вычегодских лирических и хороводно-игровых песнях выглядит следующим образом. Наиболее частотными оказались двухкомпонентные сочетания с контактным расположением: *отец-матушка, род-племя, чай-кофий, цветы-яблочки, ни ответу ни привету, ни скота ни живота; ни в совдатах ни в матросах; за рекой, за погодой-кутерьгой; скормить-споить, сповыкормить-сповыгладить, щипать-ломать, бить-бранить, иссушить-испушить, спрашивала да разговаривала* и др. В меньшей степени, но также популярными в вычегодской песенной традиции являются трехкомпонентные сочетания с контактным расположением: *ала, бела голубонька; наливчаты-сладки-рассыпчаты; бел-крупнчатой-рассыпчатой; ни в совдатах, ни в матросах, не быть в грамодёрах; из-под ёлки, из-под жердки, из-под белой берёзки; чаёк-кофеёк да сладка водочка; царь-государь молодой князь; печаль-тоска моя кручина* и др. Здесь надо отметить, что трехкомпонентные конструкции в вычегодских текстах — это в подавляющем большинстве именные сочетания (существительные и прилагательные), глагольное сочетание встретилось лишь в одном случае: *печь-болеть-шуметь* (о характере головной боли). К репрезентативным парам можно отнести такие двух- и трехкомпонентные конструкции с дистантным расположением, когда лексемы не находятся в непосредственной близости, однако имеют соотносительную связь посредством организации поэтической строки — ритмической структуры и синтаксического параллелизма, т. е. занимают одну позицию в ритмико-синтаксической конструкции, что позволяет их рассматривать как выразителей одного, целостного понятия: *рад играти, рад тонцовати; идти в совдаты, идти в грамодёры; девицы не сматриваны, девицы не целованы; лужки не кашеваны, два зеленых не стогованы; вынел ножик, вынел саблю* и др.

Синонимические конструкции. Два или более слов, связанных отношениями тождества или уточнения, могут быть квалифицированы как синонимические конструкции. В таких объединениях слов компоненты выступают либо как равноправные лексемы, выражающие общее понятие и использующиеся для более точного и

объемного представления понятия, либо один из компонентов является средством характеристики, указывая на признак, свойственный предмету, действию или другому признаку. К объединениям первого типа, используемым в текстах вычегодского песенно-игрового фольклора, можно отнести следующие конструкции: *возлюбленной-приголубленной, травонька-муравонька, царь-государь, барыня-сударыня, друзья-восприятели, кидает-бросает, стерплю-снесу, разлучила-развела, разойдёмся-разодвинемся, огораживал да оборанивал; пошел шум, пошел гром; спомог горю, подсобил; ты подумай-ко, невежа, погадай, мой негодяй* и др. Синонимы в ряде случаев используются дистантно, каждый в отдельной поэтической строке, однако синтаксическое построение этих строк позволяет рассматривать лексемы в составе синонимической конструкции, выражающей обобщенное значение: ***Заставила** капусту садить, **Приневолила** рассаду поливать, **Приказала** в зелёном саду гулять; **Бить** меня, **бранити**, **Бить** меня, **ругати**; Дружку **выговорю** да в глаза **выругаю**; **Весел-весел** сегоднёшний день, **радостен-радостен** теперешний час* и др. Конструкции второго типа представлены следующими примерами (как правило, в них вторая часть выступает в качестве средства выражения признака, которым характеризуется опорное слово): *молодец-детина; батька-благодетель; со товарищами, со приказчиками; ноженёк-складенёк; плёточка-семихвосточка; ходила-гулела; бежал-торопился; поет-насвистывает; идёт-шатается, идет-валяется; стукало-будило; говорил да он ведь жаловался* и др. В текстах вычегодского песенно-игрового фольклора встречаются, хотя и значительно реже, конструкции, в которых синоним, который определяет опорное слово, находится в препозиции: *бубровка-шапка, ровня-муж, дубинка-лучинка* и др. Отмечаются в анализируемых текстах и конструкции, совмещающие принципы построения обоих типов — отношения тождества и уточнения признака, например: *родитель-батька благодетель; бить-бранить да всячески ругать; наплачешься-навоеешься* и др. К такого рода конструкциям можно отнести и соединения слов, где лексемы находятся в квазисинонимических (гиперо-гипонимических) отношениях. В вычегодских текстах это *чернобыль-трава, виноград-ягода, Питерок-город, Волга-река* и т. п.

Тавтологические сочетания. Характерным элементом народно-поэтической речи являются объединения слов с одним корнем. Такие сочетания выступают средством усиления (удвоения, утроения) признака, отраженного в лексическом значении корня. Кроме того, такие сочетания стилистически организуют текст. В вычегодских текстах обнаруживаются следующие употребления:

— конструкции со вторым элементом — словом с эмоционально-экспрессивным формантом: суффиксом (*перемена-переменушка, цветики-цветочки, парень-паренёк, верба-вербушка, замки-замочки, за водою было водонькой, из ворот было воротицёк*); префиксом (*цветы малиновы-размалиновы, трава шёлковая-перешёлковая; баска умненька, баска разумненька; растошнёхонько-тошно, кликать-выкликать, качать-перекачивать, ныть-занывать, ныти-изнывати и др.*);

— конструкции, где однокоренным является синтаксически зависимое слово: *хоробёр хоробует; пыль запыляется; горе горькое; люди в людях-то живут; зиму зимовать; боронить бороной; снарядить в золотой снаряд; вздохнуть духом; огороды городить, огораживать; молодая молодушка* и др.

Как разновидность тавтологических сочетаний можно рассмотреть и сопряжение паронимически сближенных лексем, в которых звуковое созвучие может выполнять ту же стилистическую функцию, что и тавтологическая пара, например: *погадай, мой негодяй* и др.

Постоянные эпитеты. Еще одним выразительным средством стилистической организации фольклорного текста являются постоянные эпитеты — определения, которые имеют воспроизводимый характер, формирующий их функцию в тексте. Они являются не столько средством дополнительной характеристики денотата, сколько семантическим расширителем понятия, выраженного не однословно, а посредством словосочетания, таким образом, конструкции с постоянными эпитетами выполняют функцию номинации целостного понятия. В качестве эпитета в фольклорном тексте, в том числе и в вычегодских лирических и хороводно-игровых песнях, могут использоваться слова разных частей речи — и прилагательные (чаще всего), и существительные: *буйный ветер, бел бегуночек, беседа веселая, шипица колючая, а также яблонечка-серебренька, девушка-лебедушка, солнце-мать, Сашка-канашка, соловьи-певуны* и т. п. Вызывают интерес конструкции, где совмещаются эпитеты, выраженные и прилагательными, и существительными; в одних случаях в качестве эпитета выступает синтаксическая единица (словосочетание): *матушка лютая змея, муж горька пьяница, дурак, молодой купец добрый молодец, ясное солнце сокол, горе-горькая кукушка*; в других случаях эпитеты не связаны синтаксически, а последовательно характеризуют предмет: *злодейка-тотарка чужедальная сторона, матушка каменная Москва* и т. п.

В вычегодских лирических и хороводно-игровых песнях сочетания с эпитетами образуют разнообразные структуры: эпитеты

в пост-, препозиции и «кольцевой» позиции (одновременно в пре- и постпозиции), дву- и многокомпонентные конструкции. В качестве примеров разного позиционного расположения эпитета в текстах вычегодских песен можно привести такие сочетания: эпитеты в препозиции: *сладкая водочка, синь кафтан, красна девонька, чистые да широкие поля, постылой да старой муж, ротозея деверёк* и др.;

— эпитеты в постпозиции: *молодец возлюбленный; свекровушка зубата; кроваточка тесовенькая; стрела громовая; слезы горючие; места славны, прекрасные; девица-красота* и др.;

— эпитеты в «кольцевой» позиции: *ласковое слово приветливое, золота узда серебряная, светлы яблочки наливчатые, холодная вода ключевая, гулящий день розвесёлой* и др.

По количеству компонентов в вычегодских песнях преобладают двухкомпонентные конструкции: *удалый молодчик, печальные глаза, сафьяновы башмачки, туча грозная, душечка Ванюшечка, речка-невеличка, муж-каналья, шапочка-позолоченка, любовь-тайна* и т. п. Вторыми по частоте использования являются трехкомпонентные конструкции: *чужий дальний городочек, удалой добрый молодец, девушка написанная да нарисованная, тонко бело полотно, частой мелкой дождичек, мелкой злат жемчуг, туча грозная уstraшенная, вилки точеные, подзолоченые, душа свет уточка, муж пьяница дурак* и т. п. Обнаруживаются в вычегодских текстах, хотя и значительно меньше, чем двух- и трехкомпонентные, и более сложные конструкции, включающие в себя большее количество компонентов — четыре и более: *ты милой мой, сердечный, дорогой; бело-тонко белое полотно; зла чужа дальня сторона; мальчик молодой, беззаботной, неработной; речка Казанка неширока, глубока, камениста и быстра; иной дальней незнакомой славной город* и т. п.

Сочетания с постоянными эпитетами, встречающиеся в вычегодских лирических и хороводно-игровых песнях, можно тематически классифицировать в зависимости от понятия, получающего семантическое расширение посредством эпитета. В анализируемых текстах это наименования **лиц** (эта группа самая многочисленная): *малы детоньки, родная матушка, дорогие гостеньки, купчик богатенькой, свекровушка зубата, теца ласковая, сударь возлюбленной, удалой молодец, молодой кнезь, сердечный дружок, любезный дружок, кудреватенькой молодец, доброй молодец, Иван приголубленной, Марьюшка баска, девушка написанная, красна девица, погожа девка, свет душа красна девица, девица-красота* и др.; **частей тела**: *белы рученьки, ручка правая, ясны очи* и др.; **различных проявлений лиц**: *походочка честа, слово ласко-*

воё, ласковое слово приветливое и др.; **животных, птиц и рыб** (эти наименования в тексте, как правило, являются символическими обозначениями лиц): *уточка сизая, душа свет наша уточка, сера уточка, серенький зайнко, ясны сокола, белая рыбица* и др.; **одежды, деталей одежды и ткани**: *синь кафтан, одежда щегольска, цветное платье, кунья шуба, гранитуровой платок, аленькой платок, золотой снаряд, черна шапка, кисейный рукав, белой рукав, тонкое полотно, ситчик полосатенький* и др.; **предметов обихода, быта, хозяйственных предметов**: *золотая узда, серебряная узда, столички дубовые, ножки точеные да позолоченные, печка муравлена, окованной сундучок, борона железная, белое блюдо, серебряный поднос; вилки точеные, подзолоченные; кроваточка тесовенькая, светло зеркальце* и др.; **жилища и его элементов**: *прекрасное крылечко, красное крылечко, нова горенка, горенка мала, широкий терем, высокий терем, фатера новенькая* и др.; **природных и растительных объектов, плодов**: *землянишной сад, зелен сад, золотая веточка, белая березка, зеленый лужок, зелена трава, шелкова травушка, лазуревы цветы, алы цветики, быстрая река, речка-невеличка, крутой бережок, желтой песок, серый камешек, зелен виноград, спелы яблочки, светлы яблочки наливчатые, наливная наша ягодка* и др.; **блюд и напитков**: *сладкая водочка, вино пьяное, вино горькое, зелено вино, сладкие пряники, блины масляные, блины заспанные, пшеничны пироги, шти горячие, каша масленая* и др.; **физических явлений**: *духи анисовые, духи малиновые* и др.

Эпитеты, обнаруженные в вычегодских песнях, в подавляющем большинстве являются общерусскими, известными в разных фольклорных традициях и имеющими высокую степень устойчивости и повторяемости в фольклорной речи (не только в поэтических, но и в эпических текстах), например: *сине море, белы руки, буйная голова, чистое поле, желтый мелкий песок, част раки-тов куст* и т. п. Самыми частотными в вычегодских лирических и хороводно-игровых песнях являются эпитеты-колоративы: *белый, зеленый, золотой, серебряный, красный*, — а также эпитеты *молодой, милый, добрый, веселый, удалой, новый, широкий, сладкий, горький*. Однако встречаются и эпитеты менее распространенные: *белая зоря, белый царь, солнце-мать, печальные глаза, прекрасное крыльцо, угрюмая жена, ночка осенняя, милая душа забавница, муж родной да благородной* и т. п. Некоторые из таких эпитетов, возможно, проникли в фольклорный текст в результате влияния книжной — условно говоря, городской — культуры.

Что касается **специфических лексических групп**, обращающих на себя особое внимание, то это стилистически окрашенная и

частотная лексика, топонимы, собственно диалектная и социально маркированная лексика и поздние заимствования.

Стилистически окрашенная лексика. Здесь в первую очередь необходимо отметить слова, в которых эмоционально-экспрессивная окраска слова выражена словообразовательно, посредством аффиксов. Наиболее продуктивным экспрессивным словообразованием в вычегодской песенно-игровой традиции является суффиксация с помощью морфем *-ушк* (*соловушка, шипичушка, беседушка, грозушка, лаптюшки, селезенюшко, квартирушка, доминуюшко, половичушка* и т. п.), *-еньк* (*востренький, богатенькой, пуховенькой, красивенький, глупенький* и т. п.), *-иц* (*здоровьице, рыбица, подгорьице, зголовьице, собраньице* и т. п.), *-ок / -ек* (*жемчужок, кабачок, кушачок, башмачок, кофеёк, деверёк* и т. п.), удвоенные экспрессивные суффиксы — *к + -ок / -ек* (*дружочек, почерпушечка, денёчек, бумажечка, порожечок, бережочек* и т. п.) и др. Самой многочисленной оказалась группа прилагательных с суффиксом *-еньк*, среди которых обнаруживаются лексемы, образованные по нетипичной для книжной речи словообразовательной модели: *сахарненький, бумажненькой, неженатенький, долгохвостенький, златозобинький* и даже *двадцатипятирублёвенький*. Префиксальное экспрессивное словообразование представлено в текстах вычегодских лирических и хороводно-игровых песен в меньшем количестве, и здесь в качестве продуктивного префикса надо назвать прежде всего префиксальную морфему *раз-* / *роз-* (*раскрасавица, раскрасоточка, раздушенька, размолоденькой, разудаленькой, розмалиновый, розизюмный* и т. п.). Такое обилие слов с традиционными для русской фольклорной речи экспрессивными аффиксами задает стилистический тон вычегодских песен, подчеркивая их небытовой характер и принадлежность к специфическому пласту народной культуры.

Частотная лексика. Составление конкорданса вычегодских лирических и хороводно-игровых песен позволило определить частотность употребления лексических единиц²³⁹. В свою очередь, частотность отражает степень актуальности тех или иных понятий для фольклорной традиции и, в частности, для текстов данного жанра или близких жанров и может быть рассмотрена как средство создания «портрета» или семантико-стилистической матрицы жанра в традиции. В текстах вычегодских лирических и хороводно-игровых песен были выявлены следующие наиболее употребительные

²³⁹ Бунчук Т. Н. Конкорданс вычегодских лирических и хороводно-игровых песен [рукопись]. Конкорданс — алфавитный перечень всех слов какого-либо текста с указанием контекстов их употребления.

существительные: *девушка / девка / девица, молодец, парень, сын, дружок, батюшка, матушка, жена, муж, гость, люди, голова, рука, вино, перстень, терем, горенка, ворота, сад, река, конь, заяц, сокол, лебедь, утка*; глаголы: *гулять, любить, целовать, играть, говорить, сказать, звать, поклониться, ходить, пойти, ехать, стать, сидеть, стоять, дать, купить, найти*; прилагательные: *белый, красный, зеленый, веселый, серебряный, золотой, высокий, добрый, дорогой, милый, молодой, удалой, родимой, сладкий, хороший*. Даже такой беглый перечень лексических единиц высвечивает общее концептуальное значение фольклорных текстов. В них выражается брачно-любовная тематика, связанная со свадьбой. Это находит отражение в употреблении терминов родства, прямых наименований лиц-персонажей, готовых к вступлению в брак, а также косвенных (символических) их наименований: *утка, лебедь, сокол, заяц*; в употреблении названий атрибутов: *перстень, вино, кроваточка*; действий, связанных с сексуальными проявлениями: *гулять, любить, целовать, играть*. Представления о семиотическом (переходном) характере свадьбы выражаются посредством лексем с символическим для народной культуры значением: они обозначают локусы «своего» и «иного» миров (*горенка, терем, сад и чужая сторона*), места перехода (*ворота, река*), положение девушки в знаковой ситуации (*сидеть, стоять*), непосредственно переход, движение и обмен (*ходить, пойти, ехать, стать, дать, купить*), а также играют роль вербального кода в реализации концептуального смысла данного сегмента традиционной культуры (*говорить, сказать, звать*). Такая семантико-символическая составляющая содержания вычегодских лирических и хороводно-игровых песен находит выражение и подтверждение и на уровне менее частотных лексических единиц.

Особую стилистическую и в какой-то степени знаковую, а не номинативную функцию выполняют в текстах вычегодских лирических и хороводно-игровых песен **топонимы**. Это группа слов количественно невелика, тем не менее весьма выразительна. Топонимы, включенные в тексты вычегодского песенно-игрового фольклора, функционально неоднородны. С одной стороны, это топонимы, не являющиеся наименованием географического объекта: *Дунай, Киев, Казань / Казанюшка, Казанка*, их функция может быть охарактеризована как символическая (они называют не конкретные объекты, а семиотически значимые места), и их включение в фольклорный текст обусловлено традицией. С другой стороны, в текстах встречаются наименования, которые условно можно охарактеризовать как полужнаменательные: введение их в текст также можно назвать знаковым для общерусской традиции, однако топонимы,

ими названные, хотя и наделены дополнительным символическим смыслом, являются для вычегодской традиции реальными. Надо отметить, что таких топонимов большинство: *Русь, Россиюшка, Сибирь-город, Сибирский славный тракт, Москва, Петербург / Петроград, Кострома, Ярослав / Еруслав-город, Волга-река, Нева, Невага-речка, Невский проспект*. Наблюдение топонимов данного рода позволяет определить актуальную для данной традиции территорию — север России — и в определенной степени время — предположительно XIX — начало XX в. Об этом свидетельствует характер использования топонимов. Наибольшей разработанностью в текстах обладает топоним *Петербург*, что вполне закономерно для того времени, когда этот город был столицей государства. Он встречается в вычегодских текстах в следующих вариантах: *Петербург, Петенбург, Питенбурх, Питер-город, Питер, Петроград, Ленинград*. Даже простое перечисление топонимов обнаруживает «приметы времени» — изменение роли топоса на рубеже веков. В свою очередь, Москва в текстах вычегодской традиции выступает как губернский город (*Поеду в славный город губернский Москву*), данный топоним значительно реже встречается в исследуемых текстах. Топонимы *Петербург* и *Москва* в вычегодском тексте могут использоваться не для указания конкретного места, а для обозначения некоего большого удаленного места, значимого для данной традиционной культуры, своеобразным знаком «чужого» пространства. Такая функция топонимов и одновременно смена культурных и политических центров в начале XX в. нашла отражение в таком именовании, как *Питер-Москва (полетим выше Питера-Москвы)*, где сразу два известных топонима образуют название нерасчлененного понятия о далеком и важном топосе.

Еще одна разновидность топонимов представляет собой названия вполне реальных географических объектов, актуальных для данной традиции, например река *Вычегда*, деревни *Дресвянка* («с Дуней из Дресвянки»), *Токарёво* («Токарёво-то деревня лучше городу»), пожни *Петровская, Никольская* («Через три-то лужка зеленые. / А со тех-то лужков — до Петровского / И с Петровского до Никольского»). Таких топонимов ничтожно мало, что вполне объяснимо для фольклорного текста. Однако их появление может свидетельствовать о позднем этапе бытования песенной традиции, когда функционально стали сближаться тексты лирических произведений и, например, частушки, где использование названий конкретных топосов является довольно распространенным.

Диалектная лексика. Диалектная основа, несмотря на то что анализируемые тексты функционируют в народной культуре, среде диалектоносителей, просматривается относительно слабо. Это

может быть связано с причинами разного рода. С одной стороны, на диалектные особенности недостаточно обращали внимание собиратели, фиксируя тексты и одновременно «переводя» их в литературную форму (это касается фонетики и грамматики текстов). С другой стороны, малое количество диалектной лексики в текстах вычегодского песенно-игрового фольклора вполне объяснимо особым характером коммуникативной ситуации, в которой эти тексты функционируют. Исполнение песен предполагает использование лексики иного, нежели бытовой, стилистического регистра. Вследствие этого слова, не имеющие народно-поэтической маркированности, включаются в текст крайне редко. Кроме того, небольшая представленность в текстах лирических и хороводно-игровых песен собственной диалектной лексики может быть связана и с поздним появлением некоторых текстов в данной традиции.

Среди фонетических и грамматических особенностей, нашедших отражение в вариантах записей вычегодских текстов, самыми фиксируемыми, очевидно вследствие их выраженной необычности для собирателей, стали мягкое цоканье, которое представлено в записях разными способами (*цёрненький, платоцька, кацьнуть, доцька, конца и кольцо, крыльчо, личо, цветы* и т. п.), длинные твердые шипящие (*ешшо, прошишайте, шшешница, гуляшишой* и т. п.), окончания существительных (*угорыма, речкима* и т. п.) и прилагательных и местоимений в косвенных падежах множественного числа (*долгима, широкима, всема* и т. п.), форма возвратной частицы (*распрошишаешсе, прокатиласе, навалиласе* и т. п.). Все эти диалектные черты характерны для многих севернорусских говоров, а потому установить на основе фонетических и грамматических признаков место возникновения текста, конечно, не представляется возможным.

Что касается диалектной лексики, то в исследуемых текстах также преимущественно употребляются слова, имеющие широкий ареал распространения на Русском Севере. Среди них нужно назвать такие, как *баской* — «красивый, нарядный» (СРНГ. 2, 132—133)²⁴⁰, *закуржаветь* — «покрыться инеем; заиндеветь» (СРНГ. 10, 177), *заспennyй* — «крупяной» (СРНГ. 11, 52), *зыбка* — колыбель, люлька (СРНГ. 12, 30—31), *изотчество* (СРНГ. 12, 165), *ладить* — «собираться, приноравливаться» (СРНГ. 16, 232), *поморговать* — «побрезговать» (СРНГ. 29, 255), *прилучать* — «приманивать, приваживать» (СРНГ. 31, 281) и др. Лексем, которые словари фиксируют как собственно архангельские (вычегодские), крайне мало. Это та-

²⁴⁰ Цифрами здесь и далее обозначены номера выпусков и страницы СРНГ и ниже СПГ.

кие слова, как *беспелюга* — «глуповатый, легкомысленный человек; бестолковый» (арх., СРНГ. 2, 270), *муравленный* — «нежно-зеленый, сочный (о траве)» (арх., СРНГ. 18, 349), *очётливый* — «вежливый, учтивый, почтительный» (арх., СРНГ. 25, 66), *поступочка* — «ступь, шаг» (арх., СРНГ. 30, 244), *почерпушка* — «ковш, черпак» (арх., СРНГ. 30, 382) и некоторые др. Помимо общесевернорусской и архангельской диалектной лексики в текстах песен обнаружены слова, территориальная закрепленность которых отличается от места фиксации песен и связывается с соседними (и даже не с соседними) северными культурными традициями — печорской, вологодской, костромской, ярославской, тверской, пермской, например: *кутерьга* — «метель, пурга» (вологод., СРНГ. 16, 168), *росколыбать* — «раскачать, распатать» (печор., СРНГ. 34, 128), *тега* — «слово, которым подзывают гусей» (костр., яросл., СРНГ. 43, 336)²⁴¹, *перебродки* — «бревна, камни и т. п. для перехода через воду, грязь, тонкое место» (твер., СРНГ. 26, 34), *пробегный* — «проточный, не стоячий (о воде)» (свердл., перм., СРНГ. 32, 79), *хиньгать* — «хныкать» (перм., СПГ 2, 499) и др. Кроме того, встретилась в сочетании *крушить-пушить* и лексема *пушить* — «бить, наносить побои», ареал распространения которой находится на юго-западе России (смол., СРНГ. 33, 173)²⁴².

Наконец, надо отметить в записях вычегодских песен наличие гапаксов — лексем, которые встречаются только в одной-двух записях и представляют собой своего рода загадку, так как они семантически непрозрачны или почти непрозрачны, более того, их не фиксирует СРНГ. К гапаксам, обнаруженным в вычегодских текстах, можно отнести следующие лексемы: *вещинский* («На пруду-ту было, на меленке, На хрестьянской, на вешшенской»), *диванюшка* («Я с-по волюшке диванюшка сама в гости пришла»), *долекаться* («жена догадалась было, долекалась»), *журнавочка* («пошла-то за вольною за птичкой-то, / За пташкою, за журнавочкой»), *зарушка* («жену во зарушку заручу»), *не когби* («Не когби, девку, хмелинка не забиживала»), *обнёвый* («я лежала в немоте, не в обнёвой оспе-те»), *скастить* («Твоя жена весь дом скастила»), *ударской* («ударской казак»), *черодром-трава* («я с-по бережку спохаживаю, черодром-траву заламываю») и некоторые другие. В одном из текстов лирических песен употреблено слово *перебрага* («За Невагою / Речка с перебрагою»), которое СРНГ отмечает, однако не дает его толкования, а в качестве иллюстрации приводит фрагмент текста,

²⁴¹ Связь с этими территориями нашла отражение и на уровне топонимической системы в песнях: в текстах встречаются топонимы *Ярославль* и *Кострома*.

²⁴² Известно, что смоленские говоры обнаруживают некоторое влияние севернорусских (новгородских) говоров.

явно перекликающийся с текстом вычегодской песни: «За другою было речкой перебрагою» (СРНГ. 26, 34). Наличие гапаксов такого рода может свидетельствовать или о неточности записи, или о механическом воспроизведении фольклорного текста исполнителем, когда воспроизведение текста не предполагает точную передачу его содержания, а направлено на выражение лишь общего смысла фольклорного произведения, природа которого вариантна в принципе. Возможно, в поздней устной традиции вариантность и стала восприниматься как возможность «пренебречь» лексическими деталями, находящимися на периферии концептуального поля текста. Помимо этого, появление гапаксов может быть связано с процессом освоения текста, возможно, нового для традиции.

Социально маркированная и заимствованная лексика.

В текстах вычегодских лирических и хороводно-игровых песен обнаруживается довольно много слов, являющихся, условно говоря, маркерами «городской» культуры: это лексемы, значение которых связано с обозначением реалий, не характерных для деревенского уклада жизни, а также лексемы, имеющие книжное происхождение и потому «выпадающие» из строя традиционной фольклорной речи. Среди них самыми яркими являются поздние заимствования. Об их позднем заимствовании свидетельствует звуковой облик слова, отличающегося произношением от литературного. Такой звуковой облик представляет собой результат вторичной фонетической адаптации слова в языке: сначала иностранное слово попало в литературный язык, а потом уже — в диалектную речь. Вследствие этого такое слово зачастую активно варьируется в народной речи. Такое явление можно обнаружить и в анализируемых текстах: *грамодёры / гранодёры* — «гренадеры», *квартира / фатера* — «квартира», *тахта / тахча* — «тафта», *стафет / штафет / штапет* — «эстафета» и т. п.

Социально маркированная лексика в текстах вычегодских песен представлена следующими лексико-семантическими группами. Наибольшую представленность имеет группа «ткани и предметы одежды»: *гранитуровый* — «гродетуровый (выполненный из разновидности плотной шёлковой ткани)», *тахта / тахча, камча / камка, пахча / парча, китайка, фата, шляпа, фуражка, мофточка* — «муфта», *пинжачок, кофточка, тальянские* — «итальянские» (платы). Встречаются слова, называющие помещения и детали строений, не характерных для деревенской архитектуры: *парадное крыльцо, коридор, фатера*; разновидности «экзотичных» для деревни пищевых продуктов: *шоколад, конфеточки, чай, кофе*; названия других предметов и явлений, ассоциирующихся с жизнью в городе: *банк, проценты* («Экой Ваня, в новом банке он проценты

получал»), *накладные волосы, папирсы, стакан, рюмочка, карета, извозчик, кучер, тонец / тонцевать, конверт, стафет / штафет / штапет, фонтал* — «фонтан». Возможно, и «темное» слово *фалегур* («Кучер не исправен, фалегур сильно пьян, / Пару коней не сдержал, всю карету приломал»), обнаруженное в одной из вычегодских песен, является искаженным литературным словом *фельдъегерь* или *форейтор*. Еще одна большая группа слов, которую можно охарактеризовать как социально маркированную, — это «военная» лексика, которая включает не только слова, уже ставшие в разной степени традиционными для позднего русского фольклора (*савдаты* — «солдаты», *генерал, генеральша, офицер, гвардия*), но и относительно новые: *винтовка, матрос*.

Помимо слов, называющих реалии, не характерные для деревенского быта, к социально маркированной лексике можно отнести слова и выражения, происхождение которых связано с книжно-письменной речью и которые имеют поэтому стилистическую окраску, диссонирующую с общей тональностью традиционной фольклорной речи. В качестве примера можно привести такие употребления: *прелестные очи, венцы над главою, прекрасная жизнь, малолетняя девчонка, мальчишечка, малютка, красотка, папашенька, благородный*. Надо отметить, что количество такой лексики в текстах вычегодских песен очень невелико и встречается она, что вполне объяснимо, преимущественно в лирических песнях, сближая некоторые из них с «жестоким» романсом, жанром прежде всего городского фольклора.

Итак, описание языковых особенностей, нашедших отражение в текстах лирических и хороводно-игровых песен традиции нижней Вычегды, позволило определить круг характерных лексем, а также характер использования арсенала фольклорных стилистических средств при воспроизведении текстов. Своеобразие вычегодских песен на языковом уровне выразилось в соединении в пределах текстов вербальных средств разной природы: фольклорной фразеологии, диалектной речи, поздних заимствований и книжно-письменной лексики.

Заключение

При определении границ этнокультурной общности исследователям важно иметь четкое представление о самосознании носителей в разные исторические фазы существования местной культуры. В самоидентификации информанта заложен важнейший механизм культурной памяти и сохранения / изменяемости форм народной

культуры. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют более или менее определенно установить границы некоторых локальных центров за последние 100 лет их существования. Однако установить это для целого региона чрезвычайно сложно, так как многокомпонентная, сложноорганизованная материя фольклорной культуры требует многоаспектного и комплексного подхода к описанию ее локальных вариантов уже на этапе полевого сбора материалов.

Суммируя все сделанные наблюдения, можно прийти к следующим заключениям. Песенная традиция нижней Вычегды может быть охарактеризована как открытая культурная система, в которой внешние связи доминируют над внутренними. Об этом же свидетельствует ряд фактов, в частности допустимость участия в местном певческом ансамбле певиц из удаленных регионов, привносящих элементы иной региональной стилистики (пение «тонким» голосом). Результат такого совместного пения оценивается местными жителями как приемлемый, что возможно только благодаря некоторой «усредненности» музыкального стиля.

Внешние границы местной этнокультурной системы на северо-востоке определяются соседством с коми-зырянами, на севере — незаселенными лесными массивами. В остальных направлениях регион принципиально не замкнут и по множеству признаков тесно связан с традициями верховьев Северной Двины и вологодско-вятского пограничья. Устойчивость внутренней территориальной структуры региона поддерживается минимальным набором признаков, обеспечивающих самоидентификацию местного населения.

Те же закономерности прослеживаются и в историческом существовании фольклора нижней Вычегды. Одной из его определяющих особенностей можно считать высокую степень адаптации к изменениям внешней среды, способность быстро впитывать и аккумулировать новые веяния: книжность, практику монастырских певческих школ, стилистику авторских литературных текстов, реалии городской жизни.

Эти качества, в какой-то степени характерные для большинства фольклорных традиций Русского Севера, на нижней Вычегде определяют «лицо» местной культуры, в которой общераспространенные компоненты преобладают над узколокальными, новации — над архаикой.

Так, **свадебный фольклор Вычегды** уже на раннем этапе колонизации севернорусских территорий способствовал установлению контактов между отдельными группами славянского населения и организации общего культурного пространства. Наиболее отчетливо этот этап отразился на уровне семейно-обрядовой поэзии (в частности, в существовании множества локальных особенностей

в свадебном фольклоре). Системной доминантой нижневыхегодской свадьбы является ее песенный характер, что отличает ее от ряда севернорусских традиций, имеющих ярко выраженный причетный характер. Достаточно насыщенная песенными сюжетами нижневыхегодская свадьба (48 сюжетов, зафиксированных в период конца XIX — конца XX в.), в отличие от причетных текстов, дает основание считать, что свадебный фольклор был диффузным жанровым образованием со времени поселения славяно-русского населения на данной территории.

Идея «купли-продажи» была основной парадигмой этнографических и текстовых песенных записей за последнее столетие и составляла концептуальную историю местной свадьбы. Свадебный обряд был принципиально «местным», что отнюдь не значит «архаическим». Более того, песенные тексты нижневыхегодской свадьбы как бы очерчивали круг возможных границ в понимании «своего» и «чужого». Степень же некоторого единства или локализации свадьбы в виде трех-четырех субрегиональных традиций (Виледь, Яренск, Сойга, Устье, Сольвычегодск) может быть объяснена экстрафольклорными особенностями местного региона — хозяйственными мотивациями местного населения. Мужчины уходили на заработки за пределы своей территории, поэтому известная близость свадебных текстов к книжно-литературной традиции вполне объяснима и понятна²⁴³.

Первая письменная рефлексия относительно местных брачных отношений появляется еще в конце XVIII в. А. И. Соскин писал, что в Сольвычегодске в дни Прокопьевской ярмарки (8 июля по ст. ст.) существовал обычай у окрестных крестьян выставлять невест «на продажу»²⁴⁴.

Н. Н. Аруев также в описании свадебного обряда акцентирует момент хозяйственных, экономических отношений между брачующимися парами²⁴⁵. Однако этот этнографический контекст не имеет прямого отношения к текстам, на основе которых можно «реконструировать» вычегодскую свадьбу, опираясь преимущественно на рассказы женского населения региона²⁴⁶.

²⁴³ Например, о таком влиянии можно судить на том основании, что в деревнях Сойгинского сельсовета записана насыщенная церковными образами песня *На бережке-то чесовня стояла*. Подробнее об этом см. в главе «Свадебный обряд», с. 133 наст. изд.

²⁴⁴ Соскин А. И. История города Соли Вычегодской. С. 68—70.

²⁴⁵ Аруев Н. Н. Крестьянские свадьбы в дореволюционное время около гор. Сольвычегодска. — См. наст. изд., Приложение. С. 870—871.

²⁴⁶ Все репортажи о свадебном обряде записаны от женщин. Мемораты от лица мужчин крайне редки, а из мужских свадебных текстов можно назвать лишь приговоры дружек, носящие явно игровой характер.

Именно в таком изложении вычегодская свадьба обретает черты целостного структурно-значимого комплекса традиционной культуры местного «гнезда». Женский текст обретает значимость «своего» текста, так как направлен на формирование семейной (родовой) памяти местного населения. Подробность в составлении целостного представления о свадебном обряде по рассказам женских информантов позволяет реконструировать вычегодскую свадьбу, в частности ее песенный репертуар, как «местную эклектику». Следует отметить, что память традиции в этих «женских текстах» не столь глубока (не превышает двух поколений) и напоминает своеобразную мозаику из локальных образов и текстов, бытовавших на территории бывшего Сольвычегодского и Яренского уездов. Отчасти это можно объяснить тем, что женское население чаще совершало миграцию внутри региона, чем мужчины, которые занимались охотой и отходничеством и порой уходили в поисках работы на дальние расстояния. Их уход из дома на длительное время также был связан с военной службой.

Более определенное и стабильное положение в «своем» мире нижевычегодской традиции как будто должна занимать **молодежная игровая и праздничная культура**. Действительно, судя по описанию ее собирателями и по воспоминаниям бытописателей местного края, ей уделяется большое место. Однако само ее существование и сведения о ней были основаны на других механизмах традиционной памяти. Большинство описаний молодежной культуры прошлого дошли до настоящего времени в виде исполнительских мемуаров и песенных сюжетов и основываются на автобиографической памяти, т. е. умещаются в памяти одного поколения, представляя собой личный опыт носителей традиционной культуры, а не память традиционного сообщества. В практике молодежных гуляний конца XIX — начала XX в. такой личный опыт сводился к умению регулировать межличностную коммуникацию и половые отношения молодежи. Игровая культура нижней Вычегоды отразила тенденции к созданию общерусского национального песенного фонда²⁴⁷. Поэтому на первом месте среди игровых песенных сюжетов стоят общеупотребительные, массово известные, связанные с литературным бытом сюжеты типа: *Я просо сеяла, Как с-по морю, морю синему, Стало не с кем попить, погулять, Как за речкой хмель родился, Как у наших у ворот, Пошла в тонец, Как со вечера-то дождь* и др.

²⁴⁷ См.: Материалы и статьи: К 100-летию со дня рождения Е. В. Гиппиуса. С. 45–46.

Анализ языка игровых песен нижевычегодской традиции подтверждает общедоступность молодежного репертуара и не позволяет ограничивать его рамками одной региональной культуры²⁴⁸.

Следует отметить, что особенности музыкального функционирования свадебных и игровых песен не создают условий для возникновения «замкнутых» певческих групп, по терминологии Е. В. Гиппиуса; скорее всего, они были характерным репертуаром «обиходных» певческих коллективов, служащих «связующим звеном между локальной и общерегиональной культурой»²⁴⁹.

Наиболее ярко «свой» мир нижевычегодской традиции представлен областью **протяжных необрядовых песен**. Это подтверждается чрезвычайной музыкально-стилевой монолитностью напевов данного жанра. Однако ни жанрово-тематический, ни сюжетный репертуар, на первый взгляд, не дают достаточных оснований для подобного утверждения. Сюжетно-тематический комплекс нижевычегодской лирики представлен несколькими историческими сюжетами, солдатскими песнями, любовной, семейно-бытовой лирикой (в том числе балладой) и песнями литературно-книжного происхождения.

В репертуаре численно преобладают песни, относящиеся к жанру семейно-бытовой и любовной крестьянской поэзии. Они могут быть сгруппированы в несколько сюжетно-тематических циклов: «тоска замужней женщины по родному дому», «отъезд молодца — переживания девушки»; сюжеты с мотивами «солдатство молодца — замужество девушки», «брак со стариком», «косьба травы» могут быть объединены в рамках темы «девушка — молодец, разлука». Необходимо отметить, что тексты этих песен существуют во множестве вариантов, в отличие от других песенных жанров. Каждый из таких текстовых вариантов отражает собственно местное исполнительское понимание общеизвестного сюжетного инварианта.

Обращаясь к особенностям функционирования напевов данного жанра в XX в., мы не можем не учитывать тех внешних обстоятельств, которые оказывали на них определенное влияние.

Протяжные лирические песни сложных, жанрово характерных форм с традиционными для Русского Севера сюжетами (*За Невагою, Эко сердце, Размолоденькие молодчики, дружки мои* и др.) легли в основу репертуара «замкнутых» ансамблей. Именно они оказались непосредственно связанными с новым для русской кре-

²⁴⁸ К такому выводу приводят наблюдения Т. Н. Бунчук в главе настоящего исследования «Некоторые языковые особенности вычегодских лирических и хоронодно-игровых песен».

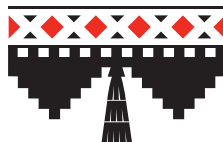
²⁴⁹ Материалы и статьи: К 100-летию со дня рождения Е. В. Гиппиуса. С. 20.

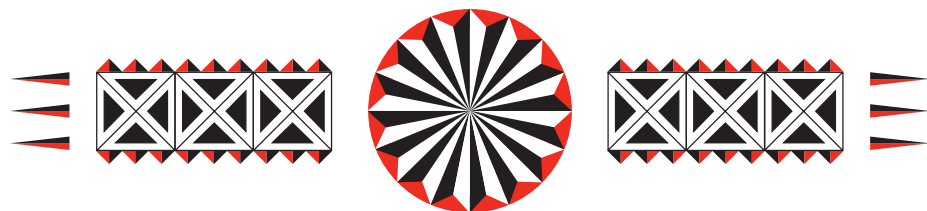
стьянской культуры понятием «моды» и послужили импульсом к самоуничтожению локальности в русской традиционной культуре.

Определенную роль в их культивировании начиная с 40-х гг. XIX в. и вплоть до начала XX в., несомненно, сыграли отечественные собиратели, пробудившие «творческий потенциал» народных сказителей и певцов²⁵⁰. Об этом также свидетельствует распространенная практика составления сборников песен, характерная для представителей разных сословий русского общества, начиная с рукописных песенников XVIII в. до издания доступных репертуарных сборников.

Интерес к русской народной песне был отражен в творчестве русских писателей, и это, очевидно, послужило основой для формирования целого культурно-эстетического направления отечественной, преимущественно дворянской, культуры-«моды». Народная протяжная песня уже в начале XX столетия, по сути, была ангажирована «высокой» культурой, что во многом обеспечило сохранность музыкально-поэтических текстов. Впоследствии такое же влияние было оказано практикой музыкально-этнографических концертов, участие в которых значительно повышало статус местных исполнителей.

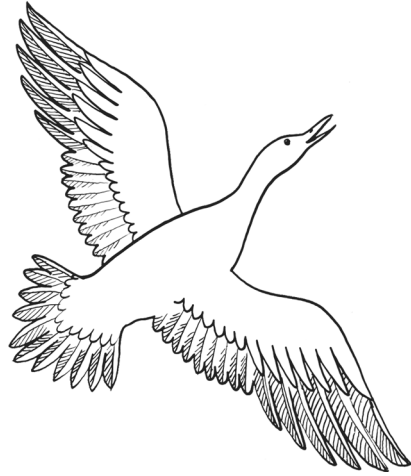
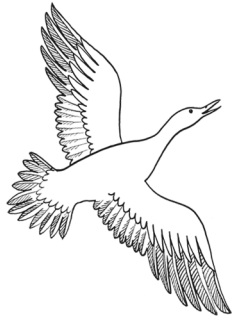
²⁵⁰ Собрание фольклора на территории Сольвычегодского уезда проводилось начиная с 90-х гг. XIX в. Первые фонографические записи в этом регионе были осуществлены Е. Э. Линевой в 1901 г.

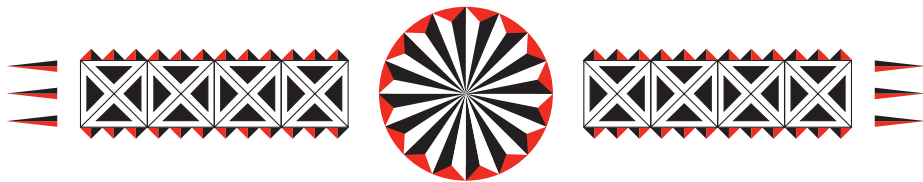

Напевы и тексты

I. Лирические необрядовые песни

1

$\text{♩} = 80$

За Не - ва - го - ю ре - чка с пе - ре-бра... ой,

ре - чка с пе - ре-бра - го-ю.

С пе-ре-бра - го-ю... дак

не по-льнь тра - во - нька во по-ле ша-та... ой,

во по-ле ша-та - ла-ся.

Ша-та - ла-ся... дай

за - ша-та - ла - (а) - ся в по-ле - то... в по-ле да ду-ша... ой,

в по - ле да ду-ша мо-я.

За Невагою¹* речка с перебра... ой...
Речка с перебрагою².

С перебрагою... дак
Не полынь-травонька во поле, да шата... ой...
Во поле шаталася.

* Пояснения к словам, отмеченным цифрами над строкой, см. в комментариях к соответствующим текстам.

Шаталася... да-й...
 Зашаталася в поле-то... в поле да душа... ой...
 В поле да душа моя,
 Ой, моя... да...
 Всё-то да душечка, удал доброй мо... ох...
 Удал доброй молодець.
 Молодець... дак(ы)...
 Ён-то не сам-то зашёл, не своей охо... ой...
 Не своей охотою.
 Охотою... дак...
 Завела-то, ох, моего-то дружка да нево... ой...
 Всё дружка неволюшка.
 Неволюшка... да...
 Всё-то неволюшка, ох, да чужая сторо... ох...
 Чужая сторонuşка.
 [Стор]... онушка... да...
 Сторона-то, ох, да жись наша была боя... ой...
 Жись наша боярская³.
 Боярская... да...
 Вот(ы) ну боярская служба... служба госуда... ох...
 Служба государева.
 [Госу]... дарева... да...
 Ну государева служба, царя бе... ох...
 Служба царя белого.
 Белого... да...
 Ну, царя белого да указ Петра Пе... ох...
 Указ Петра Первого.

1а

И за Не-ва - го-ю,

ой да, за Не-ва - го - ю ре-чка с пе - ре-бро... ой,

ре-чка с пе - ре-бро - дка-ми.

И с пе - ре-бро - дка-ми...

ой да, што по-льнь тра - ва во по-ле ша-та... ой,

во по-ле ша-та - е-тся.

И вот ша-та - е-тся...

ох да, што-то ша-та - е - тся тра-вка за ду-шой, ой,

тра-вка за ду-шой мо-ей.

И за Невагою...

Ой, да за Невагою речка с перебро... ой,
Речка с перебродками.

И с перебродками...

Ой, да што польнь-трава во поле шата... ой,
Во поле шатается.

И вот шатается...

Ох, да што-то шатается травка за душой... ой,
Травка за душой моей.

И за душой-то моей...

Ох, да што-то за душенькой зашел доброй мо...
Зашел доброй молодец.

И доброй молодец...

Ох, да он-то не сам зашел, не своей охо...
Не своей охотою.

И вот охотою...

Ой, он завела-то дружка чужая сторо...
Чужая сторонущка.

И вот сторонущка...

Ой, да што-то сторонущка, служба госуда...
Служба государева.

Вот государева...
 Ой, да государева служба царя бе...
 Служба царя белого.

И царя-то белого...
 Ой, да царя белого служба. Петра Пе...
 Служба Петра Первого.

16

$\bullet = 88$

За Нева - го - ю, ой да,
 за Нева - го - ю ре - чка с пе - ре - бро... (й),
 ре - чка с пе - ре - бро - дка - ми.
 С пе - ре - бро - дка - ми, ой да,
 не по - лынь - тра - вка во по - ле ша - та...
 во по - ле (э)ша - та - ла - ся.
 Да вот ша - та - ла - ся, ой да,
 всё за ша - та - ла - ся тра - вка за ду - шой,
 тра - вка за ду - шой мо - ей.

За Невагою... ой, да
За Невагою речка с перебро...
Речка с перебродками.

С перебродками... ой, да
Не полынь-травка (й) во поле шата...
Во поле шаталася.

Да вот шаталася... ой, да
Всё зашаталася травка за душой...
Травка за душой моей.

За душой-то моей, да
За той за душечкой зашёл доброй мо... ой,
Зашёл доброй молодец.

Доброй-от молодец, да
Н[е]-то... не сам зашёл, не своей охо... ой,
Не своей охотою.

Вот всё (й)охотою, ой, да
Всё-то (й)охотою, завела нево... ой,
Всё неволюшка.

Вот-то неволюшка, ой, да
Всё-то неволюшка, чужая сторо... ой,
Вся-то сторонушка.

Вот-то сторонушка, ой, да
Вся та сторонушка была боя... ой,
Вся была боярская.

Вот боярская, ой, да
Вся-то боярская, служба госуда... ой,
Служба государева.

Государева, ой,
Служба царя бе... ой,
Служба царя белого.

Царя-то белово, ой, да...
Да ведь Петра Пе... ой,
Да ведь Петра Первого.

Петра Первого, ой, да
Принаскучила служба день до ве... ой,
Служба день до вечера.

День-то до вечера, ой,
День-то до вечера, часу до девя... ой,
Часу до девятова.

До девятова, ой, да
А с девятова часу до полу... ой,
А всё до полуночи.

1В

$\text{♩} = 96$

За Не - ва - го ю ре - чка с пе - ре - бра - (о)...

(и)ре - чка с пе - ре - бра - го - ю.

Пе - ре - бра - го - ю да,

не по - лынь - то, э - ой, да во по - ле да ша - та... (ах),

во по - ле ша - та - ла - ся.

Ша - та - ла - ся, да вот,

за - ша - та - ла, о - ой да, в по - ле - то да ду - ша,

в по - ле да ду - ша мо - я.

Ду - ша мо - я да,

всё - то ра - зду - ше... (э) - нькой у - дал до - брой мо...

у - дал до - (до) - брой мо - ло - дец.

За Невагою речка с перебра...
Речка с перебрагою.

Перебрагою да...
Не полынь-то, э-ой, во поле да шата... (ах),
Во поле шаталася.

Шаталася да вот
Зашатала, ой, да в поле-то да душа,
В поле да душа моя.

Душа моя да...
Всё-то раздушенька удал доброй мо...
Удал доброй молодец.

Хороший молодец...
Он не сам сюда зашёл,
Не своей охотою.

Охотою...
Завела дружка-молодца
Да неволюшка.

Вот неволюшка...
Всё дак разневолюшка,
Чужая сторонущка.

Сторонущка...
Сторонущка, дак сторона ли, ой, да
Жизнь наша боярская.

Боярская...
Жизнь наша боярская¹,
Служба государева.

Государева...
Государева служба,
Служба день до вечера.

День до вечера...
Часу до десятово,
Ой-да, до полуночи.

До полуночи...
С неба звёзды сыплются.
Мелкие рассыпаются.

1Г

За Не-ва - го-ю,

ой да, за Не-ва - гой ре - чка с пе - ре-бро... э - ох,

ре - чка с пе - ре-бро - дка-ми.

Э - ох, в по... в по - ле тра - вка за - ша - та... э - ох,

тра - вка за - ша - та - е - тся.

За - ша - та - ла - ся, ой да, тра - вка за ду - шой да мо - ей.

Што - то за ду - ше - ч(и) - кой то мо - ей

(ох) дак на - ша слу - жба ба - рска - я.

За Невагою,
Ой, да за Невагой речка с перебро... э-ох,
Речка с перебродками.

Э-ох, в по... в поле травка зашата... э-ох,
Травка зашатается.

Зашаталася, ой, да травка за душой да моей.

Што-то за душеч(и)кой-то моей,
(ох), дак наша служба барская.

1д

Да за Невагою речка с перебро... ой...
Речка с перебродами.

Да не полынь-трава во поле шата... ой...
Во поле шатается,
Травка за душу... ой...

Травка за душой-то моей... да...
За душечкой зашел доброй мо... ой...
Зашел добрый молодец.

Да он-то не сам зашел, не своей охо... ой...
Не своей охотою... да...
Охотою...

Да завела его, молодца, да нево... ой...
Молодца да неволюшка.
Вот да что ты, неволюшка...

Чужая да старо... ой...
Да чужая сторонущка.
Да завела, братцы,

Служба-та боя... ой...
Служба-та боярская... да...
Служба боярская.

Служба царя бе... да...
Служба царя-(то) белого... да...
Царя белого...

Закон Петра Пе...ой...
Закон Петра-(то) Первого... да...
Наследника Николая Павловича¹.

1е

За Невагою да речка с перебродками.
Не полынь-травка во поле шатается,
Што шатается травка за душой моей.
За душечкой зашел добрый молодец.
Он не сам зашел, не своей охотою,
Завела, братцы, молодца неволюшка,
Чужая сторонущка,
Сторонущка — жизнь наша боярская,
Да жизнь боярская — служба государская,
Служба царя белого, закон Петра Первого,
Што наследничка Николая Павловича.

1Ж

За Невагою
Речка с перебродками.
Не полынь-трава
Во поле шатается,
Шатается травка.
За душой моей,
За душенькой,
Зашел добрый молодец.
Он-то не сам зашел,
Не своей охотой,
Завела дружка
Молодца неволюшка.
Что за неволюшка —
Чужая сторонюшка.
На сторонюшке
Жизнь боярская.
Жизнь-то боярская,
Служба государева,
Государева
Служба царя белого.
Царя белого,
Закон Петра Первого,
Да наследничка —
Николая Павловича.
Эта служба
Принаскучила,
Принаскучила
Служба день до вечера,
Что до вечера,
Часу до девятого.
С девяти часов
Часу до полуночи.
Со полуночи
Звезды с неба сыпались,
Что-де сыпались —
Мелко рассыпались.
Все солдатунки
Да в избы собиралися.
Велика гвардия
Здесь да разгулялася.
Разгулялася,
Все оружия сбрасывали,
Что-де сбрасывали.

$\bullet = 69$

Пе - рво - е го... ой, го - рё,

...рё,

го - рё - муж Гри - го - рий... Гри - го - рий,

вто - ро - ё го - рё... ой...

Вто - ро - е го... ой, го - рё,

го - рё - муж И - ван. Ой, Ва - ню - шка, И - ван... да...

Тре - ти - ё - то го - рё... ой...

тре - ти - ё - то го... ой, го - рё...

го - рё - Пе - тро - ван. Пе - тру - ша [Пе - тро - ван]... да...
...а)

На - до то де - ло... ой...

на - до то де... ой, де - ло...

де - ло ро - спро - ве - дать... про - ве - дать -

где мо - я ми - ла - я... ой...

где мо - я ми - ла... ми - ла - я

про - жи - ват.

Первоё го... ой, горё —
 Горё муж Григорий... Григорий,
 Второе горё... ой, второе го... ой, горё —
 Горе муж Иван.

Ой, Ванюшка, Иван... да...
 Третье-то горё... ой, третье-то го... ой, горё —
 Горё Петрован.

Петруша, Петрован... да...
 Надо-то дело... ой, надо-то де... ой, дело...
 Дело роспроведать... проведать,
 Где моя милая¹... ой, где моя мила...
 Милая проживат.

И вот, ну проживат-то...
 Там(ы)-то живёт-то, ой, там(ы)-то живёт...
 Живёт моя-то милая... милая.
 Там(ы)-то привольна... ой, там(ы)-то приво...
 Привольна, верно, сторона.

И вот, ну сторона-то... да...
 Там(ы)-то привольна... ой, там(ы)-то приво...
 Привольна, ишшо-то бурлива... бурлива розлива... ой...
 Розливалася-ли да вода.

Водичка, вот вода... да...
 С крутым-то бере... ой, с крутым-то бе... ой...
 Бережком(ы)-то волна.

И вот, верно, волна... да...
 Как(ы)-то на е... ой, на ету... ой, как-то на е... ой...
 На ету, бол(и)шую воду... эх, воду...
 Куп(ы)лю я лодку... ой, кушлю я ло... ой,
 Лодочку нову.

И вот, верно, нову... да...
 Сам(ы)-то я сяду... ой, сам(ы)-то я ся... ой...
 Сяду я в лодочку, поеду,
 Поеду, верно, перееду... ой, перееду...
 Я да за реку.

И вот-ну, за реку... да...
 Там(ы)-то с-по быстрой... там(ы)-то с-по бы... ой...
 С-по быстрой еси-то² терем.

И вот, верно, терем... да...
 Терем-от новой... ой, терем-от но... ой...
 Новой еси да высокой...
 Высокой со холодным³... ой, со холо... ой,
 Холодным, верно, со окном.

И вот-ну, со окном... да...
 Как(и)-то на етом... ой, как-то на е... ой...
 На етом было на крылечке, крылечке...
 Тут и бабы... ой, девки, вот ба... ой, бабы...
 Малы да все робята... робята прощаются... ой,
 Прощаются, верно, со всемя.

И вот-ну, со всемя... да...
 Вы только прощайте... ой, вы-то прощай... ой...
 Прощайте, девки, вы, бабы... вот бабы...
 Прощайте, малы... ой, прощайте, ма... ой,
 Малы да ребята... ребята...
 Нам(ы)-то теперя... ой, нам(ы)-то тепе... ой,
 Теперя дело не до вас.

И вот ну, не до вас... да...
 Из деревни... ой, во совда... ой...
 В совдаты везут нас.

И вот ну, везут нас... да...
 Из деревни... ой, из дере... ой, с деревни, мы то поедём... поедём,
 С горя мы песню... ой, с горя-то пе... ой...
 Песню за... ой, запоём⁴.

2а

Первое горё — муж Григорий,
 Первое горё, горё — Григорий,
 Второе горё — Петрован,

Второе горё, горё — Петрован.
 Надо бы дело расповедать,
 Надо бы дело, дело ведать,
 Где-то милая моя-то живёт,

Где-то милая,
 Ой, проживат да там-то живёт,
 Да там-то живёт
 Мое да милая, милая...
 Дальной стороне, стороне...
 Да там-то привольно (...)

<...> разливалась да вода, разливалась,
 Ой, разливалась речка, растекалась,
 Ой, вот ровна.
 Да я-то на этом...
 Да я-то на этом...
 Куплю я ло... куплю я ло... лодочку,
 [Сам]-то¹ я сяду и поеду,
 [Сам]-то я сяду, сяду,
 Перееду, еду за реку,
 Перееду,
 Ой, да за реку, там-то побыстро...
 Там-то побыстрою новой терем, терем,
 Терем-от новой и высокой,
 Терем-от новой, новой,
 Высокой, со холодным² было со-й окном,
 Со-й окном
 Да со прекроснам³ было со крыльцом,
 Со прекроснам со крыльцом.
 Да вы-то прощайте, девки, ну бабы,
 Вы-то прощайте, ну бабы,
 Прощай, малые да ребята,
 Прощай, малые ребята...
 <...> ой, [ми]лый⁴ хоровод.
 <...> ой, дело было не до вас,
 Не до вас.
 Да во солда... да во солда...
 Солдатушки да ведут нас.
 Ой, во солдатушки поедем, поедем,
 Снова песню, снова песню да нову запоём⁽⁵⁾.

2б

Первоё горе — муж да Григорий, Григорий... да...
 Второё горё, второё горё, горюшко — муж да Иван...

Ох, муж да ты, Ванька, да
 Третье-то горе, третье-то горе, горюшко — Петрован... ох...
 Муж Петруша, да я-то у тя — у Петеньки — одна,

У Петеньки одна.
 Да я-то, я-то ле одна, одна дочи да была.
 Я со батюшком, я у кормильца
 Моева да выросла.

И я бело лето выросла... ох...
 Да первоё горюшко, горё — вышла
 Замуж молода,

Вышла замуж я молода... да...
Второ горюшко, горё — пришла в семью немила,
Пришла я в семью-то вот немила.

Да третьё горюшко, горё — муж удала голова,
Мужик — удала голова
Да всё не дёржится не дома, не мене.

Мужик не домом-то, не мене... ох...
Да только держится муж, мужик, мужик
Чужую сторону, чужую сторону... ох...

Да чужая сторона... ой...
Да чужая мужьяния жена, чужая мужьяния жена... ой...

Да, как своему мужу жена, ой...
Польнь — горькая трава, польнь — горькая трава.
Ох, да как ему чужая-то жона
Да лебедушка белая.

2В

Первоё горё — горё...
Муж Григорий, мужика.
Второе горё, о-ой...
Второё горё, горё... Петрован.
Ой, да надо бы делать,
Дело роспроведать,
Проведать, где милая,
Ой, где-то милая моя прожива...
Ой, проживает.
Да там-то живёт жо, ой...
Там-то живет моя да милая,
Милая на привольно... ой,
На привольной дальней стороне.
Ой, стороне...
Да там-то привольно... ой,
Там-то привольно, вольно и бурлива разливала...
Ой, разливалась да вода.
Ой, вот вода да...
Разливала... ой, разливалась речка, ростегалась, (...) стегалась
Крутым бере... ой,
С крутым бережком да равна...
Ох, вот равна.
Да я-то на эту, ой,
Я-то на эту большую воду...
На воду куплю я лодо...
Ой, куплю лодочку да новенькую,
Новенькую.
Сам-то я сяду... ой,
Сам-то я сяду,
Сяду и поеду...

Поеду, перееду... ой,
 Перееду, ⟨...⟩ еду за реку.
 Ой, за реку...
 Да там-то по бо выстру... ой,
 Там-то повыструю новой терем,
 Ой, вот терем...
 Да терем-от ново... ой,
 Терем-от новой и высокой,
 Высокой со холодны... ой,
 Со холодным¹ было со окном,
 Ой, со окном,
 Да со прекрасным... ой,
 Со прекрасным было со крыльцом.

2Г

Перво горя...
 Ой, дак перво горя муж да Григорий.
 Второе горя...
 Дак второе горя муж да Иван.
 Да третье горя...
 Дак третье горя муж да Петрован,
 Ой, да Петька-Петрован.
 Ой, да наде¹ дело,
 Ой, наде-то дело было попроведать,
 Где моя любезная-то живет.
 Вот живет да на крутецкой-то² было на горе
 Да на привульну...³ дак на привельной³ стороне.
 Ой, стороне...
 Да меж крутыми-то было мяж⁴ горами,
 Да разливалась, да разливалася вода,
 Да с крутым бережком да ровна.
 Да так за эту... ой, да как за эту большую воду
 Купила лодку... ой, да купила лодку, да лодочку да новую.
 Там построю, да там построю новый дом
 Да со колодным... ой, да со колодным да окном,
 Ой, с окном, со парадным со крыльцом.

2Д

Перво горе — муж Григорий.
 Второ горе — муж Иван.
 Третье горе — Петрован.
 Надо дело распроведать.
 Распроведать, проведать, разознать,
 Где милая проживать.
 Там живет моя милая, размилая,
 На той там, на той-то стороне.
 Что на той-то, на той на сторонке
 Разливалась вешна-полая вода,
 Потопляя все болота и луга.
 На эту большую воду
 Куплю лодочку новеньку,

Новеньку. Сам я сяду и поеду за реку.
 Там за речкой за быстрюю,
 За речушкой за быстрой
 Я построю терем новый и высокой
 Со широким со двором
 Со холодным¹ со окном,
 Со прекрасеньким крыльцом.
 Как на этом на крылечке
 Стóят девки, стóят бабы,
 Стоят малые робята, стары старики.
 — Вы прощайте, девки-бабы,
 Нам тепере не до вас,
 Во солдаты везут нас
 Из деревни из большой.
 С горя ноженьки не носят
 Глаза на свет не глядят».

3

$\text{♩} = 46$

Ра-змо-ло-де-н(и)-ки-е то, ох да,
 ... (и) э,

вы мо-ло-дчи-(и)-ки, дру-ж(и)-ки да мо-и.
 ... (и)

Дру-жки да мо-и, ох да,

ва-ши ла-ско-вы-е, ой да,

ро - спи - я - тны - е ко се - рдцю, ай да, сло - ва.

Ой, вот сло - ва, сло - ве - чка.

без о - гня, то - л(и) - ко о - гня, о - го - нё - чка,

мо - ё се - рдцё, ой да, се - рдечко ро... ох, ро... ро - зо - жгло.

...се - рдцё ро - зо - жгло.

Размолоден(и)кие-то, ох, да вы молодчики,
Друж(и)ки да мои.

Дружки да мои... ох, да
Ваши ласковые, ой, да расприятные
Ко сердцю, ай, да слова...

Ой, вот слова-словечка...
Без огня, тол(и)ко огня-огонёчка моё сердцё, ой, да
Сердечко ро... ох, ро... розожгло.

Сердечко розожгли... ох, да
Всё без буйного-то, ой, да ветру-то
Мои мысли рознесли.

Вот рознесли... ох, да
Вдоль по чистым-то, ой, да по широким-то,
По широким по полям.

Ой, по полям... ох, да
По зелёным-то, ой, да по зелёным-то,
По зелёным по лугам.

Ой, вот лугами... ох, да
Кто жо, кто жо-то бы, ой, да со дороженьки
Дружки во... ой, воротил?

Ой, вот помог... ох, да
Кто жо, кто жо-то бы, ой, да со дороженьки
Дружки во... ой, воротил?

Ой, воротил... ох, да
Воротися-ко ты, ой, да оглянись-ко ты,
Мой любезный друг, назад!

Дружок, назад... ох, да
Наглядитесь-ко вы, ой, да насмотритесь-ко,
Очи ясные, в запас!

Вот в запас... ох, да
На весь целинкой-то, ой, да на весь крутленький,
Ох, на годичек-годов.

Вот годок... ой, да
Весь-от годичек-то, ой, да присидела-то я
У окошечка одна.

Вот одна... ой, да
Поронила-то я, ох, да слёзы горькие,
Ох, ронила за окно.

За окно... ох, да
Проглядела-то я, ой, да в чисто полюшко,
За лес да... ай, далеко.

Далеко... ох, да
Всё бранила-то я, ой, да все журила-то
Чужу-дальню сторону.

Сторону... ох, да
Ох, ты злая-то, зла, ой, да ты сторонущка,
Чужа-дальня сторона!

Сторона... ох, да
Разлучила-то ты, ой, да розвела ли ты
С отцём, с матушкой девушку меня!

За

Размолоденькие... да... вы молодчики,
вы друзья... да... мои... ой...

Вы-то друзья ли мои... да... восприятели
ко сердцу да слова... ой... вот-то без ветру-погоды да...
Мои мысльчи-мысли рознеслись... ой...

Рознеслись мои мысли... да...
Вдоль по чистеньким по чистым... да...
Полям... ой...
Што-то во том чистом поли... да...
Стоит горенка да нова... ой...
Што она нова ли нова... да... три колодные колодны...
Да окна... ой...
Што-то во той новой горенке сидит девушка да(й)... одна...
ой...
Што она сидела, чесала... да... буйну голову...
Головушку в три гребня... ой...
Што она вплетела... да...
Алу ленту в три... да... рубля... ой...
Што она сидела, смотрела...
Да в чужудальную дальну сторону... ой...
Што она бранила-журила...
Да чужудальную дальну... сторону... ой...
Ты-то, злодейка-готарка...
Да чужудальная, дальна сторона... ой...
Во-первых, розлучила с родной маменькой да отчом... ой...
Во-вторых, розлучила... да...
С родным братиком...
Братом и да сестрой... ой...
Во-последних-то, розлучила с миленьким...
Милым-то дружкой.

Зб

Размолоденькие наши же молодчики,
Дружки мои,
Да наши ласковые восприятны,
Ох, сердечку да слова,
Ой, вот слова...
Да уж и кто жо бы, хто
Моему-ту горю,
Ой, горюшку мою да спомог,
Ой, вот-то спомог...
Да всё спомог горю, подсобил
Дружка-то с дорожки,
Ой, дружка назад воротил.
Ой, да воротися-ко да оглянися,
Друг-то любезный,
Ой, дружечка миленькой, да назад,
Ай, вот назад...

Да я сидела ли, сидела
 Да в новой-то горе... ой, горенке я одна,
 Ой, вот одна...
 Да-й у погодного¹ у окна,
 Ай, у окна...
 Да я смотрела ли, глела
 Да в чужую дальну... ой, дальну чужую сторону,
 Ой, вот сторону...
 Да ты, злодейка,
 Зла-то чужая... ой, чужая дальняя сторона,
 Ой, сторона...
 Да разлучила, не развела,
 О-ой, да с милым друже... ой,
 Дружечку девка да меня.

ЗВ

Ой, размолоденькие да вы-то молодчики,
 Все дружки вы мои,
 Ваши ласковые да воспристливые¹
 Все золоты да слова.
 Ой, без огня-то, без огня
 Да мое сердце... ой, сердцико
 Как без ветру да без погоды
 Мои мысли, ой, мысли да рознесли.
 Рознесли-то мысли да вдоль-то
 По чистым, ой, чистым да полям,
 Вдоль по полюшкам, по полям
 Да по зеленым, ой, зеленым лужкам.
 Ой, на зелененьком на лужке
 Стоит горенка, ой, горенка да одна.
 Она одним-то одна
 Да три-те холодные, ой, новые окна.
 Ой, у окошечка у окна
 Да вет сидит девушка, ой, девушка одна.
 Она сидела, чесала русы косы,
 Ой, кудри русы, ой, кудри да, ой, волоса.
 Она журила, бранила
 Чужу-дальну, ой, дальну сторону:
 «Ой, ты злодейка-то, лиходейка,
 Ой, чужа-дальна, ой, дальна сторона.
 Ой, во первый [-то раз] ты нас разлучила,
 Ты миня с мамой, ой, с матушкой да старушкой.
 Ой, во второй-то раз разлучила
 Меня, ой, меня с братиком,
 Ой, с братишком да сестрой.
 Во третий-то раз разлучила
 Меня, ой, меня с миленьким,
 Ой, с миленьким да дружкой.
 Ой, еще кто бы, кто-то да мою² горю,
 Ой, горюшку да помог
 Да с дорожки дружка бы да воротил».

3Г

Размолоденькие наши молодчики, дружки мои,
 Ваши ласковые восприятные сердчику слова.
 Без огня то ли, огня мое сердчко разожгли,
 Без ветру ли без погоды мою думушку разнесли.
 Разнесли то ли, несли вдоль по чистым,
 Чистеньким полям.
 Вдоль по чистеньки... чистым полям,
 По шелковым по травам,
 По лазоревым цветам.
 Я сидела ли, сидела в новой горнице одна
 У ршесчатого, ршесчатого нового окна.
 Я лежала ли, лежала белой грудью на окне.
 Я смотрела в чисто поле, за лес, далеко.
 Я журила ли, бранила чужу дальнюю,
 Чужую стороню:
 «Ты злодейка и злодейка, дальна чужая сторона,
 Разлучила, развела да с отцом-матерью меня.
 Во-вторых-то, разлучила с рóдным братцем и сестрой.
 Во-третьих-то, разлучила с дружкой миленьким меня».

4

$\text{♩} = 40$

Из-за ле - су - ту, бы - ло, ле - су - тё... ох, ле - су - тё - мно - го, эх,
 и... из - за са - ди - ци - ку, са - ду зе - лё... ох, вот зе - лё - но - го.
 Из - за са - ди - ку, са - ду зе - лё... ох, вот зе - лё - но - го, да
 по - ды - ма - ла - ся ту - ченька гро... ох, туча гро... ох, грозна - я.

Из-за лесу-ту, было, лесу-тё... ох, лесу-тё... ох, темного, эх,
 И... из-за садиц(и)ку, саду зелё... ох, вот зелёного...

Из-за садику, саду зелё... ох, вот зелёного, да
 Сподымалася тученька гро... ох, туча гро... ох, грозная...

Сподымалася тученька гро... ох, туча гро... ох, грозная, да
 Тученька-то гро... ой, грозная да устраще... устращённая.

Ай, тученька-то гро... ой, грозная да устращённая, да
 Со громами-то туча, со моро... ох, да со моро... со морозами.

Со громами-то туча, со моро... ох, со моро... со морозами, да
Со буйными-то туча ветеро... ох, ветеро... ветерочками.

Со буйными-то туча ветеро... ох, ветерочками, да
Со поздними-то туча вечеро... ох, вечеро... вечерочками.

Со поздними-то туча вечеро... ох, вечерочками, да-к
На ту пору-то, на то вре... ох, на то вре... ох, времечко,

На ту пору-то, ой, на тоё вре... ох, на то вре... ох, времечко, да
Уезжала-то дочь... ох, дочь от ма... ох, дочь от ма... дочь от матери.

Уезжала-то доченька от ма... ох, от ма... да от матери, дак
Уезжала она, не... ой, не прости... ох, не прости... да не простилася.

Уезжала она, не... ой, не прости... да не прости... не простилася, дак
Не простилась-то да и россерди... ох, россерди... россердилася.

Не простилася-то да россерди... ох, россерди... россердилася, да
Середь лесу-то кони станови... ох, станови... да становилися.

Середь лесу-то кони станови... ох, станови... да становилися, дак
Середь лесу-то было, лесу тём... ох, лесу тём... ох, тёмного.

Середь лесу-ту было, лесу-тём... ох, лесу тём... ох, и тёмного, да
Середь садич(и)ку, саду зелё... ох... вот зелёного.

Середь садику, саду зелё... ох, вот зелёного, да
Во саду-ту гулял... гулял соло... да соло... ох, вот соловьюшко.

Во саду-ту гулял... гулял соло... да соло... ох, вот соловьюшко,
Соловёюшко-то да вольна пти... вольна пти... ох, вольна пташечка.

Соловёюшко, ты вольна пта... вольна пта... ох, вольна пташечка,
Отнеси-ко поклон-от, поклон ма... поклон ма... ох, поклон матушке.

5

$\text{♩} = 104$
 Э-ко се-рце, бе-дно-ё мо-ё - (о), ой да,
 по... по-лно се - (э) - рчи - ку, ох, ой,
 ай, во мне ны - ти, зло - е, и - зны-вать.

Вот зло(й)... да злоё, и зны-ва-(о)...

ой, да-к(ы) мо... (о) - е - му то се-рде...

ой да, знать, спо - ко... ой, спо - ко - я не ви-дать.

Знать, спо - ко(й)... спо - ко - ю не ви-да-(о)...

ой, да - к(ы) при спо - ко - ю, эй да, ста...

ой да, стал я, ма... а - й да, ма - лчи - шка, не здо-ров.

Стал ма - лчи... ма - лчи - шка не здо-ро...

ой, да пе - чёт, бо - лит - то, шу - мит

е - во бу - йна... ай, бу - й - на - я го - ло - ва.

Эко сердце, бедной моё, ой, да
 По... полно сердчику ох, ой, ай, во мне ныти, злоё, изнывать.
 Вот зло(й)... да злоё, изныва[ть], ой, дак(ы)
 Моему-то сердце... ой, да, знать, споко... ой, спокойя не видать.
 Знать, споко(й)... спокою не вида[ть], ой, дак(ы)
 При спокойю, эй, да ста... ой, да стал я, ма... ай, да мальчишка, нездоров.
 Стал мальчи... мальчишка нездоров[в], ой, да
 Печёт-болит-то, шумит ево буйна... ай, буйная голова.
 Всё шумит буйная голова, ох, да
 Не глядят жа да на свет ево печа... ой, печальные глаза.
 Ево весё... ой, весёлые глаза, ой, дак
 Всё не видят-то с не... ой, да с неба со... ой, с неба солнечных лучей.
 С неба со(й)... да солнечных луче[й], ой, дак
 Не с лучей-то, лучей да подыма(й)... подымается туман.

Подыма... дымается тума[н], ой, дак
 Из туманчика да, ой, да частой-ме... ой, да частой-мелкой дождь идёт.
 Частой-ме... мелкой дождь идё[т], ой, да всё
 Дождик бил да мочил... да всю шелко... ой, всю шелковую траву.
 Всю шелко... шелковую траву, ой, дак
 Не берёт жа, ой, да са... ой, да сама во... ой, да вострая коса.
 Сама во(й)... да вострая коса, ой, да
 Траву косила кра... ой, да красна де... красна девушка-душа.

6

Кра - си - ва я де-вуш-кой бы-ла, ой,
 при-лу-чай - ко дру-жка, ой, дру-жка ко бе - ло - му, ой, ли-цу.
 Ко бе - ло-му-то ли-цо, ой,
 ко бе-ло - му ли-цо, ой, ли-цо, ко че - рным, бы-ло, ко бро-вям.
 Ко че - рне-нь-ким, бы-ло, бро-вям, ой,
 бро-ви че - рны - е, ро... о-х(ы), ро-звес-се - лы - е мо-и гла-за.

Красива я девушкой была, ой,
 Прилучай-ко дружка, ой, дружка ко белому, ой, лицу.

Ко белому-то лицу, ой,
 Ко белому лицу, ой, лицу, ко чёрным было ко бровям.

Ко чёрненьким было бровям, ой,
 Брови чёрные, ро... ох, розвесёлые мои глаза.

Розвесёленькие мои глаза, ой,¹
 То кудёрышки до самово до конца².

До самово до конца, ой,
 До самово конца, ай, везут солдаты-то молодца.

Солдатушки ведут молодца, ой,
Вот солдатушки-робята, ой, житьё было не мудро(й).

Житьё только было не мудро(й),
Всё сухарь да вода, ой, да вся солдатская была еда.

Солдатская была еда, ох,
Я-то у тятеньки, (й)у мамушки одна дочь только была.

Одна-то только выросла,
У кормилицы, у батька двадцать три я годика жила.

Двадцать три я годика жила, ой,
Двадцать три года жила, ой, да три я горя, горя нажила.

Три я горя-то, горя нажила, ой,
Перво горюшко, горе — вышла в замуж шибко молода.

Выходила я шибко молода, ой,
Второ горюшко, ой, да — пришла в семью, в семью нелюба́.

В семейку-ту была нелюба, ой,
Третье горюшко, горё — удала ево голова.

Удалая-та ево голова, ой,
Он не дёржится, муж, ой, да он не дому, было, не жоны.

Ни домику, ой, не жоны, ой,
Только дёржится, ой, да чужой дальней было стороны

Чужой, дальней стороны, ой,
Как своя-то жонá — полынь го... ой, полынь-горькая была трава.

Полынь-горька трава, ой,
Полынь-горькая трава, ой, во болоте, во болоте стояла.

Во болоте стояла, ой,
Во болоте-то было, при воде, ой, при осоке, при траве.

ба

$\text{♩} = 132$

Кра - си - ва я де - вуш - ко. И бы - ла, ой,
при - лу - ция - ко дру - жка. ой, дру - жка ко бе - ло - му, бы - ло, ли - цю.
Ко бе - ло - му, бы - ло, ли - цю, ой,

ко бе - ло - му ли - цю, ой, ли - цю, ко че - (о) - рным ко бро - вям.

Ко це - рне - нким мо - им бро - вям, ой,

бро - ви це - рные, ко - сы ру - сы, ро - зве - сё - лы - е мо - и гла - за.

Красива я девушкой была, ой,
Прилуцйя-ко дружка, ой, дружка ко белому, было, лицу.

Ко белому, было, лицу, ой,
Ко белому лицу, ой, лицу, ко чёрным ко бровям.

Ко чёрненьким моим бровям, ой,
Брови чёрные, косы русы, розвесёлые мои глаза.

Розвесёленьки мои глаза, ой,
У молодчика кудри, накладные Вани волоса.¹

Накладные были волоса, ой,
Завито кудёрышко до савово было конца².

До савово было конца, ой,
До савово конца, вязут в солдаты, было, молодца.

Во солдатушки, да робята, очень житьё-то,
Вот житьё-то ведь было немудро.

Житьё-то ведь было немудро,
Есть сухарь да вода, вода солдатская была еда.

Солдатская была еда, ой,
Я-то у тятеньки да у маменьки(й) одна доцька была.

Одна я-то только выросла, ой,
(Й)У корминья да у батька двадцать три года, года жила.

Двадцать три я-то годика жила, ой,
Двадцать три года жила да три я горя, горя нажила.

Три я-то горяшка, горя нажила, ой,
Перво горяшко, горё — вышла замуж шибко молода.

(И) Выходила-то шибко молода, ой,
Второ горяшко, горё — пришла в семью, семью нелюба.

В семейку-ту пришла нелюба, ой,
Третье горяшко, горё — муж, удала ево голова.

Удалая-то ево голова, ой,
Она-то не дёржится, ой да, муж ни дому, было, ни жоны.

Не дому-ту, было, не жоны, ой,
Только дёржится, ой, да чужой дальное, было, жоны.

Чужой дальное только жоны, ой,
Чужой дальное жоны да чужой дальной, было, стороны.

7

$\text{♩} = 88$

О - гле - та - ёт мой да со - ко...
...ёт мой

мой - то со - ко - лик и... эх, из о - чей...

из о - чей мо и - их да из глаз.

Ой, да всё из глаз...
ой, да

ох, лак у... ой, у - е - зжа...

у - е - жа - ёт мой - то лю - бе...

мой - то лю - бе - зной жи... жить во да...
жить...

жить во да - льной го... ой, го - ро - док.

У - е - хал в го - ро - док...
...е - хал

ох, да я - то не ма...

я - то не ма - ло слёз ох, то ро - ни...
ох,

слёз - то ро - ни - ла с-по... с-по го - лу...

с-по го - лу - бчи - ке да по сво - ём.

Отлетает мой да соко... мой-то соколик
И... эх, из очей... из очей моих да из глаз.

Ой, да всё из глаз...

Ох, дак у... ой, уезжа... уезжает мой-то любе... мой-то любезной
Жи... жить во да... жить во дальней го... ой, городок.

Уехал в городок...

Ох, да я-то нема... я-то немало слёз-то рони... слёз-то ронила
С-по... с-по голу... с-по голубчике да по своём.

Своём...

Да злы... злы сусе... эх, злы соседи про... ой, про нас су... про нас судят,
Не... эх, не сове... эх, не советуют Сашу любить.

7а

♩ = 88

О - тле - та - ет мо - (ой) да со - ко - лик,
мой со - ко - лик и... ох, из о - чей,
ох, о - чей мо - их, эх да, из глаз.
Ох, как вот из глаз,
ой да, у... (ох), ох, у - е - жа - ет,

у - е - жа - ет мо - (ой да лю - бе - зной,
 мой лю - бе - зной в и... ох, ви - ной, да - льней,
 ви - ной, да - льней, ой да, го - ро - док.
 Ох, как в го - ро - до...
 ой да, ви... да ви - ной, да - льней,
 ви - ной, да - льной, не... эх, в не - зна - ко - мой,
 в не - зна - ко - (о) - мой, сла... ой, сла - вной го - род,
 сла - вной го - род Ле... ой да, Ле - ни - нград.

Отлетает мой да соколик, мой соколик
 И... ох, из очей, ох, очей моих, эх, да из глаз.

Ох, как вот из глаз, ой, да
 У... ох, уезжает, уезжает мой да любезной, мой любезной
 В и... ох, в иной дальней, в иной дальней ой, да городок.

Ох, как в городо... ой, да
 В и... да в иной дальней, в иной дальней, не... эх,
 в незнакомой, в незнакомой,
 Сла... ой, славной город, славной город Ле... ой, да Ленинград.

Ох, дак в Ленинград, ой, да
 Я... я-то немало, я немало слёз с(о)ронила, слёз сронила
 С-по... ой, с-по молодчике, дружке своём.

Ой, как с-по своём, да
 Злы-то суседи, злы соседи, ой, да о нас судят, о нас судят,
 Не... ох, не суже... не советуют Сашу любить.

Ой, Сашу любить, ой, да
 Ве... ох, велят Са... ой, велят Сашеньку да милова, вот милова,
 ох,
 Велят бросить, велят бросить, по... да позабыть.

Ой, Сашу забыть, ой, да
 Я... ох, я тогда, я тогда Сашу, ой, да забуду, позабуду,
 Ко... ой, когда скро... ой, скроются мои глаза.

76

$\text{♩} = 72$

Да о... ой, отле - та - ет мой да, со - ко - лик
 ско - л(и)-то да - лё - ко эх - (и) да, вы - со - ко
 и... ох, из о - чей мо - их да из глаз...
 Да о... ой, отъез - жает друг - ли да лю - бе - зной
 в да - льней - то... в да - льней го... ох, го - ро - док.

Да о... ой, отлетает мой да соколик,
 Скол(и)-то далёко, эх, (и) да высоко
 И... ох, из очей моих да из глаз.

Да о... ой, отъезжает друг ли да любезной
 В дальней-то... в дальней го... ох, городок.

Ох, в дальней... в дальней не... ох, незнакомый
 Славный-то город Пе... ох, Петроград.

Да я... ох, я немало слёз-то да ронила
 С-по... с-по тебе, голу... ой, голубчик мой.

Да во... ой, во слезах-то дру... я дружка просила:
 — Хошь... хошь немножко по... да поживём!

— Да мне... ох, мне нельзя-то, не... ох, невозможно,
 Не... нельзя, душечка, с тобой побыть.

Да во... ох, возле двор-то су... суседки злые,
Про... про нас судят, го... ох, говорят.

Да про... ой, про нас судят, го... ох, говорят,
Не... не советуют Сашу любить.

Да ве... ой, велят Сашоньку-то да милую,
Ве... велят бросить, по... ох, позабыть.

Да я... ох, я тогда её... её забуду,
Когда на свите не... ох, не буду жить.

Да ко... ой, когда жить на свите-ти не буду,
Когда... когда скроются мои глаза.

Да ко... ой, когда скроют... ох, призакроют
То... тонким-белым по... ох, полотном.

Да при... ой, призасыплют о... ох, очи ясны
С горсть, с горсть жёлтым-мелким, ох, да песком.

Да за... ох, заростай, моя... моя могилка,
Вся... вся травую му... ох, муравой!

Да вся... ой, вся травой му... ох, муравую,
Ме... мелкой рошшей зе... зеленой!

Да я... ох, я на ету на... ох, на могилку
Сер... сер камешек на... ох, накачу.

Да сер... сер камешек на... ох, накачу,
На... на камешке ро... ох, роспишу:

«Да у... ох, уж вы кумушки, мои подружки,
Не... не живите, ох, как я жила!

Да не... ох, не любите ни... ох, никого,
Кро... кроме дружка сво... ох, своего!

Да кро... ох, кроме дружка И... ох, Иванушка».
<...>

7в

Отлетает мой соколик
Из очей, из очей моих да из глаз.

Вот из глаз да...
[В] город да Петербург.

В Петербург, да
Я-то немало, я-то немало слёз роня... слёз роняла
По голу... по голубчике Саше своем.

Своём, да
Злы суседе про... про нас судя... про нас судят,
Не велят, не велят Сашу, Сашу любить.

Вот любить...
Велят бро... велят бросить да по... позабыть.

Позабыть, дак
Я-то тогда Сашу, Сашу мило... милого позабуду, позабуду,
Когда скро... когда скроются мои глаза.

О[x] глаза, да
При... приакрываю те... тело бело молодое
Муровой густой да тровой.

7Г

Отлетает мой-от ли сокол... ой, да соколик
Э-эй, да из очей, из очей моих, сокол, из глаз,
Из глаз...
Да ох, да уезжа... уезжает
Мой-от ли любезной,
Мой да любезной вольной-от да...
Вольной дальней го... ой, да городок,
Ох, уж городок...
Ох, да вольной-от да... ой, вольной
Дальней не... о-ой, да незнакомой,
Незнакомой славной-от го...
Ой, славный город Пе... ой, да Петенбург,
Ох, уж Петенбург...
Да я только нема... я немало
Слёзонец ронила,
Слёз ронила спо... о-ой, да с-по голу...
С-по голубчике дружке своём,
Ох, уж вот своём...
Да ой, да во слезах, во слезах
Дружка-то я просила, вот просила
Хоть-то немно... хоть немножко
По... о-ой, да поживём,
Ох, уж поживём...
Да хоть-то немно... хоть немножечко с тобой,
Маленько, вот маленько
О-ох жо, один круг... один кругленький с тобой годок.

7Д

Отлетает мой-то соколик
Из моих очей, из глаз.
Из моих очей, из глаз,
Из моих глаз...
Я-то не...
Отъезжает-то мой да дорогой,
Уезжал дорогой.

Да я только немало слёз роняла
 С-по голубчике Саши своем,
 Своем да...
 Мой-то любящий
 Уехал в городок.
 Я только немало слёз ронила
 С-по голубчике Саше моем.

7е

Отлетает мой соколик из очей-то меня¹, из глаз.
 Я немало слёз ронила по голубчике-дружке.
 Во слезах-то его просила:
 — Хоть немножко с тобой поживем.
 Хоть немножечко с тобой, маленько —
 Один кругленький целый годок.
 — Но нельзя, то нельзя, радость, не можно,
 Нельзя, душечка — радость моя!
 — Как на нашей на сторонке злы суседи
 Про нас судят-говорят,
 Не советуют дружка любить.
 Велят Сашеньку, Сашу милого
 Велят бросить-позабыть.
 Я тогда его позабуду, живая на свете не буду,
 Когда закроются мои глаза,
 И призакроют тело бело-тонким белым полотном,
 Призастилают очи ясны с гор желтым мелким песком.
 Заростай, моя могилка, травой-муравой.
 Я на эту на могилку сер-камёшек положу
 И на камешке три словечка высеку.
 Всем я кумушкам-подружкам, всем слова расскажу:
 «Ох, вы, кумушки-подружки, не живите,
 Как я жила,
 Не любите чужих мужиков».

8

♩ = 86

Го-ре-го-рька-е да ку-ку-шка,
 вот ку-ку-шка да по-за-ре, ой,
 по-за-ре ра-на о-на ле-та-ла.

Вот ле - та - ла да, всё ле - та... ой,
всё ле - та - ла о - на, го - ре - ва - ла.
Го - ре - ва - ла да, сво - е - во, о - й,
сво - е - во дру - жка о - на и - ска - ла.

Горе-горькае да кукушка, вот кукушка да
По заре, ой, по заре рано она летала.

Вот летала, да
Всё лета... ой, всё летала она, горевала.

Горевала, да
Своево, ой, своево дружка она искала.

Вот искала да (й)
Нашла дру... ой, нашла дружка себе ненадолго.

Ненадо... ох, да
Мало вре... ой, мало время дружка, на денёчик.

8а

Во сыром да бору кокушечка кокует,
О-ой, да кокует, вот да кокует,
Вот горюет.
Ой, кокует, всё кокует да горюет.
О-ой, да не ясен сокол да с тепла...
Не ясён сокол да с тепла
Гнёзда слетает.
Гнёзда слетает.
А-ой, да добрый молодец,
Добрый молодец
Да с квартиры да поезжает.
Да с квартиры да поезжает.
О-ой-да, не отец его да не мати провожает,
Не отец его да не мати провожает,
Э-ой, да провожает, снаряжает красная девка,
Провожает, снаряжает красная девка.
Э-ой, да красна девка,
Красная девка Катерина.

86

Горе-горькая кокушка
Да с-по-й-утру рано летала.
И с-по-й-утру рано летала,
О-ой, всё летала, кой... коковала.
Да ой, себе милого искала,
Себе милого искала.
О-ой, нашла дружка не... ненадолго,
Да на один только денёчик.
На один только денёчик
И да горченькой, горькой часочек.
Горченькой, горькой часочек.
И утром-то рано-рано на рассвете
Дак и во поход пошли солдаты.
Во поход пошли солдаты,
О-ой, они шли-пошли, остановились
Да тяжелёничько вздохнули.
Тяжелёничько вздохнули...
Э-ой, тяжело они вздохнули,
Дак домички воспомянули.
И домички воспомянули...
О-ой, остаются най... наши дома
Да и молодые наши жёны.
Молодые наши жёны
Да и маленькие наши дети.
Маленькие наши дети...
О-ой, тут пришлось, пришлось солдатику
Да и с горюшка, о-ой, да померети.
С горюшка да померети...
О-ой, уж мы сложим, сложим по часочичу
Да и выроём ему могилу.
Выроём ему могилу...
О-ой, ищо выроём ему могилу,
Да ле, и сделаем ему гробницу.
Сделаем ему гробницу...
О-ой, коня-то везут, те... тело везут,
Да и молодая жона плачет.
Молодая жона плачет...
О-ой, горько плачет...
Конь копытом землю роет,
Головку к земле клонит.
Молодая жона плачет:
«Ты останься, конь вороньй,
Для моёго-то для дому,
Для моёго-то для дому,
Для моих для малых деток.
Для моих для малых деток,
Для горюченьких горьких сироток».

8в

Горе-горькая наша кукушка
 По заре рано летала.
 Летала она да горевала,
 Своего дружка искала.
 Нашла дружка себе ненадолго,
 Ненадолга дружка — на часóчик,
 Мало времячко — время на денёчик.
 «Ох ты, сад ли мой, садочик!
 Сад зеленый, садик с виноградьем,
 С виноградьем садик ненаглядный.
 Во саду девки гуляли.
 С ног башмачки они потеряли (истоптали),
 С головы платки теряли.
 Пойду с горюшка на речку,
 Посмотрю на белу-быстру.
 Што не тянет ли погода?
 Не плавут ли с верху лодки?
 Плывут лодки, лодки не простые.
 Не простые лодки — лодки со гребцами,
 Удалыми молодцами.
 На молóдцах черные шляпы,
 Черны шляпы, шляпы пухóвые,
 На шляпах-то ленты голубые,
 На лентáх-то цветики алые.
 Подымалася да погода
 Да погодúшка не малая, ой, да немалая...
 Ничего в волнах не видно¹,
 Одни шляпоньки чернеют.
 Алы цветики алеют,
 Паруса одни белеют.

8г

Чуть зорюшка занялась,
 Во поход пошли солдаты.
 Чуть фуражки видно.
 Они шли, остановились,
 Тяжело вздохнули,
 Дома вспомянули.
 Остаются наши вдовы,
 Жёны молодые,
 Малые ребята,
 Горькие сироты.
 Остается конь вороной
 В золотой запряжке.
 Конь к земле голову клонит,
 Копытом землю роет.
 Помер, помер наш солдатик
 Поутру раненько.

8д

Крысна девка да красная девка Катерина,
 Э-эй-ой, да Катерина, Катерина.
 Катерина, Катерина,
 Катя-сиротина,
 Катя-сиротина.
 Э-эй-ой, да кабы мне-ка, молоденькой, прежняя воля,
 Кабы мне-ка, молоденькой, прежняя воля,
 Э-эй-ой, да прежняя воля, прежняя воля,
 Прежняя воля, прежняя воля —
 Сизые крылья, сизые крылья.
 О-ой-ох, сизы крылья, сизые крылья,
 Сизы крылья, сизые крылья —
 Златые перья, златые перья,
 Э-эй-ой, да поднялась бы я, молоденька, полетела.
 Поднялась бы я, молоденька, полетела.
 Э-эй-ой, да полетела, полетела,
 Полетела, полетела,
 Высоко взлетела.
 Высоко взлетела,
 О-ой-ой, да высоко уж я улетела.
 Выше Питера, выше Москвы.
 Несчастливой пался вылет мой.
 Да шёл навстречу милой мой.
 Шёл навстречу издалёка,
 Поздоровался со мной.

9

$\bullet = 88$

Вы про - шла - й те - ко де.в(ы).ки-то, ба - бы да, ба - бы да,
 на-м-то те-пе - ре, ой да,
 эй да, нам те-пе - ре бы-ло не до вас.
 Ох, не до вас да, да-к(ы)
 во-солда - ты, ох,

ой да, во со-лда - ты - те, бы-ло, ве-зут нас.

Ох, нас да-к(ы),

во со-лда - ты, ой,

ой да, во со-лда - ту-шки - то по - и дём да,

с го - ря пе - сню, ой,

ой да, с го-ря пе... пе - сню-ту за... за - по - ём.

Вы прошайте-ко, девки-то, бабы, да бабы, да
 Нам-то тепере, ой, да, эй, да нам тепере было не до вас.

Ох, не до вас, да дак(ы)
 Во солдаты, ох, ой, да во солдаты-те, было, везут нас.

Ох, нас дак(ы) во солдаты, ой, ой, да во солдатухи-то пойдём да
 С горя песню, ой, ой, да с горя пе... песню-ту за... запоём.

10

[Я вечер дру] - жка, ой, о.х(ы) да ми - ло... ой, вот да ми - ло - во

(й)у... ох, я у - ни - ма - ла но - (э)... ой да, но - че - вать.

Но - че - вать да,
 лю - бе...

ты - то но - чуй, ты - то но-чуй дру - жок да, ты да лю - бе... и вот да лю-бе - зной,

но... эх да, ночуй но... ой но - чуй но - чку у... ой да, у ме - ня.

У ме - ня да,

я - то ра - дё... ох, я - то ра - дё - (о)ше - нёк, ох(ы) да(й) о - ста... ай, вот - то о - ста - ться,

бо... ох да, боюсь, до... ох(ы) бо - юсь, до - льше - то, ой да, я про - сплю.

Про - сплю да,

ты (э) - то не бо - йся, да не бо - йся, дру - жка да лю - бе... ой, друг да лю - бе - зной,

до... ох, я до зо - рю... ой, до зо - рю - шки ро... ой да, ро - збу - жу.

[Я вечер дру]жка, ой, ох, да мило... ой, вот да милов
(й)У... ох, я унимала но... ой, да ночевать.

Ночевать да...

— Ты-то ночуй, ты-то ночуй, дружок да ты да любе...

(и) вот да любезной,

Но... эх, да ночуй но... ой, ночуй ночку у... ой, да у меня.

У меня да...

— Я-то радё... ох, я-то радёшенёк, ох, да(й) оста... ай, вот-то остаться,

Бо... ох, да боюсь, до... ох, боюсь, дольше-то, ой, да я просплю.

Просплю да...

— Ты-то не бойся, да не бойся, дружка да любе... ой, друг да любезной,

До... ох, я до зорю... ой, до зорюшки ро... ой, да розбужу.

10а

Я-то не верила девкам-подружкам,
Да почему-то милого дружка жаль.

Почему-то мне миленького, миленького
 Жаль мила дружка.
 Я-то тепере... теперече поверю,
 Да себе дружка милого нажила,
 Себе дружка милого нажила.
 А-ой, я-то нигде, нигде дружка ми... не вижу его,
 Да не в доминушке его, не в лужках,
 Не в доминушках его, не в лужках.
 О-ой, только я видела дружка милого
 Да во беседе-то дружка веселой,
 Во беседе-то дружка веселой.
 Я-то... веселая да беседа...
 Да звала дружка милого ночевать,
 Унимала милого ночевать:
 — Ты-то ночуй, ночуй ты, любезной,
 Да могут¹ ноченьку, милой, милой, у меня,
 Могут ноченьку, милой, у меня.
 — А-ой, я-то бы рад-раздешенёк остаться,
 Да боюсь, до свету, ми... ой, милая, просплю.
 Боюсь, до свету, милая, просплю.
 — Ой, ты-то не бойсь, не бойсь же ты, любезной,
 Да утром раненько разбуду.
 Утром раненько разбуду,
 О-ой, я-то далёко-далёко провожу-то,
 Я далёко-далёко провожу.
 Я до тех пор провожала,
 Где скончалася любовь.

106

Я не верила своим подружкам,
 Что милого дружка жаль.
 Я-то теперачи да им поверю,
 Себе дружку милого нажила.
 Я-то нигде дружка не вижу,
 Ни в долинах, ни в лужках.
 Уж я вижу-то дружка милого
 Во беседе веселой.
 Я звала милого со беседы:
 — Проводи меня да домой.
 Ты ночуй, останься, мой любезный,
 Ночуй ночку, ой, да у меня.
 — Я радешенька¹ да бы остаться,
 Да боюсь, до света с тобой просплю.
 — Ты не бойся, мой да любезный,
 Утром рано-ранешенько разбуду,
 Утром рано-рано, до зорюшки,
 Миленькой, далёко провожу.
 Я до тех пор было провожала,
 Где кончалася с миленьким любовь,
 Где кончалася, с милым... расставалася,

Слезно плакала с-по нем.
 Слезно плакала да рыдала,
 Со слез речка протекла.
 Протекла речка да Казанка,
 Не широка — глубока, камениста да быстра,
 Много судеб провела.

10В

Я не верила, девка, подружкам,¹
 Почему-то милого мне-ка жаль.
 Я нигде дружка не вижу,
 Не в долинушках дружка, не в лужках.
 Чула я, видела милого во беседе веселой.
 Со веселья-то беседы звала дружка ночевать.
 — Ты ночуй, ночуй, дружок любезный,
 Ночуй ноченьку, милый, у меня!
 — Я радёшенек с тобой остаться,
 боюсь — до свету проспю.
 — Ты не бойся, не бойся, дружок любезный,
 Утром рано-раненько разбужу.
 Утром рано-рано до зарюшки,
 Миленький, далеко провожу!
 До тех пор его провожала,
 Где скончалася с миленьким любовь.
 Где скончалася — с милым расставалася,
 Слезно плакала по нем.
 Слезно плакала девушка, рыдала,
 Из слез горьких речка протекла.
 Протекла речка Казанка, не широка, а глубока,
 Не широка речушка, глубока.
 Бережками она крутая,
 Бережочками она крутенька,
 Перевозу за ней нет.
 Хошь есть, да не здёся,
 На той, там, на той стороне.
 На той, на той на сторонке
 Перевозчик парень молодой.
 По-край речушки девка стояла,
 Руки к сердцу прижала.
 Прижала ручки к сердечку,
 Пала белой грудью на воду.
 На воде речь говорила:
 — От тебя-то, злодей, тону.
 От тебя ли, от себя, от [злодея] своя.
 — Не спотонешь, красна девка,
 Лебедь белая моя!
 Уж ежели потонешь, я другую полюблю.
 — Другую молодую, не чем лучше меня.
 — Только тем она получше —
 Телом белым понежня.

11

$\text{♩} = 84$

По - ля чи - сто - я, ту - ре - цко - я,
 Э - ой, мы ко - г(ы) - да по - ля про - йдём,
 Э - ой, ко - г(ы) - да чи - сто - я про - ка - ти - мя?
 Э - ой, все бу - г(ы) - ры, бу - гры ва - ши, до - ро - же - ныки,
 Э - ой, все ме - ста, ме - ста сла - вны, пре - кра - сны - е...

Поле чистая турецкая,
 Э-ой, мы когда поля пройдем,
 Э-ой, когда чистая прокатимся?
 Э-ой, все бугры, бугры ваши, дороженьки,
 Э-ой, все места, места славны, прекрасные.
 Э-ой, злые турки, турки напивались,
 Э-ой, во хмелюшках, право, похвалялися:
 Э-ой, граф Пашкевича во полон возьмём!
 Э-ой, граф Пашкевич слово вымолвил:
 Э-ой, вы колите, право, не робейте,
 Э-ой, за морями знают вас.

12

$\text{♩} = 56$

Ох, ты, Ва - ня, ра - зу - да - ла - я да го - ло - ва.
 Го - ло - ва... (да)...

ра - зу - да - ла - я го - ло - ву - шка, Ва - ня, тво - я.

Тво - я... (да)...

сколь да - лё - ко у - е - зжа - ёшь, Ва - ня, от ме - ня.

— Ох ты, Ваня, разудалая да голова.
 Голова... (да)...
 Разудалая головушка, Ваня, твоя.
 Твоя... (да)...
 Сколь далёко уезжаёшь, Ваня, от меня?
 От меня... (да)...
 На кого ты спокидаешь, Ванюшка, меня?
 Ой, меня... (да)...
 С кем я буду эту зимушку, зиму зимовать?
 Зимовать... (да)...
 С кем прикажешь лето тёплое да гулять?..
 Вот гулять... (да)...
 — Ты гуляй, гуляй, моя милая, да одна.
 Вот одна... (да)...
 Я уеду в чужи-дальни го... ой, города.
 Города... (да)...
 И уеду, не приеду го... ой, года два.
 Года два... (да)...
 — Што ж ты, Ваня, што ж ты сделал-то на... ой, надо мной?
 Надо мной... (да)...
 Ты жо оставил не солдаткой, не... ой, не вдовой.
 Не вдовой... (да)...
 Ты-жо оставил горемычной си... ой, сиротой.

12а

— Экой Ваня, разудала голова, да
Разудалая головушка твоя, да
Сколь далёко уезжаешь о... ой, от меня,

Сколь далёко уезжаешь от меня, да
На кого ж ты покидаешь о... ой, да меня?

На кого ж ты покидаешь, друг, меня, да
Ты-то на брата и на дружка сво... ой, своего.

Ты на брата и на дружка своего, да
С кем-то я буду эту зиму зимовать, да
С кем прикажешь лето тёплоё, ой, да гулять?

С кем ты прикажешь лето тёплоё гулять, да...
— Гуляй ты, гуляй, милая, ой, да одна.

Гуляй, гуляй, гуляй, милая, одна, да
Я-то уеду, жить приеду ни... ой, никогда.

— Экой Ваня, что ты сделал надо мной, да
Ты-то оставил меня горькой си... ой, сиротой.

Ты оставил меня горькой сиротой,
Не девицей, не вдовой, да
Ты-то оставил меня горькой си... ой, сиротой.

12б

— Экой Ваня, разудала голова,
Разудалая головушка твоя.
На кого ты покидаешь, друг, меня?
Ты на брата ли, на свата
Иль на дружка своего?
Ты оставил на соседа ближнего?
С кем я буду эту зиму зимовать,
С кем прикажешь лето теплое гулять?

— Гуляй, гуляй, расхорошая моя!

Я уеду жить во дальни города.

Я уеду, не приеду никогда.

— Экой Ваня! Что ты сделал надо мной:

Жить оставил не девицей, не вдовой.

Ты покинул меня горькой сиротой,

Горе-горькою солдатскою женой.

12в

— Экой Ваня, да разудалая, Иван, головушка твоя,
Чего ты, Ваня, сделал, Ванюшка-Ваня, надо мной,
Ведь ты меня оставил да не замужней, не вдовой.

— Да я уеду в дальные, дальные, дальные города,
И не приеду я, милая, боле некогда.

$\text{♩} = 88$

А - ох, да как по на - ше - му, по Не - вско - му да проспе - кту - (о),
(е)

ой да, ту - то шли - про - шли ка за - ки мо - ло дды - е.

Да ту - то шли, (и)про-шли ка за - ки мо - ло дды - е - (о),

ой да, за ка за - ка - ми со вла - ты, да ой, ре - до вы - е.

Да за ка за - (а)ка-ми со вла - ты ре - до вы - е - (о),

ой да, за со вла - та - ми ле кру - ты мо - ло дды - е.

А-ох, да как по нашему по Невскому да проспекту,
Ой, да туто шли-прошли казаки молодые...

Да туто шли-прошли казаки молодые,
Ой, да за казаками совдаты да, ой, редовые...

Да за казаками совдаты редовые,
Ой, да [за] совдатами лекруты молодые...

Да за совдатами да лекруты молодые,
Ой, да за лекрутьями шли маменьки да родные...

Да за лекрутьями шли маменьки да родные,
Ой, да за матушками шли сестрицы да родные...

Да за матушками шли сестрицы да родные,
Ой, да за сестрицами шли жоны молодые...

Да за сестрицами шли жоны молодые,
Ой, да за жонами шли-то Сашеньки милые...

Да за жонами шли-то Сашеньки милые,
Ой, да идут, идут они, все горько плачут...

Да идут, идут они, все горько плачут,
Ой, да во слезах пути-дороженьки не видя...

Да во слезах пути-дороженьки не видя.
— Ой, да вы не плачьте-ко, наши маменьки родные...

Да вы не плачьте-ко, наши маменьки родные,
Ой, да не рыдайте, наши жоны молодые...

Да не рыдайте, наши жоны молодые,
Ой, да не ходить жо вам по всему свету за нами...

Да не ходить жо вам по всему свету за нами,
Ой, да не смочить жо вам мать сыру землю слезами...

Да не смочить жо вам мать сыру землю слезами,
Ой, да не наполнить сине море горячими...

Да не наполнить сине море горячими,
Ой, да сине море, сине море, быстры речки...

Да сине море, сине море, быстры речки,
Ой, да во сыром бору кукушечка кукует...

Да во сыром бору кукушечка кукует,
Ой, да не ясён сокол с тепла гнезда слетает...

Да не ясён сокол с тепла гнезда слетает,
Ой, да не отец его, не мать-от провожает...

Да не отец его, не мать-от провожает,
Ой, да провожала, провожала красна девка...

Да провожала, провожала красна девка,
Ой, да Катерина, Катерина-сиротина.

13а

$\text{♩} = 92$

Эх, што с-по на - ше - му, с-по Не - вско - му про - спе - кту, о - (ой),
тут про - шли, про - шли да ка - за - ки да мо - ло - ды - е.
Мо - ло - ды - е, о - (ой),
за ка - за - ка - ми да со - вда - ты да, ой да, ре - до - вы - е.
Ре - до - вы - е, ой,
за со - вда - та - ми да всё де - то - чки ма - лы - е.

Эх, што с-по нашему с-по Невскому проспекту, ой,
Тут прошли, прошли да казаки да молодые.

Молодые, ой,
За казаками да совдаты да, ой, да редовые.

Редовые, ой,
За совдатами да всё деточки малые.

Малые...
Ой, да за детьми идут матушки родные.

Вот родные...
Ой, да за матушками идут жёны молодые.

Молодые...
Ой, да всё идут они да слёзно плачут.

Слёзно плачут...
Ой, да слёзно плачут, слёзно плачут и рыдают.

Ох, рыдают...
Ой, да за слезами всё они словечушка не молвят.

Ох, не молвят...
Ой, только молвили да солдаты, ой, да рядовые.

Рядовые...
— Ой, не ходить вам по белу свету за нами.

Не ходить вам по белу свету за нами,
Ой, да не наполнить синё морюшко слезами.

13б

Ещё шли-прошли да бурлаки молодые,
Ой, за бурлаками да савдаты рядовые,
За савдатами да лекрутья молодые,
За лекрутьём — отцы-матери родные,
За отцами-матерями жены молодые.
— Ох, вы не плачьте да не рыдайте, маменьки родные,
Не тоскуйте да не горюйте, жены молодые.
Ох, вам не выходить да Россиюшка за нами,
Не смочить ⟨...⟩ слезами.

13в

Уж как шли-прошли казаки молодые,
За казаками солдаты рядовые,
За солдатами их матушки родные,
За матушками их жены молодые.
Как идут они, идут, слезно слезы льют,
Чуть в слезах пути-дорожки видят.
Тут возговорят солдаты рядовые:
— Вы не плачьте, матушки родные,
Не рыдайте, жены молодые!
Вам сырой земли слезами не смочити,
Сине море слезами не наполните.

14

$\text{♩} = 104$

Мне не жаль па - вы, жаль пё - ры - шка,
 мне не жаль о - тца, жаль мо - ло - дца.
 Мне не жаль о - тца, жаль мо - ло - дца,
 как мой - от мо - ло - дец на слу - жбу у - шёл.
 Как мой - от мо - ло - дец на слу - жбу у - шёл,
 он год слу - жил, он два слу - жил.

Мне не жаль павы, жаль пёрышка,
 Мне не жаль отца, жаль молодца.

Мне не жаль отца, жаль молодца,
 Как мой-от молодец на службу ушёл.

Как мой-от молодец на службу ушёл,
 Он год служил, он два служил.

Он год служил, он два служил,
 На третий год домой идёт.

На третий год домой идёт,
 Среди поля, средь широково,

Среди поля, средь широково
 Ево мать-то родна да сына встретила.

Ево мать-то родна да сына встретила:
 — Здорово, сын, сын возлюбленной!

Здорово, сын, сын возлюбленной,
 Послушай, сын, што я скажу.

Послушай, сын, што я скажу:
Твоя жона весь дом роскатила.

Твоя жона весь дом роскатила,
Соловьёв из саду всех роспустила.

Соловьёв из саду всех роспустила,
Ружья-сабли все розмотала,

Ружья-сабли все розмотала!
Пошёл молодец на широкий двор.

Пошёл молодец на широкий двор,
Среди двора, средь широково,

Среди двора, средь широково
Молодая жона мужа встретила.

Молодая жона мужа встретила,
Не дал он жоне слово вымолвити.

Не дал он жоне слово вымолвити —
Он снёс, срубил буйну голову.

Он снёс, срубил буйну голову,
Покатилась голова вдоль по двору.

Покатилась голова вдоль по двору,
Вдоль по двору да коням под ноги.

Вдоль по двору да коням под ноги.
Пошёл молодец во конюшенку.

Пошёл молодец во конюшенку —
Во конюшенке кони стоят.

Во конюшенке кони стоят,
Кони стоят, овёс едят,

Кони стоят, овёс едят.
Пошёл молодец в соловьиной сад.

Пошёл молодец в соловьиной сад —
В соловьином саду соловьи поют.

В соловьином саду соловьи поют,
Соловьи поют, водицу пьют,

Соловьи поют, водицу пьют.
Пошёл молодец в нову горенку.

Пошёл молодец в нову горенку —
В новой горенке ружья-сабли висят.

В новой горенке ружья-сабли висят,
Ружья-сабли висят, как жар горят,

Ружья-сабли висят, как жар горят.
Пошёл молодец в тёплу спаленку.

Пошёл молодец в тёплу спаленку —
В тёплой спаленке колыбелька висит.

В тёплой спаленке колыбелька висит,
Колыбелька висит, дитя кричит.

— Баю-баю, дитятко, баю-баю, милоё,
У тебя, дитя, нету матери.

У тебя, дитя, нету матери,
У меня ли, молодца, — молодой жоны.

14а

Ой, летела пава через три поля,
Обронила пава да сизо пёрышко.
Мне не жаль сиза крыла, да жалко пёрышка,
Не жаль матери-отца, да жалко молодца.
Ещё мой-от молодец молодёшенек
Во солдатушки ушёл на три годика.
Три годочка прослужил и пошёл домой.
В перво полюшко зашёл — призадумался,
Во второе-то зашёл — призаплакался,
В третье-то зашёл, да мама встретила,
Мама встретила да хорошо ответила:
— Ой, здорово, мой сынок да сын возлюбленный!
— Здравствуй, здравствуй, да мать родимая!
— Как твоя-то жена да за гульбой пошла,
Весь дом развела,
Вороньих-то коней в рынок вывела, всех распродала,
Соловьёв-то-певунов всех распустила,
Дорогово-то сыночка похоронила.
Ко крылечку подхожу, да женка встретила, да мне ответила:
— Здорово, ты мой муж, муж возлюбленный!
Муж ни слова не сказал, распрогневался,
Вынул саблю, вынул остру, снял головушку жены.
Покатилась голова да мужу под ноги.
Во конюшню зашёл — кони все стоят да овёс едят,
Все вороненьки да все молоденьки.
Во светлицу-ту зашёл — да соловьи поют.
А во горницу зашёл — свечка светится,
Зыбка висится, сын качается.
— Ой, прощай, моя жена, прощай, безвинная.
Ой, ты мать моя, мать-разлучница.

14б

Летела пава да через улицу,
 Ронила пава с крыла перышко,
 Ронила пава с крыла перышко.
 Мне не жалко крыла, жалко перышко¹,
 Хорошо ли мы поем да хорошо ли мы поем?²
 Мне не жалко мать-отца, да жалко молодца.
 Молодец-удалец да на службу ушел,
 Молодец-удалец да на службу ушел.
 Он и год служил, да и второй пошел,
 Он и год служил, да и второй пошел.
 А на третий год он домой идет.
 Сестра встретила посреди села.
 Мати встретила посреди двора.
 Мати сыну нажалилася:
 — Твоя жена весь дом распродала,
 Твоя жена весь дом распродала.
 Коней твоих на торг увела,
 Соколов твоих всех повыпустила,
 Меды твои все повыпила.
 Рассердился он, схватил сабельку
 Да и снес жене буйну голову.
 Покатилась голова да по широкому двору,
 По широкому двору, коню под правую ногу.
 Он зашел к себе во конюшенку —
 Кони стоят, овес едят.
 Он зашел к себе да во соколенку —
 Соколы сидят, подчищаются.
 И меды стоят, не починены.
 Он зашел к себе в сени новые —
 В новых сенях люлька висит,
 Люлька висит, в ней дитя кричит.
 — Баю, баю, баю, дитятка,
 У тебя, мое дитя, нету матери,
 У тебя, мое дитя, нету матери.
 У меня, у молодца, — молодой жены.
 Меня, молодца, в острог уведут.
 Тебя, мое дитя, в приют отдадут.
 Тут и мать тут стоит, как змея, шипит.
 — Уж не мать ты мне, да мати родная,
 Уж не мать ты мне, мати родная,
 А змея ты есть подколотная.

14в

Уж ты сад ли, ты мой сад, сад зелененькой,
 Да почему рано цветёт, росьшаёсья?
 Сколь далече, милой мой, да собираёсья?
 — Да я опеть пошёл в поход да во дороженьку.
 — Да со всемами да родныма да всё прощаёсья,
 Да со мною, с молодою, всё ругаёсья.
 Ой, не ругайся, мой ты милой, скажи: «Милая, прошшай!»

Да на прощеньичё оставил с руки перстень золотой.
 Да день ношу кольцо на ручке, к ночи в головы кладу.
 Да потому колечко клала, штёбы виделся во сне.

14Г

— Уж ты сад ли, ты мой сад, сад зелененькой,
 Ой, почему рано цветёшь да россыпаеессе?
 Ой, сколь далёко, милой мой, собираиссе?
 Да почему со всема людьми говоришь, со мной ругаиссе?
 — Да не ругаюсь с тобой, милая, с тобой речь не говорю.
 Прожил годик, прожил два, прослужил годочка три,
 На четвёртой на годочик дроля катится домой
 Да к отцу, к матери родной да к жонове дорогой.

14Д

— Сад ли, мой сад, сад зелёненькой,
 Сад зелёненькой, розвесёленькой,
 Ты зачем рано цветёшь, осыпаеессе?
 Сколь далече, милый мой, собираеешься?
 Ты во путь ли, во поход, во дороженьку?
 Со всема, милой, людьми респрощаеессе,
 А со мною, с молодой, всё ругаеешься.
 Не ругайся, не бранись, скажи: «Милая, прощай!»
 Тут литела пава через синие моря,
 Обронила пава с крыла пёрышко.
 Мне не жалко крыла, жалко пёрышка,
 Не жаль матери-отца, жалко молодца.

14Е

Молодой молодец на службе служил.
 Он год служил, он два служил,
 А на третий год побывать домой идет.
 Его мать родна встречать пошла,
 Среди поля мати встретила:
 — Ты здорово, сын, сын возлюбленный!
 — Ты здорово, мать да мать родимая!
 — Ты послушай, сын, что я тебе скажу,
 Что я тебе скажу про твою жену.
 Твоя жена весь дом скастила,
 Воронных коней всех продала,
 Оружь-сабли все друзьям роздала,
 Соболей в саду всех распустила.
 Подходит сын ко широку двору,
 Среди двора жена встретила.
 Он не дал ей слово вымолвить,
 Он снес у ней буйну голову.
 Покатилась голова да по широкому двору,
 По широкому по двору коням под ноги.
 Заглянул молодец на конюший двор —
 Кони стоят, овес едят.

Пошел молодец в соловьиный сад —
 Соловьи сидят, водицу пьют.
 Пошел молодец в нову горенку —
 Оружьи-мечи как жар горят.
 Пошел молодец в нову спаленку —
 Колыбель висит, дитя кричит.
 — Ты баю, баю, дитя, да баю, дитятко,
 У тебя да у дитя нету маменьки,
 У меня, у молодца, — молодой жены.
 Вот сидит мать-змея, змея лютая,
 Вот сидит змея, она пышет на меня.

15

$\text{♩} = 76$

Между ричка - ми, ме... ох да, ме-жду бы - стры - мя, ай,
 на кру-той го - ре, на... ай, да на всей кра... ай да, кра-со-те.
 На кру-той го - ре, на... ох, да на всей кра - со - те, эх,
 там хо-рош-(ош)го-род ро... ох да, ро-спро-стро - и-лся.

Между ричками, ме... ох, да между быстрымя, ай,
 На крутой горе, на... ай, да на всей кра... ай, да красоте.

На крутой горе, на... ох, да на всей красоте, эх,
 Там хорош город ро... ох, да рoспростроился.

Там хорош город ро... ох, да рoспростроился,
 Да лучше Питера, кра... ох, да краше Киева.

Лучше Питера, кра... ох, да краше Киева,
 Да лучше матушки ка... ох, да каменной Москвы.

Лучше матушки ка... ох, да каменной Москвы,
 Ай, то не пыль в поле за... ох, да запыляется.

То не пыль в поле за... ох, да запыляется,
 Эх, не туман в море по... ох, да подымается.

Не туман в море по... ох, да подымается,
 Да Еруслав-город за... ох, да загорается.

Еруслав-город за... ох, да загорается,
 Эх, одна лавочка о... ох, да остается.

Одна лавочка о... ох, да остается,
 Эх, да и та уж с конца, ох, да загорается.
 Да и та уж с конца, ох, да загорается,
 Эх, есть в лавочке мо... ох, да молодой купец.
 Есть в лавочке мо... ох, да молодой купец,
 Да молодой купец до... ох, да доброй молодец.
 Молодой-купец до... ох, да доброй молодец,
 Да он кричал да ревел, ох, своим товаришшам.
 Он кричал да ревел, ох, своим товаришшам:
 — Ах, вы дружки-то мои, ох, да вы товаришши,
 Вы дружки-то мои, ох, да вы товаришши,
 Ах, не оставьте молодца, ох, да при бедности.
 Не оставьте молодца, ох, да при бедности,
 Да отнимите мою... ох, да мою лавочку.
 Отнимите мою... ох, да мою лавочку,
 Ах, с дорогими лавку, ох, да со товарами.
 С дорогими лавку, ох, да со товарами,
 Да с кумачами-то ши... ох, да шито-браными.
 С кумачами-то ши... ох, да шито-браными,
 Да с дорогими алыми, ох, дак со лентами.
 С дорогими алыми, ох, дак со лентами,
 Да перва ленточка сто... ох, да стоит сто рублей.
 Перва ленточка сто... ох, да стоит сто рублей,
 Да втора ленточка сто... ох, да стоит тысячу.
 Втора ленточка сто... ох, да стоит тысячу,
 Да третьей ленточке-то, ох, да ей цены-то нет.
 Третьей ленточке-то, ох, да ей цены-то нет,
 Да перва ленточка ро... ох, да родной мамушки.
 Перва ленточка ро... ох, да родной мамушки,
 Да втора ленточка ро... ох, да родной сестрицы.
 Втора ленточка ро... ох, да родной сестрицы,
 Да третья ленточка мо... ох, да молодой жоны.
 Третья ленточка мо... ох, да молодой жоны,
 Ах, молодой жоны, ох, да жонки-барыни.

15а

Что не пыль-то во поле запыляется,
 Не туман-то с моря подымается —
 Ярослав-город загорается.
 Одна лавочка остается.

В этой лавочке молодой купец,
 Молодой купец — добрый молодец.
 Он вскричал своим друзьям-приятелям:
 — Вы друзья мои, приятели!
 Не оставьте меня при несчастье,
 Приотстойте-ка мою лавочку,
 Всё со мелкима со товарыма:
 Дорогой товар: мелкой злат жемчуг.
 Мелкой злат жемчуг, алы ленточки.
 Первая-то ленточка — сто рублей,
 Другая-то ленточка — пятьсот рублей,
 Третью-то ленточку платил тысячу,
 Мелкотной товар — за злат жемчуг,
 Злат жемчуг — деньгам счёту нет».

16

Музыкальный фрагмент, состоящий из трёх систем нотной записи. Каждая система включает вокальную линию (верхняя часть) и инструментальную линию (нижняя часть). Темп обозначен как $\text{♩} = 84$. Музыка написана в тональности с двумя flats (B-flat and E-flat) и ритме 2/4. В конце каждой системы присутствует двойная вертикальная линия (||), обозначающая окончание фрагмента.

Текст песни, соответствующий нотам:

Не бе..ла - зо - ря... да...

не бе - ла зо - ря...

не бе - ла зо - ря за - ни - ма - ла - ся,

за - ни.ма - ла - ся... да...

Не я - сён со - кол...

не я - сён со - кол со гне - зда сле - тал,

со гне - зда сле - тал... да...

Мой - от ми - ле - нькой...

мой - от ми - ле - нькой со дво - ра съе - зжал,

со дво - ра съе - зжал...

Не бела зоря... (да)...

Не бела зоря...
Не бела зоря занималася,
Занималася... (да)...

Не ясён сокол...
Не ясён сокол со гнезда слетал,
Со гнезда слетал... (да)...

Мой-от миленькой...
Мой-от миленькой со двора съезжал,
Со двора съезжал... (да)...

— Ты куда-ж, милой...
Ты куда, мой дорогой, собираешься?
Собираешься... (да)

Со всеми людьми...
Со всеми людьми спрашшаешься,
Спрашшаешься... (да)...

Ты со мной с одной...
Ты со мной с одной не спрашшаешься,
Не спрашшаешься... (да)...

Верно, злы-то люди...
Верно-то, злы, эх, люди опасались,
Опасались... (да)...

Мне куда с горя...
Мне куда с горя мне деватися?

Во темных лесах...
Во темных лесах заблуждатися,
Заблуждатися... (да)...

Во темных лесах...
Во темных лесах, там темнёшенько,
Там темнёшенько... (да)...

В зеленых лужках...
В зеленых лужках зеленёшенько,
Зеленёшенько... (да)...

Там растёт трава...
Там растёт трава, трава шёлкова,
Трава шёлкова... (да)...

Там цветут цветы...
Там цветут цветы, там лазоревы,
Там лазоревы... (да)...

Я нарву цветов...
 Я нарву цветов, я сплету венок,
 Я сплету венок... (да)...

Я милу дружку...
 Я милу дружку на головушку,
 На головушку... (да)...

— Ты носи, милой...
 Носи, дорогой, да не сранивай,
 Да не сранивай... (да)...

Ты люби меня...
 Ты люби меня, не обманывай,
 Не обманывай.

16а

Не бела зоря занималася,
 Ой, не ясно сончо из-за гор взошло,
 Не ясён сокол со гнезда слетал,
 Мой-от миленькой со двора съезжал.
 Ой, ты куда, милой, собираёшься,
 Да со всема с людьми ты прощаёшься,
 Ой, ты со мной с одной не прощаёшься,
 Да разве злых людей опасайся?
 А я пойду с горя во темны леса,
 Ой, во темных лесах, там темнёшенько,
 Ой, в зеленых лужках зеленёшенько,
 Ой, там росла трава да шелковая,
 Понеслись духа (ой) там анисовы,
 Ой, росчвели чветы там лазоревы,
 Ой, я сорву чветок, соплету венок
 Я милу дружку на головушку.
 Да ты носи, милой, не сранивай,
 Люби меня, не оманывай.

16б

Прошла молодость моя, прошла-прокатилася,
 Некорысная была, назад не воротилася.
 Я пойду ли то, пойду с горя, ох, во темны да леса,
 Во темных-то лесах да там темнёшенько,
 Во зелёных во лугах да зеленёшенько.
 Да сорву ль, сорву чветок да соплету венок,
 Да соплету ли я венок да дружку на головушку.
 Да носи, миленькой, венок, да носи, не сранивай,
 Люби девушку меня, люби, не оманывай.
 А как веночек спал, так он девушку любить не стал.

16в

Прошла молодость моя, прошла-прокатилася,
 Старость, старость на меня, старость навалилася.
 Не вались ты, не вались, старость грозная,
 Поймаю я коня, коня ворона,
 Поличу ли на коне выше ясна сокола,
 Выше ясна сокола да сиза голубя,
 Догоню ли, догоню свою молодость,
 Не догнать уж, не догнать свою молодость.

16г

Прошла молодость моя, да прошла-прокатилася,
 Эх, дак нашла старось на меня, да старось навалилася.
 Эх, дак не вались-ко, не вались, да моя старось лютая,
 Эх, дак не шипли-ко, не моршши да моё личо белоё,
 Эх, дак личо бело, щёчки алы, волоса кудрявые.

17

$\text{♩} = 72$

(да) Што(й) - жо вы, де - ву - шки, да

што(й) - жо вы, кра - (а) - сны - е,

ой, да все за - ду - ма - лись.

всяк

Ой, все за - ду - ма - лись, да

ро - скра - са - ви - цы

ой, за за - пе - ча - ло - ви - лись.
за - пе - ча - ли - лись

За - пе - ча - ли - лись... да...

жить - то не ве - се - ло (о),

ой, да лю - бить не - ко - го.

(да) Што(й) жо вы, девушки, да што(й) жо вы, красные,
Ой, да все задумались?

Ой, все задумались... да...
Роскрасавицы, ой, запечаловились.

Запечалились... да...
Жить-то не весело, ой, да любить некого.

Любить некого... да...
Из молоденьких ребят, ой, да выбрать некого.

Ой, выбрать некого... да...
Выбирай-ко, девка, по себе, ой, да одинокого.

Одинокого... да...
Одинокие, ой, да не (з)однакие.

Не(з) однакие... да...
Гор(и)кие пьяницы, ой, да злы пропоицы.

Злы пропоицы... да...
Злая-то пропоица, ой, да беспокоица.

Ой, беспокоица... да...
Ты только, соловьюшко, ой, да ты мой батюшко!
Да ты только куда лети, лети из-за куды машошься.

Куды машошься...
Да я только лецю, соколицёк, машу, ой, да на ту сторону.

Ой, на ту сторону-то...
На ту сторону, ой, да в мелкую рощицю.

Ой, в мелку рощицю...
Да в мелкую рощицю, ой, да во зелёной сад.

Ой, во зелёной сад...
Да во зелёном, верно, во саду, ой, да генерал гулял.

Ой, генерал гулял...
Да генерал-то вон(ы) да гулял, ох, да с генеральшею.

Ой, с генеральшею...
Да розмолоденькой да солдат, ох, да на часах стоял.

Да на часах солдатик-то стоял...
Да сибе смену ждал, ох, да сибе сменушку.

Сибе сменушку...
Сибе сменушку, ох, да красную девушку.

Красну девушку...
Крас(ы)ную девушку, ой, да дочь купеческу.

17а*

Ой, всё за - ду - ма - лись да,
 уж вы, кра - сне - ньи - я, о - (о)й да, за - пе - ча - ли - лись.
 За - пе - ча - ли - лись да,
 за - пе - ча - ло - ва - лись, о - й да, жить - то не - ве - се - ло.
 У нас не - ве - се - ло да,
 не - ве - сё - ло - е жи - тьё, о - й да, лю - бить не - ко - во.
 Лю - бить - то не - ко - во да,
 из мо - ло - де - нь - ких ре - бят ох, да вы - брать не - ко - во.

[Что вы, девушки, эй, да всё-то задумались?]

Ой, всё задумались, да
 Уж вы, красненькия, ой, да запечалились.

Запечалились, да
 Запечаловались, ой, да жить-то невесело.

У нас невесело, да
 Невесёлое житьё, ой, да любить неково.

Любить-то неково, да
 Из молоденьких ребят, ох, да выбрать неково.

* Из-за технического брака фонограммы нотация начинается со 2-й строфы.

Да выбрать некого, да
Выбирай сама-то себе, ой, да одинаково.

Ох, одинаково, да
Одинаконькие, ой, да есть и всякие.

Да есть и всякие, да
Есть и всяконькие, ой, да горька пьяница.

Да горька пьяница, да
Горька пьяница дурак, ой, да беспокоится.

Ой, беспокоится, да
Ты-то куда, сокол, да летишь, ой, да куда машёшься?

Куда-й-но машёшься, да
Куда машёшься да летишь, ой, да нам не скажёшься?

Да нам не скажёшься, да
Нам-то не скажёшься да летишь, ой, да на ту сторону.

Ох, на ту сторону, да
На ту сторону да лечу, ой, да во зелёной сад.

Вот во зелёной сад, да
Во зелёном-то саду, ой, да генерал да гулял.

Генерал гулял, да
Не один только гулял, ой, да с генеральшою.

⟨Далее с пересказа:⟩

С генеральшею, с молоденькою.
Он искал себе сменушку да не изменушку —
Молодую девушку.

176

(Да) Што(й) жо вы, девушки, да што(й) жо вы, красные,
Ой, да все задумались?

Ой, все задумались... да...
Раскрасавицы да... (й) запечалились.

Запечаловались... да...
Жит(и)-то не весело, ой, да любить некого.

Любить некого... да...
Из молоденьких ребят, ой, да выбрать некого.

Ой, выбрать некого... да...
Выбирай-ко, девка, по себе, ой, да одинокого.

Одинокого... да...
Одинокие, ой, да не (з)однакие.

Не (з)однакие... да...
Гор(и)кие пьяницы, ой, да злы пропоицы.

Злы пропоицы... да...
Злая-то пропоица, ой, да беспокоица.

Ой, беспокоица... да...
Ты только, соловьюшко, ой, да ты, мой батюшко!
Да ты только куда лети, лети из-за куды машошься.

Куды машошься...
Да я только лецю, соколицёк, машу, ой, да на ту сторону.

Ой, на ту сторону-то...
На ту сторону, ой, да в мелкую рощицу.

Ой, в мелку рощицу...
Да в мелкую рощицу, ой, да во зелёной сад.

Ой, во зелёной сад...
Да во зелёном, верно, во саду, ой, да генерал гулял.

Ой, генерал гулял...
Да генерал-то вон(ы) да гулял, ох, да с генеральшею.

Ой, с генеральшею...
Да розмолоденькой да солдат, ох, да на часах стоял.

Да на часах солдатик-то стоял...
Да себе смену ждал, ох, да себе сменушку.

С себе сменушку...
С себе сменушку, ох, да красную девушку.

Красну девушку...
Крас(ы)ную девушку, ой, да дочь купеческу.

17В

Да что, девушки, все-то задумались,
Ой, запечалились,
Запечалились...

Дак зап[е]чаловались,
Ой, здесь-то не весело.
У нас не весело...
Не веселое то житяце, ох, любить некого.

Ох, любить некого...
Из молоденьких-то ребят,
Ой, выбрати некого.

Выбрати некого...
Выбирай-то сама по себе одинакого.

Одинакого...
Одинаковенькие есть да всякие.

То всякие ...
Да есть то всякинские, ой, горькия пьяница.

Ой, горькая пьяница...
Да горькая пьяница да дурак, ой, да пропойца.

Злой пропойца да дурак, ох, беспойца.

Ох, беспойца...
Да ты, соловьюшка, ох, родной-от батюшко.

Родимой-от батюшко...
Да ты-то куда, куда, сокол, летишь, ой, куда машошься?

Ой, куда машошься...
Куда машошься, сокол, летишь?
Ой, как-то не скажешься?

То не скажешься...
— Да я лечу, лечу, сокол, машу, ой, на ту сторону.

Ой, на ту сторону...
На ту сторону, сокол, лечу, ой, да во зелёной сад.

Ой, да во зелёной сад...
Во зелёном-то было во саду, ой, генерал гулял.

Ой, генерал гулял...
Да не один он да гулял, ой, с генеральшою.

Ой, с генеральшою...
Да с генеральшою солдат гулял, ой, себе смену не дал.

Ой, себе смену не дал...
Да тебе сменушку, ох, не изменушку.

Не изменушку, ой, красиву девушку.

17Г

Что вы, девушки, призадумались,
 Раскрасавицы да запечалились?
 Запечаловались... Да жить не весело,
 Из молоденьких ребят да выбрать некого.
 Выбирай-ко себе да одинакова
 Да не ровна кого.
 Горький пьяница-дурак да злой пропоица...

17Д

Млад солóвьешко, ты наш батюшка!
 Ты куда, сокол, летишь, куда машешься?
 — Я лечу, сокол, машу через речушку,
 Через быструю ту реку да на ту сторону,
 На ту сторону в мелку рощицу,
 В мелку рощицу да во зеленый сад.
 Во зеленом-то саду да генерал гулял
 С генеральшею-капитаншею.
 Размолоденький солдат на часах стоял,
 Оружье в руках держал, дробью заряжал,
 Мелкой дробью заряжал, себе смену ждал.
 Пришла сменушка да красна девушка...
 Распроклятое ваше житье — житье солдатское...

17е

Что вы, девушки, да чтой-то вы, красненькие,
 О-ой, да все задумались
 Да запечаловались...
 О-а, да жить-то не весело.
 Да невесёлое на[ше] житьё —
 О-ой, да любить некого.
 Да выбирай-ко верно по себе,
 О-ой, да одинакого...

♩ = 88

...чи - ки, эх, да ла - вро... ой, ла - вро - вы - е, да
 Ку - сто - (о) - чи - ки - ти, эх, да ла - вро... ой, ла - вро - вы - е, да

на бо - ло - те, эх, да шу - мят.
 на бо - ло - (о) - те, ох, да шу - мят.

...ке шу - мят, (а) ой,
 На бо - ло - те - н(ы) - ке шу - мят... ой,

не шу - ми те - ко, ой, ку - сты ла - вро... ой, ла - вро - вы - е, эй,
 не шу - ми (и) - те - ко, ой, ку - сты ла - вро... ой, ла - вро - вы - е, да

хоть на ма - лой (ой) да на час.
хоть на ма - лой, ох, да на час.

оx, оx,
На ма - ле - ни - кой ча - сок, (ох), ох,

всё - то за ре - чу - шкой, да за бы... ох, за бы - стро - ю, ой,
всё - то за ре - чу - шкой (ой) да за бы... эх, за бы - стро - ю, ой да,

ба - ра - ба - ниши - чки - ти бьют.
ба - ра - ба - (а) - ниши - чки - ти бьют.

Кусточки-ти, эх, да лавро... ой, лавровые, да
На болоте, эх, да шумят.

На болотенке шумят, ой,
Не шумите-ко, ой, кусты лавро... ой, лавровые, да
Хоть на малой, ох, да на час.

На маленькой часок, ох,
Всё-то за речушкой, (ой), да за бы... эх, за быстрою, ой,
Барабаншнички-ти бьют.

В барабан колотят, бьют,
Не мою-ту ли душу-заба... ой, забавницу,
Ко венчанью, ох, да везут?

К венчанью волокут.
— Ох, ты миленькая, душу-заба... ой, забавница,
Ты останься хоть на час.

Останься на часок...
— Я-то радёшенька, ох, да оста... ой, остаться, да
Мои кони не... ой, не стоят.

Лошадки не стоят,
Всё-то извозшнички, ох, да наё... ой, наёмшшычки,
Не могут коней у... ой, удержать.

Не могут их сдёржать,
Вот возок-то трехнут, кони вскачь домой пойдут,
Вся земелька за... ой, да задрожит.

Земелька задрожит,
— Ох ты, милая, ой, душа-заба... ой, забавница,
Ты одной рукой да махни.

Одной хотя б махни... .
— Я-то радёшенька тебе, милой, махнуть,
Да рука-то в ево руке.

Рука в ево руке,
Ручка правая, да во ле... эй, во левоёй,
Всё платочка в ру... ой, да в ручке нет.

18а

Кусточки-те, эй, да лавро... эх, лавровые.
Они в болоте, ой, да шумят,

Вот скоро зашумят...
Э-ох, дак не шумите-то, кусты лавро... ох, лавровые, эй, да
Вы на малой да на час.

На маленькой часок...
Да всё за речушкой да за бы... эх, за быстрою, ой,
Барабаншнички-то бьют.

Барабан колотит-бьёт...
 Ох, дак не мою-ту ли душу-заба... эх, забавницу,
 Её к венчанью да везут.

Вот скоро повезут...
 Ой-да-ох, ты ли, моя милая, душа-заба... эх, забавница, ой,
 Ты останься, ой, да на час.

Останься на часок...
 — Да я радё... ох, радёшенька, ох, да оста... останься, ой,
 Мои коне-то не... ох, не стоят.

Лошадки вмах бежат...
 Ох, да всё извозчики да наё... ох, наёмщички
 Не могу[т] коней-то у... ох, удержать.

Не могут их сдержать...
 Ох, да всё вожжой-то тряхнут, кони вскачь да вмах пойдут, да
 Вся землюнешка за... ах, задрожит.

Земля вся задрожит...
 — Да ох, ты ми... моя милая, эх, моя заба... ох, забавница,
 Ой, да хоть одной-то рукой да взмахни.

Одной хоть помаше...
 — Эх, да вот радё... радёшенька, ой, да обемя рада взмахнуть, да
 Всё рука, эх, вот... во руке.

Рука-то во руке...
 Ох, да ручка правая, эх, да во ле... во левую, да
 Всё платочка-то в ру... в ручках нет.

Забыла, не взяла, а-ох...
 — Да ох, ты ми... эх, моя милая, моя заба... ах, забавница,
 Ой, да на уме-то хоть по... ох, поддержи.

На уме хоть поддержи...
 — А-ох, да я радёшенька, ой да, на всём разуме сдержать,
 Да теперь волюшка не... эх, не моя.

Воля-то не моя...
 А-ох, да теперь волюшка, ой, да воля боль... же большая,
 Воля чужого-то му... ох, мужика.

$\text{♩} = 108$

Ка-ли - ну-ш(и) - ка, ой, да с ма - ли... (ой) с ма - ли - ну-шкой да,
всё - то ла-зо - (о)-ре - (э) - во - й цвет.
Ла - зо - ре - вой цвет, о - й да,
всё - то не-ве - (э)-се - ла, ох, на - ша бе - се... да бе-се-ду - шка - (ай) да,
где-ко мо - (о)й ми... (э) - ох, ми - лой пьёт.
Где мой - от и спи - ва... о - (о)й да,
ён ведь пить - то не пьёт, ох, да го - лу... го - лу-бчик мой (ой) да,
ён за мно - (о) - ю, мла... ох, [по - сы - лал.]
За мно - ю - ту по - сы - лал, о-й да,
и-шно я - (э) - то мла - да, а - й, да мла - дё... всё мла-дё - ше-нька, а-й, са -
ма за - ме - шка - ла - ся.

Калинушка, ой, да с мали... (ой), с малинушкой да
Всё-то лазоревой цвет.

Лазоревой цвет... ой, да
Всё-то невесела, ох, наша бесе... да беседушка, да
Где-ко мой ми... (э)-ох, милой пьёт.

Где мой-от испива... ой, да
 Ён ведь пить-то не пьёт, ох, да голу... голубчик мой, (ой), да
 Ён за мною мла... ох, посылал.

За мною-ту посылал... ой, да
 Ишно я-то, млада, ай, да младё... всё младёшенька, ай,
 Сама замешкалася.

Призамешкалася... (ой),
 Пошла, пошла-то за вольною за птичкой-то,
 За пташкою, за журнавочкой.

Ой, всё журнавочка да с-по бе... с-по бережку
 Она спожаживаёт.

Спогуливает... (ой),
 (й) Она травиночку шёлковую,
 (й) Она сощипывает.

(О)на холодной водичкой призахлё... (ой, да),
 Воды всё она захлёбывает.

Захлебывает...
 Она за речушку, за быструю,
 Она споглядывает.

Она споглядывает...
 Там стоит слободушка да немалая, четыре двора...

19а

$\text{♩} = 88$

Хо - ро - ше - нька - я, ой, да на - сто... ой, на - сто - е - чка, ой,

про - сто - ё, ой, да бы - ло ви - но.

Ой, про - сте - шко о - но... ой,

да кали... ой, калинушка, ой, да мали... ой, малинушкой, ой,

ла - зо - ре - вой да цветок.

Ла - зо - ре - вой да цветок, ой,
цветок, ой,

да не ве... ох, невесёла, ой, да бесе... ой, беседушка, ой,

где жо мо... от, мовомилово нет.

Хорошенькая, ой, да насто... ой, настоечка, ой,
Простоё, ой, да было вино.

Ой, простенько оно... ой,
Да кали... ой, калинушка, ой, да с мали... ой, с малинушкой, ой,
Лазревой да цветок.

Лазревой да цветок... ой,
Да неве... ох, невесёла, ой, да бесе... ой, беседушка, ой,
Где жо мо... ой, мовомилово нет.

И где милово-то нет...

Ой, да весё... ох, да весёла, ой, да канпа... да канпаньца,
Ой, где жо мой милой, хорошей пьёт.

Ой, он ведь пить-то, пить не пьёт, ой, да голу... ой, голубчик мой,
Ой, за мной, за молодою, шлет.

Ой, за мной посылат...

Ой, да уж и я-то млада, ой, да младё... ой, младёшенка,
Ой, заме... замешкалася.

Ой, замешкалася...

Ой, да всё за у... ох, за утками, ой, да за гу... ой, за гусями,
Ох, за лебё... ох, за лебёдушками.

За лебедями...

Ой, да журавь... ох, журавь-птичка, ой, да с-по бе... ой, с-по бережку,
Ой, поха... похаживаёт.

Похаживаёт...

Ой, да шелко... ох, шелковую, ой, да трави... ой, травиночку,
Ой, сошши... сошшипываёт.

Сошшипывает...

Ой, да холо... ох, холодно... ой, да води... ой, водичкою,
Ой, захлё... захлёбываёт.

Захлёбываёт...

Ой, да за ре... ох, за речушку, ой, да за бы... ой, за быструю,
Ой, посма... посматриваёт.

Посматриваёт...

Ой, да за ре... ох, за речушкой, ой, да за бы... ой, за быстрой,
Ой, слободка, слободушка стоит.

Слободка стоит...

Ой, да слобо... ох, слободушка, ой, да нема... ой, немалая,
Ой, четы... четыре двора.

Четыре дворика...

Ой, да во е... ох, во етих-то, ой, да во дво... ой, во двориках,
Ой, четы... четыре кумы.

Кумушки были...

— Ой, да уж вы ку... ох, уж вы кумушки, ой, да голу... ой, голубушки,
Ой, подру... подружки мои.

Подруженьки мои...

Ой, да вы куми... ох, вы кумитесь, ой, да вы люби... ой, любитесь,
Ой, люби... любите-ко миня!

Любите-ко миня...

Ой, да вы пойдите... вы пойдите-ко, ой, да во зелё... ой, в зелёной сад, —
Ой, возьми... возьмите миня!

Возьмите-ко миня...

Ой, да вы-ко бу... вы-ко будете, ой, да цвето... ой, цветочки рвать, —
Ой, сорви... сорвите цветок мне!

Сорвите-ко мне...

Ой, да вы-ко бу... вы-ко будете, ой, да венки... ой, да венки плести, —
Ой, плести... сплетите венок мне!

Сплетите-ко мне...

Ой, да вы-ко бу... вы-ко будете, ой, да венки... ой, в воду спускать, —
Ой, спусти... спустите венок мой!

Спустите-ко мой...

Ой, да у всех... ой, у всех-то венок, ой, да поверх... ой, поверх воды, —
Ой, один... один мой потонул.

Один-от потонул...

Ой, да у всех... ой, у всех-то дружки, ой, да домой, ой, домой пришли, —
Ой, один... один мой не бывал.

196

Калинушка, о-ой, да с мали...

С малинушкой,
Да есть лазоревой-от цвет.

Лазоревой цветок...

Да всё не ве... не весела, ой, наша бесе... беседушка,
Ой, да где-ка милого-то нет.

Вот где-ка с нами нет...

Да развесё... ох, весёлая, ой, наша компа... компания,
Ой, да где-ка мой-то милой пьёт.

Ой, где он испивает...

О-ой, да он ведь пить-то не пьёт, да голу... голубчик мой,
Да он за мною, мла... ой, да молодой пойдёт [посылаёт].

За мной он посылат...

Ой, да што я-то, млада, ох, да младё... ох, младёнишка,
Сама замешкалася.

Замешкалася...

А-ой, да всё за у... о-ой, за утками, ой, да за гу... ой, за гусями,
Пойдём за лебедями.

За лебёдушками...

Э-эй, да всё за вольною, о-ой, за птичкой-пта... за пташечкой,
За журнавочкою.

За журнавочкою...
 А-ой, да всё журнавочка, ой, да с-по бе... ой, с-по бережку
 Она спожакивает.

Погуливает...
 Она шелковую, ой, да трави... травиночку
 Она сощипывает.

Сощипывает...
 Она холо... холодную, ох, да води... водицею
 Она захлёбывает.

Захлёбывает...
 Она за речу... эй, за речушку, ой, да за бы... эх, за быстрюю
 Она поглядывает.

Частенько взглядывает...
 О-ой, да как за ре... за речушкой, ой, да за бы... за быстрюю,
 Ой, там слободка, ой, да стоит.

Слободушка стоит...
 Стоит слободушка, ой, да нема... немалая,
 Всего четыре, ой, да двора.

Четыре дворика...
 А-ой, да всего тех-то четы... эй, четыре до... вот домика,
 Ох, да там четыре, ой, да кумы.

Четыре кумушки...
 Эй-да ох, вы кумушки, ай, да подру... подруженьки,
 Да все суседки, ой, да мои.

Суседы ближние...
 Э-ой, да вы куми... кумитесь, эй, да дружи... дружитесь,
 Ой, да вы любите, ой, да меня.

Вы пойдете в зелёный сад гулять¹ —
 Возьмите меня.
 Уж вы будете цветки-цветочки рвать —
 Вы сорвите мой.
 Будете венки плести —
 Сплетите веночек мой.
 [Как-то] венки на воду спускать,
 У всех-то венки поверх воды,
 А один мой-от утонул.
 У всех-то дружки да домой пришли,
 А мой-от не пришёл,
 Остался зиму зимовать,
 Меня, бедную девчоночку,
 Оставил плакать-горевать.

19в

Калинушка да с малинушкой,
 Всё-то лазоревой цвет.
 Лазоревой цвет...
 Всё-то за речушечку да за быструю
 Да вся похаживают.
 Погуливают...
 Всё-то не весело да за беседушкой,
 Где-то милого нет.
 Любящего нет...
 Развеселая да беседушка,
 Где мой милой-от живёт.
 Где мой испевает.
 Он ведь пить-то не пьёт,
 Да голубчик мой.
 Он за мной, молодой, шлет.
 За мной посылает.
 Ишшо я-то, молода, младшенька,
 Сама замешкалася.
 Ой, пошла-то за утками-от да за гусями,
 Пошла за лебедями.
 За лебядушками...
 Ой, пошла за вольную
 За птичкой, ой, за пташкою,
 Ой, да за журнавочкою...

19г

Калинушка с малинушкой, лазоревый цвет,
 Невесёлая компаньца, где милово нет,
 Тут весёлая компаньца, где милой-от пьёт,
 Он и пьёт не пьёт, за мной, младой, шлёт.
 Будто я, млада-младёшенька, замешкалася,
 За гусями, за утками прогонялася.
 Да птичка-пташечка журавочка по берегу похаживает,
 Она зелёну травку пощипывает,
 Она за речушку за быструю подглядывает.
 Там за реченькой за быстрой слободка стоит,
 Невелика слободка: только два домика стоят.

20

$\text{♩} = 63$

Шли со лда - ти - ки, со - лда - ты с по хо - ду ой, да

о - ни шли про - шли, о - ни сло - бо - до - ю.

О - ни шли про - шли, о - ни сло - бо - до - ю ой, да

сла - вным го - ро - дом, о - ни Ко - стро мо - ю.

Сла - вным го - ро - дом о - ни Ко - стро мо - ю ой, да

вы - шли де - ву - шки с ве - дром за во - до - ю.

Шли солдатики-солдаты с походу, ой, да
Они шли-прошли, они слободою.

Они шли-прошли, они слободою, ой, да
Славным городом они, Костромою.

Славным городом они, Костромою, ой, да
Вышли девушки с ведром за водою.

Вышли девушки с ведром за водою, ой, да
За холодною водой, ключевою.

За холодною водой, ключевою, ой, да
Звали солдаты девушек с собою.

Звали солдаты девушек с собою, ой, да:
— Вы пойдёмте-ко, девушки, с нами!

Вы пойдёмте-ко, девушки-ко, с нами, ой, да
Недалёко-то с нами, до Казани.

Недалёко-то с нами, до Казани, ой, да
Во Казанюшке — там житьё дородно!

Во Казанюшке — там житьё дородно, ой, да
Там сторонюшка — место хлебородно.

Там сторонюшка — место хлебородно, ой, да
Там и горы, горы-то крутые.

Там и горы, горы-то крутые, ой, да
Меж горами-то речки пробегные.

Меж горами-то речки пробегные, ой, да
За реками-то лужки зеленые.

За реками-то лужки зеленые, ой, да
Во лужочках-то травы шелковые...

20а

Шли савдатики, ой, савдаты с походу,
Оне рожью шли, ой, рожью, слободою.
За има девушки с ведром за водою.
Те савдатички с собой девок звали.
Оне звали-то, звали, звали до Казани.
— Во Казанюшке житьё, ой, хорошо, дородно,
Там ведь мистичко есть, ой, место хлебородно,
Там угоры-те каменны, крутые,
Меж угорыма ричиньки быстрые,
Межу ричкима, ой, камни золотые.

$\text{♩} = 56$

Кра - си - ва - я де - ву - шка

... (с) - ву - шка

во са - ди - ке гу - ля - ла.

$\text{♩} = 60$

И гу - ля - ла... да во зе - лё - не - ньком

че - рё - му - шку бра - ла.

И бра - ла... да уж я ³братъ по - бра - ла,

не - мно - же - чко на - бра - ла.

Красивая девушка во садике гуляла.

И гуляла... (да)
Во зелёньком черёмушку брала.

И брала... (да)
Уж я брать-побрала, немножечко набрала.

Набрала... (да)
Мне-то кажотсе — ни с кем не стояла.

Не стояла... (да)
Только стояла с одним милым дружкойм.

И дружкойм... (да)
Речь говорила, словеч(и)ко молвила.

Молвила...
— Ух ты милой мой, сердечной, дорогой!

Дорогой... (да)
Ты поедёшь-пойдешь, возьми меня с собой!

С собой... (да)
Возьми девушку с собой, назови сестрой!

Сестрой... (да)
Што сестрой-то родимую (да) красивой девушкой!

21a

$\text{♩} = 80$

Кра - си - ва де... де - ву - шка

во са - ди - ке гу - ля - ла.

Музыкальный фрагмент, состоящий из четырех систем нотного записи. Каждая система включает вокальную мелодию (верхняя линия) и фортепиано-сопровождение (нижняя линия). Текст песни подпеты под ноты.

Да ро - скра - со - то - чка
 че - рё - му - шку бра - ла.
 Да о - на бра ла, по - бра - ла,
 бра - ла, по - бра - ла
 не - мно - же - чко на - бра - ла.

Красива де... девушка во садике гуляла.
 Да роскрасоточка черемушку брала.
 Да она брала, побрала, немножечко набрала.
 Да мне-ко кажутся, ни с кем-то не стояла,
 Да то[ль]ко стояла с одним со милым дружкой.
 Речи говорила, словече(ч)ко молвила:
 — Да здравствуй, милой мой, сердечинькой, дорогой...
 Куда поедёшь ли, пойдёшь — возьми-ко меня с собой!
 Да возьми девушку с собой, назови-ко сестрой родной...
 Сестрой родимую, красивую девушкой.
 — Да ишшо ес[т]ь-то у меня жена-та угрюмая.
 Жена угрюмая, сестра-та упрямая.
 Ишшо брошу ли жену в крапивушку жигучу.
 Да из крапивы жигучей — в шшеницу с-поколючу.
 Да из шшеницы колючей — в сыру-ту мать-землю.

21б

Красива девушка во садочике гуляла да черёмушку брала,
 Да брала-побрала, немножечко набрала.
 Да уж я, кажотся, не с кем и не стояла,
 А только стоела с одним с милым дружкойм.
 Да речь говорила, словечико молвила:
 — Да пойдёшь ли, пойдёшь, возьми меня с собой.
 — Да ишо нет и у меня не брата, не сестры,
 Да только ес[т]ь у меня угрюмая жена.
 Да я угрюмую жану во зарушку заручу,
 Да изо жарушки в шипичу колючу,
 Да из шипичушки на Волгу на реку.
 Да она тонёт и не тонёт, ко бережку не несёт.

21в

Красива я была,
 Ох, прилучай-ко дружка, дружка ко белому лицу.

А-ой, ко белому лицу...
 О-ой, лицу ко чёрным по бровям.

Ко чёрненьким бровям...
 А-ох, брови черные, [косы]¹ русы, развесёлые глаза.

Ох, весёлые глазонька, э-ох, да,
 Доведут жо кудёрышки до самого конца.

Ох, до самого конца, а-ох,
 До самого конца, ой, везут в солдаты, ой, уж молодца.

Во солдатушки везут молодца, ох,
 Во солдатушках да, ребята, очень жить-то не мудро.

Житьё не мудрое, ох,
 Там житьё-то не мудро, ой, да пить-то, есть-то нечего.

Ох, бедным нечего...
 [В]от всё сухари да вода, ой, вода — солдатская да еда.

Ох, бедным вся еда, а-ой,
 Я-то у батюшка да у матушки одна... одна дочь была.

Одна я выросла, а-эх, дак
 У корми[ль]ца да у батюшка на воле выросла.

На волюшке выросла, ох,
 На своей-то воле, ой, да [двадцать три] года да жила.

[Двадцать три] года жила, ох,
 [Двадцать три] года да жила, ой, да три я го... ой, да горя нажила.

Три я горюшка, горя нажила, а-ох,
Первое горюшко-то, горе: вышла вза... да взамуж молода.

Выходила молоденькая, а-эх.
Второ горюшко... да горе: пришла в се... эй, да в семью не любя.

В семейку да не любя, ох,
Третье-то горюшко-то, горе: муж уда... эх, удаля голова.

Ох, удалая голова, э-ох,
Всё не держится муж, мужик не до... ой, не дому, не жоны.

Не дому да не жоны, эх,
Только держится муж, мужик чужая д[а] о... он стороны.

Чужой он стороны, эх,
Чужой дальняя да сторонки, чужей му... ой, да мужняя жены.

Чужей мужняя жены, э-ох, да
Как своя-то жена, ай, да полынь го... ой, горькая трава.

Полынь горькая трава, а-ой, да
Как чужая-та жена, ой, да лебедушка белая.

22

$\text{♩} = 88$

Ма - ле - нькой ма - лыци - ше - цько в го - ре - нке си - дел, эх,

в го - ре - нке си - дел, он сво - ё го - ре он те - рпел.

Да сво - ё - то го - рю - шко те - рпел, эх,

су - шил, кру - шил се - рде - нько, зна - ю, зна - ю, для ко - го.

Су - шил, кру - шил се - рде - нько, зна - ю, зна - ю, для ко - го, эх,

зна - ю для ко - го: для лю - бе - зной Са - ши сво - е - ё.

Маленькой мальчишецько в горенке сидел, эх,
В горенке сидел, он своё горё он терпел.

Да своё-то горюшко терпел, эх,
Сушил-крушил серденько, знаю, знаю, для кого.

Сушил-крушил серденько, знаю, знаю, для кого, эх,
Знаю, для кого: для любезной Саши своейё.

Для любезной Саши своейё...
Эх, где моя любезная? — далеко она живёт.

Далеко она-то живёт.
Эх, в далеком-далёко, меж горами высоким.

Меж горами высоким...
Эх, в далеком-далёко, меж руцьями глубоким.

Меж руцьями глубоким...
Эх, там место приятное, там привольной дух несёт.

Там привольной дух несёт...
Эх, место то приятно, там душа Аннушка живёт.

Душа Аннушка живёт...
Эх, скажи-ко, Аннушка, скажи, любишь али нет?

Скажи, любишь али нет?..
Эх, если любишь, то скажи — возьму за сибя...

23

$\text{♩} = 76$

По-лю-бил жо да мо-ло-дец, эх да, мо-ло-ду-ю мо-ло-д-ку.

Он за-бо-ту-шки да об ней, эх, не-ма-ло по-лу-ча-ёт.

да но-чей
Мно-го тём-не-н(и)-ких но-чей, эх, ма-ленько у-сы-па-ёт.

Полюбил жо да молодец, эх, да
Молодую молодку.

Он заботушки да об ней, эх,
Немало получает.

Много тёмненьких ночей, эх,
Маленько усыпает.

Он любезную да свою...
Ой, да Сашей называет.

— Уж ты спишь али да не спишь,
Да моя любезная?

Уж ты, ежели да не спишь,
То выйди-ко на крылечко.

— Уж я рада бы с тобой,
Ой, да всю ночь говорити.

Мой постылый старый муж
Да на правой да на ручке

Тяжелешенек да лежит,
Да как гнила да колода.

Я пойду жо, верно, молода,
Ах, да-(й) Богу я помолюся.

Не пошлет ли мне да Господь
Да тучу грозовую.

Не убьет ли, зашибёт,
Ох, да постылого мужа.

Накатилась, верно, навалилась
Туча грозовая.

Да убила, верно, зашибила
Сердечного дружка.

Сохранила да и соблюла,
Ах, да постылого мужа.

Я напрасно, верно, молода,
Ах, да Богу-то я да молилась.

23а

$\text{♩} = 72$

По - лю - бил же мо - ло - дец да мо - ло - ду - ю мо - ло - дцу, ох,
он за - бо - ту - шки да по ней да ма - ло по - лу - ча - ет.
Ох, он за - бо - ту - шки да по ней да ма - ло по - лу - ча - ет, ох,
он ведь э - нти - х(ы) да но - чей да ма - ло до - сы - па - ет.
Ох, он ведь э - н...е - ти - х(ы) да но - чей да ма - ло до - сы - па - ет, ох,
он ко - ко - ше - чку да ко - кну, ой да, ча - сто при - па - да - ет, ох...

Полюбил же молодец да молодую молодку, ох,
Он заботушки да по ней да мало получает.

Ох, он заботушки да по ней да мало получает, ох...
Он ведь энтих да ночей да мало досыпает.

Ох, он ведь эн... етих да ночей да мало досыпает, ох...
Он к окошечку да к окну, ой, да часто припадает.

Ох, он к окошечку да к окну, ох, да часто припадает.
— Ох, ешшо спишь ли да не спишь, моя любезная, ох,

Уж ты ежели да не спишь, да выйди на крылечко.

Ох, ешшо ежели да не спишь, да выйди на крылечко, ох,
Ты с молоденьким с молодцом да вымолви да словечко.

— Ох, уж я рада, рада бы с тобой да всю ночь говорити, ох,
Мой-то постылой старой муж да на правой да на ручке.

Он тежалёшенек да лежит, да как гнилая колода, ой,
Обнимать ево, целовать да мне-то неохота.

Накатися, ой, да навалися, туча громовая, ох,
Ешшо выпади, да стрела, эх, стрела громовая.

Ты убей да ево зашиби да постылово мужа, ох,
Сбереги да верно сохрани да сердечново друга.

Уж я б знала, знала, молодёшенька, Богу не молилась, ох,
Со старым-то, верно, с муженьком да спать бы не ложилась.

23б

$\text{♩} = 104-120$

Ро_сто_пнё - ше.н(и)_ко, то_ш(и) - но, да

кто да ко - го лю... ко - го лю - бит.

Хто(й) ну ко - го лю - бит, ох,

по - лю - бил(ы) жо да мо - ло - дец, да
 мо - ло - ду - ю мо - ло... вот мо - ло - дку.
 Мо - ло - ду мо - ло - дку, ох,
 он за - бо - ту - шки о - б(ы) ней да м(ы) -
 но - го да по... по - лу - ча... по - лу - ча - ёт.
 Мно - го по - лу - ча - ё... ох,
 о.н(ы) тём(ы)_ны_х(ы) - то ли да но - чей, да
 ма - ло у - сы - па... у - сы - па - ёт.

Ростошнёшенько-тошно (да)
 Кто да кого лю... кого любит.

Хто(й) ну кого любит... (ох)
 Полюбил жо да молодец (да)
 Молодую моло... вот молодку.

Молоду молодку... (ох)
 Он заботушки об ней (да)
 Много да по... получа... получает.

Много получае[т]... (ох)
 Он темных-то ли да ночей (да)
 Мало усыпа... усыпает.

Вокруг моего двора (ах да)
 Миленькой гуля(й)... вот гуляет.

Гуляё[т]... (ох, ой),
 Ой, да из окошечка в окно
 Часто припада(й)... припадает.

— Ох, ты спишь али не спишь,
Моя любезна(й)... любезная (эх)?

Уж как ежели ты не спишь,
Так выйди-ко на крыле... на крылечко.

Выйди на крылечко... (ох)
Да со мною, с молодцем (да),
Вымолви слове... вот словечко.

Вымолви словечко... (ох)
— Уж я рада бы с тобой (да)
Всю ночь говори... говорити.

Всю ночь говорити... (ох)
Мой постылый да старый муж
Лежит на правой ру... правой ручке.

На правой ручке... (ох)
Тяжелёшенек лежит (да),
Как гнилая коло... вот колода.

Гнилая колода... (ох)
Мне обнять его да полюбить (да)
Шибко неохо... неохота.

Шибко неохота... (ох)
Целовать-то да миловать (да)
Вовсе не годи... не годится.

Вовсе не годится... (ох)
Уж как стану я, млада (да),
Богу помолю... помолюся.

Богу помолюся... (ох)
Накатися да подымися,
Тученька тё... туча тёмная.

Туча тёмная... (ох)
Выпади да с тучи (да),
Стрела громова... громовая.

Стрела громова... (ох)
Убей-ко да зашиби (да)
Моего старого му... стара мужа.

Старого мужа... (ох)
Сохрани да сбереги (да)
Сердечного дру... вот дружка.

Сердечного дружка... (ох)
Накатилась да поднялась (да)
Тученька тёмна... вот тёмная.

Тученька тёмная... (ох)
 Выпала из тучи (да)
 Стрела громовая... громовая.

Стрела громовая... (ох)
 Убила да зашибла (да)
 Сердечного дру... вот дружка.

Сердечного дружка... (ох)
 Сохранила да сберегла (да)
 Старого му... стара мужа.

Старого мужа... (ох)
 Уж и знала бы я, млада (да),
 Лучше бы не моли... не молилась.

23В

$\text{♩} = 116$

Ой, не то - шно ли то - му, хто по де - вкам хо - дит.

Ой,

Ох, по - то - шня - е ли то - му, хто мо - ло - док лю - бит.

да то - му, ой,

Эх, по - лю - бил жо мо - ло - дець, эх, мо - ло - ду мо - ло - дку.

мо - ло - ду - ю мо - ло - дку

Ой, ён - то за - бо - ту - шки пе - ча - ли мно - го по - лу - ча - ет.

Ой, не тошно ли тому, ой,
Хто по девкам ходит.

Ох, потошная ли (да) тому, ой,
Хто молодок любит.

Эх, полюбил жо молодец, эх,
Молоду молодку.

Ой, ён-то заботушки-печали
Много получаёт.

Ой, вокруг-то любезного двора, ой,
Всю ночь гуляёт.

Ох, он свою-то любезную
Часто поприкаёт:

— Ой, ты спишь или не спишь,
Моя любезная?

Ой, да коли ты не спишь,
Выйди на крылечко!

— Ой, уж я рада бы радёшенька
Выйти на крылечко,

Да мой-от постылой-то муж
На правой на ручке.

Ох, он тяжёл-то, у него
Каменная голова.

Ох, он и дышит-то, и пышит,
Как старая корова.

23Г

Полюбил меня молодец,
Молодку, молодку,
Он заботушки, было, как об [н]ей
Много, много получает.
Кого его¹ двора
Миленькой гуляет.
Ой, любезную, было, свою
Сашей, Сашей называет.
— Ох, спишь али, было, не спишь
Моя верная любезная?
Если-ежели, Нюра, не спишь,
Выйди, выйди на крылечко.
Ох, ты со мною, со мною, молодцом,
Вымолви словечко!

— О-о... с тобой, с тобою, молодцом,
 Рада всю ночь говорити,
 Говорити...
 К постылой старой верной ле-де
 На правой на ручке.
 К тяжелёшенек было лежит,
 Как гнила колода.
 Томно стонет, стонет да кричит,
 Как гнила корова.

23д

Не скучно ли тому,
 Кто кого полюбит?
 Поскучнее есть тому,
 Кто о ком потужит.
 Полюбил-то ли молодчик
 Молоду молодку.
 Он печалюшки, заботы
 Много получает,
 Он темных-то ночей
 Мало усыпает.
 Крут молодкина двора
 Всю ночку гуляет.
 Ко кутнему окошечку
 Часто припадает,
 Любезную он свою
 Сашей называет.
 — Спишь ли, моя любезная?
 Ежели не спишь ты,
 Выйди на крылечко!
 — Уж я рада, рада встать —
 Старый пробудится.
 Что лежит постылый муж
 У меня на ручке.
 Он тяжел ли, не тяжел —
 Как гнила колода;
 Колодушка гнилая,
 Ровно дубовая,
 Из-под моху, из болота,
 Я его хозяйка.
 Я хозяйюшка его,
 Жёнка молодая.
 Уж я встану же, млада.
 Встану пороняе,
 Уж я встану да умьюся,
 Богу помолюся:
 «Здынься, здынься, накатися,
 Туча темна, грозна,
 Уж ты вылети из тучи,
 Стрела каленая.
 Ты убей-ка, застрели-ка
 Постылого мужа,

Ты спаси-ка, сохрани-ка
Сердечного друга!»
Как здынулась, накатила
Туча темна, грозна,
Вылетела же из тучи
Стрела каленая,
Что убила, застрелила
Сердечного друга,
Сохранила, сберегла
Постылого мужа.
Лучше мне бы, молоденьке,
Богу не молиться,
Лучше мне бы во любви
С миленьким нажитья.

24

$\text{♩} = 120$

...бе не - взго - ду, да
Чу - ёт, чу - ёт Ко - ле - нька сам си - бе не - взго - ду, да

ля - ли, ля - ли, лё - ше - ньки ...бе не - взо - ду.
ля - ли, ля - ли, лё - ше - ньки, сам си - бе не - взго - ду.

...ду, не - взго - ду, да бо - льшо - ё со - вла - тство, да
Не - взго - ду, не - взго - ду, да бо - льшо - ё со - вла - тство, да

ля - ли, ля - ли, лё - ше - ньки, бо - льшо - е со - вда - тство.

на - до Ко - ле - ньке в со - вда - ты и - ди - ти,
На - до, на - до Ко - ле - ньке в со - вда - ты и - ди - ти, да

ля - ли, лё - ше - ньки, в со - вда - ты и - ди - ти.
ля - ли, ля - ли, лё - ше - ньки, в со - вда - ты схо - ди - ти.

Чует, чует Коленька сам себе невзгоду (да),
Ляли, ляли, лёшеньки, сам себе невзгоду...

Невзгоду, невзгоду, да большоё совдатство,
Ляли, ляли, лёшеньки, большое совдатство...

Надо, надо Коленьке в совдаты идти (да),
Ляли, ляли, лёшеньки, в совдаты сходити...

Надо, надо Коленьке царю послужити (да),
Ляли, ляли, лёшеньки, царю послужити...

Царю-государю да молодому кнезю (да),
Ляли, ляли, лёшеньки, молодому кнезю...

Надо, надо Коленьке на посту стояти (да),
Ляли, ляли, лёшеньки, на посту стояти...

Надо, надо Коленьке ружьицё дёржати (да),
Ляли, ляли, лёшеньки, ружьицё дёржати...

От своя-то ружьиця белы ручки шшаплёт (да),
Ляли, ляли, лёшеньки, белы ручки шшаплёт...

Во тесных сапожках-то белы ножки зябнут (да),
Ляли, ляли, лёшеньки, белы ножки зябнут...

Едет, едет батюшка, едет из Казани (да),
Ляли, ляли, лёшеньки, едет из Казани...

Едет, едет миленькой мимо караулу (да),
Ляли, ляли, лёшеньки, мимо караулу...

— Смени, смени, батюшка, смени с караулу (да),
Ляли, ляли, лёшеньки, смени с караулу...

Сменишь иль не сменишь — среди ночи сбежу (да),
Ляли, ляли, лёшеньки, среди ночи сбежу...

Бежал, бежал Коленька, бежал, торопился (да),
Ляли, ляли, лёшеньки, бежал, торопился...

О шелкову травушку весь он замочился (да),
Ляли, ляли, лёшеньки, весь он замочился...

— Пусти, пусти, батюшка, пусти обогреться (да),
Ляли, ляли, лёшеньки, пусти обогреться...

Пусти, пусти, матушка, пусти обсушиться (да),
Ляли, ляли, лёшеньки, пусти обсушиться!

24а

Чует, чует Коленька сам себе невзгоду,
Невзгоду-невзгодушку да большое солдатство.
Надо, надо Коленьке в солдаты сходитьи, царю послужити,
Царю-государю да молодому князю.
Надо Коленьке на часах стояти, надо Коленьке ружьецо держати.
Да от военна ружьеца белы ручки зябнут,
Во тесных сапожках да резвы ножки щиплет.
Едет, едет батюшка да едет из Казани,
Едет, едет батюшка мимо караула.
— Смени, смени, батюшка, смени с караулу,
Сменишь ли, не сменишь — середь ночи сбежу!
Бежал, бежал Коленька, бежал, торопился,
О шелкову травушку весь он измочился.
— Да пусти, пусти, батюшка, пусти обогреться,
Пусти, родна матушка, пусти обсушиться.
— Иди, иди, дитятко, во чисто поле,
Тебя ветерком обдунет, солнцем обогреет.

Во сло-бо-дке-то бы-ло во но-во-й да,

жи-вёт ма-льчик-от мо... ой, мо-ло-дой.

Ой, жи-вёт ма-льчик-то, бы-ло, мо-ло-дой дак,

бе-за-бо-тли-вой да та-кой.

Ой, и-шшо мо-ло-дца, ли ну, за-бо-ту-ш(и).

ка да ко де... (э) - ву-ш(и) - кам да хо-дить.

Во слободке-то было во новой да
 Живёт мальчик-от мо... ой, молодой.
 Ой, живёт мальчик-то было молодой, дак
 Беззаботливой да такой.
 Ой, ишшо молодца ли, ну заботушка —
 Да ко девушкам да ходить.
 Ко девушкам да вот сходить, ой,
 Молоду-то жону да всё любить.
 Молодая-то та ли жона да
 Догадалася (й) да сама.
 Ай, догадалася было долекалась да:
 «Муж-то гуляёт-то ён от меня.
 Муж гуляёт-то, сам-то не знает, да
 Не с-по дням-то, не с-по... ой, не по часам.
 Не с-по дням было, не с-по часам, да
 С-по вечерным-то с-по... ой, с-по зорям.
 Знать-то, у миловы, ой, да следок да
 Ко девушкам-то в те... ой, в теремок.
 Ко девушкам-то было в теремок да
 Ко девушкам да во зелёной, ой, да в садок».
 Во зелёном-то было во саду да
 Всю я травоньку, ой, да спомял.
 Всю я травоньку да вот спомял да
 Все цветочки-те при... ой, притоптал.
 Во лесочке-то были два кусточка, да
 Неподалеку я не... ой, не стоял.
 Неподалеку я не стоял, да

Про милово-то го... ой, да говорят,
 Про милово-то было дорогово.
 Завтра праздниёк-от будёт дорогой.
 Завтра праздник-от, праздник воскресеньё, да
 Нам гулящий-от день, день-то придёт.
 Нам гулящей-то было развесёлой,
 В лес-то по ягодки с Машей пойдём.
 В лес-то по ягодки мы пойдём, да
 По чёрную черё... эх, черёмушку.
 Принабравши да было в лесе ягод, да
 Из кусточков-то про... ой, прочь пошла.

⟨Далее с пересказа:⟩

Из лесочка-то было из кусточка на большу дороженьку,
 На большую, трахтовую, на Сибирской славной тракт.
 На Сибирском на трахту пир-беседа весёла.
 Пир-беседа весёла, во беседе писаря.
 Во беседе писаря, они пишут письмецо,
 Небольшое, маленько...

25а

$\text{♩} = 120$

Во сло - бо - дке - то бы - ло во но - вой да (да),
 жи - вёт ма - л(е)чик - от мо... а - ох, мо - ло - дой.
 Жи - вёт ма - лычк - от, мальчик мо - ло - дой да,
 бе - зза - бо - тней, о - й, да та - кой.
 Бе - зза - бо - тный, ой, да не - ра - бо - тной да,
 па - рень - то ко де - ву - шке там да хо - дил.
 Вот по де - ву - шкам ма - лычк хо - дил да,
 мо - ло - ду же - ну он да где - дел.

Во слободке-то было во новой да
Живёт мальчик-от мо... а-ох, молодой.

Живёт мальчик-от, мальчик молодой да
Беззаботный, ой, да такой.

Беззаботней, ой, да неработной, да
Парень-то ко девушке там да ходил.

Вот по девушкам мальчик ходил, да
Молоду жену он да гледел.

Молоду жену, ой, да гледел, да
Молодая жена да сама догадалася.

Догадалася было допыталася:
Муж-то гуляет да сам-то не знает, да
Не по дням-то, не... ох, не с-по часам.

Не с-по дням-то, не по часам, да
Не с-по утренней да заре.

Не с-по утренней да заре, да
С-по вечерной-то по... ой, да по росе.

С-по вечерной-то было с-по росе, да
Застыл, застыл тоненькой, ой, да ледок.

Застыл тоненькой, ой, да ледок, да
Выпал беленькой, ой, да снежок.

Выпал беленькой, ой, да снежок, да
Знать-то, у милого, ой, да следок.

Знать, у милого-то следок, да
С-по девушкам-то в те... ох, в тереме.

С-по девушкам-то было к лебёдушкам, да
Во зелёной да садок.

Во садок зелёной-то было, во саду, да
Всю я травоньку, ой, да спомял.

Эй, всю я травоньку, ой, да спомял,
Все-то цветочки при... ой, да притоптал.

Все цветочки-то было притоптал, да
Ходил парень-то, парень-паренёчек,
Парень девушкин да сынок.

⟨Далее с пересказа:⟩

Почём в гости ко мне ты не пришёл,
Напоила бы тебя чайком бы с кофейком,
Сладкой водочкой с медком.

26

$\text{♩} = 66$

Ро - спе - ча - льно - е мо - ё ди - вьё се - рце
...но - е

ой, да но - ёт за - ны ва - ёт.

За - ны ва - ёт...
...ёт...

по - лно - ко, по - лно, мо - ё се - рце, ны - ти
по - лно - ко

ой, да по - лно за - ны ва - ти.

За - ны ва - ти...

Роспечальное моё дивьё сердцё... ой, да
Ноёт, занываёт.

Занываёт...

Полно-ко, полно-ко, моё сердцё, нгыти... ой, да
Полно занывати.

Занывати...

Для меня-то любезной ласков... ой, да
Как соколик ясной.

Сокол ясной...

Высоко-то соколичёк летает... ой, да
Девочек замечает.

Замечает...

Раз-то заприметил парень красну девку... ой, да
Сам уехал в город.

В город...

Уезжает-то миленькой во город... ой, да
Оставляёт в горе.

В горе...

Оставляёт-то девушку во горе... ой, да
Как кораблик в море.

В море...

Вкруг-то кораблика валики-то вьются... ой, да
Из глаз слезы льются.

Льются...

Льются-то, льются-то слёзоньки, катятся... ой, да
На час не уймутся.

Не уймутся...

Напишу-то письмо слезами... ой, да
Отошлю с друзьями.

С друзьями...

Со первым-то да со дружочком... ой, да
С сизым голубочком.

Голубочком...
 Со вторым-то да со дружочком... ой, да
 С ясным соколочком.

26а

Распечальное моё дивье сердце... ой, да поет-занывает,
 Занывает моё сердечко... ой, да о милом о дружке,
 О милом-то дружочке да о ясном соколочке.
 Соколик, соколик, летаешь да девушек пытаешь.
 Испытавши, парень, девушку, в город уезжаешь.
 Оставляет её в горе, как корабль на море,
 Как на море волны бьются, у девушки слёзы льются,
 Льются слёзы, катятся, на час не уймутся.
 Долго ждала она дружка, дождала,
 Слала девушка постельку, мягкую перину,
 Клала девушка в [и]зголовьице именны подушки,
 Именные, перьевые, перо лебедино.
 Как на эти-то подушки одна спать ложилась
 Да в полночь разбудилась,
 Поутру ранёшенько вставала, ко ей вестка пала.
 Пала вестка, письмо получила,
 Получила девушка письмецо под черной печатью, со большой печалью:
 Умер сокол её ясный во чужом краю.
 Оставалась молодлица с малыми детьми, бедными сиротами,
 Оставался конь вороной во хорошей сбруе.

27

О - тхо - ди - ли мо - и но - жки да по е - той до - ро - же - ньке.
 До - ро - же - ньке, ой,
 о - тгле - де - ли мо - и гла - зки да на е - ти о - ко - ше - чка.
 О - ко - ше - чка, ой,
 (й)у во - ко - шке у дру - жка да лё - жа - ла при - ме - то - чка.

Отходили мои ножки да
По етой дороженьке.

Дороженьке, ой...
Отгледели мои глазки да
На эти окошечка.

Окошечка, ой...
У вокошке у дружка да
Лёжала приметочка.

Не приметочка лежала,
Приметочка, ох...
Лежит сухота моя.

Сухота моя, сухотка.
Сердечушко ретивое.

Ретивое, ой...
Исушил, иссушил да искрушил
Злой мальчишка девушку.

Девушку...
Лет семнадцати девчонка,
С разумом глупёшенька.

Глупёшенька...
Она глупа, да...
Шибко молодёшенька.

Молодёшенька...
Её буйная головка
Не гладко причёсана.

Причёсана...
Её русая коса да
Мелко заплетённая.

Заплетённая...
Во косе да во русе
Да ленточка алая.

Лента алая...
Лента ала, девка бравая,
Девушка бравая.

27а

Эх, отходил да отгулял да по этой дороженьке,
Ох, отсмотрел да отглядел да на эти окошечка.
Ох, на окошке у дружка да лежала заметочка,
Не заметочка лежала, лежит сухота моя.
Исушил да искрушил мальчик красну девицу.
Лет семнадцати девчонка, разумом глупёшенька
Да девка молодёшенька,
Без белил да без румян её щечки алые,
Глазки карие, брови наведённые,

Её русая коса плотно заплетённая,
 А в русой косе да у ней лента алая.
 Ваня Дунюшу любил, да он счастливый был,
 Он от Дунюши отстал, да он несчастный стал.
 Он на лавочке сидел да всё в окошечко глядел:
 «Не пойдёт ли за водой да не махнёт ли мне рукой?»

276

Ходили мои ножки
 Да по этой дорожен(и)ке.
 Деревеньки, эй...
 Поглядели мои глазки на эти окошечка.
 Окошечка, ой...
 У окошечке у дружка летела приметочка.
 Приметочка, ой...
 Не приметочка летела, летит сухота моя.
 Сухота моя, ой...
 Сухота моя лежала, да сердечко ретивое
 Ретивое, ох...
 Иссушил да искрушил злой мальчишка девушку.
 Девушку, ох...
 Лет семнадцати девчонка разумом глупёшенька.
 Глупа она, глупа, годами молодёшенька

28

♩ = 42

Ой, ро - сла жо во по... в по - ле тра - вка, да

ро - сла, да ой, о - на по - со - хла...

Ох, по - со - хла... да...

Ох, ах,

всё лю - бил - то па - рень де - вку, да

лю - бил - то, ой, ду - рак, спо - ки нул.

Всё - то, ой, ду - рак спо - ки нул... да

- Ты на што па... ох, па - рень спо - ки да - ёшь, да

ра - зве ты че - го - то зна - ешь?

Ой, росла жо во по... в поле травка, да
Росла, да ой, она посохла.

Ох, посохла... да
Всё любил-то парень девку, да
Любил-то, ой, дурак, спокинул.

Всё-то, ой, дурак, спокинул... да...
— Ты на што, па... ох, парень, спокидаёшь, да
Разве ты чего-то знаёшь?¹

Ох, да ты цёго-то знаёшь... да
Разве зна... ой, знаёшь, замечаёшь, да
Сам(ы)-то путём, ой, да отъезжаёшь.

Сам-то путём-от отъезжаёшь... да
Несчастлива ему путь-дорожка, да
В доме, ой, да остаюся.

В доме, ой, да остаюся... да
Уж я в доме, ой, да остаюся, да
В горе на... ой да, нахожуся.

В горе, ой, да нахожуся... да
Я со етого было со горя, да
Пойду в ци... ой, да в чисто поле.

Пойду во чисто... ой, да в чисто поле... да
Я со чистого было со поли да
Пойду прямо в сад зелёной,

Пойду прямо в садик во зелёной... да
У меня ли, ой, да во садоцька да
Вырос кустик, ой, да куст калинки.

Вырос кустик, ой, да куст калинки... да
Сорублю я, ой, да ту калинку, да
Под самую под вершинку.

Под самую под вершинку... да
Повезу я, ой, да ту калинку да
Ко милому под окошко.

Ко милому под окошко... да...
— Ты рости, рости, моя калинка, да
Ты рости-ко, не подсохни!

Ой, рости-ко, не подсохни... да
Ты живи, живи, моя милая, да
Ты -ко, ой, да не пецялся.

Ой, живи-ко не пецялся, да
Если бу... ой, будет тебе скука, да
Ты пиши-ко, ой, пиши мне письма.

Ты пиши, пиши мне письма...
— А писать-то... писать я не умею, да
Писарю-то я не верю.

28a

Ой, росла же в поле, в поле травка
Да росла она, подсохла,
Полюбивши парень девку,
Любовь дурак покинул.
Кинул, ой, дурак, покинул...

<...>

Ой, я знаю, замечаю,

<...> да отъезжаю.

Да несчастливая моя путь-дорожка...
 В домичке остаётся...
 <...>
 И я в горюшке я нахожуся.
 <...>
 Ой, пойду в чистенькое полё.
 Как в том чистом поле
 Вырос кустичек калин[овый].
 Я срублю, ссеку эту калинку
 Под самую вершинку,
 Да под сам корешочек,
 Да под низенькой пенёчек.
 Отвезу эту калинку
 Да на большую на дорожку,
 На большую на дорожку
 Да <...> под окошко.

28б

Росла жо было в поле травка
 Да росла... да она подсохла.
 Все любил, любил уже парень девку
 Да любил... да, дурак, спокинул.
 — Да ты на что (жо), парень, спокидаешь?
 Да разве ты что-то знаешь?
 — Уж я знаю, знаю... замечаю,
 Да сам путем я отъезжаю.
 Несчастлива путь моя дорожка.
 Да в домичке... ой, да нахожуся...
 Да в горюшке, ой, да нахожуся...
 Я с этого было со горя <...>
 Садичок... да сад зеленый.
 У меня (ведь) во садочке
 Да вырост куст... да куст калины
 Я [с]сику-срублю эту калину
 Да под самую што вершину (*корешочек, поди-ка*)¹,
 Посажу я дружку под окно.

28в

Ай, что-то росла... а-ой,
 Росла жо в поле мужика травка,
 Да росла... да-й она спосохла.
 Ой, что-то любил жо,
 Ой жо, парень девку...
 Да любил... да ой,
 Да он спокинул.
 — Ой, ты на что жо, парень, спокидаешь?
 Да разве ты чего-то знаешь?
 — Да уж я знаю, знаю... замечаю,
 Да сам-то путем да отъезжаю.
 Да несчастлива путь моя дорожка,
 Дорожка...

Одна в доме остаюся...
 Ой, одна в до... ой, в доме остаюся.
 Да в горе-то, в горе нахожуся <...>

28г

Росла в поле травка, росла да подсохла.
 Што любил же парень девку, любил да и покинул.
 — Зачем ты покидаешь, разве ты што знаешь?
 — Уж я знаю, знаю, замечаю, сам в путь отъезжаю.
 Несчастливая путь-дорожка.
 В доме остаюся да в горе нахожуся.
 Я со этого-то горя пойду в чисто поле.
 Я со чистого-то со поля пойду в сад зеленыйй.
 В зеленом было да садочке вырос куст-калинка.
 Я ссеку, срублю эту калинку под самую вершинку,
 Я под самую ту вершину,
 Под самый корешочек, низенький пенечек.
 Отвезу эту калинку на большу дорожку,
 На крут бережочек, на крутенький бережочек,
 На желтой песочек,
 На большу дорожку к милой под окошко:
 — Ты расти, моя калинка, расти, не подсохни
 Ты живи-ко, моя любезная, живи, не печалься.

28д

Ой, да что росла же
 В по(й)... поле травка,
 Росла, да она подсохла <...>
 Что любил м[е]ня парень девку,
 Любил, да, дурак, покинул.
 — Ты о чем же, парень, покидаешь?
 Разве ты чего-то знаешь?
 — Да я знаю, знаю, замечаю...
 Сам путем я отъезжаю.
 Несчастлива моя путь-дорожка
 — Какая, ой, да... я во доме
 Да не... в горе на-й... да нахожуся
 Я со этого, да ох, горя
 Пойду в чистенькое поле.
 Я со чистого, да ох, поля
 В садичек пойду зеленинький.
 У зеленого было садичка
 Вырос кустичек калиновыйй.
 Я срублю эту калинку
 Под самую под вершинку.
 Я под самую вершинку,
 Под самый да корешок.
 Я снесу... эту... на дорогу,
 Я на самую да дорогу,
 Ко милому под окошко.

$\bullet = 40$

У - ко - ло - ла но - же - ньку во до - ли - ну - шке, бо -
лит мо - я но - же - нька, да не [бо - льно].
Бо - лит мо - я но - же - нька, да не бо - льно, лю -
бил ме - ня ми - лый мой, да не до - лго.
Лю - бил ме - ня ми - лый мой, да не до - лго, ах,
хо - чет е - хать ми - лой мой в го - ро - до - чек.

Уколола ноженьку во долинушке,
Болит моя ноженька, да не больно.

Болит моя ноженька, да не больно,
Любил меня милый мой, да недолго.

Любил меня милый мой, да недолго, ах,
Хочет ехать милой мой в городочек.

Хочет ехать милой мой в городочек, ах,
Я же за ним, девушка, не гонюся.

Я же за ним, девушка, не гонюся, ах,
Русою косою я дорожуся.

Руса моя, косынька, коротенька,
Да осталась, девушка, сиротенька.

30

$\text{♩} = 80$

Со-ло ве - ю - шко, па - ре-нь мо - ло - дой, да,

со - ло - вей, со - ло-ве - йко, па - рень мо - ло - дой, да,

ты...(ы), ой, ты не пой - ко ра нё - ше - нько ве-сной.

Ты не пой - ко ра нё - ше-нько ве-сной, да,
пой - ко

не пой ши... не (не)пой ши - бко, ши - бко, не пой гро - мко,

не... ох, не столь ску - чно се рде - чку мо - е - му.

Не столь ску - (у)чно се рде - чку мо... ой да,
мо - е - му, да,

не столь ску... не столь ску - чно, ве - рно, не столь бе - дно,
сам, ой, сам не зна - ю, мо ло - дчик, по - че - му.

Соловешко, парень молодой... (да)...
Соловей... соловейко, парень молодой (да),
Ты... ой, ты не пой-ко ранёшенько весной.

Ты не пой-ко ранёшенько весной... (да)...
Не пой ши... не пой шибко... шибко, не пой громко.
Не... ох, не столь скучно сердечку моему.

Не столь скучно сердечку моему... (да)...
Не столь ску... не столь скучно, верно, не столь бедно,
Сам... ой, сам не знаю, молодчик, почему.

Сам не знаю, молодчик, почему... (да)...
Сам не зна... сам не знаю, только замечаю (да)
С-по... ох, с-по любезной с-по Саше с-по своей.

С-по любезной с-по Саше с-по своей... (да)...
Где моя... где моя, моя-то любезная (да ох),
Далеко ли она-то отошла?

Далеко ли она-то отошла... (да)...
За четы... за четыре... четыре, ровно, ста (да),
За... ох, за четыре, мой милой, за пятьсот.

За четыре, милой, за пятьсот... (да)...
За двена... за двенадцать было-то уездных...
За... ох, за двенадцать уездных городов.

За двенадцать уездных городов... (да)...
 За двена... за двенадцать-то было за тринадцать (да),
 В сла... ох, в славной город, молодчик, в Питенбурх.

В славной город, молодчик, в Питенбурх... (да)...
 Я нема... я немало слёз-то да роняла,
 С-по... ох, с-по голубчике, дружке по своём.

С-по голубчике, дружке своём... (да)...
 Во слезах... во слезах дружочка просила (да):
 — Хоть... ох, хоть маленько, дружочик, поживем!

30а

Соловеюшко — парень молодой,
 Ты не пой же ранешенько весной.
 Не спой шибко, не спой громко.
 Мне столь скучно, братцы, молодцу,
 Мне столь скучно, мне столь бедно,
 Сам не знаю, парень, почему.
 Только знаю, почему: по любезной Сашеньке своей.
 Как моя-то любезная, отдалилась она от меня.
 Отдалилась, отошла за четыре ровно ста,
 За четыре, за пятьсот...
 За двенадцать губернских городов,
 За двенадцать, за тринадцать...
 В славный город губернский — во Москву.
 Во Москве парень гулял,
 Извощичков себе нанимал.
 Извощичка не нашел,
 Сам заплакал и пошел,
 Ко товарищу пошел.
 — Ты товарищ, братец мой,
 Сядь, подумаем со мной,
 Сядь, подумаю-погадаю,
 Кого к любушке послать.
 Мне-ка малого послать —
 Мал не знат, чего сказать.
 Мне старого послать —
 Стар не дойдет до двора,
 Не отворит, старый, ворота.
 Мне ровнюшку послать —
 Ровня все пропьет да прокутит.
 А самому мне-ка идти —
 Надо подарочков много нести.

$\text{♩} = 100$

Ох, не дозре - ла - я, да ка ли - ну - шка,

е - ё не - лья за - ло-мать...

Ох, не до - ро - сла - я кра - сна - я де - ву - шка,

не - до - ро - сла - я

е - ё не - лья за - муж взять.

Ох, не дозреть - то, бу - дё, да ка ли - ну - шке,

ско - ро о - сень по - йдёт.

Ох, по - до - йдёт о - сень, да хо - ло - дна - я,
 ...до - йдёт

со ка - ли - ну - шки, да ли - сто - чик о - па - дёт.

Ох, незрелая да калинушка,
 Её нельзя заломать...

Ох, недорослая красная девушка,
 Её нельзя замуж взять.

Ох, не дозреть-то будё[т] да калинушке,
 Скоро осень подойдёт.

Ох, подойдёт осень да холодная,
 Со калинушки да листочик опадёт.

На мою-то ли на роскошую
 Печаль-горё нападёт.

Ой, первое горюшко да незнамоё —
 Милой плакать не велит.

— Да ты наплачешься да навоешься,
 Когда не будет миня.

Ох, когда не будет да не будет...
 Дружка в совдаты увезут.

Ох, увезут дружка да в совдатушки,
 Миня взамуж отдадут.

Ох, недалеко ль замуж выйду (да),
 За калиновый да мосток.

Ох, по мостам, по мостам да калиновым
 Тройка конюшек бежит.

Не мою ли расхорошую
 Ко злату к венцу везут?

— Уж ты стой-постой, хорошая,
Постой, милая моя!

— Уж я рада-бы, радёшенька,
Мои кони не стоят.

Купера мои, извошпички
Не могут коней удержать!

— Ух ты милая, хорошая,
Хоть ты рученькой махни!

— Уж я рада бы, радёшенька,
Да во руках платоцька нет!

— Уж ты милая, хорошая,
Хоть головушкой кацъни!

— Уж я рада бы, радёшенька,
Да на головушках венци!

— Уж ты милая, хорошая,
Хоть ты глазиком мигни!

— Уж я рада бы, радёшенька,
Мои глазки во слезах.

— Уж ты милая, хорошая,
Хотя после не забудь!

— Уж я рада бы, радёшенька,
Да худа слава на роду падёт!

31а

$\text{♩} = 76$

Не дозре - ла - я да ка - ли - ну - (у) - шка,
е - ё не - лъзя за - ло - мать.
За - ло - мать да,

не до - ро - сла кра - сна де - ву - (у) - шка,
е - ё не - лья за - (а) - муж взять.

Взять да,
у мо - ей - то у хо - ро шей да
есть два го - рю - шка да с со - бой.

Недозрелая да калинушка,
Её нельзя заломать.

Заломать... да
Недоросла красна девушка,
Её нельзя замуж взять.

Взять... да
У моей-то у хорошей да
Есть два горюшка да с собой.

С собой... да
Про одно горё да не сказано —
Милой плакать не велел.

Не велел... да...
«[Ты] не плачь, не плачь, моя хорошая,
Не плачь, милая да моя.

Моя... да
Ты наплачешься да навоеешься,
Когда не будёт да меня.

Да меня... ой, да
Когда не будёт да не будёт,
Дружка в солдаты увезут.

Увезут... да
Увезут дружка да в солдатухи,
Тебя взамуж отдадут».

Недалёко выйду я замуж да —
За калиновой да мосток.

Мосток... да
С-по калинову да мосточику
Тройка конюшек да бежит.

Бежит... да...
— Ты постой, постой, хорошая, да
Постой, милая да моя.

Моя... да...
— Уж я рада бы да радёшенька —
Мои кони не стоят.

Не стоят... да
Молодые-то извощички
Не могут коней да держать.

Держать... да...
— Ой ты, милая моя да хорошая, да
Хоть ты ручкой помашаи.

Маши... да...
— Уж я рада бы да радёшенька —
Во руках свечи да горят.

Горят... да...
— Уж ты милая моя да хорошая, да
Хоть ты глазиком да мигни.

Мигни... да...
— Уж я рада бы да радёшенька —
Мои глазки во слезах.

Во слезах... да...
— Уж ты милая моя, хорошая, да
Хоть головушкой да качни.

Качни... да...
— Уж я рада бы да радёшенька —
На головушке да венец.

Венец... да...
— Уж ты милая моя да хорошая, да
Хотя после помяни.

Помяни... да...
— Уж я рада бы да радёшенька —
Мне на разум не придёт.

31б

Недозрелая да калинушка, её нельзя заломать,
 А недорослая красная девушка, её нельзя замуж взять.
 Ой, дозреть-то некогда калинушке, скоро осень подойдёт.
 А подойдёт осень холодная, все листочки опадут.
 Ай, на мою-то на калинушку два те горя нападут.
 А у мойей-то у желанные два-то горя с собой.
 А про одно-то горюшко не сказано,
 Другое горе — милой плакать не велит:
 — Да ты наплачешься да ты навоёшься,
 Да когда не будет меня,
 А не будет, не будет...
 Меня в солдатушки возьмут, а тебя замуж отдадут.
 Меня в солдаты — на пять лет, а тебя замуж — на весь век.
 А по калинову мосточку, чу, коретушки стучат
 Да колокольчики бречат,
 А не мою-ту ли желанную к золоту венцу тащат.
 — А ты, моя милая, поедешь взад, хоть маленечко постой.
 — А рада я, радёшенька, мои кони не стоят, а они едут да палят.
 — Ну дак ты, милая, хоть ноженькой качни.
 — А рада я, радёшенька, с ноги башмачок слетит.
 — Ну дак ты, моя милая, хоть рученькой махни.
 — А рада я, радёшенька, с руки перстенки слетят.
 — Ну дак ты, моя милая, хоть платочиком махни.
 — А рада я, радёшенька, в руках платочка нет.
 — Ну дак ты, моя милая, хоть на подклети помяни.
 — А рада я, радёшенька, то[г]ды воля не моя.
 — Ну дак ты, моя милая, будь ты проклета.

31в

Ой, незрелая да калинушка,
 Ея нельзя заломать.
 Ой, недорослая красная девушка,
 Ея нельзя замуж взять.
 Ой, не дозреть-то будет да калинуше,
 Скоро осень подойдет.
 Подойдет осень да холодна,
 На мою милую горюшко найдет.
 Ой, найдет горе да велико,
 Ой, меня в солдаты увезут.
 Ой, увезут меня в солдатушки,
 Её замуж отдадут.
 Ой, недалеко замуж выдет,
 Ой, да на калиновом мосту.
 Ой, по калиновым да мосточкам,
 Ой, да тройка конюшей бежит.
 Ой, не мою да расхорошую,
 Ой, да ко венцению везут?
 — Ой, ты постой, постой, моя хорошая,
 Постой, милая да моя!

— Ох, уж и бы рада да радешенька,
 Мои кони да не стоят.
 Кочера-то мои да извозчики
 Не могут да коней держать.
 — Ой, уж ты, милая да хорошая,
 Хоть ты платиком махни!
 — Ой, уж и рада бы радешенька
 Во руках платочка нет.
 — Ой, уж ты, милая моя, хорошая,
 Хоть ты глазком да мигни.
 — Ой уж и рада бы радешенька,
 Мои глазки, ой, да в слезах.
 — Ой, уж ты, милая моя хорошая,
 Хоть головушкой да качни.
 — Ой, уж и рада бы радешенька,
 Ой, да на головушке да венец.

32

$\text{♩} = 56-60$...аль, да,

Ох, ко - во - то не - ту, то - во ста - ло жаль, да,

у - е - зжа - ёт ми - лой в - даль.

...е - зжа - ёт

Ох, у - е - зжа - ёт се - рде - шной, о - ста - вля - ёт

о - ни ла - ско - вы ми - лы сло - ва. Ох,

На про - шше - ныи - це
на про - шше - ныи - це ми - ле - н(и) - кой о - ста - вил
с ру - ки пе - рстень зо - ло - той.

Ох, ково-то нету, тово стало жаль, (да)
Уезжаёт милой вдаль.

Ох, уезжает сердешной, оставляет
Одни ласковы милы слова.

Ох, на прошшеньице миленькой оставил
С руки перстень золотой.

Ох, ден(и)-то на рученьке перстень носила,
К ночи взголовы его клала.

Ох, клала-то, клала-то, ишшо замечала,
Штобы виделся милой во сне.

Да поутру ранёшенько вставала¹,
Облевалася, милой, слезьми.

Ох, три-то пуховые мои подушки
Потонули они в слезах.

Ох, соболиное мое одеялышко
Не согрело оно мою грудь.

Ох, не согрело-то, не согревало,
Пролежало всю ночь во ногах.

32а

$\text{♩} = 132$

Ой да, ко - во не - ту, да то - во - то жаль, ой да,
 по - е - зжа - ет ми - лой вдаль.
 Ох, по - е - зжа - ет, се - р - де - шной, о - ста - вля - ет да
 о - дне ла - ско - вы, ми - лой, да сло - ва.
 О - х(ы), на про - ша - нье - це ми - ленькой да о - ста - вил да
 с ру - чки пе... эх да, пе - р - стень зо - ло - той.
 Ох, день да на ру - ченьках - то е - во да но - си - ла да
 в но - чь в го - ло - ву - то е - во да кла - ла.

Ой, да ково нету, да тово-то жаль, ой, да,
 Поезжает милой вдаль.

Ой, поезжает, сердешной, оставляет да
 Одне ласковы, милой, да слова.

Ох, на прощаньеце миленькой да оставил да
 С ручки пе... эх, да перстень золотой.

Ох, день да на рученьках-то ево да носила да
 В ночесь в голову-то ево да клала.

Ой, дли тово с головы я да перстень клала да,
 Штобы виделсе да милой да во сне.

Ох, поутру-то да ранёшенько да вставала да,
Умывалася горькой да слезой.

Ох, соболиное моё одеялышко
Не согрело да мою-то белу грудь.

Ох, не согрело, сердешно, не пригрело да
Без милово, ой, да без дружка.

Ой, всё пуховые да мои подушечки,
Утонули да они да во слезах.

326

Ко - во не - ту, то - во мне - ко жа - л(и) да
у - е - зжа - ё ми - ло - й вдаль.
У - е - зжа - ё ми - ло - й, о - ста - вля - ёт да
о - дни до - бры - е сло - ва.
На про - шша - ныи - це ми - лень - кой о - ста - вил
с ру - ки пе - рстень зо - ло - той.

Ково нету, тово мне-ко жаль да,
Уезжаё милой вдаль.

Уезжаё милой, оставляет да
Одни добрые слова.

На прошшаньице миленькой оставил
С руки перстень золотой.

День на рученьке кольцё носила,
К ночи в головы клала.

Потому кольцё я клала да,
Штёбы миленькой привиделса во сне.

(и) Поутру-то я вставала да,
Умывалася слезми.

(и) Все пуховые подушечки
Потонули во слезах.

(и) Соболиное тёплоё одеялышко
Не согрело мою грудь.

(и) Оно не согрело, оно не пригрело да
Без милова без дружка.

(и) Как бы было воску ядрышко,
Слила крылышка себе.

(и) Сливши, сливши лёгки крылья да,
Полечу я к милому сама.

(и) Полечу я сама, подымуся да
Выше Питера-Москвы.

(и) Присчисливши выход мой да,
Шёл навстречу милый мой.

Шёл навстречу милой мой да,
Разговаривал со мной:

— (и) Здра[в]стуй, милая моя, да
Похудела без меня.

(и) Похудела, побледнела,
Нету краски во лице.

— Ну кака жо, милой, краска да,
Я лежала в немочи.

32в

Ой, да кого нету, того мне стало жаль, да...
Уезжает милой вдаль.

Ох, уезжает, сердешной, оставляет
Одни ласковы милой слова.

Ох, на прощаньице миленькой оставил
С руки перстень, верно, золотой.

Ох, день-то на рученьках перстень носила, да...
К ночи в головы его клала.

Ох, клала, клала колечко, замечала, да...
Чтобы виделася милой во сне.

Ох, поутру ранёшенько вставала, да...
Умывалася горькой слезой.

Ой, да пуховые мои подушечки,
Утонули они во слезах.

Ох, соболиное тёпло одеялышко
Не согрело мою белу грудь.

Ох, не согрело одеяло, не пригрело, дак...
Без милого, верно, без дружка.

Ох, кабы было бы, было воску ярово,
Крылышко бы я слила.

Свивши, свивши себе крылышко,
Полетела, верно, к дружку вдаль.

Ох, полетела, сердешна, поглядела, да...
Выше Питера, выше Москвы.

Ох, несчастный попался выход мой,
Попал настрету, верно, милый мой.

Эх, попал настрету, сердешной, издале-то,
Поздоровался, верно, со мной.

32Г

Кого-то нету-тко, больно стало жаль (дак и ох)...
Уезжает милой вдаль.

Ой, уезжает-то, милой оставляет (ой)...
Одни ла... ой, ласковы слова.

Слова... (дак и ой)...
На прошшаньице миленькой оставил (да ой)...
С ручки пе... э-ой, перстень золотой.

Ой, да день-то на рученьке кольцо носила (да ой)...
К ночи в [и]зго... ой, в [и]зголовью клала.

Ой, поутру-ту ранешенько вставала (да ой)...
Залива... заливалася слезьми...

32Д

[Ково нету, тово жаль], когда уезжает милой вдаль,
Уезжает милой, оставляет одне ласковы милой слова.
На прощаньице милой оставил с руки перстень золотой.

День на рученьке кольцо носила, к ночи в головы ево клала.
 Потому в [и]зголовьице я клала, штобы виделся милой во сне.
 Все пуховые мои подушки потонули оне во слезах,
 Соболино тёпло одеяло не согрело белу грудь.
 Кабы было воску яру, сибе крылышки бы я слила,
 Сливши, сливши сибе лёгкокрыльё, полителя к дружку вдаль,
 Полителя, высоко взлителя, выше Питера-Москвы.
 Несчастлив-от выход мой, да шел навстречу милой мой,
 Шёл навстречу милой из-за лесу, разговаривал со мной:
 — Уж ты милая моя, хороша, похудела без меня.

32е

Да кого нету, того жаль,
 Да уезжает да милый мой-то вдаль.
 О-ой, уезжает, да он мне оставляет
 Да вот-то малютку, верно, на руках.
 О-ой, мил уехал, мил меня оставил
 Да вот... вот с малюткой, верно, на руках.
 О-ой, как взгляну я на малютку,
 Да так... так слезами я зальюсь.
 Из-за тебя, моя малютка,
 Я не... ой, не глядела бы на свет.
 Из-за тебя, мой злой-то мучитель,
 Я пойду в море... ой, в море утоплюсь.
 О-ой, куда девалась та тропинка,
 Да что дорожку нам вела?
 Куда ж девался мой мучитель,
 Кто словами увещал?..

32ж

Сватает у неё златы кольца да на руках¹.
 [Кого нету] — то нету, того жаль мужика.
 Уезжает милой вдаль.
 Уезжает милой, оставляет,
 Да-ой... Одне ла... ох, ласковы слова.
 Ой, на прощаньице миленькой оставил
 Да с ручки пе... ой, перстень золотой.
 Да день-то на рученьке кольцо носила,
 Да, к но-й... к ночи в зго... ой, в зголове клала.
 Спо-й-утру-то ранешенько вставала,
 Да за-й... заливалась слезами.
 Две пуховые новые подушечки
 Спо-й... спотонули во слезах,
 Да соболиное тепло да одеялышко
 Не-й... не согрело мою грудь,
 Да не согрело-то тело да моё бело,
 Да при... призастыла ала кровь.
 Да как-то бы мне-ка-то, мне-ка воску ярового
 Все... себе кры... ой, крылышки свила.

Ой, свила себе крылья — да, перья лебединые,
 По-й... полетела к дружку я.
 Ох, да несчастливая путь-то моя дороженька,
 Не-й... несчастливый. Выхожу, мой...
 Навстречу милый мой, не разговариват со мной.

323

Кого нету, того жаль.
 Ой, уезжает милой вдаль, милой вдаль.
 Уезжает-то милой, оставляет
 Ой, неласковы слова, слова.
 На прощальную миленькой оставил
 Да с той рученьке перстень золотой, золотой.
 День на рученьке кольцо носила,
 К ночи, в [и]зголовы клала, клала.
 Ой, спой утру-то рано, рано вставала,
 Ой, облевалася слезьми.
 Все мой пухавые новые подушечки
 Потонули в слезах, в слезах,
 Соболиноё её одеялышко не согрела тело,
 Мою грудь, мою грудь.
 Да не согрело-то тело, моё тело,
 Да мою нежненькую грудь, грудь.
 Как бы мне тоску<...>
 Кру <...> крылышко свила, свила...
 Ой, свила крылья, крылья лебединые.
 Ой, полетела...
 Ой, да нь... несчастливой, злосчастливой выход мой.
 О <...> навстречу милой мой, милой мой.
 Всё навстречу... милой недалеко,
 Разговариват со мной, со мной:
 «Уж ты милая моя красоточка,
 Похудела без меня, без меня,
 Похудела девка, побледнела
 Да потеряла румяну, румяну.
 Ты потеряла, ты, девушка, румяна
 <...> сердцу тоску».
 Ох, есть на свете темна тоска,
 Да я лишилася дружка.

32и

Кого нету, того жаль,
 Уезжает милой вдаль.
 Уезжает-то милой, оставляет
 Одни ласковы слова.
 На прощанице, миленькой, оставляет
 С руки перстень золотой!
 День на рученьке кольцо носила,
 К ночи в зголовье клала.

Поутру-то ранешенько вставала,
 Заливалась слезьми.
 Две пуховые новые подушечки
 Потонули во слезах.
 Соболиное мое одеялышко
 Не согрело мою грудь.
 Не согрело-то мое бело,
 Мою нежную-то кровь.
 Кабы мне-ка-то воску ярово,
 Себе крылышки слила.
 Сливши перья-то крылов лебедушки,
 Полетела к дружку я.
 На счастливый, счастливый выход мой,
 Чует милой-от мило недалеко,
 Разговаривает со мной:
 — Здравствуй, милая моя красоточка,
 Похудела без меня,
 Похудела ты, девка, побледнела,
 Потеряла в лице румяна.
 — Оттого я, бедняжка, похудела —
 Есть на сердчике печаль,
 Есть печаль-то тоска моя кручина,
 Да есть-то несчастная беда.

32к

Кого нету, да того жалко.
 Поезжает, поезжает милый вдаль
 Поезжает, сердечной, оставляет
 То не ласковые-то слова, слова.
 Да на прощаньичко да милый оставил
 Да с ручки да перстень да золотой, золотой.
 Да день-то на рученьках его носила,
 К ночи в головы его клала, клала.
 Клала, клала колечко, замечала,
 Чтобы виделся милой во сне, милой во сне.
 Да во[т] соболиное одеялышко
 Не согрело мою белу грудь.

♩ = 69

Ма - ло - ле - тня - я да де - вчо - нка, ой,

за гу - льбой ра - но по - шла.

По - шла... да...

...шла... да...

ро - стом сре - дним, ли - чи - ком бе лым, ой,

ра - зве - сё - лы - е гла - за.

Гла - за... да...

за - блу - ди - лся ми - ленькой во ро - шше, ой,

по - про - си - лся но - чевать.

Малолетняя да девчонка... ой,
За гульбой рано пошла.

Пошла... (да)...
Ростом средним, личиком белым... ой,
Развесёлые глаза.

Глаза... (да)...
Заблудился миленькой во рошше... ой,
Попросился ночевать.

Ночевать... (да)...
— Ты ночуй, ночуй, любезной... ой,
Ночуй ночку у меня!

У меня... (да)...
— Рад(ы)-бы, радёшенёк остаться... ой,
Боюсь до свету проспаться!

Проспаться... (да)...
— Ты не бойсь, не бойсь, любезной, —
Поутре рано розбужу!

Розбужу... (да)...
Розбужу дружка спораньше... ой,
Недалёко спровожу.

Провожу... (да)...
Я до тех мист спровожала... ой,
Где скончалася любовь.

Любовь... (да)...
Где-ж кончалась — расставалась... ой,
Слёзно плакала об [н]ём.

Об [н]ём... (да)...
 Слёз(ы)но я плакала, рыдала... ой,
 Со слёз ричка протекла.

Протекла... (да)...
 Тут шшо-ж ричка-невеличка... ой,
 Не широка, глубока.

Глубока... (да)...
 Не широка, глубока... ой,
 Бережками крутая.

Крутая... (да)...
 Как и за ету, за речушку... ой,
 Перевозу за ей нет.

Нет... (да)...
 Хоть и ес[т]ь, дак вот не здеся... ой,
 Всё на то-жо стороне.

Стороне... (да)...
 Как и на той-то на сторонке... ой,
 Один лёгонькой стружок.

Стружок... (да)...
 Один лёгонькой стружочик... ой,
 Полотняной парусок.

33а

Малолетняя девчонка... ой,
 За гульбой рано пошла.
 Да ростом средня, личом бела,
 Розвесёлые у ёй глаза... ой,
 Розвесёлые у ёй глазёнка... ой,
 Накладные волоса.
 Дак-то вечор дружка ево милова... ой,
 Унимала, ой, да ночевать:
 — Да ты-то ночуй, ночуй, да любезной,
 Ночуй ночку, ой, да у меня.
 — Да рад-то радешенёк да остаться... ой,
 Боюсь, дома забранят.
 — Да ты не бось, не бось, да любезной... ой,
 Не опасся, ой, да неково,
 Да я-то поутру раньше встану... ой,
 До зорюшки, ой, да розбужу
 Да подальше провожу.
 Да я-то до тех мест дружка провожала... ой,
 Где скончалася у них любовь,
 Где-то скончалась, с милым раставалась...

Слезно-то плакала да рыдала... ой,
 Со слёз речка, ой, да протекла.
 Да протекла ричка
 Да Казанка неширока, ой, да глубока,
 Неширока речушка, глубока,
 Песочками жёлтая,
 Как за эту за речонку
 Переходу за ней нет.

34

$\bullet = 60$

Ох, цы - га - но - чка, ох, мо - ло да - я, ой да,
 дай и - го - ло - чки по - шить.

Ох, дай и го - лки, ой да, не - на до - лго, ой да,
 цве - тно пла - тья - цё со - шить.

Дак не цве - тно - ё ой, да до - ро го - ё ой, да

— Ох, цыганочка, ох, молодая, ой, да
Дай иголочки пошить.

Ох, дай иголки, ой, да ненадолго, ой, да
Цветно платъицё сошить.

Да-к не цветноё, ой, да дорогоё, ой, да
Мне на игришшо сходить.

На игришшо, ой, да на гульбишшо, ой, да
Ко подруженькам ко своим.

Ко подружкам, ох, да ради дружка, ой, да
Ради милово своёво.

Ох, экой Ванька в новой баньке¹, ой, да
Он проценты-то получал.

Да-к он проценты-то, ой, да больши деньги, ой, да
Сорок тысяч серебром.

Ох, я на ети, ох, на больши деньги, ой, да
Найму троечку лошадей.

Ох, найму тройку, ой, да вороную, ой, да
Розудалого емшичка.

Ох, тройка скачёт, ой, да емшик плачёт, ой, да
Седоки песни поют².

Ох, со угорчик, ой, да с колокольчик, ой, да
Заунывной голосок.

Да у передней-то, ой, да у лошадушки, ой, да
Ножки гнутся-то на снегу.

Ох, ножки гнутся, ой, да снежки вьются, ой, да
Из подков искры летят.

Да как по етим, ой, да по искоркам, ой, да
Надо труду-то³ приложить.

Ох, надо труду-то, ой, да приложити, ой, да
Цигарочку роскурить.

Роспроклятая, ой, да та цыганка, ой, да
Научила-то вино пить.

Ох, вино горько, ой, да пиво хмельно, ой, да
Мне с похмелья-то чижало⁴.

Ох, со похмельица, ой, да со весельици, ой, да
Голова-то моя болит.

34а

$\text{♩} = 144$

Цы-га-но - чка, ой да, мо - ло - да - я, ой да,
не про-ста - я, ой да,
дай - то и-го - ло - чек по-шить.
Ох, дай ты и-го - лку, ой да, не - на-до - лго, ой да,
цветно-ё пла - тье - цо спо-шить.
Ой, мне - то цве-тно - ё, ой да, до - ро-го - ё, ой да,
в нём-то на и - гри - шша схо-дить.

— Цыганочка, ой, да молодая, ой, да
Не простая, ой, да
Дай-то иголочек пошить.

Ох, дай ты иголку, ой, да не надолго, ой, да
Цветное платьецо спощить.

Ой, мне-то цветное, ой, да дорогоё, ой, да
В нём-то на игришша сходить.

Ох, на игришшо, ой, да на смотришшо, ой, да
Ко своим подруженькам.

Ой, ко подружкам, ой, да ради дружка, ой, да
Ради мила свояво.

Ох, мати-то сыну, ой, да говорила:
— Вот-то любушка, сын, да твоя.

— Ой, полно-ко, мати, ой, да [горе]вати, эй, да
Небылицу говорить.

Ох, небылицу, ой, да про девицу, ой, да
Мою любушку срамить.

— Ох, мой-от милой, ой, да во дорожке, эй, да
Он проценты получал.

Да он проценты, большие деньги, эй, да
Сорок тысяч серебром.

Да как на эти большие деньги, эй, да
Найму троечку лошадей.

Эй, найму тройку, ой, да найму двойку, ой, да
Разудалова емшика.

Тройка скачет, да емшик плачет, эй, да
Седоки песни поют.

Ох, на угорчик, да колокольчик, да
Заунывный голосок.

Ох, тройка мчится, да снежки вьются, ой, да
Из подков искры летят.

Ой, как ко этим да ко искоркам да
Надо труду приложить.

Эй, надо труду, ой, да приложити, ой, да
Папиросу закурить.

Ох, распроклятая цыганка, ой, да
Научила вино пить.

Эй, вино пити, табак курити, да
Всё по девушкам ходить.

34б

— Цыганочка, эх, да молодая (ой),
Дай, дай иголочок пошить.

Эх, дай иголки мне ненадолго (ох)
Цветно платицо сошить.

Ох, не цветное, дак непростое (ох),
Мне на игришшо сходить.

Ох, на игришшо, так на гульбишшо (ох),
По своим подруженькам.

Ах, ко подружке ради дружка (ох),
Ради милого своего.

Экой Ванька, эх, в новом банке
Он проценточки получал.

Он проценты, большие деньги,
Сорок тысяч серебром.

Я на эти большие деньги
Найму троечку лошадей.

Найму тройку вороную (да),
Разудалого ямщика.

Тройка скачет, ямщик плачет,
Седоки песни поют.

Эх, на угорчике колокольчик (да),
Заунывненький голосок.

Эх, распроклятая цыганка
Научила водку пить.
Водку пить, табак курить,
Все по девушкам ходить.

34в

— Цыганочка дак молодая,
Ой, дай иголочек да пошить.

Да пошить...
Дай иголки, да эх, ненадолго,
Ох, цветно платицо сошить.

Дак вот сошить...
Не сошить-то, меня к подруженьке сходить.

Да вот сходить да к подруженькам...
Когды девушка, ох, ради милого своего.

Да экой Ванька в новой баньке
Он проценточки получал

Ой, получал...
Да проценты, да большие деньги,
Сорок тысяч, ой, серебром.

Серебром...
Я-то на эти большие деньги
Найму двоячку лошадей.

Лошадей...
Найму тройку вороную,
Заунывного ямщика.

Ямщика...
Ямщик плачет, тройка скачет,
Седоки песни поют.

Поют...
Под угорчик колокольчик,
Заунывной голосок...

34Г

— Цыганочка... ой, да молодая,
Ах, дай иголочки пошить.
А мне иголки... о-ой, ненадолго,
Да цветно платьицо сошить.
Ой, да цветное... ох, дорогое,
Ой, да в [н]ём на игрища сходить.
Ой, на игрище... о-ой, да на гульбище,
Ах, ко своим подруженькам.
Ай, ко подружкам да ради дружка,
Да ради милого своего.
А мой-от милый да во дорожке.
Да он проценты получал.
А он проценты... эх, большие деньги,
Да сорок тысяч серебром.
Ох, я-то на эти да большие деньги
Да найму троечку лошадей.
Эх, найму тройку да на дву двойку,
Ох, да разудалого ямщика.
Да тройка скачется, ямщик плачет,
А седоки-то песни поют.

35

$\text{♩} = 108$...ре - вне,

(да) Как во на - шей, во де - ре - вне, во ве - сё - лой сло - бо - де...

Жил ма - лыч - шко лет се - мна - дцать, не жо - на - той, хо - ло - стой...

Взду - мал ма - лыч - ник по - же - ни - тся, он не знал ко - го спро - си - тся

кро - ме се - рця сво - е - го...

Е - го лю - ди на - та - ка - ли: "Спро - сись ма - те - ри, о - тца!"

(Да) Как во нашей во деревне,
Во весёлой слободе...

Жил мальчишко лет семнадцать,
Не жонатой, холостой...

Вздумал мальчик пожениться,
Он не знал, кого спроситься,
Кроме сердца своего...

Его люди [научили,
Его добры]¹ натакали:
— Спросись матери-отца.

Сын пошёл, пошёл с поклоном,
Со покорной головой:

— Позволь, папенька, жениться,
Позволь взять кого люблю!

Отец сыну не поверил,
Што на съете есь любовь... (да)

— Все на съете люди равны,
Надо всех равно любить!

Отвернулся сын, заплакал,
Отцю слова не сказал... (да)

Пошёл лесом, пошёл тёмным,
Сел на камешек отдохнуть... (да)

Вынул ножик, вынул саблю,
Снял головушку свою.

— Покатись, моя головушка,
Прямо к Маше на крыльце!

35а

Как во нашей во деревне,
Во весёлой слободе.

Слободе...
Жил мальчишка, лет семнадцать,
Не жонатой, холостой.

Холостой...
В одну девушку влюбился,
Обещался замуж взять.

Замуж взять...
Он не знал, кого спроситься,
Кроме сердца своего.

Своего...
Его люди научили:
— Ты спроси, сын, у отца!

У отца...
Сын пошёл к отцу родному,
Дозволенья стал просить.

Стал просить...
— Дозволь, тятенька, жониться,
Дозволь взять кого люблю!

И вот люблю...
Отец сыну не поверил,
Что на свете есть любовь.

И вот любовь...
— Все на свете люди равны
Нужно всех вровне любить!

И вот любить...
Отвернулся сын, заплакал,
Отцу слова не сказал.

Не сказал...
Вышел в садик он зелёный,
Прямо к Саше на крыльцо.

На крыльцо...
Стукнул-брикнул за колечко,
Вышла Саша на крыльцо.

На крыльцо...
— Дай мне руку, дай мне праву,
Со правой руки кольцо!

И вот кольцо...
Утеряла я колечко,
Утеряла я любовь.

И вот любовь...
Я по этом по колечке
Буду плакать день и ночь.

День и ночь...
День я плачу, ночь горюю,
К утру снова слёзы лью.

35б

Как-то во нашей во деревне, во весёлой слободе
Жил-то мальчишко лет семнацеть, нежонатой, холостой.
Ой, вздумал мальчик пожениться, он не знал, ково спроситься,
Кроме серча своево.
Ево добры люди натакали: спросись матери-отча.
— Позволь, папенька, жониться, позволь взять кою люблю.
Отец-от сыну не поверил, штё на свете есть любовь:
— Все на свете люди равны, надо всех вровне любить.

Отвернулся сын, заплакал, отцу слова не сказал, по дорожке побежал.
Шёл он лесом, шёл дремучим, сел на камень отдохнуть.
И вынял саблю, вынял остру и снял головушку по плеч.
Ево веселые глазки всё на солнышко блестят,
Ево печальные письма прямо к Машеньке литят.
Где читала, тут и пала, вот кончаласе любовь.

35в

Как во нашей во деревне,
Во веселой слободе
Жил мальчишка лет семнадцать,
Не женатой, холостой.
В одну девушку влюбился
И обещался в замуж взять.
Он не знал, кого спроситься,
Кроме сердца своего.
Его люди научили:
— Ты спроси, сын, у отца.
Пошел он к отцу родному,
Позволение стал просить:
— Дозволь, батюшка, жениться,
Дозволь взять кого люблю.
Отец сыну не поверил,
Что на свете есть любовь.
— Все на свете люди ровны,
Всех равно надо любить.
Отвернулся сын, заплакал,
Отцу слова не сказал.
Пошел садиком зеленым
Прямо к Саше на крыльцо.
Стукнул, брякнул во колечко.
Вышла Саша на крыльцо.
— Дай-ко, Саша, ручку праву,
Со правой ручки кольцо.
— Потеряла я колечко,
Потеряла я любовь.
Из-за этого колечка
Я буду плакать день и ночь.

$\text{♩} = 56$

Со ве - се - лы - е до - ли - нки го - рит пе - ча - льна - я лу - на,
 ...лы - е до - ли - нки

не слы - шу го - лос - от ро - дно - го, ой, да слы - шу пе - се - нку е - мшиш - ка.

Е - мшиш - ка пе - се - нку за - пе - вши, сам го - нит тро - е - чку ло - ша - дей,
 ...се - нку

тро - йка ска - чет, е - мшиш - ка пла - чет ой, да се - до - ки пе - сни по - ют.

Со веселые долинки
 Горит печальная луна,
 Не слышу голос-от родного, ой, да
 Слышу песенку емшишка.

Емшишник песенку запевши,
 Сам гонит троечку лошадей,
 Тройка скачет, емшишник плачет, ой, да
 Седоки песни поют.

В саде гуленька порхает.
 Несётся к дружоньку своему,
 Красна девушка вздыхает,
 Сидит в высоком терему.

Красна девушка вздыхает,
 Сидит в высоком терему,

Она вздохнёт-то духом чахнет (эх),
Прольются слёзоньки из очей:

— Где ты, где ты, милой, скрылся,
Куда от радости запропал?
В чужу-дальнюю сторонку (ой),
Меня с собой взять не хотел.

Катись, катись, слеза горюча,
Катись с-по белому по лицу,
Выйму свой белой платочик (ой),
Прелестны очи я оботру.

— Прощай, страна моя родная,
Прощайте, все мои друзья,
Благослови меня, родная,
Можот, на смерть еду я!

Благослови меня, родная,
Можот, на смерть еду я,
Чья-то меткая винтовка
Из-за куста сразит меня.

36а

$\text{♩} = 120$

Со вче-ра - шне - го по-хме - лья бо-ле-ла бу - йна-я го-ло - ва.
...го по-хме - лья

Го-ло - ва...

со ве-сё - лы-е до-ли - ны го-рит пе-ча - льна - я лу - на.

Лу - на, да...

слы - шу го - лос - от род - но - го ве - сё - лу пе - се - нку я - мшы - чка.

Со вчерашнего похмеля
Болела буйная голова.

Голова...
Со весёлые долины
Горит печальная луна.

Луна... (да)...
Слышу голос-от родного
Весёлу песенку ямшика.

Ямшика... (да)...
Ямшик песёнки запевши,
Сам гонит троечку лошадей.

Лошадей...
Тройка скачет, ямшик плачет,
Седоки песни поют.

Поют... (да)...
В саде гуленька порхает,
Летит к дружочку своему.

Своему... (да)...
Красна девушка вздыхает,
Сидит в высоком терему.

Терему... (да)...
— Где ты, где ты, милой, скрылся,
Куда от радости запропал?

Запропал... (да)...
В чужу-дальнюю сторонку,
Меня с собой взять не хотел.

Не хотел... (да)...
 — Прощай, страна моя родная!
 Прощайте, милые друзья!

Друзья... (да)...
 Благослови меня, родная,
 Можот, на смерть иду я.

Иду я... (да)...
 Чья-то меткая винтовка
 Из-за куста разит меня.

37

$\text{♩} = 66$

Со - лны - шко ни - зко, ве - чер уж бли - зко,
 мы - то до - мой ско - ро по - йдём.
 Ой, вот по - йдём да...
 но - ву - ю пе - сню за - по - ём.

Ой, за - по - ём да...

но - ву - ю пе - сню за - у - ны - вным

го - ло - сом.

Ой, го - ло - сом да...

ва - жно - ё вре - мё на про - хо - ле,

все - то про - шли ве - сё - лы дни.

Солнышко низко, вечер уж близко,
Мы-го домой скоро пойдем.

Ой, вот пойдем... (да)...
Новую песню запоём.

Ой, запоём... (да)...
Новую песню заунывным голосом.

Ой, голосом... (да)...
Важное время на проходе,
Все-то прошли весёлы дни.

Эй, вот дни... (да)...
Протекали ручеёчки
Во темные во... ой, во леса.

Ой, во леса... (да)...
Во лесах красы да не вижу,
Зрелы-го лисья опадут.

Ой, опадут... (да)...
Приопали где, эх, да листочки —
С миленьким нега отойдет.

Ой, отойдёт... (да)...
Отошло с милым гуляньё,
Не видаться никогда.

Ой, никогда... (да)...
То не ль я с милым да увижусь
У суседа вечером?

Ой, вечером... (да)...
У суседа на биседе
Люди жо смотрят, вси на нас глядят.

Ой, глядят... (да)...
Любить-го дружка не велят.

Ох, не велят... (да)...
Не отстану, любить стану
До доски до гробовой.

37а

Солнышко низко, вечер близко,
Ой, да мы домой да скоро пойдём.
Вот пойдём да новую песню запоём.
Да запоём мы новую песню да заунывным голоском.
— Полно, милая, крушиться жалким сердцем обо мне,
Важно время на подходе, все прошли весёлы дни.

Все наши денёчки на проходе, ручейки протекли.
 Протекали ручейки во темные во леса,
 Во лесах красы не вижу, зрел листочек опадёт,
 Приоавши зрел листочек, с милым нега отойдёт.
 Отошло с милым гулянье, не видаться никогда.
 Я-то (ж) не(й) с дружкой увижусь у соседа вечером,
 У соседа на беседе замечают все, на нас глядят,
 Замечают-разлучают, любить дружка не велят.
 Не отстану, любить стану до неволи своеё,
 До такой большой неволи, до замужества ево.
 Распроклятое моё замужье, не за ровню замуж отдают,
 Не за ровню, не за ровню, за старово старика,
 Мне спроситься неохота, не спрося уйти нельзя.

38

Пи - тер - Мо - скву про - е - зжа - ёт да,
 ко в до - ву - шке за - е - зжа - ёт.
 Вы - шла в до - вка на кры - ле - чко да,
 во - спро - мо - лви - ла сло - ве - чко.
 У ме - ня дом ни сто - я - лый, а
 про - е - зжа - лый.
 Го - сти ви - збу во - рва - ли - ся да,
 си - ли вдоль по ла - вке.

Питер-Москву проезжает да
 Ко вдовушке заезжает.

[Ко вдовушке заезжает
 Да в окошко постучает:

— Пусти, вдовка, ночевати,
Ночевати да постояти.]

Вышла вдовка на крылечко да
Воспромолвила словечко:

— У меня дом не стоялый, а
Проезжалый.

Гости в избу ворвались да
Сили вдоль по лавке.

Да один гость-от сел повыше, да
Он ко вдовушке поближе.

— Да ты давно ли, вдовушка, вдовиёшь да
Ты давно ли сиротиёшь?

— Я вдовию лет петнацеть, а
Сиротию с годом двацеть.

— Подойди, вдова, поближе да
Поклонисе мне пониже.

Да сойми шапочку пухову, да
Во шапочке есть платочик,

Да во платочке — узелочик, да
В узелочке — перстенёчик.

Да стала вдовка детонёк бужати:
— Вы вставайте, мои детки.

Да дорогой-от гость приехал, да
К нам папашенька наехал!

38а

Как шли-прошли удалые молодцы;
Под окошком вдовки постучали.
— Пусти, вдовка, нас, прохожих, постояти.
Нас молодчиков немножко:
Полтораста на конях,
Полтретьяста пешеходом.
Все на конях, все во сёдлах;
Все седеличка черкасски,
Стремена были булатны.
Вышла вдовка на крылечко,
Воспромолвила словечко:
— У меня дом не стоялой,
Не стоялый, не проезжий.
Моя горенька малёнька,

Мои сени коротеньки.
 Силой гости ворвались,
 К ней в избушку забралися.
 Садился все порядком,
 Все порядком, все по лавкам.
 Как один гость всех повыше,
 Садился к суткам поближе.
 Стоит вдовушка у печки,
 У печки, у шесточка.
 Прижала руки к сердечку.
 Один гость-то воспроломвил:
 — Ты давно ли, вдова, вдовеешь,
 Ты давно ли сиротеешь?
 — Я вдовею лет пятнадцать,
 Сиротею годов двадцать.
 — Много ль, вдовушка, детей?
 — Моих деток два сыночка,
 Два сыночка, третья дочка.
 — Подойди-ка, вдовушка, поближе,
 Поклонись-ка, вдовушка, пониже,
 Сними шляпоньку с меня пухову,
 В той шляпочке есть платочек,
 Во платочке узелочек,
 В узелочке перстенёчек.
 Что не тем ли перстенёчком
 Мы с тобой обручались?
 На то вдовушка отвечала:
 — Двадцать лет солнышко не грело,
 Как сегодня воссияло!
 Уж вы встаньте-ка, деточки,
 Вы проснитесь, пробудитесь,
 К вам родитель-батюшка приехал!

39

♩ = 72

Ле - та - вши с-по во - ле о - рёл мо - ло - дай,
 ле - та - вши с-по во - ле, до - бы - чу и - скал.

На - шёл он до - бы - чу, сам в кле - тку по - пал,

си - дит за ре - шё - ткой, о - рёл мо - ло - дой.

Си - дит за ре - шё - ткой о - рёл мо - ло - дой,
си - дит

кро - ва - ву - ю пи - шшу клю - ёт пред со - бой.

Летавши с-по воле, орёл молодой,
 Летавши с-по воле, добычу искал.
 Нашел он добычу, сам в клетку попал.
 Сидит за решёткой орёл молодой.
 Сидит за решёткой орёл молодой,
 Кровавую пишшу клюёт перед собой.
 Клюёт и кидаёт, сам смотрит в окно,
 К нему прилётает товариш его.
 К нему прилётает товариш его:
 — Товариш, друг верной, давай полетим!
 — Лети, мой товариш, а я за тобой,
 За тёмные грязи, за темны леса!
 За тёмные грязи, за темны леса,
 Где солнце не светит, луна никогда!
 Там ходит, гуляет красotka одна,
 Не одна гуляет, с донским казаком.
 Не одна гуляет, с донским казаком,
 Казацька не плачет, казак не грустит.
 Казацька не плачет, казак не грустит,
 Поцёму не плачёт — других в гости ждёт.

$\bullet = 76$

За Ду - на - ем да гу - ля - ет ка - зак мо - ло - дой,
ви - жу, де - ву - шка пла - чёт, эх, за бы - строй ре - кой.
Эх, за бы - строй ре - кой...
ты об чём, де - ва, пла - чёшь, эх, об чём слё - зы льёшь?

За Дунаем гуляет казак молодой,
Вижу, девушка плачёт, эх, за быстрой рекой.

Эх, за быстрой рекой...
— Ты об чём, дева, плачёшь, эх, об чём слёзы льёшь?

Эх, об чём слёзы льёшь...
— Я с-по маменьке родной, эх, с-по сестрам своим.

Эх, своим...
— Тебе маменьку жалко, эх, или родных сестер?

Вот сестёр...
Ты с родными сёстрами, эх, не век будешь жить!

Будешь жить...
Со мною, моя радость, эх, прекрасная жизнь!

Эх, прекрасная жизнь...
— Когда я беспечальной, эх, малюткой была...

Я малюткой была...
Малютку цыганка за ручку брала.

Эх, ручку брала...
Гадала, гадала и качала головой.

Я качала головой:
— Ты потонешь, эх, в день свадебный свой!

В день свадебной свой...
Не поверил цыганке, выстроил мост...

Эх, выстроил мост...
Мостик длинной, чугунной, да на тысячу вёрст...

Да на тысячу вёрст...
Поставлю я стражу вперёд на пятьсот...

Эх, вперёд на пятьсот...
Двести, двести по мосту, эх, да сто по бокам...

А и сто по бокам...
По чугунному мосту, эх, карета бежит.

Да там, карета бежит...
Да карета бежала, эх, лошадки стучат...

Эх, лошадки стучат...
Не мою ли милую ко венчанью катят?

Ко венчанью катят...
Розбежались кони да скатились в Неву.

Эх, сокатились в Неву...
Скричала милая: «Ах, прощай, белой свет!

Эх, прощай, белой свет...»
А потом повторила: «Ох, прощай, милой мой!

Эх, прощай, милой мой...»
Мне не жалко роботы, ох, жалко ровни своей...

Эх, жалко ровни своей...
Што моя-то милая да в море, на дне.

Да во море, на дне...
Она стелет постельку, эх, на жёлтом песке.

Да на жёлтом песке...
Она клала в изголовье, эх, сырой камешок.

Эх, сырой камешок...
Одеяльишко наше — эх, ключевая вода.

40а

$\text{♩} = 68$

За Ду-на - е - м гу - ля - ет ка - зак мо - ло - дой,
ви - жу, де - ву - шка пла - чёт за бы - строй ре - кой.
За бы - строй ре - кой...
ты о - чём, де - ва, пла - чёшь, о чём слё - зы льёшь?
О чём слё - зы льёшь...
мне - то ма - ме - ньку жа - лко, да се - стёр сво - их.

За Дунаем гуляет казак молодой,
Вижу, девушка плачет за быстрой рекой.

За быстрой рекой...
— Ты о чём, дева, плачешь, о чём слёзы льёшь?

О чём слёзы льёшь...
— Мне-то маменьку жалко да сестёр своих.

Сестёр да своих...
Со своими сестрами не век буду жить.

Не век буду жить...
— Жить со мной, моя радость, прекрасная жизнь.

Прекрасная жизнь...
— Когда я, беспечальна, малюткой была,

Малюткой была...
(й) У меня праву ручку, ой, цыганка брала.

Цыганка брала...
Она брала и гадала, качала головой.

Качала головой...
Она качала, сказала: «Эх, потонешь, мила.

Потонешь, мила...
Ты потонёшь, погибнёшь в день свадебной твой.

В день свадебной твой...»
— Не поверю цыганке, побыстрою мост.

Побыстрою мост...
Мостик длинной, чигунной, на тысячу вёрст.

На тысячу вёрст...
На тысячу двести, пятьсот по песку.

Пятьсот по песку...
По этому мосту карета бежит.

Карета бежит...
Не карета бежала — подковы гремят.

Подковы гремят...
Не подковы гремели, ой, колёса стучат.

Колёса стучат...
Роскаталась карета, упала в Неву.

Упала в Неву...
Она упала, сказала: «Прощай, белой свет!

Прощай, белой свет...»
Она ишшо повторяла: «Прощай, милой мой!»

406

За Дунаем гуляет казак молодой,
Тамо девица плачет за быстрой рекой.
— Ты о чем, дева, плачешь, о чем слезы льешь?
Тебе маменьки жалко али родных сестер?
Ведь с родными сестрами не век будешь жить,
А мне с тобой, моя радость, прерадостно жить.
— Я разглупой девушкой в ребенках была,
Меня брала цыганка за правую руку.
Она брала, гадала, качала головой.
Все головой качала: «Всю правду скажу.
Ты поедешь, милая, за быстру реку.

Ты потонешь, милая, в свой свадебной,
 В свой-от свадебной же, в венчальной свой час».
 — Не тужи, любезная, повыстрою мост.
 Мост чугунный, мост длинный, за тысячу верст.
 Поставлю я стражу вперед за пятьсот.
 По чугунному мосту карета бежит.
 Вот бежала карета, и рушится мост.
 И дева упала во быстру реку.
 Упавши, вскричала: «Прощай, милый мой, белый свет!»
 Да еще повторила: «Прощай, милый мой,
 Прощай, милый мой же, не видаться нам с тобой».

41

$\text{♩} = 169$

Над се - ре - бря - ной ре - кой, на том, же - лтом пе - со - чке,
 я ли де - вы мо - ло - дой, да там и - скал сле - до - чки.
 Я ли де - вы мо - ло - дой, да там и - скал сле - до - чки,
 я сле - дков там не на - шёл, да нет, как не бы - ва - ло.
 Я сле - дков там не на - шёл, да нет, как не бы - ва - ло
 во при - я тной ти - ши - не, да ко - ло - кол ра - зда - лся.

Над серебряной рекой
 На том желтом песочке,
 Я ли девы молодой (да)
 Там искал следочки.

Я ли девы молодой (да)
 Там искал следочки...
 Я следков там не нашёл¹ (да),
 Нет, как не бывало.

Я следков там не нашел (да),
 Не[т], как не бывало...
 Во приятной тишине² (да)
 Колокол раздался.

Во приятной тишине (да)
 Колокол раздался...
 Вижу — милая моя (да)
 В воду с камнем пала.

Вижу — милая моя (да)
 В воду с камнем пала...
 Сел на борзого коня (да),
 Шевельнул уздою.

Сел на борзого коня (да),
 Шевельнул уздою...
 Дал я шпоры под бока (да),
 Конь летит стрелою.

Дал я шпоры под бока (да),
 Конь летит стрелою...
 — Ты лети, лети, мой конь (да),
 Лети, торопись.

Ты лети, лети, мой конь (да),
 Лети, торопись...
 Против церкви, на пути (да),
 Конь, остановися!

Против церкви, на пути (да),
 Конь, остановися...
 Привязал коня к столбу (да),
 Сам взошёл на паперть.

Привязал коня к столбу (да),
 Сам взошёл на паперть...
 В церкви двери отворил (да),
 Там народ толпою.

В церкви двери отворил (да),
 Там народ толпою...
 Вижу, милую мою (да)
 Водят вкруг налою.

Вижу, милую мою (да)
 Водят вкруг налою...
 Золотые их венцы (да)
 Носят над главою.

Золотые их венцы (да)
 Носят над главою...

У обоих во руках (да)
Теплится по свечке.

У обоих во руках (да)
Теплится по свечке...
Вижу, милая моя (да)
На меня взглянула.

Вижу, милая моя (да)
На меня взглянула...
Правым глазом навела (да),
Левым подмигнула.

Правым глазом навела,
Левым подмигнула...
— Не стоит со мной милой,
Стоит со мной бродяга.

Не стоит со мной милой,
Стоит со мной бродяга...
Стал я, малой, на колени,
Сам горько заплакал.

Стал я, малой, на колени,
Сам горько заплакал...
— Все подай-ко вам Господь
Долю золотую!

Все подай-ко вам Господь
Долю золотую...
Я, мальчёнка молодой,
Найду себе другую.

Я, мальчёнка молодой,
Найду себе другую...
Я другую себе найду,
Едрёную, баскую.

41a

Над серебряной рекой
На златом песочке
Долго девы молодой да
Я искал следочки.
Там следков знакомых нет,
Нет, как не бывало,
Будто милая моя
С камнем в воду пала.
Во приятной тишине
Речка взволновалась.
В поднебесной вышине
Колокол раздался.

Сел на борзого коня,
Шевельнул уздою,
Дал я шпорой под бока,
Лети, конь, стрелою.
— Ты лети, лети, мой конь,
Лети-горопися.
Против церкви на пути,
Конь, остановися.
Привязал коня к столбу,
Сам зашел в церкву я.
Вижу, милую мою
Водят вкруг налоя,
Золоты венцы за ней
Носят над главою.

Тексты, публикуемые без напевов

42

Помешали мне комарики в лесу,
Да помешали, спать не дают.
Да я заснула, заснула, вижу милого во сне,
Будто мой-от милой во высок терем зашёл,
Трое-двое по горенке прошёл...
Подушки раскидал, целовал-миловал.

43

Как со вечера да седока езда,
Как со вечера да со двора съезжал, да домой приезжал.
Да со коня слезал, да ко столбу везал,
Да на крыльчо ступал, да за колечко брал.
— Ты жона моя, да выйди встретить меня,
Да мужа роднова, да благороднова.
— Ты зачем убил да брата роднова?
— То не я убил — да тучка грозная, да ночь была осенняя.

44

Ой ты полюшко моё да полё чи... ой, поле чистое.
Ничего же ты, полё, да не споро... ой, не спородило.
Спородило ты, полё, да част раки... ой, част ракивов куст.
Под этим кустом да убит солдат лежит.
Ой, да не убит солдат лежит, да тяжко ра... ой, тяжко раненный.
Во ногах его стоит...

45

Ехали солдаты со службы домой,
на плечах погоны, на грудях кресты.
Едут по дорожке, родитель стоит.
— Здорово, папаша! — Здорово, сын родной!

— Расскажи, папаша, про семью свою.
 — Семья, слава Богу, прибавилась,
 Жена молодая сына родила.
 Сын отцу ни слова, садился на коня,
 На коня златово, поехал он домой.
 Подъезжает к дому, стоит мать с женой,
 Мать стоит с улыбкой, жена — во слезах.
 Мать просила сына: — Сын, прости жену.
 — Мать, тебя прощаю, жену — никогда!
 Закипело сердце в солдатской груди,
 Заблестела шашка во правой руке,
 Скатилась головка с неверной жены.
 — Боже, ты мой Боже, што я натворил¹,
 Жену я зарезал, сам себя сгубил,
 Маленьку малютку навек осиротил.
 Жену похоронят, а меня сошлют²,
 Малую малютку в приют отдадут.

46

Как пошёл наш Олександррушко ко царю службу служить,
 Посулился Олександррушко к Рождеству домой прибыть.
 Все-те празднички проходят, Рождество и Новой год,
 Олександра дома нет.
 Ево жена молодая день горюет, ночь не спит,
 Ево маменька родная сумлевется об [н]ём.
 — Пойду-выйду я на башню, коя башня выше всех,
 Посмотрю я в ту сторонку, где мой Оленька живёт.
 Как из той дальное сторонки дак молодой совдат бежит.
 — А ты куда, савдат, бежишь, куда торопишься-спешишь?
 — Ой, я бежу ли я спешу, от Олександра висть ташшу.
 Скидывай-ко ало платьё, черной фартук надевай.
 Помер, помер Олександррушко, во дорожке жизнь скончал.
 Ево савдаты редовые во главах ево несут,
 Афицеры молодые об [н]ём жалобно поют.

47

Под окошечком Машенька сидела
 Да любезнова-та дружка в гости ждёт,
 Любезнова-та дружка сердешнова,
 Постелюшечку рано постлала,
 Свечку сальную Маша загасила.
 Да вдоль по улочке миленькой идёт,
 На окошечко миленькой не взгленет,
 Да всё приметочки мой милой кладёт.
 Приметочки кладёт не простые
 Да с обрученьица девушку берет.
 Да с обрученьица девка писню спела:
 — Да ты послушай-ко, милой, догадайся
 Да возьми девушку замуж за себя.

48

Стонёт, стонёт голубочик,
 Стонёт, стонёт день и ночь.
 Легко ле голубь не воркуёт,
 И он пшенички не клюёт.
 Он дожидал к себе голубку
 Со всех с дальних со сторон,
 И он не мог её дожждаться,
 Головку в перьё завернул.
 И прилетала та голубка
 Да со всех дальних со сторон.
 — И стань-ко, стань-ко,
 Милой мой дружок,
 И без тебя одной мне скучно,
 Да кто мне гнёздышко совьёт?
 Нехто мне крылышком не махнёт,
 Нехто милой не назовёт.
 И улетала та голубка
 Да во печале, во слезах,
 Она оставила дружочка
 Да на чужбине далеко
 И вспоминаёт, горько плачёт,
 Жалеёт друга своего.

48a

Стонёт-то, стонёт голубочик
 Да стонёт, стонёт день и ночь.
 В поле да голубь не воркует,
 Он пшоницу не клюёт,
 Да голубь на эти уснёт.
 Прилетала да тут голубка:
 — Да (...) голубоцик, стань,
 Стань ты, стань ты, голубочик,
 Да стань, родимой сударь мой.
 Да принародно-то, при компанье,
 Да мальчик девочку обнял.
 Девке-то парня стало стыдно,
 Да пролила слёзы из глаз.
 Он вынял биленькой платочик,
 Да стал он слёзы вытирать.
 — Ты не плачь, не плачь, девица,
 Не плачь, милая моя,
 Я да надумаю жониться
 Да возьму замуж за себя.
 — Ой, не возьмёшь замуж, обманёшь,
 Твоей-от батюшка богат,
 Накуплю чёрнова на платьё,
 Пойду в девьей монастырь.
 Да пойду Богу помолюся,
 Да не простит ево грехи.

49

Со вечера рябинушку
 Дождиком мочило,
 Со полуночи кудрявую
 Ветерком раздувало.
 Ветер дует,
 Солнце гриет,
 Рябина алеет.
 Не рябинушка алеет,
 Миленький долиет.
 Да долеет-то, не долеет
 И со мной не гуляет.
 Не со мною, со иною,
 Со Дуней из Дресвянки¹ молодою.
 Не робей², Дуня, делами
 И поидем с нами,
 Молодцами, на вороной паре,
 На вороной паре,
 В золотой карете.
 Еду, еду в чисто поле,
 Стоит куст кудрявый,
 Стоит кустичек кудрявый,
 Белая берёза,
 А на этой на берёзе
 Сидит птица пана³ —
 Некрутская забава,
 Солдатская слава.
 Ванька холост, не женат,
 Все порядки знает,
 Головой качает,
 Чёрны брови поднимает,
 На двор вызывает,
 На двор на дворече,
 На красное крылечко,
 Отдай с руки колечко.

49а

Как со вечера рябинушку
 Дождиком мочило,
 Со полуночи рябинушку
 Ветром раздувало,
 Ветер дует, солнце греет,
 Рябина алеет.
 Не рябинушка алеет,
 Мой милый далеет.
 Он далеет-то, не далеет,
 Не со мной гуляет.
 Не со мною, не со мною,
 С Дуней молодою.

Не робей, Дуня, ночами,
 Ты поедешь с молодцами
 На вороной паре.
 Едем, едем чистым полем,
 Зеленым лужочком;
 Середь зелена лужочка
 Стоит куст кудрявый —
 Белая берёзка.
 Как на той белой берёзе
 Сидит птица пава,
 Рекрутска забава,
 Что рекрутская забава,
 Солдатская слава.
 У солдата кавалера
 Не было мундира.
 Нету, не было мундира,
 Не своя фатера.
 Нету теплыя фатеры,
 Мягкия постели.
 Стелю, стелю я постелю,
 Стелю пуховую.
 Клади, клади мне [и]зголовье,
 Клади высокое.
 Как на этом на [и]зголовье
 Нет ли Оленьки баского,
 Вани холостого.
 Ваня холост, Ваня молод,
 Ваня не женатый.
 Ваня все порядки знает,
 Головой качает,
 Глазиком поводит,
 Из ума выводит.

50

У девицы было в белом лице румена играют.
 Молодой-от парень, холостой-от,
 Во чистом поле парень гулял,
 Да сам тропинки парень не нашел.
 О-ой, выпадала ему путь-дорожка ко разлапа... в гости.
 Ой, ко разлапушке...
 Ко девке в гости.
 На красно крылечко выходила моя любезная.
 На красно крылечко...
 О-ой, говорила моя любезная тайное словечко:
 — Ай, ты поди, поди, парень, не стой, да,
 Поди, парень холостой...
 Я теперече девчонка вольная,
 Хочу...
 Хочу я, не скажу я...
 С кем гуляю я, не объявлю.

С кем хожу...
 Хожу я, не скажу.
 Да с кем гуляю я, не объявлю.
 О-ой, через город...
 Город летел голубь,
 Как из лучки стрелка.

51

Год такой, что за год такой —
 Народ лихой.
 И такой-то лихой и бессовестной.
 Не дадут с милым дружкой в любви пожить.
 Во любви пожить да кровать нажить.
 Кровать новую да кисовую¹,
 А перинушку-то пуховую,
 А одеялышко шелковое.
 За три годика сердце слышало,
 За неделюшку сердце спроведало,
 Берут дружка в солдатуски.
 Везут Ванюшу, Ваню во рекрутики.
 Хорошо-то дружка снаредила,
 Далеко милого проводила.
 Через² три-то я поля чистые,
 Через три-то лужка зеленые.
 А со тех-то лужков — до Петровского
 И с Петровского до Никольского,
 А из Никольского в каменную Москву.
 В каменной-то Москве прощались,
 Князи, бояра дивовались,
 Все солдатуски прослезилися.
 Они думали: кто же с кем
 Да это прощается?
 Брат с сестрой или муж с женой?
 Тут прощается добрый молодец
 Со душой красной девицей.
 Полно, травонька, в поле расти, цвести,
 Тебя некому теперь ходить, смотреть.
 Нету милого дружка Иванушка
 Удалой доброй головушки.

52

Лучше бы я девушкой у батюшки жила,
 Ой, с утра день до вечера улушку мела да роспахивала.
 Ой, роспахала улушку, ко батюшке пошла да разжалобилася,
 Родимой матушке расплакалася:
 — Скука мне розлука — чужая сторона,
 Дальняя сторонюшка без ветру шумит,
 А лютая свекровушка без жалости бранит,
 Бранит, бранит девушку, ругает без конца.

53

[Мамушка родимая, зачем на горе родила?]
 Тонким голосом скокую, подсушу весь тёмной лес,
 Вся слезами обольюся, потоплю зелёной сад,
 Свернусь серой кокушкой, поличу к маме назад,
 Поличу я к маме, сяду на высокоё крыльчо,
 На высокоё крутоё, стукну-брекну во кольцо.
 Стукну-брекну во колечко, мама вышла на крыльчо,
 Мама вышла на крылечко, отдала из рук письмо.
 Стала маменька читати, начала меня ругать:
 — Ты свернись серой кокушкой, полетай к мужу назад,
 Прилети и приголубься, назови милым дружкой.
 Три я годика летала, сибя места не нашла,
 Всех людей перевидала, тебя лучше не нашла.

54

Да отдала меня мамушка взамуж далеко,
 В чужую землю да в большую семью.
 Да хотела ко мне мамушка часто в гости ходить
 И помногу гостинцев носить.
 Я годок прожила, да ко мне мамушка родимая не бывала,
 Да второй скоротала, родимая ко мне не бывала.
 А на третьёй годочик я вышла на высоко крылечко
 Да навалилась на дубово перильце.
 И ясной ты сокол, дай мне правильца,
 Сера кокушечка — крылья.
 А поличу я к мамушке в гости сама.
 И прилителя я, села на сутно окошко.
 Родна мамушка свадебку собираёт,
 Столы розоставляет
 И всех дочерей по порядку поминаёт,
 Меня, кокушку, на окошке забывает.
 А старшой братец с полатей слезает,
 Ружьё зарежает
 И меня, кокушку, на окошке ладит убить.
 Я три раза скоковала, тут моя мамушка сказала:
 — Да не моя ли кокушка прилетала,
 Да не моя ли серая коковала?

55

Мамка, светик дорогой,
 Да долго ходила со мной,
 Меня несчастну родила
 Да рано замуж отдала.
 Отдала замуж да далёко,
 Да на чужую сторону.
 Да как сулилась ко мне мамка
 Да часто в гости ходить

Да всё подолгу гостить.
 Да первое лето на проходе,
 Да нет родимой мамушки.
 Да как второе тепло лето,
 Да нет родимые моё.
 Да как на третье тепло лето
 Я вижу — мамушка идет.
 Да я свою-ту мамушку
 Да середь поля встретила.
 — Да здравствуй, здравствуй, мамушка.
 — Да здравствуй, здравствуй, дитетко,
 Да где твоё бело личё
 Да где-ка алы румина?
 — Да мне не прежняя пора,
 Да мне не дивья красата.
 А поутру-ту да рано будят
 Да посылают за водой.
 Да щиплёт, щиплёт мни рученьки
 Да от видёрка, от дуги,
 Да болят, болят мои ножаньки
 Да от угоров от крутых.

56

Чёрная черёмушка
 Да не во время росцвела,
 Да на ту пору, на то времичко,
 Ой, мати сына родила.
 Да родимая моя мамушка,
 Ох, ты на горё родила.
 Да не собравши с полной возрасти,
 Ох, дочерь замуж отдала.
 Да отдала дочерь не к местичку,
 Ох, не за миловое дружка.
 Да не за миловое дружочика,
 Ох, на чужую сторону.
 Да чужа дальная сторонушка,
 Ох, без ветра сушит-крушит.
 Да не отец, родима мамушка,
 Ой, без вины журят-бранят.
 Да обвернусь я птичкой-пташечкой,
 Ой, я везде могу летать,
 Да обвернусь горькой кокушечкой,
 Ой, буду плакать-горевать.
 Да поличу на родну сторону,
 Ой, прямо к батюшку в садок,
 Да уж я сяду я на сосенку,
 Ой, из кудряв кудрявую.
 Да я своим-то зысным голосом,
 Ох, весь я садик споглушу,
 Да своима слезьми горечима,
 Ой, весь зелёной спотоплю.

Да услыхаёт родной тятинька:
 Ой, чу, кокушка во саду.
 Да услыхаёт родна маменька:
 Ой, это наша сирота.
 Да услышают родны сестрицы:
 Ой, посмотрели бы иё.
 Да услыхаёт родной братичок:
 Ой, застрелил бы я иё.
 Да застрелил братец кокушечку,
 Ох, свою родную сестру.
 Да не летала бы, не мучилась,
 Ой, по чужой-то стороне.

57

Загулял детинушка, заломал калинушку,
 Бросил во долинушку, сам пошёл в биседушку,
 Сел он возле девушку.
 Девка слово мольла (так!), Ванюшу пожонила.
 Наш Ваня не жонится, сердце не воротится.
 Не весной, не осенью, середь лета тёплого,
 Время сенокосново, девка траву косила,
 Ходила покосыма, долгима, широкима,
 Косу призатупила, стала полопатила,
 Рученьку порезала, платиком завязала,
 Маменьке не сказыла (так!).

58

Жила-была девушка,
 Да жила красасавица,
 Да по ту сторону реки.
 Шёл мой милый бережком,
 Да шёл мой милый крутеньким,
 Переходу не нашел.
 Взял мой милый жёрдочку,
 Да взял мой милый тоненьку,
 Перебросил, сам пошёл.
 Жёрдочка сломилася,
 Шапочка свалилася,
 Тут мой милый потонул.
 Увидала девица,
 Да увидала красная из высока терема,
 Взяла она ведёрышка,
 Взяла она дубовые,
 За водой сама пошла.
 — Катитесь, ведёрышки,
 Катитесь, дубовые,
 До самой до реки,
 Черпайтесь, ведёрышки,
 Черпайтесь, дубовые,

Да сами полные воды.
 Ты скажи-ко, реченька,
 Ты скажи-ко, быстрая:
 Где мой милый потонул?
 Отвечает реченька,
 Отвечает быстрая:
 — Там, где шапочка всплыла.
 — Заростай ты, реченька,
 Да заростай ты, быстрая,
 Шёлковой густой травой.
 Век бы тебе, реченька,
 Да век бы тебе, быстрая,
 Да век бы тебе, рички, не текать.
 А мне уж, бедной девице,
 Да дружка мила не видать.

59

Ты не стой-ко, ребина, на крутой горе.
 Да не рони-ко ты, ребина, листьё зелено да на синё морё.
 Да как с-по синёму-ту морю корабли пловут.
 Один-от карабль да Богу молится,
 Да чесовой-от савдат да домой просится:
 — Да опустите-ко домой да к отчу-матере,
 Да к молодой жене, да к малым детонькам.
 Да отвичал ему старшой:
 — Да не могу тебя пустить, да мы идём с тобой
 Да на великой бой, да за отца-царя.

60

Протекала там ричонка ле, речка быстрая,
 Нисколь быстрая...
 Проходила детиношка и парня бравово (не брала) брала,
 Брала за ручонку ли, ручку правую,
 Да повела да во горёнку ли, нову спаленку.
 Да стелю я постелюшку мягку-пухову,
 Кладу я в [и]зголовьице мягко-высоко,
 Кину я простынюшку белу-тонкую
 И сама лягу на тесовую новую кровать.
 Да позабыла соловьюшку и дружку наказать:
 — Ты не пой-ко, брат соловьюшко, поутру рано,
 Не буди-ко меня, [я] девушка годами молода.

61

На горе стоит дуб, под горой береза,
 Между дубом и березой протекала речка.
 Течёт речка-невеличка, сама глубокая,
 Сама, сама глубокая — вода холодная.
 Не сметь воду пить, не сметь почерпнүти,
 Мне не сметь жену бить, не сметь поучити.
 Уж я бил жену часок, сам плакал денечок.

Как во городе Казани били барабаны,
 Били-били барабаны, читали указы.
 Што кому идти в солдаты, кому в гренандеры.
 Моему мужу-каналъе не быть во солдатах.
 Не в солдатах, не в матросах, не быть в гренандерах.
 Ты пойдешь, муж, в кабак, а я за тобою.
 Ты пропьешь один грош, а я три копейки.

61а

На горе стоял дуб,
 Под горой берёза;
 Промеж дубом и берёзой
 Речка протекала.
 Течет речка невеличка.
 Сама глубокая,
 Вода холодная,
 Мне нельзя воды испити,
 Нельзя почерпнути.
 Почерпнут[и] — утонут,
 Напиться — захлебнуться.
 Как у старого у мужа
 Жена молодая.
 Мне нельзя жены бити,
 Нельзя поучити.
 Уж я бил жену, бил.
 Бил жену часок,
 А плакал денёк,
 А то бил жену денёчек,
 А плакал недельку.
 Сушит, крушит ясны очи
 По четыре ночи.
 Искушился, искрушился,
 Искушился, искупился
 На всяки лекарства.
 Что мой-то муж — каналъя
 Никуда не годен:
 Не солдат, не матрос.
 Только годен в рядовые,
 Во рядовые солдаты.
 Рядовые-то солдаты
 На пече лежат,
 Жену огорчают.

62

Не вздыхай-ко, душа Маша,
 Ой, не вздыхай-ко тяжело.
 Ой, если шибко парня жалко,
 Ой, ты живи с им заодно,
 Ой, люби парня одново,
 Ой, одново bravovo да из семи удалова,
 Ой, из восьми кудрявово.

Уж ты, мать моя родная,
 Ой, мать-розлучница моя,
 А розлучила меня с парнём,
 Ой, не дала в люб[в]е пожить.
 А я со той большой печали,
 Ой, во постелюшку слегла,
 Да во сыру землю ушла.
 Ой, схороните моё тело,
 Ой, между трёх больших дорог,
 А между трёх больших широких,
 А во Ивановской садок.
 Ой, во Ивановском садочке,
 Ой, возле милова дому,
 А пусть-ко миленькой гуляет,
 Ой, на могилке на моёй.
 А на моёй-то на могилке
 А крест серебряной стоит...

63

Все пташки-канарейки
 Так жалобно поют.
 А нам с тобой, мой милый,
 Разлуку предают.
 — Разлука, ты разлука —
 Чужая сторона.
 Ничто нас не разлучит,
 Не солнце, не луна.
 А только нас разлучит
 Сырая мать-земля.
 Зачем нас¹ разлучаться,
 Зачем в разлуке жить?
 Нам лучше повенчаться
 И друг дружка любить.
 Любила дружка страстно.
 И он меня любил.
 Любовь была напрасна:
 Любил, да изменил.
 О, дайте мне карету
 И пару лошадей.
 Я сяду и поеду
 К сопернице своей.
 Подружка моя Катя —
 Соперница моя,
 Отбила мила друга,
 Отбила навсегда.

64

Вниз по матушке по Волге да разыгралася погода,
 Погодушка не малая, ой, и волновая.
 Нечево в волнах не видно,
 Одна лодочка чирниёт, на ней парус билиёт.

65

Последней час розлуки с тобой, мой дорогой,
 Не вижу, кроме скуки, утехи никакой.
 Одна была утеха — в садочке гулела,
 Гуляла во садочке, гуляла в зеленом,
 Икала те следочки, гуляли где вдвоём.
 Не нашла эти следочки и садилась под кусток,
 На зеленую травку, на жёлтенькой песок.
 Летели три голубки одна за другой,
 Одна села на ветку, другая на пруток,
 А третья-та спорхнула ко мне на белу грудь,
 Тяжелошонько вздохнула о милом дружке,
 О милом о дружочке, Серёже-пастушке.

66

Когда б имел золотые горы
 И реки, полные вина,
 Всё отдан был за ласки-взоры.
 И ты владела [б] мной одна.
 Не упрёкай несправедливо,
 Скажи всю правду ты отцу.
 Когда свободно и счастливо
 С молитвой мы пойдем к венцу,
 Когда свободно и счастливо
 С молитвой мы пойдем к венцу.
 А не твою ли, голубка, руку
 Просил я у отца ни раз.
 А он не понял моей муки
 И дал жестокий мне отказ,
 А он не понял моей муки
 И дал жестокий мне отказ.
 На Божий храм перекрестились,
 В слезах взглянув на дом родной.
 Умчались мы в страну чужую,
 А через год он изменил.
 Забыл он клятву роковую,
 А сам другую полюбил.
 Забыл он клятву роковую,
 А сам другую полюбил.

67

Отец с матерью жили весело,
 Помешала им злая судьба.
 Над сироткою надсмеялася,
 Мать в сырую могилу ушла.
 Схоронили ее одинокую,
 А отец для детей стал чужой.
 Он нашел себе жену новую

С злобным сердцем, с коварной душой.
 — Ты убей детей иль в приют отдай,
 Только сделай все это быстрее.
 А не сделаешь, я уйду от вас
 И одна буду жить веселей.
 Так и сделал он по словам ее.
 Быстро печку отец затопил,
 Завязал глаза сыну младшему
 Да и в печку его положил
 На лопате, в русскую.
 — Папа, папочка, — сказала девочка, —
 Завяжи мне от страха глаза,
 Чтоб не видеть мне смерть кошмарную
 И проститься с тобой навсегда.
 Завязал глаза бедной девочке,
 Ну а мальчик уж мертвый лежал.
 Все лицо его обгорелое
 Страх коварный людям придавал.
 Под окном тут шла их соседushка,
 Услыхала тут плач дочери.
 Стала громко в окошко стучать...
 (*Я тут немножко не помню.*)
 Собрался народ, спасли девочку,
 Ну а мальчик уж мертвый лежал.
 (*Вот так вот, дальше не знаю.*)

68

Чудный месяц плывет над рекою,
 Все в объятьях ночной тишины.
 Я сижу и люблюсь тобою,
 Здесь с тобой, дорогая моя.
 Я сижу и люблюсь тобою,
 Здесь с тобой, дорогая моя.
 Ничего мне на свете не надо,
 Только видеть тебя, милый мой.
 Только видеть тебя бесконечно,
 Любоваться твоей красотой.
 Только видеть тебя бесконечно,
 Любоваться твоей красотой.
 Но увы, коротки наши встречи,
 Ты спешешь на свидание с другой.
 Так иди, пусть одна я страдаю,
 Пусть напрасно волнуется грудь.
 Для чего я жила и страдала,
 Для чего я всю жизнь отдала,
 Как цветок ароматный весной,
 Для тебя одного расцвела.
 Как цветок ароматный весной,
 Для тебя одного расцвела.
 (*В общем так; по-моему, конец уже.*)

69

За рекой на горе лес зеленый шумит,
 За рекой под горой хуторочек стоит.
 В том лесу соловей громко песни поет.
 Молодая вдова в хуторочке живет.
 Рыболов на реке да поз[д]нился теперь,
 Ночевать, почивать ко вдове он приплыл.
 А купец молодой на дороге большой
 Ночевать, почевать ко вдове он пришел¹.
 Рыболов мой, душа, не ночуй у меня,
 Свекор дома сидит, он не любит тебя.
 А купец молодец,
 (*Угостить как-то, в общем, нечем тебя, в общем.*)
 Не затоплена печь, нету сена, овса².
 А в окошко глядит удалой молодец, это...³
 И с тех пор в хуторке уж никто не живет.
 Лишь один соловей громко песни поет.

70

Когда-то и где-то жил царь молодой,
 Когда-то и где-то жил царь молодой.
 Имел он двух дочек, не равных собой,
 Имел он двух дочек, не равных собой.

Старшая девица смуглянкой росла,
 Маленькая девица как роза цвела.
 Старшая меньшую хотела погубить.
 — Пойдем, пойдем, сестрица, пойдем, родимая,
 Посмотрим, как волны у берега шумят.
 Старшая меньшую столкнула с бережка.
 — Спаси, спаси, сестрица, спаси, родимая,
 Отдам тебе шелк я, отдам жениха.
 — Не надо мне шелку, не надо жениха,
 Когда ты утонешь, все будет мое.
 Наутро рыболовы поймали царску дочь
 И думали-гадали, что сделать из волос.
 И натянули струны из девичих волос.
 С первого удара струна оборвалась,
 С второго удара царь-батюшка пришел,
 С третьего удара царица-мать пришла,
 С четвертого удара жених ее пришел,
 С пятого удара казнили царску дочь.

71

В поле широком железом копыт взрыто зеленое жито.
 Там под качущей березкой лежит молодец тайно убитый,
 Там под качущей березкой лежит молодец тайно убитый.
 Молодец тайно убитый лежит, тайно в земле схороненный.

Весь он, бедняжка, китайкой накрыт, тонкой китайкой червонной,
 Весь он бедняжка, китайкой накрыт, тонкой китайкой червонной.
 Вот на могилу девица пришла, розой она расцветала.
 С молодца тихо китайку сняла и без конца целовала,
 С молодца тихо китайку сняла и без конца целовала.
 Вот и вторая девица пришла, очи сияли огнями.
 С молодца тихо китайку сняла и залилася слезами,
 С молодца тихо китайку сняла и залилася слезами.
 Третья девица затем подошла, молвила: «Спит, не разбудишь!
 Спи, мой голубчик, но трех сестер больше любить ты не будешь,
 Спи, мой голубчик, но трех сестер больше любить ты не будешь!»

72

Не влюбляйся в черный глаз, черный глаз — опасный.
 А влюбляйся в голубой, голубой — прекрасный.
 Помнишь, миленький дружок, как с тобой гуляли, эх...
 Одни розовы цветы мы с тобой срывали,
 На головушку венки мы с тобой сплетали.
 Говорила я тебе, повторяла часто:
 — Не влюбляйся в черный глаз, черный глаз опасный, эй...
 А влюбляйся в голубой, в голубой прекрасный.
 Я теперь уже не та, не такая стала, эх...
 Нету прежней красоты, тибя потеряла.

73

Уж запад погас и лучи догорели
 За дальней угрюмой горой,

 За дальней угрюмой горой...
 О чем-то тревожно дубы прошумели,
 И шепчется ветер с листвой,
 И шепчется ветер с листвой...

 Как тихо, как плавно, как манит к покою,
 Пора нам расстаться, прощай,
 Пора нам расстаться, прощай...

 Прощай, навсегда расстаемся с тобою,
 Меня не ищи, не встречай,
 Меня не ищи, не встречай...

 Зачем мы любили, чего мы хотели?
 Возможно ль было вернуть?
 Возможно ль было вернуть?..

 Наш день отошел, и лучи догорели.
 Прощай, уходи, позабудь,
 Прощай, уходи, позабудь...

74

Ревела буря, дождь шумел,
 Во мраке молнии блистали,
 И непрерывно гром гремел,
 И ветры в дебрях бушевали.
 По славе страстию дыша,
 В тайге суровой и угрюмой
 На диком ⟨...⟩ дыша,
 Сидел Ермак, объятый думой.
 Товарищи его трудов,
 Побед и громкозвучной славы
 Среди раскинутых шатров
 Беспечно спали средь дубравы.
 «О, спите, спите ⟨...⟩
 Друзья под бурю ревущей,
 С рассветом глаз раздастся вой
 На славу и на смерть зовущий».
 Блесты блеснули в их руках
 И окровавили долину...

75

Не осенний мелкий дождичек
 Брызжет, брызжет сквозь туман,
 Слезы горькие льет молодец
 На свой бархатный кафтан.
 — Эй, полно, брат-молодец, ты ведь не девица,
 Пой, тоска пройдет,
 Пей, пей, тоска пройдет.
 — Нет, тоска, друзья-товарищи,
 Грусть запала глубоко,
 Дни веселия, дни радости
 Отлетели далеко.

76

Кольцо души-девицы я в море уронил.
 И с ним, конечно, счастье земное погубил.
 Мне дав его, сказала: «Носи, да не теряй.
 Пока носишь колечко, меня своей считай».
 Не в добрый час я в море стал невод полоскать,
 Кольцо юркнуло в воду. Искал, но где сыскать?
 О ветер полуночный, проснися, будь мне друг,
 Сорви со дна колечко и выкати на луг.
 Вечор ей жалко стало, нашла меня в садах,
 И что-то ей хотелось сказать, но не могла.
 На что мне твои ласки? На что мне твой привет?
 Любви, любви хочу я, любви-то мне и нет.

Вспомни-ка, вздумай, друг да любезной,
Старую прежнюю (да) любовь.
Да любовь...¹

Как мы с тобой обещались
Вечно друг друга (да) любить.
Да любить...

Как одни мы с тобой без другого
Не могли на свете (да) жить.
Да жить...

А тепере что с нами случилось,
В один час мой милой изменяет.
Мой милой изменяет...

Изменил священной клятве,
Сам женился на другой.
На другой...

Он женился, переменялся,
Не по праву жену взял.
Жену взял...

Не по праву, не по сердцу,
Не по мыслям по своим.
По своим...

Ты ищи себе другую,
Закажи мне черный гроб.
Черный гроб...

Ты повысватай себе невесту,
А мне черный гроб пришли.
Гроб пришли...

Вы-то сядете в карету,
А я лягу в черный гроб.
В черный гроб...

Поведут вас в Божью церковь
И меня туда же повезут.
Повезут...

Поведут вас вокруг наложь,
А мне вечну память запоют.
Запоют...

Пошёл-то, пошёл милый во дороженьку,
Он запел-то, запел с горя песенку:
«Ты прощай-ка, прощай, моя любезная,
Ты прости-ка, прости, моя старо-прежня!
Лучше меня наживёшь — меня позабудешь,
Хуже меня наживёшь — меня вспомянешь».

79

Закатало, заваяло
 Полтораста кораблей.
 На каждом на кораблике
 По пяти сот молодцов,
 По сту песенников.
 Они едут и гребут,
 Весело песни поют,
 Промеж себя говорят,
 Все Ракчеева бранят:
 «Экой шельма, экой плут,
 Как сумел народ надуть!
 Ты, разбестия, каналья,
 Отдай жалованье:
 Харчевое, медовое,
 Третье денежное.
 Страшну бездну денег нажил,
 Да владеть ими не мог.
 Что на наши-то на деньги
 Ты палаты, шельма, склал,
 Что не хуже и не лучше
 Государева дворца.
 Разве тем они похуже —
 Золотого орла нет.
 В белокаменных палатах
 Всё хрустальный потолок,
 Позолоченный конёк.
 Как под эти под палаты
 Быстра речка протекла;
 Не сама собой прошла —
 По фонталам ведена.
 Что во эту быстру речку
 Была рыба опущена,
 Золотая голова,
 Серебряна чешуя».

80

Сизенькой голубчик,
 Сизенькой, ворковистый!
 Ты зачем ко мне
 В терем не летаешь?
 Буйный ветер разве
 Тебя прочь относит
 Или частым дождинком
 Сизы крылья мочит?
 Сидит милый во неволе,
 Во темной темнице.
 Что в темнице нет окошек,
 Ни щелей нет, ни протёсок;
 Только трубка дымовая,
 Дымовая, выводная,

Из трубы дым вывивает,
 Меня горе разбирает.
 Я пойду, млада, во терем.
 Возьму ключи золотые.
 Отопру ларцы кованные,
 Возьму казны сорок тысяч,
 Пойду милого выкупати.
 Офицер казны не примаает,
 Любезного не выпускает.

81

В чистом поле при долине,
 При большой дорожке
 Мой-от миленькой лежит,
 Он лежит убитый.
 Его личико покрыто
 Белой кисеёю.
 К нему Саша приходила,
 Кисеёчку скрыла.
 Кисеёчку открывала,
 В уста целовала,
 Три слова сказала:
 — Я помру, помру, дружочек,
 Я жива не буду.
 Пускай меня похоронят
 Не попы, не дьяки,
 Пускай меня похоронят
 Молоды ребята.
 Похоронят и пойдут;
 Хоть они помянут,
 Никому не скажут.

82

Ты не ной-ка, не ной,
 Ретиво сердечко!
 Не тужи-ка, не плачь-ка,
 Красная девица!
 — Как мне не плакать,
 Как мне не тужить!
 Ты хорош, ты пригож,
 Милый, уродился,
 Не дай Бог с женатым
 Дружком знаться!
 Он домой-то придёт,
 Все жене расскажет:
 «Уж был-то я, был
 У Надежды,
 Я лежал-то, лежал
 На мягкой перине,
 На косящатом зголовье,
 На правой на ручке,

На злаченных перстнях».
 При компаньюшке
 Баба обесчестит,
 При девьей беседушке
 Надсмеется.

83

Сидела Авдотья одна в терему,
 Шила-вышивала шёлком по письму,
 Брала-убирала жемчуг со стола.
 Вышила Дуняша аленькой платок;
 Ждала-дождалась к себе гостенька.
 Приезжал Алёшенька в полночь на коне;
 Соскочил Алёшенька с ворона коня,
 Кольнул Алёшенька копьём ворота.
 Сбрякало колечико серебряное,
 Здрогнуло сердечушко Авдотьюшкино.
 — Что же ты, Алёшенька, вечер не пришёл?
 — Молчи, молчи, Дунюшка, — призамешкался:
 Богатого шурина в Питер отправлял,
 Ласкову свояченицу замуж отдавал,
 Со злою женою побраночка была:
 Бранила, бесчестила, красна девица, тебя,
 Бранила, бесчестила меня, молодца.

84

Пойду, выйду на горушку, постою,
 На родимую сторонку погляжу:
 Не воротится ли мой милой назад?
 Не воротится ль словечушка сказать?
 Что первое-то словечко — про себя,
 А второе — про подруженьку.
 — Дружка ты, Иванушка,
 Ты Иванушка-горе!
 Отчего, горе, не женишься?
 На кого, горе, надеешься?
 — Я надеюсь на денежки,
 Я женюсь на красной девушке.

85

Приносила меня матушка
 Во июне во месяце,
 Приносила родимая
 Во злосчастный час.
 Что качала меня матушка
 Во злосчастный день пятницу —
 Левою рукой наотмашь.
 Ты кукуй, кукуй, кукушечка,
 Поутру раным-ранёшенько,
 Ввечеру поздним-позднёшенько,

Не передавай тоски на сердце,
 Чтобы весело было вдовушке,
 Чтобы весело с родной маменькой
 Через поле слово молвити,
 Через реку поздороваться.

86

Поезжает мой любезный
 В иной, дальний городок,
 Здесь меня оставляет
 На несчастной стороне.
 Оставляет горевать,
 Об ём слёзы проливать.
 Хотел мой любезный
 Десять лет прожить,
 Не прожил годочка,
 Едет он назад.
 Конь под ним вороной,
 Седельшко черкасско,
 Шуба на ём два ста,
 Шапочка пятьсот.
 Со мной повстречался,
 Шапочку не снял,
 По прежней любви
 «Здравствуй» не сказал.
 Смейся, друг любезный,
 Смейся над собой!
 Бог тебя накажет
 Молодой женой,
 Лютою змеей.

87

Ночи тёмные, осенние,
 Надоели нам, прискучили,
 Со любезеньким разлучили.
 Всю я ноченьку просидела,
 Думушку продумала.
 Одна думушка с ума нейдёт:
 Уж как милый далеко живёт, —
 За Невой-рекой, за крутым горам.
 Проторил-то мой миленькой
 Путь-дороженьку широкую,
 Пропустил худую славушку
 Про меня, про девушку.
 Я сама ли то, девушка,
 Сама глупо сделала,
 Моего дружка прогневала:
 Назвала дружка непорядочным,
 Непорядочным, горьким пьяницей.

88

Я у батюшки, у матушки
 Одна дочи была,
 У родимого повыросла,
 Я на неге жила,
 Я без чаю, без конфетов
 Не жила никогда.
 Без постели не усну я,
 Без одёжи не подумаю.
 Во сне видится:
 Вставай, девушка, ты рано,
 Умывайся бело.
 На что мылом умываться,
 Когда не с кем целоваться?
 На что щёгольно ходить,
 Когда некого любить?
 На что мягко стлать,
 Когда не с кем спать?
 Кину в головы кручину,
 Под бока тоску-печаль.
 Распроклято дивьё стало,
 Не могу одна я спать.
 Пойду милого искать.
 Вон где, эвон где
 Мой-то миленькой!
 Вдоль по улице идёт,
 Хорошо песню поёт.
 К моему двору подходит,
 Принасвистывает;
 По насвистке выговаривает:
 — Дома, дома ли Дуняша,
 Дома ль лапушка моя?

89

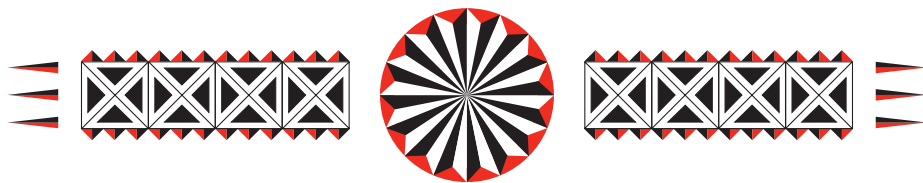
На чужой-то на сторонке
 Жить не весело.
 Жить не весело —
 Любить некого.
 Из молоденьких ребят
 Что не выбрать никого.
 Чужая-то сторонка
 Без ветру сушит,
 Без морозу, без зимы
 Сердце вызнобит.
 Как чужой-то отец-мать
 Без вины бранят,
 Братец да сестрица
 Работать велят:
 — Уж ты робь-ка, работай,
 Не постаивай.

На родимую сторонку
 Не поглядывай.
 — Наплевай-ка ты, золовка,
 Не указывай!
 Уж как мне да на её
 Не поглядывать?
 На родимой на сторонке
 Три зазнобушки,
 Три великие:
 Перва-то зазноба —
 Отец с матушкой,
 А вторая-то зазноба —
 Братец с сестрицей,
 А что третья-то зазноба —
 Мой любезный друг.
 Про батюшку, про матушку
 Винца возьму,
 Про братца, про сестрицу
 Пива наварю,
 Про милого-то дружка —
 Сладкой водочки.
 Я по батюшку, по матушку
 Послы пошлю,
 Я по братца, по сестрицу
 Пару коней заложу.
 Я по милого дружка
 И сама схожу.
 Что возьму я милого
 За белые ручки,
 Уведу я милого
 Во высок терем,
 Посажу я милого
 На красный стул,
 За дубовый стол.
 Скажу: кушай, милый мой,
 Скажу: кушай, дорогой!

90

Мой-от миленькой дружок
 Далёко живёт,
 Он далёко за рекой.
 Поглядела б на милого,
 Чего милый делает.
 Милый судно делает,
 Судно делает да веселка стружёт,
 Веселка стружёт,
 Стружки в клад кладёт.
 У милого денег много,
 Робить наймует.
 Вы робятушки,
 Братцы-батюшки!
 Уж вы подь-ко-те,

Попльви-ко-те
Вы под новый под город,
Под деревню Токарево.
Токарёво-то деревня
Лучше городу.
В этом городе
Чего дорого?
Девки дешёвы,
Парни дороги.
За Костю-то
Дают сто рублей,
За Василья-то —
Девятьсот рублей,
Как за Левушку —
Целу тысячу,
А за всех-то за робят
Денег сметы нет.

II. Свадебные песни

1

$\text{♩} = 120$

На у - ли - це до - жжи до - жжат,
на се - нях - то ро - са па - дет.

На се - нях - то ро - са па - дёт,
в те - ре - му - ту да - ры де - рут.

В те - ре - му - ту да ры де - рут,
те же да - ры - то Ма - ры - ны...

На улице дожди дождат —
На сенях-то роса падёт,

На сенях-то роса падёт.
В терему-ту дары дерут,*

В терему-ту дары дерут,
Те же дары-то Марьины,
Ишо Марьи Ивановны,
За столом-то дарить хотят
Удала добра молодца
Да Ивана Васильевича.
«Прймай да́ры, не прогневайся,
От даров не ворочейся,
Не тебе дары лажены,
Да тебе пригодились,
Пригодились, прилучились,
Удалу добру молодцу
Да Ивану Васильевичу».

1а

На у - ли - це - то до - жжи до - жжат,
на се - нях - то ро - са па - дёт.

На се - нях - то ро - са па - дёт.
 в те - ре - му - то да - ры де - рут.
 В те - ре - му - то да - ры де - рут,
 ба - ско ши - ты - е, бра - ны - е.
 Ба - ско ши - ты - е, бра - ны - е
 всё то - нки по - ло - тня - ны - е...

На улице-то дожди дождат,
 На снях-то роса падёт,

На снях-то роса падёт.
 В терему-то дары дерут,*

В терему-то дары дерут
 Баско шитые, браные,
 Всё тонки, полотняные,
 Ещё дары-то Аннины,
 Ещё Анны Александровны.
 «Ты прими-ко, прими дары,
 Ты прими, не прогневайся,
 От даров не ворочайся,
 Не тебе дары лажены,
 Да тебе пригодились,
 Што тебе, добру молодцу
 Да Ивану Васильевичу».

$\text{♩} = 138$

На у - ли - це до - жжи до - жжат,

во се - нях - то ро - са па - дёт.

Во се - нях - то ро - са па - дёт,

в те - ре - му - то да - ры де - рут.

В те - ре - му - то да - ры де - рут,

всё да - ры в ру - чья кла - де - ны...

На улице дожди дождат —
Во сенях-то роса падёт,

Во сенях-то роса падёт.
В терему-ту дары дерут,*

В терему-ту дары дерут,
Всё дары в ручья кладены,
Всё дары дерут Светланины,
Да Светланы-то Юрьевны,
За столом-то дарить хотят
Удала добра молодца,
Александра-та Викторовича.
[Примай дары, не прогневайся,
От даров не ворочайся,
Не тебе дары лажены,
Да тебе пригодились,
Пригодились, прилучились,
Удалу добру молодцу,
Александру-от Викторовичу.]

2

$\text{♩} = 126$

Не вче ра бы - ло, тре тье - во дни,

на - ка - ну - не Пе тро - ва дни.

На - ка - ну - не Пе тро - ва дни,

при - хо - ди - ли две сва - тью - шки.

При - хо - ди - ли две сва - тью - шки,

о - бе сва - тьи лу - ка - вы - е...

Не вчера было, третьёво дни,
Накануне Петрова дни,

Накануне Петрова дни.
Приходили две сватьюшки,*

Приходили две сватьюшки,
Обе сватьи лукавые,
Говорили, обманывали,
Про житьё-бытьё рассказывали,
Про житьё-бытьё богатое:
— У нас дом на семи верстах,
На семи с половиною;
Две избы, обе новые,
Меж избами же — горница,
Под окошком — зелёной сад;
Во саду соловей поёт.
— Не лукавьте вы, сватьюшки.
Мне-то кумушки сказывали
Да подружки наговаривали:
«У них дом-то на семи шагах;
Две избы, обе старые,
Меж избами-то — кузница,
Под окошком крапива растёт,
За двором-то — дремучий лес.
А во том во дремучем лесу
Куковала кокушечка».

2а

$\text{♩} = 138$

Не вче - ра бы - ло, тре - тьё - во дни,
на - ка - ну - не Пе - тро - ва дни.

На - ка - ну - не Пе - тро - ва дни,
при - хо - ди - ли две сва - тью - шки.

При - хо - ди - ли две сва - тью - шки,
...(а) - тью - шки,

мо - ло - ды - е, лу - ка - вы - е...

Не вчера было, третьёва дни,
Накануне Петрова дни,

Накануне Петрова дни.
Приходили две сватьяшки,*

Приходили две сватьяшки
Молодые, лукавые,
Говорили, обманывали,
Небылицу наговаривали,
Про житьё-бытьё сказывали,
Про житьё-бытьё про богатоё,
Про скота про рогатого:
— Как у нас у Васильюшка,
Как у нас у Ивановича
Стоит дом на семи верстах,
На семи с половиною,
Ишше две избы новые,
Меж избами-то — горенка,
Под окном-то — зелёной сад,
Во саду соловей поёт.
— Вы не сказывайте, сватьяшки,
Вечор были две кумушки,
Мне-ко кумушки сказывали:
У вас дом на семи шагах,
На семи с половиною,
У вас две избы старые,
Меж избами-то — кузница,
Под окном-то — дремучий лес,
Во лесу рышшет лютой зверь.

26

А вот вчера было, третьёго дни,

Вот вчера было, третьёго дни,
Накануне Петрова дни,

Накануне Петрова дни.
Приезжали две сватьяшки,*

Приезжали две сватьяшки,
Да две сватъи лукавые,
Говорили, обманывали:
«Как у нас у Ивана-то,
Как у нас у Николаевича
Стоит дом на семи верстах,
На семи жо с половиною,
Ише две избы новые,
Меж избами-то — горница,
А во горнице — мебели,
Под окном-то — зелёной сад,
Во саду соловьи живут,

Соловьи живут — насвистывают». Как у нас у Ивана-га
 Стоит дом на семи шагах,
 На семи с половиною,
 Меж избами-то — кузница,
 А во кузнице — угольё,
 Под окном-то — дремучой лес,
 Во лесу-то — хищны зверьё.
 На печище котище лежит,
 А по полу по дубовому
 Тут змея извивалася.
 По лавочкам — голуби,
 По окошечкам — пташечки.
 На печище котище лежит —
 Тут ведь свёкор-от батюшко,
 По полу по дубовому
 Тут змея извивалася.
 Тут змея жо извивалася —
 Тут свекровка-га матушка.
 А по лавочкам голуби —
 Мужни братья — деверьяца.
 Под окошечком пташечки —
 Тут золовки-голубушки.

3

Да на той го-ре, го-ре,
 да на той го-ре вы-со-кой.
 Да на той го-ре вы-со-кой,
 там сто-ял но-вой Бо-жьей храм.
 Там сто-ял но-вой Бо-жьей храм,
 да во том во Бо-жьём хра-му.

Да на той горе, горе,
Да на той горе вы́сокой,

Да на той горе вы́сокой
Там стоял новой Божьей храм,*

Там стоял новой Божьей храм,
Да во том во Божьём храму,
Тут винцялись два отрока,
Да отрок с отрокицею,
Молодец со девицею.
Позабыла, молодёшенька,
Я со батюшкой проститися,
Всё кормильцу поклон вздать.
Благодарствуйте, батюшко,
Ты вспоил, ты вскормил меня
От рожденья до возраста,
До моёво до суженово,
До Ондreja Сергеевиця!

За

Уж как на горе, на горе,
На крутой горе, высокой,

На крутой горе, высокой,
Да в высоком-то тереме,*

Да в высоком-то тереме
Там сидит красна девица-душа,
Она шибко расплакалася,
Она шибко и жалобно,
Ко столу припадаючи,
Скатертью утираючи,
Батюшку припеняючи,
Матушке припеняючи:
«Ты корминец мой батюшко,
Отдаёшь молодёшеньку,
Как траву зеленёшеньку,
Недорослую травоньку,
Недозрелую ягодку,
Мне не вырасти, травоньке,
Мне не вызрети, ягодке,
Да с осеннего солнышка,
Да со летнего дожжичка».

4

$\text{♩} = 120-126$

Как жи - ла - бы - ла я у ма - ме - ньки,

до се - мна - дца - ти го - ди - ков.

До се - мна - дца - ти го - ди - ков,

не слы - ха - ла пе - ту - хи - ти по - ют.

Не слы - ха - ла пе - ту - хи - ти по - ют,

не слы - ха - ла ко - гла ма - ма вста - ёт...

Как жила-была я у маменьки
До семнадцати годиков,

До семнадцати годиков,
Не слышала — петухи-ти поют,*

Не слышала — петухи-ти поют,
Не слышала, когда мама встаёт,
Да встаёт она — не стучает,
Говорит она — не árжает,
Да сама обряжается,
Да будить не напускается:
«Ты вставай, моё дитятко,
Ты, дитя моё, родимое,
Умывайся белёшенько,
Утирайся сухошенько,
Принимайся за работушку,
За работушку тяжелую,
За вышиванье да за вязанье».
У моей-то у свекровушки
Как на первой неделичке
Услыхала — петухи-ти поют,
Услыхала — свекровка встаёт,
Всё встаёт она — стучает,
Говорит она — úркает,
Да сама не обрежается,
Да будить напускается:
«Ты вставай-ко, невестка моя,
Ты вставай-ко поскорёшенько,
Умывайся белёшенько,
Принимайся за работушку,
За работушку за лёгкую,
За стряпню за ежедённую».

4а

$\text{♩} = 118$

(э.) Я жи - ла - бы - ла у ма - ме - ньки,
до се - мна - дца - ти го - ди - ков.
До се - мна - дца - ти го - ди - ков

Я жила-была у маменьки
До семнадцати годиков,

До семнадцати годиков,
Не слыхала — петухи-то поют,*

Не слыхала — петухи-то поют,
Не слыхала, когда маменька встаёт.
Да встаёт она — не стучаёт,
Говорит она — не гáркаёт,
Да (к) моей-то постелюшке
Она семь раз подходила
Да одно слово вымолвила:
«Ты вставай, моя дитятка,
Ты вставай потихонечку,
Умывайся белёшенько,
Утирайся сухёшенько,
Принимайся за работушку,
За работу тижёлую,
За шитьё да за вязаньё».
У свекрови-голубушки,
Прожила одну неделюшку,
Услыхала: петушки-то поют,
Да слыхала, как свекровушка встаёт,
Да встаёт она — стучаёт,
Говорит она — гáркаёт,
Да к моей-то постелюшке
Она (о)дин раз подходила,
Она семь слов-от вымолвила:
«Ты вставай-ко скорёшенько,

Умывайся гунёшенько (?),
 Утирайся сырёшенько,
 Принимайся за работушку,
 За работушку лёгкую,
 За мытьё да за молотё».

4б

Жила я у мамушки
 Ещё двадцать два годика,

Ещё двадцать два годика.
 Не слыхала — петухи-те поют,*

Не слыхала — петухи-те поют;
 Не слыхала, когда мама встаёт,
 Да встаёт она — не стучаёт,
 Да заслонкой не брякаёт,
 Да будить не напускается,
 Да она семь-то раз подходила,
 Да восьмой раз розбудила:
 «Ты вставай, моё дитятко,
 Ты вставай, умывайся-ко,
 Умывайся белёшенько,
 Снаряжайся басёшенько,
 Принимайся за работушку,
 За работу за лёгонькую,
 За шитьё да за вязанье,
 Проживёшь ты неделюшку,
 Тебе будет переменушка,
 Да перемена великая,
 Ты услышишь, как свекровка встаёт.
 Да встаёт она — стучаёт;
 Говорит она — аргаёт
 Да будить напускается».
 Она первой раз подходила
 Да второй раз розбудила:
 «Ты вставай-ко, невестка моя,
 Принимайся за работушку,
 Умывайся белёшенько,
 Снаряжайся скорёшенько,
 Принимайся за работушку,
 За работу тяжёлую,
 За стряпню да хитромудрую,
 Хитромудру, ежедённую».

5

$\text{♩} = 168$

Де - ву - шки вы, де - ву - шки,
 го - лу - би - ны - е се - ме - на,
 Го - лу - би - ны - е се - ме - на,
 вас не - мно - го по - се - е - но.
 Вас не - мно - го по - се - е - но,
 мно - го вас у - ро - ди - ло - ся.
 Мно - го вас у - ро - ди - ло - ся,
 о - дно по - ле до Ки - е - ва...

Девушки вы, девушки,
 Голубиные сѣмена.

Голубиные семена,
 Вас не много посеено.*

Вас не много посеено,
 Много вас уродилося.
 Одно полѣ до Киева.
 А другая до роздолья.
 До роздолья широково.
 Промеж теми двуме польми
 Протекала проточина.

Неширока, глубокая,
 Как по той по проточине
 Не бела лебедь клыккала,
 Не черна куна възрыдала.
 Возрыдала, восплакала
 Душа красная девица
 Да Мария Ивановна
 По своей она русе косе,
 Дорогой девьей красоте:
 «Ты могла красоватися
 На моей на буйной голове,
 На моих на могучих плечах».

5а

$\text{♩} = 96$

О - й вы, де - ву - шки, де - ву - шки,
 го - лу - би - ны - е се - ме - на,
 Го - лу - би - ны - е се - ме - на,
 вас не - мно - го по - се - я - но.
 Вас не - мно - го по - се - я - но,
 мно - го вас у - ро - ди - ло - сё...

Ой вы девушки, девушки,
 Голубиные семена,

Голубиные семена,
 Вас не много посеяно,*

Вас не много посеяно,
 Много вас уродилосё,
 Одно полё до Киева,

А другоё до роздолья,
 До роздолья широково,
 Да до рúчья глубоково [...]
 Как по той по проточине
 Проплыла лебедь белая,
 Да белá лебедь клыккала,
 Красна девица сплакала,
 Да душа красна девушка
 Палагея Михайловна
 Об своей об русой косе,
 Об своей девьей красоте:
 «Уж ты коса, ты косынька,

Уж ты коса, ты косынька,
 Ещё с плéча на плечико».

56

Ай, девки вы, девушки,
 Голубиные симена,

Ай, голубиные симена,
 Вас не много посиено,*

Вас не много посиено,
 Много вас уродилося,
 Одно полё до Киева,
 Да другоё до роздолья,
 Ай, до роздолья-та широкого.
 Промежду тема двуми-те польми,
 Протекала проточина,
 Неширóка, глубокая,
 Да с-по той да с-по проточине
 Не белá лебедь склыккала,
 Не белá кунья възрыдала.
 Возрыдала, восплакала
 Душа красная девица
 По своей она русе-то косе,
 Дорогой да девьей красоте:
 «Уж ты, свет, моя русая коса,
 Дорога девья красота,
 Ты могла красоватися
 На моей на буйной голове,
 На моих на могучих плечах,
 Уж ты с плечика на плечико,
 Со правá плеча на левоё.
 Я ради тебя, русá коса,
 По [й] утру рано вставала,
 Вечером поздно ложилася,
 Я чесала головушку,
 Я чесала, учасывала
 Дорогим рыбьим грéбешком.
 Заплетала русу́ я косу

Всяки разные ленточки,
 Всяки разны-разноцветные,
 Разноцветны немецкие».

6

$\text{♩} = 144$

Ой, во лу - зях бы - ла смо - ро - ди - на.

Во лу - зях бы - ла смо - ро - ди - на,

во зе - лё - ных - то чё - рна - я.

Во зе - лё - ных - то чё - рна - я,

вся спо - би - та, спо - ло - ма - на.

Вся спо - би - та, спо - ло - ма - на,
 во че - рну - ю грязь вто - пта - на...

Ой, во лужах была смородина,

Во лужах была смородина,
 Во зелёных-то чёрная,

Во зелёных-то чёрная,
 Вся спобита, споломана,*

Вся спобита, споломана,
 Во черную грязь втоптана,
 Во черную грязь осеннюю.
 Мне не жалко смородины,
 Жаль души красной девушки
 Да Елены Михайловны.
 Не за ровню заму́ж пошла,
 Не за ровню великую.
 Ей не ровня крестьянской сын,
 Ей ведь ровня — купеческой,
 Удалой-от доброй молодец
 Да Ондрей-от Сергеевич.
 Не садися возле меня...

ба

Во лужах была смородина,
 Во зелёных-то чёрная,

Во зелёных-то чёрная,
 Вся спобита-споломана,*

Вся спобита-споломана,
 Во черную грязь втоптана,
 Во черну́ грязь осеннюю.
 Мне не жалко смородины,
 Жаль души красной девушки
 Да Елены-то Павловны.
 Не за ровню заму́ж пошла,
 Не за ровню великую.

Ей не ровня крестьянской сын.
 Ей не ровня купеческой.
 Удалой доброй молодец
 Да Василей Иванович,
 Не садись ты возле меня,
 Ты не мни платьё цветное,
 Не бери руку правую
 Да не жми белых перстней,
 Не ломай золотые перстни,
 Да не ты мне перстни купил,
 Да не ты золоты заводил.
 Да купил перстни батюшко,
 Шила платьё мне матушка...

7

$\text{♩} = 112$

(да) На пло - ту бы - ло, на пло - ти - чке,
 на се - ре - бре - ном мо - сти - ке.
 На се - ре - бре - ном мо - сти - ке,
 там Ма - ри - я да - ры мы - ла.
 Там Ма - ри - я да - ры мы - ла,
 да И - ва - но - вна то - нки - е.
 Да И - ва - но - вна то - нки - е,
 всё то - нки - по - ло - тня - ны - е...

(да) На плоту было, на плотичке,
На серебряном мостике,

На серебряном мостике,
Там Мария дары мыла.*

Там Мария дары мыла,
Да Ивановна тонкие.
Всё тонкий полотняные.
Супротив, на другой стороне,
Да Иван-то коня поил.
Да Иванович воронова.
Он поил коня, отпустил,
Одно словечко вымолвил:
— Да Мария, содержи коня
Да Ивановна, воронова.
— Я хочу — коня содержу.
Не хочу — коня отпущу.
Я тепере, сударь, не твоя.
А всё дочь я да батюшкова
Да родимой-то мамушки,
Да Марии Васильёвны!

7а

На плоту было, плотике,
На серебряном мостике,

На серебряном мостике.
Тут Елена дары мыла,*

Тут Елена дары мыла
Да Ивановна браные,
С высока шиты, браные,
Да тонкий полотняные.
Супротив на другой стороне,
Тут Иван-от коня поил
Да Иванович вороного.
Он поил, коня отпустил,
Сам словечико вымолвил:
— Ты, Елена, содержи коня,
Да Ивановна вороного.
— Я хочу — коня содержу,
Не хочу жо — коня отпущу.
Я ишо ведь, сударь, не твоя.
Я отцова да матушкина.

$\text{♩} = 100$

Со - се - ду - шки, го - лу - бу - шки,

вы при - ди - те по - си - деть ко мне.

Вы при - ди - те по - си - деть ко мне,

вы во - зьми - те по ве - дё - ры - шку.

Вы во - зьми - те по ве - дё - ры - шку,

по ве - дё - ры - шку ду - бо - во - му...

ве - дё - рку

— Соседушки-голубушки,
Вы придите посидеть ко мне,

Вы придите посидеть ко мне,
Вы возьмите по ведёрышку,*

Вы возьмите по ведёрышку,
По ведёрышку дубовому,
Коромыслу кленовому.
Вы ходите на Дунай-реку,
На Дунай-реку быструю,
Почерпните ключевой воды,
Ключевой воды холодные.
Вы полейте крутую гору,
Круту гору, высокую,
Мою улочку широкую,
Штоб не зайти, не захати
Удалому добру молодцу,
Олександру Саватеевичу.
— Не хитряйся, красна девушка
Свет Мария Васильевна,
Еще я похитрее тебя.
Нащеплю я хмелю ярого,
Наварю я пива пьяного,
Позову я дорогих гостей,
Дорогих гостей подпою,
Воронных коней подкую
И заеду на круту гору,
На круту гору высокую,
Твою улочку широкую.
Увезу красну девушку —
Свет Марию Васильевну.

8a

Уж вы девушки-голубушки,
Вы придите ко мне посидеть,

Вы придите ко мне посидеть,
Принесите ведёрышко,*

Приесите ведёрышко
На дубовом коромылице.
Вы ходите на Дунай-реку,
Принесите ключавой воды.
Вы полейте крутую гору,
Да круту гору высокую,
Нашу улочку широкую.
Не зайти, не захати
Удалу добру молодцу
Да Михайлу Ивановичу.

$\text{♩} = 112$

Ох вы, со - ко - лы, со - ко - лы,
со - ко - лы зла - то - кры - лы - е.
Со - ко - лы зла - то - кры - лы - е,
зла - то - кры - лы, зла - то - пё - ры - е.
Зла - то - кры - лы, зла - то - пё - ры - е,
вы ку - да (й)а вы ле - та - ли?

Ох вы соколы, соколы,
Соколы златокрылые,

Соколы златокрылые,
Златокрылы, златопёрые,*

Златокрылы, златопёрые,
Вы куда (й)а вы лётали,
Да чево чули-видели?
Мы летали по вишенью,
По всему цвету белому.
Мы имали лебёдушку,
Молодую молодушку
Да Елену Михайловну...

9а

$\text{♩} = 104$

Уж вы со - ко - лы, со - ко - лы.

Уж вы со - ко - лы, со - ко - лы,

со - ко - лы зла - то - кры - лы - я.

Со - ко - лы зла - то - кры - лы - я,

зла - то - кры - лы, зла - то - пё - ры - я.

Зла - то - кры - лы, зла - то - пё - ры - я,

вы да - лё - ко ли ле - та - ли?

Уж вы соколы, соколы,

Уж вы соколы, соколы,
Соколы златокрылья,

Соколы златокрылья,
Златокрылы, златопёрья,*

Златокрылы, златопёрья,
Вы далёко ли лётали
Да чево чули-видели?
— Уж мы лётали, соколы,
Уж мы с горы-то на гору,
Уж мы с терема на терем.
Уж мы чули да видели
Белу лебедь на заводе,
На глубокой-то на ржавчине,
Красну девушку в высоком терему.

Вы почём жо её не взяли,
 С собою её не привезли?
 Хоша мы-то её не взяли,
 С собою её не привезли —
 Право крылышко подстрелено,
 Во Божью церкву свезено.
 Женой-то её назвали,
 Женою-то Андрееву,
 Да Андрея Сергеевича!

96

Уж вы соколы, соколы,
 Соколы златокрылые,

Соколы златокрылые,
 Златокрылы, златопёрые,*

Златокрылы, златопёрые,
 Вы далёко ли лётали?
 Уж мы лётали, лётали,
 Уж мы с горы да на гору,
 Уж мы с терема на терем,
 Да поймали мы девушку,
 Молодую молодушку
 Да Елену-то Павловну.
 Привезли в дом ко матушке
 Да Галине Петровне-то:
 — Да любя ли те любушка,
 Да моя-то голубушка
 Да Елена-то Павловна?
 Лишь тебе бы была любя,
 А по мне-то давно хороша,
 Сыздавна приглянулася.
 Сыздавна-сыздавнёшенька,
 С малых лет, молодёшенька.

10

$\text{♩} = 116$

Ты ро - ди - ма - я ма - ту - шка,

уж ты хо - дишь на ра - до - стях,

Уж ты хо - дишь на ра - до - стях,

на ве - ли - ком ве - се - льи - це.
 На ве - ли - ком ве - се - льи - це,
 тво - и ре - звы - е но - же - ньки...

Ты родимая матушка,
 Уж ты ходишь на радостях,

Уж ты ходишь на радостях,
 На великом весельице,*

На великом весельице.
 Твои резвые ноженьки,
 До полу́ не допадывають,
 До полу́ до дубовово,
 До ковра до шелко́выя.
 Твои белые рученьки
 Выше буйной головушки,
 За небёса хватаючи
 Да меня избываючи,
 Да меня, молодёшеньку,
 Как траву зеленёшеньку,
 Как лиха́ зверя из лесу,
 А меня, младу, из дому,
 Из высоково терему.

11

$\text{♩} = 104$
 Я хо - жу, хо - жу по го - ре,
 я хо - жу по Си - я - нской го - ре.
 Я хо - жу по Си - я - нской го - ре,

не мо - гу я го - ры сто - птать.

Не мо - гу я го - ры сто - птать,

не мо - гу я Си - я - нски - е.

Не мо - гу я Си - я - нски - е,

не мо - гу ба - тю - шку ра - сле - зить...

Я хожу, хожу по горе,
Я хожу по Сиянской горе,

Я хожу по Сиянской горе,
Не могу я горы стоптать.*

Не могу я горы стоптать,
Не могу я Сиянские.
Не могу батюшку расслезить,
Не могу ево розжаловати.
У нево серце каменное,
Во железе-го сковано,
В синё море отпущено,
Всё со серым со камушком.
К камешку припадаючи
Да меня изживаючи
Молоду-молодёшеньку,
Как траву зеленёшеньку,
Недозрелую ягодку.
Мне не вырасти, травоньке,
Со осённово дождика,
Не созреть будёт ягодке
Да со зимнево солнышка.
Молодая молодушка...

12

$\text{♩} = 108$

Да спа - си - бо те - бе, пи - во - вар,
да спа - си - бо те - бе, мо - ло - дой.
Да спа - си - бо те - бе, мо - ло - дой,
А - ле - кса - ндро ты Фё - до - ро - вич.
А - ле - кса - ндро ты Фё - до - ро - вич,
ты су - мел пи - во пья - но сва - рить...

— Спасибо тебе, пивовар,
Да спасибо тебе, молодой,

Да спасибо тебе, молодой,
Александр(о) ты Фёдорович.*

Александр(о) ты Фёдорович,
Ты сумел пиво пьяно сварить,
Молодое, веселое,
Да сумел гостей назвать,
Да умел гостей потчевати,
Да умел гостей чествовати.
Гости едут да хвалятся,
Да тобой похваляются,
Да Марией Николаевной
Со любимыми дегоньками,
Евдокией Петровною,
Ишо с Ольгой Петровною.

12а

— Спасибо тебе, пивовар,
Да спасибо тебе, молодой,

Да спасибо тебе, молодой,
Михаил-от Васильёвич,*

Михаил-от Васильёвич,
Наварил пиво пьяноё,
Молодоё, весёлоё,
Ишо с кем будёшь пиво-то пить,
Ишо с кем голову́ веселить,
— Да найму же я наймушку,
Позову я посланничку,
Приглашу дорогих гостей,
Да любимово зятюшка —
Николая Васильёвича,
Дорогую-то доченьку —
Да Варвару Васильевну.

13

У Спаса-та на Двине
В троё колокол ударили,

В троё колокол ударили,
Да в трою жо позвóнили,*

Да в трою жо позвонили.
Да Миколаёва матушка,
Она три раза взрадовалась:
Первой раз она взрадовалась —
Она сына-то рóдила.
Второй раз она взрадовалась —
Она сына-та взрóстила.
Третий раз она взрадовалась —
Она сына-та жóнила.
Ой, да к ним сундуки повезли,
Окованные ящички.
Ише к ей-то слугу привели,
Да слугу, слугу верную,
Слугу верну, неизменную.

13а

Трое в колокол ударили,
Три прозвона прозвóнили,

Три прозвона прозвонили,
Да прозвóнили жалобно,*

Да прозвонили жалобно.
 Уж ты, Иринина матушка,
 Она трюю восплакала:
 Она первый раз восплакала —
 Да Ирину-ту рóдила;
 Да второй раз восплакала —
 Она дочь спорóстила;
 Она третий раз восплакала —
 Она дочь сповыдала
 За суженого.

14

Ты родимая матушка,
 Не ходи к дубову́ столу,

Не ходи к дубову столу,
 Не прима́й золоти́ую ча́ру,*

Не прима́й золоти́ую ча́ру.
 Ты не пей зеленоё вино,
 Не пропей мою́ голову
 Да мою-ту русу́ю косу.

14а

Кормилец мой батюшко,
 Не ходи к дубову́ столу,

Не ходи к дубову столу,
 Не прима́й золоти́ую ча́ру,*

Не прима́й золоти́ую ча́ру.
 Ты не пей зелено́ вино,
 Не пропей ты меня́ мо́лоду,
 Да мою-ту ко́су́ русу,
 Да мою́ девью́ краси́оту.
 Ты пропьёшь, пропьёшь — хвати́шься,
 Да опосле спокае́шься:
 Некого́ поутру́ рóзбудить,
 Некого́ на роботу́ нарядить,
 На роботу́ тежё́лую,
 На стря́пню хитру-му́друю,
 На обря́ды суетли́вые.

15

Завивайтесь, вереюшки,
 Да растворяйтесь, ворота широки́,

Отворяйтесь, ворота широки́.
 Да на улочке сватовá стоят,*

На улочке сватовá стоят,
 Да сватовины на красном крыльце.
 Да испужалася Агнеюшка,
 Испужалась Лукояновна.
 Да она кíдалась, бросалась
 Да от окошечка к окошечку,
 Да она в кут за красных деvушок,
 В кут да за подруженёк:
 «Сохраните меня, деvушки,
 Сберегите-ко, подруженьки.
 Да вон-де идёт розоритель мой,
 Приехал погубитель мой».
 Да как заслышит добрый молодец:
 «Да всё не я да розоритель твой,
 Не я да погубитель твой.
 Розоритель-от — твой батюшко,
 Розгубительница — матушка твоя».
 Росплетали косы сватьюшки,
 Да потерять краса Агниюшки,
 Потерять да Лукояновны,
 Да красота-та её деvичья.

16

Уж как на́ море, на́ море,
 Да на синём-то морюшке,

На синём-то морюшке,
 Да на сером-то камешке,*

Да на сером-то камешке
 Тут сидит лебедь белая.
 Она шибко роскльыкалася,
 Она шибко-то жалобно,
 К камешку припадаючи,
 Камешку причитаючи,
 Синю морю припеняючи:
 «Ты синё морё Хвалынскоё,
 Широко розливаешься,
 С краю на́ край колыхаешься.
 Рознесло малых детонёк
 По синю морю Хвалынскому.
 Да не свити мне теплá гнезда,
 Не собрать малых детонёк».

17

Ой ты сокóл да сокóл,
 Ты сокóл, удалой молодец,

Да ты сокóл, удалой молодец,
 Николай-от Иванович,*

Николай-от Иванович.
 Да летал ты по вишенью,
 Залетал ты во вишеньё,
 Да поймал ты лебёдушку,
 Душу красную девушку
 Да Марию Ивановну.
 Привозил ты ко батюшку в дом,
 Да кормилицу-батюшку,
 К Николаю Михайловичу,
 Да к родимой-то магушке,
 Ишо к Анне Ивановне.
 — Да люба ли те любушка,
 Да моя-та голубушка
 Да Мария Ивановна?
 — Уж ты дитятко родимое,
 Лишь тебе-то бы была любá,
 А нам-то давно хороша.
 Давно поглянулася,
 Хороша показалася.

18

На улочке снег напалад,
 На широкую беленькой,

Ой, на широкую беленькой.
 Не ходи, пан, по улочке,*

Не ходи, пан, по улочке,
 Не шути со мной шуточки,
 Не бросай в окно шшепочки.
 Как под тем под окошечком
 Сидит красная девушка.
 Всё она-то ширинку шьёт.
 Она шьёт, приговаривает
 Да к ширинке припадывает:
 «Ты ширинка-шириночка,
 Ты кому[й]-но достанёшься?»
 Доставалась шириночка
 Удалу добру молодцу
 Да Арсентью Михайловичу.

19

Леонидушко
 Проиграл свой тальянский плат,

Проиграл-то свой тальянский плат
 Не за грош, не за денежку,*

Не за грош, не за денежку,
 Не за медну копеечку,
 Не за медную копеечку.

20

— Корминец мой батюшко,
Да на чтой-но ты кадцу катишь,

Да на чтой-но ты кадцу катишь,
Да на чтой-но дубовую,*

Да на чтой-но дубовую?
Ты кого к себе в гости ждёшь,
Ты кого дожидается?
— Ты родимое дитятко,
Я те жду вековá жониха,
Вековá вековечного,
Вековá да возлюбленного.

20а

Батюшко родимый,
На что ты чанý катишь?
Для чего лагуны собираешь?
Для кого ты пиво-то ладишь варить?
Да каких гостей дожидашь?
Матушка родимая,
Для чего ты квашню несёшь
Да квашонку творишь?
Да кого ты хошь в гости звать?

21

$\text{♩} = 118$

Хо - жу с - по Си - я - нской го - ре,
не мо - гу я го - ры сто - пать.
Не мо - гу я го - ры сто - пать,
не мо - гу я Си - я - нски - е.
Не мо - гу я Си - я - нски - е.

не мо - гу ба - тю - шка ра - сле - зить.

Не мо - гу ба - тю - шка ра - сле - зить,

у не - во се - рце ка - ме - нно...

Окончание: ...во чу - же - ни - на!

Хожу с-по Сиянской горе,
Не могу я горы стоптать,

Не могу я горы стоптать,
Не могу я Сиянские,*

Не могу я Сиянские,
Не могу батюшка росслезить.
У нево серце каменно,
Во болоте-то сварено,
В синё морё (й)отпущено,
Всё со серым со камешком.
Камешком припадаючи,
Батюшку напеляючи:
«Ты кормилец мой батюшко,
Отдаёшь молодёшеньку,
Как траву зеленёшеньку,
Недорослую травоньку,
Несозревшую ягодку.
Мне не вырости, травоньке,
Да с осённово дождичка.
Не созреть будёт ягодке
Да со зимнево солнышка.
Не (й)отрбстет коса русá
У чужово чужёнина.
Не наполнить белá лица
У чужой, чужой матушки.
Не скопить ума-разума
У чужово чужёнина».

$\text{♩} = 144$

Спа - си - бо те - бе, пи - во - вар,

да спа - си - бо те - бе, мо - ло - дай.

Да спа - си - бо те - бе, мо - ло - дай,

шшо ты пи - во - то пъя - но сва - рил.

Уж ты пи - во - то пъя - но сва - рил,

мо - ло - до - ё, ве - сё - ло - ё!

Спасибо тебе, пивовар,
Да спасибо тебе, молодой,

Да спасибо тебе, молодой,
Шшо ты пиво-то пьяно сварил.*

Уж ты пиво-то пьяно сварил,
Молодоё, весёлоё!
Уж ты с кем будёшь пиво-то пить,
Уж и с кем головы веселить?
Со тебя, пиво пьяноё,
Со тебя, пиво пьянёшенько,
Со тебя, веселёшенько,
Со похмелья буйна голова болит!

23

Musical notation for the song 'Perkatnoye solnyshko'. It consists of six staves of music in a single system. The first staff begins with a treble clef, a key signature of one flat (B-flat), and a tempo marking of quarter note = 138. The melody is written on a five-line staff. Below the staff, the lyrics are written in a line corresponding to the notes. The lyrics are: 'Пе - ре - ка - тно - ё со - лны - шко, всё за - шло, за - ка - ти - ло - ся. Всё за - шло, за - ка - ти - ло - сё, 'нас Са - ра - фи - мья по се - нем шла. Са - ра - фи - мья по се - нем шла, и - шо Па - вло - вна с-по но - ве - ньким.'

Пе - ре - ка - тно - ё со - лны - шко,
всё за - шло, за - ка - ти - ло - ся.
Всё за - шло, за - ка - ти - ло - сё,
'нас Са - ра - фи - мья по се - нем шла.
Са - ра - фи - мья по се - нем шла,
и - шо Па - вло - вна с-по но - ве - ньким.

Перекатноё солнышко
Всё зашло, закатилось,

Всё зашло, закатилосё.
[У] нас Сарафимья по сенем шла,*

Сарафимья с-по сенем шла,
Ишо Павловна с-по новеньким.

Не могу я горы стоптать,
 Не могу батюшка рослезить,
 Я кормильца розжаловати.
 У ево серцё каменно,
 Во железе-то сковано,
 Во булате-то сварено,
 Во синё морё отпущоно.
 К камешку припадаючи,
 Батюшку напеняячи:
 — Ты родимой мой батюшко!
 Отдаёшь молодёшоньку,
 Как траву зеленёшоньку,
 Несозрелую ягодку,
 Недорослую травоньку.
 Не созреть будёт ягоде,
 Всё с осённово дожничка.
 Не наполнить белá лица,
 Не накопить ума-разума
 У чужово чужёнина,
 У Владимья Борисовица!

23а

Перекатной солнышко
 Всё зашло, закатилосё,

Всё зашло, закатилосё.
 У нас Ольга с-по сёнем шла,*

У нас Ольга с-по сенем шла,
 Да Григорьевна с-по новеньким.
 Она шибко расплакалася,
 На добрѣ (?) шибко жалобно.
 Во слезах слово молвила,
 В горечих-то промолвила:
 «Ты родимой мой батюшко,
 Отдаёшь молодёшеньку,
 Как траву зеленёшеньку,
 Недорослую травоньку,
 Несозрелую ягодку».

24

♩ = 112

Ох вы, бо - я - ра, бо - я - ра,
 вы за - чем, че - рны, на - е - ха - ли?

Вы за - чем, че - рны, на - е - ха - ли,
 вы за - чем не у - мы - ли - ся?
 Вы за - чем не у - мы - ли - ся,
 вы схо - ди - те - ко в сло - бо - ду...

Ох вы бóяра, бóяра,
 Вы зачем черны наехали?

Вы зачем черны наехали,
 Вы зачем не умылился?*

Вы зачем не умылился,
 Вы сходите-ко в слóбоду,
 Наломайте-ко вересу,
 Наварите вы шшóлоку,
 Заберите вы бóрону,
 Росчешите вы бороды...

25

$\text{♩} = 102$

Уж ты, сва - тья, сва - тью - шка,
 уж ты, сва - тью - шка кня - зё - ва.
 Уж ты, сва - тью - шка кня - зё - ва,
 ты Фа - и - на И - ва - но - вна.

Ты Фа - и - на И - ва - но - вна,
уж ты, сва - тью - шка, бу - дешь да - рить...

Уж ты сватъя, сватьюшка,
Уж ты сватюшка князёва,

Уж ты сватюшка князёва,
Ты Фаина Ивановна,*

Ты Фаина Ивановна,
Уж ты, сватюшка, будёшь дарить,
[Мы тебя] станём больше хвалить,
А не станёшь дарить —
Будём бранно бранить,
Всё порáто зыряново-то.

26

$\text{♩} = 92$

Как на у - ли - це - то дождь и - дё[т], ой.
Как на у - ли - це - то дождь и - дё[т], ой,
на мо - сту - то ро - са па - дё[т], ой.
На мо - сту - то ро - са па - дё[т] да,
в те - ре - му - то да - ры де - рут, ой.
В те - ре - му - то да - ры де - рут, ой,

всё да - ры - то де - рут да ле - ву - шки - ны, ой...

Как на (й)улице-то дождь идёт, ой,

Как на улице-то дождь идёт, ой,

На мосту-то роса падёт, ой,

На мосту-то роса падёт, да
В терему-то дары дерут, ой,*

В терему-то дары дерут, ой,
Всё дары-то дерут да девушкины, ой,
Всё кого-й-то дарить-то хотят.
Всё дарить хотят незнамовиця:
«Прймай дары, не прогневайся,
К стене лицей не ворочайся.
Не тебе-то дары те лажоны, да(й)
Не тебе да тонко прядены,
Всё тебе да пригодилися».

27

$\text{♩} = 126$

Да на у - ли - це дожд и - дёт,

на мо - сту - ту ро - са па - дёт.

В те - ре - му - ту да - ры де - рут.

...(ы)

Музыкальный фрагмент с нотами и текстом:

Да ко - го - то да - рить хо - тят,
 да ко - го - то о - да - ри - ва - ти...

Да на улице дождь идёт —
 На мосту-ту роса падёт,
 В терему-ту дары дерут.
 Да ково-то дарить хотят,
 Да ково-то одаривати?
 [Да дарить хотят Иванушку,
 Да одаривать Ивановиця.]
 Не ему дары лажены,
 Да ему пригодилися,
 На его ручки белые,
 Да на пёрсты серебряные,
 Да на кольца золоченые.
 [«Ты вставай-ко на резвы ножки,
 Принимай-ко во белы руцки,
 Ты вставай, не котóсайся,
 К стене рожей не вороцейся».]

28

$\text{♩} = 126$

Музыкальный фрагмент с нотами и текстом:

Да ле - тал си - зой го - лу - бок,
 ...лу - бок
 о - н(ы) зво - нил в бо - льшой ко - ло - кол,

во бо - льшой - от, во зво - нче - той.

По - да - вал он не - ве - сто - ньку

жо - ни - хо - вой - то ма - му - шке.

Да летал сизой голубок,
 Он звонил в большой колокол,
 Во большой-от, во звончтой.
 Подалвал он ведь вестоньку
 Жониховой-то мамушке.
 Жонихова-та мамушка,
 Она три раз возрадовалась:
 Во первой раз возрадовалась —
 Она сына спорóдила,
 Во второй раз возрадовалась —
 Она сына спорóстила,
 Во третьёй раз возрадовалась —
 Она сына пожóнила.
 [Ишшо к ей жо слугу привели,
 Ишшо ей сундучки привезли,
 Сундучки, красны яшшички
 Да окованы коробеички.]

$\text{♩} = 116$

(ох), Как из - за ле - са, чи - ста - то по - ля,

из ро - здо - лья ши - ро - ко - го

вы - ле - та - ла ле - бё - ду - шка,

мо - ло - да - я мо - ло - ду - шка.

Хо - ро - ша у - ро - ди - ла - ся,

да ба - ска на - ба - си - ла - ся...

(ох) Как из-за леса, чиста поля,
 Из роздоля широкого
 Вылетала лебёдушка,
 Молодая молодушка.
 Хороша уродилася
 Да баска набасилася...
 Да лице-то как зеркальце,
 Брови черны, соболиные,
 Очи ясны соколиные.
 По походочке — павлиная, (да)
 Поговоры — лебединые.
 Ты голубушка сватьюшка,
 Да изволь-ко на ножки встать,
 Да изволь-ко поклон воздать
 Ишшо вам, красным девушкам,
 Молодым да молодушкам!

29а

Из-за лесу, чиста поля,
 Из раздоля широково
 Вылетала лебёдушка,
 Молодая молодушка
 Да Людмила да Дмитревна.
 Хороша уродилася
 Да баска набасилася:
 Да лицо-то как зеркальцо,
 Брови чёрны — соболиные,
 Очи ясны — соколиные,
 По говоре — лебединые.
 Да Людмилушка-голубушка,
 Да изволь-ко на ножки встать,
 Да изволь-ко поклон воздать
 Нам, красным девушкам,
 Молодым да молодушкам.

30

Уж вы бёра, бёра,
 Да зачем, черны, наехали?
 Да зачем не умылися?
 Да зачем не снарядилися?
 Да идите-ко в шёлому,
 Нарубите-ко вересу
 Да нажгите-ко пёпелу,
 Натопите баню парную
 Да промойте-ко головы
 Да широкие бороды.
 Привезите с поля бёрона,
 Росчешите свои головы
 Да широкие бороды.

 На у - ли - це до - жжи до - жжат,
 в те - ре - му - то да - ры де - рут.

 В те - ре - му да - ры де - рут,
 да ко - во да - рить хо - тят?

 Да ко - во да - рить хо - тят,
 да да - рить хо - тят, жа - ло - ва - ти...

На улице дожжи дожжат,
 В терему-то дары дерут.

В терему дары дерут,
 Да ково дарить хотят?

Да ково дарить хотят,
 Да дарить хотят, жаловати?*

Всё дарить хотят незнамовиця:
 «Примай да́ры, не прогневайся,
 К стене лицей не ворочайся.
 Не тебе-то дары те лажоны, да(й)
 Не тебе да тонко прядены,
 Всё тебе да пригодилися».

32

$\text{♩} = 132$

(и) Во Ки - та - е бы - ло го - ро - де.
 Во Ки - та - е бы - ло го - ро - де,
 во па - ла - те бе - ло - ка - ме - нном.
 Во па - ла - те бе - ло - ка - ме - нном,
 се - ре - ди по - лу ду - бо - во - во.
 Се - ре - ди по - лу ду - бо - во - во
 там си - дит жа до - брой мо - ло - дец...

(и) Во Китае было городе,

Во Китае было городе,
 Во палате белокаменном,

Во палате белокаменном,
 Среди полу́ дубово*,

Среди полу́ дубово,
 Там сидит жа доброй молодец
 Свет Василий-от Иванович,
 Он сидел, кудри расчёсывал,
 Расчесал да приговаривал...

32а

$\text{♩} = 92$

(да) Во Ки - та - е бы - ло го - ро - де.
 Во Ки - та - е бы - ло го - ро - де,
 во па - ла - те бе - ло ка - ме - нной.
 Во па - ла - те бе - ло ка - ме - нной,
 как на сту - ле на ре - ме - нче - том.
 Как на сту - ле на ре - ме - нче - том,
 тут си - дел жо до - брой мо - ло - дец...

(да) Во Китае было городе,

Во Китае было городе,
 Во палате белокаменной,

Во палате белокаменной,
 Как на стуле на ремёнчетом,*

Как на стуле на ремёнчетом
 Тут сидел жо доброй молодец
 Против зеркала немецково,
 Он сидел, кудри расчёсывал,
 Расчесавши, приговаривал:

— Прививайтесь, русы кудри,
 Ко моёму лицу белому,
 К моему лицу румяному,
 Приставай-кося, Еленушка,
 Приставай-кося, Михайловна,
 Ко моёму уму-разуму,
 К молодецкому обычаю
 Приставать-то не хотелось,
 За досаду показалось,
 За досадушку великую,
 За роботушку тяжёлую.
 Ох ты, матушка родимая,
 Не можно ли передумати
 Да меня замуж не выдати?
 Да меня, молодёшеньку,
 Как траву зеленёшеньку,
 Как лихя зверя из лесу,
 А меня, младу, из дому.

326

Во Китае было в городе
 Да во полате белокаменной,

Во полате белокаменной
 Да среди полу дубового,*

Среди полу дубового да
 Всё на стуле на ременчетом
 Против зеркала немецкого
 Тут сидел да доброй молодец
 Олексий-от Олексиевич,
 Он сидел, кудри расчесывал,
 Росчесал же, приговаривал:
 «Прививайтесь, русы кудри, да
 Ко моёму лицу белому,
 К моему лицу румяному, да
 Приставай-ко, Антонинушка, ой,
 Ко моёму уму-разуму,
 К молодецкому обычаю».
 Приставать ей не хотелось, да
 За досаду показалось, ой,
 За досаду за великую.

$\text{♩} = 104$

За ле... из - за ле - су, ле - су тѣ - мно - го,
из - за гор да кру - тых, вы - со - ких.

Из - за го.р(ы) да кру... (у) - тых вы со - ких,
кру - тых

вы - ле - та - ло ста - до гу - сей.

Вы - ле - та - ло ста - до гу - сей,

пе... пе - рьво - ѣ ста - до ли гу - си - но - ѣ...
пе - рьво - ѣ

Из-за лесу, лесу тёмного,
Из-за гор да крутых, высоких,

Из-за гор да крутых, высоких
Вылетало стадо гусей.*

Вылетало стадо гусей.
Первое стадо ли гусиное,
Второ стадо лебединое.
Отставала, ох, лебедушка,
Прочь от стада лебединого.
Приставала ли лебедушка
Всё ко стаду-то серых гусей.
Не умела-ко лебедушка
По-гусиному-то кликати.
Начали её гуси щипать.
— Не щеплите, гуси серые,
Не сама я к вам залётала,
Занесло меня погодою,
Всё погодою, невзгодою.

33а

$\text{♩} = 72$

Из - за ле - су, ле - су тём - мно - го,
из - за гор да кру - тых, вы - со - ких.
Из - за гор да кру - тых, вы - со - ких

вы - ле - та - ло ста - до гу - сей.

Вы - ле - та - ло ста - до гу - сей,

пе - рьво ё ста - до гу - си - но - ё.

Из-за лесу, лесу тёмного,
Из-за гор да крутых, високих,

Из-за гор да крутых, високих
Вылетало стадо гусей,*

Вылетало стадо гусей:
Перьвоё стадо гусиное,
Второ стадо лебединое.
Отставала, ой, лебёдушка
Прочь от стада лебединого.
Приставала лебёдушка
[Все ко стаду-то серых гусей.
Не умела-ко лебедушка
По-гусиному-то кликати.
Начали ее гуси щипать.
— Не щиплите, гуси серые,
Не сама я к вам залётала,
Занесло меня погодою,
Все погодою, невзгодою.]

34

$\text{♩} = 72$

(и) Ты ре - ка ли, ре - чка бы - стра - я.

Ты ре - ка ли, ре - чка бы - (ы) - стра - я,

ре - чка бы - стра, ка - ме - ни - ста - я.

Ре - чка ка - ме - ни - ста - я,
Ре - чка бы - стра,

ты те - чёшь, да не вско - лы - хнё - шься.
те - чёшь, да

Ты те - чёшь, да не вско - лы - хнё - шься,

Ты река ли, речка быстрая,

Ты река ли, речка быстрая,
Речка быстра, каменистая,*

Речка быстра, каменистая,
Ты течёшь да не всколыхнёшься.
Не ко краю, не ко бережку,
Не ко жёлтому песочнику.
Ты [светок да] красна девица,
Ты сидишь да не усмёшнёшься,
Ни к кому ты не прикоснёшься,
Ты ни к батюшке, ни к матушке,
Ты ни к роду, ты ни к племени.
Ты повесила головушку,
Потушила очи ясные
На свои руки белые,
На свои перстни злачёные.

35

Сени, сени новые,
Да новы́ сени, косесчетые,

Новые сени косесчетые,
Да зачем, нобы, не подломитесь?*

Зачем, нобы, не подломитесь?
С-по вам ходит красна девица-душа,
Душа красная девица.
Она будит добра молодца:
«Уж ты встань, встань, доброй молодец-душа,
Пробудись, душа-отецкой сын
Да Иван-от Степанович.
Разыгрался твой добрый конь,
Роспотешился наступчетой
У столба, столба дубового,
У колечика серебряного.
Изорвал узду тосляную (?),
Изломал седло черка́льскойё.
Заскочил конь во зелёной сад
По душу по красну девушку
Да всё Лидию Петровнушку».

35а

Ох вы сени, сени новые,
Да сени новые косёсчеты,

Да сени новые косесчеты,
Да зачем долго не подломитесь,*

Зачем долго не подломитесь?
По вам ходит красна девица-душа,
Она ходит на радостях.
Она будит добра молодца,
Добра молодца отецково:
«Встань-ко, встань, да доброй молодец,
Оторвався твой доброй конь,
Заскочил конь во зелёной сад,
Он стоптал, спомял зелёной мак,
Сад со калиной, со малиною,
С черной ягодой смородиною,
Будём жить-быть, красоватися,
Будут люди дивоватися,
Всё над нами величатися».

36

$\text{♩} = 96$

Ты ре - ка ли, ре - ка жо бы - стра - я - (а) да,
ты те - чешь да не ко - лы - хне - сся, о - й да,
не ко - то - ро - му ко - бе - ре - жку да,
не к же - лту пе - ску Ма - ка - рье - вску да,
(й)уж ты де - ву - шка жо ты кра - сна - я да,
ты си - дишь жо, при - за - ду - ма - вши...

Ты река ли, река жо быстрая, да
 Ты течёшь да не колы́хнеся, ой, да
 Не которому ко бережку, да
 Не к желту́ песку́ Макарьевску, да
 (й)Уж ты девушка жо, ты красная, да
 Ты сидишь жо, призадумавши...

37

$\text{♩} = 50-52$

Уж вы, ку - му - шки, по - дру - же - нки да,
 при - бли - зё - ны - е су - се - ду - шки.

При.бли - зё - ны - е су - се - ду - шки да,
 со - би - ри - тесь во е - ди - ной круг.

Со - бе - ри - тесь во е - ди - ной круг да,

— Уж вы кумушки-подруженьки да
Приблизённые суседушки,

Приблизённые суседушки, да
Соберитесь во единой круг,*

Соберитесь во единой круг, да
Во единой круг на ўлоньку.
Вы одну жо думу думайте —
Вы меня взамуж не выдайте.
Да похожу с вами, подруженьки,
Всё на игришшо, на свѣтаньѣ,
На весёлоѣ собóришшо.
Вы возьмите по ведёрышку,
По ведёрышку дубовому,
Всё по ковшичку медному,
Вы сходите на Дунай-реку́,
На Дунай на реку́ быстрюю,
Почерпните ключевой воды,
Ключевой воды холодные,
Вы облейте крутую гору,
Всё крутую гору, вы́соку.
Не зайти же, не заехати
Удалому добру молодцу —
Всё Виталью Николаевичу
По душу по красну девушку —
Всё по Нину Алексеевну.
— Не хитрися, красна девушка-душа,
Уж я сам-то похитряе тебя,
Похитряе, подогадливее.
Воронных я коней по́дкую,
Дорогих я гостей по́дпою,
Я заеду на крутую гору,
Да на крутую гору, вы́соку,
Да всё по Нину Алексеевну.

37а

$\text{♩} = 80$

I
II
III
VI
IV
V

Уж вы, ку - му - шки, го - лу - бу - шки да,
...му - шки, го - лу - бу - шки да,

при - бли зё - ны - е су - се - лу - шки.
при - бли зё - ны - е со - се - лу - шки.

(и) При_бли зё - (о) - ны - е су - се - лу - шки да,
...(о) - ны - е со - се - лу - шки да,

со - би ра - йтесь во е - ди - ной круг.
со - би ра - йтесь во е - ди - ной круг.

(и) Со-би ра - йтесь во е - ди - ной круг да,
 ...йтесь во е - ди - ной круг да,

вы ё - дну да ду - му ду - ма - йте.
 вы ё - дну да ду - му ду - ма - йти.

(и) Вы ё - дну - (у) да ду - му ду - ма - йте да,
 ...(у) да ду - му ду - ма - йти да,

вы ме ня вза - муж не вы да - йте...
 вы ме ня вза - муж не вы да - йте...

Уж вы кумушки-голубушки да
Приблизённые суседушки,

(и) Приблизённые суседушки, да
Собирайтесь во единой круг,*

(и) Собирайтесь во единый круг, да
Вы ёдну да думу думайте:
Вы меня взамуж не выдайте.
Спохожу с вами на иґришшо,
Споплету жо я косу русу́,
Вы возьмите по ведёрышку,
С-по ведерышку дубовому,
Всё по ковшичку по медному,
Вы сходите на Дунай-реку́,
На Дунай, на реку́ быструю,
Спочерпните ключевой воды,
Ключевой-то воды холодные,
Вы облейте-ко крутую гору,
Всё крутую да гору высокую.
Поддувай-ко, ветер северной,
Заморозь-ко ты круту гору,
Всё круту гору высокую,
Не взойти бы да не заехати,
Шшо ни конному, ни пешему,
Удалому добру молодцу
Всё Егору свет Ивановичу
С-по душу с-по красну дёвицу
Серафимью свет Васильевну (ой).
— Не хитрися, красна дёвица,
Серафимья свет Васильевна,
Уж я сам-то похитряе тебя,
Похитряе да подагадливее.
Наварю я пива пьяного, да
Наберу вина зелёного,
Созову я дорогих гостей,
Добрых молодцев-то подпою,
Воронных коней-от подкую,
Мы залізем на круту гору, да
На круту́ гору высокую,
С-по душу с-по красну дёвицу
Серафимью свет Васильевну.

38

$\text{♩} = 88$

Ты ре - ка ли, ре - ка бы - стра - я да,

всё те - кёшь да не [шо - ло - хне - шься].

ты те - чёшь

Ты те - чёшь да не шо - ло - хне - шься да,

...ешь не ко - лы - бне - шься, да

ты - ко, бы - стра, не ко - лы - бне - шься.

(и) Ты си - дишь ли, да кра - сна де - ву - шка да,

...ди - ш(ы)

ты си - дишь, да не у - сме - хне - шься...

— Ты река ли, река быстрая, да
Всё течёшь да не [шолохнешься].

Ты течёшь да не шолохнешься,
Ты-ко, быстра, не колыбнешься.*

(и) Ты сидишь ли, да красна девушка, да
Ты сидишь да не усмёхнешься.

— Вы подумайте, подруженьки, с-по мне:

[Я об чём буду радоваться?

Будут люди дивоватися.

Полна горенка добрых гостей,

Одного-то гостя нету-то,

Ишшо нет родимой мамушки.

Я пойду схожу на кладбишке,

Пойду к мамушке на могилушку.

Походите, часты дожжики,

Розмочите сыру землюшку,

Ты роздайся, мать сыра земля,

Пооткройся, гробова доска,

Роспахнися, полотёнышко,

Розмахнитесь, белы рученьки,

И восстаньте, резвы ноженьки,

Вы взгляните, очи ясные,

Ничего жо мне не надо от тибя,

Только надо благословеньице

Да ко злату да винцю ехати,

Ко злату да винцю ехати,

Да ко злату да ко Божьей церква.]

39

Музыкальный фрагмент, состоящий из двух систем. Каждая система включает вокальную линию (верхний регистр) и фортепианную акомпанировку (нижний регистр). Темп обозначен как $\text{quarter note} = 96$. Музыкальная запись выполнена в ключе G (два диэза) и метре 3/4. В первой системе вокальная линия поёт: «Всё на у - ло - чке сва - то - ва при - шли да,». Во второй системе: «на кра сно кры - ле - чко кня - зё - вы.» Акомпанировка включает ритмические рисунки с использованием восьмых и шестнадцатых нот. Фрагмент заканчивается двойной чертой и фермой над последней нотой.

(и) На кра - сно кры - ле - чко кня - зё - вы да,

и - спу жа - ли на - шу О - лю - шку.

И - спу жа - ли на - шу О - лю - шку да,

и - спу жа - ли жо Гри - го - рье - вну...

Всё на улочке сватовá пришли (да),
На краснó крылечко кнезёвы...

(и) На красно крылечко кнезёвы, да
Испужали нашу Олюшку.*

Испужали нашу Олюшку,
Испужали жо Григорьевну.
Она кидалась, бросалась
Прямо в кут да за занáвесу,
За злодейку за берчáтую.
— Сохраните миня, кумушки!..
Сохраните-ко, подруженьки!..
Вон-де идёт розоритель мой!..
Розоритель, погубитель мой!..
— Шшо не я жо погубитель твой,
Погубитель — родной батюшко!
Погубительница — матушка!

Росплетут жо косу сватьюшки,
 Потерят красу ведь девушка,
 Потеряёт наша Олюшка,
 Потеряёт жо Григорьевна!

39а

На улицу сватовы пришли, да
 На красно крылечо сватьюшки.

На красно крылечко сватьюшки, да
 Испужали нашу девушку,*

Испужали нашу девушку.
 Она кидалась-бросалася
 Из окна к окну холодному,
 Прямо в кут да за занавеску.
 — Сохраните меня, кумушки,
 Сохраните-то, подруженьки.
 Вот идёт-от спогубитель мой,
 Погубитель-разоритель мой.
 — Всё не я жо погубитель твой —
 Погубитель — родной батюшко,
 Разоритель — родна матушка.

40

$\text{♩} = 116$

О - тста - ва - ла ле - бель бе - ла - я да,
 от ста - ду да ле - бе - ди - но - ва.
 От ста - ду - то ле - бе - ди - но - во да,
 о - тста - ва - ла на - ша де - ву - шка.
 И о - тста - ва - ла на - ша де - ву - шка да,

всё от ма - му - шки, от тя - тю - шки.
И всё от ма - му - шки, от тя - тю - шки да,
от се - стрё - нок, от по - дру - же - нёк...

Отставала лебедь белая да
От стаду да лебединова,

От стаду-то лебединово, да
Отставала наша девушка.*

И отставала наша девушка
Всё от мамушки, от тятюшки,
От сестрёнок, от подруженёк,
Приставала ко серым гусям.
Стали гуси лебедь щипати.
— Не щиплите, гуси серые, меня,
Не сама я к вам ведь в дом пришла,
Не сама я к вам наехала.
Ишо вез жо меня дброй конь,
Всё да правил удалой молодец.

41

Во сыром бору, на сосенке, да
Роскуётся кукушица,

Роскуётся кукушица, да
Во высоком новом тереме,*

Во высоком-то новом тереме
Тут ростужится, расплчётся
Душа красная жо девушка
Всё Федосья Еконóровна:
— Ты попомни, родна матушка, с-по мне,
Всё Оксинья Никитицьна.
Ты ково-й-но будёшь утром-то будить?
Ты ково-й-но на роботу снаряжать?
Я теперь тебе не роботница,
Я теперь тебе не заменщица.
Я роботница чужой матушке,
Огрофене Степановне,
Удалу да добру молодцу,
Миколаю Ивановичю.

42

Музыкальный фрагмент, состоящий из пяти нотных стенов. Темп обозначен как 104. Стиль — народная песня. Ключевое диалез — минорное.

За - то - пля - ла - ся ба - нно - шка да,
 Ра - зго - ра - ла - ся ка - ме - нка да,
 Ра - спла - ка - ла - ся Ле - ну - шка да,
 Не - у - же - ли я бе - зро - дна - я да,
 Не - у - же - ли бе - спле - мё - нна - я да...

Затоплялася банюшка, да
 Разгоралася каменка, да
 Расплакалася Ленушка да:
 — Неужели я безродная да
 Неужель я бесплемённая, да
 Есь и роду, есь и племёну, да
 Есь родимой мой батюшко, да
 Ты приди с дитём проститися, да
 Ты дойди, дойди до грядочки, да
 До печатные до занавеси, да
 Ты простися с русой косой да
 С дивьёй красотой.

42а

Растоплялася банюшка
 На высокой на горушке, да
 Расплакалася девушка да
 Об своём родном батюшке да
 Об своей родной матушке да:
 — Ты родимой мой батюшко, да
 Наруби дровей без стуку, да
 Ты родимая матушка, да
 Истопи баньку без дыму...

426

Растоплялася банюшка, да
 Разгоралася каменка, да
 Расплакалась у нас Марфа да
 О своей ронной матушке да:
 — Выйду я на колоколенку да
 Разболтаю большой колокол:
 «Ты раздайся, мать сыра земля,
 Ты раскройся, гробова доска, да
 Прилети-ко, ронна матушка, да
 Седь-ко на окошечко, да
 Посмотри-ко, мамушка, да
 Каковó твоё чадышко наряжено, да
 Каковó на столах налажено, да
 По тебе ли гости званые, да
 По тебе ли столы набранные?
 Не сюда бы чадышко посадила,
 Не эти бы пива наварила,
 Не этих бы гостей пригласила...

43

$\text{♩} = 132$

По мо - стам, мо - стам ка - ли - но - вым,
 С-по ка - ли - но - вым, ма - ли - но - вым
 Да и - дут ко мне по - дру - же - ньки,

Музыкальный фрагмент первой строки песни. Верхний стеллаж — вокальная линия, нижний — фортепиано. Текст: Да и - дут ко мне го - лу - бу - шки,

Музыкальный фрагмент второй строки песни. Верхний стеллаж — вокальная линия, нижний — фортепиано. Текст: Да ша - га - ют по - ле - го - не - чку,

Музыкальный фрагмент третьей строки песни. Верхний стеллаж — вокальная линия, нижний — фортепиано. Текст: Да сту - па - ют по - ма - ле - не - чку...

По мостам, мостам калиновым,
 С-по калиновым, малиновым
 Да идут ко мне подруженьки,
 Да идут ко мне голубушки.
 Да шагают полегонечку,
 Да ступают помаленечку.
 Отворили двери на пету,
 На пету, пету дубовую,
 Да на круки на железные,
 Да на петли полужёные.
 [Становилися подруженьки,
 Становилися голубушки
 Среди полу дубового
 Да прямо брусика полатного.
 Поклонилися подруженьки
 Да на все четыре стороны,
 Ишо на все четыре стороны,
 А мне, младе, наособицю.]

44

$\text{♩} = 132$

Уж ты хо - дишь, ко - рми - лець ба - тю - шко,

Ты ра - дым хо - дишь, ра - дё - ше - нек,

Ве - се - лым да ве - се - лё - ше - нек.

Да тво и - то но - ги ре - звы - е

Вплоть до по - лу не - до - па - да - ют.

Да тво и да ру - ки бе - лы - е

Уж ты ходишь, кормилец батюшко,
 Ты радым ходишь радёшенек,
 Веселым да веселёшенёк.
 Да твои да ноги резвые
 Вплоть до полу не допадают,
 Да твои да руки белые
 Да повыше буйной головы.
 Да ты радым ходишь радёшенёк,
 Веселым да веселёшенёк.
 Уж ты слышишь ли, не слышишь ли?
 Да ты не слышишь, родной батюшко,
 Как я, видно, убиваюся
 Да слезами обливаюся.
 Ты придёшь, кормилец батюшко,
 Да ко мне в круг да за занайсу,
 Ко мне в круг да за занайсу,
 Да за злодийку за печатную.
 А и слава тебе, Господи,
 Да дождалася я, догляделася,
 Дождалася, догляделася
 Да с дорогими со подарками.

45

$\text{♩} = 122$

Музыкальная запись второго фрагмента песни. Мелодия на одном стеллаже. Под мелодией указаны слова: Всё хо - ди - ла я, ма - лё - ше - нька, Всё хо - ди - ла по - дле ла - во - чку В то - нкой бе - ле-нькой ру - ба - ше - чке, Во ше-л-ко-вой во - по - я - со - чке.

При - хо - дил ро - ди - мой тя - те - нька
Со - тя - жё - лы - е ро - бо - ту - шки...

[Всё ходила] я малёсенька,
 Всё ходила подле лавочку
 В тонкой беленькой рубашечке,
 Во шелковой опоясочке.
 Приходил родимой тятенька
 Со тяжёлые роботушки,
 Со тяжёлые, со летние.
 Приходил и брал на рученьки,
 Он и брал да приговаривал:
 «Ты расти-ко, моё дитетко,
 Ты расти людям на похвальбу,
 Отцу-матери на радости!
 Обкладу я тебе, дитетко,
 Всё цветами да лазоревыми,
 Упою я тебе, дитетко,
 Всё вином да сладкой водочкой».
 А теперь родимой тятенька
 Изменил свои словечика.
 Не обклатил родимой тятенька
 Ни цветами ни лазоревыми,
 Не упоил родимой тятенька
 Ни вином, ни сладкой водочкой.
 Улил, улил родной тятенька
 Всё слезами да горячими.

46

По - хо - жу ли я по те - ре - му,
 По - и - шшу ли ро - ду - пле - ме - ни,
 Не - у - же - ли я бе - зро - дна - я,

Не - у - же - ли бе - спле - мё - нна - я?

Есть и ро - ду, есть и пле - ме - ню,

И - шшо есть ро - ди - мой тя - те - нька...

Похожу ли я по терему,
 Поищу ли роду-племени.
 Неужели я безродная,
 Неужели бесплёмённая?
 Есь и роду, есь и племени,
 Ишшо есь родимой тятенька.
 Ты зайди, зайди, застушничок,
 Ко мне в круг за занавесу
 С дорогимя со гостинцами.
 Если жалко те гостинеца,
 Ты со ласковым словечиком...

47

$\text{♩} = 152$

По - хо - жу ли я по те - ре - му да,

По - и - шу ли ро - ду - пле - ме - ни да,

Не - у - же - ли я бе - зро - дна - я да,

Не - у - же - ли бе - спле - мё - нна - я да,

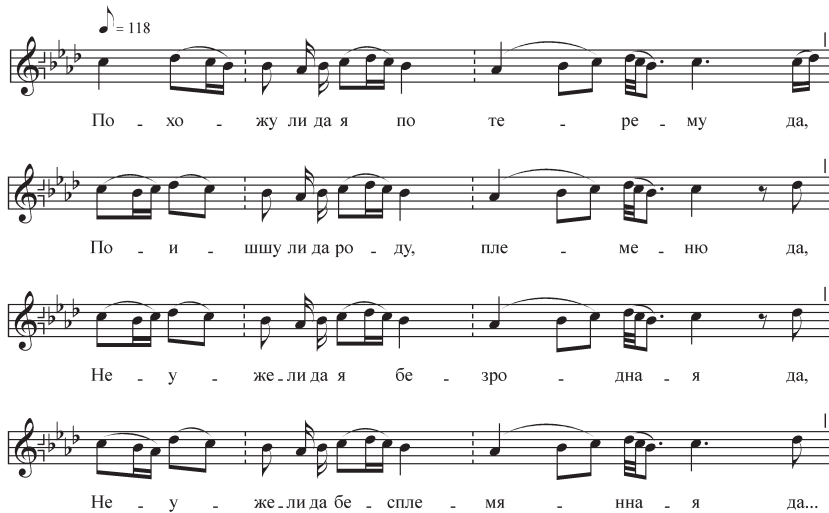
Есть и ро - ду, есть и пле - ме - ню да,

Есть ро - ди - мой - от ба - тю - шко да,
 Ты до - йди, до - йди до гря - до - чки да,
 До пе - ча - тны - е за - на - ве - ски да...

[Похожу ли я по терему] да
 Поищу ли роду-племени, да
 Неужели я безродная, да
 Неужели бесплеменная, да
 Есть и роду, есть и племени, да
 Есть родимой-от батюшко, да
 Ты дойди, дойди до грядочки, да
 До печатные занавески, да
 Мне-ко надобно, девице, да
 Мне великого прощеньица, да
 Во последний раз проститися да
 Со мой-то со русой косой да,
 Со мой-то девьей красотой.

47а

По - хо - жу ли да я по те - ре - му да,
 По - и - шшу ли да ро - ду, пле - ме - ню да,
 Не - у - же ли да я бе - зро - дна - я да,
 Не - у - же ли да бе - спле - мя - нна - я да...

Похожу ли я по терему да
 Поищу ли да роду-племени, да
 Неужели да я безродная да
 Неужели бесплемянная, да

Есть и роду да есть и племени, да
 Есть родимой да родной папенька,
 Свет Иван да свет Михайлович, да
 Ты дойди, дойди до грядочки да
 До злодийки да до занавески, да
 Ты не ради да подареньица, да
 Только ради да роспрошшеница, да
 При моей да русой кесе да
 При моей да дивьей красоте.

47б

$\text{♩} = 108$

По - хо - жу ли я по те - ре - му да,
 По - и - шшу ли ро - ду - пле - ме - ни да,
 Не на - йду ли ро - дну ма - му - шку да,
 Ты о - ткрой - ся, сы - ра зе - мля да...

Похожу ли я по терему да
 Поишшу ли роду-племени, да
 Не найду ли родну мамушку, да [...]
 Ты откройся, сыра земля, да
 Ты откройся, гробова доска, да
 Отпростнитесь, руки, от сердца...

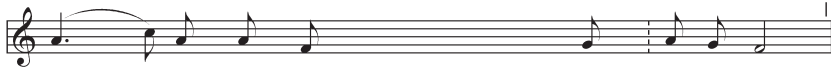
48

$\text{♩} = 172$

Ой, ты ро - дной ты мой тя - те - нька,
 Ой, да вы за - чем ме - ня вы - да - ё - те во чу - жу - ю се - ме - ю - шку?

Ой, да не - у - же - ли я вам да на - до - ску - чи - ла?

Ой, да я жо не - сча - стна - я...

Ой, ты родной ты мой тятенька,
Ой, да вы зачем меня выдаёте во чужую семеюшку?
Ой, да неужели я вам надоскучила?
Ой, да я жо несчастная...

49

О - (ой), да отжи - ла я у ро - ди - мы - е ма - му - шки,

О - (ой), да отжи - ла я у ро - ди - мо - во тя - те - ньки.

О - (ой), да как вы э - то ме - ня не жа - ле - е - те?

О - (ой), да шибко - то ме - ня, мо - ло - де - ньку, о - тда - ли...

Ой, да отжила я у родимые мамушки,
Ой, да отжила я у родимово тятеньки,
Ой, да как вы это меня не жалеете?
Ой, да шибко-то меня молоденьку отдали...

50

При - за - крыл да чу - жой чу - же - нин

От све - ту - ту да от бе - ло - во.

При - хо - ди да чу - жо́й чу - же - нин,

При - но - си да [ты] по - да - ро - чки...

Призакрыл да чужой чуженин
От свету-ту да от белово.
Приходи, да чужой чуженин,
Приноси да ты подарочки...

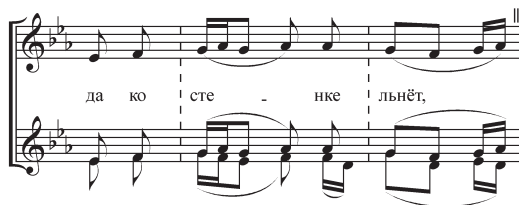
51

Шё - лко - ва ни - тка,

шё - лко - ва ни - тка ко - сте - нке льнёт,

да ко - сте - нке льнёт,

И - ван - то Ма - ри - ю, И -

ван - от Ма - ри - ю ко се - рцю жмёт,

да ко се - рцю жмёт.

И - ва - но - вич И - ва - но - вну, И -

ва - но - вич И - ва - но - вну кре - ти - ву при - жи - мат,

да кре - ти - ву при - жи - мат..

Шёлкова нитка, шёлкова нитка
 Ко стенке льнёт, да ко стенке льнёт,

Иван-то Марию, Иван-от Марию
 Ко сердцу жмёт, да ко сердцу жмёт,*

Иванович Ивановну к ретиву прижимат:
 — Скажи, скажи, Мария, кто те от роду мил?
 — Мил жо мне, милёшенёк, батюшка родной.
 — Это жо, Мария, неправда твоя,
 Это жо, Ивановна, неистинная.

Шёлкова нитка ко стенке льнёт.
 Иван-от Марию ко сердцу жмёт,
 Иванович Ивановну к ретиву прижимат:
 — Скажи, скажи, Мария, кто те от роду мил?
 — Мил жо мне, милёшенёк Иван-от господин,
 Мил жо мне, милёшенёк Иванович-сударь.
 — Это жо, Мария, всё правда твоя,
 Это жо, Ивановна, всё истинная.

52

$\text{♩} = 112$

Во лу - зях во - да,
 во лу - зях во - да да ро - зли - ва - ё - тся,
 ро - зли - ва - ё - тся,
 Сва - ты (й)у во - рот,
 сва - ты (й)у во - рот да (й)у - ви - ва - ю - тся,
 (й)у - ви - ва - ю - тся, ой да,
 Про - ся - тя сва - ты,
 про - ся - тя сва - ты во до - му по - сто - ять,
 во до - му по - сто - ять, да...

Во лужах вода,
Во лужах вода разливается,
разливается,

Сваты (й)у ворот,
Сваты (й)у ворот да (й)увиваются,
(й)Увиваются, ой, да*

Прсятся сваты во дому постоять,
Прсятся богаты во широком погулять.
У меня в дому стоять не на чем,
У меня в широком глédеть не на ково,
У меня Еленушка не выросла,
У меня Михайловна не выдобрела,
Бело её тело не наполнилося,
Русая коса не отрошшена.

53

♩ = 76

Во сы - ром-то бо ру, ох,

во сы - ром бо - ру да рожь - я - чмень мо - ло чу,

рожь - я - чмень мо - ло чу, ох да,

Вы - ше сы - ра ду - ба,

вы - ше сы - ра ду - ба со - ло - ма ле тит,

да со - ло - ма ле тит, ох да...

Во сыром-то бору, ох,
 Во сыром бору да рожь-ячень молочу,
 Рожь-ячень молочу, ох, да

Выше сыра дуба,
 Выше сыра дуба солома летит,
 Да солома летит, ох, да*

С терема на терем красну дэвицу ведут.
 Лестницы крутые, ножки ломаются,
 Чоботы кривые, подломиться хотят,
 Просит-то Мария коня батюшкова.
 Батюшков конь не ступил, не пошёл,
 Не ступил, не пошёл, головы не понёс,
 Головы не понёс, Марью Васильевну не повёз.
 Рвёт он ремни сыромятные,
 Удила ломает серебряные,
 Во сыром бору да рожь-ячень молочу,
 Выше сыра дуба солома летит.
 С терема на терем красну дэвицу ведут.
 Лестницы крутые, ножки ломаются,
 Чоботы кривые, подломиться хотят.
 Просит-то Мария братова коня.
 Братов-то конь не ступил, не пошёл,
 Не ступил, не пошёл, головы не понёс,
 Головы не понёс, Марью Васильевну не повёз.
 Рвёт он ремни сыромятные,
 Удила ломает серебряные.
 Во сыром бору да рожь-ячень молочу,
 Выше сыра дуба солома летит.
 С терема на терем красну дэвицу ведут.
 Лестницы крутые, ножки ломаются,
 Чоботы кривые, подломиться хотят.
 Просит-то Мария коня суженого.
 Суженого конь, он ступил да пошёл,
 Он ступил да пошёл, он и голову понёс,
 Марью Васильевну повёз.

53а

$\text{♩} = 108$ ой,

(Ох)! Во сы - ром да бо ру, ой

во сы - ром бо - ру да рожь - я - щмень мо - ло чу,

рожь - я - щмень мо - ло чу, ой,

Вы - ше сы - ра ду - ба,

вы - ше сы - ра ду - ба со - ло - ма ле тит,

да со - ло - ма ле тит.

С те - ре - ма да на | те - рем,

сте - ре - ма на | те - рем кра - сну | де - ви - цю ве - дут,

кра - сну | де - ви - цю ве - дут...

(ох), Во сыром бору, ой,
Во сыром бору да рожь-яцьмень молочу,
рожь-яцьмень молочу, ой,

Выше сыра дуба,
Выше сыра дуба солома летит,
да солома летит.*

С терема да на терем красну дэвицю ведут,
Лестницы крутые, ноги ломаются,
Чебота кривые, подломиться хотят.
Просят коня, да коня батюшкова,
Батюшков конь да не ступил, не пошёл.
Во сыром бору да рожь-яцьмень молочу,
Выше сыра дуба солома летит,
С терема да на терем красну дэвицю ведут,
Лестницы крутые, ноги ломаются,
Чебота кривые, подломиться хотят.
Просят коня, да коня матушкина,
Матушкин конь да не ступил, не пошёл.
Во сыром бору да рожь-яцьмень молочу,
Выше сыра дуба солома летит,
С терема да на терем красну дэвицю ведут,
Лестницы крутые, ноги ломаются,
Чебота кривые, подломиться хотят,
Просят коня да свово сужоново, да
Сужонов конь, он ступил и пошёл.

536

$\text{♩} = 108$

Во сы - ром бо - ру,

во сы - ром бо - ру да я е - чмень мо - ло - чу,

я е - чмень мо - ло - чу, ой,

Вы - ше сы - ра ду - ба,

вы - ше сы - ра ду - ба со - ло - ма ле - тит,

да со - ло - ма ле - тит,

Сте - ре - ма да на те - рем,

сте - ре - ма на те - рем кра - сну де - ви - цю ве - дут,

кра - сну де - ви - цю ве - дут...

Во сыром бору,
 Во сыром бору да я ечень молочу,
 я ечень молочу, ой,

Выше сыра дуба,
 Выше сыра дуба солома летит,
 да солома летит.*

С терема на терем красну дѣвицу ведут.
 Просят коня, да коня батюшкина,
 Батюшкин конь да не ступил, не пошёл,
 Голову не понёс, у нас Марию не повёз.

54

$\bullet = 72-76$

(Да) Не бы - ло ве - тру,

не бы - ло ве - тру - на - ве - я - ло,

да на - ве - я - ло, ой да,

Не бы - ло го - стей, ой,

не было го - стей, го - сти на - е - ха - ли,

го - сти на - е - ха - ли, ой да,

На - е - зжа - ли го - сти,

на - е - зжа - ли да кня - зе - вы - е сва - то - ва, да

кня - зе - вы - е сва - то - ва, ой да...

(да) Не было ветру,
 Не было ветру — навеяло,
 да навеяло, ой, да

Не было гостей, ой,
 Не было гостей — гости наехали,
 гости наехали, ой, да*

Наезжали гости, князевые сватовá, да
 Высмотрели да красну девушку-душú,
 Ишшо Марию Миколаёвну, да
 Всё ли Мария не выросла, да не выросла, ох, да
 Миколаёвна да не выдозрела,
 Белоё лицё да не наполнилося,
 Русая коса да не отрошшеная,
 Белые полотна не выбелены,
 Браные скатёрки не выбранные,
 Окованы сундуки да не наполнены стоят.
 Не было ветру — навеяло,

Не было гостей — гости наехали,
 Наезжали гости, князевые сватова, да
 Высмотрели да красну девушку-душу,
 Ишшо Марию Николаёвну, да
 У меня Мария, она выросла,
 Николаёвна, она выдзрела,
 Белоё лицё да наполнилося,
 Русая коса да отрошпеная,
 Белые полотна всё повыбелены,
 Браные скатёрки всё повыбранные,
 Окованы сундуки всё наполнены стоят,

55

(да) Со - лны - шко - то шло,

со - нцё - то шло по - за тё - м(ы) - ным ле - сам,

по - за тё - м(ы) - ным ле - сам да,

Кра - сно - ё ко - ти - лось,

кра - сно - ё ко - ти - лось по - за тё - м(ы) - ным ле - сам да,

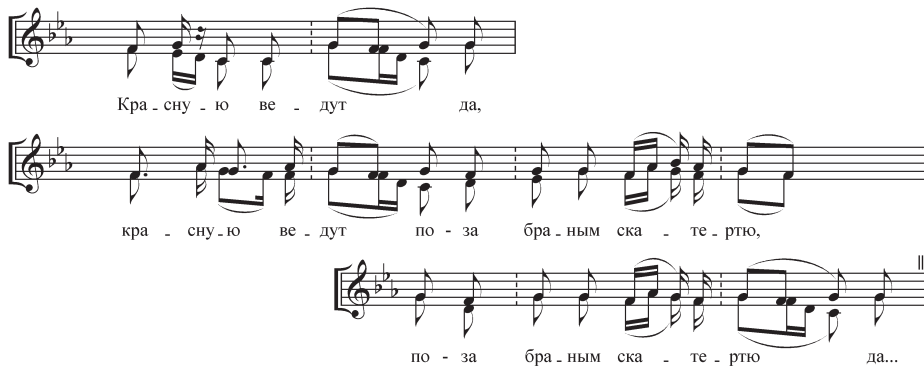
Де - ву - шку ве - дут да,

де - вушку ве - дут по - за ду - бо - вым сто - лам,

по - за ду - бо - вым сто - лам, ой да,

Кра - сну - ю ве - дут да,
кра - сну ю ве - дут по - за бра - ным ска - те - ртю,
по - за бра - ным ска - те - ртю да...

(да) Солнышко-то шло,
Сонцё-то шло по-за тёмным лесам, по-за тёмным лесам.

Красноё котилось,
Красноё котилось по-за тёмным лесам, да

Девушку¹ ведут, да
Девушку ведут по-за дубовым столам, по-за дубовым столам, ой, да

Красную ведут по-за бра́ным скатертю́,
Слёзы-те рони́ла на скатерти,
Жалобу твори́ла на батюшка:
— Я жо тебе, батюшко, не клюшница...

55а

$\text{♩} = 96$
(а.й), Сол-ны - шко ка - ти - лось,
со - нца ка - ти - лось всё по - за ле - су,
да по - за ле - су да,
Кра - сно - я ка - ти - (э) - лось,

¹ Здесь должно звучать имя невесты.

кра - сная ка - тилась с-по-за тёмным лесам,
по - за тёмным лесам да,
Девушку ве - дут,
де - вицу ве - дут да по - за дубовым столам,
по - за дубовым столам да...

(ай) Солнышко катилось,
Сонца катилось всё по-за лесу,
всё по-за лесу, да

Красная катилось,
Красная катилось с-по-за тёмным лесам,
по-за тёмным лесам, да

Девушку ведут,
Девушку ведут да по-за дубовым столам,
по-за дубовым столам, да...

56

$\text{♩} = 104$

Мы те - бе, Е - ле - на,
мы те - бе, Е - ле - на, на - ка - зы - ва - ли да,
на - го - ва - ри - ва - ли да,

Не вы - хо - ди да,

не вы - хо - ди да 'за - на - ве - сы,

да 'за - на - ве - сы да,

Не ста - но - вись да,

не ста - но - вись да во - зле чуж же - ни - ха да,

во - зле чуж же - ни - ха да...

Мы тебе, Елена,
Мы тебе, Елена, наказывали, да
наговаривали да:
«Не выходи, да
Не выходи да [с] занавесы,
да [с] занавесы, да*»

Не становись да возле чуж жениха,
Он тебе не сват да не сродни человек.
Он увезёт тебя в дальню сторонушку,
Увезёт тебя да в чужу семьюшку,
Будешь тосковать да во чужой-то семье,
Будешь вспоминать да свой родимый дом.

56a

Да мы тебе, Мария, мы тебе, Мария,
Наказывали, наказывали,

Да мы тебе, Егоровна, мы тебе, Егоровна,
Наговаривали, наговаривали.*»

— Не ходи, Мария, за дубовые столы,
За дубовы столы да браны скатерти,

Не вставай, Мария, подле чужа мужика.
 Чуж чужанин, со чужой-то стороны,
 Со чужой сторонки, со знакомые.

566

Мы тебе ведь, Аннушка, наказывали,
 да наказывали, да

Мы тебе, Ивановна,
 Мы тебе, Ивановна, говаривали,
 Наговаривали, да:

— Не ходи, Анна,
 Не ходи, Анна, за дубовые столы,
 за дубовые столы, да*

За дубовы столы, за браны скатерти,
 Не вставай ты, Анна, возле чужа мужика,
 Он тебе не брат, да со чужой стороны...

57

♩ = 104-108

Сва - ты у во - рот, ой да,

сва - ты у во - рот да ви - збу про - ся тся,

ви - збу про - ся тся, ой да,

Сваты у ворот, ой, да
Сваты у ворот да в избу просятся,
в избу просятся, ой, да

Кнёзевы у широких,
Кнезевы у широких во избу погулять,
во избу-ту погулять, ой, да...*

— Пустишь ли, Василиса, во дому-ту постоять?
Пустишь ли, Семёновна, в широком погулять?
— У меня в дому да стоеть нё на чём,
У меня в широком гулять нё для чего,
У меня-то Марья да не выросла,
У меня Ивановна не выдобрела,
Её русая коса да не отрошшена,
Её белоё лицё да не наполнилось.
Сваты у ворот да в избу просятся,
Кнезевы у широких да во избу погулять:
— Пустишь ли, Василиса, во дому-ту постоять?
Пустишь ли, Семёновна, в широком погулять,
У меня в дому да стоять есь на чём,
У меня в широком гулять есь для чего,
У меня-то Марьюшка да выросла,
У меня Ивановна повьдобрела,
Её русая коса да отрошшена,
Её белоё лицё да наполнилось.

57а

Сваты у ворот, сваты у ворот
Да в избу просятся, в избу просятся:

— Да пустишь ли, *какой-но*, пустишь ли, *кака́-то*,
Во дому-то постоять, во дому-то постоять?*

У меня в дому да стоять нэ на чем,
У меня в широком гулять нэ на чем.
У меня *кака́-то* вся не выросла,
Дак у меня Незнамовна не выдобрела,
Русая коса не отрошпенная,
Белоё лицё да не наполнилосё.

58

$\text{♩} = 63$

(ох), Все - ти хо - ро ши, ох,

все - ти хо - ро ши да за сто - лом го - сти си дят,

за сто - лом го - сти си дят,

У - го ша - я всех,

у - го - ша - я всих да, тут И - ва - ну - шко си - дит,

тут И - ва - ну - шко си - дит,

Где жо он си - дит,

где жо он си - дит да, тут не на - до - бна сви - ча,

тут не на - до - бна сви - ча...

Ох, все-ти хороши, ох,
Все-ти хороши да за столом гости сидят,
за столом гости сидят,

Угошая всех,
Угошая всех, да тут Иванушко сидит,
тут Иванушко сидит.*

Где жо он сидит, да тут не надобна свича,
Светят у него да русы кудри на главе,
Отсвечивают да перстенёчки да на руках.

$\text{♩} = 50$

(ой), Не ле - тай, да со - кол,

не ле - тай, со - кол, да вдоль по го - ре - нке,

вдоль по го - ре - нке, ой.

Не ма - ши да кры - лом, (э)

не ма - ши кры - лом да с-по - за по - ло - жку,

с-по - за по - ло - жку, ой.

(ой), Не летай, да сокол,
Не летай, сокол, да вдоль по горенке,
Вдоль по горенке, ой,

Не маши да крылом,
Не маши крылом да с-по-за положку,
С-по-за положку, ой,*

В том положке да красна дѣвица сидит,
Шѣт она да дары, сама раскладывает.
[Роскладши да дары, приговаривает:
«Этими-то дарами я кого буду дарить?
Этими-то широкими кого одаривать?»
Дарить-то хотят да Иванушку,
Одаривать-то всё Ивановича.
Не ему ти дары, дары лажены,
Да ему ти дары пригодилися.
На его-то на руки, да руки белые,
Всё ему-то кольца да серебряные.]

60

Ехала сватѣя, да ехала сватѣя
С Новá-города, да с Нова-города.

Привезла сватѣя, привезла сватѣя
Троя пирога, да троя пирога:*

Первы пироги да пшеничные,
Вторы пироги да едичные,

Третьи пироги да жемчужные.
 Сватьяшка, уж ты послушай,
 Мы те поём, мы те честь воздаём,
 Именем называем тебя,
 Изотчеством величаем тебя.

61

$\text{♩} = 138$

Вы са - ди - тесь - ко, бо - я - ра, во ска - мью, ой,

да во ска - мью да,

Вы бе - ри - тесь - ко, бо - я - ра, за сва - тью, ой,

да за сва - тью да,

Вот бе - ла ли на сва - тью - шке ру - ба - шка, ой,

да ру ба - шка да,

Вот а - ла ли на сва - тье по - ло - ви - нка, ой,

по - ло ви - нка да...

Вы садитесь-ко, бояра, во скáмью, ой,
 да во скамью, да
 Вы беритесь-ко, бояра, за сватью, ой,
 да за сватью, да
 Вот белá ли на сватьюшке рубашка, ой,
 да рубашка, да
 Вот алá ли на сватье половинка, ой,
 половинка, да...

61а

Вы садитесь-ко, бояра, во скáмью, ой,
 да во скамью, да
 Вы смотрите-ко, бояра, на сватью, ой,
 да на сватью, да*

Как белá ли на сватьюшке рубашка,
 Что алá ли на сватье половинка?
 Она три года по насту ходила,
 Она белую рубашку белила,
 Она три года по рынку ходила,
 Аще алу половинку выбирала,
 Всё во сватьюшки да собиралась,
 Во весёлые да снаряжалась.

61б

Вы садитесь-ко, бояре, во скáмью, ой,
 да во скамью,

Вы смотрите-ко, бояре, на сватью, ой,
да на сватью, да*

Что белá ли на сватьюшке рубашка?
Она белого снега белее.
Она три года по насту ходила,
Она белую рубашку белила,
Она во сватьюшки да собиралась,
В богомолюшки да сподоблялась.
Посмотрите-ко, бояре, на сватью —
Что алá ли на сватье половинка?
Она красного солнышка краснее,
Она шипичного цвета алее.
Она три года по рынку ходила,
Она алу половинку купила.

62

♩ = 138

Мы тя, О - ле - ксанд[р], ве - ли - ча - ём, ой,

ве - ли - ча - ём да,

Мы ведь Ви - кто - ры - ча во - зно - ша - ём, ой,

во - зно - ша - ём да,

Бу - дто ле - тня - я пти - чка во са - до - чке, ой,

во са - до - чке да,

Бу - дто а - ле - нькой цве - то - чик на лу - жо - чке, ой,

на лу - жо - чке да...

Мы тя, Олександр, величаём, ой,
величаём, да

Мы ведь Викторыча возношаём, ой,
возношаём, да*

Будто летняя птичка в садочке,
Будто аленькой цветочик на лужочке,
Будто маков цвет в огороде,
Бел-круписчетой колáč на торёлке.
Олександр-господин, послушай,
[Наши хлеб, соль великие покушай,
Нашея-то княгини молодые,
Дак и Анны Степановны дорогие,
Олександр-господин, послушай,
Ишо Викторович-сударь, догадайся,
Ты за денежной мешочик похватайся!
Ишо есть ли в мешочке деньжонки?
Всё в мешочке деньжонки шевелятсья,
Ишо нам, молодежи, наравятсья.]

63

Ты Мария-госпожа, послушай,
послушай, да

Ты свои карманы пошшупай,
пошшупай, да*

У тя денежки да шевеля́тся,
На ребро деньги да становя́тся,
Ишшо нам жо, певи́цам, норова́тся,
Ишшо нас-то, певи́цев, немножко,
Ишшо сорок две да певи́цы,
Ишшо сорок две да молоди́цы, да...

64

Вился хмель по болоту, да
по болоту, да

Прививався хмель ко воротам, да
ко воротам, да*

Колотился хмель под окошко:
— Это чей ишо дом постоялой,
Ишо чья така́ изба да большая?
— У Васильюшки дом постоялой,
У Тимофеевича изба большая,
Да ево жена молодая,
Словно куколка да увитая.
Ишо всех она побаша́я,
Ишо пой же гостей сыто-пьяно,
До великова да до повалу,
Чтобы шли гости, похвалялись,
Да Васильюшка честь воздавали,
Тимофеевича да возносили.

65

Тысяцкой, да догадайся,

За свой кошелёк да похватайся, ох,
похватайся.

Ишо есть ли в мошонке деньжонки, ох,
да деньжонки?*

У тебя есть ли чем певич подарити?
Нас не много певич собрало́ся, да
Нас же сорок певич со певичой, ой,
Ишо сорок молоди́ц да с молоди́цей.
Нам, певичам, ох, не помножку,
Не помножку, ох, по рублишку!

66

$\text{♩} = 60$

(да) Как из тру - бки - то в тру - бку ви - ло - ся,

вот ви - ло - ся, вот ви - ло - ся, вот ви - ло - ся да,

Из се - ре - бре - ны е да в зо - ло - ту - ю,

зо - ло - ту - ю, зо - ло - ту - ю, зо - ло - ту - ю да,

И - зви - ва - ли - ся из тру - бки две го - лу - бки,

две го - лу - бки, две го - лу - бки, две го - лу - бки... да...

(да) Как из трубки-то в трубку вилóся,
Вот вилóся, вот вилóся, вот вилóся, да

Из серебряные да в золотую,
Золотую, золотую, золотую, да*

Извивались из трубки две голубки,
Две сизы́е, две сизые, две сизые,
Прилетал ко голубкам соловейко,
[Да садился соловейко на окошко],
Да и стал соловейко стокотати:
— Они где, зеть-от с тѣшшой, пируют?
Молодые у вас-ко-от столуют?
Да и тѣшша-то зегю говорила:
— Ты-ко, зегюшка, пей-кося, не напейся,
Ты домой-то пойдѣшь — не шатайся,
По белым-то снежкам да не валися.
Ты домой-то прийдѣшь — не ломайся,
Над моим-то дитѣм да не куражся.
Моѣ дитятко-то да молодое,
Сама стрѣтить тибя да не успѣет,
Розувать, розублакать да не посмѣет,
Свѣкра-батюшка-то да побоится,
Свекровушки-матушки да постыдятся.

67

$\text{♩} = 96$

Мно - го, мно - го бо - яр в Мо - скве да,
то - во бо - ле кре - стьян на Ру - се да,
и - шо нет та - ко - ва мо - ло - дца да,
всѣ Ва - си - лья Ле - во - ни - до - ви - ча да...

Много, много бояр в Москве, да
Тово боле крестьян на Русе, да
Ишо нет такова молодца, да
Всѣ Василья Левонидовича, да
Он на горе куницъ убил, да
Под горою лисицу уловил, да

Он на заводе уточку, да
 На песочке лебёдушку, да
 В терему-то красну девицу-душу да
 Всё Елену Ивановну, да
 Он и взял её за правую руку, да
 Он повёл в зеленой сад, да
 В лес с-по губки, с-по яблочки, да
 С-по узюмны сладки прёнички, да
 Оне шли да до саду дошли, да
 Распростилися, домой пошли, да
 Со удалым добрым мóлодцом да
 Всё с Васильём Левонидовичём.

68

♩ = 144

Ро - scho - жа - я, ро - з'е - зжа - я...

Ко - му е - хать, и - дти - тот сту - пай, да за - пре.гай!

Ко - му здись но - чё - вать - тот стё - лись да лё - жи!

Ро - scho - жа - я, ро - з'е - зжа - я...

Росхóжая, розъезжая...
 Кому ехать, идти —
 Тот ступай да запрегай.
 Кому здись ночёвать —
 Тот стелись да лёжи!
 Росхожая, розъезжая...

$\text{♩} = 42$

(ох), Не бы - ло ве - тру,

не бы - ло ве - тру - на - ви - е - ло,

да на - ви - е - ло.

Не бы - ло го - стей,
не бы - ло го - стей,

не бы - ло го - стей - да на - е - ха - ли,

да на - е - ха - ли.

По - дло - ми - лись,

по - дло - ми - лись си - ни но - вы - е,

си - ни но - вы - е.

Ро - сша - ти - лись,

ро - сша - ти - лись ду - бо - вы сто - лы,

ду - бо - вы сто - лы.

Ох, не было ветру,
 Не было ветру — навиело,
 да навиело.

Не было гостей,
 Не было гостей, да наехали,
 да наехали.*

Подломились сини новые,
 Росшатились дубовы столы,
 Роскололи чару золота,
 Розбудили соловья во саду,
 Соловья в саду равноперсцятого,
 Рослезили красну дэвицу-душу.
 Спроговорил тут сударь-господан:
 — Не плаць, не плаць, моя сужоная,
 Не плаць, не плаць, моя ряжоная,
 Я те поставлю дубовы столы,
 Я те поставлю цару золоту,
 Я посажу соловья во саду,
 Соловья во саду равноперсцятого.

70

$\text{♩} = 116$

Не бы - ло ве - тру,

не бы - ло ве - тру - на - ви - е - ло,
 да на - ви - е - ло.

Не - жа - ны го - сти,

не - жа - ны го - сти на - е - ха - ли,
 да на - е - ха - ли.

По - дло - ми - ли,

по - дло - ми - ли си - ни но - вы - е,
си - ни но - вы - е...

Не было ветру,
Не было ветру — навиело,
да навиело,

Нежданы гости,
Нежданы гости наехали,
да наехали,*

Подломили сини новые,
Рослезили красну девушку,
Всё Сарфиму Васильевну.
— Ты жо не плачь, Сарфимушка,
Я заведу соловья во саду,
Я те построю сени новые.

71

$\text{♩} = 92$

Не бы - ло ве - тру,
не бы - ло ве - тру - на - ве - я - ло,
да на - ве - я - ло.

Не бы-ло го-стей,

не бы-ло го-стей- да на-е-ха-ли,

да на-е-ха-ли, ой,

Все хо-ро-ши,

все хо-ро-ши, о-дин лу-чше всех,

о-дин лу-чше всех, ой...

Не было ветру,
 Не было ветру — навеяло,
 да навеяло,

Не было гостей,
 Не было гостей, да наехали,
 да наехали, ой,*

Все хороши, один лучше всех,
 Ево зовут да Иван-господин,
 По отчеству Александрович,
 Шуба на нём дорогих соболей,
 Шапка на нём обломй голова,
 Хрёст на груди, весь он в золоте,
 Опояска на нём, на ём шёлковая,
 На руках перчатки барановые,
 На ногах сапожки — зелён сафьян...

71а

Ой, не было ветру, ой,
 Не было ветру — вдруг навиело,
 вдруг навиело, ой,
 Не было гостей, ой,
 Не было гостей — вдруг наехали,
 вдруг наехали, ой,*

Все тут сидят, все князья-бояра,
 Все хороши, один лучше всех,
 С-по имени зовут да Иван-господин,
 С-по изотечеству — Николаевич.
 Шапка на ём — приклони голова.

71б

Из суток,
 Из суток вдоль по лавице,
 вдоль по лавице

Все хороши,
 Все хороши, один лучше всех,
 один лучше всех:*

Свет Олексий господин,
 По изотечеству Олексиёвич.
 Шуба на ём сороки соболей,
 Шапка на ём — приклони голова,
 На руках рукавки барановые,
 На ножках сапожки — зелён сафьян.

$\text{♩} = 112$

Вдоль по ска - мье,

вдоль по ска - мье, по те - со - вой ска - мье,

по те - со - вой ска - мье, ой,

Все тут си - дят,

все тут си - дят, все кне - зья - бо - я - ра,

все кня - зья - бо - я - ра, ой,

Все хо - ро - ши,

все хо - ро - ши, о - дин лу - чше всех,

о - дин лу - чше всех, ой...

Вдоль по скамье,
 Вдоль по скамье, по тесовой скамье,
 по тесовой скамье, ой,

Все тут сидят,
 Все тут сидят, все князь-бояра,
 все князь-бояра, ой,*

Все хороши, один лучше всех,
 С-по имению зовут да Иван-господин,
 По изотчеству — Олександрович...

73

$\text{♩} = 112$ $\frac{3}{16}$

О - че - стли - ва сва - тья, о - че - стли - ва - я,

да о - че - стли - ва - я,

у - ме - ла сва - тья,

у - ме - ла сва - тья на но - жки встать,

да на но - жки встать да,

У - ме - ла - я сва - тья,
у - ме - ла сва - тья по - клон о - тдать,
да по - клон о - тдать...

Очѣстлива сватъя, очѣстливая,
Да очестливая,

Умела сватъя,
Умела сватъя на ножки встать,
Да на ножки встать, да

Умелая сватъя,
Умела сватъя поклон отдать,
Да поклон отдать...

74

♩ = 138
Сва - тью - шка,
сва - тью - шка, сва - тья кня - зѣ - ва,
сва - тья кня - зѣ - ва,

Чу - ёшь ли,
чу - ёшь ли, ро - зу - ми - ёшь ли,
ро - зу - ми - ёшь ли?
Ста - нёшь да - рить,
ста - нёшь да - рить, ста - нём бо - льше хва - лить,
ста - нём бо - льше хва - лить...

Сватьюшка,
сватьюшка, сватья князёва,
сватья князёва,

Чуёшь ли,
Чуёшь ли, розумиёшь ли,
розумиёшь ли?*

Станёшь дарить — станём больше хвалить,
Не станёшь дарить — станём брано бранить,
Шибко порáто, зыряново-то.

75

♩ = 138
Ска - за - ли: Гри - го - рий бо - га - той,
да бо - га - той,

Музыкальный фрагмент, состоящий из трёх систем. Каждая система включает нотный записи на пятилинейном стане и текст песни под ней. Первая система: ноты на пятилинейном стане, текст: «Да Ва - си - лье - вич во - же - ва - той,». Вторая система: ноты на пятилинейном стане, текст: «во - же - ва - той,». Третья система: ноты на пятилинейном стане, текст: «Он ведь сде - ныги на де - ньгу сту - па - ёт, да сту - па - ёт, Он ру - блём во - ро - та о - тпи - ра - ёт, о - тпи - ра - ёт...».

Да Ва - си - лье - вич во - же - ва - той,
во - же - ва - той,
Он ведь сде - ныги на де - ньгу сту - па - ёт,
да сту - па - ёт,
Он ру - блём во - ро - та о - тпи - ра - ёт,
о - тпи - ра - ёт...

Сказали: Григорий богатой,
да богатой,

Да Васильевич вожева́той,
вожеватой!*

Он ведь с деньги на деньги ступаёт,
Да рублём ворота запираёт,
Да другим-от рублём отпираёт...

76

Музыкальный фрагмент, состоящий из двух систем. Каждая система включает нотный записи на пятилинейном стане и текст песни под ней. Первая система: ноты на пятилинейном стане, текст: «На бе - ре - жке - то че - со - вня сто - я - ла,». Вторая система: ноты на пятилинейном стане, текст: «да сто - я - ла да,».

На бе - ре - жке - то че - со - вня сто - я - ла,
да сто - я - ла да,

На кру - те - ньком бе - ре - жо - чке,
бе - ре - жо - чке да,

На жё - лти - ньком на пе - со - чке,
на пе - со - чке да,

Ни - кто в ту че - со - вню не хо - дит -
то не хо - дит да,

Ни - кто в ней сле - дка не по - ло - жит,
не по - ло - жит да...

На березке-то чесовня стояла,
да стояла, да

На крутеньком бережочке,
бережочке, да*

На жёлтиньком на песочке.
Никто в ту чесовню не ходит,
Никто в ней следка не положит,
Одна у нас Мария ходила,
Олексиевна да гуляла,
Она Господу Богу молилась,
Самому Христу поклонилась,
За отца поклон положила,

За матушку другой положила,
 За себя, молодёшеньку, десеть,
 Да упали цветочки-те в землю,
 Укотился жемчуг под солому,
 Не во яшную, во ржаную,
 Не в сёгдную, во лонскую,
 Да попала Мариюшка в семью,
 Олехсиевна во большую.
 Ишо чем жо семью ударити,
 Ишо чем жо мужа учестити?

76а

$\text{♩} = 184$

На у - го - ре че - со - вня сто - я - ла, ой
 да сто - я - ла,

Да на кру - те - ньком бе - ре - жо - чке, ой,
 бе - ре - жо - чке,

Да на жё - лте - ньком на пе - со - чке, ой,
 на пе - со - чке,

Да ни - хто в ту че - со - вню не хо - дит,
 да не хо - дит...

На угоре часовня стояла, ой,
да стояла,

Да на крутеньком бережочке, ой,
бережочке,*

Да на жёлтеньком на песочке.
Да никто в ту часовню не ходит,
Да никто же следу не проложит,
Ёдна, ёдна Галина ходила,
Да Егоровна загуляла.
Она Господу Богу молилась,
Всё за батюшка поклон положила,
За матушку-то другой положила,
За милого, млада, четыре,
За себя, молодёшеньку, десять.
Упали цветочки-то в землю,
Скатился жемчуг под солому,
Не под ячную, во ржаную,
Не в сегодняшнюю, во лонскую.
Попала Галинушка в семью,
Да Егоровна во большую.
Ишшо чем же семья ударити,
Ишшо чем же больша учестити?
Ишшо здись же земля неродима,
Ишшо здись семена невсходимы.
Ишшо одна у нас Галинушка родилась,
Да Егоровна родилась,
Да Витальюшке пригодилась,
Николаевичу-то прилучилась.

77

$\text{♩} = 144$

(Да) на дво - ре ко - мо - ня за - пре - га - ют,

за - пре - га - ют, ||

Да Та - тьяну-шку к ве - нцу сна - ре - жа - ют,

сна - ре - жа - ют, ||

Да Се - мё - но - вну - то спо - до - бля - ют,

спо - до - бля - ют.. ||

Да на дворе комоня запрегают,
запрегают,

Да Татьянушку к венцу снарезают,
снарезают.*

Да Семёновну-то сподобляют.
Да никто жо ее не узнаёт,
Да никто-то и ей не внимаёт.
Один батюшка ей-то внимаёт,
Да и тот со двора провожаёт.
Да никто жо иё не уймаёт,
Одна матушка иё поуймаёт,
Да и та со двора провожаёт:
«Уж ты, доченька, воротися,
Ты, любима моя, огленися,
Ишшо мы на тибя не насмотрились,
Ишшо мы на тибя не нагледились,
Будто гостинька ты у нас погостила,
Будто гостинька да дорогая,
Ты, Татьянушка, наливная».

78

Сватова-те домой поезжают, поезжают,
Да Татьянушку оставляют, оставляют.*

Да никто обо мне не поплачет,
Да никто об ей не потужит.
Одна мамушка пожалеет,
Ишо батюшко да потужит.

79

Ро - схо - жа - я да ро - зье - зжа - я!

Ко - му е - хать до - мой - о - де - вайсь, у - би - райсь.

Ро - схо - жа - я да ро - зье - зжа - я!

А я здесь не но - чу - ю, до - мой не по - йду.

Ро - схо - жа - я да ро - зье - зжа - я!

Росхожая да розъезжая!

Кому ехать домой, одевайсь, убирайсь.
Росхожая да розъезжая!

А я здесь не ночую, домой не пойду,
Росхожая да розъезжая!*

А я лягу за баньку, за мыленку,
У меня у младой да три дочери,
А у трёх дочерей ни аршина даров,
У меня у младой нет щепётки муки.

79а

$\text{♩} = 96$

Ро - scho - жа - я да ро - зье - зжа - я!

Ко - му е - хать до - мой - тот вста - вай, по - е - зжай.

Ро - scho - жа - я да ро - зье - зжа - я!

Ко - му здись но - че - вать - тот стё - лись да лё - жи.

Ро - scho - жа - я да ро - зье - зжа - я!

Я ни злесь не но - чу - ю, до - мой не по - йду.

Росхожая да розъезжая!

Кому ехать домой, тот вставай, поезжай.

Росхожая да розъезжая!

Кому здись ночёвать, тот стелись да лёжи.

Росхожая да розъезжая!

Я ни здись не ночую, домой не пойду.

Росхожая да розъезжая!

Да я легу за баньку, за мыленку.

Росхожая да розъезжая!

80

$\text{♩} = 168$

И - шшо кто у нас во ла - ви - це си - дит да,
 И - шшо кто да в бе - ло - ду - бо - вой си - дит да,
 Тут си - дит, си - дит Па - влин - от го - спо - дин да,
 Тут си - дит да Ни - ко - ла - я - вич су - дарь,
 Есть у - са, а не - ту бо - ро - да,
 Го - ло - ва да гла - дко чё - са - на - я да...

Ишшо кто у нас во лавице сидит, да
 Ишшо кто да в белодубовой сидит, да
 Тут сидит, сидит Павлин-от господин, да
 Тут сидит да Николаявич-сударь.
 Есть усá, а нету борода,
 Голова да гладко чёсаная, да
 Русы кудри позавиваные, да

Ишо кто ево головушку чесал, да
 Ишо кто жо русы кудри завивал?
 Тут чесала Олександрюшка, да
 Завивала свет же Викторовна.
 Он охоч, охоч девіч подарить, да
 Он охоч да красных жаловати, да
 Не рублём да не полтиною, да
 Золотою одной гривною!

80a

Ишо кто у нас во лавице сидит, да
 Ишо кто во белодубовой сидит? да
 Тут сидит, сидит Иван-от господин, да
 Тут сидит да свет Иванович-сударь.
 Нет уса, да нет и борода, да
 Волоса ево шелковые, да
 Русы кудри призыванные, да
 В три ряда да розымаяща, да
 В три кольца да завивающа, да
 Ишо кто эту головушку чесал, да
 Ишо кто же русы кудри завивал?
 Тут чесала кудри Аннушка, да
 Завивала Николаевна.
 Он охоч, охоч девіч подарить, да
 Он охоч да красных жаловати, да
 Не рублём, да не полтиною, да
 Золотою медной гривною.

81

$\text{♩} = 72$

Как во го - рни - це на сто - ле, на сто-ле,
 На бе-ло-ду - бо - вой на до - ске, на до-ске да,
 Тут сто-ит ча - ша зо - ло - та, зо - ло-та да,
 Всё по-лна мё - дом на - ли - та, на - ли-та...

Как во горнице на столе, на столе,
 На белодубовой на доске, на доске, да
 Тут стоит чаша золота, золота, да
 Всё полна мёдом налита, налита.
 В чаше ковшичек плаваёт, плаваёт,
 Бел-серебряной плаваёт, плаваёт.
 Ондрей-сударь черпаёт, черпаёт,
 Сергеевич черпаёт, черпаёт,
 Своей Ленушке подаёт, подаёт,
 Михайловне подносит, подносит:
 «На, Еленушка, выкушай, выкушай,
 Михайловна, спокушай, спокушай,
 Спороди сына-сокола, сокола,
 Ишшо ростом-то во меня, во меня,
 Красотой-лицём во себя, во себя,
 Умом-разумом — каков я, каков я».

81а

Как во горнице на столе, на столе,
 На белодубовой на доске, на доске
 Да тут стоит чара золота, золота,
 Да вся полна меду налита, налита.
 Да в меду ковшичок плаваёт, плаваёт.
 Да всё Василий-сударь черпаёт, черпаёт,
 Да вот Татьянушке подаёт, подаёт,
 Да всё Степановне подносит, подносит:
 «Да ты, Татьянушка, выкушай, выкушай,
 Да ты, Степановна, послушай, послушай:
 Да породи сына-сокола, сокола,
 Ише ростом-то — во меня, во меня,
 Да красотой лицом — во себя, во себя,
 Умом-разумом — каков я, каков я,
 Да умом-разумом — каков я, каков я».

III. Хороводно-игровые песни

1

$\text{♩} = 104$

Из во - рот бы - ло во - ро - ти - чек да,

из ко - ше - тче - тых, ре - ше - тче - ты - их,

Из ко - ше - тче.тых, ре | ше - тче - ты.их да,
ко - ше - тче.тых, ре - ше - тче - ты - их, да

вы - хо - ди - ли кра.сны де - ву - шки, ой,
...и - ли

Вы - хо - ди - ли кра - сны де - ву - шки да,

всё ве - сно - ю на зе - лё - ной луг и - грать...

Из ворот было, воротцёк (да)¹,
Из кошетцетых, решеццетых,

Из кошетцетых, решеццетых (да),
Выходили красны девушки, ой,*

Выходили красны девушки (да)
Всё весною на зелёной луг играть (да),
Выносили красны девушки (да)
Соловеюшка на белом рукаве (да),
На белой руке, на тонком полотне (да),
Соловеюшко песенки поёт (да),
Он поёт-поёт, насвистывает (да),
С понасивстом выговаривает:
— Вы красуйтесь, красны девушки (да),
На своей воле у батюшка (да),
У родимой-то у матушки (да),
Не ровно да замуж выйдется (да),
Не ровён жоних посватается (да),
Не ровён-то чёрт навяжется (да),
Либо малой да не тужливой (да),
Либо старой да удушливой (да),
Либо ровня — горька пьяница дурак (да),
Он дурак-дурак, дурацкой сын.
С дураками дурак знается (да),
Во кабаке едёт — шатается (да),
С кабака идёт — валяется,
Мною, девкой, похваляется.

¹ В данном и последующих текстах в круглые скобки заключены частицы, появляющиеся лишь при повторе стиха.

1а

Всё ве - сно - ю на зе - лё - ный луг гу - лять да,
 вы - но - си - ли со - ло - ве - ю - шка.
 Ох, вы - но - си - ли со - ло - ве - ю - шка да,
 со - ло - ве - (э) - ю - шко на пра - вой на ру - ке.
 Ох, со - ло - ве - ю - шко на пра - вой на ру - ке да,
 на пра - вой ру - ке, на ле - вом ру - ка - ве...

[Выходили красны девушки
 Всё весною на зелёный луг играть.]

Всё весною на зелёный луг гулять да
 Выносили соловеюшка.*

Соловеюшко на правой на руке,
 На правой руке, на левом рукаве.
 Соловеюшко весело поёт,
 Он поёт, поёт, насвистывает,
 В понасивисту выговаривает:
 — Вы красуйтесь, красны девушки,
 На своей воле у батюшки,
 У родимой у матушки.
 Не ровнó да взамуж выйдется,
 Не ровён жоних посвататся,
 Не ровён да чёрт навяжётся —
 Либо малой, либо староёй.
 Я стара мужа потешила,
 Я на саночки посадила,
 Во чисто полё вывóзила.

Среди да поля чистово
 На осинушку посадила,
 На осину саму долгую,
 На вершину саму тонкую.
 Пусть-то погодка да раздуваётся,
 Мой старой-от муж качаётся.
 Пусть-то осинушка подломится,
 Мой старой-от муж обёрвётся,
 О шипичушку окболётся,
 О земелюшку ушибится.

16

[Из во]рот было, воротичёк,
 Из кошерчетых, решешчетых,

Из кошерчетых, решешчетых
 Да выходили красны девушки,*

Выходили красны девушки
 Да всё весною на зелёной луг играть.
 Всё-то весною на зелёной луг играть
 Да выносили соловеюшка,
 Выносили соловеюшка.
 Да соловейко-парень весело поёт,
 Соловейко-парень весело поёт,
 Да он-то поёт, поёт, насвистываёт,
 Он-то поёт, поёт, насвистываёт,
 Да по насвискам выговариваёт,
 По насвискам выговариваёт:
 — Да вы-то красуйтесь, красны девушки,
 Вы-то красуйтесь, красны девушки,
 Да на своей воле у батюшка,
 На своей воле у батюшка.
 Да не ровнó же взамуж выйдётся,
 Не ровнó же взамуж выйдётся,
 Да не ровён жоних посвататся:
 Да либо старой, либо малоё,
 Либо старой, либо малоё,
 Да либо ровня — горька пьяница дурак,
 Либо ровня — горька пьяница дурак.
 Да он-то дурак, дурак, дурацкой сын,
 Он-то дурак, дурак, дурацкой сын,
 Да с дураками дурак знается,
 С дураками дурак знается,
 Да он-то домой идет — ⟨ломается⟩,
 Он домой придет — ⟨ломается⟩
 Да надо мною величается.
 Надо мною величается:
 Да всё велит да розувать-розболокать,
 Он-то велит и розувать-розболокать,
 Да заставляет роспоясывати,
 Заставляет роспоясывати,

С ног сапожки велит сдергивати,
 С ног-то сапожки велит сдергивати.
 Да мне, младёшеньке, не хочется,
 Мне-то, младёшеньке, не хочется,
 Да у его сапожки грязные,
 У его сапожки грязные,
 Да у меня да руки белые,
 У меня да руки белые,
 Да на руках перстни золоченые,
 На руках перстни золоченые,
 Да позолотушка стирается,
 Позолотушка стирается.
 Да позолота — позолочено кольцо,
 Позолота — позолочено кольцо.
 Да на колечике написаны слова,
 На колечике написаны слова,
 Ишо те слова — великая гроза.
 Да я-то со той грозы в постелюшку слегла,
 Я со той грозы в постелюшку слегла,
 Да во постели три недели лежала,
 Во постели три недели лежала,
 Да я-то старá мужа потешила,
 Я старá мужа потешила:
 Да я-то на саночки посадила,
 Я на саночки посадила,
 Да во чисто полé отвóзила.

1В

Из ворот было, воротичёк,
 Да из кошешчеты, решешчетые,

Ох, из кошешчеты, решешчетые
 Да выходили красны девушки,*

Ой, выходили красны девушки
 Да всё-то весною на зелёной луг играть,
 Ой, всё весною на зелёной луг играть,
 Да выносили соловеюшка.
 Ой, выносили соловеюшка,
 Да соловеюшко на правой на руке,
 Ой, соловеюшко на правой на руке,
 Да на правой руке, на левом рукаве,
 Э-ой, на правой руке, на левом рукаве.
 Да соловеюшко весело поёт,

Соловеюшко весело поёт,
 Да он-то поёт, поёт, посвистываёт,
 Ой, он поёт, поёт, посвистываёт,
 Да с-по насвисту выговариваёт,
 Ой, с-по насвисту выговариваёт:
 — Да вы только красуйтесь, красны девушки,
 Ой, вы красуйтесь, красны девушки,

Да на своей воле у батюшка,
 На своей воле у батюшка,
 Да у родимьей своей матушки,
 Ой, у родимья у матушки.
 Да не ровнó да взамуж выйдётся,
 Ой, не ровнó да взамуж выйдётся,
 Да не ровён жоних посвататся,
 Ой, не ровён жоних посвататся,
 Да не ровён чёрт навяжётся,
 Ой, не ровён да чёрт навяжётся,
 Да либо старой, либо малое,
 Ой, либо старой, либо малое,
 Да либо ровня — горька пьяница дурак,
 Ой, либо ровня — горька пьяница дурак.
 Да я-то старá мужа потешила,
 Ой, я старá мужа потешила:
 Да я-то на саночки посадила,
 Ой, я на саночки посадила
 Да во чистó полё вывóзила,
 Эй, во чистó полё вывóзила
 Да среди да поля чистово,
 Ой, среди да поля чистово
 Да среди дуга зелёново,
 Ой, среди лужка зелёново
 Да най осинушку посадила,
 Ой, на осинушку посадила,
 Да най осину самую долгую,
 Ой, най осину самую долгую
 Да на вершину самую тонкую,
 Ой, на вершину самую тонкую.
 Да пус(т)ь-то осинушка качаётся,
 Ой, пусть осинушка качаётся,
 Да мой-то старой муж величается,
 Ой, мой старой муж величается,
 Да пусть-то осинушка подломится,
 Ой, пусть осинушка подломится
 Да мой-то старой-от муж оборвётся,
 Ой, мой старой-от муж оборвётся
 Да о шипичушку околётся,
 Ой, о шипичушку околётся
 Да о сыру землю ушибится,
 Эй, о сыру землю ушибится
 Да о крапиву — траву жгучею,
 Ой, о крапиву — траву жгучею
 Да жгучу, жгучу, о палючею.

2

$\text{♩} = 112$

Уж я п(и) - я - на и не-п(и) - я - на - я бы - ла да,

я не по - (о) - мно, как до - мой при - шла.

я то - лько не по - мно

Ой, я не по - мно, как до - мой при - шла да,

свой ко - ко - шник во ру - ках не - сла.

Ой, свой ко - ко - шник во ру - ках не - сла да,

по - дза - ты - льни - чок за по - я - сом...

Уж я пьяна и не пьяная была да,
Я только не помню, как домой пришла,

Ой, я не помню, как домой пришла да,
Свой кокошник во руках несла.*

Ой, свой кокошник во руках несла да,
Подзатыльничок за поясом.
Ой, подзатыльничок за поясом да,
Всё только вечер ко мне невежа приходил.
Ой, всё вечер ко мне невежа приходил да,
Всё только вечер ко мне невежа не отецкой сын.
Ой, всё вечер ко мне невежа не отецкой сын да,
Он-то у терема двери отворил.
Ой, всё у терема двери отворил да,
У меня-то ён подол загнул.
Ой, у меня-то ён подол загнул, да
Чёрна соболя погладил и ушёл.

3

♩ = 56

Ой, о зя - бло, спо зя - бло ли - цё да,

всё спо - зя - бло, за - ку - ржи - ве - ло.

Всё спо зя - бло, за ку - ржи - ве - ло да,

не мо - гу ли - цём на се - вер я сто - ять.

Не мо - гу ли - цём на се - вер я сто - ять да,

всё на се - ве - ре, на я - бло - н(и) - ке...

Ой, озябло, спозябло лицё (да),
Всё спозябло, закурживело...

Всё спозябло, закурживело (да).
Не могу лицём на север я стоять...*

Не могу лицём на север я стоять (да),
Всё на севере, на яблон(и)ке,
Всё на севере, на яблоньке (да),
На яблонечке-серебренечке (да).
Ну, не конь бережочком ли бежит,
Всё не конь бережочком ли бежит (да),
Всё не золотой уздицею бренчит (да),
Молодец со девицею идёт (да),
Тайны речи разговаривает (да),
Миня, молоду, выхваливает (да).
Ты сокол ли, сокол ясной (да),
Не летай-ко, сокол, высоко (да),
Не маши-ко крылом широко (да).
Много, много бояр во Москве (да),
Того больше хрестьян на Русе (да),
Не видали ли такого молодця?
Не видали ли такого молодця (да),
Всё Ивана Ивановича (да) молодця!

$\text{♩} = 104$

(да) Я ка - цю - ка - цю с - по бло - де - чку,

с - по на ли - вно - му я - бло - чку,

да,

конь бе - ре - жка - ми и - дёт,

Как не конь

бе - ре - жком и - дёт, во - ды не пьёт,

да,

..той у - здой на - бре - ки - ва - ёт,

Зо - ло - той у - здой

стре - ме на - ми на - ше - ве - ли - ва - ет..

да...

(да) Я кацю-кацю с-по блюдечку,
С-по наливному яблочку (да).

Как не конь бережками идёт,
Бережком идёт, воды не пьёт (да),*

Золотой уздой набрѣкивает,
Стременами нашевеливает (да).
Тут ли шёл ли, прошёл молодец,
Удалой доброй молодец (да),
Удалой доброй молодец,
Олексей-от Егоровиц (да),
За собой он ведёт суженую,
За собой он ведёт ряженую,
Свет душú ли красну девицу,
Да Марию Тимофеевну (да).
Он трепал бы, трепал бы её,
Со трепанья белы рученьки болят (да),
Со трепанья белы рученьки болят,
Со сторон люди глядят, дак(й) глядят (да),
Отцу, матери смютят, дак(й) смютят,
Отец, матушка ругают и бранят (да),
Целовать, миловать не велят
Удалому добру мóлодцу (да),
Удалому добру мóлодцу,
Олексею-от Егоровцю.

5

$\text{♩} = 104$

(да) Я хо-жу - хо-жу кру-гом го-ро-да,
я се-ку-ру-блю ме-чём во-ро-та да,

Я се - ку - рублю ме - чём во - ро - та
ой,

я хо - жу ве - сё - лых де - ву - шок и - шшу да,

Где бы, где бы мне - ко су - жо - ну на - йти,
Эх,

где бы, где бы мне - ко ря - жо - ну сы - скать да...

(да) Я хожу-хожу кругом городá,
Я секу-рублю мечём воротá (да).

Я секу-рублю мечём воротá,
Я хожу, веселых дёвушек ишшú (да).*

Где бы, где бы мне-ко сужену найти,
Где бы, где бы мне-ко ряжену сыскать?
Где бы, где бы мне-ко ряжону сыскать (да)?
Кабы нашёл — златой перстень подарил.
Я возьму её за правую руку,
Поведу её кругом городá (да),
Поведу её кругом городá,
Я поставлю на мёстечко (да),
Сёредь круту, на сёредочку (да),
На едίνую полóсочку (да),
Разойдёмся, разодвинёмся (да),
Мы сойдёмся близёшенько (да),
Приобойёмся легóшенько (да),
Мы поклóнимся низёшенько (да),
Поцелуемся милёшенько.

5а

♩ = 144

(да) Я хо - жу, хо - жу кру - гом го - ро - да,
...да

я се - ку, ру - блю ме - чом во - ро - та,
се - ку
я се - ку, ру - блю

Я се - ку, ру - блю ме - чом во - ро - та,
Ах,
...да ох,

всё я, всё я кра - сных де - ву - шок и - шшу,

Всё я, всё я кра - сных де - ву - шок и - шшу, да
Ах,
всё я, всё я

всё я, всё я их вы - и - ски - ва - ю...

Я хожу, хожу кругом городá,
Я секу-рублю мечом воротá.

Я секу-рублю мечом ворота,
Всё я, всё я красных девушек ищущу.*

Всё я, всё я красных девушек ищущу,
Всё я, всё я их выискиваю.
Где бы, где бы мне-ко девушку найти,
Где бы, где бы мне-ко красную сыскать?
Я бы нашёл — златым перстнём подарил.
Я возьму ее за правую руку,
Поведу ее кругом города,
Я поставлю на местеч(и)ко,
Средь круга на серёдоч(и)ку,
На одну половицишку.
Розойдёмся, розодвинемся,
Мы сойдёмся близёшенько,
Мы поклонимся низёшенько,
Приобоймёмся легошенько,
Поцелуемся милёшенько
Со удалым добрым молодцем...

5б

Хожу, хожу вкругом городá,
Я [хожу] ищу весёлу девушку,
Где бы, где бы мне-ка девушку найти,
Где бы, где бы мне весёлая найти?
Я нашёл бы — златым перстнем подарил.
[Я бы] взял её за рученьку,
Я бы взял её за правую,
Я повёл бы вкругом города,
Я завёл бы во серёдку во кружок,
[Я] поставил бы на местечко,
На единую половочку.
[Мы] поклонимся низёшенько,
Поцелуемся милёшенько.

6

$\text{♩} = 92$

С-по за гу-ме-ню тро-пи-но-чка ле-жит,
...жит,

по тро - пи - но - чке де - ти - ну - шка бе - жит,
де - ти - ну - шка ли бе - жит,

По тро пи - но чке де ти - нушка бежит,
де ти - нушка ли бежит,

де - ти - ну - шка у - да - лой - то мо - ло - дец,
де - ти - ну - шка у - да - лой мо - ло - дец,

Де - ти ну - шка у - да - лой мо - ло - дец,
Де - ти ну - шка у - да - лой мо - ло - дец,

всю он тра - во - ньку - му - ра - во - ньку сто - птал...
всю он травоньку-муравоньку стоптал...

С-по загуменью тропиночка лежит,
По тропиночке детинушка (ли) бежит.

По тропиночке детинушка бежит,
Детинушка удалой-то молодец.*

Детинушка удалой молодец,
Всю он травоньку-муравоньку стоптал,
Все лазорьевы цветочки сошшипал,
Он ведь час(ы)ты ко девушке (да) ходил.

Он ведь часто ко девушке ходил,
 Без расшоту злато-серебро носил,
 Без аршинчику камочки отдирали.
 — Ты камочка, камочка моя,
 Мелкотравчатая узорчатая,
 Не давайся-ко розвертываться
 Ты ни кнезю, ни боярину,
 Ни тому сыну купеческому.
 Сын купеческой-от волюшку берёт,
 Меня, вдовушку, за рученьку ведёт.
 — Ах ты вдовушка, вдовка моя,
 Слышно, вдовушка, побранивашь меня,
 При своих людях голытьбою зовешь:
 «Ты голытьба, голытьба молодец!»
 У голытьбы столбы точеные,
 Веренчики позолоченные,
 Подворотечко серебряное,
 Ворота были немецкого стекла...

ба

По загуменью, гуменью,
 С-по загуменью тропинушка лёжит,

С-по загуменью тропинушка лежит,
 С-по тропинушке детинушка бежит,*

По тропинушке детинушка бежит,
 Детинушка удалой-от молодец,
 Всю он травоньку-муравоньку примял,
 Все лазоревы цветочки сощипал,
 Сам ко вдовке припадал, припадал:
 — Уж ты вдовка, жидовка моя,
 Слышно, вдовушка, спобранивашь меня,
 При моём брате голыбою зовёшь:
 «Ты голыба, голыба молодец,
 У голыбы ни житья нет, ни бытья».
 У голыбы столбы точеные,
 (Эх)², вереюшки да позолоченные,
 Ворота́ были немецково стекла,
 (Эх), подворотенка серебряная.
 (Эх), под воротенкой сер-камешок лежит,
 Из-под камешка быстра́ речка течёт,
 С-по той-то речушке студёнышко плывёт,
 Во студёнышке немножко людей —
 С-по моёму (да) счёту семь да человек,
 Всё восьмой(-от) кашевар кашу варит,
 Всё девятой — водолей да воду льёт,
 Всё десятой — удалой-от молодец,
 По студёнышку похаживает,

² В данном и следующем тексте слова и частицы, заключенные в круглые скобки, отсутствуют при повторе стиха.

(Ох), правой рученькой помахиваёт,
 Каленú стрелу направливаёт:
 «(Ох), ты лети, (да) лети, калёная стрела,
 Выше лесу, по поднебесью,
 (Ох), что по синему облочку,
 (Ох), ты не падай, калёная стрела,
 (Ох), ты не на́ воду, не на́ землю,
 (Ох), ты пади, моя калёная стрела,
 (Эх), ко вдовúшке на широкой двор,
 У вдовúшки да была дочка хороша,
 Не она ли меня высушила,
 Без мороза сердце вызнобила,
 (Эх), без морозу, без студёной без зимы,
 Не один я год ко девушке ходил,
 Не один я кафтан синей износил,
 Балалайки и перчатки *истолкал*³.

66

... гúменью,
 По загúменью тропиночка лежит,

По загуменью тропиночка лежит,
 По тропиночке детинушка бежит,*

По тропиночке детинушка бежит,
 Детинúшка удалой молодец.
 Всю он травоньку-муравоньку стоптал,
 Все лазоревы цветочки пощипал,
 Ишо часто ко девушкам ходил,
 Без расчёту злата-серебра носил,
 За то девушки любили молодца́,
 За то красные жаловали,
 За то красненькие жаловали,
 Целовали, ней обманывали.
 Она при́ людях надеждою звала,
 Без людей звала душечикой,
 При своём брате голы(ть)бой назвала:
 «Ты голыба, голыба молодец!»
 У голыбы стены да точеные,
 Вереюшки позолоченные,
 Ворота́ были хрустальново стекла,
 Подворотинка серебряная.
 Под воротинной серой камень лежит,
 Из-под камушка быстра́ речка текёт,
 С-по той речушке судёнышко пловёт,
 На судёнышке немножко людей —
 По моёму счёту семь человек,
 Всё восьмой(-от) кашавар кашу́ варив,
 Всё девятой водулей, водулей,
 А десятой — удалой молодец,

³ Курсивом обозначена часть текста, исполненная без напева.

По судёнышку похаживаёт,
 Калену стрелу накаливает,
 Сам ко стрелке приговаривает:
 «Ты лети-лети, калёная стрела,
 Выше лесу, выше тёмненьково,
 Выше садику зелененьково.
 Ты пади, моя калёная стрела,
 Ко вдовушке на широкой двор».
 У вдовушки ни скота, ни живота,
 У вдовушки была дочь хороша,
 Не она ли меня высушила,
 Без морозу сердце вызнобила.

7

$\text{♩} = 126$

Ох, то - ни - нька - я, до - лго - нька - я,

Де - вка би - ле - нька, хо - ро - ши - нька - я,

Че - рно - бро - ва, че - рно - гла - зи - нька - я,

Ро - зы - зю - мна - я я - го - дка да,

Чи - рно сли - (и) - вна - я, - сла - ди - нька - я - да,

Вдоль по блю - ди - чку ка - та - ё - тся да,

Ро - вно са - хар, по - сы - па - ё - тся да,

Ой, ду - ша ли да, кра - сна де - ви - ця да,

Всё Ма - ри - я Се - мё - но - вна!

Ох, тонинькая, долгонькая,
Девка биленька, хорошинькая.

Черноброва, черноглазенькая,
Розыюзная ягодка (да),*

Чирносливная, сладенькая (да),
Вдоль по блюдичку катаётся (да),
Ровно сахар, посыпается (да),
Ой, душа ли (да) красна девица (да),

Всё Мария Семёновна
 Со удалым добрым молодцем,
 Со Иванушкой Егоровичом.
 — Да любя ли вам писенка?
 Да любя ли вам хорошиньякая?
 Вы пожалуйста по грошинку!
 По копеечному преничку!
 По круписцету колачику!
 — Мне колачика не хочется —
 Иванушку любить хочется (да),
 Его целовать поизволится.

7а

Тоненькая, долгоньякая,
 Ой!

Девка белая хорошенькая,
 Э-ой!*

Што изюмная ягодка,
 Черносливная, сладиньякая.
 Вдоль по блюдицу катаётся,
 Ровно сахар рассыпается.
 — Ты душа ли красна девушка,
 Сарафимья Васильевна,
 На кого(й) ну ты надидёшься живешь?
 На кого(й) ну начаёшься!
 — Я надеюсь, начаюсь, молода,
 На удала добра молодца,
 На Митрофана Михайловича,
 Ой, молодца!

8

♩ = 132

Де - ву - шка са - до - ч(н) - ко - м(ы) шла,
 Ра - скра - са - ви - ца зе - лё - не - ньким.
 На го - ло - ву - шке (й)а - ле - нькой пла - ток,
 На ру - ках - то не - сёт ро - зо - вой цве - ток.

Э - та де - ву - шка о - бма - н(ы) - чи - ва - я,
Ро - скра - са пе - ре - ма - н(ы) - чи - ва - я...

Девушка садочком шла,
Роскрасавица зелёньким.
На головушке (й)аленькой платок,
На руках-то несёт розовой цветок.
Эта девушка обманчивая,
Роскраса переманчивая.
[О]на не думала замуж-от идти
Не за князя, не за барыня,
Не за молодца удаленьково.
Заходила красна девка-девушка
За удала добра молодца
Да Ивана Ивановича.

9

$\text{♩} = 126$

(ох), Ча - шо - чки ви - ты, ви - ты, ви - ты, да
...ты, да

По - лны ча - ём на - ли - ты, на - ли - ты, ой

Кто е - ти ча - шки-ти на - ли - вал? (ой)

Хто е - ти но - ви - ньки - е?
И - шо хто е - ти кле - но - ви - ньки - е?

9а

♩ = 68-72

Ча - йны ча - шо - чки ви - ты, то - лько ви - ты, ой!

По - лны ча - ём на - ли - ты, дак на - ли - ты, ой!

И - шшо кто жо е - ти ча - шки на - ли - вал? Ой!

И - шшо кто жо е - ти но - ве - ньки е, ой!

Два - два - ти - пя - ти - ру - блё - ве - ньки - е, ой!

На - ли вал ча - шки И - ва - ну - ш(и) - ко, ой!

По - да вал да О - ле - кса - ндру - ш(и) - ке, ой!

Заключительный мелодико-ритмический период:

Всё И - ва - на Сте - па - но - ви ча, ой, мо - ло - дя.

Чайны чашочки виты́, только виты́,
Ой!
Полны чаём налиты́, дак налиты́,
Ой!*

Ишшо хто жо ети чашки наливал?
Ишшо хто жо ети новенькие,
Двадцатипятирублёвенькие?
Наливал чашки Ивануш(и)ко,
Подавал да Олександр(и)ке,
Олександра испилá жо, испилá,
Честь, покорность воздалá жо, воздала,
На квартиру позвала, позвала.
На квартиру на новенькую,
На кроватушку тесовенькую,
На зголівщицё высóконькоё,
Одеялышко бумажненькоё.
— Пойдём, выйдем на широку сидеть.

Не видели ли прохожих-то робят?
 Не видели ли такого молодца,
 Всё Ивана Степановича,
 Ой, молодца?

10

$\text{♩} = 88$

(да) На у - го - ре сто - ит ё - ло - ч(и) ка да - к(ы),
 да

... (а)

По - д(ы) го - ро - ю бе - рё - за - н(и) ка да,
 Под (ой да),

Под бе - рё - зко - ю бе - се - ду - ш(и) ка, ой да,
 Под бе - рё - зкой ве - се - ла - я

Под ку - дря - во - ю ве - сё - ла - я, ой,
 Под ку - дря - вой ве - сё - ла - я

Во бе - си - де тут вель де - ви - ця си - дит, ой,
 Во бе - си - де тут вель де - ви - ця си - дит, ой,

Во ве - сё - лой тут хо - ро - ша я да,

При - хо - дил жо к ней ведь мо - ло - дец, ой да...

(да) На угоре стоит ёлоч(и)ка дак(ы),
Под горою берёзан(и)ка (ой, да),

Под берёзкою беседуш(и)ка (ой, да),
Под кудрявою весёлая (ой),*

Во бесиде тут ведь девица сидит (ой),
Во весёлой тут хорошая (да).
Приходил жо к ней ведь молодец (ой, да),
Говорил жо он ей жаловал (да),
Целовал(ы) — не обманывал (да).
— Пойдём, пойдём-ко, девица, со мной (да),
Послушай-ко, красавица, меня (да)!
— Я нейду, нейду-то, молодец, с тобой (да),
В тёмном лесе караул стоит (да),
Через речку перевозу нет (да)!
— Я за эту речку сам-то перейду (да),
Перейду и тебя переведу (да)
За правую за рученьку (да),
С золотым-то колеч(и)ком (да),
В чисто поле гулять пойду (да),
На гулянке поцелую, обйму (да) девушку.

$\text{♩} = 76$

Как с-по бе - ре-жку хо - ди - ла, гу - ле - ла, ой,

Бе - лу ры - би - шо ло - ви - ла не о - дна, ой,

Не ё - дна, да со то - ва - ри - шша - ми, ой,

С мо - ло ды - ми со при - ка - шши - чка - ми, ой,
да

У - ви - да - ла ма - лых де - то - чёк, ой,
да

Ра - сска - за - ли да ро - дной ма - ме - н(и) - ке, ой...

Как с-по бережку ходила-гулелá,
Ой,
Белу рыбицю ловила не ёднá,
Ой,

Не ёдна, да со товаришшами,
Ой,
С молодыми (эй) со прикашшичками,
Ой,*

Увидала (да) малых деточёк,
Рассказали (да) родной мамен(и)ке,
Родна мамонька не лиха, не добра —
Нас заставила капустку садить,
Приневолила россаду поливать,
Приказала в зеленом саду гулять.
Я полью, полью, не польётся,
Перемине младе хочётся,
Перемине, переминуш(и)ки.
Вечер был дак я у девушки в гостях,
Ворота были не запертые,
Поворотенка не вставлённая.
Была уточка не вскормлённая,
Она не вскормлена, не вспоенная,
Душа красна девушка,
Катерина свет Гавриловна,
Ой, девушка!

11а

$\text{♩} = 132$

Я по бе-реж(и)ку хо-ди-ла, гу-ле-ла, ой!

...ла, гу-ле-ла, ой! да

э - ох!

Бе-ло-ры-би-цю ло-ви-ла не ё-дна, ох!

Бе-ло-ры-би-чу ло-ви-ла не ё-дна, ох! да

Не ё - дна я да со то - ва - ри - шша - ми, ой!

Не ё - дна я, со то - ва - ри - шша - ми, ой!

С мо - ло ды - ми со при ка - шши - чка - ми, ох!

С мо - ло - ды - ми да со при ка - шши - чка - ми, ох!

У - ви - да - ли да ма - лы де - то - н(и) - ки, ох!

У - ви - да - ли да ма - лы де - то - н(и) - ки, е - ох! ей да,

На - ска - за - ли да ро - дной ма - му - ш(и) - ке, ох!

На - ска - за - ли да ро - дной ма - му - ш(и) - ки, ох! ой!

эй да...

Заключительный мелодико-ритмический период:

Са - ра - фи - мья Ва - си - льё - вна, ой, де - ву - шка!

Са - ра - фи - мья Ва - си - льё - в(ы)на, ой, де - ву - шка!

Я по бережку ходила-гулелá,
 Ой!
 Белорыбицу ловила не ёдна,
 Э-ох!

Не ёдна я, (да) со товаришшами,
 Э-ох!
 С молодыми со прикашшичками,
 Э-ох!*

Увидали (да) малы детоньки,
 Насказали (да) рóдной мамушке,
 Родна мамушка не ли́ха, не добра́,
 Она заставила капусточку садить,
 Приневолвила россáду поливать,
 Приказала в зеленóм саду гулять,
 Я полью, полью, не пóльётся,
 Перемены младе хóчётся,
 Перемены-переменушки.
 Вечер был дак я у девушки в гостях,
 Вечер был я у красенькие,
 Ворота́ были не запёртые,
 Подворóтенка не встáвленная,
 Сера уточка не вскормленная,
 Она не вскормлена, не вспоенная,
 Ду́ша-свет наша уточка,
 Ишшо свет наша сиренькая,
 Дорогая наша гостенька,
 Наливная, сахáринькая,
 Сарафимья Васильевна,
 Ой, девушка!

$\text{♩} = 168$

V
I
II
IV
III

...хо - жу, то - льки хо - жу, ой!

Ой, я со вью - нчи - ком хо - жу, то - лько хо - жу, ой!
...хо - жу, то - льки хо - жу, ой!

...жу, то - льки хо - жу, ой!

Зо - ло - той - от вьюн на ру - че - ньках но - шу, ой!
Зо - ло - той я вьюн на ру - че - ньке но - шу, ой!
Зо - ло - той - от вьюн на ру - че - ньках но - шу, ой!
Зо - ло - той - от вьюн на ру - че - ньках но - шу, ой!

Я не зна - ю да, ку - да вьюн по - ло - жить, эх!
Я не зна - ю, ку - да вьюн по - ло - жить, ох!
Я - то не з(ы) на - ю, ку - да вьюнчик по - ло - жить, ой!
Я не з(ы) на - ю, ку - да вьюн по - ло - жить, ой!

По - ло жу я вьюн на пра - во - ё пле - чо, ой!
По - ло - жу я вьюн на пра - во - ё пле - чо, ой!
По - ло жу я ...во - ё пле - чо, ой!
По - ло - жу я вьюн на пра - во - ё пле - чо, ой!

Со пра ва пле ча на ле во по ло жу, ой! ой!

Со пра ва пле ча на ле во по ло жу, ой! ой!

Со пра ва пле ча на ле во по ло жу, ой!

Я ко де ву шке и ду, то лько и ду, ой!

Я ко де ву шкам и ду, то льки и ду, ой! ой!

Я ко де вуш(и)ке и ду, то лько и ду, ой!

По це лу ю, са ма прочь по йду от де ву шки.

По це лу ю, са ма прочь по йду от де ву шки.
По це лу ю да, ой, на прочь по йду от де ву шки.

...це лу ю да, я на прочь по йду от де ву шки.

(ой) Я со вьюнчиком хожу, только хожу, ой!
 Золотой я вьюн на рученьке ношу, ой!
 Я не знаю, куда вьюн положить, ой!
 Положу я вьюн на правое плечо, ой!
 Со правá плеча на лево положу, ой!
 Я ко девушке иду, только иду, ой!
 Поцелую, сама прочь пойду от девушки.

♩ = 64-84

(да) Ка-к(ы)-то со ве - че - ра це - по - ч(и) - ка го - ри - т(ы) ой - и ей да,

♩ = 69

Со по - лу - но - чи се ре - бре - на - я, ой, и - ё да,

♩ = 76

Го - рит, го - рит, пе - ре га - ри - ва - ет, ой,

♩ = 80

Па - рень де - ву - шку о - бма - ны - ва - ет ой, и - ей,

♩ = 84

- Со - йди-ко, де - ву - шка, со кра - сно - го кры - льца, ой,

По - йди, вы - йди из вы - со - ка те - ре - ма, ой...

да

(да) Как(ы)-то со вечера цепоч(и)ка горит(ы),
 Ой-и-ёй (да),
 Со полуночи серебрёная,
 Ой-иё (да),

Гóрит, гóрит, перегáриваёт,
 Ой,
 Парень девушку обманываёт,
 Ой-и-ёй...*

— Сóйди-ко, дéвушка, со крáсного крыльца,
 Пойди, выйди из высóка терема.
 — Я нейдú, нейдú со крáсного крыльця,
 Я не выйду из высóка теремá,
 Пойду сяду я на лавочку,
 Погляжу-кось я в окошеч(и)ко:
 Всё на улочке светлёшен(и)ко,

Середь улочки милешеникой,
 Среди широкой сухошен(и)кой,
 С ног башмáчки не топчутся,
 Чúлки белы не мараются.
 Подскочу-кось я скорёшен(и)ко,
 Поцелую я милёшен(и)ку
 Душу красную девуш(и)ку,
 Всё Варвару свет Ивановну,
 Ой, девушку!

13а

Со вечера цепочка горит,
 Со полуночи золóченая,
 Гóрит-гóрит, перегаривает,
 Мальчик девушку заманивает,
 Со девицей поговаривает:
 — Ой, девушка, сойди с теремá!
 Вот, красавица, сойди с высóкá!
 На улице басёшенько,
 Под окошечком светлёшенько,
 Башмáчки не топчутся,
 Чулки белы не мараются,
 Молодцы-те накупаются.
 Удивила девка Масленицу,
 Проходила всю неделю в чупоках,
 Прокаталася на войлочке,
 Очутилася на ковричке.
 Ой, девка — простокиша,
 Парень — кисло молоко.
 Кто плясать не пойдёт,
 Руки-ноги сволочёт,
 Ой, рот-то скосит,
 Глаза выворотит.
 Ой, кто ногой не топнет,

У того нога отсохнет,
 По косточке да
 По лодышечке,
 По самому суставчик[у],
 По чашечке!

14

$\text{♩} = 69$

Д(ы)-ва - ти, два луж(и)ка не ко - ше - ва - ны, да - к(ы), ой,

Два зе - лё - ных не стра - до - ва - ны - е, о - и - ё,

На - ши де - ву - шки не сва - ты - ва - ны, о - и - ё,

Мо - ло - ди - цы да не сва - ты - ва - ны - е, ой,

Я ли бе - жу, бе - жу по по - же - н(ы) - ке, о - и - ё,
 я л(и)

До - бе га - ю да до че - со - ве - н(ы) - ки, ой,

На че - со - ве - нке два го - лу - бя си - дят, ой,

Всё си - дят да ни - че - го не го - во - рят, ой...

Заключительный мелодико-ритмический период:

...О - ле ксе - ю Е - го - ро - ви чу, ой, мо - ло - дцу.

Два-ти, два луж(и)ка не кошévаны,
Дак(ы) ой,
Два зелёных не страдóванные,
Ой-иё,

Наши девушки не сватываны,
Ой-иё,
Молодицы не целованные,
Ой,*

Я ли бежу, бежу с-по пожен(ы)ке,
Добегаю до чесовен(ы)ки,
На чесовенке два голубя сидят,
Всё сидят, да ничего не говорят,
Один голубь спроговаривает:
— Завтра праздничёк — Ивановой день,
Во чесовню люди сходятся,
Богомольцы Богу молятся,
Уж и как жо в людех люди-то живут?

Уж и как жо унравливают?
 У миня, у молодёшен(и)ки,
 Да свекровушка зубатая была,
 Всё зубатая, зубастенькая,
 Не велела в гости ходить,
 Не велела гостей подчивати,
 Посылала в нову горенку,
 В нову горенку за пивом, за вином
 Да ишшо за сладкой водочкой,
 Сладка водочка анисовая.
 У нас девушка написанная,
 Написана (да) нарисованная,
 Жемчужком она усаженная,
 Целовать она приказанная
 Удалому (да) добру молодцу,
 Олексею Егоровичу,
 Ой, молодцу!

15

♩ = 56-63

На пруду - ту было, да на мелен(ы)ке, ой ой,
 ...ту было

На хрестянской наवेशен(ы)ской, ой,

Золотоёбыло черпал(и)це, ой,

По черпущечка серебряная, ой,
 ой - и - ё

Во - ло - чи - ла, да во - ду че - рьпа - ла, ой,

Всё ду - ша жо да кра - сна де - ву - ш(и) - ка, ой,

Ва - си - ли - са Се - мё - но - в(ы) - на, ой...

На пруду-ту было да на мелен(ы)ке,
 Ой-иё,
 На хрестьянской, на вешен(ы)ской,
 Ой,
 Золотое было черьпал(и)це,
 Ой,
 Почерьпушечка серебряная,
 Ой-иё,*

Волочила (да), воду черьпала
 Всё душа жо да красна девуш(и)ка,
 Василиса Семёнов(ы)на.
 Увидала — по бережку конь бежит,
 По крутому сизой вороной,
 На коне сидит удалой молодец,
 Всё Василий Егорович.
 Он коня-то поворачивает,
 К терему-то приворачивает,
 К терему-то тесовому,
 К белу-то Василисиному,
 Василисы Семенов(ы)ны:
 — Выходи-ко, Василисушка!
 Выходи-ко, Семенов(ы)на!
 На кого(й)-ко ты надеешься-живешь?
 На кого-жо ты начаёшься?
 — Я надеюсь, я начаюсь, молода,
 На удала добра молодця,
 На Василия Егоровича,
 Ой, молодця.

$\text{♩} = 92$

Е - вге - ню - шко мо - ло - де - н(и) - кой, ой,
...о - де - н(и) - кой

Пи - нжа - чёк на нём ко - ро - те - н(и) - кой, ой,

Вот он пля - шёт, у - лы - ба - е - тся, ой,

Це - ло - ва - тся до - жи - да - е - тся, ой,

Со ду - шой, со кра - сной де - ву - ш(и) - кой, ой,

Всё с Га - ли - ной Се - ра - фи - мо - вной, ой, де - ву - шкой.

Евгеньюшко молоден(и)кой,
Ой,
Пинжачёк на нём коротен(и)кой,
Ой,

Вот он пляшёт, улыбается,
Ой,
Целоваться дожидается,
Ой,

Со душой со красной девуш(и)кой,
Ой,
Всё с Галиной Серафимовной,
Ой, девушкой.

17

Не велят-то Маше с-по горенке ходить, дак(ы) ох!
Не велят жо ей да молодчика любить, дак(ы) ой!
Молодца-то любить да молоденького, ой-иё!
Неженатого, холостенького, ой-иё!
Холост Ванька, не заигрывай со мной, ох!
Не маши платком по белому лицу, ой-иё!
Бело личико разгóрчивоё, ой!
Не со чаю, не со кофею, ой-иё!
Не со сладкие во... да водочки, ой да!
Сладка водочка анисовая, ой!
Красна девушка написанная, ой!
Написана, нарисованная, ой!
Жемчужком она усаженная, ой!
Целовать она приказанная, ой!
Удалому добру мо... да молодцу, ой дак!
Всё Семёну-то Петровичу, ой, молодцу!

18

$\text{♩} = 108$

(э), Во лу - зях, во лу - зях,
во лу - зях бы.ло, во зе.ле.ных лу.жках, во лу - зях бы.ло, во зе.ле.ных лу.жках да,
Там ро - сла, ой, там ро - сла,
там ро - сла да тра.ва шё - лко.ва - я, там ро - сла да тра.ва шё - л.ко.ва - я да,

Всё дру - га - я, всё дру - га,
всё дру - га - я по - лу - шё - лко - ва - я, всё дру - га - я по - лу - шё - лко - ва - я да...

(э) Во лужях, во лужях,
Во лужях было, во зеленых лужках,
Во лужях было, во зеленых лужках да.

Там росла, ой, там росла,
Там росла да трава шёлковая,
Там росла да трава шёлковая да.*

Всё другая, всё друга,
Всё другая полушёлковая,
Всё другая полушёлковая да.
Росцвели да(й) росцвели,
Росцвели цветы лазоревые,
Росцвели цветы лазоревые да.
Понесло, ой, понесло,
Понесло духи анисовые,
Понесло духи анисовые да.
Розани... эх, розани...
Розанисовы, малиновые,
Розанисовы, малиновые да.
Я со той, ох, я со той,
Я со тою травы выкормлю коня,
Я со тою травы выкормлю коня да.
Я сповы... ох, я сповы...
Я сповыкормлю, сповыглажу ево,
Я сповыкормлю, сповыглажу ево да.
Снарежу, ох, снарежу,
Снарежу коня во золотой снаряд,
Снаряжу коня во золотой снаряд да.
Золотой, ох, золотой,
Золотой снаряд, серебряной,
Золотой снаряд, серебряной да.
(й)Отведу, ой, отведу,
(й)Отведу я коня к батюшку,
Отведу я коня к батюшку да.
Ко роди... ой, ко роди...
Ко родимые ко матушке,
Ко родимые ко матушке да.
— (й)Ох ты ба... (й)ох ты ба...
Ох ты, батюшко-кормилец, сударь мой,
Ох ты, батюшко-кормилец, сударь мой да.
Ты прими, ой, ты прими,
Ты прими-ко слово ласковоё,

Ты прими-ко слово ласковое да.
 Слово ла... ой, слово ла...
 Слово ласково, приятное,
 Слово ласково, приятное да:
 Не отдай, не отдай,
 Не отдай меня за старово замуж,
 Не отдай меня за старово замуж да.
 Ты(й) отдай, ты(й) отдай,
 Ты отдай меня за ровнюшку,
 Ты отдай меня за ровнюшку да.
 За таку, ой, за таку,
 За таку ровню хорошенькую,
 За таку ровню хорошенькую да.
 Со ровней, ой, со ровней,
 Со ровней-мужом гулять пойду,
 Со ровней-мужом гулять пойду да.
 Вот пойду, ой, вот пойду,

Вот пойду, пойду, надумаюсь идти,
 Вот пойду, пойду, надумаюсь идти да.
 Мой-от мил, ой, мой-от мил,
 Мой-от милой в передном углу сидит,
 Мой-от милой в передном углу сидит да,
 Я, младень... я, младень...
 Я, младенька, на скамейке перед ним,
 Я, младенька, на скамейке перед ним да,
 Уж мы сгле... ой, уж мы сгле...
 Уж мы сгленёмся, усмехнёмся,
 Уж мы сгленёмся, усмехнёмся да,
 (й)Усмехнёт... (й)Усмехнёт...
 (й)Усмехнёмся, поцелуемся,
 (й)Усмехнёмся, поцелуемся!

18а

Как во лужях,
 Как во лужях,
 Во лужях было зелёных, во лужях,
 Во лужях было зелёных, во лужях,

Там росла трава,
 Там росла трава,
 Вырастала трава шёлковая,
 Вырастала трава шёлковая,*

Росчвели цветы лазорьевые,
 Пронесли духа анисовые.
 Я со той травы сповыкормлю коня,
 Я сповыкормлю, сповыглажу его,
 Я сповыглажу, сповыложу его.
 Поведу я коня к батюшку:

— Уж ты батюшко,
 Уж ты батюшко,

Ты скажи-ко слово ласковое,
 Ты скажи слово приветливое.
 Не отдай меня,
 Не отдай меня,
 Не отдай меня за старого взамуж,
 Не отдай меня за старого взамуж.*

Я стара мужа на смерть не люблю,
 Со старым мужем гулять нейду,
 Вот нейду, нейду, не вздумала идти.

186

Во лужях, во лужях,
 Во лужях было, во зелёных лужях,
 Во лужях было, во зелёных лужях,

Выраста... выраста...
 Вырастала трава шёлковая,
 Вырастала трава шёлковая,*

Расцвели, расцвели,
 Расцвели цветы лазоревые,
 Пронесло, пронесло,
 Пронесло духи онистовые,
 Розанис... розанис...
 Розанистовы, малиновые,
 Уж я той, уж я той,
 Уж я тою травой выкормлю коня.
 Выкормлю, выкормлю,
 Снаряжу коня во золоту узду,
 Подведу, подведу,
 Подведу я коня к батюшке.
 Уж ты ба... уж ты ба...
 Уж ты батюшко-кормилец, сударь мой,
 Ты прими, ты прими,
 Ты прими уж слово ласковоё:
 Не отдай, не отдай,
 Не отдай меня за старого взамуж.
 Ты отдай, ты отдай,
 Ты отдай меня за ровнюшку,
 Ты отдай меня за ровнюшку,
 За ровню, за ровню,
 За ровню, за удалово молодца.
 У старá, у старá,
 У старá мужá пшеничны пироги,
 У младá, у младá,
 У младá мужá талóвы батоги.
 Я не ем, я не ем,
 Я не ем, не ем пшеничны пироги,
 Лучше я, лучше я,
 Лучше вытерплю талóвы батоги.

18в

Во лужях, во лужях,
 Во лужях было, во зелёных лужях,
 Во лужях было, во зелёных лужях,

Вырастай... вырастай...
 Вырастала трава шёлковая,
 Да вырастала трава шёлковая,*

Расцвели, расцвели,
 Да расцвели цветы лазоревые,
 Понесли, понесли,
 Понесли духи анисовые.
 Уж я той, уж я той,
 Уж я тою травой выкормлю коня.
 Я сповы... я сповы...
 (Да)⁴ я сповыкормлю, сповыглажу ево.
 Подведу, подведу,
 (Да) подведу я коня к батюшке.
 — Батюшко, батюшко,
 (Да) не отдай меня за старово замуж,
 Я старá, я старá,
 (Да) я старá мужá на смерть не люблю,
 Со старым, со старым,
 Да со старым мужом гулять не пойду.
 Вот нейду, вот нейду,
 Да вот нейду, нейду, не вздумала идти,
 Вот нейду, нейду, не вздумала идти.

Во лужях, во лужях,
 Во лужях было, во зелёных лужях,
 Во лужях было, во зелёных лужях,

Вырастай... вырастай...
 Вырастала трава шёлковая,
 Да вырастала трава шёлковая,*

Расцвели, расцвели,
 (Да) расцвели цветы лазоревые,
 Понесло, понесло,
 (Да) понесло духи анисовые.
 Уж я той, уж я той,
 (Да) уж я тою травой выкормлю коня.
 Я сповы... я сповы...
 (Да) я сповыкормлю, сповыглажу ево.
 Подведу, подведу,
 Подведу я коня к матушке:
 — Матушка, матушка,
 Да не отдай меня за малово взамуж,

⁴ В данном тексте в скобки заключены слова, появляющиеся лишь при повторе стиха.

Я малá, я малá,
 Я мала мужá на смерть не люблю,
 Да я мала мужá на смерть не люблю,
 Со малым, со малым,
 Со малым мужом гулять не пойду.

Во лужах, во лужах,
 Во лужах было, во зелёных лужах,
 Во лужах было, во зелёных лужах,

Вырастай... вырастай...
 Вырастала трава шёлковая,
 Да вырастала трава шёлковая,*

Расцвели, расцвели,
 Да расцвели цветы лазоревые,
 Понесли, понесли,
 (Да) понесли духи анисовые.
 Уж я той, уж я той,
 (Да) уж я тою травой выкормлю коня.
 Подведу, подведу,
 (Да) подведу я коня к брател(в)ку:
 — Брател(в)ко, брател(в)ко,
 Ты отдай меня за ровнюшу взамуж,
 Я ровня, я ровня,
 Я ровня мужá на смерть люблю,
 За ровню, за ровню,
 Да за ровню я взамуж пойду.

19

♩ = 126-132

Ве - чор де - вки, ве - чор де - вки,
 ве чор де - вки ве - че - ри - нку си - де - ли, ве чор де - вки ве - че - ри - нку си - де - ли,
 При - шёл к де - в(ы) - кам, при - шёл к де - вкам,
 при - шёл к де - ву - шкам не - зван - ый го - сте - нёк, при - шёл к де - ву - шкам не - зван - ый го - сте - нёк,
 Ста - ли де - в(ы) - ки, ста - ли де - вки,

ста-ли де-вки пе-ре - шё - пты-ва-ться, ста-ли де-вки пе-ре - шё - пты-ва-ться,
 А чем го - стя, ой, чем го - стя,
 уж мы чем жо го-стя по - дчи-ва-ти, бу-дем чем жо го-стя по - дчи-ва-ти?

Вечор девки, вечор девки,
 Вечор девки вечеринку сидели,
 Вечор девки вечеринку сидели.

Пришёл к девкам, пришёл к девкам,
 Пришёл к девушкам незванный гостенёк,
 Пришёл к девушкам незванный гостенёк.*

Стали девки, стали девки,
 Стали девки перешёптываться:
 «А чем гостя, ой, чем гостя,
 Уж мы чем жо гостя подчивати,
 Будем чем жо гостя подчивати?»
 Одна девка, одна девка,
 Одна девушка на стол ставила.
 Втора девка, втора девка,
 Втора девушка на стол садила.
 Третья девка, третья девка,
 Третья девушка смелая была.
 Взела парня, взела парня,
 Взела парня она за волосы.
 А через стол, а через стол,
 Через стол да прямо на голову.
 Она ташшит, она ташшит.
 Она ташшит — только волосы трешшат.
 Ой, по полу, ой, по полу,
 Уж как по полу как веничком метёт.
 Ой, по мосту, ой, по мосту,
 Уж как по мосту онучи волочёт.
 По улочке, по улочке,
 По улочке ровно шаричек катит.
 — Постой, девка, постой, девка,
 Постой, девка, — чёрну шляпу позабыл.
 Во той шляпе, во той шляпе,
 Во той шляпе-то три узла.
 Первой узел, первой узел,
 Первой узел-то — белила.
 Второй узел, второй узел,
 Второй узел-то — румена.

Третий узел, третий узел,
 А и третий-то узел — купорос.
 Детинушка, дегинушка,
 Детинушка-от парень не дорос.

20

$\text{♩} = 116-120$

Все на - ши ре - бя - ту - шки су - че - ньи - ца и - дут.

Су - че - ньи - ца и - дут, са - ми пе - се - нок по - ют,

Кра - сна - я де - ви - ца на у - ли - це сто - ит.

Кра - сна - я де - ви - ца на у - ли - це сто - ит,

Всем мо - ло - дцам по по - кло - ну о - тда - ёт...

Все наши ребятушки с ученьица идут,
С ученьица идут, сами песенки поют.

Красная девица на улице стоит,
Красная девица на улице стоит.*

Всем молодцам по поклону отдаёт.
Одному молодцу пониже всех,
Оттого пониже, што удалой молодец.
Стал молодец девку спрашивать,
Спрашивать да уговаривати:
— Как тебя, девушка, по имени зовут?
Как, красна, по изотчеству?
— Маменька родила меня девушкой,
Поп крестил — Окулина имя дал.

20а

Все наши ребятушки с ученьица идут,
С ученьица идут, сами песенки поют,

С ученьица идут, сами песенки поют,
Песенки поют, в терем голос подают,*

Песенки поют, в терем голос подают.
Красная девица на улице стоит,
Всем молодцам по поклону отдаёт,
Одному молодчику пониже всех,
Оттого пониже, что удалый молодец.
Стал молодец у девки спрашивать,
Разговаривати:
— Как тебя, девушка, с-по имени зовут?
Как, красна, с-по изотчеству?
— Мама-то родила меня девушкой,
Поп крестил — Акулина имя дал.
— Девушка, Акулинушка,
Не выйдешь ли, Окулюшка, замуж за меня,
Замуж за меня, за удалова молодца?
Я тебе, Окулюшка, горенку срублю,
Горенку срублю, печку муравлену складу.
Горенка нова, печка муравленая,
Столики дубовы, ножки точеные,
Точеные, позолоченные.
По столику стопочки похаживают,
Рюмочки споходя говорят,
Мне-ка, добру молодцу, жениться велят,
Доброму молодцу жениться велят.
Рад бы я женился, да неково взять:
Стару бабу взять — на печи в углу держать,
Ровню взять — споходя целовать,

Моложе себя взять — надо плёточку держать,
 Плёточку-семихвосточку.
 Первый раз ударил — да семь рубчей,
 Второй раз ударил — четырнадцать,
 Третий раз ударил — да двадцать один.
 Шла девица из новá городá,
 Скляницу несла под кисейным рукавом,
 Скляницу разбила, всё вино пролила,
 Ах, всё вино пролила...
 С этого вина загоралась слобода.
 Что не за пожар — пожар не пылко горит,
 Не пылко горит,
 Что не за вино — вино не пьяное былó.
 (...) да двадцать один,
 Тем же днем я лапти сплел,
 В тот же день я лапти сплел,
 Сыну да жене, самому третью.
 (...) Кто вино не пьёт, тот и пьян не живёт,
 Кто жену не бьёт, тот и мил не живёт.
 Бил жену к обеду да к ужину опять,
 Чтобы щи были горячи, каша масляная,
 Каша масляная, блины зáспеные.

206

Шла девица да из новá города,
 Скляницу несла да под кисейным рукавом,

О землю запнулась — всё вино пролилось,
 Из-за этого вина да разгоралась слобода,

Разгоралась слобода, да наезжали господа.
 Что не за вино, вино не горько былó.

А, вспомнила:

Кто жену не бьёт, тот и пьян не живёт.
 Бил жену к обеду и к ужине опять,
 Чтобы шти были горячи, каша масляная,
 Каша масляная, блины зáспенные.
 Крестьянская дочь худо выучена,
 Стань ее учить, надо день проучить,
 Тем же днем трои лапти сплел,
 Сыну да жене да самому третьи.

21

$\text{♩} = 92$

Уж как по мо-сту, мо-сто-чку, по ка-ли-но-во-му,
 по ка-ли-но-ву мо-сто-чку, по ма-ли-но-во-му, ой,
 Тут ли шёл-про-шёл де-ти-на, у-да-ла-я го-ло-ва,
 тут ли шёл-про-шёл де-ти-на, у-да-ла-я го-ло-ва.
 Го-лу-бой на нём ка-фта-нчик, по-лы ма-шу-тся,
 го-лу-бой на нём ка-фта-нчик, по-лы ма-шу-тся.
 Всё гри-зе-то-ва ру-ба-ше-чка бе-ле-е-тся,
 всё гри-зе-то-ва ру-ба-ше-чка бе-ле-е-тся,
 У ру-ба-ше-чки ма-нже-ти-ки тре-пе-шшу-тся,
 у ру-ба-ше-чки ма-нже-ти-ки тре-пе-шшу-тся...

Уж как по мосту-мосточку, по калиновому,
По калинову мосточку, по малиновому, ой,

Тут ли шёл-прошёл детина, удалая голова,
Тут ли шёл-прошёл детина, удалая голова.

Голубой на нём кафтанчик, полы машутся,
Голубой на нём кафтанчик, полы машутся.*

Всё гризетова рубашочка белеется,
У рубашецьки манжетки трепещутся,
Всё на шейке-то платок, словно аленькой цветок,
Во кармане-то другой, итальянской голубой.
Ой, во правой руке тросточка камышёвая,
А на тросточке ленточка букетовая,
Всё букетова-бела да мне сударыня дала.
Ох, дала-дала сударушка, спожаловала,
Ой, спустила сухоту да с-по моёму животу,
Ой, заставила ходить по чужой стороне,
Приневолила любить чужомужнюю жону.
Ой, чужамужня жонá — полынь горькая трава,
Ой, полынь гор(и)ка да в саду выросла.
Ой, да цей этот садоцик зелегнёшенек стоит?
Ой, ция эта капустака — спощипал бы я её,
Ой, спорвал и пошшипал да всю за тын побросал.

22

$\text{♩} = 60$

Ох, сле - та - лись га - ло - чки на лу - жок,
... (а) - ло - чки на лу - жок,
на лу - жок, на лу - жок, ай - ну, на лу - жок.
... ли - ся га - ло - чки все о - не в кру жок,
Са - ди - ли - ся

все в кружок, все в кружок, ай - ну, все в кружок.

...на - то га - лочка с - по - за - де, эй,
Ох, о - нна - то

с - по - за - де, с - по - за - де, ай - ну, с - по - за - де...

Ох, слетались галочки на лужок,
На лужок, на лужок, ай, ну на лужок.

Сиделись галочки все в кружок,
Все в кружок, все в кружок, ай, ну все в кружок.*

Ох, онна-то галочка спозаде.
Ой, за той-то галочкой сам сокол.
Ой, поймал он галочку за крыло.
— Ой, стой-постой, галочка, не летай.
Ой, куда ж ты, галочка, летала?
— Ох, летала галочка в рыночѐк.
— Ох, цего жо ты, галочка, купила?
— Ох, купила галочка билинькой платок.
Ох, в билиньком платочике — три узла.
Ох, в первом-то в узленке — билила,
Ой, во втором-то в узленке — румена,
Ой, в третьѐм-то в узленке — дивья красота.

Музыкальный фрагмент с нотами и текстом. Верхняя часть — ноты для голоса, нижняя — для фортепиано. Текст: За - и - нька с - по си - не - чкам гу - ляй да - к(ы), гу - ляй да,

Музыкальный фрагмент с нотами и текстом. Верхняя часть — ноты для голоса, нижняя — для фортепиано. Текст: Се - ре - нький с - по но - ве - ньким за - гу - ли - вай, гу - ляй да,

Музыкальный фрагмент с нотами и текстом. Верхняя часть — ноты для голоса, нижняя — для фортепиано. Текст: Не - ку - ды за - и - ньку вы - ско - чи - ти да,

Музыкальный фрагмент с нотами и текстом. Верхняя часть — ноты для голоса, нижняя — для фортепиано. Текст: Не - ку - ды се - ро - му вы - п(ы) - ры - гну - ти да,

Музыкальный фрагмент с нотами и текстом. Верхняя часть — ноты для голоса, нижняя — для фортепиано. Текст: Все - те во - ро - та да при - за - тво - ре - ны сто - ят да,

Музыкальный фрагмент с нотами и текстом. Верхняя часть — ноты для голоса, нижняя — для фортепиано. Текст: Все за - м(ы) - ки, за - мо - чки за - пе - р(ы) - ты,

У ка-жных у во - рот да по три сто - ро - жа сто - ят,

По три де - ву-шки си - дят, о - ни речь го - во - рят да,

ро - зго - ва - ри - ва - ют:

- Не е - м(ы) - та - н(ы) - ки да не хо - чу та - хты да

Хо - чу си - тчи - ку да по - ло - са - те - нько - го да,

Лю - блю мо - ло - дца, де - ти - нку не - жо - на - те - нько - го да,

Заинько, с-по синечкам гуляй дак(ы) гуляй (да),
Серенький, с-по новеньким загуливай, гуляй... (да)...

Некуды зайнюку выскочити (да),
Некуды серому вып(ы)рыгнути... (да)...

Все-те ворота (да) призатворены стоят (да),
Все зам(ы)ки, замочки запер(ы)ты...

У кажных у ворот (да) по три сторожа стоят,
По три девушки сидят, они речь говорят, (да) розговаривают:

— Не ем(ы) тан(ы)ки да не хочу тахты (да),
Хочу ситчику (да) полосатенького (да),
Люблю молодца, детинку неженатенького, (да)
Кудреватенького (ох) молодца.

23а

Заинько с-по сеничкам ходил дак и гулял,
Да серенький с-по новеньким нагуливай-гуляй.
Да некуда зайнюку выскочити,
Да некуда серому выпрыгнути —
Да все-те воротá да призатворены стоят,
У всех-то у ворот по три сторожа стоят,
По три сторожа сидят, да по три девушки сидят.
Одна сидит в камке, другая в казачке,
А третья девица во всём золоте сидит,
Во всём золоте сидит да она речи говорит:
Да я не ем камки да не хочу тохты,
Да люблю да неженатеньково да молодца.

24

$\text{♩} = 76-92$

(да) Ве - сел я, ве - сел се - го - днё - шной день, да,
ох, да
...днё - шной день да,

Ра - до - сён, ра - до - сён ти - пе - ре - шной час да,
ра... ра - ло - сён ...до - сён ти - пе - ре - шной час

$\text{♩} = 84$

Хо - дит, гу - ля - ёт Пе - тро - ван - от во са - ду ой, да,
...о - дит, гу - ля - ёт Пе - тро - ван - от во са - ду да,

Шши - плёт, ло - ма - ёт зе - лен ви - но - град да,
Шши - плёт, ло - ма - ет

$\text{♩} = 88$

Ки - да - ёт, бро - са - ёт он ведь О - лье на кро - вать да...

Ки - да - ёт, бро - са - ёт он ведь О - лье на кро - вать

(да) Весел я, весел сегоднёшной день, (да)
Радосён, радосён типерешной час... (да)...

Ходит, гуляёт Петрован-от во саду (ой, да),
Шшиплет, ломаёт зелен виноград... (да).

Кидаёт, бросает он ведь Ольге на кровать (да),
— Спишь али не спишь, ой ты Оленька моя (да),
Чуёшь ли, не чуёшь, Григорьевна (да)?

— Спать-то я не сплю, да тебе ответу не дам,
Я ответу не подам, руку правую подам.

На колени посажу, три недели продержу,
На четвёрту неделюшку домой отпущу.

24а

$\text{♩} = 84$

(да) Ве - сел я, ве - сел се - го - дне - шной ве - чёр,

Ра - до - стён, ра - до - стён те - пе - ре - шной час, да

Хо - дит, гу - ля - ет бра - вой Са - ша во са - до - чке,
э - ой в са - до - чке,

Шши_п(ы) - лет, ло - ма - ет зе - лен ви - но - град, да
ой, ло - ма - ет зе - лен ви - но - град да

Ки - да - ёт, бро - са - ёт ко Ма - ри - и на кро - вать. да
бро - са - ёт

- Спишь ли, не спишь, Ма - ри - я мо - я? да

- Спать - то я не сплю да но - че - ва - ла ночь о - дна да...
Спать не сплю, да но - че - ва - ла о - дна да...

(да) Весел я, весел сегодняшней вечер,
Радостён, радостён теперешной час (да),

Ходит-гуляет бравой Саша во садочке,
Шшиплет-ломает зелен виноград (да),

Кидает, бросает ко Марии на кровать (да)...
— Спишь ли, не спишь, Мария моя (да)?
— Спать-то я не сплю, да ночевала ночь одна (да).

Весел я, весел сегодняшней вечер,
Радостён, радостён теперешной час (да).

Ходит-гуляёт бравой Саша во садочке,
Шшиплет-ломает зелен виноград (да),

Кидает-бросает ко Марии на кровать (да),
— Спишь ли, не спишь, Мария моя? (да)

— Спать-то я не сплю, тебе ответу не даю,
Тебе ответу не подам, ручку правую подам (да),

На колени посажу, три недели продержу,
Три недели продержу, на четверту домой пушшу.

25

♩ = 76

По-ляна(ы)ри-нка с ма - слом, лу - ко - шко с то - ло - кном,

♩ = 80

Пи - ро - гов до - ска по - пе - рёк ше - стка.

♩ = 84

На - ша Фи - му - шка ба - ска, ба - ска, ве - жли - ва - я,

♩ = 86

Са - ма о - че - стли - ва - я.

$\text{♩} = 84$

Не бе - рёт е - ё то - ска, то - ска без ми - ло - го дру - жка,
 Без Ми - ха - йлу - шка, ...а - мо - ви - ча, (ой),
 Без [Ми - ха - й - лу - шка], без О - вра - мо - ви - ча,
 мо - ло - дця.

Полна к(ы)ринка с маслом,
 Лукошко с толокном,
 Пирогов доска
 Поперёк шестка.

Наша Фимушка баска,
 Баска, вежливая,
 Сама очестливая.

Не берёт её тоска,
 Тоска без милого дружка,
 Без Михайлушка,
 Без Оврамовича (ой),
 Молодця.

26

$\text{♩} = 80$

Е - то так, е - то сяк, е - то сбу - де - тся,

Да Ми - ха - йло - то с На - ста - сьей по - це - лу - е - тся,
Не по - за - бу - дё - тся!

Это так, это смяк,
Это сбудётся,
Да Михайло-то с Настасьей
Поцелуётся,
Не позабудётся!

27

$\text{♩} = 40$

Из под ё - лки - то бы - ло, из под [жё] - рдки,
Из под бе - ло - ей да бе - рё - зки,
ой, да
Бе - жал за - йко, за - йко по бо - ло - ту,

За - йко спра - ши - вал - то ра - бо - ту:

Хто бы, хто бы за - йку де - нёг дал, да

То - му три дни, три дни ра - бо - тал, да

Всю я па - ше - ньку ро - спа - хал, да

О - го - ро - ды все за - го - ро - дил, да

Заключительный мелодико-ритмический период:

...це - ло - ва - тья ско - лько хошь!

Из-под ёлки-то было, из-под жёрдки,
Из-под белой да берёзки,
[Из-под белого корешка,
Из-под серого камешка,]
Бежал зайко, зайко по болоту,
Зайко спрашивал-то работу.

— Кто бы, кто бы зайку денёг дал (да),
Тому три дни, три дни работал (да),
Всю я пашеньку роспахал (да),
Огороды все загородил (да),
Огораживал бы (да),
Оборанивал бы (да).

— Уж ты парень, парень, паренёчик,
Парень, девушкин(ы) да сыночик,
Ты почём(у) вечер да не пришёл (да)?

Ты пришёл бы, пришёл бы вечерком (да),
Напоила бы тебя чайком (да)!

Всё чайком бы, пришёл бы вечерком (да),
Сладкой водочкой с медком (да),
Всё с медком бы то ли с преничком (да).

Сладких преничков на грош (да),
Целоваться сколько хошь!

28

$\bullet = 126$

(да) За - ско - чил ко - зёл во - го - ро - дець,
во - го - ро - дець,
За - ско - чил мо - ло - дой во - ши - ро - кой,
во - ши - ро - кой,
Что не ни - зе - нькой, не вы - со - кой,

не вы - со - кой да,
Ты не ешь, ко - зёл, ка - пу - сты,
ка - пу - сты да...

(да) Заскочил козёл в огородец,
В огородец,

Заскочил молодой во широкой,
Во широкой,*

Што не низенькой, не высокой.
— Ты не ешь, козёл, капусты,
Не заламывай листочка,
Не закусывай стебелёчка.
Вот пошла козла выгоняти,
Молодого выручати.
Вот взяла на козла дубинку,
Не большую дубинку — лучинку,
И била его по колиням.
Упал козёл на колени,
Я тут с козлом помирилась,
Понизёшенько поклонилась.
По устам козла целовала,
Васенькой называла.

29

$\text{♩} = 138$

Ой, и - шшо де - ву - шки с-по - те - ре - му гу - ля - ли,
ой, гу - ля - ли да...

И - шшо кра - сны - е по вы - со - ку гу - ля - ли,

ой, гу - ля - ли да,

Я - сна со - ко - ла на ру - че - ньках но - си - ли,

ой, но - си - ли да...

Ой, ишшо девушки с-по тѣрему гуляли,
Ой, гуляли... (да)...

Ишшо красные с-по вѣсоку гуляли,
Ой, гуляли... (да)...

Ясна со́кола на рученьках носили.
Ясной со́кол на рѹчках воспѣваѣт:
— Уж вы пойте, пляшите, красны девки,
Не ровѣн-от час-от — суженой приедет,
Либо старой, либо малой, либо ровня.
Ишшо старой муж по́ торгу гуляѣт,
Он и цвѣтное платьѣ накупаѣт.
Мне-ко цветное платьѣ не носити,
Мне-ко стáрого мужа не любити.

⟨После повтора первых двустижий:⟩

Ишшо малой муж по́ торгу гуляѣт,
Он и цвѣтное платьѣ накупаѣт.

Мне-ко цветнóе платьё не носить,
Мне-ко мáлого мужа не любить.

(После повтора первых двустихий:)

Ишшо ровнюшка пó торгу гуляёт,
Он и цветное платьё накупáет,
Мне-ко цветнóе платьицё носить,
Мне-ко ровнюшку мужа любить.

30

$\text{♩} = 92$

Уж ты млад со - ло - вей да со - ло - ве - йко,
со - ло - ве - йко, со - ло - ве - йко, со - ло - ве - йко,
Ты не пой, со - ло - вей, да при до - ли - не,
при до - ли - не, при до - ли - не, при до - ли - не,
Ты не вей - ко гне - здо да на (й)о - си - не,
на (й)о - си - не, на (й)о - си - не, на (й)о - си - не,
Под о - си - но - ю си - де - ла кра - сна - я де - вка,
кра - сна де - вка, кра - сна де - вка, кра - сна - я де - вка...

Уж ты млад соловей да соловейко,
Соловейко, соловейко, соловейко,

Ты не пой, соловей, да при долине,
При долине, при долине, при долине.*

Ты не вей-ко гнездо да на осине.
 Под осиною сидела красная девка,
 (Й)она шила ковёр да вышивала,
 (Й)она три-те кружка да золотые,
 А четвёртой кружок да жемчужочек.
 Всё Иван-от ведь к Анне приходил жо да,
 Вот Иванович Ивановне говорил жо:
 — Ты ведь шей жо ковёр да не ленися да,
 Поскорёшеньку ты да торопися —
 Я приеду тот ковёр да торговати да,
 Я куплю тот ковёр да не сторгую,
 Двою-трою за ковёр да поцелую,
 Душу-красну девицу! *Всё!*

30а

$\text{♩} = 116$

Ты не пой, со-ло-вейко, при до-ли-не,

при до-ли-не, при до-ли-не, при до-ли-не да,

Ты не вей-ко гнезда да на е-ли-не,

на е-ли-не, на е-ли-не, на е-ли-не да,

Со - вей гне - зды - шко да на о - си - не да,
 на о - си - не, на о - си - не, на о - си - не да...

Ты не пой, соловейко, при долине,
 При долине, при долине, при долине (да),

Ты не вей-ко гнездá да на елине,
 На елине, на елине, на елине (да).*

Совей гнездышко да на осине.
 Под осиною сидела красна девка,
 Она шила ковёр да вышивала,
 Она три-то кружка да золотые,
 Што четвёртой-от кружок-жемчужочик.
 Всё ко ей-то-от суженой приходил жо,
 Ишшо ей-то он речи говорил жо:
 — Уж ты шей-ко ковёр да не ленися,
 Поскорёшеньку ты-ко торопися —
 Я наеду ковёр-от торговати,
 Я куплю тот ковёр да не сторгую,
 Двою-трою за ковёр да поцелую.

31

Со - би - ра - ли - ся, да де - во - ньки, эх,
 во ё - дну и - збу да и - гра - ти,

Эх, во ё - дну и - збу да и - гра - ти, ой,

при - хо - ди - ли да ко(й)... ко де - во - нькам,

Ой, при - хо - ди - ли да ко(й)... ко де - во - нькам, ой,

три бу - рла - ка, да мо(й)... мо - ло - ды - е...

Собиралися да девóньки, эх,
Во ё́дну́ избу да играти.

Эх, во ё́дну́ избу да играти, ой,
Приходили да ко(й)... ко девóнькам,*

Ой, приходили да ко(й)... ко девóнькам,
Ой, три бурла́ка да мо(й)... молодые,
Ой, молодые да хо(й)... холостые.
Ой, о́не думали да га(й)... да гадали.
Ой, сами же́ребей да ме... да метáли:
Ой, кому́ деньги, да ко(й)... кому́ пла́тьё.
Ой, доставалися де... деньги Сеньке,
Ой, цвётно пла́тьице-то да Лаврюше,
Ой, кра́сна деви́ця-то да Ондрюше.
А Ондрюша-то во(й)... вор-собака,
Ой, впе́ред девок-то за(й)... забегаёт.
Ой, воротичко-то за(й)... запираёт,
Ой, одну́ Устю да не пропу́шáет,
Ой, он схватил Устю во(й)... во бе́ремя,

Ой, он и бросил-то Устю о зёмлю.
 Ох, о землю-то, да о(й)... о сырую,
 Ох, о сырую-то мать, матерую.
 Ой, тут Устиныюшка во(й)... взмолилась.
 Да душа красная-то да скрестилась:
 — Ой, отпусти-ко, сударь, да до ветру.
 Ой, до ветру-то до(й)... до буйного,
 Да с отцём, с матерью про... ой, проститься,
 Да роду-племени по(й)... поклониться.

32

$\text{♩} = 126$

По - ра Ва - ню - шке же - ни - тья,
 ка - ли - на да мо - я ма - ли - на да,
 Всё Ми - ха - йлы - чу же - ни - тья,
 ка - ли - на да мо - я ма - ли - на!
 На до - бра ко - ня са - ди - тья,
 ка - ли - на да мо - я ма - ли - на да,
 По бо - льшой до - ро - жке е - хать,
 ка - ли - на да мо - я ма - ли - на да...

Пора Ванюшке жениться,
Калина да моя малина... (да)...

Все Михайлычу жениться,
Калина да моя малина!*

На добра коня садиться,
По большой дорожке ехать,
По большою, вестовою,
Да к Татьяне под окошко.
Чево Танюшка делат?
Она головушку чёшот,
Она к венцу да снаряжётся,
По три дни баню топила,
Все белила избелила.
Вот те, Ванюшка, невеста,
Ты не иде в друго место,
Наша Танюшка красива,
На роботушку ленива.
Прикажи, мати, видаться,
Прикажи поцеловаться.

33

$\text{♩} = 132$

Я спо жё - рдо - чке шла да, я спо то - не - нькой, я спо
то - не - нькой да, спо со - сно - ве - нькой.

Ой, я спо то - не - нькой да, спо со - сно - ве - нькой, то - нка
Ой, да я спо

жѣ - рдо - чка гнѣ - тся, не ло - ми - тся,

Ой, то - нка жѣ - рдо - чка гнѣ - тся, не ло - ми - тся, со ми -

лым дру - жком жи - вѣ - тся, не сто - скне - тся.

Я с-по жёрдочке шла, да я с-по тоненькой,
Я с-по тоненькой да с-по сосновенькой.

Ой, да я с-по тоненькой да с-по сосновенькой,
Тонка жёрдочка гнѣтся, не ломится.*

Ой, тонка жердочка гнется, не ломится,
Со милым дружкой живется, не стокнется.
Ой, да со милым дружкой живется, не стокнется,
Хоть и не стокнется, да не разгуляется.
Ой, хоть и не стокнется, да не разгуляется.
Пойду-выйду я, млада, за новые ворота,
Ой, пойду-выйду я, млада, да за новые ворота.
За новые, кленовые, за решетчатые.
Ой, да за новые, кленовые да за решетчатые.
Выпускала сокола да из правого рукава.
Ой, (да) выпускала сокола да из правого рукава:
— Ты лети-лети, соколик, высоко и далеко,
Ой, ты лети-лети, соколик, высоко и далеко,
И высоко и далеко, на родиму сторону,
Ой, да ты высоко и далеко, на родиму сторону,
На родиму сторону, да где мой батюшка живет,
Ой, на родиму сторону, да где мой батюшка живет,
Не пускает молоду да поздно вечером одну.

33а

Я с-по жёрдочке шла, да я с-по тоненькой,
Я с-по тоненькой да по сосновенькой,

Ой, всё с-по тоненькой да по сосновенькой,
Тонка жёрдочка гнётся, не ломится,*

Тонка ль жёрдочка гнётся, не ломится.
Да со милым дружкой живётся, не стóскнется,
Со милым дружкой живётся, не стóскнется,
Хоть и стóскнётся, да разгуляется.
Пойду выйду да я, младá, да за новы́е воротá,
За новы́е, кленовы́е да за решетчегые,
За решетчегые да за кошерчегые.
Встрету, встречу мне, младóй, да едет парень молодой,
Едет парень молодой, неженатый, холостой,
Ой, едет-едет молодой да неженатой, холостой,
Неженатой, холостой, кричит: «Дэвица, постой».
Да кричит: «Дэвица, постой, да красавица, подожди,
Красавица, да обожди, да пойдем вместе за водой,
Пойдем вместе за водой да за холодной, ключевой,
За холодной, ключевой, веселя идти с тобой,
Веселя идти с тобой...»
Эх ты парень-паренёк, да не кричи во весь народ,
Не кричи во весь народ — да мой батюшка у ворот,
Мой батюшка у ворот да зовёт меня в огород,
Зовёт меня в огород да чесноку-луку полоть.
Я во пра́ву ру́ку луку, во левую чесноку,
Да я во праву руку луку да во левую чесноку,
Во левую чесноку, да я по садику пойду,
Я по садику пойду, по зелёному пойду.

34

$\text{♩} = 132$

Си - дит о - лень, су - тул, го - рбат,
На - пе - рёд про - клят.
При - у - ку - та - йте о - ле - ня, при - о - де - жте е - го:
Со - де - ву - шки ве - нок, со - мо - ло - ду - шки [пла - ток].

Со ста - ры - ё ста - ру - шки ко - сой во - ро - ток,
Су - да - лья, с мо - ло - дця си - ня ша - по - чка,
Со ма - ло - го ре - бё - но - чка пе - лё - но - чка.

Сидит олень
Сутул-горбат,
Наперёд проклят.

Приукутайте оленя,
Приоденьте его:

Со девушки веноч,
Со молодухи платок,
Со старьё старушки —
Косой вороток,
С удальца, с молодця —
Синя шапочка,
Со малого ребёночка — пелёночка.

34а

Как под кустичком олень-таки, олень (да),
С-под другим-таки другой-таки, другой.
— Тепло ли те, олень,
Студено ли те, олень?
— Когда тепло,
Когда студено,
Когда холодно,
Летом оводно.
— Призакройся, олень,
Призакутайся,
Сойми с девушки платок,
Со молодухи веноч,
Со старье старушки — шамшур с головы,
С мужичка с дурачка — синя шапочка,
С ребёночка — пелёночка.
Выкупай-ко, Серафимушка, платок,
Выкупай-ко ты, Григорьевна, платок.
Не отдам тебе без выкупа,
Безо ста рублей, без тысячи,
Без такого, без сякого,
Сам не знаю, без какого.
Выше выскочи столба,
Поцелуй женишка!

346

Под кустиком олень-таки, олень.
 Под другим-таки другой-таки, другой.
 — Тепло ли те, олень,
 Студено ли те, олень?
 — Когда тепло,
 Когда студено,
 Когда холодно.
 — Призакройся, олень,
 Призакутайся.
 Со девушки платок,
 Со молодушки веноч,
 Со старые старушки платок с головы,
 С мужичка-дурачка синя шапочка,
 С ребёночка пелёночка!

35

♩ = 96

Пал, пал пе - рень, пал, пал зла - той

[в] ка - ли - ну, ма - ли - ну, во че - рну - сму - ро - ди - ну.

О - чу - ти - лся пе - рень, о - чу - ти - лся зла - той

Я ли мо - ло - до - ва,

На пра - вой на ру - чке, на ми - зи - нном па - льце.

Я ви - чу, ви - чу, ви - чу да, за по - по - ви - ча хо - чу да,

Я за ко - ё - ва по - па? За Ро - ма - но - ви - ча...

Пал, пал перстень,
 Пал, пал златой
 [В] калину-малину,
 Во чёрну смуродицу.
 Очутился перстень,
 Очутился златой
 Я ли молодова
 На правой на ручке,
 На мизинном пальце.
 Я вичю, вичю, вичю да
 За поповича хочу, да
 Я за коёва попа?
 За Романовича.
 [У] Романа три коня
 В золотой в узде,
 Во три плёточки,
 Во три шёлковые,
 Полушёлковые.
 Ты вставай-ко, попадья (да),
 Отпирай-ко ворота (да).
 Из ворот в ворота
 Да шли (нрзб.),
 Ой, с улицы замок
 Да осиновой.
 Поезжаёт парень в ночь,
 Увидел девочку
 В шубе, в юбке и в ленточке.
 Как бы эта девочка
 За моёво сыночка,
 За писшичка,
 За помошшика,
 За перевошшика!

35а

Пал, пал перстень,
 Пал, пал златой
 [В] калину-малину,
 Во черну смородину.
 Очутился златой
 Я у дворянина,
 Я у молодого
 На правой на ручке,
 На мизинном перстне.
 Я вичу, вичу,
 За поповича хочу.
 За которого попа?
 За Романовича.
 У Романа у попа
 Было три коня
 В золотых в уздах,
 Во три плёточки,
 Во три шёлковые (да),

Полушёлковые (да).
 Ты вставай-ко, попадья,
 Отпирай-ко ворота.
 Ишо с улицы запор
 Да селименной.
 Стукну я в доску,
 Поеду я в Москву.
 У нас в Москве (да),
 Во Тарасовке
 Много пива, много дива,
 Много баб баских
 Да ребят холостых,
 Женатеньких,
 Некудреватеньких.
 Паны, паны за горами,
 Ходят девушки тропами,
 Молодицы табунами.
 Одной девке тропы нет,
 Моёй желанной нет.
 Как моя-то желанная
 Пирожки печёт на паре,
 Садит в печку на лопате,
 Вынимает на вожжах,
 На верёвочках,
 На пуговочках!

36

♩ = 60

Мы жо, де, про - со се - е - ли, се - е - ли,
 Ой жо, де, ла - до, се - е - ли, се - е - ли.

Мы жо, де, про - со вы - то - пчём, вы - то - пчём,
 Ой жо, де, ла - до, вы - то - пчём, вы - то - пчём.

Чем жо вам про - со вы - то - птать, вы - то - птать?

Ой жо, де, ла - до, вы - то - птать, вы - то - птать?

Мы жо, де, ко - ней вы - пу - стим, вы - пу - стим,

Ой жо, де, ла - до, вы - пу - стим, вы - пу - стим...

— Мы жо де просо сеели, сеели,
Ой жо де, ладо, сеели, сеели.

— Мы жо де просо вытопчём, вытопчём,
Ой жо де, ладо, вытопчём, вытопчём.*

— Чем жо вам просо вытоптать, вытоптать?
— Мы жо де ко́ней выпустим, выпустим.
— Мы жо де коней пёреймем, переймем.
— Чем жо вам ко́ней перенеть, перенеть?
— Мы жо де шёлковым по́водом, по́водом.
— Мы жо де ко́ней выкупим, выкупим.
— Чем жо вам коней выкупить, выкупить?
— Мы жо де дадим сто рублей, сто рублей.
— Нам жо не надо сто рублей, сто рублей.
— Мы жо де дадим тысячу, тысячу.
— Нам жо не надо тысячи, тысячи.
— Што жо вам надобно, надобно?
— Нам жо де надо девицу, девицу!
— Коя жо, коя жо вам надобна, надобна?
— Нам жо де надобна крайняя, крайняя.
— С края-то, с края в золоте, в золоте.

36а

Ой, мы пшёну сиели,
Ой, диди-ладо, пшёну сиели, сиели.

Ой, мы пшёну вытопчем,
Ой, диди-ладо, пшёну вытопчем, вытопчем.*

— Чем-но вы вытопчите?
— Ох, мы-то коней напустим да.
— А мы-то коней поймаём да.
— Чевой-но вы поймайте?
— Эх, мы ж-то поймам в поводу.
— Какой-но вы повода да?
— А мы ж-то да в узды да шёлковы.

— А мы-то коней выпустим да.
 — Эх, мы ж-то дадим сто рублей.
 — Не надо нам сто рублей да.
 — Не надо нам тысячу.
 — Чево ж да вам надобно?
 — Ох, нам бы надо девицу.
 — Каку ишшо вам надобно?
 — А нам надо крайнюю.
 — У нас-то крайняя в золоте.
 — Давайте нам в золоте!

— Наша-то играла да выиграла,
 Ваша-то играла да проиграла да.
 Болози урода со двора сволокли, эх!
 У нас была не пряха,
 У нас была не ткаха,
 Не по воду хожайка,
 Не шти варея,
 Не пироги печея да.
 — Мы будём учить, переучивати, ой,
 Станем в зыбочке качать, перекачивати, эх.
 У нас будёт пряха,
 У нас будёт ткаха,
 По воду хожайка
 И шти варея,
 И пирожки-те печея.
 И на стол-от принесёт
 Да поклонится,
 Не отворотится!

366

$\text{♩} = 52$

(а) Мы - то п(ы) - шо - ну си - е - ли да,

Ой, ди - ди - ла - до пшо - ну си - е - ли, си - е - ли,

(a) Мы пшо - ну вы - то - пчём да,

Ой, ди - ди - ла - до пшо - ну вы - то - пчём, вы - то - пчём,

Чем жо вы вы - то - пчи - те да,

Ой, ди - ди - ла - до пшо - ну вы - то - пчите, вы - то - пчите?

Мы ко - ней за - пу - стим да,

Ой, ди - ди - ла - до ко - ней за - пу - стим, за - пу - стим...

— (а) Мы-то п(ы)шону сиели (да),
Ой, диди-ладо, пшону сиели, сиели...

— (а) Мы пшону вытопчём!.. (да)
Ой, диди-ладо, пшону вытопчём, вытопчём!..*

- Чем жо вы вытопчите (да)?
- Мы коней запустим (да)!
- Всих коней поймаём (да)!
- Чево(й)-ну вы поймаете (да)?
- (а) Мы поймам поводом (да)!
- Каким-ну вы поводом (да) ?
- Мы поймам шёлковым (да)!
- Мы коней выкупим (да)!
- Чем жо вы выкупите (да)?
- Мы дадим сто рублей (да).
- Не надо нам сто рублей (да).
- Мы дадим тысячю (да)!
- Не надо нам тысячю (да)!
- Чевой-ну жо вам надобно (да)?
- Нам надо девицу (да)!
- Кака(й)-ну вам надобна (да)?
- Нам надо крайная (да)!
- Давайте нам в ворота (да)!

36в

$\text{♩} = 108$

(да) Мы - то ве - чёр пла - ка - ли да,
... (а) - ка - ли - (и) да,

ой ди - ди ла - до, ве - чёр пла - ка - ли, пла - ка - ли.
ой ди - ди ла - до, ве - чёр пла - ка - ли, пла - ка - ли.

Ох,
Мы - то ве - чёр пля - са - ли да,
...то ве - чёр пля - са - ли да,

ой ди - ди ла - до, ве - чёр пля - са - ли, пля - са - ли.
ой ди - ди ла - до, ве - чёр пля - са - ли, пля - са - ли.

Ох,
Мы - то пшо - ну се - е - ли да,
...ну се - е - ли да,

ой ди - ди ла - до, пшо - ну се - е - ли, се - е - ли.
ой ди - ди ла - до, пшо - ну се - е - ли, се - е - ли.

Ох,

Мы - то пшо - ну вы - то - пчём да,
 ...ну вы - то - пчём да,
 ой ди - ди ла - до, пшо - ну вы - то - пчём, вы - то - пчём.
 ой ди - ди ла - до, пшо - ну вы - то - пчём, вы - то - пчём.

— (да) Мы-то вечёр плакали (да),
 Ой, диди-ладо, вечёр плакали, плакали.
 — (ох), Мы-то вечёр плясали,
 Ой, диди-ладо, вечёр плясали, плясали.*

— (ох) Мы-то пшону сеели (да),
 — (ох) Мы-то пшону вытопчём (да)!
 — (ох) Чем жо вы вытопчите (да)?
 — (ох) Мы коней напустим (да)!
 — (да) Всих коней поймаём (да).
 — Чево(й)-ну вы поймайте (да)?
 — (да) Мы-то уздым шелковым (да).
 — (да) Мы-то коней выкупим (да).
 — (да) Чем жо вы выкупите (да)?
 — (да) Мы-то дадим сто рублей (да).
 — Не надо нам сто рублей (да).
 — (да) Мы-то дадим тысячу (да).
 — Не надо нам тысячу (да).
 — Чево(й)-ну жо вам надобно (да)?
 — (ой) Нам надо девицю (да).
 — Кака(й)-ну вам надобна (да)?
 — (да) Нам надо крайная (да).
 — У нас крайна в серебре (да).
 — У нас крайна в золоте (да).
 — Давайте нам в ворота (да)!

36г

$\text{♩} = 116$

Мы пшо - ну си - е - ли,

ой, ди - ди ла - до, си - е - ли.

А мы пшо - ну вы - то - пчём,

ай, ди - ди ла - до, вы - то - пчём.

Чем жо вы вы - то - пчи - те,

ай, ди - ди ла - до, вы - то - пчи - те?

— Мы пшону сиели,
Ай, диди-ладо, сиели.

— А мы пшону вытопчём,
Ай, диди-ладо, вытопчём.*

- Чем жо вы вытопчите?
- Мы коней напустим.
- Мы коней поймаем.
- Чем жо вы поймаете?
- Шёлковым поводом.
- Мы коней выкупим.
- Чем жо вы выкупите?
- Мы дадим сто рублей.
- Не надо нам сто рублей.
- Мы дадим тысячю.
- Не надо нам тысячю.
- Чево жо вам надо-то?
- Нам надо девушка.
- Кака жо вам надо-то?
- Нам надо крайная.

36д

$\text{♩} = 120$

Ох, мы пшо - ну си - е - ли,

ой, ди - во ла - до, си - е - ли, си - е - ли.

Ой, мы пшо - ну вы - то - пчём,

ой, ди - во ла - до, вы - то - пчём, вы - то - пчём.

— Ох, мы пшону сиели,
Ой, диво-ладо, сиели, сиели.

— Ой, мы пшону вытопчём,
Ой, диво-ладо, вытопчём, вытопчём!*

— Ой, чем жо вы вытопчите?
— Ой, мы коней запустим.
— Ой, мы коней поймаём.
— Ой, чем жо вы поймаите?
— Ой, поводом шёлковым.
— А мы коней выкупим.
— Ой, чем жо вы выкупите?
— А мы дадим сто рублей.
— Не надо нам сто рублей.
— А мы дадим тысячу.
— Не надо нам тысячу.
— А чего жо вам надомно?
— Ой, нам надо девицю.
— А коя нам надомна?
— Ой, нам надо крайная.
— А крайна-то в золоте.
— Ой, нам надо в жемчюжке.
Ой, давайте нам в ворота,
Ой, давайте нам в широки!

Наша-то играла да выиграла,
Ваша-то играла да проиграла.
А во лузех взяли да увезли.
— Не пряха, не ткаха,
Не по воду ходяка,
Не пшей вареняха.
Ей по кринокам ходить
Да сметану лизать,
По лесу ходить
Да лыко драть,

Хомуты плести
 Да на базар везти,
 По три денежке хомут,
 По копейке шлея,
 Да и та не своя,
 Да ворованая.
 — Мы станём учить
 Да переучивати.
 Посадим ее в лукошечко
 Да вознесём под окошечко
 Капустку садить,
 Да в огород садить,
 Да в огород смотреть.
 — У вас чёрт — не капуста,
 Чёрт — не вилок,
 Лист поблёт,
 Да другой подсох,
 Самое сердеч(и)ко вылезло.

37

♩ = 69-72

(ай) Бо - ло - зи у - ро - да со дво - ра сво - ло - кли,
 У нас бы - ла не пре - ха, у нас бы - ла не тка - ха,
 У нас - то бу - дет пре - ха, у нас - то бу - дет тка - ха,
 да
 По во - ду не хо - жа - йка, шши не ва - ре - я,
 По во - ду хо - жа - йка, шши ли ва - ре - я,
 Ни пи - ро - ги не пе - че - я, сва - рит о - на про - льёт,
 Да пи - ро - ги - ти пе - че - я, сва - рит - то не про - льёт,

Спе - чёт о - на со - жжёт, на стол-от при - не - сёт,
 Спе - чёт - то не со - жжёт, на стол-от при - не - сёт,

Не по - кло - ни - тся, о - тво - ро - ти - тся,
 Да по - кло - ни - тся, не о - тво - ро - ти - тся.

Мы бу - дём де - ву - шку у - чить, пе - ре - у - чи - ва - ти,

Мы бу - дём в зы - боч(н)ке ка - чать, пе - ре - ка - чи - ва - ти...
 ...а - чи - ва - ти...

Болози урода со двора сволокли.
 — У нас была не преха,
 У нас была не ткаха (да),
 По воду не хожайка,
 Шши не варяя,
 Ни пироги не печея!
 Сварит она — прольёт,
 Спечёт она — сожжёт,
 На стол-от принесёт, не поклонится,
 Отворотится!

— (да) Будём девушку учить,
 Переучивати,
 (да) Будем в зыбочке качать,
 Перекачивати!
 (ой) У нас-то будёт преха,
 У нас-то будет ткаха,
 По воду хожайка,
 Шши ли варяя (да),

Пирог-то печёя,
 Сварит-то — не прольёт,
 Спечёт-жо — не сожжёт,
 На стол-от принесёт,
 Да поклонится,
 Не отворотится!

37а

$\text{♩} = 120$

На - ша - то и - гра - ла да вы - и - гра - ла,

Удары в ладоши:

Ва - ша - то и - гра - ла да про - и - гра - ла.

Ра - ды у - ро - да со дво - ра про - во - дить, ни

тка - ха, ни пря - ха, ни шё - лко - ви - ця, ни по - лу -

шёл - ко - ви - ця. То - лько

по ле - су хо - дить да лы - ко драть, хо - му -

ты пле - сти да на ба - зар ве - зти да, по ко -

пе - е - чке шле - я, да и та не сво - я, во -

...пе - йке

ро - ва - на - я.

— Наша-то играла да выиграла,
Ваша-то играла да проиграла.

— Рады урода со двора проводить,
Ни ткаха, ни пряха, ни шёлковица, ни полушёлковица.*

Только по лесу ходить, (да) всё лыко драть,
Хомуты плести, (да) на базар везти, (да)
По копейке шлея, (да) и та не своя, ворованая.
— Станем мы её учить да переучивати (да),
Станем в зыбочке качать да перекачивати.

Посадили её в лукошечко (да)
 Под окошечко.
 — Ох, чёрт — не капуста, (да) чёрт — не вилок,
 Само-то сердечко повывалилось.

38

$\text{♩} = 112$

I
 II По - се - е - ли де - вки лён, по - се - е - ли де - вки лён,
 III
 IV ...вки лён, по - се - е - ли де - вки лён,
 V
 VI

де - вки лён, де - вки лён,
 де - вки лён, де - вки лён,

то ли, сё ли, ну ли, што ли, го - во - ри, што де - вки лён.
 то ли, сё ли, ну ли, што ли, го - во - ри, што де - вки лён.

По - се - е - ли, по - ло-ли, по - се - е - ли, по - ло-ли,
 ...е - ли, по - ло-ли, по - се - е - ли, по - ло-ли,

вот по - ло - ли, по - ло - ли, по - ло - ли, по - ло - ли, да
 вот по - ло (ли) - ли, по - ло - ли, по - ло - ли, по - ло - ли, да

то ли, сё ли, ну ли, што ли, го - во - ри, што по - ло - ли.
 то ли, сё ли, ну ли, што ли, го - во - ри, што по - ло - ли.

Бе - лы (ой) ру - чки ко - ло-ли, бе - лы ру - чки ко - лоли,
 ...ру - чки ко - ло-ли, бе - лы (э) ру - чки ко - ло-ли,

вот ко - ло - ли, ко - ло - ли, ко - ло - ли, ко - ло - ли, да
 вот ко - ло - ли, ко - ло - ли, ко - ло - ли, ко - ло - ли, да

то ли, сё ли, ну ли, што ли, го - во - ри, што ко - ло - ли.
 то ли, сё ли, ну ли, што ли, го - во - ри, што ко - ло - ли.

По - ва - (а)-ди - лся к де - вкам в лён, по - ва - ди - лся к де - вкам в лён,
 ...(а)-ди - лся к де - вкам в лён, по - ва - ди - лся к де - вкам в лён,

к де - вкам в лён, к де - вкам в лён,
 к де - вкам в лён, к де - вкам в лён,

то ли, сё ли, ну ли, што ли, го - во - рят, што к де - вкам в лён...

то ли, сё ли, ну ли, што ли, го - во - рят, што к де - вкам в лён...

Посеели девки лён, посеели девки лён,
 Девки лён, девки лён,
 То ли, сё ли, ну ли, што ли,
 Говори, што девки лён.

Посеели — пололи, посеели — пололи,
 Вот пололи, пололи, пололи, пололи,
 То ли, сё ли, ну ли, што ли,
 Говори, што пололи.*

Белы ручки кололи, бел-ручки кололи,
 Вот кололи, кололи, кололи, кололи (да).
 Повадился к девкам в лён, повадился к девкам в лён,
 К девкам в лён, к девкам в лён
 Молоденькой паренёк, молоденькой паренёк,
 Паренёк, паренёк,
 Михайлушко щеголёк, Михайлушко щеголёк,
 Щеголёк, щеголёк.
 Со льну цветы сорывал, со льну цветы сорывал,
 Сорывал, сорывал,
 Веноч(и)ки соплетал, веноч(и)ки соплетал,
 Соплетал, соплетал,
 В Дунай-речку побросал, в Дунай-речку побросал,
 Побросал, побросал.
 Дунай-речка не примат, Дунай-речка не примат,
 Не примат, не примат,
 Ко бережку прибиват, ко бережку прибиват,
 Прибиват, прибиват
 Ко бережку, ко ярку, ко бережку, ко ярку,
 Ко ярку, ко ярку,
 Ко желтому ко песку, ко желтому ко песку,
 Ко песку, ко песку,
 К ракиову кустичку, к ракиову кустичку,
 Кустичку, кустичку.
 Ракиовый куст повял, ракиовый куст повял,
 Куст повял, куст повял.

38а

Посеяли девки лён,
 Посеяли девки лён,
 Девки лён, девки лён,
 То ли, сё ли, ну ли, что ли,
 Говори, что девки лён.

Посеяли — пóлоли,
 Посеяли — пóлоли,
 Пололи́, пололи́,
 То ли, сё ли, ну ли, что ли,
 Говори, что пололи́.*

Белы́ ручки кóлоли.
 Да наповадился во ленок
 Иванушка-шеголёк.
 Со льна цвета сорвал,
 Во Дунай-речку цвет бросал,
 А Дунай-речка цвету не примат,
 Да всё ко бережку прибиват,
 Да всё ко бережку, бережку,
 К ракиотову кустику,
 А ракитовой цвет... куст повял,
 Малиновый цвет опал,
 А ракитовой куст повял,
 Малиновый цвет опал.
 Да на улице лебеда,
 Жена мужа продала,
 А недорого редила.
 Везти бы мне мужа на базар,
 Мне бы дали бы сто рублей,
 Да на эти бы сто рублей,
 Да наняла бы я казачка,
 Да казак бы мне пашенку спыхал,
 Казак бы мне пашенку спыхал...

38б

По - ва - ди - лся к де - вкам в лён, по - ва - ди - лся к де - вкам в лён,
 к де - вкам в лён, к де - вкам в лён,
 то ли, сё ли, ну ли, што ли, го - во - ри, што к де - вкам в лён.

Мо - ло - де - нький па - ре - нёк, мо - ло - де - нький па - ре - нёк,
 па - ре - нёк, па - ре - нёк да, мо - ло - де - нький па - ре - нёк,
 то ли, сё ли, ну ли, што ли, го - во - ри, што па - ре - нёк.
 Со льну цве - тик со - ры - вал, со льну цве - тик со - ры - вал,
 ох, со льну ли, ох, со льну ли, ох, со льну ли со - ры - вал,
 то ли, сё ли, ну ли, што ли, го - во - ри, што со - ры - вал.

[Посеели девки лён,
 Посеели девки лён,
 Девки лён, девки лён,
 То ли, сё ли, ну ли, што ли,
 Говори, што девки лён.]

Повадился к девкам в лён,
 Повадился к девкам в лён,
 К девкам в лён, к девкам в лён,
 То ли, сё ли, ну ли, што ли,
 Говори, што к девкам в лён.

Молоденький паренёк,
 Молоденький паренёк,
 Паренёк, паренёк,
 Молоденький паренёк,
 То ли, сё ли, ну ли, што ли,
 Говори, што паренёк.

Со льну цветик сорывал,
 Со льну цветик сорывал,
 Ох, со льну ли, ох, со льну ли,
 Ох, со льну ли сорывал,
 То ли, сё ли, ну ли, што ли,
 Говори, што сорывал.*

В пучочки завязал,
 Он завязал, завязал.
 В Дунай-речку побросал,
 Он побросал, побросал,
 Дунай-речка, не прима́й,
 Ох, не прима́й, не прима́й,
 Ко бережку прижима́й,
 Ох, прижима́й, прижима́й,
 Ко бережку, ко песку,
 Ох, ко бе́режку, ко бе́режку,
 Ко пе́ску, ко песку́,
 То ли, се́ ли, ну ли, што ли,
 Говори, што ко песку́.

38в

Посеяли девки лён,
 Посеяли девки лён,
 Девки лён, девки лён,
 То ли, се́ ли, ну ли, что ли,
 Говори, что девки лён.

Посеяли — по́лоли,
 Посеяли — по́лоли,
 Пололи́, пололи́,
 То ли, се́ ли, ну ли, что ли,
 Говори, что пололи́.*

Повадилса во ленок,
 Во ленок, во ленок,
 Повадилса паренёк,
 Паренёк, паренёк,
 Со новенькой...
 Молоденькой, бел-кудряв,
 Бел-кудряв, бел-кудряв,
 Со льну цветы сорывал,
 Сорывал, сорывал,
 Пучечики совивал,
 Совивал, совивал,
 В Дунай-речку побросал,
 Побросал, побросал.
 Дунай-речка, не прима́й,
 Не прима́й, не прима́й,
 Ко бережку прибивай,
 Прибивай, прибивай,
 Ко бережку, ко ярку,
 Ко ярку, ко ярку,
 Ко серому ка́мешку,
 Камешку́, камешку́.
 В серо́м камне о́гня⁵ нет,
 О́гня нет, о́гня нет.

⁵ Одна из исполнительниц спела «правды».

В своей жёнке правды нет,
 Правды нет, правды нет.
 В чужой жёнке правда есть,
 Правда есть, правда есть.
 Своей жёнке — плёточка,
 Плёточка, плёточка.
 Чужой жёнке — юбочка,
 Юбочка, юбочка.

Своей жёнке — лаптюшки,
 Лаптюшки, лаптюшки,
 Чужой жёнке — башмачки,
 Башмачки, башмачки.

39

$\text{♩} = 80$

(да) В ка - ра - во - де, в ка - ра - во - де, в ка - ра - во - де бы - ли мы,
 в ка - ра - во - де бы - ли мы,

ох, ля - лю, бы - ли мы да,
 ох, ля - лю, бы - ли мы да,

Што мы там, што мы там, да там ко - го жо ви - де - ли,
 та - мо та - мо

ох, ля - лю, ви - де - ли...
 ох, ля - лю, ви - де - ли...
 ох, ля - лю, ви - де - ли...

В караводе, в караводе, в караводе были мы,
Ох, лялю, были мы... да...

Што мы там, да што мы там, да там кого жо видели,
Ох, лялю, видели...*

Увидали, увидали, увидали парочку,
С кавалером, с кавалером, с кавалером дамочку.
Стань, парочка, парочка, парочка, подбодришь, да
Под елушку, елушку, елушку становись,
Стань, пониже, стань, пониже, стань, пониже поклонись,
Девку любишь, девку любишь, девку любишь — поцелуй,
А не любишь, а не любишь, а не любишь — не целуй.

39а

$\text{♩} = 152$

В ка - ра - во - де, в ка - ра - во - де, в ка - ра - во - де бы - ли мы да,

че - во та - м(ы), че - во там, че - во там у - ви - де - ли,

о - х(ы), ля - лё, ви - де - ли да,

Мы ви - да - ли, ви - да - ли, ви - да - ли па - ро - чку,

ох, ля - лю, па - ро - чку да,

С ка - ва - ле - ром, с ка - ва - ле - ром, с ка - ва - ле - ром да - мо - чку,

ой, ля - лю, да - мо - чку да,

Встань, па - ро - чка, па - ро - чка, па - ро - чка, по - та - нцуй,

ой, ля - лю, по - та - нцуй да...

В караводе, в караводе, в караводе были мы.
 Чево там, чево там, чево там увидели?
 Ох, лялё, видели да.

Мы видали, видали, видали парочку,
 Ох, лялю, парочку да.

С кавалером, с кавалером, с кавалером дамочку.
 Ох, лялю, дамочку да.*

Встань, парóчка, парóчка, парóчка, потанцуй,
 Хоть немножко, немножко, немножко потанцуй.

Девку любишь, девку любишь, девку любишь — поцелуй,
А не любишь, не любишь, не любишь — не целуй!

396

В караводе, в караводе, в караводе были мы,
Ай, ляли, были мы,

Чего надо, чего надо, чего надо, видели,
Ай, ляли, видели.*

Там парóчка, парóчка, парóчка гуляла.
Встань, парочка, парочка, парочка, прибодрись,
Перед милым, перед милым, перед милым розвернись,
Хоть немножко, немножко, немножко потонцуй,
Кого любишь, кого любишь, кого любишь — поцелуй!

40

♩ = 72-96

(да) При - ле - тел о - рёл, да при - ле - тел си - зой да,

Сел он на во - ро - та, сел он на ши - ро - ки,

♩ = 84

Сам он стре - пе - хну - лся, сам он во - ро - хну - лся,

Бе - лым ле - бе - до - чком, я - сным со - ко - ло - чком...

Заключительный мелодико-ритмический период:

♩ = 96

...Он Гри - го - рье - вну на - шёл, сам ве - се - ли - нкой по - шёл.

(да) Прилетел орёл (да),
 Прилетел сизой (да),
 Сел он на ворота,
 Сел он на широки...

Сам он стрепехнулся,
 Сам он ворохнулся
 Белым лебедочком,
 Ясным соколочком.

— Ты ведь, Ольгуша,
 Сама Григорьевна (да),
 Сколь тебе тошно,
 Пособить не можно.

Сходим на рыночик,
 Купим товарочик,
 Сшивной, шалевой чулочик,
 Шиты-браны передки,
 Подкованы каблучки,
 На все стороны сучки (ой),
 Сучки востренькие,
 Долгохвостенькие.

С-по за садику прошёл (да),
 Я дорожки не нашёл,
 Петрованушко пошёл,
 Путь-дороженьку нашёл.

Во беседушку зашёл (да),
 Он ведь Ольгушку нашёл (да),
 Он Григорьевну нашёл,
 Сам веселинкой пошёл.

40а

$\text{♩} = 138-160$

... (о)л да, на - ле - тел си - зой да, да,
 При - ле - тел о - рёл да, на - ле - тел си - зой да, да,
 ох да,

Сел о - н на во - ро - та, сел о - н на ши - ро... (о) - ки,
 Сел он на во - ро - та, сел он на ши - ро - ки,

Сам о - н встре - пе - тну - лся, сам о - н сбо - ро - хну - лся,
 Сам он встре - пе - тну - лся, сам он сбо - ро - хну - лся,

Бе - лым ле - бе - до - чком, я - сным со - ко - ло - чко - м.
 Бе - лым ле - бе - до - чком, я - сным со - ко - ло - чком.

Ты ведь Са - ню - шка, са - ма Ва - си - лёв - на да,
 Ты ...ню - шка Ва - си - ли - ёв - на, ой да,
 (а) са - ма Ва - си - лёв - на

Сколь те - бе то - шно, по - со - бить не ... (о) - жно.
 Сколь те - бе то - шно, по - со - бить не мо - жно.

Схо - ди - м на ры - но - чик, ку - пим то - ва - ро - чик, ши - тый
 Схо - ди - м на ры - но... (о) - чик, ку - пим то - ва - ро - чик(ы), ши - той

ша - ле - вой чу - ло - чик(ы), ши - ты - б(ы) - ра - ны пе - ре - дки...
 ша - ле - вой чу - ло - чик(ы), ши - ты - бра - ны пе - ре - бра - ны...

Окончание песни:*

Музыкальный фрагмент, состоящий из двух систем. Каждая система имеет две нотные дорожки: верхнюю (II, IV) и нижнюю (V, III). В первой системе текст: Са - ра - фи - мью - шку на - шёл, сам ве -. Во второй системе текст: Са - ра - фи - мью на - шёл.

Музыкальный фрагмент, состоящий из двух нотных дорожек. Текст: сё - ле - нькой по - шёл.

Прилетел орёл (да),
Налетел сизой (да).
Сел он на ворота,
Сел он на широки.

Сам он встрепетнулся,
Сам он сборохнулся
Белым лебедочком,
Ясным соколочком.

— Ты ведь, Дарьюшка (да),
Сама ты Федоровна (да),
Сколь тебе тошно,
Пособить не можно.

Сходим на рыночик,
Купим товарочик:
Шитой шалевой чулочик,
Шиты-браны передки (да),
Подкованы каблучки (да),
На все стороны сучки,
Сучки востренькие,
Долгохвостенькие.

С-по за садичку я шла,
Путь-дорожки не нашла,
А Михайлушко пошёл,
Он ведь девушку нашёл,
Сам весёленькой пошёл.

* По техническим причинам окончание песни в исполнении В. С. Коршуновой (в партитуре — первый канал) не записано.

41

♩ = 104

Хо - жу я, гу - ля - ю, вдоль по ка - ра - во - ду,

ро - зо - чка а - ла - я.

И - шшу - вы - би - ра - ю до - ро - го - го те - стя,

ро - зо - чка а - ла - я.

Я сы - скал, я на - шёл до - ро - го - го те - стя,

ро - зо - чка а - ла - я...

Хожу я, гуляю вдоль по караводу,
Розочка алая.

Ишшу-выбираю дорогого тэстя,
Розочка алая.*

Я сыскал, я нашёл дорогого тэстя.
Хожу я, гуляю вдоль по караводу,
Ишшу-выбираю дорогого тэстя.
Я сыскал, я нашёл дорогую тешшу.
Посмотрите, люди, посмотрите, добры,
Как я гуляю с милою семьею,
С милою семьею, радость дорогою.
Наварю я пиво, дам я тестю в рыло,
Наварю я пирогов — береги, тешша, зубов.

41а

[Хо]жу я, гуляю вдоль по караводу,
Розочка алая.

Ишшу-выбираю богатово тэстя,
Розочка алая.*

Я сыскал, я нашёл богатово тэстя.
Ишшу-выбираю богатую тэщу.
Я сыскал, я нашёл богатую тэщу.
Ишшу-выбираю дорогово братца.
Я сыскал, я нашёл дорогово братца.
Ишшу-выбираю милую сестрицу.
Я сыскал, я нашёл милую сестрицу.
Ишшу-выбираю милую невесту.
Я сыскал, я нашёл милую невесту.
Посмотрите, люди, посмотрите, добры,
Как я гуляю с милою семьею.

Наварю я пива — прямо тестю в рыло.
Напеку я пирогов — береги, тэща, зубов.
Милый братец, не сердись, поскорее удались.
Милая сестрица — в доме не жилица.
Посмотрите, люди, посмотрите, добры,
Как я гуляю с милою невестой.
Алая, алая, радость дорогая,
Я свою милую пять раз поцелую.

41б

Хожу я, гуляю вдоль с-по хороводу,
Розочка алая.

Хожу, выбираю дорогу невесту,
Розочка алая.*

Ишо выбираю дорогого тестя.
 Я нашёл, я сыскал дорогого тестя.
 Ишо выбираю дорогую тѣшшу.
 Я нашёл, я сыскал дорогую тѣшшу.
 Ишо выбираю дорогого брата.
 Я нашёл, я сыскал дорогого брата.
 Ишо выбираю шурина весёлого.
 Я нашёл, я сыскал дорогого шурина.
 Ишо выбираю дорогу сестрицу.
 Я нашёл, я сыскал дорогу сестрицу.
 Ишо выбираю дорогого свата.
 Я нашёл, я сыскал дорогого свата.
 Ишо выбираю дорогую сватью.
 Я нашёл, я сыскал дорогую сватью.
 Наварю я пива — прямо тестю в рыло.
 Напеку я пирогов — береги, тѣшша, зубов.
 Милой братец, не сердись, поскорая удались.
 Запрягаю я коня, (да) милой шурин — со двора.
 Милая сестрица — ты нам не жилица.
 Дорогому свату накладу под шляпу.
 Дорогой-то сватье изорву всё платье.
 Посмотрите, люди, посмотрите, добры,
 Как я гуляю с милою-милóю.
 Милая-милáя, радость дорогая,
 Сядем-ко в карету, которой у нас нету.

42

$\text{♩} = 108$

Ца - рѣв сын, ца - ре - вич да, сам сын ко - ро - ле - вич да,
 По - за кру - гу хо - дит да, по-за Ки.ё.му гу - ля - ёт да,
 Се.бе де.вок вы - би - ра - ёт да, се.бе красных за - ме - ча - ёт да...

Царѣв сын, царевич (да),
 Сам сын королевич (да),
 По-за кругу ходит (да),
 По-за Киёму гуляёт (да),
 Себе девок выбираёт (да),
 Себе красных замечает (да).
 Ты зайди-ко, царь, у город (да),
 Ты зайди-ко, царь, у новой (да),
 Стань, стань, прибудрися (да),

Ты пониже поклонися (да),
Ты бери рука за праву (да),
Ты целуй уста сахару!

43

$\text{♩} = 108$

Не ясен-то со - кол зы - чёт да, на и - гри.шко де - вок кли - чёт да,
 Подьте, де.вки, на и - гри - шо да, мо - ло - ди.ци, на со - бра - нье да,
 У нас де - ти - то пла - кли - вы да, у нас му - же - вья ре - вни - вы да,
 Уж я ди - тя - тка у - ла - жу да, уж я му - жа у - ло - ма - ю да,
 Са - ма на и - гри - шо по - йду! То - то зай, то - то зай, то - то се.рый го.рно - стай, всё под
 ла - вочкам скал, да у - шка при.жи - мал, ох, не - ку.да за - и.ньку вы - ско.чи - ти, ох,
 не - ку.да се - ро.му вы - пры.гну - ти, ох, зай во - кно, о.кно за - пе - рто, ох...

Не ясен-то сокол зычёт (да),
На игришо девок кличёт (да):
— Подьте, девки, на игришо (да),
Молодици, на собранье (да).
[На собраньи девок клюнул (да).]
— У нас дети-то плакливы (да),
У нас мужевья ревнивы (да).
Уж я дитятка улажу (да),
Уж я мужа уломаю (да),
Сама на игришо пойду!
То-то зай, то-то зай,
То-то серый горно-стай,
Всё под лавочкам скакал
Да ушка прижимал.

Ох, некуда зайнку выскочити,
 Ох, некуда серому выпрыгнуть.
 Ох, зай в окно —
 Окно заперто.
 Ох, зай дверьми —
 Двери заперли.
 Пора ушкá прижимать
 Да уста целовать!

44

$\text{♩} = 152$

Ты На - ста - сью - шка, са - ма О - ле - кса - ндро - вна да,
 Сколь та - бе то - шно, по - со - бить не мо - жно.
 Схо - ди - м на ры - но - чек, ку - пи - м то - ва - ро - чик, ши - той
 ша - ле - вой чу - ло - чик, ши - той, бра - ной, пе - ре - тка - ной, по - дко -
 ва - ны ка - блу - чки, на в_се сто - ро - ны су - чки, су - чки
 во - стре - ныки - е да ду - бо - хво - сте - ныки - е да, по - за
 са - ди - чку про - шёл да, путь - до - ро - жки не на - шёл да, он На -
 ста - сью - шка на - шёл да, сам ве - сё - ле - нкий по - шёл!

Ты Настасьюшка, сама Олександровна,
 Сколь тебе тошно, пособить не можно.
 Сходим на рыночек, купим товарочик —
 Шитой шалевой чулочик,

Шитой-браной, перетканной,
 Подкованы каблучки,
 На все стороны сучки.
 Сучки востренькие (да),
 Дубохвостенькие (да).
 По-за садичку прошёл (да),
 Путь-дорожки не нашёл (да),
 Он Настасьюшку нашёл (да),
 Сам весёленький пошёл!

45

$\text{♩} = 120$

(ох) Ве - рба, ве - рба, ве - рбо - чка да, зо - ло - та - я ве - то - чка,
 Сто - ит ве - рба за ре - кой, за по - го - дой ку - те - рьгой,
 Ти - ма, Ти - ма, Ти - му - шка да, при - ка - жи - ко жо - ни - шка,
 жо - ни - шка И - ва - ну - шка...

(ох), Верба, верба, вербочка (да),
 Золотая веточка...

Стоит верба за рекой,
 За погодой-кутерьгой...
 Тима, Тима, Тимушка (да),
 Прикажи-ко жонишка (да),
 Жонишка Иванушка.

Иван-от ходит во кругу (да),
 Казакин-то до полу,
 Бубровка-шапка на боку.

Девка спросит: «Кто такой?»
 Сужона скажот: «Сударь мой,
 Сударь мой возлюбленной,
 Иван-от приглубленной!»

Ох, ему криничка с маслом,
 Лукошко с толокном (да),
 Поперёк шестка!

У нас-от Марьюшка баска,
 Ой, баска, умнинькая,
 Баска, розуменькая (да).

— Пирогов я не хоцю (да),
 Тёшке лён смолоцю!

Ох, тёшша ласковая (да),
 Блины масляные,
 Ложки точеные (да),
 Позолоченные.

45а

$\text{♩} = 160-168$

Ве - рба, ве - рба, ве - рбу - шка, с ви - ног(ы)-ра - ду ве - то - чка,
 ...шка, с ви - но - гра - ду ве - то - чка,

сто - и.т(ы) ве - рба за ре - кой, за хо - лу - де - ной та - кой,
 сто - и.т(ы) ве - рба за ре - кой, за по - го - дой ку - те - ргой,
 ну

да

Ох ты, Си-ма, Си-му-шка, при-ка-жи-ко жо-ни-шка,
о-х(ы) ли,
Уж ты, Си-ма, Си-му-шка, при-ка-жи-ко жо-ни-шка (да),
да

Жо-ни-шка Ми-тро-фа-ну-шка, о-н(ы) хо-дил(ы) во кру-гу да,
Жо-ни-шка Ми-тро-фа-ну-шка, Ми-тро-ша хо-дил(ы) во кру-гу,
Ми-тро-фа-ну-шка, он жо да

Ка-за-кин-то до по-лу,
Ка-за-кин-то до по-лу, ой,

да

Де-вки спро-сят: "Кто та-кой?" Си-ма ска-жет: "Мой ми-лой,
Де-вки спро-сят: "Кто та-кой?", да Си-ма ска-жет: "Мой ми-лой,"

до - ро - гой, сам во - злю - бле - ной,
 до - ро - гой, сам во - злю - бле - ной, ой,
 лю - бе - зной,
 при - го - лу - бле - ной!"
 при - го - лу - бле - ной!"

Верба, верба, вербушка,
 С винограду веточка.

Стоит верба за рекой,
 За холуденой такой.

Ох ты Сима, Симушка,
 Прикажи-ко жонишка,
 Жонишка Митрофанушка!

Он жо ходит во кругу,
 Казакин-то до полу.

Девки спросят: «Кто такой?»
 Сима скажет: «Мой милой, дорогой,
 Сам возлюбленной,
 Приголубленной».

$\text{♩} = 152$

Со - ло - ве - йко, со - ло - вей, со - ло - вей, гне - зда не вей,
 На вы - со - ких на ку - стах, на зе - лё - ных на ли - стах,
 Ка - бы ку - сти - чёк не мил - со - ло - вей гне - зда не вил,
 Каб Гра - фё - на не ми - ла Ва - си - лей не взял за си - бе.

Соловейко, соловей,
 Соловей, гнезда не вей
 На высоких на кустах,
 На зелёных на листьях.

Кабы кустичёк не мил —
 Соловей гнезда не вил.
 Каб Графёна не мила —
 Василей не взял за себе.

$\text{♩} = 96$

Со - лнышко на за - ка - те, вре - мелько на у - тра - те,

Се - ли де - вки на лу - жок, где му - ра - вка и цве - ток,

...де - вки на лу - жок, где му - ра - вка и цве - ток,
Се - ли де - вки на лу - жок,

Где мы све - це - ра ре - зви - лись, в ка - ра - во - де ве - се - ли - лись,

Где мы све - це - ра ре - зви - лись, в ка - ра - во - де ве - се - ли - лись,

Во при - я - тной ти - ши - не, под бе - рё - зкой здесь о - дне да...

Солнышко на закате, времечко на утрате,
Сели девки на лужок, где муравка и цветок...

Сели девки на лужок, где муравка и цветок,
Где мы с вечера резвились, в караводе веселились,*

Где мы с вечера резвились, в караводе веселились,
Во приятной тишине под берёзкой здесь одне (да),
Где красавица милая, светик, радость дорогая.
Светик Аннущка дружок садилася на лужок,
Она села, посидела, на цветочки поглядела,
Со травы цветы рвала, к себе милого ждала.
Не успела свить пучечки — едет милой из-за речки,
Из-за речки из-за той едет парень молодой,
Едет парень, славный барин, молоденькой офицер,
Кричит: «Девица, постой, красавица, обожди!
Пойдем вместе за водой, веселей идти с тобой!»

47а

Села Анна на лужок, да где муравка, где цветок.
Она села, посидела, на цветочки поглядела,

Да она села, посидела, на цветочки поглядела,
Со травы цветы рвала, (к) себе милово ждала,*

Со травы цветы рвала да себе милово ждала.
(Да)⁶ Не успела свить цветочек, едет милой из-за речки,
Из-за речки из-за той ехал парень молодой,
Ехал парень, словно барин, молоденький офицер.
Кричит: «Дэвица, постой, да молодичка, обожди,
Молодичка, обожди да бёлы ручки обойми,
(Да) Бёлы ручки, бёлу грудь, пойдем вмисте за водой».
(Да) Ох ты парень молодой, (да) твой глупенький разумок,
Не кричи во весь народ, да мой батюшка у ворот,
Мой батюшка у ворот, он зовёт меня в огород,
Зовёт меня в огород да чесноку-луку полоть.
Я во праву руку луку, во левую чесноку,
Во левую чесноку, сама по цветикам пой[ду],
Я по цветикам гуляла, по лазоревым гуляла,
Да я по цветикам ходила да по лазоревым гуляла,
По лазоревым гуляла, цвету алова искала,
Не нашла цвету алова да супротив дружка милова.
Мой-от миленькой хорош, чернобров, душа, пригож,
Да мне подарочек принёс, подарочек дорогой —
Да с ручки перстень золотой.
Не хочу перстень носить да хочу так дружка любить,
Я любить-то да не люблю, да нагледеться не могу,
Нагледеться да насмотреться да я на вашу красоту,
Я на вашу красоту, да на твоё бело лицо,
На твоё бело лицо да на твоё румяноё.

⁶ В данном тексте в круглые скобки заключены слова, появляющиеся лишь при повторе стиха.

Куда сдумаю, поеду, с собой милую возьму,
 С собой милую-милую да роскошную свою,
 Роскошную свою да Петерок-город свожу.
 Питероской городочке да все я лавочки пройду,
 Все лавочки вот пройду да все товары рассматрю,
 Все товары, все товары да плису-бархату куплю,
 Плису-бархату, атласу да золотую бахрому,
 Золотую бахрому, кровати ⟨нрзб⟩ обоблю.
 Хороша кровать убрана, да на ней некому лежать,
 На ней некому лежать, да возьму в руки белой плат,
 Возьму в руки белый плат да сама сяду на кровать,
 Сама сяду на кровать да буду плакать-горевать,
 Буду плакать-горевать, да воротись-ко, мил, назад.

48

II
III
IV
V
VI

шта - фет,
э - ой,
Шёл из Пи - те - ра шта - фет, ой,
...ра шта - фет,

шёл из(ы)Пи - те - ра шта - фет да, ой
и - с(ы) по - сы - лал ми - лой ко - нверт,
шёл из Пи - те - ра шта - фет да, ох,
по - сы - лал ми - лой ко - нверт, э,
шёл из Пи - те - ра шта - фет да, по - сы - лал ми - лой ко - нве... (э)рт,

По - сы - лал ми - лой ко - нверт, ко - нверт
эх,
По - сы - лал ми - лой ко - нверт, ой,
ох,
По - сы - лал ми - лой ко - нверт,

я ко-н-вер-тик(ы) по-лу-ча-ла, су-до-во-льстви-ем чи-та... ла
 я ко-н-вер-тик(ы) ...ча-ла

я ко-н-вер-тик по-лу-ча-ла, су-до-во-льстви-ем чи-та... ла
 ко-н-вер(ы)тик(ы) чи-та ла

я ко-н-вер-тик(ы) по-лу-ча-ла, су-до-во-льстви-ем чи... (а) - ла

Су-до-во-льстви-ем чи-та-ла,
 Су-до-во-льстви-ем чи-та-ла,
 Су-до-во-льстви-ем чи-та-ла,

по-сы-лал мой ми-лой знать да, што-бы я бы шла гу-лять... (а)ть...
 [по-сы-лал мой] ми-лой знать да, што-бы я бы шла гу-лять...
 ми-лой мой гу-лять... (а)ть...

по-сы-лал мне ми-лой знать да, што-бы я бы шла гу... (а)ть...

Шёл из Питера штафет (ой),
 Шёл из Питера штафет (ох), посылал милой конверт.

Посылал милой конверт (ох),
 Я конвертик получала, с удовольствием читала,*

Посылал милой мой знать, (да) штобы я бы шла гулять.
 Штобы я бы шла гулять (да) на (й)улицу в зелен сад.
 А (й)улицу в зелен сад (да) с робятами поиграть.
 С робятами поиграть (да), винограду пошшипать.
 Винограду-ягоду (да), черносливу сладкую.
 Я у батюшки спрошусь (да), у матушки доложусь:
 — Родимая моя мать, (да) дозвошь выйти погулять,
 Дозволенье мать дала, (да) с милым свидеться пошла.

Не успела выйти вон — (да) стоял мил передо мной.
 Стоит мил передо мной (да), говорит речи со мной:
 — Здравствуй, милая моя, (да) почему стала худа?
 — Я лежала в немоте (да), не в обнёвой в оспе-те!
 — Не печалься, не тужи, (да) я сейчас буду суды.
 Привезу тебе подарок, перстенечик золотой,
 На белую грудь цепочку, а на шейку жемчужок.

49

$\text{♩} = 152$

По... по - шла в то - нець, эх, по... по - шла в то - нець,

по - шла в то - нець то - нце - вать, да по - шла в то - нець то - нце - вать, ах, да

То - нце - ва - вши, то - нце - ва - вши, эх,

то - нце - ва - вши, при - у - ста - вши да, то - нце - ва - вши, да при - у - ста - вши,
да,

Се - ла к ми - лу, се - ла к ми - лу,

се - ла к ми - ло - му на ко - ле - ни, се - ла к ми - ло - му на ко - ле - ни...

По... по́шла в то́нець, эх, по... по́шла в то́нець,
 По́шла в то́нець тонцевáть (да),
 По́шла в то́нець тонцевáть (ах, да).
 Тонцевáвши, тонцевáвши (эх),
 Тонцевáвши, приу́ставши (да),
 Тонцевáвши, приу́ставши.*

Села к мѝлу, села к мѝлу,
 Села к мѝлому на колени,
 К дорогóму, ой, к дорогóму,
 К дорогóму (да) на белѝе.
 Мил во гусли, мил во гусли (ох),
 Мил во гусельци играёт,
 Мѝня, мѝду, мѝня, мѝду,
 Мѝня, мѝду, забавляёт:
 — Встань, девѝшка, встань, девѝшка,
 Встань, девѝшка, (да) лебедѝшка.
 Вон лютой-от, вон лютой-от,
 Вон лютой-от свѝкор ѝдет.
 Он не близко, он не близко,
 Он не близко, не далѝко.
 В чѝстом поле, в чѝстом поле,
 В чѝстом поле, в косо́горе.
 Он и ножкам, он и ножкам,
 Он и ножками метаёт,
 За порожечѝк шагаёт.
 В ѝзбу ступит, в ѝзбу ступит,
 В ѝзбу ступит — брáнить станет.
 Хоть побрáнит, хоть побрáнит,
 Хоть побрáнит, (да) перестанет,
 Хоть спожурит, хоть спожурит,
 Хоть спожурит, не умóрит,
 Поколóтит, поколóтит,
 Поколóтит, (да) не ворóтит.

Мы с тобою, мы с тобою,
 Мы с тобою поживѝм (да),
 Вмѝсте в Во́логду пойдѝм.

Сѝбе сѝмки, сѝбе сѝмки,
 Сѝбе сѝмочки сошьѝм (да),
 Сѝбе сѝмочки сошьѝм.

Сухарей-от, сухарей-от,
Сухарей-от насúшим (да),
Сухарей-от насúшим.

Сухарí-ти, сухарí-ти,
Ти сухáрики съидím (да),
Ти сухáрики съидím.

А сумú-ту, а сумú-ту,
Сумкú дальнейшего сдадим.

49а

Пошла в тонец,
Пошла в тонец,
Пошла в тонец тонцевать,
Пошла в тонец тонцевать.

Тонцевала,
Тонцевала,
Тонцевала, приустала,
Тонцевала, приустала.*

Села к милу на колени,
К дорогому во беремё.
Милой в скрипочку играет,
Меня, младу, забавляет.
Встань, девушка-лебёдушка,
Вон лютой-от свёкор едет,
Вон-де близко, недалёко,
Вон-де ноги обметает,
За порожечок ступает.
В избу ступит — бранить станет,
Хоть побранит — перестанет,
Поколотит — не воротит.
Мы с тобою поживём,
Вместе в Вологду уйдём!

49б

Пошла в тонец,
Пошла в тонец,
Пошла в тонец тонцевать,
Пошла в тонец тонцевать.

Тонцевала,
Тонцевала,
Тонцевала, вся устала,
Тонцевала, вся устала.*

Села к милу на колени,
К дорогому во берёмё.
Мил во скрипочку играёт,
Меня, младу, забавляёт.

Встань, девушка-лебёдушка,
Вон-де свёкор близко-недалёко.
За порожек переступаёт,
В избу ступит — бранить станёт,
Хошь побранит — перестанёт.
Мы с тобою поживём да
Вместе в Вологду уйдём!

50

$\text{♩} = 122$

За дво - ром, за дво - ром,
За дво.ром да за дво - ре - чи - ком, за дво.ром да за дво - ре - чи - ком,
Там во - да, там во - да,
там во.да да ра - зли - ва - ла - ся, там во.да да ра - зли - ва - ла - ся,
Лист - тра - ва, лист - тра - ва,
лист-трава да ро - сти - ла - ла - ся, лист-трава да ро - сти - ла - ла - ся...

За двором,
За двором,
За двором да за дворечиком,
За двором да за дворечиком,

Там вода,
Там вода,
Там вода да разливалась,
Там вода да разливалась,*

Лист-трава,
Лист-трава да росстилалася.
Выпуцу
Бела лебедя с лебёдушкой.
Бел лебедь,

Бел лебедь у нас Иванушко,
 Беленькой да Олександрович.
 Лебедка,
 Лебедка ў нас Олександрюшка,
 Беленька ў нас Николаевна.
 То ровня,
 То ровня да соровнялася,
 Им люди,
 Им люди да дивовалися,
 Им люди да целовалися.

50а

$\text{♩} = 106$

За дво - ром, за дво - ром,
 за дво - ром да за дво - ре - чи - ком, за дво - ром да за дво - ре - чи - ком,
 Там во - да, там во - да,
 там во - да да ра - зли - ва - ла - ся, там во - да да ра - зли - ва - ла - ся...

За двором,
 За двором,
 За двором да за дворечиком,
 За двором да за дворечиком,

Там вода,
 Там вода,
 Там вода да разливалась,
 Там вода да разливалась,*

Лист-трава,
 Лист-трава да расстилалася.
 Выпушу
 Бела лебедя с лебёдушкой.
 Бел лебедь,
 Бел лебедь у нас Павлинушка,
 Биленькой да Николаевич.
 Лебедка,
 Лебедка да Олександрюшка,
 Биленька да всё Викторевна.

То ровня,
 То ровня да соровнялася,
 Им люди,
 Им люди да сдивовалися:
 Што это не за ровнюшка,
 Што это не за удалая?
 Сойдутся оне, поклонятся,
 Свидятся да поцелуются.

51

$\text{♩} = 108$

От че - го хме - лёк за - вё - лся, от со - ло - ми - нки гни - лой,
 ай - ли, ай - лю - ли, от со - ло - ми - нки гни - лой,
 От со - ло - ми - нки гни - лой, да от зе - ме - льки, от сы - рой,
 ай - ли, ай - лю - ли, от зе - ме - льки, от сы - рой,
 Кто с хме - лком по - во - ди - тся, да тот бо - сой на - хо - ди - тся,
 ай - ли, ай - лю - ли, тот бо - сой на - хо - ди - тся...

От чего хмелёк завёлся?
 От соломинки гнилой,
 Ай ли, ай люли,
 От соломинки гнилой.

От соломинки гнилой, да
 От земельки от сырой,
 Ай ли, ай люли,
 От земельки от сырой.*

Кто с хмельком поводится, да
 Тот босой находится.
 Повадился детинушка
 Нежонатой, холостой,
 Кудреватый, сам баской.

В кабацёк идёт детина,
 Словно алый мак цветёт.
 Из кабацка идёт детина,
 Словно липоцка гола,
 В цём матушка родила.
 Жона мужа бранила:
 — Всё ты пропил, прогулял, да
 Всё приданое мое.
 Всё придано и богдано,
 Мой зелёный сарафан,
 Твой корицневый кафтан.
 Я обиды не прошу да
 Тебя, милый, проую:
 Поварёшкой навожу да
 Бородёнку выщиплю.
 Буду голодом морить, да
 Перестанешь водку пить.

52

$\text{♩} = 152$

Как на на - шей на сто - ро - нке да, как на на - шей на сто - ро - нке
 у - да - ча бо - льша - я, у - да - ча бо - льша - я да,
 Есть у - да - ча - то бо - льша - я да, есть у - да - ча - то бо - льша - я,
 У - да - ча
 Есть у - да - ча
 хо - рош хмель ро - ди - лся, хо - рош хмель ро - ди - лся да,
 да

Всё хо-ро-ший хмель ро-ди-ля да, всё хо-ро-ший хмель ро-ди-ля,
 вокруг ше-сто-чка ви-ля, вокруг ше-сто-чка ви-ля да...

Как на нашей на сторонке, да как на нашей на сторонке
 Удача большая, удача большая (да),

Есть удача-то большая, да есть удача-то большая —
 Хорош хмель родился, хорош хмель родился (да),*

Всё хороший хмель родился, да всё хороший хмель родился,
 Вкруг шесточка вился, вкруг шесточка вился (да),
 Вился, вился, извивался да вился, вился, извивался,
 Кверху подымался, кверху подымался (да).
 Как у этого-то хмеля, как у этого-то хмеля
 Прутья-витья золотые, прутья-витья золотые, (да)
 Жемчужные шишки, да жемчужные шишки (да),
 Как из этого-то хмеля, как из этого-то хмеля
 Наварю я пива, наварю я пива (да),
 Пива, пива молодого, пива, пива молодого,
 Ярого, хмельного, ярого, хмельного (да).
 Как на это-то на пиво, как на это-то на пиво
 Позову я гостя.
 Гостя, гостя дорогого, гостя, гостя дорогого —
 Батюшку родного, батюшку родного.

52a

Как за речкой хмель родился,
 Как за речкой хмель родился,
 По шестечкам вился,
 По шестечкам вился.

Вился-вился, извивался,
 Вился-вился, извивался,
 Кверху поднимался.

Как зайду я, млада, в садик,
 Во сад во зелёный,

Нащиплю я хмелю, млада,
Хмелю ярового,
Хмелю ярового,

Наварю я пива пьяна,
Наварю я пива пьяна,
Пива пьяного,
Пива пьяного.

Созову я гостя в гости,
Гостя дорогого,
Батюшка родного.

Ко мне батюшка приедет,
Недолго пробудет,
Одну ноченьку ночует,
Всю он протоскует.
С-по новым сеням проходит,
В окошко просмотрит,
Бела света дожидает,
Ворона коня впрягает,
Домой уезжает.

526

Как за речкой хмель родился (да),
Как за речкой хмель родился (да),
По шестечкам вився,
По шестечкам вився.

Вився-вився, извивався,
Вився-вився, извивався
Да на нашу сторонку,
Да на нашу сторонку.*
Как на нашей на сторонке (да)
Удача большая (да),
Как удача-та большая (да),
Хорош хмель родился.
Нащиплю я хмелю, млада,
Хмелю ярового (да),
Наварю я пива пьяна,
Пива пьяного (да).
Созову я гостя в гости,
Гостя дорогого (да),
Гостя в гости дорогого,
Батюшку родного (да).
Ко мне батюшко прибудёт (да),
Недолго пробудёт.
По новым сеням проходит (да),
В окошко просмотрит.
Белу свету дожидался (да),
Домой собирался.

$\text{♩} = 172$

А - ла, бе - ла го - лу - бо - нька, а - ла, бе - ла го - лу - бо - нька

кра - сна - я де - во - нька, да кра - сна - я де - во - нька да,

Спо - хо - те - ло - ся де - во - ньке, спо - хо - те - ло - ся де - во - ньке

Хо - те - ло - ся хо - те - ло - ся

во - гу - сли и - гра - ти, да во - гу - сли и - гра - ти да,

О - на ста - ла за - ста - вля - ти, о - на ста - ла за - ста - вля - ти

мо - ло - дца и - гра - ти, да мо - ло - дца и - гра - ти да...

Ала, бела голубонька, ала, бела голубонька
Красная девонька, да красная девонька (да).

Спохотелося девоньке, спохотелося девоньке
Во гусли играти, да во гусли играти (да).*

Она стала заставляти, она стала заставляти
Молодца играти, да молодца играти (да):
— Молодец мой возлюбленный, молодец мой возлюбленный,
Душей возлюбленный, да душой возлюбленный (да),
Поиграй, пожалуй, в гусли, поиграй, пожалуй, в гусли,
Росслышь мои мысли, да росслышь мои мысли (да).
— Уж я рад бы поиграти, уж я рад бы поиграти,
Рад бы тонцевати, да рад бы тонцевати (да) —
Как услышит мой родитель, как услышит мой родитель,
Батька-благодетель, да батька-благодетель (да),
Станет бить меня, бранити, станет бить меня, бранити,
Тобой попрекати, да тобой попрекати...

53а

$\text{♩} = 76$

А - ла, бе - ла го - лу - бо - нька да, а - ла, бе - ла го - лу - бо - нька,
...лу - бо - нька

кра - сна - я де - во - нька, да кра - сна - я де - во - нька да,

С - по - хо - те - ло - ся де - во - ньке да, с - по - хо - те - ло - ся де - во - ньке,

с - по гу - слям и - гра - ти, да с - по гу - слям и - гра - ти да,
...(а) - ти,

[О - на ста - ла] за - ста - вля - ти, да о - на ста - ла за - ста - вля - ти

мо - ло - дца и - гра - ти да, мо - ло - дца и - гра - ти да,
... (а) - ти,

- Мо - ло - дец мой, во - злю - бле - нной да мо - ло - дец мой, во - злю - бле - нной,

ду - ша, во - злю - бле - нной, да ду - ша, во - злю - бле - нной да...

Ала, бела голубонька, (да) ала, бела голубонька,
Красная девонька, (да) красная девонька (да).

Спохотелося девоньке, (да) спохотелося девоньке
С-по гусям играти, (да) с-по гусям играти (да).*

Она стала заставляти, она стала заставляти,
Молодца играти, (да) молодца играти (да):
— Молодец мой возлюбленной, (да) молодец мой возлюбленной,
Душа-возлюбленной, (да) душа-возлюбленной (да),
Споиграй, пожалуй, в гусли, споииграй, пожалуй, в гусли,
Роскажь мои мысли, (да) роскажь мои мысли (да).
— Уж я рад в гуся играти, уж я рад в гуся играти,
Рад я тонцевати, (да) рад я тонцевати (да).
Как услышит мой родитель, (да) как услышит мой родитель,
Батько-благодетель, (да) батько-благодетель (да),
Станет бить и бранить, (да) станет бить и бранить (да),
Всячески ругати, (да) всячески ругати (да),
Всяко-всячески ругати, (да) всяко-всячески ругати,
Тобой попрекати, (да) тобой попрекати (да).

На горе стоял дуб, (дак) на горе стоял дуб (да),
 Под горой — берёза, (да) под горой — берёза.
 На-промежу дубом-берёзой, (да) промежу дубом-берёзой
 Протекала речка, (да) протекала речка (да).
 Течёт речка-невеличка, (да) течёт речка-невеличка,
 Сама глубокая, (да) сама глубокая (да),
 Сама-сама глубокая, сама-сама глубокая,
 Вода холодная, (да) вода холодная (да).
 Мне не сметь воду пить, (да) мне не сметь воду пить (да),
 Не сметь почерпнути, (да) не сметь почерпнути (да).
 Мне не сметь жену бить, (да) мне не сметь жену бить,
 Не сметь поучити, (да) не сметь поучити (да).
 Уж я бил жену чесочик, (да) уж я бил жену чесочик,
 Сам плакал денёчик, (да) сам плакал денёчик (да),
 Сушил-крушил ясны очи, (да) сушил-крушил ясны очи,
 По чётые ночи, (да) по чётые ночи (да).
 Иссушился, искрушился, (да) иссушился, искрушился
 Во колодной ночи, (да) во колодной ночи (да).
 Как во городе Казани, (да) как во городе Казани
 Били барабаны, (да) били барабаны (да),
 Били-били барабаны, (да) били-били барабаны,
 Читали указы, (да) читали указы (да):
 Что кому идти в совдаты, (да) что кому идти в совдаты,
 Кому в гранодёры, (да) кому в гранодёры (да),
 Моему мужу, каналье, (да) моему мужу, каналье,
 Не быть во совдатах, (да) не быти в совдатах (да),
 Ни в совдатах, ни в матросах, ни в совдатах, ни в матросах,
 Не бывать на службе, (да) не бывать на службе.

53б

♩ = 160

[А - ла, бе] - ла го - лу - бо - нька да, а - ла, бе - ла го - лу - бо - нька,
 кра - сна - я де - во - нька, ох да, кра - сна - я де - во - нька, ох да,

С-по - хо-те - ло - ся де - во - ньке да, с-по - хо-те - ло - ся де - во - ньке,
с-по гу-слям и - гра - ти, ох, да, с-по гу-слям и - гра - ти, ох да,
Ё - на ста - ла за - ста - вля - ти, да ё - на ста - ла за - ста - вля - ти
мо - ло - дца и - гра - ти, да мо - ло - дца и - гра - ти да...

Ала, бела голубонька, (да) ала, бела голубонька,
Красная девонька, (ох, да) красная девонька (ох, да).

Спохотелся девоньке, (да) спохотелся девоньке
С-по гусям играти, да с-по гусям играти (ох, да).*

Она стала заставляти, да она стала заставляти
Молодца играти, ох, да молодца играти (ой, да):
— Молодец мой возлюбленный, (да) молодец мой возлюбленной,
Душой возлюбленный, (да) душой возлюбленной,
Поиграй, пожалуйста, в гусли, (да) поиграй, пожалуйста, в гусли,
Рослышь мои мысли, да рослышь мои мысли (да).
— Уж я рад в гусли играти, уж я рад в гусли играти,
Рад бы тонцёвати, (да) рад бы тонцёвати (да).
Как услышит мой родитель, (да) как услышит мой родитель,
Батька-благодетель, батька-благодетель (да),
Станет бить меня, бранити, (да) станет бить меня, бранити,
Всяческо ругати, (да) всяческо ругати (да),
Всяко-всяческо ругати, всяко-всяческо ругати,
Тобой попрекати, (да) тобой попрекати (да).

На горе-то стоил дуб, (да) на горе-то стоил дуб (да),
 Под горой берёза, (да) под горой берёза (да).
 Промежу дуба с берёзой, (да) промежу дуба с берёзой
 Протёкала речка, да протёкала речка (да).
 Текёт речка-невеличка, (да) текёт речка-невеличка,
 Сама глубокая, (да) сама глубокая,
 Сама-сама глубокая, да сама-сама глубокая,
 Вода холодная, водичка холодная (да),
 Мне ничем жо воду пити, мне ничем жо воду пити,
 Нецим почерпнути, нечем почерпнути (да).
 Как у старого-то мужа, да как у старого-то мужа
 Жёнка молодая, да жёнка молодая (да).
 Мне не смети жёнку бити, мне не смети жёнку бити,
 Не сметь поучити, да не сметь поучити (да).
 Уж я бил жену часочик, уж я бил жену часочик,
 Сам прошёл денёчик, да сам прошёл денёчик (да).
 Сушу-пушу ясны очи, да сушу-пушу ясны очи (да),
 Во холодной ночи, (да) за четыре ночи (да).
 Искушивши-искушивши, да испушивши-испушивши
 За четыре ночи, (да) за четыре ночи (да).
 Как погожа девка зыркнет, (да) как погожа девка зыркнет,
 Били барабаны, (да) били барабаны (да),
 Били-били барабаны, да били-били барабаны,
 Читали указы, (да) читали указы (да):
 Всё кому идти в совдаты, (да) всё кому идти в совдаты,
 Кому в грамодеры, (да) кому в грамодеры (да),
 Моёму мужу, каналье, (да) моёму мужу, каналье,
 Не быть во совдатах, да не быть во совдатах (да),
 Не в совдатах, не в матросах, да не в совдатах, не в матросах (да),
 Не быть в грамодерах, (да) не быть в грамодерах (да).
 — Ты пойдешь, муж, в кабак, ты пойдешь, муж, в кабак,
 А я за тобою, да а я за тобою, да
 Ты пропьёшь, муж, пятак, ты пропьёшь, муж, пятак,
 А я — три копейки, а я — три копейки.

Комментарии

Комментарии

В настоящем издании впервые публикуется полный репертуар лирических, свадебных и хороводно-игровых песен Ленского, Вилегодского и Котласского районов Архангельской области. Эта песенная традиция практически не была представлена в научной литературе. Полевые записи текстов песен хранятся в трех основных собраниях: ФК — экспедиционные записи 1959, 1964, 1970-х гг.; РАМ — экспедиционные записи Т. К. Соловьевой 1985 г.; ФА СыктГУ — записи студенческих экспедиций конца 1980—1990-х гг. В сборник привлечены архивные записи РФ ЯКМ, ФА СИХМ и РО ИРЛИ, полевые записи из ФА РГПУ (РГПУ. 02ФА), а также тексты, записанные Н. А. Иваницким и опубликованные в сборнике «Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губ.» (Вологда, 1960).

Каждый текст сопровождается комментариями, которые включают:

— порядковый номер песни и ее название по первой строке, в которой опущены повторы;

— паспортные данные публикуемого текста: название архива, где хранятся записи; шифры архивного хранения материалов в рукописной фиксации и на магнитной ленте; шифр нотации (в собрании ФК); данные о собирателях, год записи; место записи; фамилии и инициалы исполнителей (полные сведения об исполнителях приведены в Указателе исполнителей);

— сведения о нотировке и расшифровке текста;

— варианты текстов по другим собраниям (шифры записей);

— сведения о публикации: сокращенное название сборника, порядковый номер или номер страницы;

— сведения о близких вариантах в других традициях: сокращенное название сборника, номер текста или номер страницы (приведенные в данном разделе сведения не претендуют на полноту);

— сведения об обрядовой приуроченности, почерпнутые из экспедиционных репортажей от самих исполнителей.

В комментариях отмечены отличия публикуемого текста от других вариантов в записях из других указанных собраний, а также прочие наблюдения.

I. Лирические необрядовые песни *

1. За Невагою речка с перебрагою

ФК. ф. 1419, н-7728. 3/3 Е. С. Кустовского и В. Б. Сорокина, 1972 г., д. Кулига (Бердышиха) Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: Карелина А. Е., Коршунова А. А., Коршунова В. С., Тугушина А. С. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

¹ За Невагою. — См. Указатель сюжетов, с. 768.

² речка с перебрагою — в других вар. «с перебродками», т. е. бродами.

³ жись наша боярская — очевидно, ошибка, правильно: «сторонушка боярская» (см. № 1б, ср. коммент. к № 1в). По сравнению с вар. № 1д нет концовки, где упоминается император Николай Павлович (см. коммент. к № 1д).

Стих. р.: сил. расширенный 5+7 (5+5).

1а. И за Невагою

ФА ИРЛИ. ФВ 0258-02; ФК. н-6196. 3/3 Е. В. Гиппиуса, 1926 г., Ленинград. Исп. Эпова А. А., урож. с. Яренск Ленского р-на. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

Близкий вар. тексту № 1, в котором также нет концовки (ср. № 1е).

Стих. р.: сил. 5+7.

1б. За Невагою

ФК. ф. 1419-132. 3/3 Е. С. Кустовского и В. Б. Сорокина, 1972 г., с. Ирта Ленского р-на. Исп.: Жданов Г. И., Помолева Л. Г. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

Стих. р.: сил.-тон. 5+7.

1в. За Невагою речка

РАМ. ф. 2225-69. 3/3 Т. К. Соловьевой, 1985 г., с. Сойга Ленского р-на. Исп.: Галина А. М., Парилова А. И., Щедричева М. П., Якимова М. И. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

«Долгая» (исп.).

¹ жизнь наша боярская — надо понимать «подневольная». Нелогичность употребления позволяет предположить, что исполнители пользовались таким словосочетанием, не понимая его исторического и реального контекста, «по инерции». Концовка расходится с другими вар., нет упоминаний указа (закона) Петра I и имени Николая Павловича.

Стих. р.: сил.-тон. 5+7.

1г. За Невагою

ФК. ф. 1066-16, н-6195. 3/3 А. В. Медведева и А. С. Кабанова, 1970 г., д. Яренга Сафроновского с/с Ленского р-на. Исп. Рупосова Ф. А. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

Приведены только четыре начальные строфы песни.

Стих. р.: сил.-тон. 5+7.

* Комментарии к этому подразделу составлены А. Н. Власовым и Е. А. Дороховой.

1д. Да за Невагою речка с перебрдами

ФА СыктГУ. 0814-28. 3/3 З. Н. Мехреньгиной, 1989 г., д. Выемково Сафроновского с/с Ленского р-на. Исп.: Зубенко А. П., Попова З. Е.

¹ В других вар. упоминается только Петр I. Упоминание Николая I предположительно позволяет датировать возникновение этого песенного сюжета 20—30-ми гг. XIX в. (см. также № 1ж).

Стих. р.: сил.-тон. 5+7.

1е. За Невагою да речка с перебрдками

РФ ЯКМ. Качева. Зап. О. М. Селивановой, с. Выемково Сафроновской вол. Яренского у. Исп. Качева А. М.

Деление на строки согласно оригиналу. Структура стиха разрушена из-за снятия повторов и, возможно, замены отдельных слов.

1ж. За Невагою речка с перебрдками

РО ИРЛИ. Васильева. № 48. Зап. Л. И. Васильевой, 1943 г. Исп. Симона М. М., урож. д. Зимовской Ленского р-на.

Составитель сборника сделала следующее замечание: «Широка страна моя родная, / Много в ней лесов, полей и рек. / Много песен сочинил прекрасных / Многомиллионный русский человек... Песни звучат „от края и до края“, от моря и до моря нашей великой Родины! Звучали они и в глубокую старину, заменяя собой недостающую тогда инструментальную музыку. Вместе с переселенцами юга песня дошла и до северных дремучих лесов, претерпев на своем пути некоторые изменения как в содержании, так и в мелодии. Вот почему многие песни в разных местностях звучат совершенно по-разному, хотя и одинаковые по содержанию. Песни, то заунывно-протяжные, то разудало-веселые, сопровождали труд и отдых, обряды и обычаи северного крестьянина, скрашивая и облегчая его однообразную подчас, тяжелую жизнь» (л. 1).

Деление на строки отчасти сохраняет структуру поющего стиха. Концовка дополнена со слов: Служба принаскучила... (ср. № 1в).

Публ.: 12 РНП. № 6.

Вар.: ФА СыктГУ. 0804-3 (фр.), 0805-19 (фр.), 0837-4 (фр.) — Ленский р-н.

ФА СыктГУ. 0805-19 (фр.):

За Невагою,
 Ох, за Невагою речка с перебра...
 Речка с перебрдками,
 Перебрдками.
 Да не полынь-травка
 Во поле шата...
 Во поле шатаеца.
 И вот шатаеца,
 И што она шатаеца, травка, за душо...
 Травка за душой моей,
 За душой-то моей, да чтой за душенькой,
 За душенькой,
 Да доброй молодец там...

ФА СыктГУ. 0804-3 (фр.):

За Невагою речка...[с перебродами]
 В поле шатёр,
 Ой, что ли шатается.
 Он не сам зашёл, да не своею охотою,
 Навела дружка-молодца неволюшка, неволюшка
 Да дальняя сторонушка.
 На сторонушке...

ФА СыктГУ. 0837-4 (фр.):

За Невагой, ой, речка с перебрагою.
 Да не комыш-трава во поле шалаются,
 Дак...

Все известные записи сделаны на территории Ленского р-на.

Текст создан по мотивам «жалобы на солдатскую судьбу», по упоминанию о царской службе царю Петру I и императору Николаю Павловичу относят к солдатским или историческим песням (см. Указатель сюжетов лирических песен).

См. I, №№ 1, 1а—1е**.

2. Первое горё — горё муж Григорий

ФК. ф. 1067-6, н-6660. 3/з А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Ивановка (Ленский Наволок) Ленского с/с Ленского р-на. Исп.: Койнова А. А. (запев.), Немазанникова А. А., Пестерева Е. Н., Селиванова О. М., Тарасова Е. Д., Тарасова Е. Ф., Тарасова М. Ф., Шаньгина А. М. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

Мужская версия сюжета, солдатская.

¹Вар.: «Изведати, где моя милая...».

² еси-то — есть-то.

³ правильно: колодным***.

⁴ с горя песню запоем — близкая версия этой формулы встречается в вилегодском сюжете: «Солнышко низко, вечер близко, ой, да мы домой скоро пойдем, вот пойдём, да новую песню запоём, да запоём мы новую песню да заунывным голоском...»

Стих. р.: в основе сил.-тон. стих 8+7, расширенный благодаря повторам и вставкам: 4+3+6+3+5+4+3+5 (в первой строфе).

2а. Первое горё — муж Григорий

ФА СыктГУ. 0802-13. 3/з А. Н. Власова, 1988 г., д. Большой Кряж Сафроновского с/с Ленского р-на. Исп.: Афанасова М. М., Помолева Е. Ф.

«На вечерках (эту песню пели). Да на вечерках — на погудках» (исп.).

** При отсылках к другим текстам римская цифра обозначает подраздел, арабская — номер текста.

*** Колодными назывались большие окна (см. *Иваницкий Н. А.* Сольвычегодский крестьянин... С. 13).

¹ ошибочно: соли-то (?), в других вар.: сам-то;

² правильно: колодным;

³ правильно: со прекрасным;

⁴ т. е. милый (?).

⁵ Ср.: «Солнышко низко, вечер близко, ой, да мы домой скоро пойдём, вот пойдём, да новую песню запоём, да запоём мы новую песню да заунывным голоском...».

Мужская версия сюжета.

Стих. р.: в основе сил.-тон. стих 8+7. Формулу расширенного стиха выявить невозможно, так как повторы и вставки не были учтены при расшифровке.

См. I, №№ 2, 2б—2д.

2б. Первое горе — муж да Григорий

ФА СыктГУ. 0803-23. 3/3 З. Н. Мехреньгиной, 1988 г., д. Юргино Сафроновского с/с Ленского р-на. Исп. Булатова Ф. Т.

Женская версия сюжета.

Стих. р.: в основе сил.-тон. стих 8+7, расширенный благодаря повторам и вставкам: 4+5+3+5+5+3+4 (в первой строфе).

См. I, №№ 2, 2а, 2в—2д.

2в. Первое горё — горё муж Григорий

ФА СыктГУ. 0816-8. 3/3 З. Н. Мехреньгиной, 1989 г., д. Большой Кряж Сафроновского с/с Ленского р-на. Исп.: Афанасова М. М., Батаева Е. В.

Мужская версия сюжета, без концовки с мотивом ухода в солдаты молодца. Текст явно полузабыт исполнительницами, на что указывают вставки неясных в смысловом отношении и стилистически несогласованных словоформ.

¹ правильно: колодным.

Стих. р.: в основе сил.-тон. стих 8+7.

2г. Перво горя... Ой, дак перво горя муж да Григорий

ФА СыктГУ. 0837-3. 3/3 А. А. Бильчука, 1990 г., д. Черныхано Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп. Коршунова А. А.

Мужская версия сюжета, без мотива солдатчины, переделанная от лица женщины.

¹ наде — надо.

² крутецкой-то — вероятно, искаженное «крутецькой-то».

³ привульну, привельной — вероятно, искаженное «привольной».

⁴ мяж — искаженное «меж».

См. I, №№ 2, 2а—2в, 2д.

2д. Первое горе — муж Григорий

РФ ЯКМ. Качева. Зап. О. М. Селивановой. Исп.: см. коммент. к № 1е. Мужская версия сюжета относится к наиболее полным текстам.

¹ правильно: колодным.

Текст записан с пересказа и ориентирован на книжную стихотворную строку.

Стих. р.: сил.-тон. 4-стопный (8+7).

Вар.: ФА СыктГУ. 0808-20. (фр.). — сокращенная (только первая часть) мужская версия сюжета:

Первое горё, первое горё —
Муж да Григорий, Григорий.
Второе горё, ой, второе горё —
Муж да Иван,
Ох, Ванюшка-Иван.
Да третье-то горё, третье, ой, горё —
Муж Петрован,
Петрушка-Петрован.
Да надо-то дело, ой, надо-то дело,
Дело расповедать, проведать:
Где-то милая, ох,
Где-то мила... милая проживает,
Да живает, да?
Там-то живет мое да милая,
Милая в иной-то дальней...
В иной-то дальней стороне.

ФА СыктГУ. 0837-1 (фр.):

Первое-то горе называлось,
Первое-то горюшко-горе —
Вышла замуж, ой, да замуж молода.
Ой, вскоре¹ да горюшко-горе —
Муж уда... да удала голова,
Удалая-то, верно, голова.
Ой, всё-то не держится муж,
Ой, муж не дому, не жены,
Не дому, ой, верно, не жены.
Ой, только-то держится муж
Дак чужой да... ой, далекой стороны,
Чужой дальней-от, верно, стороны.
Ой, чужой-то дольной² сторонке,
Чужой мужней-то жены.
Чужа-то мужняя жена,
Ой, чужа дальна жена,
Ой, как лебедка белая.
«Под неё ничего не играли» (соб.).

Женская версия сюжета — нет упоминания имен Григорий, Иван, Петрован.

¹ правильно: второе;

² правильно: дальней.

ФА СыктГУ. 0801-103 (фр.):

Первое горе, ох, первое горе —
Да муж-от вот Григорий.

Ой, да второё горё —
 Да муж-от... ить Иван.
 Ой, третиеё горюшко, горе Петрован...

ФА СыктГУ. 0823-5 (фр.):

Первый горе — муж-то Григорий,
 Второе горе — муж да Иван,
 Третье-то горе — муж да Петрован.

Текст существует в двух исполнительских версиях — мужской и женской (см. Указатель сюжетов).

См. I, №№ 2, 2а—2г.

3. Размолоден(и)кие-то, ох, да вы молодчики

ФК. н-6293. 3/3 А. В. Медведева и А. С. Кабанова, 1970 г., д. Остров Козьминского с/с Ленского р-на. Исп.: Билькова В. В., Михалкина Е. О. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

См. I, №№ 3а—3г.

3а. Размолоденькие да вы молодчики, вы друзья да мои

ФА СыктГУ. 0408-3. 3/3 А. Н. Власова, Е. А. Шевченко, Е. В. Пономаревой, 1986 г., д. Самино Вилегодского с/с Вилегодского р-на. Исп.: Меньшикова А. М., Меньшикова К. С.

См. I, №№ 3, 3б—3г.

3б. Размолоденькие наши же молодчики

ФА СыктГУ. 0819-2. 3/3 З. Н. Мехреньгиной, 1989 г., д. Пустошь Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп. Гобанова О. В.

¹ погодного — ошибочно, правильно: колодного.

Исполнительница имела у себя составленный ею рукописный репертуарный сборник.

См. I, №№ 3, 3а, 3в, 3г.

3в. Ой, размолоденькие да вы-то молодчики

ФА СыктГУ. 0840-21. 3/3 А. А. Бильчука, 1990 г., д. Устье Ленского р-на. Исп. Копнина Е. Г.

¹ в других вар.: восприятные.

² вероятно, правильно: моему.

Вар.: ФА СыктГУ. 0840-21:

Я днем-то одна
 Да три холодных¹ окна.
 У окошечка, у окна
 Сидит девушка одна.
 Да она сидела,
 Да чесала русы кудри-волоса,
 Да она сидела,
 Да журила чужу-дальну сторону:
 «Злодейка-лиходейка

Чужа-дальна сторона,
Разлучила меня, разлучила меня
С братьями да с сестрами.
А во вторых раз...
Разлучила меня с матерью-отцём.
А во третьих раз...
Разлучила меня с миленьким дружкой.
Да кто бы, да кто бы
Моему горюшку-то помог,
Да кто пособил
Да с дорожки бы дружка воротил?»

¹ правильно: колодных (см. примеч. на с. 626).

См. I, № 3, 3а, 3б, 3г.

3г. Размолоденькие наши молодчики, дружки мои

РФ ЯКМ. Качева. Зап. О. М. Селивановой. Исп.: см. коммент. к № 1е.
Неумелая попытка записи «с голоса».

Сюжет распространен в Ленском и Вилегодском районах в близких текстовых вар.

Вар.: ФА СыктГУ. 0402-19, 0403-1, 0408-26, 0410-24, 0411-23, 0414-21, 0420-21, 0431-1, 0492-30, 0493-18, 0481-45, 0462-11 (см. Указатель сюжетов).

См. I, №№ 3, 3а—3в.

4. Из-за лесу-гу, было, лесу тёмного

ФК. ф. 1067-38. 3/3 А. В. Медведева и А. С. Кабанова, 1970 г., д. Остров Козьминского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 3. Нот. Е. А. Дороховой.

Единственный вар. местной записи сюжета.

5. Эко сердце, бедноё моё

РАМ. ф. 2227-119. 3/3 Т. К. Соловьевой, 1985 г., с. Козьмино Ленского р-на. Исп.: Векшина К. И., Гладышева Е. Г., Лиханова А. В., Некрасова Е. А., Таратина М. И. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

«Долгая» (соб.).

Единственный вар. местной записи сюжета. Концовка текста совпадает с сюжетом *Загулял детинушка, заломал калинушку*.

6. Красива я девушкой была

РАМ. ф. 2225-60. 3/3 Т. К. Соловьевой, 1985 г., д. Белопашино Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: Амосова М. П., Мокрецова А. П., Мясихина С. П., Саранцина М. З. (запев.), Черепанова М. А. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

«Долгая» (соб.).

¹ Зачин является вар. словесной формулы описания девичьей красоты: «Красива я девушкой была, прилучила (привлекла) дружка ко белому лицу (белым лицом), ко чёрным бровям, (русыми косами), развесёлыми глазами».

² кудёрышки до самово до конца — иначе: брить голову — означает «забрать парня в армию».

См. I, № 6а.

6а. Красива я девушкой была

ФК. ф. 1335-18. 3/3 А. В. Медведева и В. Б. Сорокина, 1971 г., д. Заимка Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: Саранцина М. З. (запев.) и еще три женщины, по замечанию соб.

¹ накладные волосы — анахронизм в данном тексте; исполнители не помнят, что в царской армии до начала XIX в. солдаты носили парики.

² Исполнители перепутали: употребили «Завито кудёрышко до самово было конца» вместо «сбрить волоса» (взять в армию), что следует из дальнейшего контекста.

См. I, № 6.

7. Отлетает мой, мой-то соколик

ФК. ф. 1419-104. 3/3 Е. С. Кустовского и В. Б. Сорокина, 1972 г., д. Кулига (Бердышиха) Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 1. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

Начало песенного сюжета. Собственное имя Саша здесь употреблено в значении возлюбленной, любимой, любовницы. В равной степени может применяться и к мужскому персонажу. Встречается только в ленских песнях.

См. I, №№ 7а—7е.

7а. Отлетает мой да соколик, мой соколик

РАМ. ф. 2227-121. 3/3 Т. К. Соловьевой, 1985 г., с. Козьмино Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 5. Нот. Е. А. Дороховой.

«Долгая» (соб.). Текст неполный (возможно, не дописан собирателем).

См. I, №№ 7, 7б—7е.

7б. Да отлетает мой да соколик

ФК. ф. 1068-11, н-5901. 3/3 А. В. Медведева и А. С. Кабанова, 1970 г., д. Устье Рябовского с/с Ленского р-на. Исп.: Задорина Т. С., Копнина Е. Г., Полуянова К. Е., Тарасова М. С., Третьякова Н. Н. (запев.), Шемшина К. Г. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

По сравнению с текстами №№ 7, 7а есть дополнения: «Хошь... хошь немножко по... да поживём!» Концовка со слов: «Да ко... ой, когда жить на свите-ти не буду» — явно ориентирована на книжный текст жестокого романа.

См. I, №№ 7, 7а, 7в—7е.

7в. Отлетает мой соколик

ФА СыктГУ. 0839-6. 3/3 А. А. Бильчука, 1989 г., д. Литвино Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп. Софина М. П. Расшифровка текста Е. А. Дороховой.

Текст схематичен и полузабыт исполнительницей. Концовка другая: ср. № 7б.

См. I, №№ 7, 7а, 7б, 7г—7е.

7г. Отлетает мой-от ли соколик

ФА СыктГУ. 0827-2. 3/3 З. Н. Мехреньгиной, 1990 г., д. Вандыш Слободчиковского с/с Ленского р-на. Исп.: Бережных Н. Т., Галина А. Л. Расшифровка текста Е. А. Дороховой.

Мотив «наговора злых соседей» и «романсовая» концовка отсутствуют в сюжете.

См. I, №№ 7, 7а—7в, 7д, 7е.

7д. Отлетает мой-то соколик

ФА СыктГУ. 0839-1. 3/3 А. А. Бильчука, 1989 г., д. Кулига (Бердышиха) Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: Коршунова А. А., Черепанова А. К., Шишкина О. Я. Расшифровка текста Е. А. Дороховой.

Содержит только начало сюжета — отъезд молодца в чужой городок, без упоминания конкретного названия.

См. I, №№ 7, 7а—7г, 7е.

7е. Отлетает мой соколик из очей-то меня

РФ ЯКМ. Качева. Зап. О. М. Селивановой. Исп.: см. коммент. к № 1е.

¹ меня — в значении: моих.

Разбивка на строки сохранена как в рукописи. Запись сделана с пересказа сюжета исполнительницей и представляет собой наиболее полный местный вар. текста, появляется дополнительный мотив «любовь к чужому мужу», однако нет названия городка, куда уезжает милый. Концовка близка № 7а.

См. I, №№ 7, 7а—7д.

8. Горе-горькае да кукушка

ФК. ф. 1066-32. 3/3 А. С. Кабанова, А. В. Медведева, 1970 г., с. Яренск Ленского р-на. Исп.: Антоновская Е. П., Митрошина М. В., Пинегина А. Т., Широких Г. В. (запев.), Шубенина Г. В. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

«Долгая» (соб.). Содержит только начало.

См. I, №№ 8а—8д.

8а. Во сыром да бору кокушечка кокует

ФА СыктГУ. 0826-46. 3/3 З. Н. Мехреньгиной, 1990 г., д. Вандыш Слободчиковского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 7г. Расшифровка текста Е. А. Дороховой.

Содержит только мотив проводов девушкой парня. Появляется имя Катерина в значении возлюбленной (ср.: Саша, Дуня, Аннушка).

См. I, №№ 8, 8б—8д.

8б. Горе-горькая кокушка да с-по-й-утру рано летала

ФА СыктГУ. 0828-26. 3/3 З. Н. Мехреньгиной, 1990 г., д. Матлуг Сафроновского с/с Ленского р-на. Исп. Маланина Е. Д. Расшифровка текста Е. А. Дороховой.

Контаминация с балладным сюжетом «гибель солдата на чужбине» (см. Указатель сюжетов).

См. I, №№ 8, 8а, 8г, 8д.

8в. Горе-горькая наша кукушка

РФ ЯКМ. Качева. № 32. Зап. О. М. Селивановой. Исп.: см. коммент. к № 1е.

Разбивка на строки как в рукописи.

¹ следующая строка зачеркнута: «Только лодочка чернеет». Контаминация с сюжетами солдатской песни *Уж ты сад ли, ты мой сад, сад зелененькой*. Текст при записи претерпел «литературную» обработку.

См. I, №№ 8, 8а, 8б, 8г, 8д.

8г. Чуть зорюшка занялась

РО ИРЛИ. Васильева. № 54. Зап. Л. И. Васильевой, 1943 г. Исп.: см. коммент. к № 1ж.

Разбито на строки как в рукописи. Фрагмент балладного сюжета «смерть солдата в походе».

Вар.: ФА СыктГУ. 0820-6 (фр.):

Горе горькая была да кокушка,
Вот кокушка.
Летала, горевала
Да себе мила искала.
А нашла дружка, да ненадолго,
На один только часочик.

Фр. ФА СыктГУ. 0826-45 (фр.):

Во сыром бору кокушечка кокует,
Вот горюет.
Не ясён сокол с тепла гнёзда слетает,
Добрый молодец с квартиры поезжает.
Не отец его, не мати провожает...

Сюжет распространен повсеместно на нижней Вычегде с несколькими зачинами. Контаминированную версию сюжета представляет вар. № 8д (см. Указатель сюжетов).

См. I, №№ 8, 8а—8в.

8д. Крысна девка да красная девка Катерина

ФА СыктГУ. 0827-1. 3/3 З. Н. Мехреньгиной, 1990 г., д. Вандыш Слободчиковского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 7г. Расшифровка текста Е. А. Дороховой.

Имеет другой зачин; содержит неполную версию балладного мотива «девка-пташка».

См. I, №№ 8, 8а, 8в, 8г.

9. Вы прошайте-ко, девки-то, бабы

РАМ. ф. 2225-46. З/з Т. К. Соловьевой, 1985 г., д. Белопашино Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 6. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

«Поют, когда провожают парней в армию» (исп.).

Запись единственного вар.

10. Я вечер дружка дак милого

РАМ. ф. 2225-59. З/з Т. К. Соловьевой, 1985 г., д. Белопашино Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 6. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

«Долгая» (соб.). Нарушена логика повествования, нет начала.

См. I, №№ 10а—10в.

10а. Я-то не верила девкам-подружкам

ФА СыктГУ. 0814-21. З/з З. Н. Мехреньгиной, 1989 г., д. Выемково Сафроновского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 1д. Расшифровка текста Е. А. Дороховой.

¹ могут — в значении «только».

Нет концовки текста (ср. №№ 10б, 10в).

См. I, №№ 10, 10б, 10в.

10б. Я не верила своим подружкам

РО ИРЛИ. Васильева. № 50. Зап. Л. И. Васильевой, 1943 г. Исп.: см. коммент. к № 1ж.

¹ правильно: радешенек.

См. I, №№ 10, 10а, 10в.

10в. Я не верила, девка, подружкам

РФ ЯКМ. Качева. Зап. О. М. Селивановой. Исп.: см. коммент. к № 1е.

Разбивка на строки в рукописи иная. В оригинале: строка разбита на полустроки: «Я не верила / своим подружкам...» и т. д.

¹ В тексте зачеркнуто: что.

Сюжет встречается в Ленском районе с двумя версиями зачина. Кроме того, текст № 10б имеет продолжение и другую концовку. Ср. также сюжет в Вилегодском районе *Малолетняя да девчонка за гульбой рано пошла* (№ 33; см. Указатель сюжетов).

См. I, № 10, 10а, 10б.

11. Поле чистоя турецкая

ГЦМОМК. Ф. 450. № 528; ФК. ф. 1066-13. З/з А. С. Кабанова, 1970 г., д. Паладино Сафроновского с/с Ленского р-на. Исп. Серебренников С. Н. Нот. и расшифровка текста А. С. Кабанова.

Единственный вар. местной записи; представляет собой краткий вид текста, без развернутой концовки и других мелких деталей и сюжетных подробностей (см. Указатель сюжетов).

Напев стиховой (уникальный образец для нижней Вычегды). Мелодический склад тот самый, который Е. В. Гиппиус определял как «мелодику широкого шага» и считал свойством мужского исполнительства.

12. Ох ты, Ваня, разудала да голова

ФК. ф. 6019. 3/3 В. Щурова и А. В. Медведева, 1959 г., с. Яренск Ленского р-на. Исп.: Гужова Н. А., Гулина О. Н., Дайц В. Я., Катанова В. С., Митрошина А. Ф., Митрошина М. В., Широких Г. В. (запев.), Шубенина М. И. Нот. Е. В. Гиппиуса.

См. I, № 12а—12в.

12а. Экой Ваня, разудала голова

ФА СыктГУ. 0814-19. 3/3 З. Н. Мехреньгиной, 1989 г., д. Выемково Сафроновского с/с Ленского р-на. Исп.: Бабцова Л. И., Зубенко А. П., Попова З. Е., Софина Н. А., Туробова А. Д. Расшифровка текста Е. А. Дороховой.

См. I, №№ 12, 12б, 12в.

12б. Экой Ваня, разудала голова

РФ ЯКМ. Качева. Зап. О. М. Селивановой. Исп.: см. коммент. к № 1е.

См. I, №№ 12, 12а, 12в.

12в. Экой Ваня, да разудала, Иван, головушка твоя

ФА СыктГУ. 0470-25. 3/3 А. Н. Власова, 1989 г., д. Истоминская Беляевского с/с Вилегодского р-на. Исп. Меньшикова Н. А. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой. Фр.

См. Указатель сюжетов.

См. I, №№ 12, 12а, 12б.

13. А-ох, да как по нашему по Невскому да проспекту

ФК. ф. 242-45. 3/3 А. С. Абрамского, 1964 г., д. Б. Остров Козьминского с/с Ленского р-на. Исп.: Бережных А. В., Бережных А. Ф., Бережных Е. А., Кожевникова М. Е., Маховская П. В., Прилуцкая У. А., Софина В. И., Суранова П. А., Хомутникова А. И. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса (1971 г.).

Очевидно, это первый состав коллектива, из которого в более поздних записях фигурируют только более молодые В. И. Софина и А. В., А. Ф. и Е. А. Бережных.

См. I, №№ 13а—13в.

13а. Эх, што с-по нашему с-по Невскому проспекту

РАМ. ф. 2225-63. 3/3 Т. К. Соловьевой, 1985 г., д. Белопашино Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 6. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

«Рекрутская» (соб.).

См. I, №№ 13, 13б, 13в.

13б. Ещё шли-прошли да бурлаки молодые

ФА СыктГУ. 0421-11. 3/3 А. Н. Власова, Е. А. Шевченко, 1987 г., д. Роженец Ильинского с/с Вилегодского р-на. Исп. Сабашникова В. Ф. Расшифровка текста Е. А. Дороховой.

Вар. окончания в другой записи от той же исполнительницы:

Ой, не смочить сыра земля слезами,
Не напоить синее море горечими (ФА СыктГУ. 0432-4а).

См. I, № 13, 13а, 13в.

13в. Уж как шли-прошли казаки молодые

Публ.: Иваницкий. № 264.

Распространенный песенный сюжет рекрутской песни зафиксирован в Ленском и Вилегодском районах с разными зачинами и незначительными текстовыми расхождениями.

Вар.: ФА СыктГУ. 0455-3 (Вилегодский р-н).

См. I, №№ 13, 13а, 13б.

14. Мне не жаль павы, жаль пёрышка

ГЦМОМК. Ф. 450. № 507-508; ФК. ф. 1334-26. 3/3 А. В. Медведева, В. Б. Сорокина, 1971 г., д. Микшина Гора Сафроновского с/с Ленского р-на. Исп.: Жданова А. А., Кривошеина Е. А. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

Ритмическая форма напева характерна для средне- и южнорусских баллад.

Балладный сюжет «муж губит жену по навету свекрови» (см. Указатель сюжетов, № 33). Несколько иной сюжет с тем же зачином распространен повсеместно, в том числе и в южнорусской традиции, на Печоре — с зачином «Сизенькой голубчик сидел на дубочку». — ТКУЦ (ЛП). № 108). См.: «Мне запомнилась великолепная по мелодии песня, которую я слышал в разных местах, даже за пределами Смоленщины. Она состоит из двух четверостиший, которые при пении повторяются два, три и больше раз. Очевидно, не ради содержания, а для красивой мелодии. Текст ее таков: „Как летела павы / Через сине моря (вместо море), / Уронила павы / С крыла пёрышко. / Мне не жалко крыла, / Жалко пёрышка, / Мне не жаль мать-отца, / Жалко молодца“. Сами певицы разъясняли мне, что песню поют о солдате, которого „забрали по набору“. Молодой парень, женившийся 18 лет, через три года призывается на военную службу, и его увозят невесть в какой город. Русский набор в солдаты всегда сопровождался разгулом „забранных“ деревенских парней и всех жен и матерей. Возможно, что эта песня, художественная по содержанию, выражает правильно тоску и сожаление молодой женщины, от которой, как перышко от крыла, оторвался, „уронился“ ее супруг. Но несомненно и другое. Именно —

что русская народная лирическая песня, без отношения к ее словесному содержанию, долго живет в народе благодаря своей музыкальной красоте, благодаря большому разнообразию увлекательных мелодий.» (Богданов В. В. Этнография в истории моей жизни. М., 1989. С. 133).

Вар.: 0431-17, 0432-36, 0461-93, 0477-21 (Вилегодский р-н).

См. I, №№ 14а—14е.

14а. Ой, летела пава через три поля

ФА СыктГУ. 0424-48. 3/3 А. Н. Власова, 1987 г., с. Ильинско-Подомское Вилегодского р-на. Исп. Байбородина И. А.

Публ.: Фольклор Виледи. С. 66, № 29.

По сравнению с изданным исправлено разделение на строки.

См. I, №№ 14, 14б—14е.

14б. Летела пава да через улицу

ФА РГПУ. 02ФА 03-46 (В25). 3/3 А. Александровой, 2003 г., д. Тохта Ленского р-на. Исп. Жданова Л. Н. Расшифровка текста А. Александровой.

¹ Во время пения исполнительница замечает: «Длинная песня-то. <Соб.: — А дальше что?> Вся знаю. Ну, они потом начинают петь».

² «К чему, не знаю, чего тут такое! Я говорю: „Вы чего поете-то, — говорю, — песнь-то старинная, вы чего-то тут запеваеете?“ — А для веселия, говорит, ну вот. А песня такая, значит, ну вот. <Соб.: — А дальше?> А потом, а дальше, значит».

См. I, №№ 14, 14а, 14в—14е.

14в. Уж ты сад ли, ты мой сад, сад зелененькой

ФА СыктГУ. 0415-5. 3/3 А. Н. Власова, 1986 г., д. Пригодино Вилегодского с/с Вилегодского р-на. Исп. Анкудинова П. Е.

Начало другое, и сюжет ограничивается мотивом прощания девушки с парнем. (см. № 14б); зачин другой (ср. №№ 14, 14а, 14б).

См. I, №№ 14, 14а, 14б, 14г—14е.

14г. Уж ты сад ли, ты мой сад, сад зелененькой

ФА СыктГУ. 0415-11 (фр.; см. № 14в).

Повторная запись того же сюжета (№ 14в), представляет собой контаминированный вар. с сюжетом *Ой летела пава через три поля*.

См. I, № 14, 14а—14в, 14д, 14е.

14д. Сад ли, мой сад, сад зелёной

ФА СыктГУ. 0420-20 (фр.). 3/3 А. Н. Власова, 1987 г., д. Сидоровская Ильинского с/с Вилегодского р-на. Исп. Богданова С. П.

Контаминированный вар. с сюжетом *Ой, летела пава через три поля* (См. №№ 14а, 14б).

Вар.:

ФА СыктГУ. 0415-11:

Уж ты сад ли, ты мой сад, сад зелененькой,
Ой, почему рано цветёшь да россыпаеессе,
Ой, сколь далёко, милой мой, собираиссе?
Да почему со всема людьми говоришь, со мной ругаиссе?
— Да не ругаюсь с тобой, милая, с тобой речь не говорю.
Прожил годик, прожил два, прослужил годочка три,
На четвёртой на годочик дроля катится домой,
Да к отцу к матери родной да к жонове дорогой.

ФА СыктГУ. 0420-20:

Сад ли, мой сад, сад зелёненькой,
Сад зелёненькой, розвесёленькой,
Ты зачем рано цветёшь, осыпаеесся,
Сколь далече, милый мой, собираеешься?
Ты во путь ли, во поход, во дороженьку?
Со всема, милой, людьми респросаеессе,
А со мною, с молодой, всё ругаеешься.
Не ругайся, не бранись, скажи: «Милая, прощай!»
Тут литела пава через синие моря,
Обронила пава с крыла пёрышко.
Мне не жалко крыла, жалко пёрышка,
Не жаль матери-отца, жалко молодца.

См. I, №№ 14, 14а—14г, 14е.

14е. Молодой молодец на службе служил

РО ИРЛИ. Васильева. № 55. Зап. Л. И. Васильевой, 1943 г. Исп.: см. коммент. к № 1ж.

Начало другое, но повторяет сюжет *Ой, летела пава через три поля*.

См. I, № 14, 14а—14д.

15. Между ричками, ох, да между быстрыря

ФК. ф. 242-24, н-6779. 3/3 А. С. Абрамского, 1964 г., д. Остров Козьминского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 3. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса (1971 г.).

См. I, № 15а.

15а. Что не пыль-то во поле запыляется

Публ.: Иваницкий. № 578.

См. I, № 15.

16. Не бела зоря занималася

ФК. ф. 1416-13, н-8404. 3/3 В. В. Сорокина и Е. С. Кустовского, 1972 г., с. Ильинско-Подомское Вилегодского р-на. Исп.: Демидова Е. М., Денисова А. П. (урож. с. Емецк), Фокина М. П. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса (1972 г.).

См. I, № 16а—16г.

16а. Не бела зоря занималася

ФА СыктГУ. 0427-13. 3/3 А. Н. Власова, 1987 г., д. Залесье Павловского с/с Вилегодского р-на. Исп.: Губкина З. А., Пахтусова А. Д., Пахтусова Е. Д., Суворова М. А., Федяева М. С., Федяева О. Д. Расшифровка текста Е. А. Дороховой.

См. I, № 16, 16б—16г.

16б. Прошла молодость моя, прошла-прокатилася

ФА СыктГУ. 0463-40. 3/3 А. Н. Власова 1987 г., д. Моисеиха Павловского с/с Вилегодского р-на. Исп. Елезарьева З. Н.

См. I, №№ 16, 16а, 16в, 16г.

16в. Прошла молодость моя, прошла-прокатилася

ФА СыктГУ. 0464-61. 3/3 З. Н. Мехреньгиной, 1988 г., ст. Виледь Никольского с/с Вилегодского р-на. Исп. Гомзикова Е. М., урож. д. Задниково Никольского с/с.

См. I, №№ 16, 16а, 16б, 16г.

16г. Прошла молодость моя, да прошла-прокатилася

ФА СыктГУ. 0426-6. 3/3 Е. А. Шевченко, 1987 г., д. Горка Павловского с/с Вилегодского р-на. Исп. Пунинова М. Ф.

Фрагмент второй версии с некоторыми дополнительными деталями. Сюжет зафиксирован в двух версиях с разными зачинами только на Виледи (см. Указатель сюжетов).

Публ.: Фольклор Виледи. № 16.

Вар.: 0401-4, 0402-12, 0403-2, 0409-2, 0411-17, 0424-11, 0430-6, 0430-7, 0432-39, 0433-10, 0436-19, 0462-98, 0477-19, 0479-30, 0482-31, 0483-50, 0484-76, 0492-2, 0492-17.

См. I, №№ 16, 16а—16в.

17. Што(й) жо вы, девушки, да што(й) жо вы, красные

ФК. ф. 1067-5, н-6290, н-6194. 3/3 А. В. Медведева, А. С. Кабанова, 1970 г., д. Ивановка (Ленский Наволок) Ленского с/с Ленского р-на. Исп.: Койнова А. А. (запев.), Селиванова О. М., Тарасова Е. Д. Нот. Е. В. Гиппиуса. Текст идентичен № 17б.

17а. Что вы, девушки, эй, да всё-то задумались

РАМ. ф. 2225-70. 3/3 Т. С. Соловьевой, 1985 г., с. Сойга Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 1в. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

17б. (да) Што(й) жо вы, девушки, да што(й) жо вы, красные

ФК. ф. 1067-5, н-6194. 3/3 А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Ивановка (Ленский Наволок) Ленского с/с Ленского р-на. Исп. Койнова А. А. Текст идентичен № 17.

17в. Да что, девушки, все-то задумались

ФА СыктГУ. 0837-8. 3/3 А. А. Бильчука, 1990 г., д. Черныхано Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 2г.

См. I, № 17, 17а, 17б, 17г—17е.

17г. Что вы, девушки, призадумались

РФ ЯКМ. Качева. Зап. О. М. Селивановой. Исп.: см. коммент. к № 1е.

Разбивка на строки как в рукописи. Запись сделана явно с краткого и путаного пересказа сюжета: мотив тоски девушки (1—3-я строки); мотив выбора жениха (4—6-я), концовка (7-я) — как отдельная строка, указывающая на плохой выбор. Не приведенные мотивы см. 17в.

См. I, № 17, 17а—17в, 17д, 17е.

17д. Млад солвьешко, ты наш батюшка

РФ ЯКМ. Качева. Зап. О. М. Селивановой. Исп.: см. коммент. к № 1е.

Текст представляет собой недостающие мотивы сюжета (см. № 17в), но приведен как отдельный сюжет солдатской песни. Запись сделана также «с пересказа», но с попыткой сохранения песенной строки.

17е. Что вы, девушки, да чтой-то вы, красненькие

ФА СыктГУ. 0822-18 (фр.). 3/3 З. Н. Мехреньгиной, 1990 г., д. Бор Суходольского с/с Ленского р-на. Исп.: Иванова В. П., Парыгина П. М., Успасских В. П.

См. I, № 17, 17а—17д.

18. Кусточки-ти, эх, да лавровые

ФК. ф. 1538-1543-1. 3/3 Е. С. Кустовского и В. Б. Сорокина, 1972 г., д. Кулига (Бердышиха) Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 1. Нот. Е. В. Гиппиуса.

«Долгая» (соб.).

Публ.: 12 РНП. С. 126—130.

18а. Кусточки-те, эй, да лавровые

ФА СыктГУ. 08 26-25. 3/3 З. Н. Мехреньгиной, 1990 г., д. Вандыш Слободчиковского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 7г.

Вар.: ФА СыктГУ. 0826-7 (фр.):

Кусточки лавровые
В болоте шумят.
Не шумите, кусты лавровые,
Хоть на маленький часок.
За речушкой да за быстрою
Барабанчики бьют:
Не мою ли милую
К венчанью ведут?

ФА СыктГУ. 0839-25 (фр.):

Кусточки да лавровые
На болотичке да шумят.

Распространенный сюжет в ленской субтрадиции. Ср. с не менее распространенным *Недозрелая калинушка* (№ 31).

См. I, № 18.

19. Калинушка, ой, да с малинушкой

РАМ. ф. 2224-11. 3/3 Т. К. Соловьевой, 1985 г., д. Кулига (Бердышиха) Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: Коршунова А. А., Черепанова А. К., Щипина О. Я. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

«Долгая».

См. I, № 19а—19г.

19а. Хорошенькая, ой, да настоечка

ФК. ф. 1067-53, н-6289. 3/3 А. В. Медведева, А. С. Кабанова, 1970 г., д. Бор Суходольского с/с Ленского р-на. Исп.: Иванова В. П., Леушева Ф. Я., Осколкова О. В., Парыгина А. П., Парыгина К. М., Парыгина П. М., Туркина А. П. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

Версия с другим зачином.

См. I, №№ 19, 19б—19г.

19б. Калинушка, о-ой, да с малинушкой

ФА СыктГУ. 0827-3. 3/3 З. Н. Мехреньгиной, 1990 г., д. Вандыш Слободчиковского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 7г.

¹ С этой строки запись идет с пересказа.

См. I, № 19, 19а, 19в, 19г.

19в. Калинушка да с малинушкой

ФА СыктГУ. 0837-6. 3/3 А. А. Бильчука, 1990 г., д. Черныхано Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 2г.

«По ягоды идут, поют. Когда хочешь. Раньше девки в праздник пойдут гулять, дак где очень ея поют» (исп.).

Текст в полузабытом и структурно разрушенном состоянии.

См. I, № 19, 19а, 19б, 19г.

19г. Калинушка с малинушкой, лазоревый цвет

ФА СыктГУ. 0430-28. 3/3 А. Н. Власова, 1987 г., с. Ильинско-Подомское Вилегодского р-на. Исп.: см. коммент. к № 14а.

Измененная и сокращенная версия сюжета.

Сюжет встречается в Ленском и Вилегодском районах (см. Указатель сюжетов).

См. I, № 19, 19а—19в.

20. Шли солдатики-солдаты с походу

ФК. ф. 1417-35, н-8398. 3/3 Е. С. Кустовского и В. Б. Сорокина, 1972 г., д. Берег Пречистенского с/с Вилегодского р-на. Исп.: Вьюхина М. И., Ильина А. В., Инкина П. Ф., Кобелева А. Ф. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

Отличается концовка: «За реками-то лужки зеленые, ой, да / Во лужочках-то травы шелковые». (ср. I, № 20а).

Стих. р. сил. 7+6 +(2).

См. I, № 20а.

20а. Шли савдатики, ой, савдаты с походу

ФА СыктГУ. 0432-4. 3/з А. Н. Власова, Е. А. Шевченко, 1987 г., д. Роженец Ильинского с/с Вилегодского р-на. Исп.: см. коммент. к № 13б.

Встречается только на Виледи с таким зачином (см. Указатель сюжетов).

Другая концовка: «Межу ричкима, ой, камни золотые» (ср. I, № 20).

Публ.: Фольклор Виледи. С. 64, № 26.

Стих. р. сил. 7+6.

Вар.: 0421-11, 0455-3.

См. I, № 20.

21. Красивая девушка во садике гуляла

ФК. ф. 1356-7, н-6022. 3/з В. М. Щурова, А. В. Медведева, 1959 г., с. Прециста Вилегодского р-на. Исп. не указаны. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гишпиуса.

Другой сюжет ср.: 7, 7а.

См. I, №№ 21а—21в.

21а. Красива девушка во садике гуляла

ФК. ф. 1338-22, н-11472. 3/з В. Б. Сорокина, 1974 г., д. Княжица Сольвычегодского с/с Котгласского района. Исп.: Кучина А. М., Уткина А. А., Уткина М. Ф., Чупракова Е. В. (запев.), Чупракова А. П. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гишпиуса.

Во время звукозаписи исполнительницы спели в 11-м и 12-м двустихиях по ошибке «упрямая» вместо «утрюмая» и просили исправить эту ошибку. Одна и та же версия с вилегодскими вар.

См. I, №№ 21, 21б, 21в.

21б. Красива девушка во садочике гуляла да черёмушку брала

ФА СыктГУ. 0455-36. 3/з А. Н. Власова, Е. А. Шевченко, 1987 г., д. Роженец Ильинского с/с Вилегодского р-на. Исп. Сабашникова В. Ф. Расшифровка текста А. Н. Власова.

9—10-я строки: фонетические вар. *во зарушку / изо жарушки*. Упоминание гидронима *Волга* не встречается в других субрегиональных вар.

См. I, №№ 21, 21а, 21в.

21в. Красива я была

ФА СыктГУ. 0827-3. 3/з З. Н. Мехреньгиной, 1990 г., д. Вандыш Слободчиковского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 7г. Расшифровка текста Е. А. Дороховой.

¹ [косы] русы — явный пропуск исполнителей.

По сути, на один напев существует два сюжета, второй — в двух версиях. (см. Указатель сюжетов). Встречается на Вычегде и Виледи.

Ср.: ФА СыктГУ. 0803-22 (фр.):

Дружка со белому лицу,
И со белому лицу, белому лицу,
Ой, лицу со черным-то бровям,
Да брови черные, роз... розвесёлые глаза,
И розвесёлые глаза.
Ох, да... кудри до самого конца,
Увезут солдата молодца...

Вар.: 0429-11, 0432-26, 0443-3, 0443-5, 0449-55, 0488-3.
См. I, №№ 21, 21а, 21б.

22. Маленькой мальчишецько в горенке сидел

ФК. ф. 242-32, н-6776. 3/3 А. С. Абрамского, 1964 г., д. Остров Козьминского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 15. Нот. Е. В. Гиппиуса (1971 г.).

Единственная запись; в более поздних полевых записях не встречается.

23. Полюбил жо да молодец

ФК. ф. 1067-3, н-6280, н-6193. 3/3 А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Ивановка (Ленский Наволок) Ленского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 2. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

Расшифровка сделана с двух записей: одногласной и трехголосной. Текст обеих записей один и тот же, за исключением незначительных фонетических расхождений и других деталей, связанных с ритмическим строем двух текстов, ср.: начало («Полюбил-ко да молодец, / Эх, да [молоду жо] молодку»); «Он заботушки да об ней, / Эх, немало полуцает»; «Много тёмненьких да ноцей / Эх, маленько усыпает»; « — Уж ты спишь али да не спишь, / Эх, да моя любезная?». Текст публикуется по одногласной записи.

См. I, №№ 23а—23д.

23а. Полюбил же молодец да молодую молодку

РАМ. ф. 2227-125. 3/3 Т. К. Соловьевой, 1985 г., с. Козьмино Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 5. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

«Долгая».

См. I, № 23, 23б—23д.

23б. Ростошнёшенько-тошно

ФК. ф. 241-29, н-11262. 3/3 А. С. Абрамского, 1964 г., с. Суходол Ленского р-на. Исп. Парыгин А. П. Нот. и расшифровка текста А. С. Кабанова.

«Долгая». Балладный сюжет женской лирики. Зачин другой, ср. №№ 23, 23а, 23г. Те же сюжетные мотивы встречаются в других текстах (см. Указатель сюжетов).

Стих. р.: сил. 7+6, расширенный за счет словообрыва и повторов: 7+5+4. Близок к книжному стиху.

См. I, №№ 23, 23а, 23в—23д.

23в. Ой, не тошно ли тому, кто по девкам ходит

ФК. ф. 1068-8, н-5903. 3/з А. В. Медведева и А. С. Кабанова, 1970 г., д. Устье Рябовского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 7б. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

Другой вар. зачина (ср. 23б, 23д). Концовка сюжета отсутствует.

См. I, №№ 23, 23а, 23б, 23г, 23д.

23г. Полюбил меня молодец

ФА СыктГУ. 0839-17. 3/з А. А. Бильчука, 1989 г., д. Литвино Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 7в. Расшифровка текста А. Н. Власова.

¹ правильно: Около её двора.

См. I, № 23, 23а—23в, 23д.

23д. Не скучно ли тому, кто кого полюбит?

Публ. по: Иваницкий. № 109.

Другой вар. зачина (ср. №№ 23б, 23г). Концовка: «Лучше мне бы во любви / С миленьким нажитья» — в других местных вар. отсутствует.

Сюжет распространен в Ленском районе, на Виледи не зафиксирован.

См. I, №№ 23, 23а—23г.

24. Чует, чует Коленька сам себе невзгоду

ФК. ф. 1416-18, н-8401. 3/з В. В. Сорокина и Е. С. Кустовского, 1972 г., с. Ильинско-Подомское Вилегодского р-на. Исп.: Блинова Л. П., Демидова Е. М., Дуракова Е. В., Кашинцева А. М., Коршунова Г. И., Меньшикова А. Н., Пахтусова В. Д., Сабашникова В. Ф., Фокина М. П. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гишпиуса.

См. I, № 24а.

24а. Чует, чует Коленька сам себе невзгоду

ФА СыктГУ. 0424-45. 3/з А. Н. Власова, 1987 г., с. Ильинско-Подомское Вилегодского р-на. Исп.: см. коммент. к № 14а.

Публ.: Фольклор Виледи. С. 68, № 34.

Вар.: 0409-18, 0432-28, 0455-23, 0436-8, 0461-78, 0461-94, 0464-71, 0481-34, 0481-43, 0482-30, 0483-49, 0492-14.

Сюжет солдатской песни распространен только на Виледи.

См. I, № 24.

25. Во слободке-то было во новой

ФК. ф. 1335-24. 3/з А. В. Медведева и В. Б. Сорокина, 1971 г., д. Кулига (Бердышиха) Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп. не известна. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

См. I, № 25а.

25а. Во слободке-то было во новой

РАМ. ф. 2226-73. 3/3 Т. К. Соловьевой, 1985 г., с. Сойга Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 1в. Нот. Е. А. Дороховой.

См. I, № 25.

26. Распечальное моё дивьё сердцё

ФК. ф. 1417-34, н-84000. 3/3 Е. С. Кустовского и В. Б. Сорокина, 1972 г., д. Берег Пречистенского с/с Вилегодского р-на. Исп.: см. коммент. к № 20. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

См. I, № 26а.

26а. Распечальное моё дивьё сердце

СыктГУ 0430-5. 3/3 А. Н. Власова, 1987 г., с. Ильинско-Подомское. Исп.: см. коммент. к № 14а. Расшифровка текста А. Н. Власова.

Встречается только на Виледи. Текст — книжная стилизация, близок к игровым. Оба вар. дают разные версии текста.

Стих. р.: сил.-тон.

См. I, № 26.

27. Отходили мои ножки

РАМ. ф. 2225-64. 3/3 Т. К. Соловьевой, 1985 г., д. Белопашино Соигинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 6. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

«Долгая».

См. I, №№ 27а, 27б.

27а. Эх, отходил да отгулял да по этой дороженьке

ФА СыктГУ. 0424-43. 3/3 А. Н. Власова, 1987 г., с. Ильинско-Подомское Вилегодского р-на. Исп.: см. коммент. к № 14а.

Публ.: Фольклор Виледи. С. 61, № 17.

Вар.: 0420-5, 0432-16, 0427-33, 0448-48, 0482-27, 0483-52.

См. I, №№ 27, 27б.

27б. Ходили мои ножки

ФА СыктГУ. 0839-11. 3/3 А. А. Бильчука, 1989 г., д. Литвино Соигинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 7в. Расшифровка текста А. Н. Власова.

За исключением некоторых мелких деталей, вилегодский и ленский вар. сюжета почти одинаковы.

См. I, №№ 27, 27а.

28. Ой, росла жо во поле травка

ФК. н-6021. 3/3 А. В. Медведева и В. М. Щурова, 1959 г., д. Микшина Гора близ с. Яренск Ленского р-на. Исп.: Агеева Л. И., Курынова Е. М., Лукошникова А. И., Попова К. А., Тумалёва А. И., Фомина А. И. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

¹ вар.: наверно, ты цель-то знаёшь.

См. I, №№ 28а—28д.

28а. Ой, росла же в поле, в поле травка

ФА СыктГУ. 0804-7. 3/3 З. Н. Мехреньгиной, 1988 г., д. Матлуг Сафроновского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 8б. Расшифровка текста А. Н. Власова.

Текст в разрушенном состоянии, с пропусками и нарушенной логикой сюжетного повествования.

См. I, №№ 28, 28б—28д.

28б. Росла жо было в поле травка

ФА СыктГУ. 0820-11. 3/3 З. Н. Мехреньгиной, 1989 г., д. Лопатино Иртовского с/с Ленского р-на. Исп.: Пименова О. Д., Софина С. Н. Расшифровка текста А. Н. Власова.

Текст в разрушенном состоянии, нарушена логика сюжетного повествования.

¹ коммент. исполнительницы по ходу записи.

См. I, №№ 28, 28а, 28в—28д.

28в. Ай, что-то росла

ФА СыктГУ. 0816-7. 3/3 З. Н. Мехреньгиной, 1989 г., д. Большой Кряж Сафроновского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 2в. Расшифровка текста А. Н. Власова.

Логика сюжетного повествования разрушена, концовки нет.

См. I, №№ 28, 28а, 28б, 28г, 28д.

28г. Росла в поле травка, росла да подсохла

РФ ЯКМ. Качева. Зап. О. М. Селивановой. Исп.: см. коммент. к № 1е.

Нарушена логика повествования. Запись произведена «с пересказа» песни исполнительницей. Деление на строки частично реконструировано по сравнению с записью в тетради.

См. I, №№ 28, 28а—28в, 28д.

28д. Ой, да что росла же

РО ИРЛИ. Васильева. № 49. Зап. Л. И. Васильевой, 1943 г. Исп.: см. коммент. к № 1ж.

Запись сделана «с голоса» весьма неумело, с нарушением строфики поэтического текста и пропусками распетых целых слов и фраз.

Вар.: ФА СыктГУ. 0805-20:

Что росла в поле травка,
Росла, да она подсохла.
Росла, да травка подсохла...
Ой, любил ли парень девку,
Любил, да, дурак, покинул.
Любил, да, дурак покинул...
— Ой, ты на што жо, парень, покидаешь?
Да разве ты чево-ка знаешь?
— Уж я знаю, знаю, понимаю.
Сам путём я отъезжаю.

Сам путём отъезжаю.
*(Всё не так поем.)*¹
 Я путём да отъезжаю,
 Путь-дорожку отъезжаю...
 — Да на ково ты оставляешь...

¹ коммент. исполнительницы по ходу записи.

См. I, №№ 28, 28а—28г.

29. Уколола ноженьку во долинушке

ФК. н-6015. 3/з Е. В. Гиппиуса, 1926 г., Ленинград. Исп.: сестры Эповы (Еповы) А. А. и Н. А., урож. д. Юргино Ленского р-на. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

Текст ориентирован на книжную структуру.

30. Соловеюшко, парень молодой

ФК. ф. 1067-36, н-6292. 3/з А. В. Медведева и А. С. Кабанова, 1970 г., д. Остров Козьминского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 3. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

См. I, № 30а.

30а. Соловеюшко — парень молодой

РФ ЯКМ. Качева. Зап. О. М. Селивановой. Исп.: см. коммент. к № 1е. Встречается только в ленской субрегиональной традиции (см. Указатель сюжетов).

См. I, № 30.

31. Ох, незрелая да калинушка

ФК. н-5900. 3/з А. В. Медведева и А. С. Кабанова, 1970 г., д. Устье Рябовского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 7б. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

См. I, №№ 31а—31в.

31а. Незрелая да калинушка

СыктГУ. 0626-33. 3/з А. Н. Власова, 1988 г., д. Новиково Харитоновского с/с Котласского р-на. Исп.: Козицина К. О., Козицина М. С., Козицина У. Ф. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

См. I, № 31, 31б, 31в.

31б. Незрелая да калинушка, её нельзя заломать

ФА СыктГУ. 0404-10. 3/з А. Н. Власова, 1986 г., д. Большой Двор Фоминского с/с Вилегодского р-на. Исп. Тропникова А. И. Расшифровка текста А. Н. Власова.

Вар.: ФА СыктГУ. 0401-27, 0401-65, 0402-20, 0403-3, 0406-9, 0408-2, 0408-21, 0408-27, 0411-5, 0420-3, 0422-5, 0426-7, 0427-20, 0429-28, 0432-27, 0433-27, 0436-12, 0436-51, 0437-1, 0439-33, 0446-1, 0441-2а, 0442-25, 0448-46, 0448-47, 0450-45, 0455-35, 0477-20, 0481-33, 0481-42, 0482-28,

0483-46, 0488-39, 0492-11, 0493-21, 0493-36, 0479-10, 0471-34, 0470-14, 0458-44.

См. I, №№ 31, 31а, 31б.

31в. Ой, незрелая да калинушка

ФА СыктГУ. 0840-16, 0840-21. 3/3 А. А. Бильчука, 1990 г., д. Устье Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 3в. Расшифровка текста А. Н. Власова. «А это просто на свадьбах поют, и на праздниках тоже поют. Веселая такая и печальная» (исп.).

См. I, №№ 31, 31а, 31б.

32. Ох, ково-то нету, тово стало жаль

ФК. ф. 1068-9, н-5893. 3/3 А. В. Медведева и А. С. Кабанова, 1970 г., д. Устье Рябовского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 7б. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

¹ Стих исп. пели во время 3/3 в двух разных версиях: одни — «Да поютру ранёшенько вставал», другие — «Да я-то заснула, ранёшенько вставала».

См. I, № 32а—32к.

32а. Ой, да ково нету, да тово-то жаль

РАМ. ф. 2222-10. 3/3 Т. К. Соловьевой, 1985 г., д. Кулига (Бердышиха) Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 19. Нот. Е. А. Дороховой.

См. I, №№ 32, 32б—32к.

32б. Ково нету, тово мне-ко жаль

ФА СыктГУ. 0414-10. 3/3 А. Н. Власова и Е. А. Шевченко, 1986 г., д. Гришинская Вилегодского с/с Вилегодского р-на. Исп. Швелёва Е. М. Нот. Е. А. Дороховой.

Вар.: ФА СыктГУ. 0406-13, 0408-10, 0408-24, 0411-3, 0411-25, 0413-1, 0414-1, 0414-20, 0424-36, 0429-31, 0439-24, 0445-30, 0446-25, 0479-8, 0481-54, 0492-13, 0492-19, 0493-23.

См. I, №№ 32, 32а, 32в—32к.

32в. Ой, да кого нету, того мне стало жаль

РАМ. ф. 2224-21. 3/3 Т. К. Соловьевой, 1985 г., д. Литвино Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 7в. Расшифровка текста Е. А. Дороховой.

«Долгая».

См. I, №№ 32, 32а, 32б, 32г—32к.

32г. Кого-то нету-тко, больно стало жаль

ФК. ф. 1067-16. 3/3 А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Ивановка (Ленский Наволок) Ленского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 2, а также Головушкина Е. А. Расшифровка текста Е. А. Дороховой.

См. I, №№ 32, 32а—32в, 32д—32к.

32д. Ково нету, тово жаль, когда уезжаёт милой вдаль

ФА СыктГУ. 0432-35. 3/3 А. Н. Власова, 1987 г., д. Роженец Ильинского с/с Вилегодского р-на. Исп.: см. коммент. к № 13б. Расшифровка текста Е. А. Дороховой.

См. I, №№ 32, 32а—32г, 32е—32к.

32е. Да кого нету, того жаль

ФА СыктГУ. 0823-6. 3/3 З. Н. Мехреньгиной, 1989 г., д. Кулига Суходольского с/с Ленского р-на. Исп. Фесенко А. П. Расшифровка текста А. Н. Власова.

См. I, №№ 32, 32а—32д, 32ж—32к.

32ж. Сватает у неё златы кольца да на руках

ФА СыктГУ. 0814-24. 3/3 З. Н. Мехреньгиной, 1989 г., д. Выемково Сафроновского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 12а. Расшифровка текста А. Н. Власова

¹ Первая строка явно ошибочна и не относится к данному сюжету.

См. I, №№ 32, 32а—32е, 32з—32к.

32з. Кого нету, того жаль

ФА СыктГУ. 0804-4. 3/3 З. Н. Мехреньгиной, 1988 г., д. Матлут Сафроновского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 8б. Расшифровка текста А. Н. Власова.

См. I, №№ 32, 32а—32ж, 32и, 32к.

32и. Кого нету, того жаль

РО ИРЛИ. Васильева. № 47. Зап. Л. И. Васильевой, 1943 г. Исп.: см. коммент. к № 1ж.

32к. Кого нету, да того жалко

ФА СыктГУ. 0837-10 (фр.). 3/3 А. А. Бильчука, 1990 г., д. Черныхано Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 2г. Расшифровка текста А. Н. Власова.

Вар.: ФА СыктГУ. 0801-70 (фр.), 0801-102 (фр.), 0805-21 (фр.); ФА РГПУ. 02ФА 03-47(А-3) (Ленский р-н).

ФА СыктГУ. 0805-21:

Ой, да ково нету-то, нету, тово жаль.
 Уезжает милой вдаль, милой вдаль.
 Уезжает-то милой, оставляет
 Одни ласковы слова, слова.
 Ой, на прощанице миленькой оставил
 Ой, с ручки перстень, перстень золотой, золотой.
 День на рученьке кольцо носила,
 К ночи в (и)зголове клала, клала.
 Ой, поутру ранешенько вставала,
 Заливалася слезами, слезами.
 Ой, две пуховые новые подушки
 Потонули во слезах, во слезах.

Соболезноё моё одеялишко
Не согрело мою грудь, мою грудь,
Не согрело-то тело моё бело,
Мою нежную-то кровь.
Кабы мне-ка к милому слетать,
Мила дружка повидать,
Слово ласково сказать,
Расскажу всю тебе правду
Да обнему...

ФА РГПУ. о2ФА 03-47 (А-3) (фр.):

Кого нету-то, нету, того жаль
Ой, уезжает милый вдаль.
Уезжает-то милый,
Оставляет дай, ой, одни ла... ласковы слова¹.
Ой, слова, на прощанице милый мой оставил
Дай ой, ой, с руки пе... перстень золотой²,
Золотой.
Днем на рученьке перстень я носила,
Дай к но... к ночи в головы клала,
Ой, клала.
По утру-то ранешенько вставала
Дай у... умывалася слезьми,
Ой, слезьми.
Две пуховые новые подушечки
Спо... спотонули во слезах,
Во слезах.
Одеяльшко моя соболиное
Не... не согрело белу грудь³.

Примеч. исп.:

¹ «Там начинает, сразу подхватывает».

² «Подхватывает».

³ «Вот я не знаю, тут дальше чего там оно есть ли, нет ли. А о чем там дальше? Ой, а там я не знаю. Если бы мне, девице, воску яру, яру, воску яру, я бы как-то, в общем, склеила крылья как-то и полетела б я к нему. Вот это вроде как бы там чего-то к тому идет. Я бы ему, значит, слепила с воску яру крылья и, значит, полетела бы я к нему. А потом что-то такое вроде „милый мне навстречу идет“, вроде как это не было.

ФА СыктГУ. 0801-70 (фр.):

Ково нету, того жаль.
Уезжает милый вдаль.
Уезжает, милый оставляет
Мне малютку на руках.

ФА СыктГУ. 0801-102 (фр.):

Мне-ко ково жаль,
Да уезжает милый вдаль.
Уезжает да мене оставляет.

См. Указатель сюжетов.

33. Малолетняя да девчонка

ФК. ф. 1416-17, н-8299. 3/3 В. В. Сорокина и Е. С. Кустовского, 1972 г., с. Ильинско-Подомское Вилегодского р-на. Исп.: см. коммент. к № 24. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

См. I, № 33а.

33а. Малолетняя девчонка

ФА СыктГУ. 0408-16. 3/3 А. Н. Власова, Е. А. Шевченко, 1986 г., д. Самино Вилегодского с/с Вилегодского р-на. Исп.: см. коммент. к № 3а.

Публ.: Фольклор Виледи. С. 59, № 13.

Вар.: 0430-2, 0449-54, 0482-32, 0483-51.

Разбивка на строки в издании другая.

См. I, № 33.

34. Ох, цыганочка, ох, молодая

ФК. ф. 1068-18, н-5904. 3/3 А. В. Медведева и А. С. Кабанова, 1970 г., д. Устье Рябовского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 7б. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

¹ очевидно, «в новом банке».

² формульные заимствования из литературных текстов, популярных в народной традиции (ср.: «Со веселья долинки, со вчерашнего похмелья болит буйна голова»);

³ имеется в виду трут — сухое, быстровоспламеняющееся вещество.

⁴ измененное «тяжело».

См. I, № 34а—34г.

34а. Цыганочка, ой, да молодая

РАМ. ф. 2227-124. 3/3 Т. К. Соловьевой, 1985 г., с. Козьмино Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 5. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

«Долгая».

См. I, № 34, 34б—34г.

34б. Цыганочка, эх, да молодая

РАМ. ф. 2224-20. 3/3 Т. К. Соловьевой, 1985 г., д. Литвино Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 7в. Расшифровка текста Е. А. Дороховой.

Лирическая, пели на свадьбах во время шитья даров.

Через четыре года от той же исп. была сделана повторная запись (ФА СыктГУ. 0839-13). Текст явно разрушен и полузабыт. Ср.:

Цыганочка молодая,
Ой, дай иголочек пошить.
Дай иголки, да эх, ненадолго,
Ох, цветно платицо сошить.
Ох, не цветное, он ен простое,
Да мне на игришо сходить.
Ох, на игришо, на гульбишо,

Ко своим подруженькам,
 Да ради милого свояго.
 Ну, свояго...
 Ох, да, этой <Ва>нька
 Да в новой баньке
 Да он проценты да получал.
 Эх, проценты — большое деньги,
 Да сорок тысяч серебром.
 Ох, ну серебром...
 Да я на эти да большие деньги
 Найму двоячку лошадей.
 Ох, найму двоячку, ох, лошадей,
 Ох, разудалого ямщика.
 Ну, ямщика...
 Да двойка скачет,
 Да ямщик плачет,
 Ох, седоки песни поют.
 Ох, поют...
 На угорчик колокольчик
 Да заунывный да голосок.
 Ну, голосок...
 Да распрегладая
 Да эта цыганка,
 Да научила водку пить.
 Ох, водку пить...
 Да табак курить,
 Да все по девушкам ходить.

См. I, № 34, 34а, 34в, 34г.

34в. Цыганочка дак молодая

ФА СыктГУ. 0837-9. 3/з А. А. Бильчука, 1990 г., д. Черныхано Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 2г. Расшифровка текста А. Н. Власова.

См. I, № 34, 34а, 34б, 34г.

34г. Цыганочка молодая

ФА СыктГУ. 0826-8. 3/з З. Н. Мехреньгиной, 1990 г., д. Слободчиково Ленского р-на. Исп. Парилова Е. С. Расшифровка текста А. Н. Власова.

Var.: ФА РГПУ. 02 ФА 03-33(В 13). (фр.):

Цыганочка молодая, дай иголочку пошить.
 Дай иголку ненадолго цветно платице сошить
 Все цветное, дорогое, в нем на игришшо сходить
 На игришше на сходбише ко моим подруженькам.

Примеч. исп.: «Может, я не так крутовато, они лучше пели, вот такая. <...> Уж не поем-то, господи. Мама пела, я только слушала. А вот вы еще вспоминали какую-то сейчас? „Хазбулат удалой“ пели, „Тонкую рябину“ пели они тоже уже тогда. „Упала в реку карета“, как начало, не знаете, не помните? (спрашивает у девочек) Также в школе, наверное, пели, не пели?»

ФА РГПУ. 02 ФА 03-35(В 32) (фр.):

Цыганочка, ой, да молодая
 Да дай-то иголочку пошить
 Ой, мне-то иголку да ненадолго,
 Да цветное платьице сошить.
 Ой, мне-то цветное, ой, да дорожное,
 Да в ём-то на игришшо.

ФА РГПУ. 02ФА 03-37(А6) (фр.):

Цыганочка молодая, ворожейка ни простая, дай иголочку пошить.
 Иголку дай нинадолго, цветно платьице пошить,
 Цветное, да не простое, да в ем на игришше сходить,
 Ко подружкам да ради дружка, да ради мила своего.
 Экой Ванька мылся в баньке, он проценты получал.
 А проценты — большие деньги, сорок тысяч серебром.
 На эти деньги куплю я тройку-пару пегих лошадей.
 Куплю тройку, а потом пару пегих лошадей.

(пересказ: «Как-то тройка скачет, ямшик плачет, седоки песню поют. Вот, вот и тройка. Тройка скачет, ямшик плачет. До того наездился — плачет. А сидя чего ему песни не... распевают седоки песни...»).

Зап. А. Н. Власовым, 2003 г., с. Яренск Ленского р-на (из тетради Г. В. Широких). Исп. Г. В. Широких.

Цыганочка,
 Ой, да молодая,
 Да непростая,
 Да дай иголочку пошить,
 Да дай иголку
 Да нитку долгу
 Да цветно платьице пошить,
 Да цветное,
 Да непростое,
 Да в нем на игришшо сходить
 <...>
 Полно, мати, друга бранить,
 Небылицу говорить,
 Небылицу про девицу,
 Свою любушку страмить.

Сюжет встречается только в ленской традиции. Популярна у последних исполнителей.

См. I, № 34, 34а—34в.

35. Как во нашей во деревне

ФК. ф. 1068-17, н-5902. 3/3 А. В. Медведева и А. С. Кабанова, 1970 г., д. Устье Рябовского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 76. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

«Не шибко хорошая песня!» — заключительная реплика исп.

¹ Во время 3/3 слова, заключенные в квадратные скобки, были опущены исполнителями (соб.).

См. I, № 35а—35в.

35а. Как во нашей во деревне

ФК. ф. 6014. 3/3 Е. В. Гиппиуса, 1926 г., Ленинград. Исп.: см. коммент. к № 29. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

См. I, № 35, 35б, 35в.

35б. Как-то во нашей во деревне, во весёлой слободе

ФА СыктГУ. 0441-27. 3/3 А. Н. Власова и Е. А. Шевченко, 1987 г., д. Нылога Павловского с/с Вилегодского р-на. Исп. Губкина В. С.

Публ.: Фольклор Виледи. С. 67, № 32.

Вар.: ФА СыктГУ. 0402-31, 0403-8, 0403-9, 0406-10, 0408-12, 0408-25, 0410-13, 0479-34, 0415-7, 0420-14, 0432-34, 0424-44, 0429-30, 0433-26, 0436-57, 0436-58, 0441-3, 0445-28, 0446-2, 0481-55, 0483-28, 0482-9, 0492-18.

См. I, № 35, 35а, 35в.

35в. Как во нашей во деревне

РО ИРЛИ. Васильева. № 53. Зап. Л. И. Васильевой. Исп.: см. коммент. к № 1ж.

Вторая версия концовки сюжета.

Общераспространенный сюжет, в местной традиции имеет два вар. концовки.

См. I, № 35, 35а, 35б.

36. Со веселые долинки

ФК. ф. 1353-4, н-8396. 3/3 А. В. Медведева и В. М. Щурова, 1959 г., с. Ильинско-Подомское Вилегодского р-на. Исп.: Байбородина Е. А., Губкина М. М., Демидова Е. М., Меньшикова А. Н., Сабашникова В. Ф., Фокина М. П. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

Вторая строфа — ср.: *Цыганочка молодая* (№№ 34, 34а—34в).

См. I, № 36а.

36а. Со вчерашнего похмелья

ФК. ф. 1417-36, н-8394. 3/3 Е. С. Кустовского и В. Б. Сорокина, 1972 г., д. Берег Пречистенского с/с Вилегодского р-на. Исп.: см. коммент. к № 20. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

Общераспространенный сюжет на Русском Севере, но в вычегодской традиции зафиксирован только на Виледи в двух версиях зачина.

37. Солнышко низко, вечер уж близко

ФК. ф. 1416-12. 3/3 В. В. Сорокина и Е. С. Кустовского, 1972 г. с. Ильинско-Подомское Вилегодского р-на. Исп.: см. коммент. к № 24. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

См. I, № 37а.

37а. Солнышко низко, вечер близко

ФА СыктГУ. 0424-39. 3/3 А. Н. Власова, 1987 г., с. Ильинско-Подомское Вилегодского р-на. Исп.: см. коммент. к № 14а.

Публ.: Фольклор Виледи. С. 59, № 14.

Вар.: ФА СыктГУ. 0421-3, 0431-2, 0427-28, 0433-40, 0436-22, 0436-68, 0424-39, 0450-46, 0454-73, 0470-27а, 0479-9, 0491-25

Встречается только на Виледи.

См. **I, № 37.**

38. Питер-Москву проезжаёт

ФА СыктГУ. 0414-12. 3/3 А. Н. Власова, 1986 г., д. Гришинская Вилегодского с/с Вилегодского р-на. Исп. Вепрева Л. М. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

В издании два полустихия в одной строке.

Вар.: ФА СыктГУ. 0461-103, 0462-1.

Публ.: Фольклор Виледи. С. 66, № 31.

См. **I, № 38а.**

38а. Как шли-прошли удалые молодцы

Зап. в Сольвычегодском у.

Публ.: Иваницкий. № 267.

См. **I, № 38.**

39. Летавши с-по воле, орёл молодой

ФК. ф. 1357-3, н-6205. 3/3 А. В. Медведева и В. М. Щурова, 1959 г., д. Метлино Котласского р-на. Исп.: Батина А. Т., Кузнецова А. Е., Паламодова А. А., Свинына А. Н., Чернягина Е. В. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

Текст восходит к литературному источнику (см. Указатель сюжетов).

40. За Дунаем гуляет казак молодой

ФК. ф. 242-33, н-6770. 3/3 А. С. Абрамского, 1964 г., д. Б. Остров Козьминского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 13. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

Примечание Е. В. Гиппиуса: 3/3 заканчивается после 2-й строфы. Последующий текст публикуется в записи собирателя, не сохранившей особенностей песенного стиха.

См. **I, № 40а, 40б.**

40а. За Дунаем гуляет казак молодой

РАМ. ф. 2225-67. 3/3 Т. К. Соловьевой, 1985 г., д. Белопашино Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 6. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

См. **I, № 40, 40б.**

40б. За Дунаем гуляет казак молодой

РО ИРЛИ. Васильева. № 57. Зап. Л. И. Васильевой, 1943 г. Исп.: см. коммент. к № 1ж.

Измененная версия сюжета *По Дону гуляет*. Общераспространенный литературный балладный сюжет.

См. I, № 40, 40а.

41. Над серебряной рекой

ФК. н-6016. 3/з Е. В. Гиппиуса, 1926 г., Ленинград. Исп.: см. коммент. к № 29. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

¹ вар.: Там следков знакомых нет;

² вар.: Под небесной высотой.

Песня литературного происхождения. Текст ориентирован на сил.-тон. систему, без ярко выраженных местных и диалектных черт, за исключением концовки, которая явно снижает общий трагический настрой.

См. I, № 41а.

41а. Над серебряной рекой

РО ИРЛИ. Васильева. № 58. Зап. Л. И. Васильевой, 1943 г. Исп.: см. коммент. к № 1ж.

Сюжет позднего книжного происхождения, распространен повсеместно.

См. I, № 41.

Тексты, публикуемые без напевов

42. Помешали мне комарики в лесу

ФА СыктГУ. 0430-27. 3/з А. Н. Власова, 1987 г., с. Ильинско-Подомское Вилегодского р-на. Исп.: см. коммент. к № 14а. Расшифровка текста А. Н. Власова.

Единственная запись распространенной песни.

43. Как со вечера да седока езда

ФА СыктГУ. 0493-17 (фр.). 3/з Е. А. Шевченко, 1987 г., д. Сафроновская Вилегодского с/с Вилегодского р-на. Исп. Климова А. Я., урож. д. Попова Гора.

Публ.: Фольклор Виледи. С. 66, № 30.

Вар.: ФА СыктГУ. 0409-17, 0409-18а, 0409-19, 0482-8, 0492-28.

Зафиксирован только на Виледи. Очевидно, фрагмент контаминированного сюжета баллады.

44. Ой ты поляшко моё да полё, поле чистое

ФА СыктГУ. 0822-8 (фр.). 3/з З. Н. Мехреньгиной, 1990 г., д. Бор Суходольского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 17е. Расшифровка текста А. Н. Власова.

Единственная фрагментарная запись известного сюжета.

45. Ехали солдаты со службы домой

ФА СыктГУ. 0424-31. 3/з А. Н. Власова, 1987 г., с. Ильинско-Подомское Вилегодского р-на. Исп.: см. коммент. к № 14а. Расшифровка текста А. Н. Власова.

¹ вместо: наробил;

² закуют.

Вар.: 0402-21, 0403-4, 0408-22, 0409-1, 0412-4, 0442-15, 0461-47, 0482-10, 0433-12.

Текст представляет собой версию известного балладного сюжета *Летела пава через три поля*; встречается только на Виледи.

46. Как пошёл наш Олександрешко ко царю службу служить

ФА СыктГУ. 0462-16. З/з А. Н. Власова, 1988 г., д. Слободка Селянского с/с Вилегодского р-на. Исп. Носонова Н. А.

Публ.: Фольклор Виледи. С. 68, № 35.

Вар.: 0402-24, 0406-2, 14, 0411-12, 0441-2, 0445-29, 0446-3

Сюжет песни на известный мотив солдатских песен — гибель молодца на чужбине. В вилегодских вар. он несколько изменен: лирическая героиня ожидает домой солдата, который умирает по дороге.

47. Под окошечком Машенька сидела

ФА СыктГУ. 0427-31. З/з А. Н. Власова, 1987 г., д. Залесье Павловского с/с Вилегодского р-на. Исп.: см. коммент. к № 16а.

Публ.: Фольклор Виледи. № 18.

Вар.: 0433-43.

Разбивка на строки изменена по сравнению с изданием.

Зафиксирована только на Виледи.

48. Стонёт, стонёт голубочик

ФА СыктГУ. 0415-17. З/з А. Н. Власова, 1986 г. д. Гришинская Вилегодский с/с Вилегодского р-на. Исп.: см. коммент. к № 38. Расшифровка текста А. Н. Власова.

См. I, № 48а.

48а. Стонёт-то, стонёт голубочик

ФА СыктГУ. 0441-9. З/з А. Н. Власова и Е. А. Шевченко, 1987 г., с. Никольск Никольского с/с Вилегодского р-на. Исп.: Кутькина А. М., Кутькина Н. П., Русанова М. Ф.

Вар.: ФА СыктГУ. 0409-15 (фр.):

Стонёт, стонёт голубочик, ой, стонёт, стонёт день и ночь,
Мой-от миленький дружочик уезжал надолго прочь.
Штё ты, голубь, не воркуёшь да штё пшеницу не клюёшь?
Он воркуёт, он горюёт да потихонечку слёзы льёт.

Песня литературного происхождения (из песенников XVIII в.), зафиксирована только на Виледи.

См. I, № 48.

49. Со вечера рябинушку дождиком мочило

ФА СыктГУ. 0430-20. З/з А. Н. Власова, 1987 г., с. Ильинско-Подомское Вилегодского р-на. Исп.: см. коммент. к № 14а.

¹ Дуня из Дресвянки — местная реалия.

² в значении «не работай».

³правильно: пава.

Публ.: Фольклор Виледи. С. 11.

По сравнению с изданием другая разбивка на строки.

Вар.: ФА СыктГУ. 0427-37, 0433-48, 0433-53.

См. I, № 49а.

49а. Как со вечера рябинушку дождичком мочило

Публ.: Иваницкий. № 268.

Встречается на Виледи, у Иваницкого нет точного указания на место записи.

См. I, № 49.

50. У девицы было в белом лице румена играют

ФА СыктГУ. 0818-46 (начало), 0819-1 (окончание). 3/з З. Н. Мехреньгиной, 1989 г., д. Пустошь Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 36. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Поэтическая структура явно разрушена.

51. Год такой, что за год такой

РФ ЯКМ. Качева. Зап. О. М. Селивановой. Исп.: см. коммент. к № 1е.

¹ правильно: тесовую.

² в тексте зачеркнуто: три поля.

52. Лучше бы я девушкой у батюшки жила

ФА СыктГУ. 0430-34. 3/з А. Н. Власова, 1987 г. с. Ильинско-Подомское Вилегодского р-на. Исп.: см. коммент. к № 14а.

Зафиксирована в единственном вар.

53. Мамушка родимая, зачем на горе родила

ФА СыктГУ. 0413-2. 3/з А. Н. Власова, 1986 г., п. Фоминск Селянского с/с Вилегодского р-на. Исп. Тропникова В. П. Расшифровка А. Н. Власова.

Вар.: 0479-5.

54. Да отдала меня мамушка взамуж далеко

ФА СыктГУ. 0461-100. 3/з А. Н. Власова, 1988 г., д. Борок Селянского с/с Вилегодского р-на. Исп. Шевелёва Е. М.

Публ.: Фольклор Виледи. С. 4.

Вар.: 0414-11, 0478-48.

Текст представляет собой одну из версий двух последующих текстов (I, №№ 54, 55) одного сюжета. Записи зафиксированы только на Виледи.

55. Мамка, светик дорогой

ФА СыктГУ. 0410-14. 3/з А. Н. Власова, 1986 г., д. Мышково Вилегодского с/с Вилегодского р-на. Исп. Костина М. Н.

Публ.: Фольклор Виледи. С. 54, № 3.
Вар.: 0406-8, 0408-11, 0462-9, 0487-30.

56. Чёрная черёмушка да не во времё росцвела

ФА СыктГУ. 0450-2. 3/3 З. Н. Мехреньгиной, 1987 г., д. Конгур Ильинского с/с Вилегодского р-на. Исп. Елезова А. А.

Публ.: Фольклор Виледи. С. 53—54, № 1.
Вар.: 0443-2, 0455-6.

57. Загулял детинушка, заломал калинушку

ФА СыктГУ. 0432-43. 3/3 А. Н. Власова и Е. А. Шевченко, 1987 г., д. Роженец Ильинского с/с Вилегодского р-на. Исп.: см. коммент. к № 136.

Публ.: Фольклор Виледи. С. 58, № 12.

Вар.: 0402-26, 0403-6, 0409-4, 0411-4, 0412-6, 0421-14, 0424-42, 0455-37, 0492-15.

Зафиксирована только на Виледи, распространенный сюжет на Русском Севере.

58. Жила-была девушка

ФА СыктГУ. 0430-22. 3/3 А. Н. Власова, 1987 г., с. Ильинско-Подомское Вилегодского р-на. Исп.: см. коммент. к № 14а.

Публ.: Фольклор Виледи. С. 70, № 38.

Единственный вар. текста зафиксирован на Вычегде.

59. Ты не стой-ко, ребина, на крутой горе

ФА СыктГУ. 0415-16. 3/3 А. Н. Власова, 1986 г., д. Гришинская Вилегодского с/с Вилегодского р-на. Исп.: см. коммент. к № 38. Расшифровка текста А. Н. Власова.

Текст зафиксирован в одном вар. на Виледи, а также на Вычегде (Ленский р-н).

Вар.: ФА СыктГУ. 0839-12

Как с-по синяму морю плавут корабли,
Плавут корабли...
Как на этих на кораблях два полка солдат.
Два полка солдат...
Молодые те солдаты Богу молятся
Богу молятся...
Все домой, ну, просятся:
— Молодой ты офицер, отпусти-ка нас домой.
Отпусти-ка нас домой, к отцу-матери родной.
К отцу-матери родной да к жене к молодой,
К жене к молодой да к малым деточкам,
К малым деточкам...
— Не желаю отпустить, желаю службу служить.

Вар. текста сюжета, нет двух начальных строк.

60. Протекала там ричонка ле, речка быстрая

ФА СыктГУ. 0479-7. 3/з А. Н. Власова, 1986 г., д. Мышково Вилегодского с/с Вилегодского р-на. Исп.: см. коммент. к № 55. Расшифровка текста А. Н. Власова.

Структура стиха явно разрушена, исп. путается в логике повествования.

На Виледи зафиксировано несколько вар. самостоятельного сюжета песни, явно восходящих к более полной версии (ср. № 26 *Роспечальное моё дивьё сердцё*).

Вар.: ФА СыктГУ. 0470-12, 0470-13, 0483-19, 0409-3.

ФА СыктГУ. 0409-3:

Протекала там ричёнка ли, речка быстрая.
Сколь быстрая...
Неразумная девушка была,
Не слушалась ни матушки, шельма, ни отца,
Полюбила детиношку, парня бравова,
Брала, брала за ручёнку ли, ручку правую,
Вяла, вяла во горёнку ли, нову спаленку,
Слала, слала постелёшеньку мягку-пухову,
Слала, слала простынёшеньку белу-тонкою,
Клала, клала в изголовеньца ли мягко-высоко.

61. На горе стоит дуб, под горой береза

РФ ЯКМ. Качева. Зап. О. М. Селивановой. Исп.: см. коммент. к № 1е. См. I, № 61а.

61а. На горе стоял дуб

Зап. в Сольвычегодском у.

Публ.: Иваницкий. № 216.

Публикуется два вар. сюжета, позже в устной традиции они не зафиксированы. Концовки двух вар. расходятся.

См. I, № 61.

62. Не вздыхай-ко, душа Маша

ФА СыктГУ. 0403-5. 3/з А. Н. Власова, 1986 г., д. Дресвянка Вилегодского с/с Вилегодского р-на. Исп.: Гомзикова А. И., Елезова А. И., Журавлёва К. С., Журавлева М. В., Захарова И. П. Расшифровка текста А. Н. Власова.

Вар.: ФА СыктГУ. 0402-14, 0402-16, 0406-16, 0408-14, 0409-9, 0411-15, 0416-21, 0429-10, 0432-25, 0435-11, 0435-13, 0436-7, 0436-21, 0436-55, 0448-49, 0450-3, 0464-70, 0481-48, 0479-7, 0492-12.

Сюжет встречается только на Виледи.

63. Все пташки-канарейки

РО ИРЛИ. Васильева. № 59. Зап. Л. И. Васильевой, 1943 г. Исп.: см. коммент. к № 1ж.

¹ правильно: нам.

Общераспространенный сюжет городского романса. Одна из версий — без драматической концовки с самоубийством от несчастной любви девушки. В поздних полевых записях не зафиксирована собирателями.

64. Вниз по матушке по Волге

ФА СыктГУ. 0480-15. 3/з Е. А. Шевченко, 1987 г., д. Замятино Павловского с/с Вилегодского р-на. Исп. Федяева А. Д. Расшифровка Е. А. Шевченко.

Примеч. исп.: «Тут про атамана каково-то ещё говорится, кто в лодочке-то сидел».

Фр. разбойничьей песни на известный сюжет. См. Указатель сюжетов. В нижневыхгодской традиции встретился только на Виледи в единственной записи.

65. Последней час розлуки с тобой, мой дорогой

ФА СыктГУ. 0441-8. 3/з А. Н. Власова и Е. А. Шевченко, 1987 г., с. Никольск Никольского с/с Вилегодского р-на. Исп.: см. коммент. к № 48а. Расшифровка текста А. Н. Власова.

Вар.: ФА СыктГУ. 0403-7, 0404-7, 0406-3, 0410-8, 0432-32, 0401-23, 0436-11, 0481-35, 0492-29.

Известный сюжет городского романса.

66. Когда б имел золотые горы

ФА РГПУ. 02ФА 03-31(А2). 3/з А. Александровой, 2003 г., д. Паладино Сафроновского с/с Ленского р-на. Исп.: Никитина В. Ф. (местная урж.), Пивоварова Н. И. (урж. д. Ржаницынской Сойгинского с/с).

«А как танцуют под это?» — Ну вот это и танцуют, вальс под это, музыку включают...» (исп.).

¹ правильно: все отдал бы.

Поздний городской романс.

67. Отец с матерью жили весело

ФА РГПУ. 02ФА 03-38 (А14, 15) II. 3/з А. Александровой, 2003 г., д. Гыжег Козьминского с/с Ленского р-на. Исп. Демидова А. Н. (Кобычева), урж. д. Шонома. Расшифровка текста А. Н. Власова.

Поздний жестокий романс книжного происхождения.

68. Чудный месяц плывет над рекою

ФА РГПУ. 02ФА 03-46 (В21). 3/з А. Александровой, 2003 г., д. Тохта Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к 14б. Расшифровка текста А. Н. Власова.

Поздний городской романс.

69. За рекой на горе лес зеленый шумит

ФА РГПУ. 02ФА 03-47 (А6). 3/з А. Александровой, 2003 г., д. Гыжег Козьминского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 67. Расшифровка текста А. Н. Власова.

¹ А вдова, в общем, говорит... (исп.).

² Ну, в общем, короче, купец сказал, что все есть, в общем, они тут веселились, а вдова, значит, в общем, когда... (исп.).

³ Ну и, наверно, он всех тут, короче, убил, так получается что (исп.). Поздний городской романс.

70. Когда-то и где-то жил царь молодой

ФА РГПУ. 02ФА 03-47 (А-7). 3/3 А. Александровой, 2003 г., с. Тохта Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 14б. Расшифровка А. Александровой.

Примеч. исп.: Это мы детдомовским все с девочкам пели.

Вар.: РО ИРЛИ. Васильева:

Когда-то и где-то жил царь молодой. (2)
Имел он двух дочек, не равных собой. (2)
Старшая-то дочка смуглянка была. (2)
Меньшая-то дочка как розочка цвела. (2)
Старшая меньшую хотела погубить: (2)
— Пойдем, пойдем сестрица, на бережок морской. (2)
Посмотрим, сестрица, как волны шумят. (2)
Старшая меньшую столкнула с бережка. (2)
— Спаси, спаси, сестрица, спаси, родимая, (2)
Отдам тебе все кольца, отдам жениха. (2)
— Когда ты потонешь, все будет мое. (2)
В эту ночь рыболовы поймали царску дочь. (2)
И думали-гадали, что сделать из нее. (2)
И сделали арфу из ее белых костей. (2)
И сделали струны из ее русых волос. (2)
С первого удара струна порвалась. (2)
А со второго удара царь-батюшка пришел. (2)
С третьего удара царица-мать пришла. (2)
С четвертого удара жених ее пришел. (2)
С пятого удара все слуги собрались. (2)
С шестого удара воскресла царска дочь. (2)
С седьмого удара венчали царску дочь. (2)
С восьмого удара казнили старшу дочь. (2)

Концовка полнее.

Баллада книжного происхождения.

71. В поле широком железом копыт взрыто зеленое жито

ФА РГПУ. 02ФА 03-47 (А-8). 3/3 А. Александровой, 2003 г., д. Гыжег Козьминского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 67. Расшифровка текста А. Н. Власова.

Жестокий романс книжного происхождения (см. Указатель сюжетов).

72. Не влюбляйся в черный глаз

ФА РГПУ. 02ФА 03-47 (А-10). 3/3 А. Александровой, 2003 г., д. Гыжег Козьминского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 67. Расшифровка текста А. Н. Власова.

Жестокий романс книжного происхождения. (см. Указатель сюжетов).

73. Уж запад погас и лучи догорели

ФА РГПУ. 02ФА 03-47 (В28). 3/3 А. Александровой, 2003 г., д. Гыжег Козьминского с/с Ленского р-на. Исп. Подалкина К. П. Расшифровка А. Александровой.

74. Ревела буря, дождь шумел

Из тетради Г. В. Широких. Зап. А. Н. Власовым, 2003 г., с. Яренск Ленского р-на.

Песня литературного происхождения (см. Указатель сюжетов).

75. Не осенний мелкий дождичек

Из тетради Г. В. Широких. Зап. А. Н. Власовым, 2003 г., с. Яренск Ленского р-на.

Песня литературного происхождения.

76. Кольцо души-девицы я в море уронил

РО ИРЛИ. Васильева. № 62. Зап. Л. И. Васильевой, 1943 г. Исп.: см. коммент. к № 1ж.

Запись сделана «с пересказа», но близко к литературной ритмике.

Жестокий романс книжного происхождения.

77. Вспомни-ка, вздумай, друг да любезной

РО ИРЛИ. Васильева. № 51. Зап. Л. И. Васильевой, 1943 г. Исп.: см. коммент. к № 1ж.

¹ в тексте Васильевой см.: «Вспомни-ка, вздумай, / друг да любезной, / Старую прежнюю / Да любовь <повторяется>» и т. д. Запись сделана «с голоса».

Лирическая баллада.

78. Пошёл-то, пошёл милый во дороженьку

Зап. в Сольвычегодском у.

Публ.: Иваницкий. № 64.

В издании строка разбита на две, текст ориентирован на книжный сил.-тон. стих. Текст носит фрагментарный характер.

Единственная запись Иваницкого известного сюжета мужской лирики, в более позднее время не зафиксирована собирателями.

79. Закатало, заваляло полтора ста кораблей

Зап. в Сольвычегодском у.

Публ.: Иваницкий. № 586.

Запись Иваницкого — единственная, в позднее время песня не зафиксирована собирателями. См. Указатель сюжетов.

80. Сизенькой голубчик

Зап. в Сольвычегодском у.

Публ.: Иваницкий. № 281.

Тюремная песня, близкая по некоторым мотивам с № 59 («Ты не стой-ко, ребина, на крутой горе»). В других местных записях близкого сюжета не обнаружено. Текст ориентирован на книжный сил.-тон. стих.

81. В чистом поле при долине

Зап. в Сольвычегодском у.

Публ.: Иваницкий. № 31.

Сюжет некоторыми мотивами схож с поздними записями песен «Соловешко, парень молодой» (№ 30), «Росла в поле травка» (№ 28), «От-

летает мой соколик» (№ 7), *«Не вздыхай-ка, душа Маша»* (№ 62), но не совпадает полностью. Текст тяготеет к книжной структуре стиха. См. Указатель сюжетов.

82. Ты не ной-ка, не ной, ретиво сердечко

Зап. в Сольвычегодском у.

Публ.: Иваницкий. № 122.

Прямых аналогий с поздними записями нет.

83. Сидела Авдотья одна в терему

Зап. в Сольвычегодском у.

Публ.: Иваницкий. № 124.

Прямых аналогий с поздними записями нет.

84. Пойду, выйду на горушку, постою

Зап. в Сольвычегодском у.

Публ.: Иваницкий. № 130.

Аналогий в поздних записях нет.

85. Приносила меня матушка

Зап. в Сольвычегодском у.

Публ.: Иваницкий. № 230.

Прямых аналогий с поздними записями нет. Отдаленно напоминает сюжет *Мамушка родимая, зачем на горе родила* (см. № 53).

86. Поезжает мой любезный

Зап. в Сольвычегодском у.

Публ.: Иваницкий. № 72.

Путаный текст; ср. начало песни *«Отлетает мой соколик»* (№ 7).

87. Ночи тёмные, осенние

Зап. в Сольвычегодском у.

Публ.: Иваницкий. № 75.

Вар.: Иваницкий. С. 134 (Грязовский у.).

Аналогий в поздних записях нет.

88. Я у батюшки, у матушки

Зап. в Сольвычегодском у.

Публ.: Иваницкий. № 165.

Прямых аналогий с поздними записями нет.

89. На чужой-то на сторонке

Зап. в Сольвычегодском у.

Публ.: Иваницкий. № 222.

Прямых аналогий с поздними записями нет.

90. Мой-от миленькой дружок

Зап. в Сольвычегодском у.

Публ.: Иваницкий. № 300.

Прямых совпадений с поздними записями нет. Скорее всего, текст местного сочинения.

II. Свадебные песни*

1. На улице дожди дождат

ФК. ф. 1066-4, н-6655. 3/3 А. В. Медведева и А. С. Кабанова, 1970 г., с. Яренск Ленского р-на. Исп.: Гужова Н. А., Гулина О. Н., Дайц В. Я., Катанова В. С., Митрошина А. Ф., Митрошина М. В., Широких Г. В., Шубенина М. И. Нот. Е. В. Гиппиуса. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Вар.: ФК. ф. 1333-3, ф. 1334-2, ф. 1335-23, ф. 1066-42, ф. 1067-41, ф. 1068-19, ф. 1419-127, ф. 241-19, ф. 242-11; РАМ. ф. 2228-138, ф. 2224-5, ф. 2225-38; ФА СыктГУ. 0814-22, 0818-36, 0807-7, 0809-9, 0816-18, 0808-16, 0821-77, 0811-12, 0820-5, 0830-8, 0830-16, 0834-17, 0834-37, 0805-1.

Публ.: РС. Т. 1. № 114.

Ближих вар. в известных сборниках свадебных песен не выявлено. Мотивы одаривания см.: Киреевский 1911. № 1170; Шейн 1900. № 1551.

Исполнялась за столом на сватанье, когда невеста одаривала жениха и его родню.

Разночтения между вар.:

1) вар. зачина: «Как на юлице-то дождь идёт, на мосту-ту роса падёт» (см. II, №№ 26, 27, 31**); РАМ. ф. 2224-5; ФК. ф. 1068-19, ф. 1335-23, ф. 1419-127; ФА СыктГУ. 0826-29, 0830-16, 0835-16);

2) в некоторых вар. содержится описание даров и способа подачи даров:

В терему-ту дары дерут
Высоко шиты-браные,
Высоко шиты-браные
Да тонки полотняные,
Да тонки полотняные...
Всё на блюдечко кладут,
Всё на блюдечко кладут,
Да на блюдо серебряное,
Да на блюдо серебряное,
На поднос позолоченой... (ФА СыктГУ. 0805-1).

См. II, №№ 1а, 1б, 26, 27, 31.

1а. На улице-то дожди дождат

ФА ИРЛИ. ФВ 0262-01; ФК. н-6017. Фонографная 3/3 Е. В. Гиппиуса, 1926 г., Ленинград. Исп. сестры А. А. и Н. А. Эповы (Еповы), урож. с. Яренск. Нот. Е. В. Гиппиуса.

См. II, №№ 1, 1б.

1б. На улице дожди дождат

ФК. ф. 1067-41, н-6654. 3/3 А. В. Медведева и А. С. Кабанова, 1970 г., д. Бор Суходольского с/с Ленского р-на. Исп.: Иванова В. П., Леушева Ф. Я.,

* Комментарии к этому подразделу составлены Е. А. Дороховой, Т. С. Каневой, З. Н. Мехреньгиной.

** При отсылках к другим текстам римская цифра обозначает подраздел, арабская — номер текста.

Осколкова О. В., Парыгина А. П., Парыгина К. М., Парыгина П. М., Туркина А. П. Нот. Е. В. Гиппиуса. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.
См. II, №№ 1, 1а.

2. Не вчера было, третьёво дни

ФК. ф. 1359-5, н-5905. 3/3 А. В. Медведева и В. М. Щурова, 1959 г., с. Яренск Ленского р-на. Исп.: Вилегжанинова А. Ф., Гулина О. Н., Епова Л. П., Жданова М. М., Митрошина А. Ф., Митрошина М. В., Ракина Е. М., Роговская А. Ф., Широких Г. В., Юринская М. П. Нот. Е. В. Гиппиуса (1970 г.). Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

См. II, №№ 2а, 2б.

2а. Не вчера было, третьёва дни

ФК. ф. 1334-20, н-8689. 3/3 А. В. Медведева и В. Б. Сорокина, 1971 г., д. Микшина Гора. Исп.: Жданова А. А., Кривошеина Е. А., Мингалёва М. А. Нот. Е. В. Гиппиуса (1973 г.). Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Вар.: ФК. ф. 1359-5, ФА СыктГУ. 0809-22, 0819-20, 0808-41, 0808-42.
Публ.: РС. Т. 1. № 205.

Близиких вар. не выявлено. Мотивы лживого восхваления чужой стороны в свадебных песнях см.: Шейн 1900. №№ 1594, 1965; ЛРС. № 44; Песни средней Сухоны. № 41.

Песня довенечной части обряда, строгой приуроченности не имела. Могла исполняться:

— когда девушки собирались «дары шить» (ФА СыктГУ. 0801-7);

— на сватанье, до приезда сватов: «Когда приходили сватать невесту, вот это и поют. Женщины на крыльце или в комнате сидят и поют. Этих сватьяшек-то ждут» (ФА СыктГУ. 0808-41).

Разночтения:

1) в вар. в хвалебных описаниях хозяйства жениха имеются дополнения:

Меж избами-то — горенка,

Во дворе-то — сторублёвой конь,

За двором-то — светелица,

Под окошком — зелёной сад... (ФА СыктГУ. 0809-22);

2) в концовке вместо «лютого зверя» может упоминаться медведь: «...Во лесу-ту медведь ходит» (ФА СыктГУ. 0809-22);

3) в вар., записанном в д. Вожем, содержится подробное описание того, как заходят сватья в дом:

...Не ступя в избу ступили,

Не склоня Богу кланялися,

Прямо в кут да за занавесу

По душу красну девушку,

Да Надежду Ивановну (ФА СыктГУ. 0808-42).

См. II, №№ 2, 2б.

2б. А вот вчера было, третьёго дни

ФА СыктГУ. 0819-20. 3/3 З. Н. Мехреньгиной, 1989 г., с. Ирта Ленского р-на. Исп. Гобанова М. В. Нот. Е. А. Дороховой. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

См. II, №№ 2, 2а.

3. Да на той горе, горе

ФК. ф. 1066-51. 3/3 А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Лопатино Иртовского с/с Ленского р-на. Исп.: Викторова О. Ф., Выборова А. П., Комарова К. А., Пименова П. Е., Помолева Л. Г., Юмшанова Е. Н. Нот. Е. А. Дороховой.

Полный текст восстановлен по фонограмме 1333-13. Свадебная, исполнялась у дома жениха после приезда молодых от венца.

Вар.: ФК. ф. 1333-13. 3/3 А. В. Медведева и А. С. Кабанова, 1970 г., д. Лопатино Иртовского с/с Ленского р-на. Исп. Помолева Л. Г. Сведения о приуроченности к определенному моменту обряда не зафиксированы: «Её тоже много раз поют. Матушка вот, братья — все вспоили-вскормили. Она благодарит, значит» (ФК. ф. 1333-13).

См. II, № 3а.

3а. Уж как на горе, на горе

ФА СыктГУ. 0826-42. 3/3 З. Н. Мехреньгиной, 1989 г., д. Вандыш Слободчиковского с/с Ленского р-на. Исп. Бережных Н. Т. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Другая текстовая версия сюжета с аналогичным зачином см. II, № 3.

4. Как жила-была я у маменьки

ФК. ф. 1359-9, н-6024. 3/3 А. В. Медведева и В. М. Щурова, 1959 г., с. Яренск Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 2. Нот. Е. В. Гишпиуса. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Вар.: ФА СыктГУ. 0808-34, 0816-20, 0820-9, 0822-23, 0802-4; РАМ. ф. 2228-140.

Блиzkих вар. не выявлено. Мотивы сопоставления жизни в родительском доме и в чужой семье см.: Шейн 1900. № 1502.

Элегическая предвенечная. Поют, когда собираются у невесты дары шить: «Это ⟨поют⟩ — дары шить ходили на девичник. Сразу мать опевают: «Она будить не напускается», а свекровку уж напослед там» (ФА СыктГУ. 0816-21).

Разночтения:

1) в зачине может упоминаться разное количество лет, прожитых девушкой у матери: «до семнадцати годиков» (ФА СыктГУ. 0808-34, 0822-23), «двадцать два годика» (ФА СыктГУ. 0816-20, 0802-4);

2) в концовке песни в вар. различаются виды «тяжелой работы» в доме свекрови: «за роботу тяжёлую — за толченьё, за молотьё» (ФА СыктГУ. 0820-9), «на работу-ту тяжёлую — за мытьё да за катаньё» (ФА СыктГУ. 0808-34).

См. II, № 5а.

4а. Я жила-была у маменьки

РАМ. ф. 2228-140. 3/3 Т. К. Соловьевой, 1985 г., с. Лена Ленского р-на. Исп.: Берникова Е. П., Леднева Н. А., Маслова З. М., Пашина Г. П., Шаньгина А. К., Шаньгина Е. Ф. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой. См. II, №№ 4, 4б.

4б. Жила я у мамушки

ФА СыктГУ. 0802-4. Зап. в д. Большой Кряж Сафроновского с/с Ленского р-на. Исп.: Афанасова М. М., Помолева Е. Ф.

В другом вар., записанном в той же деревне и от тех же исполнителей, содержится иное описание того, как мать будит дочь:

Она первый раз подходила,
Да будить не напустилася,
Да второй раз подходила,
Да ише не напустилася.
Она третий раз подходила
Да будить напустилася... (ФА СыктГУ. 0816-20).

См. II, №№ 4, 4а.

5. Девушки вы, девушки, голубиные семена

ФК. ф. 1335-2. 3/3 А. В. Медведева и В. Б. Сорокина, 1971 г., д. Микшина Гора Сафроновского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 2а. Нот. Е. А. Дороховой. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Вар.: ФК. ф. 1333-20, ф. 1358а-9; ФА СыктГУ. 0802-1, 0814-20, 0818-37, 0814-15, 0808-19, 0820-4, 0820-43, 0812-19, 0829-2, 0822-6, 0828-28, 0833-9, 0834-20, 0834-41, 0805-10.

Публ.: Яренские песни. № 1; РС. Т. 1. № 253.

Близкие вар.: Фольклор Новгородской обл. № 312; Шейн 1900. №№ 1964, 2498; Песни свадьбы Сибири. № 360.

Песня довенечной части обряда: «Это тоже на сватанье поют» (ФК. ф. 1333-20).

Разночтения:

1) вар. зачина: «Уж вы девки, вы девушки» (ФА СыктГУ. 0802-1, 0828-28, 0834-20, 0805-10), «Уж вы девушки, девушки» (ФА СыктГУ. 0814-20, 0818-37, 0814-15, 0822-6, 0833-9), «Девушки, девушки» (ФА СыктГУ. 0808-19, 0812-19), «Девки вы, девушки» (ФА СыктГУ. 0820-4, 0834-41);

2) во второй строке в вар.: «голубимые семена» (ФА СыктГУ. 0814-20, 0808-19, 0820-4), «голубины ваши семена» (ФА СыктГУ. 0818-37), «голубяные семена» (ФА СыктГУ. 0834-41);

3) в описании размера поля: «...Одно поле — до Киева, / А другое — до Вологды» (ФА СыктГУ. 0829-2); «...Ох, перво полё — до Киева, а второе — до роздолья, / Ох, а второе — до роздолья, до роздолья широкого, / Ой, до роздолья широкого, до приволья глубокого, ой, да до ручья глубокого...» (ФА СыктГУ. 0822-6); «...Одно полё — до Киева, а другое — до роздолья, / А второе — до роздолья, до роздолья широкого, / До роздолья широкого да до ручья глубокого...» (ФА СыктГУ. 0820-43);

4) строки: «...Как по той по проточине, как по той по проточине / Не бела лебедь склыкала, не черна куня възрыдала. / Возрыдала, восплакала, възрыдала, восплакала / Душа красная девица...» в вар.: «...Не черна куна възрыдала...» (ФА СыктГУ. 0802-1, 0818-37); «...По той по проточине / Проплыла лебедь белая, проплыла лебедь белая. / Та бела лебедь склыкала, та бела лебедь склыкала, / Красна девица всплакала...» (ФА СыктГУ. 0820-43); «...Как на той на проточине не бела лебедь склыкала, / Не бела лебедь склыкала, не черная възрыдала...» (ФА СыктГУ. 0812-19); «...Ох, как с-по той с-по проточине, тут плыла лебедь белая, / Ох, тут плыла лебедь белая да с двумя лебедушечками» (ФА СыктГУ. 0822-6); «...Как на той на проточине не бела лебедь скыркала...» (ФА СыктГУ. 0833-9); «...Как по той по проточине не бела лебедь сплакала, / Не белая лебедь сплакала. Возрыдала, восплакала, / Возрыдала, восплакала душа красная девица...» (ФА СыктГУ. 0805-10).

5) в вар. различается концовка (см. № 5б), встречаются также другие мотивы:

...Да чесала, росчёсывала,
 Да ищо приговаривала:
 «Уж ты свет моя руса ли коса...» (ФА СыктГУ. 0802-1).

В записях СыктГУ в концовке встречаются также явные контаминации с текстами других свадебных песен:

...А другоё до роздоля.
 Там сидит красна девушка.
 Она золотом ширинку шьёт,
 Да к ширинке припадываёт,
 Да сама приговариваёт:
 «Ты ширинка, шириночка,
 Ты кому же достанешься?»
 Доставалась шириночка,
 Удалу добру молодцу
 Николаю Васильевичу
 (ФА СыктГУ. 0808-19; схожие мотивы см. № 18);

...Не за ровню замуж пошла.
 Тебе ровня купческа,
 Удалой-от доброй молодец
 Да Иван-от Николаевич
 (ФА СыктГУ. 0820-4; схожие мотивы см. № 6);

...Всё нельзя ли передумати
 Да меня взамуж не выдати,
 Всё меня да молодёшеньку,
 Как траву да зеленёшеньку.
 Недорослую травоньку,
 Недозрелую ягодку
 Да Татьяну Степановну
 (ФА СыктГУ. 0805-10; схожие мотивы см. №№ 3а,
 21, 23а).

Песня была распространена в деревнях, расположенных до Козьминского с/с включительно. В низовьях Вычегды не зафиксирована.

См. II, №№ 5а, 5б.

5а. Ой вы девушки, девушки, голубиные сёмена

ФА СыктГУ. 0820-43. 3/3 З. Н. Мехреньгиной, 1989 г., д. Бор Суходольского с/с Ленского р-на. Исп.: Иванова В. П., Иванова М. Н., Панкова Е. П., Парыгина П. М. Нот. Е. А. Дороховой. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

См. II, №№ 5, 5б.

5б. Ай, девки вы, девушки, голубиные сїмена

ФК. ф. 1333-20. 3/3 А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Лопатино Иртовского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 3. Нот. Е. А. Дороховой. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

См. II, №№ 5, 5а.

6. Ой, во лузях была смородина

ФК. ф. 1067-13, н-6656. 3/3 А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., Ленский Наволок (д. Берег, 2-я Борисовская, Грѣз, Ивановка, Лукинская) Ленского с/с Ленского р-на. Исп.: Головушкина Е. А., Койнова А. А., Немазаникова А. А., Пестерева Е. Н., Селиванова О. М., Тарасова Е. Ф., Тарасова М. Ф., Шаньгина А. М. Нот. Е. В. Гишпиуса. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Вар.: ФК. ф. 1333-5, ф. 1066-44, ф. 1069-12; ФА СыктГУ. 0808-13, 0822-22, 0811-7, 0816-14, 0808-33, 0808-21, 0818-25, 0819-7, 0830-15, 0807-9, 0808-46, 0806-43; РАМ. ф. 2228-146.

Элегическая предвенечная. Могла исполняться:

— когда собирались к невесте дары шить (ФА СыктГУ. 0818-25)

— за столом на сватанье (ФА СыктГУ. 0807-9); «Тоже опевальная за столом о сватанье» (ФА СыктГУ. 0816-15).

Разночтения:

1) В шести вар. текста добавляется следующая концовка:

...Ты не мни платьѣ цветноѣ,
Не бери руку правую,
Не взымай-ко белых перстов,
Не ломай золотых перстней.
Да не ты мне-ка перстни купил,
Да не ты золоты золотил.
Да купил перстни батюшко,
Золотила родна матушка (ФА СыктГУ. 0807-9).

6а. Во лузях была смородина

РАМ. ф. 2228-146. 3/3 Т. К. Соловьевой, 1985 г., с. Лена Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 4а. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

См. II, № 6.

7. На плоту было, на плотичке

РАМ. ф. 2228-138. 3/3 Т. К. Соловьевой, 1985 г., с. Лена Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 4а. Нот. Е. А. Дороховой. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

См. II, № 7а.

7а. На плоту было, плотике

ФА СыктГУ. 0819-17. Зап. в с. Ирта Ленского р-на. Исп. Гобанова М. В. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Вар.: ФК. ф. 1333-22, ф. 1069-13, ф. 1067-14; ФА СыктГУ. 0818-38, 0818-44, 0807-6, 0808-35, 0834-26, 0808-15; РАМ. ф. 2228-138.

Публ.: РС. Т. 1. № 182.

Близкие вар.: ЛРС. № 93; Свадебные песни Сибири. № 162; Шейн 1900. № 2038.

Могла исполняться:

- когда девушки собирались «дары шить» (ФА СыктГУ. 0801-7, 0807-6);
- за столом на сватанье (ФА СыктГУ. 0807-6).

Большинство вар. имеет устойчивый текст. Исключение составляет вар., записанный в д. Базлук от Гулыниной К. Н., который представляет собой контаминацию с песней «На улице дожди дождат».

Разночтения:

В одном из вар. в концовке: «...Со людьми не провожена, во Божью церковь не свожена, под златым венцом не стояла, женою я не названа» (ФК. ф. 1333-22).

См. II, № 7.

8. Соседушки-голубушки

ФК. ф. 242-7, н-6768. 3/3 А. С. Абрамского, 1964 г., с. Суходол Ленского р-на. Исп.: Барабина В. И., Данилова П. И., Иванова В. П., Парыгина К. М., Парыгина М. Л. Нот. Е. В. Гиппиуса (1971 г.).

Текст приводится по нот., в которой имеется примечание: «На первом стихе 6-й строфы 3/3 обрывается: последующий текст публикуется в записи собирателя, не сохранившей местного говора».

См. II, №№ 8а, 37.

8а. Уж вы девушки-голубушки, вы придите ко мне посидеть

ФА СыктГУ. 0816-12. 3/3 З. Н. Мехреньгиной, 1989 г., д. Большой Кряж Сафроновского с/с Ленского р-на. Исп.: Афанасова М. М., Батаева Е. В., Помолева Е. Ф. Нот. Е. А. Дороховой. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

См. II, №№ 8, 37.

9. Ох вы соколы, соколы, соколы златокрылые

ФК. ф. 1067-72. 3/3 А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Бор Суходольского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 1б. Нот. Е. А. Дороховой. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Вар.: ФК. ф. 1333-11, ф. 1334-17, ф. 1358а-8, ф. 1066-49, ф. 1067-15, ф. 1067-35, ф. 1069-19; ФА СыктГУ. 0830-22, 0822-20, 0818-45, 0811-13, 0809-7; РАМ. ф. 2228-140.

Широко распространенная свадебная песня. См.: Соколовы. № 147; Браз. № 4; Песни Вологодской обл. С. 88—89; Киреевский 1911. №№ 38, 126, 229, 281, 460, 728, 796, 837; ЛРС. №№ 67, 68, 70, 71; Песни Мезени. № 158; РС. Т. 1. № 201; Песни свадьбы Сибири. № 359; Фольклор Новгородской обл. № 365; Шейн 1900. №№ 1505, 1876, 1967, 1973, 2054, 2103, 2451.

Исполнялась «на приезде» молодых от венца возле дома жениха: «Это вот к жениху едет свадьба. Овенчают, к жениху едут» (ФА СыктГУ. 0830-22).

Большинство записанных вар. представляют собой фрагмент текста. Разночтения:

1) обращение в зачине: «Уж вы соколы, соколы, соколы да сизокрылые, / Сизокрылые, златокрылые...» (ФК. ф. 1333-11), «Соколы, соколиные...» (ФА СыктГУ. 0830-22).

2) в вар. в ответ на вопрос: «Да куда жо вы летали?» — встречаются различные описания пространства: «Уж мы с города на город, уж мы с волости на волость...» (ФК. ф. 1333-11); «Уж мы с горы да на гору...» (ФК. ф. 1358а-8); «Уж мы с моря-та на морё, уж мы с волости на волость...» (ФК. ф. 1066-49); «Уж мы с горы-то на гору, уж мы с терема на терем...» (ФК. ф. 1069-19); «Уж мы с города на город, уж мы с терема на терем...» (ФА СыктГУ. 0830-22); «Высоко-высокошенько, далеко-далекошенько...» (ФА СыктГУ. 0809-7); «Во Божью церковь летали да закон Божьей приняли...» (ФА СыктГУ. 0811-13);

3) различаются ответы на вопрос: «Да чего чули, видели?»:

Уж мы чули да видели
Белу лебедь на заводе,
На глубокой на ржавчине... (ФК. ф. 1333-11);

Уж мы слышали и видели
Серу уточку на заводе,
На песочке лебёдушку,
Молодую молодушку... (ФК. ф. 1334-17);

Уж мы чули да видели
Белу лебедь на заводе,
На глубокой на ржавчине,
Красну девушку в высоком терему... (ФК. ф. 1069-19);

Мы сымали лебёдушку,
Да Елену Ивановну... (ФА СыктГУ. 0822-20);

Уж мы чули, мы видели
Отрока с отрочицею... (ФА СыктГУ. 0811-13);

Белу лебедь на заводе,
На песочке лебёдушку,
Молодую молодушку

(Вот опять эту невесту опевают, называют) (ФА СыктГУ. 0809-7);

4) большинство вар. построено на диалоге, в котором соколам задают три вопроса и отвечают они трижды. Ответы на третий вопрос (концовка): «Вы зачем её не взяли (...) с собою её не привезли?..» (ФА СыктГУ. 0818-45) — имеют разночтения:

Ой, хоша мы её приняли,
С собою её привезли,
Во Божью церковь сводили,
Под златым венцом стояли.
Женою меня назвали,
Женою-ту Ондреевой,
Да Ондreja Михайловича (ФК. ф. 1333-11);

Хоша мы её не взяли,
С собою её не привезли,
Право крылышко подстрелили,
Во Божью церковь свозили,
Женою её назвали,
Женою да Андреевой,
Да Андрея Сергеевича (ФК. ф. 1069-19);

— Хоть её да мы не взяли,
С собою её не привезли,
Мы ведь в загс её сводили,
Женою её назвали,
Женою да Васильевой.
(Во Божью церковь сводили,
Под налой её ставили,
Женою её назвали) (ФА СыктГУ. 0818-45);

— Почему вы её не поймали?
— А мы её поймали,
Раньше во церкву, а тепере в сельсовет её свозили,
Да женой её назвали,
Женой её, княгиней молодой
Удала добра молодца

(Опять этого жениха опевают, и всё) (ФА СыктГУ. 0809-7);

5) вар. из архива РАМ является контаминацией данного сюжета с текстом № 17.

См. II, №№ 9а, 9б.

9а. Уж вы соколы, соколы, соколы златокрылыя

ФК. ф. 1067-15. 3/з А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., Ленский Наволок (д. Берег, 2-я Борисовская, Грёз, Ивановка, Лукинская) Ленского с/с Ленского р-на. Исп.: Головушкина Е. А., Койнова А. А., Немазанникова А. А., Пестерева Е. Н., Селиванова О. М., Тарасова Е. Д., Тарасова Е. Ф., Тарасова М. Ф., Шаньгина А. М. Нот. Е. А. Дороховой.

Полный текст песни записан от участницы ансамбля А. А. Койновой (ФК. ф. 1069-15).

См. II, №№ 9, 9б.

9б. Уж вы соколы, соколы, соколы златокрылые

РАМ. ф. 2228-143. 3/3 Т. К. Соловьевой, 1985 г., с. Лена Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 4а. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой. См. II, №№ 9, 9а.

10. Ты родимая матушка, уж ты ходишь на радостях

ФК. ф. 1066-45. 3/3 А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Лопатино Иртовского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 3. Нот. Е. А. Дороховой. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Полный текст восстановлен по фонограмме 1333-6.

Вар.: ФК. ф. 1333-6; ФА СыктГУ. 0812-23, 0818-26, 0834-40, 0805-5.

Песня довенечной части обряда: «Да её везде можно петь: и на свата-нье, и на дарах» (ФА СыктГУ. 0818-26); «Это тоже у невесты, когда вот за столом сидит невеста, дак тожно» (ФА СыктГУ. 0812-23).

Разночтения:

1) в одном из вар. в зачине матушку называют по имени и отчеству: «Ты родимая мамушка, / Ты Татьяна Степановна...» (ФА СыктГУ. 0805-5);

2) вар., записанный в с. Ирта от Гобановой М. В. (ФА СыктГУ. 0818-26), представляет собой контаминацию нескольких текстов свадебных песен.

11. Я хожу, хожу по горе

ФА СыктГУ. 0820-45. 3/3 З. Н. Мехреньгиной, 1989 г., д. Бор Суходольского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 5а. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

См. II, № 21.

12. Спасибо тебе, пивовар

ФА СыктГУ. 0820-46. Зап. в д. Бор Суходольского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 5а. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Вар.: ФА СыктГУ. 0820-16.

Публ.: РС. Т. 1. С. 60.

См. II, № 12а.

12а. Спасибо тебе, пивовар

ФА СыктГУ. 0808-18. Зап. в д. 1-й Васильевской Ленского р-на. Исп. Варенцова Н. П.

Вар.: ФК. ф. 1335-9, ф. 1336-11; ФА СыктГУ. 0820-12, 46; 0813-10, 0812-20, 0809-27, 0830-20, 0832-6, 0836-14; РАМ. ф. 2226-99.

Величание пивовару. Поют за свадебным столом в доме невесты и в доме жениха: «Эта-та песня, она и у тово и у другово поётся. У тово пивовар есть и у другово. Пиво-то ведь не в одном месте варят! И у жениха варят пиво, и у тово — у которово лучше» (ФА СыктГУ. 0812-20).

Разночтения:

1) в вар. разночтения встречаются в ответе пивовара:

Да найму ли я наймичков,
Молодых-то извопичков... (ФА СыктГУ. 0813-10, 0832-6);

Да найму ли я троечку
Да пошлю по дорогих гостей... (ФА СыктГУ. 0812-20);

2) текст, записанный от А. А. Коршуновой в д. Черныхано, представляет собой краткий, но законченный по смыслу вар. с другой концовкой:

Спасибо тебе, пивовар,
Наварил пиво пьяное,
Пиво пьяно, весёлое.
Со пива-то пьянёшенька,
Со похмелья веселёшенька» (ФА СыктГУ. 0836-14).

См. II, № 12.

13. У спаса-га на Двине в троё колокол ударили

ФА СыктГУ. 0827-13. Зап. в д. Вандыш Слободчиковского с/с Ленского р-на. Исп.: Бережных Н. Т., Галина А. Л. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Схожий сюжет с упоминанием географических реалий записан на Мезени.

См. II, №№ 13а, 28.

13а. Трое в колокол ударили

ФА СыктГУ. 0816-10. 3/3 З. Н. Мехреньгиной, 1989 г., д. Большой Кряж Сафроновского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент к № 8а. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Вар.: ФА СыктГУ. 0816-9.

См. II, №№ 13, 28.

14. Ты родимая матушка, не ходи к дубову́ столу

ФК. ф. 1066-46. 3/3 А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Лопатино Иртовского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 3. Нот. Е. А. Дороховой. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Вар.: ФК. ф. 1333-7; ФА СыктГУ. 0826-27, 0836-13, 0825-19, 0816-22, 0845-5, 0834-28, 0822-24, 0810-7, 0806-30; РАМ. ф. 2228-143, ф. 2226-98.

Публ.: РС. Т. 1. С. 62 (другая текстовая версия сюжета).

Ближких вар. не выявлено. Отдельные схожие мотивы см.: Шейн 1900. №№ 1554, 1604; Свадебные песни Сибири. № 28.

Исполнялась в момент прощания невесты с родными перед поездкой к венцу — «к вину ходят» (ФА СыктГУ. 0817-30-32):

— «Последнее, уже как невесте выходить из-за стола, отец ходит к вину, как называется, к вину идет. Прощаться, прощаться. Молодые стоят за столом, жених и невеста рядом, у невесты рюмка в руках с вином. Отец подходит, берет, да поют песню „Не ходи к дубову столу...“. Это не молодые поют, а кто свадебщики, кто на свадьбе, поют. Молодые стоят только угощают. Отец ходит, потом мать подходит... Все сходят свои, родные» (ФА СыктГУ. 0806-29-31);

— «К вину ходят прощаться после сватанья сразу, когда к венцу поезжают. За столом. Жених наливает, а оне прощаются с ей сколько время... Это отправляют уж к венцу. Прощаются, плачут, причитают да. Это конец сватанья» (ФА СыктГУ. 0816-21);

— «Водили к вину на сватанье. Отца ведут, мать, сёстры и братья. Вот эту песню пели» (ФА СыктГУ. 0825-20);

— «Это к вину ходят за столом, к невесте, на сватанье. К невесте водят. Потом мать водят, потом братья, сёстры есть. Вот все ходят так к вину. И каждому припевают: „Кормилица матушка, родимая мамушка, не ходи к дубову столу...“; „Родимой мой брателко...“, „Родимая сестрица...“. А там потом подружки пойдут. Всех водят к вину. А слова-те все одинаковые» (ФА СыктГУ. 0826-28);

— «Как этот пирог сдобный принесут из варенья из чего-нибудь, пойдут к вину. Подходит мати, отец, братья, сёстры, потом вся родня идёт. Угощают. Жених наливает вина, им подадут, оне закусят этим пирогом. Будут угощать вином, тут давай невесту опевать: „Ты родимая мамушка...“ Невесту зачнут опевать... К вину идёт, тово и имё назовут. Невесту слезят» (ФА СыктГУ. 0845-4, 6);

— «Вся родня переходит, и эту всё песню поют. Если уж подходит сестра, там: „Сестрица-голубушка, не ходи к вину-чарочке...“. Это прощаются ходят со всей роднёй» (ФК. ф. 1333-8).

Из 12 записанных вар. только два имеют полный текст песни, остальные либо фрагментарны, либо содержат мотивы других свадебных песен (см. коммент. к № 14а). Публикуемый вар. представляет собой фрагмент текста. Полный текст см. № 14а.

Разночтения:

1) в зачине — обращение к конкретному участнику свадебного действия, в некоторых вар. — по имени и отчеству: «Кормилец мой батюшко, не ходи к дубову столу...» (ФА СыктГУ. 0826-27); «Маменька родимая, Евдокия-то Фёдоровна, ой, Евдокия-то Фёдоровна, не ходи к дубову столу...» (ФА СыктГУ. 0822-24); «Соседушка-голубушка, ишо Анна Ивановна...» (ФА СыктГУ. 0810-7); «Ты сестрица-голубушка, ты Любовь Анатольевна...» (ФА СыктГУ. 0822-24); «Уж ты братец ясён сокол да Иван свет Васильевич...» (РАМ. ф. 2226-98);

2) после обращения в двух вар. следует строка: «Не ходи к вину-чарочке...» (ФК. ф. 1333-7; ФА СыктГУ. 0834-28);

3) после строки «Не ходи к дубову столу» в одном из вар. следует строка «Не щипли рыбку сёмушку» (ФА СыктГУ. 0825-19).

После строки «Не пей зеленое вино...» в одном из вар.: «...Не пропей-ко меня молодую, молодую молодушку, красную девушку» (ФА СыктГУ. 0836-13).

14а. Кормилец мой батюшко, не ходи к дубову столу

ФА СыктГУ. 0826-27. Зап. в д. Вандыш Слободчиковского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 3а. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Разночтения:

1) В вар. встречаются другие мотивы в концовке:

Мне не вызрети, яголке,
Да с осеннёго солнышка,
Не накопить ума-разума
У чужого чуженина

(«Вот тут опять имё надо») (ФА СыктГУ. 0825-19);

Не пропей мою голову,
Мою-ту русу косу,
Мою девью красоту.
Уж ты свет моя руса коса,
Ты могла красоватися
На моей на буйной голове (ФА СыктГУ. 0834-28);

Не пропей мою голову.
Ты пропьёшь, пропьёшь —хватишься,
Обо мне ты наплачешься (ФА СыктГУ. 0822-24).

См. II, № 14.

15. Завивайтесь, вереюшки

ФА СыктГУ. 0826-23. Зап. в д. Вандыш Слободчиковского с/с Ленского р-на Исп.: см. коммент. к № за. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Вар.: ФК. ф. 1335-9, ф. 1417-64; ФА СыктГУ. 0836-8; РАМ. ф. 2225-39.

Поют при встрече жениха на сватанье: «Поют, уже когда приедет жених к невесте на свадьбу» (ФА СыктГУ. 0836-8).

Разночтения:

1) публикуемый текст — единственный вар. с зачином «Завивайтесь, вереюшки». Другие вар. зачина: «Всё на улице сватова пришли да на красно крылечко князёво...» (ФК. 3/3 А. В. Медведева и В. Б. Сорокина, 1971 г., д. Шадрино. Исп. Саранцина М. З.); «Всё на улочке сватова пришли, да на красно крылечко сватыюшки...» (ФК. ф. 1335-9; ФА СыктГУ. 0836-8; РАМ. ф. 2225-39);

2) после строки «Да она кидалась, бросалась» — в вар.: «...Да прямо в кут да за занавесу, / Прямо в кут да за занавесу, да за злодейку за берчатую...» (ФК. 3/3 А. В. Медведева и В. Б. Сорокина, 1971 г., д. Шадрино. Исп. Саранцина М. З.); «...Да от окна к окну колодному, / От окна к окну колодному да прямо в кут да за занавесу, / Прямо в кут да за занавесу, да всё за кумушок-голубушок...» (ФА СыктГУ. 0836-8).

См. II, №№ 39, 39а.

16. Уж как на́ море, на́ море

ФА СыктГУ. 0826-39. Зап. в д. Вандыш Слободчиковского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № за. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Исполнялась за столом на сватанье в доме невесты: «Это на свадьбе поют. Это всё свадебные песни. На сватанье поют... за столом» (ФА СыктГУ. 0826-40).

17. Ой ты сокол да сокол, ты сокол удалой молодец

ФА СыктГУ. 0809-6. Зап. в д. 2-й Борисовской Ленского с/с Ленского р-на. Исп.: Селиванова А. А., Селиванова О. М. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Вар.: ФК. ф. 1333-12, ф. 1066-50.

Близкие вар.: Киреевский 1911. №№ 204, 227; ЛРС. №№ 275, 276, 278; Фольклор Новгородской обл. № 367; Шейн 1900. №№ 1654, 2168.

Исполнялась на приезде в доме жениха: «Её тоже много раз поют: к отцу, к матери, там сёстры есть, братья. Её несколько раз. Только она маленькая. Это всё на приезде поют» (ФК. ф. 1333-12).

Разночтения:

1) в зачине: «Ты сокол-от, соколей сын, да сокол — удалой молодец...» (ФК. ф. 1066-50, ф. 1333-12);

2) после строки «Да летал ты по вишенью» в вар., записанных экспедициями ФК, следует строка «По всему свету белому» (ср. с № 9).

3) в записях ФК добавляются эпитеты к портрету девушки: «Будто мак алёшеньку, будто лебедь белёшеньку...».

Публикуемый текст — самый полный из трех вар., записи ФК представляют собой фрагменты песни.

18. На улочке снег напал

ФА СыктГУ. 0808-47. Зап. в с. Козьино Ленского р-на. Исп. Залужская Л. Г. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Схожие мотивы встречаются в вар. песни «Девки вы, девушки».

См. II, № 5.

19. Леонидушко проиграл свой тальянский плат

ФА СыктГУ. 0816-27. З/з З. Н. Мехреньгиной, 1989 г., д. Большой Кряж Сафроновского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 8а. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Вар.: ФК. ф. 1333-8.

Песня (возможно, фрагмент причета) сопровождает обряд покрывания невесты перед отъездом к венцу: «Из-за стола выведет от сватанья, и у его платок. И вот он три раза обведет вокруг головы и тогда закроет ее. А она тогда отцу в ноги бросится, падет невеста. Платок-то оденет, тогда уж он стоит рядом, а она в ноги кланяется. Поют песню „Проиграл свой тальянский плат...“» (ФА СыктГУ. 0816-1).

В вар., записанном в д. Лопатино от Помоловой Л. Г., зачин — «Удалой доброй молодец»; в концовке добавляется строка: «За одну за русу косу» (ФК. ф. 1333-8).

20. Корминец мой батюшко, да на чтой-но ты кадцу катишь

ФА СыктГУ. 0827-6. Зап. в д. Вандыш Слободчиковского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 13. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Вар.: ФА СыктГУ. 0820-47.

Исполнялась за столом на сватанье в доме невесты: «Эту на сватанье уж надо петь за столом» (ФА СыктГУ. 0827-7).

См. II, № 20а.

20а. Батюшко родимый, на что ты чаны катишь?

ФА СыктГУ. 0820-47. Зап. в д. Бор Суходольского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 5а. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

См. II, № 20.

21. Хожу с-по Сиянской горе

РАМ. ф. 2224-6. Запись Т. К. Соловьевой, 1985 г., д. Кулига (Бердышиха) Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: Коршунова А. А., Черепанова А. К., Щипина О. Я. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

Публ.: Народные исполнители Кулиги.

Вар.: ФК. ф. 1336-11, ф. 1335-9; ФА СыктГУ. 0820-44, 0820-45, 0831-2, 0822-15, 0811-9, 0832-7, 0832-35, 0836-18, 0808-48.

Ближих вар. не выявлено. Мотив каменного сердца в свадебных песнях см.: Шейн 1900. № 2466; Свадебные песни Сибири. № 142.

Элегическая предвенечная. Могла исполняться:

— «На сватанье» (ФА СыктГУ. 0836-18);

— «К венцу поезжают, она слезит отца-то» (ФА СыктГУ. 0831-2);

— «Слезят невесту, поют до венчанья, когда невеста за столом сидит, а её отец к столу подойдёт» (РАМ. ф. 2224-6).

Разночтения:

1) в большинстве записанных вар. — зачин «Я хожу с-по Сиянской горе» (Народные исполнители Кулиги);

2) после строки «Не могу батюшка росслезить» следует строчка «Я кормильца розжаловати» (ФК. ф. 1335-9);

3) описание жестокого сердца батюшки следующее:

У ево сердце каменно,
 Во железе-то сковано,
 Во булате-то сварено,
 В сине море отпущено
 Всё со серым со камешком... (Народные исполнители Кулиги);

4) в концовке может быть названо имя жениха:

...У чужово чуженина —
 У Владимира Борисовича
 (ФК. З/з А. В. Медведева и В. Б. Сорокина, 1971 г.,
 д. Заимка (Седуновская). Исп. не указаны);

5) В нескольких вар. невеста пытается розжалобить матушку:

Не могу матушку росслезить,
 Я родимую розжаловати.
 У её сердце каменно... (ФА СыктГУ. 0811-9);

б) Текст, записанный в д. Дорофеевской от Соболевой М. Т., имеет другую концовку:

...Да со серым со камешком
В синё морё Хвальинскоё.
Широко разливается,
С краю на край колыхается,
С бережками ровняется (ФА СыктГУ. 0832-35).

Аналогичные данной концовке мотивы см. № 16.

22. Спасибо тебе, пивовар

ФК. ф. 1337-8, н-10959, ГЦМОМК. Ф. 450. № 2657. 3/3 А. В. Медведева и В. Б. Сорокина, 1971 г., д. Шадрино Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: Беяева Е. Г., Мокрецова А. П., Мосеева А. С., Мясихина С. П., Саранци-на М. З. (запев.), Якимова (Екимова) А. Н., Якимова (Екимова) Е. Г. Нот. Е. В. Гиппиуса.

Застольное величание пивовара на свадебном пиру, на «красном столе» и на любом празднике. Примечание Е. В. Гиппиуса: «В других версиях (в частности, из д. Коротовинской Слободчиковского с/с) этот текст обычно включает имя пивовара, например:

Да спасибо тебе, молодой,
Да Григорий Васильевич!»

См. II, № 12, 12а.

23. Перекатноё солнышко

ФК. ф. 1335-7. 3/3 А. В. Медведева и В. Б. Сорокина, 1971 г., д. Заимка Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп. Саранцина М. З. и еще две женщины. Нот. Е. А. Дороховой.

См. II, № 23а.

23а. Перекатноё солнышко

ФК. ф. 1334. 3/3 А. В. Медведева и В. Б. Сорокина, 1971 г., д. Шадрино Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 22. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Вар.: ФА СыктГУ. 0839-18, 0838-11.

Близкие вар.: Бахтин 1982. № 51; Киреевский 1911. № 1001; Чистов. № 328.

Исполнялась на сватанье в доме невесты: «Это невесту слезят, невесту сряжают» (ФА СыктГУ. 0838-11).

Разночтения:

1) в записях ФК имеется вар. с аналогичным зачином к песне «Хожу с-по Сиянской горе» (см. № 23);

2) один из вар. имеет более развернутую концовку:

Всё не вырасти травоньке
Да со зимнего солнышка.
Не вызрети яголке

Всё с осеннего солнышка.
 Не отроснуть коса руса,
 Не наполнить бела лица
 У чужого чуженина.
 Не наполнить бела лица
 У чужой, чужей матушки (ФА СыктГУ. 0838-11).

Схожий сюжет с другим зачином, записанный от той же исполнительницы, см. № 3а.

См. II, № 23.

24. Ох вы бóяра, бóяра

РАМ. ф. 2224-32. 3/3 Т. К. Соловьевой, 1985 г., д. Белопашино Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: Амосова М. П., Мокрецова А. П., Мясихина С. П., Саранчина М. З. (запев.), Черепанова М. А. Нот. Е. А. Дороховой.
 Пели на сватанье после приезда жениха.

См. II, № 30.

25. Уж ты сватья, сватыюшка

ФК. ф. 1419-118. 3/3 Е. С. Кустовского и В. Б. Сорокина, 1972 г., с. Слободчиково Ленского р-на. Исп.: Баранова М. В. (запев.), Отряхнина В. И., Щипина А. И., Юнтунен А. Ф. Нот. Е. А. Дороховой.

Опевают сватью на сватанье, просят подарков для молодых. См. коммент. к № 74.

26. Как на (й)улице-то дождь идёт

РАМ. ф. 2224-5. 3/3 Т. К. Соловьевой, 1985 г., д. Кулига (Бердышиха) Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 21. Нот. Е. А. Дороховой.
 Свадебная, на сватанье, на дарах. См. коммент. к № 1.

27. Да на улице дождж идёт

ФК. ф. 1068-19, н-6286. 3/3 А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Устье Рябовского с/с Ленского р-на. Исп.: Задорина Т. С., Копнина Е. Г., Полуянова К. Е., Тарасова М. С., Третьякова Н. Н., Шемшина К. Г. Нот. Е. В. Гиппиуса. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

После строки «Да ково-то одаривати» в нотации следует примечание: «Во время звукозаписи третье двустигшие было опущено исполнителями».

См. коммент. к № 1.

28. Да летал сизой голубок

ФК. ф. 1068-14, н-6283. 3/3 А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Устье Рябовского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 27. Нот. Е. В. Гиппиуса (1971 г.). Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Исполнялась на напев № 26.

Вар. с таким зачином не выявлено.

Близкие вар.: Киреевский 1911. № 480; Песни Мезени. № 156; РС. Т. 2. №№ 389, 390.

Не имеет строгой обрядовой приуроченности, исполнялась «на приезде» в доме жениха: «Уж когды привезут к свекровке, дак тогда. У жениха ⟨поют⟩» (ФА СыктГУ. 0827-14).

С зачином «Летал сизой голубок» записана в единственном вар. Другие вар. зачина: см. II, №№ 13, 13а.

29. Как из-за леса, чиста поля

ФК. ф. 1068-13, н-5894. 3/з А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Устье Рябовского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 27. Запев. Третьякова Н. Н. Нот. Е. В. Гиппиуса.

См. II, № 29а.

29а. Из-за лесу, чиста поля

ФА СыктГУ. 0846-7. 3/з Л. Д. Головачевой, 1990 г., д. Конюшевская Рябовского с/с Ленского р-на. Исп. Ключихина М. А. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

Исполнялась на напев № 26.

Вар.: ФА СыктГУ. 0846-36, 0840-9; ФК. ф. 1068-13.

Свадебная величальная. За столом «опевают» всех гостей: «Надо встать и поклониться» (ФА СыктГУ. 0846-7); «Это опевали тоже за столом» (ФА СыктГУ. 0846-36); «Это уж так опевают её. И вот какие есть там, мужиков или баб, — всех опоют и насобирают целую тарелку денег» (ФА СыктГУ. 0840-9).

Бытует только в деревнях, граничащих с Котласским районом, в Рябовском с/с.

Разночтения:

Текст по нот. Е. В. Гиппиуса (№ 29) — величание сватье. После строки «Молодая молодушка» следует строка: «Да голубушка сватьюшка». Соответственно, и обращение в тексте — к сватье: «Ты голубушка-сватьюшка, да изволь-ко на ножки встать...», причем двустипшие с обращением, по примечанию Гиппиуса, было опущено исполнителями.

30. Уж вы бёера, бёера

ФК. ф. 1068-31. 3/з А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Устье Рябовского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 27. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Вар.: ФА СГУ 0836-7; РАМ. ф. 2224-32.

Близкие вар.: ЛРС. № 420; Протопопов. № 500; Балашов, Красовская. №№ 80, 81.

Единственная корильная песня, записанная в Ленском районе.

См. II, № 24.

31. Как на (й)улице-то дождь идёт

ФК. ф. 1419-142. 3/з Е. С. Кустовского и В. Б. Сорокина, 1972 г., г. Коржма Котласского р-на. Исп. Волкова Е. М., уроч. д. Заболотье. Нот. Е. А. Дороховой.

См. коммент. к № 1.

32. (и) Во Китае было городе

ФК. ф. 1335-1. 3/з А. В. Медведева и В. Б. Сорокина, 1971 г., д. Микшина
Гора Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 2а. Нот. Е. А. Дороховой.
См. II, №№ 32а, 32б.

32а. (да) Во Китае было городе

ФК. ф. 1066-52. 3/з А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Лопатино Иртовского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 3. Нот. Е. А. Дороховой.

Полный текст восстановлен по вар. ФК. ф. 1333-14.

Свадебная, на сватанье величают жениха.

См. II, №№ 32, 32б.

32б. Во Китае было в городе

ФА СыктГУ. 0819-8. Зап. в д. Пустошь. Исп. Гобанова О. В. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

Вар.: ФК. ф. 1333-14, 1335-1, 1358а-10, 1066-52; ФА СыктГУ. 0805-13, 0817-28, 0828-9, 0819-18, 0834-21, 0802-9.

Публ.: Яренские песни. № 2.

Близкие вар.: Киреевский 1911. №№ 15, 299, 765; Песни Мезени. № 164; Свадебные песни Сибири. №№ 167, 168; Шейн 1900. № 1503.

Могла исполняться и в доме жениха, и в доме невесты: «Это в любом месте можно петь» (ФА СыктГУ. 0819-18).

Разночтения:

1) в вар. текст имеет продолжение:

...За работушку тяжёлую,
За стрепню за хитромудрую (ФА СыктГУ. 0805-13);

...За работушку тяжёлую.
— Ты родимая мамушка,
Не можно ли передумати,
Меня замуж не выдати,
Меня молодёшеньку?
— А у нас думушка сдумана,
По рукам у нас ударено,
На урочный день отложено.
На урочный день, на часы на урочны,
На дни полуночные (ФА СГУ 0817-28);

2) в одном из вар. имеются небольшие разночтения в зачине песни:

...Да во палате беломраморной,
Да среди полу дубового,
Да супротив брусу полатного... (ФА СыктГУ. 0819-18).

См. II, №№ 32, 32а.

33. Из-за лесу, лесу тёмного

ФК. ф. 1358а-7, н-6025. 3/з В. М. Щурова и А. В. Медведева, 1959 г., д. Микшина Гора. Исп.: Агеева Л. И., Курынова Е. М., Лукошникова А. И., Попова К. А., Тумалёва А. И., Фомина А. И. Нот. Е. В. Гиппиуса (1970 г.). Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Вар.: ФК. ф. 1066-29; ФА СыктГУ. 0805-14, 0834-39, 0851-27, 0804-10.

Широко распространенный свадебный сюжет. См.: Бахтин 1982. № 72; Песни Вологодской обл. С. 85; Песни Карельского Поморья. № 151; Киреевский 1911. №№ 20, 217, 288, 296, 601, 983; Киреевский 1911. №№ 1—53, 217, 288, 296, 601, 983; ЛРС. № 269; РС. Т. 1. № 211 а, б; Песни свадьбы Сибири. № 337; Фольклор Новгородской обл. №№ 359, 360; Шейн 1900. №№ 1651, 1712, 2159.

Песня могла исполняться в момент отъезда молодых к венцу и встречи молодых от венца — «на приезде»:

— «во время приезде» (ФА СыктГУ. 0804-10);

— «Вот это к венцу отправляют. Стоят на угоре, поют, а они поезжают» (ФА СыктГУ. 0851-27).

Разночтения:

1) В вар. различается концовка:

Начели-же гуси шшипати,
Начела лебёдка клыкати:
— Не сама я к вам залетела.
Завезли же кони добрые.
Кони добрые, стоялые,
Всё стоялы, неезжалые (ФА СыктГУ. 0805-14);

Начели гуси щипати-то,
Начели гуси щипати
Да с собою её не брати-то,
С собою её не брати-то.
...Да погодою, невздою.
В ету пору, в это времечко
Уезжала дочь от матери,
Уезжала, не простилася,
Не простилась, не сердилася.
Свёкор-батюшко журити,
Начала свекровь бранити.
— Не ругайте, свёкор-батюшко,
Не кори, свекровка-матушка,
Не сама я к вам заехала,
Завезли меня кони серые (ФА СыктГУ. 0804-10).

Аналогичный сюжет с другим зачином см. № 40.

33а. Из-за лесу, лесу тёмного

ФК. ф. 1066-29. 3/з А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., с. Яренск Ленского р-на. Исп.: Антоновская Е. П., Гулина О. Н., Митрошина М. В., Пинегина А. Т., Широких Г. В., Шубенина Г. В. Нот. Е. В. Гиппиуса.

См. II, № 33.

34. Ты река ли, речка быстрая

ФК. ф. 241-15, н-6778. 3/з А. С. Абрамского, 1964 г., с. Яренск Ленского р-на. Исп.: Капустина У. Е., Крейцен Е. Н. Нот. Е. В. Гиппиуса (1971 г.). Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

См. коммент. к № 38.

См. II, №№ 36, 38.

35. Сени, сени новые

ФА СыктГУ. 0812-17. Зап. в с. Козьмино Ленского р-на. Исп. Лиханова А. В. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Вар.: ФА СыктГУ. 0831-3, 0813-2.

Поют, когда жених подъезжает к дому невесты на сватанье: «Только собирается народ-от на сватанье, девки да там бабы все — людно ведь насобирается, полно мужиков, дак вот тожно и поют ее первую песню. «У! Свадьба едет, — говорят, — надо „Сени“ петь. Свадьба-та едет, дак сразу, первую уж, первую ее. Жених к невесте <едет>» (ФА СыктГУ. 0812-18); «Свадьбу дожидают, и вот у невесты поют» (ФА СыктГУ. 0831-3).

Публ.: РС. Т. 2. № 380.

Разночтения:

В одном из трех записанных вар. называют невесту по имени: «...С-по вам-то ходит красна девушка-душа, да всё Агния-то Ивановна...» (ФА СыктГУ. 0813-2).

Другая концовка см. № 35а.

35а. Ох вы сени, сени новые

ФА СыктГУ. 0831-3. Зап. в д. Томиловской Козьминского с/с Ленского р-на. Исп. Лапшина М. П. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

См. II, № 35.

36. Ты река ли, река жо быстрая

ФК. ф. 1067-69. 3/з А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Бор Суходольского с/с Ленского р-на. Исп.: Осколкова О. В., Парыгина А. П. Нот. Е. А. Дороховой.

Пели невесте-сироте на сватанье.

См. коммент. к № 38.

См. II, №№ 34, 38.

37. Уж вы кумушки-подруженьки

ФК. ф. 1417-57, н-7729. 3/з В. В. Сорокина и Е. С. Кустовского, 1972 г., д. Заимка Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: Софина Е. Д., Софина М. П., Черепанова А. А., Черепанова Ф. С., Якимова Н. М. Нот. Е. В. Гиппиуса (1972 г.). Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

В нотации Е. В. Гиппиуса после строки «Не зайти же, не заехати» следует: «Шшо ни конному, ни пешему».

Вар.: Народные исполнители Кулиги; ФК. ф. 1336-11, ф. 1335-9, ф. 1417-63, ф. 1419-126, ф. 242-7; ФА СыктГУ. 0824-26, 0826-3, 0811-18, 0811-4, 0818-23, 0816-12, 0827-12, 0825-12, 0830-17, 0832-13, 0836-3, 0832-36, 0835-10, 0810-12.

Публ.: РС. Т. 1. № 191.

Ближих вар. не выявлено, схожие мотивы см.: Фольклор Новгородской обл. № 317 (зачин); Шейн 1900. № 1952.

Песня довенечной части обряда:

— поют, когда девушки собираются дары шить: «Дары ходили шить. Вот эти дары-то шьют, да вот это и поют» (ФА СыктГУ. 0818-24); «„Кумушки-подруженьки“ — это когда собираются по-ранешнему рубашки шить. Ну, вышивать у невесты, чего-ко готовить жениху. Полотенца вышивают. Вот тогда эту и поют „Кумушки-подруженьки“, потому что они собрались посидеть и побеседовать» (ФА СыктГУ. 0824-27); «А это вот раньше, в старинушку, когда собирали, ну раньше дарили, дары готовили. Дары готовила невеста и дарила женихову родню. И собирала девушек, подруг своих. Вот эта вот песня тогда и пелась для невесты. Слезливая очень даже. Невеста плакала сильно даже» (ФА СыктГУ. 0825-13); «Собирались к невесте девочки, подружки еёны, ей готовили приданое. Там шили, полотенца вышивали, рубашки шили. Раньше же вышивали старинные рубашки. Вот тогда вот эту песенку и пели» (ФА СыктГУ. 0826-4); «Это вот песню поют — у невесты дары шьют» (ФА СыктГУ. 0830-17);

— могла также исполняться на сватанье за столом: «Опевают невесту в дому, как сватанье» (ФА СыктГУ. 0811-18); «Тоже на сватанье у невесты ⟨поют⟩» (ФА СыктГУ. 0812-21, 22); «„Уж вы кумушки-голубушки“ песню пели, невесту слезили... До венца свадьба-та была у невесты... Поют все. Гостей дак людно, все поют. Слезили. Когда к жениху приедут, там другие поют песни. От невесты — невесту слезят, а там другие — свадебные» (ФА СыктГУ. 0835-10а).

Разночтения:

1) различаются обращения в зачине песни: «Соседушки-голубушки» (см. № 8), «Ох вы кумушки-голубушки» (ФК. ф. 1417-63), «Уж вы девушки-голубушки» (ФА СыктГУ. 0816-12), «Вы сестрицьки-голубушки» (ФА СыктГУ. 0830-17);

2) в вар. после обращения в зачине следует:

Соберитесь во единой круг,
Пособите думу думати,
Моему горю помогите... (ФК. ф. 1336-11);

Вы придите посидеть ко мне,
Посидеть, слезно поплакати... (ФК. ф. 1419-126);

Вы придите посидеть ко мне,
Посидеть, горько поплакати... (ФА СыктГУ. 0832-13);

Приходите посидеть ко мне,
Да посидеть, побеседывати... (ФА СыктГУ. 0824-26);

Вы придите посидеть ко мне,
Да не одну вы думу думайте,
Не один совет советуйте... (ФА СыктГУ. 0825-12);

3) в одном из вар. после строки «Крутую гору, высоко» следует обращение к ветру:

Да подувай-ко, ветерок-северок,
 Да заморозь-ко крутую гору,
 Да всё крутую гору, высоко... (ФК. ф. 1417-63);

4) В тексте, записанном в д. Заимке в 1971 г., в ответе молодца после строки «Наварю я пива пьяного» следует строка «Наберу вина зелёного» (ФК. З/з А. В. Медведева и В. Б. Сорокина, 1971 г., д. Заимка (Седуновская). Исп. не указаны).

Из 24 записанных в Ленском районе текстов девять фрагментарны, в основном в записях фольклорных экспедиций СыктГУ. Песня более распространена в деревнях начиная с Козьминского с/с; в поселениях, расположенных близ Яренска, зафиксировано всего два вар. текста.

См. II, №№ 8, 8а, 37а.

37а. Уж вы кумушки-голубушки

ФК. н-10041. Зап. в д. Кулиге, партитурная нот.: 12 РНП.

См. II, № 37.

38. Ты река ли, река быстрая

ФК. ф. 1334-1338, н-8393. З/з А. В. Медведева и В. Б. Сорокина, 1971 г., д. Шадрино Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: Беляева Е. Г., Мокрецова А. П., Мосеева А. С., Мясихина С. П., Саранцина М. З. (запев.), Якимова (Екимова) А. Н., Якимова (Екимова) Е. Г., Якимова М. Г. Нот. Е. В. Гиппиуса (1972 г.). Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Вар.: ФК. ф. 1333-4, ф. 1334-14, ф. 1066-43, ф. 1067-69, ф. 1419-129, ф. 241-15; РАМ. ф. 2225-37; ФА СыктГУ. 0827-10, 0830-25, 0831-1, 0836-17, 0838-10, 0839-16, 0811-14, 0809-13.

Широко распространенная свадебная песня невесте-сироте. См.: Бахтин 1982. № 83; Браз. № 3; Киреевский 1911. №№ 1—48, 168, 287, 302, 409, 414, 466, 585, 838; ЛРС. № 199; РС. Т. 1. № 269; Рыбников. № 13; Песни свадьбы Сибири. №№ 320, 321; Фольклор Новгородской обл. № 313; Шейн 1900. №№ 1542, 1777, 2163, 2375.

Элегическая предвечная: «Поют, когда жениха ждут. Тут поют, а невеста воет» (ФА СыктГУ. 0838-10); «Когда её (невесту) собирают, набасят да к жениху поведут. Их надо благословлять. Мати, отец благословляют. Жених тут уже сидит. Её там благословляют... Иконой благословляют, рукой правой. Вот мати благословила, а отца-то нету. Вот и поют эту песню» (ФА СыктГУ. 0839-16); «Нет родителей, да вот и поют. Когда за столом сидят на сватанье. Невесту слезят, чтобы плакала пуще» (ФА СыктГУ. 0827-11).

Записанные тексты фрагментарны.

Разночтения:

1) в двух вар. иное развитие сюжета:

Ты река ли, река быстрая,
 Река да каменистая,
 Ты течёшь да не скольхнешься
 Да ни к которому ко бережку
 Да ни к желту песку Макарьевску.

Уж ты девушка, девка красная,
 Да ты сидишь да призадумалася,
 Потупила очи ясные
 Да на свои же руки белые.
 Да ото всех ты отклоняешься,
 Да ото всех ты отдаляешься,
 К одному прислоняешься,
 (назвать и величать надо девушку),
 Да ко удалу добру молодцу,
 (назвать и звеличать) (ФК. ф. 1334-14);

Ты река ли, река быстрая,
 Ты течёшь — не сколыбнёшься
 Ни к которому берегу
 Да ни к желту песку Макарьевску.
 Ты сидишь — призадумалася
 Да повесила голову,
 Потупила очи ясные
 На свои руки белые,
 На свои персты злачёные.
 Ото всех отступаешься,
 К одному приближаешься —
 Да к Ивану Александровичу» (ФК. ф. 1419-129);

2) В вар. разночтения встречаются в концовке:

Да развернися, полотёнышко,
 Откройся, полотёнышко,
 Да подымися, права рученька,
 Подымись-ко, права рученька,
 Да ты восстань, корминец-батюшко,
 Восстань, корминец-батюшко,
 Да со родимою со матушкой» (ФА СыктГУ. 0827-10)

Розвернися, полотёнушко,
 Да стань ты, стань, родима мамушка,
 Дай ты, дай благословленьцо
 Да своей дочке... (ФА СыктГУ. 0830-25, 0831-1)

См. II, №№ 34, 36.

39. Всё на улочке сватовá пришли

ФК. ф. 1335-9, н-8395. 3/з А. В. Медведева и В. Б. Сорокина, 1971 г., д. Шадрино Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 38.

Примечание Е. В. Гиппиуса: «Нотация транспонирована на малую секунду вверх».

См. II, №№ 15, 39а.

39а. На улицу сватовы́ пришли

РАМ. ф. 2225-39. 3/з Т. К. Соловьевой, 1985 г., д. Белопашино Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 24. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

См. II, №№ 15, 39.

40. Отставала лебедь белая

РАМ. ф. 2225-34. 3/3 Т. К. Соловьевой, 1985 г., д. Белопашино Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 24. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

Вар.: ФК. ф. 1335-9, ф. 1335-23, ф. 1417-60; ФА СыктГУ. 0826-30, 0836-4, 0848-17, 0825-14.

Близкие вар.: Соколовы. № 297; Песни средней Сухоны. № 81; Балашов и др. №№ 218, 267; Киреевский 1911. №№ 698, 734, 758, 759; ЛРС. № 270; Песни Мезени. № 151; Шейн 1900. № 2361.

Исполняется:

— в момент отъезда молодых к венцу: «Когда повезут ⟨невесту к венцу⟩, вот провожают её уже. Тут много поют, разные поют... Каку надумаются, таку и поют. Только чтобы провожающая была песня» (ФА СыктГУ. 0826-31); «Когда к венцу повезут, тогда и поют эту песню» (ФА СыктГУ. 0835-11);

— «на приезде» от венца: «А это когда приезжают уже. Жених когда ведёт свою невесту домой, привозит к себе когда. Вот тогда поётся эта песня. Когда уже подъезжают, привозит он её» (ФА СыктГУ. 0825-15).

Разночтения:

1) в некоторых вар. в начале текста называется имя невесты, а в концовке — имя жениха:

Отставала лебедь белая
Да от стада да лебединога.
Отставала наша Ольгушка
От отца да от родной матушки... (ФК. ф. 1335-9);

И привёз жо меня доброй конь,
Да всё заправил удалой молодец,
Да всё какой-то Незнамович (ФК. ф. 1417-60);

2) в вар., записанном в д. Вандыш от Бережных Н. Т., перечисляется вся невестина родня:

Отставала лебедь белая
Она от стада от серых гусей.
Да отставала наша девушка,
Отставала наша красная
Да от корминица от батюшка
Да от родимой своей матушки,
Она от брата — ясна сокола
Да от сестёр — белых лебёдушек,
Она от девушек-подруженёк,
Ото всего от роду-племени,
Она от зятя ясна сокола... (ФА СыктГУ. 0826-30).

Аналогичный сюжет с зачином «Из-за лесу, лесу тёмного» см. № 33.

41. Во сыром бору, на сосенке

РАМ. ф. 2224-23. 3/3 Т. К. Соловьевой, 1985 г., д. Литвино Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп. Софина М. П. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

Свадебная, исполнялась в доме жениха после приезда молодых от венца.

42. Затоплялася банюшка

ФА СыктГУ. 0429-22. 3/3 А. Н. Власова и Е. А. Шевченко, 1987 г., д. Осиновец Ильинского с/с Вилегодского р-на. Исп. Аникина А. А. Нот. Е. А. Дороховой.

42а. Растоплялася банюшка

СыктГУ. 0461-94. 3/3 Е. А. Шевченко, 1987 г., д. Борок Фоминского с/с Вилегодского р-на. Исп. Шевелёва Е. М.

Публ.: Фольклор Виледи. № за.

См. II, №№ 42, 42б.

42б. Растоплялася банюшка

ФА СыктГУ. 0479-4. 3/3 А. Н. Власова, 1988 г., д. Мышково Вилегодского с/с Вилегодского р-на. Исп. Костина М. Н.

«Как отца-матери нет».

Публ.: Фольклор Виледи. № 3г.

См. II, №№ 42, 42а.

43. По мостам, мостам калиновым

ФК. ф. 1068-22, н-6291. 3/3 А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Устье Рябовского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 27. Нот. Е. В. Гиппиуса. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

К нотации добавлено примеч.: «В первом стихе 3-й строфы исполнители допустили во время звукозаписи ошибку: вместо слов „Да шагают потихонечку“ они спели „Да идут-то потихонечку“. При предварительной записи 3-е двустигшие было напето теми же исполнителями в такой версии:

Да шагают потихошеньку,
Да ступают помалешеньку...

По окончании 9-го двустигшия поется персональное обращение к каждой из подружек:

А перьва была подружонька,
Да перьва была — свет Марьюшка,
А втора была подружонька,
А втора была — свет Аннушка,
А третья была подружонька,
Да третья-то — Катеринушка.

В примеч. к записям А. С. Кабанова и А. В. Медведева отмечено, что песня исполнялась на девичнике.

44. Уж ты ходишь, кормилец батюшко

ФК. ф. 1068-24, н-6288. 3/3 А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Устье Рябовского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 27. Нот. Е. В. Гиппиуса. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Близкие вар. см.: Свадебные песни Сибири. №№ 13, 14, 15, 16.

В примеч. к записям А. С. Кабанова и А. В. Медведева указано, что песня исполнялась на девичнике.

45. [Всё ходила] я, малёсенька

ФА СыктГУ. 0626-1. 3/3 З. Н. Мехреньгиной и А. А. Бильчука, 1988 г., д. Новиково Харитоновского с/с Котласского р-на. Исп. Козицина К. О. Нот. Е. А. Дороховой.

Групповой свадебный причет.

46. Похожу ли я по терему

ФА СыктГУ. 0626-7. 3/3 З. Н. Мехреньгиной и А. А. Бильчука, 1988 г., д. Новиково Харитоновского с/с Котласского р-на. Исп.: Козицина К. О., Козицина М. С., Козицина У. Ф. Нот. Е. А. Дороховой.

Групповой свадебный причет.

47. [Похожу ли я по терему]

ФА ИРЛИ. 3/3 неизвестного собирателя, 1960-е гг., с. Ильинско-Подомское Вилегодского р-на. Исп. хор СДК. Нот. Е. А. Дороховой.

Групповой свадебный причет. «Опевают невесту вечером, когда женихи приедут, за стол садятся». Причет записан со второго стиха; полный текст восстановлен по 3/3 1972 г., ФК. ф. 1416-5.

См. II, №№ 47а, 47б.

47а. Похожу ли я по терему

ФА СыктГУ. 0471-35. 3/3 А. Н. Власова, 1987 г., д. Шалимово Беляевского с/с Вилегодского р-на. Исп. Вагина А. А. Нот. Е. А. Дороховой.

См. II, №№ 47, 47б.

47б. Похожу ли я по терему

ФА СыктГУ. 0628-2. 3/3 З. Н. Мехреньгиной, 1988 г., д. Туйково Коряжемского с/с Котласского р-на. Исп. Манзырева Ф. И. Нот. Е. А. Дороховой.

Групповой свадебный причет.

«Опевали раньше. Опевают так, а невеста плачет сидит, ревёт. Приходят к ей опять, она прощёается с има. Они сидят-то, опевают тебе, а ты и плачешь! А жених — он приехал, да где-то там, на улице, в квартиру не зашёл, — девишник».

См. II, №№ 47, 47а.

48. Ой, ты родной ты мой тятенька

ФА ИРЛИ. 3/3 неизвестного собирателя, 1960-е гг., с. Ильинско-Подомское Вилегодского р-на. Исп. хор СДК. Нот. Е. А. Дороховой.

49. Ой, да отжила я у родимые мамушки

ФА СыктГУ. 0630-6. 3/3 З. Н. Мехреньгиной и А. А. Бильчука, 1988 г., д. Наволок Коряжемского с/с Котласского р-на. Исп. Митюгова М. П. Нот. Е. А. Дороховой.

Сольный причет невесты. «На свадьбу-ту — девишник, за занавесу ходили. Причитала она, ей подарки носили».

50. Призакрыл да чужой чуженин

ФК. ф. 1333-8. 3/3 А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Лопатино Иртовского с/с Ленского р-на. Исп. Помолева Л. Г. Нот. Е. А. Дороховой.

Сольный причет плачеи («бабушки»). «Причитает бабушка, когда невесту сажают под грядки, после покрыванья».

51. Шёлкова нитка ко стенке льнёт

ФК. ф. 1358а-12, н-6023. 3/3 В. М. Щурова и А. В. Медведева, 1959 г., д. Микшина Гора Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 33. Нот. Е. В. Гиппиуса (1970 г.). Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

В нот. Е. В. Гиппиуса имеется примечание: «Весь текст песни с варьированным повтором четырех заключительных двустушии снова повторяется с заменой в ее тексте имени и отчества жениха и невесты — именами и отчествами всех других пар, сидящих за свадебным столом; все они „опеваются“ в этой песне по очереди. Двустушия 5а, 6а пелись в том же селе и в иной версии:

Мил жо мне, милёшенёк, мил жо мне, милёшенёк
Удалой молодец, удалой-от молодец,
Удалой-от молодец, удалой-от молодец,
Иван Иванович-сударь, Иван Иванович-сударь.

Вар.: ФК. ф. 1333-10, ф. 1334-15, ф. 1066-48, ф. 1067-70; ФА СыктГУ. 0819-22, 0818-43, 0830-23, 0811-10; РАМ. ф. 2227-105.

Публ.: РС. Т. 1. С. 63.

Близкие вар.: Песни Ленинградской обл. № 76; Соколовы. № 148; Киреевский 1911. №№ 429, 688; Свадебные песни Сибири. № 372; Песни свадьбы Сибири. № 364; Фольклор Новгородской обл. № 355; Шейн 1900. №№ 1506, 1742, 1950, 2362.

Исполнялась: на сватанье за столом (ФА СыктГУ. 0819-22); на свадьбе в доме жениха (ФА СыктГУ. 0818-44); «Назавтре приедут — у жониха поют» (ФА СыктГУ. 0830-23); «Это тоже „Шёлкова нитка“ — все кругом пары есть, всех опевают» (ФК. ф. 1333-10).

Разночтения: в вар., записанном в д. Пустошь от Гобановой О. В., невесте дважды задают вопрос: «Кто от роду мил?»:

— Скажи, скажи, Елена, скажи, скажи, Еленушка,
Кто от роду тебе мил да кто от роду любим?
— Мил мне-ка, милёшенёк, мил мне-ка, милёшенёк
Родной батюшко, родной батюшко.
— Скажи, скажи, Елена, скажи, скажи, Елена,
Да кто от роду мил, да кто от роду мил?
— Мила мне-ка, милёшенька, мила мне-ка, милёшенька
Родна матушка, родна матушка.

— Это же, Елена, да это же, Елена,
 Неправда твоя, неправда твоя.
 Ой, да это же (не знаю, как величают).
 — Мил мне-ко, милёшенёк, мил мне-ко, милёшенёк
 Василий-господин, да Василий-господин,
 Мил мне-ка, милёшенёк, мил мне-ка, милёшенёк
 Иванович-сударь» (ФА СыктГУ. 0818-43)

52. Во лужях вода розливается

ФК. ф. 1066-41а. 3/3 А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., Лопатино Иртовского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 3. Нот. Е. А. Дороховой.

Пели на сватанье, когда приезжает жених.
 Вторая строфа на фонограмме пропущена.
 Полный текст восстановлен по вар. ФК. ф. 1333-2.
 См. коммент. к № 57а.

53. Во сыром-то бору да рожь-яцьмень молоцю

ФК. ф. 242-14, н-6775. 3/3 А. С. Абрамского, 1964 г., с. Суходол Ленского р-на. Исп.: Барабина В. И., Данилова П. И., Иванова В. П., Леушева Ф. Я., Парыгина К. М., Парыгина М. Л. Нот. Е. В. Гиппиуса (1971 г.).

См. коммент. к № 53а.

53а. (ох), Во сыром бору да рожь-яцьмень молочу

ФК. ф. 1068-12, н-5893. 3/3 А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Устье Рябовского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 27. Нот. Е. В. Гиппиуса. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Вар.: ФК. ф. 1333-21; ФА СыктГУ. 0826-43, 0816-24, 0830-24, 0825-21, 0833-4, 0846-19, 0846-37, 0840-5, 0808-50.

Публ.: РС. Т. 1. № 301.

Близкие вар.: ЛРС. № 256; Шейн 1900. № 2489.

Строгой обрядовой приуроченности не имеет, могла исполняться как в доме невесты, так и в доме жениха: «Как уж повезут её к венцу-то. К венцу-то повезут, и за стол станут отец, мати. Станут её благословлять» (ФА СыктГУ. 0840-5); «Когда жених приедет с невестой» (ФА СыктГУ. 0816-25); «Назавтре у жениха уж поют» (ФА СыктГУ. 0830-24).

Разночтения:

1) в вар. трехкратное повторение первых пяти двуступиш не встречается;

2) некоторые разночтения встречаются в описании выхода девицы из терема:

Да с терема на терем
 Красну девицу ведут
 Да с высока на высок
 Переваживают (ФА СыктГУ. 0826-43);

С терема на терем
 Красную девицу ведут,

Срядно-нарядно
Наряженую (ФА СыктГУ. 0830-24);

3) в двух вар. упоминается имя невесты:

Да просит Лизавета коня к батюшке... (ФА СыктГУ. 0833-4);

С терема на терем
Красну девицу везут,
Свет нашу Людмилу Димитревну... (ФА СыктГУ. 0846-19);

4) различаются концовки:

Батюшков конь
Да не ступил конь, не пошёл,
Да головы конь не понёс.
Голову не понёс
Да молодых он не повёз
Да ко златому венцу (ФА СыктГУ. 0826-43);

Лестницы крутые
Подлюмится хотят.
Стопочки дубовы,
Ножки точеные
Споходя говорят,
Мне же, добру молодцу,
Жениться велят (ФА СыктГУ. 0816-24);

Батюшков конь
Да не ступил конь, не пошёл,
Да головы конь не понёс,
Да Лизовегу не повёз
Да ко злату венцу,
Ко Божьим церквям (ФА СыктГУ. 0833-4).

53б. Во сыром бору да я ячмень молочу.

ФА СыктГУ. 0626-2. 3/3 З. Н. Мехреньгиной и А. А. Бильчука, 1988 г., с. Новиково Харитоновского с/с Котласского р-на. Исп.: см. коммент. к № 46. Нот. Е. А. Дороховой.

См. II, №№ 53, 53а.

54. Не было ветру

ФК. ф. 242-8, н-6774. 3/3 А. С. Абрамского, 1964 г., с. Суходол Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 53. Нот. Е. В. Гипшиуса (1971 г.).

Вар.: ФК. ф. 1419-128; ФА СыктГУ. 0808-36, 0818-30, 0805-15, 0810-6, 0810-13, 0811-5, 0812-7, 0822-21, 0823-1, 0816-13, 0825-16, 0830-18, 0832-33, 0833-3, 0802-11; РАМ. ф. 2226-94.

Публ.: РС. Т. 1. № 113.

Близкий вар.: Свадебные песни Сибири. № 65.

Строгой обрядовой приуроченности не имеет, исполнялась:

- на сватанье за столом (ФА СыктГУ. 0801-7);
- «когда женихи едут» на сватанье (ФА СыктГУ. 0802-5, 0809-14, 0809-16);
- «Это тоже (свадебная), но не во время стола, а жениха встречают: „Не было ветру — навеяло, не было гостей — гости наехали“» (ФА СыктГУ. 0818-31);
- на приезде: «На приезде, только из церкви-то приедут — „Не было ветру“» (ФА СыктГУ. 0816-15).

Разночтения:

1) большинство вар. построено на диалоге между сватами (в некоторых вар. — «гостями» (ФА СыктГУ. 0805-15, 0811-5), в одном из вар. — дружкой и отцом невесты (ФА СыктГУ. 0832-33)):

Простятся сваты, просятся сваты
 Во дому-то постоять,
 Простятся богаты, просятся богаты
 Во широком погулять, во широком погулять:
 — Дапустишь ли, Николаюшко,пустишь, Николай,
 Во дому-то постоять?
 Пустишь ли, Иванович,пустишь ли, Иванович,
 Во широком погулять?
 — У меня в дому, у меня в дому
 Да стоять не над кем,
 У меня во широком, у меня во широком
 Гулять не над кем.
 У меня Зинаида, да у меня Зинаидушка
 Не выросла... (ФА СыктГУ. 0818-30);

2) в одном из вар. после строки «Гости наехали» следует: «Все же эти гости, все же эти гости — / Незванные, незванные, / Все жо эти гости, все жо эти гости — / Нежданные, нежданные...» (ФА СыктГУ. 0802-11);

3) разночтения в мотивировках отказа: «У меня Зинаида, да у меня Зинаидушка / Не выросла, да не выросла, / Да у меня Ивановна, у меня Ивановна / Не выдобрела, да не выдобрела: / Ох, белоё тело, белоё тело / Не наполнилося, не наполнилося...» (ФА СыктГУ. 0818-30); вместо «белые полотна не выбелены» — «тонкие полотна не вытканые» (ФА СыктГУ. 0810-6), «Тонкие полотна / Не выбелены, да не выбелены, / Да шитые шириночки, шитые шириночки / Не вышитые...» (ФА СыктГУ. 0833-3), «Белые рубашки, да белые рубашки / Не вышиты сидят, не вышиты сидят...» (ФА СыктГУ. 0832-33);

4) вар., записанный от Л. А. Успасских из с. Слободчикова, имеет другую концовку:

Позволь, позволь, Василий,
 Позволь, позволь, Иванович, нам свадебку сыграть,
 Нам свадебку сыграть, да
 Нам свадебку сыграть, да
 Елены Васильевны да Ивана Петровича.
 Гости дорогие,
 Гости дорогие, заходите в терем мой, да

Заходите в терем мой, да
 Пойте, веселитесь, да
 Пойте, веселитесь на всю свадебку играть,
 На всю свадебку играть» (РАМ. ф. 2226-94).

Схожий сюжет с другим зачином см. II, № 57а.

Другой сюжет с аналогичным зачином см. II, № 69.

55. Солнышко-то шло по-за тёмным лесам

РАМ. ф. 2228-142. 3/3 Т. К. Соловьевой, 1985 г., с. Лена Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 4а. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

Вар.: ФК. ф. 1334-16, ф. 1067-71; ФА СыктГУ. 0809-11, 0826-37, 0825-17, 0811-6, 0828-31, 0818-22, 0818-21, 0832-34, 0830-21, 0805-6.

Публ.: РС. Т. 1. № 299.

Близкие вар.: Киреевский 1911. №№ 783, 829, 962; ЛРС. № 257; Песни свадьбы Сибири. №№ 330—332; Фольклор Новгородской обл. № 348.

Исполнялась, когда невесту вели за стол на сватанье или выводили из-за стола перед поездкой к венцу:

— «Это придут, да за стол ее сядят уж. Ведут, когда садятся гости на сватанье. И вот когда ведут, эту песню и поют. Невесту ведут девки другой раз, подружки ведут, или крестная приведет» (ФА СыктГУ, 0811-7);

— «А только вот когда идёт, невесту ведёт жених, вот тогда пели „Ишо солнце катится по залесью“» (ФА СыктГУ 0824-27);

— «Ведут когда невесту за стол. У невесты, когда ведут за стол её» (ФА СыктГУ. 0825-18);

— «Это когда свататься ведут по мосту в другую комнату. Набасят, нарядят, свататься ведут в другую комнату. Жених-от приехал уж. Свадьба приехала» (ФА СыктГУ. 0832-34);

— невесту выводят из-за стола перед поездкой к венцу (ФА СыктГУ. 0809-12); «Это вот к венцу поезжают, эту писню поют» (ФА СыктГУ. 0830-21).

Разночтения:

1) в вар. имеются небольшие разночтения в зачине:

Ой, солнышко катилось
 Всё по-за лесу,
 Ой, да красное катилось
 По-за тёмным лесам... (ФК. ф. 1067-71);

Сонцо катилось
 По-за лесу,
 О-ой, да красное катилось
 По-за высоким горам... (ФА СыктГУ. 0811-6);

2) в большинстве вар. концовки невеста называет себя «клюшницей» и «замушницей» или «замошницей» (от слова *замók*);

3) в некоторых вар. называют имя невесты, ее матушки и батюшки:

Ох, шла наша Татьяна
 С-по застолью... (ФА СыктГУ. 0805-6);

Жалобу копила
 На батюшка
 Да на матушку (матушку и величают, какая есть),
 Свет-но Александру
 Ивановну,
 Свет же на батюшка
 Да Василья-та свет (ФА СыктГУ. 0832-34).

См. также **II, № 55а.**

55а. Солнышко катилось всё по-за лесу

ФК. ф. 1067-71. 3/3 А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Бор Суходольского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 36. Нот. Е. А. Дороховой.

См. **II, № 55.**

56. Мы тебе, Елена, наказывали

РАМ. ф. 2226-95. 3/3 Т. К. Соловьевой, 1985 г., с. Слободчиково Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп. Успаских Л. А. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

См. **II, №№ 56а, 56б.**

56а. Да мы тебе, Мария, наказывали

ФК. ф. 1417-61. 3/3 В. В. Сорокина и Е. С. Кустовского, 1972 г., д. Шадрино (Белопашенная) Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп. Саранцина М. З. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Вар.: ФА СыктГУ. 0828-29, 0808-51; РАМ. ф. 2226-95.

Публ.: РС. Т. 1. С. 59.

Близкий вар.: Шейн 1900. № 155б.

В описании свадебного обряда с. Слободчиково (РС. Т. 1. С. 59) упоминается, что эта песня исполнялась в тот момент, когда невесту выводили к жениху на сватанье.

Разночтения:

1) в вар. встречаются другие мотивы в наказе невесте:

Не выходи, не выходи
 Из-за занавесы, из-за занавесы.
 Не слушай гусли, не слушай гусли
 Александровы, Александровы.
 Эти гусли, эти гусли
 Переманчивые, переманчивые.
 Переманят, переманят
 На чужу сторону, на чужу сторону (ФА СыктГУ. 0828-29);

Да не выходи, да не выходи
 Из-за занавесы, из-за занавесы,
 Да не выступай, да не выступай
 Из-за берчетгы, из-за берчетые (ФА СыктГУ. 0808-51).

Другая сюжетная версия — см. **II, № 56.**

56б. Мы тебе ведь, Аннушка, наказывали

РАМ. ф. 2224-28. 3/3 Т. К. Соловьевой, 1985 г., д. Белопашино Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 24. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

Пели в доме невесты на сватанье, после приезда жениха.

См. II, №№ 56, 56а.

57. Сваты у ворот да в избу просятся

ФК. ф. 1335-23; ГЦМОМК. Ф. 450. № 2653. 3/3 А. В. Медведева и В. Б. Сорокина, 1971 г., д. Кулига (Бердышиха) Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: Дубинская А. П., Жукова К. З., Коршунова А. А., Коршунова В. С., Коршунова Е. Ф., Новосёлова А. Н., Новосёлова П. Я., Чернышова М. Ф. Нот. Е. В. Гиппиуса.

См. II, № 57а.

57а. Сваты у ворот да в избу просятся

ФК. ф. 1334-1338. 3/3 А. В. Медведева и В. Б. Сорокина, 1971 г., д. Шадрино Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп. Саранцина М. З. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

Вар.: ФК. ф. 1335-23, ф. 241-16, ф. 1066-41, ф. 1066-41а, ф. 1333-2; ФА СыктГУ. 0836-11, 0834-23, 0803-85.

Публ.: РС. Т. 1. С. 460.

Близкий вар.: Свадебные песни Сибири. № 65.

Поют при встрече жениха на сватанье: «Жених идёт к невесте, тогда поют „Дружки у ворот в избу просятся“... К невесте-то приедут, дак и просятся» (ФА СыктГУ. 0824-27)

Разночтения:

1) с зачином «Сваты у ворот» записано шесть вар. Два вар. имеют другой зачин:

Во лужях вода, во лужях вода
Да розливалась, розливалась.
Сваты у ворот, сваты у ворот
Да увиваются, увиваются... (ФК. ф. 1066-41).

Текст с аналогичным зачином опубликован: РС. Т. 1. С. 460 (коммент. к № 113);

2) встречается также более развернутый вар. зачина:

Сваты [й] у ворот, сваты [й] у ворот
Увиваются, увиваются.
Ой, богаты у широких, богаты у широких
Увиваются, увиваются.
Просятся сваты, просятся сваты
Во дому постоять, во дому постоять.
Да просятся богаты, просятся богаты
Во широком погулять... (ФК. ф. 241-16).

Аналогичный сюжет с зачином «Не было ветру» см. II, № 54.

58. Ох, все-ти хороши

ФК. ф. 1068-27, н-6202. 3/3 А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Устье Рябовского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 27. Нот. Е. В. Гиппиуса. Расшифровка текста З. Н. Мехренгиной.

Вар.: ФК. ф. 1066-53, ф. 1335-23, ф. 1333-15; ФА СыктГУ. 0809-19, 0846-6, 0808-17, 0835-17, 0812-6, 0824-24, 0813-4, 0814-23, 0814-18, 0818-27, 0825-86, 0826-1, 0836-5, 0821-79, 0830-7, 0851-23, 0833-1, 0834-18, 0834-38, 0840-11, 0846-24, 0805-2; РАМ. ф. 2228-141.

Публ.: РС. Т. 1. С. 61.

Повсеместно распространенное в Ленском районе свадебное величание:

- исполнялась на сватанье за столом (ФА СыктГУ. 0801-7);
- «Жениха да невесту, потом всех гостей опевают. Так целуются крестиком вот эдак. Потом надо покланяться. Потом других опевают» (ФА СыктГУ. 0805-11);
- «Это когда посадят невесту за стол с женихом. У невесты за стол когда посадят невесту. Ну, как зайдут за стол. И посадят жениха и невесту, и начнут опевать. Сразу жениха опевают, потом — невесту, потом — всю родню женихову» (ФА СыктГУ. 0824-25);
- «Когда невесту опевают, то „серёжки“, а когда жениха, то „кудри на главе“. Гости опевают, песню поют... Вот жениха и опевают, а потом опять этой же песней — невесту. А они, как их опоют, то стоят кланяются» (ФА СыктГУ. 0836-9);
- «Невесту, жениха в первую очередь. Этой всех гостей опевают у невесты на сватанье» (ФА СыктГУ. 0826-2);
- «Это жениха опевают за столом, как сядут на сватанье. Невесту опять будут опевать этой же песней. Потом с тарелкой пойдут деньги собирать с каждого человека» (ФА СыктГУ. 0836-5);
- «Как опевают жениха, он берёт невесту за руку, и оба кланяются. Оба кланяются три раза. Опевают всех гостей» (ФА СыктГУ. 0851-23);
- «Её везде можно петь: и на праздниках, и на свадьбах поют, ну, когда сватаются молодые. За столом сидят поют» (ФА СыктГУ. 0818-28);
- «Опевали всех. В первую очередь жениха и невесту сразу опоют. Они тожо деньги ложат. А потом пойдут и подряд женихову родню всю опевать. А невестина родня, если на сватанье, она деньги не плотит. А если не жонку ⟨опевают⟩, дак и положат. А только женихову родню всю опевают... На сватанье-то первы жениховы сидят, их опевают. ⟨На свадьбе⟩ невестины первы гости» (ФА СыктГУ, 0809-17);
- «Их тоже много надо ⟨раз петь⟩. Опевают» (ФК. ф. 1333-15).

Разночтения:

1) после зачина в вар. вместо диалектного «Побасяе всех» встречаются определения «Лучше всех» (ФК. ф. 1066-53, ф. 1333-15), «Красивее всех» (ФА СыктГУ. 0846-6), иногда — с названием величаемого по имени и отчеству: «Лучше всех, лучше всех да Василий-господин, да Василий-господин, / Хорошие всех, хорошие всех да Иванович-сударь, да Иванович-сударь...» (ФК. 3/3 А. В. Медведева и В. Б. Сорокина, 1971 г., д. Микшина Гора. Исп.: см. коммент. к № 2а); «Лучше всех Николай-от-господин,

Николай-от-господин, / Побасяе всех, побасяе всех Николаевич-сударь, Николаевич-сударь» (ФА СыктГУ. 0809-19);

2) если величают женщину, то поют: «Да светят у её, светят у её да две серёжки во ушах, две серёжки во ушах» (ФК. ф. 1335-23); «Да светят у неё да златы серьги во ушах...» (ФА СыктГУ. 0813-4); «Светят у её златы кольца да на руках» (ФА СыктГУ. 0814-23); в одном из вар.: «Светят её очи, светят её очи, да голубы её глаза, / Светят её кольца, светят её кольца и браслеты на руках» (ФА СыктГУ. 0846-6);

3) в концовке: «Отсвечивают, отсвечивают златы пуговики в груди, златы пуговики в груди» (ФК. ф. 1333-15); в величании женщине: «Отсвечивают да и серёжки во ушах» (ФА СыктГУ. 0825-86, 0826-1); «Отсвечивают да златы серьги во ушах» (ФА СыктГУ. 0851-23).

59. (ой), Не летай, да сокол, да вдоль по горенке

ФК. ф. 1068-23, н-6287. 3/з А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Устье Рябовского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 27. Нот. Е. В. Гиппиуса. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Вар.: ФА СыктГУ. 0819-19, 0840-10.

Песня довенечной части обряда:

— «Когды дары шьют» (ФА СыктГУ. 0819-19);

— «Это она (невеста) раскладывает (дары), а ей все и поют» (ФА СыктГУ. 0840-10).

Разночтения:

Три записанных вар. различаются концовками:

1) в публикуемом тексте она включает мотивы песни «На улице дожди дожжат» (см. № 1);

2) в вар., записанном от Е. Г. Копниной, исполнительницы из ансамбля д. Устье, концовка неполная:

И шьёт она дары, ой, шьёт она дары,
Сама раскладывает, ой, сама раскладывает.
Росклавши дары, ой, росклавши дары.
Сама росплакалася, сама росплакалася... (ФА СыктГУ. 0840-10);

3) вар., записанный от М. В. Гобановой из с. Ирга, имеет следующую концовку:

Шьёт она ширинки,
Дары раскладывает, дары раскладывает.
Этими дарами, этими дарами
Кого буду дарить?
Буду я дарить, буду я дарить
Чужого чуженина,
Буду я дарить
Своёго суженого (ФА СыктГУ. 0819-19)

60. Ехала сватья с Нова-города

ФА СыктГУ. 0828-35. Зап. в с. Яренск Ленского р-на. Исп. Политова А. Г. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Публ.: РС. Т. 2. № 405.

В комментариях к тексту, опубликованному в РС, отмечено, что песня сватъе исполнялась на свадебных пирах в доме невесты и в доме жениха.

61. Вы садитесь-ко, бояра, во скáмью

ФК. ф. 1417-30. ГЦМОМК. Ф. 450. № 10659. 3/з А. С. Кабанова и В. Б. Сорокина, 1972 г., с. Ильинско-Подомское Вилегодского р-на. Исп.: Блинова Л. П., Демидова Е. М., Дуракова Е. В., Кашинцева А. М., Коршунова Г. И., Меньшикова А. Н., Пахтусова В. Д., Сабашникова В. Ф., Фокина М. П. Нот. Е. В. Гиппиуса.

См. II, №№ 61а, 61б.

61а. Вы садитесь-ко, бояра, во скáмью

ФА СыктГУ. Ф. 0427-126. 3/з А. Н. Власова и Е. А. Шевченко, 1987 г., д. Арефьевская Быковского с/с Вилегодского р-на. Исп. Лапшина М. Ф. Публ.: Фольклор Виледи. № 4.

См. II, №№ 61, 61б.

61б. Вы садитесь-ко, бояре, во скáмью

ФА СИХМ. 0303-18. 3/з З. Н. Мехреньгиной, 1993 г., д. Путьтино Ильинского с/с Вилегодского р-на. Исп. Гомзикова А. Ф. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

См. II, №№ 61, 61а.

62. Мы тя, Олександр, величаём

ФК. ф. 1068-30, н-6282. 3/з А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Устье Рябовского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 27. Нот. Е. В. Гиппиуса. Ршифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Var.: ФК. 3/з А. В. Медведева и В. Б. Сорокина, 1971 г., д. Микшина Гора. Исп.: см. коммент. к № 2а; ФА СыктГУ. 0818-32, 0830-19, 0832-8, 0836-10, 0846-8, 0846-25, 0840-8, 0803-12.

Свадебная величальная: «Это за столом. Вот когда сядут за стол свататца, дак это весь стол опевают. Всех гостей опевают за столом, каки за столом сидят» (ФА СыктГУ. 0830-19); «Всех опоют. Молодых там и старых — всех опоют. И потом берут тарелку, соберут со всех деньжонки, мешочки потрясут. Девушки ведь, молодые девчата поют. Опять довольны. Деньжат насобирают по рублику, знашь сколько?!» (ФА СыктГУ. 0846-9); «Это всех опевают, и все деньги дают. Потом собирают деньги. Опоют весь стол, сколько гостей есть» (ФА СыктГУ. 0846-26).

Разночтения:

1) в вар., записанном в с. Ирта от М. В. Гобановой, используются другие сравнения:

А всё жо мы тебя, Иван, да величаем,
Николаевичом да возношаем.
Как и пьяное пиво во братыне
Да как зелёное вино да во стокане,
Как сладкой-от мёд да во скляне,

Бел-круписчетой колач да на торелке,
Сладки прянички да на блюде... (ФА СыктГУ. 0818-32);

2) четыре вар. начинаются с обращения к величаемому: «Ты Иван-господин, послушай» (ФА СыктГУ. 0803-13; ФК. 3/з А. В. Медведева и В. Б. Сорокина, 1971 г., д. Микшина Гора. Исп.: см. коммент. к № 2а; ФА СыктГУ. 0816-16, 0805-3) и имеют концовку:

Да у ты денежки
Да шевелятся, шевелятся,
Да на ребро деньги
Да становятся, становятся,
Да ишо нам жо, певицам,
Норовятся, да норовятся.
Да ишо нам, певицам,
Немножко, да немножко.
Да ишо сорок две
Да певици, да певици,
Да ишо сорок две
Да молодежи, молодежи» (ФА СыктГУ. 0816-16).

63. Ты Мария-госпожа, послушай

ФА СыктГУ. 0816-16. 3/з З. Н. Мехреньгиной, 1989 г., д. Большой Кряж Сафроновского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 8а. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Свадебная, поют в доме жениха на «красном столе». «Эта песня уже почти последняя. Это с тарелкой кругом обходят — клади деньги!»

64. Вился хмель по болоту

ФА СыктГУ. 0477-52. 3/з Е. А. Шевченко, 1986 г., д. Дресвянка Вилегодского с/с Вилегодского р-на. Исп. Журавлёва К. С.

Публ.: Фольклор Виледи. № 12.

65. Тысяцкой, да догадайся

ФА СИХМ. 0303-20. 3/з З. Н. Мехреньгиной, 1993 г., д. Путятино Ильинского с/с Вилегодского р-на. Исп.: см. коммент. к № 61б. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

66. (да) Как из трубки-то в трубку вилося

ФК. ф. 1068-28, н-6208. 3/з А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Устье Рябовского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 27. Нот. Е. В. Гиппиуса. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Примеч. к нот.: «Во время звукозаписи первый стих 4-го двустишия был опущен исполнителями».

Близкие вар.: Киреевский 1911. № 18; ЛРС. № 115; Песни Печоры. № 289.

В комментариях к 3/з собирателями указана обрядовая приуроченность песни: «Зять у тещи пирует, когда приезжают первые гости».

67. Много, много бояр в Москве

ФА СыктГУ. 0429-24. 3/3 А. Н. Власова и Е. А. Шевченко, 1987 г., д. Осиновец Ильинского с/с Вилегодского р-на. Исп. Аникина А. А. Нот. Е. А. Дороховой.

Публ.: Фольклор Виледи. № 17.

68. Росхóжая, розъезжая

ФК. ф. 1068-32, н-6190. 3/3 А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Устье Рябовского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 27. Нот. Е. В. Гиппиуса (1971 г.).

Var.: ФК. ф. 1418-106, ф. 1067-18, ф. 1419-134.

В записях собирателей примечание: «Свадебная, конец свадьбы, гости прощаются с домом жениха, раскланиваются». Во всех трех вар. имеются незначительные разночтения.

См. II, №№ 79, 79а.

69. Ох, не было ветру

ФК. ф. 1068-26, н-6203. 3/3 А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Устье Рябовского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 27. Нот. Е. В. Гиппиуса. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Var.: ФК. ф. 1333-18, ф. 1335-9, ф. 1066-56, ф. 1067-34, ф. 1419-128; ФА СыктГУ. 0809-15, 0826-5, 0826-32, 0851-29, 0839-8; РАМ. ф. 2224-30.

Широко распространенный свадебный сюжет, см.: Браз. № 1; Песни средней Сухоны. № 53; Киреевский 1911. №№ 4, 40, 63, 733; 785, 992; ЛРС. № 255; РС. Т. 1. №№ 227, 228; Фольклор Новгородской обл. № 346; Шейн 1900. №№ 1854, 2045, 2308, 2560.

Строгой обрядовой приуроченности не имела:

— «Когда жениха дожидают, невесту баят, вот тогда-то и поют» (ФА СыктГУ. 0839-8);

— «Жених как к невесте едет, на улице эту песню первую и поют» (ФА СыктГУ. 0834-22).

Большая часть записанных текстов фрагментарна.

Разночтения:

1) после строки «Не было гостей, да наехали» в некоторых вар.: «Наехали гости незваные, / Незваные гости, нежданные...» (ФК. ф. 1333-18, ф. 1066-56); «Да наезжали, ох, наезжали / Да князёвые сватова, князёвые сватова...» (ФК. ф. 1067-34, ф. 0826-32);

2) вместо «Подломили сени новые» встречается: «Подломили да сени с горницею» (ФК. ф. 1067-34; ФА СыктГУ. 0851-29); «Рознесли сени с горницею» (ФА СыктГУ. 0809-15);

3) в одном из вар. невесту называют по имени и отчеству:

Э-ох, росслезили
 Да красну девушку-душу,
 Ой, да свет нашу Марию,
 Олексиевну.
 — Ой, да ты не плачь, не плачь,
 Да ты Мариюшка моя... (ФА СыктГУ. 0826-32);

4) в концовке: «Я тебе разбужу раньше солнышка, раньше солнышка, / О-ох, да я те нарежу, я те нарежу / Да раньше мамушки, раньше мамушки» (ФА СыктГУ. 0809-15); вместо «Я те поставлю цяру золоту» — «Я тебе солью да золотую-ту чару» (ФА СыктГУ. 0826-32).

Другой сюжет с аналогичным зачином см. II, № 54.

См. II, №№ 70, 71.

70. Не было ветру — навиело

РАМ. ф. 2224-30. 3/з Т. К. Соловьевой, 1985 г., д. Белопашино Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 24. Нот. Е. А. Дороховой.

Пели на сватанье после приезда жениха.

См. II, №№ 69, 71.

71. Не было ветру — навеяло

ФК. ф. 1416-4. 3/з Е. С. Кустовского и В. Б. Сорокина, 1972 г., с. Ильинско-Подомское Вилегодского р-на. Исп.: Демидова Е. М., Денисова А. П. (урож. с. Емецк), Фокина М. П. Нот. Е. А. Дороховой.

Исполнялась в доме невесты после приезда жениха.

Тонким голосом, не характерным для вилегодской традиции, пела А. П. Денисова, уроженка с. Емецк, расположенного в низовьях Северной Двины.

См. II, №№ 69, 70.

71а. Ой, не было ветру — вдруг навиело

ФА СыктГУ. 0401-27. 3/з А. Н. Власова, 1986 г., д. Большой Двор Фоминского с/с Вилегодского р-на. Исп. Тропникова А. И.

Вар.: ФА СыктГУ. 0409-12, 0416-9, 0416-13; 0419-25, 0424-9, 0426-1, 0427-8, 0427-26, 0431-11, 0432-6, 0433-1, 0433-2, 0433-38, 0435-9, 0441-1, 0441-24, 0450-53, 0462-7.

Публ.: Фольклор Виледи. № 17.

См. II, № 71.

71б. Из суток вдоль по лавице

ФА СИХМ. 0302-4. 3/з З. Н. Мехреньгиной, 1991 г., д. Дресвянка Вилегодского с/с Вилегодского р-на. Исп.: Гомзикова А. И., Журавлёва К. С. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

72. Вдоль по скамье

ФК. ф. 1416-19. 3/з Е. С. Кустовского и В. Б. Сорокина, 1972 г., с. Ильинско-Подомское Вилегодского р-на. Исп.: см. коммент. к № 61. Нот. Е. А. Дороховой.

73. Очестлива сватья, очестливая

ФК. Ф. 1418-82. № 10969. 3/з Е. С. Кустовского и В. Б. Сорокина, 1972 г., д. Устье Рябовского с/с Ленского р-на. Исп.: Задорина Т. С., Копнина Е. Г.,

Полуянова К. Е., Тарасова М. С., Третьякова А. Ф., Третьякова Н. Н., Шемшина К. Г. Нот. Е. В. Гиппиуса.

Припевка сватъе на смотрах, сватанье и свадебном пиру, после того как она низко поклонится в ответ на величание.

74. Сватьюшка, сватюшка, сватья князёва

ФК. ф. 1417-58. 3/3 Е. С. Кустовского и В. Б. Сорокина, 1972 г., д. Заимка Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 37.

Вар.: ФК. 3/3 А. В. Медведева и В. Б. Сорокина, 1971 г., д. Коротовинская. Исп.: Отряхнина В. И., Щипина А. И., Щипина Ф. В. ФА СыктГУ. 0836-6, 0839-19.

Величальная сватъе: «Когда у сватьи-то гостинцы спрашивают, тогда поют эту» (ФА СыктГУ. 0836-6).

Разночтения:

1) в зачине могут называть сватю по имени и отчеству: «Сватья князева, свет Зоя Олексеевна!..» (ФК. 3/3 А. В. Медведева и В. Б. Сорокина, 1971 г., д. Коротовинская. Исп.: Отряхнина В. И., Щипина А. И., Щипина Ф. В.);

2) в одном из вар. во второй строке: «Мы про тя, сватюшка, писню споём, писню споём...» (ФА СыктГУ. 0836-6).

См. II, № 25.

75. Сказали: Григорий богатый

ФК. ф. 1419-120; ГЦМОМК. Ф. 450. № 2605. 3/3 А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Слободчиково Ленского р-на. Исп. не указаны. Нот. Е. В. Гиппиуса.

Опевали всех гостей на свадебных застольях.

76. На бережке-то часовня стояла

РАМ. ф. 2225-57. 3/3 Т. К. Соловьевой, 1985 г., д. Белопашино Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 24. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

Вар.: ФК. ф. 1335-9, ф. 1336-11, ф. 1417-55; ФА СыктГУ. 0848-25, 0839-10, 0836-20.

Ближих вар. не выявлено, схожие мотивы см.: Песни, собранные писателями. № 956.

Строгой обрядовой приуроченности не имеет: «Хоть на жениховой, хоть невестинной свадьбе, дак на которой хошь <пой>» (ФА СыктГУ. 0836-20).

Песня записана только в Сойгинском с/с.

Разночтения:

1) в зачине: «На угоре часовня стояла, ай, да стояла...» (ФК. ф. 1336-11; ФА СыктГУ. 0848-25); «На речке часовня стояла...» (ФА СыктГУ. 0839-10);

2) в двух вар. в концовке добавляются две строчки:

Ишо здись-то земля не родима, не родима,
Симена-то и здесь не всходимы, не всходимы
(ФК. ф. 1335-9; ФА СыктГУ. 0848-25).

76а. На угоре чесовня стояла

ФК. ф. 1336-11; ГЦМОМК. Ф. 450. № 2635. 3/з А. В. Медведева и В. Б. Со-рокина, 1971 г., д. Заимка Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: Черепано-ва О. Я., Черепанова Ф. С. Нот. Е. В. Гиппиуса.

77. Да на дворе комоня запрѣгают

ФК. ф. 1068-29, н-6281. 3/з А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Устье Рябовского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 27. Нот. Е. В. Гиппиуса. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

В примечании к нот. указано: «Полузабытый исполнителями текст этой песни был напет ими во время звукозаписи без имени и отчества невесты («Да кого-то к венцу снарежают») и с пропуском многих слов в последующих двустушиях. Пропуски эти восстановлены в квадратных скобках по повторной записи текста той же песни с голоса исполнительницы, сохранившей его в памяти. Назвав во 2-м и 3-м двустушиях имя и отчество невесты, 10-е и 11-е двустушия она, соответственно, напела в следующей версии:

— Уж ты, Татьянушка, воротися,
Воротися,
Уж ты, Семёновна, огленися,
Огленися.
Вар.: ФА СыктГУ. 0846-21.

В примечаниях к записям собирателями отмечено, что песня исполнялась в тот момент, когда молодых выводят, чтобы везти к венцу.

Единственный записанный в Рябовском же с/с вар. текста фрагмен-тарен.

78. Сватова-ге домой поезжают

ФА СыктГУ. 0805-9. Зап. в 1989 г. в д. Лантыш Сафроновского с/с Ленского р-на. Исп.: Зубова О. З., Оскорбина А. И., Распопова Н. М. Расши-фровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Вар.: ФА СыктГУ. 0822-25, 0828-37, 0816-31, 0834-19, 0803-11.

Исполнялась в конце свадьбы, после красного стола: «Поют, это уж когды поедут отец, мати еёны-те из гостей» (ФА СыктГУ. 0807-16); «(По-сле красного стола) уже свадебчики домой поезжают, и вот она и плачет тогды — её оставляют» (ФА СыктГУ. 0816-32)

Все вар. фрагментарны, имеют только схожий зачин, ср.:

Сватова-го домой поезжают, поезжают,
Да меня молоду спокидают, спокидают,
Меня молодёшеньку,
Как траву зеленёшеньку (ФА СыктГУ. 0822-25);

Сватова-ге домой поезжают, поезжают,
Нашу Марьюшку оставляют, оставляют.
Ты, Мариюшка, оглянися, оглянися,
Да Михайловна, оглянися, оглянися (ФА СыктГУ. 0816-31);

Сватова-ге домой поезжают,
 Эту невесту-ту и оставляют.
 Да ниhto по ней не поплачет,
 Да и ниhto не потужит.
 Один родимый батюшко
 Да споллачет да и спотужит.
 Он скажет:
 «Марьюшка, да воротися,
 Ивановна, да оглянися».
 А она скажет:
 «Я рада бы да вернулася,
 Да Иван-от за руку держит» (ФА СыктГУ. 0834-19).

79. Росхо́жая да розъѣзжая

ФК. ф. 1067-18. 3/з А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., Ленский Наволок (д. Берег, Грѣз, Ивановка, 2-я Борисовская, Лукинская) Ленского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 6. Нот. Е. А. Дороховой. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

См. II, № 68.

79а. Росхо́жая да розъѣзжая

ФК. ф. 1418-106, н-7744. 3/з Е. С. Кустовского и В. Б. Сорокина, 1972 г., д. Кулига (Бердышиха). Исп.: Карелина А. Е., Коршунова А. А., Коршунова В. С., Тугушина А. С. Нот. Е. В. Гишпиуса (1972 г.).

Вар.: ФК. ф. 1067-18, ф. 1068-32, ф. 1419-134.

См. II, № 68.

80. Ишшо кто у нас во лавице сидит.

ФК. 1417-33. 3/з Е. С. Кустовского и В. Б. Сорокина, 1972 г., д. Берег Пречистенского с/с Вилегодского р-на. Исп.: Вьюхина М. И., Ильина А. В., Инкина П. Ф., Кобелева А. Ф. Нот. Е. А. Дороховой.

Опевали гостей за столом.

80а. Ишшо кто у нас во лавице сидит

ФА СыктГУ. 0471-39. Зап. в с. Шалимове Беляевского с/с Вилегодского р-на. Исп. Вагина А. А.

Публ.: Фольклор Виледи. № 6.

См. II, № 80.

81. Как во горнице на столе

ФК. ф. 1066-47. 3/з А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Лопатино Иртовского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 3. Нот. Е. А. Дороховой.

Полный текст восстановлен по фонограмме 1333-9.

См. II, № 81а.

81а. Как во горнице на столе

ФА СыктГУ. 0805-4. Зап. в д. Лантыш Сафроновского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 78.

Вар.: ФК. ф. 1333-9, ф. 1066-47, ф. 1360-3; ФА СыктГУ. 0818-2, 0808-37, 0820-10, 0816-29, 0834-25, 0802-7.

Публ.: Яренские песни. № 3.

Близкие вар.: Соколовы. № 316; Зырянов. № 208; Песни Карельского Поморья. № 149; Киреевский 1911. №№ 7, 11; ЛРС. №№ 387, 388, 389, 390, 392, 393; Песни Мезени. № 155; РС. Т. 2. № 424; Шейн 1900. №№ 1585, 1943, 2287, 2346.

Широко распространенное свадебное величание. Исполнялось за свадебным столом в доме невесты и в доме жениха:

— «за столом на сватанье» (ФА СыктГУ. 0816-30);

— «на свадьбе, когда приедут уже молодые» (ФА СыктГУ. 0805-4);

— «Вот первая песня, это и поют. Это после венца за столом, когда сядут пировать» (ФА СыктГУ. 0818-3).

Разночтения:

1) в большинстве вар. в строке «Тут стоит чара золота» вместо чары упоминается чаша (ФК. ф. 1333-9, ф. 1066-47, ф. 1360-3; ФА СыктГУ. 0834-25, 0802-7, 0816-29, 0818-2, 0808-37, 0820-10);

2) в некоторых вар. добавляется краткое описание ковшечка: «В чаше ковшечек плавает, плавает, / Бел-серебряной плавает, плавает...» (ФК. ф. 1333-9; ФА СыктГУ. 0818-2, 0816-29, 0802-7);

3) жених может быть назван по имени и отчеству: «Да как Павел-от черпает, черпает, / Да всё Михайлович подаёт, подаёт...» (ФА СыктГУ. 0802-10);

4) Вместо имени и отчества невесты могут быть использованы определения: «Да своей суженой подаёт, подаёт, / Да своей ряженой подносит, подносит...» (ФА СыктГУ. 0816-29).

III. Хороводно-игровые песни*

1. Из ворот было, воротичек

ФК. ф. 1066-37, н-6661. 3/з А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Лопатино Иртовского с/с Ленского р-на. Исп.: Викторова О. Ф., Выборова А. П., Комарова К. А., Пименова П. Е., Помолева Л. Г., Юмшанова Е. Н. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

Летняя хороводная, круговая песня.

См. III, №№ 1а—1в**.

1а. Выходили красны девушки

РАМ. ф. 2225-35. 3/з Т. К. Соловьевой, 1985 г., д. Белопашино Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: Амосова М. П., Мокрецова А. П., Мясихина С. П., Саранцина М. З. (запев.), Черепанова М. А. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой (из-за технического дефекта записи песня нотирована со 2-й строфы).

См. III, №№ 1, 1б, 1в.

1б. [Из во]рот было, воротичёк

ФА СыктГУ. 0812-5. 3/з Т. С. Каневой и Н. Ф. Форос, 1989 г., с. Козьмино Ленского р-на. Исп. Кобычев П. А. Расшифровка текста Т. С. Каневой.

См. III, №№ 1, 1а, 1в.

1в. Из ворот было, воротичёк

ФА СыктГУ. 0837-5. 3/з А. А. Бильчука, 1990 г., д. Черныхано Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп. Коршунова А. А. Расшифровка текста Т. С. Каневой.

Вар.: ФК. ф. 1067-67, ф. 1334-12, ф. 1419-124, ф. 1419-125; ФА СыктГУ. 0809-34 (п., фр.), 0809-35, 0811-16 (фр.), 0812-28, 0817-2 (фр.), 0819-5, 0823-4 (фр.), 0827-5, 0831-6 (фр.), 0832-10, 0837-5, 0839-30 (фр.), 0848-12 (фр.) (Ленский р-н).

Близкие вар.: Киреевский 1917, 1929. № 1837; Васнецов. № 139; Песни Печоры. № 248; Песни Мезени. № 107; Фольклор Новгородской обл. № 146; Камско-Вятское междуречье. №№ 33, 44.

Хороводная плясовая, «игрищная» (ФК. ф. 14191-124, ф. 14191-125), могла исполняться в кругу (ФК. ф. 1066-37, ф. 1419-124, ф. 1419-125) или при хождении зигзагами (РАМ. ф. 2225-35); есть указание на исполнение на весенне-летних гуляньях («муровая» — ФА СыктГУ. 0827-5).

На нижней Вычегде песня с полным («Из ворот было, воротичек (...) выходили красны девушки всё весною на зелёный луг играть...») или усеченным («Выходили красны девушки...» — III, № 1а; ФА СыктГУ. 0817-2) вар. зачина неоднократно записывалась в Ленском р-не. Несколько записей ограничиваются первой частью (ФА СыктГУ. 0811-16, 0817-2, 0831-6,

* Комментарии к этому подразделу составлены Е. А. Дороховой и Т. С. Каневой.

** При отсылках к другим текстам римская цифра обозначает подраздел, арабская — номер текста.

0839-30, 0848-12) — соловей насвистывает девушкам о вольном гулянии и о возможном замужестве. В зависимости от сочетания с другими мотивами может быть выделено два основных вар. развития сюжетной ситуации: замужество с пьяницей (III, № 1) и замужество со старым мужем и избавление от него (III, № 1а); один из публикуемых текстов (III, № 1б) демонстрирует возможности их соединения.

Разночтения в первой части песни наблюдаются в отдельных характеристиках объектов (ср.: «выносили соловеюшка на белом рукаве, на тонком полотне» — № 1 и «на правой на руке, на левом рукаве» — III, № 1а; ФА СыктГУ. 0811-16, 0827-5, 0832-10, 0837-5; ср. с публикуемыми: «Из ворот было, воротичёк, да из *серебряных серебряные*» — ФА СыктГУ. 0819-5; «Выходили красны девушки на *весёлый* луг играть» — ФА СыктГУ. 0832-10), в том числе и в представлении возможного мужа, ср. с публикуемыми текстами:

Не ровён да чёрт навяжется,
Да старое не тужливоё,
Если старое не тужливоё,
Да молодое-то не тужливоё,
Молодое не услужливоё (ФА СыктГУ. 0819-5).

Некоторые вар. имеют более существенные отличия. Так, в одном из текстов встречаем «контрастное» описание девичьей воли, ср.:

Вы красуйтесь, красны девушки,
У отца у свово, матери,
У отца теперь, у матери —
Не у родные свекровушки (ФА СыктГУ. 0839-30).

В другой записи множественное «красны девушки» меняется на единственное число («выходила красна девица-душа») и конкретизируется:

Да добрая дочи отецкая,
Да удалая красна девица,
Да выходила соловья выносить (ФА СыктГУ. 0831-6).

Во второй части песни (замужество с пьяницей или избавление от старого мужа) в вар. также можно отметить разночтения. Одна из записей показывает возможности соединения мотива «пьяный муж похваляется женой» с еще одной сюжетной ситуацией, однако из-за того, что текст исполнен не до конца, оценить ее сложно:

Мною, девкой, похваляется.
Да я, младая, молодёшенька,
Да я не знала я ни (пени), ни вины.
Да только знала, молодёшенька,
Да я из горенки во горенку прошла
Да молодого... посадила (ФА СыктГУ. 0819-5).

В одном из вар. между мотивами возможного сватовства старого, малого или ровни и расправы над старым мужем появляется фрагмент, очевидно «позаимствованный» исполнительницами из другой песни (ср. с песней «Во лужях...» — III, № 18):

Эх, не ровно да взамуж выйдётся,
 Да не ровён жоних посватается,
 Да не ровён жо чёрт навяжется,
 Да либо старой, либо младоё,
 Да либо горька, горька пьяница дурак.
 Да доставался младе старой муж,
 Да я стара мужа на смерть не люблю
 Да со старым мужем гулять не пойду.
 Да я стара мужа потешила... (ФА СыктГУ. 0827-5).

Финал расправы над старым мужем по сравнению с публикуемым текстом (III, № 1а) в вар. выглядит более завершённым:

Ой, о сыру землю ошибится,	Ой, о шипичушку околётся,
Да о шипичушку околётся,	Да о сыру землю ушибится,
Да о кропивушку обожётся,	Да о крапиву — траву жгучую,
Да о шипичу о колючую,	Да жгучу, жгучу, о палочкою
О(й), о кропиву о колючую,	(ФА СыктГУ. 0837-5).
Да о кропиву — траву жгучую	
(ФА СыктГУ. 0827-5).	

Тексты, соединяющие первую часть песни («соловей») и мотивы повелений мужа-пьяницы, избавления от него, встречаются в публикациях русского песенного фольклора. В качестве первой песни, исполнявшейся на луговом гулянье, известна в другой вычегодской традиции — в с. Серёгове Княжпогостского р-на Республики Коми («Выходили красны девицы что весною в сад, на улицу...», сюжет «погубление мужа» — ФА СыктГУ. 1404-14, 1404-21 и др.).

См. III, №№ 1—1б.

2. Уж я пьяна и не пьяная была

РАМ. ф. 2225-43. 3/3 Т. К. Соловьевой, 1985 г., д. Белопашино Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 1а. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

Близкие вар.: РЭФ. С. 48, № 14.

Плясовая эротического содержания. На нижней Вычегде записана в единственном вар.; по замечанию исполнителей, завершала гулянье («Это самый конец веселья во доме»).

3. Ой, озябло, спозябло лицё

ФК. ф. 1419-113, н-7731. 3/3 Е. С. Кустовского и В. Б. Сорокина, 1972 г., д. Кулига (Бердышиха) Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: Карелина А. Е., Коршунова А. А., Коршунова В. С. (запев.), Тутушина А. С. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

Вар.: ФК. ф. 242-40, ф. 1358а-6 («Не могу лицом на север я стоять») (Ленский р-н).

Хороводная / плясовая в кругу («Игрищная круговая» ФК. ф. 1419-113), по функции — величальная припевка.

На нижней Вычегде записывалась в Ленском р-не. Песня построена на сочетании мотивов, известных севернорусским традициям в составе сюжетов свадебных величаний и игровых припевок. Так, например, песня с зачином «(Ты) сокол, ты сокол молодой...», включающая величание молодца-добытчика («Много-много бояр в Москве (...) Не видали такого молодца (...) Он на горе куницу убил...»), как припевка на зимних посиделках зафиксирована на Мезени (Ефименко. Ч. 2. С. 66, № 6; Песни Мезени. № 145), как свадебная песня — на Терском берегу Белого моря (Балашов, Красовская. № 53); в Вилегодском р-не Архангельской обл. среди свадебных величаний имеются песни с зачином «Да много-много бояр в Москве...» и «Не могу лицом на севере стоять...», также развивающие тему свадьбы-охоты (Фольклор Виледи. С. 9; С. 26, № 17). Ср. также: III, № 4.

4. Я кацю-кацю с-по блюдечку

ФК. ф. 1068-3, н-5895. 3/3 А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Устье Рябовского с/с Ленского р-на. Исп.: Задорина Т. С. (д. Матюковская), Копнина Е. Г. (д. Задориха), Полуянова К. Е., Тарасова М. С. (д. Матюковская), Третьякова Н. Н., Шемшина К. Г. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

«Караводная, круговая».

Вар.: ФК. ф. 1418-79 (Ленский р-н).

Близкие вар.: Песни Печоры. № 350; Песни Мезени. № 92; ЛРС. № 87; Лазарев. С. 56—57; ГГУ. № 82; Балашов и др. С. 169; Песни Сибири. №№ 42, 44; Неклепаев. С. 37; ТПИФУЦ. № 30.

На нижней Вычегде дважды записывалась в д. Устье Рябовского с/с Ленского р-на от одного коллектива. Указаний об особенностях бытования не зафиксировано; могла исполняться на молодежных собраниях как величальная припевка, в этой функции хорошо известна во многих традициях. В собрании Н. А. Иваницкого (Иваницкий. № 405) имеется запись песни из Сольвычегодского у. с таким же зачином, но с другим сюжетом (добывание молодцем невесты, см. III, № 5).

В нотации имеются примечания: взамен 2-го двустигия исполнители пели при повторном исполнении этой песни два следующих двустигия:

Как не конь по бережку идет,
Не воробенькой по крутенькому, (да)
Не воробенькой по крутенькому,
Бережком идет, воды не пьет (да).

5. Я хожу-хожу кругом города́

ФК. ф. 1068-16, н-5896. 3/3 А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Устье Рябовского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 4. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

«Караводная, игрищная».

См. III, №№ 5а, 5б.

5а. Я хожу, хожу кругом города́

ФК. ф. 242-36, н-6772. 3/3 А. С. Абрамского, 1964 г., д. Б. Остров Козьминского с/с Ленского р-на. Исп.: Бережных А. В., Бережных А. Ф., Бе-

режных Е. А., Кожевникова М. Е., Маховская П. В., Прилуцкая У. А., Софина В. И., Суранова П. А., Хомутникова А. И. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

См. III, №№ 5, 5б.

5б. Хожу, хожу вкругом города

ФА СыктГУ. 0463-24. 3/з А. Н. Власова, 1988 г., д. Саранчиха Беляевского с/с Вилегодского р-на. Исп. Елезарьева Т. И. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

Вар.: ФК. ф. 1068-16, ф. 1067-44, ф. 1334-5, ф. 1418-75; ФА СыктГУ. 0809-36, 0812-2, 0823-3 (фр.), 0827-16, 0831-8, 0843-15, 0844-22 (пр., п.), 0846-12, 0846-38 (Ленский р-н); ФК. ф. 1417-41 (Вилегодский р-н); ФА СыктГУ. 0623-4 (Котласский р-н).

Публ.: Иваницкий. № 405; Фольклор Виледи. С. 81, № 8.

Вар.: ФА СыктГУ. 0623-4 (Котласский р-н).

Близкие вар.: Соб. Т. 7. № 559; Всеволодский-Гернгросс. № 494; Песни Пинежья. № 531; Песни Печоры. №№ 102, 259; Фольклор Русского Севера. С. 161, № 23; Вятский фольклор. № 431.

Хороводная игровая, исполнялась в кругу с выбором юношей девушки, этикетным приветствием и поцелуем в соответствии с текстом («Ходят кругом, и возьмут вот там парень да девка, вот поймаются и ходят кругом. Она так и начинается: „Я хожу-хожу кругом города“ — они кругом круга-то и ходят; „Я секу-рублю мечом ворота“ — вот и потом разодвинется эта... круг, они и зайдут. „Где бы, где бы мне-ка деушка сыскать, я бы нашёл — златым перстнем подарил“ — они тоже возьмут... пару и встанут в круг и эдак приобоймутся маленько: „Приобоймутся легошенько да поцелуются милешенько“, — да вот (...) две пары в кругу». — ФА СыктГУ. 0809-36). По местной терминологии — «игрищная с целовками» (ФК. ф. 1418-75, д. Устье Рябовского с/с). Без строгой календарно-бытовой приуроченности («А где — хоть где, хоть на какой пирушке. (...) И на вечерках. (...) И весной можно (...) и на свадьбах — не знаю, и на свадьбах можно». — ФА СыктГУ. 0809-36).

Песня принадлежит к числу широко распространенных в русских традициях хороводных игр с сюжетом добывания молодцем девушки. Известна во всех р-нах нижней Вычегды. В местный репертуар входят также родственные вар. этого сюжетного типа — «царевич / царёв сын ищет царевну» («Уж я кругом города хожу да хожу, / Уж я кругом Киева гуляю да гуляю, / Уж я вижу во городе царевну да царевну...» — ФА СыктГУ. 0809 — 38-40, с. Козьмино; «Кругом города хожу, / Кругом города гуляю, / Вижу во городе царевну, / На царевне веночек зъяет...» — РФ ЯКМ. Качева. № 38, д. Выемково Сафроновского с/с Ленского р-на; «По-за городу гуляет царев сын, королев сын...» — ФА СыктГУ. 0631-3, Котласский р-н; «Царь-от сын да хоробёр по-за городу ходит...» — Фольклор Виледи. С. 81, № 6; см. также III, № 42).

Большинство вар. сохраняет в текстах схему игрового сценария, но по сравнению с публикуемыми можно отметить включение отдельных деталей. Так, в записи из д. Конюшевской Рябовского с/с Ленского р-на и

в котласском вар. (с зачином «Я ишо пойду кругом города») вместо города, куда молодец ведет девицу, появляется «земляничный сад», а также мотив расставания пары:

Я возьму её за правую руку, Да поведу ей в земляничный сад. А мы шли да до сада дошли Да распрощались, домой пошли. Да мы кланялись низёшенько Да целовались милёшенько» (ФА СыктГУ. 0846-12).	Я возьму ее за праву руку, Поведу ей в землянишний сад сыскать. Мы шли-то пошли, До сада дошли, Распростилися — домой пошли» (ФА СыктГУ. 0623-4).
--	--

Другой рябовский вар. выделяется включением имени и отчества девушки, что соответствует игровой ситуации поочередного опевания в хороводе участников гулянья:

Где бы, где бы мне Мариюшка натти,
Ой, где бы, где бы Николаевну сыскать.
Я бы Маше златым перстнем подарил... (ФА СыктГУ. 0843-15)

Тексты из Рябовского с/с (записи 1990 г.) отличаются также отсутствием мотива поиска девушек, тогда как в нескольких вар. он, напротив, выглядит более развернутым по сравнению с публикуемыми, ср.: «Всё я, всё я красных девушек ищу, / Да всё я, всё я их изыскиваю» (ФА СыктГУ. 0826-15), «...Да всё я, всё я их выискиваю» (ФА СыктГУ. 0809-36, 0812-2, 0831-8). Текст, записанный в д. Томиловской Козьминского с/с Ленского р-на, представляет собой соединение мотива поиска молодцем девушки с мотивами плясовых песен и завершается формулой, свойственной припевам:

Я бы взяв её за рученьку,
Да золотое-то колеченько.
На колеченьке написаны слова,
Ишо те слова — великая гроза.
Да с той грозухи я постелюшку слала
Да на постельку пригласила-созвала,
Да юдала да добра молодца,
Да всё Незнама-то Незнамовича (ФА СыктГУ. 0831-8).

В сборнике Н. А. Иваницкого песня опубликована с зачином «Я качу, качу по блюдечку, / По наливному яблочку» (Иваницкий. № 405, Сольвычегодский у.). В этом вар. нет вопрошания молодца «Где бы девушку найти» и мотива его намерения подарить девушке перстень; текст максимально соответствует задаче комментирования игровых действий от лица главного героя:

Я секу, рублю мечом,
Ворота всё ищу,
Красну девицу душу,
Марью свет Васильевну.

Уж вы дайте мне воротечка,
 Я зайду ли к вам во красной во кружок.
 Я возьму её за правую руку,
 Обведу её кругом города,
 Я поставлю на местечко,
 Всего кружка на середочку,
 На единую половочку.
 Вы раздайтеся легошенько,
 Мы содвинемся близёшенько.
 Мы поклонимся низёшенько,
 Приобоймемся легошенько,
 Поцелуемся любёшенько
 Со удалым добрым молодецм,
 Со Лаврентьем свет Андреевичем.

Финал в этом вар. (резкий ответ традиционно кроткой девушки-невесты) выглядит вполне оригинально:

Отойди-ка прочь, удалой молодец!
 Не стыди-ка красну девицу-душу.
 Уж я, девушка, умнёшенька,
 А у тебя, добрый молодец,
 Ума-то малёшенько.

См. III, №№ 5, 5а.

6. С-по загуменью тропиночка лежит

ФК. ф. 1067-11, н-6658. 3/3 А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Ивановка (Ленский Наволок) Ленского с/с Ленского р-на. Исп.: Головушкина Е. А., Койнова А. А. (запев.), Немазанникова А. А., Пестерева Е. Н., Селиванова О. М., Тарасова Е. Д., Тарасова Е. Ф., Тарасова М. Ф., Шаньгина А. М. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

См. III, №№ 6а, 6б.

6а. По загуменью, гуменью

ФА СыктГУ. 0805-30 (оконч.: 0806-1). 3/3 Т. С. Каневой и Н. Ф. Форос, 1989 г., д. Лантыш Сафроновского с/с Ленского р-на. Исп.: Зубова О. З., Оскорбина А. И., Распопова Н. М. Расшифровка текста Т. С. Каневой.

См. III, №№ 6, 6б.

6б. По загуменью тропиночка лежит

ФА СыктГУ. 0811-15. 3/3 Т. С. Каневой и Н. Ф. Форос, 1989 г., с. Козьмино Ленского р-на. Исп.: Гладышева Е. Г., Лиханова А. В., Моденова А. П., Петиева Е. А., Сидорова М. А. Расшифровка текста Т. С. Каневой.

Вар.: ФК. ф. 1360-2, ф. 1066-40, ф. 1069-10; РФ ЯКМ. Качева. № 53; ФА СыктГУ. 0807-10, 0807-10а (напев + п.), 0808-31 (пр.), 0812-33, 0819-3, 0829-5 (фр.), 0851-17, 19 (фр.) (Ленский р-н); Фольклор Виледи. С. 31 (Вилегодский р-н).

Публ.: Фольклор Виледи. С. 23, № 10.

Близкие вар.: Шейн 1870. № 23; Иваницкий. №№ 2, 3; Песни Мезени. № 154 (свадебн.); ЛРС. № 208; Песни Сибири. № 210; ТПИФУЦ. № 33; РС. Т. 2. № 367.

На нижней Вычегде неоднократно записывалась в Ленском р-не, где известна как плясовая (в круговой пляске), без строгой приуроченности («Кругом ходят и поют да пляшут (...) на праздниках». — ФА СыктГУ. 0829-5; «Эта така плясовая, весёла». — ФА СыктГУ. 0851-19); в Вилегодском р-не бытовала в качестве свадебной припевки.

Публикуемые тексты представляют собой вар. песни (точнее, по выражению Е. В. Аничкова, «семьи песен»), построенной на известных в русском игровом и свадебном фольклоре мотивах, образующих разные версии в зависимости от комбинации сюжетных элементов. Нижневычегодские вар. также разнятся в сюжетном развертывании и в подробностях изложения. Стабильными в них являются блок мотивов зачина («тропинка по загуменью», «молодец бежит по тропинке») и центральный структурно-семантический блок, образованный устойчивым соединением мотивов «двор голы(ть)бы», «суденышко на реке из-под камушка» («на суденышке не много людей»), «молодец с суденышка посылает стрелу на двор вдоушки». По сравнению с публикуемыми текстами в отдельных записях наблюдается интересное варьирование в мотиве зачина «молодец бежит по тропинке»: вместо топтания «травы-цветов» в отдельных вилегодских и в одном из ленских текстов представлено описание молодца, ср.:

Он бежит, бежит, торопица,
Да русы кудри не ворохнуца,
Да частоклинья не трепянуца

(Фольклор Виледи. С. 23, № 10).

Голубой на ём кафтанчик, полы машутся,
Ангелинова рубашечка трепещется

(ФА СыктГУ. 0808-31).

Мотивы-«связки» между начальным и центральным блоками различны, в зависимости от них все записи можно условно разделить на две группы. В первой объектом симпатии «детинки» является «вдовка», зачинный и центральный блоки песни связаны между собой мотивом «слухи о брани вдовки» (см. III, № 6а; подобные вар.: ФА СыктГУ. 0819-3, РФ ЯКМ. Качева. № 53; последний несколько отличается в оформлении этого фрагмента, ср.: «Слышно, вдовушка, сердита на меня, / Слышно, вдовушка, побранивашь меня, / При своей братье голытьбою зовешь»). Вторая группа текстов в качестве связующих элементов включает мотивы «молодец ходит к девушке / девушкам», «подарки детинки» и «величание / корение молодца» (см. III, № 6б; подобные вар.: ФА СыктГУ. 0807-10, 0812-33). В качестве «подарков» могут выступать «злато-серебро» («без расчёта злато-серебро носил»), ткань («Не (со ситчиком в камочке) набирал, / Он камочке на юбочку, / Красной девушке на кофточку...» — ФА СыктГУ. 0807-10), сладости (вилегодские вар.: «Непростой парень гостинечки носил, / Да гостинечки, сладки пренички, / Да сладки пренички онисовые, / Да сладки пренички на гольном на меду, / Да из орешек одни ядрышки». — Фольклор Виледи. С. 23, № 10). Запись из д. Ивановки (№ 6), которая в целом ближе второй группе, отличается оригинальным

мотивом обращения к камке «не даваться» женихам, который соединяется со «слухами о брани вдовки», что свойственно первой группе вар.

Центральный блок мотивов (описание двора, людей на суденышке, проходки молодца, приговор молодца к стреле) и по набору элементов, и по их реализации в вар. в целом устойчив, незначительные разночтения наблюдаются в варьировании отдельных деталей (например: «верёюшки» (III, № 6а) / «веренчики» (III, № 6) / «верверюшки» (ФА СыктГУ. 0807-10) / «веревьюшки» (ФА СыктГУ. 0819-3); «хрустального» (III, № 6б) / «немецкого» (III, №№ 6, 6а и др.) стекла; стрелу «направливает» (III, № 6а; РФ ЯКМ. Качева. № 53; ФА СыктГУ. 0819-3) / «накаливает» (III, № 6б); «калёная стрела» (III, №№ 6а, 6б) / «калена стрела муравленая, муравлена направленная» (РФ ЯКМ. Качева. № 53); ср. также «путь стрелы» в вар. III, №№ 6а и 6б) и полноте фрагментов (ср., например, обращение к «голы(ть)бе» в публикуемых текстах и более подробный вар. в одной из записей: «Ты голыба, голыба молодец, / У голыбы ни скота, ни живота». — ФА СыктГУ. 0807-10; ср. также «проходку молодца» в вар. III, №№ 6а и 6б). Более заметные отличия характерны для вилегодских вар., в которых мотив «суденышко на реке из-под камушка» дополнен образом птицы, ср.:

Да по-за каменку быстра ричка течет,
 Да по той ричушке гогорюшко пловет,
 Да выше бережку головушку несет,
 Да выше лесу крыльем взмахивает,
 Да на себя воду забрасывает,
 Да за гогорюшко судёнышко идет
 (Фольклор Виледи. С. 23, № 10).

Относительно финальной части песни, представленной не во всех записях, можно отметить более полный — по сравнению с текстом III, № 6а — вар. из д. Выемково Сафроновского с/с, ср.:

Без морозу, без студеная зимы.
 Напустила сухоту по животу,
 Порассеяла печаль по ночам,
 По ночам, ночам, по поздним вечерам.
 Не один я год ко девушке ходил,
 Не один я кафтан синий износил,
 Трой дороги сапожки истоптал,
 Двое лайковы перчатки исшелкал,
 Кунью шубенку поизволил,
 Все же к тебе, радость, доступал
 (РФ ЯКМ. Качева. № 53).

Склонность данной песни к контаминациям проявляется также в отдельных вар., дающих примеры соединения с мотивами других песен. Так, в одном из вилегодских вар. продолжение песни связано с образом «вдовиной дочери», на двор которой посылает молодец стрелу, за счет мотива «молодец просит девицу встретить его, напоить-накормить коня»:

[Выходи]-ко ты, Еленушка, сюда,
 Да на широкую улочку,
 Да на проезжую дороженьку,
 Да возьми коня за шелковой поводок,
 Да ты напой его ключевой сырой водой,
 Да накорми ты пшеницей еровой,
 Да добра молодца во горенку
 (ФА СыктГУ. 0455-45, д. Осиновец Ильинского с/с;
 ср.: Песни Мезени. № 150).

Оригинальный на фоне нижневыхгодских записей финал дает один из козьминских (Ленский р-н) вар.:

Он на горе чёрна соболя убил,
 На подгорыце лисицу задавил,
 Серу уточку на заболотье,
 На песочике лебедушку,
 Красну девушку в высоком терему» (ФА СыктГУ. 0812-33).

Подобное окончание песни (но как приговор стреле с просьбой убить «серу утицу на желтом песке, красну девицу в высоком тереме») отмечено и в других традициях (Песни Сибири. № 210; Иваницкий. № 2; Песни Мезени. № 154 и др.). Мотив «молодец убивает зверей, птиц, девицу» известен и вилегодской традиции, где он встречается в составе свадебной припевки с зачином «Да много-много бояр в Москве...» (д. Осиновец, Ильинский с/с), ср.:

Он на горе куниц убил
 Да под горою лисицу уловил,
 Да он на заводе уточку,
 Да на песочке лебедушку,
 Да в терему-то красну девицу-душу,
 Да всё Елену Ивановну
 (Фольклор Виледи. С. 26, № 17; ср.: Песни Мезени.
 № 145).

См. III, №№ 6, 6а.

7. Ох, тониньякая, долгоньякая, девка биленька, хорошиньякая

ФК. ф. 1068-2, н-6207. 3/3 А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Устье Рябовского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 4. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

См. III, № 7а.

7а. Тоненькая, долгоньякая

ФК. н-9572. 3/3 сделана в 1973 г. в Москве от группы певиц из д. Кулиги (Бердышихи) Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: Коршунова В. С., Коршунова Е. Ф., Саранцина М. З. (запев.), Черепанова А. К., Чернышова М. Ф., Щипина О. Я. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

На нижней Вычегде записывалась только в Ленском р-не. Хороводная, могла исполняться на молодежных собраниях в качестве припевки, воз-

можно, с проходкой пары и поцелуйным финалом (чему вполне соответствует поэтический текст).

Вар. из д. Устье (III, № 7) и д. Кулиги (III, № 7а) совпадают в первой части — в величании девушки. Оба текста построены на известных мотивах, свойственных припевкам: это восхваление девушки-«ягодки» (см. коммент. к № 11а; ср.: Соб. Т. 4. № 308; Песни Мезени. № 85; Песни Сибири. № 133), просьба о вознаграждении за припевку, приглашение к поцелую (ср. III, № 7 и III, №№ 4, 14, 16), вопросно-ответная формула «На кого надеешься-начаешься? — На удала добра молодца» (ср. III, №№ 7а и № 15; ЛРС. № 101), — однако в общем могут быть оценены как вполне оригинальные припевки, не имеющие полных близких вар. в основных песенных сборниках.

См. III, № 7.

8. Девушка садочком шла

РАМ. ф. 2228-145. 3/3 Т. К. Соловьевой, 1985 г., с. Лена Ленского р-на. Исп.: Берникова Е. П., Леднева Н. А., Маслова З. М., Пашина Г. П., Шаньгина А. К., Шаньгина Е. Ф. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

Вар.: ФК. ф. 242-21, ф. 1334-4; ФА СыктГУ. 0821-72, 0822-14, 0831-18 (Ленский р-н).

Близкие вар.: Соб. Т. 4. № 192; Иваницкий. № 375; Песни Печоры. № 227; Фольклор Новгородской обл. № 101; Песни Сибири. № 125.

Хороводная припевка с выделением пары в кругу («Все идут кругом, а они (пара) в середине, кого опевают. (...) Потом другие опять становятся, опять так же пойдут»). — ФА СыктГУ. 0822-14) или с проходкой пар по игровой площадке (из комментариев соб. Т. К. Соловьевой). По сравнению с публикуемым текстом в отдельных вар. более логично выглядит стих «Выходила красна девица-душа» (вместо «Заходила...»), имеются дополнения при перечислении возможных женихов («Не за купчика богатенького». — ФА СыктГУ. 0822-14). Вар. из с. Козьмина представляет собой соединение с мотивами другой песни — «благодарение девушки за подарки», «похвала молодца», «корение голытьбы» (ср.: III, № 6):

На головушке аленькой платок,
 Во руках несёт берёзовой батог.
 За то девушка любила молодца,
 За то красненька жаловала,
 Она при людях Ванюшкою звала,
 Без людей звала душечкой,
 Она душечкой Ванюшечкой,
 При своей сестре голытбой назвала.
 Ты голытба, голытба моя,
 У голытбы ни скота, ни живота,
 У голытбы столбы точеные,
 У голытбы позолоченные (ФА СыктГУ. 0831-18).

На нижней Вычегде записывалась только в Ленском р-не. Наиболее близкий вар. выявлен в собрании песен Вологодской обл. (Иваницкий. № 375), отдельные мотивы встречаются и в составе других песен.

9, 9а. Чайны чашочки виты́, только виты́

ФК. ф. 1419-116, н-7748. 3/3 Е. С. Кустовского и В. Б. Сорокина, 1972 г., д. Устье Рябовского с/с Ленского р-на. Исп. Шемшина К. Г. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

Вар.: ФК. ф. 1067-8, ф. 1337-20; ФА СыктГУ. 0809-43, 0822-5, 0822-11, 0822-12 (фр.), 0831-24 (фр.) (Ленский р-н); Фольклор Виледи. С. 31.

Публ.: Фольклор Виледи. С. 21, № 8.

Близкие вар.: ЛРС. № 108.

Хороводная в кругу или с проходкой пар по игровой площадке («Игрищная, ходят кругом». — ФК. ф. 1419-116; «Хороводная „ходовая“». — ФК. ф. 1067-8).

На нижней Вычегде в качестве хороводной с опеванием пары песня записывалась в Ленском р-не, на Виледи приурочена к гулянию второго дня свадьбы (Фольклор Виледи. С. 14), хотя финальная поцелуйная формула (см. далее) вполне соответствует игровому характеру исполнения песни.

Нижневычегодский вар. представляет собой соединение мотивов разных песен: за предложением молодца чаши и принятием ее девушкой следует мотив приглашения молодца «на кроватушку тесовенькую», далее — мотив гуляния «на улочке» с намерением «увидать молодца».

В отдельных вар. определительное сочетание зачинного стиха включает другой эпитет: «Чашечки литы, литы, литы» (Фольклор Виледи. С. 21, № 8); «Чашечки литы дак и литы» (ФА СыктГУ. 0822-5, 0822-11). В отдельных вилегодских вар. в мотиве подношения чаши новобрачной (суженой) можно выделить более архаические элементы: чашечки наполнены медом, а не чаем, этому в большей степени соответствуют и сами сосуды — «братынечки» («Да наливал эти чашечки, / Да наполнял эти братынечки...»). — Фольклор Виледи. С. 21, № 8). В некоторых вар., в отличие от публикуемого, не сразу вводятся имена персонажей (ср.: «Наливал-то цяшки *суженой*, подавал-то цяшки *ряженой*». — ФК. ф. 1067-8; «Наливал чашки *парнечик молодой*». — ФА СыктГУ. 0831-24; «Наполнял эти братынечки *разудалой доброй молодец*, (<...>) Подавал эти братынечки *да раскрасавице девице*». — Фольклор Виледи. С. 21, № 8). В записи из д. Томиловской (Козьминский с/с), как и в отдельных вилегодских вар. (см.: Фольклор Виледи. С. 21, № 8), подношение чаши сопровождается обращением к девушке:

Да наливал чашки парнечик молодой,
Подносил да он ведь девушке:
«На-ко, девушка, выпей-ко,
Ой, красавица, выкушай-ко» (ФА СыктГУ. 0831-24).

В одном из суходольских вар. наливает и подносит чашу девушка:

Наливала красна девушка-душа,
Валентина Петровнушка,
Подносила добру молодцу,
Да Ивану Михайловичу молодцу (ФА СыктГУ. 0822-12).

В описании постели вар. из д. Устье (Ленский р-н), в отличие от публикуемого текста, ограничивается формулой «На кроватушку тесовенькую, на перинушку пуховенькую» (ФК. ф. 1067-8).

В последней части песни публикуемый текст отличается отсутствием стиха с обозначением места гуляния, ср.: «Пойдем выйдем на улицу гулять, / Пойдем выйдем на широку гулять» (ФК. ф. 1067-8); «Пойду выйду я на улочку гулять, / Пойду выйду на широкоенькую» (ФА СыктГУ. 0809-43). В этом фрагменте в отдельных записях из Вилегодского и Ленского р-нов проступают местные детали топографического характера: «Идти бы погулять, погулять, осиновских ребят повидать» (ФА СыктГУ. 0455-40); «А я пойду да на широкую гулять. / Да не видали ли *никольских* ребят?» (ФА СыктГУ. 0424-22); «Пойду выйду на широкоенькую, / Да не увижу я там *шоновских* ребят...» (ФА СыктГУ. 0809-43).

Вилегодские вар. завершаются формулами поцелуйного характера:

Идти бы погулять, погулять,	Да не видали ли такого молодца,
Осиновских ребят повидать.	Да Федора Левонидовича?
Надо увидеть, увидеть,	Ох, надо увидеть, увидеть,
Встать целовать, целовать,	Да стать целовать, целовать,
Владимиром назвать, назвать,	Да Федором называть, называть,
Да взвеличить-то Сергеевичом	Да величить Леванидовичом
(ФА СыктГУ. 0455-40).	(Фольклор Виледи. С. 22, № 8).

Традиционным для игровых припевок сочетанием величальной и поцелуйной формул оканчивается и один из вилегодских вар., ограничивающийся первой частью песни:

Свет Наталья испила, испила
 Да честь-поклоны отдала, отдала.
 Она набеленная, намазанная
 Да целовать ему приказанная,
 Удатому добру молодцу,
 Да Николаю Александровичу (ФА СыктГУ. 0466-33).

По некоторым формулам и мотивам эта песня соотносится с другими нижневыхгодскими игровыми песнями (см. III, № 3; коммент. к III, № 13).

10. На угоре стоит ёлоч(и)ка

ФК. ф. 242-26, н-6777. З/з А. С. Абрамского, 1964 г., д. Б. Остров Козьминского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 5а. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гишпиуса.

Вар.: ФК. ф. 1335-21, ф. 1336-14, ф. 1417-53 (Ленский р-н).

Близкие вар.: Иваницкий. № 475.

Хороводная плясовая («Караводная под пляску». — ФК. ф. 1336-14), судя по тексту, предполагала выделение пары и поцелуйное завершение.

На нижней Вычегде записывалась в Ленском р-не в 1960—1970-е гг., в более поздних записях фрагмент «молодец зовет девушку с собой» в ка-

честве финального мотива плясовой игры встретился в составе песни с зачином «Я по бережку ходила, гуляла» (см. III, № 11), ср.:

Да эй, приходил да к ей удалый молодец,
 Да говорил да он ведь жаловался,
 Дак и ну, целовался — не обманывалсе:
 Ты пойдём-ко да пойдём, девушка, со мной,
 Да ты послушай, Незнамовна.
 Не иду — иду, да ой, дак вот с тобой,
 Да сюда не надумалась идти (ФА СыктГУ. 0837-14).

Текст песни содержит мотивы, соответствующие разыгрыванию парой: выбор-приглашение («пойдем, девица, со мной»), проходка пары, взявшей за руки («...тебя переведу / За правую за рученьку <...> гулять пойд-ду»), объятие, поцелуй («На гулянке поцелую, обйму...»).

Редкая. В публикациях песенного фольклора близкий вар. выявлен среди свадебных песен («На горе-то стоит ёлочка, / Под горой стоит светёлочка...». — Иваницкий. № 475); в нем к девушке обращается «сердечный батюшка» («Пойдем, Аннушка, домой»), песня оканчивается ответом героини.

11. Как с-по бережку ходила-гулелá

ФК. ф. 1336-22, н-7730. З/з А. В. Медведева и В. Б. Сорокина, 1971 г., д. Шадрино Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: Беляева Е. Г., Мокрецова А. П., Мосеева А. С., Мясихина С. П., Саранцина М. З. (запев.), Якимова (Екимова) А. Н., Якимова (Екимова) Е. Г. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

См. III, № 11а.

11а. Я по бережку ходила-гулелá

ФК. ф. 1538-1540, ф. 1545-1547, н-9583. Зап. в 1973 г. в Москве от группы певиц из д. Кулиги (Бердышихи) Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 7а. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

Вар.: ФК. ф. 242-20, ф. 1067-9, ф. 1418-68; ФА СыктГУ. 0809-32 (п., фр.), 0809-33, 0831-14, 0832-4, 0837-14 (Ленский р-н).

Публ.: 12 РНП. С. 140—148, № 11.

Близкие вар.: Шейн 1870. №№ 44, 176; Васнецов. № 90; Песни Сибири. № 144.

Хороводная припевка, исполнялась в круговом хороводе с выделением пар («Ходят вот так <...> кто крúгом, кто парáми». — ФА СыктГУ. 0831-14), без определенной сезонной приуроченности («Плясали весной и вот на каких-то там на праздниках ее пили, хоть и не на луговом заговенье». — ФА СыктГУ. 0809-33).

На нижней Вычегде известна в Ленском р-не. Песня строится на широко распространенных в русском хороводно-игровом фольклоре мотивах: «девушка гуляет с молодцами, мать наказывает ее за вольности (заставляет полоть капусту)», «молодец отправляется на вечернее свидание к девушке» («ворота не заперты...»), «величание девушки», — которые могут

встречаться и в сочетании с другими сюжетными ситуациями (о комбинации мотивов в песне с подобным зачином см. коммент. к № 14, вар. ФА СыктГУ. 0837-14). Близкая по тексту в основной части плясовая песня бытовала на Выгегде в районе с. Серёгова (Княжпогостский р-н Республики Коми; ФА СыктГУ. 1402-46, 1404-39 и др.).

Записанные тексты имеют несущественные разночтения в зачине («Вдоль по бережку ходила...». — ФА СыктГУ. 0809-32, 0809-33; 0831-14; «Я по улочке ходила...» — ФА СыктГУ. 0832-4), в одном из вар. более кратко передана вторая сюжетная ситуация, однако в нем более полно и логично выглядит величание девушки, включающее стих «Наливная наша ягодка» (ФА СыктГУ. 0809-33); ср. с публикуемым текстом № 11а.

См. III, № 11.

12. Я со выюнчиком хожу, только хожу

ФК. ф. 15638-1547, н-9556-9561. Зап. в 1973 г. в Москве от группы певиц из д. Кулиги (Бердышихи) Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 7а. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

Публ.: Фольклор Виледи. С. 82, № 9.

Вар.: ФК. ф. 1339-9; ФА СыктГУ. 0612-5, 0616-5, 0623-2а, 0623-2б (пр.) (Котласский р-н); Фольклор Виледи. С. 105, № 9 (Вилегодский р-н).

Близкие вар.: Шейн 1870. № 93; Шейн 1898. №№ 487—489; Соб. Т. 7. №№ 714—716; Иваницкий. № 414; Песни Печоры. № 276; Песни Мезени. № 134; Фольклор Новгородской обл. № 114; Песни Сибири. № 199; Фольклор Ленинградской обл. № 51; Песни Заонежья. № 65.

Традиционная игровая песня, построенная на выборе пары; нередко выступала в качестве наборной игры для последующих хороводных игр.

На нижней Выгегде известна повсеместно. В Котласском р-не зафиксирована как «святочная на игрище» (ФК. ф. 1339-9) и как игра в круг («А вот так это кругом играли и пели». — ФА СыктГУ. 0623-2а); в Вилегодском р-не могла сопровождать пляску «кругом», хождение парами, а также разыгрывание выбора пары (Фольклор Виледи. С. 105, № 9). Вилегодские и котласские вар. отличаются от публикуемого иным оформлением зачина, ср.: «Со выюном я хожу, с золотым я хожу...». Как и во многих других поздних записях из разных мест нижевыгегодский вар. песни не содержит мотива залога / выкупа за «выюнок».

13. Как(ы)-то со вечера цепоч(и)ка горит(ы)

ФК. ф. 1338-5, н-7735. 3/з А. В. Медведева и В. Б. Сорокина, 1971 г., д. Коротовинская Слободчиковского с/с Ленского р-на. Исп.: Отряхнина В. И., Щипина А. И., Щипина Ф. В. (запев.). Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

«Караводная на игрище, ходят парами внутри круга».

См. III, № 13а.

13а. Со вечера цепочка горит

ФА СыктГУ. 0432-29. 3/з А. А. Бильчука и Е. А. Шевченко, 1987 г., д. Роженец Ильинского с/с Вилегодского р-на. Исп. Сабашникова В. Ф.

Публ.: Фольклор Виледи. С. 95, № 31.

Вар.: ФК. ф. 1418-96; ФА СыктГУ. 0812-24 (п., фр.), 0812-25 (фр.), 0813-11 (пр.), 0820-1 (фр.), 0825-24 (фр., п.), 0826-9 (п.), 0837-2 (Ленский р-н).

Близкие вар.: Соб. Т. 4. №№ 498—503; Киреевский 1917, 1929. № 1213; Иваницкий. № 373.

Хороводная плясовая припевка, исполнялась в кругу с проходкой пар («Игрищная, пара в кругу». — ФК. ф. 1418-96, примеч. собирателей); «Это круговая песня. ⟨...⟩ Кавалер с барышней, так пары — может, пар пять встают или шесть, — и под песни плясали, под эти, под круговые, песни плясали, не под гармонию. ⟨...⟩ А идут так и обратно вертаются, вот так и ходят, пока песня, друг друга опевают». — ФА СыктГУ. 0825-24; «Ну, вот кругом ходят и поют ⟨...⟩ поют и приплясывают» — ФА СыктГУ. 0837-2). Судя по финальной формуле, могла завершаться поцелуем припетой пары.

На нижней Вычегде записывалась в Ленском и Вилегодском р-нах. По замечанию Е. В. Гиппиуса, в д. Кулиге (Бердышихе) Сойгинского с/с эта песня была записана дважды (в 1971-м и повторно в 1972 г.) с тем же самым напевом и тем же самым текстом, за исключением поэтического зачина:

Чайные чашечки по столикам стоят,
Ой-иё...
Все стаканы (да) выговаривают,
Ой-иё...
Они девушку выхваляют,
Ой...
Со досады переманивают,
Ой...
— Сойди-ко, девушка, со красного крыльца,
Ой...
Пойди-выйди из высока терема (и т. д.)

Начальные четыре стиха этого зачина и местная разновидность первого его стиха («Рюмочки по столикам стоят») встречаются во всех русских селах, расположенных в низовьях Вычегды и по ее притоку Виледи, за исключением Кулиги (Бердышихи).

По сравнению с публикуемым текстом № 13 в вар. глагол «обманывает» («Парень девушку обманывает») заменен на «переманивает» (ФА СыктГУ. 0812-25, 0820-1) или «заманивает» (№ 13а), в одном из текстов в синонимичной паре строк встречаются оба глагола: «Парень девушку оманивает, / Раскрасиву переманивает» (ФА СыктГУ. 0837-2). В большинстве вар. предложение молодца выглядит более цельным за счет строки «Сойди / Выйди из высока терема» (ФА СыктГУ. 0812-25, 0825-24, 0826-9, 0837-2). Записи 1989—1990 гг. (ФА СыктГУ) большей частью фрагментарны, два вар. (ФА СыктГУ. 0826-9, с. Слободчиково; 0837-2, д. Черныханово Сойгинского с/с) представляют собой контаминацию с сюжетом типа «у девушки — личико разгарчивое» (в данной традиции встречается в составе песни с зачином «Не велят Маше по горенке ходить») и завершаются величально-поцелуйной формулой (ср. также III, № 14):

Я нейду, нейду с высоково крыльца,	Не со чаю, не со кофею,
Я не выйду из высока терема.	Не со сладкия водочки.
Не маши платком по белому лицу,	Да сладка водочка анисовая,
Бело личико розгорчивоё,	У нас девушка написанная,
Разгорается, не уймется,	Написана-нарисованная,
Домой приду — догадаются,	Жемчужком она усаженная,
С чево лицо разгорается.	Да целовать она приказанная
Не со чаю, не со кофею,	Удалу да добру молодцу,
Не со сладкия водочки.	Всё Какому-но Незнамовичу
Сладка водочка анисовая,	(ФА СыктГУ. 0837-2).
⟨Девочка⟩ написанная,	
Написана-нарисованная,	
Жемчужком она усажена,	
Целовать она приказанная	
Удалому добру молодцу	
(ФА СыктГУ. 0826-9).	

В вилегодском вар. (III, № 13а) сюжетная ситуация «молодец зовет девушку на улицу» соединяется с другими плясовыми мотивами (ср.: Фольклор Виледи. С. 95, № 32).

По оценке Е. В. Гиппиуса, песня известна по самым ранним публикациям конца XVIII в. В современных изданиях песенного фольклора встречается редко.

См. III, № 13.

14. Два-ти, два луж(и)ка не кошэваны

ФК. ф. 1419-112, н-7733. 3/з Е. С. Кустовского и В. Б. Сорокина, 1972 г., д. Кулига (Бердышиха) Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 3. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

Вар.: ФК. ф. 1335-22, ф. 1337-14; ФА СыктГУ. 0836-2, 0837-14, 0839-15 (фр.) (Ленский р-н); Фольклор Виледи. С. 106, № 16.

Публ.: Народные исполнители Кулиги. № 7; Фольклор Виледи. С. 84, № 16.

Близкие вар.: Шейн 1870. № 42; Иваницкий. № 381; Песни Печоры. № 235; Песни Мезени. № 98; Бахтин 2004. №№ 533, 617.

Хороводная с выделением пары в кругу (по замечанию соб. Т. К. Соловьевой). Без строгой календарно-бытовой приуроченности («игровая на вечерках и игрищах» — ФК. ф. 1337-14, примеч. собирателей). «Это уж на свадьбе ⟨...⟩ поют, плясовая, ну, ли вот ⟨...⟩ собересься, пляшут», ФА СыктГУ. 0839-15). Судя по финальной формуле, могла исполняться как поцелуйная припевка.

Все имеющиеся записи из Ленского р-на сделаны в одном сельсовете — Сойгинском. Текст построен на сочетании разных мотивов, которые встречаются и в составе других песен, что обусловило появление заметных разночтений в вар. Так, в отличие от публикуемого текста, завершающегося величально-поцелуйной формулой, в одном из вар. самостоятельное развитие получила тема «молодка допяна напилась»:

Посылала да в нову горенку,
 Ой, да в нову горенку за пивом, за вином.
 Ой, да всё во спаленке замешкалася,
 Ой, да зеленым вином натрескалася,
 Эй, да сладкой водочкой допяна напилась,
 Ох и мне, да напоследке с мужиком разодралась
 (ФА СыктГУ. 0836-2).

Подобное развитие сюжетной ситуации «свекровь посылает невестку за пивом-вином, та допяна напилась» встречаем и в песне с зачином «[Вдоль по бережку ходила] гулела, / Эй, да белу рыбицу ловила не одна, / Ой, не одна я — да со товарищами, / Дак и, ой, с молодыми со приказчиками» (ФА СыктГУ. 0837-14; ср.: III, № 11), где зачинные строки соединяются с мотивом «Завтра праздничек — Иванов день, во часовню люди сходятся...» и далее — с обозначенной сюжетной ситуацией. Разночтения с публикуемым текстом начинаются также с мотива «свекровь посылает невестку в нову горницу за пивом-вином», ср.:

Ой, в нову горенку за пивом, за вином,
 Ой, да всё ещё за сладкой водочкой.
 Дак сладкой водочкой допяна напилась,
 Да я на силу да до фатеры добралась,
 Ой, до фатеры, до новенькие,
 Дак и ну, до кроваточки чесовенькие.

Завершается данный вар. мотивом появления молодца:

«Да эй, приходил да к ей удалый молодец,
 Да говорил да он ведь жаловался,
 Дак и ну, целовался — не обманывалсе:
 Ты пойдём-ко, да пойдём, девушка, со мной,
 Да ты послушай, Незнамовна (ФА СыктГУ. 0837-14).

В сравнении с публикуемым текстом в вар. наблюдаются разночтения и в оформлении зачинного мотива «два лужка не кошеваны — девушки не смотренные», ср.: «Два зелёны не стогованные, / Две девицы не сматриваны» (ФА СыктГУ. 0836-2); «Два зелёны не гребенные, / Две-те девицы не смотренные, / Две красавицы не гледёные» (ФА СыктГУ. 0839-15).

На Виледи бытовала песня с зачином «Я бегу, бегу по поженке...», которую сближает с публикуемым вар. мотив «голуби на часовне разговаривают о празднике — Ивановом дне», который находит продолжение в теме молодежного гулянья; песня завершается упоминанием о поцелуе:

Завтра праздничок Иванов день,
 Мой-от миленькой гулять пойдёт,
 На гуляньицё с собой меня возьмет,
 На гулянье поцелует, обоймет (Фольклор Виледи. С. 84, № 16).

Ближих вар. с полным сходством текстов не выявлено. Мотивы, на которых строится данная песня, в сочетании с другими мотивами или по отдельности известны в разных традициях.

15. На пруду-ту было да на мелен(ы)ке

ФК. ф. 1337-26, н-7742. 3/3 А. В. Медведева и В. Б. Сорокина, 1971 г., д. Кулига (Бердышиха) Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: Дубинская А. П., Жукова К. З., Коршунова А. А., Коршунова В. С. (запев.), Коршунова Е. Ф., Новосёлова А. Н., Новосёлова П. Я., Плясунова О. Я., Чернышова М. Ф. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

Публ.: Народные исполнители Кулиги. № 6.

Близкие вар.: Ефименко. Ч. 2. С. 70, № 23; ПФП. С. 110, № 76.

Хороводная припевка. В Ленском р-не записана в единственном вар. В качестве вечеренечной припевки известна и в других архангельских традициях. Финальная вопросно-ответная формула («На кого же ты надеешься? — На удача добра молодца...») встречается и в составе других припевок, бытовавших как на нижней Вычегде (см. III, № 7а), так и в других традициях Архангельской области (ЛРС. № 101).

16. Евгеньюшко молоден(и)кой

ФК. ф. 1418-101, н-7741. 3/3 Е. С. Кустовского и В. Б. Сорокина, 1972 г., д. Кулига (Бердышиха) Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 3. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

«Заключительная припевка к хороводным песням».

На нижней Вычегде записана в единственном вар. в Ленском р-не. Указаний об особенностях исполнения не зафиксировано; текст можно считать типичным для игровых поцелуйных припевок. Близких вар. в известных песенных сборниках не выявлено.

17. Не велят-то Маше с-по горенке ходить

ГЦМОМК. Ф. 450. № 10959. 3/3 А. В. Медведева и В. Б. Сорокина, 1971 г., д. Коротовинская Слободчиковского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 13. Расшифровка текста В. Б. Сорокина. Нот. отсутствует; напев см. III, 13.

Вар.: ФК. ф. 1335-19, ф. 1336-13, ф. 1338-4, ф. 1417-54, ф. 1418-69; ФА СыктГУ. 0809-42, 0826-10 (фр., п.), 0831-12, 0831-23 (фр.), 0832-12 (фр.), 0837-12 (Ленский р-н).

Хороводная под пляску, исполнялась в кругу с проходкой пар («Караводная под пляску». — ФК. ф. 1336-13; «Круговая». — ФК. ф. 1338-4; «Это вот тоже парами ходят». — ФА СыктГУ. 0831-12). Включение в текст имен и финальная поцелуйная формула позволяют определить песню как припевку.

На нижней Вычегде известна в Ленском р-не. В сравнении с публикуемым текстом в других записях имеется фрагмент, более логично передающий опасения девушки:

Ой, да моё личико розгорчивоё,
Ой, да розгорается — не уймётся,
Ой, да приду домой — догадаются,
Ой, да с чево лицо да розгорается,
Ой, да с чево белоё розгорчивоё,
Ой, да не со чаю, не со кофею... (ФА СыктГУ. 0809-42, 0831-12)

В одном из вар. за счет включения в текст имени не только молодого человека, но и девушки, более завершенным выглядит и опевание пары: «...Да человаться приказанная. / Ой, да всё душа ли красна девушка, / Да Олександра Ивановна...» (ФА СыктГУ. 0809-42).

Песня строится на двух основных сюжетах, которые встречаются в составе других песен. Первый — «не велят Маше молодчика любить, неженатого, холостенького» (обычно с зачином «Не велят Маше на улицу / на реченьку ходить») — соединяется с мотивами неразделенной любви («он не чувствует любви никакой»), болезни девушки и другими (например: Соб. Т. 2. №№ 62—66). Второй — «обращение к молодцу с просьбой не брать за лицо» — известна в широко распространенной песне с зачином «Стало не с кем попить, погулять» или с его усеченным вар. «Я по бережку похаживала», в ряде вар. (как и в публикуемом нижевычегодском тексте) оканчивающейся восхвалением девушки (например: Соб. Т. 2. №№ 54, 56; Иваницкий. № 23; Песни Печоры. №№ 117, 351). Еще один вариант творческого использования этих мотивов — тарногская свадебная поцелуйная припевка «Не ходи, Маша, с-по новому крыльцу, не маши платком с-по белому лицу», исключая мотив запрета любить молодчика, полностью построенная как величание девушки с использованием формулы «водочка анисовая — девушка написанная» (Балашов и др. С. 264, № 8).

В нижевычегодской традиции данная песня соотносится с бытовавшими в Вилегодском и Котласском р-нах плясовыми песнями «Стало не с кем попить, погулять» (Фольклор Виледи. С. 91, № 25; ФА СыктГУ. 0611-42, 0611-43, 0631-5), в Котласском р-не также записывалась с зачином «Я по бережку похаживала, залом-траву / цветы-травы заламывала» (ФА СыктГУ. 0624-18, 0642-20). Поцелуйная формула сохранена лишь в одном из этих вар., который отличается также оригинальной деталью описания девушки:

Ой, да у нас девушка написанная — *назовут*.
Она написана, наряженная,
Полушаночком обвязанная,
Ой, полушаночком обвязанная
Да целовать она приказанная
Удалому добру молодцу... *вот такому — назовут*
(ФА СыктГУ. 0630-5).

18. Во лузях

РАМ. ф. 2224-1. 3/з Т. К. Соловьевой, 1985 г., д. Кулига (Бердышиха) Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: Коршунова А. А., Черепанова А. К., Щипина О. Я. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

См. III, №№ 18а—18в.

18а. Как во лузях

ФА СыктГУ. 0421-5. 3/з А. Н. Власова, 1987 г., д. Роженец Ильинского с/с Вилегодского р-на. Исп. Сабашникова В. Ф. Расшифровка текста Е. А. Дороховой.

Публ.: Фольклор Виледи. С. 87, № 20.

См. III, №№ 18, 18б, 18в.

18б. Во лузях

ФА СыктГУ. 0819-21. 3/3 З. Н. Мехреньгиной, 1989 г., с. Ирта Ленского р-на. Исп.: Гобанова М. В. Расшифровка текста Т. С. Каневой.

См. № III, 18, 18а, 18в.

18в. Во лузях

ФА СыктГУ. 0846-3. 3/3 Л. Д. Головачевой, 1990 г., д. Конюшевская Рябовского с/с Ленского р-на. Исп. Ключихина М. А. Расшифровка текста Т. С. Каневой.

Вар.: ФК. ф. 1066-25, ф. 1067-68, ф. 1334-13; ФА СыктГУ. 0801-97 (пр.), 0801-118, 0805-22 (фр.), 0806-43 (без напева), 0808-28 (фр.), 0808-42 (пр.), 0812-3 (фр.), 0815-2, 0821-74, 0821-75 (пр.), 0826-11, 0830-5, 0832-9, 0835-14, 0837-19, 0839-26 (пр.), 0843-2 (пр.), 0843-13 (пр.), 0846-3а (фр.), 0846-27 (фр.), 0848-11 (Ленский р-н); ФА СыктГУ. 0626-11 (Котласский р-н); Фольклор Виледи. С. 106, № 20 (Вилегодский р-н).

Публ.: Фольклор Виледи. С. 87, № 20.

Близкие вар.: Истомин, Ляпунов. № 3; Соб. Т. 2. №№ 299—303; Иваницкий. № 386; Творчество Северной Двины. С. 57—58, № 40; Фольклор Новгородской обл. № 143; Фольклор Ленинградской обл. № 255; Камско-Вятское междуречье. № 146; Бахтин 2004. № 696.

Хороводная плясовая, в кругу («По кругу плясали», ФА СыктГУ. 0826-11); без строгой приуроченности («Поют на любом празднике, ходят кругом посолонь». — РАМ. ф. 2224-1). В Вилегодском р-не исполнялась следующим образом: «Парни и девушки ходят по кругу, держась за руки; одна девушка ходит в кругу» (Фольклор Виледи. С. 106, № 20).

Песня хорошо известна по публикациям русского фольклора. На нижней Вычегде записывалась повсеместно, наиболее полные вар. зафиксированы в Ленском р-не. Публикуемые вар. отражают разные с точки зрения композиции всей песни и содержания финального фрагмента тексты. Два из них (III, №№ 18 и 18б) представляют собой одночастные произведения, построенные на просьбе героини к батюшке не отдавать ее замуж «за старого», отдать «за ровнюшку» (подобный текст — № 18а, с просьбой не отдавать за старого и с «мотивировкой» отказа: «Со старым мужем гулять нейду»). Текст из д. Кулиги (№ 18) отличается от остальных вар. поцелуйным завершением, вписанным во вполне оригинальную сюжетную ситуацию «сидения-глядения» пары. Другая группа одночастных текстов (№ 18б, подобные: ФА СыктГУ. 0801-118, 0832-9, 0848-11) оканчивается мотивом сопоставления замужества со стариком и ровней через образы «пшеничных пирогов» и «таловых батогов». Последний из публикуемых вар. (№ 18в) представляет собой трехчастный текст с последовательной меной адресата просьбы (отец, мать, брат) и «испрашиваемого мужа» (старый, малый, ровня); в таком полном виде песня записана в единственном вар.; в отдельных записях сохранилось лишь упоминание о двух из трех адресатах просьбы:

Отведу коня я к батюшке, Да ко родимой, ко роди...	Да подведу я коня к батюшке, Да подведу я коня к матушке
Ко родимой своей матушке (ФА СыктГУ. 0826-11).	(ФА СыктГУ. 0846-27).

Оформление самой просьбы о замужестве, предпочтений и мотивировок девушки в разных записях несколько варьируется. Так, просьба не отдавать «за старого» мужа может выглядеть лаконично («Стара мужа на смерть не люблю» — ФА СыктГУ. 0801-118) и более развернуто («Стара мужа на смерть не люблю, со старым мужем гулять нейду». — №№ 18а, 18в); в одночастных вар. обращение к отцу «не отдавать за старого, отдать за ровнюшку» может сопровождаться противопоставлением: «Со старым мужем гулять не пойду (...) с младым мужем гулять пойду» (ФА СыктГУ. 0815-2) — или непосредственным выражением предпочтения «гулять с ровней»: «...отдай за ровнюшку, со ровней-мужем гулять пойду» (ФА СыктГУ. 0835-14, 0848-11). В некоторых текстах решение девушки передается формулой «Вот пойду, пойду, надумаюсь идти» (№ 18; подобные вар.: ФА СыктГУ. 0835-14; ср. с вилегодскими вар.: «Вот нейду, нейду, не вздумала идти». — № 18а).

Отдельные разночтения касаются также подробностей описания снаряжения коня, что видно уже и в двух публикуемых текстах: ср. № 18 («Золотой снаряд, серебряной», подобное видим и в других сойгинских записях: ФА СыктГУ. 0835-14, 0837-19) и № 186 («золота узда»), а также другие вар.: «золота узда, серебряная» (ФА СыктГУ. 0815-2); «золотой снаряд, серебряна узда» (записи из Козьминского с/с: ФА СыктГУ. 0830-5, 0832-9).

См. III, №№ 18—186.

19. Вечор девки вечеринку сидели

ФК. ф. 1067-17, н-6650. З/з А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Ивановка (Ленский Наволок) Ленского с/с Ленского р-на. Исп.: Селиванова О. М., Тарасова Е. Д., Тарасова Е. Ф., Тарасова М. Ф. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гишиуса.

«Поют на посидянках».

Вар.: ФА СыктГУ. 0638-19 (Котласский р-н).

Близкие вар.: Ефименко. Ч. 2. С. 68, № 14; Соб. Т. 7. № 32, 33; Песни Мезени. № 100 (частая); Песни Сибири. № 245; Песни Забайкалья. № 81; ТПИФУЦ. № 61.

На нижней Вычегде в единичных вар. записана в Ленском и Котласском р-нах с примечаниями «хороводная, на посиденках» и «вечорошная».

В отличие от публикуемого в котласском вар. более полно передан мотив «размышление девушек об угощении»: «...Чем мы гостя будем потчивати? — Пивцом, винцом, сладкой водочкой». В этом вар. (как и в большинстве записей из других традиций) «расправу» учиняет одна, а не три девушки («Одна девушка смелее всех была»), сама «расправа» отличается некоторыми деталями:

Да схватив парня прямо за волосы,
 Через стол ташит — волосище трещит,
 Через скамью ставит на голову
 Да по горенке — словно виничком метет,
 По сеничкам — ровно ступочку катит,
 Да со лесенки ставит на голову (ФА СыктГУ. 0638-19).

В качестве хороводной или плясовой основная часть песни хорошо известна по публикациям русского фольклора; нижневычегодский (ленский) вар. отличается финальным фрагментом «шляпа с тремя узлами».

20. Все наши ребяташки с ученьца идут

ФК. ф. 1066-8, н-6018. 3/з А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., с. Яренск Ленского р-на. Исп.: Гужова Н. А., Гулина О. Н., Дайц В. Я., Митрошина А. Ф., Митрошина М. В., Широких Г. В., Шубенина М. И. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

«Игрищная».

См. III, № 20а, 20б.

20а. Все наши ребяташки с ученьца идут

ФА СыктГУ. 0828-41. 3/з З. Н. Мехреньгиной, 1989 г., д. Матлуг Сафроновского с/с Ленского р-на. Исп. Политова А. Г. Расшифровка текста Т. С. Каневой.

См. III, № 20, 20б.

20б. Шла девица да из нова́ города

ФА СыктГУ. 0834-3. 3/з М. Кирилловой, Н. Ф. Форос, 1990 г., с. Тохта Ленского р-на. Исп. Москаленко М. И. Расшифровка текста Т. С. Каневой.

Вар.: ФК. ф. 1334-25; РФ ЯКМ. Качева. № 55; ФА СыктГУ. 0803-5, 0806-4, 0827-20 (фр.), 0827-22, 0834-10 (фр., п.) (Ленский р-н).

Близкие вар.: Соб. Т. 7. № 68; ТПИФУЦ. № 74; Бахтин 2004. № 719.

Плясовая («Тоже хороводом ходили и это... плясали» — ФА СыктГУ. 0827-20).

Отдельные мотивы песни известны по публикациям песенного фольклора. На нижней Вычегде была широко распространена в Ленском р-не. Песня строится на сочетании мотивов разных плясовых песен: «молодец зовет девушку замуж» (см. №№ 20, 20а; в других традициях встречается также в песнях с зачином «Ехали ребята из нова города, красная девица на улице была...»), «размышления молодца о женитьбе» (мотив известен в составе песни с зачином «Рюмочки по столику похаживают...»), «избиение молодой жены», «пожар из-за разбитой скляницы с вином» и др. Текст, допускающий многочисленные контаминации («Это вот всё одна песня, страшно много». — ФА СыктГУ. 0827-22, Леушева Л. П., 1929 г. р.), оказался не вполне устойчивым, что наглядно демонстрируют публикуемые тексты. Наиболее стабильными являются первые части песни («предложение выйти замуж, обещание горенки» и «размышления о женитьбе»). В вар. наблюдаются разночтения в компоновке отдельных фраг-

ментов. Так, «мотивировка» избиения жены («Чтобы щи были горячи...»), завершающая песню в записи из д. Матлуг Сафроновского с/с (см. № 20а), в другом сафроновском вар. (д. Выемково) появляется раньше — после сцены избиения, при размышлениях молодца о женитьбе, и логично соединяется с темой «крестьянская дочь худо выучена»:

В третий раз ударил — да двадцать один.
 Чтобы шти были горячи, каша масляная,
 Каша масляная, блины заспелные.
 Овсяная мука худо высеяна,
 Крестьянская дочь худо выучена (РФ ЯКМ. Качева. № 55).

Последний фрагмент, в свою очередь, может получать дальнейшее развитие, ср. окончание вар. № 20б и следующий пример:

Овсяная крупа худо высеяна,
 Крестьянская дочь худо выучена.
 И стану её учить, да только в голову стучит,
 Стану побивать, дак она будет понимать
 (ФА СыктГУ. 0834-10).

По сравнению с публикуемыми текстами (№№ 20а, 20б) фрагмент песни «пожар в слободе» более логично и полно выглядит в вар. из д. Выемково, ср.:

Девушка шла из Нова-города,
 Складницу несла под кисейным рукавом,
 За землю запнулась, о башмак заплелась,
 Складницу разбила, все вино пролила.
 Со этого вина загоралась слобода,
 Загоралась слобода, наезжали господа,
 Наезжали господа, удивлялись бояра:
 — Что не за пожар? Пожар не пылко горит.
 Что не за вино — вино не пьяное было.
 Кто вино не пьет, тот и пьян не живет...
 (РФ ЯКМ. Качева. № 55)

См. III, №№ 20, 20а.

21. Уж как по мосту-мосточку, по калиновому

ФК. ф. 1069-3, н-6651. З/з А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Ивановка (Ленский Наволок) Ленского р-на Исп. Койнова А. А. Нот. и расшифровка Е. В. Гиппиуса.

Вар.: ФК. ф. 1069-11.

Близкие вар.: Шейн 1898. № 784; Соб. Т. 3. №№ 245, 457—462; Песни Сибири. № 221; Фольклор Русского Устья. №№ 169, 170; Песни Заонежья. № 73; Песни Забайкалья. № 58; Устьянские песни. Вып. 1. №№ 8, 9; Бахтин 2004. № 660, 729.

В публикациях русского песенного фольклора вар. этой песни встречаются с конца XVIII в. среди песен плясовых, вечеренечных. Нижневыв-

чегодский (ленский) вар. песни близок вар. из ряда мест России в своей основной части, включающей мотивы проходки молодца, описания его наряда, похвалы подарком возлюбленной, а также формульное описание душевного состояния («пустила сухоту по моему животу...») и сравнение чужой жены с «польнью горькой травой». Ленский вар. песни отличается финальным вопрошанием о «садочке» и «капустке», символически обозначающим тему мужских притязаний на «женское» («сад-огород»), что вполне соответствует характеру песен молодежных собраний.

22. Ох, слетались галочки на лужок

ФК. ф. 1068-1, н-5892. 3/3 А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Устье Рябовского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 4 (запев. Н. Н. Третьякова). Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

Близкие вар.: Иваницкий. № 370.

«Припевают женихов на посадняках».

Хороводная. На нижней Вычегде песня записана в единственном вар. в Ленском р-не. Мотив «в шляпе / платке — три узла» встречается и в другой нижневыхегодской хороводной песне — «Вечёр девки вечеринку сидели» (см. № 19).

Близкие вар. в публикациях песенного фольклора встречаются редко.

23. Заинько, с-по синечкам гуляй дак(ы) гуляй

ФК. ф. 1338-2, н-7732. 3/3 А. В. Медведева и В. Б. Сорокина, 1971 г., д. Коротовинская Слободчиковского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 13. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

См. III, № 23а.

23а. Заинько с-по сеничкам ходил дак и гулял

ФА СыктГУ. 0803-20. 3/3 З. Н. Мехреньгиной, 1989 г., д. Юргино Сафроновского с/с Ленского р-на. Исп. Булатова Ф. Т. Расшифровка текста Т. С. Каневой.

Вар.: ФК. ф. 1338-2, ф. 1419-119; РАМ. ф. 2225-56; ФА СыктГУ. 0808-24 (пр.), 0812-26, 0818-35, 0831-17, 0834-11 (п.), 0834-12, 0837-16 (Ленский р-н).

Близкие вар.: Шейн 1870. №№ 17, 112; Соб. Т. 4. № 205; Киреевский 1917, 1929. № 2920; Васнецов. № 114; Иваницкий. № 410; Фольклор Ленинградской обл. №№ 146, 146а.

Хороводная игровая («Это игровая писня». — ФА СыктГУ. 0834-11; «Играли, тоже по кругу ходили». — ФА СыктГУ. 0818-35). Могла исполняться с проходкой пары в кругу («Игришная, ходят парами внутри круга». — ФК. ф. 1419-119; «Тоже парами, много народу, дак кругом это ходят все». — ФА СыктГУ. 0812-26). Есть указания на возможное разыгрывание текста в круговой пляске, при которой один из играющих стремился вырваться из хоровода («Тоже пляшут <...> Тут не пускают <«зайку» из круга»). — ФА СыктГУ. 0803-20) или, напротив, извне совершал «похищение» одной из трех девушек («Парень девку тащит из круга». — ФА СыктГУ.

0831-17). Песенные формулы располагают также к разыгрыванию текста выбором пары («Я которого люблю, того и выберу». — ФА СыктГУ. 0834-11). По основной сюжетной теме сближается с песнями из группы игровых типа «зайка в кругу» (ср. № 43).

Песня известна по публикациям песенно-игрового фольклора. На нижней Вычегде неоднократно записывалась в Ленском р-не. Разночтения в записанных текстах касаются главным образом деталей описания «наряда» девушек, часто передающихся в искажениях (ср. с текстом № 23а: «Одна в пахте, друга в парьке». — ФА СыктГУ. 0818-35; «Одна в камке, друга в тафте». — ФА СыктГУ. 0831-17; «Один в кафте, другой в парче». — ФА СыктГУ. 0834-10), а также наблюдаются в монологе песенной героини, отдающей предпочтение не нарядным девушкам, а молодцу в «полосатом ситчике»: ср. между собой публикуемые тексты, а также: «Не хочу пахчи, не хочу тахчи» (ФА СыктГУ. 0818-35); «Не хочу фаты, не хочу парчи» (ФА СыктГУ. 0834-11); «Не хочу тафты, да я не ем тафты» (ФА СыктГУ. 0831-17); «Не ем камки да не хочу трафты» (ФА СыктГУ. 0837-16). В последнем фрагменте запись РАМ дает более существенные отличия, ср.: «Не хожу в тоске да / Хожу в кофточке да полосатенькой» (РАМ. ф. 2225-56). В публикуемом вар. нет строф.

См. III, № 23.

24. Весел я, весел сегоднёшной день

ФК. ф. 1337-13, н-7747. 3/з А. В. Медведева и В. Б. Сорокина, 1971 г., д. Шадрино Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 11. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гишпиуса.

«Караводная на игрище, ходят кругом».

См. III, № 24а.

24а. Весел я, весел сегоднешной вечёр

ФК. ф. 242-35, н-6773. 3/з А. С. Абрамского, 1964 г., д. Б. Остров Козьминского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 5а. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гишпиуса.

Вар.: ФК. ф. 1335-13, ф. 1419-123 (Ленский р-н). См. III, № 24.

Бликие вар.: Истомин, Ляпунов. № 16; Соб. Т. 3. № 13; Т. 5. № 617—620.

Хороводная с выделением пары в кругу («Игрищная, ходят парами внутри круга. — ФК. ф. 1419-123).

На нижней Вычегде записывалась в Ленском р-не. Публикуемые тексты передают примеры двухчастного (№ 24) и одночастного (№ 24а) вар. построения сюжета, что, вероятно, отражалось на игре — проходке пары.

В публикациях известна с XVIII в., в изданиях записей песенного фольклора XX в. практически не встречается. Приведенные близкие вар. совпадают с нижневыхегодским в первой части (гуляние молодца в саду в «веселый вечер», «радостный час», бросание веток на кровать к милой с вопросом «спишь — не спишь?»).

25. Полна к(ы)ринка с маслом

ФК. ф. 1418-97, н-7739. 3/3 Е. С. Кустовского и В. Б. Сорокина, 1972 г., д. Кулига (Бердышиха) Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 3. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

Вар.: ФК. ф. 1067-43, ф. 1335-29; ФА СыктГУ. 0839-29 (Ленский р-н).

Хороводная припевка. На нижней Вычегде зафиксирована в Ленском р-не. Очевидно, исполнялась при проходке пары. В д. Устье (Рябовский с/с) песня завершает припевку «Верба, верба, вербочка, золотая веточка...» (см. № 45). Три из четырех записей сделаны в Сойгинском с/с, вар. в целом стабильны. Близких вар. в известных песенных сборниках не выявлено.

26. Это так, это смяк, это сбудётся

ФК. ф. 1418-98, н-7737. 3/3 Е. С. Кустовского и В. Б. Сорокина, 1972 г., д. Кулига (Бердышиха) Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 3. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

Поцелуйная припевка. На нижней Вычегде записана в единственном вар. Могла исполняться после других припевок, сопровождая поцелуйное завершение игры. Близкие вар. в основных изданиях песенного фольклора не обнаружены.

27. Из-под ёлки-то было, из-под жёрдки

ФК. ф. 1418-99, н-7740. 3/3 Е. С. Кустовского и В. Б. Сорокина, 1972 г., д. Кулига (Бердышиха) Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 3. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

«Караводная на игрище, ходят кругом».

Публ.: Народные исполнители Кулиги. № 9.

Вар.: ФК. ф. 1335-25 (п.), 1337-21; ФА СыктГУ. 0808-12 (фр., п.), 0813-9, 0820-30 (фр.), 0831-16, 0834-33 (фр., п.), 0837-17 (Ленский р-н).

«Игрищная», в плясовом хороводе (по кругу), с выбором пары, который мог завершаться поцелуем («„Зайка“ в серёдке, с парой, девушку каку-ко возьмёт, и пляшут». < — «Целуются?»») — «А понравишься, дак поцелуешься, не понравится, дак и отпехнёшь». — ФА СыктГУ. 0831-16); вероятно, входила в репертуар молодежных игр, но со временем утратила свою приуроченность («При праздниках, там это приплясывают, поют „Бегал зайко по болоту“, ходят кругом да пляшут и поют». — ФА СыктГУ. 0837-17).

В конце 1980-х гг. собирателями ФА СыктГУ. записывалась с инципитом «Бегал зайка по болоту...». Вар. в целом устойчивы, в отдельных из них вместо «зайка спрашивал работу» встречается «наживал себе зайка работу» (ФА СыктГУ. 0813-9, 0820-30). Один из вар. отличается более развернутой поцелуйной формулой, ср.:

Да целоваться сколько хошь,
Да с девками, да с бабами,
Эй, да с малыми-то робятками (ФА СыктГУ. 0831-16).

На нижней Вычегде зафиксирована только в Ленском р-не. Мотив «Скачет зайка по болоту, наживает себе работу» (с дальнейшим описанием каждого дня недели) в составе песни с зачином «Шла, шла тетеря, шла, шла рябая» известен на Вычегде в с. Серёгове (Княжпогостский р-н Республики Коми, ФА СыктГУ. 1404-13, 1404-45, 1404-140). Близких вар. в известных песенных сборниках не выявлено.

28. (да) Заскочил козёл в огородецъ

ФК. ф. 1339-8, н-11471. 3/з В. Б. Сорокина, 1974 г., д. Шешурово Сольвычегодского с/с Котласского р-на. Исп.: Быкова А. Д., Быкова А. М., Верховцева Т. В., Свинына А. С., Стрекаловская К. М. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

Вар.: ФА СИХМ. ф. II. Оп. 2. д. 3. Л. 1—1 об.; ФК. ф. 1334-30, ф. 1338-24, ф. 1352-8; ФА СыктГУ. 0616-5 (фр.) (Котласский р-н).

Близкие вар.: Песни Сибири. № 13.

Игровая, встречается в отдельных публикациях. На нижней Вычегде записывалась в Котласском р-не как «хороводная», «игрищная», «святочная на игрище» («Паренек зайдет в средину, а девушка идет и его стегает по коленям». — ФА СыктГУ. 0616-5).

Самая ранняя запись песни на нижней Вычегде относится к 1920-м гг. (ФА СИХМ. ф. II. Оп. 2. д. 3. Л. 1—1 об.), в записях разных лет текст в целом устойчив. В отличие от публикуемого текста ранняя запись включает представление героини («У нас Марьюшка красива, пошла козла выгоняти...») и полный вариант величальной формулы («Во уста козла целовала, / Иванушком называла, / Ивановичем величала». — ФА СИХМ. ф. II. Оп. 2. д. 3. Л. 1 об.). Во фрагментарной записи 1988 г. четко комментируются действия девушки от первого лица («Я козла по коленям...». — ФА СыктГУ. 0616-5).

29. Ой, ишшо девушки с-по тэрему гуляли

ФК. ф. 1068-5, н-5898. 3/з А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Устье Рябовского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 4 (запев. Н. Н. Третьякова). Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

Хороводная/плясовая. В сюжетно-тематическом плане публикуемая песня представляет собой вар. из группы песен с отправным мотивом «птица (соловей, сокол) насвистывает девушкам о возможном сватовстве старого, малого или ровни» (см. № 1). В отличие от этих вар., в которых сюжетные ситуации развиваются вокруг мотивов избавления от старого мужа или унижений от мужа-пьяницы, данное произведение строится на сочетании мотивов «старый, малый и ровня делают покупки для жены» и «отношение героини к покупкам».

30. Уж ты млад соловей, да соловейко

РАМ. ф. 2228-147. 3/з Т. К. Соловьевой, 1985 г., с. Лена Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 8. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

См. III, № 30а.

30а. Ты не пой, соловейко, при долине

ФК. ф. 1068-25, н-6028. 3/з А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Устье Рябовского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 4. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

Вар.: ФК. ф. 1067-1, ф. 1069-1, ф. 242-38; РФ ЯКМ. Качева. № 47; ФА СыктГУ. 0807-15 (пр.), 0813-6 (пр.), 0837-15, 0840-24, 0846-42 (Ленский р-н).

Близкие вар.: Соб. Т. 2. №№ 325—331; Ефименко. Ч. 2. С. 130, № 1; Шейн 1898. № 406; Всеволодский-Гернгросс. № 612; Иваницкий. № 393; ТПИФУЦ. № 57; Камско-Вятское междуречье. № 126.

Хороводная припевка, исполнялась на игрищах и на свадебном пиру (РАМ. ф. 2228-147), могла исполняться с выделением опеваемой пары в кругу и ее проходкой и завершаться поцелуем.

На нижней Вычегде зафиксирована в Ленском р-не. Полный вар. зачина (с обращением к соловью) характерен только для одного из публикуемых вар. (№ 30), остальные тексты записаны со слов «Ты не пой, соловейко, при долине». В целом зачинный фрагмент поэтически более целостно и логично выглядит во втором из публикуемых текстов (№ 30а), включающем обращение к соловью с просьбой не вить гнезда «на елине», а свить «на осине» (подобные вар. см.: ФА СыктГУ. 0840-24). В сольной записи от Е. Г. Копниной (одной из участниц ансамбля — см. № 30а), песня имеет оригинальное импровизационное завершение:

Да двое-трое за ковёр заплачу я,
Ой, заплачу я, заплачу я, заплачу я,
А, Мариюшка, тебя я со то праздника поцелую»
(ФА СыктГУ. 0840-24).

Текст из собрания А. М. Качевой (с зачином «Уж та млад соловей, уж та млад соловей, всамдела соловейко, ты не вей гнездо при малине...»). — РФ ЯКМ. Качева. № 47) представляет собой другой вариант сюжета на тему вышивания ковра для суженого: он сочетает практически те же рамочные мотивы («соловей, не вей гнезда при малине, совей при тереме» и «молодец просит девушку не лениться в вышивании ковра, обещает „сторговать“ его и поцеловать девушку») с другим известным игровым сюжетом: девушка «прибавляет» ковер для молодого мужа и «убавляет» для старого. Именно этот сюжет имеет довольно широкое бытование в разных традициях (см. список близких вар.), полного же сходства данной песни с вар. из изданий песенного фольклора не выявлено.

См. III, № 30.

31. Собиралися да девоньки во ёдну избу да играти

ФК. ф. 1066-35, н-6199. 3/з А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Лопатино Иртовского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 1. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

Вар.: РО ИРЛИ. Васильева. С. 16—21, № 1; РФ ЯКМ. Качева. № 35 (Ленский р-н).

Близкие вар.: Ефименко. Ч. 2. С. 75, № 42; С. 104, № 17; Песни Печоры. № 220; Песни Мезени. № 115; ТПИФУЦ. № 52.

Хороводная. В записях Л. И. Васильевой (РО ИРЛИ) обозначена как первая из песенных игр при проходке пар («походячая»).

На нижней Вычегде записи песни сделаны в Ленском р-не. В сравнении с публикуемым текстом вар. практически не обнаруживают различий, лишь в записи из с. Выемково Сафроновского с/с несколько по-иному выглядит финальный мотив просьбы девицы о прощении с родными, ср.:

С отцом, матерью проститься,
С родом-племенем повидаться,
Повидаться да целоваться (РФ ЯКМ. Качева. № 35).

В мотиве «молодцы мечут жребий» отмечено единственное варьирование на уровне отдельных слов (платье / платок; ср.: «Кому деньги, да кому платок». — РО ИРЛИ. Васильева. С. 16—21, № 1), что характерно для этого фрагмента, встречающегося в составе игровых песен из других местностей. Полного сходства среди публикаций песенного фольклора не обнаружено.

32. Пора Ванюшке жениться

ФК. ф. 1339-7, н-11475. 3/з В. Б. Сорокина, 1974 г., д. Шешурово Сольвычегодского с/с Котласского р-на. Исп.: см. коммент. к № 28. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

На нижней Вычегде записана в единственном вар., с примечанием «святочная на игрище». Мотивы свадебного характера, на которых строится песня (сборы жениха за невестой, приготовление невесты к венцу), соединяются с контрастными мотивами игрового характера (величание и уничижение девушки) и приглашением к поцелую.

Ближих вар. в известных песенных сборниках не выявлено.

33. Я с-по жёрдочке шла

ФК. ф. 1360-1, н-5906. 3/з В. М. Щурова и А. В. Медведева, 1959 г., с. Яренск Ленского р-на. Исп.: Вилегжанинова А. Ф., Гулина О. Н., Епова Л. П., Жданова М. М., Митрошина А. Ф., Митрошина М. В., Ракина Е. М., Роговская А. Ф., Широких Г. В., Юринская М. П. (см. I, № 12, а также I, № 8). Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

См. III, № 33а.

33а. Я с-по жёрдочке шла

ФА СыктГУ. 0814-26. 3/з З. Н. Мехреньгиной, 1989 г., д. Выемково Сафроновского с/с Ленского р-на. Исп.: Бабцова Л. И., Зубенко А. П., Попова З. Е., Софина Н. А., Турובהва А. Д. Расшифровка текста Т. С. Каневой.

Вар.: ФК. ф. 1066-34, ф. 1333-1 (п.), ф. 1419-140; ФА СыктГУ. 0805-7 (фр.), 0828-40 (фр.), 0834-13 (фр., п.); РФ ЯКМ. Качева. № 59 (Ленский р-н); ФК. ф. 1338-17; ФА СыктГУ. 0624-54, 0624-55 (пр., Котласский р-н).

Близкие вар.: Соб. Т. 2. №№ 72—76; Т. 4. №№ 230, 232, 740; Песни Мезени. № 116; Иваницкий. № 92; Фольклор Новгородской обл. №№ 164, 178.

Хороводная/плясовая, круговая; есть указания на исполнение в фигурной пляске: «Ходят кривулями, потом по кругу» (прим. собирателей. — ФК. ф. 1419-140); отмечена в записях как «святочная игрищная» (ФК. ф. 1338-17).

Публикуемые вар. представляют собой два примера из большой группы широко распространенных во многих традициях контаминированных песенных текстов с зачином «Я по жердочке шла, я по тоненькой». Фрагмент второго вар. (№ 33а), включающий мотивы «молодец зовет девушку вместе пойти за водой», «опасения девушки быть услышанными ее отцом», «отец зовет дочь в огород», в другой комбинации мотивов присутствует в нижневыхегодской песне «Села Анна на лужок» (III, № 47а). Сюжетный мотив «выпускала сокола из правого рукава» с наказом соколику и жалобой на родного батюшку часто встречается в других традициях в составе песни с зачином «Сени, мои сени»; в нижневыхегодской традиции она известна на Виледи — исполнялась на посидках (Фольклор Виледи. С. 97, № 34; С. 107).

См. III, № 33.

34. Сидит олень сутул-горбат

ФК. ф. 1339-6, н-11476. 3/з В. Б. Сорокина, 1974 г., д. Шешурово Сольвычегодского с/с Котласского р-на. Исп.: см. коммент. к № 28 (запев. Верховцева Т. В.). Нот. и расшифровка текста Е. В. Гишпиуса.

См. III, №№ 34а, 34б.

34а. Как под кустичком олень-таки, олень

ФА СыктГУ. 0430-52. 3/з А. Н. Власова, 1987 г., д. Борисовец Ильинского с/с Вилегодского р-на. Исп. Лыкова Т. И.

Публ.: Фольклор Виледи. С. 77, № 1.

См. III, №№ 34, 34б.

34б. Под кустиком олень-таки, олень

ФА СИХМ. ф. 0303-2. 3/з З. Н. Мехреньгиной, 1993 г., д. Выползово Ильинского с/с Вилегодского р-на. Исп. Патрушева А. В. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Вар.: ФА СыктГУ. 0471-19, 20; Фольклор Виледи. С. 104, № 1.

Близкие вар.: Соб. Т. 7. № 653—655; Песни Печоры. № 207; Песни Сибири. № 1.

Вар. известной игровой песни об «одевании» «оленя» с последующим выкупом одежды. На нижней Выгегде известна с разными зачинами (ср.: № 34 и №№ 34а, 34б). Песня разыгрывалась в соответствии с текстом: «Участники игры ходят по кругу, а один („олень“) находится в круге. Со словами „сойми с девушки платок“ играющие кладут на „оленя“ свои платки» (Фольклор Виледи. С. 104); «И этой несут, котора сидит на полу, ей эти платки и дают. А потом выкупать их будут!» (ФА СИХМ. ф. 0303-2). Во второй части игры платки выкупаются: «Поочередно поющие обращаются по имени к каждой девушке, которая должна выкупить свой платок. За „выкуп“ девушки „платили“ поцелуем» (Фольклор Виледи. С. 104).

Вилегодские вар. песни (№№ 34а, 34б) отличаются от котласского (№ 34) четко оформленным диалоговым построением текста: вопрос к «олению» («Тепло ли те, олень, студено ли те, олень?») — ответ («Когда тепло, когда студено, когда холодно, летом оводно»), обращение к «олению» при его «одевании» («Призакройся, олень, призакутайся...»), последовательное обращение к играющим с приглашением выкупить «платок» поцелуем.

См. III, № 34, 34а.

35. Пал, пал перстень

ФА СыктГУ. 0414-11. 3/з А. Н. Власова, Е. А. Шевченко, Е. В. Пономаревой, 1986 г., д. Гришинская Вилегодского с/с Вилегодского р-на. Исп. Шевелёва Е. М. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

Публ.: Фольклор Виледи. С. 102—103, № 41.

См. III, № 35а.

35а. Пал, пал перстень

ФА СыктГУ. 0410-1. 3/з А. Н. Власова, Е. А. Шевченко, Е. В. Пономаревой, 1986 г., д. Кондаково Фоминского с/с Вилегодского р-на. Исп. Кондакова Е. С.

Публ.: Фольклор Виледи. С. 99, № 37.

Вар.: Фольклор Виледи. С. 98—102, №№ 36, 38—40; С. 108, №№ 36—41.

Близкие вар.: Всеволодский-Гернгросс. № 720; Иваницкий. № 398; Песни Печоры. № 104; Песни Сибири. № 9.

Игровая «рождественская», сопровождала пляску при игре, напоминающей игру «в колечко» («в перстень» или «золото хоронить»), со временем полностью перешла в разряд плясовых. «Зафиксированы следующие описания игры: 1) один из участников игры незаметно кладет кому-либо перстень и спрашивает: „У кого перстень?“ Тот, кому положили перстень, быстро выходит и танцует вместе с водящим; 2) одна из участниц игры, водящая, пляшет; парни и девушки, сидящие парами, незаметно передают друг другу перстень; водящая должна угадать, у кого перстень; если не отгадает, то продолжает плясать; 3) просто плясали» (Фольклор Виледи. С. 108). «Вот „Золото“ называ(е)тся, это на игрище, на игрище. Все сядут парыма — вот ты с парой, я опять с парой. И ходишь и кладешь. Как выскочит парень ли, девка, что во... брали это, ну, ⟨нрзб⟩ потом вышлясьва(е)шь. Ну, вот тако наберут, дак не дай бог — до того допляшут дак! (...) Кладут-то ⟨колечко⟩ — молчат, без писен, безо всего» (ФА СыктГУ. 0495-10).

Большое количество записанных во второй половине 1980-х гг. вар. (Фольклор Виледи. С. 108, №№ 36—41) показывает возможности сочетания игрового текста с мотивами плясовых и хороводных песен. Первая часть песни стабильно относится к игре «в колечко». В одном из опубликованных текстов и в других записях вместо «мизинного перстня» встречаем вар. «на мизинном пальце». Один из записанных вар. имеет другой зачин, содержащий календарно-игровые «маркеры»:

Хоронила золото,
Хоронила серебро

Во святые вечера,
 Во святы Васильевски.
 Пал, пал перстень... (ФА СыктГУ. 0495-10а)

К существенным разночтениям относится также диалог играющих (утаивающих кольцо) и водящего (отгадывающего), ср.:

Гадай, гадай, девица,
 Отгадай, красавица!
 Вам не гадати,
 Нам не сказати,
 Через поле едучи
 Да русу косу плетучи,
 Шелком увиваючи

(Фольклор Виледи. С. 98, № 36).

Гадай, гадай, девица,
 Гадай, гадай, красная!
 Через полё еду(т),
 Русу косу плéту(т).
 Коей поп да Иванович,
 Коей поп да Романович

(ФА СыктГУ. 0495-10а).

Ответы водящей также отличаются некоторой вариативностью, ср.:

Да я бы рада отгадать —
 Да мне не отгадати,
 Через поле едучи,
 Русу косу плетучи,
 Шелком приплетаючи,
 Златым увиваючи
 (Фольклор Виледи.
 С. 100, № 38).

Мне-ка не сказати,
 Мне не отгадати,
 В одной ручке беличо,
 Во другой руминичо
 (Фольклор Виледи.
 С. 101, № 39).

Я рада, рада бы гадать,
 Да не знаю, где сказати,
 В коей ручке беличо,
 В коей бы румяничо
 (Фольклор Виледи.
 С. 102, № 40).

В одном вар. вместо ответа девушки содержится ее обращение к игрокам с просьбой вернуть кольцо: «Ай вы, девки, / Перстень дайте, / Не утайте — / Меня мати хочет бити, / Согромити...» (Фольклор Виледи. С. 98—99, № 36).

Разночтения касаются также фрагмента «пожар в слободе», ср. с текстом № 35: «Ешо есть калачи, / Не для вас печены, / Для поповых детей, / Для боярских людей» (Фольклор Виледи. С. 100, № 38).

В одном из вар. игровая часть текста сразу соединяется с сюжетом «ходят паны за горами» (см. № 35а), который в отдельных традициях известен как песенная игра «пирожками» (Всеволодский-Гернгросс. № 720), или могла сочетаться с другими мотивами игровых песен (см. «Я горю, горю на камушке». — Песни Печоры. № 104); в нижневыхегодских вар. наблюдаются некоторые отличия в подробностях передачи сюжета, ср. с текстом № 35а:

Ходят паны за горами,
 За горами, за долами,
 Красны девичи — тропами,
 Молодичи — табунами,
 Одной девке тропы нет,
 Моей любезной нет.
 Моя-то любезная
 Дома стряпат пирожки,
 Подбивает на дрожжах,

Пирожки печёт на паре,
Из печки тянет на вожжах,
В печку садит на лопате (Фольклор Виледи. С. 102, № 40).

Среди вилегодских записей имеется также вар., в котором текст после игровой части завершается формулой парной проходки и поцелуя играющих: «Двое ходят, / Двое бродят, / Двое схватятся / Да поцелуются» (Фольклор Виледи. С. 101, № 39).

Игровая часть нижевычегодской песни обнаруживает сходство с сибирской песней (Песни Сибири. № 9); песня с мотивом — обращением к девушке с призывом к отгадыванию была известна и коми певицам: песни выявлены по Вычегде и Сыsole (ФА СыктГУ. 1505-16, 1610-20); по мотивам «плетение косы» они обнаруживают сходство с двумя вилегодскими вар. (Фольклор Виледи. С. 98—99, № 36; С. 100, № 38). Полных близких вар. в публикациях песенного фольклора не выявлено.

См. III, № 35.

36. Мы жо де просо сеели, сеели

ФК. н-6197. 3/з В. М. Щурова и А. В. Медведева, 1959 г., с. Яренск Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 33 (запев. Вилегжанинова А. Ф.). Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

«Ходовая, поют, когда идут с полевых работ».

См. III, №№ 36а—36д.

36а. Ой, мы пшёну сиели

РАМ. ф. 2225-40. 3/з Т. К. Соловьевой, 1985 г., д. Белопашино Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 1а. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

См. III, №№ 36, 36б—36д.

36б. Мы-то п(ы)шону сиели

ФК. ф. 1419-108, н-7736. 3/з Е. С. Кустовского и В. Б. Сорокина, 1972 г., д. Кулига (Бердышиха) Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 3. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

«Караводная на игрище, ходят стенка на стенку».

См. III, №№ 36, 36а, 36в—36д.

36в. (да) Мы-то вечёр плакали

ФК. ф. 1538-1545, н-10047-10052. Зап. в 1973 г. в Москве от группы певиц из д. Кулиги (Бердышихи) Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 7а (запев. Саранцина М. З.). Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

См. III, №№ 36—36б, 36г, 36д.

36г. Мы пшону сиели

ФК. ф. 1338-26, н-11473. 3/з В. Б. Сорокина, 1974 г., д. Княжица Сольвычегодского с/с Котласского р-на. Исп.: Кучина А. М., Пантелеева А. В.,

Уткина А. А., Уткина М. Ф., Чупракова А. П., Чупракова Е. В (запев.). Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

См. III, №№ 36—36в, 36д.

36д. Ох, мы пшону сеели

ФК. ф. 1068-7, н-5897. 3/з А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Устье Рябовского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 4. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

Вар.: ФК. ф. 1067-61; ФА СыктГУ. 0804-13, 0804-13а, 0806-6 (фр.), 0808-29, 0834-34, 0840-23, 0851-5 (Ленский р-н); ФК. ф. 1417-50; Фольклор Виледи. С. 104, № 3 (Вилегодский р-н); ФА СыктГУ. 0604-11, 0617-3 (Котласский р-н).

Публ.: Иваницкий. № 391; Фольклор Виледи. С. 78, № 3.

Близкие вар.: Лаговский. №№ 103—105; Собр. Т. 7. №№ 695—699; Шейн 1898. №№ 383, 384; Соколовы. № 377; Всеволодский-Гернгросс. № 623, 624; Васнецов. № 137; Песни Карельского края. №№ 94, 153, 156; Нижегородские хороводы. № 8; Фольклор Новгородской обл. № 115; Песни Сибири. №№ 193, 194; Лобанов. № 68; ТПИФУЦ. № 78.

Хороводная игровая. Песня хорошо известна по публикациям игрового фольклора из разных мест России. Разыгрывалась в хороводе типа «стенка на стенку» («сторона на сторону») — поочередно-наступательное движение шеренги девушек и молодых людей в соответствии с песенным диалогом («Становились парни, девки: „А мы просо сеяли, сеяли“ — это девушки. А парни идут: „А мы просо вытопчем, вытопчем“». — ФА СыктГУ. 0851-5). Есть указания об исполнении на святочных игрищах (ФК. ф. 1338-25) и весной во время ледохода («Вот река когды пойдёт, провожали реку ходили, „Просу сеели“, на реке „Просу сеели“ — песня такая поётся. На той стороне реки у нас деревня была (...) этой... Яреньги — у нас Яреньга называлася река-та, а наша деревня на другой стороне, и вот мы пойдём. Они там выйдут на бережок, и мы на бережок, поём песню. (...) Спёрва мы (споём) на этой стороне, они нам отвечают». — ФА СыктГУ. 0804-13).

На нижней Вычегде была известна во всех р-нах. Вар. из собрания Н. А. Иваницкого (Сольвычегодский у.) имеет зачин «Коней выпустим». Записанные тексты в целом устойчивы, варьирование характерно для рефренов (ср.: «Ой / Ай жо де ладо» — № 36; «Ой, диди-ладо» — № 36а и др.; «Ой, дид-ладо» — ФА СыктГУ. 0808-29; «Ой, диди-ладушка» — Фольклор Виледи. С. 78, № 3; «Ой, диво-ладо» — № 36д и др.; «Ай же, ладó» — ФА СыктГУ. 0834-34) и финальной части песни. В последней отличия касаются полноты в передаче описания девушки (ср.: «крайняя» — №№ 36, 36г; «крайняя в золоте» — № 36а; «У нас крайна в серебре. — У нас крайна в золоте». — № 36в; «...крайна-то в золоте. — (...) нам надо в жемчужке». — № 36д; «Вот у нас в серебре. — Та нам не надобна. — Вот у нас в золоте (...) — Нам надо в жемчуге...» — Фольклор Виледи. С. 78, № 3) и в наличии или отсутствии мотива испрашивания ворот.

Более интересные разночтения относятся к «перебранке» («перекорам»), завершающей игру (см. №№ 36а, 36д, 37, 37а). После «вступи-

тельной» части («Наша-то играла да выиграла, / Ваша-то играла да проиграла») в большинстве вар. следует невнятное в смысловом отношении выражение, ср.: «Болози уroda со двора сволокли...» (№№ 36а, 37 и др.); «А болзе взели да увезли» (ФА СыктГУ. 0840-23); «А во лузех взели да увезли» (№ 36д). Более понятным этот фрагмент выглядит в записях из Сольвычегодского у.: «Рады уroda со двора спроводить» (№ 37а) и «Благо бесова уroda со двора сволокли» (Иваницкий. № 391). Само корение девушки в записях представлено разными мотивами: «не ткаха, не пряха...» — встречается во всех вар.; «не повариха» («не щи варея, не пироги печея») — сойгинские записи (№№ 36а, 37 и др.); «только по лесу ходить ⟨...⟩ хомуты плести, на базар везти» — котласский (№ 37а), рябовские (д. Устье: № 36д; ФА СыктГУ. 0840-23), вилегодский (Фольклор Виледи. С. 78, № 3 — вар.); «по кринкам ходить, сметанку лизать...» (рябовские записи). Ответы на корение также различаются в вар. из разных мест записи: после устойчивого практически во всех текстах «заявления»: «А мы будем учить, переучивати, / Станем в зыбочке качать, перекачивати...» в одних текстах следуют утверждения об «исправлении» «неумехи» («У нас будет пряха...» — см. №№ 36а, 37; Фольклор Виледи. С. 78, № 3), в других (из ленской д. Устье) появляется оригинальный мотив «посадим в лукошечко под окошечко» с описанием неудавшейся капусты (см. №№ 36д, 37а, ср.: «Посадим ее в лукошечко / Да отнесем под окошечко. / У нас капуста вилась: / Черт — не капуста / Да леший — не вилок, / Лист подсох / Да другой поблек, / Самое сердечико на земле». — ФА СыктГУ. 0840-23). В записях из Ленского р-на имеются также примеры более лаконичного окончания игры: в вар. из д. Васильевской после спрашивания девушки следует заключение, комментирующее переход играющей из одной партии в другую: «В нашем полке прибыло, прибыло, / В вашем полке убыло, убыло» (ФА СыктГУ. 0808-29); в записи из с. Яренск выкупаемая девушка называется по имени, после чего диалог завершается ее уничижительной оценкой и описанием способов «переучивания»:

- Она у нас дурочка, дурочка.
- А мы ее выучим, выучим.
- Чем же вам выучить, выучить?
- А мы её плёточкой, плёточкой.
- Она будет плакати, плакати.
- А мы её пряничком, пряничком.

И берут Машеньку эту к себе (ФА СыктГУ. 0851-5).

В расшифровке Е. В. Гиппиуса к № 36д после стихов «Ой, давайте нам в широки, / Ой, диво-ладо, в широки, в широки!» имеется примечание: «Двустипшие было завершено одной из исполнительниц репликой: „Вот ворота-то дадут, поведут да убегут“, после чего другая исполнительница сообщила *быстрым говорком*... ⟨далее следует «перебранка»: «Наша-то играла да выиграла...»⟩».

См. III, №№ 36—36г, 37, 37а.

37. Болози урода со двора сволокли

ФК. ф. 1419-109, н-7734. 3/3 Е. С. Кустовского и В. Б. Сорокина, 1972 г., д. Кулига (Бердышиха) Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 3. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

«Перекоры», завершающие песню «Мы пшону сиели».

См. III, № 36а, 36д; 37а.

37а. Наша-то играла да выиграла

ФК. ф. 1338-26, н-11474. 3/3 В. Б. Сорокина, 1974 г., д. Княжица Сольвычегодского с/с Котласского р-на. Исп.: см. коммент. к № 36г. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

См. III, №№ 36д, 37.

«Перекоры», завершающие песню «Мы пшёнун сиели».

38. Посеели девки лён

ФК. ф. 1538-1545, н-10058-10063. Зап. в 1973 г. в Москве от группы певиц из д. Кулиги (Бердышихи) Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 7а (запев. Коршунова Е. Ф.). Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

См. III, №№ 38а—38в.

38а. Посеяли девки лён

ФА СыктГУ. 0846-10. 3/3 Л. Д. Головачевой, 1990 г., д. Конюшевская Рябовского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 18в. Расшифровка текста Т. С. Каневой.

См. III, №№ 38, 38б, 38в.

38б. Посеели девки лён

РАМ. ф. 2225-41. 3/3 Т. К. Соловьевой, 1985 г., д. Белопашино Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 1а. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

Из-за технического дефекта фонограммы песня нотирована со 2-й строфы.

См. III, №№ 38, 38а, 38в.

38в. Посеяли девки лён

ФА СыктГУ. 0817-4. 3/3 З. Н. Мехреньгиной, 1989 г., д. Большой Кряж Сафроновского с/с Ленского р-на. Исп.: Афанасова М. М., Батаева Е. В., Помолева Е. Ф. Расшифровка текста Т. С. Каневой.

Вар.: ФК. ф. 1419-135, ф. 1419-141; ФА СыктГУ. 0802-14, 0806-3 (фр.), 0807-14, 0843-1 (ф., п.), 0851-4 (пр.) (Ленский р-н); ФА СыктГУ. 0602-3, 0602-21, 0608-4, 0608-23, 0611-45, 0613-26, 0616-14, 0632-22, 0641-79 (Котласский р-н); Фольклор Виледи. С. 107, №№ 29, 30 (Вилегодский р-н).

Публ.: Песни Севера. С. 53; Фольклор Виледи. С. 94, №№ 29, 30.

Близкие вар.: Иваницкий. № 396; Фольклор Новгородской обл. № 135; Песни Сибири. № 183; ПФП. С. 104, № 61; Бахтин 2004. № 611.

Плясовая («игрищная»), круговая («Ходили кругом, приплясывали, руками притряхивали». — РАМ. ф. 2225-41; «Просто плясали (...) но больше по кругу ходили». — ФА СыктГУ. 0803-56; «Плясовая была. Кругом. За руки, да и выплясывают». — ФА СыктГУ. 0804-14). В одной из записей отмечена как «святочная на игрище» (ФК. ф. 1339-13), более поздние записи уже не дают такой привязки («На праздниках. Круги, кругом ходят и поют, ходят и поют (...) по комнате». — ФА СыктГУ. 0829-3).

Песня известна по публикациям русского игрового фольклора. На нижней Вычегде записывалась повсеместно, широко распространена и в соседнем Лузском р-не Кировской обл. (ФА СыктГУ. 2003-23, 2003-24 и др.). Песня устойчива в первой (основной) части («паренек повадился в лен срывать цветы»), после мотива «Дунай-река не принимает цветы / венки, прибывает их к берегу» наблюдаются расхождения. Публикуемые тексты отражают два варианта возможного присоединения к основной части песни других сюжетных ситуаций: «жена продает мужа на базаре» (№ 38а) и «сравнение своей и чужой жены» (№ 38в).

Близкий вар. этой песни зафиксирован в вилегодском репертуаре (Фольклор Виледи. С. 94, № 30): текст с похожим зачином не имеет характерного рефрена, сюжетная ситуация («холостой парничок плетет венки для себя и для девушки») и имя молодого человека в финале короткой песни больше соответствуют песням-припевкам.

См. III, №№ 38—38б.

39. В караводе были мы

ФК. ф. 242-37, н-6769. 3/3 А. С. Абрамского, 1964 г., д. Б. Остров Козьминского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 5а. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гишиуса.

См. III, №№ 39а, 39б.

39а. В караводе были мы

РАМ. ф. 2225-36. 3/3 Т. К. Соловьевой, 1985 г., д. Белопашино Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 1а. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

См. III, №№ 39, 39б.

39б. В караводе были мы

ФА СыктГУ. 0440-10. 3/3 А. Н. Власова и Е. А. Шевченко, 1987 г., д. Замятино Павловского с/с Вилегодского р-на. Исп. Головина У. П.

Публ.: Фольклор Виледи. С. 82, № 10.

Вар.: ФК. ф. 242-19; ФА СыктГУ. 0815-14 (фр., п.), 0822-4, 0822-13 (Ленский р-н); ФК. ф. 1355-4, ф. 1416-1; Фольклор Виледи. С. 105, № 10 (Вилегодский р-н); ФА СыктГУ. 0602-4, 0609-26, 0623-3 (Котласский р-н).

Близкие вар.: Камско-Вятское междуречье. № 76; Бахтин 2004. № 647.

Плясовая с выделением пары в кругу. К записям из Вилегодского р-на имеются фрагментарные описания игры: девушки становятся в круг, парень — посередине, в конце песни парень кланяется девушке; «кому поклонюсь — тот и выходит» (Фольклор Виледи. С. 105).

На нижней Вычегде записывалась повсеместно, в качестве летней плясовой зафиксирована и в соседнем Лузском р-не Кировской обл. (ФА СыктГУ. 2024-17). В целом нижевычегодские вар. устойчивы, различия касаются количества и оформления игровых повелений в адрес опеваемой пары. Так, наиболее полный ряд императивов («подбодрись», «становись», «поклонись», «поцелуй», «не целуй») представлен в самой ранней записи (см. № 39), вместо или после повеления «подбодрись» встречается пожелание «повертись» или «потанцуй» (ср. №№ 39 и 39а, ср. также: «Хоть немножко повертись». — ФА СыктГУ. 0822-4, 0822-13; «Перед милым розвернись». — № 39б); акциональный ряд может ограничиваться поклоном (ср.: «...Ой, лялю, повертись, / Кого любишь <...> поклонись». — ФА СыктГУ. 0822-4; «...А не любишь — отвернись». — ФА СыктГУ. 0822-13). Обстоятельственная деталь «под елушку становись» отмечена тоже только в записи А. С. Абрамского (№ 39).

Встречается в отдельных публикациях русских хороводно-игровых песен. См. III, №№ 39, 39а.

40. Прилетел орёл

ФК. ф. 1337-12, н-7746. З/з А. В. Медведева и В. Б. Сорокина, 1971 г., д. Шадрино Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 11. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

См. III, № 40а.

40а. Прилетел орёл

ФК. ф. 1538-1545, н-9554. Зап. в 1973 г. в Москве от группы певиц из д. Кулиги (Бердышихи) Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 7а. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

Публ.: 12 РНП. С. 149—155, № 12; Народные исполнители Кулиги. № 3.

Вар.: ФК. ф. 1335-11, н-9554, 1418-67; ФА СыктГУ. 0809-41, 0831-13, 0839-27 (Ленский р-н).

Плясовая припевка с выделением пары в кругу («Игрищная, ходят кру́гом». — ФК. ф. 1418-67; «Всё парáми ходят». — ФА СыктГУ. 0831-13), при записи песни в конце 1980-х гг. ее чаще вспоминали как плясовую без строгой календарно-бытовой приуроченности («Пляшут, кру́гом ходят». — ФА СыктГУ. 0839-27; «Ее пляшут, тоже на вечерках да вот на каких... на пирушках». — ФА СыктГУ. 0809-41).

На нижней Вычегде зафиксирована только в Ленском р-не.

В сравнении с публикуемыми текстами в записях ФА СыктГУ нет второй части песни («поиск девушки в саду (в беседе)»), однако один из вар. после описания покупки («долгохвостеньких башмачков») завершается поцелуйной формулой («С кем ходил да с кем гулял, / Того три раз целовал». — ФА СыктГУ. 0809-41), другой отличается обращением к молодцу-«соколочку»:

Ты же кто такой,
Да ты хорошенькой,
Ходишь ты часто,
Да любишь ли баско (ФА СыктГУ. 0831-13).

Из примечаний Е. В. Гиппиуса: «Предпоследний стих „Он ведь девушку нашел“ исполнительницы спели во время звукозаписи *не* в традиционной форме. Обычно вместо слова „девушку“ называется *имя* опеваемой девушки, а в следующем стихе, опущенном исполнительницами, ее отчетливо: „Он ведь *Дарьюшку* нашел (да), *Он ведь Федоровну* нашел“».

Песен, имеющих полное сходство с публикуемыми вар., в известных песенных сборниках не выявлено (отдаленное сходство см.: Шейн 1898. № 533).

См. III, № 40.

41. Хожу я, гуляю вдоль по караводу

ФК. ф. 1066-36, н-6204. 3/3 А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Лопатино Иртовского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 1. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

«Игрищная».

См. III, №№ 41а, 41б.

41а. Хожу я, гуляю вдоль по караводу

ФА СыктГУ. 0818-34. 3/3 З. Н. Мехреньгиной, 1989 г., с. Ирта Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 18б. Расшифровка текста Т. С. Каневой.

См. III, №№ 41, 41б.

41б. Хожу я, гуляю вдоль с-по хороводу

ФА СыктГУ. 0427-23. 3/3 А. Н. Власова, Е. А. Шевченко, Е. В. Пономаревой, 1986 г., д. Залесье Павловского с/с Вилегодского р-на. Исп.: Пахтусова А. Д., Пахтусова Е. Д., Суворова М. А., Федяева М. С., Федяева О. Д.

Публ.: Фольклор Виледи. С. 80, № 5.

Вар.: ФА СыктГУ. 0801-105 (фр.), 0803-19 (ф., п.), 0803-58 (пр.), 0807-13 (фр., п.), 0808-30, 0837-13 (фр.), 0843-11 (п.), 0846-13, 14 (Ленский р-н); ФК. ф. 1416-29; Фольклор Виледи. С. 104, № 5 (Вилегодский р-н); ФА СыктГУ. 0612-16а, 0631-4 (Котласский р-н).

Близкие вар.: Соб. Т. 7. № 505—512; Всеволодский-Гернгросс. № 586, 588—590; Киреевский 1986. № 342; Песни Печоры. №№ 273, 344; Нижегородские хороводы. №№ 59, 60; Песни Сибири. № 50; Вятский фольклор. № 651.

Хороводная игровая, исполнялась в кругу с разыгрыванием выбора женом членов новой семьи (тестя, тещи, брата / шурина, сестры, невесты) и последующего отказа от них: «Вот так ходили: сперва жених ходит один по кругу, ну, в кругу, а потом из этого круга выбирает тестя, тещу, братца, сестрицу и невесту последнюю» (ФА СыктГУ. 0818-34); «Он ходит набирает всех, тещу найдёт (...) в кругу все ходят, а потом другой круг образуется. Ну и он потом уже это... потом он последнюю невесту. Ну, а потом, значит, когда всех наберет (...) Поет: „Посмотрите, люди, посмотрите, добры, как я гуляю с новой семьёю“. Вот и всё. А потом поет: „Наварю я пива — прямо тестю в рыло“ — тесть уходит. „Напеку я пирогов — береги, теща, зубов“ — она тоже уходит. И вот всех так. (...) Он остается с невестой. Вот и: „Посмотрите, люди, посмотрите, добры, как я гуляю с милою женою“ (...) Остаются одни» (ФА СыктГУ. 0807-13).

На нижней Вычегде была распространена повсеместно. Многие из записанных текстов фрагментарны или исполнены без напева. Второй из публикуемых текстов (№ 41а) оканчивается поцелуйной формулой, характерной для песенных игр «в женитьбу», бытовавших на молодежных собраниях (из замечаний о песне: «...потом все женятся». — ФА СыктГУ. 0801-105; «Потом еще женились: „Хожу я, гуляю вдоль по короводу...“» — ФА СыктГУ. 0803-58). В отдельных вар. наблюдается попытка вспомнить более полное окончание песни, ср.: «...радость дорогая, сядем мы в карету, которой у нас нету». — ФА СыктГУ. 0807-13; подобный вар.: ФА СыктГУ. 0803-19).

Песня хорошо известна по публикациям песенного фольклора с рефренами «Розочка алая», «Зайныка беленький», «Ай, де вьюночек, ай, зелению».

См. III, №№ 41, 41а.

42. Царёв сын, царевич

ФК. ф. 1417-40. 3/з Е. С. Кустовского и В. Б. Сорокина, 1972 г., д. Берег Пречистенского с/с Вилегодского р-на. Исп.: Вьюхина М. И., Ильина А. В., Инкина П. Ф., Кобелева А. Ф. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

Хороводная игровая, по местной терминологии — «рождественская» (исполнявшаяся на святочных молодежных собраниях). Разыгрывалась в кругу по типу выбора молодым человеком девушки-невесты. Ср.: III, № 5.

43. Не ясён-то сокол зычёт

ФК. ф. 1417-38. 3/з Е. С. Кустовского и В. Б. Сорокина, 1972 г., д. Берег Пречистенского с/с Вилегодского р-на. Исп.: см. коммент. к № 42. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

На нижней Вычегде записана в Вилегодском р-не в единственном вар. как «рождественская игрищная». Текст состоит из двух частей, первая («приглашение молодухек на игрище») могла выступать в качестве плясовой (хороводной) «прелюдии» ко второй — игровой — части, построенной на «запирании» «зайки» (одного из игроков) в кругу, который мог получить «свободу» через выкуп поцелуем. По игровой ситуации и отдельным формулам сближается с ленской игровой песней «Зайныка по сеничкам» (III, № 23).

Блиzkих вар. в изданиях песенно-игрового фольклора не обнаружено.

44. Ты Настасьюшка, сама Олександровна

ФК. ф. 1335-12. 3/з А. В. Медведева и В. Б. Сорокина, 1971 г., д. Заимка Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: Саранцина М. З. (запев.) и еще три женщины, по замечанию соб. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

На нижней Вычегде записана в единственном вар. в Ленском р-не с пометой соб. «свадебная». По сюжету является вар. ленской плясовой припевки с зачином «Прилетел орел, прилетел сизой...» — см. № 40.

45. (ох), Верба, верба, вербочка

ФК. ф. 1068-4, н-6206. 3/з А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Устье Рябовского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 4 (запев. Третьякова Н. Н.). Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

«Караводная, под пляску».

См. III, № 45а.

45а. Верба, верба, вербушка

ФК. н-9577. Зап. в 1973 г. в Москве от группы певиц из д. Кулига (Бердышиха) Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 7а. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

Вар.: ФК. ф. 1418-92; ФА СыктГУ. 0839-28 (с зачином «Стоит верба за рекой...»), 0840-19. (Ленский р-н).

Близкие вар.: ЛРС. № 95.

Хороводная припевка. Судя по комментарию одной певицы, исполнялась при проходке пары между шеренгами играющих («Это раньше так пары: встанут девки, вот так встанут ребята (...) может, человек пять-шесть (...) парень с девкой, парень девку (под рукой), вот и ходят и поют: „Верба...“» — ФА СыктГУ. 0839-28), таким же образом песня с близким зачином и основным мотивом величания жениха исполнялась и на северо-западе Архангельской области (см.: ПФП С. 113, № 86). В Ленском р-не была зафиксирована в двух сельсоветах — Рябовском (в д. Устье — см. № 45) и Сойгинском. Вар. из д. Устье соединяет опевания юноши и девушки. Примечательно, что вторая часть песни («Ему криничка с маслом...»), включающая величание девушки, в Сойгинском и Суходольском сельсоветах бытовала как самостоятельная припевка (ср. № 25: «Полна кринка с маслом, лукошко с толокном...»). Рябовские и сойгинские вар. различаются также некоторыми деталями в описании наряда жениха: в первых выделяется не только «казакин до полу», как и в сойгинских (ср. №№ 45 и 45а), но и «шапка на боку», «синь кафтан на плече» (ФА СыктГУ. 0840-19). В остальном различия несущественны, например, в ответах девушки варьируются ее определения жениха: «любезной» (примеч. собирателя к тексту № 45а), «влюбленной» (ФА СыктГУ. 0839-28); в финале вар. № 45 встречаются другие предметы посуды: «блюдца» (примеч. собирателя к публикуемому тексту), «вилки» (ФА СыктГУ. 0840-19).

См. III, № 45.

46. Соловейко, соловей, соловей, гнезда не вей

ФК. ф. 1418-103, н-7738. 3/з Е. С. Кустовского и В. Б. Сорокина, 1972 г., д. Кулига (Бердышиха) Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 3. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

Вар.: ФА СыктГУ. 0812-34, 0822-27 (Ленский р-н).

Близкие вар.: Шейн 1898. № 320; Бахтин 2004. № 663.

Хороводная припевка, исполнялась в кругу; без строгой календарно-бытовой приуроченности. По воспоминаниям исполнительницы из с. Козьмино, песней завершали гулянье («Эту последнюю уж песню они пели (...) на вечерках. (...) Зимой и летом...»). — ФА СыктГУ. 0812-34).

На нижней Вычегде бытовала в Ленском р-не. Записанные тексты устойчивы. Имеются отдельные параллели в песенных изданиях.

47. Солнышко на закате, времечко на утрате

ФК. ф. 1066-3, н-6657. 3/3 А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., с. Яренск Ленского р-на. Исп.: Гужова Н. А., Гулина О. Н., Дайц В. Я., Катанова В. С., Митрошина А. Ф., Широких Г. В. (запев.), Шубенина М. И. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

«Караводная, под пляску».

Вар.: РФ ЯКМ. Качева. № 54; ФА СыктГУ. 0804-5 (фр.), 0806-2 (фр.) (Ленский р-н).

См. III, № 47а.

47а. Села Анна на лужок

ФА СыктГУ. 0819-9. 3/3 З. Н. Мехреньгиной, 1989 г., д. Пустошь (с. Ирта) Иртовского с/с Ленского р-на. Исп. Гобанова О. В. Расшифровка Т. С. Каневой.

Плясовая в кругу («Пляшут, просто за руки поймаются в кругу». — ФА СыктГУ. 0806-2; «Крúтом плясали». — ФА СыктГУ. 0819-9), без строгой приуроченности («И на вечерках, и на колхозных праздниках, и на улице». — ФА СыктГУ. 0806-2).

Записанные на нижней Вычегде вар. относятся к соседним Сафроновскому и Иртовскому сельсоветам Ленского р-на. В отличие от сафроновских вар. (см. № 47) в иртовском вар. (№ 47а) нет зачина, тяготеющего по стилистике к литературным образцам. Наиболее полная из сафроновских записей оканчивается мотивом подарка, ср.:

Не хочу перстень носить, хочу на воду бросить.
На воде перстень не тонет, на огне он не горит,
В белом лице жар горит, нам любовь вести велит
(РФ ЯКМ. Качева. № 54).

Также этот вар. отличается подробностями в передаче отдельных ситуаций, ср.: «Пойдем вместе за водой за холодной, ключевой»; «Чесноку, муку молоть***, часты гряды поливать».

Песня строится на сочетании разных мотивов; одна из сюжетных ситуаций — диалог девушки и молодца при встрече с приглашением «идти вместе за водой» и отказом девушки («батюшка зовет в огород») — хорошо известна по публикациям русского песенного фольклора (см. III, № 33а).

См. III, № 47.

48. Шёл из Питера штафет

ФК. ф. 15638-1547, н-9556-9561. Зап. в 1973 г. в Москве от группы певиц из д. Кулиги (Бердышихи) Сойгинского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 7а. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

*** Очевидно, «луку полоть».

Вар.: РФ ЯКМ. Качева. № 69; ФА СыктГУ. 0811-3, 0825-65 (фр., п.), 0829-8 (фр.), 0831-9, 0837-11 (фр.), 0839-5 (фр.).

Близкие вар.: Ефименко. Ч. 2. С. 76, № 46; Соб. Т. 4. № 588, 590, 591; Песни Мезени. № 114; Фольклор Ленинградской обл. № 78; Иваницкий. № 444; ПФП. С. 105, № 63.

Хороводная / плясовая; по ряду замечаний, завершила гулянье на вечерке: «Эту песню поют — вот домой походят, с посидянки. <...> С посидянки вот пойдут, „в Питер сходят“ и домой все разойдутся. <...> Парами» (ФА СыктГУ. 0831-9, подобные вар.: РФ ЯКМ. Качева. № 69). Песня сопровождала проходку пар, по местному обозначению — «в Питер ходили»: участники выстраивались колоннами — женской и мужской, каждый участник из крайней пары обходил свою колонну с внешней стороны, и встречались в начале колонны, становясь первой парой (из полевых материалов З. Н. Мехреньгиной, зап. в 1990 г. в д. Шудино (Крюковщина) Слободчиковского с/с Ленского р-на).

В качестве хороводной или плясовой песня хорошо известна в северо-западных р-нах России. На нижней Вычегде зафиксирована в Ленском р-не, последние записи (ФА СыктГУ. 1989—1990 гг.) преимущественно фрагментарны. В сравнении с публикуемым текстом вар. в записи от А. М. Качевой (1878 г. р.) отличается дополнительными подробностями и дает пример дальнейшего развития текста. Так, вар. содержит детали любовного письма: «С удовольствием читала. / Ко мне миленький писал, / Любовь-тайну извещал, / Что давал милой знать, / Чтобы я вышла гулять...» (РФ ЯКМ. Качева. № 69). Текст оканчивается более подробным перечислением подарков и следующим за ним пространством диалогом героев:

— На белую грудь цепочку,
 На шейку жемчужок
 И атласу для прекрасу.
 Гранетуру на салоп,
 Куплю мофточку соболью,
 Носи-ка на здоровье.
 — Благодарствуй, друг любезный,
 Много балуешь меня,
 Обижаеть сам себя.
 Мне не дороги подарки —
 Обида дорога,
 Обидушка дорога.
 Я вечер была больна.
 — Ты скажи, моя милая,
 На ветру долго стояла,
 Простудилася больна,
 Со простуды грудь колола
 Отудился [?] в лице жар.
 Я за лекарем послала,
 Его дома не застала,
 Несчастливче в доме стало:
 Кучер не исправен, [?]
 Фалегур сильно [весьма?] пьян,

Пару коней не сдержал,
 Всю карету приломал,
 Скороходы потерял.
 Скороходы-иноходы,
 Моего дружка заводы.
 Ох вы, кукушки-подружки,
 Вы несчастливые,
 Неталантливые,
 Я одна из вас счастлива,
 Полюбила щеголя —
 Иванушка-молодца
 Как про милого промолвят —
 Стрелой сердце стрелит,
 Стрелет зарадет [?]
 Сердцу ключиком кипит [?]» (РФ ЯКМ. Качева. № 69).

В этом вар., как и в записи от ансамбля из с. Козьмина (ФА СыктГУ. 0811-3), первый диалог при встрече героев («не успела выйти вон — мил стоял передо мной») не содержит темы болезни девушки, как в публикуемом вар., сразу строится на поездке милого и его возвращения с подарками:

Здравствуй, милая моя, не видал давно тебя,
 Да видел давно тебя,
 Я в дорожку отлучался, говорил, что не печалься,
 (Да) Не печалься, не тужи, да я сейчас буду сюда,
 Привезу тебе, любезна, подарок дорогой... (ФА СыктГУ. 0811-3)

В козьминском вар. после мотива обещания подарка («с ручки перстень золотой») и продолжения диалога через препирательства любовников («„Мне не дороги подарочки — обида дорога“ — „Я сейчас буду сюда“») появляется сюжет «девушка подносит милому дружку на блюде-подносе яблочки — милый не принимает, девушка гневается на него», который входит в текст плясовой песни с зачином «Веселая голова, не ходи мимо сада», широко распространенной в Ленском р-не:

Я во садике была
 Да во зелёном гуляла,

 Да во зелёном гуляла,
 Цветы-яблочки щипала,
 Я наливчаты брала,

 Да всё наливчетые,
 Сладки, россыпчетые,
 На белое блюдо клала,
 На серебряной поднос,

 Да на серебряной поднос,
 Подносила ко милому
 Во высокой во терем,

Да подносила, верно, ко милому
 Да во высокой во терем.
 Милой яблочко не принял,
 Ничево не говорит,

Да ничево не говорит —
 Не отказывает, не приказывает,

Да не(й) отказывает, да не приказывает,
 Ни ответу, ни привету,
 Будто в доме ево нету.

<...>

Я поставила на стол,
 Сама топнула ногой,
 Да сама топнула ногой,
 Прикачнула головой.

Прикачнула головой:
 «Да оставайся, чёрт с тобой,

Да оставайся, чёрт с тобой! <...>
 Оставайся, чёрт с тобой,
 Не ломайся надо мной,

Да не ломайся надо мной!»
 На первую ступень ступила —
 Припомнилася,

Дак на вторую-то ступила —
 Запечалилася.

Пойду ворочусь назад,
 Дружку выговорю
 <...>
 Дружку выговорю
 Да в глаза выпеняю,

Да в глаза выпеняю:
 Ты подумай жо, невежа,
 Погадай, мой негодяй,
 <...>
 Я за что тебя люблю,
 За что жалую-дарю,

Да за что жалую-дарю,
 Да за поступочку честу,
 (да) за одежду шегольску,

Да за одежду шегольску.
 Ох, мил на ножку легок —
 На босу ногу сапог... (ФА СыктГУ. 0811-3).

Имеется и еще один пример появления в тексте этой песни мотива из другого сюжета — плясовой песни «Как у наших у ворот стоял девок

хоровод», также хорошо известной в Ленском и Вилегодском (Фольклор Виледи. С. 92, № 26) р-нах: в сольной записи из д. Томиловской Козьминского с/с (ФА СыктГУ. 0831-9) этому послужила общая формула «на улицу в зелен сад с ребятами погулять»:

Чтобы я пошла гулять
На улочку в зелен сад,

На улочку в зелен сад,
С ребятами поиграть,

С ребятами поиграть,
Да не с большими — с малые,

Со такие бравые.
Ишо малые робятка
Двадцати пяти годов. ⟨...⟩
(В)от прощалась от мужа,
Ох, ну, вот от мужа
Да на бедненькой, всё на бедной,
Всё на бедной на часок,
Вот ну-ко на часок.
Да прогуляла-просверлила,
Прогуляла весь денёк,
Ох, ну-ко сё денёк,
Да весь денёчик, денёчик,
Денёчик до зори» (ФА СыктГУ. 0831-9).

Среди записей песни «Шёл из Питера штафет» только в публикуемом вар. имеются дополнительные подробности в приглашении девушки на прогулку: «винограду пощипать, винограду-ягоду, черносливну, сладкую». Эта же формульная деталь встречается в одной записи песни «Как у наших у ворот», причем так же, как и публикуемый текст, — из Сойгинского с/с, д. Черныхано («Да с ребятами, с ребятами, с ребятами поиграть, ⟨...⟩ Да винограду пощипать, / Винограду ягоду, черносливну сладкую». — ФА СыктГУ. 0837-18).

49. Пошла в тóнец тонцевать

ФК. ф. 1068-10, н-6027. 3/з А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Устье Рябовского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 4 (запев. Третьякова Н. Н.). Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

См. III, №№ 49а, 49б.

49а. Пошла в тóнец тонцевать

ФА СыктГУ. 0408-7. 3/з А. Н. Власова, Е. А. Шевченко, Е. В. Пономаревой, 1986 г., д. Самино Вилегодского с/с Вилегодского р-на. Исп.: Меньшикова А. М., Меньшикова К. С.

Публ.: Фольклор Виледи. С. 90, № 24.

См. III, №№ 49, 49б.

49б. Пошла в тонец тонцевать

ФА СИХМ. ф. 0303-1. 3/3 З. Н. Мехреньгиной, 1993 г., д. Выползово Ильинского с/с Вилегодского р-на. Исп.: см. коммент. к № 34б. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Вар.: ФА СыктГУ. 0843-10 (Ленский р-н); ФК. ф. 1354-7, ф. 1416-15, ф. 1416-24; Фольклор Виледи. С. 106, № 24 (Вилегодский р-н); ФК. ф. 1338-27 (Котласский р-н).

Публ.: Фольклор Виледи. С. 90, № 24.

Близкие вар.: Соб. Т. 2. №№ 25, 27, 28; Шейн 1898. № 396; Всеволодский-Гернгросс. № 521; Песни Печоры. № 101.

Плясовая, есть указание об исполнении на святочных игрищах (ФК. ф. 1338-27) с элементами разыгрывания по тексту («Участники хоровода становятся кругом, в центре — парень и девушка; сначала парень садится на стул, в соответствии со словами текста, к нему на колени садится девушка». — Фольклор Виледи. С. 106).

Имеющиеся записи были сделаны на пограничье Ленского, Вилегодского и Котласского р-нов, как плясовая рождественская встречалась собирателям и в пограничном Лузском р-не Кировской обл. (ФА СыктГУ. 2059-3). Вар. из ленской д. Устье (№ 49 и архивный — ФА СыктГУ. 0843-10) отличаются упоминанием гуслей («Мил во гусельцы играет», ср.: «Милой в скрипочку играет». — Фольклор Виледи. С. 90, № 24), более подробным описанием «пути свекра» («В чистом поле, в косогоре...») и его действий по отношению к невестке («пожурит, не уморит»). В финальной части в устьинских вар. имеется разночтение (ср. № 49 и вар. ФА СыктГУ. 0843-10: «...Сухарики съедим да сумки к лешему сдадим»).

Песня известна главным образом в севернорусских традициях.

См. III, №№ 49, 49а.

50. За двором да за дворечиком

ФК. ф. 1416-21. 3/3 Е. С. Кустовского и В. Б. Сорокина, 1972 г., с. Ильинско-Подомское Вилегодского р-на. Исп.: Блинова Л. П., Демидова Е. М., Дуракова Е. В., Кашинцева А. М., Коршунова Г. И., Меньшикова А. Н., Пахтусова В. Д., Сабашникова В. Ф., Фокина М. П. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

См. III, № 50а.

50а. За двором да за дворечиком

ФК. ф. 1417-39. 3/3 Е. С. Кустовского и В. Б. Сорокина, 1972 г., д. Берег Пречистенского с/с Вилегодского р-на. Исп.: см. коммент. к № 42. Нот. и расшифровка текста Е. А. Дороховой.

Вар.: ФА СыктГУ. 0410-23, 0413-8, 0420-7, 0424-30, 0432-14, 0436-17, 0479-17, 0492-20 (Вилегодский р-н).

Близкие вар.: Песни Сибири. № 120.

Плясовая с выделением пары («опеванная» — ФА СыктГУ. 0410-23), «рождественская», исполнялась на посидках и на свадьбе («В кругу плясали, за руку схватались». — ФА СыктГУ. 0420-7; «Вот когда на сватанье придут, и пили эту писню». — ФА СыктГУ. 0413-8).

На нижней Вычегде отмечена в вилегодском репертуаре, бытовала также выше по течению — в традиции с. Серёговоа Княжпогостского р-на Республики Коми (ФА СыктГУ. 1405-57, 1405-70).

В ряде вар. записана с зачином «Как за двором, за двором...». В публикуемых текстах поцелуйное завершение опевания пары в пляске варьируется, это отражается и в других записях, например: «Им пара да сопарилася, / В то времё да целовалися, / Им люди да сдивовалися» (ФА СыктГУ. 0410-23).

В публикациях песенного фольклора встречается редко.

См. III, № 50.

51. От чего хмельк завёлся?

ФК. ф. 1066-5, н-6659. 3/з А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., с. Яренск Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 20. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гишпиуса.

«Поют на посидянках».

Близкие вар.: Соб. Т. 7. № 274; Бахтин 2004. № 596.

На нижней Вычегде записана в единственном вар. в качестве шуточной песни. В публикациях песенного фольклора встречается редко.

52. Как на нашей на сторонке

ФК. ф. 1066-28, н-6020. 3/з А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., с. Яренск Ленского р-на. Исп.: Антоновская Е. П., Гулина О. Н., Митрошина М. В., Пинегина А. Т., Широких Г. В., Шубенина Г. В. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гишпиуса.

См. III, №№ 52а, 52б.

52а. Как за речкой хмель родился

ФА СыктГУ. 0401-69. 3/з А. Н. Власова, Е. А. Шевченко, Е. В. Пономаревой, 1986 г., д. Большой Двор Фоминского с/с Вилегодского р-на. Исп. при записи не назван.

Публ.: Фольклор Виледи. С. 93, № 27.

См. III, №№ 52, 52б.

52б. Как за речкой хмель родился

ФА СИХМ. ф. 0303-23. 3/з З. Н. Мехреньгиной, 1993 г., д. Путятинно Ильинского с/с Вилегодского р-на. Исп. Гомзикова А. Ф. Расшифровка текста З. Н. Мехреньгиной.

Вар.: ФА СыктГУ. 0806-44 (фр., п.), 0807-11, 0807-12, 0808-1 (фр.), 0808-23, 0831-19 (фр.), 0851-15 (Ленский р-н); ФК. ф. 1356-5, ФА СыктГУ. 041-23, 0420-15, 0420-46, 0424-26, 0429-17, 0432-20а, 0450-3, 0464-20, 0479-15; Фольклор Виледи. С. 107, № 27 (Вилегодский р-н).

Близкие вар.: Шейн 1870. № 74; Соб. Т. 3. № 164; Иваницкий. № 463; Песни Сибири. № 197; Бахтин 2004. № 633.

Плясовой фигурный хоровод («Играли её, людно играли. Надо так кругом все, да так руки держим да...» — ФА СыктГУ. 0806-44; «...завиваются, потом рука за руку имаются и опять ходят». — ФА СыктГУ. 0808-1;

«Вот это, значит, они так идут (...) и вот такими, знаешь, спиральями да змейками, вот, иногда распустятся, а иногда просто так». — ФА СыктГУ. 0851-15).

В некоторых нижевычегодских вар. отмечен иной зачин, ср.: «Как у нас было за речкой, да как у нас было за быстрой, удача большая...» (ФА СыктГУ. 0807-11); «Как у нашей-то у речки удача большая...» (ФА СыктГУ. 0808-1); «Как за речкой хмель родился, по шестичкам вился...» (Фольклор Виледи. С. 93, № 27). По сравнению с публикуемым текстом в отдельных записях имеется финальный мотив гощения и отъезда гостя, ср.:

Ко мне батюшко-то будёт, недолго пробудёт,
Одну ноченьку ночуёт, всю ночь протанцует»
(ФА СыктГУ. 0806-44, подобный вар.: ФА
СыктГУ. 0808-23);

Да по новым селям проходит — в окошко просмотрит,
Бела света дожидатса да домой собираатса,
А меня, бедну-беднюшеньку, одну спокидает,
Одну спокидает на чужой сторонке (ФА СыктГУ. 0807-11);

...бела света дожидает,
Ворона коня впрягает, домой уезжает»
(Фольклор Виледи. С. 93, № 27).

В вар. также наблюдаются разночтения в оформлении отдельных мотивов и образов: ср. с публикуемым текстом описание «роста» хмеля («Вився, вився, извивався до самой вершинки». — ФА СыктГУ. 0806-44, 0807-11, 0808-1, 0808-23) и характеристики пива («Наварю я, млада, пива, пива зеленова». — ФА СыктГУ. 0806-44, 0808-23; «пивушка пьянова». — ФА СыктГУ. 0807-11).

Песня встречается в публикациях игрового фольклора. На нижней Вычегде песня записывалась в Вилегодском и Ленском р-нах, известна и в соседних традициях — в Лузском р-не Кировской области (ФА СыктГУ. 2030-1, 2030-4 и др.) и выше по Вычегде (Княжпогостский р-н Республики Коми, ФА СыктГУ. 1404-21 и др.).

См. III, №№ 52, 52а.

53. Ала, бела голубонька

ФК. ф. 1066-27, н-6026; ФК. ф. 1066-28, н-6020. 3/3 А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., с. Яренск Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 20. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

«Караводная, круговая».

См. III, №№ 53а, 53б.

53а. Ала, бела голубонька

ФК. ф. 1334-21, н-8700. 3/3 А. В. Медведева и В. Б. Сорокина, 1971 г., д. Микшина Гора Сафроновского с/с Ленского р-на. Исп.: Жданова А. А.,

Кривошеина Е. А. (запев.), Мингалёва М. А. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

«Караводная на игрище, ходят кругом».

См. III, №№ 53, 53б.

53б. Ала, бела голубонька

ФК. ф. 1067-10, н-6200. З/з А. С. Кабанова и А. В. Медведева, 1970 г., д. Ивановка (Ленский Наволок) Ленского с/с Ленского р-на. Исп.: см. коммент. к № 6. Нот. и расшифровка текста Е. В. Гиппиуса.

Публ.: Иваницкий. №№ 60, 216.

Вар.: ФК. ф. 242-39, ф. 1066-18, ф. 1069-9; РФ ЯКМ. Качева. №№ 15, 58; ФА СыктГУ. 0801-116 (фр.), 0806-45 (фр.), 0807-3, 0807-3а (п.), 0808-22 (фр.), 0809-29 (фр.), 0816-3, 0816-26 (фр.), 0831-21 (фр.), 0834-9 (Ленский р-н).

Плясовая в кругу («Ходили, вот так все кру́гом, и все пляшут, и поют все, и все пляшут». — ФА СыктГУ. 0809-29; «Кру́гом, за руки возьмешься да...» — ФА СыктГУ. 0816-3).

Текст представляет собой контаминацию песен, записывавшихся на нижней Вычегде как в составе одной песни, так и в качестве самостоятельных произведений («Ала бела голубонька». — Иваницкий. № 60; «На горе стоит дуб, под горой береза...» — РФ ЯКМ. Качева. № 15; Иваницкий. № 216; «Как во городе во Казани били в барабаны...» — ФА СыктГУ. 0816-3). В сравнении с публикуемыми одна из полевых записей дает еще один пример соединения первой части песни («девушка и музыкант») с другим сюжетом («во беседе сидит старый»), объединенных темой игры на гуслях:

Да поиграй, пожалуй, в гусли,
Ой, да гуселёчки.
Мои лазоревы цветочки,
Цветики-цветочки, да цветики-цветочки,
Да в первом часе я садила, да в первом часе я садила,
Втором поливала, да втором поливала.
Дай уж как три часа пробило, дай уж как три часа пробило,
Стукало-будило, да стукало-будило.
Да пойду млада ко Дунаю, да пойду млада ко Дунаю,
Пойду (с)погуляю, да пойду погуляю.
Да во весёлой во беседе, да во веселой во беседе
Ой, да сидит старой... сидит старой,
Да сидит старой, он постылый,
Да сидит старой, он постылый...
...дёржит гусли, ой, да гуселёчки, мои лазоревы цветочки
(ФА СыктГУ. 0834-9).

Варьируемый в публикуемых текстах глагол в обращении девушки к музыканту обнаруживает среди архивных записей еще одну разновидность: ср. «росслышь мои мысли» (№№ 53, 53б), «росскажь» (№ 53а) и «ростёшь» (ФА СыктГУ. 0801-116, 0806-45, 0807-3). Только в записи из Сафроновского с/с представлена характеристика гуслей («Гуселечки

не простые — новы, звончатые»), в ней же встречаем оригинальное для данной песни окончание, свойственное песне «Пошла в тонец...», см. № 49):

...Тобой попрекати.
— Побранит — не пособит,
Поколотит — не воротит.
Мы с тобою поживем,
Вместе в Новгород пойдем (РФ ЯКМ. Качева. № 58).

Только в вар. из д. Ивановки (№ 53б) во второй части песни («На горе-то стоил дуб...») имеется «связка» между экспозицией («сама ⟨речка⟩ глубокая, вода холодная») и основной сюжетной ситуацией («муж бьет жену»): «Как у старого-то мужа жёнка молодая» (ср. с № 53а, подобный вар.: РФ ЯКМ. Качева. № 15).

Запись из Иртовского с/с превосходит наиболее полный из публикуемых вар. окончания песни, ср. с № 53б:

...Я же две копейки, да я же две копейки.
Да уж мы оба будем пьяны, да уж мы оба будем пьяны,
Оба веселеньки, да оба веселеньки (ФА СыктГУ. 0816-3).

У вычегодских коми (Княжпогостский р-н Республики Коми) был зафиксирован вар. этой песни, соединяющий зачинный мотив с фрагментами «били барабаны — читали указы» и «река глубокая, не смею воду пить — вода глубокая» (ФА СыктГУ. 1402-102). Отдельные мотивы находят соответствия в разных плясовых песнях других традиций.

См. III, №№ 53, 53а.

Указатели

Указатель сюжетов лирических песен

Указатель построен по алфавитному принципу (по первой строке песенного текста, рядом приведен номер публикуемого в настоящем сборнике текста из подраздела I). В нем отражены основные сюжетные мотивы, образы и формульные темы, устойчивые словесные выражения. В ряде случаев приведены также сведения о публикации и близких вариантах песни из известных изданий. По возможности данный указатель местных песенных сюжетов соотнесен с картотекой Н. П. Колпаковой (**Колпакова карт.**; текст набран мелким шрифтом). В некоторых случаях курсивом полностью отражена первая строка песенного нарратива.

В

В поле широком железом копыт. 71

В поле широком железом копыт взрыто зеленое жито, там под березкой лежит молодец, тайно убитый. Убитого посещают три сестры. Третья из них говорит, что одному нельзя любить сразу трех.

Лирическая песня любовной тематики.

Литер. источник: Л. А. Мей (1822—1862). Волынская дума (1844—1856).

В чистом поле при долине. 81

В чистом поле при долине, при большой дорожке, мой миленький лежит убитый. Его личико покрыто белой кисеёю. К нему Саша приходила, кисею открывала, в уста целовала. Три слова сказала: «Я помру, милой мой дружок. Пускай меня похоронят не попы, не дьяки, а молоды ребята. Похоронят и пойдут, помянут, никому не скажут».

Публ.: Иваницкий. № 31.

Лирическая песня любовной тематики, близкая к позднему жестокому романсу.

Колпакова карт. 2. 449. В чистом поле при долине.

За Дунаем на березе сидит пава и разговаривает с солдатами; спрашивает, где их жены, сестры и пр.; это оказываются ружья, сабли и т. п.

Киреевский 1917, 1929. №№ 1983 (В чистом поле при долине), 2402 (В чистом поле стояло тут древо), 2685 (В чистом поле стоит древо, березынька бела).

Васнецов. № 116. А кто не был за Дунаем.

Соколовы. №№ 611 (В чистом поле при долине), 612 (В чистом поле на белой на березе).

Вниз по матушке по Волге разыгралася погода. 64

Вниз по матушке по Волге разыгралася погода, погодушка не малая, волновая. Одна лодочка чернеет, на ней парус белеет... (ср.: **Между речками, между быстрими**).

Близкие вар.: Соб. Т. 4. №№ 550—553; Васнецов. № 9; Лопатин, Прокунин. №№ 46—50; Песни Печоры. № 219; Киреевский 1986. № 247; ТКУЦ (ЛП) 99.

Лирическая песня, входит в разбойничий цикл, в одном из усть-цилемских вариантов есть упоминание о Степане Разине. На Средней и Нижней Печоре существуют записи сюжета среди «игришечных» песен (ТКУЦ (ЛП). № 99).

В нижевычегодской традиции встречается только на Виледи, в единственной фрагментарной записи.

Колпакова карт. 2.857 (*лирические разбойничьи песни, быт шайки*). Вниз по матушке по Волге.

На Волге разгуливается непогода; по волнам плывет лодка; в ней хозяин со своими приближенными; гребцы пристают к берегу; хозяйка подворья, Алена, выходит с дочерью на берег, извиняясь за свой домашний костюм.

Трутовский. № 24. Вниз по матушке по Волге.

Чулков. № 190. То же.

Львов, Прач. № 21. То же.

Киреевский 1917, 1929. № 1561. То же.

Магнитский. № 45. Вниз-то по матушке по Волге.

Резанов. № 29. Вниз по матушке по Волге.

Песни Пинежья. № 74. Нис по матушке было по Волги.

Бирюков. № 2. Вниз по матушке по Волге.

Усов. № 24. То же.

Бардин. № 84. То же.

Песни Прикамья. № 1. То же.

Песни Печоры. № 219. У нас на море погода.

Во слободке было во новой. 25, 25а

Во слободке было во новой да живет мальчик молодой, беззаботливый такой. Одна забота — по девушкам ходить, молоду жену любить. Молода жена догадалась: муж гуляет от нее. Он гуляет, сам не знает, не по дням, не по часам, а по вечерним зарям. Узнать милого следок к девушкам в теремок, во зеленый садок. Всю травку примял, цветы притоптал. В лесочке были два кусточка. Про милого говорят: завтра праздник воскресенье, к нам гуляющий день придет. В лес по ягодки, по черемушку с Машей пойдём. Принабравши ягод из кусточков, прочь пошла, на дорожку большую, на Сибирский тракт. На нем весела была беседа. На беседе писаря пишут письмоцо маленькое...

Близкие вар.: Соколовы. № 447; Песни Пинежья. № 13; Абрамский. № 13; Песни Печоры. № 158; Песни Мезени. № 42; ТКУЦ (ЛП). №№ 32, 33.

Лирическая песня любовного цикла (муж изменяет жене).

Все пташки-канарейки так жалобно поют («Разлука»). 63

Все пташки-канарейки так жалобно поют, а нам с тобой, мой милый, разлуку предают: «Разлука ты, разлука — чужая сторона. Ничто нас не разлучит — ни солнце, ни луна. А только нас разлучит сырая мать-земля. За чем нам разлучаться, зачем в разлуке жить? Нам лучше повенчаться и

друг дружка любить». Любила дружка страстно, и он меня любил. Любовь была напрасна: любил, да изменил. Подружка моя Катя, соперница моя, отбила мила друга, отбила навсегда.

Версия общераспространенного сюжета городского романа без драматической концовки (самоубийства девушки из-за несчастной любви).

Вспомни-ка, вздумай, друг да любезной. 77

Вспомни, вздумай, друг любезный, старую прежнюю любовь. Как мы с тобой обещались вечно друг друга любить. Как мы один без другого не могли на свете жить. А теперь что с нами случилось: мой милый изменяет. Сам женился на другой. «Ты ищи себе другую, закажи мне черный гроб. Вы сядете в карету, я лягу в черный гроб. Поведут вас в церковь, вкрут налож поведут. А мне вечно память запоют».

Близкие вар.: Соб. Т. 3. №№ 317, 318; РФВ. 1887. С. 266 (Вологодская губ.).

Общераспространенный сюжет городского жестокого романа.

Колтакова карт. 4.590 (*Любовно-тематический цикл. Разлука — разрыв, конец любви*). Воспомнишь ли, мой миленький, прежнюю любовь.

Девушка напоминает милому прежние встречи, уговор не жениться на другой, не выходить замуж за другого; этот договор нарушается; милый уезжает; они не могут даже проститься — кони не стоят.

Киреевский 1917, 1929. № 2371. Воспомнишь ли, мой миленькой, прежнюю любовь.

Вы прощайте, девки, бабы. 9

Вы прощайте-ко, девки-то, бабы, да бабы, нам теперь не до вас, забирают в солдаты нас. Мы пойдем, с горя песенку запоем.

Близких вар. не обнаружено. Ср. концовку сюжета: **Первое горе — муж Григорий**.

Сюжет рекрутской песни (молодца забирают в солдаты). Входит в цикл рекрутских песен о прощании молодца перед уходом в армию. Ср.: **Роз-молоденькие да вы молодчики, вы друзья да мои** (№№ 3—3г); см. также: **Год такой, что за год такой** (№ 51).

Зафиксирован только на Виледи.

Г

Год такой, что за год такой. 51

Год такой, что за год такой. Народ лихой, бессовестный, не дадут с милым в любви пожить, на кровать нажить на тесовую, на перину пуховую, одеяло шелковое. Три года прожила, за неделю сердце спроведало, что берут дружка в солдаты, в рекруты. Хорошо дружка снарядила, далеко проводила — через три поля, через три лужка, в каменну Москву. Там прощались все князья, бояры дивовались, все солдаты прослезились. Они думали: кто с кем прощается — брат с сестрой или муж с женой? Тут прощался молодец с красной девицей.

Близкие вар.: Ср.: **Размолоденькие да вы молодчики, вы друзья да мои** (№№ 3—3г).

Горе-горькая кукушка поутру рано летала. 8—8д

Горе-горькае да кукушка, вот кукушка да по заре рано летала, горевала, дружка она искала. Нашла дружка себе ненадолго, на денёчек.

Версия зачина и сюжета: **Крысна девка да красная девка Катерина** (№ 8д). Кабы мне, молоденькой, прежняя воля, сизые крылья, золотые перья, то поднялась бы я, полетела выше Питера, выше Москвы. Несчастливый пался (выдался) вылет мой, шёл навстречу милой мой издалёка, поздоровался со мной.

Контаминация и версия зачина ср. **Чуть зорюшка занялась, во поход пошли солдаты** (№ 8г): Утром рано на рассвете во поход пошли солдаты. Они шли, остановились, тяжело вздохнули, домички вспомнили: Остаются наши дома, молодые наши жёны, маленькие наши дети. Тут пришлось солдатике с горюшка померети. Выроем ему могилу, сделаем ему гробницу; коня ведут, тело везут. Молодая жена плачет. Конь копытом землю роет. Ты останься, конь вороный, для моего дому, для моих малых деток.

Ср. также: **Мамушка родимая, зачем на горе родила** (№ 53).

Сюжет распространен повсеместно на нижней Вычегде с несколькими зачинами и многочисленными контаминациями с балладами и солдатскими песнями.

Колпакова карт. 4.092 (*измена, молодец покидает любимую*).
А горькая кукушечка.

Кукушка грустит по зеленому саду — он стал засыхать; а под яблоней терем; там девушка плачет о покинувшем ее друге.

Песни Воронежской обл. № 19.

Тонков. № 50.

Колпакова карт. 4.416 (*разлука из-за отъезда молодца*). Горемычная кукушка.

Кукушка летает, ищет дружка; находит его ненадолго; в саду гуляют девушки; они топчут башмаки, марают чулки, теряют платки; девушка жалеет не платка, а милого друга: он должен скоро уехать.

Киреевский 1917, 1929. № 1297. Горемычная кукушка; 2534. То же.

Песни Пинежья. № 26. Горемычная серая кукушка.

Песни Мезени. №№ 27 (Есть у Ванюши вот подружка), 28 (Горемычная кокуша).

Колпакова ИРЛИ. №№ 849 (То же); 850 (Есть у Ванюши да подружка).

Е

Ехали солдаты со службы домой. 45

Ехали солдаты со службы домой, на плечах погоны, на грудях кресты. Едут по дорожке, родитель стоит. «Расскажи, папаша, про семью свою». — «Семья, слава Богу, прибавилась: жена молодая сына родила». Сын отцу ни слова, сел на коня. Подъезжает к дому — стоит мать с женой. Мать стоит с улыбкой, жена во слезах. «Мать, тебя прощаю, жену — никогда».

Заблестела пашка во правой руке. Скатилась головка с неверной жены. «Жену я зарезал, сам себя стубил. Маленьку малютку навек осиротил. Жену похоронят, а меня сошлют. Малую малютку в приют отдадут».

Версия сюжета: **Летела пава через три поля** (№№ 14–14е).

Публ.: Песенные переработки стихотворений XVIII — начала XX века. М.; Л., 1950. № 668.

Рекрутская песня (солдат возвращается со службы домой) с балладным сюжетом «жена изменяет мужу-солдату», литературного происхождения, автор неизвестен.

Колтакова карт. 2.710: Един из казаков, наездник лихой.

Казак возвращается со службы домой и узнает, что жена, несмотря на обещание быть верной, ему изменила; он убивает и ее, и ребенка.

Соколовы. № 665. Один из казаков, наездник лихой.

Крестьянское искусство I. Нот. прилож. № 16. Ехали солдаты со службы домой.

Песни Пинежья. № 148. Один из казаков, наездник лихой.

Акимова. № 5. Ехали стрелочки со службы домой.

Ж

Жила-была девушка красавица по ту сторону реки. 58

Жила-была девушка по ту сторону реки. Шел мой милый бережком, переходу не нашел. Взял жердочку, перебросил, сам пошел. Жердочка сломилась, шапочка свалилась, тут мой милый потонул. Увидала девица из высока терема, взяла она ведерышка, за водой сама пошла. «Черпайтесь, ведерышки, сами полные воды. Ты скажи, реченька, где мой милый потонул». Отвечает реченька: «Там, где шапочка всплыла». — «Зарастай ты, реченька, шелковой травой». Век бы тебе, реченька, не текать, мне уж, бедной девице, дружка мила не видать.

З

За Дунаем гуляет казак молодой. 40–40б

За Дунаем гуляет казак молодой. Там девица плачет за быстрой рекой. «О чем, дева, плачешь?» — «Цыганка гадала: Потонешь в свой свадебный день». — «Не плачь, я выстрою за реку чугунный мост в тысячу верст». Карета бежала — разрушился мост, и дева упала. Вскричала: «Прощай, милый мой!»

Версия общеизвестного сюжета городского романа «По Дону гуляет казак молодой».

Литер. источник: баллада Д. П. Ознобишина (1804–1877) «Чудная бандура» (1835).

За Невагой. 1–1ж

За Невагою речка с перебрагою. Не полынь-травонька во поле шаталась, душа моя удалой доброй молодец зашёл не своей охотой. Завела

дружка неволюшка, чужая сторонушка, служба государева царя белого, указ Петра Первого. Служба день до вечера, что до вечера часу до девятого. С девяти часов до полуночи. Со полуночи звезды с неба сыпались, мелко рассыпались. Все солдатухи в избы собирались. Велика гвардия здесь разгулялась, Все оружия сбрасывали. Все солдаты всплакали.

Бликие вар.: Соб. Т. 6. №№ 181—184; Песни Мезени. № 22; ИП XVIII. №№ 174—183; Леонтьев. № 95; Киреевский 1983. №№ 148, 538, 551; Киреевский 1986. №№ 32, 430; ТКУЦ (ЛП). № 2.

По мотивам «жалобы на солдатскую судьбу» и по упоминанию о царской службе царю Петру Первому или императору Николаю Павловичу относят к солдатским или историческим песням.

В первой строке зафиксировано, очевидно, малоупотребительное (диалектное) слово «невага». Словарь Даля приводит его с пометой: *ж. твр.* и значением *несчастье, невзгода, безвременье*. См. строку из былины «Сорок калик»: *Перед напраслиной изневагушкой (в старине поетце)* (Былины: В 25 т. Т. 9: Зимний берег Белого моря (в печати). № 95. Ст. 129. (Свод русского фольклора)).

Традиционно в публикациях этого текста встречается как имя собственное Невага (название реки?), однако, кроме игрового песенного сюжета, ни в каких текстах протяжных песен нам не встретилось сочетания *река Невага*. «Из плясовых старых песен, которые нам тут встретились, меня заинтересовала одна, под которую пляшут зимой на посиделках: *Ой, што за речкой было за Неважкой, / За второй речкой Перебражкой / Генералов сын да гуляет, / За собою коней водит...* и т. д. Почему в зачине опять — река Невага? Это может быть прочитано как описание иного пространства, находящегося за пределами обжитого места человеком. Первую строку можно прочесть и следующим образом: „за безвременьем придут перемены“ (<...> в тексте мелкие речки с бродами, т. е. жизнь, насыщенная разными преодолемыми событиями. Во второй строке образ „травы-польни в поле“ отчасти усиливает это впечатление о переменчивости и изменяемости человеческой судьбы. Две первые строки служат своеобразным символическим зачином к дальнейшему конкретно-историческому повествованию. 2. Возможно раздельное прочтение „за не вагою“. В этом случае прочтение близкое 1, вага — тяжесть... Или 3. „За не Вагою“... типа: „не за речкой девушки гуляли“. 4. „Зане Вагою“ — потому что, так как „за Вагой речки с бродами“... Таким образом, прочтение первой строки остается не вполне ясным, допускающим многозначную трактовку» (*Колтакова Н. П. У золотых родников: Записки фольклориста. Л., 1975. С. 75*).

Колтакова карт. 2.511. За Невагою, да за второй речкой перебрагою.

Молодец бродит в поле и жалуется на подневольную тяжелую царскую службу на чужой стороне.

Студитский. С. 111. За речкой, за Невагушкой (То же: Соб. Т. 6. № 184).

Киреевский 1917, 1929. №№ 1274 (За Невагою, за второй речкой Перебрагою), 1392 (Что за реченькой был за Небрагою), 1996 (Што не пыль в поле запылелася), 2123 (За рикою за Нивой было, за Нивагою).

Смирнов 1847. № 40. Как за реченькой я был за Невагою (То же: Соб. Т. 6. № 183).

Рыбников. № 27. Как за реченькой было за Невагою (То же: Соб. Т. 6. № 181).

Истомин, Дютш. № 42. Ай, чтой-то за реченькой было за Невагою.

За рекой на горе лес зеленый шумит. 69

За рекой на горе лес зеленый шумит. За рекой под горой хуторочек стоит. В том лесу соловей громко песни поет. Молодая вдова в хуторочке живет (...)

Переработка известного позднего романа «**Чудный месяц плывет над рекою**» (ср. № 68). В основе романа — стихотворение Василия Ивановича Немировича-Данченко (1844—1936) «Ты любила его всей душою» (1882).

Загулял детинушка, заломал калинушку. 57

Загулял детинушка, заломал калинушку. Бросил во долинушке, сам пошел в беседушку. Сел он возле девушки. Девка слово молвила, Ванюшу поженила. Наш Ваня не женится, сердце не воротится. Среди лета теплого девка траву косила, косу затушила, полопатила, рученьку порезала, платком завязала, маменьке не сказала.

Близкие вар.: возможна реминисценция с разбойничьей песней *Загулял я, молодец* (Львов, Прач. № 72).

Ср.: зачин **Недозрелая да калинушка, ее нельзя заломать** (№№ 31—31в); концовку **Эко сердце** (№ 5).

Колпакова карт. 2.906 (*лирические разбойничьи песни, любовь разбойника*). Молодец гуляет по Волге; он видит стружки с гребцами; гребцы поют песню о родной стороне; там живет зазноба молодца; она не подает ему вести о себе, бранит его за разгульную жизнь.

Закатало, заваляло. 79

Закатало, заваляло полтора ста кораблей. На каждом на кораблике по пяти сот молодцов, по сту песенников. Они едут и гребут, весело песни поют, промеж себя говорят, все Ракчеева бранят: «Экой шельма, экой плут, как сумел народ надуть! Ты, разбестия, каналья, отдай жалованье: харчевое, медовое, третье денежное. Что на наши-то на деньги ты палаты, шельма, склал, что не хуже и не лучше государева дворца. Как под эти под палаты быстра речка протекла. Что во эту быстру речку была рыба опущена, золотая голова, серебряна чешуя».

Близкие вар.: ТКУЦ (ЛП). № 6 (*Нам не дорого чисто злато; о времени Петра Первого*).

Исторический сюжет о недовольстве солдат-моряков тем, что у них ворует жалованье граф Аракчеев.

И

Из-за лесу, лесу темного. 4

Из-за лесу темного, из-за саду зеленого подымалася туча грозная со громами, со морозами, со буйными ветрочками, со поздними вечерочка-

ми. На ту пору уезжала доченька от матери, не простилась. Среди лесу кони становились, среди садику зеленого. Во саду гулял соловьюшко, вольна пташечка.

Близкие вар.: Соб. Т. 3. №№ 50—56; Песни Печоры. № 46; ТКУЦ (ЛП). № 34; Иваницкий. № 278; Песни Мезени. № 31; Леонтьев. № 189; Песни Карельского края. № 75; Песни Заонежья. № 22; Песни Пинежья. № 29.

Лирическая песня семейно-бытового характера (девушка тайно уезжает с милым из родного дома).

В первой четверти XIX в. освоена профессиональными цыганскими хорами. На Мезени, Печоре — «массово-потребительского типа», по выражению Е. В. Гиппиуса.

Колтакова карт. 2.549. Из за леса, леса тёмного.

Царь ведет в поход большую армию; солдаты плачут — они умирают с голода; царь просит их еще потерпеть и обещает им награды — денег и сукна на платье.

Киреевский 1917, 1929. № 2718. Из-за леса, леса темного.

Истомин, Ляпунов. № 13. Из за лесу-ту да лесу темного.

Соб. Т. 4. № 315. Из-за лесу, лесу темного.

Колтакова карт. 2.550. Из-за лесу было, леса темного.

Из-за лесу, из-за гор русский царь идет с войском; новобранцы на коленах жалуются царю на голод и холод.

Фольклор Дона и Кубани. № 20.

Колтакова карт. 2.551. Из-за лесу, лесу темного, из-за садика зеленого.

Две армии белого царя идут в поход; впереди едет на лютом коне генерал.

Соб. Т. 6. №№ 325 (Из-за лесу, лесу темного), 326 (Из-за лесу-то было, лесу темного).

Колтакова карт. 2.553. Как из-за лесу, лесу было темного.

Армия идет в поход; один из всадников заезжает в царев кабак и требует угощения для солдат царя белого.

Киреевский 1917, 1929. № 2461.

Колтакова карт. 2.391. Из-за лесу, лесу темного.

По дороге идут два полка солдат в Москву; охотники поют песни, невольники плачут, вспоминая родную сторону.

Киреевский 1917, 1929. №№ 1335 (Из за лесу, лесу темного), 2832 (Сторона ль моя, сторонушка).

Соб. Т. 6. № 122. Как у Ванюшки голова болит.

Ермаченко. № 156. Из-за лесика, леса темного.

Колтакова карт. 2.909 (*Лирические разбойничьи песни, жена разбойника*). Из-за лесу, лесу темного.

Отец отдает девушку за разбойника; вернувшись с разбоя, муж отдает жене стирать окровавленное платье; она узнает рубашку убитого брата; в ответ на ее упреки разбойник отвечает, что убил первого встречного ночью впотьмах.

Чулков. № 170. То же.

Киреевский 1917, 1929. №№ 1549 (Я под первый под случай никому не спушал), 1715 (Не хотелось мне, красной девке), 1846 (Что почувяло сердечко за неделюшку), 2023 (Я сама ж, девка, знаю, ведаю).

Колтакова карт. 3, 2.980 (*Лирические ямщицкие песни, болезнь и смерть в пути*). Из-за лесу, лесу темного.

Из-за лесу, из-за гор выкатывается бел горяч камень и рассыпается по маковым зернам; в городе Изюме, в Саратовской степи заболевает добрый молодец; он просит товарищей, когда они вернутся на святую Русь, в Москву, передать поклоны его родителям и разрешение жене на брак с другим.

К

Как во нашей во деревне, во веселой слободе. 35—35в

Как во нашей во деревне, во веселой слободе жил мальчишка, лет семнадцать, не женатой, холостой. В одну девушку влюбился, обещался за муж взять. Он не знал, кого спроситься, кроме сердца своего. Его люди научили: ты спроси, сын, у отца. Отец сыну не поверил, что на свете есть любовь: нужно всех вровне любить. Отвернулся сын, заплакал. Вышел в садик он зеленый прямо к Саше на крыльцо. Вышла Саша на крыльцо. «Дай мне руку правую». — «Утеряла я колечко, утеряла я любовь, буду плакать день и ночь». (Вар. № 35в без концовки). Пошел лесом, пошел темным, вынул ножик, вынул саблю. Снял головушку свою. Покатись, моя головушка, прямо к Маше на крыльцо.

Близкие вар.: Истомин, Дютш. № 21.

Поздняя лирическая песня на сюжет городского жестокого романа о смерти парня в результате родительского запрета на любовь к девушке, относится к типу «новых» баллад.

Как по синему морю плывут корабли. 59 (коммент.)

Как по синему морю плывут корабли. На кораблях два полка солдат. Молодые те солдаты Богу молятся. Все домой просят: «Молодой ты офицер, отпусти нас домой к отцу, матери родной, к жене молодой, к малым деточкам». — «Не желаю отпустить, нужно службу служить».

(Вар.: **Ты не стой-ко, ребина, на крутой горе**; см. коммент. к № 59.)

Солдатская песня о тяготах военной службы.

Колпакова карт. 2. 453 Как по морю, морю, морю синему.

Плывут три корабля: один везет императора, второй — князей-бояр, третий солдат, они подплывают к берегу, спускают сходни.

Киреевский 1917, 1929. № 2516.

Как пошёл наш Олександрушко ко царю службу служить. 46

Как пошёл наш Олександрушко ко царю службу служить. Посулился к Рождеству домой прибыть. Все празднички проходят, Александра дома нет. Его жена молодая день горюет, ночь не спит. Маменька родная сомневается о нём: «Выйду я на башню, посмотрю я в ту сторонку, где мой Оленька живёт». Как из той дальней сторонки молодой солдат бежит, от Олександра весть несет. «Скидывай ало платьё, черной фартук надевай, помер Александр, во дорожке жизнь скончал».

Близкие вар.: Никольские песни. № 12 (Отправлялся Александрик да свою армию смотреть).

Сюжет песни на известный мотив солдатских песен — гибель молодца на чужбине.

Как со вечера да седока езда. 43

Как со вечера да седока езда. Со двора съезжал, домой приезжал, с коня слезал, к столбу привязал, на крыльцо ступал, за колечко брал. «Жена, встретить меня, мужа родного, благородного». — «Ты зачем убил брата родного?» — «То не я убил, — тучка грозная, ночь осенняя...»

Возможно, контаминированная версия сюжета «возвращение мужа (любовника) домой» и баллады о смерти любовника вместо старого мужа от грозовой тучи. Ср.: **Полюбил молодец молодку** (№№ 23, 23а).

Как со вечера рябинушку дождиком мочило

см.: **Со вечера рябинушку дождиком мочило**

Калинушка с малинушкой, лазоревый цвет. 19—19г

Калинушка (ой да) с мали... да с малинушкой, лазоревый цвет. Невеселая наша беседа, где мой милой пьет. За мною посылал, сама замешкалась, пошла за вольною птичкой журавочкой. Она по бережку спохаживает, траву шелковую пощипывает, воды спохлёбывает, за речушку споглядывает. Там стоит слободушка немалая — всего четыре двора. Там четыре кумы. Вы любите меня, пойдете в зелёный сад гулять, будете цветки рвать, венки плести, в воду спускать — спустите веночек мой. Один мой утонул, мой милой не пришел. Меня, бедную девчоночку, оставил плакать-горевать.

Версия с другим зачином: **Хорошенькая, ой, да настоечка** (№ 19а).

Близкие вар.: Собр. Т. 1. №№ 262—268; Песни Пинежья. № 43; Песни Мезени. № 43; Песни Карельского края. № 109; Леонтьев. № 169; Фольклор Новгородской обл. № 52; Песни Заонежья. № 25, 26; Песни Печоры. № 51; ТКУЦ (ЛП). № 51 (Ой, ты не сдуй-ко, погодушка, с калинушки цвет).

Лирическая песня любовного цикла («тоска девушки по милому», «ожидание встречи»).

Когда б имел златые горы. 66

Когда б имел златые горы и реки, полные вина. Всё отдал бы за ласки взоры. И ты владела мной одна (...)

Поздний городской романс литературного происхождения, застольная песня.

Когда-то и где-то жил царь молодой. 70

Когда-то и где-то жил царь молодой. Имел он двух дочек, не равных собой. Старшая девица смуглянкой росла. Меньшая девица как роза цвела (...)

Публ.: Баллады / Сост., подгот. текста, коммент. Б. П. Кирдана. М., 2001. № 256. (Библиотека русского фольклора; Т. 6).

Баллада на тему «сестра погубила сестру», книжного происхождения, была популярна в школах, ее разыгрывали на переменах наряду с игровыми песнями «Просо», «Лен» (записала А. М. Новикова в первой пол. XX в. в Тульской обл. от девочки 15 лет, приехавшей из города — См. Проблемы изучения русского устного народного творчества: Сб. научных трудов. М., 1975. Вып. 1. С. 53).

Кого нет, того больно стало жаль. 32—32к

Кого-то нету-тко, больно стало жаль. Уезжает милой вдаль, оставляет одни ласковы слова. Оставил с ручки перстень золотой. День на рученьке кольцо носила, к ночи в зголовье клала. По утру ранешенько вставала, заливалась слезьми.

Продолжение текста со строки: Ой, да пуховые мои подушечки утонули во слезах, соболиное одеяло не согрело мою грудь без милого дружка. Кабы было воску ярого — крылья бы слила, полетела бы к дружку вдаль, выше Питера-Москвы, попался на встречу милой мой, поздоровался со мной (№№ 32б, 32в).

Начало перепутано: **Сватает у неё златы кольца да на руках** (№ 32ж).

Близкие вар.: Якушкин. С. 105; Соб. Т. 5. №№ 515, 585; Васнецов. № 89; Леонтьев. № 162; Песни Томского Приобья. №№ 21, 22; ТКУЦ (ЛП). № 86.

Публ.: РФВ. 1887. С. 266.

Лирическая песня любовного цикла (отъезд милого); поздняя.

Колпакова карт. 3.220 (*быт и любовь девушки, девичья любовная тоска*) Отъезжает душечка-соколик.

Молодец уезжает, оставляет девушке перстень; она плачет над ним ночью, утром мечтает улететь пташкой к милому; хочет рассказать ему о своей тоске.

Ермаченко. С. 109, № 137. Кого-то нет, того жаль.

Зырянов. № 26. Отъезжает душечка-соколик.

Колпакова карт. 4.431 (разлука из-за отъезда молодца) Кого нету, того больно жаль.

Милый друг уезжает и оставляет девушке на память перстень; она кладет его ночью под подушку, днем плачет по милому, мечтает о крыльях, чтобы слетать к нему.

Васнецов. С. 68, № 89. Кого нету, того жаль.

Соб. Т. 5. № 515. Куды ж ты, милой, отъезжаешь; № 581. Кого-то нет, кого-то жаль.

Песни Пинежья. № 88. Ой, кого нету, того мне жаль; № 133. Кого нету, того мне жаль.

Песни Калужской обл. С. 28. Кого нету, того больно жаль, жаль.

Песни Печоры. № 14. Кого-то нету, того больно жаль.

Колпакова ИРЛИ. № 358. Кого нету, того мне жаль.

Кольцо души-девицы я в море уронил. 76

Кольцо души-девицы я в море уронил. И с ним счастье земное погубил. Мне дав его, сказала: «Носи да не теряй. Пока носишь колечко, меня своей считай» <...>

Литер. источник: стихотворение В. А. Жуковского «Кольцо души-девицы...».

Красива я девушкой была. 6, 6а

Красива я девушкой была. Прилучай дружка ко белому лицу, к чёрным бровям. Развесёлые мои глаза, кудёрьшки до самого до конца. (В) солдаты ведут молодца. Во солдатах житьё было не мудро, сухарь да вода — вся солдатская еда. Я у тятеньки, у мамушки одна дочь была, двадцать три я годика жила, три я горя нажила. Первое горе — вышла в замуж шибко молодца. Второе — пришла в семью, в семью нелюба. Третьё — удаля его голова. Не держится муж не дому, не жены. Держится чужой дальней стороны. Как своя жена — полынь горькая трава, во болоте стояла при осоке.

Явно контаминированный сюжет из мотивов рекрутской песни (молдца забирают на солдатскую службу) и любовно-бытовой лирики (молдица несчастна в замужестве). На ту же мелодию распет другой сюжет (ср. **Красивая девушка во садике гуляла**, № 21в)

Красивая девушка во садике гуляла. 21—21в

Красивая де... девушка во садике гуляла. Черемушку брала. Ни с кем не стояла, только стояла с милым дружком. Речи говорила: «Куда поедешь, возьми девушку с собой, назови сестрой родной». — «Да есть у меня жена угрюмая, сестра упрямая. Брошу жену в крапивишку жигучу, в щипицу колючу, в сыру мать-землю».

Версия: **Красивая девушка во садике гуляла** (№ 21б), во зелёненьком черёмушку брала. Немножечко набрала, ни с кем не стояла, стояла с одним милым дружком. Речь говорила: «Пойдешь, возьми меня с собой, назови сестрой». — «Нет у меня ни брата, ни сестры, есть у меня угрюмая жена, я жену во зарушку заручу, из зарушки в щипицу колючу, из щипи-чущки на Волгу на реку». Она тонет и не тонет, ко бережку не несёт.

Близкие вар.: Студитский. С. 25 («хороводная»). Во саду ли, в огороде девушка гуляла.

Любовная лирика (лирическая баллада) на сюжет «любовь девушки к женатому» с обещанием любовника избавиться от жены. На ту же мелодию распет сюжет **Красива я девушкой была** (ср. № 21в).

Красна девка Катерина

См. **Горе-горькая кукушка поутру рано летала** (версия 8д).

Кусточки лавровые на болоте шумят. 18, 18а

Кусточки-ти, эх да, лавро... ой, лавровые, на болоте шумят. Не шумите на маленькой часок. За речушкой барабанщики бьют: не мою ли душу-забавницу к венчанью везут? «Ты останься хоть на час!» — «Я радёшенька остаться, лошадки не стоят, извозчички не могут их сдержать». — «Милая душа, ты одной рукой махни». — «Рада бы, да рука в его руке».

Ср.: **Недозрелая калинушка** (№ 31).

Л

Летавши с-по воле, орёл молодой. 39

Летавши с-по воле, орёл молодой. Нашедши добычу, сам в клетку попал. Сидит за решеткой, кровавую пищу клюет и кидает, сам смотрит в окно. К нему прилетает товарищ его. «Давай полетим». — «Лети, мой товарищ, а я за тобой, за темные грязи, за темны леса, где солнце не светит, луна никогда. Там ходит красotka, гуляет с донским казаком. Казачка не плачет, казак не грустит, — других в гости ждет».

Публ.: Песни и романсы. № 8; Никольские песни. № 35.

Тюремная песня литературного происхождения на мотивы стихотворения А. С. Пушкина «Узник» (1822).

Летела пава через три поля. 14—14е

(Ой) летела пава через три поля. Обронила пава сизо пёрышко. Мне не жаль сиза крыла, не жаль матери-отца, жалко молодца. Во солдатушки ушёл на три годика, прослужил и пошёл домой. В перво полюшко зашёл — призадумался. Во второе зашёл — призаплакался. В третье зашёл — мама встретила, хорошо ответила: «Твоя жена за гульбой пошла». Женка встретила да мне ответила. Муж ни слова не сказал, распрогневался, вынул саблю, снял головушку жены. «Моя жена, прощай, безвинная. Мать — разлучница».

Версия сюжета: (...) он со службы идет, сестра встретила посреди села, мать встретила среди двора, сыну нажалилась: «Твоя жена весь дом распродала, коней твоих на торг увела, соколов твоих всех повыпустила, меды твои все повыпила». Рассердился он, схватил сабельку, снес жене буйну голову, покатила голова по широкому двору коню под ногу. Зашел в конюшенку — кони стоят, в соколенку — соколы сидят, подчищаются, меды стоят не починены. В новых сенях люлька висит, в ней дитя кричит. «У тебя, мое дитя, нету матери. У меня, у молодца, — молодой жены. Меня, молодца, в острог уведут, тебя, мое дитя, в приют отдадут. Не мать ты мне, — змея подколодная».

Версия зачина: **(Уж) ты сад ли, ты мой сад, сад зелененькой** (№№ 14в—14д).

Версия зачина: **Молодой молодец на службе служил** (№ 14е). Среди поля мать встретила: «Твой дом жена весь скастила, вороных коней продала, сабли друзьям раздала, соболей в саду распустила».

Распространенный балладный сюжет «муж губит жену по навету своей матери». Ср. также: **Ехали солдаты со службы домой**.

Совсем другой сюжет с упоминанием такого яркого образа «летела пава» представляют тексты рекрутской песни с зачином «Как летела пава» на Смоленщине (*Богданов В. В.* Этнография в истории моей жизни. М., 1989. С. 133); ср.: «Сизенькой голубчик сидел на дубочку» (ТКУЦ (ЛП). № 108).

Колпакова карт. 2.712 Летела пава через три двора.

Солдат возвращается после службы домой; мать оговаривает его жену; он рубит ей голову, а затем узнает, что был обманут матерью, «змеей подколодною».

Киреевский 1917, 1929. № 2008. Летит пава, она ронит перья; № 2042. Летела пава через три двора; № 2190. Отдали молодца в солдаты.

Якушкин. С. 114. Летела пава через три двора.

Соб. Т. 1. № 70. Летела пава через улицу; № 71. Один был сын у отца, матери; № 72. Был у батюшки, у матушки один сын; № 73. Летела пава через три двора; № 74. Что не лютое коренье, то крапивное; № 75. Как ходил, гулял добрый молодец.

Резанов. Ч. 2. С. 11, № 7. Один же сын был у матушки.

Лаговский. С. 71, № 190. Уж как злое-то коренье.

Акимова. С. 98, № 50. Служил год, служил два.

Ср.: **Колпакова карт. 4.519** (*лирические песни любовно-тематического цикла. Разлука из-за призыва молодца в солдаты*) А ты что же, алый цвет, рассыпаешься.

Молодец собирается в поход и прощается со всеми, кроме девушки, которая любит его; она упрекает его, провожает его до моря; через море летит пава, она роняет перо; девушке не жаль пера, жаль молодца.

Колпакова ИРЛИ. № 792. Там летела пава через три моря; № 793. А ты что же, алый цвет, рассыпаешься.

Лучше бы я девушкой у батюшки жила. 52

Лучше бы я девушкой у батюшки жила, с утра день до вечера улушку мела. К батюшке пошла, разжалобилася, матушке расплакалася. Скука мне разлука — чужая сторона, без ветру шумит; лютая свекровушка без жалости бранит...

Близкие вар.: Соколовы. №№ 436, 437; Песни Пинежья. № 87; Абрамский. № 30; Леонтьев. № 199; Песни Печоры. № 32; ТКУЦ (ЛП). №№ 88, 89.

Лирическая песня семейно-бытового характера (жизнь молодухи в чужой семье), поздняя, тяготеет к игровому циклу. Н. П. Колпакова считала песню «сравнительно новой», созданной в конце XIX в. (Песни Печоры. С. 393).

М

Маленький мальчишка в горенке сидел, своё горе терпел. 22

Маленькой мальчищецько в горенке сидел, своё горё терпел, сушил-крушил серденько, знаю, для кого, — для любезной Сашы своей. Где моя любезная — далеко она живёт, меж горами высокими, меж ручьями глубокими. Там место приятное, там привольный дух несёт. Там душа Аннушка живёт. Скажи, Аннушка, любишь али нет? Если любишь, то скажи — возьму за себя.

Лирическая песня любовного цикла (тоска молодца по возлюбленной).

Колпакова карт. 3.438 (*быт и любовь молодца, молодец влюблен*).

Ах, жил я, молодец, во своей деревне.

Деревня зарастает долами, горами, девушка носит воду; парень вздыхает по ней, упрекает, что она его высушила; мать спрашивает сына о причине его печали; он рассказывает ей о своей любви.

Чулков. Ч. 3. № 106. Ах, жил я, молодец, во своей деревне.

Трутовский. № 50. Ах, жил я, молодец, во своей деревне.

Львов, Прач. № 84. Ах, жил я, молодец, во своей деревне.
Соб. Т. 5. №№ 125, 126. Ах, жил я, молодец, во своей деревне.

Малолетняя да девчонка за гульбой рано пошла. 33, 33а

Малолетняя да девчѣнка, ой, за гульбой рано пошла. Заблудился миленькой в роще, попросился ночевать. «Ты ночуй, любезной». — «Рад бы остаться, боюсь до свету проспаться». Разбужу дружка пораньше, провожу. Я до тех мест провожала, где скончалася любовь. Слезно плакала о нём. Со слѣз речка (Казанка — №№ 106, 10в) протекла. Как за эту за речушку перевоза нет. На той сторонке один лёгонькой стружок.

Версия (контаминация): **Я не верила, девка, подружкам** <...> (концовка: на той на сторонке перевозчик, парень молодой. На краю реки девка стояла, пала белой грудью на воду. Говорила: «От тебя, злодей, тону». — «Не потонешь, красна девка, лебедь белая моя, а потонешь — я другую полюблю. Только тем она получше, телом белым понежнее» (№ 10в).

Близкие вар.: Фольклор Сухоны. №№ 232, 233 (Малолетняя Дуняша).
Ср. то же: **Я вечор дружка милого унимала ночевать** (№ 10).

Мамка, светик дорогой, долго ходила со мной. 55

Мамка, светик дорогой, да долго ходила со мной. Меня несчастну родила, рано замуж отдала далёко на чужую сторону. Сулилась часто в гости ходить, подолгу гостить. Первое, второе лето нет мамушки. На третье — идет. Середь поля встретила. «Где твое белое лицо, алы румяна?» — «Поутру рано будят, посылают за водой, щиплет руки от ведерка, от дуги, болят ноги от угоров от крутых».

Ср.: **Отдала меня мамушка взамуж далеко** (№ 54); **Черная черёмушка не вовремя расцвела** (№ 56).

Мамушка родимая, зачем на горе родила. 53

Мамушка родимая, зачем на горе родила. Тонким голосом скукую, подсушу весь темный лес. Вся слезами обольюся, потоплю зелёный сад. Свернусь серой кукушкой, полечу к маме назад. Сяду на высокое крыльцо, стукну-брякну во кольцо. Мама вышла на крылечко, отдала из рук письмо. Стала маменька читати, начала меня ругать: полетай к мужу назад, приголубься, назови милым дружком. Три я годика летала, себе места не нашла, тебя лучше не нашла.

Публ.: Соб. Т. 3. №№ 24, 25 (На что ж меня матушка на горе родила).
Ср. **Горе-горькае да кукушка, вот кукушка** (№ 8).

Между речками, между быстрыми. 15, 15а

Между ричками, ох, да между быстрыми, На крутой горе <...> *хорош город распростроился*, лучше Питера, Киева, Москвы (в др. вар. добавлено «Вологды»). То не пыль в поле запыляется, не туман в море подымается — Ярослав-город загорается. Одна лавочка оставаеця, и та загораетя. Есть во лавочке молодой купец, он кричал своим товарищам: «Не оставьте молодца при бедности. Отнимите мою лавочку с дорогими товарами, с кумачами шито-браными, с алыми лентами. Перва ленточка стоит сто

рублей, втора ленточка стоит тысячу, третьей ленточке цены нет. Первая ленточка родной мамушки, втора — сестрицы, третья — молодой жены-барыни» (иногда вместо жены упоминается любовница).

Близкие вар.: Песни Мезени. №№ 40, 41; Абрамский. № 39; Песни Печоры. №№ 20, 162, 172; Песни Пинежья. № 64; Иваницкий. № 578 (Что не пыль-то во поле запыляется).

Историческая песня о пожаре в городе Ярославле. Фольклорные записи, сделанные на разных территориях (кроме Вологодской обл.), не имеют прямых аналогий между собой, но восходят, очевидно, к письменному тексту, сочиненному в Ярославле в купеческо-мещанской среде по случаю одного из больших пожаров города. Встречается только на Севере. Позднее сюжет был контаминирован с известным разбойничьим сюжетом: «девушка в лодке с разбойниками».

Мой-от миленькой дружок. 90

Мой-от миленькой дружок далеко живет за рекой. Поглядела бы, что он делает. Судно делает, весла стружёт, стружки в клад кладет. У милого денег много — на работу нанимает. Вы, братцы, поплывите под новый город, под деревню Токарево. Она лучше города. В этом городе что дорого? Девки дешевы, парни дороги. За Костю дают сто рублей, за Василья — девятьсот, за Левушку — целую тысячу. За всех ребят — сметы нет.

Возможно, единичная запись лирической песни местного сочинения, связанной с конкретной исторической ситуацией — возвышением торгово-ремесленного центра д. Токарево под Нижним Новгородом. Состоит из типичных игровых мотивов и конкретных фактов из жизни реального персонажа. Первая строка — явная стилизация пасторальной поэзии XVIII в.

Млад солóвьешко, ты наш батюшка. 17д

См. версия: **Что вы девушки, что вы красные. 17**

Молодой молодец на службе служил. 14е

См. версия: **Летела пава через три поля. 14**

Н

На горе стоит дуб, под горой береза. 61, 61а

На горе стоит дуб, под горой береза. Между дубом и березой протекала речка, глубокая — вода холодная. Не смей воду пить, не смей почерпнуть. Мне не смей жену бить, не смей поучить. Уж я бил жену часок, сам плакал денек. Как во городе Казани били барабаны, читали указы: кому идти в солдаты, кому в гренадеры. Моему мужу-каналье не быть в солдатах, не быть в гренадерах. Ты пойдешь, муж, в кабак, а я за тобою. Ты пропнешь один грош, а я три копейки.

Близкие вар.: Гуляев. С. 95 («круговая»; Сибирь); Гуляев С. И. О сибирских круговых песнях // Отечественные записки. 1839. Т. 3. Смесь. С. 64, № 9.

Сюжет контаминирует мотивы семейно-бытовой лирики и рекрутской песни, соотношение которых не вполне мотивировано. Ср. также с игровой песней III, №№ 53а, 53б.

На чужой-то на сторонке. 89

На чужой-то на сторонке жить не весело, любить некого. Из молоденьких ребят выбрать некого. Чужая сторона без ветру высушит, без мороза сердце вызнобит. Чужие отец-мать без вины бранят, братец, сестрица работать велят: «Ты работай, не постаивай, на родимую сторонку не поглядывай». — «Как не поглядывать, на родной стороне три зазнобушки. Первая — отец с матерью, вторая — брат с сестрой, третья — любезный друг. Я батюшке, матушке винца возьму, брату, сестрице пива наварю, милому — сладкой водочки. За отцом, матерью послов пошлю, за братом, сестрой — коней, за милым сама схожу. Возьму за белы руки, в терем отведу, посажу на красный стул за дубовый стол. Скажу: кушай, милый мой».

Лирическая песня семейно-бытовой тематики (классический образец «женской лирики») — о нелегкой жизни женщины в чужой семье.

Над серебряной рекой, на желтом песочке. 41, 41а

Над серебряной рекой, на том желтом песочке я ли девы молодой там искал следочки. Следков не нашел. Во приятной тишине колокол раздался. Вижу — милая моя в воду с камнем пала. Сел на борзого коня, конь летит стрелой. Против церкви на пути конь остановился. В церкви двери отворил, вижу: милую мою водят вокруг налою. Вижу, милая моя на меня взглянула. Стал я на колени, горько заплакал: подай вам Господь долю золотую! Я, мальчонка молодой, найду себе другую, едрёную, баскую.

Близкие вар.: Никольские песни. № 9 (На серебряной реке, на златом песочке).

Поздняя устная переделка популярного романса на слова Федора Глинки (1786—1880) «Завейные следы» (1826), распространенного повсеместно.

Колпакова карт. 4.292 (*измена, девушка изменяет молодцу*). Над серебряной рекой.

Молодец ищет у реки на песке знакомых следов своей любимой; не находит их; скачет верхом на звон колокола; в церкви видит любимую девушку под венцом с другим.

Соколовы. С. 502, № 682.

Песни Печоры. № 48. Над серебряной рекой.

Колпакова ИРЛИ. № 3089. На серебряной луне; №№ 3090—3092, 3094—3097, 3100. Над серебряной рекой; № 3093. За серебряной рекой; № 3098. На серебряных волнах; № 3099. Солнце скрылось из глаз.

Не бела зоря занималася, не ясён сокол со гнезда слетал. 16, 16а

Не бела зоря занималася, не ясён сокол со гнезда слетал, мой миленькой со двора съезжал. Ты со мной с одной не прощаешься — верно, злых людей опасешься. Мне куда с горя деваться? Во темных лесах заблудатися. Во темных лесах, там темнёшенько, в зеленых лужках зеле-

нёшенько, там растёт трава шёлкова, там цветут цветы лазоревы. Я нарву цветов, сплету венки дружку на головушку. Носи, не сранивай, ты люби меня, не обманывай.

Публ.: Никольские песни. № 23.

2-я версия: **Прошла молодость моя да прошла-прокатилася** (№№ 166—167).

Прошла молодость моя, прошла-прокатилася, старость навалилася. Поймаю я коня ворона, полечу выше ясна сокола да сиза голубя, догоню свою молодость, не догнать свою молодость. ⟨...⟩ назад не воротилася. Пойду с горя во темны леса, там темнёшенько, во лугах зеленёшенько. Сорву цветок, соплету венки на головушку. Носи, миленькой, венки, не сранивай. Люби девушку, не обманывай. Как веночек спал, так он девушку любить не стал.

Лирическая песня любовной тематики (тоска девушки по милому). Две версии с разными зачинами и концовкой.

Колпакова карт. 3.227 (*быт и любовь девушки, девичья любовная тоска*) Печаль-то, горе, горе великое.

Девушка с любовного горя идет в лес, рвет цветы, вьет дружку венки; просит носить его и любить ее.

Пальчиков. № 65. Ты прости-прощай, весь вольный свет.

Ефименко. С. 54, № 18. Я мала была, да горя не было; С. 115, № 8. Я куда с горя деваюсь.

Соб. Т. 5. № 24. Печаль-то, горе, горе великое; № 25. А я куда с горя деваюсь; № 26. Я мала была, да горя не было; № 27. Мне куда с горя деваться; № 28. Куда идти, печаль нести; № 29. Ты прости-прощай, весь вольный свет; № 30. Как в лесе под кустиком.

Колпакова карт. 3.323 (*быт и любовь молодца, красота молодца*) Не бела-то заря, зорюшка занималася.

У летящего сокола растрепаны перья; у молодца выются кудри, привлекая девушек.

Якушкин. С. 154. Не бела-то заря, зорюшка занималася.

Не вздыхай-ка, душа Маша. 62

Не вздыхай-ко, душа Маша, ой, не вздыхай-ко тяжело, если парня жалко, живи с ним заодно. Мать разлучила меня с парнем. Я с той большой печали во сыру землю ушла, схороните мое тело между трех дорог, во Ивановской садок, пусть миленькой гуляет на могилке моей.

Близкие вар.: «Соловеюшко, парень молодой» (№ 30), «Росла в поле травка» (№ 28), «Отлетает мой соколик» (№ 7); свадебная «Ты не плачь-ка, душа Маша» (см. *Гусарова Т. В.* Свадебные обычаи села Сатис Дивеевского района (первая четверть XX века) // Открытый текст: Электронное периодическое издание. Электр. ресурс. Режим доступа: <http://opentextnn.ru/man/?id=2606>).

Лирическая песня с включением мотивов мещанского «жестокое романса» (смерть девушки от несчастной любви).

Не влюбляйся в черный глаз. 72

Не влюбляйся в черный глаз, черный глаз — опасный. А влюбляйся в голубой, голубой — прекрасный ⟨...⟩

Стилизация «цыганского» романа «Не влюбляйся в черный глаз, / Черный глаз — опасный, / А влюбляйся в голубой, / Голубой — прекрасный».

Не осенний мелкий дождичек. 75

Не осенний мелкий дождичек брызжет сквозь туман. Слезы горькие льет молодец на свой бархатный кафтан (...)

Песня книжного происхождения.

Не тошно (скучно) ли тому, кто по девкам ходит. 23в

(Ой), не тошно ли тому, хто по девкам ходит. Полюбил молодец молодку, он заботушки печали получает, вокруг любезного двора всю ночь гуляет, попрекает: «Ты спишь или не спишь? Выйди на крылечко». — «Уж я рада бы, да мой постылой муж на правой на ручке — каменная голова, он дышит, как старая корова. Я пойду, молода, Богу я помолюся» (...).

Версии зачина: **Полюбил молодец молодку** (№№ 23, 23а, 23г); **Растощёненько-тошно** (№ 23б); **Не скучно ли тому, кто кого полюбит?** (№ 23д).

Близкие вар.: Соб. Т. 3. № 116; Иваницкий. № 109 (Не скучно ли тому); ТКУЦ (ЛП). № 52 (А тот скучной мужик, кто девушочку любит).

Лирическая песня любовного цикла (любовный треугольник: молодая жена, старый муж и молодой любовник).

Недозрелая калинушка, её нельзя заломать. 31—31в

(Ох), недозрелая да калинушка, ее нельзя заломать. Недорослая красная девушка, ее нельзя замуж взять. Не дозреть калинушке, скоро осень подойдет, листочек опадет. На мою расхорошую печаль-горе нападет. Про одно горюшко не сказано, другое горе — милый плакать не велит. «Ты наплачешься, когда не будет меня. В солдатчики возьмут, а тебя замуж отдадут. Меня в солдаты — на пять лет, а тебя замуж — на весь век». По калинову мосточку кареты стучат, желанную к золоту венцу тащат. «Ты поедешь взад, хоть маленечко постой». — «Рада я, мои кони не стоят». — «Ноженькой качни». — «С ноги башмачок слетит». — «Рученькой махни». — «С руки перстеньки слетят». — «Хоть платочком махни». — «В руках платочка нет». — «Хоть на подклети помяни». — «Тогда воля не моя». — «Будь ты проклята».

Близкие вар.: Песни Пинежья. № 1 (Загулял детинушка, заломал калинушку); Фольклорный ансамбль Ворошнино и Мякинницыно. № 5 (Недозрелая калинушка).

Публ.: Соколовы. С. 458—459; Фольклорный ансамбль Ворошнино и Мякинницыно. № 5.

Сюжет встречается повсеместно, на Виледи — в большом количестве вариантов. Версия этого сюжета в Ленском районе — **Кусточки лавровые на болоте шумят** (№ 18).

Ночи тёмные, осенние. 87

Ночи тёмные, осенние надоели нам, прискучили, с любезным разлучили. Всю я ночь думу продумала. Одна дума с ума нейдет: далеко милый

за Невой-рекой, за крутой горой. Проторил милый дорожку широкою, пустил худую славу про меня, девушку. Я сама глупо сделала: своего дружка прогневала, назвала непорядочным, горькой пьяницей.

Ближких вар. нет.

Лирическая песня любовной тематики (тоска девушки по милому дружку). В записи Иваницкого явно реконструирована; возможно, стилизация.

О

Отдала меня мамушка замуж далеко. 54

Да отдала меня мамушка взамуж далеко, хотела часто в гости ходить, гостинцы носить. Я годок прожила, второй скоротала, она не бывала. На третий год я вышла на высоко крылечко. «Сокол, дай мне правильца, сера кукушечка — крылья». Полечу я к мамушке в гости сама, прилетела я, села на сутно окошко. Мамушка свадебку собирает, всех дочерей поминает. Меня, кукушку, на окошке забывает. Старший братец с полатей слезает, ружьё заряжает, кукушку на окошке ладит убить. Я три раза скуковала, тут моя мамушка сказала: «Не моя ли кукушка прилетала?»

Ближкие вар.: Якушкин. С. 588; Римский-Корсаков. № 24.

Лирическая песня семейно-бытового характера (о женской доле в чужой семье), имеет черты балладного развития сюжетного повествования.

Ср. **Чёрная черёмушка да не во времё росцвела** (№ 56).

Ср. **Мамка, светик дорогой, да долго ходила со мной** (№ 55).

Отец с матерью жили весело. 67

Отец с матерью жили весело, помешала им злая судьба, над сироткою надсмеялася: мать в сырую могилу ушла. <...>

Поздняя «дворовая» песня книжного происхождения, автор неизвестен.

Отлетает мой соколик. 7—7е

Отлетает мой да соко... ой, мой-то соколик из очей моих, из глаз. Уезжает мой любезный жить во дальний городок. Я немало слез ронила по голубчике своем. Злы соседи про нас судят, не велят Сашу любить (№ 7). (Продолжение в №№ 7а, 7в—7д:) Велят бросить Сашу. Я тогда забуду, когда скроются глаза. (Продолжение в №№ 7б, 7е:) Я ее тогда забуду, когда на свете не буду жить. Скроют мои глаза тонким белым полотном, призасыплют очи ясны желтым мелким песком. Зарастай, моя могила, травой-муравой, мелкой рощицей. На эту могилу серый камень приваляю. Кумушки-подружки, не живите, как я жила. Не любите никого, кроме дружка своего Иванушка.

Ближкие вар.: ТКУЦ (ЛП). № 109; Песни, собранные в г. Зубцове // Памятная книжка Тверской губернии на 1861 год. Тверь, 1861. № 6 (Отлетает мой соколик).

Ср. начало: **Поезжает мой любезный** (№ 86); **Кого нет, того больно стало жаль** (№ 32).

Лирическая песня любовного характера (тоска девушки в связи с отъездом милого).

Отходили мои ножки по этой дороженьке. 27—27б

Отходили мои ножки по этой дороженьке. Отглядели мои глазки на эти окошечка. У окошечка лежала приметочка, сухота моя. Сердечушко ретивое, иссушил да искрушил злой мальчишка девушку. Лет семнадцати девчонка разумом глупёшенька, молодёшенька, буйная головка не гладко причёсана, русая коса мелко заплетенная, в косе ленточка алая, девка бравая.

Вар. зачина: **Эх, отходил да отгулял да по этой дороженьке** (№ 27а).

Вар. зачина: **Ходили мои ножки да по этой дорожен(и)ке** (№ 27б).

Лирическая песня любовного характера (неразделенная любовь девушки к парню), состоит из традиционных формульных тем.

Колпакова карт. 3.196 (*быт и любовь девушки, девичья любовная тоска*). Лет семнадцати была.

Девушка изливает свою тоску без милого, вспоминает об их первом знакомстве, дожидается его прихода.

Колпакова ИРЛИ. № 1606. Лет семнадцати была.

II

Первое горе — муж Григорий. 2—2д

Первоё го... ой, горё — муж Григорий. Второе горе — муж Иван. Третье горе — Петрован... Надо бы распроедать: где милая живёт. Там привольно разливалась речка. Куплю я лодочку, перееду за реку, там выстрою новый терем высокий с колодным окном, с прекрасным крыльцом. На крыльце стоят бабы, малые ребята, старики. «Вы прощайте, девки-бабы, нам теперь не до вас, во солдаты везут нас из деревни из большой. С горя ноженьки не носят, глаза на свет не глядят».

Близкие вар.: ср. концовку: **Вы прощайте, девки-бабы** (№ 9), а также **Солнышко низко, вечер близко** (№ 37).

Лирическая песня с центральным мотивом рекрутского набора. Зачин песни явно не соотносится с дальнейшим развитием сюжета, но представляет собой общераспространенную шуточную приговорку, связанную с обыгрыванием имени Григорий, «Горе, горе — муж Григорий; хоть бы болван, да Иван!». Существоют «мужская» и «женская» версии.

Питер-Москву проезжает. 38

Питер-Москву проезжает да ко вдовушке заезжает. «Пусти, вдовка, ночевати». — «У меня дом не стоялый, а проезжалый». Гости в избу ворвались, один гость сел повыше. «Ты давно ли, вдовушка, вдовеешь?» —

«Я вдовею лет пятнадцать, а сиротею с годом двадцать». — «Подойди, вдова, поближе, сойми шапочку пухову, во шапочке есть платочек, в узелочке — перстенец». Стала вдовка детонек бужати: «К нам папашенька наехал».

Вар. зачина: **Как шли-прошли удалые молодцы** (№ 38а).

Бликие вар.: Соб. Т. 1. №№ 330—337; Песни Пинежья. № 58; Леонтьев. № 88; Фольклор Русского Устья. № 151; Ончуков. № 58; Песни Печоры. № 4; Балашов 1983. С. 271—272; ТКУЦ (ЛП). №№ 13, 14; Иваницкий. № 267 (Сними касочку медяную, в той касочке есть платочек); Киреевский 1917, 1929. № 2907.

Солдатская песня на тему «солдаты на постое у вдовы» (муж-солдат в гостях у жены), построенная «по образцу сюжетной песенной новеллы» (Песни Печоры. С. 388).

По нашему по Невскому проспекту. 13, 13а

(А ох, да) по нашему по Невскому да проспекту шли казаки молодые, за казаками солдаты, за солдатами рекруты молодые, за рекрутами шли маменьки родные, за матушками шли сестрицы, за сестрицами шли жены молодые. За женами шли Сашеньки милые. Они все горько плачут. Вы не плачьте, наши маменьки, не рыдайте, наши жены. Не смочить вам мать сыру землю слезами, не наполнить сине море. Во сыром бору кукушечка кукует, не ясен сокол с тепла гнезда слетает. Не отец его, не мать провожает. провожала красна девка Катерина-сиротина.

Вар. зачина: **Ещё шли-прошли да бурлаки молодые** (№ 13б); **Уж как шли-прошли казаки молодые** (№ 13в; Иваницкий. № 264).

В других традициях не обнаружена.

Рекрутская песня с распространенными мотивами проводов парня в армию.

Под окошечком Машенька сидела, любезнова дружка в гости ждёт. 47

Под окошечком Машенька сидела да любезнова-та дружка в гости ждет. Постельку рано постелила, сальную свечку загасила. По улице милой идет, в окошко не взглянет, все приметочки кладет. Приметы не простые, с обручения девушку берет. С обрученья девка песню запела: «Ты послушай, милой, возьми девушку замуж за себя».

Лирическая песня любовного характера (девушка в ожидании милого), состоит из типичных формульных тем (ожидание у окна, приготовила постель, загасила свечу, милый идет по улице и т. п.).

Поезжает мой любезный. 86

Поезжает мой любезный в иной, дальний городок, оставляет меня на несчастной стороне. Оставляет горевать, горько слезы проливать. Хотел прожить он десять лет, а не прожил и годочка, едет назад. Конь под ним вороной, седло черкасское, шуба два ста, шапочка пятьсот. Повстречался со мной, шапочку не снял, «здравствуй» не сказал. Смейся, друг любезный, над собой. Бог тебя накажет молодой женой, лютою змеей.

Ср. начало: **Отлетает мой соколик** (№№ 7—7е).

Лирическая песня любовного характера (тоска девушки в связи с отъездом милого и его изменой после возвращения).

Колтакова карт. 3.193 (*быт и любовь девушки, девичья любовная тоска*). Как поехал-то мой милой.

Милый покидает девушку на время; она жалуется ему: без него жила плохо, все было ей немило; соседи говорили, что он изменил ей.

Киреевский 1917, 1929. № 1853-а. Как поехал-то мой милой.

Колтакова карт. 4.622 (*Разлука-разрыв, конец любви*). Поезжает мой любезной.

Иваницкий. № 72.

Пойду, выйду на горушку, постою. 84

Пойду, выйду на горушку, постою. На родимую сторонушку погляжу. Не воротится ли милой назад, словечко сказать? Первое слово — про себя, второе — про подруженьку. «Отчего не женишься, на кого надеешься?» — «Надеюсь на денежки, женюсь на красной девушке».

Лирическая песня любовного характера (тоска девушки по поводу отлучки милого и отказ парня жениться).

Колтакова карт. 3.429 (*быт и любовь молодца*). Пойду, выйду на горушку, постою.

Девушка ждет дружка, заводит с ним разговор о женитьбе; он надеется на деньги, хочет жениться на красной девушке.

Иваницкий. № 130.

Поле чистое турецкое. 11

Поле чистое турецкое, мы когда тебя пройдем, прокатимся? Все бугры. дороженьки, места славны, прекрасные. Злые турки напивались, во хмелюшках похвалялись: «Графа Пашкевича во полон возьмем!» Граф Пашкевич слово вымолвил: «Вы колите, не робейте, за морями знают вас».

Публ.: Антология военной песни / Сост. В. Калугин. М., 2006. С. 310 (Уж ты поле мое, поле чистое); Балакирев. С. 72.

Историческая песня о русско-турецкой войне.

Колтакова карт. 2.600

Солдаты переходят поле, надеясь в конце его встретить врагов-турок и разбить их.

Магнитский. С. 64. № 70. Поле чистое турецкое.

Лаговский. С. 63, № 161. Уж ты поле мое, поле чистое; С. 64, № 164. Поле наше, поле.

Зайцев. С. 21, № 4. Мы сходились с неприятелем.

Китайник. С. 47, № 8. Поле наше чистое да турецкое.

Минц, Савушкина. С. 90, № 26а. Поле чистое турецкое.

Песни Ярославской обл. С. 261, № 51. Поле чистое турецкое.

Песни Поволжья. №№ 23, 24. Поле чистое турецкое.

Песни Печоры. № 136. Поле ты, поленько.

Песни Саратовского Поволжья. С. 156, № 28. Поле чистое, турецкое.

Полюбил молодец молодку. 23, 23а, 23г

Полюбил-жо да молодец, эх, да молодку. Он заботушки об ней немало получает. Много темных да ночей маленько усыпает. Он любезную

да свою Сашей называет. — «Уж ты спишь али да не спишь? Выйди на крыльечко». — «Уж я рада бы с тобой всю ночь говорити. Мой постылый старый муж на правой ручке тяжелешенек лежит, как глина да колода». Я пойду, молода, Богу я помолюся. Не пошлёт ли мне Господь тучу грозовую, не убьёт ли постылого мужа? Накатилась туча грозовая, убила сердечного дружка, сохранила постылого мужа.

Версия зачина: **Растошнёшенько-тошно** (№№ 23б).

Версия зачина: **Не скучно ли тому, кто кого полюбит** (№ 23д).

См. **Не тошно (скучно) ли тому, кто по девкам ходит** (№ 23в)

Близкие вар.: Соб. Т. 3. № 116; Иваницкий. № 109; ТКУЦ (ЛП). № 52 (А тот скучной мужик, кто девушек любит).

Лирическая песня любовного цикла (любовный треугольник: молодая жена, старый муж и молодой любовник).

Версия сюжета: **Как со вечера да седока езда** (№ 43).

Помешали мне комарики в лесу. 42

Помешали мне комарики в лесу, спать не дают. Я заснула, вижу милого во сне, будто мой милый во высок терем зашел, по горенке прошел, подушки раскидал, целовал-миловал.

Близкие вар.: ТКУЦ (ЛП). № 105; НТК Вологодской обл. Т. 1, ч. 1. № 240; Соколовы. № 534; Песни Пинежья. № 12 (Комарики, мои комары да комароцики). Ранний печатный вариант встречается в песеннике «Российская Эрата» 1792 г. Образец эротической псевдонародной лирики. Встречается в среднем поколении на Мезени и Печоре; Иваницкий. № 27; Песни Печоры. № 191; Леонтьев. № 141.

Лирическая песня любовного цикла («приход парня к девушке во сне»); поздняя; возможно, литературного происхождения.

Колтакова карт. 3.295—3.297. Разосённые комарочки да пискунки.

Девушка засыпает на заре и видит во сне милого; ей снится, что он стоит рядом и зовет гулять (варианты концовок различны).

Трутовский. № 47. Не спала я целу ноченьку млада.

Киреевский 1917, 1929. № 1486. Помешали комарики мне, младой, спати; № 1970. Во Сунгуровском лесу породились комары; № 1987. Комарики, сударики мои; № 2286. Вы комарики, комарики мои.

Студитский. С. 61, № 3. Вы комарики, комарики мои.

Якушкин. С. 206. Вы комарики, сударики мои.

Шейн 1900. С. 293, № 7. Уж ох вы мухи, комары.

Шишонко. С. 277. Ах вы комарики.

Истомин, Дютш. С. 183, № 22. Осенние злые комары.

Шейн 1898. № 686. Уж ох вы мухи, комары; № 1240. Вы комарики мои, мухи, комары.

Едемский. С. 481, № 1. Было по мосту, мосточку.

Соб. Т. 2. № 443. Вы комарики, сударики мои; № 444. Ах вы комарики; Т. 4. № 481. Не спала я целу ноченьку млада; № 491. Осенние комарочки.

Соколовы. С. 461, № 534. Комарочки, комары.

Бирюков. С. 133, № 12. Комары вы, комарики мои.

Песни Пинежья. № 12. Комарики мои, комары.

Песни Вологодской обл. С. 55. Комарочки, комары.

Кони́чев. С. 167. Осенние злые комары.
 Ми́нц, Са́вушкина. С. 165, № 137. Комарочки, комары.
 Ива́ницкий. № 27. Осенние комарочки.
 Песни Печоры. № 191. Разосённые комарочки да пискунки.
 Колпакова ИРЛИ. № 662. Не давали нам комарочки ночки спать;
 № 663. Комарочки, комары; № 664. Не комарички смешались в лесу;
 № 665. Вы комарики, комарики мои; № 666. Не дают нам комарочки
 ночки спать; № 667. Разосённые комарочки да пискунки.

Последний час разлуки с тобой, мой дорогой. 65

Последней час разлуки с тобой, мой дорогой, не вижу кроме скуки утешения никакой. Одна была утешения, в садочке гулела, искала те следочки (...)

Публ.: Песни Ленинградской обл. С. 139—140, № 186.

Пасторальный романс литературного происхождения. Народная обработка стихотворения «Молчите, струйки чисты...», авторство которого приписывается М. В. Ломоносову (1711—1765) на том основании, что он поместил отрывок из него в своей «Риторике» (1748). См.: Песни и романсы. №№ 102, 663.

Колпакова карт. 3.231 (быт и любовь девушки, девичья любовная тоска). Последний час разлуки.

Девушка нигде не находит облегчения от своей тоски; сидя под кустом, она беседует с голубками о любимом пастушке Сереже, которого называет своей отрадой.

Чулков. Ч. 1. № 61. Молчите, струйки чисты.

Киреевский 1917, 1929. № 1438. Вы, птички голосисты.

Соколовы. С. 475, № 591. Ходила я, гуляла в садочке зеленом; С. 499, № 675. Последний час разлуки.

Песни Пинежья. № 17. Последний час разлуки.

Колпакова ИРЛИ. № 750. Гуляла я в садочке, гуляла в зеленом.

Пошёл-то, пошёл милый во дороженьку. 78

Пошёл-то, пошёл милый во дороженьку, он запел с горя песенку: «Ты прощай и прости, моя милая. Лучше меня наживешь — позабудешь, хуже — вспомнешь».

Публ.: Ива́ницкий. № 64.

Близкие вар.: НТК Вологодской обл. Т. 1, ч. 1. № 182; ЖС. 1893. Вып. 4. С. 512 (Пошел же разудалый в путь-дороженьку; Ярославская губ., Пошехонский у.).

Известный лирический сюжет на мотив «Дороженьки» («мужская лирика»).

Приносила меня матушка. 85

Приносила меня матушка в июне месяце, в злосчастный час, качала меня матушка в злосчастную пятницу наотмашь левой рукой. Ты кукуй, кукушечка, поутру раненько, ввечеру поздненько, не передавай тоски на сердце, чтобы вдовушке было весело, чтобы весело с родной матушкой через поле слово молвити, через речку поздороваться.

Публ.: Ива́ницкий. № 230.

Близи́хих вар. не обнаружено.

Возможно, стилизация под народную песню с использованием известных сюжетных мотивов традиционной лирики.

Протекала там речонка, речка быстрая. 60

Протекала там ричонка ле, речка быстрая, неразумная девушка была. Не слушалась ни матушки, ни отца. Полюбила парня бравого, брала за рученьку, вела во горенку, стлала постелюшку, простынюшку белую тонкую, клала в изголовьице мягко высоко. Сама лягу на тесовую новую кровать. Позабыла соловьюшку и дружку наказать: «Ты не пой, соловьюшко, поутру рано, не буди меня, я, девушка, годами молода».

Очевидно, версия сюжета: **Распечальное моё дивьё сердце ноет, занываёт** (№№ 26, 26а) с другим зачином. Ср. также: **Соловюшко, парень молодой, ты не пой ранёшенько весной** (№№ 30, 30а). Встречаются разные лирические композиции из подобных формульных тем в других местных традициях.

Лирическая песня любовного характера («женская лирика»).

Прошла молодость моя

да прошла-прокатилася. 16б, 16в, 16г

см. **Не бела зоря занималася**

Р

Размолоденькие вы молодчики, вы друзья мои. 3—3г

Размолоденькие да вы молодчики, вы друзья да мои, ваши ко сердцу слова без огня мое сердечко разожгли. Разнеслись мои мысли вдоль по чистым полям, там стоит горенка нова, три колодные окна, там сидит девушка одна, чесала голову в три гребня, вплетала алу ленту в три рубля, смотрела в дальнюю сторону, бранила ее, что разлучила с родной маменькой и отцом, братом и сестрой, милым дружкой.

Ср.: **Год такой, что за год такой** (№ 51).

Представляет собой свободную композицию из известных формульных тем, распространена повсеместно.

Близкие вар.: Магнитский. С. 20 (Вы молодчики мои размолоденькие; «обыденная»).

Лирическая песня любовного характера («женская лирика»).

Колпакова карт. 4.414 (*разлука из-за отъезда молодца*). Все бы, все бы я под окошечком сидел.

Молодец не устает любоваться любимой девушкой; он глядит на нее «в запас», так как ему надо уезжать на чужбину; он бранит чужую сторону.

Студитский. С. 149 (1-й паг.), № 38. Все бы, все бы я под окошечком сидел.

Шейн 1900. С. 315, № 37. Ах, размолоденьки, ах, вы дружки мои.

Шейн 1898. № 770. То же.

Распечальное моё дивьё сердце ноет, занываёт. 26, 26а

Распечальное моё дивьё сердце, ой, да ноет, занываёт. Высоко соколик летает, девок замечает. Заприметил парень красну девку. Сам уехал

в город. Оставляёт девушку в горе. Из глаз слезы льются, не уймутся. Напишу письмо слезами, отошлю с друзьями.

Ср. начало: **Отлетает мой соколик** (№№ 7—7е)

Версия: *Распечальное моё дивьё сердце, ой, да поет-занывает о милом дружке, о ясном соколочке. Соколик, летаешь да девушек пытаешь. Испытавши девушку, в город уезжаешь. Оставляет её в горе, как корабль на море. Как на море волны бьются, у девушки слёзы льются. Долго ждала она дружка. Стлала девушка постельку. Клала девушка в изголовьице именны подушки. Как на эти подушки одна спать ложилась, в полночь разбудилась. Поутру ранешенько вставала, к ней вестка пала. Получила девушка письмецо под черной печатью, со большой печалью. Умер сокол её ясный во чужом краю. Оставалась молодлица с малыми детьми, бедными сиротами. Оставался конь вороной во хорошей сбруе* (№ 26а).

В публикациях песенного фольклора встречается с другими зачинами (например: ТКУЦ (ЛП). №№ 62, 63: Не сидела бы я у окошечка одна) и включением близких формальных тем.

Близкие вар.: Соб. Т. 4. №№ 450, 451; Песни Печоры. № 187; Киреевский 1983. № 15.

Лирическая песня любовного цикла («грусть девушки по милому», «грусть по поводу известия о смерти»).

Колпакова карт. 4.282 (*измена, девушка изменяет молодцу*). Беспечно наше девье сердце.

Девичье сердце поет о разлуке с милым; молодец не знает, с кем ему пересылать девушке свои письма; он собирается посылать их с голубем; девушка обещает ловить голубя, но изменяет милому.

Киреевский 1917, 1929. № 1251. Распечально девье сердце.

Колпакова ИРЛИ. № 449, 451. Беспечно-то наше девье сердце; № 450. Э, беспечно-то наше девье сердце; № 452. Распечально-то девье сердце.

Растошнёшенько-тошно. 23б, 23г

См. версию: **Полюбил молодец молодку** (№№ 23, 23а)

Ревела буря, дождь шумел. 74

Литер. источник: дума К. Ф. Рылеева (1795—1826) «Смерть Ермака» (1821), посвященная П. А. Муханову: «Ревела буря, дождь шумел; / Во мраке молнии летали, / Бесперерывно гром гремел, / И ветры в дебрях бушевали».

Лирическая «застольная» песня книжного происхождения, снискавшая широкую популярность.

Росла в поле травка. 28—28д

(*Ой*), *росла жо во по... в поле травка, да росла, да ой, она посохла. Всё любил парень девку, любил да покинул. «Разве ты что-то знаешь?» Несчастлива ему путь-дорожка. Уж я в доме остаюся, в горе нахожуся. Я с этого горя пойду в чисто поле. Пойду прямо в сад зелёный, во садочке вырос куст калинки. Срублю я калинку, повезу калинку к милому под окошко. «Ты расти, не подсохни, живи, моя милая, не печалься.*

Если будет тебе скука, пиши мне письма». — «Писать я не умею, писарю не верю».

Близкие вар.: Песни Пинежья. № 9 (по мнению Е. В. Гиппиуса, вар. представляет собой комбинацию из типовых оборотов местного интонационного стиля); ТКУЦ (ЛП). №№ 38, 39 (Травка сохнет без дождя).

Лирическая песня любовного цикла (тоска девушки по милому другу — ведущая тема). Допускает свободную комбинацию словесных мотивов.

Колпакова карт. 4.302 (*измена, девушка изменяет молодцу*). Ты трава ль моя, ты шелковая.

Трава растет весной, осенью засыхает; девушка начинает забывать любимого.

Шейн 1900. С. 292, № 5.

Шейн 1898. № 703.

С

С(о) вечера рябинушку дождиком мочило. 49, 49а

Со вечера рябинушку дождиком мочило, с полуночи кудрявую ветерком раздувало. Ветер дует, солнце греет, рябина алеет. Не рябинушка алеет, миленький доливает, не со мной гуляет, — с Дуней молодой. Не робей, Дуня, пойдем с нами, молодцами. На вороной паре в золотой карете еду в чисто поле. Стоит куст кудрявый, белая берёза, сидит птица пана <пава> — рекрутская забава, солдатская слава. Ванька холост, не женат, все порядки знает. Чёрны брови поднимает, на двор вызывает, на красное крылечко: отдай с руки колечко.

Вариант инципита «Как со вечера рябинушку дождиком мочило» и концовки в тексте № 49а.

Близиких вариантов не обнаружено.

Лирическая песня с явно выраженным мотивом рекрутчины. Встречается образ «павы».

Сидела Авдотья одна в терему. 83

Сидела Авдотья одна в терему, шила шелком «по письму», брала-убирала жемчуг со стола, вышивала аленький платок, дожидала дорогого гостенька. Приезжал Алешенька в полночь на коне, соскочил с коня, кольнул копьём ворота, сбрыкало колечко серебряное, вздрогнуло сердечко у Авдотьюшки. «Что же ты вечор не пришел?» — «Молчи, Дуня, призамешкался. Богатого шурина в Питер отправлял, ласкову свояченицу замуж отдавал, со злой женой побраночка была. Бранила, бесчестила тебя и меня».

Публ.: Иваницкий. № 124.

Лирическая песня любовного цикла («тоска девушки по милому и ожидание его в гости»), состоит из типичных формульных тем, характерных для народной женской лирики типа: **Распечальное моё дивьё сердце ноет, занываёт** (№№ 26, 26а); **Отлетает мой соколик** (№№ 7—7е) и т. п.

Сизенькой голубчик. 80

Сизенькой голубчик ворковистый, зачем ко мне в терем не летаешь? Буйный ветер относит, частым дождиком крылья мочит. Сидит милый

в неволе, в темнице нет окошек, только трубка дымовая. Дым из трубки вывевает, меня горе разбирает. Пойду в терем, возьму ключи, отопру ларцы, возьму казны сорок тысяч, выкупать милого. Офицер платы не принимает, любезного не выпускает.

Публ.: Иваницкий. № 281.

Близкие вар.: Иваницкий. № 280 (Голубь, голубочек, мой сизый воркуночек).

Лирическая песня на тюремную тему (девушка тоскует о милом, который сидит в тюрьме).

Колпакова карт. 2.789. Не ласточка да по полю летала.

Девушка упрекает молодца за то, что он не ходит к ней в гости; она узнает, что он в тюрьме тоскует и просится на свободу.

Якушкин. С. 112. Мой сизой голубчик.

Абрамычев. № 9. Уж ты гуленька, голубочек.

Попов. С. 248. Ой ты гуленька, голубочек.

Шишонко. С. 191. Ах ты гуленька, ты мой голубочек.

Соб. Т. 6. № 504. Мой сизой голубчик; № 505. Уж ты гуленька, ты мой голубочек; № 506. Ах ты гуленька, ты мой голубочек; № 507. Ой ты гуленька, голубочек; № 508. Уж ты гуленька, голубочек.

Колпакова ИРЛИ. № 209. Не ласточка да по полю летала.

Колпакова карт. 4.624 (любовно-тематический цикл, разлука-разрыв, конец любви). Сизокрыленький голубчик.

Девушка посылает с голубем милому свои вздохи; милый живет вдалеке, он богат и счастлив; девушка страдает в бедности и одиночестве; их любовь покончена.

Колпакова ИРЛИ. № 687. Сизокрыленький голубчик.

Со вчерашнего похмелья болела буйная голова. 36а

Со вчерашнего похмелья болела буйная голова. Со веселые долинки горит печальная луна, Не слышу голоса родного, слышу песенку ямщика...

Близкие вар.: Песни Пинежья. № 5 (Малопинежье).

Встречается с другим зачином, см. **Со веселые долинки** (№ 36).

Общераспространенная лирическая песня позднего литературного происхождения.

Со веселые долинки. 36

Со веселые долинки горит печальная луна. Не слышу голоса родного, слышу песенку ямщика...

См. то же: **Со вчерашнего похмелья** (№ 36а).

Солнышко низко, вечер уж близко. 37, 37а

Солнышко низко, вечер уж близко, мы домой скоро пойдем, новую песню запоем заунывным голосом. Важное время на проходе, прошли веселые дни. Протекали ручеечки во темные леса. Во лесах красы не вижу, зрелые листья опадут. С миленьким нега отойдет, не видаться никогда. То не я ль с милым увижусь у соседа вечером? Люди смотрят, все на нас глядят, любить дружка не велят. Не отстану, любить стану.

Близкие вар.: Устьянские песни. Вып. 2. № 4 (Полно-ко, миленькой, крушитце).

Лирическая песня любовного цикла (тоска девушки по милому, запрет на любовь со стороны чужих людей).

**Соловеюшко, парень молодой,
ты не пой ранёшенько весной. 30, 30а**

Соловеюшко, парень молодой, ты не пой-ко ранешенько весной. Не пой громко — скучно сердечку моему, сам не знаю почему, по любезной Саше своей. Где моя любезная, далеко ли она отошла? За двенадцать уездных городов, в славный город в Петербург. Я немало слез роняла по дружке своем. Во слезах дружочка просила: хоть маленько поживем!

Близкие вар.: Песни Пинежья. № 10 (Соловьёшко, не пой, вольной); Соб. Т. 4. №№ 681—683; Песни Мезени. № 29; Киреевский 1983. № 320; Киреевский 1986. №№ 215, 409; Песни Печоры. № 63; Леонтьев. № 188; ТКУЦ (ЛП). №№ 55 (Соловей ты мой, соловей), 56.

По мнению Е. В. Гишпиуса, песня «массового потребительского» типа. На Мезени, Сухоне начало песни с другим напевом.

Лирическая песня любовной тематики (тоска по любимому), одна из версий классического сюжета «Соловьёшко» (ср.: Лопатин, Прокунин. С. 147—150).

Колпакова карт. 3.253 (*быт и любовь девушки, девичья любовная тоска*).

Просьба к соловью не петь и не увеличивать любовной тоски девушки; девушка слушает шум листьев в саду (в лесу) — не про нее ли с милым говорят деревья.

Киреевский 1917, 1929. № 1352. Не пой, не пой, соловьюшко, в зеленом саду.

Истомин, Дютш. С. 170, № 11. У моего милого.

Шейн 1898. № 687. Не пой, соловей.

Соб. Т. 5. № 83. Никак невозможно без печали век прожить; № 84. Никак невозможно без печали жить; № 85. Никак невозможно мне без печали прожить; № 86. Никак, никак невозможно без печали век прожить; № 97. Ты не пой, не пой, соловушек; № 98. У моего у милого.

Песни Пинежья. № 10. Соловьёшко, не пой, вольной; № 34. Ой молодой; № 96. Соловеюшко, парень молодой.

Колпакова ИРЛИ. № 428. Ты, соловьюшка, парень молодой; № 429. По камушкам речушка бежит, не шумит.

Колпакова карт. 3.482 (*быт и любовь молодца, молодец влюблен*). Соловей мой, соловей, соловей мой батюшка.

Соловью дается наказ — не вить гнезда при ракитовом кусте; молодец привлекает девушка, которую он любит и терпит разные невзгоды.

Киреевский 1917, 1929. № 1190. Соловей, мой соловей.

Шейн 1898. № 681. Соловей мой, соловей, соловей мой батюшка.

**Стонет, стонет голубочик,
стонет, стонет день и ночь. 48, 48а**

Стонёт, стонёт голубочик, стонёт, стонёт день и ночь. Легко голубь не воркуёт, он пшенички не клюёт. Он дождал голубку, не мог ее дожидаться, головку в перья завернул. Прилетала голубка. «Стань, милый дружок, без тебя одной мне скучно, кто мне гнездышко совет?» Улетала голубка во печали, во слезах. Она оставила дружочка на чужбине дале-

ко, вспоминает, горько плачет, жалеет друга своего. Принародно мальчик девочку обнял. Девке парня стало стыдно, пролила слезы из глаз. «Ты не плачь, девица, возьму замуж за себя». — «Не возьмешь замуж, обманешь, куплю черного на платье, пойду в женский монастырь».

Возможный литературный источник: стихотворение И. И. Дмитриева (1760—1837). «Стонет сизый голубочек, стонет он и день и ночь» (1792).

Лирическая песня любовного цикла литературного происхождения (из песенников XVIII в.).

Т

Ты не ной-ка, не ной, ретиво сердечко. 82

Ты не ной-ка, не ной, ретиво сердечко! Не тужи, не плачь, красная девица. «Как не плакать, не тужить, ты хорош, милый, уродился. Не дай Бог с женатым дружкойм знаться. Он домой придет — всё жене расскажет: „Я был у Надежды, лежал на мягкой перине, на косящатом изголовье, на правой ручке, на злаченных перстнях“. При компаньюшке баба обесчестит, на беседе надсмеется».

Публ.: Иваницкий. № 122.

Близкие вар.: РНБ. О. XIV.11 (Рукописный сборник XVIII века). № 116 (Ты не ной, ты не ной, ретивое мое сердечко!).

Лирическая песня любовного цикла о запретной любви девушки к женатому мужчине.

Ты не стой-ка, рябина, на крутой горе. 59

Ты не стой-ко, ребина, на крутой горе, не рони, рябина, листья зелено на сине море. По морю корабли плывут. Богу молится часовой солдат, домой просится к отцу-матери, к молодой жене, к малым детонькам. Отвечал ему старшой: не могу тебя пустить, мы идём с тобой на великий бой за отца-царя.

Солдатская песня о тяготах армейской службы.

Колпакова карт. 2.420 (*девичьи сны, гадания, приметы*). Ой, да ты, дуб, не стой, не стой на горе крутой.

По морю плывет корабль с новобранцами; один из солдат просит начальство отпустить его домой (отвезти подарки родителям; похоронить мать; показаться детям; наказать жену за дурное поведение и др.); он получает отказ и ответ, что семья его разорена, возвращаться ему некуда.

Соб. Т. 6. № 237. Ты береза моя, да моя кучерявая; № 238. Заводы ли мои фабричные.

Резанов. Ч. 2. С. 9, № 3. Ой, ты калинушка.

Песни Воронежской обл. С. 113, № 4. Ой, да ты калина моя.

Акимова. С. 100, № 53. Раскалинушка, размалинушка.

Песни Прикамья. С. 157, № 11. Калинушка со малинушкой.

Зырянов. С. 18, № 9. Ты калинушка, ты малинушка.

Колпакова ИРЛИ. № 86. Ой, да ты, дуб, не стой на горе крутой; № 87. Ты не стой, не стой на горе крутой; № 88. Ой, дак не калинушка, ох, да с малиною; № 89. Ты калинушка, размалинушка; № 90. Ай, калинушка да размалинушка; № 91. Раскалинушка, то ли размалинушка; № 92. Не с ка-

линушей размалинуша; № 93. Ой, да ты калинушка; № 94. Во полку солдат да он расплакался; № 95. Ой, да ты не стой, не стой на горе крутой.

Ты полюшко моё, поле чистое. 44

(Ой), ты полюшко моё, поле чистое. Ничего же ты, поле, не спородило, спородило ты част ракитов куст. Под этим кустом убит солдат лежит. Не убит солдат, тяжело раненный. Во ногах его конь стоит.

Близкие вар.: Соб. Т. 1. №№ 385–391; Соколовы. № 605; Лопатин, Прокунин. №№ 9–11; Песни Мезени. № 54; ТКУЦ (ЛП). №№ 20, 21.

Лирическая песня, близкая к известному сюжетному типу «Горы», сохранилась только во фрагментах.

Ты сад, мой сад, сад зелененький. 14в–14д

Контаминация из известных формульных тем см. **Летела пава через три поля** (№ 14).

Публ.: РФВ. 1884 (Уж ты сад, ты мой сад, сад зелененький. Курская губ., Новоскольский у., «протяжная»).

Колпакова карт. 4.496 (*Любовно-тематический цикл. Разлука из-за отъезда молодца*). Уж ты сад, ты мой сад.

Девушка упрекает сад, который рано расцветает, и милого, который, уезжая, прощается со всеми, кроме нее; летит пава, роняет с крыла перо; девушке не жаль павы, жаль молодца (милый возвращается; милый изменяет; девушка мечтает о браке с милым).

Васнецов. С. 179, № 220. Сад ли мой, садок.

Соб. Т. 5. № 510. Ой, день ты мой, день, день веселенький; № 512. Уж ты сад, ты мой сад; № 513. Сад ты мой, сад зеленый.

Усов. С. 162, № 48. Уж ты сад ли, мой сад.

Минц и др. С. 210, № 146. Ой, ты сад, ты мой сад.

Песни Калужской обл. С. 23. Уж ты день, ты мой день.

Колпакова ИРЛИ. № 538. Уж ты сад, ты мой сад; № 539. Уж ты сад, сад зелененький; № 540. Уж ты сад ли, мой сад; № 541–453. То же.

У

У девицы в белом лице румена играют. 50

У девицы было в белом лице румена играют. Молодой парень холостой во чистом поле гулял. Тропинки парень не нашел, выпала ему путь-дорожка к девке в гости. Выходила моя любезная на красно крылечко, говорила тайное словечко: «Поди, парень холостой, я теперече девчонка вольная».

Лирическая песня, входит в круг сюжетов любовного цикла типа **Раз-молоденькие вы молодчики, вы друзья мои** (см. №№ 3–3г).

Уж запад погас и лучи догорели. 73

Уж запад погас, и лучи догорели за дальней угрюмой горой. О чем-то тревожно дубы прошумели, и шепчется ветер с листвою <...>

Возможный источник: песни Аллы Баяновой («Уж запад погас, и лучи догорели»).

Поздний городской романс литературного происхождения.

Уколола ноженьку во долинушке. 29

Уколола ноженьку во долинушке. Болит моя ноженька, да не больно. Любил меня милый мой, да недолго. Хочет ехать милый мой в городочек. Я за ним, девушка, не гонюся. Русою косою я дорожуся. Осталась, девушка, сиротинка...

Текст ориентирован на книжную структуру.

Ср.: Над серебряной рекой (№№ 41, 41а).

Колтакова карт. 4.162 (*измена, молодец покидает любимую*). Ходила младшенька по песочку.

Девушка ранит ногу, но большее для нее — измена милого; он покидает ее; она просится у матери на гулянье, там сидит с дружкой.

Соб. Т. 7. № 769.

Х

Хорошенькая, ой, да настоечка. 19а

Версия зачина — см.: **Калинушка с малинушкой, лазоревый цвет. 19—19г**

Ц

Цыганочка молодая. 34—34г

Ох, цыганочка, ох, молодая, дай иголки цветно платьице сошить, мне на игрище сходить к подруженькам ради дружка. Ванька в новом банке, он проценты получал — сорок тысяч серебром. Найму троечку лошадей, разудалого ямщикка. Тройка скачет, ямщик плачет, седоки песни поют, колокольчик — заунывный голосок. У передней у лошадушки ножки гнутся на снегу. Снежки выются, из подков искры летят, надо труту приложить, сигарочку раскурить. Распроклятая цыганка научила вино пить. Вино горько, пиво хмельно, мне с похмелья тяжело, голова моя болит.

Лирическая песня любовного цикла позднего происхождения с включением мотивов известного романа «Тройка мчится, тройка скачет...» (стихотворение П. А. Вяземского (1792—1878) «Еще тройка» (1834)).

Ч

Чёрная черёмушка да не во времё росцвела. 56

Чёрная черёмушка да не во времё росцвела, на ту пору мати сына на горы родила. Не собравши с полной возрасти, дочерь замуж отдала, не за милого дружка, — на чужую сторону. Не отец, родима мамушка без вины журят-бранят. Обернусь я птичкой-кукушечкой, буду плакать-горевать. Полечу на родну сторону, прямо к батюшку в садок. Сяду я на сосенку.

Зычным голосом садик споглушу, слезьми горячими спотоплю. Услышит родной тятенька: кукушка во саду, маменька — это наша сирота. Услышат сестрицы: посмотрели бы ее, родной братичек: застрелил бы я ее. Застрелил братец кукушечку, чтобы не мучилась во чужой стороне.

Версии ср.: **Отдала меня мамушка взамуж далеко** (№ 54); **Мамка, светик дорогой** (№ 55).

Что вы, девушки, что вы, красные. 17, 17б—17г, 17е

(Да) штой жо вы, девушки, да штой жо вы, красные, все задумались, запечалились? «Жить не весело, любить некого. Из ребят выбрать некого». — «Выбирай, девка, по себе одинокого». — «Одинокие — горькие пьяницы, злы». Лечу на ту сторону, в мелкую рощу, во зеленый сад. Во саду генерал гулял с генеральшею. Размолоденькой солдат на часах стоял, себе смену ждал — красную девушку, дочь купеческу.

Версии: **Что вы, девушки, всё-то задумались?** (№ 17а); **Млад солвьюшко, ты наш батюшка** (№ 17д).

Близкие вар.: ТКУЦ (ЛП). № 66 (1-я часть); Песни Мезени. № 26; Киреевский 1917, 1929. № 195.

Лирическая песня с включением мотивов из сюжета солдатских песен.

Чудный месяц плывет над рекою. 68

Чудный месяц плывет над рекою. Все в объятях ночной тишины. Я сижу и люблюсь тобою (<...>)

Цыганский романс в обработке Е. Юровской. В основе романса — стихотворение Василия Ивановича Немировича-Данченко (1844—1936) «Ты любила его всей душою», впервые опубликованное в 1882 г.

Чует Коленька сам себе невзгду. 24, 24а

Чует, чует Коленька сам себе невзгду да большое солдатство. Надо Коленьке царю послужити, надо на посту стояти, ружьецо держати. От ружья белы ручки щиплет. Во тесных сапожках белы-ножки зябнут. Едет батюшка из Казани, едет мимо караулу. «Батюшка, смени с караулу, среди ночи сбежу». Коленька бежал, торопился, о шелкову травушку весь он замочился. «Батюшка, пусти обогреться».

Солдатская песня о тяготах армейской службы.

Чуть зорюшка занялась, во поход пошли солдаты. 8г

Контаминация см.: **Горе-горькая кукушка поутру рано летала. 8**

Ш

Шли солдаты из походу. 20, 20а

Шли солдатыки-солдаты с походу, они шли-прошли слободою, славным городом Костромою. Вышли девушки с вёдрами за водою. Звали солдаты девушек с собою: Вы пойдёмте, девушки, с нами до Казани (<...>)

Историческая песня из известного цикла песенных сюжетов о взятии Казани, встречается также с зачином «**Соловей кукушку уговаривал**».

Э

Эко сердце. 5

Эко сердце бедное мое, полно сердчику во мне ныти, злое, изнывать. Моему-то сердцу, знать, покоя не видать. Без покоя стал я, мальчишка, нездоров. Печет-болит, шумит его буйная голова. Не глядят на свет его печальные глаза. Всё не видят-то с неба солнечных лучей. Не с лучей подымается туман. Из туманчика частый-мелкий дождь идет. Дождик бил шелковую траву. Не берет острая коса. Траву косила красна девушка-душа.

Близкие вар.: ср. концовку текста: **Загулял детинушка, заломал калинушку** (№ 57).

Колпакова карт. 3.268 (*быт и любовь девушки, девичья любовная тоска*). Эко сердце, эко бедное мое.

Девушка пытается успокоить свое сердце, которому нет отдыха от страдания и от которого она больна и грустна; девушка работает на сенокосе, работа у нее не спорится; по покосу идет молодец.

Ярославский фольклор. № 55. Эко сердце, эко бедно, бедное мое.

Песни Вологодской обл. С. 67. Эко сердце, эко бедное мое.

Колпакова ИРЛИ. № 294. Эко сердце мое, эко бедное мое; № 295. Эко сердце-то, эко бедное мое; № 1076. Эко сердце-то, эко бедно, начало рано оно страдать.

Колпакова карт. 3.492 (*быт и любовь молодца, молодец влюблен*). Эко сердце, эко бедное мое.

Балакирев. № 21. Эко сердце, эко бедное мое.

Пальчиков. № 70. Эко сердце, эко бедное мое.

Васнецов. С.30, № 39. Эко сердце, эко бедное мое.

Истомин, Дютш. С. 178, № 1. Эко сердце, эко бедное мое.

Шейн 1898. № 765. Эко сердце ты, эко бедное мое; № 766. Что сердце мое, сердце бедное.

Соб. Т. 5. № 177. Эко сердчко, эко бедное мое; № 178. Эко сердце, эко бедненько мое; № 181. Болит-шумит буйная голова; № 182. Что болит-шумит буйная голова; № 183. Эко сердце, эко бедно, бедное мое.

Соколовы. С. 442, №№ 461, 462. Эко сердце, эко бедное мое.

Смирнов 1923. С. 66, № 5. Эко сердце, эко бедное мое.

Иваницкий. № 11. Эко сердчко, эко бедное мое,

Песни Мезени. № 49. Эко сердце-то.

Экой Ваня, разудалая голова. 12—12в

«(Ох) ты Ваня, разудалая голова, сколь далече уезжаешь от меня? С кем я буду зиму зимовать, лето тёплое гулять?» — «Гуляй, моя милая, одна, я уеду в чужи-дальни города на два года». — «Что ты, Ваня, сделал надо мной? Оставил не солдаткой, не вдовой, оставил горемычной сиротой».

Близкие вар.: Соб. Т. 5. №№ 482—488; Песни Пинежья. № 25; Песни Печоры. №№ 25а; 62; Васнецов. № 141; Песни Мезени. № 47; Песни Карельского края. № 108; Леонтьев. № 157; Устьянские песни. Вып. 2. № 11; Песни Забайкалья. № 12; ТКУЦ (ЛП). № 83.

По мнению Е. В. Гиппиуса, песня появилась около 60-х гг. XIX в. Текст встречается в песенниках, связан с книжными источниками. Культивировалась старшим поколением в Заонежье, на Мезени, Печоре.

Лирическая пеня любовного цикла, поздняя (страдания девушки при разлуке с милым дружкойм).

Колпакова карт. 4.175 (измена, девушка обманута). Экой Ваня, разудалая голова.

Парень покидает девушку; на ее вопросы отвечает равнодушием; девушка его упрекает в том, что он оставляет ее ни девицей, ни вдовой, а круглой сиротой.

Абрамьчев. № 19. Уж ты Ваня, разудалая голова.

Пальчиков. № 64. Уж ты Ваня, разудалая голова.

Геллер. № 8. Уж ты Ваня, разудалая голова.

Васнецов. С. 114, № 141. Чтой ты, Ваня, разудалая голова.

Соб. Т. 5. № 483. Уж ты Ванька, удалая голова; № 484. Уж ты Ваня, разудалая голова; № 485. Экий Ваня, разудала голова; № 486. Экий милый Ваня, разудалая голова; № 487. Уж ты Ваня, разудалый молодец; № 488. Уж ты Ваня, разудалая голова; № 489. Куда едешь, отъезжаешь от меня далеко.

Крестьянское искусство I. С. 123. Этакой Ваня, разудалая голова.

Песни Пинежья. № 25. Экой Ваня; № 62. Экой Ваня.

Песни Вологодской обл. С. 62. Ой, Ваня, Ванюша.

Бардин. № 122. Ты Ванюша, разудала голова.

Песни Воронежской обл. С. 78, № 24. Ой, уж ты Ваня, разудала голова.

Китайник. С. 71, № 45. Стало солнышко из-за лесу выходить.

Ярков. С. 73. Ой ты Ваня.

Иваницкий. № 100. Экой Ваня, разудалая голова.

Песни Прикамья. С. 123, № 19. Ваня, разудала голова.

Зырянов. № 56. Экой Ваня, разудала голова.

Песни Мезени. № 47. Экой Ваня, да разудала Ванина голова.

Колпакова ИРЛИ. № 296. Этакой Ваня, разудала голова; № 297. Что же ты, Ваня, разудала голова; № 298. И экой-то Ваня, разудала голова; № 299. Экой Ванька-то, разудалая Ванюша голова; № 300. А экой ты Ваня, разудала да голова; № 301. Экой ты Ваня, ой, да разудалая голова.

Я

Я вечер дружка милого унимала ночевать. 10—10в

Я вечер дружка, дак мило... ой, вот-то милого у... я унимала, унимала, ой, да ночевать. Я тепере поверю: себе дружка милого нажила. Нигде дружка не вижу, ни в долинушке, ни в лужках. Я видела в беседе веселой. Звала милого ночевать у меня. «Я бы рад остаться, боюсь, до свету просплю». — «Ты не бойся, утром раненько разбужу, далёко провожу». Я до тех пор провожала, где скончалася любовь.

Вар.: **Я-то не верила девкам-подружкам, почему милого дружка жаль** (№ 10а), продолжение: Слезно плакала, от слез речка протекла, не широка, глубока, Казанка, камениста и быстра. Много судеб провела (№ 10б).

Ср.: **Малолетняя девчонка за гульбой рано пошла** (№№ 33, 33а). Я не верила, девка, подружкам, почему-то милого мне-ка жаль.

Близкие вар.: Песни Печоры. № 179; Фольклор Новгородской обл. № 44; Киреевский 1983. № 267; Устьянские песни. Вып. 2. № 5; Песни Заонежья. № 24; ТКУЦ (ЛП). № 45 (Я вечер парня просила), № 46 (Уни-мала ночевать).

Лирическая песня любовного цикла (ночное свидание и разлука влюбленных).

Колтакова карт. 4.178 (*измена, девушка обманута*). Я вечер дружка милого провожала со двора.

Девушка провожает милого; он клялся ей в верности, но обманул; девушка в жару, омывает лицо водой и слезами, отирается платком, подарком милого.

Васнецов. С. 124, № 154.

Я у батюшки, у матушки. 88

Я у батюшки, у матушки одна дочи была, повыросла, на неге жила, без чаю, без конфет не жила, без постели не спала. Во сне видится: вставай рано, умывайся бело. На что мылом умываться, когда не с кем целоваться? На что щегольно ходить, когда некого любить? На что мягко стлать, когда не с кем спать? Кину в головы кручину, под бока тоску-печаль. Не могу одна я спать. Пойду милого искать. Мой миленький вдоль по улице идет, хорошо песню поет. К моему двору подходит, принасвистывает, выговаривает: «Дома ли, Дуняша, лапушка моя?»

Лирическая песня любовного цикла (тоска девушки по милому дружку).

Указатель исполнителей

Ф. и. о., г. р.	Номер раздела: номер текста в разделе
Агеева Л. И.	I: 28; II: 33, 51
Амосова Мария Павловна, 1914	I: 6, 9, 10, 13а, 27, 40а; II: 24, 39а, 40, 56б, 70, 76; III: 1а, 2, 36а, 38б, 39а
Аникина Анна Афанасьевна, 1904	II: 42, 67
Анкудинова Пелагея Егоровна, 1903	I: 14в, 14г
Антоновская Елизавета Павловна, 1905	I: 8; II: 33а; III: 52
Афанасова Мария Михайловна, 1910	I: 2а, 2в, 28в; II: 4б, 8а, 13а, 19, 63; III: 38в
Бабцова Лариса Ивановна, 1909	I: 12а, 32ж; III: 33а
Байбородина Ида Анатольевна, 1932	I: 14а, 19г, 24а, 26а, 27а, 37а, 42, 45, 49, 52, 58
Байбородина Е. А., 1902	I: 3б
Барабина В. И., 1908	II: 8, 53, 54
Баранова Мария Васильевна, 1891	II: 25
Батаева Евдокия Васильевна, 1908	I: 2в, 28в II: 8а, 13а, 19, 63; III: 38в
Батина Анна Тимофеевна, 1885	I: 39
Беляева Екатерина Гавриловна, 1910	II: 22, 23а, 38, 39; III: 11, 24, 40
Бережных Наталья Тимофеевна, 1910	I: 7г, 8а, 8д, 18а, 19б, 21в; II: 3а, 13, 14а, 15, 16, 20
Бережных А. В., 1911	I: 13, 40; III: 5а, 10, 24а, 39
Бережных Александра Филипповна, 1923	I: 13, 40; III: 5а, 10, 24а, 39
Бережных Е. А., 1911	I: 13, 40; III: 5а, 10, 24а, 39
Берникова Елена Павловна, 1911	II: 4а, 6а, 7, 9б, 55; III: 8, 30
Билькова Варвара Васильевна, 1908	I: 3, 4, 15, 22, 30
Блинова Людмила Павловна, 1909	I: 24, 33, 37; II: 61, 72; III: 50
Богданова Серафима Петровна, 1907	I: 14д
Булатова Федосья Трофимовна, 1908	I: 2б; III: 23а
Быкова Александра Дмитриевна, 1899	III: 28, 32, 34
Быкова Анна Михайловна, 1908	III: 28, 32, 34
Вагина Александра Афанасьевна, 1913	II: 47а, 80а
Варенцова Наталья Павловна, 1914	II: 12а
Векшина Клавдия Ивановна 1920	I: 5, 7а, 23а, 34а
Вепрева Лидия Михайловна, 1918	I: 38, 48, 59
Верховцева Татьяна Викторовна, 1906	III: 28, 32, 34
Викторова Ольга Филипповна, 1902	II: 3, 5б, 10, 14, 32а, 52, 81; III: 1, 31, 41
Вилегжанинова А. Ф.	II: 2, 4; III: 33, 36
Волкова Елизавета Михайловна, 1900	II: 31
Выборова Александра Павловна, 1904	II: 3, 5б, 10, 14, 32а, 52, 81; III: 1, 31, 41
Вьюхина Марфа Ивановна, 1913	I: 20, 26, 36а; II: 80; III: 42, 43, 50а
Галина Агафья Макаровна, 1910	I: 1в, 17а, 25а
Галина Агния Лукьяновна, 1907	I: 7г, 8а, 8д, 18а, 19б, 21в; II: 13, 20
Гладышева Евдокия Гавриловна, 1914	I: 5, 7а, 23а, 34а; III: 6б
Гобанова Мария Васильевна, 1915	II: 2б, 7а; III: 18б, 41а
Гобанова Ольга Васильевна, 1910	I: 3б, 50; II: 32б; III: 47а
Головина Улита Петровна, 1907	III: 39б
Головушкина Евдокия Александровна, 1922	I: 32г; II: 6, 9а, 79; III: 6, 53б
Гомзикова Авдотья Ивановна, 1912	I: 62; II: 71б
Гомзикова Антонина Федоровна, 1912	II: 61б, 65; III: 52б

- Гомзикова Елена Михайловна, 1914 I: 16в
Губкина Великанида Степановна, 1914 I: 35б
Губкина Зоя Андреевна, 1914 I: 16а, 47
Губкина М. М., 1892 I: 36
Гужова Нина Андреевна, 1919 I: 12; II: 1; III: 20, 47, 51, 53
Гулина Ольга Николаевна, 1903 I: 12; II: 1, 2, 4, 33а; III: 20, 33, 36, 47, 51, 52, 53
Дайц Вера Яковлевна, 1918 I: 12; II: 1; III: 20, 47, 51, 53
Данилова П. И., 1919 II: 8, 53, 54
Демидова Анна Николаевна, 1925 I: 67, 69, 71, 72
Демидова Елена Михайловна, 1899 I: 16, 24, 33, 36, 37; II: 61, 71, 72; III: 50
Денисова Анастасия Петровна, 1909 I: 16; II: 71
Дубинская Антонина Прокопьевна, 1916 II: 57; III: 15
Дуракова Евдокия Васильевна, 1924 I: 24, 33, 37; II: 61, 72; III: 50
Екимова А. Н. см. Якимова А. Н.
Екимова Е. Г. см. Якимова Е. Г.
Елезарьева Зоя Николаевна, 1908 I: 16б
Елезарьева Таисия Ивановна, 1908 III: 5б
Елезова Алевтина Алексеевна, 1909 I: 56
Елезова Анна Ивановна, 1916 I: 62
Епова Л. П. II: 2, 4; III: 33, 36
Жданов Георгий Иванович, 1907 I: 16
Жданова Алевтина Алексеевна, 1899 I: 14; II: 2а, 5, 32; III: 53а
Жданова Людмила Николаевна, 1929 I: 14б, 68, 70
Жданова М. М. II: 2, 4; III: 33, 36
Жукова Клавдия Захаровна, 1905 II: 57; III: 15
Журавлёва Клавдия Семеновна, 1912 I: 62; II: 64, 71б
Журавлева Марина Васильевна, 1907 I: 62
Задорина Татьяна Семеновна, 1904 I: 7б, 23в, 31, 32, 34, 35; II: 27, 28, 29, 30, 43, 44, 53а, 58, 59, 62, 66, 68, 69, 73, 77; III: 4, 5, 7, 22, 29, 30а, 36д, 45, 49
Залужская Людмила Гавриловна, 1909 II: 18
Захарова Ирина Петровна, 1909 I: 62
Зубенко Антонина Павловна, 1913 I: 1д, 10а, 12а, 32ж; III: 33а
Зубова Ольга Зиновьевна, 1916 II: 78, 81а; III: 6а
Иванова Валентина Петровна, 1922 I: 17е, 19а, 44; II: 1б, 5а, 8, 9, 11, 12, 20а, 53, 54
Иванова Мария Николаевна, 1904 II: 5а, 11, 12, 20а
Ильина Александра Викторовна, 1909 I: 20, 26, 36а; II: 80; III: 42, 43, 50а
Инкина Пелагея Федоровна, 1905 I: 20, 26, 36а; II: 80; III: 42, 43, 50а
Капустина У. Е., 1880 II: 34
Карелина Александра Ефимовна, 1901 I: 1, 7, 18; II: 79а; III: 3, 14, 16, 25, 26, 27, 36б, 37, 46
Катанова В. С., 1945 I: 12; II: 1; III: 47
Качева Анисья Михайловна, 1878 I: 1е, 2д, 3г, 7е, 8в, 10в, 12б, 17г, 17д, 28г, 30а, 51, 61
Кашинцева Александра Михайловна, 1905 I: 24, 33, 37; II: 61, 72; III: 50
Климова Анна Яковлевна, 1913 I: 43
Ключихина Мария Александровна, 1924 II: 29а; III: 18в, 38а
Кобелева Алевтина Федоровна, 1905 I: 20, 26, 36а; II: 80; III: 42, 43, 50а
Кобычев Павел Александрович, 1904 III: 1б

802 Указатели

- Кожевникова М. Е., 1927 I: 13, 40; III: 5а, 10, 24а, 39
Козицина Клавдия Осиповна, 1909 I: 31а; II: 45, 46, 53б
Козицина Мария Степановна, 1905 I: 31а; II: 46, 53б
Козицина Ульяна Федоровна, 1930 I: 31а; II: 46, 53б
Койнова Анна Аркадьевна, 1907 I: 2, 17, 17б, 23, 32г; II: 6, 9а, 79; III: 6, 21, 53б
Комарова Клавдия Алексеевна, 1901 II: 3, 5б, 10, 14, 32а, 52, 81; III: 1, 31, 41
Кондакова Евдокия Степановна, 1913 III: 35а
Копнина Евдокия Германовна, 1909 I: 3в, 7б, 23в, 31, 31в, 32, 34, 35; II: 27, 28, 29, 30, 43, 44, 53а, 58, 59, 62, 66, 68, 69, 73, 77; III: 4, 5, 7, 22, 29, 30а, 36д, 45, 49
Коршунова Аграфена Александровна, 1909 I: 1, 2г, 7, 7д, 17в, 18, 19, 19в, 32а, 32к, 34в; II: 21, 26, 57, 79а; III: 1в, 3, 14, 15, 16, 18, 25, 26, 27, 36б, 37, 46
Коршунова Василиса Семеновна, 1904 I: 1, 7, 18; II: 57, 79а; III: 3, 7а, 11а, 12, 14, 15, 16, 25, 26, 27, 36б, 36в, 37, 38, 40а, 45а, 46, 48
Коршунова Галина Ивановна, 1897 I: 24, 33, 37; II: 61, 72; III: 50
Коршунова Екатерина Федоровна, 1906 II: 57; III: 7а, 11а, 12, 15, 36в, 38, 40а, 45а, 48
Костина Марина Николаевна, 1903 I: 55, 60; II: 42б
Крейцен Е. Н., 1906 II: 34
Кривошеина Елена Афанасьевна, 1901 I: 14; II: 2а, 5, 32; III: 53а
Кузнецова Анна Егоровна, 1884 I: 39
Курынова Е. М. I: 28; II: 33, 51
Кутькина Анна Максимовна, 1908 I: 48а, 65
Кутькина Нина Петровна, 1913 I: 48а, 65
Кучина Александра Михайловна I: 21а; III: 36г, 37а
Лапшина Мария Павловна, 1910 II: 35а
Лапшина Марина Федоровна, 1909 II: 61а
Леднева Н. А., 1912 II: 4а, 6а, 7, 9б, 55; III: 8, 30
Лешева Федосья Яковлевна, 1910 I: 19а; II: 16, 9, 53, 54
Лиханова Анна Васильевна, 1906 I: 5, 7а, 23а, 34а; II: 35; III: 6б
Лукошников А. И. I: 28; II: 33, 51
Лькова Таисия Ивановна, 1906 III: 34а
Маланина Елена Дмитриевна, 1912 I: 8б, 28а, 32з
Манзырева Фаина Ивановна, 1905 II: 47б
Маслова Зинаида Михайловна, 1918 II: 4а, 6а, 7, 9б, 55; III: 8, 30
Маховская П. В., 1899 I: 13, 40; III: 5а, 10, 24а, 39
Меньшикова Алевтина Моисеевна, 1918 I: 3а, 33а; III: 49а
Меньшикова Александра Николаевна, 1914 I: 24, 33, 36, 37; II: 61, 72; III: 50
Меньшикова Клавдия Семеновна, 1911 I: 3а, 33а; III: 49а
Меньшикова Нина Александровна, 1920 I: 12в
Мингалёва Мария Алексеевна, 1906 II: 2а, 5, 32; III: 53а
Митрошина Анна Федоровна, 1904 I: 12; II: 1, 2, 4; III: 20, 33, 36, 47, 51, 53
Митрошина Мария Васильевна, 1916 I: 8, 12; II: 1, 2, 4, 33а; III: 20, 33, 36, 51, 52, 53
Митюгова Мария Петровна, 1905 II: 49
Михалкина Евдокия Осиповна, 1888 I: 3, 4, 15, 22, 30
Моденова Александра Петровна, 1913 III: 6б
Мокрецова Анна Павловна, 1911 I: 6, 9, 10, 13а, 27, 40а; II: 22, 23а, 24, 38, 39, 39а, 40, 56б, 70, 76; III: 1а, 2, 11, 24, 36а, 38б, 39а, 40
Мосеева Александра Сергеевна, 1909 II: 22, 23а, 38, 39; III: 11, 24, 40
Москаленко Мария Ивановна, 1925 III: 20б

- Мясихина Серафима Павловна, 1916 I: 6, 9, 10, 13а, 27, 40а; II: 22, 23а, 24, 38, 39, 39а, 40, 56б, 70, 76; III: 1а, 2, 11, 24, 36а, 38б, 39а, 40
- Некрасова Елизавета Александровна 1922 I: 5, 7а, 23а, 34а
- Немазанникова Александра Александровна, 1911 I: 2, 23, 32г; II: 6, 9а, 79; III: 6, 53б
- Никитина Валентина Федоровна, 1931 I: 66
- Новосёлова Анастасия Николаевна, 1910 II: 57; III: 15
- Новосёлова Пелагея Яковлевна, 1907 II: 57; III: 15
- Носонова Наталья Александровна, 1912 I: 46
- Осколкова Ольга Васильевна, 1907 I: 19а; II: 16, 9, 36, 55а
- Оскорбина Алевтина Ивановна, 1908 II: 78, 81а; III: 6а
- Отряхина Варвара Ивановна, 1903 II: 25; III: 13, 17, 23
- Паламодова Александра Александровна, 1911 I: 39
- Панкова Евдокия Петровна, 1923 II: 5а, 11, 12, 20а
- Пантелеева Анна Васильевна III: 36г, 37а
- Парилова Анна Ивановна, 1909 I: 1в, 17а, 25а
- Парилова Евдокия Степановна, 1908 I: 34г
- Парыгин А. П. I: 23б
- Парыгина Анна Прокопьевна, 1904 I: 19а; II: 16, 9, 36, 55а
- Парыгина Клавдия Михайловна, 1924 I: 19а; II: 16, 8, 9, 53, 54
- Парыгина М. Л., 1889 II: 8, 53, 54
- Парыгина Пелагея Михайловна, 1927 I: 17е, 19а, 44; II: 16, 5а, 9, 11, 12, 20а
- Патрушева Александра Васильевна, 1911 III: 34б, 49б
- Пахтусова Афанасия Дмитриевна, 1902 I: 16а, 47; III: 41б
- Пахтусова Василиса Дмитриевна, 1901 I: 24, 33, 37; II: 61, 72; III: 50
- Пахтусова Евдокия Дмитриевна, 1905 I: 16а, 47; III: 41б
- Пашина Галина Петровна, 1905 II: 4а, 6а, 7, 9б, 55; III: 8, 30
- Пестерева Елизавета Николаевна, 1912 I: 2, 23, 32г; II: 6, 9а, 79; III: 6, 53б
- Петиева Евдокия Александровна, 1908 III: 6б
- Пивоварова Нина Изотьевна, 1930 I: 66
- Пименова Ольга Дмитриевна, 1914 I: 28б
- Пименова Прасковья Егоровна, 1881 II: 3, 5б, 10, 14, 32а, 52, 81; III: 1, 31, 41
- Пинегина Анна Тихоновна, 1917 I: 8; II: 33а; III: 52
- Плясунова Ольга Яковлевна, 1911 III: 15
- Подалкина Капитолина Петровна, 1925 I: 73
- Политова Антонина Георгиевна, 1905 II: 60; III: 20а
- Полуянова Клавдия Егоровна, 1908 I: 7б, 23в, 31, 32, 34, 35; II: 27, 28, 29, 30, 43, 44, 53а, 58, 59, 62, 66, 68, 69, 73, 77; III: 4, 5, 7, 22, 29, 30а, 36д, 45, 49
- Помолева Елена Федотовна, 1911 I: 2а; II: 4б, 8а, 13а, 19, 63; III: 38в
- Помолева Лидия Григорьевна, 1902 I: 1б; II: 3, 5б, 10, 14, 32а, 50, 52, 81; III: 1, 31, 41
- Попова Зоя Егоровна, 1912 I: 1д, 10а, 12а, 32ж; III: 33а
- Попова К. А. I: 28; II: 33, 51
- Прилуцкая У. А., 1901 I: 13, 40; III: 5а, 10, 24а, 39
- Пунинова Манефа Федоровна, 1912 I: 16г
- Ракина Е. М. II: 2, 4; III: 33, 36
- Распопова Наталья Михайловна, 1913 II: 78, 81а; III: 6а
- Роговская А. Ф. II: 2, 4; III: 33, 36
- Рупосова Феодосья Андреевна, 1894 I: 1г

804 Указатели

- Русанова Манефа Федоровна, 1911 I: 48а, 65
Сабашникова Варвара Федоровна, 1903 I: 13б, 20а, 21б, 24, 32д, 33, 36, 37, 57; II: 61, 72; III: 13а, 18а, 50
- Саранцина Мария Захаровна, 1908 I: 6, 6а, 9, 10, 13а, 27, 40а; II: 22, 23, 23а, 24, 38, 39, 39а, 40, 56а, 56б, 57а, 70, 76; III: 1а, 2, 7а, 11, 11а, 12, 24, 36а, 36в, 38, 38б, 39а, 40, 40а, 44, 45а, 48
- Свиньина Анастасия Николаевна, 1895 I: 39
Свиньина Александра Степановна, 1910 III: 28, 32, 34
Селиванова Анна Александровна, 1913 II: 17
Селиванова Ольга Михайловна, 1911 I: 2, 17, 23, 32г; II: 6, 9а, 17, 79; III: 6, 19, 53б
Серебренников Сергей Николаевич, 1905 I: 11
Сидорова Марфа Александровна, 1909 III: 6б
Симонова Мария Михайловна, ок. 1876 I: 1ж, 8г, 10б, 14е, 28д, 32и, 35в, 40б, 41а, 63, 76, 77
- Софина В. И., 1927 I: 13, 40; III: 5а, 10, 24а, 39
Софина Евдокия Дмитриевна, 1910 II: 37, 74
Софина Мария Павловна, 1908 I: 7в, 23г, 27б, 32в, 34б; II: 41
Софина Мария Прокопьевна, 1894 II: 37, 74
Софина Нина Александровна, 1924 I: 12а, 32ж; III: 33а
Софина Серафима Николаевна, 1923 I: 28б
Стрекаловская Клавдия Михайловна, 1906 III: 28, 32, 34
Суворова Манефа Александровна, 1925 I: 16а, 47; III: 41б
Суранова П. А., 1901 I: 13, 40; III: 5а, 10, 24а, 39
Тарасова Евдокия Дмитриевна, 1905 I: 2, 17, 23, 32г; II: 9а; III: 6, 19, 53б
Тарасова Евдокия Федоровна, 1907 I: 2, 23, 32г; II: 6, 9а, 79; III: 6, 19, 53б
Тарасова Мария Семеновна, 1911 I: 7б, 23в, 31, 32, 34, 35; II: 27, 28, 29, 30, 43, 44, 53а, 58, 59, 62, 66, 68, 69, 73, 77; III: 4, 5, 7, 22, 29, 30а, 36д, 45, 49
- Тарасова Мария Федоровна, 1906 I: 2, 23, 32г; II: 6, 9а, 79; III: 6, 19, 53б
Таратина Мария Ивановна, 1916 I: 5, 7а, 23а, 34а
Третьякова Анна Филипповна, 1902 II: 73
Третьякова Надежда Николаевна, 1890 I: 7б, 23в, 31, 32, 34, 35; II: 27, 28, 29, 30, 43, 44, 53а, 58, 59, 62, 66, 68, 69, 73, 77; III: 4, 5, 7, 22, 29, 30а, 36д, 45, 49
- Тропникова Александра Ильинична, 1916 I: 31б; II: 71а
Тропникова Варвара Петровна, 1905 I: 53
Тутушина Анастасия Семеновна, 1910 I: 1, 7, 18; II: 79а; III: 3, 14, 16, 25, 26, 27, 36б, 37, 46
- Тумалёва А. И. I: 28; II: 33, 51
Туркина Анна Павловна, 1906 I: 19а; II: 16, 9
Туробова Александра Дмитриевна, 1915 I: 12а, 32ж; III: 33а
Успасских Вера Павловна, 1916 I: 17е, 44
Успасских Лидия Алексеевна, 1914 II: 56
Уткина Анна Алексеевна, 1908 I: 21а; III: 36г, 37а
Уткина Мария Федоровна, 1911 I: 21а; III: 36г, 37а
Федяева Афанасия Дмитриевна, 1907 I: 64
Федяева Мария Семеновна, 1914 I: 16а, 47; III: 41б
Федяева Ольга Дмитриевна, 1911 I: 16а, 47; III: 41б
Фесенко Анна Павловна, 1906 I: 32е
Фокина Мария Петровна, 1893 I: 16, 24, 33, 36, 37; II: 61, 71, 72; III: 50

- Фомина А. И. I: 28; II: 33, 51
 Хомутникова А. И., 1901 I: 13, 40; III: 5а, 10, 24а, 39
 Хор СДК с. Ильинско-Подомское Вилегодского р-на II: 47, 48
 Черепанова Анна Александровна, 1914 II: 37, 74
 Черепанова Анна Кондратьевна, 1910 I: 7д, 19, 32а; II: 21, 26; III: 7а, 11а, 12, 18, 36в, 38, 40а, 45а, 48
 Черепанова Мария Алексеевна, 1933 I: 6, 9, 10, 13а, 27, 40а; II: 24, 39а, 40, 56б, 70, 76; III: 1а, 2, 36а, 38б, 39а
 Черепанова Ольга Яковлевна, 1908 II: 76а
 Черепанова Федосья Степановна, 1897 II: 37, 74, 76а
 Чернышова Мария Федоровна, 1908 II: 57; III: 7а, 11а, 12, 15, 36в, 38, 40а, 45а, 48
 Чернягина Евдокия Васильевна, 1910 I: 39
 Чупракова Александра Павловна, 1909 I: 21а; III: 36г, 37а
 Чупракова Евдокия Васильевна, 1896 I: 21а; III: 36г, 37а
 Шаньгина Анна Матвеевна, 1911 I: 2, 23, 32г; II: 6, 9а, 79; III: 6, 53б
 Шаньгина Анна Константиновна, 1908 II: 4а, 6а, 7, 9б, 55; III: 8, 30
 Шаньгина Екатерина Феоктистовна, 1907 II: 4а, 6а, 7, 9б, 55; III: 8, 30
 Шевелёва Елена Михайловна, 1903 I: 54; II: 42а
 Шевелёва Елизавета Михайловна, 1903 I: 32б; III: 35
 Шемшина Клавдия Германовна, 1906 I: 7б, 23в, 31, 32, 34, 35; II: 27, 28, 29, 30, 43, 44, 53а, 58, 59, 62, 66, 68, 69, 73, 77; III: 4, 5, 7, 9, 9а, 22, 29, 30а, 36д, 45, 49
 Широких Галина Васильевна, 1915 I: 8, 12; II: 1, 2, 4, 33а; III: 20, 33, 36, 47, 51, 52, 53
 Шишкина Ольга Яковлевна, 1916 I: 7д
 Шубенина Галина Васильевна, 1915 I: 8; II: 33а; III: 52
 Шубенина Мария Ивановна, 1915 I: 12; II: 1; III: 20, 47, 51, 53
 Щедричева Мария Прокопьевна, 1900 I: 1в, 17а, 25а
 Щипина Афанасия Ивановна, 1910 II: 25; III: 13, 17, 23
 Щипина Ольга Яковлевна, 1916 I: 19, 32а; II: 21, 26; III: 7а, 11а, 12, 18, 36в, 38, 40а, 45а, 48
 Щипина Фелицитата Васильевна, 1904 III: 13, 17, 23
 Эпова Анна Алексеевна I: 1а, 29, 35а, 41; II: 1а
 Эпова Надежда Алексеевна I: 29, 35а, 41; II: 1а
 Юмшанова Елизавета Николаевна, 1901 II: 3, 5б, 10, 14, 32а, 52, 81; III: 1, 31, 41
 Юнтунен Александр Филипповна, 1924 II: 25
 Юринская М. П. II: 2, 4; III: 33, 36
 Якимова (Екимова) Анна Николаевна, 1914 II: 22, 23а, 38, 39; III: 11, 24, 40
 Якимова (Екимова) Евдокия Григорьевна, 1912 II: 22, 23а, 38, 39; III: 11, 24, 40
 Якимова Мария Ивановна, 1926 I: 1в, 17а, 25а
 Якимова Мария Григорьевна, 1909 II: 38, 39
 Якимова Наталья Матвеевна, 1910 II: 37, 74

Указатель мест записи*

Ф. и. о., г. р. исполнителей	Год записи	Места хранения фонограмм	Примечания
------------------------------	------------	--------------------------	------------

Вилегодский р-н**Беляевский с/с**

д. Беляевская

Митянина Анна Алексеевна (1911)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0471.19—0471.23, ф. 0471.25—0471.31	
Синицына Фаина Михайловна (1912)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0471.15—0471.18, ф. 0471.20—0471.24	Сказки

д. Истоминская

Меньшикова Нина Александровна (1920)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0470.24—0470.48	
Митина Екатерина Алексеевна (1913)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0471.1—0471.14	

д. Саранчиха

Елезарьева Таисия Ивановна (1908)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0463	
-----------------------------------	------	--------------------	--

д. Шалимово

Вагина Александра Афанасьевна (1913)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0471.34—0471.63	
--------------------------------------	------	-------------------------------	--

Быковский с/с

д. Арефьевская

Лапшина Марина Федоровна (1909)	1987	ФА СыктГУ. ф. 0427.1—0427.7	
---------------------------------	------	-----------------------------	--

Вилегодский с/с

д. Гришинская

Вепрева Лидия Михайловна (1918)	1986	ФА СыктГУ. ф. 0413.6—0413.15, ф. 0414.1—0414.3, ф. 0414.10—0414.25, ф. 0415.12—0415.17	
Шевелёва Елизавета Михайловна (1903)	1986	ФА СыктГУ. ф. 0414.10—0414.25	

д. Дресвянка

Гомзикова Авдотья Ивановна (1912)	1986	ФА СыктГУ. ф. 0403.1—0403.31	
-----------------------------------	------	------------------------------	--

* Указатель содержит все учтенные записи текстов.

	1991	ФА СыктГУ. ф. 0404.7—0404.21; ФА СИХМ. ф. 0302	
Елезова Анна Ивановна (1916)	1986	ФА СыктГУ. ф. 0403.1—0403.31, ф. 0404.7—0404.21	
Журавлёва Клавдия Семеновна (1912)	1986	ФА СыктГУ. ф. 0403.1—0403.31, ф. 0404.7—0404.21	Песни: 0477.51, 0477.52, 0478.30, 0478.31, 0478.36—0478.42, 0478.44—0478.49, 0492.1—0492.6, 0492.10
	1988	ФА СыктГУ. ф. 0477.34—0477.52, ф. 0478.27—0478.49, ф. 0492.1—0492.10	
	1991	ФА СИХМ. ф. 0302	
Журавлёва Марина Васильевна (1907)	1986	ФА СыктГУ. ф. 0403.1—0403.31, ф. 0404.7—0404.21	
Захарова Ирина Петровна (1909)	1986	ФА СыктГУ. ф. 0403.1—0403.31, ф. 0404.7—0404.21, ф. 0478.27—0478.49	Песни: 0478.30, 0478.31, 0478.36—0478.42, 0478.44—0478.49

д. Лубягино

Климова Анна Яковлевна (1913)	1986	ФА СыктГУ. ф. 0409.1—0409.26	
Климова Мария Александровна (1914)	1986	ФА СыктГУ. ф. 0409.1—0409.26	

д. Мышково

Костина Марина Николаевна (1903)	1986	ФА СыктГУ. ф. 0410.12—0410.30	Песни: 0410.13, 0410.14, 0410.17—0410.30; 0479.4, 0479.5, 0479.7—0479.17, 0479.29, 0479.30
	1988	ФА СыктГУ. ф. 0479.1—0479.36	

д. Пригодино

Анкудинова Пелагея Егоровна (1903)	1986	ФА СыктГУ. ф. 0415.1—0415.11	
------------------------------------	------	------------------------------	--

д. Самино

Меньшикова Алевтина Моисеевна (1918)	1986	ФА СыктГУ. ф. 0408.1—0408.17	
Меньшикова Клавдия Семеновна (1911)	1986	ФА СыктГУ. ф. 0408.1—0408.17	

д. Сафроновская

Климова Анна Яковлевна (1913)	1986	ФА СыктГУ. ф. 0406.2—0406.22	Песни: 0406.2, 0406.9—0406.18; 0493.10—0493.18, 0493.21—0493.24
	1988	ФА СыктГУ. ф. 0493.10—0493.27	

Ильинский с/с**д. Борисовец**

Лыкова Таисия Ивановна (1906)	1987	ФА СыктГУ. ф. 0430.50—0430.57, ф. 0447	
Пироговская Таисия Ивановна (1912)	1987	ФА СыктГУ. ф. 0429.1—0429.9, ф. 0447	

д. Выползово

Патрушева Александра Васильевна (1911)	1993	ФА СИХМ. ф. 0303	
--	------	------------------	--

д. Елезово

Сабашникова Мария Ивановна (1904)		ФА СыктГУ. ф. 0449.2, 0449.27, 0449.49—0449.57	
Сабашникова Серафима Григорьевна (1906)		ФА СыктГУ. ф. 0449.36, ф. 0449.37, ф. 0449.46, ф. 0449.49—0449.57	

с. Ильинско-Подомское

Байбородина Е. А. (1902)	1959	ФК. ф. 1353.3—1353.10, ф. 1354.6, ф. 1354.7, ф. 1355.1—1355.11, ф. 1356.1—1356.6	
Блинова Людмила Павловна (1909)	1972	ФК. ф. 1416.17—1416.31	
Губкина М. М. (1892)	1959	ФК. ф. 1353.3—1353.10, ф. 1354.6, ф. 1354.7, ф. 1355.1—1355.11, ф. 1356.1—1356.6	
Демидова Елена Михайловна (1899)	1959	ФК. ф. 1353.3—1353.10, ф. 1354.6, ф. 1354.7, ф. 1355.1—1355.11, ф. 1356.1—1356.6	
	1972	ФК. ф. 1416.1—1416.9, ф. 1416.12—1416.31	
Денисова Анастасия Петровна (1909)	1972	ФК. ф. 1416.1—1416.16	Урож. с. Емецк, поэт «тонким» голосом
Дуракова Евдокия Васильевна (1924)	1972	ФК. ф. 1416.17—1416.31	
Кашинцева Александра Михайловна (1905)	1972	ФК. ф. 1416.17—1416.31	
Коршунова Галина Ивановна (1897)	1972	ФК. ф. 1416.17—1416.31	
Меньшикова Александра Николаевна (1914)	1959	ФК. ф. 1353.3—1353.10, ф. 1354.6, ф. 1354.7, ф. 1355.1—1355.11, ф. 1356.1—1356.6	
	1972	ФК. ф. 1416.17—1416.31	
Пахтусова Василиса Дмитриевна (1901)	1972	ФК. ф. 1416.17—1416.31	

Сабашникова Варвара Федоровна (1903)	1959	ФК. ф. 1353.3—1353.10, ф. 1354.6, ф. 1354.7, ф. 1355.1—1355.11, ф. 1356.1—1356.6	Участвовала также в сеансах записи в д. Роженец Ильинского с/с в 1987 и 1991 гг. (см. ниже)
	1972	ФК. ф. 1416.17—1416.31	
Фокина Мария Петровна (1893)	1959	ФК. ф. 1353.3—1353.10, ф. 1354.6, ф. 1354.7, ф. 1355.1—1355.11, ф. 1356.1—1356.6	
	1972	ФК. ф. 1416.1, ф. 1416.5—1416.9, ф. 1416.12—1416.16	

д. Конгур

Елезова Алевтина Алексеевна (1909)	1987	ФА СыктГУ. ф. 0449.61, ф. 0449.63, ф. 0450.2, ф. 0450.3, ф. 0450.6	
------------------------------------	------	--	--

д. Курипины

Федяева Мария Тимофеевна (1918)	1986	ФА СыктГУ. ф. 0422.24—0422.27	
---------------------------------	------	-------------------------------	--

д. Осиновец

Аникина Анна Афанасьевна (1904)	1987	ФА СыктГУ. ф. 0429.10—0429.31	
---------------------------------	------	-------------------------------	--

д. Прислон

Кулешова Любовь Петровна (1907)	1987	ФА СыктГУ. ф. 0438.15, ф. 0438.23	
---------------------------------	------	-----------------------------------	--

д. Прокопьевка

Собашникова Серафима Федоровна (1909)	1986	ФА СыктГУ. ф. 0416.13, ф. 0416.17, ф. 0416.21, ф. 0416.23	
---------------------------------------	------	---	--

д. Пуяттино

Гомзикова Антонина Федоровна (1911)	1993	ФА СИХМ. ф. 0303	
-------------------------------------	------	------------------	--

д. Роженец

Кашинцев Семен Петрович	1972	ФК. ф. 1417.32	Год рождения не указан; исполнял приговор дружки
Сабашникова Варвара Федоровна (1903)	1987	ФА СыктГУ. ф. 0420.3—0420.23, ф. 0421.2—0421.14, ф. 0432.4—0432.47, ф. 0455.2—0455.6, ф. 0455.25, ф. 0455.26, ф. 0455.36	
	1991	ФА СИХМ. ф. 0301	

810 Указатели

д. Сидоровская

Богданова Серафима Петровна (1907)	1987	ФА СыктГУ. ф. 0420.3—0420.23, ф. 0421.2—0421.14	
------------------------------------	------	---	--

Никольский с/с

д. Безацкая

Тараканова Клавдия Николаевна (1914)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0466.2, ф. 0466.4, ф. 0466.5	
--------------------------------------	------	--	--

д. Игольница

Сухих Евгения Павловна (1906)	1987	ФА СыктГУ. ф. 0448.58, ф. 0448.69	
-------------------------------	------	-----------------------------------	--

с. Никольск

Бушуева Таисия Николаевна (1907)	1987	ФА СыктГУ. ф. 0467.14—0467.16	
Кутькина Анна Максимовна (1908)	1987	ФА СыктГУ. ф. 0441.1—0441.7	
Кутькина Нина Петровна (1913)	1987	ФА СыктГУ. ф. 0441.1—0441.7	
Русанова Манефа Федоровна (1911)	1987	ФА СыктГУ. ф. 0441.1—0441.7	

д. Рябовская

Сухих Изосим Александрович (1912)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0451.29—0451.32	
-----------------------------------	------	-------------------------------	--

Павловский с/с

д. Быково

Вепрев Игорь Васильевич (1929)	1991	ФА СИХМ. ф. 0301	Гармонист
--------------------------------	------	------------------	-----------

д. Голодуха

Пахтусова Александра Ивановна (1917)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0462.48	
--------------------------------------	------	-----------------------	--

д. Горка

Пунинова Манефа Федоровна (1912)	1987	ФА СыктГУ. ф. 0426.1—0426.9	
----------------------------------	------	-----------------------------	--

д. Залесье

Губкина Зоя Андреевна (1914)	1991	ФА СИХМ. ф. 0302	
	1987	ФА СыктГУ. ф. 0427.13, ф. 0427.31, ф. 0433.1—0433.61	
Пахтусова Афанасия Дмитриевна (1902)	1987	ФА СыктГУ. ф. 0427.8—0427.41	Сказки, похоронные плачи
		ФА СыктГУ. ф. 0433э.62—0433э.74	
Пахтусова Евдокия Дмитриевна (1905)	1987	ФА СыктГУ. ф. 0427.8—0427.41, ф. 0433.1—0433.61	

Суворова Манефа Александровна (1925)	1987	ФА СыктГУ. ф. 0427.8—0427.41, ф. 0433.1—0433.61	
Федяева Мария Семеновна (1914)	1987	ФА СыктГУ. ф. 0427.8—0427.41, ф. 0433.1—0433.61	
Федяева Ольга Дмитриевна (1911)	1987	ФА СыктГУ. ф. 0427.8—0427.41, ф. 0433.1—0433.61	

д. Замятино

Головина Улита Петровна (1907)	1987	ФА СыктГУ. ф. 0440.10, ф. 0440.27	
Федяева Афанасия Дмитриевна (1907)	1987	ФА СыктГУ. ф. 0479.37—0479.46, ф. 0480.2, ф. 0480.5, ф. 0480.8—0480.11, ф. 0480.14, ф. 0480.15	

д. Заозерье

Ларионов Савватий Васильевич (1903)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0462.100	Рассказ о свадьбе
-------------------------------------	------	------------------------	-------------------

д. Моисеиха

Елезарьева Зоя Николаевна (1908)	1987	ФА СыктГУ. ф. 0463.38, ф. 0463.40	
----------------------------------	------	-----------------------------------	--

д. Нылога

Губкина Великанида Степановна (1914)	1987	ФА СыктГУ. ф. 0441.27	Возможно, имя исполнительницы — Еликонида
Губкина Софья Никифоровна (1908)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0483.24—0483.27	

с. Павловское

Вохминов Л. И. (1936)	1959	ФК. ф. 1358.9—1358.12	Гармонист
Ларионова Ф. А. (1932)	1959	ФК. ф. 1358.9—1358.12	
Петухова Л. Г. (1933)	1959	ФК. ф. 1358.9—1358.12	
Тишков Алексей Алексеевич (1924)	1959	ФК. ф. 1358.9—1358.12	

Пречистенский с/с

д. Берег

Верещагина Фаина Владимировна	1972	ФК. ф. 1417.45—1417.47	
Вьюхина Марфа Ивановна (1913)	1972	ФК. ф. 1417.33—1417.43	
Ильина Александра Викторовна (1909)	1972	ФК. ф. 1417.33—1417.44	
Инкина Пелагея Федоровна (1905)	1972	ФК. ф. 1417.33—1417.43	
Кобелева Алевтина Федоровна (1905)	1972	ФК. ф. 1417.33—1417.44	

с. Слобода

Шенин Николай	1959	ФК. ф. 1357.6—1357.8, ф. 1358.1, ф. 1358.2	Гармонист
---------------	------	---	-----------

Селянский [Фоминский] с/с

д. Большой Двор

Суворова Екатерина Максимовна (1909)		ФА СыктГУ. ф. 0456.4— 0456.11	
Тропникова Александра Ильинична (1916)	1986	ФА СыктГУ. ф. 0401.22— 0401.38, ф. 0401.42, ф. 0404	0404 — дубль 0401

д. Кондаково

Кондакова Евдокия Степановна (1913)	1986	ФА СыктГУ. ф. 0410.1, ф. 0410.3, ф. 0410.4	
Кондакова [А]поллинаруя Васильевна (1923)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0477.1— 0477.23	
Мелькова Клавдия Степановна (1908)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0477.1— 0477.23	
Стенина Евдокия Ефимовна (1906)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0477.24— 0477.33	

д. Слободка

Носонова Наталья Александровна (1912)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0462.7— 0462.17	
---------------------------------------	------	----------------------------------	--

пос. Фоминск

Тропникова Варвара Петровна (1905)	1986	ФА СыктГУ. ф. 0413.1, ф. 0413.2	
------------------------------------	------	------------------------------------	--

Котласский р-н**Бабаевский с/с**

д. Большое Михалёво

Головина Анна Алексеевна (1906)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0634.86— 0634.92, ф. 0635.89— 0635.100	
---------------------------------	------	--	--

д. Ваганы

Харитоновская Анна Афанасьевна (1921)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0638.39— 0638.60, ф. 0639.1—0639.19	
Черенцова Мария Степановна (1914)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0638.39— 0638.60, ф. 0639.1—0639.19	
Щукина Лидия Егоровна (1911)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0638.39— 0638.60, ф. 0639.1—0639.19	

д. Улыбино

Махина Мария Ивановна (1909)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0638.17— 0638.38	
------------------------------	------	-----------------------------------	--

Вонгорский [Вонгодский] с/с

д. Гусево

Лебедев Петр Алексеевич	1991	ФА СыктГУ. ф. 0644.28—0644.29	
Лебедева Александра Андреевна	1991	ФА СыктГУ. ф. 0644.30	

д. Слободка

Ива[н]кина Александра Матвеевна (1903)	1991	ФА СыктГУ. ф. 0643.14—0643.16, ф. 0644.1—0644.22	
Старцева Фаина Николаевна (1920)	1991	ФА СыктГУ. ф. 0644.23—0644.27	

Вондокурский с/с

д. Вондокурье

Казанцева Мария Матвеевна (1905)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0634.70—0634.85, ф. 0635.47—0635.88	
Нюхина Клавдия Зосимовна (1908)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0634.62—0634.69, ф. 0635.26—0635.46	

д. Прислон

Плетенёва Капитолина Алексеевна (1922)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0634.56—0634.61, ф. 0635.20—0635.25	
--	------	---	--

Вотлажемский с/с

д. Гарь

Пьянкова Лидия Николаевна (1909)	1991	ФА СыктГУ. ф. 0642.1—0642.6	
----------------------------------	------	-----------------------------	--

Забелинский с/с

д. Забелинская

Шошкина Мария Емельяновна (1905)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0640.36—0640.40	
----------------------------------	------	-------------------------------	--

д. Казна

Ковалёва Екатерина Александровна (1929)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0632.16—0632.36	
Ковалёва Пелагея Михайловна (1903)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0632.16—0632.36	

Коряжемский с/с

г. Коряжма

Волкова Елизавета Михайловна (1900)	1972	ФК. ф. 1419.142—1419.147	Урож. д. Заболотье (см. ниже)
-------------------------------------	------	--------------------------	-------------------------------

д. Наволок [ранее Козьминского с/с]

Божедомова Пелагея Ивановна (1905)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0630.31—0630.48	
Божедомова Серафима Александровна (1908)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0630.31—0630.48	
Митюгова Мария Петровна (1905)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0629.48, ф. 0630.1—0630.30	
Субботина Нина Николаевна (1914)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0630.31—0630.48	

д. Сосновская

Трубочёва Мария Владимировна (1910)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0631.1—0631.6	
-------------------------------------	------	-----------------------------	--

д. Туйково

Манзырева Фаина Ивановна (1905)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0628.1—0628.18	
---------------------------------	------	------------------------------	--

д. Черепиха

Елисеева А. А. (1911)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0629.18—0629.27, ф. 0629.31, ф. 0629.32, ф. 0629.35—0629.47	
Свинина А. М. (1915)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0629.18—0629.30, ф. 0629.33—0629.34	

д. Шобья

Манзырев Леонид Клементьевич (1918)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0629.1—0629.4	
Манзырева Антонина Ивановна (1918)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0629.5—0629.17	

Пачезерский с/с

д. Шивринская [Шиврино, ранее Андреевского с/с]

Волкова Серафима Павловна	1988	ФА СыктГУ. ф. 0620.1—0620.13	
---------------------------	------	------------------------------	--

Песчанский с/с

д. Вёшкурье [Вёшкурья, бывш. Вёшкурского с/с]

Добрынская Павла Тихоновна (1919)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0632.1, ф. 0632.2	
Перекопская Федора Тимофеевна (1910)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0632.3—0632.5	

д. Песчаница [ранее Вотлажемского с/с]

Котова Ирина Матвеевна (1913)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0632.7, ф. 0632.8	
Шемухин Илья Ильич (1929)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0632.6	Гармонист

Шикова Анна Матвеевна (1927)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0632.9—0632.13	
------------------------------	------	------------------------------	--

Савватийский с/с

д. Овечкина [бывш. Ямский с/с]

Мусунова Клавдия Ивановна (1915)	1991	ФА СыктГУ. ф. 0642.7—0642.18	
----------------------------------	------	------------------------------	--

д. Савватий [Савватия, ранее Вотлажемского с/с]

Тулукова Анна Николаевна (1914)	1991	ФА СыктГУ. ф. 0642.19—0642.20, ф. 0643.1—0643.13	
---------------------------------	------	--	--

Сольвычегодский с/с

д. Заболотье [бывш. Заболотского с/с]

Бебякова Александра Дмитриевна (1893)	1959	ФК. ф. 1352.4—1352.10, ф. 1353.1, ф. 1353.2	
Бебякова Евдокия Романовна (1900)	1959	ФК. ф. 1352.4—1352.10, ф. 1353.1, ф. 1353.2	
Волкова Агафья Даниловна (1902)	1959	ФК. ф. 1352.4—1352.10, ф. 1353.1, ф. 1353.2	
Волкова Анна Александровна (1900)	1959	ФК. ф. 1352.4—1352.10, ф. 1353.1, ф. 1353.2	
Волкова Елизавета Михайловна (1900)	1959	ФК. ф. 1352.4—1352.10, ф. 1353.1, ф. 1353.2	В 1972 г. записывалась в г. Коряжме (см. выше)
	1971	ФК. ф. 1334.30—1334.32	
Кувалдина Александра Ивановна (1908)	1959	ФК. ф. 1352.4—1352.10, ф. 1353.1, ф. 1353.2	Запевала
	1971	ФК. ф. 1334.30—1334.35	

д. Княжа [Княже, бывш. Заболотского с/с]

Волкова Глафира Александровна (1912)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0632.14, ф. 0632.15	
--------------------------------------	------	-----------------------------------	--

д. Княжица [бывш. Заболотского с/с]

Кучина Александра Михайловна	1974	ФК. ф. 1338.22—1338.27	
Лобанцева Раиса Ивановна (1900)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0627.21—0627.33	
Пантелеева Анна Васильевна	1974	ФК. ф. 1338.22—1338.27	
Пашнина Александра Алексеевна (1909)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0627.34—0627.39	
Уткина Анна Алексеевна (1908)	1974	ФК. ф. 1338.22—1338.27	
Уткина Мария Федоровна (1911)	1974	ФК. ф. 1338.22—1338.27	
Чупракова Александра Павловна (1909)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0627.16—0627.20	
Чупракова Анна Алексеевна (1908)	1974	ФК. ф. 1338.22—1338.27	
Чупракова Евдокия Васильевна (1896)	1974	ФК. ф. 1338.22—1338.27	Запевала
Чупракова Евдокия Васильевна (1903)	1974	ФК. ф. 1338.22—1338.27	

д. Метлино [бывш. Метлинского с/с]

Антипова Фаина Петровна (1917)	1974	ФК. ф. 1339.4, ф. 1339.5	
Батина Анна Тимофеевна (1885)	1959	ФК. ф. 1352.2, ф. 1352.3	
Вагина Александра Николаевна (1898)	1971	ФК. ф. 1338.7—1338.15	
Кузнецова Анна Егоровна (1884)	1959	ФК. ф. 1352.2, ф. 1352.3	
Паламодова Александра Александровна (1911)	1959	ФК. ф. 1352.2, ф. 1352.3	
	1971	ФК. ф. 1338.7, ф. 1338.10—1338.14	
Свиньина Анастасия Николаевна (1895)	1959	ФК. ф. 1352.2, ф. 1352.3	
Чернягина Евдокия Васильевна (1910)	1959	ФК. ф. 1352.2, ф. 1352.3	

г. Сольвычегодск

Верхотина Мария (1901)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0621.1—0621.15	
Воскресенская Елизавета Михайловна (1905)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0621.1—0621.17	
Махина Анна Николаевна (1908)	1991	ФА СыктГУ. ф. 0647.1—0647.23	
Ожегов С. Ю. (1924)	1959	ФК. ф. 1352.1 ФК. ф. 1354.1—1354.5	Гармонист
Сухарева Зинаида Павловна (1929)	1959	ФК. ф. 1354.2—1354.5, ф. 1354.6	
Терюнина Елена Ивановна	1959	ФК. ф. 1361.6	
Южаков Николай Алексеевич	1959	ФК. ф. 1361.1, ф. 1361.2 ФК. ф. 1361.4—1361.6	Гармонист, исполнитель на гармонитальянке

д. Шешурово [бывш. Шешуровского с/с]

Быкова Александра Дмитриевна (1899)	1974	ФК. ф. 1339.6—1339.18	
Быкова Анна Михайловна (1908)	1974	ФК. ф. 1339.6—1339.18	
Верховцева Татьяна Викторовна (1906)	1974	ФК. ф. 1339.6—1339.18	Запевала
Свиньина Александра Степановна (1906)	1974	ФК. ф. 1339.6—1339.18	
Стрекаловская Клавдия Михайловна (1906)	1974	ФК. ф. 1339.6—1339.18	

Удимский с/с

д. Куимиха

Замятин Любовь Васильевна (1903)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0638.1—0638.11	
Шарыкова Мария Прокопьевна (1909)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0638.12—0638.20	

Щёкина Лидия Николаевна (1908)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0638.21— 0638.26	
-----------------------------------	------	-----------------------------------	--

Федотовский с/с [бывш. Захаринский с/с]

д. Бетериха [Бехтериха]

Веселкова Александра Евстафьевна (1914)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0641.16, ф. 0641.17	
--	------	--------------------------------------	--

д. Захарово [Захарино]

Налетова Елизавета Николаевна (1898)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0641.1— 0641.15	
---	------	----------------------------------	--

д. Княщина

Казанцева Екатерина Андреевна (1907)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0641.62— 0641.81	
---	------	-----------------------------------	--

д. Красавино [ранее Вонгодского с/с]

Михина Валентина Николаевна (1922)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0641.27— 0641.51	
---------------------------------------	------	-----------------------------------	--

д. Кузнецово [бывш. Кузнецовского с/с]

Гольшшева Клавдия Андреевна (1910)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0641.82— 0641.87	
---------------------------------------	------	-----------------------------------	--

Маракушина Елизавета Андреевна (1907)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0641.88— 0641.92	
--	------	-----------------------------------	--

д. Михалиха

Стрекаловская Анна Николаевна (1912)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0641.17а— 0641.18а	
---	------	-------------------------------------	--

Стрекаловская Мария Степановна (1907)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0641.19— 0641.26	
--	------	-----------------------------------	--

д. Отставные Петровские

Мезенцева Александра Ивановна (1905)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0641.52— 0641.57	
---	------	-----------------------------------	--

д. Печерино

Кузнецова Мария Михайловна	1989	ФА СыктГУ. ф. 0640.41— 0640.73	
----------------------------	------	-----------------------------------	--

Кузнецова Мария Яковлевна (1915)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0640.41— 0640.73	Урож. д. Гришкино
-------------------------------------	------	-----------------------------------	-------------------

Харитоновский с/с [бывш. Новиковский с/с]

д. Большое Рычково

Васильева Надежда Григорьевна (1915)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0624.32— 0624.49	
---	------	-----------------------------------	--

д. Гришановская

Балушкина Мария Павловна (1909)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0624.50— 0624.52	
------------------------------------	------	-----------------------------------	--

818 Указатели

д. Новиково

Козицина Клавдия Осиповна (1909)	1974	ФК. ф. 1338.16—1338.21	Запевала
	1988	ФА СыктГУ. ф. 0626.1—0626.33	
Козицина Мария Степановна (1905)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0626.1—0626.33	
Козицина Ульяна Федоровна (1930)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0626.1—0626.33	
Кузьмина Агния Осиповна (1887)	1974	ФК. ф. 1338.16—1338.21	
Олешкова Анна Степановна (1909)	1974	ФК. ф. 1338.16—1338.21	

д. Трегубовская

Балушкина Анна Петровна (1912)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0626.34—0626.52, ф. 0627.1—0627.15	
Ключихина Александра Петровна (1909)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0624.53—0624.72, ф. 0625.1—0625.11	

д. Харитоново

Возузова Татьяна Афанасьевна (1905)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0623.1—0623.35	
Кузичина Нина Александровна (1927)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0624.1—0624.22	
Куракина Фаина Александровна (1927)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0624.1—0624.22	
Харитонов Василий Александрович (1903)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0623.43—0623.60	
Харитоновна Ольга Ивановна (1914)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0624.1—0624.22	
Харитоновна Софья Александровна (1910)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0523.36—0523.42	

д. Чесовица

Козицина Клавдия Ивановна (1913)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0624.23—0624.31	
-------------------------------------	------	-------------------------------	--

Шипицинский с/с

д. Уртомаж [Уртомажье]

Хохлова Валентина Васильевна	1988	ФА СыктГУ. ф. 0636.52—0636.80	Урож. д. Уфтюга Красноборского р-на
------------------------------	------	-------------------------------	--

д. Шипицино

Головина Таисия Александровна (1917)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0634.16—0634.18	
Лебедева Марфа Матвеевна (1902)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0634.37—0634.55	
Ревякина Екатерина Михайловна (1906)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0637.1—0637.12	

Реутова Мария Васильевна (1897)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0637.13—0637.34	
Стрекаловская Анна Васильевна (1906)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0634.19—0634.30	

д. Шукино

Добринская Павла Тихоновна (1905)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0637.35—0637.42	
Фролова Анна Андреевна (1896)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0637.43—0637.52	

Ленский р-н

Иртовский с/с

д. Гора

Батаева Евдокия Васильевна (1908)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0815.55—0815.57	
-----------------------------------	------	-------------------------------	--

с. Ирта

Гобанова Мария Васильевна (1915)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0818.4—0818.37, ф. 0819.17—0819.23	
Жданов Георгий Иванович (1907)	1972	ФК. ф. 1419.132, ф. 1419.133	
Жданова Анна Александровна (1908)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0801.64—0801.90	Урож. д. Конечозерье
Помолева Лидия Григорьевна (1902)	1970	ФК. ф. 1066.33, ф. 1066.34а, ф. 1066.35, ф. 1066.35б—1066.55, ф. 1066.56, ф. 1066.57	Урож. д. Микшиной Горы Сафроновского с/с; в 1970 г. пела в составе ансамбля, записанного в д. Лопатино
	1972	ФК. ф. 1333.1—1333.22, ф. 1419.132—1419.134	
Селиванова Аграфена Фоминична (1904)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0817.27—0817.32, ф. 0818.1—0818.3	
Юмшанова Елизавета Николаевна (1901)	1970	ФК. ф. 1066.33—1066.57	В 1970 г. пела в составе ансамбля, записанного в д. Лопатино

д. Конечозерье

Кожевина Александра Васильевна (1910)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0819.15, ф. 0819.16	
Нефедьева Лидия Михайловна (1911)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0819.11—0819.14а	

д. Лопатино

Викторова Ольга Филипповна (1902)	1970	ФК. ф. 1066.35—1066.57	
Выборова Александра Павловна (1904)	1970	ФК. ф. 1066.35—1066.58	

820 Указатели

Комарова Клавдия Алексеевна (1901)	1970	ФК. ф. 1066.35—1066.57	Запевала
Пименова Ольга Дмитриевна (1914)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0820.1—0820.10	
Пименова Прасковья Егоровна (1881)	1970	ФК. ф. 1066.36—1066.57	
Софина Серафима Николаевна (1923)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0820.1—0820.9, ф. 0820.11, ф. 0820.12	

д. Новая Деревня

Карпов Федор Васильевич (1910)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0823.21—0823.37, ф. 0824.1—0824.22	
--------------------------------	------	--	--

д. Пустошь

Гобанова Ольга Васильевна (1910)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0818.43—0818.46, ф. 0819.1—0819.9	
Помолева Лидия Васильевна (1912)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0818.38—0818.42	

Козьминский с/с

пос. Гыжег

Баранова Марфа Петровна (1927)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0832.15—0832.29	
Демидова (Кобычева) Анна Николаевна (1925)	2003	ФА РГПУ. ф. 02ФА 03-38, ф. 02ФА 03-47	Урож. д. Шонома
Залужская Наталья Кирилловна (1908)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0832.9—0832.14	
Кобычева Татьяна Николаевна (1913)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0832.1—0832.14	
Подалкина Капитолина Петровна (1925)	2003	ФА РГПУ. ф. 02ФА 03-47	

д. Дорофеевская

Соболева Мария Трофимовна (1903)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0832.30—0832.40	
----------------------------------	------	-------------------------------	--

д. Карповская

Морозова Мария Андреевна (1920)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0830.5—0830.11	
---------------------------------	------	------------------------------	--

с. Козьмино

Векшина Клавдия Ивановна (1920)	1985	РАМ. ф. 2227.118—2227.133	
Гладышева Евдокия Гавриловна (1914)	1985	РАМ. ф. 2227.119—2227.129	
	1989	ФА СыктГУ. ф. 0810.11—0810.19, ф. 0811.1—0811.17	
Дозморова Клавдия Андреевна (1910)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0812.6—0812.13	

Залужская Людмила Гавриловна (1909)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0808.45—0808.50, ф. 0809.32—0809.44, ф. 0810.1—0810.10, ф. 0813.1—0813.11	
Кобычев Павел Александрович (1904)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0812.1—0812.5	
Лиханова Анна Васильевна (1906)	1985	РАМ. ф. 2227.119—2227.129	Запевала
	1989	ФА СыктГУ. ф. 0810.11—0810.19, ф. 0811.1—0811.17, ф. 0812.14—0812.34	
Моденова Александра Петровна (1913)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0810.11—0810.19, ф. 0811.1—0811.17	
Мягкоступова Ольга Тихоновна (1908)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0811.18, ф. 0811.19	Исполнительница из д. Сойги
Некрасова Елизавета Александровна (1922)	1985	РАМ. ф. 2227.119—2227.129	
Петиева Евдокия Александровна (1908)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0810.11—0810.19, ф. 0811.1—0811.17	
Сидорова Марфа Александровна (1909)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0810.11—0810.19, ф. 0811.1—0811.17	
Таратина Мария Ивановна (1916)	1985	РАМ. ф. 2227.119—2227.129	

д. Кононовская

Кузнецова Анна Васильевна (1910)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0830.12—0830.14	
----------------------------------	------	-------------------------------	--

д. [Большой] Остров

Бережных А. В. (1911)	1964	ФК. ф. 242.26, ф. 242.33, ф. 242.35—242.37, ф. 242.45	
Бережных Александра Филипповна (1923)	1964	ФК. ф. 242.26, ф. 242.33, ф. 242.35—242.37, ф. 242.45	
Бережных Алексей Егорович (1911)	1970	ФК. ф. 1067.23—1067.25, ф. 1067.28, ф. 1067.29	Исполнитель на балалайке
Бережных Е. А. (1911)	1964	ФК. ф. 242.26, ф. 242.33, ф. 242.35—242.37, ф. 242.45	
Бильков Борис Павлович (1947)	1970	ФК. ф. 1067.31, ф. 1067.32	Гармонист
Бильков Константин Степанович (1901)	1970	ФК. ф. 1067.26—1067.28, ф. 1067.30	Гармонист
Билькова Варвара Васильевна (1908)	1970	ФК. ф. 1067.28—1067.30, ф. 1067.33—1067.39	
Кожевникова М. Е. (1927)	1964	ФК. ф. 242.26, ф. 242.33, ф. 242.35—242.37, ф. 242.45	
Маховская П. В. (1899)	1964	ФК. ф. 242.26, ф. 242.33, ф. 242.35—242.37, ф. 242.45	
Михалкина Евдокия Осиповна (1888)	1970	ФК. ф. 1067.33—1067.39	
Прилуцкая У. А. (1901)	1964	ФК. ф. 242.26, ф. 242.33, ф. 242.35—242.37, ф. 242.45	
Софина В. И. (1927)	1964	ФК. ф. 242.26, ф. 242.33, ф. 242.35—242.37, ф. 242.45	

822 Указатели

Суранова П. А. (1901)	1964	ФК. ф. 242.26, ф. 242.33, ф. 242.35–242.37, ф. 242.45	
Хомутникова А. И. (1901)	1964	ФК. ф. 242.26, ф. 242.33, ф. 242.35–242.37, ф. 242.45	

д. Томиловская

Лапшина Мария Павловна (1910)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0830.15– 0830.25, ф. 0831.1–0831.26	
----------------------------------	------	--	--

д. Урдома

Бережная Светлана Никитична (1926)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0832.41	
Кибалина Антонина Никитична (1923)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0832.41	
Парыгина Анна Григорьевна (1913)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0833.1– 0833.5	

д. Фоминская

Образцова Александра Федоровна (1912)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0830.1– 0830.4	
Прилуцкая Мария Ивановна (1921)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0830.1– 0830.4	

Ленский с/с

д. 2-я Борисовская [Лукинская]

Селиванова Анна Александровна (1913)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0809.1– 0809.27	
Селиванова Ольга Михайловна (1911)	1970	ФК. ф. 1067.1–1067.21	
	1989	ФА СыктГУ. ф. 0809.1– 0809.31	

д. [1-я] Васильевская

Варенцова Наталья Павловна (1914)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0808.13– 0808.31	
--------------------------------------	------	-----------------------------------	--

д. Вожем

Кириллова Александра Александровна (1920)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0808.32– 0808.44	
Тарасова Анна Дмитриевна (1918)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0808.32– 0808.44	
Шалаева Мария Васильевна (1912)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0808.32– 0808.44	

с. Лена

Берникова Елена Павловна (1911)	1985	РАМ. ф. 2227.134–2227.137, ф. 2228.138–2228.152	
	1989	ФА СыктГУ. ф. 0807.1– 0807.14	

Маслова Зинаида Михайловна (1918)	1985	РАМ. ф. 2227.134—2227.137, ф. 2228.138—2228.152	
	1988	ФА СыктГУ. ф. 0801.1— 0801.14	
	1989	ФА СыктГУ. ф. 0807.1— 0807.14	
Пашина Галина Петровна (1905)	1985	РАМ. ф. 2227.134—2227.137, ф. 2228.138—2228.152	
	1989	ФА СыктГУ. ф. 0806.29— 0806.58, ф. 0807.1—0807.14	
Шаньгина Анна Константинов- на (1908)	1985	РАМ. ф. 2227.134—2227.137, ф. 2228.138—2228.152	
	1989	ФА СыктГУ. ф. 0807.1— 0807.14	
Шаньгина Екатерина Феокти- стовна (1907)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0807.1— 0807.14	
Яранская Мария Петровна (1923)	1985	РАМ. ф. 2227.134—2227.137, ф. 2228.138—2228.152	
	1989	ФА СыктГУ. ф. 0807.1— 0807.14	

Ленский Наволок (д. Берез, Грёз, Ивановка, 2-я Борисовская,
Лукинская)

Головущкина Евдокия Алексан- дровна (1922)	1970	ФК. ф. 1067.2, ф. 1067.6— 1067.8, ф. 1067.10—1067.16, ф. 1067.18	
Койнова Анна Аркадьевна (1907)	1970	ФК. ф. 1067.1, ф. 1067.2, ф. 1067.5—1067.16, ф. 1067.18, ф. 1067.21, ф. 1067.22, ф. 1069.1— 1069.22	
Немазанникова Александра Александровна (1911)	1970	ФК. ф. 1067.2, ф. 1067.4, ф. 1067.6—1067.8, ф. 1067.10—1067.16, ф. 1067.18, 1067.21	
Пестерева Елизавета Николаев- на (1912)	1970	ФК. ф. 1067.2, ф. 1067.4, ф. 1067.6—1067.8, ф. 1067.10—1067.16, ф. 1067.19	
Пономарёва Людмила Алексеев- на (1905)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0801.15— 0801.29	
Тарасова Евдокия Дмитриевна (1905)	1970	ФК. ф. 1067.1—1067.18, ф. 1067.21	
Тарасова Евдокия Федоровна (1907)	1970	ФК. ф. 1067.1—1067.4, ф. 1067.6—1067.8, ф. 1067.10—1067.16, ф. 1067.18, ф. 1067.21	
Тарасова Мария Федоровна (1906)	1970	ФК. ф. 1067.1, ф. 1067.2, ф. 1067.4, ф. 1067.6— 1067.18, ф. 1067.21	

Шаньгина Анна Матвеевна (1911)	1970	ФК. ф. 1067.2, ф. 1067.4, ф. 1067.6—1067.8, ф. 1067.10—1067.16, ф.1067.18, 1067.21	
-----------------------------------	------	---	--

д. Устюг

Трапезникова Анна Павловна (1918)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0807.15— 0807.19, ф. 0808.1—0808.12	
--------------------------------------	------	--	--

Рябовский с/с

д. Гермánовская

Степырева Анна Ивановна (1911)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0844.23— 0844.46, ф. 0847.15— 0847.27	
--------------------------------	------	---	--

д. Заручевье

Задорина Мария Фёдоровна (1914)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0843.1— 0843.8	
------------------------------------	------	---------------------------------	--

д. Конюшевская

Ключихина Мария Алексан- дровна (1924)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0846.3— 0846.17	
---	------	----------------------------------	--

д. Нечаевская

Мясихина Елизавета Николаев- на (1908)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0846.1, ф. 0846.2	
---	------	------------------------------------	--

д. Нижнее Устье

Калинина Александра Петров- на (1919)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0842.11	
--	------	-----------------------	--

с. Рябово

Калинина Дарья Григорьевна (1910)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0846.18— 0846.54, ф. 0847.1—0847.14	
--------------------------------------	------	--	--

д. Устье

Задорина Татьяна Семеновна (1904)	1970	ФК. ф. 1068.1—1068.20, ф. 1068.22—1068.33	Урож. д. Матюков- ской
	1972	ФК. ф. 1418.70—1418.93	
Копнина Евдокия Германовна (1909)	1970	ФК. ф. 1068.1—1068.19, ф. 1068.21—1068.33	Урож. д. Задорихи (на другом берегу р. Вычегды)
	1972	ФК. ф.1418.70—1418.92, ф. 1418.94	
	1990	ФА СыктГУ. ф. 0840.1— 0840.28, ф. 0841.1— 0841.21, ф. 0842.1—0842.10, ф. 0843.9—0843.16	
Полюянова Клавдия Егоровна (1908)	1970	ФК. ф. 1068.1—1068.19, ф. 1068.22—1068.33	

Тарасова Мария Семеновна (1911)	1970	ФК. ф. 1068.1—1068.19, ф. 1068.22—1068.33	
	1972	ФК. ф. 1418.70—1418.92	
Третьякова Анна Филипповна (1902)	1972	ФК. ф. 1418.70—1418.92	
Третьякова Надежда Николаевна (1890)	1970	ФК. ф. 1068.1—1068.19, ф. 1068.22—1068.33	Запевала
	1972	ФК. ф. 1418.70—1418.92	
Шемшина Клавдия Германовна (1906)	1970	ФК. ф. 1068.1—1068.19, ф. 1068.22—1068.33	
	1972	ФК. ф. 1418.70—1418.92, ф. 1419.115, ф. 1419.116	

Сафроновский с/с**д. Большой Кряж**

Афанасова Мария Михайловна (1910)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0801.116— 0801.119, ф. 0802.1— 0802.19	
	1989	ФА СыктГУ. ф. 0816.2— 0816.33, ф. 0817.1—0817.5	
Батаева Евдокия Васильевна (1908)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0816.1— 0816.33, ф. 0817.1—0817.5	
Выборова Анна Афанасьевна (1916)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0815.49— 0815.54	
Помолева Елена Федотовна (1911)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0801.91— 0801.119, ф. 0802.1— 0802.19	
	1989	ФА СыктГУ. ф. 0816.9— 0816.33, ф. 0817.1—0817.26	

д. Выемково

Бабцова Лариса Ивановна (1909)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0814.19, ф. 0814.20, ф. 0814.23— 0814.27, ф. 0815.1, ф. 0815.2	
Зубенко Антонина Павловна (1913)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0814.19— 0814.29, ф. 0815.1, ф. 0815.2	
Качева Анисья Михайловна (1878)	1943	РФ ЯКМ	Рукописные мате- риалы
Кошелева Любовь Ивановна (1909)	1989	ФА СыктГУ. ф. 1814.1— 1814.5	
Магей Галина Ивановна	1989	ФА СыктГУ. ф. 0815.1, ф. 0815.2	
Минина Мария Яковлевна (1910)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0814.6— 1814.18, ф. 0815.1, ф. 0815.2	
Попова Зоя Егоровна (1912)	1989	ФА СыктГУ. ф. 1814.19— 0814.29, ф. 0815.1—0815.30	
Софина Нина Александровна (1924)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0814.19, 0814.20, ф. 0814.23— 0814.27, ф. 0815.1, ф. 0815.2	

Туробова Александра Дмитриевна (1915)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0814.19, ф. 0814.20, ф. 0814.23—0814.27, ф. 0815.1, ф. 0815.2	
---------------------------------------	------	---	--

д. Лантыш

Зубова Ольга Зиновьевна (1916)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0805.1—0805.29	
Оскорбина Алевтина Ивановна (1908)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0805.1—0805.22, ф. 0806.1—0806.27	
Распопова Наталья Михайловна (1913)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0805.1—0805.22, ф. 0806.1—0806.27	Запевала

д. Микшина Гора

Агеева Л. И.	1959	ФК. ф. 1358а.6—1358а.13	
Белоголова Наталья Адольфовна (1919)	1972	ФК. ф. 1419.135	
Жданова Алевтина Алексеевна (1899)	1971	ФК. ф. 1334.18—1334.29	
	1972	ФК. ф. 1419.135—1419.140	
Жданова Нина Васильевна (1910)	1972	ФК. ф. 1419.136—1419.140	
Кривошеина Елена Афанасьевна (1901)	1971	ФК. ф. 1334.18—1334.26, ф. 1334.28, ф. 1334.29	
Курынова Е. М.	1959	ФК. ф. 1358а.6—1358а.13	
Лукошников А. И.	1959	ФК. ф. 1358а.6—1358а.13	
Мингалёва Мария Алексеевна (1906)	1971	ФК. ф. 1334.18—1334.26, ф. 1334.28, ф. 1334.29	
	1972	ФК. ф. 1419.135, ф. 1419.136	
Попова К. А.	1959	ФК. ф. 1358а.6—1358а.13	
Тумалёва А. И.	1959	ФК. ф. 1358а.6—1358а.13	
Фомина А. И.	1959	ФК. ф. 1358а.6—1358а.13	

д. Паладино

Зубов Сергей Николаевич	1988	ФА СыктГУ. ф. 0803.75—0803.82	
Козлова Александра Ивановна	1988	ФА СыктГУ. ф. 0803.53—0803.74	
Никитина Валентина Федоровна (1931)	2003	ФА РГПУ. ф. 02ФА 03-31	
Пивоварова Нина Изотьевна (1930)	2003	ФА РГПУ. ф. 02ФА 03-31	Урож. д. Ржаницынской Сойгинского с/с
Серебренников Сергей Николаевич (1905)	1970	ФК. ф. 1066.11—1066.15	

д. Юргино

Белоголова Вера Афанасьевна (1921)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0803.1—0803.9	
Булатова Федосья Трофимовна (1908)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0803.10—0803.52	

Эпова [Епова] Надежда Алексеевна	1926	ФА ИРЛИ	Запись проводилась в Ленинграде
----------------------------------	------	---------	---------------------------------

д. Яренга

Рупосова Феодосья Андреевна (1894)	1970	ФК. ф. 1066.16—1066.18	
Тучнолобова Елена Андреевна (1897)	1970	ФК. ф. 1066.16, ф. 1066.17, ф. 1066.18а	

с. Яренск

Антоновская Елизавета Павловна (1905)	1970	ФК. ф. 1066.24—1066.32	
	1972	ФК. ф. 1419.141	
Бережной Иван Дмитриевич (1906)	1970	ФК. ф. 1066.30, ф. 1066.31	Гармонист
Вилегжанинова А. Ф.	1959	ФК. ф. 1359.1—1359.12, ф. 1360.1—1360.9	
Гужова Нина Андреевна (1919)	1959	ФК. ф. 6019, ф. 1359.1—1359.12	
	1970	ФК. ф. 1066.1—1066.5, ф. 1066.8, ф. 1066.9	
Гулина Ольга Николаевна (1903)	1959	ФК. ф. 6019, ф. 1359.1—1359.12, ф. 1360.1—1360.9	
	1970	ФК. ф. 1066.1—1066.6, ф. 1066.8—1066.10, ф. 1066.24—1066.32	
	1972	ФК. ф. 1419.141	
Дайц Вера Яковлевна (1918)	1959	ФК. ф. 6019, ф. 1359.1—1359.12	
	1970	ФК. ф. 1066.1—1066.6, ф. 1066.8, ф. 1066.9	
Епов Петр Иванович (1917)	1971	ФК. ф. 1336.3	Гармонист
Епова Л. П.	1959	ФК. ф. 1359.1—1359.12, ф. 1360.1—1360.9	
Жданова М. М.	1959	ФК. ф. 1359.1—1359.12, ф. 1360.1—1360.9	
Зубова Екатерина Ивановна (1910)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0829.1—0829.17	Урож. д. Богослово
Мамонтова Елизавета Владимировна (1908)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0834.29—0834.44	
Митрошина Анна Федоровна (1904)	1959	ФК. ф. 1359.1—1359.12, ф. 1360.1—1360.9	
	1970	ФК. ф. 1066.1—1066.5, ф. 1066.7—1066.9	
Митрошина Мария Васильевна (1916)	1959	ФК. ф. 1359.1—1359.12, ф. 1360.1—1360.9	
	1970	ФК. ф. 1066.1—1066.9, ф. 1066.24—1066.32	
	1972	ФК. ф. 1419.141	
Обросов Борис Григорьевич (1934)	1971	ФК. ф. 1336.1, ф. 1336.1а	Гармонист, исполнитель частушек

Обросов Валерий Васильевич (1938)	1971	ФК. ф. 1336.1, ф. 1336.2	Гармонист, исполнитель частушек
Пинегина Анна Тихоновна (1917)	1970	ФК. ф. 1066.25—1066.32	
	1972	ФК. ф. 1419.41	
Ракина Е. М.	1959	ФК. ф. 1359.1—1359.12, ф. 1360.1—1360.9	
Роговская А. Ф.	1959	ФК. ф. 1359.1—1359.12, ф. 1360.1—1360.9	
Широких Галина Васильевна (1915)	1959	ФК. ф. 1359.1—1359.12, ф. 1360.1—1360.9	Руководитель местного народного хора
	1970	ФК. ф. 1066.1—1066.5, ф. 1066.7—1066.10, ф. 1066.24—1066.32	
	1991	ФА СыктГУ. ф. 0851.1—0851.49	
	2003	ФА РГПУ. ф. 02ФА 03-40, ф. 02ФА 03-49	
Шубенина Мария Ивановна (1915)	1970	ФК. ф. 1066.1—1066.6, ф. 1066.8, ф. 1066.9, ф. 1066.25—1066.32	
	1972	ФК. ф. 1419.141	
Эпова [Епова] Анна Алексеевна	1926	ФА ИРЛИ	Запись проводилась в Ленинграде
Юринская М. П.	1959	ФК. ф. 1359.1—1359.12, ф. 1360.1—1360.9	

Слободчиковский с/с**д. Вандыш**

Бережных Наталья Тимофеевна (1910)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0826.22—0826.46, ф. 0827.1—0827.17	
Галина Агния Лукьяновна (1907)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0826.43—0826.46, ф. 0827.1—0827.12	

д. Коротовинская

Отряхнина Варвара Ивановна (1901)	1971	ФК. ф. 1337.29—1337.32, ф. 1338.1—1338.6	В 1972 г. пела в составе ансамбля, записанного в с. Слободчикове
	1972	ФК. ф. 1419.117—1419.127	
Щипина [Шипина] Афанасия Ивановна (1910)	1971	ФК. ф. 1337.29—1337.32, ф. 1338.1—1338.6	В 1972 г. пела в составе ансамбля, записанного в с. Слободчикове
	1972	ФК. ф. 1419.117—1419.127	
Щипина [Шипина] Фелицитата Васильевна (1904)	1971	ФК. ф. 1337.29—1337.32, ф. 1338.1—1338.6	

д. Рязановская

Пинегина Мария Александровна (1907)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0825.12—0825.25	
-------------------------------------	------	-------------------------------	--

с. Слободчиково

Баранова Мария Васильевна (1891)	1972	ФК. ф. 1419.117—1419.127	Запевала
Парилова Евдокия Степановна (1908)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0825.86, ф. 0826.1—0826.21	
Юнтунен Александра Филипповна (1924)	1972	ФК. ф. 1419.117—1419.127	

д. Средняя Софроновская

Мисихин [Мясихин] Федор Иванович (1899)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0801.30—0801.57	
	1989	ФА СыктГУ. ф. 0825.71—0825.85	

д. Шеинская

Баранова Анна Дмитриевна (1915)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0825.26—0825.62	
---------------------------------	------	-------------------------------	--

д. Шудино

Галина Александра Ивановна (1914)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0825.63—0825.70	
-----------------------------------	------	-------------------------------	--

д. Щишино [Шишино]

Рычкова Татьяна Николаевна (1910)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0824.24—0824.27, ф. 0825.1—0825.11	
-----------------------------------	------	--	--

Сойгинский с/с

д. Артемишино

Хлызова Мария Васильевна (1913)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0844.11—0844.22	
---------------------------------	------	-------------------------------	--

д. Белопашино [Белопашенная, Белопашенное, Белокаменное, Шадрино]

Амосова Мария Павловна (1914)	1985	РАМ. ф. 2224.24—2224.31, ф. 2225.32—2225.68	
Беляева Екатерина Гавриловна (1910)	1971	ФК. ф. 1336.16—1336.24, ф. 1337.1—1337.5, ф. 1337.8, ф. 1337.10—1337.13	
Беляева [?] Елена Тимофеевна (1913)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0848.16—0848.18, ф. 0848.22—0848.45	
Екимова А. Н. см. Якимова А. Н.			
Екимова Е. Г. см. Якимова Е. Г.			
Ефремова Лидия Павловна	1990	ФА СыктГУ. ф. 0845.26—0845.40	
Карандышева Мария Федоровна (1907)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0849.1—0849.24	
Кибалин Петр Никанорович (1909)	1971	ФК. ф. 1337.4—1337.6, ф. 1337.9—1337.11	Гармонист

Кибалина Ольга Григорьевна (1927)	1971	ФК. ф. 1337.6, ф. 1337.7	
Маковеева Мария Николаевна (1927)	1971	ФК. ф. 1337.6, ф. 1337.7	
	1990	ФА СыктГУ. ф. 0844.1—0844.10	
Мокрецова Анна Павловна (1911)	1971	ФК. ф. 1336.16—1336.24, ф. 1337.1—1337.5, ф. 1337.8, ф. 1337.10—1337.13	
	1985	РАМ. ф. 2224.24—2224.31, ф. 2225.32—2225.68	
Мосеева Александра Сергеевна (1909)	1971	ФК. ф. 1336.16—1336.24, ф. 1337.1—1337.5, ф. 1337.8, ф. 1337.10—1337.13	
Мясихина [Мисихина] Серафима Павловна (1916)	1971	ФК. ф. 1336.16—1336.24, ф. 1337.1—1337.5, ф. 1337.8, ф. 1337.10—1337.13	
	1985	РАМ. ф. 2224.24—2224.31, ф. 2225.32—2225.68	
	1990	ФА СыктГУ. ф. 0845.1—0845.3, ф. 0845.22—0845.40	
Саранцина Мария Захаровна (1908)	1971	ФК. ф. 1335.3—1335.29, ф. 1336.16—1336.24, ф. 1337.1—1337.5, ф. 1337.8, ф. 1337.10—1337.13	Запевала. В 1973 г. пела в Москве в составе ансамбля д. Кулиги (см. ниже)
	1972	ФК. ф. 1417.59—1417.69	
	1985	РАМ. ф. 2224.24—2224.31, ф. 2225.32—2225.68	
Черепанова Мария Алексеевна (1933)	1985	РАМ. ф. 2224.24—2224.31, ф. 2225.32—2225.68	
Якимов Павел Андреевич (1923)	1971	ФК. ф. 1337.9—1337.11	Гармонист
Якимова (Екимова) Анна Николаевна (1914)	1971	ФК. ф. 1336.6	
Якимова (Екимова) Евдокия Григорьевна (1912)	1971	ФК. ф. 1336.16—1336.24, ф. 1337.1—1337.5, ф. 1337.8, ф. 1337.10—1337.13	
Якимова Мария Григорьевна (1909)	1971	ФК. ф. 1336.16—1336.24, ф. 1337.1—1337.5, ф. 1337.8, ф. 1337.10—1337.13	

д. Верхняя Горка

Степырева Анастасия Дмитриевна (1921)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0842.12—0842.20	
---------------------------------------	------	-------------------------------	--

д. Заимка [Седуновская]

Макеева Павла Александровна (1914)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0835.5, ф. 0835.6	
Софина [Софьина] Евдокия Дмитриевна (1910)	1972	ФК. ф. 1417.53—1417.58	
	1990	ФА СыктГУ. ф. 0845.4—0845.21, ф. 0848.1—0848.6	

Софина [Софьина] Мария Прокопьевна (1894)	1972	ФК. ф. 1417.53—1417.58	
Черепанов Алексей Егорович (1955)	1971	ФК. ф. 1336.15	Гармонист
Черепанова Анна Александровна (1914)	1972	ФК. ф. 1417.53—1417.58	
Черепанова Ольга Яковлевна (1908)	1971	ФК. ф. 1336.4, ф. 1336.5, ф. 1336.7—1336.14	
Черепанова Федосья Степановна (1897)	1971	ФК. ф. 1336.4, ф. 1336.5, ф. 1336.7—1336.14	Запевала
	1972	ФК. ф. 1417.53—1417.58	
Якимова Александра Поликарповна (1924)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0835.1—0835.4	Урож. Сибири
Якимова Наталья Матвеевна (1910)	1971	ФК. ф. 1336.8—1336.14	
	1972	ФК. ф. 1417.53—1417.58	

д. Кулига (Бердышиха)

Дубинская Антонина Прокопьевна (1916)	1971	ФК. ф. 1337.14—1337.28	
Жукова Клавдия Захаровна (1905)	1971	ФК. ф. 1337.14—1337.28	
Карелина Александра Ефимовна (1901)	1972	ФК. ф. 1418.95—1418.114	
Коршунова Аграфена Александровна (1909)	1971	ФК. ф. 1337.14—1337.28	Певица из д. Черныханы, где была записана в 1990 г. (см. ниже)
	1972	ФК. ф. 1418.95—1418.114	
	1985	РАМ. ф. 2224.1—2224.11	
	1990	ФА СыктГУ. ф. 0835.7—0835.17, ф. 0836.1—0836.3а, ф. 0836.9—0836.21, ф. 0837.1—0837.19, ф. 0838.11—0838.13, ф. 0839.1	
Коршунова Василиса Семеновна (1904)	1971	ФК. ф. 1337.14—1337.28	В 1971 г. — запевала
	1972	ФК. ф. 1418.95—1418.114	
	1973	ФК. ф. 1538—1540, ф. 1545—1547	
Коршунова Екатерина Федоровна (1906)	1971	ФК. ф. 1337.14—1337.28	В 1973 г. — запевала
	1973	ФК. ф. 1538—1540, ф. 1545—1547	
Новосёлова Анастасия Николаевна (1910)	1971	ФК. ф. 1337.14—1337.28	
Новосёлова Пелагея Яковлевна (1907)	1971	ФК. ф. 1337.14—1337.28	
Плясунова Ольга Яковлевна (1911)	1971	ФК. ф. 1337.14—1337.28	
Саранцина Мария Захаровна (1908)	1971	ФК. ф. 1335.22—1335.29	Певица из д. Шадрино (Белопашино), см. выше
	1973	ФК. ф. 1538—1540, ф. 1545—1547	
Тугушина Анастасия Семеновна (1910)	1972	ФК. ф. 1418.95—1418.114	

Черепанова Анна Кондратьевна (1910)	1973	ФК. ф. 1538—1540, ф. 1545—1547	
	1985	РАМ. ф. 2224.1—2224.14	
	1990	ФА СыктГУ. ф. 0836.4, ф. 0836.4а, ф. 0838.11— 0838.13, ф. 0839.1	
Чернышова Мария Федоровна (1908)	1971	ФК. ф. 1337.14—1337.28	Урож. д. Черныханы; в 1990 г. была записана в д. Белопашино (см. выше)
	1973	ФК. ф. 1538—1540, ф. 1545—1547	
	1990	ФА СыктГУ. ф. 0848.7— 0848.15, ф. 0848.19— 0848.45	
Щипина Ольга Яковлевна (1916)	1973	ФК. ф. 1538—1540, ф. 1545—1547	
	1985	РАМ. ф. 2224.1—2224.11	
	1990	ФА СыктГУ. ф. 0836.5— 0836.8, ф. 0838.1—0838.13, ф. 0839.1	

д. Литвино

Софина [Софьина] Мария Павловна (1908)	1985	РАМ. ф. 2224.16—2224.23	
	1990	ФА СыктГУ. ф. 0839.2— 0839.39	

пос. Литвиново

Коршунова Зинаида Федоровна (1926)	1985	РАМ. ф. 2224.15	
------------------------------------	------	-----------------	--

д. Седуновская см. д. Заимка [Седуновская]

пос. Сойга

Галина Агафья Макаровна (1910)	1985	РАМ. ф. 2225.69—2225.72, ф. 2226.73—2226.93	
Парилова Анна Ивановна (1909)	1985	РАМ. ф. 2225.69—2225.72, ф. 2226.73—2226.93	
Успаских Лидия Алексеевна (1914)	1985	РАМ. ф. 2226.94—2226.104, ф. 2227.105—2227.117	Урож. с. Суходол
Щедричева Мария Прокопьевна (1900)	1985	РАМ. ф. 2225.69—2225.72, ф. 2226.73—2226.93	
Якимова Мария Ивановна (1926)	1985	РАМ. ф. 2225.69—2225.72, ф. 2226.73—2226.93	

д. Черныханы [Черныхано, Черныханово]

Коршунова Аграфена Александровна (1909)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0835.7— 0835.17, ф. 0836.9— 0836.21, ф. 0837.1—0837.19	В 1971—1990 гг. записывалась в составе ансамбля д. Кулиги (см. выше)
---	------	--	--

д. Шадрино см. д. Белопашино

Суходольский с/с**д. Большой Мыс**

Куроптева Наталья Матвеевна (1920)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0821.67—0821.80, ф. 0822.1—0822.7	
Шуровая Мария Матвеевна (1908)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0821.67—0821.80, ф. 0822.1—0822.7	

д. Бор

Иванова Мария Николаевна (1904)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0820.43—0820.47	
Иванова Валентина Петровна (1922)	1970	ФК. ф. 1067.40—1067.50	
	1972	ФК. ф. 1419.128—1419.131	
	1989	ФА СыктГУ. ф. 0820.43—0820.47, ф. 0822.8—0822.25	
Леушева Федосья Яковлевна (1910)	1970	ФК. ф. 1067.40—1067.50	
	1972	ФК. ф. 1419.128—1419.131	
Осколкова Ольга Васильевна (1907)	1970	ФК. ф. 1067.53—1067.55, ф. 1067.57, ф. 1067.59, ф. 1067.61, ф. 1067.63—1067.72, ф. 1334.1—1334.17	Урож. д. Заречье
Панкова Евдокия Петровна (1923)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0820.43—0820.47	
Парыгина Анна Прокопьевна (1904)	1970	ФК. ф. 1067.40—1067.43а, ф. 1067.45—1067.50, ф. 1067.53—1067.54, ф. 1067.61, ф. 1067.63—1067.72	Урож. д. Заречье
Парыгина Клавдия Михайловна (1924)	1964	ФК	В 1964 г. пела в составе ансамбля, записанного в с. Суходол
	1970	ФК. ф. 1067.40—1067.43а, ф. 1067.45—1067.52, ф. 1067.59а, ф. 1067.70, ф. 1067.72	
Парыгина Пелагея Михайловна (1927)	1970	ФК. ф. 1067.40—1067.43а, ф. 1067.45—1067.50, ф. 1067.56, ф. 1067.58—1067.61, ф. 1067.63—1067.72	
	1989	ФА СыктГУ. ф. 0820.43—0820.47, ф. 0822.8—0822.25	
Позднякова Марфа Алексеевна (1906)	1972	ФК. ф. 1419.128—1419.131	
Туркина Анна Павловна (1906)	1970	ФК. ф. 1067.40—1067.50, ф. 1067.53, ф. 1067.59, ф. 1067.61—1067.63, ф. 1067.65—1067.68, ф. 1067.70, ф. 1067.72	В 1919—1927 гг. жила в д. Суходол, с 1927 г. — в д. Кулиге Суходольского с/с
	1972	ФК. ф. 1419.128—1419.131	
Успаских Вера Павловна (1916)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0822.8—0822.25	

Ушакова Антонина Михайловна (1921)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0820.33—0820.42	
------------------------------------	------	-------------------------------	--

д. Заречье

Берников Константин Михайлович (1924)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0823.13—0823.15	Гармонист
Векшин Николай Иванович (1931)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0823.16—0823.20	Гармонист

д. Кулига

Фесенко Анна Павловна (1906)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0822.26—0822.29, ф. 0823.1—0823.12	
------------------------------	------	--	--

д. Суходол

Барабина В. И. (1908)	1964	ФК	
Данилова П. И. (1919)	1964	ФК	
Иванова Валентина Петровна (1922)	1964	ФК	
Парыгина М. Л. (1889)	1964	ФК	
Суханова Александра Павловна (1918)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0820.48—0820.53	
Тучнолобова Павла Федотовна (1907)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0820.48—0820.53, ф. 0821.1—0821.66	

Тохтинский с/с

д. [Верхний] Базлук

Гулынина Кристина Николаевна (1897)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0834.7—0834.28	
-------------------------------------	------	------------------------------	--

д. Крюково

Крюкова Екатерина Ивановна (1908)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0833.32—0833.35	
-----------------------------------	------	-------------------------------	--

пос. Лыσιμο

Килошева Александра Петровна (1905)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0828.7—0828.19	
Леушева Людмила Павловна (1929)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0827.18—0827.44, ф. 0828.1—0828.6	

д. Матлуг

Маланина Елена Дмитриевна (1912)	1988	ФА СыктГУ. ф. 0803.26—0803.48, ф. 0804.1—0804.21	
	1990	ФА СыктГУ. ф. 0828.26—0828.48	

д. Савкино

Крюков Ананий Аврамович (1922)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0833.36, ф. 0834.1	
--------------------------------	------	----------------------------------	--

д. Тохта

Жданов Виктор Васильевич (1917)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0834.2— 0834.6	Гармонист
Жданова Людмила Николаевна (1929)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0833.6— 0833.31	
	2003	ФА РГПУ. ф. 02ФА 03-46, ф. 02ФА 03-47	
Зубова Нина Егоровна (1921)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0833.6— 0833.12	
Капустин Валентин Петрович (1921)	1970	ФК. ф. 1066.19—1066.23	Гармонист, исполнитель на гармонии «полухромке»
Крюкова Евдокия Ивановна (1924)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0828.20— 0828.25	
Москаленко Мария Ивановна (1925)	1990	ФА СыктГУ. ф. 0834.2— 0834.6	
	2003	ФА РГПУ. ф. 02-03-Ас45	

Населенные пункты городского подчинения

с. Межог

Андреева Клавдия Ивановна	1989	ФА СыктГУ. ф. 0636.45— 0636.49	
Ермакова Ольга Степановна (1912)	1989	ФА СыктГУ. ф. 0636.1— 0636.23	
Малова Клавдия Кирилловна	1989	ФА СыктГУ. ф. 0636.24— 0636.31	
Межогских Елизавета Михай- ловна	1989	ФА СыктГУ. ф. 0636.32— 0636.44	

Список сокращений и условных обозначений

Архивы учреждений, фольклорные коллекции

АОКМ	Архангельский областной краеведческий музей
Васильева	Сборник северных народных песен Васильевой Лидии Ивановны, урож. Архангельской обл. Ленского района, д. Зимовская. Записано со слов Симоновой Марии Михайловны, урож. д. Зимовская, 67 лет, Ленского района Архангельской области. 1943 г. — РО ИРЛИ. Кол. 149. П. 1. Д. 1. № 269
ГБЛ	Государственная библиотека им. В. И. Ленина, Москва
ГИМ	Государственный исторический музей, Москва
ГЦМОМК	Государственное центральное музейное объединение музыкальной культуры им. М. И. Глинки, Москва
Качева	Песни народные села Выемкова, записаны от моей матери Качевой Ани-сьи Михайловны, урож. с. Выемкова Сафроновской вол. Яренского у. Вологодской губ., 1878 г. р. Записала Селиванова Ольга Михайловна, с. Ежва, ул. Маяковского, д. 27-б, кв. 4. — РФ ЯКМ (тетрадь хранится без фондового номера)
Колпакова ИРЛИ	РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 216. П. 2. Песни любовные; П. 3. Песни семейно-бы-товые (архивная подборка Н. П. Колпаковой)
Колпакова карт.	Сюжетно-тематический указатель к русским народным бытовым песням (Картотека Н. П. Колпаковой). — Российский институт истории искусств. Рукописный отдел. Ф. 112. Оп. 2. №№ 43, 44
РАМ	Фольклорный архив Российской академии музыки им. Гнесиных, Москва
РНБ	Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург
РО ИРЛИ	Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург
РФ ЯКМ	Рукописный фонд Яренского краеведческого музея, г. Яренск, Архангель-ская обл.
СИХМ	Сольвычегодский историко-художественный музей, г. Сольвычегодск, Ар-хангельская обл.
ФА ИРЛИ	Фонограммархив Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург
ФА РГПУ	Фольклорный архив Российского государственного педагогического уни-верситета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург
ФА СИХМ	Фольклорный архив СИХМ
ФА СыктГУ	Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета, г. Сыктывкар, Республика Коми
ФК	Фольклорная комиссия (Архив Комиссии музыковедения и фольклора Союза композиторов Российской Федерации), Москва
ФЭБ	Фундаментальная электронная библиотека. Электр. ресурс. Режим досту-па: http://feb-web.ru/feb/byliny/texts/p22/p2223231.htm

Сокращения и условные обозначения

вар.	вариант(ы)	публ.	публикация(-и)
вол.	волость	сил.	силлабический
д.	деревня	сил.-тон.	силлабо-тонический
зап.	записано	соб.	собиратель
запев.	запеваает	с/с	сельский совет
з/з	звукозапись	стих. р.	стихотворный размер
исп.	исполнитель(-ли)	у.	уезд
н.	нотация	урож.	уроженец, уроженка
нот.	нотировка	ф.	фонограмма
п.	пересказ песни	фр.	фрагмент песни
пр.	проба (один — три первых стиха песни)		

Библиографические сокращения

12 РНП	Двенадцать русских народных песен в партитурных нотациях звукозаписей 1970—1973 гг. / Сост. Е. В. Гишпиус, А. С. Кабанов. Науч. ред. Е. В. Гишпиус. М., 1975.
Абрамский	Песни Русского Севера / Сост. А. С. Абрамский. М., 1959.
Абрамычев	Сборник русских народных песен / Записал с народного напева Н. Абрамычев. СПб., 1879.
Акимова	Фольклор Саратовской области. Саратов, 1946. Кн. 1 / Сост. и вступ. ст. Т. М. Акимовой.
Балакирев	<i>Балакирев М.</i> Русские народные песни / Ред., предисл., исслед. и примеч. Е. В. Гишпиуса. М., 1957.
Балашов и др.	<i>Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И.</i> Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области). М., 1985.
Балашов 1983	Русские народные баллады / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Д. М. Балашова.
Балашов, Красовская	Русские свадебные песни Терского берега Белого моря / Сост. Д. М. Балашов, Ю. Е. Красовская. Л., 1969.
Бардин	Фольклор Чкаловской области / Сост. А. В. Бардин. Чкалов, 1940.
Бахтин 1982	Сказки, песни, частушки, присловья Ленинградской области, записанные Владимиром Бахтиным. Л., 1982.
Бахтин 2004	Русская лирическая песня / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. В. С. Бахтина. СПб., 2004.
Бирюков	Дореволюционный фольклор на Урале / Собр. и сост. В. П. Бирюков. Свердловск, 1936.
Браз	Браз С. Л. Песни реки Лузы. М., 1977.
Варенцов	Сборник песен Самарского края / Сост. В. Варенцовым. СПб., 1862.
Васнецов	<i>Васнецов А. М.</i> Песни Северо-Восточной России, записанные в Вятской губ. в 1868—1894 гг. 2-е изд. Киров, 1949.
Всеволодский-Гернгросс	Игры народов СССР: Сб. мат-лов / Сост. В. Н. Всеволодский-Гернгросс, В. С. Ковалева. Л., 1933.

- Вятский фольклор Вятский фольклор: Народный календарь / Под ред. А. А. Ивановой. Котельнич, 1995.
- ГГУ Библиографический указатель материалов фольклорного архива кафедры русской литературы Горьк. гос. ун-та / Сост. К. Е. Корепова, Ф. С. Эйдельман. Горький, 1981. Вып. 4.
- Геллер Сборник русских народных песен С.-Петербургской губ. / Сост. К. Геллер. СПб., 1889.
- Гуляев Былины и песни Южной Сибири: Собрание С. И. Гуляева. Новосибирск, 1952.
- Гусев *Гусев В. Е.* Русские народные песни Южного Урала. Челябинск, 1957.
- Едемский *Едемский М.* Вечерованье и городки // ЖС. 1905. Вып. 3/4. С. 459—512.
- Ермаченко Песенное творчество Калужского края / Зап. А. В. Ермаченко. Калуга, 1959.
- Ефименко *Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1878. (ИОЛЕАиЭ; Т. 30: Тр. этногр. отдела).
- ЖС Живая старина (журнал).
- Зайцев Народное творчество Южного Урала / Зап. И. С. Зайцев. Челябинск, 1948. Вып. 1.
- Зырянов Лирические народные песни / Собр. и сост. И. В. Зырянов. Пермь, 1962.
- Иваницкий Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губ. Вологда, 1960.
- ИОЛЕАиЭ Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.
- ИП XIII—XVI Исторические песни XIII—XVI вв. / Изд. подгот. Б. Н. Путилов, Б. Н. Добровольский. М.; Л., 1960.
- ИП XVIII Исторические песни XVIII в. / Изд. подгот. О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л., 1971.
- ИРГО Известия Русского географического общества.
- Истомин, Дютш Песни русского народа, собранные в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. / Зап. слова Ф. М. Истомин, напевы Г. О. Дютш. СПб., 1894.
- Истомин, Ляпунов Песни русского народа: Собр. в Вологодской, Вятской и Костромской губ. в 1893 г. / Зап. слова Ф. М. Истомин, напевы С. М. Ляпунов. СПб., 1899.
- Камско-Вятское междуречье *Стародубцева С. В.* Русская хороводная традиция Камско-Вятского междуречья / Отв. ред. Т. Г. Владыкина. Ижевск, 2001.
- Киреевский 1911 Песни, собранные П. В. Киреевским: Нов. сер. / Под ред. акад. В. Ф. Миллера и проф. М. Н. Сперанского. М., 1911. Вып. 1
- Киреевский 1917, 1929 Песни, собранные П. В. Киреевским: Нов. сер. М., 1917. Вып. 2, ч. 1; 1929. Вып. 2, ч. 2.
- Киреевский 1983 Собрание народных песен П. В. Киреевского: Записи П. И. Якушкина / Подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. З. И. Власовой. Л., 1983. Т. 1.
- Киреевский 1986 Собрание народных песен П. В. Киреевского: Записи П. И. Якушкина / Подгот. текстов, вступ. ст. и коммент.

- З. И. Власовой, ст. и муз. прилож. М. А. Лобанова. Л., 1986. Т. 2.
- Китайник Уральский фольклор / Под ред. М. Г. Китайника. Свердловск, 1949.
- Кони́чев Северное народное творчество / Ред. и сост. К. И. Кони́чев. Архангельск, 1939.
- Крестьянское искусство I Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера. Л., 1927. Вып. 1: Заонежье.
- Крестьянское искусство II Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера. Л., 1928. Вып. 2: Пинега и Мезень.
- Лаговский Народные песни Костромской, Вологодской, Нижегородской и Ярославской губ., собр. и положенные на ноты Ф. Лаговским. Череповец, 1877.
- Лазарев *Лазарев А. И.* Уральские посиделки. Челябинск, 1977.
- Леонтьев *Леонтьев Н. П.* Печорский фольклор. Архангельск, 1939.
- Лобанов Посиделки в Новгородской области: Песни и игры / Сост., нотации напевов, предисл. М. А. Лобанова. Новгород, 1988.
- Лопатин, Прокунин *Лопатин Н. М., Прокунин В. П.* Русские народные лирические песни / Ред. и вступ. ст. В. Беляева. М., 1956.
- ЛРС Лирика русской свадьбы / Изд. подгот. Н. П. Колпакова. Л., 1973.
- Львов, Прач Собрание народных русских песен с их голосами, на музыку положил И. Прач / Под ред. В. М. Беляева. М., 1955.
- Магнитский Песни крестьян с Беловолжского Чебоксарского у. Казанской губ. / В. Магнитского. Казань, 1877.
- Мельник *Мельник Е. И.* Варженские певички и их песни. М., 1986.
- Минц и др. Русское народное творчество в Башкирии / Сост. С. И. Минц, Н. С. Полищук и Э. В. Померанцева. Уфа, 1957.
- Минц, Савушкина Сказки и песни Вологодской области / Сост. С. И. Минц и Н. И. Савушкина. Вологда, 1955.
- Народные исполнители Кулиги Поют народные исполнители с. Кулиги (Бердышихи) Архангельской обл. (Запись 1973 г. в Москве): Грампластинка. С20-06181-82.
- Неклепаев *Неклепаев И.* Поверья и обычаи Сургутского края // Русская традиционная культура: Альм. 1996. № 1/2. С. 5–66.
- Нестеров *Нестеров А. А.* Народные песни Горьковской области. М., 1972.
- Нижегородские хороводы Нижегородские хороводы / Сост. К. Е. Корепова. Горький, 1989.
- Никольские песни Никольские песни, записанные в Никольском р-не Вологодской обл. / Сост. М. Л. Мазо. Л.; М., 1975.
- НТК Вологодской обл. Народная традиционная культура Вологодской области / Сост. и науч. ред. А. М. Мехнецов, сост. Г. В. Лобкова, И. Б. Теплова и др. СПб.; Вологда, 2005. Т. 1: Фольклор и этнография среднего течения реки Сухоны. Ч. 1; 2009. Ч. 2.
- Ончуков *Ончуков Н. Е.* Печорские стихи и песни. СПб., 1908.
- Пальчиков Крестьянские песни, записанные в с. Николаевке Мензелинского у. Уфимской губ. / [Сост.] Н. Е. Пальчиков. М., 1888.
- Песни Вологодской обл. Народные песни Вологодской области / Зап. текстов А. М. Астаховой и Н. П. Колпаковой, муз. зап. В. В. Великанова и Ф. А. Рубцова. Л., 1938.

- Песни Воронежской обл. Песни и сказки Воронежской области / Сост. А. М. Новикова, И. А. Осовецкий, Ф. И. Мухин, В. А. Тонков. Воронеж, 1940.
- Песни Забайкалья *Дорофеев Н. И.* Русские народные песни Забайкалья: Семейский распев. М.; Л., 1933.
- Песни Заонежья Песни Заонежья в записях 1880—1980 гг. / Сост., предисл. и примеч. Т. В. Краснопольской. Л., 1987.
- Песни и романсы Песни и романсы русских поэтов / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. В. Е. Гусева. М. Л., 1965. (Библиотека поэта, Б. сер.).
- Песни Калужской обл. Народные песни Калужской области: Сб. студенческих науч. работ (гуманитарный цикл) / Московский обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской. М., 1960. [Вып.] 5.
- Песни Карельского края Песни Карельского края / Сост. Т. В. Краснопольская. Петрозаводск, 1977.
- Песни Карельского Поморья Русские народные песни Карельского Поморья / Сост. А. П. Разумова, Т. А. Коски, А. А. Митрофанова. Л., 1971.
- Песни Ленинградской обл. *Бахтин В. С.* Песни Ленинградской области: Записи 1947—1977 гг. Л., 1978.
- Песни Мезени Песенный фольклор Мезени / Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов. Л., 1967.
- Песни нижней Вычегды Песни нижней Вычегды: (Традиционный фольклор Ленского р-на Архангельской обл.): Архивные записи 1970—1971 гг. из собрания Российской фольклорной комиссии: Аудиоиздание. 1995.
- Песни Печоры Песни Печоры / Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1963.
- Песни Пинежья Песни Пинежья: Материалы фонограммархива, собр. и разработ. Е. В. Гишиусом и З. В. Эвальд. М., 1937.
- Песни Поволжья Русское народное творчество Поволжья. М.; Л., 1959. Вып. 1: Песни, записанные в Куйбышевской обл. / Сост. Б. М. Добровольский, Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Г. Г. Шаповалова.
- Песни Прикамья Старинная русская песня Прикамья / Сост. Н. Вердеревская. Елабуга, 1960. (Уч. зап. Елабужского пед. ин-та).
- Песни Саратовского Поволжья Песни, сказки, частушки Саратовского Поволжья / Сост. Б. К. Архангельская. Саратов, 1969.
- Песни свадьбы Сибири Обрядовые песни русской свадьбы Сибири / Сост. Р. П. Потанина. Новосибирск, 1981.
- Песни Севера Песни Севера. Архангельск, 1971.
- Песни Сибири Хороводные игровые песни Сибири / Сост. Ф. Ф. Болонев, М. Н. Мельников. Новосибирск, 1985.
- Песни, собранные писателями Песни, собранные писателями: Новые материалы из архива П. В. Киреевского. М., 1968.
- Песни средней Сухоны Народные песни Вологодской области (по материалам студенческих фольклорных экспедиций): Песни средней Сухоны / Сост. А. М. Мехнецов. Л., 1981.
- Песни Томского Приобья Лирические песни Томского Приобья: Народные песни, записанные в Томской обл. / Зап., нотация, сост., предисл., примеч. А. М. Мехнецова. Л., 1986.

Песни Ярославской обл.	Сказки и песни Ярославской области / Под общ. ред. Э. В. Померанцевой. Ярославль, 1958.
Попов	Народные песни, собранные в Чердынском у. Пермской губ. В. Поповым. М., 1880.
Потявин	Народная поэзия Горьковской области / Ред.-сост. В. Потявин. Горький, 1960.
Протопопов	<i>Протопопов М.</i> Свадебные песни: Записаны в Архангельской и Вологодской губ. // ЖС. 1903. Вып. 4. С. 499—513.
ПФП	Фольклорный архив Сыктывкарского ун-та: Опыт научного описания. Сыктывкар, 2000. Вып. 1: Песенный фольклор Печоры: Систематический указатель / Сост. Т. С. Канева (отв.), Н. Н. Николаева, О. Г. Шабанова.
Резанов	Курский сборник. Курск, 1902. Вып. 3: Мат-лы по этнографии Курской губ. / Пригот. к печати В. И. Резанов. Ч. 1/2; 1903. Вып. 4: То же. Ч. 3.
Римский-Корсаков	<i>Римский-Корсаков Н. А.</i> Сто русских народных песен. М.; Л., 1951.
РС	Русская свадьба: В 2 т. / Сост. А. В. Кулагина, А. Н. Иванов. М., 2000—2001.
РФВ	Русский филологический вестник (журнал).
Рыбников	Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 2-е изд. М., 1910. Т. 3.
РЭФ	Русский эротический фольклор / Сост. и науч. ред. А. Л. Топорков. М., 1995.
Свадебная поэзия Сибири	Русская свадебная поэзия Сибири / Сост. Р. П. Потанина. Новосибирск, 1984.
Свадебные песни Сибири	Русские свадебные песни Сибири / Сост. Р. П. Потанина. Новосибирск, 1979.
Смирнов 1847	Песни крестьян Владимирской и Костромской губ. / Собр. и изд. А. Смирновым. М., 1847.
Смирнов 1923	<i>Смирнов М. И.</i> Сказки и песни Переяславль-Залесского у. М., 1923.
Соб.	Великорусские народные песни, изд. проф. А. И. Соболевским. СПб., 1895—1902. Т. 1—7.
Соколовы	Сказки и песни Белозерского края / Зап. Б. и Ю. Соколовы. М., 1915.
СПГ	Словарь пермских говоров. Пермь, 2000—2002. Вып. 1—2.
СРНГ	Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965—1989. Вып. 1—23; СПб., 1990—2011. Вып. 24—44.
Студитский	Народные песни Вологодской и Олонецкой губ. / Собр. Ф. Студитским. СПб., 1841.
Творчество Северной Двины	Народное творчество Северной Двины: Старинные песни, прибаутки, детские песенки, считалки, байки, загадки, сказки, свадебные обряды / Сост. В. В. Митрофанова, Л. В. Федорова. Архангельск, 1966.
ТКУЦ (ЛП)	Традиционная культура Усть-Цильмы: Лирические песни / Сост. Т. С. Канева, А. Н. Власов, А. Н. Захаров и др. М., 2008.
Тонков	Фольклор Воронежской области / Сост. В. А. Тонков. Воронеж, 1919.
ТПИФУЦ	А в Усть-Цильме поют: Традиционный песенно-игровой фольклор Усть-Цильмы / Подгот. текстов и коммент. А. Н. Власова, З. Н. Бильчук, А. Н. Захарова, Т. С. Каневой, вступ. ст. А. Н. Власова, Т. С. Каневой. СПб., 1992.

- Трутовский *Трутовский В.* Собрание русских простых песен с нотами. М., 1953.
- Усов Русские песни / Сост. и коммент. Н. А. Усов. Горький, 1940. (Фольклор Горьковской обл.).
- Устьянские песни Устьянские песни / Сост. А. М. Мехнецов, Е. И. Мельник, Ю. И. Марченко. Л., 1983. Вып. 1; 1984. Вып. 2.
- Фольклор Виледи Традиционный фольклор Вилегодского района Архангельской обл. (в записях 1986—1991 гг.): Исслед. и мат-лы / Отв. ред. А. Н. Власов. Сыктывкар, 1995.
- Фольклор Дона и Кубани Фольклор Дона и Кубани. Ростов-на-Дону, 1938. Сб. 1.
- Фольклор Ленинградской обл. Музыкально-песенный фольклор Ленинградской обл. в записях 1970—1980 гг. / Ред.-сост. В. А. Лапин. Л., 1989.
- Фольклор Новгородской обл. Традиционный фольклор Новгородской области (по записям 1963—1976 гг.): Песни, причитания / Изд. подгот. В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, М. А. Лобанов, В. В. Митрофанова. Л., 1979.
- Фольклор Русского Севера Традиционный фольклор Русского Севера: Мат-лы к сер. «Культуры и народы». М., 1993. Вып. 6: Русские. Кн. 3 / Авт.-сост. С. И. Дмитриева.
- Фольклор Русского Устья Фольклор Русского Устья / Отв. ред. С. Н. Азбелев, Н. А. Мецкерский. Л., 1986.
- Фольклорный ансамбль Ворошино и Мякинницыно Фольклорный ансамбль деревень Ворошино и Мякинницыно Вологодской обл.: Грампластинка. 1979. С22-11709-10.
- Чердынская свадьба Чердынская свадьба / Записал и сост. И. Зырянов. Пермь, 1969.
- Чистов Русская народная поэзия: Обрядовая поэзия / Сост. и подгот. текста К. Чистова и Б. Чистовой. Л., 1984.
- Чулков Сочинения М. Д. Чулкова. СПб., 1913. Т. 1: Собрание разных песен. Ч. 1, 2, 3 с прибавлением. 1770—1773.
- Шейн 1870 Русские народные песни, собранные П. В. Шейном. М., 1870.
- Шейн 1898 Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.: Мат-лы, собр. и приведенные в порядок П. В. Шейном. СПб., 1898. Т. 1, вып. 1.
- Шейн 1900 Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.: Мат-лы, собр. и приведенные в порядок П. В. Шейном. СПб., 1900. Т. 1, вып. 2.
- Шишонко Отрывки из народного творчества Пермской губернии / Собр. В. Шишонко. Пермь, 1882.
- Якушкин Русские народные песни, собранные П. Якушкиным. СПб., 1860.
- Яренские песни Яренские песни, напетые А. А. Эповой / Запись фонографом и расшифровка Е. В. Гишпиуса, обраб. [ф-п. сопровожд.] Л. М. Рудольфа и М. А. Юдина. М., 1935.
- Ярков Русские народные песни Подмосковья / Собр. П. Г. Ярковым. М., 1951.
- Ярославский фольклор Ярославский фольклор / Сост. Б. Н. Быстров и Н. Е. Новиков. Ярославль, 1938.

Приложение

Свадебный обряд на нижней Вычегде и Виледи

Этнографические материалы даны в данном разделе приложения с той степенью фиксации диалектных особенностей, с какой они учитывались респондентами.

После каждого фрагмента этнографического репортажа приводятся сведения о месте записи, фамилии и годы рождения информантов, указания на архив и архивные номера хранения. О месте записи приводятся следующие сведения: сокращенное название административного района Архангельской области, полное название населенного пункта и его принадлежность к сельсовету (ныне — сельской администрации). Сведения соответствуют времени записи фонограмм. Если сельсовет не назван, это означает, что указанный населенный пункт является его центром или что принадлежность к сельсовету не выяснена собирателями.

Вилег. — Вилегодский район

Котл. — Котласский район

Лен. — Ленский район

Сватовство

Сватали в основном во время Великого поста, с тем чтобы после Пасхи сыграть свадьбу.

«Больше ходили Великим постом с приказом девушку сватать. (...) Великий пост пройдет, о Пасхе уже начинаются свадьбы» (Лен., Кулига Суходольского с/с. Фесенко А. П., 1908 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0823-12). Могли сватать и в зимний мясоед, сразу после Рождества, чтобы успеть сыграть свадьбу до начала Великого поста. «Жених приедет, да с отцом, да с матерью. Вечерами ездили, после Рождества, в мёжговень. Ране ведь в говенья-то не женились. Пригласят, чаем напоят, да вот и сосватаются» (Котл., Воробино. Бубнова А. В., 1906 г. р. ФА СИХМ. ф. 0103-119).

Жених с невестой редко были знакомы. В старину, принимая решение о заключении брака, родные не спрашивали согласия девушки.

«Раньше не дружили, ничего. Каки-то бабки придут, нахвалят жениха да невесту, вот и придут и посватают. Вот и всё. Один одного ишо не видали» (Лен., Ирга. Селиванова А. Ф., 1904 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0817-27). «Сватали раньше — ходили папка да мамка да жених. Да хрёстна. А больше кто пойдёт? Раньше жених не знал невесты, и невеста жениха не знала. А просто там через людей, через сусидей похвалят, спрашивают — значит, хороша девка, надо сватать. „А вот к вам приехали по доброму делу“ — сваты приехали. А невеста другой раз уж и спала. Раньше только вечером ездили сватать. Днём-то некогда!» (Котл., Сольвычегодск. Петракова Г. Е., 1910 г. р. ФА СИХМ. ф. 0110-1).

Позже стали спрашивать невесту, однако она редко давала отрицательный ответ. «Всегда уж вечером сваты ходят. Придут, за матницу выходят: „Вот, пришли, мол, — товар у вас есть. Мы пришли сватать“. Ну вот. В первую очередь невесту покажут. Выведут невесту, посмотрят. Ежели она, не-

веста, понравится, вот тогда зачнут отец, матери жениховы рядиться, какó придано ишо взять. Вот тогда и договариваются. Потом спросят невесту: „Пойдёшь ли за этого жениха?“ Ну а как? Пойду, отец ежели отдаёт. Ране отца-то не могли перечить-то. Отец чего скажёт — значит, надо. Нельзя его огорчать. „Пойду“. Ново, и не так сладится у них жизнь, — живут» (Котл., Дурницыно Коряжемского с/с. Лахтионова А. И., 1910 г. р. ФА СИХМ. ф. 0107-38). «Сватали — я была на пляске, Рожтво было дак. Меня не было дома, за мной пришли: „Пойдёшь ли, нет замуж?“ — „Пойду“. Жених поглянулся, мы соседи были» (Вилег., Мышково Вилегодского с/с. Костина М. Н., 1903 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0479-1).

В деревнях Ленского района сватовство называли *ходить с приказом*. Обычно сватать приходил жених с двумя-тремя родственниками. Как правило, они объясняли свой приход желанием взять в дом работницу.

«Идёт жених с матерью *с приказом* и говорит: „Мы пришли за работницей. Роботницу нам надо“ (Лен., Выемково Сафроновского с/с. Попова З. Е., 1912 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0815-3). «Сваты говорят: „Нам надо работницу. Молодую, красивую да работающую“ (Лен., Лена. Маслова З. М., 1917 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0801-6). «Придут да и говорят: „Мы пришли за работницей“. А не то что сватать сейчас там. „За работницей. Вот такой-то у нас жених. Желаете — нет отдать?“» (Лен., Ирта. Селиванова А. Ф., 1904 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0817-27). «„Мы пришли к вам за работницей“. Вот я к вам приду сватать тебя ли её. „За работницей“. Ново, и штуки дветри в семье девок-то. „Какую, мол, надо? Какую вы будете?“ — „А вот, — скажут, — такую-то“. Име-то назовут. Так вот и сосватаются тожно» (Лен., Устюг Ленского с/с. Трапезникова А. П., 1908 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0807-16).

У сватов были свои приметы на удачу в деле. «*С приказом* приходили, сватали. Говорили: голик растрясёшь, веник, развяжешь, дак, говорят, и пойдёт она. Вот у крыльца есть голик, его рostrясают» (Лен., Бор Суходольского с/с. Иванова М. Н., 1904 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0820-15). «А ведь когды *с приказом* придут, надо обязательно эту матню <матицу> пройти вперёд, чтобы невеста-то не отказала. Ишо голики обязательно в крыльце оборвать, чтобы это всё не отказали» (Лен., Большой Мыс Суходольского с/с. Шурова М. М., 1908 г. р., Куроптева Н. М., 1920 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0822-1). «А начинают говорить. Да матню не переходят, потом уж перейдут. А если сразу перейдут, то примета такая: невесту не отдадут. А когды спросят, зачем пришли, тогда уж переходят» (Лен., Кулига Сойгинского с/с. Шишкина О. Я., 1916 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0838-9). «<Сваты> не должны переходить <за матицу>, а потом уж перейдут. Станут, маленько выйдут из-под полатей. Вот и станут рядиться. Всё договорятся. Невеста где-нибудь сидит, не кажется. Там где-нибудь, у печи. Потом, как всё стало сладиться, и самовар поставят. Тогда и угостятся, и договариваться будут» (Котл., Дурницыно Коряжемского с/с. Лахтионова А. И., 1910 г. р. ФА СИХМ. ф. 0107-38).

Сватов полагалось угостить, напоить чаем. Перед этим к сватам выводили невесту, которая до этого не показывалась, сидела за занавеской или в другой избе. У нее спрашивают, согласна ли она выйти замуж, после чего невеста должна была сама разливать чай сватам.

«Самоварчик согреют. У некоторых было две избы, она ⟨невеста⟩ уж в другой избе была. Подходит, поздоровалась с женихом, села к самовару разливать чай. А жених в передний угол садится. Тут к нему сват садится, затем уж садятся отец и мать жениха. Тогда договариваются уже, когда девичник, когда свадьба, когда что» (Котл., Осолово Пачеозерского с/с. Гундарев С. С., 1911 г. р., Гундарева Т. М., 1919 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0604-1). «...Я за занавесой была. Я выглянула, а он ⟨жених⟩ взглянул на меня: «Ну чего, выходи, невеста!» Я вышла. За руку взял, сели за стол» (Вилег., Мышково Вилегодского с/с. Костина М. Н., 1903 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0479-1). «Приезжают сватом отец, мати, жоних, там, может, ишо кого возьмут... Раньше занавесы были, нынь — заборки, а раньше занавесы. Как договорятся если совсем, невесту спросят: „Желаешь — нет ты идти?“ Она скажет: „Желаю“. И вот тогда невесту ведут казать. Невесту покажут. Ставят самовар. Самовар ставят, так что совсем сладились уж. Невеста поглянулася, и пошла невеста. Ставят самовар, несут бутылку вина. А невеста садится за стол, наливает чашки. Чашки нальёт, там она сама не пьёт. Хочешь, дак пей, а не хочешь, дак... А там угощает этих гостей, сватов» (Котл., Песчаница. Кузнецова К. А., 1909 г. р. ФА СИХМ. ф. 0106-9).

Главной темой разговора за столом было определение сроков свадьбы, количества гостей с каждой стороны и приданого.

«Чай попили и давай: когда записываться, потом — когда сватаньё, когда свадьба. Потом — сколько народу звать будешь вот с твоей стороны, с моей стороны. И столько-то надо вина покупать, вот столько-то готовить. О приданом, дары готовить. Приданое если есть, дак дают там... Кто корову давал. На сватовстве уже всё договариваются» (Котл., Гусиха Сольвычегодского с/с. Аруева А. М., 1913 г. р., Кримилин А. Д., 1916 г. р., Кримилина А. А., 1918 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0607-52). «Раньше просили с невесты приданое. Которы так берут. Бывает, корову давали. У меня мати корову отдала. Было две коровушки у нас. Она одну корову — мне» (Котл., Метлино. Верхотина Е. И., 1911 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0607-5). «Там просят приданого. Если невеста не глянётся, дак придано много просят. Невеста глянётся — приданого меньше просят. Там раньше корову забирали когда-то. Корову у невесты берут, денег нет ничего. (Котл., Песчаница. Кузнецова К. А., 1909 г. р. ФА СИХМ. ф. 0106-9). «Чё давали? А у меня сестру мы давали осенью, дак давали с ей корову, да трое овец, да два пуда хлеба, да два воза сена» (Котл., Гусиха Сольвычегодского с/с. Буторина А. П., 1906 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0607-35).

Вместе с приданным договаривались и о количестве подарков-даров для родни жениха. В Ленском районе это называлось *запрос*.

«Говорят, что надо двадцать аршин холста, двадцать полотенец, корову, швейную машину, сто рублей деньгами. Вот *запрос* какой» (Лен., Лена. Маслова З. М., 1917 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0801-6). «Сватают, дак корову в приданое, хлеб в приданое. Если хлеба нету, вот земля на триста сажен есть на тебя. Вот ты живёшь со мной, я — мама. Тогда землю дайте, триста сажен давайте землю. Вот столько-то дары — полотенец, столько-то дары тамо-ка на кофту. Всё это у невесты если есть. Если понравится жених матери, она отдаёт. И если есть дары, дак есть. А нет — говорят: „Мы

бедные, вы большой *запрос* делаете, мы невесту не отдадим, у нас нету“» (Лен., Выемково Сафроновского с/с. Попова З. Е., 1912 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0815-3).

Житьё смотреть

Через несколько дней родители невесты ездили к жениху *житьё смотреть* (*дом смотреть*).

«А потом ездят *житьё смотреть* невестины отец да мати. (Сама невеста) котора ездила, котора не ездила. Большинство отец да мати ездят» (Лен., Ирта. Жданова А. А., 1908 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0801-87). «А как посватают, дак назавтра и поедут. *Житьё смотреть* поедут» (Котл., Копытиха. Паламодова Н. А., 1914 г. р. ФА СыктГУ. 0609-37). «*Дом смотрели*. Как он высватает приедет, вот и поедешь дом смотреть. Приедешь, дом посмотришь. Жених понравится — и пойдёшь. Тоже чаем угощают» (Котл., Яковлево. Залуцкая Е. Ф., 1910 г. р., Баранова М. А., 1906 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0603-30). «*Житьё-то смотреть* ходят невесты-то к жениху-ту. Ну, вот хоть сегодня посватались, а они и скажут: „Ну, приходите *житьё посмотреть*“. Опять невеста пойдёт с матерью, да с отцом, да там с братом ли — хоть с кем. И вот там пойдут, опять поговорят» (Лен., Устюг Ленского с/с. Трапезникова А. П., 1908 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0807-16).

Окончательный договор

Если всё в хозяйстве будущих родственников устраивало родителей невесты, то представители обоих родов вновь собирались в доме жениха *на уговоры*.

«Понравится, дак, ну, сказали: „Ну, приезжайте *на уговоры*“. Ну, там, через неделю ли как... Договорятся, когда там свадьба» (Лен., Большой Кряж Сафроновского с/с. Помолева Е. Ф., 1911 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0801-95). «Сразу-то оне вот так посватаются, а потом, значит, *уговоры*... А жених с матерью да там с отцом приедут, уговорятся, что в тот-то день свадьба будет. И будут уже свадьбу делать» (Лен., Устюг Ленского с/с. Трапезникова А. П., 1908 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0807-16). «Посватают, назначат уговариваться, что пойдёт — нет эта невеста за этого за жениха. Скажут день: «Вот в такой-то день мы приедем-то, будем уговариваться. Ежели не приедем — то и отказ, не пойдёт невеста» (Лен., Щипино Слободчиковского с/с. Рычкова Т. Н., 1910 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0824-27). «Потом опять уговариваться назавтре пойдут. На следующий день невестины родители опять пойдут к жениху уговариваться, когда свадьба» (Лен., Черныхано Сойгинского с/с. Коршунова А. А., 1909 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0835-6).

На уговорах происходило и *рукобитье*. Во время застолья сваты и родственники невесты должны были вместе *помолиться Богу*, чтобы скрепить договор. Непосредственно после этого невесте и жениху (по другим свидетельствам — свату и отцу невесты) *разнимали руки*, что также можно рассматривать как одну из форм *рукобитья*.

«Уговариваются. Приходит жених с матерью, ишо с родными на *рукобитье*. А тожно молятся Богу. За руку возьмут жених и невеста, их вот так разнимают. *Рукобитье* называлось... С *приказом* раньше, а *рукобитье*

тожно позаде бывает. Сначала с *приказом*, а тожно *рукобитье* назначают. Мати приходит, отец приходит, берёт братьей, сестёр — кто там есть в родне» (Лен., Ирта. Селиванова А. Ф., 1904 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0817-27). «Сватам самовар поставили. Раньше чаем поили, кто сватом придёт. Попили. Раньше Бога-то признавали — Богу помолились. Сказать нельзя, уж надо выходить за его. Помолились — раньше стояли рука за руку; *рознимут руку*, да и всё. Значит, надо выйти за этого жениха. Отказать нельзя уже ему» (Котл., Гусиха Сольвычегодского с/с. Соколова К. А., 1903 г. р. ФА СИХМ. ф. 0106-22). «На *уговорах* Богу молятся. Невеста с женихом берутся за руки, а рознимают тётка ли, те ли, другие. *Рознимут руки* — и всё» (Лен., Бор Суходольского с/с. Иванова М. Н., 1904 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0820-15). «Скажем, отец у невесты, у жениха отец. Оне помолются и *руки рознимали* на сватовстве» (Котл., Городище. Ядрихинская К. И., 1903 г. р. ФА СИХМ. ф. 0605-6). «Богу молились — мода была. Я да жоних. Мы помолились, я и заорала, заревела. ⟨Жених⟩ говорит: „Девушка, Бог — не покрышка. Уж Богу помолилась, дак тепере уж я не откажу“» (Котл., Выставка. Балужева П. М., 1901 г. р. ФА СИХМ. ф. 0105-132).

Для того чтобы отказ от свадьбы был невозможен, в Котласском районе родственники жениха брали с родителей невесты *задаток*. Иногда задаток просили, когда невеста с родными приезжала посмотреть житгё; но чаще это происходило после совместного богомоленья. «Они договорятся — жених да отец у её. Богу помолются — значит, всё, больше уж нечего делать. Богу помолились — надо задатку давать... Руки разнимают, когда жених да отец еёной дают руку, когда договариваются, когда Богу-ту молятся они. Их тогда и разнимают руку. Кто хошь рознимаёт. Задатку просят» (Котл., Шешурово. Верховцев М. П., 1908 г. р., Верховцева А. Д., 1909 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0601-23). «До нас просили задаток. Просят задаток, невеста чтобы не отказала. Тогда и передавали уж. Я только слыхала от сестры от старшей, она уж померла у нас. Вот у её были тама-ка ей сестрёнки. А у нас дядя был. Он столько задатков раздавал! Задаток отдаст — назавтре не пойдёт девка. Сам не отдавал. Задаток пропадал» (Котл., Тулубьево-Затон. Черных Н. П., 1910 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0602-28).

Период от сватовства до свадьбы. Девишник, шитьё даров

После уговоров девушка считалась *просватанницей* (*просватальницей*). «*Просватальницей* сидит. Кто сколько посидит: кому — неделя, кому — две» (Котл., Воробино. Бубнова А. В., 1906 г. р. ФА СИХМ. ф. 0103-119).

Начиналась подготовка к свадьбе, на которую отводилось несколько недель. В это время к невесте приходили подруги помогать в подготовке подарков для родни жениха — *дары шить*. Эти собрания назывались *девишником*, на них начинали звучать свадебные песни и причёты. В Ленском и Котласском районах указывали, что девишников могло быть несколько; на Виледи чаще говорили об одном вечере: «На серёдке ⟨срока от сватовства до свадьбы⟩ один вечерок поплясали». (Вилег., Мышково Вилегодского с/с. Костина М. Н., 1903 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0479-1).

«Собираются девки да всё *дары шить*. Кто вяжет, кто вышивает, кто чего» (Лен., Большой Кряж Сафроновского с/с. Помолева Е. Ф., 1911 г. р.

ФА СыктГУ. ф. 0801-95). «Кажный день ходили, шили девушки. Приве-дѣшь какую подругу, она поможет» (Котл., Гусиха Сольвычегодского с/с. Соколова К. А., 1903 г. р. ФА СИХМ. ф. 0106-22). «Вот ишо девки придут рубахи шить... Рубахи шить, это если у невесты не готово. Много рубах-то надо. Вот, скажут, надо двадцать рубах, полотенца надо приготовить. Вы-шить ли чѣ, выткать. Потом созовут девок ещё до свадьбы — рубахи шить. Кто полотенца вышивает, кто чего» (Лен., Юргино Сафроновского с/с. Булатова Ф. Т., 1908 г. р., Белоголова В. А., 1921 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0803-15). «Дары-те шить приходили. Кто *девишник* называл, а кто *дары шить*. По старинному-то: *дары шить*» (Лен., Ирга. Селиванова А. Ф., 1904 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0817-27). «Две недели шьют рубахи-то да всё. Рубахи-то ведь холщовые шили всё. Вот когда высватают, тогда и шьют девки, ходят. На руках шили-то, машины-то не было, дак надо долго шить-то» (Котл., Во-ильцево. Якимова К. И., 1906 г. р., Верховцева В. И., 1925 г. р., Гладыше-ва А. Н., 1912 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0608-26).

Жительницы вычегодских деревень особенно подчѣркивали печаль-ный характер песен, звучавших во время шитья даров. Часто по отноше-нию к ним употребляются слова «оплакивать», «причитывать».

«Девки собираются все, вышивают, да кто вяжет, кто чего невесте го-товят. Поют тóжо. Тожно уж невесту жалеют, оплакивают все её. Так вот словами-те, что вот, мол, выходишь ты, да жалеем мы тебя, да ты уходишь от нас. Так-то называют *девишник*, а это по-нашему-то — *дары шьют*. Да-ры-те шьют — это кто вышиват полотенце, кто там какой-то сарафан — может, ей надо ко свадьбе» (Лен., Устюг Ленского с/с. Трапезникова А. П., 1908 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0807-16). «Шьют дары. К невесте соберутся все, а невеста тоже плачет. Всякие песни свадебные поют. Там шьют рубахи, это такие холщовые вытканы, и полотенца там вышивают, вот чѣ такое невесте готовят» (Лен., Козьмино. Сидорова М. А., 1913 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0810-14).

Во время шитья даров часто приходил жених, приносил гостинцы не-весте и всем собравшимся девушкам.

«Ходи жених, раскланивается: „Здравствуйте, красные девицы“. По-даёт ей (невесте) кулёк конфет, садится рядом. Невеста угощает певиц» (Лен., Лена. Маслова З. М., 1917 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0801-7). «Говорят: пой-дѣм к *просватаннице* сидеть, дак соберутся девки. Тут никакого угоще-ния не было. Придут, песен попоют да шить ей помогают. Ране шитья-то было много. Как девку засватают, дак просватанницей называли. Помогали: полотенца обрубали, скатерти шили, рубашки. Ведь ране машины-те не у каждого были. На руках сядут (шить). Вечерами посидят, пошьют... Он (жених) с гостинцами придѣт. По-хорошему всё, ладом сойдутся дак. Чѣ-нибудь ей купит, конфеточок ли — всё было дорого. Вот идѣт к ей и сунет ей, даст конфеточок. Ежели какой дальний, дак, конечно, реже (хо-дит). А ведь во своей деревне, дак как? Приходил» (Котл., Дурницыно Коряжемского с/с. Лахтионова А. И., 1910 г. р. ФА СИХМ. ф. 0107-38). «Жених приносит канфет. Раньше ведь канфет-то всяких было. Он целый кулёк приносит на дары, когда шьют, девушек чтобы угощать. И тоже кор-мим их, чаем поим. И они шьют, кто чего: кто вяжет, кто там полотенца

довышивает. Поют песни» (Лен., Кулига Суходольского с/с Фесенко А. П., 1908 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0823-12). «Жених придёт с гостинцема опять. Чего принесёт — богатой, дак и на платье принесёт» (Котл., Гора Бабаевского с/с Махина А. М., 1908 г. р. ФА СИХМ. ф. 0105-188). «До свадьбы там ещё месяц после уговоров. А к ней в это время приходят подружки. Днём помогают, когда и вечером. Вышивают. Раньше жениху платки вышивали да подарки — кисет да рубашки. Платок там белый или цветной. А жених приходит с гостинцами. Наберёт конфет, пряников, всего — полный платок. Она подруг гостинцами угощает. Они тут вышивают да поют. Каждый день жених не ходит. Это надо богатому быть — каждый день гостинец. Так, дня через два ходят или в неделю раз» (Лен., Кулига Сойгинского с/с Шишкина О. Я., 1916 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0838-9).

Шитье даров часто заканчивалось молодёжной вечеринкой, плясками. «Ишо перед свадьбой у невесты дары шьют. Перед свадьбой, когда вот уговорятся на дары-то, дак девушки ходят и шьют там, вяжут или что-то шьют ей, вышивают. Один день идут с утра и до вечера, вечером пляска. Вечером обязательно пляска уж. Попляшут, розойдутся» (Лен., Большой Мыс Суходольского с/с. Шуровая М. М., 1908 г. р., Куроптева Н. М., 1920 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0822-1).

Смотры

В деревнях Котласского района, а также в Рябовском с/с Ленского района незадолго до свадьбы ближняя родня молодых собиралась на ночное застолье в доме невесты, которое называлось *смотры*.

«Назывались *смотры*. Только придут от жениха папа да мама, да хрёстна, да хрёстный. Ну, да там какие-то сестрички есть да братик. А таких не приглашали, дальнюю родню, а только самую ближнюю приглашали. *Смотры*. Вино есть, дак вина попьют. Не то что ныне, упивались, а по рюмочке подадут да посидят, поговорят. Ведь невеста да жених тут и познакомятся, больше уж познакомятся» (Котл., Сольвычегодск. Петракова Г. Е., 1912 г. р. ФА СИХМ. ф. 0110-1). «...А тогда будут *смотры*. Столов много наставят, все гости, как положено. А потом отпируют ночь ли, вечер — ну, в общем, до утра. Этот жених там, раньше на конях, оне уже собираются ехать домой. Уже всё договорились: в тот день у нас уже будет свадьба. Уж настояща. Это на *смотрах* договорятся» (Лен., Новосёлово Рябовского с/с. Паламодова В. И., 1914 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0605-36). «До свадьбы уж *смотры*. Первый раз *смотры* делают — вечер, а назавтре уж жених на свадьбу приезжает» (Котл., Тючкино. Притчина А. В., 1913 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0601-4). «Смотры-те: соберутся гости, угощают их. Песенки попоют, посидят у невесты. Я вот помню, как у меня собирали. Наша родня была, и женихова родня приходила, тут-ка все. Познакомились. Они договорились, когда делать сватанье, подготовиться» (Котл., Метлино. Верхотина Е. И., 1911 г. р., Милохина А. Д., 1907 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0607-5). «Это перво делали *смотры* раньше. *Смотры* делали — пировали, и после пляска шла. После этого девки да робята плясали. *Смотры* всё делали по субботам, по воскресеньям... Дак ведь на *смотрах* пригласят главных только гостей, больших. Ну, там, отец, мати приедут, братья,

сёстры там, дяди» (Котл., Гора Бабаевского с/с. Махина А. Н., 1908 г. р. ФА СИХМ. ф. 0105-188).

Смотры, по-видимому, следует расценивать как еще один, заключительный, этап сватовства. Об этом свидетельствует и то, что иногда именно на смотрах сваты брали с родителей невесты *задаток*.

«*Смотры* делали. Маленько звали — там, человек десять, не больше. Через неделю (после сватовства) всё делают. Посмотрятся друг на дружку. *Смотры* в воскресенье делали. Народу маленько... А там — деньги есть, руб дашь — задаток. Когда *смотры*-то были, дак тогда и задаток, на *смотрах*. Задаток с невесты просили, чтобы не отказала» (Котл., Гусиха Сольвычегодского с/с. Соколова К. А., 1903 г. р. ФА СИХМ. ф. 0106-22).

Свадьба в доме невесты — сватанье (сватанье)

Свадьба в доме невесты называлась *сватанье*. Этот этап ритуала на нижней Вычегде и Виледи начинался с вечера (реже — днем) и продолжался до утра.

«У невесты дома сидят, сватаются. Тоже целую ночь сидят. Песни всякие поют» (Лен., Маглут Сафроновского с/с. Маланина Е. Д., 1912 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0803-88). «Свадьба ночью у нас бывает. Невеста дожидает, она нарядилась. Приидёт свадьба, жонихи за невестой, ночь отгуляет эта свадьба тамо-тка, а потом к винцю едут» (Вилег., Осиновец Ильинского с/с. Аникина А. А., 1904 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0429-2). «Всю ночь сидят на *сватанье*. Днём приедут, весь день, весь вечер, да у кого и другой день ишо празднуют» (Лен., Выемково Сафроновского с/с. Попова З. Е., 1912 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0815-3). «Свадьба у невесты с вечера. Приехали на свадьбу-ту ночью. Невесту выводили из-за занавесы... За стол, кто зазваные, вси сели» (Вилег., Мышково Вилегодского с/с. Костина М. Н., 1903 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0479-1). «Всю ночь сидят. Днём к винцю-ту едут. А с утра отдохнут, поспят» (Лен., Бор Суходольского с/с. Селиванова П. Д., 1894 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0820-1). «Сосватаются, потом — через неделю, через две — свадьба, *сватанье*. Опять к невесте приходят — угощают. Потом ночь посидят — и назад все пойдут к жениху» (Вилег., Беляевская Фоминского с/с. Митянина А. А., 1911 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0471-12).

В Котласском районе зафиксированы и другие, единичные указания на то, что основная часть *сватанья* проходила до двенадцати часов ночи, после чего бо́льшая часть гостей разъезжалась по домам.

«И поедут домой. Ране до утра ведь не гуляли. Часов до двенадцати. Все садятся на своих лошадей, уезжают по домам, ежели дальние. Ближние тоже по домам расходятся» (Котл., Дурницыно Коряжемского с/с. Лахтионова А. И., 1910 г. р. ФА СИХМ. ф. 0107-38).

В день *сватанья* в котласских и вилегодских деревнях специально для невесты топили баню. Невеста ходила в баню с крёстной (*божаткой*) или с подругами. После бани девушки или крёстная чесали невесте голову и одевали её. Невеста в это время причитала.

«Ежели намерено в субботу *сватанье*, дак вечером в субботу пораньше истопят (баню). Хрёстна её — она баню топила... Она (невеста) уж с хрёст-

ной в баню ходила. Она придёт, там у ей у печи ящик стоит, тут у её стул стоит. Она придёт, сёдёт, посидит, волосы просушит. Потом ей будут волосы, голову чесать девки, подруги. Подруги голову чешут. Она в то время плачет. Ревёт слезами, наговариват, что: отец, матери, зачем отдаёте? Ишо, мол, погуляла бы да походила бы. Как не наговариват? Наговариват» (Котл., Дурницыно Коряжемского с/с. Лахтионова А. И., 1910 г. р. ФА СИХМ. ф. 0107-38). «Она свою подружку водила в баню мыть. В баню она уйдёт, когда *сватанье* стало садиться, перед *сватаньем*. И она подружок, которые ей самые близкие, водила в баню. Мы с ей двое ходили в баню, мылись. Там всё своё говорили: как ходили, да плясали, да гуляли, с какими там ребятами дролились — всё говорили» (Котл., Воильцево. Якимова К. И., 1906 г. р., Верховцева В. И., 1925 г. р., Гладышева А. Н., 1912 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0608-20).

В Ленском районе баню топили накануне *сватанья*, но никаких обрядовых действий, связанных с баней, там зафиксировано не было. «Перед свадьбою баню делают, накануне моются свадьбы. В бане моются ко свадьбе, чистыми чтобы были» (Лен., Лена. Пашина Г. П., 1905 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0806-29).

Возможно, рудиментом бани является следующий обычай. Утром в день *сватанья* невеста умывалась, и этой водой её крёстная брызгала девушек, чтобы те быстрее выходили замуж.

«Умывается невеста. Этой водой брызжут всех девок, чтобы девки замуж выходили... Крёстна эту воду забирает. Умылась ты над тазом ли, над чашкой, и вот она выносит и брызжет. Не сидели чтобы долго» (Лен., Устюг Ленского с/с. Трапезникова А. П., 1908 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0807-16). «Лицо невеста умывает... Выносят эту чашку, такая деревянная, и на девок выливают воду. На кого попадёт — та скоро, говорят, замуж выйдет» (Лен., Козьмино. Сидорова М. А., 1913 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0810-11).

Когда народ собирался на *сватанье*, специально приглашённые женщины начинали петь свадебные песни. Иногда их называли *посторонними*, потому что они чаще всего не состояли в родстве с молодыми; реже — *свадэбницами*. Исполнение песен в обряде обозначается термином *опевать*. В прежние времена на *сватанье* звучали и причеты.

Ещё до приезда жениха родные по очереди подходили к печке, где за занавесой сидела невеста, прощались с ней. В это время каждого из них *опевали*.

«Только собирается народ-от на *сватанье*, девки да там бабы все — людно ведь насобирается, полно мужиков, дак вот тожно и поют её, первую песню. „У! Свадьба едет, — говорят, — надо ‘Сени’ <‘Сени, зачем, новы, не подломитесь’> петь!“ Свадьба-та едет, дак сразу, первую уж, первую её. Жених к невесте <едет>» (Лен., Козьмино. Лиханова А. В., 1906 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0812-18). «Ишо я маленька была, дак бабы ходили петь-то песни. Дак вот долгие-то пели, свадебные каки-то песни. Я уж-то их ни одного слова не знаю. За занавесу-то кладут денёг бабам, и невесте кладут денёг. Это уж давно. Уж мне-ка девяносто годов, а это — ишо я, быват, была годов восьми-семи» (Котл., Выставка. Балужева П. М., 1901 г. р. ФА СИХМ. ф. 0105-132). «*Опевают* специальные таки женщины. Когда за

стол сядут, дак вот и *опевают*. Они так и ходят, поют таки песни. Там как-то: „По согласию идёшь ли, по неволе идёшь?“ Такие писни пили всё. Она и за столом, бывало, с женихом сидит, станут опевать, она и заплачет. А этим бабам, которые *опевают*, им деньги дают. Они *посторонние*. Посторонние женщины, когда придут смотреть, и вот соберутся и *опевают*» (Котл., Дурницыно Коряжемского с/с. Лахтионова А. И., 1910 г. р. ФА СИХМ. ф. 0107-38). «Это отец приходит и прощается с ней. Потом это же самое поётся, мать опеваётся. Там родственники какие близкие опеваются, а невеста сидит на месте, за занавесой сидит. До женихов, ишо женихи не приехали. Раньше ведь ночь пели, пили, гуляли-то ночь. В двенадцать часов уже женихи приезжают, а до двенадцати вот это невесту опевают. Она сидит за занавесой. Этих родственников опевают, а ⟨они⟩ ей ложат деньги на прощание» (Вилег., Путятино Ильинского с/с. Гомзикова А. Ф., 1911 г. р. ФА СИХМ. ф. 0303-14). «На сватанье соберутся баб много. Станут все в ряд и заопевают, а невеста ревьёт, плачёт. *Опевают*. Дак все и со стороны, весь народ заплачет — *опевают*» (Котл., Гусиха Сольвычегодского с/с. Соколова К. А., 1903 г. р. ФА СИХМ. ф. 0106-22). «*Опевали* девки, а она причитат. И с отцом причитат, и с матерью, и с сестрой — кто есь. Ково припоют — отца или матерь — с тем и причитат» (Вилег., Беляевская Фоминского с/с. Митянина Е. А., 1911 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0471-29).

Когда гости уже собрались, подружки начинали одевать невесту, которая всё это время сидела за занавесой у печки или в другой комнате. Там же крестная заплетала ей косу.

«Наряжали перед *сватаньём*. Невеста — ей волосы чесали, у кого если там коса. Когда уже вот-вот жених приедет с гостями, тогда её и учасьвали. Подружки еённы чесали. Они плакать-то плакали, пели. Жалко им, ведь уходит, больше она с ними не будёт, дак вот они там пели песни» (Котл., Воильцево. Якимова К. И., 1906 г. р., Верховцева В. И., 1925 г. р., Гладышева А. Н., 1912 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0608-2-6). «А невеста там у печки или в другой комнате. Надевают там подружки, одевают, как надо» (Лен., Юргино Сафроновского с/с. Булатова Ф. Т., 1908 г. р., Белоголова В. А., 1921 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0803-15). «Вот на *сватанье* хрёсна невесту и учасьват. Косу заплетат ей. Кажну гуинку перекрестит. Станет накладывать кофту да сарафан — перекрестит, тогда невесте накладывают. Это на сватанье» (Котл., Сольвычегодск. Петракова Г. Е., 1912 г. р. ФА СИХМ. ф. 0110-1).

К дому невесты верхом на лошади подъезжал жених в сопровождении дружек. «На первой лошаде жених едет. А дружки-те, они на конях, на этих на одиносках едут. Впереди они едут» (Лен., Матлуг Сафроновского с/с. Маланина Е. Д., 1912 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0804-1).

Когда жених с дружками подъезжает к дому невесты, его встречают специальной песней. «Сразу, значит, у невесты поют песню „Не было ветру“. А жоних идёт со сватами. Сватать, говорят, на *сватанье*» (Лен., Козьмино. Сидорова М. А., 1913 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0810-11).

Дружка заходил в избу с приговором — *читал*. Традиция свадебных приговоров была особенно развита на Виледи.

«Дружки *читали*, когда шли к невесте-то:

А ехали-попоехали
 Да до росстаней доехали,
 И у нас кони стали.
 А в этом ли в терему,
 В этом ли в городе
 Живёт молодая кнегина?

А там отвечают: «В этом!»

Это пороги высоки,
 У нас ноги коротки,
 Скок за порог,
 Едва ноги переволок!

Это заперто, не пускают. Много вычитывали они!» (Вилег., Мышково Вилегодского с/с. Костина М. Н., 1903 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0479-1). «Дружок был, читал, только забыла. Приходит, поздоровается. Невесту берёт за руку, ведёт за стол» (Котл., Гусиха Сольвычегодского с/с. Соколова К. А., 1903 г. р. ФА СИХМ. ф. 0107-22).

Когда жених входил в дом, мать, *божатка* или подруги выводили к нему невесту, и молодые садились за стол. За ними следом в строго определённом порядке садились и остальные.

«Мать выводит на *сватанье*. Передаёт жениху, он берёт её за руку и ведёт за стол. Молодые за стол-то зашли первые, но они стоят, пока гости не найдут за стол и все не сядут» (Лен., Лена. Маслова З. М., 1917. ФА СыктГУ. ф. 0801-7). «Выводит *божатка*, хрёстна. Выводит её и ему отдаёт. И вот они тогда и за стол садятся. (Лен., Большой Кряж Сафроновского с/с. Батаева Е. В., 1908 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0816-1). «Подруги одевали невесту. Оденут, и вот выйдет мати: „Невеста наша готова“. Жених идёт, за руку её берёт с места, ведёт за стол. Жених как приедет, и одевать станут» (Котл., Дурницыно Коряжемского с/с. Лахтионова А. И., 1910 г. р. ФА СИХМ. ф. 0107-38). «Это приедут ⟨женихи⟩, да за стол её сядят уж. Ведут, когда садятся гости на *сватанье*. И вот когда ведут, эту песню и поют ⟨«Солнце катилось по-за тёмным лесам»⟩. Невесту ведут девки другой раз, подружки ведут или хрёстная приведёт» (Лен., Козьмино. Сидорова М. А., 1913 г. р., Лиханова А. В., 1906 г. р., Моденова А. П., 1913 г. р., Гладышева Е. Г., 1914 г. р., Петнева А. П., 1903 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0811-6,7). «Первый заходит за стол жених, берёт за руку невесту правой рукой, она даёт правую руку. Он обводит её по лавке через себя и садит рядом с собой. С ней садится хрёстна, а с женихом садится хрёстный» (Котл., Погорелка. Лобов А. П., 1914 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0603-9). «Невесту привела хрёстна. За стол привели её. Стол — так два стоит, и так два-три стоит вдоль по хате. Невеста заходит на лавку... Раньше ведь стульев не было, лавки были. И по лавке идёт до жениха. Дошла до жениха. Жених берёт её за руку и обводит около себя. Она к нему рядом садится. Невеста свой платок берёт на руке, и жених берёт её вот так» (Котл., Осолово Пачеозерского с/с. Гундарев С. С., 1911 г. р., Гундарева Т. М., 1919 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0604-3). «Жених все столы обходит и ведёт за руку вою невесту в передний угол. Там, значит, потом хрёстный их садится, потом отец с матерью садятся, потом

уже ближние. Ну, первые, если сватанье, садятся первые жениховы гости за стол. А уже невестины, они уже на другой порядок садятся. А (когда) у жениха свадьба — уже эти невестины гости вперёд садятся, а жениховы уже на последние столы» (Котл., Воильцево. Ивакина В. Н., 1908 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0608-35-6).

Считалось, что молодые, и особенно невеста, на свадьбе подвергались большой опасности — на них могли навести порчу, околдовать. Чтобы избежать этого, на сватанье специального человека сажали следить за печной заслонкой.

«Колдуны раньше бывали. На печь сѣдет и никого не пуска́т. Там колдуны колдовали, дак чтобы никто не подошёл ко трубке. Я не пушу, раз мне караулить показано. Они (колдуны) могли всю свадьбу повернуть, и волкима убежишь. Это давно-давно уж было. Закроют (трубу), чтобы никто не открыл, посадят» (Котл., Воильцево. Якимова К. И., 1906 г. р., Верховцева В. И., 1925 г. р., Гладышева А. Н., 1912 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0608-3).

Застолье начинается с *даров* — одаривания невестой родни жениха под песню «На улице дожди дождат».

«Все гости садут, и родня вся сядет, и так — кто приглашённые, сядут. Тогды дарить невеста начинает. В первую очередь жениха, вторую очередь — мать, третью очередь — отца. Носит божатка (дары). И вот божатка так подаёт тарелки невесте, а невеста с рюмочкой вина. Кого вот хотят: будешь жениха дарить-то — жениху дары даёт и рюмку вина даёт. А они опять отдаривают» (Лен., Большой Мыс Суходольского с/с. Шуровая М. М., 1908 г. р., Куроптева Н. М., 1920 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0822-3). «Невесте отдаривают деньгами. Там крёстная выносит невестино, или мать, на тарелку положат, свернут, ей отдают — поклонятся. Она поклонится (тому), кого дарить. А поют песню „Прими дары, не прогневайся“... Кого дарят — того и имя. Они уж её выведут да за столом сидят, дары-то носят. Поворотится, поклонится. Дары (подносит) то хрёстная, то мать. На торелке на большой или подносы. И дарят. И вино стакан иишо. Тот, кого дарят, тот пробует, попьёт вина. Ну, раньше-то пиво было. Потом кушать все садятся» (Лен., Козьмино. Сидорова М. А., 1913 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0810-14-16). «Напослиде дарить надо: жениха, свекровку, хрёстного. Там золовки какие — им всё зараз. Подавали другие, невеста принимала только... Мама дарила» (Вилег., Мышково Вилегодского с/с. Костина М. Н., 1903 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0479-1). «Ну, *дары* — там, может, брат еёный, там кого назначат. Он на подносе носит, положим, два полотенца, на полотенце две конфетки лежат. На подносе он носит, роздари́ват всё это. А там сватья, которая из сундука вынимает, она по сундуку стучает: „У нашей невесты не убыло даров!“ А может, там ничего и не было, в ящике-то. Такой закон был» (Котл., Погорелка. Лобов А. П., 1914 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0603-9). «Полотенца там, рубашки, что у невесты напасут — *дары* называются. И вот на тарелке эти *дары*, жениха дарят, а потом свѣкра, свекровку, деверя. Она подносит, ей отдаривают — денежки кладут на тарелку. Вот их и *опевают*. Снова приносит мати, ли там хрёстная её, — приносят опять подарок. Она опять другому человеку тарелочку держит, кланяется. А певичы поют „На улице дожди дождат“ (Лен.,

2-я Борисовская (Лукинская) Ленского с/с. Селиванова А. М., 1911 г. р., Селиванова А. А., 1913 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0809-8,9). «Дарила на сватанье свекровке полотенце. Раньше свекровке на сарафан, да рубаху, платок... Дарить носили на торелке. Да тут в серёдку ишо пряничок клали, чтобы дары. Пряничок ишо кладут — как гостинец» (Котл., Малая Погорелка Пачеозерского с/с. Тюкина Л. П., 1908 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0603-1). «Мати достаёт, кому какая надо — дарят. Вот мне подарили как бы эту рубаху, вина тебе дадут стакан, рюмку выпей — потом их дарить. Она принесёт это, невеста, на торелке, подарок этот, подарит кому — ему подадут рюмку вина» (Котл., Шешурово. Верховцев М. П., 1908 г. р., Верховцева А. Д., 1909 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0601-23). «На сватанье раньше ведь дарили. Невеста дарила жениху родню на сватанье. Вот тарелку возьмут... Я помню, уж подросток, дак ходили, смотрели. Вот он носил, носил полотенца, да там чего. Дарил-дарил, а потом последние навешал два полотенца да ишо чего-то и говорит: „У нашей невесты нет боле даров“. А так-то раньше всё говорили: „У нашей невесты не убыло даров!“ Поклонится, подарят и говорят: „У нашей невесты не убыло ишо даров!“ Ближну, свекровке — дак на платье, дак вот такое всё хороше, платок хороший. Если золовки есть, тоже по платью всё. А тут тёткам да всё — полотенец. У! Другая двадцать пять штук подарит всё полотенец — каждому по полотненцу. А кому и носовы платочки — ну, это уж дальние родня» (Котл., Воильцево. Якимова К. И., 1906 г. р., Верховцева В. И., 1925 г. р., Гладышева А. Н., 1912 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0608-3).

Сведения о порядке свадебного застолья наиболее полно записаны в Котласском районе. По краям свадебного стола раскладывали хлеб и выпечку. Всё это закрывалось полотенцами, и только после *третьей рядовой* (всех сидящих за столом трижды обносили пивом или вином) снимали полотенца — *открывали столы*. Каждая перемена блюд называлась *артелью*. *Артели* следовали друг за другом в строго определённом порядке.

«Сколько артелей-то раньше на свадьбу ставили! Первая-то — холодец, потом после холодца тут суп поставят, ещё пироги идут, пироги рыбные, ещё разные свежие, потом солёной рыбы, рыбны пироги. Потом холодец. Всё накладывают. А уже потом принесут когда яичницу и молоко — драчёна, яичницы и молоко — это уже последние три *артели*. Когда принесли молоко, тогда стол уже, значит, насмарку идти... На сватанье, свадьбу одинаково. А стол украшали по-прежнему-ту: накладывают хлеба по краям, скатерть, полотенцами закроют хлеб, на серёдку буханка хлеба. Большая буханка, поменьше буханка и ещё на столе на первом-то. Только на первом. А второй стол там уже и ставят. Вот первое пойдут пироги рыбные, потом пироги были *целовники*. Ну, так это корка была закрыта, а эти <с> грибами сухими, мясо, а другой раз ещё репа. А эти *целовники* назывались. Кто эти пироги пёк, пекаря того целоваться заставляют. Он выходил. И вот спрашивают: „Кто пёк эти пироги?“ Их называли *целовники*. На сватанье их пекли невестины родственники. А тут ещё выпьют, дак все целуют её, кто пёк дак. Вот верно: пироги рыбные трои, пироги эти *целовники*, суп, холодец, жаркое, драчёна, яичница, молоко. Немного тут всё мясное: мясо

жаркоё, суп мясной. Пироги из трёх видов рыбы: солёной: из трески, побогаче — (из) палтуса, и свежие» (Котл., Воильцево. Ивакина В. Н., 1908 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0608-30).

«А чего делали? Вот пироги по двой, по трой пироги, холодец с квасом, суп, мясо жареное, рыба жареная свежая, пироги — *целовники* назывались. Двух сортов: с мясом и с грибами делали. Жених да невеста целовались, как станут эти пироги есть. И потом вот эта яичинка, молоко принесли — всё. Это последнее — молоко» (Котл., Копытиха. Паламодова Н. А., 1914 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0609-37).

«Когда обносят раньше времени-то *перву рядовую*, даже до *двух рядовых* обносят — столы все закрыты. Тогда есть никто не имеет права по обычаю. Пока не откроют столы. Столы открывают, тогда уже ты можешь кушать» (Котл., Погорелка. Лобов А. П., 1914 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0603-9).

«На столе хлеба набирали на края, всё закрыто полотенцима. А в серёдке рыбные пироги, на каждом столе — рыбный пирог. Он не розрезан, так стоит. Столы из стены в стену: четыре, пять ли, шесть — у кого какие столы. Перву рюмку выпьёшь, выпьют... *Три рядовых* обойдут, только тогда столы открывают. (...) Всех обойдут *три рядовых*, как вот с жениха начинают и кругом все столы обойдут, и второй раз, и третий раз, потом и станут *столы открывать*. Столы откроют, тогда пироги разрежут. До того столы не открывают, полотенца не сьмают. Потом полотенца снимут, полотенце жениху да невесте на колени положат, а остальные все соберут, уберут... Тот пирог съедят, потом приносят квас с холодцом. Нынче есть режут на торелочке холодец, а ране — холодца нарежут и нальют квасу, сметаны положат в блюдо. На все опять столы поставят по этой *артели*. Как *артель* поставили, опять кругом *рядовую* пошли с вином, ли там с пивом, ли с чем. А ведь это на подносе носили-то, не так, чтобы один стаканчик руками подавали, а поставят на поднос, бывает, шесть-семь. Вот стоит над столом, все по рюмочке берут. Он выпьёт и тут же опять ставит на поднос. Пять стаканов подал, он стоит, пока их не опростают. Ну, кто не допивает, ставит — он, значит, не примёт. Это не порочат, что ты не допил. Это не приневоливают — кто сколько можёт, тот столько и пьёт. И вот холодец, потом суп. Да много *артелей* было! Яишница. Вот ишь, у нас яишница раньше ведь всё на латочках ладили, криночки таки маленькие. Всё в их. Три яичка толкнут, или там два ли, розболтают — на каждой стол. И вот много артелей было. Чё-то уж я не помню, а много артелей было. Первой пирог, второй холодец, третий суп, яишница. Ишо из грибов, из сухих грибов *хлёбальной пирога* назывался. Он вот такой величины, из теста излажен, а в серёдку наложены сухие грибы. Грибы сухие, размочены они, приготовлены с маслом, со всем. И опять тоненька корочка на его накладывается — закрывают. И вот это на все столы, там восемь-десять *пирогов хлёбальных*. Да и да́ве двоя ишо были репные, перво-то времё ишо из репы ладили. Тожо круглый, тоже закрыт, а репа в серёдке. Ну вот. А напоследе принесут молоко. Молоко везде поставят. Тогда уж, гости, выходите, ежели довольны, пляшите, гуляйте и расходитесь по домам. Молоко последноё. (...) Пиво на подносе подавали. Такие пивные стоканчики, вот такие они жестяные, не стеклянные... Он

там подходит, опять наливает. А новой дак ишо ходит с ендовой. Ендова большая, с носком. Дак носишь поднос со стаканама, а я стою с ендовой. Ты как опростаешь, я опять тебе наливаю полны, опять переходишь. Вот так сё и делали» (Котл., Дурницыно Коряжемского с/с. Лахтионова А. И., 1910 г. р. ФА СИХМ. ф. 0107-38).

За столом полагалось *опевать* всех гостей. За это певицам клали деньги на тарелку.

«Всех, не то что жениха *опевают*, а кто за столом сидят, всех. На целую тарелку денег накладывают. Кто рубль там, кто сколько может. Всех, всех *опевают*, кто есть» (Лен., Лена. Маслова З. М., 1917 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0801-13). «Весь стол опевают. Обойдут потом и гостей. И все, кого поют, встают и кланются» (Лен., Паладино Сафроновского с/с. Козлова А. И. ФА СыктГУ. ф. 0803-68).

Не приглашённых, пришедших просто посмотреть на свадьбу, хотя и не сажали за столы, но тоже угощали, обносили пивом.

«Угощали этих, которые придут со стороны-то смотреть. Всех угощали. Которы пришли смотреть, дак угощали их тоже пивом, по стакану обнесут. На полате, везде народ, на пёче — да везде! Тут много надо. Да по сколько этих ушатов пива варили!» (Котл., Воильцево. Якимова К. И., 1906 г. р., Верховцева В. И., 1925 г. р., Гладышева А. Н., 1912 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0608-3). «Раньше пиво выносили. На свадьбе на полатах народу полно. Такие братыни были, и на полати подают. Нацеживают братынь пива и подают на полати. И там, на калидоре, стоят, которы под порогом, — подавали. Тех тоже угощают. Чужие — вот кто придёт смотреть» (Котл., Песчаница. Кузнецова К. А., 1909 г. р. ФА СИХМ. ф. 0106-9).

За столом кроме молодых сидели только их родственники и взрослые, семейные гости. Молодёжь гуляла в соседней избе, где устраивалась вечеринка с плясками. Это называлось: *проплясывать невесту*.

«На время *сватанья* молодёжь собиралась. Девчата всё плясали в другой избе. Вот *сватанье* у меня, а в другой ⟨избе⟩, где найдут квартиру, тут они и пляшут. Гулянье идёт. Молодёжь, все подружки» (Котл., Меглино. Верхотина Е. И., 1911 г. р., Милохина А. Д., 1907 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0607-5).

«Нанимали избу плясать девкам да ребятам. В само *сватанье*. Свадьбу у жениха уже не плясали, а у невесты плясали. Нанимали, если нет своей рядом избы, а летом дак плясали на мосту да на улице. А зимой, если своей избы нет другой, нанимали избу у кого-нибудь. И была пляска. Так она и называлась. *Сватанье* идёт и пляска. Значит — *проплясывают невесту*. Это приходят девки и ребята....⟨На сватанье⟩ они не плясали и не пели, у них была другая совсем изба. Не накрывали им стола. Просто у них как игрицо было, *проплясывали невесту*. Когда уже пойдут плясать, дак оне ⟨жених с невестой⟩ приходили. Придут, только посмотрят — и обратно уйдут за стол сидеть» (Котл., Воильцево. Якимова К. И., 1906 г. р., Верховцева В. И., 1925 г. р., Гладышева А. Н., 1912 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0608-2г).

Застолье заканчивалось. Выходя из-за стола, невеста дёргала за конец скатерти, чтобы её подруги быстрее выходили замуж. «Невеста за стол дёргала, скоряе чтобы за ей все подруги вышли ⟨замуж⟩. Из-за стола

выходит когда со *сватанья*, тогда и стол дёрнет» (Котл., Надозерье. Сабурова Н. И., 1910 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0602-16).

Утром перед отъездом к венцу вновь накрывали стол. В низовьях Вычегды жених должен был выкупить место за этим столом.

«Невесту когда к венцу повезут — выкупают. Утром. Посадят маленького мальчика, подростка какого, вот ему денёг дадут. Тогда всё. Он (жених) проходит. Видишь, вот как у нас изба. Невеста в уголке сидела. Пришёл, за руку взял меня, повёл за стол. Мальчик сидел — ему отдал деньги. Тут давай гости садиться» (Котл., Гусиха Сольвычегодского с/с. Соколова К. А., 1903 г. р. ФА СИХМ. ф. 0106-22).

В Ленском районе стол, накрытый перед отъездом к венцу, назывался *прощальным*. «Стол накрывают для прощанья — *прощальный*» (Лен., 2-я Борисовская (Лукинская) Ленского с/с. Селиванова О. М., 1911 г. р., Селиванова А. А., 1913 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0809-12). За него садились только жених с невестой. Остальные — родные невесты и гости — по очереди подходили прощаться с ней. Это называлось *ходить к вину*.

«Последнее, уже как невесте выходить из-за стола, отец *ходит к вину*, как называется, *к вину идёт*. Прощаться, прощаться. Молодые стоят за столом, жених и невеста рядом, у невесты рюмка в руках с вином. Отец подходит, берёт, да поют песню „Не ходи к дубову столу“... Это не молодые поют, а кто *свадебщики*, кто на свадьбе поют. Молодые стоят только, угощают. Отец ходит, потом мать подходит... Все сходят свои, родные» (Лен., Лена. Пашина Г. П., 1905 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0806-29-31). «Тожно она уж прощается, тожно и девки все прощаются, подружки. Так и называли — *к вину водят*. Невеста рюмку держит с подносом, а жених наливает. Хоть ты пьёшь, хоть не пьёшь — маленько приложишься, как ровно пила, обратно поставишь рюмку. Ну, а которые пьют, дак и выпьют. И на тарелку деньги, на поднос на этот положат. Кто сколько там может: кто пятерку, кто и рубль, кто там два — кто сколько может» (Лен., Устюг Ленского с/с. Трапезникова А. П., 1908 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0807-16). «Пили-пили, ели-ели все — *поведут к вину*, называется. Жених и невеста встают, жених держит вино в руке и на тарелочке держит рюмочку. А у невесты на тарелочке лежат конфеты, пряники, такое-то вкусное, чтобы можно было закусить. Поведут — это уже почти стол кончается, с невестой прощаться уже будут!» (Лен., Суходольский с/с. Успасских Л. А., 1914 г. р. РАМ ф. 2226-1).

Термин *ходить к вину* отмечен и в Котласском районе, однако там этот этап ритуала осознаётся не только как прощание с невестой, но одновременно и как *пропивание* её, когда все собравшиеся пили *женихово вино*, принесённое им на *сватанье*.

«Четверть вина рёдят. А вот как за невестой едут, везут четверть вина. Кто богатой — две четверти везёт, а кто — одну четверть. А это вино угощают — *идут к вину*. Жоних угощает, вот когда сидит за столом. Там, наверно, наливает хрёстной. Деньги кладут, деньги на торелку кладут» (Котл., Песчаница. Кузнецова К. А., 1909 г. р. ФА СИХМ. ф. 0106-9). «Утром перед венцом всем по рюмочке носили, со стороны кто-нибудь, родня какая. И всех обнесут. Мало, к венцу-ту столик соберут, а никто и не пи-

ли-то. Невеста сидит, и эту песню и поют, что „пропил, пропил родной батюшка“. Это *женихово вино*» (Котл., Гусиха Сольвычегодского с/с. Соколова К. А., 1903 г. р. ФА СИХМ. ф. 0106-22). «Когда сватанье станет отходить, перед тем, как собираться домой будут, к венцу там, выносят *женихово вино* — начнут пить. Он своё там выставляет вино, торелочки там, рюмочки. И на торелку ставят. И как вот моя родня, с моей стороны родня-те пьют вино, как невесту *пропивают* на *сватанье*. А невеста держит торелку с этима рюмочками. И в то время плачёт, как прощается со своим домом, со своими родственниками» (Котл., Малая Погорелка Пачеозерского с/с. Тюкина Л. П., 1908 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0603-1). «Бывало, если жених мало-мали богатенькой, дак приезжает с вином за невестой. И невестину сторону угощают вином. Как за невестой приедут, дак тогда. Вот она держит торелку, на торелке — стопочка. Он наливает стопочку вина, и напере — отец, потом мати. Тожо поют девки: „Пропил, пропил меня батюшка“... Отец напился, пойдёт мати. Опять девки поют это, что „пропила родима матушка“. Это жених угощает. Потом дядьей, тёток каких. Вином угощали» (Котл., Гусево. Выдрякова Е. Ф., 1905 г. р. ФА СИХМ. ф. 0104-42, 44).

Жених выходил из-за стола, а невесту выводила крёстная-*божатка* под песню «Солнце катилось по-за лесу». «Её крёсна выводит за руку. Это и припевают, это к невесте. Будто бы она обижается на родителей. Жениха нету тут. Жених стоит вот тут у стола. А невесту ведут, а потом приведут к ему» (Лен., 2-я Борисовская (Лукинская) Ленского с/с. Селиванова О. М., 1911 г. р., Селиванова А. А., 1913 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0809-12).

Сватанье завершалось *покрыванием* невесты. В Ленском районе, где этот этап описан наиболее подробно, он проходил под песню «Проиграл свой тальянский плат».

«Молодых из-за стола выводят дружки. Они выводят и жениху подают *покрыв* — платок большой. Жених покрывает невесту... Она тут вот, когда её закрывают, и плачет, причитает, что „отдают меня да за чужого мужика“...» (Лен., Лена. Маслова З. М., 1917 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0801-7). «*Покров* назывался — такой большой плат, ли шаль там красивая, ли плат большой, красивый. Вот он — жених обносит круг её три раза, круг невесты обнесёт. Жених должён эту шаль припасти-то. Обнесёт её и закручивает её, и закроет» (Лен., Матлуг Сафроновского с/с. Маланина Е. Д., 1912 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0804-1). «Из-за стола выведет от сватанья, и у его платок. И вот он три раза обведёт вокруг головы и тогда закроет её. А она тогда отцу в ноги бросится, падёт невеста. Платок-то оденет, тогда уж он стоит рядом, а она в ноги кланяется. Поют песню „Проиграл свой тальянский плат“...» (Лен., Большой Кряж Сафроновского с/с. Батаева Е. В., 1908 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0816-1).

В Иртовском с/с записан подробный рассказ о том, как после *покрыванья* невесту *сажали под грядки*, где происходило её последнее прощание с подругами. Обращает на себя внимание специфический обрядовый символ — *коса*, сплетённая из льна, которую невеста разбирала на части и раздавала подругам. В это время звучали сольные причёты, вести которые невесте помогала специально приглашённая *бабушка-плачя*.

«Значит, жених покрыват. Вот выведут вот так её к жениху, дают плат, шаль — и вот он так её кругом обводит три раза, её поцелует и закроет. И эту невесту, пока не обвенчают, не откроют. И от нево уведут эту невесту, садят на лавку и дают невесте — заплетают изо льну вот такую косу. Эту косу дают в руки невесте. И вот эта невеста приплакивает, сидит. К ей опять же первый подходит жених, несёт ей — называется *наколинной платё*, он несёт ей платё. А она закрыта, она тут плачёт. Это *под грядки сажают* её... А тут сидит *бабушка* и поёт:

Призакрыл да чужой чуженин
От свету-ту да от белово...

А у невесты изо льну сплетена коса, во этой косе ленточек вот столько навязано! Ленточек всяких-разных. И вот поёт эта *бабушка*, а она её треплет, вот эдак хлопат и плачёт. Косой так и хлопат! (...) Приходят все девки, собираются — уж надо к венцу ехать. И эта невеста эти косы развязывает и отдаёт подругам, девкам. А ей уж волосы тоже на два розложат — и всё» (Лен., Лопатино Иртовского с/с. Помолева Л. Г., 1902 г. р. ФК. ф. 1333-1).

Перед отъездом к венцу родители невесты *благословляли* молодых иконой. «Там уж выводят, к жениху поставят, и отец да мать благословляют назавтре-то иконой. Оне так головы приклонят, и их перекрестят. Перекрестят, и невеста падат отцу в ноги, воеет, плачет... Сразу он (жених) её закроет, а потом её благословляют-то закрытую. *Покров* жених покупает. Прощаются. Вот она падат, перекрестят иконой и эту икону невесте отдают» (Лен., Козьмино. Сидорова М. А., 1913 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0810-17).

«За столом маленько посидят. Потом жених, невеста выйдут из-за стола, и мама да папа икону возьмут. Икону возьмут, станут середь полу тут-та-ка, их этой иконой благословят. Они голову наклонят, жених да невеста, от так, а они и благословляют — папка да мамка. Благословят, а потом невеста маме в ноги падёт, папе в ноги падёт — и к венцу поехали» (Котл., Сольвычегодск. Петракова Г. Е., 1912 г. р. ФА СИХМ. ф. 0110-1).

«Мы с ним (женихом) встали за матицю. Нас отец стал благословлёт. Иконой — сперва его, потом меня. Мы в ноги пали отцю-матери. Потом сладилися, пошли... Вот у меня сноха есть и сестра — заревили голосом. По мосту идут и режут голосом... А две лошади — с колокольцами, жених приехал. И мой брат колокольцы на лошадь навешал. И говорит жениху: „Михайло, посади невесту-ту!“ По розь сели с женихом-то» (Вилег., Мышково Вилегодского с/с. Костина М. Н., 1903 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0479-1).

«А потом отец-мати благословляют иконой ишо. Тебе икону подносят поцеловать. Перекрестятся вот эдак, и (невеста) икону целует. А и он тоже. Это благословляют уж отец-мати» (Лен., Устюг Ленского с/с. Трапезникова А. П., 1908 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0807-16).

«Невеста кланяется отцу-матери в ноги, просит прощенья тама-ка: „Пошла замуж, меня благословите“. А потом оне так их поставят вместе, иконой благословят. Невеста уж в шале, и во всём уж оболочено так у ней. И потом уезжают» (Котл., Песчаница. Кузнецова К. А., 1909 г. р. ФА СИХМ. ф. 0106-9).

Венчание

Жених и невеста ехали к венцу на разных подводах. В свадебном поезде должно было быть нечётное количество лошадей. О порядке следования сведения противоречивы, но наиболее авторитетные рассказчики указывали, что впереди верхом ехал дружка. В Вилегодском и Котласском районах отмечали, что во время пути в церковь он *наговаривал*, то есть весь путь сопровождал специальными приговорами.

«Поехали к венцу — там ездят на пяти лошадях, на шести не ездят. На пяти, на семи. Кобыл не берут. Первой — дружка, и он наговариват. Всё наговариват. А там невеста да жених выйдут. Там сваха выйдет. Когда выходят, он наговариват. Потом все усядутся — и поехали. Жених сел — всё. Поехали. Невеста идёт, сена выбросит из кашавы — чтобы дорога была девкам» (Котл., Шешурово. Верховцев М. П., 1908 г. р., Верховцева А. Д., 1909 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0601-23). «К венцу ехали порознь, на трёх лошадях мы ездили. А назад, как вот овенчались, тогда уж я ехала с женихом вместе» (Котл., Воросцово. Шергина М. П., 1900 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0602-22). «Сватаньё когда отождёт, а утром-то оне и соберутся. Лошадей напружат, три лошади, всё с колокольчиками. И вот сначала жених едет, потом невеста, а потом ишо эти сваты все» (Котл., Воильцево. Якимова К. И., 1906 г. р., Верховцева В. И., 1925 г. р., Гладышева А. Н., 1912 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0608-3). «А так-то ездят на свадьбу три лошади, или пять, или семь — нечётное число ездили. Вперёд невеста в церковь едет со своей сватьей, с крёстной со своей» (Котл., Воильцево. Ивакина В. Н., 1908 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0608-15).

В Котласском районе косу невесте расплетала *божатка* в церкви, а после венчания там же собирала волосы в пучок. Е. Ф. Выдрякова из дер. Гусево упоминала, что после венца невесте накладывали женский головной убор — *мархатку*.

«Когда венчеть-то будут, дак косу-ту расплетут да розложат её: сюда плетъ, и там плетъ — как венец-от станут накладывать. Потом ей пучок завивают, после венца. А вот сваха-то, хрёсна-то — она свахой зовётся. Сваха за невестой и ухаживает» (Котл., Дурницыно Коряжемского с/с. Лахтинова А. И., 1910 г. р. ФА СИХМ. ф. 0107-38). «Когда приедёшь в церкву, у меня сваха расплела косу. Ленточку положила, наверно, в Евангелие» (Котл., Выставка. Балужева П. М., 1901 г. р. ФА СИХМ. ф. 0105-132). «Зеркало прям тебя в церкве-то. Маленькое зеркальце. Говорят: „Посмотритесь оба“. Посмотришься. Это — когда венчают, дак тогда. Пучок завивают после того, как посмотрятся в зеркало, сваха завивает» (Котл., Гусиха Сольвычегодского с/с. Соколова К. А., 1903 г. р. ФА СИХМ. ф. 0106-22). «От венца накладывали *мархатки* невесте... Её от венца везут уже в мархатке» (Котл., Гусево. Выдрякова Е. Ф., 1905 г. р. ФА СИХМ., ф. 0104-46).

Существовали специальные заговорные формулы, которые невесты тайно проговаривали про себя, стоя в церкви. Эти слова должны были обеспечить любовь мужа и благополучную жизнь в супружестве.

«Раньше — пошла виняться — дак приходит ко мне сестрёнка рódная, да и говорит: „Мариюшка! У тебя ведь Николай-от ведь тебя на девять лет старше. Так ведь он, — говорит, — со всем умом... Ты-то к винцю-то как

пойдёшь, кругом алёя-то там (стол поставленный, алёй этот, в церкви). Дак ты, — говорит, — правой-то ногой ему ступай в ево́нной след. Смотри: он как уберёт след-от, дак ты в ево́нной след вступи и приговаривай:

Не в след ступаю, а, раб Божий Николай,
Твой характер заступаю!

Это — характер штоб — ну, не ругался!“ Вот ведь какое наказание было!» (Котл., Наволок Коряжемского с/с. Митюкова М. П., 1905 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0610-1).

Первыми от венца верхом ехали дружки-поезжана. Они скакали к дому жениха, тем самым оповещая всех о приближении свадебного поезда, а потом возвращались обратно.

«Дружки — два только друга были, тоже как свидетели, *поезжана* назывались — парни молодые. Навяжут полотенца ему через плечо, эдак на́кос вот. И они на верховых лошадях. Как только эта свадьба овенчалась, они так, парни эти, этих лошадей своих запалят — да и вперёд. Это кагды, б(ыв)ат, чё соберётся, а они на верховых да к этому жениху там. Перво дело. „Вот шафера едут! И молодые скоро приедут!“ Публика-та соберётся вся. Они, как могут, коней гонить скаком. И потом долетят до женихова дому — и обратно. Опять встречают свою свадьбу» (Лен., Ирта. Селиванова А. Ф., 1904 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0817-32).

В Котласском районе по пути следования свадебного поезда из церкви сваха или жених должны были угощать всех встречных сладостями, давать *крояна* — выкуп.

«Собираются робятишка, все тут на дороге стоят. Он (жених) должен выбрасывать кульки, сде́лат маленьки — орехи ли чё там. Выбрасывают гостям — *крояна*» (Котл., Шешурово. Верховцев М. П., 1908 г. р., Верховцева А. Д., 1909 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0601-23). «Там с церкви подьедут, дак женихи всё тут выкидывать: там канфеты, или пряники, или что выкинет в толпу. А там собирают» (Котл., Осолово Пачеозерского с/с. Гундарев С. С., 1911 г. р., Гундарева Т. М., 1919 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0604-3). «Богатой жених, дак конфеток да пряников возит, а если бедной, дак семечка. Сваха много всего наберёт: конфет да всё. А народ-то выходит на улицу, выбегает, когда это едут, дак она этот гостинец-то и бросает на улицу — *крояна*» (Котл., Воильцево. Якимова К. И., Верховцева В. И., 1925 г. р., Гладышева А. Н., 1912 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0608-3). «*Крояны* сваха даёт. Ну, ране — пряники, конфетки были, дак вот брали» (Котл., Выставка. Балуева П. М., 1901 г. р. ФА СИХМ. ф. 0105-132).

Свадьба в доме жениха: *приезд, красный стол*

Заключительная часть свадебного ритуала, которая и называется собственно *свадьбой*, обнаруживает наибольшую вариативность в масштабах региона. Хотя содержание и состав обрядовых действий в основном совпадают, но их распределение во времени, детали и местная терминология различны в трёх субрегиональных зонах — ленской, вилегодской и котласской.

В Ленском районе встреча молодых от венца называлась *приезд*. «У жениха *приезд*. На *приезде* тоже людей много, тоже песни поют» (Лен.,

Бор Суходольского с/с. Иванова М. Н., 1904 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0820-15). «Встретят <молодых> и за стол садят. Будет и *приезд*. На *приезде* мало людей, только одна свадьба, котора была с има» (Лен., Ирта. Селиванова А. Ф., 1904 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0817-32). «Отец выходит с хлебом, с большим караваем в руках; а мать выходит с солью. Обязательно с хлебом-солью они принимают, этот хлеб и соль передают жениху и невесте: „Мы очень рады, вот вам хлеб, вот вам соль!“ Жених и невеста принимают это, и все гости заходят в дом. И начинается *приезд*, называется это угощение — *приезд*» (Лен., Суходольский с/с. Успасских Л. А., 1914 г. р. РАМ ф. 2226-1).

Родители жениха встречали молодых с хлебом в хозяйственной части дома, на повети. Именно через поветь они должны были зайти в дом.

«Всё боле заводили <молодых> — ишо были повити, дак на повити. Вот их и встретят. Мати хлебом — ковригой встретит» (Лен., Ирта. Селиванова А. Ф., 1904 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0817-32). «Раньше на повити встречали все свадьбы-те. Пешком на повить зайдут, потом за стол садятся» (Лен., Бор Суходольского с/с. Селиванова П. Д., 1894 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0820-14). «Через поветь молодых заводили. Это называется *приезд*» (Лен., Большой Мыс Суходольского с/с. Шурова М. М., 1908 г. р., Куроптева Н. М., 1920 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0822-3). «Вот их встречали, и почему-то мода была — на повить заезжали — сеновал, там были звозы. И вот невесту завозили на повить. С повити уже ведут в дом. Не знаю, почему не дверьми, всё повитью завозили в старину» (Лен., Фоминское Слободчиковского с/с. Образцова А. Ф. ФА СыктГУ. ф. 0830-3).

В Вилегодском районе отмечали, что в том случае, когда у жениха не было отца, встречать молодых вместе с матерью выходил другой родственник-мужчина, например, дед жениха. «Хорошо ехали. Вылезли — и стоим у жениха. Вот дедушко и вышел. Кафтан выворотил, нас встричаёт. Свекровка идёт, и он идёт — дедушко. Благословили нас хлебом-солью, нам дали — отъешьте... Дедушко и мама-свекровка. Мужа-то не было, он умер» (Вилег., Мышково Вилегодского с/с. Костина М. Н., 1903 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0479-1).

В Котласском районе молодых встречали с хлебом-солью, пивом и вином. По полу разбрасывали сено, по которому должны были пройти молодые. Важная роль отводилась приговорам дружки.

«Потом и к жениху. Как только овенчаются, прямо к жениху и едут. Тут-то их в дверях и встречают с вином. И с вином, и с пивом. Уж в избу так не пустят: „Давайте нáпере выпейте, потом заходите в избу“. Отец да мати жениховы <встречают>. Как вишь, невестины пока *смотримы* да *сватанье*, невестины родители угощают и примают, а уж на *свадьбу* пришли — жениховы родители угощают их, как примают. „Теперь уж как в нашу семью пришла, дак по-нашему и будет. Так и делать надо“ (Котл., Дурницыно Коряжемского с/с. Лахтионова А. И., 1910 г. р. ФА СИХМ. ф. 0107-38). «С пивом <встречают>, ендова такая была. Это всё угощают всех в коридоре. Сено бросали» (Котл., Яковлево. Залуцкая Е. Ф., 1910 г. р., Баранова М. А., 1906 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0603-20). «С хлебом-солью <встречают>, буханку несут на тарелке, с вином. Икону возила невеста-то всё, да

с иконой первый-то идёт ишо. Сено маленько потрусят. Сено — до колена, овса — до хвоста. Кони хороши. Всё больше невест хвалили дружки. Другой так наговариват, дак часа два наговариват» (Котл., Воильцево. Якимова К. И., 1906 г. р., Верховцева В. И., 1925 г. р., Гладышева А. Н., 1912 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0608-3).

Все проходили в хату, садились за стол. Молодым на лавку подстиляли овчину. «Стол уж налажен, набрано. Всё стлали эту овчину. Обязательно овчину постеляют. Жених, невеста садятся на шубноё» (Котл., Дурницыно Коряжемского с/с. Лахтионова А. И., 1910 г. р. ФА СИХМ. ф. 0107-18). «Овчину стлали. Ишо ведь приноравливались барана — а чтобы парня родила. Ягушка (овца) — дак девку родит» (Котл., Гусево. Выдрякова Е. Ф., 1905 г. р. ФА СИХМ. ф. 0104-50).

За столом молодые сидели не долго, затем *тысяцкой* или крёстные провожали их на подклет.

«Принесут тоже пирог, холодец, они ⟨молодые⟩ закусят. А тожно и на подклет уведут. Их спать повалят. Запрут ище» (Лен., Ирта. Селиванова А. Ф., 1904 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0817-32). «В церкву съездят, отвенчаются, за стол посадят, посидят маленько. Потом выйдут и пойдут — на подклет их поведут. Тысяцкой с иконой наперёд идёт» (Лен., Бор Суходольского с/с. Селиванова П. Д., 1894 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0820-14). «У невесты дак была хрёсна, у жениха тожо хрёсна. Они и ведут на подклет. Тожо они же будили» (Котл., Гусиха Сольвычегодского с/с. Соколова К. А., 1903 г. р. ФА СИХМ. ф. 0601-22). «А вот когда уж свадьбу отпируют, первой день пируют, тогда на подклет их отведут, там в како́ место, где-ка постель послана. Опять та же хрёсна ходит. Хрёсна стелет постель и на подклет водит. Тогда их оставляют — и всё, уходят. Оне потом утром встают. Опять таже хрёсна идёт, будити их: «Давай вставайте!» (Котл., Дурницыно Коряжемского с/с. Лахтионова А. И., 1910 г. р. ФА СИХМ. ф. 0107-38). «На подклет провожает хрёсна. Хрёсна провожает жениха и невесту. Где-то там место им отведёно. В летнее время на повети там где-нибудь, в кладовке. В голбце, может быть, — где сделают им место. Вот хрёсна туда и отправляет. Они там и отдыхают. А гости всё ишо сидят, пляшут, играют на гармошках. Когда выспятся — будят жениха и невесту» (Котл., Погорелка. Лобов А. И., 1914 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0603-9).

В Котласском и Вилегодском районах основной день свадьбы на этом заканчивался. В Ленском районе молодых вскоре будили, и затем вновь устраивалось застолье для самых близких и почётных гостей, которое носило название *красный стол*.

«Они приедут, овенчаются да отдохнут, да тожно и пировать опять будут. Каких-то часа три-четыре отдохнут... *Красный стол* — это тогда уж, когда от венца-то, после подклету-ту, — *красный стол*» (Лен., Ирта. Селиванова А. Ф., 1904 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0817-32). «...Ну, и объявляется, что *красный стол* начнётся, например, в девять вечера. После этого будет *красный стол*. Вот люди поженились — веселье, радость, и стол называется *красный*» (Лен., Суходольский с/с. Успасских Л. А., 1914 г. р. РАМ ф. 2226-1). «Вся деревня может прийти на *приезд*, встречать *приезд*. Цёла улица, и столько народу — все встречают. Их садят сразу за стол. Они

поедят, попьют и выходят. И эти гости все уходят, все расходятся, отдыхают. Отдохнут, а потом уже начинается *красной стол*. И ко *красному столу* уже незваные не ходят, только званые» (Лен., Бор Суходольского с/с. Иванова М. Н., 1904 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0820-15). «Дак ведь днём приедут из церкви — *приезд-от* в три, в два, в час. После приезда на подклет. (...) А вечером уже у жениха идёт гулянье — *красный стол* называется. Тут уж посторонних нет людей, только званые гости — свои, жениховы, и что вот с невесты родня придёт. Невестина родня уж тут первые места опять занимает» (Лен., Большой Мыс Суходольского с/с. Шурова М. М., 1908 г. р., Куроптева Н. М., 1920 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0822-3).

В Вилегодском районе *красный стол* устраивали на следующий день. «У нас считается назавтре *красный стол*, и вот эти *опёванны* песни поют. Вот сегодня, скажем, свадьба, а назавтре ночуют и будут дарить жениха да невесту, да там всих» (Вилег., Гришинская Вилегодского с/с. Шевелёва Е. М., 1903 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0414-6).

В деревнях Котласского района утро после венчального дня было насыщено разнообразными обрядовыми действиями. Молодые, а вслед за ними и все гости должны были умыться специально принесённой водой. В это же время невеста *чесала головы* — жениху и другим мужчинам — родственникам и гостям. После умывания молодых связывали полотенцем — *опоясальником*, чтобы они дружно жили.

«Назавтра ведь умывались. А вот утром все соберутся, оне пируют, на столу уже налажено — и станут умываться. Невеста поливает гостям. Так поливает у двери и у печи. Все непременно ходят, умываются. Жених полотенце держит. Все умьются. Жениха да невесту свяжут полотенцем и толкают их. Толкают. Вот. Это мне сроду не забыть. Я ведь видала, маленька была» (Котл., Копытиха. Паламодова Н. А., 1914 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0609-37). «На второй-от день дак была свадьба у соседей, дак я маленька ишо на полатях сидела. Умывались. Принесли — ушат принёс отец невестин. Ушат принёс из колодца — воды. Умывались да головы чесали. Сперва у жениха невеста почешёт, а потом у всех с краю. Подходят к ей, дак она почешёт им голову, росчешёт, ей денег клали. Это на второй день» (Котл., Выставка. Балужева П. М., 1901 г. р. ФА СИХМ. ф. 0105-132). «А тут-ка и умываться ишо водят. Молодые идут с подклету, наливают кадцу воды. И вот молодые идут умываться. А вот я не помню — гости-те умывались или нет. Молоды умываются — наверно, и таки умываются. И молодых связывают вот так, жениха, невесту. Раньше такие полотенца большие были, длинные. Так они и ткались, что это *опоясальник*. Вот их и свяжут. Вот и толкают, туды-сюды толкают. Я видала. Я только раз один видала, на свадьбу небольшая така ходила, насмотрелась. Меня-то уж не связывали. Раньше ткали красные узоры на *опоясальник*, специально» (Котл., Песчаница. Кузнецова К. А., 1909 г. р. ФА СИХМ. ф. 0106-9). «Поставят жениха с невестой и полотенцем туго завяжут. Это на второй день свадьбы. Белое (полотенце) с красными узорами, и кружева пришиты на концах. Такое *опоясанье*» (Котл., Гусиха Сольвычегодского с/с. Соколова К. А., 1903 г. р. ФА СИХМ. ф. 0106-22). «У жениха, когда свадьба пройдёт, это начинают, как они встанут, когда умываться будут. Утром, как умываться будут, и

невеста будет голову чесать свёкру, деверю. Кому голову вычесет, пусть денег положит на торелку, а так, даром, не будет. А потом молодого-то да молодую и опояшут этим *опоясальником*» (Котл., Сольвычегодск. Петракова Г. Е., 1912 г. р. ФА СИХМ. ф. 0110-1). «Жених и невеста встают эта. Поставят ушат воды, поставят таз умываться, а невеста голову росчасыват гостям. Росчасыват, росчасыват, сделает всё — ей дарить, деньги положить на тарелку. Гостей она обойдёт, потом будет жених умываться. А у его полотенце, у жениха... В то время их кушаком-то этим, полотенцем-то, и свяжут. У жениха сделают узел сзади здесь. Вот она опять розвязывает. Розвяжет — вот и всё, и кончится у их. (Гости) умыются, гребень есть, она росчешёт. Жених последний. Он уже умыётся, она росчешёт его — это всё» (Котл., Шешурово. Верховцев М. П., 1908 г. р., Верховцева А. Д., 1909 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0601-23). «Полотенце тако длинное, *опоясальник* ране ишо называли. Вот этим *опоясальником* и опояшут. Свахи были. Они опоясывали, связывали нас, как двух чучел. Нарочно так обмотано было всё, спутано. Розвязали, и всё» (Котл., Малая Погорелка Пачезерского с/с. Тюкина Л. П., 1908 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0603-1). «Моя мать выходила, так её дельвали, она рассказывала. Невеста назади должна развязать у себя узел полотенца. *Опоясальник* — длинно полотенце, может, метра два — такоё» (Котл., Осолово Пачезерского с/с. Гундарев С. С., 1911 г. р., Гундарева Т. М., 1919 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0604-3). «Принесут (воды), мы-то звали на повить, зимой. У нас одне умывались, мы ишо маленьки были, дак мы бегали смотреть. Вот — ушаты звали, деревянные, там ведра четыре. Принесут холодной воды из колодца, на повить ставят. Большая была повить-то! Вот невеста поливает ковшиком из ушата, он умывается, парень. Все парни, которы за невестой ездили, все умываются. Напере жених умыётся. Там тоже шутят, и снегу сюды кладут, и на его снегу бросают. А вода из колодца холоднящая, да зимой! Тут у ей полотенце взято, и мыло, и всё. Дёржит хрёстная. Умыётся и полотенцем вытрётся — и с молодой поцелуется. И другой, и третий — все, все, все. Мы бегали, маленьки были, дак смотреть. Потом, когда все умыются, молодых свяжут полотенцем. Нотодельное полотенце — долго вот такое, шибко длинно. Нотодель так и ткали, *опоясальник* звали. Вот друг с другом свяжут полотенцом, пёредом, тебя и его. Розвяжут. Чего уж, замуж девка пойдёт: «Ой, долго полотенце ткёшь, наверно, *опоясальник*». *Опоясальник* — это же полотенце, только долгое очень. Ну, дак двоих надо связать! Зимой дак они в одежде оба! Знаешь, како надо полотенце!» (Котл., Гусево. Выдрякова Е. Ф., 1905 г. р. ФА СИХМ. ф. 0104-50).

Практики, непосредственно связанные с заключительным этапом свадебного ритуала, могли продолжаться еще в течение двух недель. Обычно они представляли собой череду застолий. В Ленском районе молодые сразу после свадьбы или несколько дней спустя должны были побывать у родителей невесты. Этот визит назывался *первые гости*.

«*Первые гости* — когда пригласят, приходят к родителям еёным. И они приглашают, кого им надо, свою родню» (Лен., Бор Суходольского с/с. Иванова М. Н., 1904 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0820-15). «Назавтре ле, на второй день — опять обратно к невесте едут в *первы гости*» (Лен., Щипи-

но Слободчиковского с/с. Рычкова Т. Н., 1910 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0824-27). «*Первые гости* — с неделю или сколько они поживут, потом едут в *первые гости* к невесте» (Лен., Карповская Козьминского с/с. Морозова М. А., 1920 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0830-9).

В Котласском районе существовал похожий обычай — молодые ездили к теще *на блины*. Иногда они навещали и других родственников.

«К теще, к тестю ходят *на блины*. Это уже недели через две. Нас стали звать *на блины*. Мы пришли *на блины*, мы погуляли тоже там. Пойдём к вам, то к другому. Это просто как отгостятся, что ли. Они пировали у нас, дак зовут нас. Мы и ходили, там, к двум, к трём ходили» (Котл., Погорелка Пачеозерского с/с. Лобов А. П., 1914 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0603-9). «*На блины*-то ездили тоже к невесте. После свадьбы уже. Свадьба пройдёт, дак там в ближайшее время какой праздничок, дак и приедут на блины. Спекёт тёща блинов, напекёт, угощат» (Котл., Воильцево. Якимова К. И., 1906 г. р., Верховцева В. И., 1925 г. р., Гладышева А. Н., 1912 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0608-3). «Блины делали раньше — две недели после свадьбы, две недели или в неделю. Это уж обязательно» (Котл., Копытиха. Паламодова Н. А., 1914 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0609-31в). «Поедут, когда изладят. Отец придёт, скажет, ли мать. *На блины* поедут. Это не много — родня ближняя. Торелку с блинами домой увезёшь и масла» (Котл., Гусево. Выдрякова Е. Ф., 1905 г. р. ФА СИХМ. ф. 0104-50).

В Ленском районе после *первых гостей* родители невесты навещали молодых — приезжала *тёща с блинами*. «А потом опять, после *первых гостей*, *тёща с блинами* едет опять к зятю... Блинов напекут, да там не много (народу) — ну, не свадьба уж тут» (Лен., Лена. Пашина Г. П., 1905 г. р. ФА СыктГУ. ф. 0806-33).

После этого свадьба считалась законченной.

Н. Н. Аруев

***Крестьянские свадьбы в дореволюционное время
около гор. Сольвычегодска****

До революции деревенские свадьбы около города Сольвычегодска проходили следующим порядком.

В бывшей Метлинской волости, да, пожалуй, и во всех других волостях бывшего Сольвычегодского уезда, свадьбы большею частью происходили после Рождества, или, как говорили, в рождественское промежговенье.

В это промежговенье начиная с рождественской недели жених с ближайшими родственниками (мать, тетка и т. д.) начинал «ездить сватом» по деревням в дома, где есть невесты. Поездки, обыкновенно, происходили вечером или даже ночью и делались скрытно (тайно), в тех видах, что если жениху откажут где-либо от выдачи за него невесты или если, наоборот, к какой-либо невесте приедет сватать жених бедный или замухрышка, то чтобы об этом никто из соседей не знал и не осмел ни жениха, ни невесты.

Жених и бывшие с ним свахи, войдя в избу родителей невесты, не раздеваясь, чинно рассаживались на лавку, и одна из свах начинала вступительную речь: «Наслышались мы, что у вас есть товар, а у нас есть купец, так вот и решили заехать к вам», а затем уже начиналось обычное сватовство. Сватовство заключалось в том, что сваха должна была доказать родителям невесты, что жених — человек хороший, трезвый, работающий и неглупый, что хозяйство у него хорошее или что есть все условия улучшить это хозяйство; наконец, что вся деревня, откуда жених, очень хорошая в отношении землевладения (пашня, сенокос, выгон), расположения и проч. Там, где похвастать хозяйством жениха было нельзя, дело доходило до курьезов. Так, одна сваха хвастала, что у жениха в доме столько-то дверей. Выслушав это хвастовство о женихе, его хозяйстве и о деревне, откуда он родом, родители невесты спрашивали сваху и жениха об их запросе приданого с невестой деньгами и прочим. Этот вопрос являлся самым главным и животрепещущим и с обеих сторон вызывал массу дипломатических подходов и приемов. Здесь происходили настоящие торги. С жениховой стороны сбавляли с первоначально сделанного запроса, а с невестинной прибавляли постепенно к той сумме приданого, которую родители согласились дать в первом слове. Опять начинали доказываться достоинства жениха, его хозяйства, деревни и проч., а родители невесты выставляли в противовес достоинства их дочери-невесты. Если к соглашению не приходили или отец невесты категорически заявлял, что он такого-то приданого деньгами, запрашиваемого женихом, дать не может, то на этом сватовство и кончалось и жених со своими свахами ехал в другую деревню, к другой невесте. Нередко неудачливый жених или неудачливые

* Публикуется по изданию: Записки Северо-Двинского общества изучения местного края. Великий Устюг, 1928. Вып. 5. С. 1—11. Публикацию подготовили Е. А. Шевченко, З. Н. Мехреньгина.

свахи объезжали в один вечер безрезультатно двух-трех невест. Но если наконец в приданом деньгами стороны договаривались, то после этого сваха с матерью невесты начинали другую ряд — о приданом натурой и о дарах родне жениха. Здесь начинался не менее ожесточенный торг и ряда, чем и о приданом деньгами, и часто неподатливость родителей невесты или большой запрос со стороны жениха срывали предыдущую работу и сватовство кончалось ничем. В приданое натурой и в дары жениху и его родне входило: одежда, платье, белье и пр. мелочь для выходящей в замужество девицы, рубашки и брюки — жениху, шаль и сарафан — матери жениха, полотенца (шитые или простые) прочей родне и, наконец, платки дальней родне и знакомым. Когда здесь достигалась договоренность — сватовство считалось законченным, и дальше проходил уже менее важный акт — чаепитие жениха вместе с невестой, которая до сих пор сидела где-либо на печке или за занавесой (кут). Часто было так, что жених видел невесту до сватовства всего раз или два, а невеста и совсем не видела и не знала жениха. Поэтому за чаепитием происходил «смотр» невесты и ее достоинств. Но, по обычаю, невеста не должна была вступать в разговоры ни с женихом, ни с его родней, а должна была ограничиваться лаконическими тихими ответами на их вопросы: «да» или «нет», или разрешалось и совсем не отвечать, и в этом случае за нее отвечали родители. С невестиной стороны это выставлялось как достоинство, что невеста стыдлива и скромна. Жених же и его родня старались во время этого чаепития-смотров вызнать и убедиться: не глуха ли невеста, не близорука да не косноязычна ли, не глупа ли и вообще нет ли других физических недостатков на лице, на руках и проч. И нужно заметить, что если у невесты и действительно были какие-либо недостатки, то при таких «смотрах» подметить их было очень трудно, т. к. невеста и ее родители принимали все меры скрыть и замаскировать имеющиеся у невесты недостатки и изъяны и обмануть и провести жениха и его свах, помня пословицу, что «сживутся — слюбятся» и что «с лица не воду и пить».

За чаем жениха и его свах приглашали закусить, для этого подавался пирог из сайды или трески, заранее приготовленный в ожидании приезда кого-либо сватом. Если была водка, то она всегда являлась спутницей чая и пирога. Пирог в рождественское промежговенье на случай приезда сватов стряпался почти у каждой невесты и хранился для случая. Поэтому, если к какой-либо невесте в течение промежговенья совсем не приезжали сваты, то соседки высмеивали невесту, говоря, что у нее заплесневел пирог.

Из предыдущего уже видно, что при сватовстве невеста не играла никакой роли, и она отсутствовала до тех пор, пока родители ее не «сладятся» с женихом и его свахами в приданом. Согласия ее на выход за жениха, который сватает, не спрашивали или если и спрашивали, то не серьезно, а просто для приличия. Если невеста при этом заявляла протест, то про этот протест знали только одни родители и улаживали его после отъезда жениха.

Денежное приданое, судя по хозяйству родителей невесты, было от 25 до 100 и более рублей. Приданое натурой: священнику за венчание

20 аршин тонкого полотна и одно шитое или выкладное полотенце, псаломщику полотенце или платок; сукна на визитку и брюки жениху, по рубашке жениху и свекру, ситцу или ткани на сарафан свекрови, шаль ей же, шитые или выкладные полотенца золовкам, теткам и тысяцкому (всего от 5 до 15 штук) и платки разных размеров прочим гостям. Общая стоимость натурой достигала до 40 рублей.

Теперь нетрудно вывести заключение, насколько была разорительна для крестьянина выдача в замужество дочери, и особенно в тех случаях, когда у крестьянина была не одна, а две или три дочери. Он продавал скот, сдавал в аренду сенокосный надел, пашню и часто после выдачи в замужество одной-двух дочерей становился пролетарием на несколько лет.

Что же касается крестьянской девицы, то она была безвольная рабыня и являлась обузой для отца. Крестьянская девица чувствовала это с того момента, как начинала понимать окружающее и вплоть до последнего вздоха. Начало этого печального явления было старо, как старо само человечество.

В 40-х годах XIX столетия даже здесь, около города Сольвычегодска, где не было ни помещиков, ни крепостного права, крестьянская девица рассматривалась как товар, как вещь. Так, в найденной в архиве б. Метлинского волостного правления книге Сольвычегодского окружного управления, выданной им Заболотскому волостному правлению для записи духовных завещаний о движимом имуществе, письменных сделок между государственными крестьянами на 1842 год, записана следующего содержания сделка:

«1842 года Января 19 дня. Мы, нижеподписавшиеся казенные крестьяне ведомства Заболотского волостного правления Гришановского сельского общества, дали сию подписку Удельному Кузнецовскому отделению в том, что взамен поступающей в наше общество крестьянской девки Горской волости деревни Обросовской Акилины Трубачевой по замужеству за крестьянина дер. Сведошкова Алексея Степанова Костина имеем дать таковую же (девку) в удельное ведомство по желанию взять в замужество» (подписи).

Или аналогичная ей вторая сделка, записанная в 1852 г. в книге б. Метлинского волостного правления: «1852 г. Апреля 22 дня. Мы, нижеподписавшиеся Вологодской губернии Сольвычегодского у. Метлинского волостного правления дер. Ванева экономический крестьянин Иван Васильев и жена его Татьяна Сергеева Кожевниковы, дали сие свидетельство в том, что дочь свою родную девицу Екатерину, имеющую ныне от роду 20 лет, выдать в замужество за рядового Сольвычегодской инвалидной команды Николая Дмитриева Дмитриева согласны и в сем бракосочетании со стороны нашей препятствий никаких не имеется (подпись)».

Если же «крестьянская девка» не выносила этого рабского ярма, то против нее были не одни родители, а и гражданские законы. В книге 1842 г. «наказанных крестьян» значится такая запись: «Крестьянскую девку Пелагию Докшину по решению судебных мест по делу о истреблении ею младенца женска пола бить при полиция плетью».

После чаепития жених и его свахи договаривались с родителями невесты о дне, когда последние придут смотреть дом жениха.

Только после этого осмотра и при условии окончательного решения выдать в замужество свою дочь родители и жених молились Богу, причем жених получал задаток в счет приданого. С этого момента начинались с той и другой стороны приготовления к свадьбе.

Весть, что такой-то высватал такую-то, быстро разносилась по соседним деревням и служила как новость или событие темой для всевозможных разговоров, сплетен и пересуд. К невесте приходили девушки-соседки то со своей работой, главным образом шитьем, то для того, чтобы помочь невесте что-либо сшить для приданого. Иной раз приезжал или приходил жених «с гостинцами для невесты» (конфеты, пряники, орехи), которыми невеста и угощала посещающих ее девушек. В такие приходы жених договаривался о дне, когда он находил нужным устроить смотри, а затем сватанье и свадьбу. Следует заметить, что период вплоть до сватанья нельзя считать надежным — в смысле, что женитьба такого-то на такой-то дело решенное. Нередко были случаи, когда кто-либо раскрывал про одну из сторон (про жениха или про невесту) такие обстоятельства, кои не были известны, и благодаря этому вызывал разрыв начавшегося дела. В таких случаях, если отказ был со стороны родителей невесты, то они теряли право на получение обратно данного жениху задатка и даров, розданных на смотрах. Если же отказ был со стороны жениха, то последний добровольно или через волостной суд обязан был возратить задаток и возместить расходы по устройству родителями невесты смотров. Такие расстройтва свадебных дел назывались «расхулили жениха» или «расхулили невесту». На этой почве начиналась вражда родителей жениха или невесты с подозреваемыми «в расхулении» лицами.

Смотрины, или, по-местному, смотри, — это преддверие сватанья, или маленькое сватанье.

Патриархальность обычаев клала свой отпечаток на сватанье и свадьбу. Обе стороны готовились к ним как к торжественным и важным событиям или празднику. «Жениться — это второй раз родиться» — вот как говорили тогда крестьяне. Поэтому та и другая сторона держали последние гроши на приготовления к сватанью, свадьбе. Закупались продукты для изготовления всякого рода кушаний и вино, варилось пиво, шилась новая одежда, белье и платье. Извещали и приглашали гостей и родню «до седьмого колена», или «как седьмая вода на киселе» (самую дальнюю).

Если жених или невеста в Великий пост, предшествовавший свадьбе, не говели и не причащались, то должны были это сделать ныне до венчания, а иначе причт не выдавал невесте «письма», т. е. метрической выписи о рождении, и отказывал в венчании. Правда, часто дело ограничивалось уплатой священнику лишнего рубля, и тогда в «письме» писалось: «Такая-то (или такой-то) у исповеди и Святого Причащения была (или был)».

Наконец наступал день сватанья, а затем назавтра свадьба. Сватанье — это торжественный обряд. Жених и невеста, а также и все участвовавшие как гости на сватанье и свадьбе мылись в бане. Если один или оба роди-

теля жениха или невесты умерли, то утром в день сватанья жених или невеста ходили на могилу к умершему родителю и просили благословения на брак.

Сватанье было накануне свадьбы и начиналось вечером. Гости с жениховой стороны (его родственники) приезжали к нему, а с невестинной — в дом ее родителей. Перед отъездом на сватанье все гости в доме жениха родителями его рассаживались за столы по степени родства (местничество), причем родственники ближайших степеней — ближе к жениху, а более отдаленных — подальше: под полати и в задний угол к дверям. Это рассаживание делалось для того, чтобы по приезду в дом невесты гости жениха знали каждый свое место и кто подле кого должен садиться. В переднем углу (около божницы) садился жених, а рядом с ним, но на другую лавку — его крестный или тысяцкий (распорядитель свадьбы). Рядом с тысяцким — отец жениха, а мать жениха садилась на лавку, где сидел жених рядом с невестой; дальше шли с мужской стороны братья жениха, а с женской — его замужние сестры (незамужние сестры участвовать на сватанье и свадьбе не могли и не участвовали); еще дальше дяди и тетки и проч. и проч. дальняя родня. При этом при рассаживании старались разместить так, чтобы муж сидел через стол против своей жены. Рассадив гостей, родители жениха объявляли им, какие и кто получит на сватанье дары от невесты, и просили гостей не обидеться на эти подарки и не заводить на сватанье скандала или недовольства из-за даров. После этого жених выходил на середину избы лицом к иконам и молился; отец брал с божницы икону и благословлял ею сына. Благословение заключалось в следующем: жених кланялся земно в ноги отцу и затем, вставши на ноги, наклонял низко голову перед стоящим отцом, отец же троекратно делал иконой крест над склоненной головой сына, после чего последний прикладывался (целовал) к иконе. После отца благословляла сына-жениха мать, и при этом делалось все то же, что и при благословении отцом. После благословения жених, его родители и родные выходили на улицу, рассаживались на поданных лошадей и после молитвы, обычно читавшейся дружкой («Да воскреснет Бог...»), поезд жениха отправлялся на сватанье в дом невесты. К дугам привязывались колокольцы, и поезд жениха был слышен далеко, особенно в морозную январскую ночь.

В доме невесты в это время делалось следующее. В избе, насколько позволяла вместимость ее, ставились возле лавок столы, накрывались скатертями, и на них ложился хлеб, пироги, вилки и ложки, и все это закрывалось полотенцами. На пол в избе в знак торжества разбрасывалось сено. Разливалось по бутылкам вино (вино покупалось ведрами или четвертями), и бутылки с вином ставились на полку вблизи переднего стола. На передний стол в красном углу ложились неразрезанные две ковриги — одна ржаная, другая из крупчатки, и на них ставилась соль. Это был хлеб для благословения. Место на лавке, предназначенное для сидения жениха и невесты, покрывалось новыми выделанными овчинами. По выходе невесты из бани она шла в кут (за занавеску), и начинался обряд одевания невесты и прощания ее с отцом, матерью, братьями и сестрами. Присутствовавшие при одевании невесты девицы и женщины пели:

Похожу ли я по терему,
 Поищу ли роду-племени;
 Неужели я безродная,
 Неужели я бесплеменная?
 Еще есть у меня в тереме
 Родимый родной батюшка (матушка, брат и т. д.).
 Ты дойди-ко, дойди (приди, зайди),
 Доступи ко мне в кут да за занавесу,
 За брусяную за грядочку
 Да за слезенную занавесу
 Слезные песни послушати,
 Великого горя помыкати
 Не ради подарочка,
 А ради свиданьица;
 Мне охота с тобой свидеться,
 В последний раз распроститися
 Во своей-то девичьей красоте,
 Во своем-то красованьице (в наряде).

Во время этой песни приходил за занавесу отец невесты и прощался с ней, целуя дочь. Затем после отца песня вызывала в кут мать, братьев и сестер, и все они плача прощались со своей дочерью или сестрой. Наконец невеста одета, и обряд прощанья с родными окончен. Изба была полна присутствующих: тут были и гости со стороны невесты, и просто зрители — соседи и жители из ближайших деревень. От давки и тесноты залезали на полаты, на печь и везде, где только можно было поместиться. Оставались свободными лишь лавки по застолью.

На печь родители невесты помещали какую-нибудь старуху-соседку, на обязанности которой лежало хранить в дымоходе из печи посторонку (деревянная доска, закрывавшая в дымоходе отверстие, через которое открывались и закрывались дымоходные вьюшки), чтобы кто-либо не поворотил ее сажей наружу, а лицевой стороной в дымоход. Это делалось для того, чтобы не сглазить невесту и последняя не показалась жениху и его родне некрасивой, черной как сажа. Наконец на улицу дома невесты приезжал жених со своими родными и гостями, и входили в переполненную народом избу. Жених и гости не раздеваясь становились на середине избы; жених стоял впереди, лицом к переднему (красному) углу. Как только в избе с приходом жениха и его родных устанавливался порядок, насколько это было возможно из-за страшной давки и шуму, девицы и женщины в куте (за занавесой) пели песню:

Не от ветра, да не от вихоря,
 Да не от Божия милости
 Ворота тесовые растворилися,
 Широкие стали на пяту,
 На пяту, пяту дубовую,
 На крюки железные,
 На петли проволочные.
 Сине море сколыхалося (взволновалося),
 Вода в сени заливалася.

Как по этой-то по водоньке
 Три корабля наплыли (пришли, приплыли):
 На первом-то корабле
 Много золота, много серебра,
 На другом-то корабле
 Много сканного жемчуга,
 На третьем-то корабле
 Сам (имя жениха) со всем поездом,
 (Отчество жениха) со боярами.
 Не слыхала (имя невесты),
 Да не слыхала (отчество невесты),
 Как по сениям шел.
 А когда она услышала
 Да во глаза его увидела,
 Резвые ноженьки подломилися,
 Резвые рученьки отпустилися,
 Буйная голова с плеч свалилася,
 Горячи слезы полилися.
 Во слезах она слово молвила:
 «Вот идет разоритель мой,
 Да вот идет погубитель мой».
 «Не ругайся, красная девица-душа:
 Не я разоритель твой,
 Не я погубитель твой;
 Разоритель твой — твой батюшка,
 Погубительница — матушка.
 Расплетай косу, свашенька (сватья),
 Оставляй красу, девица,
 Оставляй ее подруженькам
 В куте за занавесой».

После окончания песни невесту из кута (из-за занавесы) выводила ее крестная (восприемница при крещении) и ставила рядом с женихом по левую руку его. Оба они молились на образа (обычно тот и другой делал по три поклона), и невеста после этого сейчас же спешила уйти обратно в кут (за занавесу), но жених задерживал ее за руку и здоровался с ней, целуя ее три раза. Этим он показывал, что невеста ему нравится и что теперь сватовство будет доведено до конца. Если же невеста уходила в кут, не задержанная женихом, то сватовство начиналось вновь: родители невесты выходили к жениху и его родителям и происходила новая рада о приданом. Но такие случаи были очень редки и как исключительные. Поздоровавшись с женихом, невеста здоровалась с его родителями, родными и гостями, три раза целуя всех. Окончивши приветствие прибывших гостей, невеста становилась опять на прежнее место к жениху. После этого жениха и невесту благословляли родители последней. Делалось то же самое, что и при отъезде жениха из дому, но здесь жених не кланялся в ноги родителям невесты, а делала это только невеста. По окончании благословения жених брал невесту за руку и вел за стол в передний угол, где она опять становилась по левую руку жениха. При всем этом обряде — выходе невесты из-за занавесы, — вплоть пока не насадились за стол,

в избу не впускались ни собаки, ни кошки и на обязанности крестной невесты и ее родных лежало хранить, чтобы между женихом и невестой не прошмыгнула собака или кошка, или какая-либо женщина, имеющая черные глаза и волосы. Если это происходило, несмотря на все принятые меры, то считалось, что молодые будут жить несогласно и несчастливо. Зайдя за стол, жених и невеста не садились, а стояли. После них за столы размещались все гости жениха в том порядке, как им было указано при отъезде из дома жениха. За стол заходили в верхней одежде и только раздевались за столом, уже садясь; сел и жених, но невеста продолжала стоять на ногах. В куте пели:

Когда я была маленькая,
 Когда была глупенькая,
 Я ходила подле лавочку
 В тонкой беленькой рубашечке,
 Во шелковом поясочке.
 Приходил родимый батюшка
 Со тяжелые работушки,
 Со тяжелые со летние;
 Меня брал на белы рученьки,
 Меня брал да приговаривал:
 «Ты расти, расти, дитятко,
 Добрым людям на похвальбу,
 Роду-племени на завидность (на гордость),
 Отцу-матери на жалобу.
 Не отдам я тебя, дитятко,
 Ни за князя, ни за боярина,
 Ни за гостя торгового.
 Посажу я тебя, дитятко,
 Во сады, сады зеленые,
 Усажу я тебя, дитятко,
 Все деревьями кипарисными,
 Оболью я тебя, дитятко,
 Все медами да все сахарными».
 Ты изменник, мой родимый батюшка,
 Изменил свои слова:
 Говорил ты, да все обманывал,
 Да все неправдушку сказывал.
 Посадил ты, родимый батюшка,
 За столы, столы дубовые
 Да за скатерти браные,
 Обсадил ты меня, родимый батюшка,
 Все людьми да все незнамыми,
 Улил ты меня слезами
 Да горячими.

(В этой песне каждая строчка поется два раза).

После песни начиналось дарение жениха и его родных. Дары разносил брат невесты или зять (муж сестры). Дары подавались на тарелке, поверх их ложился пряник. Сначала дары из-за занавесы несли жениху со словами: «Господи Иисусе Христе, помилуй нас», затем невесте, но последней

только для приличия, и она, приподняв их с тарелки, оставляла, и они уносились обратно за занавесу, и, наконец, всем остальным родным жениха. Невеста при поднесении даров кланялась, стоя за столом.

За занавесой во время дарения пели:

На улице дожди идут,
 На мосту роса падает,
 В терему дары дерут.
 Дарить хотят, жаловать
 (Имя жениха или гостя) свет (отчество).
 Ты принимай дары, не прятаясь,
 Возьмешь дары — не гневайся,
 Не дивуй на мои дары.
 У меня хитры дары:
 Не тонко прядены
 Да не бело убелены,
 Не гладко укатаны;
 Не вам были лажены (готовлены),
 Да вам пригодились,
 Да до вас долежались.

Сразу же после дарения отец невесты подносил принявшему дары стакан водки, а если было пиво, то и стакан пива, но закусывать пока не разрешалось, так как все находившееся на столах было закрыто полотенцами. Когда даренье оканчивалось, находящееся на столах открывалось, и подавали сначала пироги из трески или сайды, затем холодное (студень) из ног и проч., щи и т. д. Всего в течение вечера подавалось от 10 до 20 блюд. Невеста после открытия столов садилась и принимала участие в пиршестве, т. е. закусывала, но не пила ни водки, ни пива и угощала жениха и ближайших его родных.

После дарения для каждого получившего дары гостя в куте пели следующую песню:

Вдоль по лавице (лавке),
 Да вдоль по лавице
 Все бояра сидят,
 Да все князевы.
 Лучше-то всех
 (Имя) да свет (отчество).
 Ты послушай-ко,
 Свет (имя) да свет (отчество),
 Что про тебя в куте гуторят
 Да за занавесой:
 Песни поют,
 Тебе честь воздают.
 Если чести охота,
 Так на ножки встань
 Да поклон воздай
 На все четыре стороны,
 Девкам в кут за занавесу,
 Певицам наособицу.

Если будешь дарить,
Так мы будем хвалить,
А не будешь дарить,
Так мы будем бранить,
Не добро говорить.
Не велика гривна золота,
Да велико имя царское
Да письмо государское.

Лицо, получившее дары, вставало, кланялось и клало несколько копеек на тарелку невесте и бросало или передавало 3—10 к. за занавесу. За занавесой продолжали:

Ученое дитяtko,
Отца-матери ученых,
Роду-племени умного,
Умеет на ноги встать,
Умеет поклон воздать.
Подай тебе Господи
Три сына, три сокола,
Три дочери-гостыюшки;
Сыновей тебе выкормити
Да дочерей тебе выдати (замуж).

Сватанье длилось часов до двух-трех ночи. После третьего блюда шел обряд пропиванья невесты. Жених угощал своим вином отца, мать и родных невесты, кои по очереди подходили к красному углу. В это время в куте пели:

Пропил, пропил родный батюшка,
Не вино ты пьешь зеленое,
Пьешь ты мои слезы горячие.
Пропьешь да послехватишься,
На работушку кого нарядишь?

Обычно к концу сватанья гости жениха и невесты были пьяны или навеселе и пели песни, то вперемижку с гостями невестиной стороны, то вместе. В избе было шумно и жарко, в куте песни прекращались.

Последним блюдом давалось молоко, которое называлось «разгонным блюдом». После него родные жениха уезжали домой. У невесты оставались жених, его крестный и дружка, которые и ночевали здесь, чтобы на-завтра утром ехать в церковь к венчанию.

Утром невесту снаряжали к венчанию. Снаряды производили девицы, подруги ее. В это время опять ставили столы, за кои садились жених, невеста и поезжане (лица, которые ехали в церковь). Подавалось три блюда. Ели и пили все, кроме жениха и невесты, коим, как приготавливающимся к венчанию, есть и не разрешалось. После третьего блюда жених и невеста выходили из-за стола, причем маленький брат невесты или другой родственник, обычно садившийся за стол рядом с женихом, старался задержать невесту и не отпускал ее без выкупа со стороны жениха. Выкуп заключался в уплате нескольких копеек (10 или более).

В куте в это время девицы пели.

1-я песня

Солнышко по-за лесу шло,
Девушка по застолью шла,
Била руками о дубовы столы,
Бросила ключи среди горницы:
— Я тебе, батюшка, отключничала,
— Я тебе, матушка, отказначеила,
— Ключница я чужому, батюшка,
— Казначейша я чужому, матушка.

2-я песня

Как из трубки в трубку вилаеса,
Из серебряной в золотую;
Еще вывела трубка голубку,
Посадила голубку на шубку.
Еще стал голубок ворковать,
К голубке припадать.
Еще зять-то у тещи пирует,
Молодой-то у ласковой столует.
Теща зятюшка угощала,
Не полны рюмочки подавала:
«Пей мой, зятюшка, да не спивайся,
Домой-то пойдешь — не шатайся,
Над моим-то дитятком не издевайся,
Мое дитятко молодое:
Целовать, миловать постыдится,
Свекра-батюшка побоится».

3-я песня

Как сначала думала матушка
Меня век не пережить,
Избыла родимая матушка
Единым малым часиком,
Единой малой минуточкой.
Как со вечера родная матушка
Корабличек строила,
Со полуночи родимая в черновую грузила,
Со восходом красного солнышка
Со бережку спустила.
Отпустила своего дитятка
Вдоль по Вычегде-реке.
Да отпустила меня родимая
Вдоль по самой глубине.
Оставалась родимая матушка
На крутеньком бережке,
Оставалась родимая на желтеньком песке.
Она кликала, кричала
Своим громким голоском:
«Уж ты стой-ко, стой ты, дитятко,
Да мы простимся-ко с тобой;
Уж ты стой-постой, милая,

Дай мне словечко выговорить тебе».
Уж я рада бы постоять,
Да мой кораблик не стоит;
Уж я рада бы речь говорить,
Да мне мой муженек не велит.
На кораблике работнички приразробилися,
Дубовыми веслышками приразмахалися,
Вересовые уключинки пораскрыпалися,
На кораблике (имя невесты) порасплакалася:
«Обернись, родимая матушка, перепелушкою,
Прилети, родная матушка,
Да на мое красное крыльцо;
Попроведай, родимая, мое житье,
Мое житье, мое бытье да богатство».

После этих песен отец и мать невесты благословляли жениха и свою дочь иконой на вступление в брак, а невесту, кроме того, серебряными монетами, и они ехали в церковь венчаться. Сватанье на этом кончалось. Вечером в доме жениха была уже свадьба, которая не имела той поэтической прелести и обрядности, что сватанье.

Член Сольвычегодского краеведческого кружка Н. Аруев

А. М. Лиханова, Б. А. Угрюмов

Ирта: крестьянский двор и коллективное хозяйство в первой половине XX века *

Первая половина XX века явилась временем тяжелых испытаний для русской деревни: она пережила три реформы, или, точнее, две реформы (стольпинскую начала века и земельную 1918 года) и коллективизацию. Столыпинская реформа 1906 года была направлена на ликвидацию крестьянской общины, создание в деревне слоя крестьянских зажиточных хозяйств за счет разорения и вытеснения крестьянской бедноты. Слой зажиточных, в основном хуторских, хозяйств должен был обеспечить производительность и товарность сельского хозяйства (в дореволюционной России кулацкие хозяйства, составлявшие четвертую часть крестьянства, давали три четверти товарного хлеба) и стать опорой царизма в деревне. В то же время разорение бедняцких и маломощных середняцких хозяйств, вытеснение их из деревни в города усиливало социальную напряженность и подготавливало условия для возникновения будущей революции.

Реформа 1918 года, напротив, имела целью перераспределением земли подорвать кулацкие хозяйства и оказать помощь бедноте в хозяйствовании на земле. Действительно, в первые годы советской власти в социальном составе крестьянства произошли существенные перемены: оно значительно осереднячилось, произошел рост середняцких дворов за счет уменьшения бедноты.

Однако, смягчившись, социальное расслоение в деревне не исчезло. Более того, по мере укрепления мелкого крестьянского хозяйства в результате введения нэпа прослойка зажиточных хозяйств стала расти, начала возрастать и социальная напряженность.

С другой стороны, стала сокращаться товарность крестьянского производства, в первую очередь зерна. Крестьянские дворы измельчали: в царской России было 13 млн дворов, в Советской — 25 млн.

Необходимость перемен в деревне стучалась в двери.

Реформы на селе, начатые в 1906 и 1918 годах, внесли мало изменений в жизнь северной деревни с ее малоземельем. Зато коллективизация, не оставившая в стороне ни одной, самой малой, деревни, буквально «перепыхала» сельский уклад, внеся в него коренные перемены.

Начало века

К началу XX века крестьяне юго-западной части Яренского уезда, наиболее густо населенной и с преобладанием русского населения, занимали две волости из восемнадцати: Сереговскую и Ленскую. Ленская волость, в будущем ставшая основой Ленского района, состояла из четырех крестьянских обществ: Иртовского, Козьминского, Софроновского и Суходольского.

* Публикуется по изданию: Еренский городок: Краеведческий альманах. Яренск, 1999. Вып. 2. С. 7—29. Данную и последующие публикации подготовил А. Н. Власов.

Ленского крестьянского общества как такового не было: 19 деревень, в том числе и село Лена, входили в состав Иртовского общества (приходы Ленской, Спасской и Тутлимской Благовещенской церквей), 27 деревень, относящихся к приходам Цилибской Христорождественской и Вожемской Троицкой церквей, — в состав Суходольского общества.

К 1905 году из Ленской волости выделяется как самостоятельная Софроновская**. В самой Ленской волости стало четыре общества: Иртовское, Ленское, Козьминское и Суходольское. Однако при раскладе земского собора Ленское общество не отделяется от Иртовского и числится единым.

Крестьянские хозяйства Иртовского и Ленского общества имели пятую часть сельхозугодий Софроновской и Ленской волостей, в том числе 23 % пашни и 18 % сенокосов. В сравнении с Софроновским крестьянским обществом они превосходили его по количеству земель в полтора раза, но вдвое уступали по размерам сенокосных площадей.

К началу Первой мировой войны крестьянские общества стали преобразовываться в волости. К 1914 году наряду с Софроновской и Ленской образовались волости Иртовская и Козьминская, но продолжала оставаться крестьянским обществом Суходольская. В раскладке земского сбора на 1915 год Суходольское общество названо волостью. Однако сам порядок раскладки сбора, когда Иртовское и Ленское общества составляли единое целое, не изменился.

В апреле 1915 года яренская земская управа для проведения в уезде оценочно-статистических работ пригласила на должность уездного статистика из Усть-Сысольска Василия Филипповича Попова. До этого необходимые сельскохозяйственные данные — о посеве и урожае хлебов, росте и сборе трав, ценах на рабочие руки, климатических и атмосферных условиях весной и летом, о промыслах и неземледельческих заработках населения — посылали в управу волостные правления. Было решено дополнить эти сведения организацией текущей статистики через сеть добровольных корреспондентов — справных крестьян и сельскую интеллигенцию.

Всего в 1915 году было получено 117 сообщений с мест. Анализ этой корреспонденции дан в двух работах В. Ф. Попова: «Сведения об урожае и сборе хлебов и трав, посеве ржи и ценах на сельскохозяйственный рабочий труд за лето — осень 1915 года» и «Сборник сведений о земельно-экономическом положении и промыслах населения Яренского уезда за зимний 1915/1916 гг. период», — напечатанных в яренской типографии в 1916 году. Этот первый опыт текущей земской статистики позволяет представить, каким было крестьянское хозяйство уезда и, в частности, Иртовской волости в начале века.

Число крестьянских дворов в Иртовском обществе (волости) в сравнении с 1888 годом выросло почти вдвое: с 182 до 346, что привело к умень-

** В настоящее время принято иное написание: д. Сафроновка, Сафроновский с/с, Сафроновское сельское поселение (см. раздел «Комментарии» в наст. изд.). — *Примеч. ред.*

шению сельхозугодий и скота в расчете на одно хозяйство. Пашни на один двор приходилось менее 1,3 десятины. И хотя средняя урожайность, выведенная Поповым на основании данных внештатных корреспондентов, в русских волостях уезда, в том числе и в Иртовской, была достаточно высокая — 70 пудов ржи и 75 пудов ячменя с десятины, — однако сокращение пашни в расчете на двор вело к тому, что от 1/5 до 1/3 хозяйств не могли обеспечить себя хлебом на весь год.

К тому же приводимые В. Ф. Поповым данные о средней урожайности хотя и более точны, однако все же во многом условны, так как 18 сообщений об урожае и сборе ржи и 13 сообщений о сборе ячменя на весь Яренский уезд (в том числе семи сообщений из нижневыхегодских волостей) явно недостаточно, чтобы быть уверенным в достоверном определении урожайности.

То же относится и к животноводству. В Иртовской волости за зимний период 1915/16 гг. насчитывалось 274 лошади и 582 коровы. Это больше, чем в 1888 году. Но в связи с дроблением крестьянских дворов обеспеченность скотом стала ниже: на хозяйство приходилось в среднем 0,8 лошади и 1,6—1,7 коровы.

За средней обеспеченностью скотом скрывается значительное различие между богатыми и бедными дворами. Так, 33 из 346 хозяйств, или почти каждое десятое, не имели ни лошади, ни коровы. Безлошадными в волости были 82 двора (23,2 %), 40 дворов (11,3 %) не имели коров. Другими словами, каждое десятое хозяйство жило без коровы, каждое четвертое — без лошади. И в то же время 25 дворов имели по две и более лошадей, 35 — по три-четыре и более коров.

Приведем пример одного такого зажиточного хозяйства. Долгое время в семье ныне покойного заслуженного работника культуры Республики Коми Н. А. Лемзакова, уроженца деревни Пустошь Иртовского сельсовета, хранился интересный документ — дневник его предков, зажиточных крестьян. В нем содержится около трехсот записей за 1887—1950 годы, преимущественно хозяйственного содержания: сколько на каком участке или поле посеяно ячменя, ржи, какой собран урожай, сколько возили удобрений, поставлено сена и т. п.

Об этом дневнике на Всероссийской научной конференции «Крестьянское хозяйство: история и современность», которая проходила в 1992 году в Вологде, говорила профессор Сыктывкарского университета Л. П. Рощевская. О зажиточности двора говорят следующие данные: в хозяйстве сеяли 13—28 пудов ячменя (собирали 330—440 сулонов), сеяли 5—18 пудов ржи (собирали 108—189 сулонов). Для сравнения: в 1915 году в нижневыхегодских волостях при средней урожайности ржи 81 пуд с десятины и ячменя — 85,5 пуда в овин закладывалось в среднем 188 снопов. В 1884 году под распашки взята новина, в 1892 году для удобрения под сенокос — десять десятин. В 1906 году в хозяйстве было 13 голов крупного рогатого скота.

Хозяйство нанимало значительное число работников. На вывозе удобрений работало ежегодно 6—18 метальщиков и 3—9 разгребальщиков. С 1901 года рабочих стали нанимать не только на вывоз удобрений, но и на

сенокос, в том числе подрядом 19 человек и поденниками — 18. На уборку хлеба в 1901 году вышло 50 жней («своих» — 22 и «чужих» — 28). «Поденщику платили по 40 копеек на нашем содержании». В 1905—1907 годах число наемных рабочих сокращается.

О степени доходности говорят такие факты. В 1902 году «страдные расходы» составили 400 рублей, в том числе работнику и работницам летним — 45 рублей, зимний расход работнику с содержанием — 100 рублей, на обувь и одежду для семьи — 72 рубля 35 копеек, на «чай, сахар, калачи и прочие припасы» — 75 рублей. В «родительском завещании на смерть мою» в 1904 году предусмотрен расход на похороны в сумме 230 рублей.

Крестьянское хозяйство в 20-е годы

Первая мировая война серьезно подорвала сельское хозяйство края. В 1914 году из Яренска и уезда было мобилизовано на войну 57 % трудоспособного населения. Многие хозяйства остались без работников, что привело к сокращению посевов на треть. Из-за частых реквизиций для нужд фронта число лошадей в уезде в 1917 году сократилось на треть, коров — наполовину. Только в июне — сентябре 1916 года у крестьян было изъято 1180 голов крупного рогатого скота и несколько сот лошадей.

Большой урон сельскому хозяйству района был нанесен Гражданской войной. Посевные площади и поголовье скота за 1917—1920 годы сократились на треть. В 1919 году белыми было угнано более 1400 лошадей.

Положение в животноводстве было катастрофическим: «Конский состав, всю зиму непрерывно занятый небывалой по интенсивности и размерам подводной повинностью, изношен до последних пределов. Значительная часть его выпала из хозяйственного оборота, и оставшаяся часть так измотана, что теперь местами в иных случаях не могут тащить сохи и бороны... Массовое уничтожение скота в уезде повлекло за собой лишение подсобных продовольственных ресурсов от скотоводства и грозит оставить без удобрения и ту часть полей, которые есть чем засеять» (из «Материалов XII съезда Советов крестьянских депутатов Яренского уезда», май 1919 года).

Своего пика падение сельскохозяйственного производства достигло в 1920 году. Начиная с 1921 года оно медленно растет, убыстряясь в последующие годы. В Сольвычегодском уезде, куда в 1921 году, после ликвидации Яренского уезда, вошли наши волости, за 1917—1920 годы посевные площади ржи сократились на 27 %, но уже в 1922 году они превзошли уровень 1920 года. С 1921 года медленно стала расти и численность скота.

Общий передел земли, происходящий на основании Закона о социализации земли^{***}, уменьшил число беспосевных и многопосевных хозяйств, а также дворов, не имеющих скота и имеющих много скота, увеличил прослойку крестьян-средняков. Число беспосевных дворов в Северо-Двинской губернии сократилось с 5,6 % до 3,4 %, а без всякого скота — почти вдвое.

^{***} См.: Основной закон о социализации земли. 27 января (9 февраля) 1918 г. // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 407—419. — *Примеч. ред.*

В Сольвычегодском уезде за 1920—1922 годы количество безлошадных хозяйств уменьшилось вдвое, а бескоровных — в полтора раза.

Росту сельскохозяйственного производства и укреплению крестьянского двора в эти годы способствовал переход от политики продразверстки к продналогу. На основе декрета ВЦИКа и постановления Совнаркома в Северо-Двинской губернии был издан ряд приказов комиссии по продовольствию, которые предусматривали дифференцированный подход к возможностям крестьянского хозяйства. В частности, налог на зерновые хлеба предусматривал одиннадцать разрядов по урожайности (от 25 до 75 пудов с десятины) и семь разрядов по количеству пашни на едока (от ½ до 4 десятин). Налог на молоко для Яренского уезда был установлен в размере три фунта топленого молока с хозяйства с одной коровы, четыре фунта — с хозяйства с двумя коровами, пять — с хозяйства с тремя-четырьмя и более коровами.

Результатом новой экономической политики стал быстрый рост сельскохозяйственного производства в 1924—1925 годах. В Северо-Двинской губернии посевные площади в 1925 году превзошли уровень 1916 года, количество лошадей и крупного рогатого скота выросло на 11—12 %, денежные доходы крестьянского двора увеличились вдвое.

Вместе с тем рост сельскохозяйственного производства, в особенности животноводства, неизбежно вел в условиях индивидуальной собственности на средства производства к расслоению крестьянских хозяйств на бедных и богатых за счет уменьшения середняцкой группы. За 1920—1925 годы число безлошадных хозяйств в губернии выросло с 20 до 25 %, с двумя лошадьми — втрое.

Усиление расслоения крестьянства приводило к росту использования наемной силы. За 1921—1925 годы число батраков в губернии удвоилось. Только трое из семи работали в своей одежде и на своих харчах, восемь из десяти — на готовой одежде и на готовых харчах, иными словами, полностью зависели от хозяина. Только восемь батраков из ста работали по восемь часов в день, остальные — от восьми до десяти часов и более.

Некоторое отражение происходившие в крае перемены нашли всё в том же дневнике: «Во время Гражданской войны почти вдвое сократились посевы ячменя, в два-три раза уменьшился вывоз навоза. Скот в 1918 году был реквизирован и оставлен по инструкции: до пяти человек — одна корова, а свыше пяти — две коровы. У нас осталось две. Хлеб тоже был реквизирован, оставлено на взрослого 30 фунтов на месяц, а на маленьких — 20 и 10 фунтов на месяц».

Хозяйство, несмотря на рост цен, продолжало нанимать рабочую силу: «Жнеи были по 2,5 руб., а косцы сначала по 4 руб., а последнее время по 5 руб.».

В 1926 году учащиеся яренской школы крестьянской молодежи (ШКМ) провели обследование крестьянского хозяйства только что образованного Ленского района. Результатом этой работы стал оформленный ими альбом «Наше обследование крестьянского хозяйства за 1925 год», который хранится в Яренском краеведческом музее.

В Иртовском сельсовете, по данным этого обследования, крестьянское хозяйство в среднем выглядит следующим образом: в растениеводстве на хозяйство приходится пашни 1,3 десятины, сенокоса заливного — 2,26 и незаливного — 0,64 десятины. Урожайность ржи составила 58 пудов с десятины, ячменя — 61,5 пуда, картофеля — 1476. В животноводстве на хозяйство приходится 0,8 лошади, по 2 коровы, по одному теленку и по одной овце.

Крестьянское хозяйство волости, как свидетельствует обследование, оправилось от урона, нанесенного войнами.

Однако подход к этим данным должен быть достаточно осторожным: мы не знаем, сколько и какие хозяйства обследовались, по каким признакам проводился их отбор. Более полное и объективное представление о крестьянском хозяйстве Иртовского сельсовета дают материалы Ленского районного архива.

В 1927 году в сельсовете насчитывалось 449 хозяйств при среднем составе семьи 4,6 человека. На хозяйство в среднем приходилось 1,09 десятины пашни, 1,75 десятины заливного и около половины десятины незаливного сенокоса, 1,75 головы крупного рогатого скота (коров), 0,65 лошади. Средний доход на крестьянский двор составлял 181 руб., на едока — 39 руб.

В сравнении с 1888 годом количество лошадей в хозяйствах выросло на 38 голов, на столько же уменьшилось число коров. В сравнении с 1915—1916 годами размер пашни вырос на 10 %, несколько увеличилось поголовье лошадей. Однако в связи с ростом населения и хозяйств, измельчением семьи обеспеченность двора сельхозугодиями и скотом продолжала снижаться. За сорок лет (1888—1927) население в волости увеличилось в 1,5 раза, число хозяйств — в 2,5 раза, поэтому размер пашни на едока сократился вдвое, а численность коров — в 2,6 раза.

В приведенном материале крестьянские дворы разбиты на шесть групп, в зависимости от наличия скота. Первые две группы можно отнести к беднякам: при среднем составе семьи 2—2,5 человека на двор приходится в среднем 0,4—0,8 десятины пашни, средний годовой доход — 49 руб. 95 коп., на едока — 25 руб. 38 коп. Таких в сельсовете 109 дворов (25 — первой группы и 84 — второй), на них приходится 85 голов лошадей и 74 коровы (у первой группы скота нет).

Третья — пятая группы (с двумя — четырьмя головами скота) — середняцкие, в их составе 321 хозяйство при среднем составе семьи 4,9 человека. На двор приходится 1,2 десятины пашни, 1,9 десятины заливного и 0,5 десятины незаливного сенокоса, 264 лошади, 640 коров. Средний годовой доход — 220 руб., на едока — 45 руб. 40 коп.

Шестая группа (с пятью и более головами скота) — зажиточные хозяйства. Их в сельсовете насчитывалось 19, со средним составом семьи 8 человек. На хозяйство в среднем приходилось 2,1 десятины пашни, около 3 десятин заливного и 0,8 десятины незаливного сенокоса, на 19 хозяйств — 16 лошадей и 76 коров. Средний годовой доход на двор — 389 рублей, на едока — 48 рублей 60 копеек.

Группировка хозяйств в Иртовском сельсовете доказывает прямую зависимость между составом семьи, количеством сельхозугодий и скота, доходностью хозяйств: чем многочисленнее состав семьи, тем больше имеет она сельхозугодий, скота, тем выше доходность.

Крестьянское хозяйство сельсовета в середине и в конце 20-х годов развивалось противоречиво. С одной стороны, сорокалетняя его история (1888—1927) убеждала в том, что рост сельскохозяйственного производства отставал от роста населения и особенно числа хозяйств, что ограничивало возможности мелкого индивидуального хозяйства и лишало его перспективы дальнейшего развития.

С другой стороны, восстановление хозяйства и его рост неизбежно вызывали усиление социального расслоения и социальной напряженности, что создавало условия для углубления классовой борьбы в деревне. Это особенно стало заметно в конце 20-х годов. В 1927 году в Ленском районе доля хозяйств без посева, в сравнении с 1925 годом, удвоилась, доля хозяйств без всякого скота превзошла уровень 1916 года. Число наемных рабочих увеличилось в 2,5 раза.

Противоречива была и политика советской власти. С одной стороны, она была заинтересована в развитии и упрочении крестьянского хозяйства: только крепкий хозяин давал товарный хлеб. С другой — она защищала бедноту деревни от засилья зажиточной части. В 1929 году заметно усилился нажим на зажиточные хозяйства с целью ограничения их роста. В частности, это нашло отражение в налоговой политике на селе.

В 1929 году ряд зажиточных хозяйств Иртовского сельсовета подвергся обложению сельхозналогом в повышенном размере — в индивидуальном порядке. Среди них оказались служители культа (сын священника Серафим Николаевич Торков, псаломщик Михаил Иванович Ванеев), бывшие торговцы и их родственники (Агния Павловна Лемзакова, Павел Иванович Щёголев), зажиточные крестьяне по признакам применения наемного труда и скупки-продажи сельхозпродуктов (Н. П. Гурленов, Н. С. Кожевников, В. С. Оскорбин, А. Н. Потапов, М. М. Потапов, И. М. Помылева, А. С. Селиванов, А. А. Туробов, В. Ф. Юшманов).

Доход с этих хозяйств, исчисленный в индивидуальном порядке, превышал облагаемый доход по нормам на треть (с 430 до 570 рублей). Средний налог составлял 66 рублей 80 копеек. При этом если в сентябре 1929 года в индивидуальном порядке облагались хозяйства с доходом свыше 500 рублей, то в октябре — декабре — уже начиная с 200 рублей.

В то же время решением районной налоговой комиссии от 17 июля 1929 года 53 хозяйства Иртовского сельсовета были, как бедняцкие, освобождены от уплаты сельхозналога. Они были должны уплатить налог от двух рублей (И. В. Парыгин — 2 руб. 35 коп., А. К. Захаров и П. А. Гобанов — по 2 рубля 75 копеек) до десяти (П. П. Гобанов — 9 рублей 75 копеек).

Получался замкнутый круг: чтобы добыть товарный хлеб, нужно поощрять и поддерживать крепких хозяев, но эта поддержка усиливала эксплуатацию бедноты и маломощного середняка. Выход был один — развитие производственной кооперации, организация совместного тру-

да крестьян на общей земле. Этот путь не противоречил сложившимся историческим традициям жизни и деятельности российского крестьянства, но основывался на общих началах организации труда и быта сельского населения.

Производственная кооперация

Заметный след в изучении истории русских волостей Яренского уезда в начале XX века оставили работы учащихся Яренского педагогического техникума, основанного на базе педагогических курсов и школы второй ступени в сентябре 1921 года. В них можно почерпнуть немало интересных наблюдений о различных сторонах хозяйственной жизни, истории и культуры нашего края. Вопросы хозяйственной деятельности стали темами таких работ, как «Рыболовство в Яренском районе», «Смолокурение в уезде», «Пути сообщения в Яренском районе»^{****} и другие. С образованием Ленского района педтехникум бел переведен в Великий Устюг. Изучению учащимися истории края был нанесен немалый ущерб.

Одна из работ, написанная А. А. Поповым, называлась «Кооперативное движение в Яренском уезде».

Развитие потребительской кооперации зависело от условий для хозяйственной деятельности в той или иной местности. Лучше других были обеспечены землей и скотом крестьянские хозяйства Козьминской и Суходольской волостей. Первые потребительские общества возникли в этих волостях в 1911 году как средство от засилья местных торговцев. Общества развивались быстро: в Козьминской волости за 1911—1915 годы число пайщиков выросло с 27 до 92, в Суходольской за 1911—1917 годы — с 15 до 187.

Не уступала им по своим возможностям и Ленская волость. Потребительское общество образовалось в ней в 1912 году, к 1915-му оно выросло с 29 до 95 пайщиков.

Иными были условия в Иртовской волости, она занимала значительно меньшую территорию, хуже была обеспечена угодьями и скотом. Первый потребительский кооператив был образован только в 1918 году как средство обеспечения населения товарами в условиях, когда частная торговля была упразднена.

В годы Гражданской войны необходимость снабжения населения товарами через кооперативы приводила к поголовному вовлечению его в потребобщества. Поэтому число членов-пайщиков в этот период резко возросло: в Козьминской волости за 1919—1922 годы со 187 до 559, в Ленской — с 270 до 711, в Иртовской — со 170 до 600. И только начиная с 1923 года в связи с переходом к нэпу и разрешением частной торговли число пайщиков стало снижаться, и к 1 марта 1923 года в Иртовской волости был 161 пайщик.

^{****} Яренский район — временное территориальное образование волостей Яренского уезда, отошедших к Сольвычегодскому уезду и существовавших в рамках Сольвычегодского уезда в 1921—1924 гг.

Развитие потребкооперации подготовило условия для создания и развертывания сети простейших товариществ производственного характера. В начале 20-х годов возникают артели лесные, смолокурные и дегтекурные, рыболовные, которые, правда, не были долговечны. Создавались и первые сельхозартели, они появились также сначала в Козьминской и Ленской волостях: в 1914 году — сельхозартели в Козьминской волости, в 1911 году — кредитное общество в Ленской, там же в 1918 году маслодельная артель. В Иртовском сельсовете 1 марта 1923 года имелись сельскохозяйственная и смолокурная артели.

Кооперативное движение в Иртовском сельсовете усилилось во второй половине 20-х годов. В 1926 году были организованы три машинных товарищества — «Двигатель» (д. Заполье), «Согласие» (д. Большой Кряж) и «Горское» (д. Гора). В каждом из них было по пять хозяйств. В 1927 году были созданы машинные товарищества в деревнях Жуковской («Октябристы»), Харлов Остров («Заря»), Малый Кряж, селе Ирта («Красный землероб»). Всего в 1927 году действовали 8 машинных товариществ с 65 членами. Кроме того, в 1927 году в деревне Пустошь возникло мелиоративное товарищество с целью улучшения лугов. 26 декабря того же года организуется маслодельная артель, в которую вошло 37 хозяйств с 70 коровами, в том числе из Ирты 6 дворов, Большого Кряжа — 6, Пасты — 3, Лопатины — 7, Харлова Острова — 2, Горы — 13.

По своему составу объединения были в основном середнячками. В машинном хозяйстве «Заря», например, объединились четыре бедняка и шесть середняков, в «Октябристах» — четыре середняка и один зажиточный. В 1926 году в трех машинных товариществах на 15 хозяйств приходилось 14,5 десятины посевов, 11 лошадей и 29 коров.

Первые шаги свидетельствовали об эффективности объединения трудовых усилий в коллективе. Достаточно, например, сравнить результаты деятельности машинного товарищества «Заря» (Харлов Остров) за два года его существования (1927—1929). В 1927 году в него входило шесть хозяйств: М. Е. Бирюков, К. Е. Нефедьев, М. И. Нефедьев, Н. Е. Нефедьев, П. Н. Нефедьев и И. Е. Обросимов. У них было шесть лошадей и жеребенок, двенадцать коров с пятью телятами, восемь с половиной десятин пашни и семнадцать десятин сенокосов.

Спустя два года в товариществе было десять хозяйств, в кооперативе имелось 23 коровы и 11 телят. В хозяйстве М. Е. Бирюкова, например, было три коровы и теленок, через два года — четыре коровы и теленок. Объединившись в 1927 году, члены кооператива взяли кредит 200 рублей и приобрели молотилку, соломорезку и орудие. С вступлением новых членов добавились сепаратор и по четверти веялки и молотилки братьев Д. Ф. и М. Ф. Сурановых.

Создание и деятельность простейших кооперативов закладывали основы перехода к постепенному развертыванию массовой коллективизации.

Н. И. Голенев

Софроновка
(История деревни)*

Не одно столетие прошло с тех пор, как в глуши этих мест образовалась деревня Софроновская. Она не имеет каких-то особых достопримечательностей, однако для всех, кто в ней родился, жил или живет сейчас, она — особенная. Она — родная.

В этих заметках мы делаем первую попытку ответить на ряд вопросов о прошлом деревни. Большую помощь мне оказали единодеревенцы Н. Ф. Белоголов, З. Ф. Игин, а также Н. М. Глотов, который помог собрать сведения о деревне в период 1812—1932 годов.

Деревня в прошлом веке

Пригород Яренска деревня Софроновка вплотную примыкает к городу, границей между ними является маленькая речка Кишера, которая впадает с южной стороны деревни в речку Кижмолу. Основные строения деревни расположены на высоком берегу Кижмолы, фасадами на юг. Из окон этих домов видна Вычегда с ее большими заливными лугами. С софроновского угора видны и пароходы, идущие по Вычегде, и даже видно за 18 километров село Ирта.

Под софроновским угором шел государственный тракт из Котласа на Усть-Сысольск. С северной стороны деревни шли пашни, а за ними начинался лес, который уже за пироговской распашней переходил в строевой лес.

Жители деревни занимались хлебопашеством, снимали хорошие урожаи сена с заливных лугов, что позволяло держать скот. А вот пахотные земли были скудны, поэтому требовались и «распашки», и много труда для того, чтобы обеспечить себя хлебом на круглый год, а это удавалось не всем.

Кроме того, деревенские жители поставляли на яренский рынок в субботу и воскресенье сено, дрова, масло, молоко. Носили молоко чиновникам на дом, возили строевой лес на новостройки. Женщины подрабатывали на мытье полов в учреждениях, на стирке белья чиновникам.

Отечественная война 1812 года обнаружила отсталость в снабжении русской армии продовольствием, амуницией. Яренское начальство решило организовать в деревне Софроновской суконную фабрику для выработки кустарным способом шинельного сукна. Было выстроено большое деревянное здание, которое было оснащено самодельными ткацкими станками, так называемыми кроснами.

В работу на фабрике было втянуто местное население, которое в этом нашло хороший побочный заработок.

Однако проработала фабрика недолго; около десяти лет здание пустовало, и лишь в 1822 году здесь было открыто духовное училище. Смотри-

* Публикуется по изданию: Еренский городок: Краеведческий альманах. Яренск. 2000. Вып. 3. О современном названии деревни см. примеч. 2 на с. 883.

телем его был назначен Прокопий Иванович Городецкий, инспектором — Виктор Григорьевич Жданов, а учителем — Яков Максимович Шаломов. По соседству с деревней стояла Покровская церковь, там учащиеся проходили свою духовную практику. Рядом, у мостика через Кишеру, стоял трактир, где население и учащиеся проводили свое свободное время.

Через десять лет училище перевели из Софроновской в Яренск в дом частновала — дельца Хлызова.

Самыми древними в деревне Софроновской были роды Серебренниковых, Бобраковых, Игиных, Маланьиных, а также Голеневых, Еповых, Белоголовых, Зубовых, Летяевых, Никулиных, Пироговых.

Серебренниковы

Характеризуя условия жизни крестьян деревни Софроновской, яренский фельдшер М. В. Голенев в своих воспоминаниях писал: «...на отхожие промыслы не ходили, а уходили и уезжали издревле в Петербург, где работали полотерами, дворниками, лакеями. Некоторые наживали капитал, а под старость возвращались на родину и жили под кличкой богачей. Так было в волости, так было в Софроновской, молодые мужчины и женщины, обычно в молодом возрасте, почти из каждого дома уходили искать счастья, но богачами никто большими не стал, а очень часто 18—20-летних юношей проводили по этапу и, кроме нравственной порчи и болезней, они ничего не приносили...».

Говоря о старинном роде Серебренниковых, М. В. Голенев писал: «Живуча фамилия, расселившаяся в деревнях Курейной, Лантыш, Микшиной Горе, Матлуг, есть потомки и в Петрограде».

Известно, что во второй половине XVIII века один из представителей этого рода Иван имел троих сыновей: Измаила, Михаила и Степана. Уже будучи женатым, Измаил пешком ушел из дому в Петербург, служил извозчиком, прожил несколько лет, а когда вернулся к семье, то принес теплую, на шелковой подкладке извозчичью шапку, извозчичий армяк, кушак и белые туфли жене. И больше ничего. В 1842 году у Измаила и его жены Парасковьи родилась дочь Екатерина, а в 1844-м — дочь Мария. Через год он заболел и умер совсем еще молодым. Жена его воспитывала дочерей и выдала замуж Екатерину в деревню Успасту за кузнеца Селиванова, а Марию — за Василия Голенева, который вошел в дом невесты.

Второй сын Ивана, Михаил, примерно 1820 года рождения, будучи на действительной военной службе в Петербурге, дослужился до чина фельдфебеля образцовой роты при императоре Николае I. Там он и женился, имел сына Василия.

Третий сын Ивана всю свою жизнь прожил в своей деревне. Его сын Иван имел в деревне большую семью, которая потом расселилась по окружающим Яренск деревням, а сам Иван Степанович доживал свой век в своем старом доме с дочерью Марией. Она в 1896 году вышла замуж за крестьянина из деревни Чёрвы Федора Белоголова, который вошел в дом невесты, образовав тем самым новый род Белоголовых.

Второй сын Степана, Алексей, примерно 1860 года рождения, окончил яренское городское училище и после военной службы женился, выстроил

большой хороший дом, работал сначала писарем софроновского волостного управления, а затем у разных чиновников города Яренска. Он мало занимался сельским хозяйством, частенько пьянствовал, как и все его родичи, имел жестокий характер.

В 1889 году у него родился сын Василий, который после окончания городского училища работал писарем в разных учреждениях Яренска. В 1911 году он женился на зырянке Марии Андреевны, у них было четверо детей: Серафим (1912 г. р.), Геннадий (1918 г. р.), Алексей (1922 г. р.) и Анна (1914 г. р.).

Получив образование зоотехника, Серафим заведовал Яренским райземотделом, затем был директором оленесовхоза на Крайнем Севере. Геннадий и Алексей погибли на фронтах Великой Отечественной войны в одном, 1942 году.

Третий сын Степана, Николай, служил в Кронштадте, остался на сверхсрочную, дослужился до статского советника. Уехал из дому и четвертый сын Степана, Василий, он жил в Петербурге и занимался коммерцией.

Таким образом, видно, что за эти сто с небольшим лет род разрастался и расселялся по другим местам.

Игины

Старинный род Игиных, согласно поселковому списку от 22 апреля 1921 года, имел в деревне Софроновской 11 семей с численностью 38 человек.

Известно, что в начале прошлого века крестьянин Михаил Игин, занимаясь хлебопашеством, служил ямщиком на почтовой станции.

В самом центре деревни стоял большой дом Ивана Игина. Перед домом была большая поляна, на самом красивом берегу, у истока Кишеры. Здесь в пасхальные праздники, на Троицын день, на Покров и другие религиозные праздники собиралась молодежь с гармошками, плясала кадрили, «восьмерку» и другие деревенские пляски, а замужние женщины, одетые в кокошники, водили хороводы.

Заводилой таких хороводов была веселая и жизнерадостная Аглая Игина, или, как ее звали, Иглаиха. Любившая по праздникам немного выпить, она затаскивала в хоровод всех мужчин и женщин. Так было и в первые годы после революции, и Иглаиха, будучи шестидесятилетней, еще не растратила своего жизнелюбия.

По праздникам и по воскресным дням в избу Аглаиды Игиной собиралась молодежь деревни. Никаких клубов и изб-читален не было, поэтому изба Игиной была тем местом, где молодежь проводила время, но в трезвом виде.

Вскоре после революции народные гулянья по праздникам были перенесены в другое место. В самом конце деревни стояло большое и высокое деревянное здание, обшитое тесом, с высокой крутой крышей. Это была магазея, выстроенная яренским земством в 80-х годах прошлого века для создания хлебных запасов на случай неурожая. В магазее хранились тысячи пудов ржи и ячменя, в принудительном порядке собранных с населения.

У этого здания была большая ровная поляна, здесь молодежь поставила высокий столб для качелей. В 1921 году софроновские комсомольцы организовали в бывшем волостном управлении клуб имени А. И. Герцена, и все деревенские увеселения перешли в клуб. Вскоре была ликвидирована и магазиа, ее увезли в Матлуг, где создавали кожевенный завод.

Бобраковы

Известно, что в начале прошлого века в деревне жила семья Андрея Бобракова. Больше сохранилось сведений о его сыне Иване, 1841 года рождения, который имел большую семью. Сам Иван Андреевич был глухой с рождения, однако он получил хорошую специальность кузнеца, имел свой дом и кузницу. Он имел спокойный, хороший характер, а потому пользовался уважением среди населения окружающих деревень.

Все сыновья Ивана, а их было пятеро, помогали отцу в кузнице, были молотобойцами. Однако хорошим кузнецом стал лишь средний брат, Иван, который потом имел свою хорошую кузницу.

Иван Андреевич так и не смог выстроить новый дом для своей большой семьи, но имел единственный в деревне граммофон с большим рупором. Однодеревенцы по праздникам приходили слушать музыку, а сам глухой Иван Андреевич, бывало, засунет свою голову в рупор граммофона, слушает, потом добродушно смеется от удовольствия.

Умер Иван Андреевич 7 апреля 1921 года в яренской больнице, а несколько раньше умерла его жена — добродушная, работающая старушка.

Один из сыновей Ивана Андреевича — Николай, 1898 года рождения, был в свое время лучший гармонист в городе Яренске и окружающих деревнях. Имея хорошие музыкальные способности, он быстро запомнил всякие мелодии, даже из классической музыки, и играл их. В 1918—1925 годах все танцевальные вечера в городе Яренске — в клубе имени Остапова, в школах — проходили только под музыку гармошки Николая Ивановича Бобракова.

После отделения Коми АССР Николай уехал в Архангельск, туда же переехал и старший его брат, Александр. Что же касается еще одного их брата, Сергея, 1891 года рождения, он уехал в Архангельск еще в молодые годы, много лет пел в архиерейском хоре и погиб в боях с англо-американскими интервентами в 1919 году.

Жила в деревне семья Семена Бобракова, примерно 1850 года рождения. Это был высокий бородатый старик, кроме земледелия он занимался ямщиной. Его сын Николай, 1884 года рождения, имел в центре деревни большой дом и также «гонял ямщину», имел пару хороших лошадей.

Рядом с его домом стоял дом Елизаветы Бобраковой, про которую говорили, что она работала «за мужика», сама пахала, косила, мыла полы в школах города. Умерла она в первые годы революции.

Если по состоянию на 1921 год в Софроновской проживало 10 семей Бобраковых (46 человек), то теперь остался один Иван Иванович Бобраков с женой. Все остальные уехали в Коми АССР, Архангельск, Ленинград, в другие места.

Маланьины

В первой половине прошлого века в деревне жили братья Алексей и Николай Маланьины, каждый по отдельности имел дом.

Алексей имел сына Алексея (1872 г. р.), который, женившись, имел восемь детей. Один из сыновей его, Александр (1898 г. р.), считался лучшим косарем и лучшим наездником, однако жизнь у него сложилась неудачно. Во время Гражданской войны он попал в плен к англо-американским интервентам и был завербован в белогвардейскую армию. Он участвовал в боях с частями Красной Армии в составе отряда капитана Орлова.

Все это было не случайно. Его отец до революции показал себя человеком заносчивым по отношению к деревенской бедноте и почтительным к кулацко-зажиточной части деревни и чиновничеству.

Участвовал Александр в боях под Яренском. Когда в бою под Ленной 28 ноября 1919 года белогвардейский отряд был разбит, Александр со своим отцом бежали на Удору, но были задержаны. Александра приговорили к десяти годам лагерей, а отца отпустили на поруки, и он через несколько лет умер. Александр отбыл наказание, вернулся в Софроновскую и работал на яренской хлебопекарне.

Вторая семья Маланьиных вышла из хозяйства Николая. Сын его Алексей, 1867 года рождения, имел свой дом и семью. Сам он, любивший выпить, имел маломощное хозяйство, однако постоянно работал ассенизатором на своей лошади в Яренске.

Один из сыновей его, Николай, уехал в Петербург, где был мобилизован на фронт Первой мировой войны, дослужился до штабс-капитана. После революции служил в рядах Красной армии в должности помощника начальника отдела штаба Приуральского военного округа, а после ранения в 1919 году вернулся в Софроновскую. После излечения работал военруком военкомата, служил командиром полка, был заместителем командира Северо-Двинского территориального полка. Демобилизовавшись, работал до 1931 года секретарем Ленского райисполкома, а потом уехал в Архангельск.

Белоголовы

Крестьянин деревни Чёрвы Федор Иванович Белоголов, 1870 года рождения, после окончания действительной военной службы в 1896 году женился на Марии Ивановне Серебренниковой и стал жить в женином доме.

Один сын его, Александр, погиб на Южном фронте в 1919 году, второй, Иван, работал счетным работником в яренской уездной земской управе, работал в финансовых органах, а с 1945 года в течение семи лет был управляющим Ленским отделением Госбанка.

Афанасовы

Служащий яренской земской управы Илья Афанасов в 1880-х годах построил в Софроновской самый большой дом. Из окон этого двухэтажного дома, обшитого тесом, стоявшего у самого обрыва около «покровского» мостика, открывался широкий пейзаж. Много лет служил этот низень-

кий, каким я его запомнил, старичок и смог выстроить такой большой дом с расчетом, чтобы в нем содержать квартирантов из яренских чиновников.

Большим авторитетом пользовался Илья Афанасов, при встрече крестьяне низко кланялись. Около своего дома Афанасов получил большое поле и чужим трудом повел сельское хозяйство.

Были у него четыре сына и дочь, однако никто из сыновей не мог получить образования, хотя бы окончить уездное училище, а возможности для этого у Ильи были большие. Куда больше, чем у бедных жителей деревни, которые с большими трудностями учили своих детей. Сын Сергей еще до революции был устроен на должность приказчика Яренского кооперативного потребительского общества. После революции работал в других торговых организациях. В 1935—1936 годах Сергей Ильич за совершенную недостачу был осужден и умер в лагерях.

Второй сын Ильи, Николай, остался малограмотным, не приспособленным к физическому труду. Он самоучкой научился шить простую крестьянскую одежду и этим жил.

Третий сын, Владимир, постановлением общего собрания деревни Софроновской в 1918 году был направлен в ряды Красной армии. Он участвовал в боях на Колчаковском фронте. Возвратился больным и вскоре умер.

Старший сын Ильи, Константин, дома не жил и вел жизнь бродяги. До революции он неоднократно приводился домой из разных мест «по этапу» — как беспаспортный бродяга. В 30-х годах он был сторожем нефтехранилища, которое находилось около кладбища; был убит беглыми из лагерей.

Елена Ильинична Афанасова еще в царское время была выдана за полицейского урядника Петра Васильевича Пашина, который обслуживал большую Софроновскую волость и со своей женой жил в доме Ильи Афанасова. Сам он происходил из кулацкой семьи из деревни Пашинской Ленского теперь сельсовета. Получив должность урядника, он носил мундир жандармского офицера и был грозой для политссыльных, хулиганов и пьяниц.

В годы революции Пашин с женой и детьми спрятались в деревне Пашинской. Во время наступления белогвардейского отряда капитана Орлова Пашин был изобличен в связи с белогвардейцами и сразу же был расстрелян моряками отряда Мякишева около Лены.

Голеневы

В 1818 году девица деревни Новой Роспаши Мария Кирилловна Кобычева была выдана замуж за крестьянина деревни Чёрвы Голенева, а в 1820 году у них родилась дочь Мария. В 1838-м родители ее умерли, и она осталась сиротой. В том же году она без церковного брака стала жить с Иваном Ждановым по прозвищу Волгарь. 25 декабря 1840 года, в Рождество, родила в деревне Чёрве сына, который при крещении был назван Василием, а по отчеству Петровичем, так как крестным отцом при крещении был отставной солдат 25-летней службы Петр Зотикович.

Свое детство Василий Голенев провел с матерью в бедности. В 1852 году Мария Голенева умерла, оставив сына в чужих людях, он стал жить у старушки Ливеронич в деревне Борки, в двух километрах от Яренска. В 1863 году им заинтересовался брат его бабушки Михаил Кириллович Кобычев и нашел ему невесту. 7 января 1864 года Василий Голенев женился на девице Марии Измайловне Серебренниковой из деревни Софроновской. Как бездомный, В. П. Голенев вошел в дом своей жены и стал с той поры крестьянином деревни Софроновской. Однако по существовавшему тогда законодательству Голенев, как незаконнорожденный, не имел права участвовать в сходах и не считался домохозяином. Эта обязанность была возложена на уравновешенную и рассудительную жену его Марию Измайловну.

С первых дней Василий, низкого роста, не видный, показал себя трудолюбивым крестьянином, держал двух лошадей, две-три коровы и другой скот.

Десять лет прожил он с женой в старинном доме, в котором была одна дымная изба и маленькая горенка. Дымные избы в старое время были распространены, и их в деревне Софроновской было много. Дело в том, что сложенная в избе большая печь для отопления и выпечки хлебов не имела дымохода, а потому при топке ее весь дым шел в избу и выходил через небольшое отверстие в стене возле потолка. От такой «топки» печи все стены избы были черны от сажи. Во второй половине прошлого века в таких избах стали достраивать к печам кирпичные дымоходы через крышу.

Однако и тогда каждый хозяин имел свою «дымную» баню, и каждую неделю по субботам по всей деревне топились бани.

В 1873 году Голенев начал строить новый дом, с двумя избами, кухней, горницей, чуланом, амбаром и большим скотным двором. Сам рубил и возил строевой лес в течение семи лет. Как один из немногих зажиточных крестьян деревни, он купил большой медный самовар. В то время это считалось большой роскошью, из самовара пили чай только по праздникам или когда приходили гости.

У Василия и Марии было пятеро детей: Александр (1865 г. р.), Михаил (1869 г. р.), Иван (1878 г. р.), Екатерина (1882 г. р.) и Александра (1885 г. р.). Несмотря на то что родители были неграмотными, они приняли все меры, чтобы дать детям образование. Сначала, в 1870 годах, сыновья обучались грамоте у яренского пенсионера Байбородина, затем окончили яренское приходское училище, уездное училище, а Михаил Васильевич был отправлен учиться в Вологодскую фельдшерскую школу. Железной дороги в то время в наших краях не было, а поэтому он из Яренска до Великого Устюга плыл на лодке, а дальше до Вычегды его с другими попутчиками тащили в лодке по Сухоне бурлаки в течение нескольких недель.

В марте 1897 года умерла Мария Измайловна. Согласно ранее данному церковному обету Василий Петрович был обязан в течение года молиться за упокой души жены своей в Ульяновском монастыре. Сдав свое хозяйство старшему сыну Александру, он с котомкой за плечами, в лаптях ушел пешком за 400 километров в монастырь и в течение года был там привратником.

В 1898 году единственный раз в своей жизни В. П. Голенев был сфотографирован каким-то чиновником.

Вскоре после возвращения отца из монастыря сыновья провели раздел хозяйства на три части. Сам В. П. Голенев стал жить у бездетного женатого сына Ивана, работавшего тогда почтальоном уездной земской почты. Умер он в 1912 году.

Первый сын Голенева, Александр, работал сборщиком податей. Это был высокий и очень сильный мужчина, однако весной 1889 года при замене подгнивших у земли бревен он получил тяжелое увечье и остался хромым на обе ноги. С 1896 года он служил сельским писарем, а затем писарем софроновского волостного управления.

В июне 1897 года он женился на девице Екатерине Крюковой из деревни Курейной. Когда хозяйство было поделено между тремя братьями, Александру достались изба, лошадь и корова. Вскоре он пристроил горницу, в ней в 1906—1910 годах квартировали ссыльные революционеры, к которым он относился благожелательно. Весной 1906 года А. В. Голенев был уволен с должности волостного писаря за то, что осенью 1905 года на волостном сходе он не принял мер к прекращению революционного выступления крестьянина А. А. Глотова.

В течение двух лет после этого он сапожничал на дому и в июле 1908 года умер в возрасте 43 лет.

Старшая дочь его, Мария, работала учителем в Вологде. Заслуженный учитель школ РСФСР. Дочь ее Вероника Васильевна Михалева, окончившая в 1944 году МГУ, работала в институте Академии наук, кандидат биологических наук.

Вторая дочь, Александра Васильевна, работала главным бухгалтером Ленинградского лесного порта, во время блокады Ленинграда работала на строительстве оборонных сооружений на Пулковских высотах, а потом и в самом Ленинграде, где была ранена. В Ленинграде у дочери жила и ее мать Е. В. Голенева, она была активной защитницей Ленинграда и в свои шестьдесят с лишним лет состояла в команде МПВО. В последний раз она дежурила на посту 25 февраля 1942 года, а 27 февраля она умерла от истощения.

Пироговы

В 70-х годах прошлого века в составе яренской уездной конвойной команды при уездном воинском начальнике приехал на действительную военную службу черемис Иван Иванович Пирогов в возрасте 21 года. Отслужив пятилетний срок, он решил остаться на постоянное жительство в деревне Софроновской.

Как зарекомендовавшему себя с хорошей стороны, по ходатайству уездного воинского начальника яренская уездная земская управа устроила его сторожем пассажирского дома на яренской паровой пристани с обязанностями наблюдать порядок в комнатах для пассажиров и сообщать в земскую управу о прибывших на пароходах грузах, а также временно обеспечивать охрану их. С этой целью в 1910 году из Яренска на пристань

был проведен единственный в Яренском уезде телефон — из здания земской управы в дом для пассажиров на пристани, в комнату Пирогова.

При содействии управы Пирогов на кухне дома поставил большой котел и кипятил воду, от этого имел некоторый доход.

По ходатайству Пирогова софроновский волостной сход выделил ему большую лесную площадь со строевым лесом в трех километрах от деревни для разделывания этой площади под пахотную землю с использованием леса для строительства дома. Скоро лес был вырублен и вывезен.

В 1885 году у Пирогова, который женился на девушке Пелагее, родился сын Василий. Имея хорошие доходы, Пирогов в 1900-х годах обшил свой дом и покрасил его в желтый цвет. Это стал первый в деревне крашенный дом — на высоком берегу Кижмолы.

Свой отдых Пирогов находил только на рыбной ловле на озере Себенгий и на других озерах. Часто жена его торговала сорожками и окуньками на городском рынке.

В 1912 году Василий Иванович женился на зырянке Евдокии Степановне и стал помогать пожилому отцу. У него были дети: Николай (1913 г. р.), Анна (1915 г. р.), Лидия (1918 г. р.), Иван (1926 г. р.) и Владимир (1924 г. р.). Сам Василий Иванович в возрасте 35 лет был разбит параличом и многие годы закидывал неггибающуюся ногу. Он умер в 1938 году.

Сын Николай погиб в годы Великой Отечественной войны, погиб на фронте и другой сын, Владимир. Третий сын, Иван Васильевич, имеет трех дочерей, живет в деревне Софроновской и работает шофером в милиции. Живет в Софроновке, в отцовском доме, дочь его Лидия, у нее четверо сыновей. Другая дочь, Анна, умерла в возрасте девяти лет.

Летяевы

К моменту революции в деревне Софроновской жили Летяевы. Николай Андреевич Летяев имел в деревне старый дом по соседству с домом И. В. Афанасова. Он занимался земледелием и подрабатывал на ассенизаторских работах. Имел пятерых сыновей. Один из них, Иван, участвовал в Первой мировой войне в чине прапорщика. В 1916 году в чине офицера он приезжал домой в отпуск. На следующий год он погиб.

Рядом с домом Николая Андреевича стоял большой старый дом его отца, в котором жил Афанасий Андреевич Летяев, это был хозяйственный и расчетливый хозяин. У него было двое сыновей, Василий и Михаил, которые погибли в годы Великой Отечественной войны.

Павла Александровна Летяева, по прозвищу Очковка, так как ходила в очках, что было в деревне редким явлением, сначала жила в деревне Курейной и вдовствовала с сыном Степаном. В 1910 году она купила полдома Ивана Васильевича Голенева и переехала в Софроновскую на постоянное жительство. В 1922 году она купила новый полутораэтажный дом Бобраковых, построенный лесопромышленником Елсуковым в приданое своей дочери, выданной за Бобракова, вскоре умершего. Это был самый большой, городского типа дом в деревне Софроновской.

Все они уехали вскоре в Вятскую область.

Н. Н. Аруев

Минувшее *

За 14 лет службы в такой громадной волости, как Метлинская**, при самом тесном и ежедневном соприкосновении с народом мне пришлось слышать много интересного из прошлой жизни волости. Тем материалом, что остался в памяти, я и хочу поделиться. Пусть читатели сами выведут заключение, хорошо ли жилось раньше крестьянину.

Ревизия

В 1890 году, когда я поступил в метлинское волостное правление, крестьяне ждали производства одиннадцатой ревизии. Десятая ревизия была в 1858 году. Цель ревизии — взимание с податного населения — крестьян, мещан и ремесленников — подушной подати. Производство ревизии вызывало разверстки между наличными едоками мужского пола или, как тогда выражались, душами, надельной земли. Поэтому-то земельный надел и до сих пор называется душой. Почему же крестьянство ждало ревизии, когда она несла им новое налоговое бремя — увеличение подушной подати? А вот почему. При существовавшем тогда «Общем положении о крестьянах» передел земли общий или частный (скидка или накидка тягл) допускался только с согласия на это $\frac{2}{3}$ всех домохозяев данного сельского общества. Получить такое согласие в сельском обществе, растянувшимся на 27 верст, например Метлинском, и даже больше (Козьминском), не было никакой возможности. На окладной (очередной) сход в январе месяце собиралось немногим более $\frac{2}{3}$ всех домохозяев. В этом числе были многоземельные, были кулаки, были горланы, были и охотники до выпивки за чужой счет. Само собой, когда собралось всего на сход $\frac{2}{3}$ домохозяев и когда в эти $\frac{2}{3}$ около $\frac{1}{3}$ составляли многоземельные, горланы и их приспешники, то говорить об общем переделе земли не приходилось; бедноте и нуждающимся в земле оставалось только мечтать о ревизии. На сходы, созываемые вне очереди, приходили едва половина домохозяев, т. е. кворум, при коем можно было только открывать сход. На таком сходе «по закону» нельзя было поднимать вопроса о переделе земли. И вот шли годы за годами. Ревизии не было. Не было и передела. Количество нуждающихся в земле все увеличивалось и увеличивалось. Волостное правление, сельские старосты, волостные суды

* Частично опубликовано: Двинская правда. 1993. 7 авг. С. 4; 21 авг. С. 4. Публикуется по рукописи: СИХМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5—6.

** Метлинская волость во время моей службы состояла из восьми обществ: Метлинского, Козьминского, разделившегося впоследствии на три (Козьминское, Коряжемское и Антоновское), Андреевского, Деметьевского (бывшая Песчанская волость), Григоровского, Шешуровского, Ньюско-Шешуровского и Пицкого, с населением до 14 000 человек. Расстояние от центра волости, д. Метлино, до д. Рычково Пицкого общества было около 40 верст, д. Марково Песчанской волости — 27 верст, д. Нероновской Шешуровского общества — до 40 верст и д. Борки Козьминского, а затем Коряжемского общества — до 30 верст. (Примеч. автора).

были завалены спорами о земле, спорами иногда о нескольких десятках сажень. На сходах, на собраниях, в частной беседе все думы и разговоры были около земли. Это был заколдованный круг, гордиев узел, разрубить который крестьянство не могло, а тогдашнее правительство старалось еще пуще запутать этот узел. В волостном правлении на почетном месте висела картина под стеклом: «Речь Александра III к волостным старшинам на коронации 1883 года». Под картиной этой была приведена выдержка из этой речи. Вот она: «Я очень рад еще раз видеть вас. Сердечно благодарю вас за участие в торжествах наших, к которым так горячо отнеслась вся Россия. Когда вы разъедетесь по домам, то передайте всем мое сердечное спасибо. Слушайте ваших предводителей дворянства и не верьте вздорным и нелепым слухам о переделах земли, даровых прирезках и т. п. Слухи эти распускаются нашими врагами. Всякая собственность, точно как и ваша, должна быть неприкосновенна. Дай Бог вам счастья и здоровья!» В волости говорили, что после этой речи Александра III один из старшин, с горя или с радости, крикнул: «Ваше величество, позвольте еще раз выпить с Вами!» Произошло будто некоторое замешательство «в торжествах», но Александр III, не дурак выпить, вышел из положения и потребовал водки и выпил со старшинами. Да после этого ничего не оставалось, как пить и пить. Старшины приехали с коронации в почетных кафтанах и в медалях и с мужиком-голодранцем считали говорить унижительным. Они говорили о «торжествах» и «речи государя» с более зажиточным крестьянством, и последнее, конечно, было радо такой речи и посмеивалось себе в бороду над безвыходным положением крестьянской бедноты. А последняя все ждала ревизию или «манихвеста» о земле и не дождалась все царствование Александра III. На коронации в 1896 г. Николай II повторил, как попугай, речь «своего незабвенного родителя». Петля затягивалась все туже и туже. Затем замелькали Японская война, революция 1905—1906 гг., столыпинские законы о земле, германская война, революции Февральская и Октябрьская 1917 года, и петля лопнула. Гордиев узел разрубили. Пришла не ревизия, а социализация земли. Но старики, всю жизнь мечтавшие о равном переделе земли, не дожили до этого момента, а если и дожили немногие, то нужда всю жизнь, беспросветная нужда, вытравила у них радость того, чего они дождались.

Генеральное межевание

Генеральное межевание было произведено при Екатерине II. Вызвано оно было Пугачевским бунтом. На всех планах генерального межевания и межевых книгах значился герб (двухглавый орел) — и вокруг надпись: «Попечением и милостию Императрицы Екатерины II» и внизу: «Каждый при своем». Малоземельные и нуждающиеся в земле деревни к планам этим относились отрицательно, а многоземельные и частные владельцы благоговели перед ними. «Генеральная межа — это крепость от земли до неба, — говорили последние, — и ее никто не может нарушить». Хотя с генерального межевания в то время прошло уже около 100 лет, но в народе сохранилось предание о нем.

При наделении и размежевании земель по деревне Рычково, приписанной при Екатерине II к Сольвычегодскому собору, землемеры предлагали деревне Рычково пожню Водолеиху за ушат кислого молока. Крестьяне, посоветовавшись, отказались от этой пожни и от дачи взятки — ушата кислого молока. Мотив отказа от пожни — боязнь величины налогов. Пожня была размежевана Коряжемскому монастырю.

При наделении сенокосом крестьян Пицкого общества последние, узнав, что землемер — любитель выпить, так усердно угощали его при производстве межевых работ, что он пьяный кричал только: «Ребята, где юг-то? Не теряйте юг». Мужики, при измерении окружных границ наделяемого этим пьяным землемером сенокоса, протянув десять и более цепей, кричали ему, что протянута только одна, т. е. вместо 100 сажений говорили: только 10 сажений. Последствием такого межевания было то, что в Пицком обществе на один душевой надел было сена до 70 копен, тогда как рядом, в Метлинском обществе, — не больше 20—25 копен на душу.

При размежевании в Ньюско-Шешуровском обществе, производившемся 31 июля, в заговенье на Успенъев пост, землемеры просили мужиков продать им ватрушек (шанег), но последние отказали им в этом. За это землемеры нарезали этому обществу сенокос в разных местах, худого качества и всего не больше 40 копен на душу. Впоследствии старики брали себя за свою опрометчивость, но дело было сделано.

При размежевании деревни Козловки (у города Сольвычегодска) произошел такой казус. В деревне этой были два удельных двора, а остальные — черносошные (черносошными назывались крестьяне, не принадлежавшие никому, т. е. ни помещику, ни монастырю, ни другому какому-либо владельцу). Земля у них была в чересполосном пользовании, и ее нужно было размежевать, т. е. удельным наделить в одном месте, а черносошным — в другом. Берег реки Вычегды, как известно, постоянно сносится рекой Вычегдой, и таким образом уменьшается из года в год количество приобретенной пашни. Само собой разумеется, что и та и другая группа крестьян желала получить надел дальше от реки. Землемер знал это положение. Прибыв в деревню, он при явке к нему представителей размежевывающихся групп: от удельных Милохина и от черносошных Шергина — объявил им, чтобы они к обеду приготовили ему красного петуха, и тот, кто представит петуха первым, получит при размежевании лучшую землю. Удельный представитель Милохин понял приказ землемера буквально и кинулся в город искать красного петуха, но так как найти его было не так легко, то он замешкался. Шергин же понял, что нужно землемеру, и, сходя в свою кубышку, достал из нее десятку (красненькую) и вручил землемеру. После этого явился и Милохин, найдя наконец настоящего красного петуха, но землемер ему сказал, что он уже пообедал, т. к. Шергин принес петуха раньше Милохина. Началось межевание, и удельным крестьянам земля была нарезана вся по берегу реки Вычегды, а черносошным крестьянам — около деревни и за деревней, к деревне Циренниково (Петряшино). У Милохиных (удельных) из наделенной земли снесло рекой Вычегдой около половины надела и продолжает нести и до сих пор, а у черносошных весь полевой надел цел и до настоящего момента.

Головы

До 1861 года, т. е. до освобождения крестьян от крепостной зависимости, крестьянами управляли волостные правления под председательством волостных голов. При волостном правлении была волостная расправа. Председательствовал в ней волостной голова, а членами были два добросовестных (старший и младший). Функции расправы — судебный разбор всех споров и обид между крестьянами. К началу моей службы в волости в крестьянстве еще много было живых свидетелей деятельности голов и расправ, и вот от них-то мне пришлось слышать следующее.

Голова Мильков

Мильков был бесменно головой Метлинской волости несколько трех-четырех лет, и чем дольше он оставался на службе, тем делался смелее во взяточничестве и в других беззакониях. Но наконец и его настигло несчастье, погубившее его карьеру и все нажитое незаконное состояние.

При Николае I было несколько рекрутских наборов. Наборы эти были не ежегодно, а через неопределенные периоды (года через четыре-пять). Военная служба при Николае I была чистая каторга и длилась 20 и 25 лет. При объявлении набора в деревне был плач и стон. Рекрутов провожали как в могилу. Богатые крестьяне покупали зачетные рекрутские квитанции, выпускаемые правительством, и освобождались от военщины. Если же квитанции купить не представилось возможности из-за дороговизны, то оставалось одно — идти к голове и торговаться с ним. Дело это делалось так. Правительство Николая I определенно назначало представить, например, с Метлинской волости 20 солдат (рекрут). Голова, получив такое распоряжение, хранил его в секрете и в то же время делал через сельских старшин выписку всех рекрутов, не призывавшихся еще к рекрутскому набору. Их набиралось, примерно, человек 60 или 80. Из этих 60 или 80 человек нужно было сдать в солдаты 20. Льгот никаких не полагалось. Голова вместе с волостным писарем и городничим решали, сколько брать с каждого освобожденного от солдатчины. Тут же они решали, кого сдать в солдаты. Обычно назначались бедняки, с коих взять было нечего. Но все это хранилось в секрете. Наборы происходили обычно осенью, и вот у головы Милькова в это время на дому происходил откуп от солдатчины. Ассигнации (в то время были ассигнационные рубли, стоившие в три раза дешевле серебряной валюты, серебряного рубля) сыпались как дождь, и Мильков обычно называл это осенним листопадом, сгребая деньги со стола в поставленный в переднем углу сундук. Всем рекрутам, с коих был взят головой денежный откуп, давался приказ (секретно) явиться в рекрутское присутствие, надев на себя крест на желтом говитане (тесемке). Это был знак для членов рекрутского присутствия, что с этого рекрута взято и его надо было освободить. Дальше дело уже шло как по маслу. У желтоговитанников находили всевозможного рода болезни, и они освобождались от солдатчины, а беднота шла в солдатскую каторгу на 20 и больше лет, где ее забивали и замучивали, гоняя сквозь строй и награждая шпицрутенами.

То же было и в волостных расправах. Недаром в народе и сложилась поговорка: с сильным не борись, а с богатым не тяжись. Рекрутские же наборы в деревне выражены народом в заунывной песне:

Последний нынешний денечек
 Гуляю, братцы, с вами я.
 Завтра рано, на рассвете,
 Заплачет вся моя семья
 и проч.

Старушка мать головы Милькова, видя беззакония сына и слезы народа, часто говорила ему, что не будет ему счастья в нажитом богатстве, но Мильков не слушался матери и продолжал свое дело.

Богатство его росло. Он купил несколько крепостных деревень у разорившегося в то время купца Пьянкова и выстроил у себя в деревне двухэтажный дом, что в то время было верхом роскоши и богатства.

От крестьян Мильков требовал, чтобы они, проходя мимо волостного правления или мимо его дома, снимали шапки, будь это хотя бы зимой или в ненастье. Ослушников ждала порка.

Вся городская знать считала за честь быть у головы Милькова в гостях, и действительно Мильков не жалел средств угостить на славу. На одном из таких вечеров у Милькова, бывшем в ненастную ночь в январе месяце, случилось несчастье, повлекшее за собой увольнение его от должности, заключение в тюрьму и разорение.

В гости был созван один из иеромонахов Сольвычегодского Введенского монастыря. Изрядно выпив, этот отец стал собираться в монастырь и, прощаясь с гостеприимными хозяевами, споткнулся и упал с верхнего этажа вниз по лестнице. Когда сбежали, то у иеромонаха оказался пробитым висок и он был мертв. Кровь лила из раны. Голова Мильков сейчас же распорядился увезти мертвого иеромонаха в монастырь. Так как дело было ночью и ворота монастыря были заперты, то работник головы Милькова Степан Строганов вытащил мертвого монаха из саней перед монастырскими воротами и оставил там. Утром обнаружили труп. Началось дознание и следствие. Игумен показал, что покойный иеромонах отправился вчера в гости к голове Милькову. Голова же Мильков объяснил, что покойный монах действительно был у него в гостях, но ушел от него жив и здоров. Убийство, по мнению Милькова, совершено кем-либо из злоумышленников, знавших, что у покойного были деньги. Следственные власти начали искать по кровавым каплям на дороге (разгребая ее от нанесенного за ночь снега), откуда привезен труп монаха, и кровавой след довел до самого дома головы Милькова. Там внизу и на лестнице обнаружили тоже свежесмытые на полу следы крови. Голову Милькова заподозрили в убийстве монаха и заключили в тюрьму. Началось следствие. Следствие старое николаевское, тянувшееся целые годы, следствие со взятками и вымогательствами. И когда следственные власти выколотили у семьи Милькова последний рубль и когда во дворе осталась одна корова, тогда только признали, что в смерти монаха голова Мильков не ви-

новат, и выпустили его из тюрьмы. Опозоренный, разоренный в корень, с расшатанным от долгого тюремного заключения здоровьем, Мильков запил горькую и так, пьяный, кончил свою жизнь. Крепостные деревни его продали, отчасти когда он сидел в тюрьме, отчасти после его смерти, обедневшие сыновья.

Удельный голова Кузнецов

Про этого голову бывшие удельные крестьяне рассказывали, что он бил мужиков самым нещадным образом. Порол правого и виноватого. В свою крепостную деревню Подосокорье он, как наступала страда, собирал со всей волости взрослых девиц и молодых женщин жать и убирать сено, и там сам и приглашенные им «на страду» господа из удельной конторы устраивали целые гаремы. Родом он был Устюгского уезда, из прихода Царя Константина.

Голова Некрасов

Это был, кажется, последний метлинский волостной голова. Народная память называет его несправедливым и жестоким.

Некто М. С. Суханов (впоследствии был волостной старшинный) из д. Долгополихи вот что рассказывал мне про этого голову: «Зашел я как-то раз в волостное правление и обратился к голове Некрасову с просьбой выдать нужную мне по моему делу бумагу. Некрасов на эту просьбу сказал, что сейчас исполним, и, зло и косо посмотрев на меня, вышел в прихожую. Немного спустя Некрасов приказал мне выйти к нему в прихожую. Когда я вышел, то увидал, что там идут приготовления кого-то пороть, так как принесен пук виц и в сборе сторож старик — николаевский солдат, несколько человек, незнакомых мне, и голова Некрасов. Последний приказал сторожу и незнакомым лицам схватить меня и утащить в рядом находившуюся с прихожей арестантскую. Те живо исполнили это, и не успел я опомниться, как уже лежал на полу в арестантской и на моей спине и на плечах сидели незнакомые мужики. Некрасов прочитал приказ дать мне 20 ударов розгами. «За что?» — спросил я, придавленный к полу. Некрасов ничего не ответил, но прорычал, как зверь, и сторож, видимо зная, что это значит, обнажил меня. Началась порка. Я помню, что насчитал 70 или 80 ударов. Что было дальше — я впал в беспамятство. Опомнился, вижу: на меня льют холодную воду, лежу в той же арестантской, Некрасова уже нет. После этого я болел несколько месяцев».

«Ходил ли ты куда жаловаться на это?» — спросил я Суханова. «Нет, — ответил Суханов. — Окружной начальник был заодно с головой Некрасовым. Были также случаи, что жалобщика окружной посылал к тому же Некрасову, и тот вновь порол его».

Второй случай из «деятельности» головы Некрасова я слышал от В. И. Королькова (В. И. Корольков — столяр, был два трехлетия председателем волостного суда, преобразованного по закону 12 июня 1889 года), который был очевидцем его, как служивший в волостном правлении мальчиком-писцом (переписчиком).

В старое время за бесписьменность, т. е. за неимение паспорта или билета, арестовывали, сажали в тюрьму и по этапу отправляли на родину. До уездного города арестованный шел с военным этапом. В уездном городе бесписьменного «арестанта» сдавали в полицию, а последняя направляла в ближайшее волостное правление, в данном случае в Метлино, откуда арестованный уже шел до дому по десятским, т. е. от деревни до деревни, вплоть до своей волости.

Вот за такую-то бесписьменность была приведена из полиции девица, или, как выражались в то время, крестьянская девка, родом из Рябовской волости, арестованная чуть ли не в Питере. Девица эта на ругань головы Некрасова ответила что-то бойко. Некрасов распорядился немедленно отпороть ее. По словам Королькова, арестованную порол, как и Суханова, до беспамятства.

Наконец, про «деяния» Некрасова много говорили в связи со взысканием, в бытность мою помощником волостного писаря, недоимок общего по империи и губернского продовольственных капиталов. Около 1857 г. в Сольвычегодском уезде ранним осенним заморозком был уничтожен урожай как озимых, так и яровых хлебов. Наступил голод. Из хлебозапасных магазинов Никольского уезда был взят почти весь хлеб и на барках сплавлен в Котлас и ниже по Двине. В Котласе раздача хлеба нуждающемуся населению производилась Некрасовым, который помещался в специально устроенной из парусов палатке — юрте, как какой-либо татарский хан. Прежде чем получить хлеб, каждый из приехавших за ним обязан был принести голове Некрасову бутылку водки или наливки (настойки на вине). Размер выдачи хлеба определялся по размеру винного подношения голове. Если же приезжали за хлебом бедняки, коим не на что было купить голове вина, то их только записывали и затем отказывали в отпуске хлеба. Выдача тянулась чуть не все лето. Все лето у Некрасова была масленица. Наконец наступил июль, и хлеб стал поспевать свой. В Котлас больше не поехали. Некрасов наконец, за отсутствием голодных, отрезвился. Оставалась не розданной еще целая баржа хлеба. Некрасов не задумался над этим. Баржа была выведена на глубокое место и затоплена со всем хлебом. Все утопленное количество хлеба было расписано — как бы выданное в ссуду приезжавшим за ним беднякам, кои были тогда прогнаны из Котласа ни с чем. В результате этого на некоторых бедняков было начислено долга от 100 до 200 рублей. В то время, т. е. 60 с лишним лет назад, это был целый капитал. Когда в 90-х годах XIX столетия началось взыскание этих долгов, то по деревням бывшей Метлинской волости начался буквально стон. Сколько слез и проклятий вызвал тогда этот голова Некрасов и защищавший и покрывший все незаконные деяния его окружной начальник, а впоследствии мировой посредник В. И. Савваитов! Вся эта история с голодными и хлебом теперь кажется неправдоподобной, но все рассказанное мною было так, как я передал, если еще не гаже. Мой отец рассказывал, что он тогда еще был подростком и ездил в Котлас за хлебом со своей бабкой. Так как у них денег не было на угощение головы Некрасова, то последний никакого хлеба им не дал и велел прогнать. Но

впоследствии на моего деда была начислена продовольственная недоимка за хлеб, который не был получен. Эту недоимку платил дед, мой отец, и доплатил только уж я.

Некрасов был убит на острове Потапове, когда шел из волостного правления домой в д. Князевскую. Убийц не могли разыскать, и полиция дело об убийстве его предала «воле Божьей» (выражение суда и прокуроров, когда не могли разыскать виновных). Так окончил свою жизнь этот последний метлинский голова.

Полиция

Про деяния старой полиции много бы рассказали старые судебные и полицейские архивы. Полицейские власти за взятки скрывали настоящих убийц или грабителей и подставляли вместо них лиц невиновных, кои шли в остроги, а иной раз и на каторгу. Такой случай был в 40-х годах XIX столетия в Березонаволоцкой волости. Когда я учился в начальном училище, то помню старика Литвинова (дом его был, где ныне дом Алмазовых). Этот старик как секретарь уездного суда участвовал в этом деле и был за это только отрешен от должности «без мундира и пенсии», но зато с оставлением в его владении крепостной деревни Клестово (ныне Коряжемский племхоз), нажитой на службе в суде.

Мой дядя (брат отца) рассказывал мне следующее происшествие, бывшее лично с ним. Когда ему было лет двадцать, то он раз подрядился увезти на проходных на своей лошади из г. Сольвычегодска в г. Яренск одного старичка, приехавшего в Сольвычегодск в гости к зятю — смотрителю уездного училища Титову. Дело было в начале зимы. Когда дядя поехал с пассажиром, то последний на 7-й версте от г. Сольвычегодска скоропостижно в санях умер. Дядя испугался и не знал, что делать, т. е. ехать ли дальше или вернуться. Наконец он рассудил, что нужно ехать на Ньюбу к священнику и заручиться от него удостоверением, что старичок пассажир заболел дорогой, исповедался и причастился на Ньюбе и умер на глазах священника. На Ньюбе в то время был священником Быстров, впоследствии переведенный в Яренск. В просьбе дяди о выдаче этого удостоверения Быстров отказал, а посоветовал ему ехать с мертвым обратно в город и заявить обо всем, как было, родным умершего и полиции. Дядя так и сделал. Там дядю после снятия с него допроса арестовали и посадили в тюрьму, а лошадь оставили при полиции. Прошла неделя. Дома в Гусихе ничего не знали о происшедшем и сильно встревожились, что Алексей не возвращается так долго. Наконец мой дед (отец Алексея) пошел в город к Титову узнать, не знает ли он, почему так долго ездит Алексей. И каково же было его удивление и горе, что Алексей сидит в тюрьме и подозревается в убийстве старика — тестя Титова — и что лошадь находится в полиции. Пошел в полицию. Там ему сказали, что дело это у надзирателя Распапулло. Он к нему. Тот, после застрачиваний о последствиях «учиненного смертоубийства» Алексеем, перешел прямо «к делу» и запросил у деда шесть возов сена с пожни Гусево, что против д. Рычково, необходимого для прекращения «следствия». Дед согласился и на своей

же «арестованной» лошади вывез Распапулло все шесть возов лучшего сена. Алексей был выпущен, и лошадь возвращена. Дело о смерти старика было предано «воле Божьей».

Шмон Шлифованный

Перед моим поступлением в волостное правление несколько трехлеть служил помощником волостного старшины старичок Петр Иванович Лопаткин, которому, не знаю почему, дали кличку Шмон Шлифованный. Это прозвище было вырезано на стенах волостного правления и надписано кем-то, старавшимся скрыть свой почерк, на стенном табель-календаре, составленном Лопаткиным. Вот что рассказывали мне про этого старичка.

При взыскании с крестьян податей он был неумолим и прибежал к следующим не совсем законным приемам. Уплата податей обычно в Метлинской волости в то время проходила на рождественской неделе, т. е. в конце года. Принимались все меры к 31 декабря внести государственные подати безнедоимочно. Недоимщиков сгоняли в сельское управление, попросту в «общество», и держали до тех пор, пока они не уплачивали состоящей за ними суммы податных сборов. Вот приезжает в «общество» Петр Иванович — Шмон Шлифованный. Торжественно надевает должностной значок на грудь и приступает «ко взысканию податей». Сельский писарь по книге (податная тетрадь) называет недоимщика и сумму состоящего за ним долга. Петр Иванович, небольшого роста, как петух налетает на недоимщика, и не успеет тот сообразить, как Петр Иванович сдергивает с его ноги валенок и, ударяя валенком по голове недоимщика, кричит: «Не ходи по земле, летай по воздуху. Деньгам быть!» Если недоимщик протестовал или обращался с просьбой о защите к сельскому писарю Василию Кельсиевичу Кожевникову, то тот, достав старое «Общее положение о крестьянах», обычно на это отвечал: «На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою написано: «Быть по сему». И бедный мужичок после этого умолкал.

Оскорбление в то время сельского старосты или помощника старшины при исполнении служебных обязанностей было подсудно или мировому судье, или просто волостному суду, смотря по тому, был ли в это время «в знаке» оскорбленный или без знака. Если знак был на груди, то оскорбителя судил мировой судья, если знака не было, то дело подлежало просто волостному судье. Мирового суда в то время население боялось, а волостной суд ставили ни во что.

В 90-х годах в д. Метлино был деревенский адвокат Павел Иванович Ядрихинский, человек совершенно спившийся и не брезговавший никакими приемами в ведении крестьянских тяжёбных дел. Петр Иванович — Шмон Шлифованный не любил этого адвоката, а последний платил ему не меньшей монетой. У Павла Ивановича Ядрихинского было в характере, когда он был пьян, обязательно явиться в волостное правление и там пофилософствовать, что он — человек начитанный, чуть не с университетским образованием (хотя окончил всего курс уездного училища), и не чета

какому-нибудь. Дальше дело уже переходило на личности, и больше всего на Шмона Шлифованного. Петр Иванович, не ожидая, что расхваставшийся адвокат оскорбит его, вскипает и подскакивает к Ядрихинскому, забыв нацепить на грудь значок, спрашивает его, кто перед ним. Ядрихинский, видя, что Лопаткин без знака, громко и ядовито заявляет, что перед ним Шмон Шлифованный. Петр Иванович от гнева весь трясется, бьет себя в грудь и наконец додумывается, что нужно надеть значок. Вот он в значке — и опять налетает на Ядрихинского с вопросом: «А ныне кто?» Тот невозмутимо отвечает: «Петр Иванович Лопаткин, господин помощник старшины». Петр Иванович самодовольно кричит: «То-то, ну, оскорби, попробуй!»

В волостном правлении висели старые большие часы, наподобие церковных. Гири были подвешены на веревках. Часами этими заведовал исключительно Петр Иванович — Шмон Шлифованный и ревниво их оберегал от всех, не давая ни заводить, ни подводить время, если часы отставали или останавливались.

Мальчики, служившие писцами в волостном правлении, с этими часами и с Петром Ивановичем делали следующие курьезы. Если они видели, что Петр Иванович шел из города «с мухой» (из окон волостного правления дорога из г. Сольвычегодска была видна чуть не за полверсты), то сейчас же, до прихода его в правление, выдергивали из циферблата гвоздики и перевертывали его на стрелочной оси вниз цифрой XII. Петр Иванович торжественно заходил в комнату, где висели часы и где была канцелярия, и садился против них за стол. Пооблизываясь, как кот, он переводил взгляд на свои любимые часы. Вдруг на лице его делалось недоумение и ужас. Он вставал со стула и, разведя руки и растопырив пальцы, всегда обычно задавал такой вопрос: «Растак твою не мать, много ли это тут времени?!» Если кто из мальчиков не мог утерпеть и начинал смеяться, Петр Иванович сразу же накидывался на него и начиналась потасовка за волосы. Обычно же после этого возгласа все мальчики старались удрать вон, крича: «Шмон Шлифованный!»

Читатель невольно задаст вопрос, почему же выбирала волость такого чудака на должность помощника старшины подряд по несколько трехлетних. Не следует забывать, что это происходило в 80-х и 90-х годах XIX столетия. Грамотных в деревне почти не было, не считая подрастающей молодежи. Земские училища были редко. Кроме того, на волостные сходы собирались десятидворные (вроде нынешних депутатов съезда) — все старики или пожилые и, в преобладающем большинстве, люди неграмотные. Молодежи старики не верили и всегда стремились выбрать кого-либо из зажиточных и даже богатых мужичков, считая их хозяйственными и поэтому могущими свою хозяйственность перенести на работу в волости. Но в большинстве случаев чаяния десятидворных разлетались как дым. Выбранный волостной старшина или его помощник, упившись властью, начинали пьянствовать, и благодаря этому домашнее его хозяйство начинало падать. Чтобы поправить дела, некоторые старшины запускали руки в мирской сундук — и обычно кончали свою карьеру в исправитель-

ных арестантских отделениях. Не избежал этой участи и старик Лопаткин — Шмон Шлифованный. За подложное засвидетельствование сделки о продаже одной крестьянской избы соседу он угодил в арестантское исправительное отделение на три года и вскоре по отбытии наказания, в 1896 году, умер.

Невольно хочется закончить все деяния упоминаемых в моем рассказе должностных лиц словами Пушкина в «Полтаве», перефразировав их так:

Прошло сто лет — и что ж осталось
От бесчестных, подлых сих людей,
Столь полных преступной волею страстей?
Их поколение миновалось,
И с ним исчез кроваво-слезный след
Насилий, бесправия и бед...

27 октября 1924 г., д. Гусиха

Н. И. Чукичев*

Яренские помещики-землевладельцы**

Крестьянские хозяйства у нас на Севере всегда страдали от малоземелья. Своими силами старались увеличить площади, брали от крестьянского общества распашки и причести, то есть места более высокие и заросшие лесом разделявали под пашни, а низкие, заболоченные и затопляемые, — под сенокосы.

Труд был титанический. Надо было лес вырубить, выкорчевать пни, работали над распашкой годами. Не меньше труда требовалось и при подготовке сенокосов, если одной семье эта работа была не под силу, объединялись и две, и три семьи и делали общий сенокос.

По-другому жили и вели свои хозяйства крупные землевладельцы. Из числа наиболее видных назову: Лукич, Ешкилевы, Новоселовы, Орловы, Фофановы, Кызродевы, Хлызовы. В их владениях были самые лучшие пахотные и сенокосные земли, занимавшие большие и ровные массивы.

Владения Лукича простирались от села Богослово до Большого Казлука по Вычегде. Кто такой был Лукич, сказать не могу, хотя до революции и в Яренске, и в окрестных деревнях фамилия эта звучала очень часто.

* Николай Иванович Чукичев (ум. в 1970 г.) — учитель яренской школы.

** Публикуется по изданию: Еренский городок: Краеведческий альманах. Яренск, 1999. Вып. 1. С. 55—56.

Н. И. Чукичев

*Миша Летяев — первый пионервожатый**

Вблизи Яренска, посредине городского луга, стоит ничем не заметная маленькая деревушка Матлуг. И название то ей дано еще древними обитателями этого края коми-зырянами. Матлуг — матын луг — переводится как «близ луга». И на самом деле, от Яренска какая-нибудь верста и немногим более километра. Взглянешь из Яренска, от музея, и деревушка эта будет торчать перед глазами. И что бросается в первую очередь — это матлугские березы, а чуть подальше и самые матлугские дома покажутся.

Кто посадил эти березы, целую небольшую рощицу, никто из стариков не помнит, но они являются украшением городского луга. Городской луг, луг около Яренска — а Яренск был когда-то городом, — самый большой луг, выгон для скота. На нем и раньше гулял скот яренских жителей и жителей из окрестных деревень: Софроновской, Юргина, Борок, Матлуга, Богослова и других деревень. Каждую весну городской луг заливают водой. И скот на нем дает больше молока, чем на лесных выпасах с лесными травами. Это хорошо знают жители Яренска и деревень.

На городском лугу раньше помещалось солдатское стрельбище, когда в Яренске стояла конвойная команда и шло обучение солдат и ратников ополчения. На лугу был сделан вал для задержки пуль и вырыта яма — убежище от пуль. Теперь этот земляной вал и это убежище сравнено с землей, а стрельбище было перенесено в лес к речке Кишерке, где сейчас аэродром.

Городской луг не раз спасал жителей Яренска от голода в годы войн и лихолетья. Здесь обширные площади луга распахивались или просто вскапывались железными лопатами и засаживались картофелем, а ведь картофель — замена хлебу. Землю никто не отводил, а каждое учреждение облюбовывало для себя клочок земли и коллективно засаживало картофелем, где верхушками, а где и просто картофельными очистками. Все эти участки огораживались новой разборной изгородью, чтобы не топтал скот. А осенью получали неплохой урожай, т. к. почва здесь иловатая, плодородная. Осенью изгородь снимали и увозили в незатопляемое место.

В доколхозное время деревенские жители совместно выбирали участок на лугу, распахивали каждый для себя площадку и сеяли репу. Огораживали всем обществом. А осенью в один день — Богородицын день, 8 сентября по старому стилю, — рвали репу все одновременно и увозили по домам. Это было общее репище. Из репы в крестьянских хозяйствах варили похлебку с дрожжами и делали паренки, что считалось лакомством для детей.

Были на городском лугу и крестьянские засева льна. Это было общее льнище. Но и тут у каждого хозяина своя поляночка в общем льнище. Лен в хозяйствах обрабатывался до кудели, а из нее пряли нитки, из них ткали холсты, белили и шили нижнее белье и даже верхние штаны и ру-

* Публикуется по изданию: Еренский городок: Краеведческий альманах. Яренск, 1999. Вып. 2. С. 81—91.

бахи, а также двоелишные и троелишные сарафаны, т. е. покрашенные в двойную и тройную краски.

Городской луг — это обширная территория, обрабатывалась в результате работы многих рек и речек. Здесь поработали и Вычегда, и Яреньга, и Кижмола. На городском лугу еще и теперь заметны остатки этих рек-старин.

Посреди городского луга стоит Старый городок. Да, здесь действительно был городок, и никакой другой, а сам Яренск. Это остатки того места, где стоял древний городок Еренск. Высота его стоит почти на уровне окружающих возвышенностей: Микшиной Горы и Черепановки. Словом, это не что иное, как «осталец» — остаток бывшего высокого места.

Некоторые умные головы, в том числе Н. А. Голенев, считают, что Старый городок — это холм, который насыпан яренцами по какому-то особому событию. На самом же деле по рельефу местности видно, что этот высокий холм уцелел потому, что бурно шумящие реки отступили, выбрали русло подальше от этого холма. С юго-востока подходила Вычегда и оставила очень глубокое озеро с обрывом к воде у городка. С юга и запада — такие же озера-старицы рек Яреньги и Кижмолы. Видно, как близко эти реки подходили к этому месту, размывая его берега и угрожая старому Яренску. Жители Яренска заметили это и намерены были переселиться на другое, более безопасное место. Старики говорили, что даже бросили жребий, куда переселиться: за Кижмолу-реку или за Шиесский бор. Но во время весеннего разлива река так начала разрушать место, где стоял Яренск, что в спешном порядке пришлось переселяться в ближайшее место — за Кижмолу, а не за Шиесский бор, куда выпал жребий.

Курганы насыпались на юге России, где скоплялись в виде войск десятки и сотни тысяч людей. У нас же в Яренске в то время и одной тысячи жителей не было.

А Старый городок действительно, как высокий курган, возвышается над городским лугом и над всей этой котловиной под Яренском, под Софроновской, под Лантышем, куда сходятся множество больших и малых рек и речушек, несущих свои воды, в конце концов, в Вычегду. В эту котловину стекают Яреньга, Кижмола с Кишеркой, Малая Кижмола, Ертом и Шиес. Во время половодья вся эта котловина бывает залита водой на десятки километров шириной.

Но вернемся к маленькой деревушке Матлуг. Она выстроилась на небольшом возвышении городского луга, по краю старицы реки Яреньги, превратившейся против Матлуга в топкое осоковое болото. А дальше в сторону Вычегды тянется цепью озер, проходит мимо Старого городка и высокого берега Заречья и заканчивается болотом и протокой у самой Вычегды.

Настанет весенний разлив — и все домики на Матлуге будут стоять в воде. На север от Матлуга раскинулись поля, которые тоже затопляет в самые большие воды, и все посева на них гибнут. Но зато в малые воды они дают обильные урожаи, так как почва на них суглинистая, иловистая, урожайная.

Сразу за полями начинается небольшой лесок под названием Дубрава, хотя в нем ни одного дуба нет, а растут в нем ели, осины, березы, ивы,

ольхи, черемухи и другие деревья. В старину в нем росли огромные ели и сосны, из них возводили дома и делали полы. На Юргине и до сих пор сохранились половицы шириною около полуметра.

Вот здесь, в маленькой деревушке Матлуг, и родился парень Миша Летяев, который был первым пионервожатым в Яренске.

Бабушка у него была монахиней, но как-то ей удалось вырваться на родину, в Матлуг. Понравился ей сын мельника Михаил Летяев, вышла за него замуж. Старшей дочерью у них и была мать Миши Летяева Александра Михайловна, или, как ее называли, Оля Мельнишная.

Мать ее, бывшая монашка, была слабая здоровьем, непривычная к крестьянскому труду, надорвалась и умерла. Умер и отец. Оля была старшая в семье и должна была растить своих младших двух сестер и брата.

Она была энергичной девушкой, не убоилась вести и крестьянское хозяйство. В праздничные дни, а особенно в Десятую, не прочь была и нарядиться по-праздничному. Десятая — это местный праздник всех людей, живущих по реке Яреньге, Богословского прихода, центром которого было село Богослово. Это была десятая по счету пятница от христианского праздника Пасхи.

Это был свой престольный праздник у Богослова. Там, в церкви, был престол в честь Прасковьи Пятницы. Вот туда, к Богослову, и собирались все окрестные жители, чтобы помолиться в церкви, погостить у близких родственников, а после обеда сходить на луг к Паладину.

В сарафане с кумачевыми нашивками по подолу, в вышитой крестом белой полотняной рубашке, в красной шелковой косынке и в башмаках с резинкой Александра казалась писаной красавицей.

После того как поп Иван богословский отслужил обедню в честь Прасковьи Пятницы, после того как гости побывают у своих близких родственников, выпьют в честь праздника, — из всех окрестных деревень красиво наряженные гости собираются в деревне Паладино «луговать»: песни петь, хороводы водить на лугу среди паладинских берез. Первыми начинали водить хоровод горластые паладинские бабы, к ним присоединялись девушки, парни и даже пожилые и совсем старые люди, любители попеть и поплясать. Пели старинные русские песни с приплясом. Парни с большим азартом завивали круги и плясали до упаду.

Не отставала от них в общем веселье и Александра. Да и как было не притопнуть каблучками, когда хоровод из сотен голосов запоет плясовую, хватающую за душу песню: «Как на нашей на сторонке хорош хмель родился. Как из этого-то хмелю наварю я пива, пива молодого, пьяного, хмельного...». Или такую озорную песню: «Все наши ребятушки с ученица идут...», или «Алы цветики упали, некому поднять. Мне-ка надобно сходити до зелена луга, мне-ка надо повидати сердечного друга, мне-ка надобно позвати к себе ночевати...».

Когда она вышла замуж за Алексея Тырина, у нее уже был сын Михаил Летяев. Тырин был ремесленником, он был хорошим слесарем, паял, лудил, был хорошим обойщиком.

В Яренске жил еще один Тырин, звали его Павел. Брат ли он был Алексея Тырина или другой какой родственник, сказать не могу, но прославился он тем, что при царе делал фальшивые серебряные рубли.

Работу эту он проводил в компании с лантышским слесарем-лудильщиком Александром Просужих. Они нашли потайное место в кладбищенской церкви, где кладбищенским сторожем жил незадачливый мужичонко из деревни Юргино, Иван Чувашев по прозвищу Бурдач.

Сторожка была в самой церкви, вот тут и была их мастерская. Они выгравировали форму для отливки царского серебряного рубля и отливали рубли из олова. А в старое время на рубль можно было купить два пуда муки.

Павел Тырин и Александр Просужих были большими умельцами, но участь у них была незавидной: их обоих отправили в Сибирь на каторгу.

По окончании мужского приходского училища Мишу направили учиться в высшее начальное училище в Яренске. После Октябрьской революции из высшего начального училища и женской прогимназии была организована в Яренске школа второй ступени, где впервые в нашей стране стали совместно учиться мальчики и девочки.

В 1921 году на базе школы второй ступени организовался Яренский педтехникум, Миша Летяев стал его студентом. При педтехникуме было организовано учебное хозяйство в Чираловке, тут Миша работал в летние каникулы, зарабатывая себе на пропитание.

Помимо учебы он был большой активист и в общественной работе. Группой студентов издавался рукописный журнал «Струйка», благодаря художественным способностям Миши он был красиво оформлен. Выходил ежемесячно. Принимал участие в постановках в яренском клубе. Мы с ним разыгрывали пьесу «Религия мужика и буржуя», Миша превосходно разыграл роль буржуя.

Из газет того времени Миша узнал, что в Советской стране появилось новое детское движение, которым взялся руководить комсомол. Он сразу подхватил это новое, подумал и первый раз в Яренске, примерно в 1923 году, собрал ребят-мальчиков, сформировал из них пионерский отряд и начал проводить с ними работу.

Я впервые увидел в яренском клубе, как проводил Миша игры с пионерами. Он очень умело их заинтересовывал различными играми. Пионеры дружно скакали, прыгали лягушками, проделывали гимнастические упражнения.

В числе первых пионеров, которыми руководил Миша Летяев, были Антонина Николаевна Чукичёва, Анна Дмитриевна Пятиева, Клавдия Немчикова и другие. Рассказывает Антонина Николаевна Чукичёва:

«Мы почему-то звали его дядей Мишей. Пионерская работа нас очень увлекала. Для пионеров Миша Летяев организовал первый тогда пионерский клуб, который помещался там, где была «богодельня» для старух (теперь общежитие средней школы, вверху). Наш отряд, не помню его название, делился на звенья по пять-шесть человек. Наше звено, где я была, называлось «Смычка». В клубе у нас каждое звено выпускало свою стенную газету на злобу дня, ее мы хорошо оформляли, и она выглядела у нас всегда изящно. Эту газету мы вывешивали не только в пионерском клубе, но и выносили на улицу для обозрения жителям Яренска.

Мы сначала были записаны в пионеры, а потом проходило посвящение нас в пионеры. Это проходило при торжественной обстановке на берегу

речки Кишерки, у старой мельницы. Это было то место, где политические ссыльные проводили маевки. Там мы выстраивались с пионерским знаменем, с барабанами и давали клятву «служить делу Ленина и пролетарской революции». После посвящения в пионеры мы играли, скакали с крутого берега и пели песни.

Но всех больше запомнились мне наши походы на природу. Стройными рядами, с пионерским знаменем и под бой барабана дружно шагали мы. Я помню хорошо, как мы ходили походом в Тукму, где лагерем оставались на берегу реки Яреньги. Тут, на берегу Яреньги, была мачтовая роща из лиственниц. Она была здесь организована по приказу Петра Первого и сохранилась до сих пор. Здесь и был устроен пионерский лагерь.

Под лиственницами были сделаны шалаши из веток ивы и ольхи. При лагере утвердили большой шест, и на него было поднято пионерское знамя. Изнуренные походом, мы спали как убитые. И ночью ж пионерское знамя исчезло, и в лагере была поднята тревога. На рассвете все были подняты на ноги и двумя отрядами направились искать украденное кем-то знамя. Знамя найдено! Как приятно было потом есть кашу на воде и картошку в мундире!

Днем пионеры помогали тукминским жителям по хозяйству, особенно престарелым, жители были очень рады приходу пионерского отряда.

Таких походов было несколько, и каждый раз оставалось много воспоминаний. Ходили в походы даже за реку Вычегду, на пески и в другие места. В летние каникулы пионерским отрядом была подготовлена постановка, и играли ее в клубе своими силами».

Яренский педагогический техникум в 1924 году делал второй выпуск. Среди студентов, окончивших его, был и Миша Летяев. В том же году Яренский педтехникум перевели в Великий Устюг, а вместо него в Яренске была открыта Школа рабочей молодежи. Вот туда, как наиболее активного учителя-комсомольца, Мишу и пригласили работать.

Вот что писала мне бывшая его ученица А. С. Потапова из Суходола: «Я от души рада, что такой прекрасный человек, каким был Миша Летяев, не забыт. Через всю жизнь я пронесла о нем самые хорошие воспоминания. Он был нашим преподавателем в ШРМ, но по возрасту был лишь немногим старше нас. Мы всегда называли его просто Миша, даже не знали отчества. Осенью 1927 года он уехал на учебу в Ленинград в медицинский институт. Трогательным было наше расставание со школой, с преподавателями. Ребята сочинили грустную прощальную песню. Помню, в этой песне был один куплет:

Прощай и ты, наш друг Летяев,
Ты очень близок к нам уж был...

В последний раз я встретила Мишу, когда он приезжал на практику в яренскую больницу в 1930 году. Он был все таким же внимательным, вежливым, простым. Это был его последний приезд в Яренск.

Но я знала о его дальнейшей судьбе. Его направили работать на Дальний Восток военным врачом на флот. В 1937 году группе врачей Тихоокеанского флота было предъявлено необоснованное обвинение. Миша был морально подавлен, он не выдержал тюремного режима и умер в заключении».

Н. И. Чукичев

Дед Егорыч и его семья*

Стремительно катит свои воды могучая река Яреньга. В ее водах отражаются сосновые, еловые и лиственные леса. Более трех сотен километров протекает она среди красных глин и белых кварцевых песков, много больших и малых притоков принимает она в свое материнское ложе, от них она ширится, делается все многоводнее и могущественнее.

По берегам ее то тут, то там стоят охотничьи избышки, в них охотники из Тохты и Чёрвы проводят весь осенний сезон охоты. Раньше в Яреньге лов рыбы не запрещался, ловили больше всего в озерах, старицах. Стреляли глухарей, тетеревов себе на пропитание, рябчиков для продажи на ярмарке в Яренске и Лене. Много добывали и пушного зверя, особенно белки. Попадало всякого зверя, особенно белки, изредка куница, хищная рысь, кровожадная россомаха, а то и мишка-медведь попадетса под выстрел удачливого охотника.

Много деревень и сел были расположены по берегу Яреньги, но больше всего в нижнем ее течении. В хороший солнечный день островком среди лесов и полей вырисовывается небольшая деревушка Бузда. В народе ее зовут просто Пустая, кучей домов безо всякого порядка возвышается она среди зелени лугов и полей.

На юг от самой деревни ровной степью простираются осколковские поля, засеянные то рожью, то ячменем. С севера — осоковское болото: Яреньга давно ушла от деревни, и теперь Бузда стоит на берегу заросшей осокой старицей. С востока тянутся крестьянские поля, вплоть до высокого соснового бора, который так и называется — Высокий. Проселочная дорога тянется вдоль полей и болота и заходит на бор. Туда, на бор, и за дровами можно съездить, а под осень сходить и наломать белых грибов, которые растут в этих местах в изобилии. На запад тоже тянутся крестьянские поля, а по краю их идет трактовая дорога из Яренска на Тохту и Чёрву.

Среди домов деревни Бузды в старое время выделялся не столько большой, сколько длинный, с двумя жилыми концами, дом Николая Егоровича Епова, по прозвищу Мокина. Николай Егорович, или, как все соседи звали его, Егорыч, был рядовым крестьянином, землепашцем и ничем особенным не выделялся из других крестьянских семей, разве что он был хорошим мастером по дереву, столяром и даже токарем по дереву на простом примитивном станке. Он держал «под повитью» одну рабочую лошадь и одну-две коровы и, может быть, пять-шесть овец, как и каждый крестьянин той деревни.

В подвале его дома, в голбце, стоял верстак своего изделия и худенький токарный станок, здесь его рабочее место в свободное от крестьянского труда время. Единственное окно на улицу освещало его мастерскую. Дед

* Публикуется по изданию: Еренский городок: Краеведческий альманах. Яренск, 1999. Вып. 2. С. 95—112.

Егорыч любил спускаться в свой подвал и подолгу копался там, выдумывая, какую бы замысловатую вещь сделать из дерева, да такую, чтобы все ахнули от восторга.

В длинной белой холщовой рубахе, опоясанной ремнем, он походил на какого-то ветхозаветного апостола. Длинные седые уже волосы он не стриг, а повязывал ремешком, чтобы они не лезли в глаза. Он был вдов, но чувство молодости долго не покидало его. Даже слышно было, что к нему в мастерскую частенько похаживала соседка — вдова Хавронья. «Пора бы остепениться Егорычу, — поговаривали соседи, — ведь как-никак у него уже три дочери на выданье — Екатерина, Ольга и Александра — да три сына. Сыновья уже выросли такими, что пора их женить, сноху в дом приводить».

Трактовая дорога на Яренск из Тохты шла прямо под окнами Егорыча. Не прочь проезжие были зайти в мастерскую, посмотреть его работу, а может, и заказать сделать раму или какую другую вещь. Егорыч охотно принимал посетителей, любил поговорить, а вот от предложения покурить с ним махорочки категорически отказывался, он не курил всю свою жизнь. А вот от водки не отказывался, он пил ее по рюмочкам, и то лишь только на свадьбах и в другие торжественные дни. Больше всего ему нравилось деревенское пиво своей варки. В деревнях в то время строились деревянные пивоварни с широким раструбом наверху для выхода дыма. Внизу раскладывали костер. Над костром висел большой медный котел на двух медных крючьях, которые цеплялись за железную перекладину, укрепленную на вращающемся столбе. Благодаря такому приспособлению котел легко можно было поворачивать над костром. Если котел вскипел, его легко можно было отвести в сторону.

Был Егорыч исправным крестьянином: настанет теплая погода после лютой зимы — готов день и ночь работать в поле, на лугу. И конь у него был откормленный, и деревянная соха всегда в исправности, и борону с деревянными зубьями он смастерит такую легкую да боронистую, что любой сосед позавидует.

И сынов своих, Ивана, Михаила и Афанасия, старался к крестьянскому труду приучить, и дочери ни в поле с серпом, ни на пожне с граблями никому в работе не уступали.

Любил своих дочерей Егорыч, не скупился им на наряды. А выучить грамоте так и не мог, так и остались они неграмотными. Раньше крестьянских девок родители в школу не отпускали: недосуг им было, надо было всю зиму прясть, ткать холст. Семья каждый год сеяла лен на земле из-под дерна, чтобы сорняки не одолевали.

Расцветает лен голубыми цветочками, детскими глазками. Скоро на льну созреют головки, пожелтеют, тогда пора лен рвать и увязывать его в снопики. Снопики укладывают в небольшие кучи и дают просохнуть. Просохший лен пропускают через деревянные грабли и отделяют головки с семенами от льна. Оставшийся лен-тресту расстилают на ровных открытых местах — стлищах. Лен здесь мочат дожди, высушивает солнце и ветер. Грубая часть тресты гнивает, делается ломкой, а волокно льна остается.

Убрать лен со стлища надо вовремя. Девушки время от времени берут «опыток» и пробуют его обработать, он и покажет, когда надо снимать лен. Улежалый лен высушивают в бане, мнут на мялке, треплют деревянным трепалом и чешут специальной щетью. Он делается белым, серебристым, и тогда его называют куделей.

Время трепания льна девушки проводят весело. Они собираются весело в одной чьей-либо бане, пыль стоит коромыслом, но им хоть бы что: смеются, песни поют. Особенно весело проходит время, когда на трепание приходят парни.

Из песен обязательно пели:

Посеяли девки лен, девки лен.
 То ли, се ли, ну ли, што ли,
 Говорят, что девки лен.
 Белы ручки кололи, кололи.
 То ли, се ли, ну ли, што ли...
 Пели и другие песни:
 Ой, молодо-ет парень, холосто-ет,
 Во чистом поле гулял,
 Да много травоньки
 Парень примял,
 Да все цветочки сощипал...

Наступала зима, девушки садятся за пряжу. Все прядут простой «пшеничной» прялкой, а старшей, Катерине, отец сделал самопрялку. Целыми днями и вечерами девушки тянут из кудели длинные тонкие нити и наматывают их на веретена. С веретен сматывают на мотовила и хранят мотами. По ним и считают: кто сколько мотов напярл за зиму.

Во время пряжи зимой девушки тоже не дают себе скучать, собираются с прядением вместе со всей деревни на посиделки то в один, то в другой дом и сидят целый вечер, прядут. И тоже поют:

Ой вы девки, вы девушки,
 Голубиные семена,
 Вас не много посеяно,
 Много вас уродилось...
 Или другую песню:
 Кого нету, того жаль.
 Уезжает милый вдаль,
 Уезжает-то милый, оставляет
 Да одни ласковы слова,
 На прощанице миленький оставил
 Да с ручки перстень золотой...

Парни, заслышав песни, тянутся на посиделки. Весело проходят зимние вечера, да и работа не стоит, двигается вперед.

Перед весной, когда день станет длиннее и в избе светлее, девушки в избе устанавливают сновалки. На них из мотов делают основу для будущего холста. Нити-основу лотом навивают на сволок, продевают сквозь берда. Так устанавливают кросна, ткацкий станок, за него садится старшая,

Катерина, а младшие сестры учатся у нее и помогают навивать с тюрика нитки для челнока.

Девушки не только ткали один холст, но и делали красивые узоры с красной ниткой, бумагой, эти узоры потом нашивали себе на рукава, на воротник. «Брали» полотенца с петухами и другими рисунками, такие браные полотенца готовили себе в приданое и на дары жениху и его родственникам. Некоторые старинные брани и полотенца настолько были хороши, что и теперь могут служить украшением любого музея.

Вечерами в субботу и воскресенье, когда считалось грехом прясть и ткать, девушки садились вышивать и вязать кружева, которые тоже пришивались к полотенцам. Чем больше у девушки было наткано холста и полотенца, тем она считалась лучшей работницей и богатой невестой.

С таянием снега суровые холсты и полотенца вымачивали в горячем щелоке и выстилали на снег. Пролежит холст неделю или две и делается белым, как снег. Его прополаскивают, просушивают и прокатывают на балках. Холст делается белым и мягким. Теперь можно отцу и братьям рубашки сшить, да и себя не забыть. Для сарафанов холст отдают красить специалисту-красильщику, он окрасит холст в две краски: синюю и желтую — или в три: синюю, желтую и красную. Из первого сестры сошьют себе двоелишние, а из второго — троелишние сарафаны да по подолу нашьют кумачовые полоски для красы.

Три сестры были погодки. Они всегда были вместе: вместе работали, вместе и гуляли. Ждут не дождутся сестры Троицына дня, когда природа начинает оживать, оденутся в рубашки с браными рукавами, наденут наверх троелишний сарафан, головы украсят красными шелковыми одирками (косынками) и идут гулять в поле, к Яренье, в листовяк. Так называли листовенничную рощу, которая начиналась где-то у Заозерья. Эта чудесная роща сохранилась со времен Петра Первого, который приказал во многих местах хранить листовенницы для строящихся деревянных кораблей.

Старшую из сестер, Катерину, просватали в далекую деревню Лантыш за Ивана Михайловича Чукичева. Эту деревню в округе считали самой красивой и самой веселой, стояла она на тракте, около Яренска и пристани. Екатерина пришла к мужу в дымную избу с маленькими окнами. Старики считали, что в такой избе теплее. Строилась она по примеру дымных охотничьих избушек и бань, где дым из каменки выходит через оконце сверху у потолка, которое закрывается задвижным ставеньком-дымником.

Все семейство Михаила Чукичева в деревне называли Олехиными, по деду. Было у них еще одно прозвище — Статуи. Такое прозвище было дано недаром: были они толстодумы, от которых не сразу дождешься ответа, стоят, как статуи, думают.

Муж Катерине попался приветливый и грамотный, к нему даже по вечерам ходили лантышские подростки, он учил их грамоте. Пошли дети, в дедовской избе стало тесно, поставили новый дом. Окна в нем были большие, «колодные», как их называли в старину. Дед Егорыч вырезал и покрасил наличники на каждое окно, а их в доме было восемь.

Жить бы да жить Катерине с мужем и детьми в новом доме, да вспыхнула в Лантыше эпидемия сыпного тифа. В эти годы был в Яренске один

подлекарь на весь уезд, борьба с эпидемией была своеобразная: урядник запретил ходить из дома в дом, а сотским приказал даже ставить часовых — следить за этим.

Да разве усидишь, удержишься, чтобы не заскочить к соседу за горячим угольком для печи? Ведь спичек тогда в продаже не было, кто ухитрился, сохранил в печке горячий уголек, тот и затопил утром печку. Кто не сохранил, тому надо к соседу бежать. Вот почему тиф унес так много жизней в Лантыше. Катерина осталась вдовой с кучей ребятишек, самому младшему было полгода, а старшему — тринадцать лет.

Но руки не опустила, всех вырастила. Вот только выучить всех грамоте так и не удалось. Дочери Анна и Мария так и остались неграмотными. Ребята же все кончили мужское приходское училище в Яренске. Старшие Александр, Павел и Михаил поучились даже в уездном училище, а Михаил стал даже писарем. Только младшенький, Николай, окончил яренское городское училище и стал учителем. В младшеньком своем сыне Катерина души не чаяла, любила его больше всех, в гости к сестрам пойдет и его с собой берет. Зато и он в долгу не остался: поехал на Удору работать учителем и ее с собой взял. Так они и не расставались до самой смерти Катерины.

Вторая сестра была выдана за Андрея Федоровича Глотова в Глотовщину. Неказистый был мужичонка на работу, но жуликоватый и умел жить хоть и небогато, но весело. От отца ему даже избы не досталось, и жить пришлось первое время в бане. Поступил сторожем в каземат, где содержались арестованные, и все семейство сюда же, в Яренск, перевел жить, пока в Глотовщине не был дом построен. В Яренске он был лучшим извозчиком-лихачом. У него была заведена красивая серая лошадь, широкие санки для зимы, линейка для лета.

Прокатить ли кого из чиновничьей знати по городу в дни Масленицы с бубенцами и лентами или составить свадебный поезд — лучше Андрея Глотова не найдешь. Ну, зато и денег ему сыпали и поили на свадьбах допьяна.

Нелегко было Ольге растить трех сыновей и трех дочерей при таком муже. Дети все выучились, и большинство окончили не только приходское училище, но и яренское уездное, а впоследствии городское училище. Младшая, Катя, окончила пединститут.

Старший ее сын, Александр, работал писарем у яренского лесничего, служил лесником и объездчиком. Он побывал даже в Питере, узнал тяжелую жизнь рабочих. В Яренске он стал первым революционером, смело выдвинувшим лозунг «Долой самодержавие!», за что был сослан в Сибирь.

Средний сын, Андрей, был взят в старую царскую армию и погиб. Самый младший сын, Михаил, выучился на ветеринарного врача. Он переделал в Глотовщине отцовский дом, в нем Ольга Николаевна дожила до самой смерти. Но и умершую Михаил Андреевич тоже не забывает, он каждый год приезжает в Яренск из Устюга и бывает на ее могилке.

Старшую свою дочь, Анну, Ольга выдала, как и полагалось в то время: дала за ней в приданое корову, швейную машину, сто рублей денег,

сто аршин беленого холста и кое-что из одежды. Откуда все это добро? Она скапливала всю жизнь. Носила молоко в Яренск на продажу по три-четыре копейки за кринку, выпекала арестованным хлеб.

Третью дочь, Александру, Егорыч выдал в деревню Новую Роспашь, что рядом с Паладиной. Выдал за старого николаевского солдата Петра Михайловича Кобычева. Незавидный муж достался ей, но ничего не поделаешь. Всех детей — трех сыновей и дочь — выучили. Старший сын, Александр, остался дома помогать по хозяйству, средний, Павел, стал химиком и электромонтером, а младший, Николай, выучился на ветеринарного фельдшера. Дочь Елена уехала в Усть-Сысольск.

Так сложилась судьба трех дочерей Егорыча. Несладкая, незавидная, но куда денешься. Муж доставался не по любви: выдавали замуж — и перечить не смей. Соберутся, бывало, сестры в доме Ольги Гловой или Александры Кобычевой, погоруют, даже поплачут — и как будто легче станет.

Три сына росли у Егорыча наравне с дочерьми. Если дочерей он не посылал в школу, то сыновей постарался сделать грамотными.

Старший сын, Иван, три года проходил в яренское приходское училище. «Читать и писать научился, и довольно. Не в писари идти», — так рассуждали старики.

Иван увлекался столярным делом и был неплохим помощником отцу, на него же легла вся крестьянская работа. Любил Иван и пображничать, особенно на свадьбах. Любил попеть в компании, его любимой песней была «Ревела буря, дождь шумел», из-за чего его и прозвали Ермаком. Любил и посмеяться, обзовет на свадьбе кого-нибудь так, что все смеются. Так, родственнику из деревни Березник назвал однажды так: Березницкие Дровни.

Характерец у него был буйный. В припадке ярости он мог колом выбить стекла в окнах соседа. А утром, когда проснется, узнает, что наделал, берет ящик со стеклом, линейку, алмаз и идет к соседу извиняться и вставлять стекла.

Несмотря на это, отец его любил больше всех других сыновей и при разделе братьев остался жить с Иваном.

В семейной жизни ему не повезло: жена его, добрая, красивая, подарила ему трех дочерей и сына, а потом ее разбил паралич, и она лежала или сидела на протяжении пятнадцати лет. В делах дома мать заменили дочери — Анна, Мария и Елена. Когда пришла пора выдавать их замуж, Иван выдал старшую, Анну, в Лантыш, за урядника, Марию в Яренск за Королька, а младшую, Елену, в Березник за писаря. Всех выдал по своему усмотрению, а не по любви.

Сына своего, которого любил очень сильно, выучил не только в яренском городском училище, но и в Казани в строительном училище. Сын стал техником-строителем в Яренске. По его проекту была построена Киж-мольская ГЭС, которая в 1933 году дала первый ток.

Надо сказать, что гидроэлектростанция эта работает уже 35 лет без единой аварии. Жители Яренска помнят ее строительство, ведь строилась ГЭС всем миром, помнят ее руководителя, внука Егорыча, Александра Ивано-

вича Епова и его помощников в этом деле — Михаила Ивановича Зубова из Тохты, Михаила Петровича Рупасова и Василия Ивановича Масюрева из Тукмы. Станция эта строилась с 1925 по 1933 год.

Средний сын Егорыча был самый маленький ростом, слегка вяловатый. В школу он ходил вместе со всеми, отличался особым прилежанием, особенно к письму. Попал в земскую управу и, двигаясь по служебной лестнице, достиг высокого положения: он стал заведующим яренской земской почтой.

Помимо государственной до Октября работала земская почта. Она обслуживала те уголки уезда, куда не ходила государственная почта. Государственная почта проходила по тракту Яренск—Усть-Сысольск, а вот населенные пункты по рекам Выми, Мезени, Вашке ею не обслуживались. Все письма, посылки, газеты и журналы доходили только до Яренска. Не было и телеграфа. Вот эти заброшенные места и обслуживала земская почта.

Почта уходила из Яренска один раз в неделю, ее сопровождал один почтальон. Везли ее по земским станциям то на одной, то на двух парях лошадей. Путь ее шел из Яренска населенными пунктами до Айкина, а потом по Бутканскому волоку в 140 верст почта доходила до реки Мезени в Буткан. Оттуда — на Кослан и Разгорт, по Разгортскому волоку (40 верст) шла на реку Вашку в село Венденга. От него спускалась вниз по Вашке через села Ертом, Вашгорт и до границы с Архангельской областью. Затем возвращалась в Яренск тем же путем.

Ходила почта медленно, и за две недели она едва успевала вернуться в Яренск. К тому же были такие религиозные фанатики, как Павел Федосеевич Щёголев, который останавливал почту у каждой церкви, у каждой часовни и шел к ней молиться.

Впоследствии земство проложило новые пути для почты. Был сделан новый тракт от Чёрвы прямо на реку Лаптюгу и Вашку, длиной около 130 верст, это Чёрвинский тракт. Из Турьи на Выми сделан тракт прямо через реку Мезень в село Глотова, это Турьинский тракт, около 100 верст.

Вот этой земской почтой и заведовал один человек — Михаил Епов. Один, без всяких помощников, он записывал все пакеты, посылки.

Он не отказывался от крестьянского хозяйства, но в нем больше заправляла его жена. Помогали и дети — пять дочерей и сын.

Михаил Николаевич отличался от братьев большой скупостью. Отказывая себе во всем, скупясь на детей, он строил в Яренске двухэтажный, обшитый снаружи и даже с верандой, дом на Третьей улице (теперь улица Урицкого, дом 56). Построил, занял две-три комнаты, а в остальные пустил жильцов.

Когда началась война 1914—1918 годов, сберегательные кассы престали выдавать вклады. Это было большим ударом для Михаила Николаевича, который скопил к тому времени немалый капитал. Он не вынес такого удара и «рехнулся умом».

Не пошел по стопам отца и младший сын Егорыча, Афанасий. После окончания фельдшерской школы в Вологде он приехал работать в Яренск. Была в то время в Яренске больница на десять коек, врача не было, за него

работали фельдшеры Михаил Васильевич Голенев и Павел Константинович Журавлев.

Афанасий Николаевич был среднего роста, летом носил красивую соломенную шляпу. Он прихрамывал на одну ногу, поэтому всегда ходил с тростью.

Женился он на Юлии Павловне Клестовой, которая жила в деревне Курейной со своими родителями. Дом у них был большой, богатый, стоял на берегу Себентьевского озера, на тракте.

Когда в Лантыше открылась школа грамоты, Афанасий Николаевич привез туда проекционный, или, как его тогда называли, «волшебный», фонарь и показал народу картинки, поясняя их. Все это называлось воскресным чтением и проходило строго по разрешению местной полиции и под наблюдением урядника.

Позднее он переехал в Вологду.

Н. И. Чукичев

Яренские мельницы*

Еще не в столь отдаленном прошлом у нас на Севере для размола зерна применялись ручные мельницы. Они и до сих пор хранятся во многих крестьянских дворах. На ручной мельнице перетирают зерно на крупу или сухую черемуху. Но при нужде на таких мельницах размалывали и зерно на муку. Пусть не такая мелкая получалась мука, но все же из нее можно было выпекать хлебы. В неурожайные годы перетирали на них сухую еловую кору, которую добавляли к муке из ржи или ячменя. Добавляли к хлебу и картофель, и колос, истолченный в ступе. В урожайные годы из ржаной муки выпекали ковриги, а из смеси ржаной и ячневой муки выпекали плоские ярушники.

Я хочу рассказать о водяных мельницах, которые были вблизи Яренска. Об одних я слышал от стариков, на других бывал сам.

Старик Николай Васильевич Лукошников рассказывал, что первая водяная мельница была построена на Колычевском ручье, что рядом с хозяйственным магазином и детским садом. Она была построена, еще когда Яренск находился на Старом городке. Народу тогда было мало, хлебопашество только-только развивалось. Мало было и зерна, с размолом его эта мельница вполне справлялась.

Когда Яренск со Старого городка был перенесен на левый берег Кижмолы, пруд мельниц оказался посреди городка. Однажды случилось несчастье: в этом пруду утонул мальчик какого-то большого чиновника; воевода распорядился мельницу закрыть и всю воду из пруда выпустить.

Но зерно где-то надо было молоть. Никакого привозного хлеба тогда не было. Мельницу построили на другом ручье — речке Кишерке. Она просуществовала недолго. Мы с мамой ездили на эту мельницу из Лантыша, я ее хорошо помню. Плотина загораживала ручку, и вода выливалась через верх. Затем по особому лотку, сделанному немного в стороне, попадала на наливное колесо сверху. Вода попадала на одну сторону колеса, лопасти которого были сделаны наподобие ящичков. Под тяжестью этих ящичков колесо вращалось, вращая и один-единственный жернов. Сила воды на этой мельнице была большая. Вода с силой ударяла в лопасти колеса, которое в свою очередь вращало два жернова довольно больших размеров. Про такую мельницу говорили, что она «была о двух поставках».

Она была центральной на всю округу, как для Яренска, так и для всех окрестных деревень, кроме Тохты, там была своя мельница. Мельница работала и день и ночь, здесь всегда было многолюдно.

Я и на эту мельницу ездил еще мальчонкой с мамой. Она брала меня с собой для веселья, ведь от Яренска и до мельницы шел сплошной лес, а уезжать с мельницы приходилось иногда и ночью. Вот я и видел все мельничное хозяйство и ее хозяина. Мельником был довольно крупный

* Публикуется по изданию: Еренский городок: Краеведческий альманах. Яренск, 1999. Вып. 1. С. 45—54.

мужичок Лукошников по прозвищу Рашич. Так и говорили всегда, что надо съездить к Рашичу. Он имел большую семью, не меньше пяти сыновей, все они жили тут, на мельнице. Своими силами они производили ремонт, даже сами делали жернова. Со временем жернова снашивались, а иногда и раскалывались, а где взять новые? Жернова были большие, до полутора метров в диаметре. Мельники отыскивали в лесу огромные камни, порой затрачивая на это несколько дней. Сначала очищали его от растительности, окапывали вокруг, определяли, пригодный ли. Если пригоден, начинали обрабатывать его. Большею частью работу эту оставляли до зимы, до трескучих морозов. В определенном месте разводили огонь, накалив камень, огонь тушили. И так несколько раз, пока по нужному месту не пройдет трещина. А затем мельник превращался в каменотеса, ведь надо было придать камню вид жернова, сделать круглым, в середине продолбить отверстие.

Зимой же, по снегу, приготовленный жернов и вывозили. Для этого делали массивные сани, впрягали в них две, а то и три лошади гуськом и вывозили на ближайшую дорогу, а потом и до мельницы.

Это были водяные мельницы, а вот в Выемковке работала ветряная. Для выемковцев размол зерна на яренских мельницах был связан с немалыми трудностями попадать на мельницу на своих лошадях.

Построить водяную мельницу на речке Шиес, которая протекает по их стороне, невозможно, так как Шиес протекает вблизи Выемкова по низине и места, подходящего для создания пруда, нет. И тогда выемковские мужики решили построить ветряную мельницу у себя в селе.

И построили. Пользовались они этой мельницей несколько лет, пока однажды сильный ветер не только повредил сильно ветрянку, но и покалечил несколько человек, которые пытались отстоять мельницу.

В самом начале советской власти в Яренск был завезен дизельный двигатель и множество принадлежностей к нему: провода, лампочки, выключатели, люстры и все другое. Это все было дано городу из какого-то буржуйского особняка не то из Вологды, не то из Москвы. Не помню точно, в 1919 или в 1920 году Яренск получил электрическое освещение.

Почти одновременно с этим в Яренске в клубе имени Остапова начал работать кинематограф. Правда, работал он недолго, здание сгорело, погиб в огне и аппарат.

Сколько было радости у яренчан с появлением электрического освещения! В яренском педтехникуме в 1922 году был устроен вечер под названием «Море огня». Там в залах и классах горели люстры с разноцветными лампочками, и все комнаты были залиты электрическим светом. Это небывалое явление привлекло сюда многочисленную публику.

Дизель был установлен в каменном здании, бывшем магазине Чупраковых (ныне раймаг). Нашелся для него и дизелист, из Козьмина, и каждый вечер он пускал двигатель, тот вращал динамо-машину — и по Яренску лился электрический свет.

Вот в это время и пришла кому-то в голову мысль использовать электроэнергию в размальывании зерна. За каменной стеной чупраковского магазина, на дворе, была сделана временная деревянная постройка, где

и была оборудована мельница на электроэнергии. Жернова для нее были выписаны откуда-то из центра. Они были небольшого размера, до пятидесяти сантиметров в диаметре, и уже не из местного камня, а сделанные искусственно. На водяных мельницах их устанавливали горизонтально, а здесь они были установлены вертикально, вращение их было значительно быстрее.

На эту мельницу съезжались помольщики со всех окрестных деревень. Она перемалывала зерно в муку хоть и не так мелко, как на водяных мельницах, но все выпекать хлеба было можно. Работала мельница только по вечерам, когда давали свет, производительность ее была невелика. Да и дизельная работала с перебоями: то завести ее не могли, то работала, но лампочки помигивали. Да и на все электроэнергии не хватало, все окружающие Яренск деревни освещались керосиновыми лампами и даже лучиной.

В это время началось строительство на реке Кижмолы гидроэлектростанции. Строили ее и городские жители, напрягая все силы. В 1933 году строительство было окончено и Кижмольская ГЭС дала первый ток. Электрическую энергию получил не только Яренск, но и все окрестные деревни, даже Микшина Гора и Тохта.

У плотины станции, на левом берегу Кижмолы, была оборудована мельница с большими горизонтальными жерновами, как на водяных мельницах. Здесь в 40-е и 50-е годы перемалывалось крестьянское зерно. К этому времени водяные мельницы пришли в упадок. Мельница с электрическим размолотом зерна на ГЭС существует и в настоящее время, но бездействует, так как на ней нечего перемалывать.

Содержание

От составителей	3
---------------------------	---

Исследование.

Традиционная культура нижней Вычегды в XX в.

История заселения и формирования нижневыхегодской историко-культурной зоны (А. Н. Власов)	10
Занятия, быт и праздники вычегодского крестьянства (А. Н. Власов).	37
Особенности фольклорной культуры (А. Н. Власов, Е. А. Дорохова)	52
Музыкально-фольклорная традиция (Е. А. Дорохова)	60
Необрядовая лирика (А. Н. Власов)	85
Свадебный обряд (Е. А. Дорохова, З. Н. Мехреньгина)	129
Песенно-игровой фольклор (Т. С. Канева)	139
Некоторые языковые особенности вычегодских лирических и хороводно-игровых песен (Т. Н. Бунчук)	153
Заключение (А. Н. Власов, Е. А. Дорохова)	166

Напевы и тексты

I. Лирические необрядовые песни (А. Н. Власов, Е. А. Дорохова)	175
II. Свадебные песни (З. Н. Мехреньгина, Е. А. Дорохова)	363
III. Хороводно-игровые песни (Т. С. Канева, Е. А. Дорохова)	487

Комментарии

I. Лирические необрядовые песни	624
II. Свадебные песни	665
III. Хороводно-игровые песни	709

Указатели

Указатель сюжетов лирических песен (А. Н. Власов)	763
Указатель исполнителей (Е. А. Дорохова, Т. С. Канева)	800
Указатель мест записи (Е. А. Дорохова, Т. С. Канева)	806
Список сокращений	836

Приложение

Свадебный обряд на нижней Вычегде и Виледи (Е. А. Дорохова, З. Н. Мехреньгина)	845
Н. Н. Аруев. Крестьянские свадьбы в дореволюционное время около гор. Сольвычегодска	870
А. М. Лиханова, Б. А. Угрюмов. Ирта: крестьянский двор и коллективное хозяйство в первой половине XX века	882
Н. И. Голенин. Софроновка (История деревни)	891
Н. Н. Аруев. Минувшее	900
Н. И. Чукичев. Яренские помещики-землевладельцы	911
Миша Летяев — первый пионервожатый	912
Дед Егорыч и его семья	917
Яренские мельницы	925

Описание диска
**«Музыкально-поэтический фольклор
 нижней Вычегды»**

Лирические песни

1. Кусточки-ти да лавровые
2. Красива я девушкой была
3. Размолоденькие да вы молодчики
4. Цыганочка молодая, дай иголочку пошить
5. Да што-й-но вы, девушки, да все задумались
6. Полюбил молодец молоду молодку
7. Недозрелая да калинушка
8. Цыганочка молодая, непростая
9. Кого-то нету, того стало жаль

Свадебные песни

10. Ох вы, кумушки-голубушки
11. Я хожу с-по Сиянской горе
12. Уж вы соколы, соколы, соколы златокрылые
13. Во сыром да бору рожь-ячмень молочу
14. Летал сизый голубок
15. Все-те хороши за столом гости сидят

Хороводно-игровые песни

16. Да мы-то вечёр плакали
17. Из-под ёлки-то было, из-под жёрдки
18. Прилетел орёл, прилетел сизой
19. На пруду было, на меленке
20. Два-ти, два лужка не кошеваны
21. Я хожу, хожу кругом города
22. Из ворот было, воротичёк
23. Как у наших у ворот
24. Веселая голова, не ходи мимо сада
25. Ты не пой, соловей, при долине
26. Вдоль по бережку ходила-гуляла
27. Слетались галочки на лужок
28. Мы пшону сеяли
29. Я хожу, хожу кругом города
30. Пошла в тонец тонцевать
31. Виноградье красно-зелёное
32. Приговор дружки на свадьбе
33. Рекрутские частушки под гармонь
34. Частушечный наигрыш на балалайке
35. Краковяк (наигрыш на балалайке)

Село Кулига (Бердышиха) Сойгинского с/с Ленского района

(№№ 1, 2, 10, 11, 16—20)

Звукозаписи А. С. Кабанова, А. В. Медведева (1970).

Исполняли: В. С. Коршунова, Е. Ф. Коршунова, М. З. Саранцина, А. К. Черпанова, М. Ф. Чернышова.

Деревня Большой Остров Козьминского с/с Ленского района

(№№ 3, 34, 35)

Звукозаписи А. С. Кабанова, А. В. Медведева (1970).

Исполняли: В. В. Билькова, Е. О. Михалкина, А. Е. Бережных.

Деревня Бор Суходольского с/с Ленского района

(№№ 4, 12, 21—24)

Звукозаписи А. С. Кабанова, А. В. Медведева (1970).

Исполняли: О. В. Осколкова, А. П. Парыгина, А. П. Туркина.

Ленский Наволок: деревни Берег, 2-я Борисовская, Грёз, Ивановка, Лукинская Ленского с/с Ленского района

(№№ 5, 6, 25, 26)

Звукозаписи А. С. Кабанова, А. В. Медведева (1970).

Исполняли: А. А. Койнова, О. М. Селиванова, Е. Д. Тарасова, Е. Ф. Тарасова, М. Ф. Тарасова.

Деревня Устье Рябовского с/с Ленского района

(№№ 7—9, 13—15, 27—30)

Звукозаписи А. С. Кабанова, А. В. Медведева (1970).

Исполняли: Т. С. Задорина, Е. Г. Копнина, К. Е. Полуянова, М. С. Тарасова, Н. Н. Третьякова, К. Г. Шемшина.

Деревня Микшина Гора Сафроновского с/с Ленского района

(№ 31)

Звукозапись А. В. Медведева, В. Б. Сорокина (1971).

Исполняли: А. А. Жданова, Е. А. Кривошеина, М. А. Мингалёва.

Деревня Шадрино Сойгинского с/с Ленского района

(№ 33)

Звукозаписи Е. С. Кустовского, В. Б. Сорокина (1972).

Исполняли: Е. Г. Беляева, Е. Г. Екимова, А. Н. Екимова, П. А. Екимов, П. Н. Кибалин.

Деревня Наволок Павловского с/с Вилегодского района

(№ 32)

Звукозапись А. В. Медведева, В. М. Щурова (1959).

Исполнял А. Е. Блинов.

Оцифровка и реставрация звукозаписей, мастеринг диска выполнены звукоинженером Фонограммархива ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН А. В. Осиповым.

Научное издание

**Музыкально-поэтический фольклор
нижней Вычегды**
(Материалы к Своду русского фольклора)

Составление, подготовка текстов,
статьи и комментарии
А. Н. Власова, Е. А. Дороховой,
Т. С. Каневой, З. Н. Мехреньгиной

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской академии наук*

Редактор издательства А. С. Лобанова
Художник М. Ю. Клюкина
Технический редактор А. В. Осокин
Корректор О. Б. Маршкова

Подписано в печать 24.03.2014 г. Формат 70 × 100 1/16.
Гарнитура Georgia. Усл. печ. л. 76,8.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ № 00

Издательство «Пушкинский Дом»

Директор Е. И. Гончарова

199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4

Тел. (812) 715 49 11

Факс (812) 343 09 38

www.pushkindom.ru

e-mail: pushkindom2008@yandex.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ООО «Типография „Береста“»
196084, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, д. 28